Митрополит
ВЕНИАМИН (Федченков)

Отец ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

«Паломник»

СВ. ІОАННЪ КРОНШТАДТСКІЙ
ЕПИТРАХИЛЬ СВ. ПР. О. ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО

Митрополит
ВЕНИАМИН (Федченков)

Отец ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Паломникъ
2000 по Р. Х.

По благословению архиепископа
Тернопольского и Кременецкого Сергия

Составители:
А. К. Светозарский, Н. В. Светозарская
Редактор:
Н. В. Светозарская

Фотографии предоставлены
А. Н. Стрижевым, А. К. Светозарским

Книга митрополита Вениамина (Федченкова, 1880–1961) — плод его многолетних трудов — представляет собой наиболее полное на сегодняшний день исследование, посвященное жизни, деятельности и учению святого праведного Иоанна Кронштадтского († 1908). Книга включает в себя биографические материалы, воспоминания, систематически изложенное учение Кронштадтского праведника о важнейших вопросах христианской жизни, а также — размышления над страницами его дневника. Труд владыки Вениамина адресован самому широкому кругу читателей.

ISBN 5-87468-071-3

© Составление, публикация, предисловие, А. К. Светозарский, 2000
© Составление, подготовка текста Н. В. Светозарская, 2000
© Библиография, летопись, А. Н. Стрижев, 2000
© «Паломникъ», 2000

От составителя

Вернувшись на Родину после многолетних скитаний 18 февраля 1948 года, митрополит Вениамин (Федченков) приехал в Ленинград из Финляндии. В первый же день своего пребывания в городе на Неве посетил Иоанновский монастырь на Карповке, где он сорок лет тому назад вместе с тысячами православных провожал в «путь всея земли» великого подвижника Земли Русской, праведника и молитвенника отца Иоанна Кронштадтского. Вот как сам Владыка пишет об этом знаменательном для него событии на страницах своего дневника: «Были у о. И. Кроншт. (отца Иоанна Кронштадтского) — возле алтаря на снегу послужил; случайные богомолки умилились. Одна сказала: «Мы каждый день утром натощак ходим к батюшке» (к стенке). Я зашел к начальнику офицеру спросить о могиле. Он ответил полным незнанием. Был искренен. Все они стояли во время разговора». (Митрополит Вениамин (Федченков). «За Православие помилует меня Господь...» Дневниковые записи. Спб, 1998. С. 43.)

Серый питерский день. Скорее всего он был серым, как большинство дней в городе на Неве об эту пору. Набережная реки Карповки. Снежок на тротуаре возле, как тогда говорили, «бывших монастырских строений». Высокий величественного вида седобородый архиерей с добрым и одновременно строго сосредоточенным лицом начинает совершать заупокойную литию, стоя напротив окошка, ведущего в церковь-усыпальницу, куда «посторонним» нет доступа с 1923 года. Вскоре одинокое пение архиерея подхватывают две женщины, подошедшие к заветному, хорошо известному православным питерцам, окошку. Необычную картину наблюдают случайные прохожие, спешащие по своим делам...

Картина необычная даже для сорок восьмого года, который, по мнению современных исследователей отличался наиболее «тёплым» отношением властей к Церкви. А для владыки Вениамина — глубоко символическая и значимая. В первый день нового периода своей жизни, припадая к дорогой святыне, он обрел там, у стен обители на Карповке, ещё одно подтверждение мыслям, волновавшим его на протяжении всего четвертьвекового изгнанничества, он вновь и вновь, как и во дни своего первого визита в Советский Союз, состоявшегося в январе-феврале 1945 года, в период работы Поместного Собора Русской Православной Церкви, убедился в том, что вера в народе жива. Приступая к служению Церкви в новых условиях, столь непохожих на обстоятельства церковной жизни в старой России

и в странах русского рассеяния, он словно получает благословение и одобрение от глубоко чтимого им Кронштадтского подвижника. Осквернён и закрыт храм, в «узах и горьких работах» томятся насельницы обители, нет доступа к могиле праведника, но едва началась импровизированная лития, как слова надгробных гимнов подхватили «случайные богомолки». И это значит, что вера в народе жива, что по крайней мере часть горячо любимого владыкой русского народа эту веру сохранила и по-прежнему стремится к свету духовных маяков, к свету звёзд, сияющих на церковном небосклоне и отражающий благодатный свет Христов, просвещающий всех.

Это значит, что после падения внешних стен, Господь по-прежнему обитает в сердцах человеческих, хранящих огонь веры.

Встречи, которые посылает нам Бог на нашем жизненном пути, неслучайны. Они нужны и нам, и тем, с кем сводит нас Господь на стезях наших земных странствований.

Каждый из нас связан с современниками незримыми нитями, но далеко не каждому из нас ниспослан особый дар осмысления «случайных» встреч; далеко не каждый способен извлекать из общения с людьми нечто полезное для себя, единое на потребу. За свою долгую и, как нам кажется, очень интересную, богатую событиями жизнь владыка Вениамин встречался со множеством людей. Он знал венценосцев и вельмож, церковных иерархов и политиков, духовных и светских писателей, поэтов и музыкантов, военачальников и мыслителей, выдающихся государственных и общественных деятелей дореволюционной России и Советского Союза. В силу своего происхождения и воспитания, по причине некоторых особенностей душевного склада он ценил и ниспосланные ему встречи с простыми людьми: односельчанами, богомольцами, странствовавшими по святым местам необъятной России, с казаками-эмигрантами, мальчиками-юнкерами, с «рядовыми» прихожанами, стекавшимися под своды храмов, в которых он служил уже после возвращения на Родину. Благодаря своей чуткой натуре владыка к каждому человеку относился с большим вниманием и, по завету своего духовного наставника архиепископа Феофана (Быстрова, †1940) — с благоговением, принимая человеческую индивидуальность как один из особых даров Божиих. Конечно, при этом сказывался и богатый пастырский опыт. Свои впечатления, рожденные в результате встреч с сильными мира сего и с людьми, чьи жизни едва заметны постороннему взгляду, он доверял бумаге. В его автобиографических произведениях, в дневниковых записях присутствуют образы сотен современников, и, как уже наверное заметил читатель, владыка Вениамин обычно выделяет самые светлые черты личностей тех людей, о которых ему доводилось писать. Мало кто вызывает у него неприятие. В этом сказывается жизненная позиция автора, проявляются особенности его духовного устроения и мировосприятия.

Но на долгом жизненном пути митрополита Вениамина были особые встречи, которые он называл «встречами со святыми». Именно они согрели его душу и побудили впервые взяться за перо. С юных лет будущий иерарх испытывал большой интерес и влечение к агиографической литературе. Воспитанный на примерах из житий святых, он, по его собственному признанию, стремился воочию увидеть носителей того аскетического идеала, который воплощали своими подвигами древние отцы и подвижники не столь уже далёкого, но прошедшего времени. Юный семинарист, а затем — студент-богослов искал святых среди своих современников, стремился к встречам с «живыми святыми». Эта жажда

общения с подвижниками нового времени была продиктована не праздным любопытством, не желанием «поболтать со старцем». Подобного рода легкомысленные устремления, неизменно оборачивающиеся конфузом для их носителей, хорошо известны по житийной литературе и монастырскому фольклору. Будущий иерарх действовал по евангельскому принципу («пойди и посмотри» — Ин. 1, 46), желая через непосредственное впечатление прикоснуться к феномену святости. Кроме того, он, может быть и не вполне осознавая это, искал в своих встречах со святыми пути своего дальнейшего жизненного устроения. Этим стремлением обусловлена поездка на Валаам, которую Иван Федченков предпринял будучи студентом второго курса Санкт-Петербурской духовной академии. На Валааме он беседовал с подвижником Иоанно-Предтеченского скита схимонахом Никитой, который предрек ему путь будущего архиерейского служения и укрепил в стремлении вступить на стезю иночества. Это было летом 1905 года. А в ноябре 1904 года вместе с двумя товарищами по академии будущий владыка побывал в Кронштадте у отца Иоанна. «Когда меня, как «первого ученика» назначили в Санкт-Петербургскую духовную академию, — вспоминал впоследствии владыка Вениамин, — я совершенно не думал о монашестве. Предо мною стоял образ пастыря. И я, если и думал, то о помощнице; имелось в виду даже определенное лицо, что естественно при моих мечтах о пастырстве». (Митрополит Вениамин (Федченков). Письма о монашестве. Машинопись. Саратов. 1956 г. С. 3.) Но общение с академическими наставниками из числа монашествующих, прежде всего, с архимандритом Феофаном (Быстровым), чтение аскетической литературы, некоторые жизненные обстоятельства настроили студента на иной лад. В нем пробудилась тяга к монашеству. «Чтение... аскетических творений так сильно подействовало на меня, что очень скоро я почувствовал влечение к иночеству, никому о том не говоря. Как-то удивительно быстро мои мирские мысли и мечты отошли в сторону, в частности, и мысли о пастырстве и браке» (Там же. С. 8). Хотя, по собственному же признанию владыки, мысль о пастырском служении в миру не оставляла его совершенно. И чрезвычайно важно, глубоко знаменательно, что именно в этот период, когда Иван Федченков испытывал сомнения относительно выбора дальнейшего жизненного пути, он встретился с человеком, который являл в своем лице высочайший образец пастырского служения и был при этом аскетом в миру, почти монахом, о чем посетившим его студентом-богословом было хорошо известно, как мы это видим из повествования владыки Вениамина. Интересно отметить, что служение самого владыки будет протекать в условиях, когда он при всем своем желании удалиться от мира, вынужден будет осуществлять аскетическое делание среди бурных треволнений житейского моря. Всю жизнь его не оставляло желание водвориться в монастыре, но лишь на склоне лет, когда жизненный путь был пройден им почти до конца, он получил эту возможность. Может быть, данное обстоятельство и послужило в какой-то мере одной из причин сугубого почитания владыкой Вениамином Кронштадтского праведника, которого он чтил на протяжении всей своей долгой жизни. Но главной причиной было, конечно, иное. Сослужение отцу Иоанну во время Божественной Литургии (это было во время второго посещения, когда будущий владыка был уже иеромонахом, то есть после ноября 1907 года) и непродолжительное личное общение, картина общей исповеди, сам обмен горящего верой подвижника — все это произвело неизгладимое впечатление на будущего иерарха. Его особенно поразила горячая вера отца Иоанна, его молит-

венное дерзновение и такое простое на первый взгляд жизненное кредо: «Я жил в Церкви».

Встречи митрополита Вениамина с подвижниками веры и благочестия обычно перерастали в близкие духовные отношения. Он состоял в переписке со старцем Исидором Гефсиманским, преподобным Силуаном Афонским; преподобному Нектарию Оптинскому писал, даже уже живя за границей. Святого праведного Иоанна Кронштадтского он знал совсем недолго. Последний раз иеромонах Вениамин был у него в Кронштадте за полгода до кончины подвижника, последовавшей 20 декабря 1908 года. В дальнейшем он на протяжении всей своей жизни обращался к творениям подвижника и хранил в своем сердце образ пламенного молитвенника, всероссийского пастыря и пророка нового времени. В столь ярком духовном явлении, как жизнь отца Иоанна, совершавшего свой подвиг на фоне надвигающейся духовно-нравственной катастрофы русского общества, владыка Вениамин видел залог будущего возрождения Православия, духовного обновления соотечественников. В условиях эмиграции, точнее — вынужденного изгнанничества, он осеняет именем отца Иоанна просветительскую деятельность русских беженцев, сохранивших верность Московской Патриархии. При основанном владыкой Трехсвятительском подворье в Париже действовали Православное издательство и Типография имени отца Иоанна Кронштадтского. В числе книг, вышедших в свет в этом издательстве, есть и труд владыки Вениамина, составленный им по творениям Кронштадтского подвижника, — «Небо на земле. Учение о. Иоанна Кронштадтского о Божественной Литургии, составленное по творениям его архиепископом Вениамином». Личность Кронштадтского пастыря была удивительно многогранной: приходской священник, деятельность которого служила образцом для тысяч собратий по всей России, он же, — «всероссийский пастырь и молитвенник», простирающий своё попечение на многих и многих страждущих и обремененных, как в стране, так и за её пределами; скромный преподаватель Закона Божия в местной гимназии и одновременно — ярчайший проповедник и пророк, к словам которого прислушивались миллионы соотечественников. Отец Иоанн выступал инициатором многочисленных благотворительных начинаний, осуществлял широкое социальное служение. Он обладал чрезвычайными благодатными дарами: по его молитвам получали исцеление больные и приносили покаяние закоренелые грешники. Под его влиянием обретали веру неверующие. Но для владыки Вениамина отец Иоанн был, прежде всего, великим благоговейнейшим совершителем Божественной Литургии. Эта сторона его служения особенно привлекала владыку, так как и сам он всегда благоговел перед великим таинством и особенно ценил сопутствующие ему духовные переживания (достаточно вспомнить его «сорокоусты» и другие произведения, посвященные богослужению Православной Церкви). В своей книге «Небо на земле, владыка Вениамин писал: «Он (отец Иоанн — *А. С.*) совершал её (литургию — *А. С.*) ежедневно и часть своих дивных переживаний запечатлел в своем дневнике «Моя жизнь во Христе». Читая его, неотразимо увлекаешься подобными же чувствами почитания, сознания пользы и спасительности литургии и желанием участия в ней. И особенно ценны и убедительны его мысли потому, что все они написаны им с собственного опыта, взяты из его живой «жизни во Христе». Это не надуманные советы проповедника, не холодные размышления богослова, а пережитые восторги тайнозрителя откровений пречудесных». Именно поэтому в своих трудах, посвященных Боже-

ственной Литургии, владыка Вениамин обращается к живому опыту Кронштадтского праведника, особенно часто — в своей работе «Литургия верных».

Православному читателю, знакомому с наследием митрополита Вениамина (Федченкова), известно, что владыка в течение всей своей жизни работал над жизнеописанием современных подвижников благочестия. Эти живые, неповторимые по стилю и своеобразной авторской манере изложения современные жития, обладающие большой силой воздействия на читателя, к настоящему времени по большей части уже опубликованы. Речь идет о книге владыки Вениамина «Божьи люди», в состав которой вошли два произведения, посвященные святому праведному Иоанну Кронштадтскому. «Отец Иоанн» — небольшое по объему жизнеописание подвижника, составленное владыкой Вениамином в период его служения в Америке (1933–1948). По замыслу автора, оно должно было войти в книгу «Божьи люди». Другая работа, названная владыкой «Подвиг преподобничества», вероятнее всего, представляла собой отдельное произведение и была включена в сборник «Божьи люди» его составителями. (К сожалению, последнюю из названных работ достаточно трудно датировать. Понятно лишь то, что она также появилась в эмигрантский период жизни владыки Вениамина.) Можно утверждать, что поименование произведения митрополита Вениамина, включенные впоследствии их автором в предлагаемую вниманию читателей книгу «Отец Иоанн Кронштадтский», относятся к начальному этапу работы над наследием всероссийского пастыря.

К сожалению, мы не располагаем достаточными материалами для того, чтобы проследить дальнейшие этапы формирования этого фундаментального труда. В нашем распоряжении был лишь машинописный вариант книги, переданный самим владыкой Вениамином в библиотеку Московской духовной академии. Этот текст и был положен в основу настоящей публикации. Мы можем лишь предположить, что автор неоднократно на протяжении двух десятилетий возвращался к избранной теме и можем утверждать, что свой труд он завершил в 1950-е годы. И до настоящего времени книга митрополита Вениамина представляет собой не только наиболее полное собрание свидетельств современников о личности святого праведного Иоанна Кронштадтского, она содержит и наиболее полное исследование опубликованного наследия святого пастыря. Владыка Вениамин вполне разделял точку зрения одного из своих наставников на то, что творения отца Иоанна следует изучать как творения святых отцов. Основательно изучив, прочувствовав и пережив мысли праведника, изложенные в его дневниках, автор выявил учение святого о самых разных сторонах христианской жизни.

Особую ценность книге придаёт принцип подачи материала, избранный автором: говорить с читателем должен сам отец Иоанн. И благодаря тому, что этот принцип проводится достаточно последовательно, у читателя возникает ощущение присутствия личности самого подвижника на страницах книги, происходит встреча с великим праведником. При этом стиль владыки Вениамина, его манера совершенно лишены какой-либо елейности, потому есть надежда, что книга о всероссийском пастыре, подобно другим произведениям этого духовного писателя, найдёт отклик среди самого широкого круга читателей. Надеемся, что её прочитают и представители того достаточно узкого круга околоцерковной, но претендующей на сугубую церковность (в духе «Стоглава») интеллигенции, живущей книжными представлениями о святости и церковной жизни вообще и представляющей претензии едва ли не к каждому кандидату на канонизацию. Им, если они готовы

отринуть некоторые «головные» мировоззренческие установки, книга митрополита Вениамина может оказать существенную помощь, как произведение честное и правдивое, не скрывающее от совопросников интересующие их «преткновенные» моменты, такие как существование «иоаннитов», общественно-политическая позиция отца Иоанна, его отношение к Л.Н.Толстому и т. д. Это же пожелание может быть адресовано и нашим «модернистам», готовым превратить святого праведного Иоанна едва ли не в «харизматика».

Определенные индивидуальные особенности совершения таинств Евхаристии и Покаяния, которые были характерны для святого праведного Иоанна Кронштадтского, некоторые современные пастыри и миряне используют для оправдания своих собственных литургических экспериментов. Владыка Вениамин ответил и на этот волнующий многих вопрос словами Писания: «Праведнику закон не лежит». Нам же на ум приходит и нечто древнее: «Что положено Юпитеру...»

Но дух самой книги, история Русской Православной Церкви новейшего периода свидетельствуют, что подражание Кронштадтскому праведнику возможно — подражание в ревности о Господе, в соделывании собственного спасения, служении Богу и ближним.

Алексей СВЕТОЗАРСКИЙ

В период работы по подготовке настоящего издания скончалась редактор этой книги Надежда Валерьевна СВЕТОЗАРСКАЯ (1961–1999) — православная христианка, педагог и исследователь. Через её заботливые руки прошли все труды владыки Вениамина, издаваемые ныне автором этих строк. Надежда Валерьевна превосходно знала творения митрополита Вениамина и самоотверженно работала ради того, чтобы сделать его наследие достоянием читающей России. Личность владыки Вениамина, его труды сыграли особую роль в её духовной жизни.

Православные! Помолитесь о том, чтобы Господь молитвами Пречистой Своей Матери, святой мученицы Надежды, святого праведного Иоанна Кронштадтского, приснопоминаемого митрополита Вениамина помиловал рабу Свою Надежду, простил всякое согрешение, содеянное ею, и вселил бы её в селениях праведных. Помолитесь и о том, чтобы увидели свет подготовленные ею творения митрополита Вениамина.

Жизнь отца Иоанна

Великий Человек

Жизнь о. Иоанна Кронштадтского, в смысле особенных событий, не сложна и не богата фактами. И в общем она была известна тем, кто чтил и знал его. И о ней написано было немало книг и брошюр. Рассказать об отце Иоанне можно было в нескольких словах: сын дьячка, учился в духовной школе и семинарии, а потом и в академии; поступил затем священником в Кронштадт, от которого и получил свое славное имя. Прослужил здесь, не переменяя места, 53 года. Был законоучителем в городской гимназии 27 лет. И в Кронштадте же скончался на 80-м году своей жизни. «Вот и все!» — так просто он сам закончил однажды свою автобиографию.

И однако же слава его в русском народе, и даже отчасти за границей, была такой великой, что равного ему по известности мы не можем назвать ни одного имени — ни среди архиереев, ни вообще среди духовенства за всю историю Русской Церкви. Не говорю уже о славе мирских знаменитостей. Один из известных публицистов того времени вот что писал после его кончины:

«Умер человек — воистину исключительный, можно сказать — единственный по близости к народному сердцу. Какие бы великие наши люди ни умирали — Достоевский, Тургенев, Чайковский, Менделеев, их смерть производит впечатление лишь в небольшом культурном слое, совершенно не проникая в глубины народные. Гораздо обширнее чувствуется смерть замечательных полководцев (Суворова или Скобелева), носителей народного героизма; но их имена все же менее славны и почти чужды женской половине населения. Только «святой» объемлет все воображение народное, всю любовь наиболее любящей половины нации — женщин... Ни один

человек в России не сосредоточивал на себе такого всеобщего поклонения, как «Кронштадтский батюшка»... Да, даже каторжники, кроме немногих, изгладивших имя Божие из своей души, знают об «отце Иване», и представление о нем в них светит, как свеча перед божницей совести... Отец Иоанн занимал более, чем кто-нибудь, психологический центр русской жизни».

Я затруднился бы сказать более сильные слова в честь этого великого человека, притом высказанные совершенно светским лицом в самой большой газете того времени («Новое время»), Михаилом Осиповичем Меньшиковым — да будет помянуто с благодарностью и его имя.

И другой современный писатель, Василий Васильевич Розанов, человек редкого таланта и проникновения, в той же газете (№ 11775) писал подобное:

«Личность отца Иоанна Кронштадтского является одною из самых достопамятных в русской истории XIX века. Вместе со святителем Филаретом, митрополитом Московским, он является высшею точкою нашего церковно-религиозного развития. И оба они стоят около третьего великого старца, Серафима Саровского... Обе эти личности прекрасно дополнились о. Иоанном Кронштадтским, народным священником, все дни коего протекали среди людской громады, среди шума, молвы и народного стечения, на улице и в частных домах, выразившиеся в делах милосердия, помощи и чуда. Иоанну Кронштадтскому дарована была высшая сила христианина — дар помогающей, исцеляющей молитвы, тот дар, о котором глухие легенды, дошли до нас из далекого прошлого христианства и коего Россия XIX века была очевидцем-свидетелем».

Это была «личность, чрезвычайно поднявшаяся над обыкновенным уровнем, и в которой действительно было нечто чудесное и сверхъестественное.

Велика или мала была эта доля сверхъестественного, но бесспорно, что она действительно была в нем. И именно это-то и возбудило вокруг него то необычайное волнение, коего мы были свидетели... Вот присутствие-то этого осязаемого, очевидного дара свыше, то есть сверх обыкновенного человеческого, и подняло вокруг Иоанна Кронштадтского неописуемое волнение: люди потянулись к нему как к живому свидетельству небесных сил, как к живому знаку того, что Небеса живы, божественны и благодатны. Все это — так естественно! Все это — обычная история религии на земле!.. Иоанн Кронштадтский для своего поколения и поколения народного явился личным свидетелем истины религии, и религии — вот нашей, русской, православной: он «доказал религию» воочию тем, что он — молился, — и вот исцеление наступало!

Эта вторая, последующая часть его народного значения, чрезмерно превысила первую, собственно благодатную и целебную. Он стал вождем уверования, воскресителем веры; он поднял волну религиозности в народе».

Я намеренно привел слова двух крупнейших светских публицистов об о. Иоанне, чтобы показать читателю беспристрастность исторических свидетельств о нем — на всю страну, куда проникала тогда печать. Никто не

заподозрил этих людей в лицемерии похвал: зачем они им?! Наоборот, в те годы (1905–1908) всякое упоминание о религиозных предметах считалось публичным преступлением, позором, мракобесием, аттестатом на глупость. И однако же эти люди осмелились поднять голос. Тем более понятно, когда говорили похвалы о. Иоанну близкие ему, горячо любившие его люди. И хотя их имена никому почти не известны, но мы послушаем и их слова о нем: их мнение особенно ценно и, строго говоря, даже ценнее, чем отзывы знаменитых публицистов; потому что они выражали, в сущности, не свои лишь чувства и думы, а общенародные, всероссийские. Еще глубже можно сказать: эти неизвестные или теперь забытые представители «от Городской управы», «от Крепости», «от Мещанского общества», «от Военного и Морского духовенства», «от Классической гимназии», «от Дома трудолюбия», — все они говорили от имени церковного народа, как от интеллигентного, так и от простого, — или короче говоря, от Церкви.

И по этому одному весьма ценны их выражения общих чувств.

Приведу несколько выдержек из речей и адресов в день празднования пятидесятилетия пастырской деятельности о. Иоанна, 12 декабря 1905 года:

«Нет уголка в нашем обширном отечестве, куда бы не проникла ваша щедрая помощь обездоленным» (от Попечительства о бедных).

«Ваше имя, ваша пастырская деятельность, ваша всеобъемлющая любовь, Ваша благоприятная Богу и спасительная для людей молитва... всюду, как всеосвящающее, согревающее солнце привлекали и привлекают к себе всех православных христиан... как ближних, так и дальних со всех концов обширной России и даже из-за границы... Все стремились и стремятся посмотреть на вас, как на красное ненаглядное солнышко... получить милость Божию, избавление от душевных и телесных скорбей, недугов и болезней» (от духовенства).

«В обширном отечестве нашем нет такого места, в котором неизвестно имя отца Иоанна Кронштадтского; и православный народ наш давно уже оценил вашу светлую деятельность» (от Управы).

«История духовной жизни народа созидается не массами, а немногими исключительными личностями, сознательными носителями и яркими выразителями идей, около которых, как около знамен, собираются массы. Не может быть сомнения в том, что к таким историческим личностям беспристрастный суд потомства отнесет и вас; ибо и теперь уже народ видит в вас личность исключительную и произносит ваше имя с благоговением; а «глас народа — глас Божий».

Какое же слово написано на том знамени, с которым пастырствуете вы, наш достойнейший и любимый представитель, живой образец современного пастырства, имя которого стало собственным именем Батюшки, пастыря Всероссийского? На этом знамени написано одно слово: «святость». И оно-то собрало около вас миллионы народа русского православного, носящего идеал святости в тайниках души своей, всегда готового поклониться тому, в ком он видит воплощение этого идеала... Пастыреначальник Христос явил вас избранным сосудом благодати... Верующая Россия видит

это и стремится войти с вами в общение. Тысячи богомольцев непрестанно едут в Кронштадт отовсюду, чтобы просить вас помолиться за них, слышать слово утешения, получить ваше благословение, миллионы назидаются вашими вдохновенными печатными трудами, в коих ярко отражается огонь веры и ревности по Боге, горящий в вашей душе» (от Общества распространения русского православного просвещения).

«Через вас, — говорил от всех один из выдающихся пастырей петербургских, протоиерей В. Я. Михайловский, в день тридцатилетия служения батюшки (1884), — вера православных крепнет, неверие обличается... и вся Церковь Христова радуется, что не оскудевает преподобный на земле... Простите нам, благодетель наш, подвижник Божий, что мы осмелились пред вами изображать вас... Живите, пастырь наш добрый, долго-долго на славу Божию, во спасение ближних. Мы веруем, что молитва ваша много может пред Богом» (Иак. 5, 16).

И о. Иоанн сам сознавал, что в лице всех почитателей его говорит голос Церкви, которою он жил и которой служил. В ответе на приветствие кронштадтского головы, в день сорокалетия его служения, батюшка сказал: «Чем я заслужил такое особенное внимание, такое чествование, такую сердечную любовь? При этих вопросах я смиренно потупляю мои взоры... В этом акте общественной ко мне признательности я вижу... любовь к святой Церкви и нашему дорогому Отечеству... Единодушное торжество наше я отношу... к сознанию церковного и общественного единства нашего... Я, — как и вы, друзья, — член Церкви и Отечества, живой член в живом органическом теле, и, — в своей мере, жил и действовал в нем на пользу церковно-общественную; и что сделал доброго, то приписываю Богу... Да будет слава Богу за все, слава нашему церковно-общественному союзу, слава христианской вере и добродетели, которые делают славными носителей их и при жизни и по смерти». Церковь, устами чад своих, прославляла своего сочлена и пастыря. А Церковь — преимущественно православный народ, как «Тело Христово», — ясно чувствовала и понимала, кого и за что Она чтит в лице о. Иоанна. И даже кронштадтские любители-стихоплеты, сочинявшие богомольцам стихи о Батюшке, были выразителями собственно не своих, а народных дум, голосом той же Церкви Божией. А Ее голос — сильнее, ценнее и истиннее всех других голосов. Потому я и нашел нужным, в самом же начале описания жизни о. Иоанна, привести слова чтителей его.

Но пришло время, когда эти народные хвалы и признание славы великого пастыря были вынесены и с вершины церковной, через определение Святейшего Синода как высшего органа церковной власти. Это было приурочено к сороковому дню поминовения почившего светильника.

Инициатива официального признания исходила от Государя, который в своем обращении к митрополиту Антонию от 12 января 1909 года писал между прочим: «Неисповедимому Промыслу Божию было угодно, чтобы угас великий светильник Церкви Христовой и молитвенник Земли Русской, всенародно чтимый пастырь и праведник, отец Иоанн Кронштадтский...» И желая «дать достойное выражение общей скорби», он предлагает всеобщее молитвенное поминовение почившего, ежегодно ознаменовывая им день кончины

отца Иоанна. «Святейший Синод, став во главе этого начинания, — внесет свет утешения в горе народное и зародит на вечные времена живой источник вдохновения будущих служителей и предстоятелей Алтаря Христова на святые подвиги многотрудного пастырского делания».

В ответ на этот призыв Святейший Синод определением от 15 января постановил служить по всей Руси в сороковой день, 28 января, заупокойные литургии и панихиды по почившем; «установить на будущее время ежегодно, в день кончины о. Иоанна, 20 декабря, поминовение его; приобрести и установить в духовно-учебных заведениях портреты его, составить и преподавать жизнеописание почившего» и т. д. И все это делается в «ознаменование памяти этого великого светильника Церкви Христовой и молитвенника Земли Русской». А кроме того, и Училищный совет при Св. Синоде постановил (14 января) принять участие в признании и почитании почившего рассылкою портретов и по приходским школам. При этом были более подробно указаны великие заслуги о. Иоанна, часть которых отметим здесь и мы:

«В его лице угас яркий светильник Церкви... Он всего себя отдал на служение святой Церкви и дорогой Родине, всем скорбящим и страждущим. Благотворное пастырское влияние его простиралось на всю Россию и даже за ее пределы. Весь русский православный народ чтил о. Иоанна как праведника, верил в его молитвы и предстательство пред Богом... Для всех он был светочем веры и жизни... Его кончина поэтому является великим событием в нашей Церкви и Отечестве».

Поэтому поручено было издательской комиссии Училищного совета отпечатать 40 000 портретов почившего и разослать их по всей России.

А в семинариях, «при прохождении практического руководства для пастырей, вместе с изложением взгляда отцов и учителей Церкви на пастырство» прилагать и воззрения о. Иоанна. Кроме того, — распространять книги, брошюры о пастырстве и «личной жизни пастыря», как для священнослужителей, так и «для руководства к богоугодной жизни мирян».

Вот куда вознесен был скромный Кронштадтский пастырь: в лик «отцов и учителей Церкви».

Для неканонизированного праведника это — предел высокого церковного признания! Так и церковная власть присоединилась к всенародному почитанию о. Иоанна — утвердила, закрепила, благословила и освятила всецерковное поминовение его, как светильника Церкви и чудотворца — праведника, веря в его молитвы и предстательство пред Богом.

На этом, в порядке прославления, следовало бы и остановиться сейчас: от светских писателей, через всенародное почитание, до определения высшей церковной власти включительно, всем этим уже поставлен о. Иоанну церковный памятник и возложен на него венец славы, по словам апостола Павла, сказанным им о себе, но приложимым и к новому «праведнику»: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, Праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его», Христа Спасителя (2 Тим. 4, 7–8).

Однако дерзну и от своего недостоинства вплесть в этот венец маленький листок хвалы. Об этом подробнее я расскажу после. Сейчас же скажу об одном лишь впечатлении своем. Мне однажды лишь пришлось сослужить о. Иоанну литургию в Андреевском соборе. И когда она началась, я взглянул на него; и вдруг меня пронзила мысль или, точнее, видение, созерцание, ощущение, которое мгновенно сформулировалось в уме моем следующими словами: «Какой ты гигант духовный!»

Не могу объяснить и сейчас, как и почему это узрелось мною? Но только мне было совершенно очевидно, ясно, неотразимо: насколько он, несоизмеримо с нами, высок, совершен, свят!

Страх изумления проник в меня... И я, как бы защищаясь от силы духа его, невольно прикрыл нижнюю часть своего лица служебником, продолжая созерцать страшную высоту Батюшки.

И вдруг он протягивает левую руку свою к моей книжке и с силою говорит: «Не думай! Молись!»

И я — точно пришел в себя. Я не узрел никакого видения. А только совершенно ясно почувствовал, какой он воистину великий человек! И какой я сам — маленький, ничтожный, грешный! И хотя никакими словами не выразишь того величия, которое переживалось тысячами видевших о. Иоанна, ибо непережитое невыразимо языком; но в дальнейшем я буду стараться показать это величие хоть сколько-нибудь.

Для этого я, между прочим, буду, насколько возможно чаще, говорить собственными словами Батюшки: повторять его рассказы о себе, приводить выдержки из его проповедей и Дневника, цитировать его слова, сохраненные личными свидетелями. И, может быть, этим путем мне лучше удастся дать и читателю почувствовать дух и силу самого о. Иоанна.

И пусть никто не посетует, если я буду повторять одни и те же его слова в разных местах; так и в музыке часто повторяется один и тот же мотив, который проходит через всю пьесу.

Поэтому и дальнейшую его жизнь я начну с краткой его автобиографии, с его рассказов о самом себе.

...Эту же первую главу я намеренно посвятил как бы завершительному венцу его жизни — потому что мне хотелось сразу ввести читателя в ощущение чрезвычайной высоты, величия этого изумительного человека, которого мы еще видели своими глазами. И этим заинтересовать читающего дальнейшим описанием великого праведника наших дней.

Автобиография отца Иоанна

Я уже и раньше обещал говорить об. о. Иоанне по возможности его же собственными словами, собственными рассказами: пусть его личный облик ярче выступит перед нами, — особенно перед теми, кто его никогда не видал...

А мы, еще видевшие его, уже вымираем: скоро и совсем не станет живых свидетелей. Речи же его останутся навеки, вместо него самого. Поэтому, без всяких других предисловий, я переписываю собственный рассказ его, взятый мною из очень тоненькой брошюрочки, напечатанной с таким предисловием (автор скрыл свое имя): «Единственная автобиография о. Иоанна напечатана в журнале «Север» в 1888 году, откуда целиком заимствуем ее».

И далее печатается эта автобиография. Но предварю ее кратко.

Прошло уже 33 года пастырской чудной работы о. Иоанна (1855–1888), пока люди догадались попросить славного пастыря рассказать миру о своей жизни. Как мы мало ценили своих великих современников... Но видно долго зреет в тишине доброе семя.

«Я — сын причетника села Сурского, Пинежского уезда, Архангельской губернии. С самого раннего детства, как только я помню себя, лет четырех или пяти, а может быть и ранее, родители приучили меня к молитве и своим религиозным примером сделали из меня религиозно настроенного мальчика. Дома, на шестом году, отец купил для меня букварь, и мать отдала преподавать мне азбуку; но грамота давалась мне туго, что было причиной немалой моей скорби. Никак мне не удавалось усвоить тождество между нашей речью и письмом; в мое время грамота преподавалась не так, как теперь: нас всех учили: «аз», «буки», «веди» и т. д; как будто «а» — само по себе, а «аз» — само по себе. Долго не давалась эта мудрость; но будучи приучен отцом и матерью к молитве, скорбя о неуспехах своего учения, я горячо молился Богу, чтобы Он дал мне разум, — и я помню, как вдруг спала точно пелена с моего ума и я стал хорошо понимать учение.

На десятом году меня повезли в Архангельское приходское училище. Отец мой получал, конечно, самое маленькое жалование, так что жить, должно быть, приходилось страшно трудно. Я уже понимал тягостное положение своих родителей; и поэтому моя непонятливость к учению была действительным несчастием. О значении учения для моего будущего я думал мало; и печаловался особенно о том, что отец напрасно тратит на мое содержание свои последние средства. Оставшись в Архангельске совершенно один, я лишился своих руководителей и должен был доходить до всего сам. Среди сверстников по классу я не находил, да и не искал себе поддержки и помощи: они все были способнее меня, и я был последним учеником. На меня напала тоска. Вот тут-то и обратился я за помощью к Вседержителю; и во мне произошла перемена. В короткое время я подвинулся вперед настолько, что уже перестал быть последним учеником. Чем дальше, тем лучше и лучше я успевал в науках; и к концу курса (Духовного училища, или Приходской школы — *М. В.*) одним из первых был переведен в семинарию, в которой окончил курс первым учеником в 1851 году, и был послан в Петербургскую академию на казенный счет. Еще будучи в семинарии, я лишился нежно-любимого отца, и старушка-мать осталась без всяких средств к существованию. Я хотел прямо из семинарии занять место диакона или псаломщика, чтобы иметь возможность со-

держать ее; но она горячо воспротивилась этому, и я отправился в академию. В академическом правлении тогда занимали места письмоводителей студенты, за самую ничтожную плату (около 10 рублей в месяц); и я с радостью согласился на предложение секретаря академического правления занять это место, чтобы отсылать эти средства матери.

Окончив курс кандидатом богословия в 1855 году, я поехал священником в Кронштадт, женившись на дочери протоиерея Константина Несвитского, Елизавете, находящейся в живых и доселе; детей у меня нет и не было. С первых же дней своего высокого служения я поставил себе за правило: сколь возможно искренне относиться к своему делу, пастырству и священнослужению, строго следить за собою и за своею внутреннею жизнью. С этою целью прежде всего я принялся за чтение Священного Писания Ветхого и Нового Завета, извлекая из него все назидательное для себя, как для человека вообще и священника в особенности. Потом я стал вести дневник, в котором записывал свою борьбу с помыслами и страстями, свои покаянные чувства, свои тайные молитвы к Богу и свои благодарные чувства за избавление от искушений, скорбей и напастей.

В каждый воскресный и праздничный день я произносил в церкви слова и беседы — или собственного сочинения, или проповеди митрополита Григория. Некоторые из моих бесед изданы, и весьма много осталось в рукописи. Изданы беседы «О Пресвятой Троице», «О сотворении мира» и «О блаженствах Евангельских».

Кроме проповедничества, с самого начала священничества, я возымел попечение о бедных, как и я — сам бывший бедняком — и лет около двадцати назад провел мысль об устройстве в Кронштадте Дома трудолюбия для бедных, который и помог Господь устроить лет пятнадцать тому назад. Вот и все!»

Какая коротенькая и будто незначительная история за 33 года пастырства. Иному, и в самом деле, пожалуй, покажется, что тут — «вот и все». Но о. Иоанн намеренно упростил свою автобиографию, как смиренный христианин... Не сказал и даже скрыл он о своей девственной жизни с женою. Не сказал он ни об одном чуде, — каких уже было немало за 33 года; и некоторые из них были описаны в «Русском Паломнике», «Московских Ведомостях», в «Петербургском Листке» и других органах печати. Ни словом не обмолвился о той славе, которой он пользовался тогда уже по всей почти России. Такую автобиографию мог бы написать и другой, обыкновенный, протоиерей. Да вероятно, и еще больше рассказал бы о себе. Какую же нужно было иметь духовную простоту и собранность, чтобы даже не замечать в себе ничего особенного. А именно так думал о себе о. Иоанн, если закончил о себе такими простыми, обрезанными, короткими словами «вот и все!», то есть, говоря другими словами: ничего особенного во мне не было и нет!

Поэтому я по необходимости должен этот его собственный рассказ о себе дополнять и другими данными, взятыми как из его же последующих слов и из заметок Дневника, который он тогда (1888) вел уже около 30-ти лет, так и из других источников и рассказов иных лиц.

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Предисловие

Описывать жизнь угодников Божиих — дело очень трудное. Кажется, преп. Симеон Новый Богослов говорит, что лишь святой может вполне понять святого и говорить о нем. И понятно: низший не может понять высшего в полной мере. Поэтому лишь кое-что — и притом из области более «обыкновенной» жизни — мы отмечаем в этих записках, не дерзая и думать о полном понимании святых людей... Но и эта обыкновенная сторона известна мне отчасти только; а иногда и здесь случаются промахи: неправильные даты, неточные подробности и другие ошибки, когда приходится писать по памяти о событиях, виденных 40 лет тому назад. Но таким ошибкам не нужно придавать большого значения: дело в фактах, в цельной личности. Приступать же к воспоминаниям о приснопамятном отце Иоанне мне всегда бывало особенно трудно: слишком он был высок, а я грешен. И лишь ради пользы других принимаюсь за описание моих личных впечатлений о нем. Начинаю писать лежа в больнице (в Бруклине).

Краткая биография

Буду записывать, что осталось в памяти из прочитанных книг и из виденного мною лично.

Отец его, Илья Сергиев, был простым псаломщиком в с. Сура, Пинежского уезда Архангельской губернии. Мать его звали Феодорой.

Насколько можно судить по разным данным, отец был человеком уравновешенного, кроткого нрава; а мать, несомненно, была чрезвычайно энергичной женщиной, со взглядом орлицы. Отец обладал тонким каллиграфическим почерком, который передался по наследству и сыну, а от матери перешли в почерк будущего светильника порывы силы. Кроме мальчика, были в семье и девочки. Ребенок родился хилым; поэтому его поспешили крестить в день рождения, 19 октября 1829 года. В день памяти болгарского подвижника Иоанна Рыльского, именем которого и назвали младенца.

Когда он стал подрастать, его начали учить грамоте и отдали в школу.

Но первоначальная мудрость сложения букв в слоги давалась мальчику с трудом. И вот — рассказывал потом сам батюшка — стал он на колени и начал горячо молиться, чтобы Господь открыл ему разум к учению. И

вдруг в голове его точно сняли какую-то пелену, и он стал понимать все ясно. А духовную семинарию он кончил уже лучшим учеником.

При окончании семинарского курса, на публичном акте 1851 года, молодой богослов сказал благодарственную речь.

Можно сказать, это было первым общественным выступлением будущего всероссийского пастыря и учителя. И интересно, что же в том молодом деревце уже почти созрело для всемирного почти что светильника?

С первого впечатления его речь — пред архиереем, почетными гостями, начальством, учителями и духовенством — кажется читателю простою, обыкновенною. И это отчасти верно; но ведь и последующие его проповеди до самой смерти — были по содержанию и изложению простыми: ни златоустовского ораторства, ни стремления пускаться в углубление тем — мы и сейчас не видим там. Но сила их действия на слушателя была потрясающей, особенно впоследствии, когда народ стал чтить его. Дух истины и сила веры о. Иоанна оживляли и зажигали самые общеизвестные слова и истины, как увидим дальше. А сама истина проста.

Так и на этот раз: речь была действительно простая; но в ней уже виден будущий человек «опыта», а не только знаний; уже наметился пастырь-молитвенник. Нередко мы в юности склонны бываем критиковать наших отцов. Не так было у Ивана Сергиева. Наоборот, он в своей речи радуется и «торжествует», что на его долю выпала честь говорить; он «счастлив» в эти «драгоценные часы» выразить «признательность к виновникам этого торжества» — начальствующим и учащим.

Так отрадно слышать эти слова, особенно во времена непочтения старших! Но одно беспокоит юношу: что знания учащихся пока еще «теоретичны», не «опытны»; а «опыт» всегда «имеет большой перевес над одною теорией». Поэтому он просит от слушателей «благородной снисходительности» и к его начинающемуся «скудному» слову — «сердечной благодарности».

Благодарит сначала архиерея как «высокого отца», не имея ничего большего принести ему, как «благодарное сердце». И благодарит юноша за «неоцененные блага образования». Кто читал творения о. Иоанна, особенно его Дневник, тот знает, как высоко отзывался он о богословском образовании; никогда он не унижал его. А если и жалел иногда, то — лишь о том, что, уча многим наукам, школа не давала достаточно духовного опыта, этой науки из наук!

Конечно, это верно по существу. Но мы видим, что во всякой школе, при лучших условиях, легче давать знания; а опыт приходит потом, и — непременно от собственного, индивидуального подвига каждого, и в меру его. Школа есть лишь школа; а опыт дается потом жизнью. Но юноша уже тогда знал разницу теории и опыта; этого, по моему мнению, нельзя было ожидать от двадцатилетнего ученика семинарии. Правда, как молодой богослов своего времени, Иван Ильич немного преувеличивал ценность умственного богословия; но этому была повинна вся наша школа XIX столетия. Однако пользу ее никак нельзя отрицать. Юноша благодарит за нее.

А потом будущий всероссийский молитвенник и чудотворец обещает — от лица всех кончивших курс — молиться «пред престолом Божиим»

за архипастыря своего; зная, что «почти все» они, хоть не все в одно время, имеют быть служителями алтарей». Не всем известно, что в мои годы на это служение уходили от 10 до 20% — и в академии даже и менее: во время же о. Иоанна «почти все»... И — Правдою Божиею — были наши школы закрыты потом, как «малоплодные смоковницы».

После архиерея юноша благодарит «достопочтеннейших посетителей»: высоких почетных представителей города, «добрых и благонамеренных» великих людей. Обещает «радоваться и благодарить Бога», если они будут «наслаждаться внешним счастьем и миром душевным». А если с ними «случатся неприятности», то юноша (опять напомним) как будущий молитвенник обещает «сочувствовать» в их горестях и опять молиться «об отвращении скорбей». Если же кто из семинаристов окажется подчиненным у них, то будет «со всею точностью исполнять поручения», но — добавил смело и проникновенно — «не противные долгу веры и чести».

Незаурядные мысли!

А «в заключение» «отдает» «долг» учащим: «Сколько сокровищ учености ракрыто было перед нами, чтобы каждый брал из них, что хотел для обогащения своего ума!.. Мы ощущали в сердце сладость ваших наставлений — и старались запечатлеть их с пользою для себя и для других. Но всего более вы заботились... о сохранении между нами доброй нравственности. И мы убедились, как всегда опасен порок и как надежна и драгоценна добродетель».

Читая это сейчас, подумаешь, что это говорит не юноша перед архиереем и не ученик о наставниках; а наоборот: будто поучает святитель молодых, неопытных юнцов!

«Сколько раз мы будем обязаны вам иногда самыми драгоценными минутами счастья и восторгов при сознании тех благ, какие доставило и будет доставлять нам просвещение!»

Так благодарил юноша отцов.

И лишь в конце речи он не забыл себя и товарищей; и им принес ветвь лаврового венца, и притом очень оригинально и умело. Он отметил одну заслугу у них: труды учения. «Но, — говорит он в конце, — и что всего приятнее и драгоценнее для нас при изучении наук, — это мысль, что они достались нам вследствие долговременных (10–11 лет!) усиленных трудов; а что добыто трудами, то всегда приятно и сладко...»

И кончает просьбою о благословении: «Благослови, Преосвященнейший Владыко, питомца, который по силам старался выполнить священный долг справедливости в отношении к благодетелям; и архипастырским благословением запечатлей и освяти конец образования двадцати двух человек».

Выписывающий с охотою все эти слова юноши, я, уже почти 70-летний старик, — едва ли бы я или другой почтенный священнослужитель сказали бы лучше! Главное же — в том, что из этой речи виден уже совсем зрелый человек, которого безопасно можно было бы поставить на любое священническое место. А ему тогда шел лишь 22-й год. Еще же важнее, — мы видим уже в нем, — куда склонится его дух и жизнь: он готов, он

хочет и будет пастырем; он будет «служителем алтаря», он будет «воздевать пред престолом Божиим руки и сердце», «испрашивая от Господа... всяких благ» для чад своих и чужих! Как окрепший к полетам орел, он, еще сидя в гнезде, уже пробует свои сильные крылья. И вот-вот взлетит. Но Промысл Божий посылает его окрепнуть в другую школу: его как лучшего ученика посылают на казенный счет в Петербургскую духовную академию.

Тогда, не в пример моему времени (1900-е годы), студенты учились добросовестно; а Сергиев отличался особым прилежанием. До меня, между прочим, дошел учебник по философии, по которому проходил эту науку усердный студент. Книга сохранилась в удивительной чистоте; и только кое-где его красивым почерком были сделаны примечания к читанному; видно, что он усваивал все серьезно, глубоко. Но кроме обязательных предметов, Иван Ильич читал и святых отцов. Особенно любил он творения св. Иоанна Златоуста. Иногда, сидя за чтением его поучений, он вдруг один начинал хлопать в ладоши св. Златоусту, — до такой степени восхищала его красота и глубина ораторства Великого Вселенского Учителя.

В это время отца уже не было в живых; и молодой студент, чтобы помогать матери и сестрам, определился писцом в канцелярию Духовной академии, и получаемое небольшое пособие отсылал на родину. Здесь ему пригодился красивый наследственный почерк. А помещение канцелярии, закрытое для других, дало серьезному студенту еще большую возможность заниматься в уединении своим образованием и в особенности св. отцами. Читая теперь (1948) Златоуста и о. Иоанна, ясно видишь, как близки они, — и в особенности — в вопросах о богатстве, бедности, любви, причащении, покаянии.

С товарищами, по-видимому, у него не было каких-либо особо близких отношений и дружбы, а тем более — веселых товарищеских пирушек.

Подобно древнему св. Василию Великому, и он пользовался уважением и даже боязнью со стороны студентов: не до веселья и не до празднословия было ему. Учение, канцелярия и самообразование отнимали у него все время и внимание.

Зато в такой тишине и занятиях в нем рос дух родительской веры, укрепленной Словом Божиим, просвещенный к тому же православной наукой и св. отцами, а вообще и в особенности воспитанной Святой Православною Церковью. Гораздо позже, когда о. Иоанн был уже прославленным чудотворцем и проповедником пламенной веры, он сам сказал мне, что эту веру в нем воспитала Церковь. О встрече с ним я расскажу после.

А сейчас лишь оттеню это, чтобы понять, из каких источников напоился будущий проповедник, слова которого жгли людей.

Кто родители? Православные твердые люди, сами воспитанные Церковью и при церковном служении. Кто вокруг него и в семье и в селе? Люди Церкви, простые христиане, жившие уставами Церкви. Где он научился, кроме отца и матери, молитвам и вере? В храме Божием, в Церкви. Какова тогда была школа в учителях, в науках и по духу своему? Истово церковная. Какие книги читал и учил юноша? Евангелие, Псал-

тирь, богослужебные Октоих, Минеи, Триоди, Пролог, жития святых — то есть книги церковные. Каков был вообще тогда весь быт окружающей жизни, все дедовское предание, особенно в нетронутых местах Севера? Старинный христианский, то есть опять-таки церковный. И академия, как известно из истории ее, тогда была в основе тоже церковною. Я уже не говорю об отцах Церкви, которыми упивался студент академии. Истинно его воспитала Св. Церковь. И окрепший богослов теперь горит желанием летать, работать, учить, творить! Природные его силы, увеличенные школами, ищут выхода. К концу академии у него явилось сначала желание взять на себя подвиг миссионерства в монашеском чине. Но, присмотревшись внимательнее к окружающей жизни столицы, он узрел, что пастырско-духовной работы и кругом него — непочатый край. Поэтому передумал свое первое решение и остановился на пастырстве. Как известно, священник должен был сначала обвенчаться на девице; да это в общем и правильнее и мудрее.

В это время в г. Кронштадте скончался протоиерей Андреевского собора о. Константин; и от него осталась взрослая дочь Елизавета.

По старым обычаям, особенно если после умерших оставались сироты, приход передавался кандидату, который женился на осиротевшей дочери... Обычай тоже добрый. Так Иоанн и Елизавета сочетались браком. Но с самого начала совместной жизни молодой муж упросил жену жить в девстве, как брат с сестрой. Подобные примеры, хотя и не много, знает история Церкви. Знал о них и Сергиев; но не они решили такой трудный вопрос, а чистая, целомудренная душа и твердая воля будущего пастыря. Ему хотелось всецело отдать себя на служение Богу и ближним. Если уж отклонено было монашество, то нужно сохранить девство при браке. Всякий понимает, какую трудную задачу брал на себя молодой студент! Но он поднял ее с дерзновением! Не так легко восприняла безбрачие в браке молодая жена. Предание свидетельствует, что она даже подавала жалобу на мужа епархиальному архиерею. Но молодой священник уговаривал ее добровольно согласиться с ним: «Лиза! Счастливых семей и без нас с тобою довольно. А мы отдадим себя всецело Богу и ближним». И она наконец согласилась. Я лично видел ее еще в доме при жизни о. Иоанна. При одном посещении батюшки, на звонок мой вышла встретить нас глубокая седая старушка, вся в старческих морщинах. Я увидал ее впервые.

— Батюшка дома? — спросил я ее.

— Да, брат Иоанн дома, — коротко ответила она и тихо пошла доложить ему. Тут я понял, что это и есть славная «жена» — матушка знаменитого на весь свет «отца Кронштадтского».

Какая она была простая и тихая! И всегда она была в тени, при такой славе «мужа»!

Рукоположенный во иереи, о. Иоанн отдался своему делу с присущей ему энергией: богослужения, занятия в школах, посещения прихожан на дому, составление проповедей, домашние молитвы, благотворения бедным — все это занимало у него и время и силы. Скоро же он начал записывать особенные мысли свои в дневник, под заглавием: «Моя жизнь во Христе»...

И мне и читателю несомненно хочется узнать: что скажет и сказал иерей в первое же служение, к первой же пастве?

К нашему счастью, о. Иоанн записывал многие свои проповеди. Сохранилась и эта. — «Паси овцы Моя» (см.: Ин. 21, 15–17).

Такую тему избрал он себе, вспомнив слова Господа Петру по Воскресении. Я не хочу излагать ее своими словами; а лучше буквально выпишу наиболее сильные места.

«Эти же слова вещает Господь таинственно и нам, недостойным пастырям словесного Его стада, когда призывает нас, чрез посредство архипастыря к служению пастырскому. Дошло и до моего сердечного слуха слово Господа: «Паси овцы Моя», повелевающее мне пасти вас, словесных овец Его». Значит, не простая традиция идти на обыкновенную «профессию» вела его, а голос Божий коснулся «таинственно» «сердечного слуха» молодого богослова: иди, паси!

«Сознаю высоту сана и соединенных с ним обязанностей!»

Еще бы не сознавать, когда он напитался и напоился давно от гремящих струй Златоуста, его «Слов о священстве», написанных им о причинах бегства его — Златоуста-то! — от хиротонии во иерея!

«Чувствую свою немощь и недостоинство к прохождению высочайшего Его на земле служения...» Но не бежит горящий юный пастырь... И святые ведь разны... Св. Иеремия отрекался; а св. Иоанн предлагал себя Господу: «Пошли меня!..» Златоуст сначала убежал... А Василий Великий на выборах подбирал с единомышленниками архиереями свою православную группу против арианствующих епископов; и прошел лишь большинством одного голоса! Так и здесь,— о. Иоанн принимает зов Божий: иди, паси!

«Уповаю на благодать и милость Божию», «немощная врачующую, и оскудевающая восполняющую...» На благодать Духа Святого надеется. А почему он достоин ее? Что от себя обещает навстречу благодати?

«Знаю, — отвечает он дерзновенно, — что может сделать меня более или менее достойным этого сана и способным проходить это звание. Это — любовь ко Христу и к вам, возлюбленные братия мои...»

«Любовь — великая сила: она и немощного делает сильным, и малого — великим... и чужого скоро делает близким... Да даст и мне любвеобильный ко всем Господь искру этой любви; да воспламенит ее во мне Духом Своим Святым. Высоко... звание священника. Ибо чей это сан? Сан Христов. Он есть единственный Первосвященник... мы облечены благодатию Его священства; Он сам в нас и чрез нас священствует. Потому и мы сами должны глубоко уважать свой сан... И вы тоже... Он должен часто совершать Животворящие страшные Тайны Христовы... Это (таинства) — дело высшей благодати; это — дело безмерных заслуг Христовых...

А проповедывание слова Божия?.. какая это высокая и трудная обязанность!

Без сомнения, во всем поможет нам благодать Божия, если мы будем достойны ее...

Итак, вот вам, братья и сестры, в храме первое слово мое... Примите его открытым, прямым и добрым сердцем. Примите меня в любовь вашу и

воспоминайте меня пред Господом в молитвах ваших... Заключу его благословением апостольским: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и Причастие Святаго Духа буди со всеми вами. Аминь».

В этом слове уже начертан нам весь образ будущего пастыря: образ дерзновенной веры, образ совершителя литургии, образ пламенного проповедника, образ любви к Богу и людям!

Мало он упомянул тут о силе грехов, о борьбе диавола с христианином. Но тогда 26-летний юноша, чистый иерей, еще не знал их на своем опыте. И лишь после он в дневнике запишет: «Когда бываешь молод, не знаешь, какого врага ты имеешь в диаволе... Не знаешь и того, насколько необходим Христос Спаситель твой...»

В молодости мы всегда смотрим на жизнь легче, а на свои силы самоуверенее. А о. Иоанн, этот молодой орел, действительно, от природы обладал исключительной энергией; и теперь он впервые расправляет свои могучие крылья для полета...

К этому же моменту, к началу его пастырского служения, относится и исполнение дивного чудесного сна его. Но молодой пастырь, по смирению своему, не открыл его теперь; а скажет о нем после, через 40 лет служения в этом храме. Так и апостол Павел 14 лет молчал о своем восхищении в рай, пока враги не вынудили его открыть всему миру чудное видение «третьяго неба» (см.: 2 Кор. 12, 1–5). И о. Иоанн медлил публично оглашать свое видение. Вот что он поведал 12 декабря 1895 года, на 66-м году свой жизни: «Настал, Божиею милостию, день, в который исполнилось сорокалетие моего священствования в храме Первозванного Апостола. Нынешний день, посвященный памяти великого святителя и чудотворца Спиридона Тримифунтского, был днем моего посвящения во иерея к этому храму, полное обновление и украшение которого как раз закончилось к моему приезду в этот укрепленный город, бывший тогда, то есть в 1855 году, на военном положении. Велико было мое удивление, когда я увидел внутренность обновленного храма, давно уже мне знакомую по сновидению в отрочестве.

Да, лет пятнадцать назад пред тем (значит, в 1840 году, когда ему было лет одиннадцать), я видел дивный сон, в котором мне показана была эта самая внутренность храма, с этим, вновь сделанным, иконостасом; этот сон запечатлелся в душе моей навсегда, оставив во мне радость неземную.

Это было мне знамением от Бога, что я буду священствовать в этом храме, ибо тогда уже я видел себя входящим и исходящим из северных врат и южных врат его, — так, как бы я был тут свой человек. Благодарение Господу, предрекшему мне в сновидении священство в этом храме и даровавшему мне в сей день четыредесятницу моего священнослужения; достигну ли пятидесятницы, — это известно только Господу, положившему времена и лета наша в Своей Божественной власти».

Пришла и пятидесятница служения, прошло и еще три года; а всего великий пастырь прослужил на одном месте 53 года! Немалый срок.

Но несравненно были дивнее дела Кронштадтского пастыря: он вырос во Всероссийского светильника. Как это случилось?

По-видимому — «просто»... Отец Иоанн, поступив в Кронштадт, начал по-обычному: нес свою очередную седмицу служб; исповедывал, причащал; молился; законоучительствовал 27 лет подряд в Кронштадтской гимназии; посещал больных, бедных. К последним у него особенно горело сердце... Недаром он говорил в первом слове, что достичь благодати Божией можно лишь любовью. И всю жизнь свою он горел ею. Прямо, точно и правильно можно сказать про него: он не жил для себя с самого начала священства и до кончины! Он жил во Христе для других.

Думаю, впрочем, что лучше всех объяснит свой путь о. Иоанн. В этой же ответной речи на сорокалетнем юбилее он говорит, что полученные и раздаваемые им дары пришли к нему не легко и не от одной иерейской хиротонии, а и от всежизненных подвигов, и подвигов — трудных: он вел великую внутреннюю духовную борьбу. Вот как он о ней рассказывает сорок лет спустя: «Прожить и прослужить сорок лет в духовном сане беспорочно (обратим внимание на это его слово: «беспорочно»!), в смысле общепринятом, — дело великой и особенной благодати Божией!.. Дремать и обленяться во все это время мне не приходилось; а надо было стоять всегда на духовной страже своей, на страже обучающегося юношества и паствы приходской, данной нам от Бога, — почти постоянно совершать службы в храме, проповедовать Слово Божие, исполнять приходские требы, учить и учиться; служить, по силе, бедным и нищим.

Не в похвалу себе говорю это, ибо не хвалящий себя искусен, а тот, кого Бог восхвалит (см.: 2 Кор. 10, 18), а чтобы показать, что я делал то, что должен был делать, яко раб неключимый (см.: Лк. 17, 10)».

Это были «обычные» дела. Но далее о. Иоанн говорит об особом подвиге борьбы с бесовскими силами.

«Как духовный воин, я должен был зорко следить за злохитростными действиями неусыпающих лукавых, злых, невидимых врагов, нападающих на меня чрез различные страсти и страхования; и часто — наносимые мне приходилось переносить от них раны в душе, язвы, смущения, тесноты, поражения; хотя, в свою очередь, и я поражал их оружием веры, молитвы, покаяния, Причащения Св. Таин Христовых! И в этой невидимой, но упорной, полной уязвлений душевной брани, от которой страдала и плоть, Господь научал постоянно «руце мои» духовные «на ополчение, персты мои на брань» (Пс. 143, 1).

В этой невидимой, жестокой войне я учился искренне вере, упованию, терпению, молитве, правоте духа, чистоте сердца, непрестанному призыванию имени незримого, державного Победителя ада и Пастыреначальника Иисуса Христа; и Его именем и силою побеждал врагов и свои душетленные страсти, рыкавшие на меня, подобно львам, или завывавшие, подобно волкам».

Не много здесь слов; но сколько под ними таится действительно «жестокой войны»! Ведь лишь легко написать эти слова, а нам сейчас их читать, — но какая у него была борьба, заканчивавшаяся большей частью победою! Вот где крепла его вера, чистота, молитва, сила, влияние на людей, а потом и власть над бесноватыми!

В связи с этой духовной борьбою, о. Иоанн начал писать свой, всем известный, дневник — «Моя жизнь во Христе».

«Как духовный страж прежде всего себя самого, своего внутреннего двора, а потом и церковного, то есть Христова словесного стада, я вел почти непрерывный дневник, в который записывал выдающиеся движения, борения, брани, победы или поражения в моем внутреннем мире и в моей духовной войне, — как бы собирая для себя арсенал духовного оружия для отражения будущих нападений врагов.

Также я старался во все воскресные и праздничные дни проповедовать народу Слово Божие, коим назидал и укреплял и себя и паству.

Бывши законоучителем и воспитателем юношества в местной гимназии, я уча — учился, более и более входя в себя и вдумываясь в истины евангельские, в заповеди Божии, в исторические события церковные на пространстве минувших веков и углубляясь в наше дивное, небоподобное богослужение. Не бесследно прошли для меня почти ежедневные службы в храме и 27 лет моего законоучительства, но углубляли меня в науку великого самопознания и богопознания! И я учился, — как и доселе учусь (это он говорит на 66-м году своей жизни!) служить Богу в духе и истине, объемля в моей смиренной молитве, по благодати Божией, «всех и вся», и принося Бескровную Жертву «за всех и за вся».

Мало ему было семинарии; недостаточно и академии; нужна была еще целая школа жизни, где, собственно, и приобретаются истинные знания — не в теории, а в опыте, — о чем он говорил еще в речи по окончании семинарии... Вот она — пришла это школа... И гораздо более трудная школа, чем в архангельской семинарии, которая тогда ему представлялась «долговременным трудом»: уже не 10 лет теперь он учится «духовной науке», — а целых 40... И все учится и учится!

Вот «как это случилось», что он стал великим пастырем России! Не просто и не легко! И сам он говорит далее:

«Трудно достигать духовного совершенства, живя в мире, среди житейских соблазнов всякого рода; ибо трудно отрешиться от всего того, что льстит зрению, вкусу, осязанию, вообще — чувствам многострастной плоти! Сильно воюет «миродержитель тьмы века сего» (см.: Еф. 6, 12). Чрез чувства плотские, тонко и глубоко, впускает он в наше сердце огненное жало свое, увлекающее ко всяким житейским страстям; через них он усиливается отвращать взоры душевные от «единого на потребу» (см.: Лк. 10, 42), от восхождения горе по лествице добродетелей и льстиво поучает непрестанной измене в любви и преданности Единому, достойному всей нашей любви, пречистому, прекрасному и бессмертному Жениху душ наших — Христу Богу, не допуская нас уязвляться всегда сладчайшею, нетленною любовию к Нему».

Да, мир полон соблазнов и искушений сам по себе; а они были везде, где действовал о. Иоанн: и в доме, и в окружающих бесчисленных людях, среди которых были увлекающиеся, немощные поклонники и поклонницы; и в среде богатых, которые звали его, а потом — и в атмосфере поразительной славы, и среди денежного соблазна, и в его собственной плоти и

пр. и пр. И во вражде к нему части печати и общества... Сколько везде искушений!

И поймешь жалобные стоны о. Иоанна: «Стократ блаженны, — часто думал я, — пустынники, удалившиеся, ради неразвлекаемого служения Богу и спасения души, в пустыни, чуждые соблазнов мира...»

Но ведь и там была «жестокая война»... А о. Иоанн о другом помышлял: нужно кому-нибудь работать и среди людей! «Надо, — опять думал я, — подвизаться и в мире, живя среди людей, и сохранять себя нескверным от мира».

Чрезмерно трудно это, а он все дерзал «сохранять себя нескверным». Какая нужна была гигантская духовная сила и какая беспрерывная борьба, чтобы удержаться «нескверным», «беспорочным»! Какая нужна и помощь Божия! И он надеялся на нее и получал ее:

«Господь с нами есть и пребудет с верующими «до скончания века» (Мф. 28, 20). И, сам побеждая, он других утешает и бодрит: «Падая, будем восставать и идти вперед; ибо нам сказано: «елижды аще падеши, востани и спасешися»; нам, грешным, дано покаяние и обещано бесчисленное милосердие: «Твое бо есть еже миловати и спасати ны, Боже наш» (возглас в конце утрени).

Я думаю, что для описания жизни святых людей лучше всего говорить их собственными словами: тогда они точно стоят живыми перед нами. Потому я выписываю и буду выписывать выдержки: они без сравнения сильнее моих слов. Читая о борьбе о. Иоанна, невольно приходишь к сравнению его со святыми. Вот он сам, в день своего рождения, говорит похвальное слово в честь преп. Иоанна Рыльского, «имя коего ношу и я, в числе многих православных христиан»; и спрашивает:

«Почему Св. Церковь прославляет торжественно память святых угодников Божиих? Потому, что они возлюбили Бога всем сердцем и исполнили... Его святую волю; побороли в себе все враждебное Богу и враждебное им самим, то есть грех; победили демонские козни... И Бог... вселился в них и сделал их Своими нерукотворенными храмами: ибо Он — свят и во святых почивает... Судите теперь сами о величии их души и великости их подвигов! Да, чудное величие духа человеческого во святых! Все тленное, суетное (богатство, славу земную, красоту, сладость, покой плоти)... и чем мы все прельщаемся, отпадая сердцем от Бога, они презрели и сочли за «сор» (см.: Флп. 3, 8) и дым ради Христа, ради приобретения Его Единого, богатство, славу земную, красоту, сладость, покой плоти, ополчились против миродержца диавола и всех полков демонских, воевавших против угодников Божиих, — и невидимо, а иногда и видимо, твердо противоставши, даже до смерти, всему богопротивному и оскверняющему души человеческие, вооружающему на Бога и отторгающему их от Него.

Святые угодники Божии были истые, действительные, мужественнейшие воины Христовы... Господь в награду за их подвиги удостоил их, еще при жизни, дара чудес и прозрения будущего; и они источали и источают бездну исцелений душевных и телесных для всех, прибегающих к ним с верою». (19 октября 1887). Читая эти слова о. Иоанна и припоми-

ная описание его собственной борьбы, без труда видишь, как близки оба эти Иоанна.

Но, понятно, Кронштадтский подвижник считал себя несравнимым с болгарским преподобным. И потому, когда начали чтить и восхвалять его самого в дни юбилеев, он отодвигал «рукою смирения» эти похвалы. Вот, на 25-летнем юбилее его священства (14 декабря 1880), когда прихожане подносили ему драгоценный крест, о. Иоанн благодарит подносивших и честь возвращает к ним: «Не знаю: кому более чести в этом даре, — вам или мне? Я думаю, что вам, да, вам, — теплоте вашей веры и любви... «Принимающий пророка во имя пророка, то есть почитающий его за самое имя и звание, получит сам награду пророка (см.: Мф. 10, 41). И от себя говорит: «Спасибо вам, что вы благосклонно отнеслись к моим немощам. Да, я исполнен немощами и знаю мои немощи». Так смиренно мыслит о. Иоанн о себе самом. Но тотчас же он не дерзает скрывать силу Божию: себя унижает, а ее восхваляет:

«Но сила Божия в немощах совершается (см.: 2 Кор. 12, 9). И она дивно совершалась во мне в продолжение 26-летнего священствования моего! И дерзну сказать, — ибо скажу истину, — через меня совершалась во многих, в простоте верующих, очевидным осязательным образом. Слава благодати! Слава Господу Иисусу Христу, даровавшему нам «благодать на благодать» (Ин. 1, 16)... Кто исчислит за все это время бездну спасения Божия, совершавшегося во мне (самом) благодатию Христовою всякий день и многократно! Не могу исчислить бесчисленного множества козней миродержца и приступов страстей, разрушенных милостию и силою Христовою во мне, — по моей тайной молитве веры, ради сердечного покаяния, и особенно — силою Божественного Причащения! Какой ангельский, многообъемлющий ум прочтет все тайные дары Божии душе моей, — благодатные дары милости, очищения, освящения, просвещения, мира, умиления, свободы (духа) и пространства (легкости) душевного, радости в Духе Святом, дерзновения и силы, и многоразличной помощи, коих я невидимо сподоблялся во все дни моего священствования! Не могу исчислить бесчисленного множества врачеваний благодатных — душевных и телесных, совершенных во мне Господом чрез сердечное призывание чудного имени Его! Слава Спасителю нашему Богу! Он видит, что я неложно воссылаю Ему эту славу. Только Им и о имени Его я — славен, а без Него — бесчестен; с Ним — свят, без Него исполнен грехов; с Ним дерзаю, без Него малодушествую, с Ним кроток и смирен, без Него раздражителен и неблаг. «Возвеличите Господа со мною, и вознесем имя Его вкупе» (Пс. 33, 4). Да пребудут незабвенными для меня эти милости Господни вовек; да укрепляют они мою веру и надежду на будущее время; да утверждают стопы мои в делании заповедей Божиих, в непреткновенном прохождении высокого звания священнического!» Но после этого восторга он снова смиряется; принимая же подносимый тогда золотой крест с камнями, о. Иоанн говорит: «Не всуе ли я буду носить это тленное золото, не стяжав души чистой и сердца непорочного?! Равно, еще не приобрел я в достояние неотъемлемое — духовного

драгоценного камня, который есть Иисус Христос (см.: 1 Кор. 10, 4)... О Господи, Камень драгий! Просвети меня еще омраченного тьмою страстей!.. Как я буду носить его (крест)... когда еще богопротивное самолюбие в разных видах живет во мне и нередко омрачает душу мою?! Разве для обличения себя буду я носить его на своих персях, в которых еще не горит постоянным пламенем любовь к Распятому и к тем, за кого Он распят?! Простите мне мое недоумение и мое колебание! Мы готовы на получение наград; но не всегда готовы на самоотвержение... Прошу усердно ваших о мне молитв».

Дивное сочетание прославления имени Божия за бесчисленные дары и смиренное самосознание о. Иоанна! Так, очевидно, и бывает оно во святых: Богу слава, а нам — стыдение!

Прошло еще 10 лет; уже 35 годовщин прошло после хиротонии во иереи... Уже 1890 год. А о. Иоанну — 61. Снова юбилей... Снова торжественное множество почитателей.

«Что собрало вас в этом святилище? Не обинуясь (не укрываясь) скажу, что вас соединила и собрала вера и любовь ваша к Богу и ко мне, служителю Его...» Прежде о себе не дерзнул упоминать; теперь дерзает.

Но опять немедленно взирает ко Господу:

«По невыразимой милости Господа Бога ко мне, грешному, и по безмерному Его долготерпению, мне суждено дожить до дня, в который исполнилось 35 лет служения моего в сане священника при этом храме...»

«Сегодня у нас скромное торжество веры Церкви, торжество священства, пастырства и паствы, торжество братского единодушия и любви».

И далее о. Иоанн снова говорит, что слава священников восходит к Единому Первосвященнику Христу, «принесшему Самого Себя в жертву за нас Отцу Своему Небесному». А что касается самого юбиляра, то — «Я, по слову и наставлению Христову, есмь раб непотребный, сделавший только то, что должен был сделать (см.: Лк. 17, 10) при пособии благодати, данной мне Господом. Да и сделал ли я все, что должен был сделать? По совести скажу — нет! Много не доставало в моем служении, по внутреннему человеку; вообще служение мое было не без недостатков. Мой долг — сознавать это и просить снисхождения к моим недостаткам и милости у Господа, да и у вас — снисхождения к моим немощам».

И опять дерзает: «Но желаю всем сердцем святости и совершенства; и буду всеми силами, с помощью Божиею, стремиться к исправлению и совершенству, ибо нам сказано: «Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5, 48). Пройдет еще 5 лет... 40 лет священства. И о. Иоанн говорит лишь о «жестокой войне» с врагами и о трудности «совершенства в миру».

Смирение Божие преклонило главу его долу, и он не дерзает уже восхвалять даже силы Божии, в нем явленные! Значит, он духовно стал еще выше: чем человек больше смиряется, тем он, по существу, больше возносится (см.: Лк. 18, 14).

Я обильно выписал из слов о. Иоанна; но именно они сами — а не мои соображения — привели меня, а, надеюсь, и читателя (если когда будет та-

ковой) к внутреннему ощущению духовного состояния угодника Божия, завершающегося смирением...

Каким молодым орленком начинал он свое пастырское служение; и каким умудренным, опытным, сдержанным, задумчивым орлом приходит он к концу своему!.. Вспоминает он раны свои... Вспоминает войну с врагами... Вспоминает и поражения... И сосредоточенно молчит орел духовный... А пройдет еще 13 лет; и он отлетит к Отцу своему Небесному — больной, страдающий, немощный по-человечески...

Об этом, однако, — после... А теперь докончим несколько размышлений о его пастырской деятельности, и особенно о его поразительном самосознании, открытом им в Дневнике...

Родина и родные отца Иоанна

Переходя далее к описанию жизни этого великого человека, мне, естественно, и хочется и нужно рассказать хоть немного о месте его рождения и о родных его. Всякий знает, что человек родится уже с задатками, полученными от родителей. Влияет на нас также и окружающая обстановка: близкие, быт, вера, жизнь и даже — климатические условия.

Отец Иоанн родился на глубоком Севере, откуда вышел и славный его земляк — Михаил Васильевич Ломоносов.

Местом его рождения было село Сура, прозванное по тому же имени реки Суры, при впадении ее в реку Пинегу, приток Северной Двины, в Архангельской губернии.

Маленькое село, приютившееся у берегов своей реки, было глухим и уединенным уголком... Не будь о. Иоанна, никто из нас никогда и не услышал бы об этом имени. Недаром говорится, что не место красит человека, а человек — место.

В 1899 году о. Иоанн путешествовал на родину в свое село Суру. С ним ездила и игумения Таисия «для обсуждения вопроса касательно устройства в нем женской обители».

«Все эти хлопоты, — пишет она в предисловии к изданным ею письмам о. Иоанна к ней — выпали на мою долю; и я была счастлива послужить великому делу...

К ночи на 10 июня мы подплывали по Пинеге к Северной Двине. Ночь была несказанно дивная! Особенно для меня, несеверянки, она казалась чем-то волшебным. И я, уединившись на палубе у рубки, записывала свои впечатления, излившиеся в стихах... Батюшка был на палубе.

Около часа ночи он подошел ко мне и... сказал: «А ночь-то, ночь-то какую нам с тобой даровал Господь!»

Потом, видя, что я пишу, спросил меня: «Что ты делаешь?» Я ответила: «Чувства просятся наружу; хочу писать; да от полноты их не пишется».

На это он ответил:

«Хочешь, я напишу тебе что-нибудь об этой дивной ночи, на память о нашем путешествии?»

И он пошел в рубку и через несколько времени принес мне... лист, который теперь переписываю слово в слово:

«Слово похвале Твоей. Благослови, Господи!

Река Пинега и мир Божий в своей чудной красоте на 10 июня на пароходе «Святитель Николай».

Незабвенная, восхитительная, славная ночь, виденная мною на Севере, когда я на 10 июня следовал на своем пароходе «Святой Николай Чудотворец» по реке Пинеге.

Это недалеко было от впадения ее в великую, размашистую, как море, широкую Северную Двину. Было 12 часов ночи; но ночи на самом деле не было; и сумерков даже не было: это был самый светлый тихий вечер. На самом горизонте — лучезарные перистые облака; река — как стекло, не колыхнется; от светлой зари она вся — как огненная. Природа вся была необыкновенно прекрасна. По обеим сторонам реки берега окаймлены ровным хвойным лесом с зелеными лугами; вода, как зеркало, чудно отражала багровое небо.

Тишина — мертвая! Мысль и сердце уносятся к Богу, в такую велелепоту облекающемуся, одевающемуся светом, яко ризою, простирающему небо, яко кожу (см.: Пс. 103).

Чувствуешь, что Он Сам — тут, вездесущий, все наполняющий, все содержащий, всему дающий жизнь и дыхание и все!

И эта Пинега — моя родная река, текущая близ моего родного села Сурского, около которой я столько раз бегал, бывши младенцем и отроком, которая так шумлива и восхищала меня своим величественным ледоходом, своим обильным и широким, всеувлекающим разливом. Это — та Пинега, по которой я так много плавал, бывши отроком — учеником духовного училища и семинарии; плавал с великими затруднениями на большой лодке, подвергаясь и ливню дождя, а иногда осыпаемый снегом и градом в конце августа или начале сентября.

Сколько воспоминания предносится моему уму и воображению! Сколько чувств пробуждается во мне и отрадных и печальных!.. Сегодня, на 10 июня, я всю ночь не сплю — и вот дождался восхода солнца, ослепительно заблиставшего и чудно игравшего переливами света. Это было в первой четверти 2-го часа».

Суровый — этот край. Пустынные, малолюдные, редкие поселения.

Солнышко светит жарко только коротким летом; но к августу уже дни сильно укорачиваются, ночи увеличиваются. Наступают холода, темная осень; а затем длинная, суровая, снежная зима, когда солнышко появляется лишь на короткое время, чтобы снова зайти, жизнь не легкая, трудовая. И хлеб достается трудно. О роскоши же не думают.

И потому в суровой природе и люди делаются серьезными, молчаливыми, даже склонными к суровости; терпеливые, закаленные в подвигах и труде. Где-то далеко-далеко, точно в другом мире, есть, слышно, большие города с их шумной, суетливой, а нередко и греховной жизнью; но звуки ее не долетают до глухого сурского уголка: здесь живут тихо, спокойно, размеренно, скромно и почти праведно.

Маленькое село; маленькие избы; «маленькие» люди с маленькими делами... И только два храма, как две руки, поднимаются к небу, делая жизнь этих людей значительною, даже великою; ибо все вечное — велико.

А иногда среди этих «малых» родятся великаны, люди с большой волей. С твердой упорной энергией, одаренные, а внутри — смиренные, самособранные.

В таком заброшенном селе и жили родители будущего светильника — из рода Сергиевых.

Сам Батюшка говорил, что их духовному роду считалось около трех веков: значит, еще в 1600-х годах, в дни Смутного времени, предки его жили в той же Суре. И до наших дней еще сохранились две древних деревянных церковки: одноглавая небольшая Введенская, построенная около четырехсот с лишним лет тому назад; и другая рядом — Старо-Никольский храм, с красивым пятиглавием над средней частью его и шестой главкой над алтарем; эта церковь построена еще раньше, около пятисот лет назад. Колоколен на фотографиях теперь не заметно.

Вон в какую старину держалось здесь Православие! И не мудрено, что за полтысячу лет оно вросло в душу и в быт местных жителей: тогда не было там различия на верующих и неверующих, на богатых и бедных, на ученых и простецов: все были простыми чадами Божиими и членами Святой Церкви; Церковь, можно сказать, была им и учительницей веры, и спасительницей душ, и школой грамоты, «по псалтирю», и культурной просветительницей; короче, она была им действительно духовною матерью. И календарный год определялся по солнышку да по святцам: по Герасиму Иорданскому, по сорока мученикам, по Алексею Человеку Божию, по Егорию Победоносцу, по Петру и Павлу, по Казанской, Тихвинской, по первой, второй и третьей. «Спажинкам» (сокращено из «Госпожинки», то есть 1, 6, 14 августа, дням в Успенском посту Пресвятой Госпожи Богородицы). И по этим праздникам и дням люди вели счет времени и свою жизнь; к ним примерялись и хозяйственные работы года. Всем всё было ясно, просто. Родились, жили и умирали тоже просто. Никаких мудреных вопросов не было: Церковь давала ответы на все недоумения. Может быть, вокруг Суры сохранились места, даже и совсем нетронутые от творения мира.

Один из жителей этого края рисует такую картину родины о. Иоанна: «С юго-западной стороны, где протекает река Сура, тянется длинная полоса земли, замыкающаяся возвышением, на котором раскинут лес. С южной, на самой окраине горизонта, покрытой дымкою тумана, тянется другой лес, теряющийся в отдалении. На далекое расстояние по этому пространству змеится река Сура, сверкая своими струями на ярко сияющем солнце. Там и сям работают крестьяне, плетется телега, бегают дети» ...Отрезанный от мира уголок... Тут и было село Сура. Когда о. Иоанн впоследствии посещал летом свою родину, его мысль невольно переносилась к первоначальным векам творения.

«Вот они — Летовские холмы — бывшие пять или шесть тысяч лет тому назад берегами великой реки Суры», — пишет он в Дневнике своем. И у этой речки стояла около других крестьянских хат и деревянная изба

Сергиевых. Она сохранилась и доселе: довольно высокое крытое крыльцо с двумя ходами в 9–10 ступенек; из него дверь в первый низкий сруб, а оттуда — ход в другой, более высокий сруб, под которым дверь в подвальную часть. Наверху теперь стоит высокий четырехугольный крест. Печной трубы не видно сейчас. Оконца очень маленькие.

Тут и появился на свет будущий чудотворец. К сожалению, не осталось сведений об его предках. Известно лишь, что деда по матери звали Власием; но кто он был, неизвестно; вероятно, из тружеников того же села. Имя деда по отцу тоже неизвестно. В старые времена не очень любили чествить людей: имя, да еще разве «прозвище», — и довольно для смиренных христиан; а по отчеству величали лишь особых, выдающихся лиц. Отцом родившегося был дьячок, — по-теперешнему — псаломщик. В метрической книге, в части 1-й, о родившихся в Сурском приходе за 1829 год, под 19 октября, за № 24 — мужского пола, в графе о рождении записано следующее: «дьячка Ильи Сергиева сын Иван».

А на другой половине страницы, в графе о крещении, под 20 октября записано так: «за слабость здоровья крещен в доме своем священником Сергиевым восприемники Иван Кунников и священника Сергиева дочь Дарья».

Знаков препинания нет.

Ниже, через одну крещеную, подпись такая: «В сем месяце записана чинена верна в чем и подписуемся. Священник Михаил Сергиев. Диакон Иван Киприанов. Дьячок Илия Сергиев подписуюсь».

Вот мы и видим первую и единственную подпись отца будущего светильника. Почерк красивый, каллиграфический, мягкий, честный; отсюда можно заключить, что раб Божий Илья по характеру своему был человеком уравновешенным, аккуратным, спокойным, благоприятного нрава, кротким. Когда сравниваешь почерк сына его, о. Иоанна, с отцовским, то без труда видишь наследственные каллиграфические черты; но с тою разницею, что в почерке батюшки есть и стихия порывистости, размаха, силы. Нужно думать, эта сторона вошла в него уже от матери Феодоры... По всем данным она от природы была сильною, энергичной женщиною. Это видно и из сохранившегося портрета ее, где она изображена с напряженным серьезным лицом, с глазами, обращенными кверху, со сжатыми губами. О том же говорят некоторые факты из ее жизни.

Как мы увидим скоро, это она настояла на дальнейшем обучении сына в духовной академии, хотя он сам хотел поступить сразу же после окончания семинарии на диаконское или даже на псаломщическое место, чтобы поддержать мать, оставшуюся вдовою после смерти мужа. Известен и другой, еще более характерный, случай из ее жизни, когда ее сын был уже священником.

«Однажды, — пишут составители жития его, — в начале Великого поста... о. Иоанн тяжко заболел. Врачи объявили, что больной непременно умрет, если немедленно не прекратит есть постную пищу: питание являлось первым условием (выздоровления); а между тем больной не хотел принимать даже рыбы.

— Вы умрете обязательно, если не станете есть мяса, — говорят ему.

— Хорошо, я согласен (нарушить пост); но только спрошу сначала позволения своей матери.

— А где ваша мать?

— В Архангельской губернии.

— Напишите как можно скорее.

По просьбе великого праведника отца Иоанна в тот же день послали письмо матери с просьбой выслать как можно скорее свое благословение сыну о разрешении принимать скоромную пищу во время поста.

Прошла неделя, другая. Больному все хуже. Наконец, получается письмо от матери: «Посылаю благословение, но скоромной пищи вкушать Великим постом не разрешаю ни в каком случае».

Отец Иоанн встретил ответ с полным спокойствием и даже, видимо, был доволен отказом.

— Так неужели вы не станете есть мясного? — спрашивали его врачи.

— Конечно, не стану, — спокойно ответил о. Иоанн.

— Да ведь вы умрете!

— Воля Божия! Неужели вы думаете, что я променяю жизнь на благословение матери, на заповедь Господа: «Чти отца твоего и матерь твою»? ...И он скоро выздоровел».

Я не знаю, насколько точно записаны были подробности этого события и слова матери... Из другого источника мне пришлось услышать еще более резкий ответ матери сыну: «Лучше умри, а постов не нарушай». Но все равно, факт остается таким же: мать не разрешила нарушать поста и для болевшего сына! Думаю, едва ли нашлась бы другая такая из тысяч!

От такой матери родился и подобный сын.

И я имею полное основание предполагать, что та власть духа, которая была столь свойственна Кронштадтскому чудотворцу, особенно при изгнании бесов (как увидим), и которая иногда могла проявляться в нем в ревности темперамента, — перешла в него по прямой наследственности именно от матери. А кротость, любовь, ласка, вероятно, были скорее качествами отца; и уравновешивали свойства материнские.

Я остановился на этих свойствах обоих родителей потому, что мне всегда хотелось понять: откуда взялась такая громадная сила в о. Иоанне?

После я сам задам ему вопрос об этом. А пока я ищу объяснения в естественном даре Божием — в наследственности. Всякий из нас знает о силе и значении ее вообще, и у святых в частности.

Однажды я занялся вопросом об отношении святых людей к их родителям. Просмотрел Четьи-Минеи. И конечно, без труда узрел прямой закон наследственности: у огромного множества святых были и родители благочестивыми. А иногда один кто-либо из них был таким или воспитывавшая внука бабушка. И весьма редко — как, например, у св. великомученицы Варвары или у преп. Анфусы — родители были злыми людьми. А кто не знает о чудных бабушке и матери Григория Нисского и Петра Севастийского и сестры Макрины? Кто не слышал о родителях св. Григория Богослова — Григории и Нонне?! Всем известна Анфуса, мать Златоуста, про

которую язычник с восхищением сказал: Какие у христиан женщины!! А Моника, вымолившая у Бога своего грешного сына Августина?! А свв. Кирилл и Мария, преподобные родители Сергия Радонежского?! А Агафия — мать св. Серафима Саровского?! А благочестивая «дружина», — как говорится на славянском языке, — благочестивого священника, отца славного епископа Феофана Затворника?! И многие, многие другие...

Конечно, не всё — особенно у святых — объясняется одной наследственностью: великое значение имеют потом и их собственные подвиги, благодатию Божиею вспомоществуемые. Но все же печать наследственности почти никогда не смывается, а лишь раскрывается или исправляется и нашею волею. И Дух Божий не насилует природы.

И теперь, касаясь могучего духом о. Иоанна, — чего никто отрицать не может, — думаю, что сила у него была от матери, а гармоничность — от отца; но сила матери передалась ему больше и превозмогла в будущем чудотворце всю его жизнь.

По свидетельству метрической выписки, а также и по преданию вообще родился ребенок сравнительно слабым и «за слабость здоровья» крещен в доме, вероятно, родительском.

Впрочем, просматривая фотографический снимок с метрики, я вижу, что все пять рожденных и записанных на этом месте, были «крещены в доме» и все «за слабость здоровья». Причем двое из них крещены в самый день рождения, двое — на другой день, а пятый даже через три дня, — и все «за слабость».

Младенец Иоанн был рожден 19 октября, а крещен 20-го. Отсюда можно сделать предположение, что в холодные зимние октябрьские дни вообще опасно было крестить нежных младенцев в холодной и, вероятно, нетопленной церкви; поэтому священник предпочитал их крестить в топленной хате, а в метрике ссылался на «слабость» здоровья.

Во всяком случае о. Иоанн и в дальнейшей своей жизни был крепким человеком и редко болел, о чем он говорил нередко сам и свидетельствовали знавшие его: до 75 лет он был всегда бодрым и сильным.

При крещении дали ему имя Иоанн в честь преподобного болгарского подвижника Иоанна Рыльского, память которого падает на 19 октября. И его имени Кронштадтский пастырь будет не раз посвящать свои поучения в дни своего рождения.

Кроме мальчика, у родителей Сергиевых были еще две дочери — Анна и Дарья. Дарья Ильинична, в замужестве Малкина, дожила до глубокой старости и была у брата на 50-летнем юбилее (12 декабря 1905). Матушка же о. Иоанна переехала жить в Кронштадт. И скончалась 8 июля 1871 года. Погребена была на загородном кладбище. Впоследствии почитатели сына ее создали над почившей прекрасную часовню. Подобает записать здесь краткое воспоминание одного паломника на эту могилу. Он вместе с приятелем приехал в Кронштадт для того, чтобы испросить у Батюшки благословение на поступление в монастырь. Но в это время (июнь 1899) о. Иоанн уехал на родину в Суру. Огорченный паломник, побывав в храме ап. Андрея, пошел осматривать город. «Меня как-то невольно по-

влекло сходить на могилку матушки о. Иоанна, совершить поклонение этой старице, воспитавшей такого великого светильника Церкви Христовой, и испросить ее молитвенного предстательства в моем столь горестном положении... Для меня не составило никакого труда найти могилу Феодоры Власьевны, ибо место ее вечного упокоения было увенчано благолепной часовней-памятником, при виде которой мною овладело столь глубокое и искреннее чувство благоговения и признательности, что я тут же на поляне опустился на колени и совершил здесь первое свое земное поклонение сей приснопамятной и великой матери... вскормившей и воспитавшей такого благодатного сына, ставшего дивным и всехвальным украшением Святой Церкви Христовой. Затем, несколько раз обойдя вокруг всего памятника... я вошел в самую часовню и вновь преклонил здесь колена, прося помощи и заступления (ее) в том, чтобы Господь не лишил меня великой милости — видеть ее сына, свято и благоговейно чтимого мною пастыря-праведника о. Иоанна, и лично получить от него совет и благословение на избрание жизненного пути. С теплой надеждой и отрадою на сердце вышел я из этой святой и столь памятной для меня часовни. Вечером этого же дня (3 июня) от двух лиц, совершенно различных по общественному положению, я получил необходимую мне материальную помощь и духовный совет на избрание того именно рода жизни, какой впоследствии батюшка о. Иоанн дважды подтвердил своим личным советом и благословением.

Утром 4 июня, покинув Кронштадт, я выехал в Петербург; а 6 числа на пароходе отправился на Валаам, куда Господь направил мои грешные стопы.

Это посещение места вечного упокоения праведной старицы Феодоры и ее небесная помощь, поданная мне, грешному, в это прелестное июньское утро — ясное, тихое, светлое — остались для меня навсегда неизгладимыми и навеки незабвенными».

А «мой добрый спутник, Я. А. И., уехал (2 июня) в Петербург, для дальнейшего следования в Соловецкий монастырь, куда он стремился».

Итак, теперь нам известно уже несколько имен для поминовения их «за упокой» как родных батюшки, а это дорого всякому почитателю о. Иоанна:

1. Родитель его Илия.

«Отец мой умер 48-ми или 49-ти лет. В 1824 году кончил учение в духовном уездном училище, в 1828-м женился, а в 1829 году я, по милости Твоей (Господи), родился на свет. Он женился на 26-м году жизни, умер — в 1851 году; родился он в 1802 году приблизительно». Скончался, когда сын его учился еще в семинарии; погребен в с. Суре.

2. Мать — Феодора.

3. Отец ее — Власий.

4–5. Сестры: Анна и Дария.

6. И весь род «Сергиевых».

7. Крестивший младенца Иоанна священник о. Михаил, тоже Сергиев, — вероятно, родственник будущему светильнику.

8–9. Крестные родители Иван (Кунников) и Дария Сергиева.

10–11. Далее его «супруга» Елизавета и отец ее протоиерей Константин (о ней — дальше).

12. Наконец — сам приснопамятный ОТЕЦ ИОАНН.

Царство всем им Небесное!

Позднее мне пришлось найти несколько другие сведения; не изменяя прежних, переписываю новые. Они очень важны: здесь — о болезни и ранней смерти отца, и о причине смерти матери — холере.

Феодора Власьевна жила обычно на родине; и лишь по временам приезжала к сыну в Кронштадт гостить. И в один из таких приездов она нашла тут смерть от заразы холерой. Непостижимы судьбы Божии! Но может быть, Богу угодно было, чтобы и она была предметом почитания христиан?! В Суре о ней забыли бы совсем. А теперь на Кронштадтском кладбище красуется большая прекрасная часовня в русском стиле над ее прахом.

Вот — эти новые сведения (из писем о. Иоанна, напечатанных иг. Таисией).

«Родители мои были бедны; притом отец постоянно хворал, от тяжелых трудов сильно болея животом, в котором были не то грыжа, не то рак, от которого он и умер рано, прожив только 46 лет.

Мать моя скончалась в Кронштадте в 1870 году от холеры».

Годы учения

К рассказанной о. Иоанном автобиографии мы из разных источников имеем следующие дополнения и подробности.

Несомненно, со слов его, игумения Таисия рассказывает случай из самого раннего детства:

«Однажды ночью 6-летний Ваня увидел в комнате необычный свет. Взглянув, он увидел среди света ангела в его небесной славе. Младенец Иоанн, конечно, смутился от такого видения. Ангел успокоил его, назвавшись его Ангелом хранителем, всегда стоящим окрест его в соблюдение, охранение и спасение от всякой опасности».

Есть и дополнения к его автобиографическому рассказу об открытии способностей. Перепишу их — хотя бы и с повторениями.

«Ночью я любил вставать на молитву. Все спят. Тихо. Не страшно молиться; и молился я чаще всего о том, чтобы Бог дал свет разума на утешение родителям. И вот, как сейчас помню: однажды был уже вечер, все улеглись спать. Не спалось только мне: я по-прежнему ничего не мог уразуметь из пройденного, по-прежнему плохо читал, не понимал и не запоминал ничего из рассказанного. Такая тоска на меня напала: я упал на колени и принялся горячо молиться. Не знаю, долго ли пробыл в таком положении; но вдруг точно потрясло меня всего. У меня точно завеса спала с глаз, как будто раскрылся ум в голове; и мне ясно представился учитель того дня, его урок, я вспомнил даже, о чем и что он говорил. И

легко, радостно стало на душе. Никогда не спал я так спокойно, как в ту ночь. Чуть засветлело, я вскочил с постели, схватил книги, и — о счастье! — читаю гораздо легче; понимаю все; а то, что прочитал, не только все понял, но хоть сейчас и рассказать могу. В классе мне сиделось уже не так, как раньше: все оставалось в памяти. Дал учитель задачу по арифметике — решил; и похвалили меня даже».

Из сопоставления этих двух рассказов видно, что чудо просветления его разума произошло не дома, когда он учился грамоте; а позднее, когда его привезли в Архангельское приходское училище: «вот тут-то... во мне произошла перемена». И слова «все улеглись спать» относятся не к родным в доме, а к товарищам в школе. В школу же его «повезли на десятом году»; следовательно, чудо просветления ума отрока произошло в 1838-м. Всего о. Иоанн, по его собственным словам, учился 17 лет. Будучи впоследствии уже законоучителем в Кронштадтской гимназии, он однажды говорил детям:

«Корень учения горек, но плоды его сладки», — говорит русская пословица. Никакое дело вдруг не дается. Впрочем время скоро пройдет. Я учился 17 лет — и они прошли, как сон. Но я благодарю Бога, что так долго учился».

Из этих 17 лет ученье распределялось по школам таким образом: на духовную академию — 4 года (1851–1855); на семинарию 6 лет (1845–1851); на духовное училище — 4 года (1841–1845). Итого 14 лет. Следовательно, на приходскую школу остается из 17 лет — еще 3 года (1838–1841). В начале последнего ученья о. Иоанну кончался девятый годок, а не десятый. При точном подсчете годов следует, по-видимому, изменять указание о. Иоанна, что его повезли в школу — «на десятом году».

Именно: если мальчику шел тогда десятый год; то это было летом 1839 года (род. в 1829) примерно в августе месяце, когда детей приводят в школу к началу учения. Если затем прибавить 17 лет учения, включая и академию, то будет лето 1856 года. Между тем точно известно, что о. Иоанн кончил академию в 1855 году, когда был рукоположен и в священство. Значит, нужно отправление в школу передвинуть на год, то есть на 1838-й, когда отроку шел, в августе месяце, еще не десятый, а кончался лишь девятый. Или же его повезли не в августе, а позднее — в октябре, после дня его рождения (19 октября); тогда ему начался бы действительно десятый годок. Но странно, что его повезли бы в школу так поздно, когда учение уже обычно идет. Начав учение с трудом, он к концу семинарии пересилил соперника и кончил ее первым; почему и послан был в ближайшую Петербургскую духовную академию. Из других лет школьной жизни юноши можно отметить лишь несколько незначительных событий.

На учебу не хватало средств. Школяры ходили по разным учреждениям и в канцеляриях выпрашивали себе бумаги.

«Вместе с другими, такими же бедняками, ходил и я, — рассказывал после о. Иоанн, — собирать бумаг по «присутственным» местам. Помню, каким богачом я чувствовал себя, когда экзекутор консистории дал мне, кажется, чуть ли не две дести».

Потом, 16–17-летним юношей, он начинает учиться в семинарии. В его биографиях упоминается в это время какой-то опасный момент. Его, видимо, как серьезного ученика, назначили «старшим над архиерейскими певчими». Певчих брали тогда из «бурсы», то есть из духовного училища. Память о ней, как известно, сохранилась плохая. А выделенные в певчих мальчики распускались еще больше. И вот с ними как-то ослабел и сам «старший» их. Мне неизвестны подробности искушений. Но только сильный юноша победил опасность, как он потом будет побеждать врагов во всю свою жизнь. И отдался серьезнее своему учению, кончив в 1851 году семинарию первым. Много-много лет спустя, в 1903 году, о. Иоанн посетил свою родину, как он это делал и прежде. На этот раз его сопровождал, среди других, и художник Животовский. О нем подробнее расскажу после: я знал его лично; а сейчас воспользуюсь записками его об этом путешествии.

«В Архангельске нам сообщили, что 13 июня весь день ждали приезда отца Иоанна; а многие, думая, что дорогой батюшка может приехать и ночью, продежурили на берегу до утра. Отец Иоанн, все время стоявший на носовой части парохода и не сводивший восторженного взгляда с приближавшегося города, при виде монастыря, с которым мы поравнялись, обнажил голову и осенил себя крестным знамением.

— Вот здесь прошли мои юношеские годы, — обратился он ко мне, указывая на сад и здание семинарии, показавшееся невдалеке от Архангельского монастыря. Батюшка с любовью всматривался в город и давал мне подробные объяснения.

— Эта обитель во имя Архангела Михаила построена еще за 400 лет до основания города, — говорил он... — А вот деревянный дом — это епархиальное женское училище; за ним виднеется большой каменный дом — это дом архиерея. Теперь смотрите далее — это наше Сурское подворье...

В день нашего приезда в Архангельск о. Иоанн направился к архиерею, заехал в несколько храмов; а после вечерни в соборе отправился с визитом к ректору семинарии, живущему в здании, в котором когда-то учился сам батюшка. Это был длинный двухэтажный белый дом, огороженный простым деревянным забором, с садом позади. Дорогой батюшка, в сопровождении ректора и его семьи, прошел в семинарский сад, где много лет тому назад, еще юношей, сидел он с книгами, готовясь к экзаменам. Пройдя в самый глухой конец сада, отец Иоанн вдруг остановился перед высоким, стройным и крепким деревом, ветви которого разрослись широко и нависли над дорожкой и соседними кустами. Отец Иоанн снял шляпу и как бы здороваясь со старым товарищем, потрогал дерево руками:

— Вот мой сверстник, — сказал он, обращаясь к нам. — Здесь было мое любимое местечко в саду; под этим деревцем я чаще всего проводил свой досуг и читал книги».

Художник Животовский в своих записках об этой поездке о. Иоанна зарисовал даже этот момент: у ствола какого-то дерева стоит Батюшка без шляпы и ласково гладит его, как живое. И конечно, вспоминает свое далекое детство и юность. Более 50 лет, как протекли они...

Больше не сохранилось фактов из семинарской жизни. Одно лишь можно утверждать, что он был добросовестным учеником и не случайно закончил курс первым.

Как уже известно из рассказов о. Иоанна, отец его, «нежно-любимый» им, скончался в последний год семинарского обучения (1850–1851), в возрасте 48–49 лет. Неизвестно, чем объясняется такая ранняя смерть его; вероятно, он был вообще не крепкого здоровья. Мать о. Иоанна, раба Божия Феодора, осталась вдовою с двумя дочерьми. Молодой семинарист естественно думал об оставшихся сиротах и — как мы видели —хотел сразу поступить на приход хоть бы псаломщиком, лишь бы содержать семью. Но решительная мать воспротивилась этому и настояла, чтобы сын, первый ученик, ехал в предназначенную ему Петербургскую академию..

Кончалось лето 1851 года. Юноша прибыл в столицу. Ему шел к концу 22-й год. Об этих четырех годах высшего богословского образования мы снова знаем очень мало. Лишь кое-какие обрывки случайных воспоминаний остались нам в наследство.

...Здесь тогда никто не думал, что среди академических молодых побегов растет гигантский дуб церковный. А как студент он не выделялся научными дарованиями среди таких же первых учеников из других семинарий. Студент средней богословской меры. Но обстоятельный, серьезный, трудолюбивый, занимающийся лекциями добросовестно.

В мое время (1903–1908) мы, студенты, почти не ходили на лекции профессоров: «дежурили» лишь два очередных товарища, которые и записывали их речи, если только те сами не читали свои лекции по готовым тетрадям. К концу года все это издавалось нами литографически; и мы едва успевали «проглатывать» содержание лекций в течение двух-трех дней перед экзаменами. Разумеется, оно так же скоро улетучивались из нашей памяти.

Но в старые годы студенты учились серьезно. И потому о. Иоанн вынес из академии большие знания. Когда он стал законоучителем в гимназии, то в своих речах неоднократно говорил о необходимости серьезно заниматься образованием; и при этом вспоминал и о себе самом, сколько пользы вынес он из школы: «Я приобрел в школе познания, которые теперь, по благодати Божией, доставляют мне духовный свет, мир и усладу в жизни, которые научили и научают меня любить добродетель и стремиться к ней, и избегать всякого греха. Недаром все мы долго учились. Мы видим и вкушаем сладкие плоды долговременного учения».

В другой раз он в своем слове указал на источник всякого знания: «Помните, что Господь Иисус Христос и теперь с вами всегда невидимо; Сам учит вас невидимо, внутренне, если только вы внимательны. Всякою наукою дорожите, всякую науку любите, потому что каждую науку открыл человекам Господь Бог, Источник разума и премудрости».

И еще — о том же: «Все науки имеют своим центром и исходным началом Бога и Его вечную премудрость, — как души наши имеют своим первообразом Господа Бога, создавшего нас по образу и подобию Своему».

Вон куда возводит о. Иоанн «все науки»: к Богу.

Но гораздо сильнее выказывал он похвалу образованию, — и преимущественно богословско-философскому — в самых первых строках своего знаменитого Дневника: «Обильно открыл Ты мне, Господи, истину Твою и правду Твою! Через образование меня наукам открыл Ты мне все богатства веры и природы и разума человеческого. Уведал я слово Твое — слово любви (Писание); изучил законы ума человеческого (логику) и его любомудрие (философию); строение и красоту речи (словесность); проник отчасти в тайны природы, в законы ее, в бездны мироздания и законы мирообращения (физику, астрономию); знаю населенность земного шара; сведал о народах отдельных, о лицах знаменитых (историю)... отчасти познал великую науку самопознания и приближения к Тебе (психологию, аскетику) — словом, многое-многое узнал я; и доселе еще многое узнаю. Много и книг у меня многоразличного содержания, — читаю и перечитываю их. Но все еще не насытился. Все еще дух мой жаждет знаний; все еще сердце мое не удовлетворяется, не сыто. И от всех познаний, приобретенных умом, не может получить полного блаженства. Когда же оно насытится? — Насытится, «внегда явити ми ся славе Твоей» (Пс. 16, 15). А до тех пор я не насыщусь!»

Как ни высоко ценил он знания, но полное насыщение души видел не в них — а в откровении славы Божией.

После он скажет и укор просвещению: «Современное ложное просвещение удаляет от истинного Света, «просвещающего всякого человека, грядущего в мир» (Ин. 1, 9), а не приближает к Нему. А без Христа суетно всякое просвещение».

Но в начале его обучения было еще иное в школах. Отец Иоанн ценил то время и ту постановку учебы. И потому он, посетив однажды Петербургскую академию и обходя «занятные» комнаты, говорил студентам: «Учитесь, занимайтесь! Другого такого удобного для приобретения познаний времени уже не найдете!» Так слышал я от предшественников своих по академии. И несомненно, он добросовестно занимался. Да и не могло быть иначе при его твердом характере, при его крепкой привычке к труду, при бедности его родителей, что обычно толкает на серьезность и в школе. А еще важнее — религиозность его побуждала относиться и к учебным обязанностям, как и ко всякой добродетели: это был для него — святой долг! Лень же — преступление, грех!

А, кроме того, молодому студенту и нечем было заниматься иным, как просвещением, лекциями. Как в семинарии, так еще более в академии, он не посещал никаких увеселений и не любил ходить в гости, — как это делали в наше время товарищи. Он и после хранил недобрую память об этом вредном времяпрепровождении, когда ему приходилось поневоле бывать где-либо: «Вот светский кружок: говорят, большею частью переливая из пустого в порожнее; и нет речи о Боге, о Христе Спасителе... в кругу своих семейств и в кругу светских людей; а проводят часто время в пустых разговорах, играх и занятиях!.. Боятся наскучить или опасаются, что сами не выдержат, не будут сердечно вести речь о духовных предметах. О мир, прелюбодейный и грешный! Горе тебе в день суда от обще-

го всех, нелицеприятного Судии! «Во своя прииде, и свои Его не приняша» (Ин. 1, 11), да! Не принят у нас Господь и Зиждитель всех! Не принят в домах наших, в разговорах наших. О бедные, бедные мы люди!

А «пустые» речи с гостями уносят из сердца живую веру, страх Божий и любовь к Богу. Гости — язва для благочестивого сердца. Я разумею именно таких гостей, которые могут только переливать из пустого в порожнее. Но иное дело — гости солидные, религиозные».

Последнее общество о. Иоанн любил и говорил, что если так отрадно и блаженно провести время среди благочестивых людей, то какая радость будет на небе среди святых Божиих и с Самим Богом!

Но такого святого общества религиозный юноша не мог найти среди товарищей, людей обыкновенных и несравненно менее его боголюбивых. И потому ему оставалось одно занятие — науки.

По отношению к товарищам, — как в семинарии, так и в академии, — юноша был довольно осторожным. У него не было особых друзей; скорее можно сказать, он держал себя замкнуто. И зная его природную, наследственную по матери, строгость, или серьезность, можно легко представить, как и в студенчестве он был, скорее, одиночкою, накапливая силы, а не растрачивая.

Лишь немногим открывал он мысли свои.

Ни о каких театрах он и думать не хотел; и впоследствии он определенно отрицательно отзывался о них, как об учреждениях, противных Церкви Христовой. Такого рода воспоминания сохранились об Иване Ильиче у одного из товарищей его по академии, протоиерея Н. Г. Георгиевского. Приведем их здесь: «О. Иоанн был моим близким другом в течение всей академической жизни. Мы с ним сидели рядом в аудитории и в «занятной» комнате. О. Иоанн, будучи студентом, отличался необыкновенной тихостью (я бы скорее сказал: «собранностью», «трезвенностью». — *М. В.)* *и смиренным характером.*

Все товарищи, в течение всего 4-летнего курса, не видели от него никакого озлобления, хотя для этого и были случаи, ввиду его отчужденности от увеселений. О. Иоанн отличался редкой набожностью. После обычной вечерней молитвы все мы, студенты, ложились спать; а он еще долго, стоя на коленях, молился пред образом у своей кровати.

Будучи не привязаны к внешней жизни, мы с о. Иоанном, в течение всего академического курса, ни одного раза не были ни на одной вечеринке, ни в одном театре; а все время проводили в чтении книг, нужных для сочинений».

Другой его товарищ, протоиерей Л. Попов, рассказывает следующее: «На втором этаже академии, рядом с «пономаркой» возле церкви, была «занятная» комната, где любил погреться около горящей печки Иван Ильич. К нему присаживался кто-либо из товарищей; и начиналась беседа... Чаще всего Сергиев беседовал со мною о смирении».

Вот тема — характерная для него. Таким образом, и в это время больше всего занимает его заповедь о всепрощении, о любви побеждающей. Он много думает об этой первой христианской добродетели; и мало-помалу приходит к убеждению, что здесь сила и центр христианства, что все по-

беждает смиренная любовь, что к Богу и торжеству Его правды ведет один путь — этой же любви смиренной.

«Еще чаще, чем у огня, можно было видеть Ивана Сергиева в саду.

Любил он ходить по аллее академического сада и думать. Он не скрывал от нас, в области каких вопросов двигались его думы. Больше всего он думал о темноте — паутине зла, которая опутала мир; о Жертве, принесенной на Голгофе; о тех темных и несчастных народах, которые и доселе еще сидят во тьме и сени смертной. И ему было до слез жалко этих людей, не коснувшихся ризы Христовой. И он рвался туда, к ним, проповедовать о Христе, звать людей в светлое Христово Царство».

Теперь я, — или читатель, — спрашиваю: откуда у молодого студента такие глубокие думы и широкие планы? Академические лекции сами по себе еще не дают обычно материала для религиозных сильных переживаний: от нас требовалась больше память, заучивание, писание «сочинений» на разные темы. А жизнь души шла особым путем у каждого; и притом — сокровенно. Духовным самовоспитанием, этой «наукой из наук», по словам св. Григория Богослова и о. Иоанна, студенты не очень интересовались. Об этом вспоминает после и о. Иоанн: «Наука наук — побеждать грех, в нас живущий, или действующие в нас страсти; например, великая мудрость — ни на кого и ни за что не сердиться; мудрость — презирать корысть, сласти; мудрость — никому не льстить; мудрость — не прельщаться красотою лица, но уважать во всяком красивом и некрасивом человеке красоту образа Божия; мудрость — любить врагов; мудрость — не собирать себе богатства, но подавать милостыню бедным, да стяжаем себе сокровище неоскудеваемое на небесах.

Увы! Мы едва не всякую науку изучили; а науки удаляться греха вовсе не учили; и оказываемся часто совершенными невеждами в этой нравственной науке. И выходит, что истинно мудрыми, истинно учеными были святые, истинные ученики истинного учителя Христа; а мы все, так называемые «ученые», — невежды; и чем ученейшие, тем горшие невежды; потому что не знаем «единого на потребу», а работаем самолюбию, славолюбию, сластолюбию и корысти».

По-видимому, и Сергиева академия не научила этой науке о духовной жизни. Из дальнейших записей Дневника мы так и увидим, что и для него, после четырех обычных школ, наступает последняя — «школа жизни», школа собственного опыта, а не книжных знаний и теорий. Это уже понял и провидел юноша в семинарии, если говорил о недостатке теорий в своей речи после конца средней духовной школы.

В таком случае тем удивительнее и любопытнее становится загадка: откуда же у этого задумчивого студента вырос глубокий интерес к вопросам о смысле искупительной Жертвы Голгофской? О любви, как центре христианской жизни, о всепобеждающей силе смирения? О всесветной паутине греха? О любви к бедным? О силе молитв? Ведь, казалось, сам он вел необычайно чистую жизнь, был смиренным.

В ответ на эти вопросы, — а Сергиев выйдет из академии готовым прямо на пастырство, — я смею высказать два предположения, чтоб понять его хоть немного.

Первое: этому незаметно, и с самых малых лет, учила его Церковь Христова, — о чем я говорил прежде. Богослужения, праздники, вся духовная жизнь православная — от детских молитв до исповеди и причащения, — все это в тишине сердца воспитывало и учило ребенка, отрока, юношу и студента. Мы так привыкли к этому, что недостаточно ценили и ценим «Мать», Воспитательницу Церковь. А в ней все время жил, уже 25 лет, о. Иоанн.

Имела большое значение и привитая еще отцом любовь его к чтению Евангелия. «Знаешь ли, — сказал он однажды в беседе с игуменией Таисией, — что прежде всего положило начало моему обращению к Богу? И еще в детстве согрело мое сердце любовью к Нему? Это — Святое Евангелие.

У родителя моего было Евангелие на славянорусском языке. Любил я читать эту чудную книгу, когда приезжал домой на вакационное время! Я читал и услаждался ею, и находил в этом чтении высокое и незаменимое утешение. Это Евангелие было со мной и в духовном училище. Могу сказать, что Евангелие было спутником моего детства, моим наставником, руководителем, утешителем, с которым я сроднился с ранних лет».

Гораздо позднее о. Иоанн скажет сопастырям священникам, — по приглашению Сарапульского епископа и своего духовного послушника Михея,— еще большее: «Особенно я люблю читать Священное Писание обоих Заветов. Я не могу жить без этого чтения. Сколько тут содержания! Сколько открыто законов жизни души человеческой! Сколько человек, стремящийся к духовному обновлению, может почерпнуть здесь указаний для того, чтобы переродиться из злого в доброго! Особенно Священное Писание необходимо проповеднику. Здесь — неисчерпаемая тема для проповедей: только сумей сам назидаться и других назидать».

Семинария и академия увеличили и расширили интерес к вопросам христианского любомудрия; и школа заставляла хотя и не так глубоко — заниматься темами о спасении, о Спасителе и проч.

А к любви влекла и самая молодость наша, когда нам всем хотелось «служить ближним», даже преувеличивая свои силы.

Короче скажу: благодать Божия, обитавшая в чистом сердце дитяти и юноши, учила его все время.

«Вы, — говорит апостол Иоанн, — имеете помазание от Святого и знаете все». «И вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте» (1 Ин. 2, 20 и 27).

Вот это «помазание» «Духа истины», Которого послал Христос Господь всем верующим (Ин. 16, 13) и Который живет и действует в Церкви Христовой — и есть истинное и «просвещение», и учение, и «образование» по образу Христа. Особенно это должно сказать о тех, кто сохранил благодать крещения чистою, неповрежденною; а будущий о. Иоанн был таковым, — как он сам скажет дерзновенно впоследствии.

И так именно учил о. Иоанн:

«Первый учитель наш молитве есть Церковь, которая научена молиться прекрасно Самим Духом Святым».

«Дух Святый всех оживотворяет и питает духовно. Дух Святый есть Дух Истины и всякой святыни. Всякая истина есть дыхание Духа Божия: Слово Божие, творения св. отцов и учителей Церкви, слова и творения, дела всякого благочестивого и любящего истину человека», — все от Духа.

«Что такое благодать? Благая сила Божия, даруемая человеку верующему и крестившемуся во имя Иисуса Христа или Святой Троицы, — очищающая, освящающая, просвещающая, вспомоществующая в делании добра и удалении от зла, утешающая и ободряющая в напастях, скорбях и болезнях... Кто стал горяч к Богу и богослужению, к молитве, благоговеен к таинствам — он стал таким по действию спасающей благодати Божией. Отсюда видно, что многие живут вне благодати, не сознавая ее важности и необходимости для себя и не ища ее — по слову Господа: «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его» (Мф. 6, 33). А без этого бесценного сокровища христианского христианин не может быть истинным христианином».

Все эти слова о. Иоанна были найдены мною в его Дневнике уже после того как я написал выше свои размышления об источниках духовной жизни в его молодости. И я весьма радуюсь, что мои мысли находят почти буквальное подтверждение у богоносного о. Иоанна... После нам придется еще не один раз возвращаться к тем же истинам: к Церкви, к благодати, к Слову Божию.

Но сейчас я хочу отметить и оттенить и еще одно наблюдение над опытом святых людей. Нередко у них бывали особые духовные руководители: в виде проповедников, учителей, настоятелей монастырей, духовников, старцев. Был ли такой у о. Иоанна? Мы знаем, что такого живого лица не было! Это довольно редкое явление! И совершенно нет оснований связывать имя о. Иоанна с кем-либо из его предшественников или современников. Да и самый путь его, как увидим дальше, особый, отличный от других подвижников; так что многие будут даже соблазняться о нем. Отец Иоанн — совершенно особое детище, воспитанное Церковью, — без старцев, самобытно. И это весьма поучительно; особенно для тех, кто слышал о протоптанных и более безопасных путях руководства опытными отцами.

Однако «Дух дышет, идеже хощет», — говорится в Евангелии. Есть пути разные у Господа.

И однако же, при всей самобытности и духовной оригинальности воспитания и жития о. Иоанна, мы можем и должны остановиться на руководителе его.

Я разумею великого святителя Вселенской Церкви, — тоже Иоанна, но Златоустого.

В академической жизни его рассказывается следующая, по-видимому, якобы случайная и незначительная подробность. Он заработал от переписки чьего-то профессорского сочинения деньги. И на этот первый заработок купил толкование св. Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея. И принес-

ши книгу в академию, радовался своей покупке, как «сокровищу из сокровищ», по его собственным словам. И после он говорил: «Особенно любил я читать Библию и толкование Златоуста на Евангелие».

Хотя биографы всегда отмечают этот факт из студенческой жизни о. Иоанна, но они, кажется, смотрят на это как на проходящий простой случай. Я же полагаю, что Златоуст имел на него огромное, исключительное влияние, —после Церкви и Слова Божия. Могу сказать: Златоуст стал его духовным руководителем, наставником, — как бы «старцем» на всю последующую идеологию и деятельность. Когда одновременно читаешь творения того и другого, то это сходство их чувствуется ясно. А если станешь отыскивать конкретные общие принципы, то увидишь поразительное согласие их, даже — почти тождество. Возьму сейчас для примера основные идеи обоих. Каковы они у о. Кронштадтского: всё — Бог и от Бога; «Слово Божие — Бог»; высота священства; тождество Христа во плоти и в Св. Тайнах Причащения; похвалы милостыне и царице добродетелей — любви; защита бедных и упреки немилосердным богачам; единственная важность греха и необходимость искупительной Жертвы; всепобеждающая любовь Бога; сила молитвы.

Но из всего этого — особенно выделяются два пункта: Причащение и милостыня; или Евхаристия и любовь; или Св. Тайны и богатство.

А всякий, кто хоть раз читал Златоуста, знает, что именно эти два пункта являются господствующими и у него.

Если бы кто взял на себя труд провести эти параллели между обоими Иоаннами, то нашел бы между ними не только единство в идеях, но и часто — буквальное тождество даже в формулировках.

Чем это объяснить? Конечно, единая и та же благодать Св. Духа, живущего в Церкви, и учит всех единообразно внутри душ наших. Это явление и нам, обыкновенным людям, приходится наблюдать подчас: как христиане, живущие на разных материках, и думают и говорят одно и то же.

Но сверх этого, справедливо будет предполагать, что на нас имеют влияние не только живые люди, но и их книги, их мысли. Это — общеизвестно. Но приведу и факты.

В житиях святых многократно рассказывается, как услышанное случайно слово Евангелия сразу изменяет течение всей дальнейшей жизни (пример св. Антония Великого); грешницы обращаются в подвижниц; целые народы принимают христианство — через евангельскую проповедь и т. д.

Из современной жизни можно вспомнить предание, о котором и я слышал в студенчестве, что почивший патриарх Сергий особенно повернулся сердцем в сторону монашества после получения подарка — книги Иоанна Лествичника — от своего инспектора Петербургской академии, тогда еще иеромонаха Антония (Храповицкого), с шутливою надписью из заздравной песни: «Бог знает, что станется с нами впереди». Был день именин Ивана Николаевича Страгородского. Я лично читал надпись ту, будучи секретарем у архиепископа Сергия в Финляндии.

Надпись оказалась пророческой, а книга — настольною.

Св. Серафим Саровский свое учение о «стяжании благодати», конечно, воспринял из непосредственного откровения; но несомненно и то, что он читал святоотеческие книги созерцательного характера.

И я думаю, что св. Златоуст, как доброе зерно, пал в подготовленную Церковью почву души юноши и стал несомненным наставником будущего всероссийского пастыря.

Потому смею утверждать, что покупка студентом Сергиевым тома Златоуста является прямым действием Божественного Промысла над будущим священником, проповедником, исключительным чтителем и защитником важности Св. Таин в жизни христиан. Как апостол Павел наставлял Златоуста в толковании «Посланий», так Златоуст направлял о. Иоанна в его священствовании. Подтверждение этого взгляда находится во всех биографиях Батюшки. Беру выдержку из одной: «За этим чтением —Библии и Златоуста — Иван Ильч проводил длинные зимние часы. Иногда глубокая мысль Иоанна Златоуста до такой степени захватывала его своей возвышенной красотой, что он плакал в порыве духовного восторга и рукоплескал Златоустому витии, как рукоплескали Иоанну Златоусту когда-то его антиохийские и цареградские слушатели. Целые дни, недели и месяцы проходили в этом учении; и на Златоусте и Библии воспитывалась душа будущего пастыря доброго». А такому углублению в творения Златоуста содействовала удачно и внешняя обстановка: студент Сергиев получил возможность читать любимые книги в уединении. Ему — вероятно, за его красивый почерк, унаследованный от отца — дали работы в канцелярии академии с маленьким жалованием в 10 рублей за месяц. Эти деньги он сразу посылал своей матери-вдове на жизнь; но важнее было то, что он получил возможность заниматься в канцелярском уединении после прекращения там официальных работ. Вот тут уже никто — даже и товарищи — не только не мешали студенту читать Златоуста, но и плакать от восторгов и хлопать в ладоши вселенскому Златоусту... Придет время, когда и ему самому тысячи и десятки тысяч восторженных почитателей будут оказывать небывалое в истории поклонение и восхищение и не дадут возможности даже выйти из храма обычным путем, влечась к нему, как стремились люди к Самому Христу Господу.

Вот где напитался и воспитался студент Сергиев. И напитавшись, он уже готовым вошел в жизнь и сразу же сделался пастырем.

Дальнейшая собственная школа жизни, пастырский опыт лишь довершили, укрепили и осветили все то, что уже было ему дано и им усвоено в прошедшую четверть века. В 25 лет кончились его учебные годы.

Служитель Церкви

10 декабря 1855 года (числа по старому стилю) ставленник Иоанн Сергиев был рукоположен в сан диакона епископом Винницким Макарием, бывшим ректором академии и известном богословом, лекции которого он

слушал, будучи студентом. Хиротония совершалась в Александро-Невской Лавре. В том году 10 декабря приходилось на праздник воскресения, когда обычно совершаются хиротонии. А через два дня, 12 декабря, следовательно, во вторник, о. диакон Сергиев был хиротонисан уже во иереи. Рукоположение совершал Христофор, епископ Ревельский, викарий С.-Петербургского митрополита, в Петропавловском соборе... Мы снова — перед недоумением: почему именно архиерей служил в этот будний день в столичном соборе, в крепости? 12 декабря совершается память славного чудотворца Спиридона Тримифунтского; обычно особого праздника этому святому не полагается; служба этого дня стоит под «шестеричным» знаком и мало чем отличается от будней. Почему же совершалось служение архиерейским чином, — неизвестно. Может быть, в этот день совершалось поминовение какого-либо лица, погребенного в усыпальнице государей? Не для рукоположения же нового диакона во иерея назначена была исключительная служба в придворном соборе? Вероятно, хиротония была приурочена к какому-то церковному событию?..

Не произошла ли ошибка в наименовании соборов? В этот именно день праздновался престольный день св. Спиридона в Адмиралтейском, а не в Петропавловском соборе: не там ли служил еп. Христофор и совершил хиротонию? Хотелось бы и это все знать. По мудрым советам старцев, и дни следует наблюдать... Так учили оптинцы. И мне известны многие чрезвычайные случаи... 10 декабря было удобным для хиротонии временем — как воскресение. А 12-е? В этот день совершалась память чрезвычайного чудотворца Спиридона. Он был «пастырь овцам, таже (также) жене приобщився, и по умертвии ее поставлен бысть епископ» (Пролог). На Первом Вселенском Соборе был обличителем еретика Ария. Чудеса же его действительно были исключительны и многи. Может быть, этим не только предуказывалась благодать чудотворения новому ставленнику Иоанну, но и — по молитвам святого — заранее давалась ему и особая сила к тому? Ведь у Бога и будущее зрится как настоящее. Не случайно и совпадение, что оба угодника имели жен. И оба обличали сребролюбие и скупость. И оба были дивными чудотворцами. Отец Иоанн впоследствии в день своей хиротонии любил говорить за литургией о своем святом...

Будучи рукоположен, «в первое священнодействие литургии», вероятно, в ближайшее воскресенье после хиротонии, то есть 17 декабря, новый иерей обращается к пастве Андреевского собора с первым своим словом.

Мы довольно подробно рассмотрели его раньше. И помним, что в нем говорилось и об уполномочии его Господом — «пасти» овец Его; и о высоте сана; и о своих «немощах и недостоинстве»; но — наряду со всем этим — и о великой «благодати», данной отныне ему в таинстве священства; и о любви, которая делает и недостойного «достойным» и немощного «способным».

Все эти мысли о. Иоанн потом в своем Дневнике повторяет многое множество раз. И делает это совершенно неизменно от первого своего служения до пятидесятилетнего юбилея. Мы даже сравним эти даты — начало и конец — для того, чтобы понять совершенное тождество духа во всю жизнь его; и для того, чтобы знать подготовленность к такому воззре-

нию еще во время студенчества, до принятия священства; а особенно для того, чтобы сразу же нам определить: в чем будет его главное дело в пастырстве? В чем он полагает первейшую задачу своего священнослужения? В чем будет сущность его дальнейшей жизни? Центр души? Если мы это выясним и поймем верно, тогда пред нами заранее определится основное дело о. Иоанна; а отсюда будут понятными и все прочие производные виды служения.

Для этого я позволю себе сначала охарактеризовать обычные воззрения на священство. Мне не раз приходилось ставить вопросы об этом.

Вот припоминается случай из моего ректорствования в Тверской духовной семинарии. Я установил обычай приглашать к себе на угощение семинаристов в день их посвящения в чин чтеца. Этим мне хотелось отметить для них исключительность события включения их в клир, в избранники Божии. И однажды, беседуя за столом, я задал им — было, кажется, четыре богослова — такой вопрос:

«Как вы думаете, что значит быть хорошим священником?» Один из них ответил: «Нужно подавать добрый пример своей жизнью». Другой сказал: «Священник должен быть проповедником». Третий — еще что-то, не помню. Остался последний: звали его Миша Вос-кий. Он был первым учеником шестого класса. Сдержанный, молчаливый, скромный, чистый, очень умный; ростом высокий, тонкий, опрятный.

«А вы что думаете, Миша?» — спрашиваю его.

Он спокойно, вдумчиво ответил:

« Я думаю, что священник прежде всего должен быть молитвенником». Я одобрил его. И мы сразу стали говорить об о. Иоанне Кронштадтском, именно как о типе пастыря-молитвенника.

Встречался я потом и со священниками; задавал им эти вопросы. И недавно повторилась почти та же история, что и 35 лет назад.

Батюшка, уже не один десяток лет священствующий на приходах, и притом — весьма хороший душевно, на мой вопрос о главном деле и значении пастыря ответил: «Руководство паствой ко спасению». «А как?» — спрашиваю. «Через проповеди!»

«А вот, — говорю, — о. Иоанн Кронштадтский проповеди и руководство поставил на третьем и на четвертом месте!» Батюшка смутился: «Что же на первом? Службы, таинства?» «Да, это — выше проповедей; но и то не на первом месте». Он совсем затруднился отвечать дальше и ждал моего разъяснения.

«Ходатайствовать за людей пред Богом» — вот что он поставил на первом месте; быть «посредником» между Богом и людьми. Вот какое главное дело пастыря!

Может быть, иному не покажется в этой формулировке о. Иоанна ничего особого? На самом же деле, — есть большая разница между этим определением и обычными нашими взглядами.

Ходатай, защитник, посредник есть лицо, уполномоченное преимущественно со стороны высшей, то есть от имени Бога. А если оно одновременно «представляет» интересы, нужды и просьбы другой стороны, то есть людей,

то и здесь имеет власть и силу предстательства лишь потому, что получило разрешение, позволение, уполномочие от Того же высшего Существа; на что обычные просители не имеют права, власти и силы. Вследствие этого священник как Божий уполномоченный сразу становится на особую высоту, на совершенно исключительное положение: он — не как все! Он — Божий посланец! Он — предстатель пред Богом! Он посредник!

Таков характер православного понимания пастырства. И о. Иоанн в самом начале своего священства, а лучше сказать, и много раньше — сознавал такое понимание священства...

Мы же, обычные служители, говорим о проповедничестве, о руководстве в спасении. В лучшем случае суть нашего дела видим в «службах», то есть в совершении молитв и особенно таинств. Правда, это уже вернее, чем видеть его в «руководстве»: руководят и учат и любые сектантские проповедники, и лютеранские «пасторы», и раскольнические «наставники» — но все они не имеют истинных полномочий от Бога; это такие же люди, как и все прочие, лишь технически обученные. Совсем иное дело — истинный священник; он непременно получает особую «Божественную благодать» в таинстве хиротонии. И это именно возводит его немедленно на высоту посредника, уполномоченного лица. Вот что понимал о. Иоанн. В своем служении он делал то же, что и все священники; но не так же, но не с тем сознанием, как мы. Правда, и мы знаем, что лишь нам одним принадлежит право совершать таинства, богослужения, исправлять требы; но как? С каким сознанием? Мы «служим», мы совершаем «службы», мы исправляем наш «долг»... Какие все холодные слова! Какое низкое понимание! Эти слова можно сказать и про любого чиновника, и про воина, и про президента, и про ночного сторожа, и т. д.: они тоже выполняют свой долг; они также «службу» несут. Но священники? Это — высочайшее небесное служение на земле. Они — выше всех земных властей. И цель их — спасение людей — выше всех других деяний человеческих. Об этой исключительной особенности священнослужения я соберу материал из мыслей о. Иоанна Кронштадтского дальше, когда буду писать о его воззрениях на пастырское служение вообще. Здесь же я затронул эти вопросы для того, чтобы сразу понять: куда устремится прежде всего громадная энергия молодого пастыря? В чем он сам увидит главную задачу своего священнослужения? Что он начнет делать с первых дней? Поищем ответа у него самого. Пусть не посетует читатель, если я (как и предупреждал раньше) буду повторяться, выписывая его изречения: это делается мною сознательно, чтобы сильнее внедрить их в нашу память и в сердце и чтобы ярче нарисовать образ славного и святого священнослужителя. Так и в музыке часто повторяется основная мелодия, выражающая главную идею произведения.

«Высоко звание священника. Ибо чей это сан? — САН ХРИСТОВ! Он есть единственный ПЕРВОСВЯЩЕННИК, Первый и Последний, Жертвоприносящий и Приносимый в жертву о всех...

Мы облечены благодатию Его священства! Он Сам в нас и через нас священствует. Поэтому и мы сами должны глубоко уважать свой сан; и

вы, братие, должны — для вашего собственного достоинства и спасения — глубоко уважать этот сан и повиноваться носителям его».

«И какой человек смертный может вполне соответствовать высоте и святости сана священнического? Если взять во внимание одно то, что священник, предстоя самому престолу Божию в земном храме, должен так часто совершать животворящие и страшные Тайны Христовы, ходатайствовать... о всем мире, о благостоянии Церквей Божиих во всей вселенной, приносить жертву благодарения о всех святых, молиться о живых и умерших — то какое ангельское достоинство нужно для того?.. А если взять еще во внимание совершение прочих таинств: какая требуется святыня, какое богатство любви Христовой от священника? А проповедывание слова Божия, чтобы научить руководить по стезе, ведущей в вечность, — какая это высокая и трудная обязанность?!»

Это сказано было в 1855 году. Проходит несколько первых лет священства; и о. Иоанн в день св. апостолов Петра и Павла опять говорит о том же величии священства, именно как служения посредничества: «Как важен, досточтим и необходим в Церкви Христовой сан апостолов и их преемников — архиереев и священников: они — слуги Христовы и строители Таин Божиих; они продолжатели дела Христова; они отворяют и затворяют Небо для людей; без них нет власти вязать и решить грехи человеческие, — нет спасения! Бог Отец передал всю власть Иисусу Христу; а Иисус Христос — апостолам и священникам».

Поэтому о. Иоанн всегда и неизменно говорит с силою и властью как уполномоченный от Бога, от имени Его: «Братия! — обращается он к слушателям в слове «Против пьянства». От лица Господа нашего Иисуса Христа, пострадавшего за нас на кресте; от лица Господа, почивающего здесь — в алтаре на святом жертвеннике, умоляю всех вас — перестаньте пьянствовать. Что с вами сталось? Бога вы забыли? Братия христиане! Пожалейте себя. Знайте, громогласно повторяю вам: скоро паки приидет Господь Иисус Христос «судити живым и мертвым»; придет предать пьяниц и всех нераскаянных грешников муке вечной, огню неугасимому!.. «Страшно впасть в руки Бога живаго» (Евр. 10, 31).

Так говорить может священник «от лица Божия», сознающий себя Его представителем.

Или вот другой случай. Кронштадт вторично посетила кара Божия — пожар. Сгорела девятая часть города; и это — «в несколько часов».

О. Иоанн снова разражается гневным словом о грехах и, в частности, против пьянства и курения, призывая всех к покаянию. Но вдруг в середине речи он останавливается, сомневаясь в действительности и пользе своего обличения: «Впрочем, что я говорю? Не будет ли голос мой «гласом вопиющего в пустыне»? Кто знает?»

Но тут же исправляется: «А может быть, где-нибудь он и плодотворно отзовется: Бог, пред лицем Которого и во имя Которого я говорю, всесилен!.. Дело нашей немощи — сказать слово».

Потом был и третий пожар: погибла шестая часть города. Затем и четвертый раз, когда преимущественно погорели «беднейшие жители»;

сгорели и дом Церковного попечительства и Дом трудолюбия, построенный о. Иоанном на жертвы благотворителей. И о. Иоанн опять говорит «во имя Самого Господа Иисуса Христа»... Но уже не обличает на этот раз, а утешает и приглашает к новым жертвам. В течение последних десятилетий в отце Иоанне еще более выросло сознание величия священства. Об этом он очень часто пишет в Дневнике; а с особенною силою оно стало проявляться в делах его — в чудесах вообще и в изгнании бесов в частности: все это делалось им как посредником Божией силы. И вот подходит уже конец его жизни и священства; почитатели его святыни, молитв и чудес устраивают ему торжество 50-летнего юбилея. А он, помянув кратко милости Божии к себе лично, забывает это, и действительно гремит знаменитое по содержанию «Слово о важности священнического сана».

Мы прежде уже делали краткие выдержки оттуда. Но этот вопрос о сути священнослужения настолько важен, что повторим, дополним и разъясним его воззрения на свое служение. Да и нам полезно усвоить и понять истинный взгляд на себя. Он сразу говорит именно об «уполномоченности»:

«Полномочия», какие «дал вечный Первосвященник Христос архиереям и священникам», следующие:

«во-первых, ходатайствовать за людей пред Богом; во-вторых, совершать таинства спасительные; в-третьих, проповедывать, и в-четвертых, руководствовать людей». Четвертый и третий вид полномочий мы можем объединить в одно служение, под именем «руководства» — в проповедях ли, на исповедях ли, в личных ли наставлениях.

И тогда остается три полномочия: ходатайство, таинства и руководство. И ходатайство среди них поставлено о. Иоанном на первом месте. Все эти виды священнослужения предназначены к единой цели — спасению пасомых. Будучи уполномочены таким образом архиереи и священники поставлены от Самого Бога делать и продолжать величайшее дело Самого вечного Первосвященника Иисуса Христа: освящать и спасать грешный род человеческий и приводить его к Богу. «Освящающий (Христос) и освящаемые (все христиане) — от Единого все», — то есть от Бога; «потому Он не стыдится называть их братьями, говоря: «Возвещу имя Твое братии моей, посреди Церкви воспою Тебя» (Евр. 2, 11–12).

Чрез священство грешные люди примиряются с Богом, с Которым бывают постоянно во вражде чрез грех, и становятся братиями Самого Христа и сынами Божиими через усердное покаяние. Вот сколь важен и необходим священный сан! Без него не может быть примирения грешных людей с Богом; Бог дал одним священникам власть и слово примирения с Богом: «Бог во Христе примирил с Собою мир, — говорит Апостол, — не вменяя людям преступления их и дал нам (апостолам и священникам) слово примирения» (2 Кор. 5, 19). Только один Христос, «Агнец Божий, взявший на Себя грехи мира» и искупивший его от греха, проклятия и смерти, мог дать и дает Своим служителям слово и власть примирения людей с Богом, власть разрешать грехи и связывать их, отворять и затворять людям Небо.

Поэтому ни один мирянин без священника не может примириться с Богом и получить оправдание или доступ к Богу. Такова праведная воля Божия.

Таким образом, священство Церкви Православной... есть служение величайшее, служение священническое есть посредничество между Творцом и тварью.

Если теперь это определение пастырского служения как полномочие от Самого Бога продолжать дело «Единого Ходатая», Первосвященника Иисуса Христа, мы сравним с первым словом о. Иоанна при вступлении на священнослужение в Кронштадте, то увидим, что, по существу, оба слова совершенно тождественны: на первом месте стоит идеал священства, как посредства между Богом и людьми чрез Первосвященника Христа и Его продолжателей — священников. А посредство это выражается прежде всего в ходатайстве Христа Спасителя и поставленных Им священнослужителей — пред Отцом Небесным. Это ходатайство проявляется вообще в их богослужениях и молитвах, а главным образом — в совершении таинств; и особенно в совершении таинства Евхаристии. Таково воззрение о. Иоанна.

Как мы видим, теперь обычные формы служения священников — таинства и разные моления — совпадают с идеями и о. Иоанна; но какая разница в понимании и осознании идеалов священнослужения! Мы, рядовые и недостойные служители, даже и не дерзаем так думать, — а не только говорить, — о безмерной высоте и значении своего богопосреднического служения. В лучшем случае мы скромно, смиряясь, совершаем свое дело; но не дерзаем возносить себя на ступень Христоподобного ходатайства. Священнослужитель — по словам тайной литургийной молитвы во время «Херувимской» песни — знает, что хотя жертву внешне приносит он, «грешный и недостойный раб»; но истинным совершителем ее является Сам Христос: «Ты бо еси Приносяй и Приносимый, Христе Боже наш», — говорит иерей и архиерей. Но как мало мы сознаем это в действительности! И какими необычайными кажутся нам слова о. Иоанна: «Он Сам в нас и через нас священствует!»

Я довольно подробно остановился на этих мыслях его. Но все же, думаю, недостаточно осветил высокое, величественное, сверхъестественное значение, достоинство, силу священства. А я еще почти не затрагивал вопроса о чрезвычайной ответственности этого служения, сообразной с таким же величием его. Не говорил и о высокой блаженной радости его, ради этой же необычайной близости священника к Первосвященнику. Не разъяснил подробно о чрезмерных дарах «силы», получаемых в рукоположении (см.: 2 Тим. 1, 7), к коим относятся и чудеса. Это все тесно связано с основным «полномочием» священника как ходатая и посредника, прежде всего.

Затронул же я — повторяю — эту идею для того, чтобы понять дальнейшую жизнь и деятельность о. Иоанна после его рукоположения во иерея. В чем она начнет выражаться прежде и больше всего? Или, как пишут часто биографы: каковы будут «первые шаги пастырства» его?

Хотя все они говорят о сознании отцом Иоанном высоты, благоговения и ответственности священства, но довольно скоро переходят на рассуждения о бесстрастии священника, о подготовке духовной, о пастыр-

ском самовоспитании, о необходимости личного самосовершенствования, и особенно — о любви... «Пастырство есть любовь и только любовь», — пишет один ученый биограф. Другой — на этой идее любви построил все Пастырское богословие; одно время (конец XIX века) эта идея о любви была модною и в богословии. Конечно, и батюшка о. Иоанн говорил преизобильно о любви; говорил, как мы видели, и в первом своем слове к пастве и будет говорить до смерти. И однако, я считаю нужным сделать ударение не на этом слове — любовь, — а на силе и высоте самого священства как посредничества и полномочия, ходатайства. Во всяком случае, если кто хочет правильно понять о. Иоанна Кронштадтского, тот обязан смотреть на него так, как он сам смотрел на себя во все 53 года священства. И не проповедничество было его главным делом; и даже не любовь к людям, не практическое пастырство. Нет и нет! На первом месте у него должно было быть и было — богослужение в разных видах суточного круга: вечерни, утрени и особенно литургии; в совершении таинств; в молебнах и молитвах, — где бы он ни был, что бы он ни начинал делать. И особенно, исключительно, превыше всего Таинство Евхаристии, Причащение Св. Христовых Таинств, — вот суть его «ходатайственного» служения.

Отец Иоанн прежде всего — молитвенник пред Богом, предстатель, ходатай за человечество.

Усвоив это со всей ясностью и твердостью, мы теперь можем понять, с чего начнутся «первые шаги пастырства» о. Иоанна. С богослужения.

Так и бывало, и бывает, и будет всегда с добрыми священниками и вообще с духовными подвижниками. Молитва — их жизнь. А у о. Иоанна она сосредоточилась преимущественно в литургии.

В этом, можно сказать, его отличительная особенность от других служителей и праведников Божиих. Например, апостол Павел считал для себя главным делом — проповедь: «не послал меня Бог, — говорит он, — крестить, но благовестить» (см.: 1 Кор. 1, 17); потому — «горе мне, если не благовествую» (1 Кор. 9, 16). Такова была задача и у всех апостолов. Но даже и они на первом месте ставили молитву; при посвящении диаконов они про себя сказали: «мы же пребудем в молитве», а потом уже и в «служении слова», в проповедничестве. Но то было особое время, когда нужно было «научать вся языки». Возьмем другие примеры.

Были у нас, в России, и духовники, исповедники, «старцы»; к ним тоже шли тысячи народа.

Были и примерные благочестивые пастыри; и их чтил православный мир. Были мудрые святители, правители Церкви и богословы; и они приносили великую пользу Церкви.

Были аскеты, затворники, как безмолвные, так и многоглаголивые писатели; их значение — чрезвычайное.

Но еще не было священнослужителя — такого ревностного тайносовершителя, такого гимнолога Евхаристии — как о. Иоанн Кронштадтский.

Был в далеком прошлом св. Иоанн Златоуст; но и он в сознании Церкви остался преимущественно как проповедник.

И лишь о. Иоанн связан более всего с Евхаристией, как никто другой. И эта исключительность соединена именно с его представлением о сути своего священства как ходатайства пред Богом за себя и за людей. Он — посредник между Творцом и тварью, Богом и паствою.

И поэтому нисколько не удивительно, что и первые и последующие, и последнейшие шаги его служения начинались, совершались и заканчивались ЛИТУРГИЕЙ. И хотя это всем известно, но приведем несколько свидетельств. Прежде всего — слова его самого. В Нижнем Новгороде, по приглашению архиепископа Назария в 1901 году в беседе со священниками, он сказал им: «Где бы я ни был, а особенно в Кронштадте, я каждодневно сам совершаю литургию; сердечно-усердно и благоговейно приношу святую жертву Богу о грехах своих и всех православных христиан. Молящиеся видят и чувствуют мое искреннее благоговейное служение, и сами проникаются святыми чувствами, и молятся усердно».

В другой раз, в 1904 году в г. Сарапуле, он тоже беседовал с приглашенными епископом Михеем священниками. Тогда один из присутствующих спросил: «Скажите, батюшка, во время ваших постоянных разъездов, чем вы заполняете свободное время?» «Я молюсь; я постоянно молюсь, — быстро произнес о. Иоанн. — Я даже не понимаю: как можно проводить время без молитвы? Воистину молитва есть дыхание души».

Были и другие вопросы к нему; но мне непонятно, как никто из священников во время этих двух бесед не спросил о главном его делании: почему он служит постоянно литургии? Для него самого этот вопрос был понятным и существенно важным, необходимым; но для нас, обычных, казался не интересным: ведь мы лишь «служим»; а у него вся жизнь — в литургии. Великая разница! Об этом значении ее он говорит беспрерывно в своем Дневнике, переполненном хвалами Св. Тайнам.

К этому, то есть к посещению литургии, он зовет верующих, особенно болящих. При посещении их или после, он приглашает их к Причащению. Об этом как пути к вере он сказал и в беседе со мною. Об его учении о литургии мною выпущена целая книжка под заглавием «Небо на земле» — по его творениям. С него началось по всей нашей Церкви в России частое Причащение Св. Таин, чему иногда препятствовали другие священники. И это недружелюбное отношение к необычному Таиносовершителю началось почти с первых шагов пастырства о. Иоанна.

У некоторых биографов сообщается, что в числе первых противников его был настоятель Кронштадтского Андреевского собора, при котором начал свое служение там Батюшка. Ему самому хотелось служить литургию каждый день и беспрерывно; но как второй священник, он не был распорядителем в храме: таковым считается настоятель. И потому сначала молодой энтузиаст литургий мог совершать ее лишь в свою очередную неделю; мог бы он служить и в свободные дни недели. Но тот настоятель раздражался новшествами молодого помощника; и противодействовал ему, как мог: например, брал с престола антиминс и уносил его к себе в квартиру. Про нового батюшку распространялись слухи, что он чуть ли не сектант и т. д. На него даже посылали в этом смысле жалобы митрополиту, обер-прокурору.

И это — неудивительно. Люди весьма склонны к образовавшимся привычкам и установившемуся укладу жизни; и всякое новаторство приводит их в беспокойное недоумение, потом — в раздражение, а после ведет и к борьбе. В то время по церквам «служили службы» лишь в воскресенья и праздники; а в будни лишь — по заказам: либо сорокоуст по покойнику или, по особому случаю в семье, заказную обедню, — или по случаю какого-нибудь общественного торжества. В больших многолюдных соборах постепенно были введены и ежедневные литургии.

Причащались люди тоже очень редко: раз в году. И вдруг новый священник, да еще молодой, со школьной скамейки, вводит свои порядки?! Ведь это мы теперь смотрим на о. Иоанна как на святого и славного священнослужителя; а тогда он для всех был еще простым батюшкою, только через меру ретивым. А ведет он себя «не как все». В подобных случаях в жизни всегда против таких возникает раздражение, зависть, даже клевета и обвинения.

Так было и вокруг о. Иоанна. Но он, при всей своей исключительной энергии и при своей убежденности в правости пути, не смутился; и продолжал настаивать на своем: стремился служить ежедневно. Понятно, ему это долго не удавалось... И только постепенно, — к сожалению, у меня нет данных о времени, — он начал служить каждый день, что и продолжал делать почти до смерти своей.

Вот каковы были общие воззрения и первые духовные порывы и шаги о. Иоанна. Но мне хотелось бы теперь подробнее остановиться мыслью на том, почему именно и как пришел он к такой «новой» будто бы идее — о частом, а потом и ежедневном литургисании? Чем он оправдывал это? Какие частные соображения побуждали его?

Отец Иоанн был человеком, как известно, глубочайшей веры. Просто сказать: поразительной, редкой веры. Вера же есть основоположительный вид общения с Богом. Живая вера — живое общение.

Но каждому причащающемуся известно, что никогда и нигде вера не достигает такого высокого напряжения, такой живой очевидности, как в Причащении: здесь, в Св. Тайнах Тела и Крови, предлежит пред нами Сам Христос Господь! Это — не символическое напоминание о страданиях Христовых, как учат левые протестанты; а Сам Христос, реальный — согласно словам Его Самого: «Сие есть Тело Мое», «сия есть Кровь Моя».

Отец Иоанн, как пламенно верующий христианин и как ищущий высоты Богообщения, видел в Причащении действительное при-общение ко Христу Богу.

А там, где вера падает — падает и стремление к приобщению: это мы видим в протестантских и сектантских общинах, и даже среди православных ослабевших людей. Рационализм, маловерие всегда стремятся уменьшить по неразумию все таинственное, непостижимое, сверхъестественное. А это таинство — одно из непостижимейших. Поэтому о. Иоанн говорит не раз, что Причащение есть пробный оселок нашей веры или маловерия. Совершенно верно! Сам же он непоколебимо веровал; а потому и искал

при-общений с Богом. Мы уже видели не раз, как он, в согласии с Церковью, говорит, что литургию совершает Сам Христос, «Приносяй и Приносимый»: не будем больше повторять этого. Таких мыслей у него много.

С кем соединяется причащающийся? «Чего причащаетесь вы за литургией, дорогие братья и сестры? Самого пречистого Тела и самой пречистой Крови Христа Бога нашего...» Это всякому православному ведомо.

«Чудная благость Божия, чудное средство ко спасению человека, погибшего грехом, явлены Богом в Причащении — с верою, покаянием, любовию — Самого Божественного естества, Богочеловеческого Тела и Крови Христа Бога. Тут погружаются и очищаются все грехи наши; тут человек соединяется и срастворяется с Самим Божественным естеством! О благость! О милосердие! О премудрость! О правда бесконечная! Подивись, ужаснись, небо, такому безмерному снисхождению и человеколюбию Божию! И «силы небесные» немолчно прославляют такое человеколюбие и снисхождение к нам Божие. Будем стараться быть достойными такого человеколюбия!»

«Какая безмерная благость, премудрость и правда Божия проявились в даровании нам Пречистого Тела и Крови Христовых, — какого спасения, очищения, освящения, обновления! Какой чести? — Чести обожения, соединения, срастворения с Божеством [мы удостоились]. Ибо мы чрез Причащение Пречистого Тела и Крови Христовых становимся плотию от плоти Его и костию от костей Его (Еф. 5, 30).

«Когда причащусь достойно... тогда Отец и Сын, и Святый Дух, Бог мой — во мне».

Далее... Мы уже выяснили, что главное дело священства он видел в посредничестве пред Богом за паству. А литургия как повторение Искупительной Жертвы, и есть высший вид этого ходатайства и предстательства пред Пресвятой Троицей Самого Сына Божия и Единого Посредника «между Богом и человеками» (см.: 1 Тим. 2, 5) Христа Господа. Литургия совершается Им Самим, лишь руками иерейскими. И совершая ее, о. Иоанн как священник самым сильным образом ходатайствует за своих пасомых и за весь мир.

«Священство, — говорит он, — возвышает человека до небес, и даже возводит выше небес, когда он совершает тайну Евхаристии, Тайну Пречистого Тела и Крови Христовой: тут священник и сам соединяется существенно с Господом в тайне Причащения, и соединяет людей с Богом, и служит посредником их обожения».

Мало того: литургия является ходатайственной жертвой не за отдельных лишь людей, — а за весь мир, за всю вселенную. Удивительны — для нашего маловерного времени — следующие его дивные слова:

«Бездна милости и щедрот открылась и открывается в ежедневном приношении на жертвенниках православных христианских храмов восходатайственной, всеумилостивительной, всеочистительной, животворящей, страшной, безмерно великой жертвы Тела и Крови Христовой, приносимой по воле Божией и Завету Господа Иисуса Христа во спасение всего мира. Все прошения, благоприятные Богу, исполняются, — прошения всей Церкви о всех состояниях и сословиях, о пастырях и пасомых. МИР СТОИТ,

крепится, не колеблется РАДИ ЭТОЙ ЖЕРТВЫ; грады стоят и не разрушаются и пребывают в благоденствии и благопоспешении; семейства утверждаются; козни и мечтания еретиков и раскольников бездейственны бывают; общее благочестие утверждается: только бы пастыри искренно совершали это величайшее таинство.

Слава Господу, давшему нам столь животворящий, державный, святейший, Божественный дар! Светися, светися, Новый Иерусалиме, Церковь Божия Православная!»

И эта мысль о пользе литургии не только для Православной Церкви, но и о всемирном значении ее не случайно промелькнула у о. Иоанна, а укоренена у него глубоко, в связи с идеей искупления Христом всего мира; поэтому он часто любит повторять ее:

«Польза литургии, совершаемой с благоговейным вниманием, неизмерима не только для всей Церкви Православной, но и для всей вселенной, для всех людей, вер и исповеданий... Из-за совершения литургии Господь долготерпит всему миру и милует весь мир, даруя ему изобилие плодов земных, успехи гражданственные, успехи в науках, искусствах, в земледелии, в домашнем хозяйстве; милуя не только человеков, но и скотов, служащих человеку. О литургия чудная, литургия всемирная, литургия божественная и боготворящая!»

Он по своему многолетнему трудному опыту знал, как силен в человеке грех и как неотступен диавол со своей борьбой. Одолеть их сам человек не в силах. Нужна помощь Божия. Где же ее брать? — В разных видах благодати: в вере, в молитвах, в покаянии, в борьбе, подвигах. Но больше всего — в Теле и Крови Иисуса Христа, в непосредственном с Ним приобщении. И о. Иоанн очень часто свидетельствует о великой помощи Св. Таин в этой духовной борьбе и ему и всем.

«Для чего Господь установил тайну Причастия Тела и Крови Своей в Церкви Своей? — Для того, чтобы изварить в нас огнем Своего Божества и искоренить грех, и сообщить нам святость и правду, Свое нетление, и даровать нам вечную жизнь; чтобы сделать нас сообразными Себе... и соделать нас достойными райских прекрасных вечных селений и света нетленного, присносущного, и радости неизреченной».

Но чтобы сподобиться христианину вечного праздника, вечного блаженства на Небе, потребны здесь, на земле, борьба и подвиги против греха во всяком образе... непрестанная борьба и, с помощью благодати Божией, победа и одоление; а главное (необходимо) непрестанное покаяние и Причащение животворящих Таин Христовых, очищающих всякий грех и украшающих душу всеблаголепием Христовым, и вменяющих человеку заслуги Христа».

И по собственному опыту своему о. Иоанн благодарит Господа за эти благие «плоды Причащения Святых животворящих Христовых Таин: очищение грехов, освящение, обновление души и тела, мир душевный, дерзновение пред Богом и людьми, обильный дар слова духовного, горячая молитва, победа над прилогами вражескими и всеми страстями, восстающими в нас; ревность о славе имени Божия и о Православии Св. Церкви, и

ясное зрение неправославия других инославных церквей, крепость духа и тела».

«Благодарю Господа, очищающего все беззакония мои всякий день; милостиво внемлющего моим тайным и гласным мольбам, моему тайному покаянию и слезам. Слава Его милосердию и долготерпению ко мне грешному, да и ко всем подобным мне грешникам! О, какое неисследимое богатство ко мне милости и щедрот проявляется всякий день многообразно, но особенно и чудно, торжественно и великолепно — в служении Божественной Литургии, в совершении Бескровной Жертвы за спасение погибающего мира — в совершении Евхаристии, этой умилостивительной, очистительной, освятительной и благодарственной — о спасении мира и наипаче верных людей — Жертвы! Не напрасно же ежедневно возглашаем победную на ней песнь, «поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще: Свят, Свят, Свят Господь Бог Саваоф, исполнь небо и земля Славы Твоея!»

И не менее часто он говорит о силе Таин над диаволом:

Сын Божий, победив диавола Крестом Своим, «дал нам и оружие против него — Крест Свой и животворящие Тайны, Плоть и Кровь Свою дал в пищу и питие ради очищения, освящения, обновления, укрепления в духовной брани с этим змием». Чрез Причащение мы становимся «страшными для демонов, если только будем твердо хранить в себе этот дар Божий».

«Непрестанно удивляет меня Святая, страшная... Жертва Тела и Крови Христовых, разрушающая непрестанно дела диавола в истинных причастниках этой всемирной Жертвы, служащей противовесом и отражением всех греховных мерзостей в слове, в деле и в помышлении, наводимых на нас от первого виновника и изобретателя греха!.. Какое превосходство благости является во вся дни и повсюду в церквах Божиих во всей вселенной!»

«Не достиг я еще целости нравственной, правоты и чистоты сердца. Раны наносит душе моей супостат всякий день, которые исцеляет непрестанно Врач мой Христос. Чувствую еще, что душевное растление мое велико, по причине воюющих во мне страстей. И стремлюсь достигнуть нетления во Христе. Об этом — моя молитва и мое старание! Для этого я совершаю ежедневно служение нетления и бессмертия — Божественную Литургию и вкушаю нетленную пищу — хлеб жизни — Тело и Кровь Того, Кто был мертв плотию ради меня и жив по Воскресении во веки веков».

А после Причащения о. Иоанн испытывает снова «свет и силу и покой, радость, блаженство, жизнь совершенную». «Вот что я всегда испытываю после неосужденного, дерзновенного, с верою и любовию Причащения Св. Таин». «Ощущал я тысячекратно в сердце моем, что после Причастия Св. Таин или после усердной молитвы я много раз изменялся чудным великим изменением на удивление самому себе, а часто и другим».

И таких свидетельств об обожительной, освятительной и противодемонской силе Св. Таин у о. Иоанна — множество. Эти мысли проходят красной нитью через весь его Дневник и проповеди.

И понятно становится, почему он постоянно служит литургию; а когда это не удается ему, то он скорбит.

«Как убийственно для души — долго не служить в храме, особенно — не причащаться Божественных Христовых Таин! Как душа зарастает тернием грехов! Как расслабевает! В какое впадает уныние! Сколько нужно труда, самоиспытания, молитвы покаяния, слез, чтобы снова привести ее в прежнее благодатное состояние мира, свободы, дерзновения, правоты духа! О горе нам без Тебя, Господи, без Твоей Божественной службы, без Причащения Св. Таин Божиих!» «Я угасаю, я умираю духовно, когда не служу в храме целую неделю. И возгораюсь, оживаю душою и сердцем, когда служу; понуждая себя к молитве — не формальной, а действительной, духовной, пламенной. Но сколько тогда бывает нужно побороть мне врагов бесплотных!»

«Бедствие для души — долго не причащаться Св. Таин: душа начинает смердеть страстями, сила которых возрастает по мере того, как долго мы не сообщаемся со своим Жизнодавцем».

Равным образом, в здоровье и в исцелении болезней и в чудотворениях он приписывает наибольшую силу — не столько своим молитвам, сколько Причащению Св. Таин; и потому постоянно советует больным причащаться, большей частью — у него самого. «Приезжай ко мне в Кронштадт причаститься»,— нередко говорил он больным. Или же причащал их запасными Дарами, которые брал с собою.

А сколько их притекало к о. Иоанну; особенно когда имя его как чудотворца становилось все более и более славным и притягивало страдающих со всех концов!

О своем собственном здоровье в зависимости именно от Причащения он говорит с решительностью:

«Я, многогрешный, обязан всеми днями моей благополучной жизни — ТОЛЬКО ЛИТУРГИИ, ХОДАТАЙСТВУЮЩЕЙ ЕЖЕДНЕВНО И О МНЕ, «воздыханиями неизглаголанными» Духа Святого» (Рим. 8, 26). И так — до самого конца жизни. В последние года два он стал болеть... Об этом будет рассказано в конце его жития. Сейчас же выпишу лишь одну выдержку из его письма к игумении Таисии в последний год жизни (1908): «Мое здоровье в одинаковом положении». И затем сразу добавляет в качестве объяснения: «Литургия и Св. Причащение — жизнь моя!»

Впрочем, он не отвергал и врачебной помощи: «Ходит и врач два раза в неделю: по характеру болезни и он полезен».

И в самое последнее утро своей жизни он был причащен Св. Таин... А через три-четыре часа скончался.

Понятно поэтому, что и других больных он влек ко Св. Причащению и священникам советовал делать это: «Если желаешь доказать преданность Господу Иисусу Христу от всей души и от всего сердца — охотно и смиренно служи больным в их жилищах, принося им и преподавая Св. животворящие Тайны Пречистого Тела и Крови Господа. С больными, коих хочется причащать Св. Таин, обходись с нежностью и кротостью, как кормилица с чадами, памятуя, как возлюбил всех нас Господь, давши нам Себя в пищу и питие вечной жизни».

«Служение больным с преподанием им Божественных Таин Тела и Крови Христовых есть величайшее служение, которое должно вменять себе в

величайшую честь и делать всегда охотно, благоговейно, радостно, не тяготясь». Наоборот, «радуйся и благодари Господа, что тебе ежедневно приходится служить Христу Богу, Спасителю нашему, всякий день — в лице больных, бедных, несчастных и всяких иных людей; особенно причащать Святых Таин Христовых и доказывать свою веру, свое смирение, послушание и любовь к Богу и ближнему».

Наконец, и самые чудеса, которые совершались через о. Иоанна, весьма часто бывали связаны с Св. Причащением, как уже говорилось и как увидим это дальше. После всего этого понятно будет общее его восторженное слово о литургии: «Нет ничего выше и более литургии — ни на Небе, ни на земле!» А кроме того, на служении ее, о чем мы упомянули выше, познается душа человека, как священника, так и мирянина: верит ли он глубоко? Или же вера ослабела у него?

«Св. Тайны, Тело и Кровь Жизнодавца, — говорит он, — пробный оселок для многих христиан: горнее или земное мудрование, простота души или лукавство, их смирение пред Творцом и пред Церковью или — гордыня слепая, не покоряющаяся праведному и всемогущему Слову Божию. «И, падый на камени сем (Христе), сокрушится; а на нем же падет, сотрыет и» (Мф. 21, 44). Внимайте, христиане, истинные ли вы или мнимые? — к вам обращены эти слова Всетворца и Искупителя нашего!»

Вот почему о. Иоанн, пламенея верою, и стремился к литургии и причащению... И причащению — частому, а потом — и ежедневному.

Ввиду новизны этого обычая, нужно остановиться на нем подробнее.

История Церкви говорит нам следующее.

«Не только во времена апостольские, но и в течение вообще первых веков было в обычае ежедневное причащение христиан; по крайней мере, так было в некоторых Церквах. В североафриканской Церкви существовало такое обыкновение: в день воскресный, по принятии причащения, христиане брали частицы Евхаристии с собою на дом; этими частицами они и причащались ежедневно по утрам, во время утренней молитвы, пред началом дневного труда, освящая себя таким образом на целый день; к участию в этом домашнем причащении допускались и малые дети. Впоследствии, по разным причинам, христиане стали причащаться реже: пришли к мысли, что причащаться следует не иначе как после достаточного приготовления к этому делу. Уже Ипполит, современник Тертуллиана и Киприана (в III веке), писал сочинение по вопросу: «Нужно ли причащаться ежедневно или же лишь в известные времена?»

«В IV веке по вопросу о том, как часто следует причащаться, церковная практика очень разнообразилась. В Испании и Риме причащались по большей части ежедневно. В Египте предоставлялось личному усмотрению каждого христианина — следует ли причащаться запасными Дарами, хранимыми дома, ежедневно или через день. В Каппадокии (родина св. Василия Великого. — *М. В.) принято было за правило причащаться четыре раза в неделю: в воскресенье, среду, пятницу и субботу, а сверх того — в дни памяти мучеников. В иных местах, по-видимому, довольствовались причащаться один раз в месяц — в*

первый воскресный день каждого месяца, или 12 раз в год. Относительно Сирской Церкви (Антиохийской) IV века св. Иоанн Златоуст свидетельствует, что здесь большинство христиан причащались уже раз или два в году. С V века обычай ежедневного причащения, или принятия Евхаристии ежедневно утром прежде всякой другой пищи, более и более отходит в область собственно аскетической жизни, в монастыри и пустыни» (Душеполезное чтение, 1883, декабрь).

Добавим: и в монастырях были разные обычаи; иногда там причащались тоже раз в год, как увидим ниже у Златоуста.

Св. Василий Великий предлагал такое руководство о причащении: «Хорошо и преполезно каждый день приобщаться и принимать Божественные Тайны, ибо Сам Христос ясно говорит: «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь, имать живот вечный» (Ин. 6, 54).

Впрочем, мы приобщаемся четыре раза каждую седмицу: в день Господень, в среду, в пяток и субботу; также и в иные дни, если бывает память какого святого. А что нимало не опасно, — если кто, во время гонений за отсутствием священника или служащего, бывает в необходимости принимать причастие собственной рукой, — излишним было бы это и доказывать, потому что долговременный обычай удостоверяет в этом самим делом. Ибо все монахи, живущие в пустынях, где нет иерея, храня причастие в доме, сами себя приобщают. А в Александрии и в Египте и каждый крещеный мирянин по большей части имеет причастие у себя в доме; и сам приобщается, когда хочет... И в Церкви иерей преподает часть; и приемлющий с полным правом держит ее; и таким образом собственною своею рукою подносит к устам».

А вот и наставления св. Иоанна Златоуста: «Замечаю, что многие просто, как случится, — больше по обычаю и по заведенному порядку, чем с рассуждением и сознательно, — приобщаются Тела Христова. «Настало, — говорят они, — время св. Четыредесятницы или день Богоявления: всем, каков бы кто ни был (по внутреннему расположению), должно причащаться Таин».

«Великую вижу здесь несообразность. В другие времена, бывая (в душе) чище, вы, однако же, не приобщаетесь. В Пасху же, хотя бы на вас лежало преступление, вы приобщаетесь. О обычай! О предрассудок! Напрасно в другие дни приносится Жертва; напрасно предстоим мы пред алтарем Господним: никто не приобщается! Впрочем, это я говорю не о том, чтобы вы только приобщились; но с тем, чтобы вы приготовили себя самих к достойному приобщению. Если ты не достоин причащения, то не достоин и участия (в литургии верных) и, значит, в молитвах».

И в ином месте: «Так как я упомянул об этой Жертве, то хочу сказать вам, посвященным в тайны, немногое, — немногое по объему, но заключающее в себе великую силу и пользу: слова мои — не от нас, но от Духа Божия. Что же такое? Многие причащаются этой Жертвы однажды во весь год; другие — дважды; а иные несколько раз. Слова наши относятся ко всем: не только к присутствующим здесь, но и к находящимся в пусты-

не, потому что они причащаются однажды в год; а иногда — и через два года. Что же? Кого нам одобрить? Тех ли, которые причащаются однажды; или тех, которые — часто; или тех, которые — редко? Ни тех, ни других, ни третьих; но — причащающихся с чистою совестию, с чистым сердцем, с безукоризненною жизнью. Такие пусть всегда приступают; а не такие — ни однажды. Почему? Потому что эти (последние) навлекают на себя суд, осуждение, наказание и мучение... Говорю это не с тем, чтобы запретить вам приступать однажды в год; но — более желая, чтобы непрестанно приступали к Святым Тайнам. Для того и священник возглашает тогда: «Святая святым!» — чтобы никто не приступал неприготовленным...»

«Когда он говорит: «Святая святым», то говорит — кто не свят, тот не приступай». И снова в третьем месте: «Приступать недостойно — хотя бы это случилось однажды — значит оскорблять святыню; а приступать достойно, хотя бы и часто — спасительно». «Пусть чистая совесть составляет для нас то время, в которое мы должны приступать (к Тайнам)».

«А потому, — наставляет Златоуст, — не спрашивай меня, когда? А спроси себя — как?»

Вот каковы были обычаи в древности и как постепенно от ежедневного причащения практика перешла к ежегодному. Так было и в Русской Церкви. Почему же о. Иоанн возобновил древнюю практику частого Причащения? Об этом послушаем его самого; сначала он не звал всех к частому Причащению. По установившемуся обычаю он поучал говеть хотя бы раз в год; но советовал по возможности — делать это и чаще:

«Нам нужно чаще и глубже входить в себя... Неопустительно говеть во все посты или по крайней мере в великий пост; искренне и глубоко исповедываться во всех грехах; и с верою и любовию причащаться Святых и животворящих Таин, в которых преимущественно и заключается сила обновления».

Но постепенно и он сам учащал служение литургии и других звал чаще причащаться.

«Многие очень долгое время не причащались Св. Таин, с верою и покаянием нелицемерным; потому бывают часто уловляемы мысленным волком диаволом; делаются жертвою бесчисленных и пагубных страстей и погибают навеки. А искренно приобщающиеся пребывают в мире и под кровом крыл Божиих, преуспевая в добродетели».

Но так как этот обычай редкого причащения уже укоренился, то о. Иоанну приходилось защищать частое причащение.

Известен целый ряд фактов, когда священники отказывали в частом приступании к Тайнам. Особенно крепко укоренился обычай — не допускать к Причастию в «большие праздники»: на Пасху, в Рождество и т. д. Были и есть примеры, что священники гневаются и возмущаются частыми причáстниками, выговаривают им и отказывают. Или иначе: один военный священник сначала отказал лицу, желавшему часто причащаться, но потом, узнавши, что это лицо состоит в штабе, дипломатично согласился, — но и то — с недовольной миной. О. Иоанн совершенно иначе относился к этому вопросу; и нам уже понятно — почему. Однако многократ-

но приходилось ему оправдывать своих чад, призванных на «брачный пир». Чем же он мотивировал это?

«Господь ежедневно заповедует причащаться животворящих Таин Своих, взывая ко всем: «Приимите, ядите... пийте от нея вси» (Мф. 26, 26–27; 1 Кор. 11, 24–25). Можно ли мирянам ежедневно причащаться? Раз это — прямая заповедь Господня и существо души и тела нашего крайне нуждается в ежедневной благодати Св. Таин, как немощное и удобопоползновенное на грех, можно приступать всякому искренне благочестивому, боримому от невидимых врагов и своих страстей. Но — не всякому праздношатающемуся, живущему без труда или преданному житейским страстям можно приступать; ибо многие могут приступать легкомысленно, по привычке. К святому Причащению нужно всегда искренно готовиться молитвою, воздержанием, покаянием».

А против огорчавшихся или возмущавшихся священников — или даже и против себя самого — о. Иоанн умильно защищает частых причастников:

«Не огорчайся на тех, которые желают чаще причащаться Св. Таин Тела и Крови Христовой; но люби их и радуйся за них пред Богом; ибо Господь влечет их сердца, испытавшие сладость общения с Ним в сих Тайнах. Ведь и ты сам часто приобщаешься, служа литургию. Не огорчайся и на больных, того же желающих в домах, где лежат они, и не ленись заходить к ним; ибо они желают общения с Богом и исцеления от Него. И нет выше и почтеннее служения, как приобщать больных Тела и Крови Христа Бога! Ибо Кого ты носишь? Какое служение творишь? Твое служение — выше ангельского; ибо они со страхом взирают на страшную и спасительную тайну: а ты носишь Самого Христа Бога и преподаешь Его верным». Но бывали случаи, — об этом будет рассказано далее, — когда он сам властно отгонял иных приступающих. Обычно же он весьма радовался причастникам. Вот что он пишет в письмах своих к игумении Таисии:

«Пишу под самым живым впечатлением совершенной мною у тебя (иг. Таисии) на подворье (в Петербурге, на Бассейной ул. — *М. В.*) литургии и живого, восторженного в Духе Святом слова-импровизации.

...Велик Господь и хвален зело в Своей Божественной Литургии, оживляющей всех, особенно — причастников животворящих Его Таин. Как Он, Утешитель, всех утешает, оживляет, возвышает до небес небесным на земле служением! Кажется, все горело духовно и трепетало во время литургии и проповеди Слова Божия на рождественскую тему. Я сам был воодушевлен и говорил, как пророк или апостол!» (1901).

«28 марта, в четверг, я служил на твоем подворье при бесчисленном множестве народа. Давка была громадная. Говорил назидательное поучение на слова: «Чаша Твоя, упоявающая мя, яко державна» (Пс. 22, 5) (1902).

«Сегодня, 16 мая, в четверг, имел честь служить на вашем Леушинском подворье, по возвращении из Москвы. Народа было множество по обычаю. Сказал слово. Сестер всех причастил» (1902).

«Сегодня, 7 апреля, имел счастье служить на вашем подворье; говорил слово и причащал народ. Церковь — полна народу. Одушевление — огромное, Божиею благодатию» (1904).

«Благодать и мир тебе от Господа нашего Иисуса Христа. Пишу тебе такое приветствие после литургии, совершенной мною в вашем подворском храме по своему почину, а не по просьбе чьей-либо. Божиею милостию я здоров и силен духом и телом; хожу легко и быстро. В день святой великомученицы Варвары я служил в Кронштадте раннюю обедню; и к вечеру отправился в Питер; поутру в понедельник каноны читал в Ивановском монастыре; обедню служил у вас; говорил проповеди; многих причащал. Стремление к причастию было неудержимое: по головам ходили. Что поделаешь? Сердце рвет, — не удержишь никак!» (1905).

Я намеренно выписал из его писем столько таких выдержек: человеку, не видавшему о. Иоанна лично, эти письма хоть немного откроют, какое действительное «неудержимое» стремление к Причастию было не только у него самого, но и у богомольцев. А что же делалось не на маленьком подворье в Петербурге, а в Кронштадтском 5000-м соборе?! Об этом расскажу после как очевидец.

Теперь же закончу этот отдел размышлениями о способе служения о. Иоанна, в связи преимущественно с литургиею. Известно, что он служил и с силою, восторженно, громогласно, дерзновенно — совсем необычно: не как мы — ровно; а порывисто, иногда — требующе. Велика у него была вера вообще!

Велико восхищение Св. Дарами! Восторженно совершал он ЛИТУРГИЮ... Я видел это воочию... И понял, что при такой гремящей вере невозможно ему было служить тихо, спокойно, речитативно... Здесь — Сам Христос! Сам Бог — реально! Живое общение с Божеством! Вся Троица — в нем! Можно ли было его душе, при таком состоянии и вере, сохранять обычное для нас спокойствие? — Никак! Здесь была вся суть его жизни. Если и вообще о священниках должно судить не в домашней обстановке, а непременно смотреть, каков он на богослужении, каков — в алтаре (особенно при совершении Евхаристии и при Причащении), то тем более можно понять о. Иоанна и воспринять суть его души на богослужении, и в особенности — на литургии, — где и в нем и в других воистину «все горело духовно и трепетало!».

Никогда и нигде он не восторгался так, как литургией. И по одному этому безусловно должно утверждать, что его основное дело было ходатайственное, тайносовершительное. Он прежде всего был поразительный, исключительный священнослужитель, и в особенности — служитель литургии.

День в Кронштадте

Теперь мне хочется описать жизнь и деятельность о. Иоанна, как они протекали каждый день в то время, когда он уже славился на всю Россию и когда со всех сторон стекались к нему тысячи людей.

Из всей литературы о дивном Батюшке, я избираю небольшую книжечку, в несколько десятков страничек, малоизвестного писателя Ивана Щеглова, под простым заглавием: «У ОТЦА ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО». Рассказ очевидца. (СПб. 1905. 86 с.)

Светская печать очень мало интересовалась религиозными делами вообще, о. Иоанном в частности. Этим занималось духовенство да простая народная чернь; ну еще — купцы и мещане, тоже не бывшие в почете у литераторов; и изредка — аристократы. Интеллигенция тогда уже была безверною. Насколько помню, единственный раз я встретил, кажется, в «Историческом Архиве» заметку А. П. Чехова, который был откомандирован от «Нового времени» на один из именинных дней батюшки, 19 октября. И что же? Антон Павлович, присутствуя на торжественной трапезе, ничего особого не заметил в славном на весь мир молитвеннике и чудотворце. Отец Иоанн показался ему «обыкновенным». Чехов подсчитал даже, сколько рюмочек вина выпил именинник с дорогими ему гостями. И увы! Не увидел в нем гиганта духовного. Понятно — закон познания везде таков: подобное познается подобным. А, кроме того, Батюшка, по смирению своему, и сам скрывал свое «необычное» под видом обыкновенности. И даже — скажу более — не замечал его; видя больше «немощи» свои. Наконец, — всему бывает место и время: иным бывает человек в храме, другим — на браке, третьем — на похоронах. И конечно, на банкете, где все радуются вместе с именинником, нужно и ему быть простым, радушным, радостным; иначе празднующие огорчились бы.

Сам Господь на первых порах не давал строгих постов ученикам Своим, сославшись на житейский пример, — когда у гостей жених, в это время постов не бывает; уйдет жених, они будут поститься. И потому заметка А. П. Чехова нам, обычным людям, тоже дорога: Батюшка иногда бывал подобен нам, обыкновенным людям.

Из духовных писателей многие составляли житие о. Иоанна. Но ни одно из них не захватывало моей души, как эта небольшая книжечка Ивана Щеглова. Она настолько ярко и верно охватила облик о. Иоанна и обстановку вокруг него, что я однажды прочитал ее на вечерней беседе в женском Рижском монастыре вместо проповеди. И как слушали!

Конечно, кто был очевидцем того времени, тому книжечка покажется тоже «обыкновенной». Но ведь теперь, спустя 40 лет по кончине Батюшки, остались лишь единицы, видавшие его и ощутившие общую атмосферу кронштадтской жизни; и таким книжечка Щеглова будет лучшей «живою биографиею» тех времен, дел, духа, чувств, мыслей, слов, внешней обстановки у отца Иоанна Кронштадтского. И я, повторяю, лучшего ничего не читал, чем «рассказ очевидца». Как писатель он обладал, конечно, особым талантом запечатлевать наблюдаемое и выражать ярко и справедливо. Иному,

может быть, эта светская книжечка покажется неподходящей к такому предмету, как «святой» пастырь? Но я более дорожу верностью описаний жизни о. Иоанна, чем теоретическими соображениями о стилях. Тем более, что брошюра эта «дозволена» духовною цензурой.

Итак, начну с маленького предисловия к книжечке, — написанного, вероятно, издательством:

«Настоящий очерк, не заключая в себе подробного жизнеописания отца Иоанна и его деяний, дает зато вполне правдивый, чутко схваченный облик Кронштадтского пастыря — вдобавок в ярком изображении той исключительной обстановки, в которой, вот уже около полувека, ему приходится жить, молиться и благотворить людям; благодаря искренности и художественности изложения, общая картина получается столько же исторически верная, сколько глубоко захватывающая и поучительная».

«Мне хочется рассказать вам о моей поездке с наимельчайшими подробностями, потому что когда в центре стоит такая необыкновенная личность, как протоиерей кронштадтского Андреевского собора Иоанн Сергиев, то невольным образом все то, что до него касается, приобретает совсем особую поучительную значительность.

Поездка моя в Кронштадт совпала с 26 августа, то есть с кануном празднования дня Усекновения главы Иоанна Предтечи.

В три часа пополудни я отбыл на пароходе из Петербурга, в половине пятого был уже в Кронштадте и почти в то же время, на другой день, возвращался обратно. Но впечатления, вынесенные мной за этот незначительный промежуток, оказались до того новы, сильны и разнообразны, что только лишь спустя полгода мне удалось разобраться в них с должною добросовестностью.

Итак, в 3 часа пополудни я сел на пароход, отходивший в Кронштадт. Если вы даже никогда ничего не слыхали об отце Иоанне, то уже и тут, на палубе парохода, вы наслышитесь о нем достаточно всяких разговоров, чтобы сразу исполниться самого живого любопытства к личности Кронштадтского пастыря.

Из рассказов, слышанных мною в этот раз, врезались в моей памяти следующие два, поразившие меня своей необычайной простотой. На палубе второго класса оживленно беседовали два господина, почтенная проседь которых и искренность речи внушали особое доверие.

— Вот вы все говорите об исцелениях и врачеваниях, — ораторствовал первый, отставной военный, в синих очках, обращаясь к своему соседу, благодушному толстяку в купеческом картузе, — а я вам расскажу про отца Иоанна два случая совсем в ином роде, лично мне известные. Не угодно ли?

Пассажиры, сидевшие поблизости, насторожились.

— Захожу я как-то на прошлой неделе к моему старому приятелю, артисту Б. Ну, известно, артист: в Бога не верит, разные там цыганские песни, нимфы на стенах и, знаете, все этакое...

Рассказчик сделал неопределенный жест в воздухе.

— Только заглянул я как-то в угол около окна, — и глазам своим не верю. Понимаете, в уголке на гвоздочке образ висит и тут же неподалеку на стенке портрет отца Иоанна. Что, думаю, за притча такая? Прежде такого духу здесь не было. Обращаюсь к хозяину.

«Так и так, — говорит, — произошла тут на днях со мной целая история. Уже не знаю, как и объяснить... Захворала, видишь, у нас жена домовладельца и пожелала, чтобы отец Иоанн над ней молитву прочитал. Ну тот и приехал... Я, может быть, и не узнал бы, что он приехал, да у нас на лестнице такая суматоха поднялась, словно пожар. А у меня тем временем один клубный актерик сидел, из комиков. Отчего, думаем, не полюбопытствовать... Пошли. Народу в квартиру набилось тьма, так что, ежели бы не мой благодатный рост, пожалуй, ничего бы и не увидел... Присмотрелся это я в передней, и мне, через анфиладу комнат, как раз видно, как он в спаленке молитву перед образом читает... то есть, собственно, не читает, а как-то истерично возглашает, воздевая руки кверху. Бог знает почему, показалось мне тогда все это неестественным. Наклонился я это к уху комика и тихонько скажи: «Тоже, поди, комедию ломает, как и мы, грешные!» Только вот отец Иоанн молитву прочел, благословил больную и быстро проталкивается назад, к лестнице... А мы, надо сказать, своей позиции не бросаем, чтобы его хорошенько поближе рассмотреть. Проходит это он мимо меня и вдруг, как бы нечаянно, потрепал меня этак по плечу, полуулыбнулся и шепнул: «А комедию все-таки дослушал?»

Я так и обомлел: стою на месте, как столб, и ничего не понимаю. Бросился я, было, потом за ним вниз по лестнице, — да куда, его уж след простыл».

— Ну, и что ж ты после этого?

— Да что же, — говорит, — сейчас пошел на Невский проспект, в магазин Попова, и приобрел себе сей портрет.

— И веришь? — спрашиваю.

— Ну, ежели и не вполне верю, то, во всяком случае, смеяться больше над этим не стану!

На минуту воцарилось молчание. Впечатление от рассказа получилось сильное, и случайные слушатели внушительно между собой переглянулись.

— А вот-с вам другой случай, происшедший не далее как нынешним летом, — заговорил вновь военный в очках, очевидно взволнованный своим первым сообщением. — Проездом в Ростов я прогостил несколько дней в харьковском имении князя Г.

Ну так вот у него служил буфетчиком молодой парень, по имени Федор, женатый. А жену его, как сейчас помню, звали Ксенией. Она у княгини горничной служила. И вот как раз проезжал в то время через Харьков отец Иоанн. Федор и отпросился у князя съездить на ближайшую станцию, чтобы хоть раз в жизни посмотреть на батюшку. А тут жена за ним увязалась: возьми да возьми, я тоже хочу батюшкино благословение получить. Тот ей разные доводы: что, дескать, вместе неудобно, да и княгиня рассердится; что он все равно потом ей все расскажет и т. д. Ну, словом, не

взял. Вот забрался он чуть свет на станцию и вместе с тысячной толпой ждет не дождется поезда. Поезд наконец подошел. Отец Иоанн вышел из вагона на дебаркадер и, проходя в комнату начальника станции, по пути наскоро благословляет теснящийся около народ. Благословил он и Федора в числе других, тоже мимоходом, наскоро. Только как бы вы думали, что проговорил он, проходя мимо него?

— Ну те? — послышались нетерпеливые голоса.

— Благословляю тебя, раб Федор... Отчего ты Ксении не взял с собой?

На этот раз впечатление на всех было ошеломляющее, и, если бы не начавший накрапывать дождик, понемногу разогнавший слушателей, беседа, вероятно, приняла бы еще более интересный оборот. В числе прочих поспешил укрыться в каюту и я.

И опять, и еще опять пошли с разных сторон рассказы про чудесные деяния отца Иоанна: как он исцелил одним своим благословением ремесленника Б., страдавшего буйным помешательством; как учительница Д. мгновенно излечилась от нестерпимых головных болей, которым была постоянно подвержена, когда однажды о. Иоанн, пробираясь сквозь толпу на молебен, мимоходом коснулся ее головы; как жена одного механика в Архангельске, удрученная крайней слабостью зрения, обратилась к батюшкиной молитве и как вслед за тем она случайно разбила свои единственные очки, но уже стала так хорошо видеть, что новые не пришлось заводить вовсе; или как одна немка-кондитерша, прикованная к постели какой-то неизлечимой болезнью, послала в Кронштадт одну свою знакомую к о. Иоанну с просьбой помолиться о ней, как тот в 3 часа пополудни помолился, и знакомая, вернувшись, узнала, что больная ровно в 3 часа пополудни поднялась с постели, почувствовала совершенное облегчение и т. д. и т. д...

На пристани, среди путаницы подъезжавших и отъезжавших дрожек, благодушно дремали два пузатых дилижанса, вроде наших так называемых «кукушек», которые ходят на Петербургскую сторону и к Покрову. Одна из этих «кукушек» направлялась к Андреевскому собору, то есть месту служения отца Иоанна и, следовательно, к конечной цели моего путешествия. Я уже был предупрежден, что на самой Соборной площади прибытие дилижанса всегда поджидается содержательницами временных меблированных убежищ, которых здесь не один десяток и которые, разумеется, существуют исключительно именем отца Иоанна.

Через какие-нибудь четверть часа дилижанс остановился на Соборной площади. Выглянув на свет Божий, я увидел пять-шесть женщин в темных платках, суетливо высматривающих постояльцев между вылезавшими пассажирами.

Более других внушила мне доверие одна небольшая сухощавая женщина, вся в черном и с черным платком на голове, издали совсем похожая на монашку. Особа эта улыбалась так умильно, почтительно и с такой трогательной ласковостью убеждала меня не сомневаться в людях и остановиться в соседнем переулке у Матрены Марковны Снегиревой, что я вручил ей свой дорожный сак и покорно последовал по адресу. Оказалось, что монашку зовут Феодосией Минаевной, что она потерпела в жизни какое-

то крушение, долго скиталась по монастырям и святым угодникам, а теперь живет около г-жи Снегиревой, пробавляясь мелкими услугами кронштадтским паломникам.

В настоящем случае услуга ее была неоценима: жилище г-жи С. находилось в двух шагах от Андреевского собора; отведенная мне комнатка отличалась уютностью и чистотой, и вдобавок из ее единственного окна —напротив, в угловом двухэтажном доме, можно было разглядеть вверху два занавешенных оконца, отмечавших собой скромную квартирку о. Иоанна.

Первым делом Матрена Марковна предложила мне обогреться чайком, и пока Феодосия Минаевна ставила самовар, она подсела к моему чайному столику и словоохотливо поведала мне, как она чуть вовсе свою душеньку не загубила, не случись ей заболеть и съездить к батюшке. «И вот,— заключила она, слегка всплакнув,— как походила я это около батюшки — омерзела мне суета, сил моих больше не стало около лотка выстаивать да разные срамности от покупателей выслушивать. Сейчас, значит, торговлю я поприкончила и порешила сделаться «батюшкиной овцой».

По тону ее рассказа нельзя было не видеть, что внутренний переворот, произведенный в ней словом отца Иоанна, был решительный и благодетельный...

Отведенная мне комнатка — узенькая, в одно окно, загроможденная с одной стороны складной кроватью, а с другой расписным сундуком — напоминала собой не то монашескую келью, не то старокупеческую молельню: в углах, на стенах, в простенках — образа, образки, картины религиозного содержания, фотографии отца Иоанна и портреты разных духовных лиц. Образами занят был весь угол по левую сторону окна, образами же изукрашен был и весь правый. Этот правый угол превращен был усердием хозяйки в пеструю и нарядную божницу со сверкающей серебряной ризой большой иконой Богоматери Всех Скорбящих посреди, повитой венком из искусственных роз и увешанной крестиками и образками на шелковых ленточках; смиренно выглядывали лики святых угодников — Тихона Задонского, Митрофана Воронежского, Сергия Радонежского и Николая Чудотворца. Перед образом Божией Матери теплилась лампада, а сама божница завершалась просторным угольником, накрытым чистой скатертью и, очевидно, приспособленным для совершения молебнов: тут находилась миска с водой, серебряный «тройник», то есть подсвечник с тремя свечами, просфора, вынутая за сегодняшней обедней, листки с поминаниями и т. д. Из других священных изображений мне особенно запечатлелись в памяти: усекновение главы великомученицы Варвары — лубочная олеография, висевшая над постелью; небольшая гравюра, на стене напротив, представлявшая многоизвестного старца Серафима Саровского на одре болезни, и стоявший в левом углу на полочке деревянный образ Иоанна Предтечи с выразительными аскетическими чертами, со свитком в руке и с золотистыми орлиными крыльями за спиной — видимый образчик строгого старинного письма.

Заглянул я в полуотворенную дверь соседней комнаты — и там все то же: божницы в углах, священные картины по стенам, фотографии отца Иоанна.

В первой комнате, мимо которой я проходил через кухню в свое помещение, мне также бросился [в глаза] в углу, у окна, большой сверкающий киот, украшенный вербами, вышитыми полотенцами и пасхальными яйцами.

Ну совсем вольный монастырь!

Вскоре вернулась хозяйки вольного монастыря в сопровождении своей вольной келейницы, несшей самовар, — обе с крайне неутешительным для меня известием, что отец Иоанн служить всенощной в Андреевском соборе не будет, т. к. вызван телеграммой в Петербург к одной трудно больной и вернется не ранее часа пополуночи; но, по обыкновению, он будет служить раннюю обедню и, при особо счастливых обстоятельствах, объезжать по городу странноприимные убежища.

Итак, оставалось ждать и надеяться.

Напившись чаю, я отправился в прославленный Андреевский собор. Всенощная шла своим обычным порядком: певчие пели исправно, священник служил благолепно, а диакон сохранял редкое чувство меры при своих обширных голосовых средствах; но народу в храме было мало, и в воздухе чувствовалось какое-то напряженно-чинное, будничное настроение. Даже самый храм, как мне казалось, в отсутствии своего вдохновенного пастыря смотрел сиротливым и как бы покинутым.

По окончании службы я направился обратно к своему «монастырику» и, проходя через кухню, обратился с просьбой к хозяйке и ее наперснице, усердно хлопотавшим около плиты, дать мне чего-нибудь поужинать. Моя просьба почему-то привела обеих женщин в крайнее замешательство, и через каких-нибудь пять минут на пороге моей кельи появилась Феодосия Минаевна с особенно низкими поклонами и тонко-дипломатичным выражением в своей физиономии. В очень туманных словах, сопровождаемых постоянными извинениями, она дала мне понять, что плотно ужинать перед завтрашним днем будет не совсем удобно, так как батюшка иногда в конце обедни, ежели много приезжих, предлагает желающим «соединиться с Богом», то есть делает общую исповедь и затем причащает Святых Таин.

Я поблагодарил смешавшуюся келейницу за доброе сообщение и удовольствовался на ночь порцией холодного чая и ломтем ситника, изредка прислушиваясь к женским голосам за дверью соседней комнаты. По доходившим до меня отрывкам я мог вывести заключение, что соседки-ночлежницы принадлежали к простому классу и все имели какие-то житейские и душевные затруднения, для разрешения которых, собственно, и прибыли из разных мест в Кронштадт к батюшке.

Было уже довольно поздно, когда мои соседки вдруг затянули дружным хором какую-то песню. Сначала, признаться, я был озадачен таким обстоятельством, но вслушиваясь внимательно в слова песни, я сделал совсем неожиданное и трогательное открытие: оказалось, что распеваемая песня была не что иное, как вольное переложение на голоса стихотворения, написанного ко дню юбилея отца Иоанна одним кронштадтским нищим и помещенного как раз в юбилейном сборнике, только что мной пересмотренном. Стихотворение представителя кронштадтских нищих, отличавшееся край-

ней наивностью формы, но вылившееся от искреннего сердца, нашло, очевидно, свой полнейший отзвук в родственных ему сердцах простого люда. До сих пор раздается в моих ушах это стройное песнопение, умиленно оглашавшее ночную тишину...

Спешит к тебе вельможа знатный,
Собрат ученья из глуши,
И все-то едут в путь обратный,
Рассея мрак своей души...
Скупец обратно едет добрым,
Злодей — с очнувшейся душой,
Упавший духом — с духом твердым,
Ты всем даешь души покой...
И т. д.

По окончании пения юбилейных стихов наступила небольшая чинная пауза, и затем раздалось новое пение: «Царю Небесный, Утешителю...» Затем опять чинная пауза — и новое повторение юбилейных стихов.

После их повторения последовало общее шушукание, как будто соседки о чем-то сговаривались, и затем я отчетливо расслышал, как все разом опустились на колени и с редким благоговением пропели: «Милосердия двери отверзи нам, Благословенная Богородице». После «Милосердия двери» последовало приготовление ко сну, и верующие бабы, которых было в комнате, по всем признакам, более десятка, стали располагаться на полу, без шума, без лишнего разговора, точно все они совсем не случайно сбились в кучу из разных мест, а составляли давно одну нераздельную и дружную семью. Изредка только слышалось:

— Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое Его!

— Доброй ночи, душенька Марья Матвеевна!

— Ариша, ты бы заправила лампадку у Михаила архангела! И т. п.

Через какие-нибудь четверть часа в соседней комнате все безмолвствовало. Но не так было со мной... Новая обстановка, новые впечатления, умиленный хор верующих баб — все это разогнало мой сон и будило настойчиво мысль и сердце.

Я, не раздеваясь, прилег на постель и отдался во власть моей сладкой тревоги...

Перечитывая не раз биографию отца Иоанна, я всегда поражался трогательной ее несложностью.

С первого взгляда биография как биография — обыкновеннейшего добросовестного пастыря; но меж ее будничных строк как бы невольно просвечивают те бессчетно-неуловимые, духовно-тонкие ступени подвижнического искуса, по которым слава Кронштадтского иерея на протяжении почти четверти века поднималась постепенно все выше и выше, принимала одновременно, как и его деятельность, все более широкие размеры и, отмеченная в свой позднейший и совершеннейший период Божественной щедростью чудес и исцелений, сделала отца Иоанна живой легендой русского народа.

То муж на смертных не похожий,
Печать избранника на нем!

приходит мне в голову известный стих Алексея Толстого...

Мне решительно не спится... К счастью, я вспоминаю, что в моем саке имеется пачка нумеров «Русского Паломника» с дневником о. Иоанна, захваченная на случай досуга... Я встал, зажег свечу и, отыскав «Паломник», углубился в чтение... О, это удивительный дневник — Дневник о. Иоанна!

Не могу воздержаться, чтобы не отметить карандашом строки, почему-либо меня захватывавшие:

«Если какая-нибудь мысль — жизнь для сердца, то она истина; если — томление, смерть сердца, то она — ложь».

«Я — немощь, нищета, Бог — сила моя. Это убеждение есть высокая мудрость моя, делающая меня блаженным!..

Боже мой! Моему взору представляется бесконечность благ, обещанных христианам, и в тоже время, — бесконечная невнимательность христиан, попирающих Кровь Завета, не радящих о таинстве спасения. Но да дарует же мне Господь уста и премудрость, да возглаголю я огненными языками, да возжещу огнь упования, Господу поспешествующу, в сердцах хладных!!»

«Владычица Богородица! Ты, Коей любовь к христианам без числа превосходит любовь всякой матери земной, всякой жены, внемли нам в молитвах наших и спасай нас! Да памятуем о Тебе постоянно! Да носим Тебя всегда у сердца! Да прибегаем всегда под кров Твой святой неленостно и без сомнений!..»

«Как хорошо побеждать страсти!.. После победы чувствуешь такую легкоту на сердце, мир и величие духа!..»

...Дочитав имевшиеся у меня номера «Паломника», я взглянул на часы: был час пополуночи. Я вспомнил сообщение хозяйки, что о. Иоанн вернется сегодня не ранее часа пополуночи и, отворив форточку, усиленно стал всматриваться, в темноте улицы, в заветное оконце углового дома. Но там было темно, как всюду: очевидно, хозяин еще не возвращался. Я вновь углубился в перечитывание Дневника и совершенно не заметил, как пролетело полчаса. Я опять отворил форточку и опять стал всматриваться... Теперь в заветном оконце брезжил огонек, и мне почудилась мелькнувшая за занавесью тень: не было сомнения, что это была тень батюшки, вернувшегося наконец домой после своих пастырских трудов...

Я не в силах передать того умилительного чувства, которое стеснило мне грудь в эту минуту... Эта непроглядная темь и тишина вокруг, разбросанные на столе листки драгоценной Исповеди и через дорогу напротив этот одиноко мерцающий огонек... Так вот он, тот таинственный, священный огонек, к которому стремятся такие несметные толпы с самых отдаленных концов России!

И назойливо и укоризненно меня начинает мучить мысль: отчего так случается, что народ всегда опережает нас, образованных людей, в угадывании великого человека, а мы, пока жив человек и ходит около нас, все

недоумеваем да пересмешничаем и лишь после смерти его, когда венец его подвигов вдруг засверкает ослепительным и нетленным блеском, легкомысленно спохватываемся и начинаем подслушивать у этого самого темного народа заживо пропущенную легенду?!

Какое это горькое «отчего»!..»

Когда я ложился спать, мне все представлялся этот необыкновенный человек и неизменный печальник, на коленях, одиноко молящийся среди ночного безмолвия за все удрученные и мятущиеся души — и в устах моих неотступно откликался молитвенный вопль:

«Утверди, Боже, укрепи, Боже, помоги, Боже! О Господи, спаси же! О Господи, поспеши же!..»

К моему стыду и огорчению, я проспал.

Было уже четверть пятого, когда наконец очнулся на усиленный стук Матрены Марковны. В комнате царствовал еще полумрак, но со двора уже доносились строгим упреком глухие удары соборного колокола, за дверью же меня давно поджидала совсем готовая в путь Феодосия Минаевна.

Я быстро оделся и безропотно, ежась от утреннего холода, последовал за моей обязательной руководительницей, знавшей какие-то тайные способы для проникновения на самое передовое место в церкви. Но на полпути от собора она встретилась с какой-то кумушкой в вязаном платке, о чем-то тревожно с той пошепталась и вдруг круто свернула в переулок направо. Оказалось, что нас постигла неудача: о. Иоанн на этот раз изменил Андреевскому собору и служил обедню в думской церкви, где сегодня был «придел». Пришлось спешить к Думе. По полутемным кронштадтским улицам, мимо сонных домов со спящими дворниками и затворенными ставнями, торопливо двигались со всех концов туда же кучки народа. Промешкай мы пять минут — и нам пришлось бы вернуться: думская церковь была уже набита битком. Феодосия Минаевна взволнованно шепнула мне на ухо, что батюшка уже служит. Я сунул ей наскоро бывшее у меня в кармане поминанье с величайшим трудом протискался вперед, на указанное место... и увидел наконец отца Иоанна... Он стоял в правом приделе, впереди певчих, спиной к молящимся, перед повитой цветами иконой, и, порывисто осеняя себя крестным знамением, возглашал канон Иоанну Предтече.

Я намеренно пишу «возглашал», а не «читал», потому что молитва о. Иоанна очень мало имела общего с обычным чтением большинства священников... Громко, резко и нервно, как бы отрывая каждое слово от своего сердца, произносит он святую молитву, и от этих звуков, наполняющих сдержанную тишину многолюдного храма, веет действительно чем-то святым и высшим.

Всем и каждым властно чувствуется, что тут не простое чтение перед чтимой иконой, а как бы живая беседа с Существом видимым и сущим.

«Святый великий Иоанне, Предтече Господень, моли Бога о нас!» — и я напрягаю весь мой слух, чтобы разобрать последующие слова.

«Крестителю и Предтече Христов! — раздается вновь знакомый, проникновенный голос. — Погружаемый всегда сластьми телесными, ум мой

управи и волны страстей укроти, яко да в тишине божественней быв, песнословлю Тя!»

Это «песнословлю Тя!» Ежели б я был в силах передать, как оно было произнесено!.. Я уверен, что от этого пламенного возгласа дрогнуло в храме не одно сердце.

Но вот канон прочитан, утреня кончена, и отец Иоанн оборачивается лицом к народу для благословения.

Да неужели же это отец Иоанн? Уж не ошибаюсь ли я?.. Я вижу перед собой обыкновенного сельского священника, среднего роста и худощавого, с кроткими детски светлыми глазами, русой бородой...

Вот отец Иоанн удаляется в алтарь, начинается обедня, а я все не могу отделаться от странного, двойственного впечатления, произведенного его личностью.

В середине обедни, во время чтения Евангелия, в окно храма заглянуло солнце, и один из косых лучей его залил светом всю внутренность небольшого алтаря. Забыть ли мне когда-нибудь в эту торжественную минуту отца Иоанна?

Стоявший по правую сторону престола и ярко освещенный до пояса, он выступал как в раме, и вся его фигура тогда с благоговейно сосредоточенными чертами лица, молитвенно скрещенными на груди руками, в сверкании священнического облачения — запечатлена была какой-то непередаваемой, прямо неземной светозарностью. Нет, положительно, такие минуты можно только отметить и унести в сердце на всю жизнь, но перо для описания их обидно беспомощно.

К концу обедни обозначилось, что «общей исповеди» не будет; тем не менее в причастниках и причастницах недостатка не было, и в особенности поражало обилие баб в платках и повойниках, с младенцами на руках. Этих платков и повойников уже при начале «Херувимской» потянулась целая вереница, терпеливо и настойчиво пролагавшая путь к амвону... К моему великому удивлению, обряд причащения маленьких именинников и рождениц прошел в примернейшей тишине, без обычного в таких случаях рева и визга. Но маленьких причастников и причастниц оказалось такое множество, что я не выдержал и малодушно прошептал про себя:

— Господи, да ведь этому же конца никогда не будет!

Стоявший рядом со мной захудалый мещанин в рыжем пальто улыбнулся в мою сторону и заметил:

— Это еще что-о! А вот когда бывает-с общая исповедь, тогда причастие сплошь до двух часов затягивается; в главном приделе обедня начнется и успеет отойтить, а батюшка все еще продолжает причащать. Великих трудов носитель! — заключил со вздохом мещанин.

И вдруг круто отвернулся от меня и стал усиленно креститься.

На этот раз, однако, отец Иоанн вскоре удалился в алтарь, предоставив продолжать святой труд причащения своему сотруднику, молодому священнику. Но отдых отца Иоанна не был продолжителен, потому что почти одновременно с его удалением в алтарь мимо меня протиснулся

вперед церковный сторож с подносом, на котором высилась целая гора телеграмм и писем, все на имя отца Иоанна, разумеется.

Сосед мой в рыжем пальто перестал креститься и опять шепнул:

— Почитай кажинный день вот столько!..

Мне оставалось только поникнуть смиренно головой и вооружиться терпением, ибо ноги мои с непривычки болезненно ныли.

Наконец, в начале уже десятого часа, обедня кончилась; но народ не только не думал расходиться, но напротив того, еще теснее и упорнее сплотился на своих местах, нетерпеливо поджидая выхода батюшки; до этого желанного мгновения прошло однако добрых три четверти часа.

Изредка алтарная дверь приотворялась, и мельком можно было видеть и отца Иоанна, сидящего в кресле у окна, то углубленного в чтение присланных телеграмм, то исповедующего какого-нибудь заезжего провинциала, то отдающего приказания своему помощнику, молодому белокурому псаломщику.

Перед самым амвоном, где служил отец Иоанн, был отгорожен особой решеткой небольшой свободный проход, с великим ухищрением охраняемый у выхода двумя церковными сторожами. Между прочим мне бросились в глаза: очень полная и очень аристократическая дама с красавицей-дочкой и пажем-сыном, симпатичная пара юных супругов, видимо взволнованных и тревожно между собой переглядывавшихся, и, справа у окна, бледненький, тоненький студентик, глядевший робко и исподлобья.

У самого входа в заветное ограждение скромно ютились две пары, возбуждавшие во мне искреннее сострадание: больная, с трудом стоявшая на ногах старуха, поддерживаемая девочкой-подростком, должно быть, внучкой, и два мужика, судя по обдерганным лаптям и одежонке, прибредшие из дальней губернии — один высокий, худой, с мутным и неподвижным взглядом, другой — маленький, юркий и голубоглазый, с рыжею бородкою клином. Я протискался ближе и осведомился у рыжей бороды — откуда они. Оказалось, что оба они оренбургские, что высокий мужик совсем слепой и что так как они были много наслышаны, «что в городе Кронштадте у отца Иоанна слепые прозревают и калеки ходят, то вот они, значит, и прибыли по этой самой причине».

К чести аристократической дамы следует сказать, что она заметила несчастного слепого, что-то шепнула сторожу; и слепой очутился внутри ограждения со своим верным товарищем. Следом за ними, каким-то чудом, прошли туда и больная бабушка с внучкой.

Меня тоже начало подмывать проникнуть как-нибудь в заветную решетку, чтобы разглядеть поближе отца Иоанна, когда вдруг вся огромная толпа, переполнявшая церковь, колыхнулась, как один человек, и электрической искрой пробежал по рядам радостный шепот:

«Батюшка!.. батюшка!..»

Действительно, одна из боковых алтарных дверей приотворилась, и на пороге показался отец Иоанн.

Что тут произошло, я решительно отказываюсь воспроизвести с достаточною наглядностью!

Лишь только он показался, как толпа неудержимой волной, тесня и давя друг друга, хлынула в его сторону, а стоявшие за заветной решеткой вмиг очутились на самом амвоне и чуть не сбили его с ног. При содействии псаломщика и двух сторожей, отец Иоанн быстро перебрался к левому приделу и сделал шаг вперед, чтобы пройти с этой стороны. В одно мгновенье та же толпа, точно подтолкнутая какой-то стихийной силой, стремительно шарахнулась влево и, простирая вперед руки, перебивая друг друга, крича и плача, настойчиво скучилась у церковной решетки, преграждая путь своему доброму пастырю. О чем кричали, о чем молили — ничего нельзя было разобрать, потому что все эти мольбы и крики сливались в один неясный, оглушительный и растерянный вопль. Отец Иоанн, затиснутый в угол, стоял покорно прижавшись к стенке, и на утомленном лице его отпечатлевалась — не то мучительная тоска, не то бесконечная горечь при виде этой исступленно мятущейся у ног его жалко-беспомощной толпы.

Казалось, чего могло быть проще для каждого другого пастыря — выйти из алтаря и пройти шагов пятьдесят до паперти, но для отца Иоанна такое путешествие являлось делом долгим, трудным и даже небезопасным. Предвидя все это, двое городовых, находившиеся в наличности сторожа и несколько человек из именитых купцов предприняли очень быструю и оригинальную меру, а именно — стали по обе стороны намеченного пути и, протянув по всей линии толстую веревку, образовали нечто вроде живой шпалеры, с виду очень стойкой и внушительной. Но лишь только отец Иоанн двинулся вперед, вся эта внушительная шпалера оказалась детской и смешной выдумкой; веревка с треском лопнула, купцы и городовые в один миг были отброшены в противоположный конец храма, и толпа, смешавшись и сшибая друг друга с ног, окружила отца Иоанна плотной непроницаемой стеной. Теперь отец Иоанн вдруг как бы исчез, и некоторое время его вовсе не было видно. Потом вдруг вся эта волнующаяся и вопящая стена колыхнулась в сторону и я увидел отца Иоанна — смертельно-бледного, сосредоточенно-печального, медленно, шаг за шагом, как в безжалостных тисках, подвигающегося вперед, с видимым трудом высвобождающего свою руку для благословения. И чем ближе он подвигался к выходу, тем толпа становилась настойчивее, беспощаднее и крикливее... У меня просто захватывало дух от этого зрелища, и я невольно полузакрыл глаза.

Когда я их открыл, отца Иоанна уже не было в храме и самый храм теперь обезлюдел. Только в углу перед «сорокоустом» молилась на коленях какая-то богобоязненная старушка да старик-сторож сумрачно подметал пол, на котором валялись обрывки веревок, дамские нитяные перчатки, клочок вязаной косынки и другие следы недавнего урагана.

Мои глаза встретились с сочувственным взглядом старика.

— Господи, что же это такое?! Неужто же это у вас так всегда?

Сторож сокрушенно вздохнул.

— Эх, милый барин, ежели бы так всегда... А то вот онамеднясь, под Успенье, нашло народу — так как есть сшибли с ног батюшку.

— То есть как это «сшибли»?

— А так, сронили вовсе наземь и пошли по нем, как по мураве.

— Ну, а он что?

— Известно, агнец Божий, — встал, перекрестился и хоть бы словечко.

Старик только рукою махнул и стал подметать.

Признаюсь, я вышел совершенно подавленный всем случившимся. Но на улице я уже не застал отца Иоанна, что ясно показывало, что он на сегодня благополучно выбрался к себе домой. Народ спокойно расходился по разным направлениям, и только у подъезда шумела кучка нищих, очевидно, делившая «батюшкину лепту». Тут же поджидала меня и Феодосия Минаевна с узелочком в руках и явной тревогой в лице.

Она предуведомила меня, что надо скорее спешить домой, потому что батюшка наверное будут сегодня объезжать «убежища», и что надо быть каждую минуту наготове, потому что никто не знает определенно, к кому он заедет раньше.

Мы отправились беглым маршем домой. Дорогой я поведал моей странице рассказ сторожа о печальном случае с отцом Иоанном. Феодосия Минаевна сейчас же слезливо замигала глазами и стала причитать:

— Ах, уж не говори, отец мой!.. Страстотерпец, как есть страстотерпец! Да вот, не далее как позавчера, приезжала к Матрене Марковне кума из Тамбова, так что она рассказывала про батюшкины проводы на вокзале — просто ужасу подобно! Народ то есть до того, говорит, стеснился, что чуть всю батюшкину ряску на клочки не порвал. Уж жандармы за него вступились: народ оттеснили, взяли его в охапку и вот этак, как ребеночка, на ручках в вагон занесли!

— Феодосия Минаевна, да когда же, наконец, после этого отец Иоанн отдыхает?

На мой вопрос она даже присела.

— Ну уж, милый, это только одному Богу ведомо. То есть до чего народ не дает ему передохнуть — просто уму непостижимо...

Есть вот, к примеру, у батюшки при церковном доме такой махонький садик — так веришь ли, родной, в этом самом садике ему за весь год всего-навсего один часочек погулять пришлось! Ездил он это нонешнее лето к себе на родину, в Суру, а вернулся ночью и совсем даже неожиданно ни для кого. Встал это он, значит, ранешенько и прохаживается со своими мыслями по садику... так, почитай с часок прохаживался, пока его прохожая молочница не завидела... Ну уж как его одна баба засвидетельствовала, понятно уж, пришел всему конец!.. Значит, конец батюшкину спокою... Потому сейчас все узнали, что батюшка приехал, и к крыльцу стало набираться с целого Кронштадта. И опять, значит, началась батюшкина страда. Так вот ровнешенько только один часочек и прохладился на свободе! — заключила Феодосия Минаевна уже вся в слезах.

Мы подходили к воротам нашего дома, где тоже набралось немало всякого люда, находившегося в явном ожидании приезда батюшки... Сознаюсь, я вошел к себе глубоко взволнованным всем виденным, слышанным и пережитым. Волнение усиливалось при мысли, что через какие-нибудь двад-

цать минут мне придется увидеть совсем близко этого необыкновенного человека — я не мог не предчувствовать, что приближалась высокая и знаменательная минута в моей жизни.

Монастырек Матрены Марковны, в ожидании приезда о. Иоанна, принял совсем праздничный вид. Все комнаты были вымыты, вычищены и прибраны на удивление. Буквально вокруг все сияло: сияли оклады икон, сияла своей белизной скатерть молебного столика, сияли медные ручки у дверей, даже стоявший на моем окне погнутый оловянный подсвечник сиял на солнце, как именинник. Но самое главное сияние было, разумеется, на лицах паломников и паломниц, собравшихся воедино в соседней с моей каморкой просторной горнице.

Паломницы решительно преобладали над паломниками, и все они были разодеты по-праздничному — в ярких платках и пестрых ситцах, принадлежа исключительно к простому классу. Мужчин было всего человек шесть и при этом самого смешанного положения: один купец, один солдат, двое мастеровых, какой-то осунувшийся человек с синим подбородком, по-видимому, провинциальный актер, и, наконец, некий чиновник неизвестного мне ведомства с сыном-подростком в гимназическом мундирчике.

В ожидании отца Иоанна я прохаживался из своей комнаты в коридор и обратно, выходил на просторный дворик, прилегавший к флигелю, и даже за ворота — и каждый раз дивился на феноменальную подвижность Феодосии Минаевны: то она стояла посреди улицы и, как-то по-казачьи закрывшись от солнца, всматривалась вдаль — не видать ли дрожек с отцом Иоанном; то вдруг совсем неуловимо исчезала в соседний переулок, затем вылетала оттуда сломя голову в ворота и на крыльцо и, приставив руку к губам на манер трубы, голосила: «Проехал к Мешковым!» или: «Молебствует у Глушковых!» А то другой раз раздавался со двора ее пронзительный крик: «Едет!» — и все бросались, толкаясь, к окнам, и отлично видели, как пролетка с отцом Иоанном и псаломщиком промелькивала мимо, может быть, в другой конец города. Таких ложных тревог было целых пять.

Я уселся неподалеку на ступеньке крылечка и разговорился с моим случайным соседом, маленьким благодушным старичком в синей чуйке, очень почтительно посторонившимся и оказавшимся кумом Матрены Марковны.

— Что, дедушка, долгонько приходится ждать батюшку?

«Дедушка» слегка прищурился и тоном мягкой укоризны проговорил:

— А ты имей веселое терпение, милый барин, тогда, погляди, как раз подъедет... У моей кумы, у Матрены Марковны, такая даже примета существует, что который ежели человек на сердце своем хоть малость досады содержит — ни в жисть ему с батюшкой не свидеться. — Старичок полуусмехнулся и продолжал: — Вот тут онамеднясь полковница из Луги приезжала, и как ей тоже долго пришлось ожидать — распалилась это, значит, духом и подняла целую штурму: «Никакой, говорит, отец Иоанн сюда не заедет, а вы все только людей обманываете да даром деньги выманиваете». Собрала это свои пожитки, плюнула и шасть за ворота. И что ты думаешь?

Только она завернула за угол, а батюшка откуда ни возьмись вдруг у самых ворот объявился... Так-то, милый барин, — заключил он внушительно, — с легким сердцем надо выжидать Божьего закона!

— А вы тоже имеете какое-нибудь дело до отца Иоанна? — спросил я у старика.

— Нет, я, можно сказать, без всякой принуки! — отвечал он. — Просто, по случаю праздника, восхотел лишний разочек взглянуть на нашего светлого заступника. Мы, собственно, по слесарной части, а так чтобы особой нужды пока, значит, к нему не имеем.

Проходившая в то время по коридору Матрена Марковна услышала последние слова и вдруг обрушилась на кума:

— Как это так возможно говорить, — горячо заметила она, — чтоб человек находился в полном благоустройстве? Никогда этого быть не может. И ежели кто так утверждает, так это с его стороны одна умственная недохватка. Потому, ежели человек начисто разберется у себя внутре, завсегда найдет за собой некую потаенную слабость! Право, мне даже за себя смешно стало, что я заговорила про потаенность перед самым батюшкиным приездом! Как будто может быть от него что потаенное! — Матрена Марковна закатила глаза и умиленно вздохнула. — Ах, батюшка, батюшка! Все-то и всех-то он видит, как скрозь стеклышко! Да вот что я вам сейчас скажу. Стояла тут у меня на прошлой неделе молоденькая барыня из Петербурга, писаная красавица, и ужасти как беспокойная насчет своей личности: каждую минуту все в карманное зеркальце охорашивалась, чтобы, Боже сохрани, какого махонького пятнышка где не оказалось. Вот и захотела она под батюшкино благословение подойтить; но чтоб, значит, не выказать своего аристократства, выпросила у меня, чтоб покрыться, простой бабий платок. А батюшка возьми да и переконфузь прелестницу. Проходит мимо ее, да так, будто нечаянно, потрепал ее по платку и говорит: «Ай, милая, да ведь у тебя пятнышко на носике, чтобы тебе смахнуть поскорее!»

Мы все трое дружно рассмеялись.

— Самую, значит, что ни на есть больную жилу зацепил! — с полным самодовольством пояснила Матрена Марковна.

В это время из горницы донеслось до нас протяжное пение, и Матрена Марковна вдруг всполошилась.

Теперешнее песнопение явилось как бы торжественным встречным гимном, потому что не успел народный хор подхватить последней строфы, как в горницу влетела совершенно растерянная Феодосья Минаевна и, в радостном исступлении, возопила:

— Приехал!

В один миг все эти люди, столь мирно сидевшие и славословившие, точно от прикосновения электрического тока, повскакали со своих мест и стали метаться по комнате, бледные и потерянные.

Отец Иоанн действительно приехал, но прошел наверх, в соседнее убежище, к какой-то приезжей больной даме.

Народное волнение слегка улеглось.

Воспользовавшись этим счастливым моментом, Матрена Марковна быстро вошла в мою комнату, захлопнула обе половины двери, выходившей в общую горницу, и забаррикадировала их от всякой случайности громоздким стулом. Затем она наклонилась к самому моему уху и таинственно мне шепнула:

— Батюшка беспременно к вам первым войдет... Так ежели вы имеете к нему какое особое дело, я могу предупредить его в том самом смысле!

Я поблагодарил за ее обязательность и пояснил, что о своем деле предполагаю рассказать отцу Иоанну наедине.

Я взглянул на часы: стрелка показывала половину третьего...

Я пощупал свое сердце: оно билось усиленно и радостно-тревожно... Почувствуй я в это мгновение на дне его хоть каплю лжи и неверия, — я бы, кажется, не задумываясь, растворил окно и бежал без оглядки.

Прошло еще десять томительных минут, показавшихся мне целою вечностью, — и вдруг в коридоре послышался какой-то глухой шум, чей-то пронзительный вопль, неистовые крики: «Батюшка, спаси!.. Батюшка, благослови!..» — и дверь в мою каморку распахнулась...

Вошел отец Иоанн.

Как сейчас помню, он вошел очень стремительно, молодой и спешной походкой, с горящим пронизывающим взором, с ярким румянцем в нервно вздрагивавших щеках, с разметавшейся по затылку русой прядью... Во всей его фигуре, в его движениях, в первом звуке его голоса, чувствовалась какая-то непередаваемо-чудесная вдохновенность человека, еще не остывшего от недавнего молитвенного порыва, возвышенно разгоряченного своей властной деятельностью, страстно готового на новые бесчисленные подвиги... Теперь передо мной предстал точно совсем новый отец Иоанн, чем тот, которого я наблюдал всего несколько часов тому назад в думской церкви, — и в этот один неуловимый, ошеломляющий миг я вдруг понял его всего, во всем его неотразимом величии, как никогда, быть может, мне не случилось бы его понять в другие, более спокойные минуты...

Я понял глубоко и неопровержимо одно: если бы этому человеку сейчас сказали, что, по окончании общего молебна, он осужден врагами веры к сожжению на костре — он бы отслужил молебен как ни в чем не бывало и, не моргнув глазом, так же смело и просто взошел бы на костер, как вошел сейчас в мою комнату...

Не знаю отчего, но мне ужасно обидно, что я не помню, какого цвета тогда была на нем ряса и какие кресты украшали грудь... Да, я ничего этого не помню, потому что всецело охвачен был лишь одним: как он вошел, как взглянул, и как вслед за тем около меня раздался властный и отечески проникновенный голос:

— Ну, говорите, что вам нужно?

Разумеется, я сказал, что мне было нужно, разумеется, отец Иоанн прочел молитву и собеседовал... И, разумеется, об интимных подробностях всего этого благосклонный читатель позволит мне умолчать. Думаю, будет вполне достаточно, ежели я скажу, что был совершенно подавлен и уничтожен великим сердцеведением Кронштадтского пастыря! Да, этот человек,

только что вошедший и первый раз в жизни меня видевший, через какие-нибудь пять минут говорил со мной так, как будто жил под одной со мной кровлей добрый десяток лет... И вдобавок каким голосом говорил! От которого сердце детски раскрывалось и размягчалось, как воск, и невольные слезы сдавливали горло и мешали вырваться в словах накипевшей признательности.

В заключение своего краткого собеседования отец Иоанн крепко поцеловал меня в лоб и промолвил:

— Спасибо за доверие, голубчик! За доверие спасибо!

Забыть ли мне когда-нибудь несравненную, умиляющую ласковость, с которой были произнесены эти слова? О, никогда, никогда!.. Это тончайшее, неизгладимейшее впечатление всей моей жизни, и оно может умереть только вместе со мною!

Бедные мои соседи! Как они, должно быть, истомились во время собеседования с батюшкой, хотя в общем оно не превышало и двадцати минут! Что за дверью подслушивали — это было несомненно, то есть, собственно, подслушивали не содержание беседы, которая велась вполголоса, а, очевидно, старались по звукам голосов и движений приблизительно угадать, скоро ли предстоит ее окончание. Поэтому, когда отец Иоанн произнес свое трогательное заключительное слово громко и отчетливо, стул, баррикадировавший соседнюю дверь, нервно задвигался, обе половинки ее как-то жалобно заскрипели и вдруг, совершенно неожиданно — так, что я едва успел подхватить стул, чтобы он не упал под ноги батюшке, — с шумом распахнулись, и на пороге стеснилась многоголовая разноголосая толпа. Но как раз в это самое мгновение, явилась откуда ни возьмись Матрена Марковна. Командирским жестом заставила она толпу отступить, правой рукой захлопнула одну половинку двери, а левой вытащила из толпы за рукав какого-то очень жалкого на вид субъекта в засаленном пиджаке и коротких панталонах, с опухшей физиономией и фиолетовым носом.

— Вот, батюшка, — запричитала она, низко кланяясь, — племянник мой, сапожник, о котором я вам позавчерась докладывала... Пьет без просыпу, то есть жаднее на водку, чем овца на зелень. И до тех пор, говорит, буду испивать, пока батюшка не благословит снять с него мерку для сапог. Как, говорит, сниму с него мерку — так, говорит, и всю болезнь с меня разом снимет!..

Отец Иоанн оглядел отечески строго трепещущего как лист племянника Матрены Марковны.

— Правду она говорит?

Тот без слов, обливаясь слезами, рухнул наземь, к ногам батюшки. Отец Иоанн пожал плечами, благодушно улыбнулся и, протянув вперед правую ногу, промолвил:

— Ну, ладно, снимай!

Субъект с фиолетовым носом, захлебываясь от восторга, стал снимать мерку. Этим промежутком, разумеется, не замедлили воспользоваться, и на сцену теперь явились целые три, очень характерные, женские фигуры. Первая протолкнувшаяся из толпы женщина, имевшая вид странницы из простого звания — вся в черном, с молодым весноватым и умиленным ли-

цом — несла на тарелке четыре огромные просфоры, перевязанные каждая крест на крест розовыми ленточками. Странница быстро опустилась перед отцом Иоанном на колени и заговорила прерывающимся голосом:

— Батюшка, дорогой, прими ты мое смиренное приношение!.. Сподобил меня Господь к святым угодникам сходить, о твоем здоровии в кажинном месте по просфоре подать... Вот эту вынула о твоем здравии у Тихона Задонского... Вот эту у Тихона Калужского. А вот те две у Троицы Сергия и в Киевской Лавре. Батюшка, прими! Батюшка, не оставь!! — со слезами заключила она.

Отец Иоанн принял тарелку с просфорами, поставил ее на стол возле себя и улыбнулся ясной и веселой улыбкой.

— Ну, спасибо, милая, за труды, спасибо! — ласково проговорил он. — Только подумай, благодетельница, зачем мне все это? (Он полуукоризненно кивнул на огромные просфоры.) Ведь я иерей, каждый день вкушаю просфоры — куда мне теперь с ними?!

Но он не успел еще принять какого-нибудь решения для успокоения простодушной странницы, как через кухонную дверь, контрабандой, в каморку проникли еще две женщины и тоже ринулись к отцу Иоанну.

Судя по их одинаковым старофасонным платьям, по увесистым бирюзовым брошкам и серьгам и по бледно-шафранному цвету их лиц — обе, по-видимому, были сестры, старые девы и принадлежали к купеческому сословию. У этих было в руках, у каждой по большому пакету, торопливо развернув которые тут же, одна поднесла отцу Иоанну два шитых шелками «воздуха» для причастной чаши, а другая — богато изукрашенный покров для плащаницы. Обе все время низко кланялись.

— Батюшка, благословите принести в дар Андреевскому собору от грешных трудов! — заговорила взволнованно первая сестрица с «воздухами».

— Батюшка! — заторопилась вторая сестрица с «покровом», перебивая первую. — Благословите и мне пожертвовать храму вашему! Тоже все сама сработала по обещанию!! Батюшка, дорогой, не оставьте!..

— Голубушки мои, спасибо! Только ведь ничего не надо нашему собору — богат он и так; благодарение Господу, всего у него теперь в полном достатке. Вот ежели в какое бедное село послать ваше рукоделие, — это дело иное! Немало еще по нашим деревням бедных храмов — там это куда как пригодится!..

— Как, батюшка, соизволишь, так тому и быть! — заголосили растроганно сестрицы.

— Иван Павлович! — крикнул отец Иоанн.

В один миг как из-под земли вырос молодой энергичный псаломщик, которого я заприметил в думской церкви.

— Вот, прими, родной, — продолжал отец Иоанн, указывая на купеческие пожертвования. — Отошли их потом в село, помнишь, о котором я тебе еще вчера говорил.

Иван Павлович почтительно кивнул головой и стал отбирать от обрадованных сестриц их богатые рукоделия. В эту минуту из толпы вынырнул дюжий, краснощекий парень, с виду похожий на артельщика, и, обливаясь

потом, наклонился пред отцом Иоанном. В руках у него был увесистый денежный пакет, который он поспешил вручить батюшке.

— Из Рыбинска... на пострадавших от неурожая! — выговорил он с трудом переводя дыхание.

Видимо, он примчался сюда прямо с почты не переводя духа, чтобы застать батюшку на месте.

— А! — произнес довольно отец Иоанн тем тоном, которым показывал, что он отлично знал, от кого исходило пожертвование, и, протянув пакет расторопному псаломщику, проговорил: — Иван Павлович, прими!

Затем отец Иоанн благословил артельщика, немного подумал и вручил ему одну из просфор, которыми наделила его странница по святым местам.

— А вот это вам, боголюбивые сестрицы! — добавил он, беря две другие и протягивая их купеческим благотворительницам. — А вот это вам от меня... для вашей супруги! — заключил он, добродушно улыбаясь, передавая мне четвертую просфору с изображением святителя Тихона Задонского.

Излишне говорить, что стеснившаяся на пороге толпа жадно следила за малейшим словом и движением обожаемого пастыря и теперь нетерпение ее возросло до последней степени.

— Батюшка... скоро ли к нам? — вырвался из толпы умоляющий женский вопль. Отец Иоанн встал, решительно встряхнул головой и прошел в общую горницу. Начался молебен.

Но толпа так теперь стеснилась вокруг отца Иоанна, что совершенно его от меня заслонила, и все время молебна мне не пришлось его видеть, а только слышать. Впрочем, я не терял надежды еще раз повидать близко отца Иоанна и, когда молебен окончился и поверх голов молящихся показалась знакомая рука с кропилом и энергическими взмахами стала кропить вокруг святой водой, я стал протискиваться, в числе остальных, чтобы приложиться ко кресту. Как, по Евангелию, первые всегда бывают последними, так и я очутился теперь в хвосте богомольцев одним из последних.

Как раз передо мной прикладывался ко кресту чиновник неведомого ведомства, с подростком-гимназистом. Приложившись, он представил отцу Иоанну своего подростка, с усердной просьбой благословить его перед началом учебного года.

Отец Иоанн ласково погладил мальчика по голове.

— Верно, только что поступил в гимназию? — спросил отец Иоанн.

— Только что успели сшить мундирчик! — подсказал, улыбаясь, отец, явно растроганный этим знаком внимания.

— В математике, поди, молодец?

Родитель пришел теперь в совершенный восторг.

— Удивительно быстрый, то есть до чего, — просто вы не поверите!

— А в языках, верно, слабоват?

— Совсем слабоват... именно в языках!

Отец Иоанн сделал новоиспеченному гимназистику краткое наставление и троекратно благословил его. Гимназистик тоже все время блаженно

улыбался, а когда батюшка стал его благословлять, вдруг заплакал радостными детскими слезами. В глазах отца Иоанна тоже стояли слезы.

Что до меня, то мне едва удалось приложиться ко кресту, потому что верующие бабы, окружившие отца Иоанна, вдруг до того теперь его стиснули со всех сторон, что ему, как тогда в церкви, пришлось отступить в противоположный угол комнаты.

— Ну зачем так?.. Ну, пустите! — кротко протестовал отец Иоанн. Но ничего не помогало, и общее смятение только усиливалось: одна баба пихала ему какие-то письма «из губернии, от болящих сродственников»; другая — рублевую бумажку на помин души какого-то «Кондратия», вероятно, покойного мужа; третья, по видимости, торговка, для чего-то совала целый узел с яблоками и т. п.

Словом, без Матрены Марковны отцу Иоанну пришлось бы совсем плохо. Бесцеремонно расталкивая верующих баб и ласкательно приговаривая: «Милые, так нельзя! Так даже совсем невозможно!.. Дайте батюшке передохнуть! Дайте дорогому хоть чашечку чаю выкушать!» — она протискалась к дорогому батюшке, осторожно взяла его под локоть и провела благополучно до чайного стола. Расторопный псаломщик тем временем отбирал от баб письма и деньги и расспрашивал у каждой, в чем дело. Наконец, не без некоторой опасности, пронесен был над головами богомольцев кипящий самовар — и чай налит. Но не тут-то было. Едва отец Иоанн поднес чашку к своим губам, вся толпа, охваченная новым стихийным порывом, шарахнулась в его сторону и чуть не опрокинула чайный стол. Отец Иоанн тотчас же поставил чашку обратно, мигнул псаломщику и стремительно направился к выходу.

Разумеется, толпа бросилась за ним следом, через кухню и коридор на луговину двора, где у ворот дожидались отца Иоанна одноконные дрожки. Боже мой, кого тут только не было! Весь просторный двор был буквально усеян публикой и притом самого смешанного характера, начиная от барынь и кончая кучкой полуголых и испитых бродяг, совершенно свободно прохаживавшихся перед воротами. Эта кучка босовиков среди остальной нарядной толпы оставляла глубокое впечатление. Невольно чувствовалось, что все эти отверженцы мира, едва осмеливающиеся показать на свет Божий свои нищенские лохмотья и прячущиеся в другое время в отдаленных и темных закоулках, здесь, под рукой отца Иоанна, как бы сознавали себя равными братьями по Христу, и в их исподлобья сверкающих глазах я улавливал радостную искорку мимолетного торжества.

Нечего говорить, что добраться отцу Иоанну до своего экипажа было не так-то легко. Наскоро благословляя народ, оделяя мелочью протиснувшихся к нему бродяг, отвечая бегло на сыпавшиеся на него со всех сторон просьбы и вопросы, очутился он наконец около дрожек. Молодой псаломщик, сопутствовавший отцу Иоанну и, видимо, привыкший ко всяким передрягам, ловким движеньем подхватил его и усадил в дрожки. В одно мгновенье ока он очутился на дрожках сам и, крепко обхватив батюшку в виду волновавшейся вокруг толпы, крикнул кучеру: «Пошел!»

Этот быстрый маневр, однако, не помешал взобраться на дрожки и усесться в самых ногах отца Иоанна какому-то горбатому бродяжке с оторванным воротом и уцепиться сзади, за сиденье дрожек, какой-то плачущей бабе в раздувавшейся красной юбке.

Лошадь рванула, толпа отхлынула... и пролетка с отцом Иоанном, молодым псаломщиком, ободранным бродягой и плачущей бабой, повисшей сзади со своей красной юбкой, исчезла из глаз публики.

Отец Иоанн уехал.

Немного очнувшись от наплыва испытанных впечатлений, я осведомился, когда отходит пароход в Петербург. Пароход отходил ровно в четыре; в моем распоряжении оставалось всего полчаса — мешкать было некогда.

Я расплатился с Матреной Марковной, поблагодарил за её материнские хлопоты и, собрав свои пожитки, сопутствуемый ее низкими поклонами и великими пожеланиями, вышел из дому. У ворот нагнала меня Феодосия Минаевна и вызвалась донести мой саквояж до первого извозчика.

Проходя по совершенно пустынному теперь переулку, я невольно остановил мои глаза на знакомом оконце, принадлежавшем скромной квартирке кронштадтского пастыря.

— Вы не знаете, где теперь отец Иоанн? — полюбопытствовал я у Феодосии Минаевны.

— А теперича он молебствует в гостинице, у одного приезжего генерала.

— А затем куда он едет?

— А затем отслужит он молебна два-три у «городских» и отъедет на пароходе в Петербург.

— А когда же он вернется обратно?

— Да часу во втором пополуночи, не ранее. А только беспременно вернется, потому он служит завтра раннюю обедню в «Трудолюбии».

«И опять, — подумал я про себя, — во втором часу ночи, среди общего городского безмолвия, зажжется в заветном оконце заветный огонек, а на заре этот необыкновенный человек уж будет опять на ногах, самоотверженно готовый на новые молитвы, труды и подвиги».

— Да полно, Феодосия Минаевна, уж спит ли отец Иоанн?.. Право, что-то не верится!..

Феодосия Минаевна на мой вопрос как-то загадочно усмехнулась.

— Ну вот уж этого никак нельзя определить... Это как когда придется. У него, знаете, совсем особый сон, как говорят промеж народа, — «сытый сон».

Другой раз сидит со своими мыслями на пароходе, вдруг закинет голову и так с полчаса крепко-крепко заснет... Да что вы думаете? И тут-то дорогому батюшке не дадут спокою. Зачнут это ходить около и шепчут: «Батюшка заснул! Батюшка спит!..» А вот как раз и извозчик едет к нам навстречу, — неожиданно заключила Феодосия Минаевна и бросилась вперед торговаться.

Через четверть часа я уже подъезжал к пароходной пристани...

Два дня в Кронштадте

(из дневника студента)

Эти записи принадлежат студенту Московской духовной академии, Василию Мещерскому, впоследствии — ректору той же академии. Вместе с восемью другими студентами академии он в 1893 году посетил Кронштадт и свои впечатления записал под указанным заглавием. На самом деле большая часть книги (всего — 458 стр.) является выписками из сочинений о. Иоанна Кронштадтского и из других брошюр о нем. Нам интересны собственные наблюдения автора; и мы выпишем оттуда, что нам кажется оригинальным и более примечательным... А многое опустим, например, размышления самого автора о себе или его рассуждения по разным вопросам жизни и богословия. Также мы опускаем почти все выдержки из творений о. Иоанна.

К печали нашей нужно сказать, что автор записок, принявший потом монашество, с именем Евдокима, достигший сана архиепископа, уклонился в обновленчество (по простонародному выражению — в «Живую Церковь»); и даже возглавлял его в сане митрополита. И в таком состоянии умер на Кавказе, без покаяния. Но в записках его много интересного. И вообще, нужно заметить, что они для последующих биографов стали почти основным материалом, особенно в части описаний общей исповеди, служения о. Иоанном литургии, в выдержках из его дневников и пр.

Обратимся теперь к его впечатлениям. Заглавия принадлежат мне.

Моя поездка в Кронштадт

«Моя поездка в Кронштадт не была результатом минутного увлечения, минутной вспышки, ни результатом желания попутешествовать от нечего делать. Мысль об этой поездке зрела во мне давно...

Когда я ехал в Кронштадт, мне хотелось посмотреть: что написано на знамени веры у хороших людей, как живут и служат обществу эти люди, откуда они почерпают силы и такое самоотвержение для служения тысячам немощной братии, как препобеждают свои житейские невзгоды, как хранят они свои юношеские горячие добрые обеты в чистоте до последних дней своей жизни. Хотелось почерпнуть из богатой сокровищницы уроки для себя и своего будущего служения...

Как радуется благочестивый паломник, видя вдали ту святую обитель, к которой он шел из далекой стороны, перенося все невзгоды пути, так радовался и я, отправляясь к о. Иоанну. В душе царило тихое, мирное, светлое, радостное настроение. Полные различных дум о том, чем кончится наша поездка, наконец мы — нас ехало девять человек — отправились в Кронштадт».

На приложенной фотографии, снятой в Кронштадте с о. Иоанном в середине, я, кроме студента Мещерского, увидел знакомые мне лица — бывшего потом монаха, впоследствии епископа Архангельского, Михея, из морских капитанов; Андроника, бывшего потом архиепископом Пермским; Андрея, из князей Ухтомских, бывшего потом архиепископом Уфимским, и др.

«Все, что встречалось нам по дороге, казалось таким же веселым, радующимся, как и мы сами. Конечно, разговор наш вращался около одного вопроса: что-то будет? Что-то увидим?

Потом — Петербург с его соборами. Кронштадтская пароходная пристань. Большими буквами на парапете пристани написано: «В КРОНШТАДТ». Когда я прочитал эти слова, то почувствовал, что мое сердце забилось гораздо усиленнее. Еще немного, и мы будем у цели своего путешествия...

Один из чудных майских дней выпал на наше счастье. На небе ни облачка. Кругом тишина... Публика была интересна по своему составу: в ней, кажется, были представители всех сословий. Вот группа студентов академии. Вот ученый профессор химии Горного института едет тоже в Кронштадт и тоже к о. Иоанну. Как я после узнал, г. профессор целых пятнадцать лет не хотел ничего и слышать о Боге: его в это время вполне удовлетворяли атомы, микроорганизмы».

Но постепенно «он стал чувствовать пустоту своей жизни. Жгучая постоянная неудовлетворенность всем окружающем заставляет его искать разрешения своих сомнений и приводит к о. Иоанну.

Вот сидит довольно молодая дама, изящно одетая. Что заставляет ее ехать на маленький бедный островок?

Недалеко от этой дамы сидел известный богатый купец. И он ехал к о. Иоанну. Он не знает конца своим владениям. Все испытал в своей жизни.

«Много денег у меня, — говорил он, — много лесов, земли, лугов и всяких имений; но ни на что мне не хочется теперь смотреть. Тяжело мне. Днем и ночью гложет меня тоска. Мне сказали, что о. Иоанн помогает многим. Вот я и еду к нему: не поможет ли он и мне?..»

Палуба 2-го класса также была полна. Крестьяне и бедняки. Одни из них с котомками за плечами, в худых лаптях, в плохой одежонке прошли сотни верст... Что их влекло сюда? — Все одно и то же желание — посмотреть, послушать великого пастыря и поучиться у него, как жить им «по-Божьи». Шли из Томска, Иркутска, Вятки, Смоленска. Говорят, паломников ежегодно достигает 80 000 человек. На одной первой неделе Великого поста их бывает до 10 000 человек...

Вот и Кронштадт. «Нами начинили дилижанс; и мы поехали в город. По пути нам встретился и Андреевский собор... Помолившись у этого священного храма, мы отправились прямо на квартиру, которая была для нас приготовлена добрыми людьми: она была недалеко от храма и, главное, —против квартиры о. Иоанна. Наконец-то мы на месте; наконец-то мы увидим того, к кому приехали».

Отец Иоанн

«В день нашего приезда в Кронштадт о. Иоанна не было дома: его увезли в Петербург; и дома он должен быть лишь в первом часу ночи. Наутро он должен был приобщать всех приехавших. Остаток дня употребили на осмотр города, а время вечернее до сна посвятили молитве, подготовляясь к великим таинствам исповеди и святого причастия. Я никогда не забуду этого вечера. Было уже 10 часов. В комнате царил полумрак. Передний угол весь, почти от

самого пола до потолка, и значительная часть стен — уставлены иконами. Пред иконами теплится до десяти разноцветных лампадок, освещая лики угодников Божиих. В комнате находилось до пятидесяти человек.

Правила читал студент, иеромонах Михей... Шел первый час ночи, когда кончилась наша молитва. С неизъяснимым миром и покоем в душе мы легли спать.

Почти в 4 часа утра мы были уже на ногах. Вскочили бодрые, веселые, оживленные, как будто бы спали очень долгое время. Помолившись, мы отправились к утрени. По улице нам встречались там и сям кучки народа, спешившего из своих квартир в собор... Нас уже с большим затруднением провели в алтарь. К началу утрени громадный храм, вмещавший в себе более 7 000 человек, был совершенно полон народом. Певчие были на клиросе; собрались и соборные священнослужители. Не было только о. Иоанна. Все, конечно, с нетерпением ждали его.

— Приехал, приехал, — зашептали в алтаре собравшиеся здесь в довольно большом количестве различные привилегированные посетители Батюшки.

Наконец, действительно, вот — и он. Отец Иоанн вошел в храм через боковые двери, сделанные в алтаре. До храма его обыкновенно довозят на самой быстрой лошади, чтобы народ не мог остановить и задержать его в пути. У ворот храма находятся особые приставники, которые стараются дать о. Иоанну возможность скорее пробраться. Если бы о. Иоанн входил в храм западными дверями, то ему, кажется никогда бы не добраться до алтаря...

Отец Иоанн поразил меня с первого раза. Среднего роста, подвижной, бойкий. Лицо — озабоченное и строгое, — показалось мне. Видно было, что это — не обыкновенный человек. Слушая его распоряжения, можно было назвать его человеком резким. Войдя в алтарь, он начал радушно приветствовать сначала своих сослуживцев, а потом — «счастливчиков», имевших возможность видеть его так близко. В числе последних были и мы.

— А! Здравствуйте, братцы, здравствуйте, — так говорил он, обращаясь к нам.

Подходя к нему под благословение со страхом и смущением, мы и не думали о лобзании.

— Давайте по-братски! Давайте по-братски: по-братски лучше! — говорил добрый батюшка; и, благословляя нас, целовал каждого.

Все делал он спешно и быстро. Поздоровавшись с нами, он облачился в ризы красного цвета и начал утреню. Говорят, красный цвет — его любимый цвет. Все с большим вниманием следили за каждым его движением. Всех поражали, прежде всего, его возгласы: он произносил отрывисто, резко, громко. Это — не обыкновенное наше произношение — монотонное и певучее, а живое, глубокое, полное смысла и одушевления. Видно по всему, что это слово льется из глубины чистой, глубоко верующей, души; полно непоколебимой уверенности, силы и внутренней мощи. Слово — действие.

И молился он также необыкновенно. В пылу религиозного увлечения и восторга он иногда совершенно оставлял крестное знамение: тогда о. Иоанн или только кланялся, или, сложа руки на груди, устремлял свои взоры к

небу, или, коленопреклоненный стоял подолгу без всякого движения. Однажды во время утрени он подошел к жертвеннику, стал пред ним на колени, руки сложил крестообразно на жертвеннике, голову склонил на них. Под руками у него были, кажется, всевозможные записки с просьбой помянуть больных, умерших. Я смотрел на него из-за колонн. Он находился в таком положении около десяти минут. Смотря на молящегося о. Иоанна, я невольно переносился мыслию даже в Гефсиманский сад и представлял молящегося там за нас Спасителя.

И в алтаре не давали о. Иоанну покоя: то один, то другой в удобную минуту подходил к нему с различными просьбами и нуждами. Хорошо зная, что каждый из находившихся в алтаре пришел сюда, имея какую-либо горячую неотложную нужду, о. Иоанн и сам иногда подходил то к одному, то к другому: расспросит о нужде, горе; даст добрый совет. Давал, кажется, некоторым и деньги. Одного обласкает, другого потреплет по плечу.

Канон на клиросе читал сам, как и всегда. Нельзя было не обратить внимания на это чтение: умиление, восторженность, надежда, радость, печаль, глубокое благоговение — все слышалось в этом дивном чтении. Читает о. Иоанн — как бы беседует, разговаривает со Спасителем, Божией Матерью и святыми: будто бы они вот здесь пред ним находились, а не там где-то в незримой для нас выси, в надзвездных заоблачных мирах. Голос чистый, звучный, резкий. Произношение членораздельное, отчетливое, отрывистое. Одно слово произнесет скороговоркою, другое протяжно, чуть ли не по слогам, — третье подчеркнет, оттенит... Более важные по мысли и содержанию слова иногда произносит, обратясь даже к народу, чтобы люди могли глубже постигнуть читаемое. Сам он при этом, конечно, всецело сосредоточен на читаемом. Он как бы переживает то, что читает — переживает победы над грехом и злом, совершенные святыми людьми; переживает человеческие немощи и падения; переживает моменты благоволения и милости Бога к людям падшим и заблудшим. Многое из читаемого, по-видимому, относит непосредственно к самому себе. Во время чтения он постоянно как бы волнуется и как бы не спокоен. То как бы глубокая мольба начинает срываться с уст его, когда он читает о немощи, грехе и падениях человеческих. То слышишь как бы праведный гнев, глубокое отвращение, когда встречаются в каноне слова «сатана», «диавол». То слышишь умиление, глубокий восторг, когда он читает о великих подвигах, победах над грехом, какие совершили мученики, подвижники. Меняет часто тоны. То, наконец, во время пения ирмоса или ектении, — когда сам не поет с певчими, — приклонит одно или оба колена тут же на клиросе, закроет лицо руками и — молится, молится. Горячо, умильно молится...

Кончив чтение канона, быстро входит в алтарь и падает в глубокой молитве пред престолом. Укрепив себя молитвою, снова идет на клирос и читает здесь стихиры, или же присоединяется к певчим, иногда регентуя сам. Пение, сначала не совсем стройное, быстро стало гармоническим, сильным, звучным, мощным, воодушевляющим.

Кончилась утреня. Начали звонить к литургии. На проскомидии просфор было так много, что их приносили сюда большими корзинами. Сам о. Иоанн мог вынуть только по несколько просфор из каждой корзины. Просфор иногда подают до пяти тысяч... С о. Иоанном служили и иеромонахи, и белые священники в камилавках и без камилавок. Это все были «пришельцы». О. Иоанн объединял всех.

— Помолитесь, братие сослужители: да даст Господь в мире нам совершити Божественную службу!

Началась литургия. Произнесен первый возглас. Вот он вдруг неожиданно, порывисто берет напрестольный крест и с любовию целует его, обнимает его руками, смотрит на него так умиленно и восторженно; уста шепчут слова молитвы; раза три-четыре подряд лобызает его, прильнет к нему своим челом. Уста снова что-то шепчут. Как самособран, сосредоточен во время богослужения о. Иоанн, трудно даже и передать. Он в особом своем мире».

Дальше автор записок подробно описывает ход литургии со вставками и дополнениями о. Иоанна. Например: «Лобызая после возгласа «Возлюбим друг друга» сослужащих священнослужителей в оба плеча, говорил:

— Христос — посреде нас Живый и Действуяй.

Я стоял пораженный этими словами и невольно думал: да, вот среди нас, а не там где-то вдали находится Христос Спаситель. Живой, и Действующий. Он — среди нас. Жутко становилось. Трепетом великим наполнилась душа. Я готов был упасть пред престолом.

Все говорили мне, что с о. Иоанном совершается что-то необыкновенное во время литургии. И это вполне справедливо. Чем ближе подходили минуты пресуществления Св. Даров, тем больше и больше повышалось настроение души его...

Глубокие чувства переживает о. Иоанн в эти минуты (Евхаристии). Его великое благоговение к Св. Тайнам обнаруживается и в том, что он много раз, неспешно, без крестного даже знамения, преклоняет главу свою пред ними. Слезы обильно лились из его глаз. То один, то другой платок вынимал он из кармана и стирал их...

Не забыть никогда еще одного момента из этого времени. Во время ектении, по прочтении тайной молитвы, о. Иоанн склонился над престолом и в глубоком благоговении молился. Затем он взял в свои руки дискос со Св. Телом, поднял его немного над престолом и, вперив свой взор, сосредоточенно молился пред ним. Потом он взял в руки свои потир со Св. Кровию, прильнул к нему; и долго горячо молился.

Не произнес он в это время ни одного слова, не сделал ни одного движения; и глаза его были почти постоянно закрыты... Я не раз впоследствии падал духом. Но стоило мне только вспомнить эти минуты, как в меня вливалась откуда-то незримо новая, живая струя; и я снова оживал духом...

Вот приобщился о. Иоанн Тела и Крови Христовых. Лицо его изменилось. Нет более на нем и следа той умиленности и какой-то скорби или грусти, какие можно было видеть, когда он только что входил сегодня утром в храм: необыкновенная духовная радость, необыкновенный мир и

небесный покой, необыкновенная сила и мощь отображались теперь в каждой черте его лица...

Этому-то ежедневному приобщению он и приписывает ту силу и крепость, которая поддерживает и ободряет его в изумительных его трудах среди обширной деятельности.

— Господь подкрепляет меня, с Которым ежедневно я соединяюсь чрез Св. Причащение; иначе где бы я мог почерпнуть силы для таких постоянных усиленных трудов, которыми стараюсь служить во славу святого имени Его и во спасение ближних моих».

Общая исповедь

О ней я буду писать и по своим личным воспоминаниям. Поэтому сокращу записи автора дневника. Но главное удержу; потому что последующие биографы почти буквально списывали описание этой исповеди в свои книги: не всякому из них приходилось быть очевидцем этого потрясающего действия.

«Наконец, — пишет Мещерский, — настало время общей исповеди. Мы все вышли из алтаря на солею и стали около о. Иоанна.

Пред нами было море голов. Отец Иоанн вышел из алтаря на амвон в смиренном виде и начал говорить поучение пред исповедью. Он начал его без обычных наших слов — «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

— Грешники и грешницы, подобные мне! Вы пришли в храм сей, чтобы принести Господу Иисусу Христу, Спасителю нашему, покаяние во грехах и потом приступить к Св. Тайнам, — так начал свое поучение о. Иоанн. —Приготовились ли вы к восприятию столь великого Таинства? Знаете ли вы, что великий ответ несу я пред Престолом Всевышнего, если вы приступите, не приготовившись. Знайте, что вы каетесь не мне, а Самому Господу, Который невидимо присутствует здесь, Тело и Кровь Которого в настоящую минуту находятся на жертвеннике... Слушайте. Буду читать покаянные молитвы...

Прочитавши первую покаянную молитву, о. Иоанн заявляет, что ее нужно «протолковать». И продолжает свое поучение. Говорит, конечно, без тетрадки. Говорит просто, без всяких ораторских приемов. Слово его отличалось внутренней силой, властностью. Говорил он с глубокой верою в каждое свое слово. Говорил то, что сам своим личным опытом хорошо изведал».

Далее автор записок приводит подробно поучение, или толкование молитвы. Церковь молит Господа о помиловании грешников. Приводит пример покаяния царя Давида. Потом — отпадение в идолопоклонство Манассии, за что Бог наказал его потерей престола и жестоким пленом у ассирийцев: ноги его были закованы в колодки, в нос продето кольцо. В Вавилоне бросили его в смрадную темницу. И там он наконец покаялся. Господь помиловал его. И покаянная молитва его доселе читается Церковию на повечерии. Господь Бог — страшный Судия всей земли. Пред Ним все равны. А как силен грех! — И о. Иоанн перечисляет наши грехи...

«Поучение, по-видимому, простое, не хитро-витиеватое. Я много слыхал об о. Иоанне как проповеднике и с нетерпением ожидал его проповеди. Но начало его проповеди я слушал с большим холодом в душе и даже с разочарованием. Но далее я не знаю, что случилось со мной и с этой, дотоле безмолвной, массой людей. Какое-то особенное настроение, незримо откуда-то сходившее в души слушателей, начало овладевать толпой: сначала слышались то там, то здесь легкие вдохи; то там, то здесь можно было наблюдать слезу, медленно катившуюся по лицу умиленного слушателя. Но чем дальше шло время, тем больше можно было слышать глубоких вздохов и видеть слез. А о. Иоанн, видя их, о них-то больше всего и напоминал в своем поучении. И я что-то необыкновенное начал ощущать в себе. Из какой-то недоведомой глубины души что-то начало подниматься во мне, охватывая все существо мое. Сзади меня и напротив, на правом клиросе, стояли, доселе, по-видимому, равнодушные, более любопытствующие лица. Но вот и они преклоняют колена и проливают слезы. И у меня растеплилось сердце, черствое, огрубелое. Скатилась слеза и у меня из глаз, слеза чистая, слеза святая, слеза благодатная, слеза живительная, слеза спасительная.

А что творилось в это время в народе! Со всех сторон кричали:

— Батюшка, прости! Батюшка, помилуй! Все мы грешники! Помолись, помолись за нас!

Бушевало море. Стало так шумно, что больше ничего не было слышно из речи о. Иоанна.

— Тише, тише, слушайте! — громко кричал о. Иоанн, властно призывая всех к молчанию. На несколько мгновений смолкал этот великий шум; но потом с новой силой он раздавался опять, начинаясь где-нибудь в одном месте, а потом постепенно охватывал всех. С немалым трудом пришлось водворить в храме тишину. Отец Иоанн начинает читать далее вторую молитву пред покаянием».

И опять автор записок подробно приводит слова его: о том, что Церковь молит Первопастыря Спасителя о прощении грехов. Молит Сына Божия, взявшего на Себя грехи всего мира. Приводит пример помилованной блудницы. И ныне все кающиеся получат прощение и избавление от вечной муки. А христиане призваны к святости. «Ведь нам сказано: Святи будите, якоже свят есмь Аз».

При этом снова в народе поднялся прежний шум:

— Батюшка, Батюшка... прости, помолись!

И снова нельзя стало разобрать ничего».

Дальше о. Иоанн говорил, что Бог спасает и прощает кающихся за крестные страдания Сына Его. Поэтому «Бог Отец отдал всю власть суда над людьми Иисусу Христу». А Он дал «власть апостолам, а те архиереям и священникам; в том числе — и мне, грешному иерею Иоанну, разрешать кающихся». А «что такое покаяние? Покаяние есть дар Божий, дарованный Богом ради заслуг Сына Божия. Покаяние есть дар, данный для самоосуждения. Покаяние есть твердое и неуклонное намерение оставить прежнюю греховную жизнь...»

«Братие и сестры, каетесь ли вы?»

И снова идет перечисление разных грехов. «Слово кончено», — пишет автор.

«Кайтесь, кайтесь, в чем согрешили!

Что произошло в эти минуты, невозможно описать. Напряжение достигло самой высшей ступени и одинаково захватило всю массу. Стоял страшный невообразимый шум. Кто плакал, кто громко рыдал, кто падал на пол, кто стоял в безмолвном оцепенении.

Многие вслух исповедывали свои грехи, нисколько не стесняясь тем, что их слышали.

Трогательно было смотреть в это время на о. Иоанна. Он стоял растроганный и потрясенный всем. Уста его шептали молитву; взор был обращен к небу. Стоял он молча, скрестивши руки на груди; как посредник между Небесным Судией и кающимися грешниками. По лицу его катились крупные слезы. Он закрыл свое лицо руками; но и из-под них капали на холодный церковный пол крупные слезы. А эти овцы заблудшие, грешные, увидя слезы на лице своего любимого пастыря... разразились еще большими рыданиями, воплями, стонами.. казалось, весь храм дрожал от потрясающих воплей.

— Кайтесь, кайтесь! — повторял от времени до времени о. Иоанн.

Иногда он обращался своим взором в какую-либо одну часть храма. Тотчас в этом месте начинали громче раздаваться голоса. Скажи о. Иоанн народу, чтобы он шел за ним в эти минуты, и он всюду пошел бы за своим пастырем.

В таком состоянии кающиеся находились не менее пяти минут.

Наконец о. Иоанн стер свои слезы красненьким платком; перекрестился в знак благодарности за слезы покаянные, народные.

— Тише, тише братья!..

Не скоро в храме водворяется желательная тишина. Но мало-помалу все стихает.

— Слушайте, — говорит протяжно о. Иоанн. — Мне, как и всем священникам, Бог даровал власть вязать и решить грехи человека. Слушайте: прочитаю молитву разрешительную. Наклоните головы свои; я накрою вас епитрахилью, благословлю, и получите от Господа прощение грехов.

Тысячи голов смиренно преклоняются. Читается разрешительная молитва. Отец Иоанн берет конец своей епитрахили, проводит им по воздуху на все четыре стороны и благословляет народ.

Какая торжественная и таинственная минута! Примиряется Небо с землей, грешники с Безгрешным.

После разрешительной молитвы всем чувствовалось легко...

Затем последовал вынос пречистых и животворящих Таин Христовых.

Что делалось кругом в это время?! Народ устремился волной к Св. Чаше... Какие сцены, нигде даже не виданные мною, совершались здесь.

— Господи, сподоби причаститься Св. Таин!

— Дорогой, золотой батюшка, причасти!

— Батюшка, голубчик, причасти!

— Батюшка, причасти. Я больная. Почки болят. Умираю!
— Батюшка, и я нездорова, причасти!
— Батюшка, причасти: две недели не причащалась!

Там вдали где-то раздается вдруг шум, напоминающий собою почти штурм. Хотят пробраться через всякие решетки и через ряды полиции, чтобы причаститься. Некоторые успевают уже пробраться к самым ногам о. Иоанна. Но, увы! батюшка их не только не причастил, но еще и пригрозил, что в случае нового штурма он отлучит их даже от Св. Причастия на три месяца.

Сколько я слез видел, стоя рядом с о. Иоанном. У некоторых слезы брызгали моментально в тот момент, когда они подходили к Чаше. Как бы какой источник у них открывался сразу. Умиротворенные все отходили от Чаши. А там вдали медленно двигалась вперед, наступая на передние ряды, темная серая масса. Думалось, и конца ей не будет.

Более двух часов продолжалось причащение многочисленного народа. Вот Св. Дары унесены в алтарь. Когда Св. Дары были перенесены на жертвенник, о. Иоанн припал к ним и долго так стоял. Потом он встал и опять припал.

После благодарственной молитвы о. Иоанн вышел на амвон с крестом и радостным возгласом поздравил всех с принятием Святейших Таин Христовых, вовеки служащих освящением и очищением душ наших.

Сияющий радостью народ с беспредельной и восторженной любовью к своему дорогому наставнику единодушно, искренно, горячо благодарил его за поздравление... Все спешили по домам, чтобы встретить там дорогого пастыря, ежедневно посещающего своих пасомых в квартирах для приезжающих...

Когда мы собрались домой, было уже почти двенадцать часов. А иногда в Андреевском соборе богослужение с пяти часов утра продолжается, благодаря массе причастников, даже до полчаса третьего.

Не долго мы оставались дома. Едва успели выпить по стакану чаю, а кто и просто так холодной воды, как надо было спешить в фотографию. Отец Иоанн дал нам слово сняться с нами. Вот мы и на месте. Восторгам нашим не было конца. Отец Иоанн разговаривал неутомимо то со всеми вместе, то с каждым порознь. Во время возни с нами фотографа разговор не прекращался. Отца Иоанна спрашивали то об одном, то о другом. Но вот один из наших спутников задал ему такой вопрос: как смотрит о. Иоанн на монашество? И благословит ли он его избрать этот путь жизни? Предложенный вопрос был и мой жизненный, жгучий вопрос...

Вдохновившись, сосредоточенно, ясно и раздельно о. Иоанн отвечал следующее:

— Я не знаю ничего лучшего в положении юноши, как отдать всего себя на служение Церкви со всеми своими, еще нетронутыми и непочатыми, силами. Об одном только при этом нужно заботиться, чтобы пройти свой жизненный путь благочестиво. Если вы это чувствуете, то Бог благословит вас.

Больше о. Иоанн ничего не сказал. Выслушав такой ответ, я уже счел лишним второй раз спрашивать об одном и том же. Когда пришел мой час

окончательно избрать путь новой жизни, о. Иоанн прислал мне в благословение небольшую икону св. Митрофана с глубоко сердечной и бодрящей надписью.

Другой из наших товарищей спросил благословения на служение Церкви в сане священника; и он получил это благословение.

Наконец нас сняли...»

Дальше автор записок рассказывает о посещении о. Иоанном квартир, где его ждали другие жаждущие; ждали его и в Доме трудолюбия, в гостиницах. А вечером, не заходя домой, он должен был ехать в Петербург.

«Вернется домой опять лишь в первом часу ночи. Удивительно мало и спит о. Иоанн».

Служение отца Иоанна людям

«Так проходит день о. Иоанна. С (раннего) утра и до (самой) поздней ночи он — все на людях и на ногах. Жизнь его не делится на общественную и частную, как у всех вообще людей. У него нет своей частной жизни. Каждый... отдается семье, знакомым, невинным развлечениям, часам отдыха. У о. Иоанна такого не случалось, говорят, ни разу. Возвращаясь домой после продолжительного и утомительного труда, он находит у себя (если днем) множество народа, желающего его видеть, десятки новых неотложных приглашений, сотни писем и просьб.

...Какой гигантский труд! И этот труд ему приходится нести не в течение какого-либо дня или нескольких дней, а в течение целых месяцев, годов, десятилетий...

Говорят немало о чудесах о. Иоанна. Я их не видал своими глазами, но рассказам о них верю. По моему глубокому убеждению, уже одна эта многотрудная жизнь о. Иоанна сама по себе представляет собою величайшее чудо. Только человек благодатный может выносить в течение стольких лет такую массу непрерывного труда, напряжения, столько всевозможных лишений.

К вечеру о. Иоанн уехал в Петербург, а мы остались в Кронштадте. Чтобы не терять напрасно времени, все отправились продолжать наш осмотр города и изучение обширной паствы о. Иоанна, собравшейся к нему отовсюду. Мы посетили несколько частных квартир, на которых обыкновенно останавливаются гости о. Иоанна... Мы собрали за это время немало различных и весьма ценных сведений... И опять какая необозримая, величественная картина бескорыстной, святой и необыкновенно полезной деятельности Кронштадтского пастыря развернулась пред нами».

Дальше автор записей рассказывает о благодетельном влиянии — молитвами и беседами — о. Иоанна на страждущих: и на пьяниц, и на больных, и на отчаивающихся, и унывающих и на потерпевших крушение жизни, и на бедных и обедневших, и на думающих о самоубийстве. Но особенно много рассказывали об исцелении болящих и бесноватых. «И до путешествия моего в Кронштадт я немало слыхал о случаях скорого выздоровления от различных болезней по молитвам о. Иоанна. По приезде же в Кронштадт, я узнал об этой стороне служения о. Иоанна людям еще больше.

Почти в каждом доме нам говорили что-либо об этом... Таких случаев сотни занесено на страницы разных газет, журналов, брошюр. Сколько их хранит одна только память народная...

Нельзя прежде всего не сказать о поразительной, глубокой, нежной и чистой любви к больным. Здесь, в этой любви, заключается и простая разгадка этого дерзновения молитвы, с каким он обыкновенно обращается за больных к Богу.

Много рассказывали в Кронштадте о его благотворительности: о размерах нельзя составить даже приблизительного представления... Возьмите один Дом трудолюбия, — что он стоит? На какие добрые начинания не откликается только о. Иоанн?! Отец Иоанн жертвует не только православным христианам, но и инославным и даже иноверцам. При распределении пожертвований о. Иоанн руководится следующим правилом:

«У Бога нет ни еллинов, ни иудеев. У меня своих денег нет. Мне жертвуют, и я жертвую. Я даже часто не знаю, кто и откуда прислал мне то или другое пожертвование. Потому и я жертвую туда, где есть нужда и где эти деньги могут принести пользу».

Не буду приводить рассказов о его благотворительности из записок Мещерского. Многие из этих фактов известны из печати и из других сообщений. Но в особенности он останавливается на создании о. Иоанном благотворительного «рабочего дома».

«Быть в Кронштадте и не видеть Дома трудолюбия — это значит не видеть многого. Вот почему, при первой возможности, мы отправились осмотреть непонятное до этого времени для нас учреждение».

Я не стану выписывать из его дневника всех подробностей устройства Дома: сделаю это после в своих записках.

«Осмотревши Дом трудолюбия, мы возвращались домой. Я шел с мыслию, что видел новый город, полный самой кипучей, разносторонней и осмысленной деятельности. Идя на свою квартиру, я думаю невольно о том, как много мы сделали бы, если бы такие Дома трудолюбия сплошною сетью покрыли бы всю Россию. Сколько бы в них осушено было слез детей, немощных старцев, людей больных, потерпевших ту или иную неудачу на жизненном пути. Думал я еще и о том, какую бы громадную приобрело силу наше духовенство. Оно приблизилось бы тогда к идеалу первохристианских пастырей...» Прекрасные картины рисует в своем воображении Мещерский.

Признаюсь: я не хотел бы преувеличивать чрезмерно значение благотворительной деятельности священника. Сила о. Иоанна, конечно, не в этом была, — а в его пламенной религиозности: все прочее было лишь следствием или одним из проявлений религиозного настроения его, его благочестия, его личной святости. Без этого ничего не было бы, — как и не бывает обычно...

«Были мы в нескольких частных домах. И здесь все напоминает о дорогом Батюшке. В комнатах везде много икон с постоянно горящею пред ними одною или несколькими лампадами... На стенах почти во всех комна-

тах в хороших рамах висят портреты о. Иоанна с его собственноручными подписями.

...Такова жизнь в Кронштадте, когда находится в нем о. Иоанн». Если он уезжает надолго, то пустеет и город и храм; «сокращается и торговля».

Но «полная жизненная, духовная чаша о. Иоанна, переливаясь через края, далеко, далеко течет за пределы Кронштадта. Всюду, куда только ни попадет из нее эта живительная струя, она производит то же самое, что совершается в Кронштадте». И дальше студент Мещерский «пополняет свой дневник, — как он пишет сам, — фактами и событиями из жизни о. Иоанна, которые совершились уже после поездки в Кронштадт».

Я опускаю эти выписки о посещении о. Иоанном разных городов: Харькова, Киева, Астрахани, Саратова, Симбирска, Самары, Н. Новгорода, родной его Суры, Сарапуля, Вильны, Риги, Виндавы и проч. и проч. Пропускаю и факты обращения к нему из-за границы.

Опускаю и выписки автора из Дневника о. Иоанна по многим вопросам, — о коих я намерен сам говорить или говорил уже, например: о молитве, о духовной борьбе, о богатстве и бедности, о важности и ответственности слова и печати, о высоте священства, о проповедничестве его, о демонских искушениях, о книгах его, и о гонениях на него, и о славе и проч. Все это автор записок берет из других источников, написанных раньше него. Мне же в данной главе хотелось бы отметить преимущественно личные его впечатления от поездки в Кронштадт. И тут я остановлюсь на одном вопросе, какой задает он сам себе и другим:

«Где же причина такого громаднейшего влияния о. Иоанна на народные массы? В чем секрет его служения?

Не в такте, но — в личной святости нужно искать «секрета жизни» о. Иоанна, секрета его успеха среди народа, — скажет кто-нибудь другой.

Не склонен я, — пишет Мещерский, — разделять и это мнение».

И далее он приводит страницы изречений из Дневника о. Иоанна о его духовной непрестанной борьбе с искушениями диавола и со страстями.

«По мнению других, — продолжает он, — факт поразительного, непреодолимого влияния о. Иоанна на народные массы нужно объяснять его нервозностью... Глаза его особенно горят. Каждая черта его лица напряжена... Движения его порывисты; голос резок и выразителен... Его заразительность, — если так можно выразиться, — в это время (богослужения) достигает самых громадных размеров».

Иные указывают на благотворительность, привлекающую к нему бедноту. Об этом и сам автор записок думал, говоря о Доме трудолюбия. Но теперь он же пишет иное, — то же самое, что и я отметил выше:

«Отец Иоанн начал свою деятельность, будучи простым бедным священником, как начинают свою деятельность большинство наших пастырей.

Чем же он стал тогда привлекать к себе сердца людей?

Очевидно, и не в благотворительности только о. Иоанна нужно искать секрета его жизни, а в чем-то другом, без чего была бы невозможна и та широкая благотворительность: это есть тот религиозный подъем духа, ка-

ким полна его душа, тот дар чудодейственной молитвы, каким он обладает, — без которого было бы невозможно то удивительное самоотвержение, каким отличается его служение людям. Очевидно, должно быть нечто такое, на чем зиждется все — и благотворительность, и религиозность, и дар молитвы, и исцеления. Где же скрытый фундамент всей деятельности о. Иоанна?

По моему глубокому непоколебимому убеждению, весь секрет жизни о. Иоанна, — пишет Мещерский, — заключается в его истинной, живой, деятельной вере во Христа Спасителя и Его учение, в полном проникновении этим учением... Из этого бесконечно глубокого источника он почерпает и свою удивительную любовь ко всем людям, и дар молитвы, и дар врачевания различных недугов...»

Итак — вера.

Но в следующих же строках автор дневника пишет гораздо большее: «О. Иоанн может сказать вместе с ап. Павлом, что теперь «не я уже живу, а живет во мне Христос...» Его душа как бы погрузилась в дух Христа и перестала существовать отдельно. Его жизнь стала... не его жизнью, а «жизнью во Христе», как он и сам ее называет».

Итак — теперь уже не вера лишь, — а Христос, живущий в нем. Это — не одно и то же. Это — много больше и выше... «Кем я славен, — приводит автор записок слова о. Иоанна, — любезен добрым людям, привлекателен, досточтим? Господом, во мне пребывающим». Истинно, но это не только «живая вера». Это — сила Божия, это — благодать. Теперь,— заканчивает Мещерский, — не трудно понять и причину влияния на людей, и секрет жизни о. Иоанна... Так, в живой вере в Христа Спасителя и Его учение, нужно искать «секрета жизни» о. Иоанна. О, если бы мы сердцем поняли, что только «Им живем и движемся и существуем»...

Но мы многое и знаем и понимаем; однако достигнуть силы влияния о. Иоанна не смеем даже и помышлять. Нужно еще добиться этой силы: и силы самой веры, и силы подвига в молитвах, силы в непрестанном подвиге борьбы с грехом и диаволом; через это достигнуть освящения, святости. А тогда вселится в человека благодать Святого Духа, Всеосвящающего. А где благодать, там и Христос Господь, живущий со Отцем и Духом, «Живый и Действуяй». От этого вселения Бога и проистекла в о. Иоанне сила влияния на людей. Он постоянно говорил всем, что ясно видел, — все в нем творит Сам Господь, а не он.

Итак, не вера, — как наше, человеческое еще, настроение или наше усилие, а Божия благодать, — как дар божественный, посылаемый не только за веру, но непременно и за святость жизни. Поэтому можно сказать и так, как мы говорили: причина влияния о. Иоанна была в его святости; а святость — от Духа Святого; и наоборот: Дух Святой пребывал в о. Иоанне за его святость, за исполнение заповедей. «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое»; и наоборот: «Кто имеет заповеди Мои, и соблюдает их, тот любит Меня: а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его, и явлюсь ему Сам... и мы придем к Нему, и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 21 и 23). «Я во Отце, и Отец во Мне... Отец, пребывающий во Мне,

Он творит дела» (Ин. 14, 10). Конечно, можно сказать и так: «Верующий в Меня дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит». Но почему? Не за свою лишь веру, а — говорит непосредственно затем Господь — «потому что Я к Отцу Моему иду». А это для чего? «Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами во век». Вот цель дела Христова: послать Духа Святого (Ин. 14, 12 и 16). И Он творит и чудеса. Потому чудеса всегда почитались и как признак святости, а не одной лишь веры, хотя бы и пламенной. Вот где «секрет» влияния о. Иоанна.

Заключение

«7 июня мы оставили Кронштадт. Прощаясь с нами, он сказал нам: «Извините меня, что я не имел возможности пригласить вас к себе и угостить вас как странников. Вот вам от меня на гостинцы».

При этом он сунул что-то одному из товарищей. Когда мы посмотрели после, в этом «что-то» было 300 рублей.

Нашим благожеланиям дорогому батюшке, при прощании с ним, казалось, не было конца. Приняв от него благословение в последний раз, мы отправились восвояси... Все мы возвращались домой радостные, сияющие, удовлетворенные. Нашим разговорам не было конца всю дорогу. О некоторых событиях вспоминали в сотый раз.

Кронштадт уже находился далеко за нами...»

«Итак, теперь для меня стало ясно все. Мои сомнения все разрешены. Ясен был весь жизненный путь от начала до конца. Не ясно было только одно: как я пройду его? От знания до дела — весьма далеко...»

Около отца Иоанна Кронштадтского

(По личным воспоминаниям В. Ильинского)

Отца Иоанна я видел два раза.

Впервые мне пришлось видеть о. Иоанна в Киевской духовной академии. 11 сентября в конце 90-х годов я, по окончании лекций, был в числе других студентов в академической библиотеке, когда узнал, что о. Иоанн находится в Киеве и собирается посетить академию. Говорили, что он должен быть в академии сейчас же. Мы, все бывшие в академии студенты, поспешили сдать свои книги и вышли во двор Братского монастыря. Весть о приезде о. Иоанна обошла уже всю академию и студенты отовсюду собирались группами и оживленно говорили между собою по поводу этого приезда.

Студенты не могли похвалиться своей религиозностью и вообще идеалистической настроенностью. Скорее даже напротив. Дисциплина в академии в то время была довольно строгая. Студенты более или менее аккуратно посещали утренние и вечерние молитвы, ходили ко всенощной и на обедню в положенное время и вообще более или менее точно выполняли все требования академического устава, но их внутренняя настроенность

далеко не отвечала их внешним действиям. Даже постоянный чтец часов за архиерейским богослужением отличался крайней циничностью, смеялся в своей среде над всем церковным и религиозным.

Под влиянием вести о приезде о. Иоанна у студентов открылись, так сказать, новые нравственные ощущения. Мы как-то сразу почувствовали, что к нам приближается что-то большое, высокое, необыкновенное, но в то же время дорогое всем нам, и от этой близости необыкновенного человека в нас самих зажигался огонек новых нравственных порывов. Все другие интересы как-то сами собою теперь отошли на задний план, стали маленькими и ненужными. Наши мысли были заняты всецело о. Иоанном, тем великим делом, которому он служил: его постоянной готовностью идти на помощь труждающимся и обремененным, его неустанной благотворительностью, наконец — его непрестанным молитвенным горением. О деятельности о. Иоанна каждый из нас много слышал и читал, но доселе о. Иоанн был для нас одною из тех больших исторических фигур, которые из своей дали представляются существами почти что абстрактными. Теперь же, ввиду осязательного его приближения к нам, все мы почувствовали в себе разнообразные живые отзвуки на то, что ранее почти что не трогало или мало трогало нас. Облик прежде хотя и светлый, но в то же время бледный, бесплотный и далекий, почти что внежизненный, теперь... начинал сиять и влечь нас к себе своею глубокой реальностью... Душевный подъем был несомненный, и совершился он очень быстро.

Однако такое состояние продолжалось недолго. Вскоре стали говорить среди студентов, что о. Иоанн не будет у нас. И этому мы тоже скоро поверили. Имелось налицо и вероятное объяснение. С начальством в академии в то время происходили непрерывные «недоразумения». Дошло до того, что инспектору стали бить стекла в окнах; стреляли даже в него, правда — из резинового прибора, но все же так, что пробили стекла в двойных рамах. Говорили, что о. Иоанн не захочет посетить среду, столь непочтительную к своим начальникам, и студенты один за другим перешли в столовую — на вечерний чай. Начиналось что-то вроде разочарования.

В 9 часов к нам в комнату зашел студент-иеродиакон (болгарин)... и сообщил нам, что о. Иоанн сейчас же должен быть в ректорской квартире. Мы немедленно отправились к зданию, занимаемому ректором, ныне покойным епископом Сильвестром.

У всех было настроение такое, с каким обыкновенно верующие люди встречают святыню, и как-то само собою вышло, что наши мысли, все наши душевные движения снова оторвались от нашей обыденщины...

Послышался вблизи топот лошадей. Мягко подкатила карета, щелкнула ручка дверцы. Мы все стали одним вниманием. Никто нам не говорил, но мы знали, что из кареты должен выйти о. Иоанн. Мы ждали, что увидим величавую фигуру или, по крайней мере, человека с величавыми манерами и медлительной речью, также зовущей в сторону от этого мира, — короче, думали, что встретим святого, как он обыкновенно рисуется воображению русского человека, воспитанного на Четь-Минеях и аскетической литературе. Но оказалось иное.

Молча благословив несколько человек, ожидавших у самой кареты, о. Иоанн скорым шагом направился к квартире ректора среди расступившихся студентов.

Дойдя до иеромонаха И., он вдруг обернулся к нему с приветствием:

— Честь имею кланяться. Вы не инспектор будете?

Сказано это было твердым, звенящим голосом, отрывисто и выразительно, без всякой слащавости, столь обычной в духовной среде.

О. И. едва успел ответить «нет», как о. Иоанн, поцеловав его в руку и в губы, уже бежал по ступенькам крылечка, слегка покряхтывая, живой, бодрый и веселый.

Впечатление получилось неожиданное. Прежняя напряженность у нас исчезла, и мы как-то сразу почувствовали, что в нашу среду вошел человек далеко не чуждый нам и что он вошел не из другого мира, а именно из этого, из того самого мира, в котором мы сами живем и которым мы все, заурядные люди, так интересуемся.

Вскоре вышел инспектор и объявил, что о. Иоанн будет в академическом корпусе. Студенты собрались в зале и сюда, действительно, через двадцать минут пришел о. Иоанн в сопровождении ректора и инспектора. Студенты встретили его пением тропаря празднику (Рождеству Богородицы). Мне удалось видеть о. Иоанна сверху, когда он только подымался по лестнице. Наш, уже достаточно обремененный годами, преосв. Сильвестр поддерживал о. Иоанна под руку с левой стороны. Высокий и представительный инспектор величаво двигался справа. На половине лестницы о. Иоанн сказал Преосвященному Сильвестру: «Мне надо поддерживать вас», но как они шли дальше, мне не было видно. Одет был о. Иоанн в черную шелковую узорчатую рясу.

Когда окончилось пение тропаря, о. Иоанн обратился к нам с речью.

— Здравствуйте, однокашники!.. Далее он говорил о Православии, о необходимости твердо держаться заветов Церкви и т. п. В своей речи студентов он часто называл друзьями. Говорил он громко, отчеканивая слова, торопливо, даже нервно.

В его металлическом голосе звучала настойчивость и сила убежденности. О форме речи, видимо, о. Иоанн совершенно не заботился. Для него самое главное было — высказаться. Во время речи он нервно оборачивался в разные стороны, и вообще нервозность его выступала довольно заметно, но нервность эта была особого рода, казалась возбужденностью торопящегося человека, а не органической слабостью.

После речи студенты стали подходить к нему под благословение. Благословляя, о. Иоанн произносил иногда: «Именем Господним». Благословлял он также торопливо, как и говорил. Под благословение подошли решительно все, не исключая и заведомых религиозных скептиков.

Из зала о. Иоанн с группою окружавших его тесным кольцом студентов двинулся в квартиру инспектора, где у подъезда снаружи ждала его карета.

Дорогою на лестнице один из студентов протискался к нему с просьбой помочь его больному брату.

— Он немой,— сказал студент.

— Зато вы богоглаголивы,— ответил о. Иоанн.

Вышел из академии о. Иоанн через квартиру инспектора, почти не задерживаясь в ней.

Разумеется — среди студентов о. Иоанн долго был темою оживленных разговоров. Скептицизм, однако, в конце концов одержал верх в душах студентов и захваченное на момент религиозным движением большинство их скоро перешло к разрушительному анализу, так что в глазах очень многих светлый ореол, окружавший образ о. Иоанна, оказался рассеянным.

Были, конечно, и такие, у которых высокое впечатление от о. Иоанна оказалось стойким, но эти высказывались мало. Я, по крайней мере, не слышал, чтобы кто из них так же громко и решительно говорил об о. Иоанне, как говорили другие против него.

В другой раз мне пришлось видеть о. Иоанна в Кронштадте — года через два.

В Кронштадт я отправился на пароходе с Васильевского острова. Это было в половине мая. Дорогою я познакомился со священником, бывшим старообрядцем, из крестьян начетчиков, — личностью очень интересною по своему отношению как к старообрядчеству, так и к господствующей Церкви. Оказалось, что он также ехал к о. Иоанну, и мы стали компаньонами.

Первым делом ... зашли в Дом трудолюбия.

Но тут слишком дорого запросили за отдельную комнату, а в общей нам не хотелось оставаться. Отсюда мы прошли к собору. Здесь одна женщина, узнав из расспросов, что мы приехали повидаться с о. Иоанном, стала усиленно звать к себе. Она обещала дать нам отдельную комнату за рубль. Такая плата была посильна для наших тощих кошельков; к тому же женщина уверила нас, что она пользуется большим расположением о. Иоанна и что о. Иоанн непременно будет у нее, как только возвратится в Кронштадт.

— Я и квартиру содержу с благословения о. Иоанна,— говорила она. — Я нездешняя, — бедная вдова; сильно нуждалась после смерти мужа-офицера. Со своим горем я приехала к о. Иоанну, а он и сказал мне: «Благословляю тебя держать квартиры для моих приезжающих и там будешь сыта». Я так и сделала. И, слава Богу, у меня добрые люди не переводятся.

У нашей хозяйки было несколько комнат. Нам досталась последняя свободная и самая маленькая из них. Хозяйка оказалась очень словоохотливой дамой. Она много рассказывала о прозрениях и чудесах о. Иоанна. Нам был представлен и живой пример исцеления — девушка-служанка, подававшая нам самовар. Девушка эта, родом из Минской губернии, круглая сирота, очень охотно, последовательно и складно изложила нам тяжелую историю своих скитаний и своих страданий — душевных и телесных. Из рассказа ее видно было, что от своего недуга избавлялась она постепенно, да и в то время, по ее словам, она не настолько была крепка, чтобы браться за всякую работу.

Мы заснули очень довольные тем, что случай привел нас в дом, где мы непременно увидим о. Иоанна на другой день. Однако утром его еще не было в Кронштадте. Мы побывали в Андреевском соборе и после молебна

(по случаю табельного дня) отправились осматривать стоявшие на рейде военные суда.

В свою квартиру мы возвратились часам к шести. Отца Иоанна все еще не было. Мы снова пошли бродить по городу.

Около церковного дома, где жил о. Иоанн, двигались толпы народа. Мы узнали, что его ждут с часу на час, и примкнули к ожидавшим. Состав толпы был самый разнообразный; тут были и по праздничному одетые местные рабочие, пощелкивавшие семечки, более или менее веселые и жизнерадостные; эти держали себя как дома, хозяевами положения. Но было тут немало и приезжих лиц — в большинстве угрюмых и державшихся особняком. Были тут простые и кокетливые платочки, но были и яркие шляпки, хотя в незначительном количестве. В мужской половине преобладали картузы; котелков было совсем немного.

Большинство ожидавших о. Иоанна ходило вдоль улицы, так что улица стала напоминать собою место общественных развлечений.

Около девяти часов вечера разнесся слух, что о. Иоанн в этот день совсем не вернется в Кронштадт. Другие говорили, что он вернется к полуночи. Толпа стала редеть. Отец Варфоломей тоже ушел на квартиру, но я твердо решил ждать, хотя бы до полуночи.

Ночь была светлая, белая, по местному названию, напоминавшая ранние сумерки или время пред восходом солнца. Движение на улицах стало сокращаться и группа ожидавших о. Иоанна растянулась теперь длинною лентой, один конец которой небольшим клубком упирал в открытые ворота его квартиры, а другой терялся вдали по направлению к пароходной пристани. Часов около одиннадцати послышался в конце живой линии человеческих фигур какой-то неопределенный шум. Шум этот быстро рос и приближался. Наконец стал слышен отчетливый крик: «Едет, едет». Лента колыхалась, свертывалась, запутывалась в большие клубки, снова распрямлялась. Когда все вокруг меня пришло в беспорядочное движение и послышались возгласы: «Батюшка!.. Кормилец наш!.. Вот он!..» — я был уже за воротами, на большом дворе церковного дома. В здании было несколько ходов. У одного из них, налево, стояла группа человек в десять. Нетрудно было догадаться, что через этот именно ход должен был пройти о. Иоанн, и я направился в эту сторону. Шум около дома на улице между тем как-то сразу оборвался. Сзади себя я услышал стук колес быстро движущего экипажа. Я остановился. Ворота были уже на запоре, однако во дворе собралось много народу. Все бросились к пролетке-одноколке, в которой сидел о. Иоанн, поддерживаемый своим домашним секретарем. Он издали раскланялся со мною и что-то говорил при этом, но что именно, я не мог разобрать. Когда он вышел из пролетки, мы поцеловались и я сказал, что прошу его уделить мне пять минут для беседы.

— Только пять минут,— ответил о. Иоанн,— потому что в эти часы я никогда не принимаю.

Я пошел за ним в толпе. Когда о. Иоанн подымался по ступенькам крылечка в свою квартиру, у него стали просить благословения ожидавшие его здесь учащиеся.

— Экзамен у меня завтра. Батюшка, благословите! — говорил гимназист.

— Благословите и меня, у меня тоже экзамен,— говорила девочка в форменном платье.

— И меня благословите! И меня,— слышалось со всех сторон. Отец Иоанн что-то говорил детям, но что я тоже не мог разобрать. Видно было, что у него были отношения к ним самые сердечные, а мальчика-гимназиста он о чем-то расспрашивал.

Квартира о. Иоанна помещалась во втором этаже.

Первая комната, в которую я вступил, была кухня. Из нее дверь вела в столовую — небольшую комнату с обеденным столом посредине, с большими киотами с иконами и зажженными лампадами в двух углах. По стенам стояли стулья различной формы без всякой выдержки не только в стиле, но даже и в цвете. Тут же стоял крашеный шкап для одежды. Стол был покрыт белою скатертью. Из столовой еще две двери вели в две соседние комнаты, но внутренность этих комнат мне была не видна. В общем обстановка напоминала помещение небогатого сельского священника: все было просто, без каких бы то ни было претензий на комфорт, но в то же время здесь веяло теплом и уютностью.

Когда я вошел в столовую, о. Иоанн был в соседней комнате. Он вскоре оттуда вышел и предложил мне сесть. Он снял с себя на ходу свои регалии и рясу и остался в шелковом небесного цвета подряснике. Рясу он сам же повесил в шкап.

Светлый подрясник вполне отвечал вообще его светлому виду. Предо мною был человек среднего роста, довольно хорошо сложенный и очень цветущий на вид, с белым чистым лицом и ярким румянцем на щеках, которому никак нельзя было дать его семидесяти лет. Волосы на голове были не густые, короткие и с сильною проседью. Бровей у него почти не было. Небольшие голубые глаза смотрели сосредоточенно и живо. От глаз шли к вискам лучеобразные морщины. В общем, у него было большое сходство с известными его портретами. Двигался о. Иоанн быстро, но его ноги, видимо, тяжелели. Слышал он туговато. В движениях рук особенно сказывалась порывистость, но голос его по-прежнему был тверд, звучен, моложав.

Разговаривая со мною, он несколько раз выходил в соседние комнаты. Выходил он и на кухню и с кем-то разговаривал здесь. Я не видел его собеседника и не слышал, о чем он говорил, но было заметно, что тот был возбужден и по временам говорил с плачем. Отец Иоанн слушал молча и только изредка вставлял свои вопросы. И это, по-видимому, успокоительно действовало на говорившего.

«Ну, не в деньгах счастье,— сказал наконец о. Иоанн,— ты это помни!» И отпустил собеседника, еще ранее дав ему поручение принести лафиту. Вероятно, это был местный купец.

Свою беседу с о. Иоанном я начал сейчас же, как вошел в столовую. Говорил я спешно, чтобы не задерживать его. Выслушав меня, о. Иоанн распорядился, чтобы приготовили самовар.

— Мы с батюшкой чайку напьемся,— добавил он.

Сам он говорил мало; или только спрашивал, или вставлял короткие замечания в мои слова.

Служанка между тем подала самовар. Чай о. Иоанн сам принес из соседней комнаты, в бумажной обертке, и сам же заварил. Разливал чай тоже сам. Перед чаем распорядился подать хересу. Когда принесли бутылку, он отослал ее назад.

— Мы еще не обеднели,— сказал он шутливо и приказал подать какую-то другую.

Когда подали бутылку, он налил две небольших рюмки.

— Пей! Это укрепляет,— сказал он, чокнувшись своей рюмкою о другую рюмку.

— Мне доктора запрещают пить,— сказал я не столько, впрочем, для того, чтобы отказаться, сколько затем, чтобы выслушать его мнение.

— А я разрешаю,— сказал он решительно.

И действительно, я едва ли когда испытывал более хорошее действие от вина, как этот раз.

Два стакана чаю о. Иоанн выслал кому-то в соседнюю комнату.

За чаем он спросил меня, где я остановился. Я сказал.

— Почему же не в Доме трудолюбия?

— Там дорогие комнаты.

— Вам должны и так дать номер. Скажите от моего имени, чтобы вам дали номер. (Таким добрым предложением я постеснялся воспользоваться, тем более что надеялся видеть его на другой день и на той квартире, которую занимал.)

Я пробыл у о. Иоанна около 40 минут. При уходе он предложил служить с ним на утро литургию. Я сказал, что не был на вечерне и вообще не готовился.

— Это ничего, — сказал он.

Еще когда я сидел у о. Иоанна, я слышал по временам стук в наружную дверь его квартиры. Выходя от него, я заметил у дверей на лестнице несколько мужчин и женщин из простонародья. Видимо, они следовали словам Евангелия: толцыте и отверзется.

В квартире меня ожидали с большим нетерпением. О том, что мне удалось добиться у о. Иоанна приема, здесь уже знали и, как только я вошел в комнату, меня сейчас же осыпали вопросами: что батюшка говорил? как принял? как он себя чувствует? и т. д. и т. д. На другой день народ собрался к церкви в ожидании о. Иоанна еще до звона к утрени; но о. Иоанн приехал в церковь, когда служба уже началась, часов около шести. Во время утрени он часто выходил в соседний придел молиться.

Выходил и на клирос. Из алтаря не было видно его, но когда он показывался народу, это можно было заметить по тому волнению, какое сразу подымалось среди молящихся. По временам слышались истерические выкрики: «Батюшка, дорогой, батюшка!»

Одна женщина так громко кричала, что ее вывели из церкви. Канон о. Иоанн читал сам. Входную перед литургией служащие иереи (нас было пятеро) читали без о. Иоанна.

Служил о. Иоанн своеобразно. Возгласы произносил, по-видимому, с крайним напряжением всего организма; слова не растягивал, но и не сливал, а произносил каждое слово отрывисто и отдельно. Два раза, заметил я, он во время литургии вытер свои глаза платком.

Произносил и свои молитвы. Движения его также были свободны и естественны и необыкновенно порывисты. На все окружающее, по-видимому, он мало обращал внимания. Причащал он сам. Двум отказал в причастии — без всяких объяснений. Одна была девушка, почти что девочка — лет пятнадцати-шестнадцати. Когда о. Иоанн сказал, что не станет ее причащать, она растерянно осмотрелась вокруг себя, сошла с амвона, потом снова стала в ряды идущих к причастию. После отпуста о. Иоанн обратился к причастникам с поздравлением. «Имею честь поздравить вас с принятием Святых Таин»,— сказал он и к этим словам присоединил несколько наставлений.

Когда окончилась литургия, к о. Иоанну стали подходить с разными просьбами — кто о молитве, а кто — о материальной помощи. С нами служил приезжий откуда-то молодой диакон, больной и плохо одетый. Он просил помощи на содержание семьи. Отец Иоанн дал ему что-то около 80 рублей. О помощи просил еще какой-то светский человек; он много и со слезами говорил о своей больной жене. Отец Иоанн дал ему 28 рублей. Мой компаньон о. Варфоломей получил на свою новостроющуюся церковь 100 рублей. Деньги о. Иоанн доставал из кармана своего подрясника, где они лежали в нераспечатанных еще конвертах. Благотворил он охотно и без какого бы то ни было душевного смущенья. Тут же в алтаре он диктовал своему секретарю ответы на телеграммы, получавшиеся в весьма большом количестве.

Вокруг о. Иоанна, в общем, все были в приподнятом душевном состоянии: кто переживал радость возрождающейся надежды, кто — облегчение теперь же удовлетворенной нужды, а кто — просто благоговейное чувство при виде нравственной мощи человека, к которому устремлены взоры тысяч и тысяч людей с самыми разнородными и глубоко волнующими ожиданиями.

Но хотя о. Иоанн был центральною фигурою и в алтаре и в храме вообще, все наполнял собою и был предметом исключительного внимания всех молящихся, так что все другие были незаметны при нем; при всем том отнюдь нельзя было чувствовать, чтобы он, единственно большой среди других, кого-либо стеснял, пригнетал, подавлял. В его отношениях к другим не было заметно и в малейшей степени величия, сознающего свое достоинство и потому всегда если не высокомерного, то, во всяком случае, покровительственно-снисходительного. О нем нельзя даже сказать, что он был как отец в кругу близких ему членов семьи. Скорее тут шло бы другое сравнение — он был как старший и ответственный руководитель среди работников, занятых большим и важным делом. В нем не было заметно ни малейшей сентиментальности, столь обычной у людей недостаточно глубоких, хотя и нравственно высоких. Работа, дело — вот атмосфера, которая, казалось, наиболее сродна ему и которую он, казалось, всюду хотел бы создавать вокруг себя.

Наблюдения за деятельностью о. Иоанна после службы еще более убедили меня в этом.

По выходе из церкви он только на несколько минут заехал к себе на квартиру, а затем сейчас же отправился служить молебны по домам и причащать больных. В это день я видел его в Доме трудолюбия. Здесь он служил молебны в каждом номере. Кое-где присаживался к столу, наливал себе чаю и угощал чаем хозяев номера. Подаваемый им чай принимался как святыня и сейчас же выпивался, судя по лицам, с глубокою верою в его особенную силу.

Стол с чаем и закусками я видел почти во всех номерах, оставался о. Иоанн в номерах не более пяти-десяти минут. В коридорах, и особенно на лестницах, его окружали настолько плотно, что, казалось, люди сами его водили и носили, а он был совершенно лишен свободы движений. Иногда он делал усилия, чтобы освободиться от неловкого положения; в этих случаях он приподнимал голову, но его лицо всегда неизменно светилось радостным возбуждением. Служение молебнов в Доме трудолюбия он закончил к трем часам. Если считать, что он встал в пять часов, к утрени, то выходило, что он в этот далеко не окончившийся день провел на ногах десять часов подряд. При всем том я не заметил в его лице никаких признаков усталости или просто — чувства тяготы.

Из Дома трудолюбия о. Иоанн отправился на пароходную пристань и здесь сел на пароход, идущий в Петербург. Он занял отдельную каюту и не выходил из нее до самой остановки парохода.

На нашей квартире, кстати сказать, он совсем не был.

В Петербурге на берегу его также ждала большая толпа народа и, как только он ступил на землю, сейчас же, по обыкновению, охватила его тесным кольцом.

Провожавший отца Иоанна полицейский чин был оттерт, и о. Иоанну пришлось прокладывать себе дорогу к карете собственными усилиями. И это было не легко для него. Его не только давили люди своими телами, иные, быть может, поневоле стесняли его движения; но другие, особенно женщины, хватались за полы его рясы, цеплялись за рукава и таким образом намеренно удерживали его на месте. Я видел развевающиеся над головами окружавших его лиц то правый, то левый рукав его рясы. Это он вырывался из цепких рук излишне восторженных почитателей и — особенно — почитательниц. Можно было думать, что на небольшом пространстве, отделявшем пароход от кареты, он более устал, чем за десять часов служения, бесед и благотворительности.

Когда о. Иоанн сел наконец в карету и поехал, толпа и тут некоторое время двигалась следом за ним; а одна женщина бежала за каретой, когда лошади увозили о. Иоанна уже полной рысью. Мне хорошо была видна с парохода ее фигура. Высокая, с вытянутыми вперед руками, она бежала длинными шагами. Платье на ней далеко отдавалось назад. Платок развевался сзади ее. Вся ее внешность выражала стремительный порыв. Трудно было решить, чего тут больше — болезненной ли истеричности, когда человек теряет способность правильно расценивать впе-

чатления, тяжелых ли душевных мук, оставшихся неисцеленными, или, быть может, глубоких нравственных запросов, для которых наконец найдена точка опоры? Над женщиной смеялись, но мне она казалась типичным выражением состояния, переживаемого сотнями тысяч и миллионами людей нашего времени, нравственно растерянных, страдающих и ищущих то с надеждой, а то и без всякой надежды, с одной мукою отчаяния...

Мне довелось видеть отца Иоанна и третий раз, но уже мертвым, в гробу, или, точнее, пришлось видеть траурную колесницу с его останками — у Вознесенского моста на дороге от Балтийского вокзала в Иоанновский монастырь.

Народ с пением «Святый Боже» шел многотысячной толпой впереди колесницы и сзади ее, густо заполняя всю улицу и растянувшись на большое пространство.

Я стоял на одном месте. Проходящие мимо меня ряды только заканчивали пение начальных слов «Трисвятого», как подходящие новые ряды начинали пение тех же слов. Так на том пространстве, где я стоял, бесконечное число раз повторялось «Святый, Святый, Святый».

Зрелище было внушительное. Высокая колесница блестела серебром. Духовенство также было одето в белые ризы. Развевались блестящие хоругви. Таким образом, о. Иоанн и в могилу сходил таким же светлым, каким появлялся живым среди людей.

Записки почти неверующего

«1894 года, кажется — 4 июля, о. Иоанн был в моем родном городе. Слух о том, что о. Иоанн приедет к ночи в Симбирск, распространился в городе около 4–5 часов вечера. Почти тотчас началось паломничество: шли поодиночке, кучками, целыми толпами. К 6 часам подгорье было запружено народом. Часов в 7 получили известие, что о. Иоанн приедет часам к 12; но народ не расходился, а прибывал. В 12 часов показался «Отважный» вместе с симбирским пароходом «Энергичный», на котором симбирская знать встречала о. Иоанна.

Народ встретил пароход с огромным энтузиазмом. Подгорье напоминало Пасхальную ночь: загорелись костры; народ, возбужденный и радостный, готов был целоваться с первым встречным. Когда пароход пристал к пристани, толпа странно смолкла: ждали! Можно было слышать биение собственного сердца.

Тихо, тихо. Отец Иоанн не захотел выйти с парохода и, приветствуя собравшихся, заявил, что будет завтра служить обедню; благословил народ и ушел в свою каюту. Народ стал расходиться по домам; но многие остались ночевать.

Что это была за ночь! Мне она памятна и доселе... Народ расположился на ночлег на берегу. Число костров увеличивалось. Многие улеглись спать;

но многие решились бодрствовать всю ночь. Им казалось, что в канун такого светлого дня нельзя спать.

И оригинально свято было это «всенощное бдение». Кто-то тихонько запел «Святый Боже». Около певца собрались добровольцы, целый хор. Пели тихо, точно боясь разогнать очарование молчаливой ночи. После «Трисвятого» запели «Достойно» и начали какие-то мелодические канты.

Одна группа расположилась так, чтобы видеть отъехавший пароход; и без слов смотрела молитвенно — если можно так сказать — на светлую точку в каюте батюшки... Огонек погас; но группа смотрела... Темно; но все еще чудилось, что оттуда светится: не верилось, что там, где о. Иоанн, может быть темно. Было около 3 часов утра, когда я, утомившийся за день, забылся. И перед сном все время доносились до меня тихое пение.

В 6 часов толпа была уже на ногах. Отец Иоанн вышел из своей каюты и стал спускаться по мостику. Народ двинулся туда. Плакали, хватались за его рясу. Какая-то мать поднесла ребенка лет двух. Отец Иоанн быстро схватил его на руки, благословил, поцеловал и отдал назад. Меня охватило движение толпы. Я вместе с ней бросился туда же, хотя в это время я стоял дальше, чем на распутьях веры и неверия: вера была глубоко подорвана, почти вытравлена систематическим чтением в направлении отрицательном.

И вот я увидел «его», окруженного народом...

Глаза людей смотрели на него; и в них были видны радость, восторг и умиление.

Слезы явились у многих. Что это было? Будто нашли они что-то знакомое, родное, но до сих пор затаенное на дне души каждого: не в себе нашли, в другом — но это все равно.

Почувствовали они, что может быть человек прекрасен; и есть такой человек. И вот он стоит пред вами! И все, что было прекрасного, все это поднялось у них; и они облили свой идеал слезами восторга и радости. Отец Иоанн стал говорить...

Утверждают, будто теперь не повторяются в Церкви нашей евангельские сцены. Нет! Это несомненно была евангельская сцена. Он говорит искренно и просто о том, что рад видеть нас, что желает нам всего лучшего; и счастлив, видя, что мы веруем в Бога и Христа Его. Народ замер. Глаза блестели от слез — добрых, блаженных, счастливых.

Если бы напряженность веры и святой радости взвешивались, я думаю — этот момент был бы показателем великой веры нашего города! Если бы в ту минуту о. Иоанн сказал этим людям, чтобы они оставили все и пошли за ним, — я убежден — многие бы пошли... Таких слов не было сказано; но ясно, что, — прикоснувшись краем, только краем к святому и праведному, — эти люди стали оживать.

И вот тогда-то и я ожил...

Этот взгляд, эта речь, это народ слушающий — были для меня главным доводом в пользу Бога и христианства, в пользу жизни вообще и жизни в Церкви.

Пришел служитель Христов, овеянный правдой Божией; и в людях заговорил прекрасный и благой дух Христов; и неведающим открылся Бог.

Случайно или нет, — сказать не смею, — меня коснулись руки о. Иоанна; и я услышал его голос:

— Бедный!

А не ручаюсь даже, ко мне ли относились эти слова. Да это и не было важно. Прикосновение о. Иоанна говорило то же: в нем были жалость и успокоение.

Толпа оттиснула меня в сторону. В тумане я не видел, что было дальше. А когда я очнулся, о. Иоанна уже не было... Не было «тумана» (в душе), сияло яркое солнце...

Весть о том, что о. Иоанн будет служить в кафедральном соборе, быстро облетела город. С раннего утра 5 июля народ массами начал собираться на соборную площадь.

Описать, что делалось в народе, невозможно! Такие моменты не описывают, а чувствуют...

В 7-м часу за о. Иоанном приехал сам губернатор. Батюшка уже был на пристани с народом. Утреню и вслед за нею литургию — конечно, при огромном стечении народа — он совершал в соборе, в сослужении десяти священников; а по окончании литургии — молебствие на особо устроенном помосте среди площади.

Выход на площадь снова напомнил что-то библейское. Это было умилительное, чудное зрелище: бедные и больные бросились к ногам о. Иоанна; матери со слезами умиления поднимали на руках своих детей; дети простирали к нему руки; все взывали к избраннику Божию о помощи и утешении.

Отец Иоанн, видимо, сильно возбужденный и как бы приподнятый над уровнем обычного состояния духа после высочайших моментов живого, сердечного общения с Богом через умиленную молитву, исполненный Духа Святого от теснейшего общения с Ним в таинстве искренно совершенной им Евхаристии (Причащения), предстоял народу в величии бесхитростной прямоты веры, в неотразимой обаятельности небесной чистоты и в могуществе всепобеждающей силы Божественной любви!

Это был момент, наиболее ясно и наглядно показывавший, в чем кроется сущность и сила неотразимого обаяния сего молитвенника Церкви Христовой и почему таким естественным является повсеместное, не иначе как восторженно-умиленное всенародное преклонение пред этой могучей христиански-нравственной силой. Этот момент достоин того, чтобы на нем остановиться, — хотя слово человеческое здесь является бессильным.

Отойдя от алтаря Господня, где о. Иоанн только что пребывал в личном, живом общении с Верховным Личным Существом, он казался явившимся из иной страны, страны Света и Правды, Милости, Любви и Добра.

Глядя на истинного Божия служителя в этот момент, всякий беспристрастный человек видел, что это был... просто истинный человек, посланный Богом в мир грешных и скорбных людей; весь прозрачный в детской чистоте; доверчивый, благожелательный, любвеобильный; но сильный и твердый в своей чистоте.

На нем был отпечаток того Личного Духа, Который с кроткою любовию, но вместе и с властным спокойствием свободно взирал через него на мятущуюся в грехах и скорбях, в земных заботах и вожделениях толпу людей; людей, удрученных бременем самохотных стремлений, но теперь склоняющихся пред обилием духовного света и величием нравственной силы, и ищущих — лишь как милости — прощения и освежения, утешения и подкрепления.

Пред народом стоял живой, от людей взятый и ограниченный — как и всякий человек, но — более других очищенный искренним покаянием, искреннею верою, искренним принятием от Церкви таинства и молитвы при чистоте жизни — образ Того, Кто сотворил по Своему Образу и всякого человека.

Казалось, этот человек указанными очистительными средствами как бы стряхнул пыль земного и плотского мудрования и, поправ гибельное лукавство безрассудных сомнений, выступал пред всеми с расширенным умом и волей. Он ввел указанными средствами в свой духовный мир новое положительное и светлое содержание, сделавшее его человеком в лучшем, преимущественном пред многими другими, смысле этого слова, более отображающем в себе Бога, избранным сосудом Его благодати и силы. И в то же время сколько в нем было глубокого смирения, доброты и милосердия ко всем!

— Здравствуйте, братья и сестры! — говорил он. — Здравствуйте, отцы, матери и дети! Здравствуйте, друзья!

Вы, — как бы слышалось в этих обращениях, — вы те же образы Того же общего нашего Отца, Личного, Свободного Бога! Да! Эти ласковые слова — «отцы, матери, братья, сестры и дети» — прозвучали в совести многих и многих людей, как бесподобный по кротости, но могучий по силе глубокий призыв к братству и родству в Боге любви, чистоты и правды; как упрек к царствующему в мире, внутренно разъединяющему людей греху и рабству страстям, которые лишили эти слова (братство и родство) в устах людей истинного их содержания, оставив лишь форму.

Когда о. Иоанн говорил это народу, в его огненных, но отечески-добрых глазах и в каждом его движении сквозил пронизывающий душу свет, сноп лучей...

Этот взор не всякий мог выдерживать; а равнодушным оставаться не мог никто: слезы и крики народа христианского и нехристианского (пишущий эти слова был еврей. — *М. В.*), служили тому доказательством... Отец Иоанн торопливо, но отечески-нежно ласкал и как бы принимал к своей чистой душе эти многочисленные образы Божии, «братьев и сестер» всем от души благожелал, всех благословлял; бедным отдавал то, что ему приносили на молитву и поминовение.

Это была картина истинного христианства, созданная не вновь, — и не впервые совершающаяся пред глазами людей, а уже — в миллионный раз воспроизводимая воочию миру от начала христианства чистыми душами искренно живших и живущих в Боге людей.

Затем по приглашению губернатора был совершен молебен в его доме. В это время перед домом собрались тысячи народа, жаждавшего получить благословение о. Иоанна. Выйдя на балкон губернаторского дома, батюшка благодарил симбирцев за радушный прием и благословил народ теплым, теплым благословением...

Все смолкло и как бы застыло... Здесь я второй раз видел о. Иоанна лицом к лицу. Меня поразило полное отсутствие какой-нибудь приподнятости, искусственности в о. Иоанне. Это было лицо — полное простоты, отцовской ласковости. Помню, что, когда я отходил от балкона со своим товарищем, я сказал ему, что он — совершенно прост. Даже эти десятки тысяч не могут заставить его хоть на вершок подняться на ходули; а это значит, что он — велик.

И я ушел, унеся великий образ навсегда...

Отец Иоанн был в семинарии; обедал у городского головы.

Всюду к нему приводили, а иногда и приносили больных. Я здесь видел веру — двигающую гору!..

Говорили и о случаях исцелений. Я не справлялся даже об этих исцелениях: для меня наибольшим чудом был о. Иоанн сам по себе. Да за внутренней работой моего сознания и совести мне и некогда было следить за внешними событиями...

Посетив женский монастырь и о. настоятеля собора, о. Иоанн отбыл на пристань. Провожал его весь «властный и убогий» (начальники и простые) город. Батюшка раздавал в благословение крестики. Поднявшись выше города версты на две-три, пароход остановился против лагеря кадетского корпуса. Здесь на берегу выстроились кадеты. Отец Иоанн высадился в лодку и подъехал к берегу. Он благословил всех кадет. Они пропели многолетие и «Спаси Господи». Потом о. Иоанн возвратился на пароход... Светлый день кончился... И для многих это был первый день после долгой ночи».

Эти искренние и вдумчивые страницы принадлежат перу иеромонаха Михаила (Семенова), коему Общество религиозно-нравственного просвещения (в Петербурге), дало задачу написать полную биографию (с иллюстрациями) о. Иоанна Кронштадтского, что он и сделал с хорошим, в общем, успехом.

Биография его самого необычна.

Как мы упомянули вскользь, автор записок был еврей по рождению. По воспитанию — интеллигент нашего времени, конца XIX и начала XX века; то есть или маловерующий, неверующий, скептик, активный безбожник, или в лучшем случае «ищущий». Семенов был — из последних, или даже «дальше, чем на распутьях веры и неверия: вера была... почти вытравлена», как он выше говорит сам. Но после этой, мимолетной по времени и сильной по влиянию, встречи с о. Иоанном, он принял христианство; потом кончил духовную академию; постригся в монахи с именем Михаила; сделался профессором Петербургской академии по церковному праву; получил сан архимандрита. Но лекции его не пользовались нашим студенческим вниманием (я тоже был его «слушателем»). Впрочем, мы вообще не посещали

лекций. Но главным и благотворным его делом было писательство по разным нравственным вопросам.

Потом начались революционные годы (1905–1907). Он на студенческой сходке сказал речь революционного характера; за что был уволен из академии. Ища исхода, перешел в старообрядчество; был поставлен во «епископа Канадского» — одним «архиереем» Иннокентием. В старообрядчестве из-за этого произошла борьба партий. В Канаду он не уехал. И — не знаю как и почему — был раздавлен поездом...

И невольно вспоминается сказанное ему о. Иоанном слово: «Бедный»! Но мы все-то бедные духовно... И апостол Павел называл сначала себя «бедным» (Рим. 7, 24).

На пороге к священству

Так постепенно мы дошли до главного дела, коему отдает себя о. Иоанн и на которое заранее предопределил его Христос Господь: до священства. Вся жизнь вела его именно к этому служению: рождение в семье причетника, участие в богослужении с детских лет, образование в четырех духовных школах, и — его духовный руководитель, сам бывший священником и епископом, святой Златоуст. После академии негде было уже учиться. Да и пора было приниматься за жизненный подвиг, за спасительную деятельность. Но вот вопрос: за какой именно вид деятельности?! Что выберет себе сложившийся, зрелый умом и телом юноша?!

Об этом немного осталось сведений. Обычно «академики» — как принято называть окончивших высшую богословскую школу в отличие от «семинаристов» — шли тогда, по преимуществу, в городское духовенство, меньше — в чиновники; и совсем мало, лишь единицы, принимали монашество и постепенно становились потом епископами. Куда склонится воля избранника Божия? Ведь Господь никого не принуждает к приятию того или иного пути, а предоставляет это свободе нашей. Познакомившись теперь с обликом юноши, мы заранее можем предугадать, что Иван Ильич Сергиев не пойдет по мирскому пути, а несомненно выберет служение Богу в более прямом и чистом виде, то есть священство. Но можно и тут идти по двум стезям: или быть женатым священником, или же принимать монашество; последнее поведет или к духовно-учебной деятельности, или к миссионерству.

По всему характеру о. Иоанна можно ожидать, что он предпочтет приходское священство. Его натура была сильная, энергичная, деятельная. Это мы знаем и по сильной его матери, которая передала ему природную энергию. Это мы видели и в упорстве его в науках. Об этом слышали мы и в первом его слове к пастве. Напряженная энергия — вот одно из главнейших свойств его души. И думается мне, эта сила и привела его к священству, когда он размышлял о путях жизни.

Можно предположить, что он задолго до окончания академии обдумывал вопрос: что делать?

Основная линия души одно время толкала его к монашеству: тут все — Бог, все — для спасения души! И казалось бы, ему, целомудренному юноше, должен быть более привлекательным именно этот вид жизни. И действительно, он предполагал постричься в монашество. Но куда дальше? Идти в монастырь? Нет! При всей его сильной вере и горячей любви к Богу этот путь жизни не влек его. Активная его природа требовала даже подвига, жизни, а не ухода от них в уединенное житие. И потому, думая о постриге в монахи, Сергиев мыслил себя не в скиту, а на миссионерском деле: проповедовать Христа язычникам, не ведущим Евангелия. И ему представлялись для этого две далеких страны, где Русская Церковь вела уже тогда миссионерскую проповедь: идти к алтайцам и другим дикарям в Сибирь или же — к алеутам в Северную Америку, когда Аляска (до 1867 года) еще принадлежала России. И он одно время мечтал об этих темных местах. И все же в конце избрал не миссию... Биографы пишут, что он постепенно заметил, что работы для проповедника не мало и в самой России. И здесь много темности, греховности; есть духовные «дикари» и тут.

И мало-помалу его сердце склоняется к тому, чтобы оставаться внутри Родины и служить Богу в ближних.

После, по поводу исповеди, он так записывает в своем Дневнике:

«Крест, поистине крест — исповедь!.. Видишь и чувствуешь, что, при глубоком невежестве людей, при неведении ими истин веры и грехов своих, при их окамененном нечувствии, духовнику надо крепко, крепко молиться за них и учить их днем и ночью, рано и поздно. О, какое невежество! Не знают Троицы; не знают, Кто Христос; не знают для чего живут на земле! А грехопадений-то?!» И в другой раз пишет то же: «Боже мой! Как трудно надлежащим образом исповедовать!.. А какое невежество духовных чад!» Правда, это он пишет уже из пастырского опыта. Но не трудно понять это и студенту. Припомню для наглядности случай и со мною. Когда и я, будучи студентом академии, начал помышлять о принятии монашества, то одно время занимался с детьми в яслях. Их было человек 20... Учил я молитвам и евангельской истории. Господи, как льнули ко мне эти Божьи цветочки — от 3 лет до 10–12 — ища всякой ласки... И отрадно было это!

Но потом нужно было идти обратно в академию по Обводному каналу Санкт-Петербурга. И вот не раз приходилось видеть, как возчики безумно били лошадей — ни в чем не повинных! Под мостом железной дороги, шедшей из Санкт-Петербурга на Москву, была низкая выемка пути для возов на лошадях; которая потом снова поднималась на уровень дороги. Лошади, нагруженные тяжелой кладью, не в силах были вытащить сани наверх, да еще по голому булыжнику. А снег сдул ветер. И вот тут обозленные возчики жестоко били коней — по голове, прямо по глазам. Те метались, выбивались из сил; но воз трудно было сдвинуть... Их снова били... У меня не хватало сил смотреть на эти мучения; и, закрыв глаза, я спешил проходить скорее дальше...

А в душе загоралась тоскливая мысль:

«Куда же ты хочешь уходить от этих страданий и от этих озлобленных людей? Работай тут!»

И другой раз — иная картина. Дерутся два возчика, вероятно — пьяные; уже окровавленные... Один из них, с бородою — он был посильнее — оттолкнул от себя другого — помоложе, бритого; вскочил на свою телегу, стегнул вожжами коня и помчался. Другой сделал то же, в безумно-злобной попытке догнать того, чтобы снова драться. Но его лошадь была слабее. Видя, что он не может догнать противника, молодой возчик сам себя схватил за волосы и начал — от злобы — биться головою о телегу!.. Жутко было смотреть!

И снова мелькнула мысль:

«А ты хочешь уходить в монашество?!»

Эти два случая дают мне основание понять и студента Сергиева: он видел, что и в Санкт-Петербурге — непочатый край работы и служения Богу в ближних...

И он отказался от мысли миссионерствовать в далекой Азии и в неизвестной Аляске. Так круг его мыслей все более и более — по моему соображению — сужался. Оставалось теперь одно: священство в миру. Монашество, соединенное с учебной службой в духовных школах, его не прельщало; потому что учение — и свое, и других — ему не представлялось подвигом, коим пламенела его душа. А мысль о дальнейшем архиерействе даже и в голову ему не приходила; не только по смирению, но и по несоответствию — опять-таки — с его активной, горячей душою, жаждавшей жертвенного служения ближним.

Тем менее могла привлечь его идея о какой-либо ученой карьере — профессора или чиновника при Св. Синоде. Он и кончил курс не высоко, — во второй половине разрядного списка, ближе к концу.

И вообще, книжная наука была для него лишь средством, но не целью... Ко всему этому прибавим заботу и о его родной матери и сестрах... 26 долгих и тяжелых лет отдала она своему сыну; а теперь он мог бы скрыться в Алтайские горы или в неведомую Аляску?! А кто же будет поддерживать сироту и вдову?

И если сынок думал поступать псаломщиком или диаконом сразу после семинарии, когда скончался отец (1851), лишь бы содержать мать; то почти невероятно, чтобы он теперь, исполнив волю матери об академии, не думал о ней, выбирая путь жизни. Да и заповедь Божия повелевала детям заботиться о родителях: «Чти отца твоего и матерь твою!» Это он хорошо знал! Оставался единственный путь — пастырство.

Не забудем, наконец, и его учителя — Златоуста. Несомненно, Сергиев — не только по Матфею, но и по другим томам св. отца — впитал в себя содержание слов его: «О Священстве»... Кто не читал этих блестящих очерков о высоте, достоинстве, значении, силе, ответственности священнического служения?! Кто не знает, что сам автор их сбежал от хиротонии во иерея накануне дня рукоположения, устрашившись ответственности священства?! Знал это Златоуст — муж опыта. Но на молодого юношу всякий подвиг обычно действует, наоборот, возбуждающе! Зовет его, как

пророка Исаию, ответить Господу: «Вот я, — пошли меня!» А Сергиев был — не забудем — человеком энергии; и эта сила толкала его на труд, на служение, на подвиг. И увлекаясь высотою священства, — но еще не предвидя тяжестей его, — молодой Иван Ильич еще в академии ставит крест на колебаниях, решая:

— Иду во священники!

Тем более, что другая идея Златоуста — о любви к братьям, о служении меньшим, о приведении их ко Христу, о спасении душ их, о милостыне, — еще более привлекала чистое сердце юноши, свободное от эгоистических стремлений и пылающее жертвенною любовью к людям: — буду служить Богу — в ближних!

Так мыслится мне процесс определения дальнейшей судьбы будущего о. Иоанна. Но вот тут, на самом пороге к священству, осталось последнее препятствие: по существующему положению Православной Церкви — кандидату во священника следовало предварительно жениться.

И Сергиев должен был пережить и этот вопрос. Мы не имеем никаких прямых биографических данных, чтобы понять то, что случилось после брака. А должны вдуматься в это необычайное, исключительное, единственное событие в жизни о. Иоанна, важное не только по существу, но и имеющее немалое значение во всей жизни его, буквально до самой кончины. Обычно этому вопросу о браке биографами придается значение лишь случайного, проходящего момента, который почти тут же и забывается на всю 53-летнюю совместную жизнь супругов. Я так не думаю. Здесь была сознательная цель у о. Иоанна. И сверх всего — Промысл Божий.

Но прежде чем высказать свои мысли, я попрошу читателя еще раз вдуматься в духовное состояние студента: чем он живет к концу академии, когда нужно было решать вопрос? И тогда нам яснее будет его необычайное решение. Материал для этого возьму снова из Дневника. Пусть не удивляется читатель и на этот раз, что я прошлое объясняю будущим, досвященническое настроение — по-священническим. Я уверен, что существенной разницы между этими моментами у него не было и нет: он был монолитен!

Дальше будет более подробная речь о священниках и о пастырстве. Сейчас же выпишу лишь несколько строк.

Бог — есть все — для о. Иоанна. Любовь к Нему — жизнь его.

«Я — в Боге, с Богом. Пред Богом, под Богом! Он — жизнь моя». А потому, «на все в мире смотри, как на преходящую тень и ни к чему не прилепляйся сердцем; ничего не считай за великое, ни на что не полагай надежды. Прилепляйся к Единому нетленному, невидимому, премудрому Богу».

Значит, нельзя прилепляться и к браку, к жене:

«Священник, как ангел Господа Вседержителя, должен быть выше всех страстей и возмущений духа, всех пристрастий мирских или суетных страхов, наводимых от бесов. Он должен быть весь в Боге. Его Одного любить и бояться.

Боязнь человеческая означает, что он не прилепился к Богу всецело.

Что за высокое лицо — священник?! Постоянно у него речь о Господнем; и постоянно отвечает на его речь Господь... Священник — ангел, не человек: все житейское он должен оставить за собой.

Сколь беспристрастен должен быть священник к земным вещам, чтобы, совершая такие службы и столь великие пренебесные таинства, быть неуловимым от врага и гореть всегда чистою любовию к Богу и к сочеловекам, погибающим от грехов и спасаемым благодатию Христовою во Святом Духе. Но сколько велик навык наш ко греху! Сколь сильны наши пристрастия земные!.. Священник должен быть ангелом по возвышенности мыслей, по чистоте душевной и телесной, по горячности к Богу — Всетворцу и Спасителю — и к людям, своим братьям.

Священник как врач душ сам должен быть свободен от душевных недугов, то есть от страстей, чтобы врачевать других... не должен быть связан житейскими похотями и сластями... чтобы предохранить других от душевного растления, и сам должен быть свободным от растления страстей. В противном случае ему всякий больной духовно может сказать: «Врачу, исцелися сам» (Лк. 4, 23) наперед!» Поэтому «все считай за сор и гной — всякую сладость: ничего земного не люби».

При таких чувствах и воззрениях — «до плотских ли наслаждений священнику, когда ему надобно неотменно наслаждаться единым Господом?..

До плотских ли наслаждений, когда у него так много духовных чад, предъявляющих ему свои многоразличные духовные или телесные немощи?..

До наслаждений ли плотских священнику, когда ему надо совершать службы в храме и предстоять престолу Господню? Когда ему так часто надо совершать Божественную пречудную литургию и быть совершителем и причастником «небесных, бессмертных и животворящих Таин»? Когда ему вообще так часто приходится совершать таинства и молитвословия?!

Сердце, любящее плотские удовольствия, неверно Господу: «Не можете Богу работати и мамоне» (Мф. 6, 24).

И со своим могучим характером о. Иоанн не просто желает этого, а и повелевает себе, и делает! Например, однажды он записывает приказ: «Распять, непременно распять свое чрево!»

Я выписал достаточно, даже в изобилии, мысли его о непривязанности к мирскому. Теперь я спросил бы читателя: возможно ли при такой настроенности студента мечтать ему о плотской любви? О сладостях брачной жизни? Ясно — немыслимо. Скорее можно бы понять отсюда его стремление к монашеству, но не к браку. Если же принять во внимание Златоустовы небесные похвалы девству, то еще более станет понятным, что юноша склонен будет к безбрачию. Приложите еще его собственное целомудрие... И мы невольно должны задуматься о том, как такой человек, «никогда не бывавший ни на одной вечеринке», не встречавшийся с девушками, как он отнесется к брачной жизни, которая требовалась непременно от кандидатов во священники? Мне в жизнеописаниях его не пришлось встретить даже вопроса о браке. Странно: будто такие явления — обычны!

А тут еще нужно думать и не о себе лишь одном, а и о другом лице, которое будет связано с ним на целую жизнь! Легко сказать!

И не может быть, чтобы студент не думал об этом заранее: ведь этот вопрос вот-вот на днях станет на очередь! Что же делать?

И студент Сергиев, — неизвестно когда, — но еще на студенческой скамье, со свойственною ему силою решает: будем безбрачны в браке!

Это требовал его боголюбивый чистый дух. Апостол Павел — предпочитал девство, и сам был не женат. Влечет к нему и Златоуст. Читал он — нужно думать — о таких примерах безбрачия при совместной жизни: вот святой епископ Петр, брат Василия Великого, живет по-братски со своею мнимою женою, а не как муж, — что и подтвердилось потом чудом: одежды их, куда Василий повелел всыпать горящих углей, не опалились даже.

Вот и священник его епархии, Анастасий, — 40 лет живет со своею Феогниею в девстве. И это открыл им сам Василий Великий, назвавший Анастасия жене, по откровению Божию, не мужем, а братом, — к изумлению ее, что открылась их тайна. Были и другие подобные примеры. Но крайне, крайне редко!

Пришлось и мне знать одного студента академии, который имел намерение поступить подобным образом; но не получил от духовного отца благословения на это. А студент Сергиев дерзнул! Какое мужество требовалось для этого! Какая вера в возможность сохранения девства! Лишь такая смелая и сильная личность, как он, была способна не только решить, но и делом осуществить свое решение.

Однажды он записал в Дневнике такие слова:

«Говори и делай всякую правду без сомнений, смело, твердо, решительно! Избегай сомнений, робости, вялости и нерешительности! «Не бо даде нам Бог духа страха, но силы и любве» (2 Тим. 1, 7). Господь наш есть «Господь сил!».

Особенно это требуется от священника:

«Священник всемерно должен стараться поддерживать в себе смелость, мужество, дерзновение... Дерзновение — великий дар Божий и великое сокровище души! В земной брани, или войне, смелость, или храбрость... творит просто чудеса; а в духовной брани — и тем паче!»

И еще сильнее и победоноснее пишет он:

«Соединяйся с Богом душею своею посредством веры, и — все можешь сделать. Борют тебя сильные, невидимые, неусыпающие враги? Победишь! — Враги видимые, внешние? Победишь! — Терзают страсти? Одолеешь! — Подавляют скорби? Отвратишь! — Унываешь духом? Получишь мужество! — Все с верою возможно победить и самое Царство Небесное получить. Вера — величайшее благо в земной жизни: она соединяет человека с Богом и в Нем делает его сильным и победоносным. «Прилепляйся же Господеви, един дух есть с Господем» (1 Кор. 6, 17).

Вот какой могучий дух жил в этом избраннике! И, дерзая на безбрачие в браке, студент уже дерзал собственно на первое свое чудо, по силе своей твердой веры.

Итак, мы видим теперь, что и для него самого выбор девственной жизни при жене-сестре есть явление чрезвычайное. Только он мог поступить так! Другим не по силам.

Но по силам ли было его избраннице? Это осталось тайною доселе. Нам совершенно неизвестно: предупредил ли он ее ранее брака? Возможно и то, и другое. Человек, предпринимающий доброе дело ради Бога, верит заранее, что Сам Бог поможет ему осуществить и «невозможное для человек». А может быть, он и предупреждал ее? Оставим эту тайну — под покровом сокровенности. Только вот что произошло.

Пред концом академического учения, Иван Ильич на одной вечеринке — теперь ему нужно было выбирать подругу жизни! — познакомился с дочерью кронштадтского протоиерея о. Константина Несвитского. И — как говорят биографы — «тотчас же сделал ей предложение». И по окончании курса обвенчался. Впоследствии выяснилось, что не без ропота приняла она создавшееся положение. И были даже основания верить, что она потом жаловалась митрополиту Исидору. Но все же постепенно она примирилась.

Успокаивая ее, о. Иоанн говорил:

— Счастливых семей, Лиза, и без нас довольно. А мы с тобой посвятим себя на служение Богу.

И они прожили всю жизнь свою, как брат с сестрою. Когда я, незадолго перед смертью Батюшки, посетил его в Кронштадте, то на мой звонок вышла глубокая старица с морщинистым уставшим лицом. Я ранее никогда не видел ее.

— Батюшка дома? — спрашиваю.

— Брат Иоанн? — отвечает она вопросом.

Тогда я понял, кто стоит передо мною.

— Да! Батюшка! — повторил я.

Она спокойно, медленно пошла обратно; и скоро после нее вышел ее «брат». Он тогда уже был больной... 53 года прожили они вместе! И она пережила его лишь на 5 месяцев: скончалась 20 мая 1909 года.

Мне пришлось слышать устный рассказ, что о. Иоанн будто бы говорил: «Господь послал мне жену на помощь, и она не помрет, пока я жив». Если этого и не говорилось им, все равно — она была ему помощницей. Кому-нибудь нужно было вести хозяйство в доме: следить за питанием, одеждой, здоровьем, домом. Отцу Иоанну самому не до этого было: с первых же дней он отдает своему служению почти все время — до пищи ли ему? До одежды ли? До забот ли о хозяйстве?

Рассказывается и такой случай.

Еще в 60-х годах, то есть немного после рукоположения во священники, он возвратился домой после литургии и посещений больных и страждущих. Перед входом ожидали его нищие.

«Отец Иоанн роздал все до последнего двугривенного; и оставил только 20 коп. на пароход, чтобы, отдохнув, ехать в Ораниенбаум к трудно больному; о. Иоанн знал, что дома у него этой суммы не найдется.

Едва он вошел в скромную свою комнату, как услышал в прихожей шум и громкий разговор. Не снимая верхней одежды, о. Иоанн вернулся в

прихожую. Оказалось, что какая-то женщина с рыданиями просит пустить ее к Батюшке. «Пусть подождет! — говорит о. Иоанну жена. — Ведь ты с 5 часов утра ходил голодный, измученный — пообедай, отдохни».

— Погоди: я спрошу, что она хочет?

Увидев Батюшку, женщина бросилась ему в ноги.

— Спаси нас, отец, — молила она. — У меня муж умирает; пятеро детей второй день не ели; я сама едва хожу. Одна надежда на тебя!

— Пойдем к тебе, — ласково отвечает о. Иоанн, подымая женщину. — Господь тебе поможет!

И о. Иоанн, совершенно забыв об обеде и усталости, вышел из дому с женщиной.

— На, вот тебе 20 копеек,— зайди в лавку, купи хлеба и яиц; больше у меня нет.

Придя к женщине, о. Иоанн, действительно, застал картину страшной нищеты: умирающий смотрел безжизненно остановившимися глазами и не шевелился; дети стонали от голода.

Когда хлеб и яйца были съедены, о. Иоанн сам помог женщине убрать ее темную подвальную каморку; привел несколько в порядок детей; и затем, опустившись на колени перед крошечным образком, висевшим в углу, начал громко молиться... Он молил Бога о прощении грехов, спасении души, о вере и любви к Спасителю...

Когда голос его стих, он стоял еще долго, опустив голову; и затем, встав с колен, подошел к кровати и благословил больного.

— Приди ко мне завтра в церковь! — сказал о. Иоанн, уходя.

Не успел он выйти из дома, как увидел уже несколько человек, ожидавших его с приглашениями в Петербург и Ораниенбаум. Выслушав просителей, о. Иоанн отправился с ними на пароход. И только в первом часу ночи вернулся домой «обедать».

Нечего и говорить, что на утро он сделал для несчастной семьи все, что мог: а он мог уже много!»

...Но помимо хозяйственных забот матушка Елизавета Константиновна еще больше — и это несравненно важнее! — нужна была Батюшке с духовной стороны. Она была ему покровом и охранительницей... И не от нищих даже... И не от почитателей; а — от почитательниц. Жизнь многих уважаемых духовных лиц показывает, как привязчивы бывают неразумные поклонницы! И обычно начинается с благоговейного уважения, потом переходит в так называемую духовную любовь; в самом же деле здесь бывает подмесь — и даже большая — любви — душевной; душевная же любовь тесно переплетена с телесною, плотскою. И потому эти привязанности нередко бывают опасными для обеих сторон. А для о. Иоанна, со всей его истинной высотою и неимоверною славою, эта опасность со стороны поклонниц угрожала с особенною силою. И вот здесь присутствие «жены» было для него большой охраной и оградою: неумеренные почитательницы, волею или неволею, должны были остерегаться ее в своих порывах. А она, по своему характеру, была — не из слабых женщин! Отец Иоанн понимал это; и понятно будет, что он, во время своей болезни, молился Богу,

чтобы сохранил его помощницу до смерти, что и случилось. Оба они умерли на 80-м году.

Еще раз о ней мы вспомним при кончине Батюшки. А сейчас могу лишь добавить о слухе, который дошел и до меня, — что будто бы она желала быть погребенною рядом со своим мужем; но в этом ей было отказано церковной властью. И ее похоронили на Кронштадтском кладбище, где погребена была и мать о. Иоанна.

Это понятно и правильно. Отец Иоанн не принадлежал своим сродникам: он, как всякий праведник, принадлежал Богу и Церкви, всем людям. Это духовное родство было в нем неизмеримо сильнее плотского. Он был отцом всех притекавших к нему.

У него даже не было особенно близких друзей и любимцев. И потому к нему действительно подходят эти слова: «Отец Иоанн», «Батюшка». И довольно. Как Спаситель сказал о Себе: Кто Моя Мать, кто Мои братья? Кто исполняет волю Отца Моего, тот Мне — и брат и сестра и мать. (Мф. 12, 48 и 50). Потому Он называл Себя большей частью «Сыном Человеческим», то есть родным всему человечеству. Так и о. Иоанн писал в Дневнике своем, что для него «нет иного родства, кроме духовного».

«Мы не знаем другого родства, кроме родства духовного, всевысочайшего, вечного, которое даровал нам Владыка живота, Творец и Обновитель нашего естества, Иисус Христос; ибо одно это родство есть истинное, святое, пребывающее; земное же родство — неверно, изменчиво, непостоянно, временно, тленно, — как тленна плоть и кровь наша».

«Вси же вы братия есте» (Мф. 23, 8). «Любите друг друга» (Ин. 15, 17). Церковь — Божие, великое, святое как бы семейство, в котором Бог — отец; пресвятая Матерь Господа нашего Иисуса Христа — матерь наша; ангелы и святые человеки — старшие братья; и мы все — единоутробные, порожденные Церковью в одной купели крещения Духом Святым». У чад Отца Небесного — молитва, предначинаемая Сыном Его: Отче наш! И в этом смысле он высоко стоял над обыкновенными людьми. Так и должно быть со святыми!

Хотя он иногда и посещал своих родных по жене, и бывал там преднамеренно прост и дружелюбен, но это делалось им или для проявления любви своей к ним, или — чтобы не кичиться своею славою, или же, приспособляясь к обычаям, чтобы не смущать слабых. Однако вообще-то он был в отдалении от них и даже не любил бывать в гостях, как мы видели выше. И не о них ли также он писал еще раз в Дневнике:

«Теперь не говорят о Боге в домашних кружках; а говорят о суете мирской... скучают и потом убивают драгоценное время в глупых играх или в танцах».

И есть в записях современников намеки, что в присутствии его молодежь даже стеснялась танцевать; и нужно бывало сначала узнать: позволит ли Батюшка им повеселиться? Конечно, он скрывал себя, любезно отвечал согласием. Иногда даже немного шутил. Иное дело — духовное общение среди духовных друзей: «Боже мой! как любовь и искреннее сочувствие к нам ближнего услаждает наше сердце! Кто опишет это блажен-

ство сердца, проникнутого чувством любви ко мне других и моей любви к другим?! Это — неописанно! Если здесь, на земле, взаимная любовь так услаждает нас, то какою сладостию любви будем мы преисполнены на небесах, в сожительстве с Богом, с Богоматерью, с небесными силами, со святыми Божиими человеками?! Кто может вообразить и описать это блаженство?! И чем временным, земным мы не должны пожертвовать для получения такого неизреченного блаженства небесной любви?! Боже, имя Тебе — Любовь!

Научи Ты меня истинной любви, как смерть крепкой! Вот я преизобильно вкусил сладости ее от общения в духе веры в Тебя с верными рабами и рабынями Твоими. И преизобильно умиротворен и оживотворен ею.

...О, если бы это так было во все дни! Даруй мне чаще иметь общение веры и любви с верными рабами Твоими, с храмами Твоими, с Церковью Твоею, с членами Твоими!»

Вот где его подлинные родные, настоящая семья: Церковь, верующие, потом святые, Божия Матерь, Бог! Сие воистину — Православие!

Однако не должно представлять себе о. Иоанна чуждым, холодным. Он и помогал [родным], и заботился о них, начиная, конечно, с дома своего:

«Для чего мне имение? Для того, чтобы им существовать мне, и моему семейству, и моим сродникам; чтобы подавать бедным; а не для того, чтобы скоплять». «Дай Бог, чтобы и за гробом не прекращался братский союз наш с умершими сродниками и знаемыми, чтобы любовь не погасла и по смерти, но горела ярким пламенем, — и всегдашняя память о почивших оставалась всегда у нас до нашей смерти. «Какою мерою мерим, возмерится нам» (Мк. 4, 24). Но все же это телесное сродство стояло для него на втором плане. Впрочем, и оно приносило ему духовную пользу... На это нужно тоже обратить внимание. Один из русских духовных писателей и подвижников,— епископ Феофан Затворник нередко повторял в письмах своих к знакомым: «Не ищи дел спасения за морем; а смотри их прежде всего возле себя!» И прежде всего — в доме своем... Мудрое и практичное правило.

Так же точно думал и о. Иоанн:

«Замечай за собою — за своими страстями — особенно в домашнем быту, где они свободно проглядывают, как кроты в безопасном месте. Вне дома одни наши страсти обыкновенно прикрываются другими страстями, более благовидными; а там (в доме) нет возможности выгнать этих черных кротов, подкапывающих целость души нашей».

Совершенно верно. «Вне дома» мы скрываем себя среди мало знающих нас; а от близких, особенно родных, не скроешься: они хорошо знают нас, нашу душу со всеми ее особенностями и недостатками. Но именно вот здесь и следует проявлять свои подвиги, упражняться в добродетелях, бороться со своими недостатками. И упражняться ежедневно, постоянно, многие годы. Сколько тут требуется и самоограничения, и смирения, и послушания, и внимания к другим, и любви в разных ее видах. И можно сказать, что всякая семья является для каждого члена ее почти монастырем; а иногда даже — более трудным и строгим, чем обитель. И о. Иоанну тоже, как и другим

семейным людям, должно было вести духовный подвиг среди своих, и в первую очередь — в отношении своей мнимой жены. Нужно наверно думать, что это не легко; потому что у о. Иоанна характер был твердый и решительный; но и у матушки — тоже самостоятельный. А она к тому же имела не мало оснований расстраиваться: то о. Иоанн опаздывает — почти постоянно — на обед, который ждет его часами; а то и совсем не является; то он раздаст все деньги нищим; то — бывало и это! — придет даже босой.

В жизнеописании его рассказывается следующее:

«Кронштадтские жители часто видели своего пастыря, возвращающегося босым. Не один раз прихожане Андреевского собора приносили матушке сапоги, говоря: возьми вот! а то твой-то отдал их; босой придет; мы купили... Не ходить же ему так».

Факт поразительный! Прямо — из житий древних святых. И не требуется даже объяснять его; хотя и покажется это иному невероятным. А между тем, он передан биографу известным протоиереем Димитрием Соколовым, — когда в средствах «нуждался не только он, но и его жена: ей не на что было вести хозяйство. Понимая, что он не имеет права заставлять нищенствовать жену, о. Иоанн распорядился, чтобы жалованье по законоучительству выдавали ей». По другой версии, — мною, правда, не проверенной, — такое распоряжение ему дано было церковною властью.

Разумеется, подобное положение не могло не расстраивать Елизавету Константиновну. Но помимо таких исключительных случаев жизнь в семье и вообще-то требует духовной осторожности к сожителям. И я лично имею данные предполагать, что не всегда и не во всем гладко проходила жизнь в доме... Ведь не нужно думать, что святые люди —безгрешны, или по природе своей — бесстрастны, не подвластны искушениям. Один Бог — без греха!

Святым же людям их праведность доставалась тоже с борьбой. Да еще и какою! Сильнее, чем обычным грешникам; ибо у них и искушений больше, и они сами к себе относятся несравненно строже, борясь не только с делами и словами, но и с сердечными помыслами.

Отец Иоанн, по натуре своей, был совсем не мягкого, ласкового характера, а, скорее, крутой, сильный, властный, как и мать его. И в Дневнике его можно не раз подмечать заметки, что он поддавался и в доме искушению раздражительности, — что так естественно по его индивидуальности.

«Мы обыкновенно зазнаемся с тем, — пишет он, — кто стал наш, как и с тем, что стало наше. И привыкши к нему (или к тому), скоро, так сказать, насыщаемся им и ни во что вменяем.

Как мы быстры на зло и медленны на добро! Вот я хочу... быть терпеливым. Но прежде чем я утвержу сердце в терпении, я делаюсь раздражительным; хочу быть ласковым, и между тем, когда нужно сказать ласку, я оказываюсь грубым... Кто же меня исцеляет? — Один Иисус Христос. Когда Он увидит мое искреннее и твердое желание исцеления от душевного расслабления, мою теплую молитву о том — тогда... удобно — по благости Его — побежду все страсти и совершу всякую добродетель.

Я, грешный иерей, согрешу иногда, по действию диавольскому: например — иногда со враждою к брату отнесешься из-за чего-нибудь, хоть бы даже из-за правого дела; и весь расстроишься... однако, по раскаянии, все, все Владыка прощает.

Странно и жалко видеть, из-за каких пустых причин диавол лишает нас любви к Богу и ближнему: из-за земного праха... из-за денег, из-за пищи и пития, одежды, жилища!

«Нужно бодрствовать над своим сердцем: быть кротким, удерживаться от раздражительности».

И потому о. Иоанн обращается и к другим:

«Ревнующие о благочестии, брат и сестра!

Тебе придется слышать и, может быть, нередко, более от своих домашних, что ты — тяжелый, невыносимый человек; ты увидишь к себе сильное нерасположение, вражду за свое благочестие, хотя враждующие и не будут выражать, что именно за благочестие они враждуют против тебя, — не возмущайся этим и не приходи в отчаяние; потому что диавол в самом деле может преувеличивать до огромных размеров некоторые слабости твои, от которых и ты не свободен как человек; но припомни слова Спасителя: «Враги человеку домашние его» (Мф. 10, 36). И от недостатков исправляйся, а благочестие держи твердо. Поверяй совесть свою, жизнь свою и дела свои Богу, ведущему сердца наши. Впрочем, — оговаривается о. Иоанн, — смотри на себя беспристрастно: в самом деле не тяжел ли ты по своему характеру, особенно для домашних своих? Может быть, ты угрюм, не ласков, необщителен, неразговорчив? — Распространи свое сердце для общительности и ласки, но не для потворства; в выговорах будь кроток, нераздражителен, нежелчен... «Вся вам любовию да бывают» (1 Кор. 16, 14), — сказал Апостол. Будь терпелив; не за все выговаривай; иное сноси проходя молчанием, и смотри на то сквозь пальцы. Любы все покрывает и «вся терпит» (1 Кор. 13, 7). Иногда из-за нетерпеливого выговора образуется вражда, оттого что выговор был сделан не в духе кротости и любви, а в духе самолюбивого притязания на покорность тебе другого».

Не могу отделаться я от чувства, что за этими словами вдали видится многое из собственной семейной жизни о. Иоанна.

И этому не только не следует удивляться; а нужно даже принять как совершенно возможное. С точки зрения духовной пользы для него самого эти дополнительные подвиги были весьма полезны: они вели его к большим упражнениям в постоянной духовной борьбе; а кроме того, волею или неволею, он находился под неустранимым контролем своей матушки, что, несомненно, уменьшало значительно искушения со стороны почитателей; при ней не всякий, а тем более не всякая пойдет в квартиру батюшки.

И такая помощь продолжалась все 53 года их брака (1855–1908). И даже по смерти его Елизавета Константиновна оказалась распорядительницей и охранительницей своего славного супруга.

Если вдуматься во все вышесказанное внимательно, то должно сказать, что она была послана Богом, как помощница ему в его пастырско-духовной работе Богу и ближним.

И потому и ее имя да будет благословенно! И ее нужно поминать в молитвах после Батюшки.

Царство Небесное ей и родителям ее.

Маленькое примечание

Закончив эту главу, я сам остался с целым рядом недоумений. Например: точно мне неизвестно, когда именно обвенчался студент Сергиев, и где и как провел он каникулы после окончания академии? Это жаль: о дорогом и великом человеке хочется знать и мелкие подробности из его жизни. Не имея возможности ответить на вопрос о месте и сроке брака по метрическим книгам (надеюсь, кто-нибудь это сделает после меня), а в то же время интересуясь этим большим промежутком, около 5 месяцев, между июнем (концом учебного года) и декабрем (рукоположением) 1855 года, я позволю себе поставить об этом времени еще несколько недоуменных вопросов: неужели Иван Ильич по окончании академии не пожелал порадовать и утешить лично свою мать, бедную вдову? Неужели и она не выражала ему когда-нибудь желание повидаться с ученым теперь, единственным сыном? Неужели им не о чем было поговорить и посоветоваться? Какой путь избрать? Если идти во священство, то как выбирать невесту? Материнский голос тут важен. Или этот вопрос им был уже решен одним? Даже естественно было бы подумать им обоим: не жить ли бедной вдове теперь у сына, где-либо в городе? не довольно ли она уже натерпелась в нужде за свою жизнь? Ну, наконец, хоть просто бы повидаться с матерью, — если уж не говорить о сестрах? Да и ничто не отвлекало сына от поездки домой; иное еще дело, если бы он сразу должен был поступать на священническое место в Кронштадте, а то ведь до этого момента оставалось почти полгода: почему же бы не съездить на родину? А если и нет, то где же провел он эти 5 месяцев?

По всем биографам следует, что он женился — по окончании курса обвенчался. Сразу ли? или это слово «по окончании» могло растянуться на несколько месяцев? Во всяком случае, он должен был жениться до начала Рождественского (Филипповского) поста (14 ноября): где же и как он провел этот последний месяц до священства? Все это не только любопытно, но и связано с вопросом о его безбрачном браке...

К сожалению, не имею совершенно никаких данных к какому бы то ни было предположению. Единственно лишь могу думать, что студент Сергиев сделал предложение невесте еще до окончания курса; и уже потом, — может быть, осенью — обвенчался... Если так, то в свободные каникулы он жил дома, в Суре, с матерью и сестрами. А потом? Потом, когда окончательно выяснился вопрос о приходе в Кронштадте, оставил ли он мать дома и поехал женится перед Филипповками? Но почему же он не получал прихода еще месяц или два? Есть определенные сведения, что после смерти протоиерея Константина Несвитского, служившего в том же Андреевском соборе, этот приход был оставлен за его дочерью Елизаветой.

«Чтобы получить место в Андреевском соборе, — пишет один из ранних биографов его, — о. Иоанн должен был жениться, по давно уже уста-

новленному обычаю, на дочери протоиерея того же Кронштадтского собора, на место которого он поступил. Затем уже он получил место и сан священника».

Так нередко (и это совсем не плохо, по-христиански) делалось в добрые старые времена, чтобы поддержать осиротевшую семью, иногда немалочисленную. В таких случаях не только родные, но и само епархиальное начальство искало желающего занять приход кандидата. И тогда он (в данном примере — студент Сергиев) мог, женившись, жить в новой семье...

А известно, что у Елизаветы была другая сестра, которая потом вышла за петербургского священника. Но в таком случае: почему же почти полгода не рукополагали Сергиева и не предоставляли ему прихода, если именно здесь был о. Несвитский?

Не имея ответов на эти вопросы, ставлю их для будущего историка или биографа...

Сотрудница отца Иоанна игумения Таисия

Уже не раз в повествовании о жизни о. Иоанна встречалось нам это имя. И не мимоходом, так как она была более 35 лет знакома с Кронштадтским светильником. И не тем лишь она осталась памятна, что много заботилась о нем лично; но еще более — тем, что содействовала ему в устройстве женских обителей: Сурской, Иоанновской, Воронцовской; исполняла и иные поручения о. Иоанна.

Как-то я упомянул, что возле о. Иоанна за всю его жизнь мы не видим каких-либо особенно близких людей, несмотря на то, что он жил в миру, постоянно окруженный людьми. Около преподобного Серафима были — Мантуров, Мотовилов, о. Садовский, семья Мелюковых с 19-летней схимницей Марфой во главе и другие. А около Кронштадтского мы не видим постоянных приближенных лиц. Ему все были близки, и никто — особенно. Он и в миру был точно монах в душе: Бог и он — вот с Кем существовала близость; а прочие все были — в стороне, хотя и были близки к сердцу его.

И уж если можно было выдвинуть кого из общей среды, то это вот именно игумению Таисию. Да и та — относительно, по временам. А потом опять он один с Богом — для всех «общий Батюшка».

Скажем несколько слов о ней, — по написанной ею самою автобиографии, на что она была благословлена о. Иоанном: прочитав ее записки, он подписал внизу: «Печатайте в общее назидание». (21 августа 1892.)

«Родители мои происходили из древних дворянских родов: отец из Новгородской губернии Боровичского уезда, а мать, москвичка, из рода Пушкиных». У матери ее было двое детей прежде нее, и оба умерли в младенчестве; она просила Божию Матерь дать ей утешение в новом дитяти, и вот родилась — «дочь, которую я, — рассказывала потом мать, — из чувства благодарности к Ней назвала Ее именем — Мария. Эта Мария и сде-

лалась потом игуменией Таисией. После нее родился еще ребенок — Николай, — и тот умер на первом же году жизни.

Десяти лет девочка была помещена в Павловский женский институт в Петербурге. Когда она была еще во втором классе и лежала в госпитале института больная корью, ей в ночь под Светлую Пасху было видение:

«Среди ночи я была разбужена слышанием какого-то шороха. Открываю глаза и в удивлении вижу совершенно ясно и очевидно, среди полнейшей ночной тишины, какое-то существо солнцеобразно-светлое, крылатое, летающее под потолком и повторяющее человеческим голосом слова: «Христос Воскресе! Христос Воскресе!» Какого вида было это существо, я не могу сказать ничего, кроме виденной как бы детской головки между двумя крылышками. О, какую неземную радость почувствовала и моя детская душа. ...Я села на своей постельке и так внимала летающему, точно бы он именно ко мне прилетел, меня и приветствовал. Долго ли продолжалось это мое наслаждение, я не могу сказать; но оно было прервано подошедшей ко мне дежурной горничной, которая, заметив, что я сижу, поспешила уложить меня. Я снова уснула под впечатлением сладкого чувства, но с ним же опять и пробудилась на утро, причем мне вспомнилось все виденное и слышанное.

Затем я выздоровела и по-прежнему начала заниматься... Но в глубине моего сердца словно таилась какая-то затеплившаяся искорка».

В том же году в Успенском посту Мария видела, после Причащения Св. Таин, в ночь на 16 августа «чудное видение, положившее решительный и окончательный переворот на всю жизнь» ее.

«Виделось мне, что я стою в поле, покрытом зеленою травою, стою на коленях и молюсь Богу... Вдруг я стала подыматься от земли, нимало не изменяя своего положения... Наконец, высоко-высоко поднявшись, остановилась. Тут я увидела себя в каком-то ином мире, как мне думалось, на небе. Неизъяснимо сладкое чувство наполнило мою душу. Там было так светло, чудно хорошо, что я не берусь и не в силах описать». Далее излагается видение, действительно необычайное.

«Почти совсем передо мною я видела бесчисленное множество людей, стоявших длинными рядами, в несколько рядов, так что и конца не было этим рядам. Все они были по форме своих тел одинаковы; только не таковы были эти тела, как наши — земные, грубые, а — тонкие, прозрачные, как бы из облака вылитые; и настолько прозрачные, что сквозь каждого (человека) можно было видеть стоявшего позади его. И так — до конца этих бесчисленных рядов. Только цвет, или оттенок, этих сквозных тел был не одинаков: иные желтоватее, иные краснее, голубее, белее, и так далее; только все сквозны, легки и прозрачны». Когда, впоследствии «меня однажды спросили, в одежде ли они были, или без нее, я определить не берусь... Скажу только, что если и в одежде, то, значит, и одежда была сквозная; потому что я хорошо видела самые задние ряды сквозь передние, ни малейшей дебелости, или вещественности.

Все эти святые стояли как бы в два лика. Все они пели: то попеременно, то все вместе. И когда они начинали петь, то изо рта каждого из них

выдыхалась как бы струя какого-то аромата, наподобие того, как выходит фимиам из кадильниц... Что именно они пели, я не знаю; только так хорошо, что я не могу и высказать...

Я беспрепятственно смотрела вдаль (между рядами). Я думала, что, вероятно, там самый Престол Бога. В эту минуту, как только я это помыслила, вижу, что ко мне приближается один из святых и отвечает прямо на мою мысль:

— Ты хочешь видеть Господа, — для этого не требуется идти никуда, ни в то дальнее пространство: Господь здесь везде, Он всегда с нами и подле тебя!

Пока он говорил мне это, я подумала: «Кто это такой, и почему и как узнал мои мысли, не вполне ясные и для меня самой?» И это не укрылось от него... Он продолжал, как бы в ответ, на мою последнюю мысль:

— Я — евангелист Матфей!

Не успел он окончить эти слова, как я увидела подле себя, по правую сторону, обращенного ко мне лицом — Спасителя нашего Иисуса Христа!

Страшно мне начать изображать подобие Его Божественного вида. Знаю, что ничто, никакое слово не может выразить сего; боюсь, чтобы немощное слово не умалило Великого. Не только описать, но и вспомнить не могу без особенного чувства умиления, без трепета, этого Божественного величественного вида Сладчайшего Господа. Десятки лет миновали со дня видения, но оно живо и неизгладимо хранится в душе моей!.. Все тело было как бы из солнца или — сказать наоборот — самое солнце в форме человеческого тела. Сзади, через левое плечо, перекидывалась пурпуровая мантия или пелена, наподобие того как изображается на иконах; только мантия эта была не вещественная... а как бы из пурпуровой огненной зари... Спускаясь наперед через левое плечо, она покрывала собою левую половину груди, весь стан и, наискось спускаясь по ножкам, покрывала их немного ниже колен и взвивалась по правую сторону, как бы колеблемая воздухом в воздушном пространстве, среди коего и стоял Господь! Правая рука, как и правая сторона груди, были не покрыты мантией, и оставались, как и ножки, солнцеобразными. Стопы совершенно как человеческие, носили следы язв, ясно видимых посреди солнцеобразной стопы. Рука правая была опущена, и на ней виднелась такая же язва, левая рука была поднята, и, как мне помнится, Он ею опирался или держал большой деревянный крест, который единственно был из земного вещества, то есть из дерева. Глава Его, то есть лик, окаймлялся волосами, спускавшимися на плечи; но то были как бы лучи или нечто подобное, устремленное книзу и колеблемое тихим легким веянием воздуха. Черты лика я не разглядела; а и возможно ли было это при таком сильном ослепительном сиянии? Помню только очи Его чудно-голубые; они так милостиво, с такою любовию устремлены были на меня... Я вся как-то исчезла в избытке сладостного восторга и благоговения... Любовь, бесконечная святая любовь объяла все мое существо. Не знаю, долго ли я наслаждалась этим пресладким лицезрением Господа; но наконец бросилась Ему в ноги и простерла руки, чтобы обнять их и облобызать Его,

но Он не допустил меня прикоснуться к Его стопам. Он простер Свою десницу, бывшую опущенною, и, дотронувшись до темени моей головы сказал: «Еще не время».

От этого чудного прикосновения, от этого пресладкого гласа я совершенно исчезла. И если бы в ту же минуту не пробудилась, то, думаю, душа моя не осталась бы во мне. Я пробудилась... Вся подушка и вся грудь моя были смочены слезами... Я села на своей койке и мало-помалу начала сознавать, что была не в здешнем мире...»

После она рассказала духовнику. Он поцеловал ее в голову и сказал:

— Это — твое призвание. Храни эту тайну; а Господь Сам довершит Свое дело.

После этого мне стало как-то легче общаться с людьми; но переворот был уже сделан на всю жизнь».

Опускаю далее трудности, какие она встретила на пути своем к Богу со стороны матери, очень любившей дочь и хотевшей видеть ее замужем; встречи Марии с выдающимися старцами монастырскими, которые поддерживали юную подвижницу на пути к монашеству и убеждали ее мать отпустить дочь в монастырь. Но наконец, после многих слез, страданий, молитв, борьбы, столкновений, Мария была отпущена и благословлена матерью на монашеское житие. Она поступила сначала в Тихвинский женский монастырь. Потом была в других. Видела еще во сне святителя Николая, а также и знаменитого подвижника Валаама игумена Дамаскина, у которого она бывала при его жизни... Они оба утешали ее в монашеских скорбях и убеждали крепиться.

А на 40-м году своей жизни (родилась в 1841), в феврале 1881 года она была назначена начальницей Леушинской женской общины... Обитель эта была расстроена, новой игумении велено было митрополитом Исидором восстановить там порядок. Но это оказалось очень трудно. Много скорбей и борьбы выдержала Мария, в постриге названная Таисией. Приходила не раз в уныние, и однажды она хотела совсем уехать из обители. Но снова увидела во сне утешителей: икону Божией Матери Скоропослушницы, у ног Которой лежала живая глава Иоанна Предтечи.

«Вдруг Царица Небесная обратилась ко мне и говорит: «Чего вы все смущаетесь, и ты чего боишься?» И с этими словами Она подняла Свою правую ручку и, ею указывая на главу Предтечи, прибавила: «Мы с ним всегда храним свою обитель. Не бойся; больше веруй!»

Обитель же посвящена была св. Иоанну Предтече. Игумения укрепилась. И хотя она и после претерпевала множество скорбей, но все же монастырь был восстановлен, и порядки монашеские утверждены... После она получила чудесное и быстрое, не ожидаемое докторами, исцеление от Архистратига Михаила (1883): ноги ее, два месяца не двигавшиеся, мгновенно, после видения во сне иконы Архангела, выздоровели.

Видела мать Таисия и еще одно видение. 8 ноября 1885года, после первого пострига одной монахини в Леушинской обители, игумения пошла сама на клирос и стала управлять хором. Первое ее послушание было клиросное.

«Запели Херувимскую песнь. Сердце мое трепетало радостию. Но я сдерживалась и продолжала регентовать, чтоб и не выдать себя, и не нарушить внимания других. Запели «Всякое ныне житейское», я намеренно подняла глаза кверху и увидела то, чего не только описать, но и вообразить последовательно не могу.

Увидела, будто бы и наверху храма, над солеей, вверху пред Царскими вратами — совершается тоже священнодействие: как бы идет Спаситель, окруженный ангелами; что-то совершается, но что и как, я решительно не могу передать, хотя видела и слышала что-то, но необычное.

Я при начале видения чувствовала себя как бы исступившею из обычного состояния. Как допели Херувимскую, как совершился великий вход, я ничего не видела и не понимала; как передался камертон из моих рук в руки регентши, я тоже не знаю и не помню. Пришла я в себя, когда пели прошения ектении пред Символом Веры. Слезы катились по всему лицу. Тут я заметила, что все на меня смотрят в недоумении, как бы в страхе: вероятно, они, то есть певчие, подумали, что мне дурно стало; потому что стали спрашивать, что со мной, что я вся изменилась в лице, и предлагали сесть. Чтобы скрыть свою тайну, я подтвердила их мысль и села, чтобы и действительно прийти в себя. Что было со мной и что виделось мне, вполне и сама не могу выяснить».

Были и еще иные видения у игумении Таисии.

Я бы и не останавливался так подробно на описании событий из жизни ее; но сам о. Иоанн необычайно восторженно отозвался об этих записках, прочитав их: «Дивно, прекрасно, божественно! Печатайте в общее назидание. Прот. И.С. Авг. 21.1892».

Вот с этою рабою Божией он и был знаком много лет и пользовался ее сотрудничеством. Еще в письме к ней из скита Ваулова от 9 июля 1907года о.Иоанн писал ей в Леушинский монастырь:

«Я знаю тебя вот уже около 35 лет. За все это время любовь твоя о Христе изливалась постоянно чистою струей — неоскудно везде и во всяких видах: то в приготовлении прекрасных риз, то митр, то тонкого белья, то разных книг душеспасительных; а главное — помогала мне в устроении всех моих обителей; да и не перечислишь всего. Но особенно ты утешала меня своею беззаветною преданностью Христу Спасителю, словесное стадо Которого (инокинь) ты собрала и пасла, и пасешь доселе на пажити спасительной; за что дай Бог тебе и всем им — добрым послушницам — Царство Небесное».

Тридцать пять лет; следовательно, с первого знакомства м. Таисии и до смерти его, в следующем 1908 году в декабре, прошло 36–37 лет. Значит, в начале знакомства их ей был еще 31 год, а ему — 43. Он тогда был еще молодым священником; и однако же молодая монахиня узрела в нем великого пастыря и служила ему до кончины.

Отец Иоанн чтил ее как угодницу Божию. Довольно послушать лишь, какими именами он титуловал ее в письмах своих. Напишу несколько обращений: «Раба Божия и Сестра моя возлюбленная о Господе, Таисия» (1890). «Ваше Высокопреподобие, Многоуважаемая Матушка Игумения

Таисия»; «Дорогая о Господе и возлюбленная Сестра и Мать Таисия»; «Честнейшая возлюбленная в Господе». Просто: «Матушка Игумения Таисия»; «Досточтимая М. Т.»; «Добрейшая...»; «Возлюбленная во Христе и благоговейная М. Т.»; «Матушка Таисия сердечная»; «Неоцененная М. Т.»; «Достопочтенная дочь моя и духовная сестра о Господе, Таисия»; «Многочтимая и многолюбимая М. Т.»; «Друг мой во Христе и сестра моя, Матушка Таисия» (1897); «Матушка и дщерь моя духовная, Таисия»; «Многотрудная и многострадальная Сестра о Господе, Таисия»; «Сердечночтимая...»; «Родная моя М. Т.»; «Дорогая Матушка, многозаботливая, многотрудная, многоболезненная»; «Добрая моя М. Т.»; «Пречестная М. Т.»; «Дорогая о Господе матушка и сестра, Богопризванная Игумения Т.»; «Друг сердца моего в Господе...»; «Сердечная моя и предорогая о Господе, сестра Т.». Или кратко: «Христос с нами!», «любящая матушка Т.», «Дорогая, родная душе моей...»; «Милостивая и щедрая о Господе...»; «Боголюбезная»; или «Боголюбивая и Боголюбезная...»; «Многочтимая по достоянию и справедливости...»; «Дорогая, сердечная и сердечнолюбимая о Господе...»; «Дорогая, неоцененная Матушка Игумения Таисия, красное солнышко»; «Старица Божия Таисия» (1906). И последнее из напечатанных писем озаглавливается так: «Достопочтенная о Господе и благодатная Мать Игумения Таисия...»

Не менее характерно, и дорого, и важно для самого Батюшки, как он подписывался под этими письмами. Выберу сейчас, — не поскуплюсь на это, — несколько примеров.

«Твой покорный слуга и смиренный молитвенник Протоиерей Иоанн Сергиев. Кронштадт. 13 дек. 1890». Просто: «Протоиерей Иоанн Сергиев»; «Ваш богомолец... смиренный Протоиерей»; «Твой друг и отец Протоиерей»; «Ваш слуга»; «Твой послушник и богомолец Кронштадтский Протоиерей» (1897); «Твой духовный, недостойный отец». Или кратко, но ясно: «Иоанн Кронштадтский». Таким именем подписано им письмо уже от 27 октября 1897года; тогда ему шел уже 68-й год. «Твой почитатель»; «Твой духовный отец и сын и брат о Господе, Протоиерей... Иоанн, Протоиерей Кронштадтский». Чаще всего: «Протоиерей Иоанн Сергиев»; «Твой духовный отец и вместе послушник». Однажды так: «Иоанн грешный»; «Твой сын»; «Твой слуга и смиренный богомолитвенник, преданный». Или: «Недостойный раб Бога моего, протоиерей Иоанн Сергиев» (1903); «Ваш старый знакомый сомолитвенник Протоиерей Иоанн Сергиев» (4 июня 1908); «Есмь ваш смиренный почитатель и молитвенник, Протоиерей Иоанн Сергиев убогий, старый» (от 16 июля 1906года, ему тогда было без малого уже 77 лет). И последнее из напечатанных иг. Таисиею писем подписано им тоже совсем просто, как огромное большинство его писем: «Протоиерей Иоанн Сергиев. 20 августа 1908 года».

Из одних этих приветствий можно видеть, как высоко смотрел о. Иоанн на эту его сотрудницу в монастырских делах и вообще его духовную знакомую-дочь, сестру и мать. Если сказать кратко, то он почитал ее как благодатную, богоугодную монахиню, святую, говоря словами апостола Павла, христианку (см.: 2 Кор.13, 12; Флп.4, 21 и др.); или, как говорят наши

православные, «угодницу Божию». Следовательно, она и была таковою действительно, если Батюшка почитал ее «благодатною».

Она и помогала о. Иоанну в устройстве женских монастырей. Вот как пишет кратко об этом она сама:

«Господь привел мне послужить приснопамятному Пастырю, моему отцу и другу (как он сам нередко — и лично, и в письмах — называл себя), в начальном устройстве всех его монастырей, как-то: Сурского — в Архангельской епархии на месте его родины; Воронцовского Благовещенского — в Псковской епархии; и в Петербурге — Иоанновского монастыря, предназначавшегося сперва для подворья Сурского монастыря, а уже после обращенного в самостоятельный монастырь. Упоминаю об этом, — пишет м. Таисия в предисловии к изданию писем о. Иоанна, — для уяснения некоторых из писем Батюшки ко мне, касающихся этих монастырей, особенно присылки девиц, принятых им в Сурский монастырь, коих он и присылал ко мне для начального обучения иноческой жизни вообще и для ознакомления их с необходимыми в монастыре «послушаниями», то есть должностями, особенно церковного пения, чтения и др. Думаю, что из большинства писем читатели извлекут немало пользы и утешения, восстановив в своей памяти, как живую, речь общего утешителя, ибо каждое письмо дышит духом простоты, любви, кротости и духовного единения во Христе Иисусе».

Это совершенно верно. Но мне не менее важным кажется и другое свойство всяких писем вообще: в них вырисовывается и чувствуется душа говорящего несравненно ярче, живее, осязательнее, так сказать, чем всякие рассуждения и даже дела и события; в письмах точно слышишь и видишь их автора воочию. И даже самые маленькие подробности, отдельные мысли, слова и самый тон выражений — все это как на картине рисует нам о. Иоанна, именно как живого.

Поэтому я весьма ценю его письма к м. Таисии. Тем более, что в архивах знавших его людей почти не осталось других писем, кроме этих.

И совершенно верно пишет в предисловии м. Таисия следующее:

«Многие из знающих о переписке моей с досточтимым, ныне в Бозе почившим (пишется это в 1908 году) отцом протоиереем Иоанном Кронштадтским, обращались ко мне с просьбою дать им его письма ко мне, хотя бы для прочтения. Усматривая в этом не простое лишь любопытство просителей, а — более то, что для них, как для почитателей незабвенного Пастыря, дорога каждая строка, каждое слово его, я решилась предложить их в печати на утешение и пользу желающим; из 182 писем, — лишь с весьма малыми пропусками...» Очень жаль, что не напечатаны все письма к ней...

Считая подлинные письма о. Иоанна исключительно важными для характеристики его, я выпишу из них наиболее ценное, колоритное, сильное. Не буду придерживаться решительно никакой системы в расположении материала, зная, что систематизация его иногда не только не приносит пользы, а даже мешает жизненности и красочности живой личности; наоборот, отдельные факты, высказанные мысли, яркие слова дают постепенно такую

мозаику души человека, что он делается для нас почти осязаемым... Титулы и подписи буду опускать... Выписки буду отделять знаками «‡».

‡

«Мир тебе от Господа нашего Иисуса Христа. Велика вера твоя и дерзновение твое ко Господу, велико и доверие твое ко мне, недостойному. Уповаю, что Господь по вере твоей дарует тебе обоюдное исцеление, как и мне ежедневно и непрестанно подает по вере моей и покаянию моему. Вера твоя спасе тя: иди в мире. (13 дек. 1890 г.)... Кончик листочка пропитался елеем, не знаю откуда. Да будет это знаком милости к тебе и ко мне Божией».

Примечание. Письмо это было ответом на мое краткое, но полное веры письмо к Батюшке. Привожу его дословно:

«Святче Божий и Избранниче Христов!

Тебе дадеся благодать молитися за ны. Сотвори убо молитву и о мне, недостойной труженице: «от многих бо моих грехов немощствует тело, немощствует и душа моя». Верую молитвами твоими получить исцеление обоюдное: «Много бо может молитва праведника». И. Т.».

‡

«Приветствую тебя с освящением новоустроенного храма в нашей обители (разумеется храм в Леушинском монастыре, Череповецкого уезда, Новгородской епархии. — *М. В.*); и вместе благодарю за радушный прием. Благодарю Господа, расположившего ко мне ваши сердца столь искренно. Да возрастит в нас Господь взаимную любовь. Прошу принять от меня в пользу обители прилагаемые при сем триста рублей и вспомнить меня когда-либо в своих молитвах богоугодных. Божиею милостию здравствую и духовно труждаюся в молитвах и в служении нуждам ближних, духовным и материальным. Кланяюсь тебе и всем сестрам» (подпись).

Примечание. Прием о. Иоанна был при первом посещении им обители в 1891году 16 июля. А освящение собора готовилось 8 сентября того же года. — *И. Т.*

‡

«Письмо твое дорогое — или, вернее, письма твои я получил, хотя и не отвечал тебе пером и чернилами, по причине, тебе известной, т.е. постоянных разъездов и молитв... Теперь, по просьбе твоей сел и пишу.

Бог с тобой! С праздником Светлого Христова Воскресения! О радость! О торжество! И ангелы поют на небесах; и нас сподоби, Господи, чистым сердцем Тебя славити... Желаю радоваться всем существом всем сестрам и братии — иереям, и диаконам, и стражам... Желаю процветания обители твоей, внутреннего и внешнего, духовного и хозяйственного. Коли жив буду, не забуду» (Пасха 1893).

‡

«Поздравляю с наступающим великим праздником Рождества по плоти Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа!

Как твое здоровье? Каково состояние души твоей, многопопечительной и многотрудной? Что моя племянница Анюта? Преуспевает ли в учении? Усердно ли молится? Это главное. Не скучает ли? Что сестры твоей обители? Всем вам дай Бог здравие, мир, тишину, благочестие и страх Божий и преуспеяние духовное.

Матушка Таисия! Студент академии П-в мне не нравится с его заносчивыми светскими претензиями, чтобы невеста его играла на фортепиано и едва ли не танцевала! Я думал о нем, судя по его отцу, что и он человек благочестивый, как и подобает юноше, готовящемуся принять священный сан, быть пастырем душ человеческих. А с такими взглядами человека я не пожелал бы иметь для моей дорогой Анюты. Я полагаю избрать Анюте жениха из семинаристов, окончивших курс, с более скромными требованиями. Да устроит все Господь, если Ему угодно, чтобы племянница моя была подругою пастыря — служителя алтаря Господня». 16 декабря 1893 г.

✣

«Прошу тебя, свези сама Анюту на дачу к О., и дня на два — на три можно оставить там погостить, если попросит. Я еду на родину после 17 мая, возьму с собой и Анюту; не столько для гостьбы там, сколько на благословение матери на вступление в брак: это — дело великое!..

Исполни и благослови, Господи, вся хотения Твоя; да совершится все по святой Твоей воле». 1894.

Примечание. Я не делаю никаких пояснений или подчеркиваний разных мыслей о. Иоанна; например здесь о великости брака. Сам читатель пусть видит. — *М. В.*

Немало писем с просьбами принять в монастырь девушек. Опускаю их.

Снова спрашивает о своей племяннице: благочестива ли? послушна ли?

✣

«С новым годом благости Господней поздравляю тебя и всех сестер твоей обители... Да продлит Жизнодавец твои дни на совершенное благоустроение вверенной твоему духовному и хозяйственному руководству обители. Посылаю тебе для нового года лепту от щедрот Господа, являющего над нами всегда Свои милости и ежечасно чудный Свой Божественный Промысл на всех путях. Кланяюсь всем вам и призываю на всех вас благословение Божие: да хранит и соблюдает оно вас от начала Новолетия и до конца его и до скончания века! Аминь». 2 января 1895 г.

✣

«Получил я письмо твое, в коем ты спрашиваешь меня о состоянии моего здоровья; и между прочим высказываешь, что путем этой физической болезни я могу, хотя несколько, отдохнуть духом от натиска людей с

их мелочами. Скажу тебе на это: болезнь моя настолько трудна, что доставляет мне одно сплошное, постоянное, тяжкое страдание, вызывающее нередко даже стоны. Я не имел покоя дней восемь и даже читать не мог. За книги, присланные мне (Минеи месячные малого формата) благодарю. Но я читаю теперь, кроме Св. Евангелия, творения Василия Великого. Писать я совсем не мог и никому не писал. Теперь начинаю понемногу; вот пишу и тебе.

1) Радуясь, что живее ощущаешь в сердце Бога и получаешь от Него осияние души твоей, омраченной житейскими заботами, печалями и скорбями...

2) По второму пункту правду говоришь ты и благодари Бога за крест. Не унывай от того, что не творишь или не исполняешь молитвенного правила. Труды твои вместо правила Господь вменит тебе; но без молитвенного правила памятуй всегда Бога и имей дух сокрушенный и сердце смиренное, моля о прощении грехов и о даровании сердца чистого и духа правого. Самомнение — в сторону! Говори: «раба неключима есмь; яко еже должна бых сотворити — сотворих».

3) Твои духовные литературные занятия не только не греховны, но и полезны, лишь бы они не отвлекали тебя от важнейших дел, от «единого на потребу». Помни, что надо твердо обосновываться во всех своих произведениях на Св. Писании и Св. Предании.

4) Враг несомненно коварствует над тобою, как и над всеми нами во время молитвы; но противься ему, и убежит. «Непрестанно молитеся», — говорит Апостол. «Молитеся и не стужайте си», — говорит Спаситель.

5) Где видишь зло, особенно — угрожающее всему обществу, непременно обличай и говори. Если сама бессильна, скажи сильным. Зло везде и всегда надо искоренять, а добро насаждать.

Эту неделю едва ли выйду для служения: нога еще болит — забинтована. Хотелось бы и самому послужить, причаститься. Вторую неделю — без Хлеба Жизни и Чаши спасения. Исповедывать и причащать народ на этой неделе не буду». 7 марта 1895 г.

✣

«С праздником тебя Рождества нашего Спасителя и Богоявления, а затем и Новым Годом приветствую тебя от всего сердца. Сегодня на третий день праздника служил на вашем подворье по приезде из Москвы. (Леушинское подворье в Петербурге на Бассейной улице выстроено было тою же игуменией Таисией. И там о. Иоанн часто служил для жителей Петербурга. — *М. В.*) Прощай, дорогая. Писать больше некогда: спешу к больным». 27 декабря 1896 г.

✣

«Прошу извинить, что не скоро отвечаю на твое письмо. Я так занят, в таком коловороте жизни нахожусь, что кажется, едва ли имею свободу дышать. И за то — слава Богу! Но писать письма я почти совсем разучился; почти завидую тем, кто имеет время писать: это — любовь о Христе и

действительно она в тебе есть; это — «живая вода», приводящая и твое сердце, и твою руку в движение. А у меня, хотя и есть эта живая вода в сердце, но она разливается по многим, многим вместилищам (чтобы не сказать много лишнего и себя не обмануть!). Итак, прости, матушка... Ценю, высоко ценю твои чувства духовной ко мне дружбы, преданности и доверия. Да будут они и тебе и мне во спасение. Кладу перо и заочно христосуюсь». Кронштадт. 20 апреля 1897 г.

✣

«Письмо твое получил и скорбь твою вижу; сочувствую тебе и соскорблю; но «ведь многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие». Благодарю тебя и еще за твое ко мне расположение и святые чувства. Да воздаст тебе Господь тем же. Бог благословит — опять увидимся, соутешимся взаимною беседою и общею верою и молитвою. Не унывай же: «до конца претерпевый спасен будет». Терпи же и за все благодари Господа». 15 августа 1897 г.

✣

«Письмо твое получил уже с неделю, но ответить доселе не мог за суетливостью моей жизни и разъездами.

Касательно вериг, о которых спрашивает меня твоя монахиня (через тебя), я совершенно с тобой согласен; и не благословляю носить их до времени, когда, может быть, Сам Господь укажет это ей чрез когонибудь, когда усмотрит ее готовою: много потребно условий для ношения вериг; а главное — потребно глубочайшее смирение. А достигла ли она его? Послушание, бдение, молитва, хранение от помыслов — вот вериги монахинь нынешнего времени... Писать теперь более некогда. Прощай, дорогая! Сестрам всем и тебе благословение и поклон от души». 4 ноября 1897 г.

✣

«...Вспоминаю тебя часто с любовию и благодарностию за всю твою доброту и за дорогие твои письма, дышащие сердечностью... Божиею милостию я здоров и тебе молю у Господа здоровья, столь нужного тебе, труженице, для пользы многих». 12 ноября 1897 г.

✣

«Надеясь на твою искреннюю ко мне преданность, ради коей ты никогда ни в чем мне не отказывала, я решаюсь обратиться к тебе с просьбою». Затем о. Иоанн описывает, что к нему прибыли две сестры помещицы из Псковской губернии и «предлагают свою усадьбу всю со всеми ее угодьями... для устройства женской обители». «Я отказывался, говоря словами апостолов: «Не угодно есть нам, оставльше слово Божие, служити трапезами». Но с другой стороны, думаю: если та местность нуждается в религиозном просвещении, каковыми всегда служат обители; то не погрешить бы пред Богом отказом?» И о. Иоанн просит и. Таисию съездить

на это место обследовать все. Та поехала. И скоро там выросла Воронцовская Благовещенская обитель, в Холмском уезде, организованная матушкой Таисией (1897).

‡

«...На днях был на вашем подворье. Сестры твои вручили мне 100 рублей, данные кем-то в пользу новоустрояющейся Псковской Воронцовской общины. Я прибавляю к этой сумме еще 1000 рублей от себя и посылаю их тебе на необходимые потребности по устройству этой новой общины. Дай Бог тебе положить доброе начало постройкам, там возводимым... Молю за тебя Господа, да продлит Он твою жизнь для устроения всех многоразличных и многополезных дел, которые Сам Он тебе поручает... И только тогда, когда он (плод) созреет, тогда только «послет серп, яко наста жатва», а не раньше пожнет нас Господь, пока и... сами мы, совершив волю Его, созреем для житницы Христовой, как пшеница зрелая» 30 декабря 1897г.

‡

«О Господе радуйся со всеми сестрами твоими! Божиею милостию я почти поправился: персты мои зажили и кожа на них выросла почти вновь на среднем и указательном. После тяжелых болячек как-то и все тело обновилось. Но еще есть опухоль на лице, не дозволяющая еще выходить на улицу.

Как-то твое дорогое здоровье и твоих подвижниц-сестер? Трудитесь, труженицы, в надежде вечного воздаяния от Господа и не унывайте... Не скорби, труженица: велико будет твое воздаяние...

Благодарю тебя, дивная Таисия, как мать, сестру и друга, за все твое душевное ради Господа ко мне расположение и послушание. Господь между нами — как связующее нас звено, служащих славе святого имени Его; Он и воздаст всем нам по делом нашим». 15 марта 1898г.

‡

«...В воскресенье 28 марта я имел честь сослужить Владыке Митрополиту Антонию в Гаванской церкви... В.К. Саблер сообщил мне известие о ходатайстве Св. Синода... о награждении меня митрою. Вот как Господь поощряет меня, недостойного, в служении Богу и людям! Благодарю Господа Милостивого, возглаголавшего о мне благо в сердца членов Синода. Знаю, что и твоя доброжелательная ко всем душа посочувствует мне в этой милости Божией». 28 марта 1899 г.

Примечание. Тогда о. Иоанну шел уже 70-й год и 44-й год священства. — *М.В.*

‡

«Слышал я, что ты хвораешь; и беспокоился о тебе, и смущался, и молился, да исцелит Господь всякую немощь твою, да утолит скорбь... Не забывай, дорогая, истины, которую изрек Господь: «Хотящии благочестно

жити в веце сем — гоними будут». Враг гонит благочестивых чрез ближайших к нам и сослужащих с нами». 1 апреля 1899 г.

‡

«Письмо твое я получил, прочел и сейчас же отвечаю... Митры я еще не получил; вероятно, ее дадут к коронации. За все — благодарение Господу... Устав, составленный тобою, я прочитал и кое-где поправил в выражениях. Устав носит отпечаток твоего недюжинного ума, благочестия и опытности духовной». 23 апреля 1899 г.

‡

Следующее письмо говорит о поездке о. Иоанна с м. Таисией в Суру по делу устройства там женской обители. Об этом нами уже написано было в другом месте.

Несколько писем говорят о служении о. Иоанна в Леушинском подворье, куда он приезжал обычно после поездок в Москву и другие места:

«Все сестры причастились Св. животворящих Христовых Таин». 5 августа 1899 г.

‡

«Верная раба Божия и Пресвятой Владычицы, неусыпная труженица на пользу обителей! С праздниками имею честь поздравить тебя и всех сестер! Едва собрался я писать тебе: так трудно выбрать время при моих постоянных разъездах! Недавно я ездил в Харьковскую губернию и далее за Харьков верст 600, а по возвращении оттуда опять ездил в Рязанскую губернию».

«...Ты пишешь, что находишься под гнетом уныния. Это — нападение врага, завидующего венцу твоему, который он предвидит на тебе. Да кроме того, тут и известная болезнь твоя — болезнь сердца играет немаловажную роль. Терпи, многострадальная подвижница, мученица Христова.

Сестер твоего подворья не забываю, но навещаю, хотя и не часто... раз дал слово служить в Адмиралтейском соборе у Спиридония вместе с митрополитом; в другой раз... должен был служить в Царском Селе...

В бытность мою в Харькове — купец Рыжов обещал мне в Суру целый звон колоколов. Спасибо ему! ...Спасибо тебе, Матушка: вот и для Сурского Подворья (в Петербурге, на Карповке, которое потом преобразовалось в Иоанновский монастырь. — *М.В.*) — твой же начин: ты познакомила меня с Раменским и расположила его подарить мне это место для подворья. Спасибо тебе и за обучение сурских послушниц.

Твое предчувствие меня утешает — то есть касательно Сурской общины. Благослови Господи совершить святое и многообещающее дело во славу Божию! Женская обитель нужна в Пинежском уезде. Она будет для многих спасительным пристанищем ... Тороплюсь окончить письмо — надо идти к утрени в собор». 28 декабря 1899 г.

Примечание. Мать Таисия основала или устраивала следующие 7 обителей: свою Леушинскую в Новгородской епархии, Леушинское Подворье в

Петербурге Воронцовскую общину в Псковской епархии, Сурскую на родине о. Иоанна, Вауловский скит в Ярославской епархии, Иоанновскую в Петербурге, и Ферапонтову обитель в Белозерских краях Новгородской епархии, которая (обитель) была закрыта в 1796 году и восстановлена вполне в 1903 году. Действительно, м. Таисия была устроительницей женских обителей. — *М. В.*

‡

«О Господе — радоватися и печаль всю одолжить ради Его же желаю! Письмо твое, письмо полное духовной сердечности, я получил и прочитал. Благодарю тебя за каждую дорогую строку и за все напоминания и указания, необходимые в начинающемся деле (Сурской общины. — *М. В*).

Не беспокойся, дорогая матушка, и не думай, чтобы я мог измениться в моем к тебе доверии, в чувствах уважения, признательности и любви о Господе. И как бы это могло быть? Ты непрестанно всеми своими делами, глубоко почтенными и полезными, заставляешь меня чтить и любить тебя... Верю твоей опытности; что ты делала и делаешь, одобряю и я; и само дело говорит за себя. Опыт доказывает все.

Желаю тебе радоваться духом о Господе, ибо воздаяние тебе — велико». 2 января 1900 г.

‡

Несколько раз он повторяет о совершении литургий на Леушинском подворье и о множестве причащающихся. Об этом я выписывал в другом месте. Но и здесь еще выпишу.

«Народу была полная церковь; давка во время причастия — невообразимая». 8 января 1900 г.

Служил он и 24 января, и 23 марта, и 18 апреля.

‡

Отец Иоанн пишет прибывшим в Суру монахиням, во главе с игуменией Таисией и «новонареченной матушкой Варварою Сурской»:

«Радуйтеся! Поздравляю вас [шлю вам поздравления] на Суру, на место, где указал Господь и Пресвятая Богородица быть обители святой. Сегодня, бывши в Питере и у г. Печаткиной, по ее приглашению помолиться о ней Господу, я получил от нее на Сурскую общину 1000 рублей, которую при сем препровождаю...» Св. Троица, 28 мая 1900 г.

Примечание. Письмо это получено мною уже в Суре, куда мы приехали раньше приезда Батюшки со всеми присланными им для Суры сестрами в числе 40 человек и тремя старшими из нашего Леушинского монастыря, и с начальницею для Сурской общины, первою игуменией ее Варварою. Дом для сестер был еще не готов; и все мы поместились в здании приюта. — *М. Т.*

✣

«Да будет с тобою всегда Господь и Святый Дух Утешитель, дивно утешающий нас в скорбях, печалях и болезнях. Как я скорблю о том, что немощи и недуги опять вернулись к тебе по моем отъезде! Да исцелит тебя Господь, Врач недугующих и болящих. Духом я всегда с вами и поминаю вас всегда в молитвах моих — всех Леушинских сестер. С моими непрестанными разъездами едва собрался написать тебе письмо: времени совсем нет... Постройка подворья (т. е. будущего Иоанновского монастыря — *М.В.)* идет успешно... Работы идут отлично. Слава Богу!

Писать больше не могу: глазам тяжело — пишу при лампе. Прощай, друг мой!» 4 августа 1900 г.

✣

«Сегодня, 30 августа, служил на твоем подворье (на Бассейной. — *М. В.*) И сказал одушевленную проповедь. Письмо твое прочел; делай, как знаешь; ты о чем спрашивала: уверен, что худо не сделаешь. Бог да благословит тебя». 30 августа 1900 г.

✣

«Да будет и пребудет на всех вас благословение Божие и Пречистой Богородицы, купно и Предтечи Христова и Крестителя Иоанна... Священник Н.Курлов совершенно отказался ехать в Суру; и я написал владыке Архангельскому письмо, в котором прошу его выбрать священника для Сурской обители — пожилого вдовца и, если можно, бездетного. Теперь дело зависит от владыки. Все — к лучшему.

Прощайте. Сегодня служил на вашем подворье». 30 декабря 1900 г.

✣

«Поздравляю тебя с Ангелом... Из Суры м. Варвара пишет мне благоприятные письма, письма мирные, успокоительные. Радуюсь и благодарю Бога, что буря вражия прошла. Да не возвратится же она туда больше. О себе скажу — я здоров; недавно служил у вас. До свидания». 26 января 1901 г.

✣

«Мир душе твоей; мир обители твоей; мир всем сестрам твоим. Благодарю тебя за доброе письмо твое, полное чувства неизменной ко мне преданности. Да возлюбит тебя Господь, как ты возлюбила меня, грешного и недостойного; еду в Москву 4 февраля, а 6-го намерен служить у вас на подворье. Наступает прощенный день: простите меня во всем; и вас Бог да простит и благословит!» 3 февраля 1901 г.

✣

«Приветствую тебя от души и всех сестер с пресветлым и всевожделенным праздником Воскресения Христова — Краеугольного камня нашего всеобщего воскресенья: письмо твое и м. Варвары прочитал. Правду пишет:

Ма-к умеет вытягивать из меня деньги; но что с ним поделаешь? С него все — как с гуся вода!» 30 марта 1901 г.

✣

«Приветствую тебя и всех сестер о Господе. Мир вам и милость от Господа Воскресшего. Со здравием и всяким преспеянием в вере и любви!.. Особый мой привет тебе, Таисия, избранница Царицы Небесной, многострадальная, многотрудная, неоцененная. Радоваться всем вам о Господе желаю, предочищенным постом и молитвою, покаянием и причащением Божественных Таин... Божиею милостию я здоров, тружусь и ежедневно работаю Господу Моему и людям». 1901.

✣

«Христос посреди нас и есть, и будет! Вот я добрался до Суры: были в отведенной монастырю казенной роще, за 16 верст от Суры. Место — чарующее своим местоположением и громадными корабельными лесами. Большая часть — гористая, покрытая лесами; на самой вершине горы вырублено несколько лесу и опорожнено место для постройки малой церкви, вроде скитской. Село Сурское видно с горы превосходно; и горизонт чрезвычайно обширный: взором можно окинуть пространство в 40 верст — такая высота! Пониже, в том же предгорье выстроен домик для сестер, только еще не готов, не доделан. Тут мы пили чай со всеми спутниками; тут я читал вслух всем Евангелие — притчу о брачном пире, о винограднике; и разъяснял читанное. Вышла проповедь (на горе), напоминающая Гору блаженств... Сестры Сурские все вам кланяются: построек возведено довольно; и еще строится корпус вновь. Есть у нас лесопильный и кирпичный завод, мукомольная машина; видел производство: все хорошо, все полезно». 10 июня 1901 г.

✣

«От души привет мой тебе. Сегодня, по причине зноя дневного, сижу дома и имею время написать тебе. Третьего дня был у Владыки Митрополита Антония, — дал ему прочитать письмо ярой толстовки, писанное ко мне ею ругательно. Он подивился бабьей дерзости, плечами пожав, сказал: «Бог с ними; пусть ругают нас, а мы будем держать себя с достоинством, с кротостью, приличной священному сану. У меня у самого есть подобные». Служа литургию, говорю слова поучительные без подготовления — благодать умудряет.

Вот и август; вот и пост. Успение Божией Матери — храмовой праздник думской церкви Кронштадтской. Дай Бог одушевленное слово на Успение Пречистой...

Поклон тебе и всем сестрам. Иоанн грешный». 4 августа 1901 г.

✣

«Благодарю тебя за сердечное, дорогое для меня и для тебя письмо твое. Сколько в нем благодатного огня! Сколько святой любви к Богу, к Богоматери, сестрам, к своей должности и, наконец, ко мне грешному,

недостойному твоей святой любви. Да воздаст тебе Господь за все твое добро.

Я еду в Гдовский уезд, в село Пенино, на освящение двух престолов, оттуда проеду в Ревель на поднятие крестов на храм; и 23 августа поутру буду обратно в Питер, и на твоем Леушинском подворье буду служить литургию. Благоволи быть в это время в Питере: мне очень нужно видеться и переговорить с тобой. Дай Бог тебе здоровья, силы, благодушия и всякого утешения». 15 августа 1901 г.

✣

«Мой тебе сердечный привет и пожелание тишины и спокойствия твоей великой, труженической душе. Мира желаю тебе, свыше сходящего, и терпения во обстояниях и скорбях. По великому твоему деланию в Господе, посылаются тебе, т. е. попускаются от Бога скорби для получения светлейшего венца на небесах. Ведь и душа Спасителя мира скорбела смертельно за грехи мира («Прискорбна есть душа Моя до смерти»); а ты скорбишь за свою обитель — твой малый мирок, преданный тебе Господом. Но «претерпевый до конца спасен будет». Ах, какой чудный, вечный покой уготован всем (преподобно пожившим и в терпении жизнь скончавшим)!

«Восхвалятся преподобнии во славе и возрадуются на ложах своих». Сегодня, 16 ноября, служил у тебя на подворье обедню и за тебя молился и позавтракал в твоей келии. Прощай — не скучай; но на Бога уповай». 16 ноября 1901 г.

✣

«Да почивает на тебе благословение Божие, и мир Божий да водворяется в тебе и во обители твоей. Прочитав письмо твое, я сильно поскорбел и удивился козням вражиим, которые он (враг) нанес обители и тебе: как он властно воспользовался орудиями своими к исполнению пагубной воли своей и возмутил крайне некоторых, особенно тебя, из-за которой он более всего и нападает на твою Леушинскую образцовую обитель. Да и как ему стерпеть твои добрые дела?! Столько их творится в стенах твоей обители! А к тому еще подоспели и Воронцовская и Сурская обители с подворьями — все это твои детища, твоими руками распространившиеся, как молодые посадки, имеющие во время свое дать плоды духовные. Ты — Царствие Божие водворяешь и устрояешь на земле, а врага бесплотного изгоняешь с нее: вот он и гонит тебя; но шутки плохие с ним и с его приспными, с С-й же в особенности. Немедленно постарайся удалить ее для общего блага. Паршивая овца все стадо портит. Особенно нетерпима ее дьявольская гордость и презорство, ее задорливый нрав. Дай Бог тебе получить от Него богатое воздаяние за все твое терпение.

Сегодня я ночевал на твоем подворье. Вчера за всенощной читал акафист и канон к всеобщей радости; буду служить с Божией помощью литургию.

Колокола П.Н.Рыжов нам прислал: надо перевозить их (в Суру) и повесить на временную колокольню. Прощай». 4 декабря 1901г.

✣

«...Благодарю и за письмо твое и молю Бога, да даст Он тебе много мужества и терпения — перенесть высокомерие возвысившей свою голову учительницы С... За ее дерзкое обращение и соблазн, подаваемый всем ее высокомерием и презорством, понесет справедливый конец от Воздающего всем по делам. Для общего блага удалить ее из обители надо немедленно, как я уже писал тебе, по наставлению Апостола: «Измите злаго от вас самех». Она именно такова, какую разумел Апостол.

Надеюсь видеться с тобою, когда приедешь в январе будущего года. Великая у нас радость по поводу освящения малой церкви Сурского подворья». 19 декабря 1901 г.

✣

«Пишу под самым живым впечатлением совершенной мною у тебя на подворье литургии и живого восторженного в Духе Святом слова — импровизации, а затем и приятного обеда, приготовленного в трапезе, или в зале, твоего подворья.

Велик Господь и хвален зело в Своей Божественной Литургии, оживляющей всех, особенно причастников животворящих Его Таин. Как Он, Утешитель, всех утешает, оживляет, возвышает до небес небесным на земле служением. Кажется, все горело духовно и трепетало во время литургии и проповеди Слова Божия на Рождественскую тему. Я сам был воодушевлен и говорил, как пророк или апостол. Как хорошо в твоем храме! Спасибо тебе за твое подворье и за твое духовное дружество о Господе. Обрадовал меня Господь весьма и весьма освящением моего подворского храма. Теперь сестры мои имеют свой храм и своих духовных отцов и священнослужителей; и доходы начали маленькие поступать. Слава Богу, непрестанно благодеющему нам всячески». 27 декабря 1901г.

✣

«С днем Ангела поздравляю тебя. Сегодня святая память преподобных Ксенофонта и Марии, а тебе при крещении дано было имя Мария. Да будут твоими покровительницами и молитвенницами святые Таисия и Мария.

«Служил сегодня литургию на твоем подворье и за тебя молился. В конце литургии говорил слово (без приготовления) на текст: «Вся слава дщери царевы внутрь». Вышло очень хорошо, благодатно, помазанно, свято. Все были тронуты; многим преподал Святые Тайны.

Пил чай и закусывал у тебя в кельях, благодаря Бога и тебя, игуменью». 26 января 1902 г.

Примечание. В двух последних письмах, под Сурским подворьем разумеется будущий Иоанновский монастырь на реке Карповке, в Петербурге.

✣

«Сегодня, 23 февраля, в субботу перед заговеньем, я буду иметь честь служить литургию в твоей подворской церкви, с предшествующим кано-

ном, — и за тебя, мою дорогую и неоцененную матушку, молиться общему всех Господу, Врачу болящих и недугующих и Упокоителю всех труждающихся и обремененных.

Ночевал на подворье вашем в гостиной, как и всегда.

Вчера со мной случился крайне неприятный и опасный для жизни сюрприз. После назидательной беседы в одном благочестивом семействе, где было много собравшихся, — когда сел я в карету, ввиду давки народа, лошади бешено понесли меня через несколько улиц; я был в большом страхе, моля Бога укротить рассвирепевших животных; никто не мог их задержать, когда наконец в одном месте карету затормозили и одна из лошадей упала; тут я вышел из кареты с маленьким повреждением кисти правой руки; и приехал на извозчике на ваше подворье. Руку немедленно мне перевязали, обложив ее холодными тряпками, намоченными в золе с арникой; перевязывали много раз, чтобы предупредить жар; ночь спал прекрасно, спокойно. Теперь рука почти совсем поправилась и опухоль спала. Благодарю Господа за спасение от великой опасности, угрожавшей жизни. Видно, она еще нужна для многих и да и для меня самого, как еще не совершившего, не окончившего поприща земного и не исполнившего еще завета Христова. Дай Бог тебе и мне еще пожить во славу Божию и во спасение свое и других». 23 февраля 1902 г.

⁜

«Мир Божий да царствует в душе твоей!.. Долго ты не писала мне; зато разом много написала. Напрасны твои опасения касательно меня, что я мог истолковать твое молчание не в добрую сторону. Я полагал только, что ты или недомогаешь, или слишком занята делами... Я был трое суток без голоса и недомогал. Теперь исправляюсь. Голос вернулся... Благодарю за розовые ризы. Молодым, а не старым приличен розовый цвет. Да воздаст тебе Господь за любовь твою, святую. Дай Бог свидеться скоро... Твой сын и брат о Господе Протоиерей Иоанн Сергиев». 14 марта 1902 г.

⁜

«Когда я принялся писать эти строки, я вообразил твои страдания, коим подвергает тебя болезнь твоя, и молил благоутробного Врача душ и телес — облегчить твою скорбь и дать силу перебороть болезнь, мучащую тебя столько лет». 12 марта 1902г.

⁜

«28 марта, в четверг, я служил на твоем подворье при бесчисленном множестве народа; давка была громадная. Говорил назидательное поучение на слова: «Чаша Твоя упоевающая мя, яко державна». Вспоминали тебя и благодарили Бога за твое исцеление». 28 марта 1902 г.

⁜

«...Я здоров, Божиею милостию. На последней неделе — Страстной — был очень измученным от чрезмерных трудов; но благодарю Господа, ук-

репляющего меня всегда свыше благодатию. 18 апреля 1902 г. Бассейная, твоя келья».

✣

«Прошу тебя: не вызывай из моего Сурского монастыря твоих монахинь — Анастасию и Марию: они там очень нужны. А напиши им, чтобы там оставались и продолжали свое дело и что я сам прошу их остаться. Надеюсь, что ты это сделаешь для меня, если истинно любишь меня. Прошу об этом решительно. Прошу для того, чтобы ты не вызывала их: иначе дело может расстроиться». 29 апреля 1902 г.

✣

«Астрахань. 15 июля 1902 г.

«Да будет с тобою благодать и милость Божия и со всеми сестрами обители... Я уже третий день в Астрахани. Жар до 40°. Немножко жутко мне, северяку, на такой жаре. И здесь Бог послал в первый день дождь — и большой, такой, что лужи образовались... Сегодня говорю проповедь. Сегодня же и выезжаю из города... Божиею милостию я здоров и бодр; дай Бог таким всегда быть... Пишу перед обедней».

✣

«Пишу тебе тотчас после литургии воскресной в твоей Леушинской Иоанно-Богословской церкви и после чая и завтрака у тебя. Благодарю Господа, сподобившего меня совершить литургию и утешиться вместе с сестрами и народом, бывшим в храме. (Было полно.) Сестры все причастились Св. Таин и многие из народа. Давка была страшная: необходимо было раньше времени уйти в алтарь от народа...

В Астрахань я путешествовал благополучно, хотя жар для меня там был весьма тяжелый, необычный; служил я литургии три без подризника в новом, чистом, белом, легком подряснике — во избежание лишнего жара. Вновь освященный храм — великолепен и просторен.

Сестры наши духовные — твои и мои — (то есть Иоанновского и Леушинского подворий — *М. В.)* здоровы, веселы и тебе шлют сердечный поклон. Постройка твоя за Московскими воротами идет успешно». 28 июля 1902 г.

Примечание. Это уже новое начинание иг. Таисии: восьмой монашеский центр, созидаемый ею в своей жизни. — *М. В.*

✣

«Пишу тебе тотчас после литургии на твоем подворье. Мысли и чувства твои, выраженные в письмах к м. Таисии Воронцовской и Ал.Мих., я прочел, понял и благодарю тебя. Сегодня делаем по милости Божией с архиереем Константином закладку храма при Воронцовском подворье. Благослови и ты благословением игуменским совершить дело Божие. Работы идут быстро, слава Богу! И твоя постройка за Московскими воротами подвигается понемножку, — что делать! Дай Бог — хотя по пословице: «Тише едешь, дальше

будешь». Из-за архитектора и наше подворье недалеко ушло в два месяца моего путешествия: на дожди ссылаются. Архитектор взял с меня уже 9000. Хорошо архитекторам и инженерам жить на свете; впрочем, и нам без них худо бы было. Дай Бог тебе здоровья и скорого свидания с нами. Я здоров. Напиши Сурской игумении Варваре, чтобы она более старалась держать в новой моей обители общие монастырские порядки, в основании коих, как и во всем, — должна быть любовь. Ты ей духовная мать; напиши ей вразумительнее, — увещай ее. Кланяюсь тебе и всем сестрам и благодарю за любовь, ласку и гостеприимство, встреченное и встречаемое ежегодно в вашей Леушинской обители, дающей истинной покой и отраду духа. Тебя особенно благодарю». 7 августа 1902 г.

✣

«Сегодня, 20 августа, (память пророка Самуила), имел высокое духовное удовольствие служить литургию в церкви вашего подворья, с предварительным чтением канона; и говорил вдохновенное слово народу, бывшему в церкви, о том, как Бог примирил грешный мир с Собою чрез Христа, Своего возлюбленного Сына, не ведавшего греха и понесшего на себе грехи мира. Причащал народ». 20 августа 1902 г.

✣

«Благодарю тебя вседушевно за письмо твое ко мне и к Сурской игумении Варваре. Это последнее письмо полно великого разума духовного и сердечной любви, но вместе и горькой правды, и скорбного материнского сожаления о ее недостатках. Ты этим письмом возлияла как бы целительный бальзам на раны моего сердца. Но дело об увольнении ее от управления ее я решил окончательно... Жажду свидеться с тобою в Питере и побеседовать лично...» 26 августа 1902 г.

✣

«...Прискорбно все случившееся в Сурской обители. Всего я не могу сказать тебе в письме, за недостатком времени; а Бог даст, — увидимся, скажу при личном свидании». 28 августа 1902 г.

✣

«Пишу это письмо в присутствии твоей казначеи Серафимы, в праздник ваш храмовой — св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Служба была совершена торжественно и торжественнее предшествовавших годов по числу священнослужителей: служили 9 священников и 3 диакона. Накануне, за всенощной, я читал акафист и канон Апостолу; за обедней говорил написанную утром проповедь. Трапеза была весьма хорошая; к ней были приглашены все священнослужители и гости. Утром, по обычаю, катался в карете, чтобы подышать чистым воздухом; вместо тебя катался с казначеей Серафимою. Служил в устроенной тобою белой митре; благодарю за нее и за прекрасные ризы. Святейший Синод откомандировал меня в Костромскую губернию для обличения одного сектанта-крестьяни-

на, проповедующего, что о. Иоанн есть Троица и прочие бредни. Придется ехать на лошадях 200 верст — вперед туда и обратно столько же. Дай Бог успеха в деле». 28 сентября 1902 г.

✣

«Сердечная моя и предорогая о Господе сестра Таисия!

Пишу тебе эти строки после обедни, совершенной на вашем подворье в пятницу, и после трапезы. Служили со мною 4 священника. Монахини пели превосходно. Я говорил слово экспромптом на слова песни: «Сам Сый Себе предпожре, — ядите, вопия, тело Мое и верою утвердитеся...» Побывай же, если здоровье позволит, зимою на освящении нашего Сурского подворья, которое предполагается в первых числах декабря.

На именины мои, 19 октября, не прошу: теперь распутица, трудная переправа в Кронштадт, да и множество публики, толкотня — могут, пожалуй, повредить тебе при твоих старческих немощах. Помоги тебе Бог с Ферапонтовым справиться». 11октября 1902 г.

✣

«Твое дорогое письмо от 7 июня я получил 15 июня, в Архангельске, тотчас по моем прибытии туда. Благодарю тебя от всей души за твои материнские обо мне заботы и за твою неизменную ко мне преданность. Да воздаст тебе за них Господь сторицею. Дай Бог, в равное возмездие и мне иметь к тебе и ко всей твоей обители равную любовь, каковую и имею... Закладку, даст Бог, совершу с радостью. Тебя вспоминаю во время путешествия и при служении литургии, которую совершаю почти ежедневно в обителях и приходских церквах, и городских и сельских. О делах твоей любимой «Пустыньки» радуюсь. Курсы для учительниц в вашей Леушинской обители — это манна небесная для России...

В Суре я пробыл только три дня. Вода чрезвычайно упала». 11 июня 1903 г.

✣

«Сейчас Божиею милостию служил литургию на твоем подворье и тебя обычно — и не только обычно, но и по влечению сердца — поминал на проскомидии и литургии... О, сколь благ ко мне Господь, устроивший для нас такое продолжительное сопребывание и собеседование и частое сопричащение Божественных Христовых Таин. Те две с лишним недели с вами были райскою жизнию на земле. После нашего сопутешествия я вернулся благополучно в Москву, но в разных поездах: я с о. Георгием». 20 июля 1903 г.

✣

«Всемогущий Промыслитель о Церкви Своей, Господь Иисус Христос, да подкрепит тебя, раба Божия и труженица, на великое дело восстановления древней обители преподобных отец наших Ферапонта и Мартиниана и да сподобит тебя видеть ее восстановленною из развалин и тления. Радуйся, раба Божия: мзда твоя многа на небесех». 13 декабря 1903 г.

✣

«Прочитал я все длинное письмо твое; поздравляю с началом по восстановлению Ферапонтовой обители. Много придется тебе поскорбеть и потрудиться над этим делом, Господь поможет тебе, — и тебе, великой старице, даст силу воссоздать древнюю обитель во славу Божию; посылаю на начало еще 300 рублей. Не пеняй мне за редкое служение ныне в твоем подворье. Я стараюсь, усердствую служить у тебя, с любовию служу; но в настоящее время меня забросали приглашениями к служению в разных столичных храмах. Прошу тебя: прими в число сестер обители твоей эту умную и рукодельную девицу Христину. Если не обременит тебя эта просьба, — исполни ее; если же обременит, — откажи». 15 января 1904 г.

✣

«Благодать Божия с тобою будет всегда, как она пребывает и со мною, и во всем руководит нас; да озаряет, да утешает, да подкрепляет она тебя во всех делах, гонениях, огорчениях, — от людей и бесов, завидующих твоим преуспеяниям. Будь мужественна до конца, и дастся тебе венец правды, «егоже утогова Бог любящим Его» и терпящим Его ради.

Я здоров, будь и ты здорова, дорогая матушка, милостию Божиею». 15 марта 1904 г.

✣

«Пишу эти строки тотчас после Преждеосвященной обедни в твоем подворье, под благодатным влиянием молитв покаянных и Причащения Божественных Таин. В конце литургии произнес слово. Сестры твои пели превосходно и утешили меня и все собрание до слез. Я, слава Богу, здоров. Посылаю тебе новое Слово мое на Благовещение. Помогай Бог нам с тобой во всем». 23 марта 1904г.

✣

«Христос Воскресе! Мой сердечный привет тебе и всем сестрам, воспитанницам, учителям и учительницам их... Я здоров; во 2-й, 3-й и 4-й день праздника был слаб от расстройства желудка, случающегося со мною всякий год после Великого поста от перемены пищи. Дай Бог дождаться счастливого времени летнего, когда Господь приведет меня к вам в обитель для отдыха и для сопребывания с тобою и сестрами». 2 апреля 1904 г.

✣

«Сегодня, 27 апреля, имел счастье служить на вашем подворье литургию. Говорил слово и причащал народ. Церковь полна народу; одушевление огромное, Божиею благодатию». 27 апреля 1904 г.

✣

«Спасайтесь, утверждайтесь, утешайтесь, благоуспевайте. Шлю вам сердечный привет и Божие благословение. Побывал я в Суре, Архангель-

ске и Холмогорах; и многое множество мест я проследовал, и много литургий совершил, в подкрепление себя и спутников своих; за все благодарю Господа. Милостию Своею Господь утешает всех нас. Возвращаюсь назад. Теперь — на пути в Вятку и Сарапул. Сегодня, 15 июня, сажусь в вагон. В Вятке пробуду дня три; оттуда — в уездный город Сарапул, к Преосвященному Михею, бывшему моряку и моему другу; оттуда — обратно в Котлас (место на Северной Двине, где стоит наш пароход), в Сухону, Кубенское озеро и к тебе, на твой пароход; а наш, за слабостью его, отпущу назад. К тебе прибудем, думаю, не раньше, как через 9 дней». 15 июня 1904 г.

‡

«С выходом на штатное место нашего монастырского священника о. Александра, место его осталось свободным; и на него попросился мой зять (муж моей племянницы Анюты, священник вашего Леушинского подворья, Иоанн Николаевич Орнатский). Я предпочел его другим, просившимся на это место; и он подал просьбу митрополиту об определении его в Ивановский монастырь. На его место, в ваше же подворье, желает поступить ваш дьякон, Н. Гронский, и просит меня походатайствовать пред тобою о предоставлении ему этого места. Предоставляю на твое усмотрение его просьбу. Ты хорошо знаешь его добрый характер, и сама хвалила его неоднократно. Благоволи, если не встретится препятствия какого, принять его священником на покидаемое Орнатским место. Этим ты осчастливишь и его семейство.

Желаю тебе облегчения в твоей болезни, благодушия с терпением в трудах твоих на пользу Св. Церкви. 27июля я намерен служить в твоем подворье обедню. Сегодня служил во вновь устроенной церкви в имении графа Левашева; вчера служил в моем монастыре». 26 июля 1904 г.

‡

«...Известился я о тяжком положении отца дьякона Воронцовского подворья (Петербург) от скудости материальных средств. Я послал ему 300 рублей пособия. На Воронцовском подворье нет мира между сестрами; не знаю достоверно, от кого это зависит; Т. сама стремится быть начальницей; но какая же она начальница, не быв ни одного дня в монастыре и вовсе не знакомая с уставами монастыря? Хотя это — и на подворье, а не в самом монастыре, но ведь и на подворье тоже монашенки, и того же устава монашеского должны держаться. А присланная из Пскова для заведывания подворьем молодая Лидия отнюдь не имеет духа кротости, любви: в ней дух раздражения и неприязни к сестрам, присылаемым мною на подворье. Вместо примирения начальница относится к ним презрительно; оттого и нет веяния любви Христовой. Приезжал наместник Лавры архимандрит Корнилий — мирить их, особливо Лидию с Т-ой. В среду, 18 августа, я буду на подворье вместе с ним и потолкую о способе примирения. Христос, Царь мира, да умиротворит их». 17 августа 1904г.

✣

«Письмо твое, с дорогою для меня посылкою — Св. Евангелием и образом преподобного Ферапонта, я получил с сердечною благодарностью. Сколько могу, скорблю твоими скорбями и болею твоими болезнями в некоторой мере. Молю вседействующую благодать укрепить дух твой и немощствующее тело. Бог послал мне нечаянно доброго человека, который пожертвовал мне от своего достатка, как будто для того, чтобы я помог нуждам Ферапонтова; ибо случилось это в тот самый час, когда я, глядя на икону преподобного Ферапонта, думал о его древней святой обители, в которой просияло уже столько подвижников, из коих некоторые уже видимо увенчались в нетлении вечной славы. Вот этот-то дар я и посылаю для Ферапонтова на твое имя... Стихи твои прекрасны; я отдал их напечатать в «Котлин». На Воронцовском подворье все еще нет мира, и меня это очень сокрушает; заведующая Лидия не имеет любви, а ведь только любовь и дает мир, а не разрушает.

В четверг, 19-го, я еду в Орел и вернусь в Кронштадт дней через пять...» 18 августа 1904 г.

✣

«Успокойтесь, мои дорогие, — я начинаю поправляться; встаю, хожу, хотя еще не служу; аппетит имею хороший только на одно мое любимое блюдо — суп с перловой крупой. Причащаюсь каждый день Божиею милостию. Доктор ходил ко мне по три раза в день по причине характерности болезни, а не по причине ее трудности». 9 января 1905 г. в 5 часов утра.

✣

«Благодарю тебя за твое дорогое письмо и за твои родственные чувства, коими всегда бывают полны все твои письма. Относительно моего здоровья — чувствую я себя довольно хорошо по-стариковски, а при служении Богу — очень хорошо и благодарю Бога. В Кронштадте у нас сущая беда: морские и артиллерийские войска громят и поджигают дома, грабят магазины, лавки, убивают кого попало. Ужас берет не только видеть, а и говорить о происходящем. Я выехал на время из Кронштадта и живу пока в своем монастыре». (Число не проставлено. Вероятно это было в половине января.)

✣

«Мой сердечный привет тебе, дорогая. Я, Божиею милостию, почти уже здоров, каким я был при твоем отъезде из Питера, и особенно потом, в продолжение семи недель. За многочисленные, горячие молитвы многих о моем исцелении Господь, видимо, врачует меня, и, как видишь, я пишу твердою рукою и смелым почерком. Слава Богу за все. А я думал вначале, что не переживу своей болезни. Таков ее характер: многие от ней умирали. А все-таки доктор Казанский у меня бывает ежедневно три раза и приносит много пользы. Но прежде всех и всего врачует меня мой Христос, Коего я причащаюсь ежедневно. Сколько мира, радости и веселия от общения с Источником живота...» 6 часов вечера 8 февраля 1905 г.

✣

«О Господе радоваться желаю вам всем, здравствовать душою и телом и во всем преуспевать. Я начал письмо радостью, потому что и сам радуюсь являемою мне милостию Божиею. Чувствую свое поправление и имею надежду на скорое выздоровление. С каждым днем чувствую улучшение, прибавление сил, здоровый аппетит и сон. Благодарю тебя, дорогая матушка, за твое материнское соболезнование о мне и осведомление о состоянии моего здоровья. Теперь я сам пишу тебе и свидетельствую, что я — на пути к выздоровлению; и чем делается теплее погода, тем и мне делается лучше. Это — за молитвы многих, многих духовных чад. Премилосердый Господь посылает мне Свою милость. Дал бы Бог увидеться у вас летом в стенах вашей обители...» 11 февраля 1905г.

✣

«Со святою и спасительною Четыредесятницею приветствую тебя и всех сестер. Божиею милостию и вашими молитвами и других многих, я почти совсем поправился и уже начинаю понемногу служить; сегодня, 9-го, (40 мучеников), служить буду литургию Преждеосвященных Даров. К утреням и вечерням не хожу, прочитывая и объемля их сердцем дома. В Питер не выезжаю, и на молебны в Кронштадте; держусь дома. Если совсем поправлюсь к Пасхе, то намереваюсь в мае, в начале, отправиться пожить в Ваулове, а потом у вас — в Леушине. В Суру, может быть, и не поеду. Впрочем, как Бог направит...» 9 марта 1905 г.

✣

«За письма, за чувства и предостережения мне благодарю горячо... Что касается меня, — я совсем почти оправился: служу в храме, говорю проповеди, причащаю народ. Сон хороший, аппетит тоже, силы надежны. Благодарю Господа. Надеюсь, весной — в мае, в конце,— погостить у тебя. На родину едва ли поеду — из опасения, чтобы в отдалении от врачебных центров не повторилась моя болезнь. Впрочем, надеюсь на Господа. — Сожалею, что коровушки в вашей обители пали; ну, что делать! «Господь даде, Господь отъят: буди имя Господне благословенно». Он, милая, воздаст за утрату». 29 марта 1905 г.

✣

«20 мая я выехал из Питера и 21-го, в час пополудни, прибыл в Ваулово и здесь живу третий день, служа ежедневно в храме Успения Божией Матери... (Едем в Суру.) К вам в Леушино, полагаю заехать на обратном пути. Со мною доктор — на всякий случай... Природа в Ваулове — великолепная; воздух — чрезвычайно ароматный и здоровый. Я пешком хожу и езжу на дрожках. Осматривал монастырское хозяйство и нашел его в порядке. Для меня строится небольшой деревянный домик с мезонином; через два месяца будет готов для жилья. В твоей благословенной обители полагаю погостить — по примеру прежних лет. Заблаговременно благодарю добрую хозяйку монастыря... Мое здоровье, Божией милостию, хорошо. Служу бодро.

Да возрастит Господь все плоды земные для обители в изобилии и скот ваш да соблюдет от падежей и болезней...» 23 мая 1905 г.

✣

«Уведомляю о себе, что я здоров и спокоен. Сегодня, 30 июля, служил литургию в подворье вашем. Говорил слово; причастил дорогих послушниц твоих; народу было много... Вспоминаю с удовольствием о проведенном у тебя времени...» 30 июля 1905 г.

✣

«...Славлю всеблагий Промысл Божий во всем, в малом и великом...» 29 августа 1905 г.

✣

«Пишу в твоей подворской келии после фрыштика (завтрака) у Марии Ивановны, общей нашей благодетельницы. Благодарю тебя за письмо твое и за приглашение прибыть к тебе и пожить, пока пройдет смутное время. Теперь, по-видимому, все в Кронштадте успокоилось, хотя, впрочем, не успокоились ограбленные и лишившиеся жилищ чрез поджоги хулиганов. Горе, великое горе! Сколько осталось без крова, без пищи, лишившись всего чрез всепожирающее пламя! Чем все это кончится?..» 31 октября 1905 г.

✣

«Благодать и мир тебе от Господа нашего Иисуса Христа.

Пишу тебе такое приветствие после литургии, совершенной мною в вашем подворском храме по своему почину, а не по просьбе чьей-либо. Божиею милостию я здоров и силен духом и телом; хожу легко и быстро. В день св. великомученицы Варвары я служил в Кронштадте раннюю обедню, а к вечеру отправился в Питер; поутру, в понедельник, каноны читал в Ивановском монастыре; обедню служил у вас; говорил проповедь; многих причащал. Стремление к причастию было неудержимое; по головам ходили; что поделаешь! Сердце рвет — не удержишь никак.

Здорова ли ты, мать моя? — Крепись духом: воздаяние приближается; а оно ведь вечное. Как радостно будет почить в селениях вечных и возлюбленных...» 5 декабря 1905 г.

✣

«...Приветствую с новопостриженными в мантию сестрами Ферапонтовской обители, послужившими как бы первым видимым началом ее восстановления и утверждения обители. Да пребудет она благополучна до скончания века, в благочестии и довольстве. Посылаю 300 рублей на Ферапонтовскую обитель; прошу меня не обижать отказами или оговорками, что мне и самому нужно на мои обители: Ивановскую, Сурскую и Воронцовскую. Мне Господь посылает на долю каждого, и моим обителям помогаю по нескольку десятков тысяч, а другим — понемножку; а ведь обители-то пред Господом

все равны. Благословение шлю вам именем Господним: «Поддержи, Господи, старицу Таисию, много поработавшую Тебе». 18 января 1906 г.

‡

«Благодарю тебя, сокровище, за твои сочувственные письма, которыми ты не перестаешь утешать меня, несмотря на твои великие немощи и многосложные дела. Я чувствую себя хорошо, несмотря на немощь старческую; еще бегаю и по лестнице восхожу легко. Дай Бог по лествице небесной возвышаться каждый день. Каково-то будет будущее состояние России? Вот между прочим какой вопрос меня занимает. В руке Господней будущие судьбы ее; но ужасна расшатанность нравов России; она ничего не предвещает хорошего — полное разложение. Вольнодумная печать испортила Россию. Священство, как соль, обуяло; и само развратилось. Вот и наш монастырский священник В. судится в грязном деле. Больно мне это, и стыдно за священство. Бог ему — судья... Поздравляю с юбилеем дорогую мою матушку Таисию. Придется ли погулять нам с тобою в твоем монастыре? Приведи, Господи. Прощай. К утрене иду.

Твой сын по созданию обители протоиерей Иоанн Сергиев». 27 января 1906 г.

Примечание. Телеграмма, которою приветствовал меня о.Иоанн в 25-летний юбилей (игуменства): «Дорогую матушку труженицу сердечно приветствую с истекшею четвертью века многоплодного служения твоего Церкви Божией. Еще и еще да хранит тебя Господь на общую пользу. Иоанн Кронштадтский». 6 февраля 1906г.

‡

«Сегодня, 10 апреля, я имел счастье служить в церкви твоего подворья и говорил поучение в конце литургии; причастил многих. Впуск был по билетам; и благодаря этому обстоятельству в церкви было не тесно, и порядок был полный, когда подходили к причастию.

Я ездил в город Витебск на одни сутки; прием мне был сделан сердечный, прекрасный. Служил литургию в Петропавловской церкви. Говорил обличительную речь против ксендзов и вообще — католиков, смущающих православный народ тем, что будто я перешел в католическую веру...» 10 апреля 1906 г. 1-й час пополудни.

‡

«Сегодня, 10мая, в день твоего Ангела, я служил в церкви твоего подворья во благодати и причастил человек 400. Чувствую себя благодатно и благодарю Господа. Тебе желаю совершенного спокойствия и здравия...» 10 мая 1906 г.

‡

«Теперь я в Ферапонтове; ночевал я в новом корпусе, который смотрит на величественное озеро. С вечера было тепло, а ночь была холодная: запер все окна, оставленные мною нараспашку к ночи. Готовлюсь к обед-

не... Жажду быть у вас в Леушине. Да даст мне Господь эту радость — соутешиться вашею любовью, Христу подражательною. Я, Божиею милостию, здоров по-старчески. До свиданья.

Ваш старый знакомый сомолитвенник протоиерей Иоанн Сергиев». 4 июля 1906 г.

‡

«Благодать, милость и мир тебе от Господа нашего Иисуса Христа. Пишу тебе привет с апостольских слов, как — дщери и рабе, возлюбленной Господом, служащей Ему и Пречистой Его Матери с усердием непрерывным столько лет. Многих ты привела ко Господу... Да поможет тебе Господь окончить духовное поприще в мире и терпении скорбей... В Москву едва ли поеду ныне; из Ваулова прямо махну в Питер. Впрочем, окончательно еще не решил — как Господь направит: «От Бога направляются стопы человеку; смертный же како уразумеет пути своя?» Подпись особая: «Есмь ваш смиренный почитатель и молитвенник, протоиерей Иоанн Сергиев убогий, старый». 19 июля 1906 г.

‡

«Я у вас поздоровел душевно и телесно, окреп... Господь да благословит тебя приобресть земляную собственность со службами в пользу Ферапонтова и да пошлет тебе средства на то. Утверждай, утверждай Ферапонтову обитель. Преподобный трудится невидимо вместе с тобою молитвенно.

Я совершено здоров, Божиею милостию. В Ваулове пробуду дня три или четыре. Прощай, неоцененная матушка. Всем сестрам низкий поклон. Певчих благодарю особенно». 26 июля 1906 г. Вечер, 10 часов.

‡

«...Благодарю и за мед, который для меня полезен; я пью его редко, бережливо. В Астрахань я не поеду, но — в Черный Яр. Молю Господа, да устроит путь мой туда и обратно: не для своей пользы еду, — желаю всем сердцем послужить Богу и людям. Жажду 26 сентября послужить в Леушинском подворье по случаю храмового праздника, но не знаю, удастся ли. 28 авг. намерен служить у тебя. Дай Господи! Сегодня, 26 авг. служил у себя в Ивановском монастыре и ночевал в своем помещении; но в Петербурге мне ночевать очень тяжело и нездорово, — вперед не буду... Отрадно вспоминать о пребывании летом у вас в Леушине». 26 августа 1906 г.

‡

«Спасибо тебе за письмо и за чувства соболезнования ко мне. В Господе моем Иисусе Христе я легко переношу все издевательства надо мною людей лукавых. Жалко, что они так низко сами падают, купаясь в злобе диавольской, и марают свои души. Благодатию Божиею я — все тот же Божий раб и не изменяюсь в лукавую сторону. Ты знаешь, как ко мне стремится народ — и старый и малый; как дети меня везде встречают с радостью, подобно как некогда Христа еврейские дети встречали с радостью, с тор-

жествующими лицами и песнями. Так и ныне везде простые люди и незлобивые дети встречают меня с радостью. Что это значит? Значит, что благодать Божия живет во мне и всех простых сердцами влечет ко мне, а через меня к Богу, Которому я служу...» 31 октября 1906г.

✣

«Благодарю тебя горячо за письмо и телеграммы и за наведывание о моем здоровье: оно в хорошем состоянии, — благодарю всемилостивого и всещедрого Владыку Господа Бога моего. А вот твое-то здоровье, говорят, — да и сама ты пишешь, — ухудшается; не дай Бог. Ты нужна, очень нужна многим. Подворье ваше я не оставляю и служу нередко; молимся все за тебя. Я на прошедшей неделе путешествовал в Нижний... И на обратном пути в церкви Антиохийского подворья возгласил имя вселенского патриарха Антиохийского Григория. По возвращении в Петербург служил в Ивановском монастыре...» 22 ноября 1906г.

✣

«...Я здоров и благополучен; о злословии борзописцев и их насмешках небрегу. Господь им отмстит за меня; ибо касаяйся меня злобно — касается в зеницу ока Божия. — Юбилея 12 декабря праздновать не буду и поздравлений принимать не стану, — все будет скромно, по нынешним обстоятельствам».

26 ноября 1906 г. Преподобного Алипия Столпника и св. великомученика Георгия.

✣

«Шлю тебе и всем милым Леушинским сестрам сердечный поклон, с пожеланием всем милости от Господа — мира, благодерзновения, взаимной любви, здоровья, сил духовных и телесных для преспеяния всех во всех делах и особенно — в христианской святости. Письмо твое получил и сейчас прочел. Удивляюсь, как ты находчива в мыслях и излияниях своих чувств из глубины сердца своего... Это — твое духовное богатство, которым были богаты все нетленные подвижницы, особенно преподобная Синклитикия, житие и подвиги которой описывал св. Афанасий Великий.

Твоя послушница была у меня и просила меня служить; но я целую неделю не ездил в Питер по легкому недомоганию да и из-за сильных морозов. Когда можно, я всегда готов служить на подворье. Дай Бог дождаться лета и быть в Леушине у вас». 16 января 1907г.

✣

«Сегодня имел радость служить литургию в Леушинском подворье и за тебя вознести молитвы Всещедрому, да исцелит твою сложную болезнь и восставит тебя с одра болезненного. Некогда тебе болеть, — надо поправляться и еще трудиться во славу Божию, Богоматери, Предтечи, Иоанна Богослова и всех святых. Сестры шлют тебе сердечный привет и пожелания наилучшие и чувствительнейшие». 29 марта 1907г.

✣

«...Укрепи тебя Господь — в твоей тяжкой болезни и в игуменских трудах. Дай Бог всем сестрам мир с любовию к Богу и между собою и восхождение к небесному царствию по степеням духовным. Я здоров, насколько можно быть здоровым старцу в мои годы. Дай Бог дождаться весны и опять побывать в Леушине и наслаждаться Божественною службою и общим свиданием. Желательно и еще послушать священные песни Великого Четверга: «Сеченное сечется...» и «Преукрашенная Божественною славою...»

Кланяюсь тебе, святой старице, и целую твою священную главу, «мыслящую непрестанно, яже суть Божия». Да помилует и спасет Господь всех сестер твоей обители, да покроет все их согрешения. Слава Богу, что Он сохранил обитель Леушинскую от большого возгорения. Как осторожно нужно обращаться с огнем! Сколько страшных пожаров пришлось мне видеть только в Кронштадте, — и Господь сохранил меня и причт наш от ужасов пожара!» 1 января 1907г.

(*Замечание*: Это письмо следует поместить прежде двух предыдущих, как показывают и даты времени. По ошибке было пропущено здесь. — *М.В.*).

✣

«...Скажу о моем путешествии, которое совершилось все очень благополучно (в Устюжну, Ярославль, Рыбинск и др. места). В Рыбинске служил в Петров день обедню с Владыкою Тихоном и с соборным духовенством. Жара была невыносимая, служба затяжная. Тяжело мне было. Владыка служит благоговейно; в обращении добр и простосердечен... Побывав у Цеховых, — где у меня три крестника, — я отправился на пароход; прибыли благополучно 30 июня, в 6 час. вечера. Чувствую себя хорошо, здорово. Благодарю тебя за готовящийся образ сладчайшего моего Иисуса. Будь здорова, родная моя». 1 июля 1907г. 4 часа пополудни.

✣

Ваулово, 9 июля 1907г.

«С благодарною любовию получил через верную рабу Божию Серафиму и твою усердную послушницу печатную брошюру о непротивности злу, платочек шелковый — дар твоего усердия, и любвеобильное письмо. Не нарадуюсь я твоей любви о Христе и твоему усердию, выражающемуся столь разнообразно и так постоянно.

«По плодам их познаете их»,— говорит Сердцеведец Господь о людях, с коими мы живем в мире. По сладким плодам любви твоей и я знаю тебя вот уже около 35 лет. За все это время любовь твоя о Христе изливалась постоянно чистою струей — неоскудно везде и во всяких видах... Но особенно ты утешала меня своею беззаветною преданностию Христу Спасителю, словесное стадо Которого ты собрала и пасла и пасешь доселе на пажити спасительной...»

✣

«Преподобный Акакий, умерший и во гробе лежа, отвечал вопрошающему: «Я жив и умер, ибо незлобивый не умирает». А я отвечаю: я еще жив и не умер; и Богу и людям служу по силе, и игумении Леушинской отвечаю письмом: живи долго, матушка, во славу Божию и на пользу сестрам». 7 августа 1907г.

✣

«Благодарю за твое сердечное письмо и за желание знать подробно о состоянии моего здоровья: оно лучше, по-видимому; я начинаю несколько поправляться и крепнуть; аппетит лучше; впрочем, только жидкую пищу могу кушать, а густой — не могу. Служу ежедневно. Сегодня, 25 августа, катался на Бритневском пароходе по заливу. Радуюсь слышать о твоем здоровье, за которое ты благодаришь Бога. Письмо это вручаю младшей сестре; а Марии я не видал». 25 августа 1907г.

✣

«...С любовию приветствую с праздником возлюбленного ученика и наперсника Христова и молю Господа, да произольется небесная любовь в сердца всех нас — и вас, и мое убогое сердце. Искренно сожалею, что не могу служить у вас на подворье; болезнь моя обострилась и почти постоянно гнетет и подавляет меня. Господь напоминает мне через нее, что я приближаюсь к пределу, всем назначенному. Да и горе было бы нам, если бы наши болезни не кончались смертью, ведь «смерть мужу —покой». О, дал бы Бог вкусить этот покой, о котором Церковь так усердно молит. Если судьбами Божиими еще суждено жить несколько во славу Божию, — да будет воля Его святая. 25 сентября 1907г. Пишу в 11 часов вечера».

✣

«...Мое здоровье в одинаковом положении. Литургия и святое Причащение — жизнь моя. Ходит и врач два раза в неделю. По характеру моей болезни и он полезен». 8 января 1908 г.

✣

«...Радуюсь о промыслительной благости Божией, проявившейся в обретении Чудотворной старинной заброшенной иконы Владычицы. Приятно читать в твоем письме, что ты ревнительно отнеслась к этой милости Владычицы. Да будет явление ее благодеянием для обители...

Слышал, что здоровье твое слабеет. Я — не слаб, Божиею милостию; и то — хорошо.

В Святейшем Синоде, в заседании не был ни разу: и болен, и глухой. Какая от меня польза». 28января 1908 г.

✣

«Принимаюсь за письмо пред литургиею Преждеосвященных Даров. И шлю тебе сердечный привет с Страстями Христовыми и с надвигающимся

Светлым Праздником Воскресения Христова. Радуйся о Господе со всеми о Христе сестрами... Мое здоровье в одинаковом положении: слаб; никуда не выезжаю. Если даст Бог мне лето благоприятно, на родину думаю не ехать, а пожить в Ваулове сначала, а потом у тебя в Леушине». 20 апреля 1908 г.

‡

«Благодарю тебя за любвеобильное письмо твое ко мне. Я получил его после обедни 27 мая. Поучительно твое письмо, потому что все проникнуто святою любовью. Недаром ты горячо любишь и особенно — проповедника и осуществителя Христовой заповеди — «любите друг друга».

Я пробыл в Ваулово всего трое суток. Переезд был для меня мучителен: холодно было, как зимой; вагон прокурен табаком донельзя; едва я скоротал вечер, ночь, утро до 12 часов. Лучше бы, казалось, самому выбрать вагон, чего бы ни стоило, чем пользоваться им по протекции. Но как никак, а я в Ваулове, прекрасном, как рай Божий: вся растительность в полной красе и благоухании. Я служу ежедневно; говорю слово Божие, питающее и утверждающее души верные; причащаю сестер и народ. После обедни катаюсь с Евпраксией по лугам монастырским.

Здоровье мое одинаково: железа не проходит, как и твоя болезнь, и по временам мучит меня. Впрочем Господь посылает по силам искушение, так, чтобы можно было перенести. Думаю недели четыре прогостить здесь; а там, что Бог даст. Умирать собираюсь в Кронштадте, если Бог пошлет по душу, а не в Ваулове или Леушине, чтобы не наделать лишних хлопот своею смертью, о которой думаю. Ибо дожил, милостию Божиею, до последнего предела жизни человеческой: ведь мне — 79-й год; пора и переселяться к отцам. Только дай Бог распорядиться всем прежде конца. И матушка-то моя крайне слаба: того и гляди что дух вон. Господи, помилуй нас уничиженных». Ваулово 27 мая 1908 года.

‡

«Отдыхаю я в Устюжне вот уже четвертый день; служу ежедневно; благодарю Господа за каждый день и час. Благодарю и тебя, дорогая матушка за твои материнские ласки в обители и на пароходе, за пение сладкое сестер обители.

Прошу тебя извинить меня, что я резко ответил тебе на твою просьбу — благословить иконками матросов парохода. Я ответил раздражительно — по причине утомления и упадка сил и по причине неожиданности неблаговременной твоей просьбы. Надеюсь, что ты меня простишь. Один Господь ведает, сколь велика моя немощь... Здоровье мое — на одной степени: молодым старику не бывать, и два века не живать. Прости». 11 июля 1908г.

‡

Последнее напечатанное письмо

«Прошу извинения моей лености, что доселе не отвечал на твое дорогое, любвеобильное письмо. Истинно, неиссякаем источник твоей ко мне

о Господе любви, которая снисходит ко всем моим немощам и опущениям. Молю за тебя и за всех сестер обители твоей и желаю всем вам мира, здоровья, тишины, преспеяния во всех делах, духовных и телесных. Желаю, чтобы обитель Леушинская была как полная чаша всяких даров Господних и слава дщерей Господних внутренно сияла красотою добродетелей христианских. Мое здоровье почти на одной степени: то лучше бывает, то ухудшается — последнее бывает от моей неосторожности. Служу литургию каждый день; народ причащаю. В мое отсутствие народу почти не было в соборе; с приездом он стал наполняться; но полиция очень строго преследует богомольцев и отправляет их этапным порядком; приезжающие — в смущении...

Недавно, перед праздником Успения, был я приглашен со Св. Дарами для напутствия больной... Едет за границу для лечения... Дай Бог ей исцеления и жизни прибавления за их веру и доброту.

Поклон мой тебе, матушке казначее Агнии и всем сестрам, и всем батюшкам — иереям и диаконам. Дай Бог увидеться с тобою и взаимно утешиться с тобою». 20 августа 1908 г.

Ровно через четыре месяца, 20 декабря этого же года, о. Иоанн скончался.

Размышления о письмах

В моей работе об о.Иоанне выдержки из его писем к игумении Таисии заняли, как видим, довольно много места. Но я этому рад. Другого такого материала нет. Как бы биографы не рассказывали о нем, какие бы факты не приводили, никогда — не изобразить личность человека так, как его собственными словами. И действительно, читая эти письма, видишь, слышишь, почти осязаешь о. Иоанна, совершенно как живого. А это мне и читателям — дороже всего: хочется писателю не свои мнения и думы передать читателю, а представить прежде всего самого дорогого Батюшку. И в письмах он теперь стоит перед нами истинно, как перед очами и ушами нашими.

Не раскаиваюсь и в том, что я не выдумывал никакого плана или системы для расположения материала писем по предметам, — как это делал в других частях работы: я предпочел дать письма в их хронологическом порядке и без пропусков текста, что непременно бывает при системе, где одно выбирается, а другое опускается; между тем теперь иной раз и самая маленькая заметка, одно лишь словечко дают нам картинный живой оттенок, новый штрих. От всего этого образ становится и рельефнее, и жизненнее. Это — я думаю — и самому читателю очевидно... Одно лицо, коему я читал выписки из писем, сначала недоумевало: зачем я так много выписываю; но постепенно и оно так увлеклось ими, что нельзя было оторвать от книжки.

Каким же представляется теперь нам о. Иоанн по письмам?

Возможно, что он иному читателю покажется «простым», «обыкновенным». Да, — его образ жизни и весь лик был, действительно, не таким, как нам рисуются другие подвижники: пустынники, оторванные от обычной жизни люди, аскеты-монахи и т. д. Его образ жизни был ближе к мирскому, как видим. Он спасался «в миру», среди мирских людей; интересовался всем мирским, что делалось на земле; у него была даже «семья»; он и в «каретах» ездил, и «свежим воздухом» дышал; и радовался красотам богосозданной природы; и отдыхал от трудов своих на лоне природы то в Леушине, то в Ваулове; и понимал и принимал ласку людскую; и тяготился накуренным вагоном, предпочитая путешествовать на пароходе; вообще, казалось, что он будто бы «обыкновенный» батюшка. Он иногда даже и расстраивался (в вопросе о благословении матросов), а потом извинялся. Все будто бы обычно. Но тем необыкновеннее был он внутри своей души. Недаром многие сомневались в правильности его пути: небывалый в истории Церкви путь подвижничества — в миру.

Но сам он никогда не сомневался в верности спасенного пути своего, — пути православного, пути евангельско-апостольского, пути Христова, пути отеческого. Евангелие принесено не для исключительных людей, не для единиц, а для всего мира, для миллионов отцов, матерей, юношей, девиц и детей; не для монахов лишь, а и для правителей, для военных, для интеллигенции, для трудящихся, для чиновников; не для праведников только, а еще больше для грешников... Вот для всех он и служил, живя в среде их. И потому никто не мог сказать ему, что спасение в миру невозможно. В этом — о. Иоанн действительно был совершенно необыкновенный, исключительный подвижник и служитель Бога и людей! При видимой простоте именно он был особый человек. И пусть читатель писем не смутится видимой его «обычностью».

Ведь совершенно ясно, что при такой видимости простоты он до очевидности был святым подвижником. Мы об этом еще будем говорить особо. Но при чтении писем его я не раз поражался его заявлениям: «А я не изменился»; «благодать Божия во мне»,— это она влечет к нему людей. А больше всего потрясает душу его «благодерзновенное» заявление о врагах, гнавших и хуливших его:

«О злословии борзописцев... и их насмешках небрегу. Господь им отмстит за меня; ибо касаяйся меня злобно — касается в ЗЕНИЦУ ОКА БОЖИЯ»... Страшно нам сказать такие слова. Просто — невозможно. А он сказал: САМ БОГ ОТМСТИТ! — И действительно, «отмстил» потом...

Далее. Всегда у него на первом месте — служба, служба: «служу ежедневно»; «имел честь служить», «имел счастье служить», «только что отслужил», то есть литургию. «Причащение — жизнь моя». И не только о себе думает; но помнит всегда и о народе, о сестрах монастырских: «причащал ныне народ»; «причастил 400»; «стремление к причащению — неудержимое»; «по головам ходят». Это уж известно нам; но теперь Батюшка сам говорит об этом. И радуется.

Но вот что для меня показалось из писем нового: о. Иоанн придавал великое значение и проповедям своим. Как он отмечает всегда, что гово-

рил проповедь о том-то или сказал слово на такую-то тему, — и чаще всего в связи с причащением, Чашей; — то говорил по писанному, то устно, экспромптом; отмечал, как одушевленно было его слово: «говорил, как пророк или апостол». «Одушевление было огромное». Значит, он придавал очень важное значение и поучениям. И большею частью готовился к ним заранее, потом и в печать отдавал; и сам отмечал их действие.

✣ ✣ ✣

Важны эти письма и по множеству рассеянных и там, и тут мелких подробностей. Например, отсюда я узнал, что батюшка не раз болел: распухала нога (1895); болели все пальцы на руках, шел из них гной; с 1904 года болезни стали учащаться; в январе 1905года доктор навещает уже «по три раза в день». Болезнь у него была в предстательной железе, — отчего, сам он пишет, многие умирали; одно время он уже готовился к смерти, думал — что не встанет. Но потом снова поправлялся. В том году в феврале пишет: «...я — на пути к выздоровлению». А в январе следующего года (1906) сообщает: «Я чувствую себя хорошо, несмотря на немощь старческую (шел 77-й год — *М. В.*); еще бегаю и по лестнице восхожу легко». А уж с января 1908года болезненность почти не проходила: «я не слаб... и то — хорошо» (22 января). А в апреле иначе: «слаб; никуда не выезжаю». В мае: «железа не проходит... и по временам мучит меня». Иногда пишет: «один Бог знает», как он страдает: «хоть кричи». В последнем письме, от 20 августа, пишет: «Мое здоровье почти на одной степени»; и тут же добавляет свое обычное: «Служу литургию каждый день; народ причащаю»... И еще выезжает для молитв и причащения больной — таким образом, обычное заявление биографов, что о. Иоанн почти не болел, — не совсем правильно. Правда и он сам в старости не раз говаривал, что, несмотря на старые годы, чувствует себя здоровым. Но об этом можно говорить — до 70–72 лет; а после этого его здоровье стало переменчивым: «то лучше, то хуже»; в лучшие моменты он еще «бегает», то есть по своему обычаю быстро ходит, взбирается на лестницы «легко»... И понятно: уже шел 79-й год, а скончался — на 80-м... Без писем мы этих подробностей не знали бы...

Есть и другие детали: отец его страдал «не то раком, не то грыжей» и «умер рано, только 46 лет»; а «мать... скончалась в Кронштадте в 1870 году от холеры».

Его «матушка», Елизавета Константиновна, одногодка с ним, к 1908 году (май) — «крайне слаба: того и гляди что дух вон», — с любовью к ней пишет он.

Интересно и о пище. Хульники его и неразумные критики писали, что ему в гостях готовили роскошные обеды. Верно: кого мы любим, тому готовы все отдать! Но сам-то о. Иоанн как смотрел на все это? «Добрые они — через меру, — пишет об одних друзьях, гостя у них, — и любят угощать хлебом-солью и всем — до того, что приходится отягощаться отказами. Есть я почти ничего не мог — только перловую крупянку да суп из снетков» (1907). Но еще в 1905пишет: «Аппетит имею хороший только на одно мое любимое блюдо — суп с перловой крупой». Подумаешь, какая

«роскошь». В том-то и величие его души, что, имея возможность удовлетворять все свои пожелания, этот подвижник в миру хранил себя от соблазнов, побеждал все свои похоти — даже вкусовые. Много ли найдется таких, даже и в монастырях? — И много-много иных подробностей.

Но особенно мне хочется отметить его необычайную любовь духовную к досточтимой его сотруднице и послушнице — всечестной игумении Таисии... Мы видели, какими только ласковыми словами не называл о. Иоанн рабу Божию Таисию! И конечно, никакой порядочный человек, а тем более — понимающий духовную жизнь и различие «духовного» от «душевного» (по учению ап.Павла, — 1 Кор. 2, 10–16), не заподозрит в этих словах и чувствах Батюшки чего-нибудь нечистого, хотя бы и в тонком виде. Лишь дурной испорченный ум и плотское сердце будет искать в нем то, что у самого клеветника лежит и гниет в душе. Ведь и о. Серафима Саровского иные подозревали: кто чем болит, тот об этом и говорит; страстный — о страстном, сребролюбивый — о корыстном, гордый — не верит смиренному... В жизни своей я встретил одного священнослужителя, который никак не мог поверить другому, что тот верит искренно — очевидно, у него самого не было достаточной веры, а по себе мы обычно судим и о других... Но довольно об этом... Здесь было все чисто, духовно, благодатно, по-христиански свято. Мы знаем, что апостол Павел всех христиан своего времени, живших по заповедям Божиим, называл «святыми»: «Приветствуйте всех наставников ваших и всех святых. Приветствуют вас Италийские» (Евр. 13, 24). Или: «Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии» (Рим. 8, 14) по благодати усыновления. «Приветствуйте друг друга с целованием святым» (Рим. 16, 16). Конечно, нам, грешным людям, эта свобода и высота недозволительны: иначе скоро соскользнем в плоскость (как в сектах разного направления, от баптистов — до хлыстов). Но ведь о. Иоанн не был «как все»: это уж очевидно. Одни чудеса его говорят о сем. «Бог грешников не послушает»,— говорил фарисеям исцеленный слепец. У святых же все свято.

У о. Иоанна была «духовная семья»: вся Церковь — семья; весь православный народ — его семья; монахини — его сестры; и игумения Таисия тоже — сестра во Христе, мать во Господе, дочь по духовничеству. И вот у этой «святой избранницы» Божией Матери о. Иоанн нашел и место для отдыха, и помощь в устроении монастырей своих (Сурского, Иоанновского, Воронцовского, Вауловского и др.), и заботу в болезнях его, и просто утешение в духовном общении, в любви сестер, — «сопричащении» и проч. Вот почему его влекло на отдых в эти святые места, к христианским душам. Вот почему он любил служить в Леушинском подворье в Петербурге на Бассейной.

А мудрая и преподобная игумения Таисия, делая все для него, с большим тактом всегда держалась в тени: изредка лишь приезжала в Кронштадт или Петербург; а потом скоро скрывалась опять; или — ограничивалась перепиской; или посылала какую-либо из сестер... Это благоразумие было причиною того, что никогда не раздавалось обвинений ее, даже из уст злостных хулителей о. Иоанна.

Но нам мало этого: мы должны почитать ее такою, какою считал ее сам о. Иоанн, то есть праведною инокинею, или «святою» христианкою. И не даром мне пришлось слышать одно мудрое предложение: игумению Таисию следует внести в поминание, в числе его родных и духовно-близких сотрудников и сотрудниц. Истинно!

Царство Небесное избраннице Божией и строительнице 9–10 монастырей! К сожалению, мне не удалось на этот раз найти книгу ее: «Отец Иоанн Кронштадтский как пастырь»... Жаль, что и письма не все напечатаны; где-то остальные 33?

Из воспоминаний игумении Таисии

...Хлопоты мои о приобретении места в Петербурге для постройки подворья с целью материальной поддержки нашей обители, не имеющей ни капитала, ни обеспечения, начавшиеся еще при митрополите Исидоре, требовали иногда моего некратковременного пребывания в столице, где я нередко виделась с Батюшкой, хотя вести с ним духовную беседу никогда не приходилось; но зато, во время заездов его к нам в монастырь летом, на обратном пути с родины, мы получали поистине неземное наслаждение, находясь в непрерывном общении с этим благодатным пастырем в течение нескольких дней и даже недель. Он обыкновенно писал мне с родины, с. Суры или из Архангельска, о том, куда предполагает заехать, сколько где пробыть и когда приблизительно быть у нас, и на своем ли пароходе или на арендованном, и мое дело было встретить его на назначенном месте. Вот тут-то начинался мой праздник, мой отдых, то есть буквально отдых душевный, обновление сил и подъем духа.

Едем с ним, бывало, от пристани нашей Борки до монастыря; дорога все идет лесом, а версты за три до монастыря, пересекая дорогу, проходит полоса монастырского леса; и станет Батюшка благословлять его на обе стороны: «Возрасти, сохрани, Господи, все сие на пользу обители Твоей, в ней же Имя Твое святое славословится непрестанно». Дорогою расспрашивает о состоянии сестер, о здоровье их и т. п. Подъезжаем к деревне, расположенной за одну версту от обители и составляющей весь ее приход, а там по обеим сторонам пестреет народ, вышедший на благословение к великому гостю: мужички, с обнаженными головами, кланяются в пояс; женщины, с младенцами на руках, спешат наперерыв поднести своих деток; хоть бы ручкой-то коснулся их Батюшка; только и слышно: «Батюшка, кормилец», «родимый ты наш», «красное солнышко». А Батюшка на обе стороны кланяется, благословляет, говоря: «Здравствуйте, братцы! Здравствуйте, матери! Здравствуйте, крошечки Божии! Да благословит вас всех Отец наш Небесный! Христос с вами! Христос с вами!»

А как только пойдут монастырские постройки — дома причта, гостиницы и пр., тут встречают сестры с громким стройным пением: «Благословен грядый во имя Господне!» И далее с пением же провожают до самого

соборного храма, где встречают священнослужители, а звон в большой колокол давно уже гудит. Похоже на что-то Пасхальное, прерадостное. Общий подъем духа, общее торжество! После литургии, за которою всегда бывает много причастников, Батюшка проходит прямо в сад, куда приглашаются и все сослужившие ему священнослужители, гости, приехавшие к нему, туда же являются и самоварчик со всеми атрибутами, и дорогой Батюшка, зная, что всякому приятно получить чаек из его рук, старается всех утешить. Потом пройдет гулять по аллеям сада или один, или с собеседником, но никто не беспокоит его. Как только Батюшка проходит через террасу в дом,— сад пустеет, так как все расходятся. Но ведь Батюшка слишком любит чистый воздух; не только днем проводит все время или в саду, или катаясь со мною по полям и лесам, но и иногда, в теплые, сухие ночи, и спит на террасе. Иногда в саду соберет более близких знакомых своих и некоторых сестер обители и, сам выбрав где-нибудь местечко, станет читать нам книгу, им же самим выбранную; но чаще всего читал Евангелие, Апокалипсис или книгу пророков и все читаемое тут же объяснял. Иногда чтение прерывалось и беседами на объясняемую тему. Когда устанет сидеть или утомится чтением, скажет мне: «А что, матушка, не худо бы и прокатиться нам в пустыньку твою». И конечно, это моментально исполняется, и мы едем. Катались мы всегда не быстро, медленно, потому что в это время Батюшка или молился тайно, или беседовал со мною, или просто дремал; да и нужды не было скоро ехать: народ, как бы много его не было, никогда у нас не бросался к нему, не беспокоил его на дороге. О Пустыньке, этом излюбленном местечке Батюшки, я сообщу следующее:

Название Пустынька или Крестик носит небольшой скиток с церковью св. апостола Иоанна Богослова. Второе наименование его Крестик может показаться несоответствующим названию скита; но и самое происхождение его несколько необычное и тесно связано с именем достопочтенного пастыря, о. протоиерея Иоанна Кронштадтского, для которого это было излюбленное местечко.

В 1892 году, на обратном пути с родины, он посетил нашу обитель 15 июня, предполагая погостить в ней несколько дней. Конечно, все пустынное гостеприимство обители было направлено к успокоению высокого гостя; но чем могла она выразить свое радушие? Между прочим я предложила Батюшке покататься по полям и лесам монастырским и благословить их, на что он охотно согласился. В то время обитель еще не имела рессорных экипажей, не держала и кучера, обязанность которого исполняла одна из сестер. Долго ехали мы по лесу и не заметили, как колесная дорога стала прекращаться, сменяясь одной лишь тропинкой для пешеходов. Сестра, правившая лошадью, обратила на это наше внимание, сказав, что ехать дальше опасно — можно заехать в такую чащу, что нельзя будет поворота сделать; что и теперь, для того чтобы повернуть, нам придется сойти с тарантаса и подождать, пока она повернет, выбрав для сего более удобное место.

Мы тотчас же вышли, и Батюшка сказал мне: «Поищем пока мы с тобой землянички». На это я ответила: «Какая земляничка, Батюшка, в такую пору! У нас на Петров день редко поспевает, да еще в такой глуши:

тут только сосны да мох». Батюшка ничего не ответил, а сам наклонился, как бы ища чего на земле. Через несколько минут монахиня, повернув лошадь, подъехала к этому месту, а Батюшка подходил ко мне с букетиком сорванной со стебельками земляники и, подавая его, улыбаясь, сказал: «Вот я и ягодок принес». Я и глазам своим не верила и, обратясь к монахине, сказала: «Надо заметить это место; неужели здесь так рано поспевает земляника?» Монахиня тоже выразила сомнение. Впрочем, место мы заметили, и я решила, как только мы приедем в монастырь, послать сюда сестер поискать земляники, что и было исполнено; но, конечно, никакой земляники по раннему времени и по характеру грунта земли не могли здесь найти. Тем не менее, место это стало предметом всеобщего внимания, даже все приходящие считали как бы обязанностью побывать на нем, что и заставило вместо вбитого колышка поставить крест. Отсюда и ведет свое начало наименование этого скита Крестик, так как вошло в употребление говорить: были у крестика, пойдем ко крестику. Перед этим крестиком нередко читались акафисты и каноны, особенно людьми, имевшими какую-либо скорбь, которые потом заявляли, что, помолившись там, находили облегчение. Никакая непогода, даже в зимнее время, не мешала желающим посещать это место. Это обстоятельство вынудило меня обратиться к бывшему тогда архиепископу Новгородскому Феогносту с просьбою разрешить поставить маленькую часовенку с келиею не для жительства там кого-либо, а часовню — для случайных посетителей, келию же — в качестве места отдыха для меня, утружденной начальственною суетой, где бы я могла предаться молитвенному средоточию и безмолвию среди лесной тишины. В 1893 году, к приезду о. Иоанна, были уже готовы часовня с келиею, куда досточтимый пастырь и уединялся для своих молитвенных подвигов, проводя здесь иногда большую часть дня.

В 1892 году архиепископ Феогност, обозревая Леушинскую обитель, посетил и эту часовенку. Вошел в келию, чуждую всякого, даже скромного убранства, сел в ней на простую деревянную скамью перед таким же некрашеным столом, глубоко вздохнул, и слезы заблестели на его глазах. Затем он произнес: «Матушка, какое у тебя здесь блаженство! как легко вздохнуть здесь!» На это я отвечала, что и у него есть близ Новгорода мыза Архиерейская, в которой он может уединяться. Но он возразил: «Ах, ты не знаешь: я — на дачу, а дела вперед уж меня туда прибежали». Посидев несколько, он вдруг стал планировать: «Вот бы эти два окна превратить в арку да пристроить маленький алтарек, — вот бы и церковка была, блаженство такое! Не веря своим ушам от радости, ибо это было и моею заветною мечтою, я ответила ему: «Владыка святый! Уж очень бы это было хорошо! Да я не смела и просить об этом; ведь для церкви надобен священник: штатному здесь нельзя быть, а заштатного старца вот и для скита с трудом подыскиваем». На это Владыка сказал: «Зачем, зачем отдельного священника? Ведь в праздник ты всегда должна быть в монастырском храме с сестрами; а в будень, когда вздумаешь, может отслужить здесь и свободный священник из двух ваших. Если хочешь, подай прошение: я разрешу; начерти хоть сама маленький планчик этой часовни и как

предполагаешь пристроить к ней алтарь; я сам вижу все на месте и на этом основании могу разрешить». Я не знала как и благодарить Владыку, и поспешила исполнить предложенное. Это было в мае месяце. Когда в июле того же года, по обычаю, приехал о. Иоанн, я передала ему о результате посещения архиепископом Феогностом Пустыньки. Отец Иоанн перекрестился и несколько раз повторил: «Слава Тебе, Господи!» Когда я спросила у него, почему он ранее никогда не выражал своего желания, чтобы была здесь церковь, он ответил: «Я положился на Господа, да будет воля Его, а не моя; и вот Он Сам благословил осуществить Свою святую волю».

Вот как возникла Пустынька с храмом во имя св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова!

В том же году стали запасать лес и весь нужный материал для постройки алтаря и других приспособлений, необходимых для церкви. Так как дело было несложное, пристройка небольшая, то к следующему июлю месяцу, ко времени прибытия о. Иоанна, храм был уже готов и, с благословения архиепископа, освящен о. Иоанном, во имя св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Одна близкая моя знакомая, институтская подруга, Елизавета Пасмурова, поусердствовала сделать мраморный престол; она же, равно и другие знакомые и благодетели, доставили для храма всю нужную утварь, так что ничем не пришлось обременять монастырь, равно как и на все расходы по пристройке не пришлось тратить монастырские средства, так как петербургская купчиха У.Сорокина пожертвовала на этот предмет 500 рублей.

По сие время Пустынька эта составляет излюбленное местечко всей обители и ее богомольцев, а теперь, со времени кончины о. Иоанна, она сделается еще дороже и приятнее для всех ценивших этого великого и незабвенного пастыря. Церковь в ней маленькая, смежная с такою же небольшою комнатой, где стоят богомольцы в зимнее время; а летом они размещаются вокруг ее на открытом воздухе, где, при открытых окнах, прекрасно слышно все богослужение. Колокольни нет, да не имеется и колоколов, кроме одного 6-фунтового, за неимением средств.

Находится она с южной стороны от монастыря, на расстоянии около одной версты.

Туда теперь проложена прекрасная дорога.

Батюшка очень любил цветы и вообще природу: ему беспрестанно подносили цветы или из сада, или полевые. Бывало, возьмет в ручку розу или пион, какие расцветут к его приезду, и поцелует цветок, говоря: «Лобызаю Десницу, создавшую тебя столь дивно, столь прекрасно, благоуханно! О Творец, Творец! Сколь дивен Ты и в самомалейшей травке, в каждом лепестке!» Подержит, бывало, Батюшка в руке своей цветочек и отдаст кому-нибудь из присутствующих; и сколько радости получает с этим цветочком обладатель его! А Батюшка продолжает восхвалять Творца за Его благодеяния к людям. Подадут ли ему ягод из саду, какие поспеют, он говорит: «Какой Господь-то, Отец наш Небесный, милостивый, добрый, щедрый, всеблагой! Посмотрите, поймите — Он не только дает нам насущное, необходимое пропитание, а и услаждает нас, лакомит ягодками, фруктами, и

какими разнообразными по вкусу,— одни лучше других! Заметьте, вот у каждого сорта ягод свой вкус, своя сладость, свой аромат».

Кто-то из приезжих заметил при этом ему однажды, что ныне культура усовершенствована и дает лучшие сорта продуктов. Батюшка, не глядя на говорящего, а продолжая смотреть на ягоды, ответил: «Культура — культурой, а Творец — Творцом. На то и дан человеку разум, чтобы он работал им, возделывал, совершенствовал, или, как ныне выражаются, культивировал прежде всего себя самого, а затем и другие творения Божии, хотя бы и дерево, и плоды, и все, что предано в его руки Творцом. Из готового-то семени легко выращать, доводить до высшего качества; а семя-то самое создать, если его нет, одну каплю воды создать, там, где ее нет,— попробуйте-ка с вашей культурой! Из готовой воды можно и водопады устраивать; из готовых веществ — земли, песка, глины,— можно какие угодно громады воздвигать; а при отсутствии этих веществ что вы сделали бы? О Творче всеблагий, Отче Небесный, доколе создание Твое не познает Тебя и не падет в прах пред величием Твоим?!»

Любил также Батюшка и сам собирать в саду ягоды и кушать их прямо с веточки. Бывало, заберется в кусты малины или в грядки клубники, кушает да позовет: «Матушка, у тебя в садике-то воры; что плохо следишь за своим добром?» Любил он наш садик и всякий раз перед отъездом из обители заходил в него и, как бы жалея его, прощался с ним: «Прощай, садик! Спасибо тебе за то удовольствие, которое ты доставляешь мне всегда! Сколько светлых минут проводил я в твоем уединении!» и т. п. Бывало, скажешь ему на это:

«Родной наш Батюшка, да разве вы уже на будущий год к нам не приедете?» Он ответит: «Будущее в руках Божиих; жив буду,— приеду».

Если случалось, что Батюшка приезжал к нам во время сенокоса, то мы с ним ездили и на покос к сестрам, всегда приноравливаясь к тому времени, когда они там пьют чай. Вот радость-то сестрам! Подъезжаем, бывало, и издали уже виднеются черные фигуры в белых фартуках и белых платочках. Поодаль дымятся и самоварчики; тут же на траве разостлана большая простая деревенская (бранная) скатерть, пригнетенная по краям камушками, чтобы не поднимало ее ветром; на ней около сотни чашек чайных, сахар; подле стоят мешки с кренделями (баранками). Как только подъедет Батюшка, певчие сестры грянут любимый Батюшкин задостойник: «Радуйся, Царице». Батюшка идет к приготовленному для него столику, но иногда прежде погуляет по покосу, посидит на сене, побеседует с сенокосницами, и затем начинается чаепитие. Все собираются к кипящим кубам и самоварчикам, садятся на траву, и Батюшка сам раздает им из мешка баранки, многим дает чай из своего стакана и вообще старается всех утешить. Когда он уезжает с покоса, все бегут провожать его, певчие поют ему «многолетие», пока экипаж не скроется из вида. Вообще, Батюшка любил наше пение и ежедневно призывал клирошанок петь, по большей части в саду, иногда в Пустыньке, а при дождливой погоде и в кельях. Ежедневно после обеда приходила к нему регентша, которой он назначал, какие пьесы петь ему. Иногда он слушал их молча, сосредоточенно, в молитвенном настрое-

нии; иногда стоял или даже ходил среди них и объяснял им смысл поемого, особенно ирмосов; иногда же с увлечением сам пел с ними и регентовал рукою. Когда случалось нам с ним кататься по Волге, по его благословению, я брала с собою на пароход от четырех до шести певчих, которые пели ему на пароходе, а также и в прибрежных церквях, где он останавливался для совершения литургии, без чего не мог провести ни одного дня. Когда мы с ним катались по нашим лесам и полям, он всегда благословлял поля с молитвою об их плодоносии и изобильном урожае на пропитание обители. Бывало, когда увидит, что нет близко народа, велит остановить лошадей, снимет с себя рясу, положит на свое место и пойдет немножко пройтись в поле. По дорогам между монастырем и скитом у нас поставлено немало скамеечек, так как по этим уединенным дорожкам гуляют монашенки и садятся иногда со своим рукоделием или отдыхают, когда ходят в лес за ягодами или за грибами.

Во время пребывания у нас Батюшки, все таковые скамеечки служили местом для богомольцев, прибывших к Батюшке; зная, что мы с ним ежедневно, иногда и по нескольку раз, проезжаем тут мимо, они поджидали нас и, завидев издали экипаж, тихо, в полном порядке подходили к Батюшке на благословение; иные девушки подносили ему полевые цветы, особенно часто фиалки, белые и лиловые, которые Батюшка очень любил. Так, однажды, приняв эти букеты, он держал в руках один из них и, рассматривая его, сказал евангельское слово:

«Ни Соломон во всей славе своей не одевался так, как каждая из полевых лилий. Если Отец Небесный так одевает цветок, который сегодня есть, а завтра брошен будет в печь, то не тем ли более нас, маловерные. Как очевидна истина слова Божия: «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, а все остальное приложится вам». Это я испытываю на себе: с тех пор как я начал усиленно искать и исключительно заботиться о благоугождении Господу молитвою и делами милосердия ближним и другим, я почти не имею надобности заботиться о себе, то есть о своих внешних нуждах; меня, по милости Божией, одевают, обувают, угощают добрые люди и сочтут за обиду, если бы я не принял их усердия».

Я на это отвечала ему: «А если бы вы знали, Батюшка, как приятно что-либо сделать для вас, хотя чем-нибудь послужить вам! Да и поверите ли, Батюшка, что за все, что для вас сделаешь, так скоро воздается сторицею! Я это и на себе лично испытала, да и от многих слышала».

О. И. «Верю и сам вижу на деле; да это и в порядке вещей; за все воздает нам Господь; даже за чашу холодной воды, поданную во имя Его».

И. Т. «А я в этом отношении часто припоминаю слова: «Приемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничу приемлет» (Мф. 10, 41). Я знаю, что это сказано к апостолам и не в том отношении, о котором мы теперь говорим, а вообще о вере и усердии к праведникам, т. е. к людям, всецело отдавшимся Богу».

О. И. «А помнишь апостольское слово: «Не обидлив бо Бог, забыти дела вашего и труда любве, юже показасте во имя Его, послуживше святым» (Евр. 6, 10).

Конечно, не святых, на небесах живущих, надлежит разуметь, а служителей Его, которые трудятся для Него ради спасения людей. А строго же Он и судит тех, кто дерзает злословить их, особенно клеветать безвинно! Как Он через пророка Захарию говорит: «Касаяйся вас (т. е. избранников Божиих), яко касаяйся в зеницу ока Его» (Божия) (Зах. 2, 8).

Видишь, Своим «оком» называет их Господь! Да святые-то как любили Господа! Несмотря на немощное свое плотское естество, ужасающееся и мысли о мучениях и пытках, ради любви Христовой охотно шли на всякое страдание и смерть, лишь бы в вечности не быть отринутыми от Него.

Вот св. Игнатий Богоносец и лично просил, и писал в своем послании к римлянам-христианам, когда они хотели освободить его от предстоящей ему мученической смерти: «Не возбраняйте ми (т. е. не мешайте мне прийти к Господу), хощу быти измолен (т. е. измолот) зубами зверей; да буду в жертву благоприятну Господу моему! (Посл. к Рим.)

Вот высокая, святая любовь!

...Это было в конце 90-х годов, когда наш Леушинский монастырь еще не имел в Петербурге своего подворья, где впоследствии мы часто и удобно виделись и беседовали с Батюшкою. Мне приходилось с большим затруднением искать случая увидеть его и хотя бы кратко поговорить, о чем было нужно.

Так однажды, пробившись попусту несколько дней в поисках такого случая при неотложной надобности побеседовать с ним, я решилась идти на вокзал Балтийской ж. д. и лично попросить его дозволить мне доехать с ним до Ораниенбаума для помянутой цели. Добрый Батюшка не только охотно согласился, но и сказал мне: «Очень, очень рад побеседовать с тобою, ведь мы давно не виделись». Поезд тронулся и мы остались в купе только вдвоем. Мне он указал место по правую свою руку, а напротив нас, ни вообще в купе не было никого. Началась беседа сердечная, духовная, откровенная. Вдруг Батюшка порывисто, быстро поднялся на ноги (не отходя от места, где сидел) и, подняв правую руку вверх, потряс ею в воздухе, как бы грозя кому-то, устремил взор вдаль прямо (не в сторону) громко произнес: «Да запретит вам Господь Бог!» Сказав эти слова, он перекрестился, сел на свое место и с обычной своей кроткой улыбкой посмотрел на меня и, положив свою руку на мое плечо, произнес: «Что, матушка, ты не испугалася ли?» «Испугалась, Батюшка,— отвечала я,— но я сразу же поняла, что вы запрещали бесам,— неужели вы их видите?» «Да, матушка, да! но что об этом говорить, лучше продолжим нашу беседу». Таким образом, в этой беседе мы доехали до Ораниенбаума; Батюшка направился на пароход, идущий в Кронштадт, а я с тем же поездом, не выходя из вагона, вернулась в Петербург, утешенная и ободренная беседою с великим человеком, имеющим «власть на духов злобы поднебесных».

Второй подобный сему случай могу привести следующий. В день храмового нашей подворской церкви праздника св. ап. Иоанна Богослова всегда служил у нас Батюшка о. Иоанн; для этого он приезжал накануне ко

всенощной, выходил на величание, сам читал акафист и канон. Затем оставался у нас ночевать и в самый праздник совершал (соборне) с другими священниками позднюю литургию в 10 часов. Вставал он всегда рано, иногда часа в 4 или 5, писал проповедь или свои заметки, а часов около 7–8 ехал освежиться на воздухе, причем брал всегда с собою меня сопровождать его. Ездили мы обычно на острова, где поутру бывает всегда пусто, уединенно, что при чистом свежем воздухе действительно составляло отдых и отраду пастырю, окруженному в течение целого дня людьми и суетою. Эти часы Батюшка употреблял для тайной созерцательной молитвы, и я, зная это, никогда не нарушала ее никакими разговорами, кроме как если он сам заговорит со мною. Так однажды выехали мы на Николаевский мост, откуда заранее приказано было кучеру повернуть по набережной налево. Когда карета наша поравнялась с часовней на мосту, мимо, вдоль набережной с левой стороны, везли покойника; дроги с гробом везла одна лошадь, а провожавших было не более 8 или 10 человек, почему каждый из них был ясно видим. Батюшка вдруг изменился в лице; он пристально глядел на погребальное шествие, и так как оно шло по набережной параллельно с нашей каретой с моей (левой) стороны, то ему приходилось наклониться на мою сторону, причем я не могла не видеть перемены в лице его. Наконец, шествие свернуло в 1-ю линию; а Батюшка, несколько успокоившись, стал креститься. Потом, обращаясь ко мне, произнес: «Как страшно умирать пьяницам!» Предположив, что Батюшка говорит о покойном, узнав провожающих его гроб, я спросила: «А вы знаете его, Батюшка?» Он ответил мне: «Также, как и ты». Все еще не понимая ничего, я пояснила ему свое предположение, прибавив, что я никого из провожающих не знаю. «И я тоже,— сказал он,— но вижу бесов, радующихся о погибели пьяницы».

Батюшка о. Иоанн в течение последних 18 лет, с первого же года (1891), когда он стал ездить на свою родину в Суру, стал заезжать и к нам в Леушинскую обитель, лежавшую на пути, недалеко от берега р. Шексны, которою он следовал, выйдя из канала Мариинской системы, до Волги. Дойдя своим небольшим пароходом «Святитель Николай» до нашей монастырской пристани Борки, он обыкновенно отсылал свой пароход обратно на родину, ехал в нашу Леушинскую обитель гостить, или, как выражался он, «отдыхать» и проводил у нас с неделю времени или более. Для следования дальнейшего пути ему подавался пароход пассажирский большой (местных компаний), и Батюшка ежегодно проезжал на таковом по Волге, хотя бы до Нижнего Новгорода или далее, по его личному желанию и указанию. Я всегда бывала с ним в таких путешествиях; и признаюсь по совести, что эти дни были лучшими в моей жизни в духовном отношении при многих внешних неудобствах. Но об этих путешествиях, равно и о препровождении времени в пребывании его в обители нашей, я опишу, если Господу угодно, отдельно. Теперь же возвращусь к намеченной цели,— поведать о следующем случае, ясно говорящем о высокой созерцательности этого великого пастыря.

При сем не лишним считаю просить читателей верить мне, ибо, с одной стороны, какое побуждение может руководить мною говорить неправду на

усопшего, уже предстоящего Лицу Божию; если бы я написала это при жизни его, то еще можно было бы заподозрить меня, как почитательницу и сторонницу Батюшки, но и то было бы вовсе несообразно, ибо я и сама, 70-летняя старица, стоящая на рубеже могилы, слишком осторожна в своих словах, особенно относительно таких серьезных случаев. Итак, я хочу рассказать следующее.

Однажды мы с Батюшкой ехали на пароходе по Волге. Он, по своему обычаю, сидел на трапе с Евангелием в руках и читал помещенный в конце его Псалтирь, в русском переводе. Я тоже была на трапе, но далеко от него. Вдруг Батюшка, увидев меня, сделал знак рукою, чтобы я подошла к нему, что, конечно, я охотно исполнила. «Послушай, матушка,— обратился он ко мне, усаживая меня после себя,— какой неправильной перевод: «Аз рех во иступлении моем» — переведено: «я сказал в безумии моем» — ведь это совсем не то?» Я ответила, что надлежало перевести: «Я сказал в восхищении, в восторге чувств», как и дальнейшие слова согласуются: «что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми». Батюшка одобрил мои слова и, опустив книжечку, сидел молча. Пользуясь его спокойным настроением и досужными минутами, я решилась высказать ему свои тревожные мысли о загробной участи моей матери, которая, быв вполне религиозной христианкой, в то же время сильно противилась моему уходу в монастырь и не хотела дать мне на это своего благословения. Меня тревожила мысль,— не вменит ли ей Господь во грех это ее упорство. И вот я, в описанную минуту, спросила о сем Батюшку. Он сказал мне: «Молись за нее» — и, продолжая сидеть неподвижно с Евангелием в руках, сосредоточенно смотрел куда-то вдаль. Я уже боле не повторяла вопроса и мы сидели с ним молча около $\frac{1}{4}$ часа. Вдруг Батюшка, обернувшись ко мне, произнес твердо: «Она помилована!» Я никак не дерзала понять эти слова как ответ на мой вопрос, считая его уже покончeнным, и, в недоумении взглянув на Батюшку, спросила: «Кто помилован, о ком вы это сказали?» «Да ты о ком спрашивала меня, о своей матери? — возразил он. — Ну так вот я и говорю тебе, что она помилована». «Батюшка, дорогой,— продолжала я,— вы говорите, как получивший извещение свыше». «А то как же иначе? Ведь о подобных вещах нельзя говорить без извещения,— этим не шутят». Кто не признает глубокой степени прозрения в этом пастыре, дерзновения ко Господу его чистой возвышенной души?»

Настоятельница Леушинского монастыря
игумения ТАИСИЯ

Мои воспоминания

1. Первое посещение

Нас, видевших о. Иоанна, остается все меньше и меньше; потому и я счел возможным включить в число свидетельств живых людей и свои воспоминания.

Во многом я повторю других; но и тем подкреплю истинность их показаний. Впрочем, есть кое-что и новое, чего я не встречал у иных писателей: а нам дороги и малые подробности о жизни святого пастыря. О чудесах его я уже говорил прежде: там было рассказано и о тех новых знамениях, о коих еще никогда не было сказано. Итак, в простоте расскажу о виденном мною.

Об о. Иоанне Кронштадтском я, конечно, слышал еще в детстве. Но даже в семинарии никто никогда не сказал о нем ни одного слова. Странно!

Простые люди славословили его по всей Руси, а в школе для пастырей им не интересовались: будто его и не было.

Поступил я в Петербургскую академию. Здесь уже Кронштадт был рядом, под боком. И опять странность: никто почти не ездил к нему, за исключением отдельных студентов или небольших групп их. Не интересовались и профессора. Изредка когда-нибудь услышишь маленькое сообщение из прошлого, как он посещал когда-то свою академию, в которой учился полстолетия назад. Но и тогда не рассказывалось ничего особенного, захватывающего; потому и не зажигалось у нас желание зреть этого всемирно известного пастыря. Да и то нужно сказать, что время наше было уже прохладным — в духовном смысле. Неверующих в нашем курсе я не знал: один лишь сибиряк считался у нас «неверующим»; но и он не смел никогда говорить об этом явно. А если бы и заговорил, то встретил бы от всей массы нашего курса пренебрежение и общее отталкивание от него. Но, с другой стороны, не было и горения религиозного; вероятнее всего— этим объяснялось и наше равнодушие к о. Иоанну.

И я не в первый, а уже во второй год своего студенчества собрался с друзьями-товарищами на богомолье к о. Иоанну.

Был холодный ноябрь, но бесснежный. 25 числа, в день отдания праздника Введения, мы выехали в Кронштадт. Направились там прямо в Дом тудолюбия, созданный о. Иоанном,— о коем мы слышали или читали. Там нас, как студентов академии, приняли с вниманием. Утром нужно было вставать рано, чтобы в 4 часа уже быть в храме. Нас провели в алтарь собора. Андреевский собор вмещал, вероятно, около 5 000 человек. И он уже был полон. В алтаре, кроме нас, было еще несколько человек духовных и несколько светских лиц.

Утреню начал один из помощников о. Иоанна. А скоро, через узкую правую боковую дверь алтаря вошел и Батюшка в меховой шубе — дар почитателей. Отдавши ее на руки одному из сторожей (их было много в соборе, как увидим), он ни на кого не глядя, ни с кем не здороваясь, быстро и решительно подошел к престолу и также быстро пал на колени перед ним. Не помню: перекрестился ли на этот раз? После я заметил, что он не раз падал ниц, не крестясь — очевидно, так требовала его пламенная душа. Иногда, вместо креста, всплескивал руками; а иногда и крестился. Ясно, что для него форма не имела связывающего значения, — как и должно быть у людей, горящих духом: «Не человек для субботы, а суббота для человека», — говорил Господь. Конечно, это право принадлежит не нам, рядовым и слабым людям, а окрепшим в благодати Божией; поэтому никому нельзя искусственно подражать таким великанам...

После этого Батюшка обратился уже к присутствующим в алтаре; и со всеми нами весьма ласково поздоровался, преподав мирянам благословение.

Потом быстро оторвался от нас и энергично пошел к жертвеннику. Там уже лежала целая стопка телеграмм, полученных за день и за ночь со всех концов Руси. Батюшка не мог их сразу и прочитать здесь. Потому он с тою же горячностью упал перед жертвенником, возложил на все эти телеграммы свои святые руки, припав к ним головою, и начал тайно молиться Всевидящему Господу о даровании милостей просителям... Что потом делалось с этими телеграммами, я лично не знаю — вероятно, секретарствующие лица посылали ответы по адресам, согласно общим указаниям, данным Батюшкою. В особых случаях им самим составлялись тексты для телеграмм. Да ведь, собственно, и не в этих ответах было главное дело, а в той пламенной молитве, которая возносилась им пред жертвенником или в других местах, где захватывали его просьбы...

Между тем утреня продолжала идти своим порядком.

После шестопсалмия, во время великой ектеньи, Батюшка в одной епитрахили быстро вышел на правый клирос. На этот раз ему показалось недостаточно света, и он, подозвав одного из церковных служителей, вынул из кармана какую-то денежную бумажку и вслух сказал: «Света мало! Света!»

Очевидно, полутемнота храма не соответствовала его пламенному духу: Бог — есть Бог светов! Бог славы и блаженства! И потому о. Иоанн послал за свечами...

Подошло время чтения канонов. По Уставу полагается читать два очередных канона дня недели, а сверх того, третий канон — в честь святого, память которого совершалась в этот день. Была среда. А праздновалась, как сейчас помню, память преподобного Алипия Столпника. После я осведомился о житии этого подвижника: он стоял на столпе 53 года; а скончался 118 лет.

Из будничной же службы Октоиха полагается читать в среду первый канон Кресту, а второй— Богородице. Потом уже преп. Алипию. В тот же день, 26 ноября, есть особая служба в честь освящения киевского

храма св. Георгия Победоносца и полагается праздник св. Иннокентию Иркутскому; но им службы не совершалось.

Как известно, о. Иоанн всегда читал каноны сам. Так было и на этот раз. Но как он читал! Совсем не так, как читаем мы, обыкновенные священнослужители: то есть ровно, без «выражения», певучим речитативом. И это мы делаем совершенно правильно, по церковному учению с древних времен: благоговение наше пред Господом и сознание собственного недостоинства не позволяют нам быть дерзновенными и в чтении; «бесстрастность» ровного, спокойного, благоговейного, совершения богослужения— более пристойна для нашей скромности.

Не случайно же подчиненные вообще разговаривают с начальствующими не развязно, не вольно, а «почтительно докладывают» ровным тоном. Особенно это заметно в военной среде, где воины отвечают начальникам подобно церковному речитативу, на одних «нотах».

Но «праведнику, — говорит ап. Павел, — закон не лежит»(1 Тим. 1, 9).

И о. Иоанну — при его горящей энергии, гремящей вере; при тысячах людей, жаждущих его дерзновенной молитвы; при сознании им нужд, горя, скорбей, грехов этих простых чад Божиих; даже при огромности самого храма, требующего сильного голоса, — о. Иоанну нельзя было молиться так, как мы молимся. И он молился чрезвычайно громко, а главное — дерзновенно. Он «беседовал» с Господом, Божьей Матерью и святыми; беседовал со смелостью отца, просившего за детей; просил с несомненной верой в то, что Бог не только всемогущ, но без меры и милосерд. Бог есть любовь! А святые богоподобны. Вот почему о. Иоанн взывал к ним с твердым упованием, как именно, этого на бумаге не передашь. Можно себе лишь отчасти представить, как это было: «Слава Господи, Кресту Твоему честному!» «Пресвята-ая Богородице!!! Спаси-и нас!!» «Преподобне отче Алипие!!! Моли-и Бога о нас!» И потом следовало чтение тропаря канона с тою же громкостью, выразительностью, страшной силой. Да, я никогда в жизни еще не слышал подобной силы молитвы! И у Батюшки все это выходило совершенно естественно! Народ при этих возглашениях крестился, а о. Иоанн взывал и взывал: «Спаси!», «Моли Бога!»

Немедленно после утрени начались часы и Божественная Литургия. Тысячи просфор вынимались другими священниками в левом приделе. Начинается литургия. Отец Иоанн громогласно, дерзновенно и величественно возглашает Славу Царству Троицы:

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков!

...И так вдохновенно шла вся литургия. Даже больше того: чем дальше она шла, тем все больший подъем охватывал о. Иоанна. Даже такие короткие слова, как «мир всем», произносились им внушительно, обрывисто: «Мир!.. всем!..»

При этом лицо его становилось все возбужденнее и розовее; очи светились!.. Это было не «служение», а именно священнодействие, с начала до конца.

Но своей вершины это дерзновение, восторг и вдохновение достигали во время Пресуществления Св. Даров. Совершив таинство по чину, он сначала падал ниц перед престолом. А потом брал Св. Чашу и целовал ее; прикладывал к своему челу и снова целовал... Нигде в мире никто так не совершал этого таинства!

Но вот приходило время причащать верующих. А их были тысячи... Это было просто физически невозможно для одного лица, ибо заняло бы несколько часов. А ведь у о. Иоанна каждый день был заранее расписан по часам, как в Кронштадте, так и в Петербурге. На этот раз лишь немногих причащал он сам. Всякий может понять, что каждому из богомольцев хотелось причаститься «у Батюшки». Для этого перед главным амвоном сделано было особое ограждение, куда служители и впускали группами по несколько человек, затем еще и еще. Но привычные почитатели знали, что скоро эти «счастливые» десятки кончатся; а они останутся не в ряду их. И что же тогда начинало твориться? Люди,— как мужчины, так и женщины — подходили с боков к свободным местам амвона, отделенным высокой железной оградой, и старались перелезать через нее. Тотчас сюда подбегали служители и начинали лезших отбрасывать назад... Раздавались протесты, крики, жалобы, вопли; но иного способа остановить хаос не было. Конечно, даже смотреть на все это было больно. А с другой стороны, как осудить такое стремление простых душ к чтимому и любимому Батюшке?! Ведь перед ними был пастырь единственный на всю Россию, был великий молитвенник, чудотворец; был — огнь, зажигавший всех! Потому и стремились к нему... К нам вот не стремятся так!

Батюшка иногда отказывал в Причастии некоторым, попавшим и в ограду. Помню, как он одной женщине почему-то резко сказал:

— Отойди-и! Недостойна!

Ее отвели и выпустили за ограду, подошли другие. Чем это объясняется, для меня— тайна; но нужно думать, что его прозорливому взору было видно, почему ее не следовало допускать до Причащения.

...Затем он быстро кончил на этот раз причащение и унес Св. Дары в алтарь, где потом сам и потреблял часть их.

Кончив Литургию, он никого уже не допускал к целованию Креста, как это делается обыкновенно... Быстро разоблачился, оделся; благословил нас. Некоторые в алтаре спрашивали его о чем-то, он кратко тут же отвечал. И через ту же правую дверь алтаря вышел в сад, окруженный высокой оградой.

Батюшка не мог ни войти, ни выйти через храм, как это делали мы все — и священники и архиереи... Нам это можно; а ему было нельзя. Народ тогда бросился бы к нему массою и в порыве мог затоптать его. И потому нужно было избрать иной путь: его из дома привозили на извозчике (а не в карете, как пишут иные) до сада, хотя тут было всего каких-нибудь пять минут ходу; и на извозчике увозили. В саду не было ни души: высокие ворота были заперты. Батюшка быстро сел в пролетку; извозчик сразу помчался по саду к воротам. А там уже стояли служители; они сразу открыли выезд; и лошадь помчалась прямо; хотя там стоял народ, ждав-

ший Батюшку «хоть еще разок взглянуть». И лишь под страхом попасть под копыта или под колеса люди неохотно раздвигались; и Батюшка вылетел «на свободу».

Но и тут не обошлось без инцидента. На моих глазах — мы из алтаря вышли за ним по саду — какой-то крестьянин бросился прямо в середину пролетки, желая, видимо, получить личное благословение. Но быстрой ездой он был мгновенно сбит с ног и упал на землю. Я испугался за него и, закрыв лицо руками, закричал инстинктивно: «Ай, задавили, задавили!»

И вдруг на мой испуг слышу совершенно спокойный ответ:

— Не бойся, не бойся! Батюшкины колеса не давят, а исцеляют!

Я открыл глаза: это сказала худенькая старушечка, действительно спокойная. Поднялся и смельчак невредимым, стряхнул с себя пыль и пошел в свой путь, а люди — в свой; точно ничего и не случилось. Куда уехал Батюшка, не знаю; говорили, что в Петербург.

2. Общая исповедь

Не помню точно — в первое ли посещение или в другое, мы, студенты, с юношеской простотой обратились к нему в алтаре:

— Батюшка! нам бы хотелось видеть вашу общую исповедь.

Он с простотой и любовью ответил:

— Я только вчера совершил ее. Но ради вас я и ныне покажу вам, как она делается мною.

Перед Причащением о. Иоанн вышел через Царские врата на амвон и сказал приблизительно следующую проповедь. Привожу ее в извлечении.

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь! — с силой начал он. — Царь и Псалмопевец Давид сказал: Бог с Небесе приниче на сыны человеческия, видети, аще есть разумеваяй или взыскаяй Бога? Вси уклонишася, вкупе непотребни быша, несть творяй благое, несть до единаго» (Пс. 52).

По-русски: «Господь посмотрел с неба» и т. д.

Батюшка перевел псалом на русский язык. Затем обратился ко всем с указанием, что и в наше время — «все уклонилися» в грехи... И он начал перечислять их. В храме стали раздаваться всхлипывания, рыдания; потом восклицания: «Батюшка, помолись за нас!» Тогда о. Иоанн на весь храм воскликнул: «Кайтесь!»

В храме поднялся всеобщий вопль покаяния: каждый вслух кричал о своих грехах; никто не думал о своем соседе; все смотрели только на Батюшку и на свою душу... И плакали, и кричали, и рыдали... Так продолжалось не одну минуту. Затем о. Иоанн дал рукою знак, чтобы верующие стихли. Довольно скоро шум утих. И Батюшка продолжал свою проповедь:

— Видите, как мы все грешны. Но Отец наш Небесный не хочет погибели чад Своих. И ради нашего спасения Он не пожалел Сына Своего Единородного, послал Его в мир для нашего искупления, чтобы ради Него простить все наши грехи. И не только простить нас, но даже позвать нас на

Свой Божественный Пир! Для этого Он даровал нам великое Чудо, даровал нам в пищу и питие Св. Тело и Св. Кровь Самого Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа. Этот чудесный Пир совершается на каждой литургии, по слову Самого Господа: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое!» и «Пийте от нея (Чаши) вси, сия есть Кровь Моя». Как в притче отец с любовью принимает своего прегрешившего, но покаявшегося блудного сына и устраивает ему богатый пир, радуясь его спасению, так и ныне Отец Небесный ежедневно и каждому кающемуся учреждает Божественную Трапезу — Св. Причащение.

Приходите же с полною верою и надеждой на милосердие нашего Отца, ради ходатайства Сына Его! Приходите и приступайте со страхом и верою к Святому Причащению.

А теперь все наклоните свои головы; и я, как священнослужитель, властью Божией, данной нам, прочитаю над вами отпущение грехов.

Все в благоговейной тишине склонили головы; и о. Иоанн поднял на воздух над всеми свою епитрахиль и прочитал обычную разрешительную молитву, совершая над всею церковью знамение креста, при словах: «прощаю и разрешаю... во имя Отца и Сына и Св. Духа...»

Затем началось Св. Причащение.

Когда мы возвращались в тот же вечер из Кронштадта в Петербург, то на пароходе ко мне обратился с вопросом какой-то простец из богомольцев, бывший на той же литургии у о. Иоанна:

— Что-то я слышал, батюшка звал нас всех на обед; а обеда-то не было?! А-а?

Я понял наивность души этого посетителя и спокойно разъяснил ему, что под «Пиром» батюшка разумел Св. Причащение. И повторил поселянину мысль поучения. Он понял и успокоился:

— Вот оно что! А я-то думал, он обедать позвал.

Много лет спустя, уже за границей, мне пришлось самому быть участником подобной исповеди. Но должен откровенно сознаться, что она на меня не произвела такого действия силы и мира, какие почти всегда сопровождают отдельную, личную, тайную, обычную исповедь. А у о. Иоанна была особая сила Божия.

3. Другие встречи

После мне пришлось сослужить о. Иоанну на литургии, в качестве уже иеромонаха. Упомяну лишь об одном факте.

Он предстоятельствовал. Я стоял пред престолом с левой стороны. И как только он возгласил с обычною ему силою: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа», меня, точно молния, пронзило ясное сознание, выразившееся в уме в таких словах: «Боже! Какой он духовный гигант!» И, созерцая это с очевидностью, я, в размышлении, закрыл уста свои служебником: «Какой гигант».

Вдруг он протягивает ко мне левую руку, отодвигает книгу от уст, говоря властно:

— Не думай!.. Молись!!

Вероятно, он прозрел мои тайные мысли о нем.

Еще я раз приходил к нему с одной матерью, которая привела сына, мальчика, болевшего глазами. Об этом я расскажу в главе о чудесах.

А последнее мое посещение было приблизительно за полгода до кончины его. Мы с товарищем по академии, иеромонахом Ш-м посетили о. Иоанна по причине болезни моего друга. Батюшка вышел к нам уже слабеньким. Пригласивши сесть, он устало спросил нас:

— И чего вам от меня, старика, нужно?

— Батюшка,— вольно ответил я, прости меня за это, Господи!— если бы вы были простой «старик», то к вам Россия не ходила бы.

— Ну, ну!— махнул он рукою, не желая спорить.

— Скажите нам что-нибудь во спасение души.

Тогда он взял в руки крест, висевший на груди моего товарища, и смотря на него, стал молиться. Потом начал многократно и долго целовать его, прижимая его к своему лбу; опять целовал. Затем то же самое он делал с моим крестом... Все это творилось молча, несколько минут.

Потом он сказал:

— Монахи, монахи! Не оглядывайтесь назад! Помните жену Лотову!

Дальше я задал ему такой вопрос:

— Батюшка! скажите: откуда у вас такая вера?

— Вера?— переспросил он и на минуту задумался.

Потом с твердой ясностью ответил:

— Я жил в Церкви!

— А что это такое — жили в Церкви?— спросил я.

— Ну,— с некоторым удивлением от моего вопроса, продолжал он,— что значит жить в Церкви? Я всегда пребывал в церковной жизни... Служил литургию... Любил читать в храме богослужебные книги, минеи... Не Четь-Минеи (Жития святых), хотя и те прекрасны, а богослужебные минеи... Стихиры, каноны...

Вот! Я жил в Церкви!

К сожалению, я не записал тогда подробнее всю беседу; но эти слова о значении Церкви врезались в память мою на всю жизнь.

Поблагодарив Батюшку, мы ушли... Вскорости мой друг скончался в молодых годах. Я еще живу, по милости Божией. И часто вспоминаю о его словах...

Две беседы отца Иоанна Кронштадтского с пастырями

В 1901 году Преосвященный Назарий, епископ Нижегородский, воспользовавшись кратковременным приездом о. Иоанна, собрал городских священников в своих покоях и просил о. Иоанна побеседовать с ними.

Войдя вместе с владыкой в зал и низко кланяясь собравшемуся духовенству, о. Иоанн сказал: «Здравствуйте, досточтимые отцы и братие, сопастыри!»

«Перед нами стоял, — пишет один из участников собеседования,— благообразный старец. Лицо его, ясное и открытое, приятно и сердечно улыбающееся, благодушно-мирное, благодатное; светлые, доверчивые, ласковые глаза, твердая и уверенная речь привлекли наше внимание. В о. Иоанне нет ничего болезненно-нервного и никакого «электричества» или магнетизма, которыми — как говорили и даже писали — он будто бы сильно действует и исцеляет больных. Это самый покойный, ровный, жизнерадостный, смиренный и предупредительный служитель Христов. Он говорил с нами сидя, опустив голову. Речь о. Иоанна не блещет сравнениями и вообще риторическими украшениями: простая, искренняя, но настолько сильная верою и убеждением, что к нему вполне приложимы слова св. апостола Павла: «Проповедь моя не в препретелных человеческия премудрости словесех, но в явлении духа и силы» (1 Кор. 2, 4).

Представив нас о. Иоанну, владыка просил его поделиться с пастырями своим многолетним пастырским опытом, поучить нас, как и чем можно благотворно воздействовать на сердца пасомых в делах веры и нравственности. Внимательно выслушав Преосвященного, о. Иоанн сказал приблизительно следующее:

«Досточтимые отцы и братие, сопастыри! Вы сами — как вижу — люди, украшенные сединами; значит, сами богаты опытом жизни. Мне вас нечему учить. Но так как вы спрашиваете меня, как я достигаю благотворного действия на сердца людей, то я вам скажу. Я стараюсь быть искренним пастырем не только на словах, но и на деле, — в жизни. Поэтому я строго слежу за собою, за своим душевным миром, за своим внутренним деланием. Я даже веду дневник, где записываю свои уклонения от Закона Божия: поверяю себя и стараюсь исправляться. Я целый день в делах, с утра и до поздней ночи. Самое пастырское служение я совершаю не только в Кронштадте, но приходится часто путешествовать для этого по разным местам России. Меня осаждают каждый день просьбами, так что иногда мне тяжело и не хочется, но я делаю, стараюсь удовлетворить всех просителей. Где

бы я ни был, а особенно в Кронштадте, я каждодневно сам совершаю литургию и искренно, сердечно-усердно и благоговейно приношу святую Бескровную Жертву Богу о грехах своих и всех православных христиан. Молящиеся видят и чувствуют мое искреннее, благоговейное служение и сами проникаются святыми чувствами и молятся усердно. За каждой воскресной литургией я проповедую Слово Божие. В моих поучениях изображается моя внутренняя жизнь, моя душа; я беспощадно караю грехи, пороки, и страсти человеческие, обличаю заблуждения сектантов и раскольников. Благодарение Богу — я сам вижу плоды своих пастырских трудов. В Андреевском соборе, а он большой, народа бывает тысяч до пяти, и все это множество слушает меня как один человек, никакого шума, толкотни; глаза всех устремлены на меня. Когда я выхожу из храма, меня с любовию окружает народ, все с сияющими лицами, у всех видно благодатно-радостное настроение.

Все это — плоды моей молитвы и проповеди. Извините меня, досточтимые сопастыри, что я говорю так о себе. Боже, сохрани меня, чтобы я говорил это для самохваления; Боже, упаси! Нет, не я все это делаю, а благодать Божия, почивающая на мне — священнике.

Меня часто приглашают для молитвы в богатые и знатные дома, где много жертвуют. Этими средствами я делюсь с нищетою, которой так много стало в наше время. Я посылаю свои лепты в учреждения и в бедные церкви, делюсь с собратиями-пастырями и вообще бедными людьми. Кроме того, мой доверенный каждодневно подает из моих средств тысяче бедняков на хлеб. Но я должен сказать, что я не всем подаю: пьяницам, вообще, кто надеется только на свои ноги, попрошайничает,— таким я не подаю.

Ко мне часто приносят больных, так называемых бесноватых, и просят, чтобы я помолился о них. В этих случаях я действую простотою своей веры. Обыкновенно подобные больные очень беспокойны. Когда их приводят ко мне, то они плюются, пинаются; и при том всегда, как замечено мною, закрывают свои глаза. Но я приказываю открыть глаза. И так как больной не открывает, то я настойчиво требую: «Открой глаза!» — и при этом сам устремляю на него свой взор. Больной наконец открывает глаза, а я, смотря ему в глаза, говорю: «Именем Господа нашего Иисуса Христа запрещаю тебе, дух нечистый; выйди из него!» — и благословляю больного. Больной успокоится, начинает молиться, и я приобщаю его.

О братие! нам много дано от Господа Бога благодати, и если мы сохраним этот дар Божий, то мы непобедимы.

Вот, досточтимые сопастыри, так я служу для славы Божией, для прославления Церкви Христовой и распространения веры православной. Все это говорю вам искренно как сопастырям и по вашему желанию, для пользы пастырского служения Святой Церкви и отечества нашего».

Беседа продолжалась около двух часов. А мы готовы были, кажется, всю ночь слушать благодатное слово. Прощаясь, со всеми нами о. Иоанн расцеловался, говоря: «Святяй и освящаеми — от Единаго вси. Дадим, досточтимые сопастыри, друг другу братское лобзание». (Было напечатано в «Церковных Ведомостях», 1901, № 46.)

Вторая беседа происходила в Сарапуле в 1904году. Сообщение о ней было напечатано в «Новгор. епарх. вед.» за тот же год.

«Бог привел мне, — пишет одно лицо, — быть свидетелем и участником чудной беседы, которую вел наш великий пастырь-молитвенник о. Иоанн Кронштадтский с другими пастырями Церкви Христовой. Это было 21 июля 1904 года в г. Сарапуле, куда о. Иоанн прибыл по приглашению епископа Михея. Когда о. Иоанн появился в зале, все присутствующие встретили дорогого гостя пением: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...» Батюшка сначала прошел в училищный храм, приложился к св. престолу, а потом вернулся в зал и пригласил всех сесть вокруг стола.

«Я очень рад, — сказал о. Иоанн, — видеть вас и беседовать с вами; благодарю вас, что собрались вы сюда, а тех, что сослужили мне при совершении литургии, благодарю за общую молитву.

Ничто так не одушевляет человека в каком угодно деле, как сознание общения, общности в дружной работе. И в Божием деле, в служении ближнему особенно тяжело переживать чувство одиночества. Правда, мы все живем в Святой Церкви, со всеми отшедшими от мира праведниками Божиими, но и на земле необходима нам помощь от братий наших и духовная, молитвенная, и в самой жизни. Поэтому особенно и благодарю вас за ваше сочувствие; оно говорит, что все мы делаем одно дело.

У вас, братие, мои сослужители, несомненно является вопрос в душе, как я имею дерзновение так ездить по всей России, молиться за столь многих, кто просит моей молитвы. Быть может, кто-нибудь назовет это дерзостью... Но я не решился бы, братие, на такое великое дело, если бы не был зван к нему свыше... Дело было так. Кто-то в Кронштадте заболел. Просили моей молитвенной помощи. У меня и тогда была такая привычка: никому в просьбе не отказывать. Я стал молиться, предавая болящего в руки Божии, прося у Господа исполнения над болящим Его Святой Воли. Но неожиданно приходит ко мне одна старушка (родом костромичка), которую я давно знал. Она была богобоязненная, глубоко-верующая женщина, проведшая свою жизнь по-христиански и в страхе Божием кончившая свое земное странствование. Приходит она ко мне и настойчиво требует от меня, чтобы я молился о болящем не иначе как о его выздоровлении. Помню, тогда я почти испугался: «Как я могу,— думал я,— иметь такое дерзновение?» Однако эта старушка твердо верила в силу моей молитвы и стояла на своем. Тогда я исповедал пред Господом свое ничтожество и свою греховность, увидел волю Божию во всем этом деле и стал просить для болящего исцеления. И Господь послал ему милость Свою — он выздоровел. Я же благодарил Господа за эту милость.

В другой раз по моей молитве исцеление повторилось. Я тогда в этих двух случаях прямо усмотрел волю Божию, новое себе послушание от Бога — молиться за всех, кто будет этого просить. И теперь и я сам знаю, и другие передают, что исцеления по моей молитве совершаются. Особенно поразительны исцеления бесноватых, всегда страшно страдающих. И бывали случаи, что иногда приводят такого одержимого злым духом, изрыгающего хулы и в то же время говорящего, очевидно, бессознательно и

вполне бессвязно. А по прочтении мною над ним молитв больной делается радостным, покойным, принимает покойно Св. Тайны, от которых ранее всеми силами старался уйти. И замечательно, что такие больные ничего почти не помнят из того, что они говорили в состоянии беснования. Ясное дело, что они говорили чью-то не свою волю, волю противную воле Божией — бесовскую.

Часто бесы долго удерживают власть над больными и одержимыми, долго сопротивляются. Тогда больные произносят слова: «Мы застарелые, мы давно получили над ним (то есть больным) власть...» Но сила Божия, которой трепещут бесы, их побеждает. О своем душевном состоянии могу я вам сказать, что исполняю древнее великое правило: познай себя самого. Это собственно содержание и всей моей жизни: и доселе я не перестаю «познавать самого себя». Чрез это я познаю свою беспомощность во всех отношениях, а это меня заставляет смиряться.

Правда, все, что я делаю доброго, то делаю по милости Божией. А помощь Божию я на себе вижу во всем и считаю себя нерадивейшим, худшим из всех пастырей русских, потому что, если бы эти Божии дары, мною получаемые, были у кого-нибудь другого, он делал бы добра гораздо больше, чем я.

Постоянное изучение своей природы заставляет меня быть и постоянно осторожным и постоянно просить у Бога благодатной помощи для очищения от грехов. И это же знание своих человеческих немощей заставляет меня и помогать другим, и молиться за них, сочувствовать, прощать и т. п.

Особенно для меня ценно изучение своей человеческой природы потому, что чрез это я познаю главные свойства Божии; я на себе познаю, я испытал, насколько Господь наш милосерд, долготерпелив, всемогущ, в помощи нам скоропослушлив: Он источник нашего здравия душевного и телесного, душевной чистоты, духовных сил.

Но я, братие, — продолжал батюшка*, — я не веду аскетического образа жизни. Не подумайте, что это я считаю чем-либо достойным подражания, нет; быть может, в моей деятельности было бы и гораздо более успехов, если бы я устроил жизнь с более аскетической обстановкой. Но условия моей службы лишали меня возможности быть аскетом. Я читаю и газеты, но часто жаль бывает потерянного времени. Много там пишут лишнего, совершенно бесполезного. Но вот что я неотменно читаю: каноны, которые положено читать ежедневно на утрене. На этом чтении, можно сказать, я воспитывался в церковной жизни. И какое бесконечно-глубокое содержание заключается в этих канонах, в этих ежедневных воспоминаниях о великих праведниках, об их святой жизни, о подвигах! Чрез это чтение душа мало-помалу привыкает к церковной жизни, к церковным воспоминаниям, мало-помалу проникается настроением тех людей, которых ублажает Святая Церковь, просветляется, перестает быть самозамкнутою; делается сильною в борьбе с грехом. И стоит кому-либо это чтение

---

* Вся беседа состояла из отдельных рассказов батюшки о себе, между собою не особенно близко по содержанию связанных.

канона положить за ежедневное правило, как он будет ежедневно подниматься в духовном отношении, восходить от силы в силу.

Но особенно я люблю читать Священное Писание обоих Заветов. Я не могу жить без этого чтения. Сколько тут содержания! Сколько открыто законов жизни души человеческой! Сколько человек, стремящийся к духовному обновлению, может почерпнуть здесь указаний для того, чтобы переродиться из злого в доброго! Особенно Св. Писание необходимо проповеднику. Здесь неисчерпаемая тема для проповеди: только сумей сам назидаться и других назидать.

Вот, братие, что Господь мне велел вам сказать, — задумавшись, произнес батюшка. — Я заранее не обдумывал, что сказать мне вам; говорил только то, что Бог на душу мне положил».

Тогда один из присутствующих спросил:

— Скажите, батюшка, во время ваших постоянных разъездов, чем вы заполняете свободное время? Обстановка и ее смена производят ли на вас впечатление?

— Я молюсь, я постоянно молюсь, — быстро произнес о. Иоанн. — Я даже не понимаю, как можно проводить время без молитвы. Воистину — молитва есть дыхание души.

— Скажите, батюшка,— продолжал вопрошающий,— что делает вас во время литургии таким сосредоточенным, когда иногда так много вокруг беспорядка и всего того, что может мешать молитве?

— Этого я достиг только привычкою. Научиться быстро сосредоточиваться в молитве, овладевать собою — это большая задача. Путем продолжительной работы над собою можно достичь этого. Очень тут необходимо покаяние, быстрое воспроизведение в своей душе образа Христова или Креста Господня и полное сознание своей духовной загрязненности и беспомощности.

— Научите, батюшка, бороться с унынием в деле пастырства, — спросил другой из присутствующих. — Сначала бывает страшное уныние от собственной греховности; опускаются руки, когда вспомнишь слова: «Врачу, исцелися сам...» Учительство в голову тогда не идет. И сейчас же уныние.

— Это напрасно, — ответил о. Иоанн. — Тут нужно помнить о долге; мысль о долге должна принудительно и ободрительно действовать на пастыря. «Ты уполномочен Церковью, ты должен делать»,— эта мысль должна и одушевить пастыря и, конечно, разогнать всякое уныние. И это уныние — от врага!

— Но вот, батюшка, еще вид уныния, — от хульных помыслов, которые появляются в голове в самые священные минуты богослужения.

— Ну, а это уныние, — энергично сказал о. Иоанн, — прямо от недостатка веры вашей. Хульные помыслы нужно презирать; борьба здесь не нужна и вредна; просто не нужно обращать внимания! Но если какие бы ни были помыслы доводят до уныния, это бывает уже от слабоволия, значит, вы даете этим помыслам время господствовать над вами, пожалуй, даже ими соуслаждаетесь... Отсюда уже только вытекает уныние! Так до

уныния не нужно доводить душу свою! Неужели вы не знаете, как Господь скоропослушлив, как быстро Он исполняет просьбы наши? И вот вы в самом же начале горячею молитвою отгоняйте от себя всякое смущение душевное; в надлежащее время захваченное молитвой греховное настроение вовсе исчезает и довести до уныния истинно и горячо верующего человека никогда не может.

— Но вот, батюшка, — продолжал совопросник, — еще тяжелое состояние уныния я переживаю при виде торжествующего зла.

— Вот это другое дело. Это поистине тяжело переживать; подобное состояние и мне приходится часто переживать. Тут нужно укреплять себя молитвою и твердо верить, что Господь силен даже самое зло обратить Ему одному ведомыми путями на добро.

После этого батюшка имел время вести частную беседу о современном пастырстве и его задаче. Батюшка говорил, что дело пастырства в настоящее время затрудняется все более и более; борьба пастыря постепенно становится все более утонченною, и тем более пастыри должны быть на высоте своего призвания. Пастырь в своем настроении должен всецело отрешиться от всяких себялюбивых настроений, должен уподобляться библейским пастырям в их «стоянии в духе». Для этого пастырям необходима полная осторожность и сосредоточенность, всегдашнее распятие себя ради своей паствы.

Разговор далее перешел на современную жизнь. Батюшка обратил внимание на настроение современного общества. «Удивительная болезнь явилась нынче — это страсть к развлечениям. Никогда не было такой потребности к развлечениям, как ныне. Это прямой показатель того, что людям нечем стало жить, что они разучились жить серьезною жизнью, трудом на пользу нуждающихся и внутреннею духовною жизнью. И начали скучать! И меняют глубину и содержание духовной жизни на развлечения! Какое безумие! Точно дети, лишенные разума! А между тем развлечение — это уже общественный порок, уже общественная страсть! Вот куда должно направить пастырям свои силы; они должны внести в жизнь утраченное ею содержание, возвратить людям смысл жизни. Но, конечно, пастыри должны сами себя к тому подготовить...

Пастыри должны от этих пагубных развлечений охранять и наш народ. Он пока не знает еще развлечений: народ знает честный, здоровый труд, он знает праздник — день отдыха и молитвы. А ему вместо отдыха предлагают развлечение, часто нескромное, вредное!

Пастыри должны быть на высоте своего призвания!»

Чудеса

Можно сказать, что наибольшую известность по всей России о. Иоанн получил по преимуществу *за чудеса*. И в народе он и почитался и привлекал к себе — особенно во второй половине жизни — именно как чудотворец. И за границей слава о нем шла именно как об исцелителе, молитвеннике-чудотворце. И все это понятно нам: чудеса удивляют нас, поражают своею необычайностью. А кроме того, они являются доказательством бытия сверхъестественного мира, действием Божественной Силы, а также — и знамением святости человека.

История канонизации святых говорит нам, что в огромной части случаев прославления подвижников (мученики прославились за страдания) причиной канонизации их, как святых, были именно чудеса. Поэтому и в угоднике Божием, о. Иоанне, должны были проявиться и чудесные силы, как плод святой жизни, и особенной облагодатствованности его Духом Святым.

Впрочем, также известно, что целый ряд святых, прославленных христианской Церковью, не ознаменовались чудесами. Например, про св. Афанасия Великого, св. Григория Богослова, про св. Иоанна Дамаскина, про первоучителей Славянских, про преп. Григория Паламу или про наших современников-подвижников: епископа Феофана Затворника, Оптинских старцев (за исключением их прозорливости), про о. Парфения Киевского, про миссионеров, вроде о. иером. Макария (Глухарева), епископа (впоследствии Митрополита Московского) Иннокентия (Вениаминова) — про всех них история не оставила свидетельств о чудесах, хотя святость их жизни была несомненна и известна. И наоборот: некоторые святые были прославлены по преимуществу как чудотворцы и остались в памяти Церкви с этими титулами: например, св. Григорий Неокесарийский Чудотворец, Святитель Николай Чудотворец, св. Димитрий Солунский Чудотворец, св. Спиридон Тримифунтский Чудотворец; все бессребреники и целители называются чудотворцами. Есть даже малоизвестные святые, а они именуются в святцах чудотворцами, — очевидно, за эту исключительную особенность их жизни. Например: преп. Тит Чудотворец (2 апреля); Елисавета Чудотворица (24 апреля); прав. Фантин Чудотворец (24 июля); преп. Лазарь Чудотворец (7 ноября). Из русских так именуются: преп. Григорий Чудотворец Печерский (а одновременно с ним, 8 января, прославляется другой — Григорий, и тоже Печерский, а чудотворцем не именуется); затем — Григорий Вологодский (30 сентября). Также большею частью именуются у нас преподобными Сергий Радонежский и Серафим Саровский, всея России Чудотворецы.

Отсюда видно, что эти святые прославлены были за многие или за исключительно великие чудеса.

Но все же нужно сказать, что вообще святые были прославляемы Церковью прежде всего за их святую жизнь.

Обращаясь теперь в частности к о. Иоанну Кронштадтскому, и можно, и должно сказать, что он действительно был чудотворцем, а народ звал его «великим» чудотворцем. И принимая во внимание необыкновенное количество чудес — как при его жизни, так и после смерти — такое именование вполне справедливо и несомненно.

И однако же, описывая житие его, я, недостойный, не чувствую, чтобы именно в чудесах было его главное величие. Высота его была прежде всего в его духовных подвигах всей многолетней жизни, в его святости, в его вере, молитве, любви к Богу и людям, — как об этом мы будем писать особо дальше. И если бы и совсем не было чудес в его жизни, он для нас все равно был и великим, и святым.

Но разумеется, нельзя обойти молчанием и эту, чудесную, сторону его жития. И к ней сейчас и перейдем. Но заранее скажу, что не считаю необходимым перегружать описание его жизни множеством чудесных фактов, как это делают иные биографы его или издатели даже и маленьких брошюр. Приведу те из них, которые мне представляются наиболее важными, выдающимися или характерными для о. Иоанна, а также которые стали мне известны, но не записаны в житиях его.

Были ли в самом деле чудеса у о. Иоанна?

На это я отвечу прежде всего словами его самого: как он смотрит на них. И как это началось? Не сразу открылся в нем этот дар Божий. Вот как он сам откровенно и просто рассказал об этом собранию священников в г. Сарапуле, приглашенный туда его духовным сыном епископом Михеем. Это было 21 июля 1904 года.

Пропели молитву «Днесь благодать Святаго Духа нас собра» «Батюшка, — записал очевидец и участник собрания, — сначала прошел в училищный храм; приложился к св. престолу, а потом вернулся в зал и пригласил всех сесть вокруг стола.

— Я очень рад, — сказал о. Иоанн, — видеть вас и беседовать с вами; благодарю вас, что собрались вы сюда... Благодарю вас за ваше сочувствие.

У вас, братие, мои сослужители, несомненно является вопрос в душе, как я имею дерзновение так ездить по всей России, молиться за столь многих, кто просит моей молитвы. Быть может, кто назовет это дерзостью... Но я не решился бы, братие, на такое великое дело, если бы не был зван к нему свыше...

Дело было так. Кто-то в Кронштадте заболел. Просили моей молитвенной помощи. У меня и тогда уже была такая привычка: никому в просьбе не отказывать. Я стал молиться, предавая болящего в руки Божии, прося у Господа исполнения над болящим Его святой воли.

Но неожиданно приходит ко мне одна старушка (родом костромичка), которую я давно знал. Она была богобоязненная, глубоко-верующая женщина, проведшая свою жизнь по-христиански, и в страхе Божием кончившая свое земное странствование. Приходит она ко мне и настойчиво требует от меня, чтобы я молился о болящем не иначе, как о его выздоровлении.

Помню, тогда я почти испугался: как я могу, — думал я, — иметь такое дерзновение? Однако эта старушка твердо верила в силу молитвы и стояла на своем. Тогда я исповедал перед Господом свое ничтожество и свою греховность, увидел волю Божию во всем этом деле и стал просить для болящего исцеления. И Господь послал ему милость Свою — он выздоровел. Я же благодарил Господа за эту милость.

В другой раз по моей молитве исцеление повторилось. Я тогда в этих двух случаях прямо усмотрел волю Божию, новое себе послушание от Бога — молиться за тех, кто будет этого просить.

А теперь и я сам знаю, и другие передают: исцеления по моей молитве совершаются».

Вот как начались чудеса по молитвам о. Иоанна.

Считаем достойным сообщить несколько данных о жизни этой старицы, с которой сам о. Иоанн связывает чудесные события.

Имя ее — Параскева Ивановна Ковригина. Родилась она 14 октября 1816 года, в Костромской губернии, Чухломского уезда, в деревне Фалагино, отстоящей от г. Галича в 12 верстах. Вся семья состояла из благочестивых родителей Ивана Ивановича и Иулиании Филимоновны, четырех сыновей и трех дочерей, двух из которых звали Ксения и Параскева. Самая младшая из семьи — дочь Параскева. С малых лет она отличалась смирением и религиозностью; любила принимать странников, хотя ее родным это весьма не нравилось, и они ей за то часто досаждали. Она же сносила все попреки безропотно. Уважая священных лиц до благоговения, Параскева сильно расстраивалась, если кто-либо недоброжелательно или гнусно высказывался о духовенстве. Не пропускала служб, несмотря на семиверстное расстояние от церкви. С 20-летнего возраста начала ходить по богомольям. Излюбленным местом посещения Параскевою была Решемская обитель, в которой подвизался в то время ученик преподобного Серафима Саровского, благочестивый иеромонах Иларион*, который изрек свою волю Параскеве — идти в Кронштадт, сказав это на смертном одре.

И вот за 17 лет до своей смерти, Параскева Ивановна перебирается в Кронштадт, где издавна жили ее родные братья.

Это было в августе 1869 года, когда ей было около 53-х лет (так как скончалась она 24 сентября 1886 г.); а о. Иоанну шел сороковой год и пятнадцать лет священства, он был еще молодым иереем.

Доселе она не видала о. Иоанна Сергиева. И первый раз она увидела его за вечернею службой в Андреевском соборе. В тот же вечер она испросила у Батюшки благословение для беседы, а потом и исповедалась у него.

Но на этот раз Параскева Ивановна прожила в Кронштадте лишь 6 недель и по хозяйственной нужде воротилась в деревню. А через три года и

---

* О. Иларион, современник о. Серафима и Саровский духовник, родился в 1770 г., а скончался в Сарове в 1841 г. 12 ноября. Если именно он был окормителем Параскевы, то указанное завещание его было на 25-м году ее жизни: в эти годы она и ходила по богомольям; тогда о. Иоанну было лишь 12 лет, начался 13-й год. Значит, указание о. Илариона было чудом прозорливости о будущем чудотворце. Но думаю, это был иной Иларион.

4 месяца возвратилась в Кронштадт (в декабре 1872), где и прожила свои последние 14 лет.

За эти годы она сделалась внимательнейшей ученицей Батюшки, часто сопровождала его и беседовала с ним. Любопытные стали расспрашивать ее об о. Иоанне, и о чем подолгу беседовали они? Она не скрывала. И таким образом сделалась провозвестницей славы Батюшки. А тогда еще народ не провидел в нем святого чудотворца и всероссийского молитвенника.

Мало-помалу около Параскевы образовался небольшой кружок единомышленников, где велись беседы. Она убедила Батюшку устраивать в достойных домах духовные беседы. Некоторые отнеслись к этому подозрительно, так как до этого священники говорили лишь в храмах, а миряне и вовсе не собирались. Иным мерещилось здесь уже сектантство. Но беседы продолжались. Если чего-либо не усваивали из слов пастыря, то разъясняла потом Параскева Ивановна.

Приближался 25-летний юбилей о. Иоанна в священническом сане. Параскева решила ознаменовать этот день поднесением дара ему. С немалым трудом и с препятствием собрала она 800 рублей. Отец Иоанн сначала и слышать не хотел о чествовании. Но почитатели его, возглавляемые Параскевой, наконец убедили его дать свое согласие. И на собранные деньги был куплен наперсный крест.

В день 14 декабря 1880 года (это было воскресенье; рукоположение было 12 декабря 1855 г.) крест был поднесен. Отец Иоанн в своей ответной речи сознавал, что чествование было неожиданным: «Настоящий день мог пройти неотмеченным никаким особым знаком внимания к моему скромному служению, как и проходят подобные дни в служении весьма многих из братии моей. Но вы, добрые просвещенные чада Церкви, не любите пропускать эти дни в жизни деятелей Церкви незамеченными... Да будет же вам прежде всего честь за ваше благосклонное отношение к моим немощам». Так скромно приравнял себя о. Иоанн к другим «подобным» братиям. И он искренно сознавал себя «немощным». «Я говорю: спасибо вам, что вы благосклонно отнеслись к моим немощам. Да! Я исполнен немощей и знаю мои немощи. Но сила Божия «в немощи совершается» (2 Кор. 12, 9): и она дивно совершалась во мне, в продолжении 25-летнего священствования моего. И дерзну сказать — ибо «скажу истину» (2 Кор. 12, 6) —чрез меня совершалась во многих, в простоте верующих, очевидным осязательным образом слава благодати! Слава Господу Иисусу Христу, даровавшему нам «благодать на благодать» (Ин. 1, 16). Говорю вам об этой силе Божией во мне для того, чтобы вы вместе со мною прославили великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Коего благодать не оскудевает, как и ныне не оскудеет до века».

В чем же видит он эту силу?

Не в чудесах исцелений, а в чуде «бездны спасения»: «Кто исчислит за все это время бездну спасения Божия, совершавшегося во мне благодатию Христовою всякий день — многократно!»

Затем — в победах над диаволом и страстьми: «Не могу исчислить бесчисленного множества козней «миродержца» (см.: Еф. 6, 12) и присту-

пов страстей, разрушенных милостию и силою Христовою во мне, по моей тайной молитве веры, ради сердечного покаяния, и особенно — силою Божественного Причащения. Какой ангельский многообъемлющий ум изочтет все дары Божии душе моей — благодатные дары милости очищения, освящения, просвещения, мира, умиления, свободы и пространства душевного, радости в Духе Святом, дерзновения и силы многоразличной помощи, — коих я невидимо сподобился во все дни моего священствования!»

Вон в чем видел сам о. Иоанн дары силы Божией: в присутствии благодати Божией в нем, во спасении души, в преодолении диавола и грехов, в духовных дарах мира, радости, свободы... Вот в чем сам он видел чудеса Божии.

И лишь в заключение он упоминает и о чудесах в обычном употребительном смысле этого слова: «Не могу исчислить бесчисленного множества врачеваний благодатных — душевных и телесных, совершенных во мне Господом через сердечное призывание чудного имени Его».

Вот и чудесные «врачевания», да и то он говорит пока лишь о себе одном. Делает ли это он по смирению, умалчивая о чудесах над другими людьми? Несомненно. Это должно подразумевать и в слове «во мне», ибо это слово можно понимать и так: «и через меня». А потом, есть и хронологические данные, что к 80-му году стали уже довольно широко известными и опубликованными в печати некоторые из чудес исцелений, совершенных им, о чем скажем ниже.

А если это так, то ссылка о. Иоанна на «костромичку» и «старушку» Параскеву Ивановну, которая убеждала Батюшку молиться дерзновенно об исполнении его молитвы, или о «чуде» над больными, — должна относиться ко времени его знакомства с нею между 1872 и 1880 годами, не позднее; и приблизительно можно отнести ее к 1875–78 годам; «старушке» тогда было около 60 лет.

Докончим, однако, краткое описание жизни этой старицы.

В 1881 году она, не довольствуясь Кронштадтом, перебрасывает свою миссию в Петербург; здесь уже были свои почитатели о. Иоанна. Оттуда стали приезжать к ней на беседы. Она ближе знакомит многих с Батюшкой. Начинают совершаться чудеса и в столице. Один из почитателей о. Иоанна, некий К.Ф. Кудрявцев, маленький торговец, свидетельствует: «Не говоря уже про исцеление всей моей семьи по молитвам о. Иоанна, были обильные и вовсе неожиданные плоды и от советов Параскевы Ивановны». И далее он рассказывает про случаи неожиданной помощи в делах после говения в Кронштадте. Потом пошли и другие чудеса: в семье Тягуновых; у какого-то столяра, 7 лет страдавшего головными болями; у плотничного подрядчика, болевшего 12 лет; об исцелении бесноватой и проч. И этих чудес становится уже столь много, что Ковригина с К.Ф. Кудрявцевым и с Г.Н. Тягуновым дерзают уже «оповестить обо всем этом верующему православному миру через газеты», что и было сделано в «Новом Времени» (1883г. 20 декабря, ровно за 25 лет до кончины о. Иоанна). «Под заявлением были поименованы раздельно 15 лиц, которые получили

самые исцеления и другие благодеяния по молитвам о. Иоанна, с объяснением сущности самых исцелений».

В 1884 году исполнилось 30 лет священнослужения. По почину Ковригиной снова было собрано до 2 000 рублей на крест. В адресе, составленном и произнесенном известным тогда протоиереем В.Я. Михайловским, упомянутом было, с благословения о. Иоанна, и имя «единомышленной ему старицы», рабы Божией Параскевы.

Через два года после этого она скончалась, — 24 сентября 1886 года.

Отец Иоанн в последние дни постоянно навещал ее, беседовал и причащал. При отпевании почившей Батюшка сказал прощальное слово, на текст из Евангелия: «Не умре девица, но спит» (см.: Лк. 8, 52): «Это же сказал бы Господь наш и теперь, если бы Он видимо пришел к нам и увидел сию умершую рабу Свою Параскеву. С уверенностью говорю это: смерть наша со времени воскресения из мертвых Господа Иисуса Христа и стала сном; и в особенности потому, что эта умершая почти всю жизнь провела так благочестиво и так благоплодно, что смерть ее, которую она предварила многократным исповеданием и приобщением Святых Таин Плоти и Крови Христовых, действительно стала для нее утешением, сном упокоения от трудов. И я уповаю, что дух ее теперь радуется. Итак, прими от нас привет тебе, раба Божия Параскева. Незадолго до твоей кончины ты просила меня сказать слово. Ты своим словом и примером многих привлекла к святой Церкви и благочестивому житию, многих научила чаще исповедоваться и приобщаться Святых Таин для укрепления в христианской жизни. И скончалась ты мирно и назидательно, с молитвою на устах и в твердом уповании на милость Божию к тебе и по смерти. Ты не боялась смерти: ты торжествующим духом встретила ее как благовестницу Божию. Да водворит Господь душу твою в селении праведных».

Вот на эту рабу Божию о. Иоанн, уже прославленный чудотворец, и сослался в беседе со священниками в Сарапуле. А потом и сам подтвердил, что его руками творились чудеса Божии.

Также твердо и даже более решительно говорил он и сарапульским иереям (1904), а еще ранее (в 1901) нижегородским пастырям, об исцелении бесноватых. Но мы приведем эти его слова в своем месте.

Нам важно все это потому, что в вопросе о чудесах свидетельство самого о. Иоанна убедительнее для нас не только показаний очевидцев, но и сильнее самих фактов. Как Господь Спаситель говорил евреям: «Если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно... А если и Я сужу; то суд Мой истинен; потому что Я не один, но Я и Отец, пославший Меня... Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец» (Ин. 8, 14. 16. 18).

В некоторой степени и всякий богоугодный, святой человек может о себе сказать: свидетельство мое истинно; ибо святые люди говорят не просто лишь, а стоя перед лицем Бога:

«Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу», — сказал ап. Павел (2 Кор. 11, 31). Подобным обра-

зом имел бы право говорить и о. Иоанн. Да ему ли было лгать? Ему ли было не знать самого себя и благодати, живущей в нем? Сами святые знают себя больше всех других. И потому для нас и убедительны показания о фактах самого Батюшки. С них и начнем.

На 70-ю годовщину своей жизни, пред большим сонмом собратий-пастырей о. Иоанн говорил:

«Сегодня мне, Божиею милостию, исполнилось (в 1899) 70 лет жизни. Почитаю справедливым и должным для себя оглянуться на прожитое время и воспомянуть милости Божии ко мне. Рос я болезненным, слабым, и в самом младенчестве тяжелая болезнь — оспа — едва не свела меня в могилу; я на волосок был от смерти, по молве человеческой. Господь сохранил мне жизнь, — я оправился и стал возрастать». Потом он рассказывает об известном уже нам чуде просвещения его ума в школе: «Наука темна была для меня»: он не понимал даже процесса буквосложения. «И стал я просить помощи и разумения у Бога; и открыл мне Господь разум; я озарился светом Божиим; и я помню, как вдруг спала точно пелена с моего ума; и я стал хорошо понимать учение», — дополняет он в своей единственной автобиографии. О том же он повторяет и в слове своем на 50-ю годовщину священства, в 1905 году 12 декабря.

«Сколько я перенес тяжких болезней и в училище, и на месте священника; и, быв неоднократно при смерти, исцелялся, и опять продолжал совершать жизненное поприще. Обо всем этом я теперь только кратко вспоминаю, чтобы всем сердцем возблагодарить за все это великодаровитого Бога моего, Творца и Спасителя моего».

Вспомним и о том, как ему — по его же собственным словам, кои приводились в главе о священстве его, — во сне было пророческое видение храма, в котором потом ему и пришлось в Кронштадте служить все 53 года.

Дальше в годы священства о. Иоанн о подобных чудесных исцелениях или небесных ему явлениях почти не говорит. В его Дневнике лишь два раза упоминается о двух снах, которые сам он считает реальными и чудесными событиями. Хотя они читателям Дневника известны, но мы в своих записях еще не упоминали о них и потому выпишем их здесь.

«На 15 августа 1898 года в день Успения Богоматери я имел счастие в первый раз видеть во сне явственно лицем к лицу Царицу Небесную и слышать Ее сладчайший, блаженный, ободрительный глас: МИЛЕЙШИЕ ВЫ ЧАДА ОТЦА НЕБЕСНОГО! Тогда как я, сознавая свое окаянство, взирал на пречистый лик Ее с трепетом и с мыслию: не отринет ли меня от Себя с гневом Царица Небесная? О лик пресвятый и преблагий! О очи голубые и голубиные, добрые, смиренные, спокойные, величественные, небесные, божественные! Не забуду я вас, дивные очи! Минуту продолжалось это явление. Потом Она ушла от меня неторопливо, перешагнула за небольшой овраг и — скрылась. Я видел сзади шествие небесной Посетительницы.

Сначала я видел Ее как бы на иконе, ясно; а потом Она отделилась от нее, сошла и подвиглась в путь.

С вечера я писал проповедь на день Успения и лег поздно, в 2 часа ночи. За всенощной я читал с великим умилением акафист и канон Успению Богоматери в Успенской церкви».

Другое видение было в 1902 году, 3 февраля, на другой день после праздника Сретения Господня.

«Перед пробуждением, в 6 час. утра, видел святой сон — Живого Младенца Иисуса на руках Пречистой Матери Своей, взиравшего на меня святейшими, благочестнейшими, ласкающими очами Своими; и — Саму Пречистую, взирающую на меня весьма благостно. Как много говорили мне эти очи Младенца без слов! Они обращались то ко мне, то к Пречистой Его Матери; уста Его тихо двигались, говорили что-то ласково; но я не мог расслышать, как глуховатый; они (уста — *М. В.*) выражали благоволение ко мне, как было видно по движению очей. Благодарю Господа за сладкое благодатное явление.

Не было ли это видение ответом на вчерашнее моление перед иконою Казанской Божией Матери?»

А мне теперь, при написании, подумалось иное: не было ли это видение повторением праздника Сретения — особо для о. Иоанна? Ведь праздники не суть лишь воспоминания прошлых событий из жизни Христа, но и таинственное реальное благодатное повторение этих событий, явлений в духовной жизни каждый год и нам, смотря, конечно, по степени вместимости и достоинства нашего.

И как Пречистая Матерь принесла Сына в 40-й день для воцерковления и навстречу Ей вышел св. Симеон Богоприимец, так и в этом видении явилась Она, а Младенец (это — особенно примечательно) на Ее руках благостно открывался угоднику Своему о. Иоанну. Но конечно, и моление пред иконой Богоматери могло содействовать чуду явления.

Наконец, припоминаем и третий случай видения, хотя не им самим зримого, а неким мирянином; однако о. Иоанн принял его как истинное и относившееся к нему: видение по поводу его общих исповедей.

«Замечательно видение одного мирянина в храме во имя св. апостола Андрея Первозванного, именно — *видение Спасителя*, простирающего на всех предстоящих во время *общей исповеди* разрешения грехов мною, божественные руки Свои и объемлющего всех. Благодарю Господа за сие видение, за сию милость, известившую, *что дело общей исповеди Ему приятно* и делается согласно с Его Божественною волею». Сначала Батюшка исповедовал обычно, частно.

На этом — насколько мне известно — и оканчиваются небесные явления о. Иоанну.

Припомним повторно и о тех явлениях из сверхъестественного мира, о коих говорилось ранее в записях игумении Таисии: о явлении ангела мальчику Иоанну в его отрочестве; затем — о видении им бесов около гроба умершего пьяницы; об участии родной матери игумении Таисии, беспокоившейся о своей родительнице.

Вероятно, бывали и другие случаи, о коих Батюшка смиренно умолчал.

Но несравненно более великое чудо он зрел постоянно в чуде Самого Тела и Крови Христовых, не говоря уже о бесчисленных случаях благодетельного действия Причащения на него самого и на приступающих к сему Таинству. Об этом чуде он говорит — не наговорится, как мы видим постоянно в Дневнике его. Вот одно из восхищений его сим чудом:

«Чудо из чудес, что Господь и Творец мой истлевшее мое грехом естество воссоздал, претворил, преложил, как хлеб и вино прелагает в Кровь Свою, как огнь в росу преложил».

Вот — спасение человека и претворение вина и хлеба в Тело и Кровь Христовы; вот наивысшие чудеса для о. Иоанна. О первых мы уже писали в главе «Служитель литургии»; о вторых будем писать дальше.

А сейчас скажем о тех чудесах, которые кажутся нам более необыкновенными (по нашему духовному невежеству), чем выше указанные «чудеса из чудес».

А «обычных» чудес, совершенных им над другими и для других, великое множество.

И здесь опять я сошлюсь на свидетельство его самого.

Как известно, Батюшка очень часто давал советы или повеления привозить больных к нему в Кронштадт, где они не только молились, но и причащались Св. Таин, этого духовного и телесного врачевства, как и мы читаем в молитве пред Причащением: «Да не в суд или во осуждение будет мне Причащение Св. Твоих Таин, Господи, но во исцеление души и тела». И заключаем: «Аминь», то есть истинно. Потому о. Иоанн, хотя служил и отдельные молебны о болящих, но считал более важным причащать их Св. Таин в храме или иногда и на дому.

Об этом он часто пишет в Дневнике своем.

Своему посещению болящих со Св. Дарами о. Иоанн придавал чрезвычайное значение.

«Слава Господу Иисусу Христу и животворящим Его Тайнам. Сколько мне приводилось видеть больных, истаявших, как воск, от болезней, совершенно расслабевших, погасавших; и когда причащал их Божественных Таин, которых они требовали или по моему совету или по своему сердечному влечению, они дивным образом быстро поправлялись.

Господи, как я Тебя восхвалю, как я Тебя прославлю за силы Твои, за чудеса исцелений от Св. Таин Твоих, явленные на мне и на многих людях Твоих, которым я, недостойный, преподал после таинства покаяния сии Святые, небесные, животворящие Тайны! Вот они (сами — *М. В.*) исповедуют предо мною силу Твою, благость Твою, во всеуслышание говорят, что Ты простер на них чудодейственную руку Твою и подъял их с одра болезни, с одра смертного, когда никто не чаял, что они будут живы; и вот после причащения Тела и Крови Твоей, Жизнодавче, они вскоре ожили, исцелели, в тот же час и день почувствовали на себе жизнодательную десницу Твою: а я, Господи, — очевидец дел Твоих — не прославил Тебя доселе во всеуслышание, к утверждению веры людей Твоих; и не знаю, как и когда прославить Тебя, ибо всякий день занят я какими-либо делами. Ты Сам сотвори Себе имя, Господи, якоже и сотворил еси; Сам прослави имя Твое, Тайны Твои!»

И вот Батюшка записывает сам в Дневнике первый раз один из чудесных случаев.

«Некто, бывши смертельно болен воспалением желудка девять дней и не получивши ни малейшего облегчения от медицинских пособий, лишь только причастился в девятый день поутру животворящих Таин, к вечеру стал здоров и встал с одра болезненного. Причастился он с твердою верою. Я молился об нем Господу, чтобы Он исцелил его: Господи! — говорил я, — исцели раба Твоего от болезни его! Достоин есть ему же даси сия: любит бо священников Твоих и дары свои присылает им. — Молился я в церкви, у престола Господня за литургией перед самыми Тайнами. Я молился, между прочим, так: Господи, Животе наш! Как мне помыслить легко об исцелении, так Тебе исцелить легко всякую болезнь; как мне помыслить легко о воскресении из мертвых, так Тебе легко воскресить всякого мертвеца; исцели убо раба Твоего Василия от лютой его болезни и не допусти ему умереть, да не предадутся рыданию жена и дети его! — И Благопослушливый Владыка помиловал! А то был на волосок от смерти. Слава всемогуществу, благости и благопослушеству Твоему, Господи».

«Дивлюсь величию и животворности Божественных Таин! Старушка, харкавшая кровью и обессилевшая совершенно, ничего не евшая, — от причастия Св. Таин, мною преподанных, в тот же день начала поправляться. Девушка, совсем умиравшая, после причастия Св. Таин в тот же день начала поправляться, кушать, пить и говорить, между тем как она была почти в беспамятстве, металась сильно и ничего не ела, не пила. Слава животворящим и страшным Твоим Тайнам, Господи!»

«Одного старика, слишком 80 лет, живущего в бедности с семейством, я причащал два раза в разные времена; причащал тогда, когда он был отчаянно болен, изготовил завещание и благословил всех домашних; и он в оба раза, на второй или третий день, вставал с постели и выздоравливал. В гимназии один ученик низшего класса три месяца был нездоров воспалением живота, не имел аппетита, и под конец весь исхудал до скелета, весьма был недалек от смерти. Я посмотрел его, посоветовал ему причаститься Св. Таин, возбудил в нем желание их. Затем вскоре пришел причастить его. Причастил. И больной стал есть, пить и быстро поправляться, в скором времени встал с постели и готов был идти в класс. Еще один купеческий мальчик болен 6 недель горячкою, но лишь был причащен Св. Тайнами, выздоровел.

Замечательно, что пораженные болезнями (части) организма как бы ожидают Божественного Тела и Крови; и по принятии их тотчас же оживотворяются и поправляются... Свидетельствуюсь Богом и своею священническою совестию, что *случаи быстрого выздоровления больных после причастия Божественных Таин — неисчислимы от множества!* Жизнодавец, весь почивающий в Своих Животворящих Тайнах, пречасто дарил здоровием и жизнью болящих, близких к смерти, от которых Он ожидал еще плодов благих.

Как же после этого христиане боятся пригласить священника к больному, чтобы, как они думают, не испугать больного мыслью о скорой смерти?

И допускают его таким образом таять в своей болезни и оставаться без утешения христианского, без источника бессмертия — Св. Тела и Крови Христовой? О маловерие! О ослепление бесовское! Бояться Христа Жизнодавца и Его животворящих Таин! Бояться нашего Сладчайшего Спасителя! Не бояться надо Св. Таин, а желать всею душою причастия их в самом начале болезни всякому больному, и прежде всякого лекарства врачебного (употреблять) это Божие врачевство.

Не отвергаю я врачей и естественных средств врачевания. Нужны врачи. Господь даровал их и врачебные пособия Господь указал. Но они должны быть употребляемы после принятия Животворящего Чудного Врачевства. Вначале же тогда только нужно употреблять лекарство, когда болезнь приключается вдруг и не терпит отлагательства во врачебной помощи».

Иногда Батюшка ограничивался молитвами, но многократными.

«Младенцы Павел и Ольга по беспредельному милосердию Владыки и по молитве моего непотребства (вот как низко помышлял о себе! — *М. В.*) исцелились от державшего их духа немощи. У Павла-малютки немощь разрешилась сном; малютка Ольга получила спокойствие духа и личико из темного сделалось ясным. Девять раз (!!) ходил я молиться с дерзновенным упованием, надеясь, что упование не посрамит, что толкущему отверзется, что хоть за неотступность даст мне Владыка просимое, что если неправедный судия удовлетворил наконец утруждавшую его женщину — то тем более Судия всех, праведнейший, удовлетворит мою грешную молитву о невинных детях, что Он призрит на труд мой, на худобу мою, на молитвенные слова и коленопреклонения мои, на дерзновение мое, на упование мое.

Так и сделал Владыка: не посрамил меня, грешника! Прихожу в десятый раз — младенцы здоровы. Поблагодарил Владыку и Пребыструю Заступницу».

Совершались чудеса и над природою: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты уже несколько раз нынешним летом (1904) давал по молитве моей и дождь обильный, наполнявший реки и бразды полей; и даровал ведро после безведрия продолжительного, ибо все легко Тебе сотворить».

Приведенные случаи говорят нам о том, что их признавал чудесами сам о. Иоанн.

Теперь мы переходим к свидетельству других лиц.

И сразу нужно сказать, что количество их неисчислимо: записаны сотни случаев, а незаписанных еще больше. Мне пришлось объехать весь мир; и где бы я ни жил, почти везде приходилось слышать какие-либо рассказы об о. Иоанне: в Сербии, во Франции, в Америке. Я уже не говорю о России: здесь чуть не в каждом доме можно узнать что-либо новое и новое о нем.

В одной их книг об о. Иоанне мне пришлось прочитать слова А.П. Чехова о Батюшке. Рассказывая о своей поездке на Сахалин, он сказал писателю А.К. Шеллер-Михайлову: «В какой бы дом я не заходил, я везде видел на стене портрет о. Иоанна Кронштадтского. Это был пастырь и

великий молитвенник, на которого с надеждой были обращены взоры всего народа».

А Чехов не только не отличался религиозностью (хотя и никогда не издевался над нею; и у него почти нет негодных типов из духовенства и верующих); но он не был и почитателем о. Иоанна. Помню, что еще в студенческие годы я прочитал (кажется, в «Историческом Вестнике») следующую заметку. Его «Новое Время» послало корреспондентом в Кронштадт на один из юбилеев или даже на годовые именины о. Иоанна. Конечно, он внимательно приглядывался к нему. А после, в заметке своей, писал, что не увидел ничего особого в этом человеке: держался он со всеми очень просто, даже шутил немного; выпил несколько рюмок вина; одет был, конечно, в отличную рясу, и т. д. И вот — думал я и тогда с удивлением — умные люди не заметили «особого» в нем; а миллионы народа чтили его как святого чудотворца; и вешали его портреты от Кронштадта до Сахалина; да еще где вешали? Около икон в красном углу. Почему же? Потому, что слава о нем шла по всей Руси великой, и слава — как о «человеке Божием и чудотворце».

А Чехов, как известно, был и в писаниях своих честным, объективным, реалистичным летописцем виденного: ему можно верить.

Из тысяч чудес выпишем сюда лишь крупинки.

Как мы говорили выше, первые публичные известия о чудесах о. Иоанна появились уже в 1880 году.

«Первый случай, заставивший о себе говорить, относится к 1880 году. Этот и нижеследующие случаи заимствованы нами, — пишет неизвестный в печати Д.Ф. Голубов, автор маленькой брошюры «Жизнь о. Иоанна», — из разных газет и журналов, как-то: «Русский Паломник», «Московские Ведомости», «Петербургский Листок», «Московский Листок», и др.

В Петербурге проживает служивший раньше на Кавказе отставной полковник г. Мольт. Сам он православный, но сестра жены его, в квартире которой он проживает, — евангелическо-англиканского вероисповедания. У г. Мольта есть взрослая дочь, которая вот уже более года страдает неизлечимою и притом непонятною болезнью, от которой она чахнет со дня на день. Обращались к помощи врачей; но те ничего не могли сделать. Тогда г. Мольт решился обратиться к отцу Иоанну с просьбою помолиться за его дочь. Досточтимый пастырь прибыл на квартиру г. Мольта, где и помолился за здоровье больной. На другое же утро больная почувствовала облегчение; и в настоящее время ее здоровье поправляется с каждым днем».

Читатель видит, что случай исцеления не является особо выдающимся, но я записал его только потому, что он относится к ряду первых ранних чудес, опубликованных в печати.

К тому же времени относится обращение за молитвами к о. Иоанну артистов Петербургского театра во главе с известной Савиной.

Мне лично пришлось слышать от ее выученика, и доселе еще живущего, что она была очень религиозной женщиной; и между прочим, когда ехала куда-нибудь в поезде, то на столике в купе сначала ставила икону.

И вот эта группа артистов ехала в Кронштадт на благотворительный концерт. На море поднялась буря; и они с опасностью для жизни едва добрались до места. В благодарность за спасение своей жизни артисты и обратились к о. Иоанну, чтобы он отслужил молебен, что и было исполнено. В числе труппы находилась артистка М., страдавшая сильною болью в сочленении колена. После молебна она обратилась к о. Иоанну помолиться о ней.

«И вот, когда во время молебна он наложил руки на голову артистки, призывая на нее милосердие Божие, больная почувствала, что на нее напал какой-то трепет; боль же в ноге мгновенно прекратилась, и больная стала свободно ходить. Чудесно исцелившаяся артистка, а равно и ее сослуживцы, были ужасно поражены этим чудом».

Потом о. Иоанн сказал нравоучение всем им, благословил и добавил, что они доедут из Кронштадта до Петербурга благополучно. А в это время артистов действительно занимала мысль: как им добраться до Петербурга. Предсказание его исполнилось.

Вот еще случай из тех же ранних годов, записанный в другой книжке («Очерк жизни о. Иоанна»). Автор неизвестен.

«В 1879 или в 1880 году в Кронштадте проживало зажиточное семейство Ф., состоящее из мужа, жены, двух детей и матери Ф. Четыре года прошло, как старушка-мать заболела: у нее открылась водянка в ногах. У постели несчастной перебывали все светила науки, до Боткина включительно; но помощи не было. Созванный консилиум с участием семи профессоров определил, что водянка достигла сердца, и жизнь — самое большое — протянется дней шесть. Спасения нет, и всякое лечение бесполезно».

Предлагали ей и операцию, предупредив, что в ее годы перенести операцию невозможно: из 100 шансов 99 — за смертельный исход.

Врачи разъехались; и старушка пожелала остаться одна для молитвы. Спустя час она позвала сына и потребовала, чтобы немедленно пригласили о. Иоанна. К вечеру пастырь прибыл и провел у постели больной около часу.

Перед отъездом он сказал сыну:

— Я вас прошу привезти завтра мамашу в собор на литургию.

— Но, батюшка! Мамаша пятый год не встает уже с постели. Завтра ей будут делать страшную операцию.

— Операции не надо никакой делать; а я надеюсь, что завтра мамаше не очень трудно будет явиться в храм Божий.

— Нет, нет, батюшка! Это — невозможно. Доктора запретили ей всякое движение. Да еще доживет ли она до завтра?

— Прощайте и исполните мою просьбу.

Отец Иоанн удалился. Г-н Ф. проводил его до улицы и вернулся к матери, которая имела совершенно сияющий и бодрый вид.

— Дети мои! — плакала она. — Я с каждой минутой чувствую облегчение, точно мне сделали уже операцию.

Всю ночь семейство провело без сна. Старушка под утро сошла с постели, на которой она провела более четырех лет. И ее водили под руки по всем комнатам. Радости и ликованию не было конца...

Едва ли надо говорить, что все семейство Ф., по завету о. Иоанна, присутствовало в соборе. Старушка отстояла всю обедню и молебен Спасителю. Через два дня она была здорова и здравствует и поныне».

Еще один случай того же времени, о чуде духовном.

«Жена одного матроса, выданная не по взаимной любви замуж, ненавидела своего мужа; и жизнь ей была лишь в тягость. Так продолжалось два года, пока не привел ее Бог познакомиться с Параскевою Ивановною, которая очень сочувственно отнеслась к ее супружескому горю, посоветовала ей пригласить о. Иоанна Сергиева на квартиру. Добрый пастырь приехал, отслужил молебен, назидательно побеседовал с обоими супругами и перед отъездом своим благословил их, после чего жизнь их совершенно изменилась к лучшему; и они до сих пор (80-е годы) живут в мире. А когда солдатка эта забеременела, то старица Параскева предрекла ей, что у нее родится мальчик и станет ее крестником, что в точности вскоре и сбылось».

Чудеса эти еще в те годы настолько уже были многочисленны, что — как упоминалось выше — в «Новом Времени» в 1883 году было опубликовано следующее общее заявление:

«Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим нравственным долгом засвидетельствовать искреннюю душевную благодарность о. Иоанну Ильичу Сергиеву за оказанное нам исцеление от многообразных и тяжких болезней, которыми мы страдали и от которых ранее не могла нас исцелить медицинская помощь, хотя некоторые из нас подолгу лежали в больницах и лечились у докторов. А некоторые из нас исцелились и от немощей нравственных». Заключается заявление сообщением, что исцеленные стараются памятовать «преподанный им многодостойным пастырем-исцелителем высоковрачующий спасительный совет — жить по Божией правде и как можно чаще приступать ко Св. Причастию». Подписалось 15 лиц, исцеленных о. Иоанном.

А потом чудеса его стали умножаться с необыкновенной широтой и быстротой. И можно сказать, что славный чудотворец в последние десятилетия, то есть приблизительно 25–30 лет, стал знаменитым везде по преимуществу из-за чудес.

Но несомненно, что они творились через него и в предшествующие 25 лет, до первого юбилея. Только никто их тогда не записывал; а сам о. Иоанн по смирению своему молчал о них.

Не будем и мы выписывать более чудес исцеления от болезней: и сказанного довольно. Но необходимо рассказать о чудесах еще более поразительных: об изгнании бесов.

Об этом, видно, уже шла молва. В 1884 году, на том же 25-летнем юбилее, о коем мы упоминали, в приветственном слове, составленном о. В. Михайловским по просьбе верующих, говорилось: «Не тайна, что вам, добрейший отец наш, по вере вашей, дается благодать целити недуги и язвы в людях. Не тайна, что по вашим молитвам расслабленные укрепляются, болезни проходят, бесы прогоняются... И по вере вашей бывает вам. Простите нам, благодетель наш, подвижник Божий, что мы осмеливаемся пред вами изображать вас».

Из этих слов видно, что факты изгнания бесов о. Иоанном к 80-м годам не были тайной, если об этом говорится как о фактах известных и притом не единичных.

Но для нас опять важнее само свидетельство о. Иоанна. В упомянутой беседе с священниками в Нижнем Новгороде (1901) он откровенно и просто так говорил: «Ко мне часто приносят больных и просят, чтобы я помолился об них. В этих случаях я действую простотою веры. Обыкновенно подобные больные очень беспокойны. Когда их приводят ко мне, то они плюются, пинаются, и притом всегда, как замечено мною, закрывают свои глаза. Но я приказываю открыть их. И так как больной не открывает, то я настойчиво требую: «Открой глаза». И при этом сам устремляю на него свой взор. Больной наконец открывает глаза; а я, смотря ему в глаза, говорю: «Именем Господа нашего Иисуса Христа запрещаю тебе, дух нечистый: выйди из него!» И благословляю больного. Больной успокаивается, начинает молиться, и я приобщаю его» («Церковные Ведомости», 1901г. № 46).

И в беседе в Сарапуле (1904) о. Иоанн счел нужным особо отметить об этом виде исцелений: очевидно сам он придавал большое значение им: «Особенно поразительны, — рассказывает он пастырям, — исцеления бесноватых, всегда страшно страдающих. И бывали случаи, что иногда приводят такого одержимого злым духом, изрыгающего хулы и в то же время говорящего очевидно бессознательно и совсем бессвязно. А по прочтении над ним молитв больной делается радостным, покойным; принимает спокойно Св. Тайны, от которых ранее всеми силами старался уйти. И замечательно, что такие больные ничего почти не помнят из того, что они говорили в состоянии беснования. Ясное дело, что они творили чью-то — не свою — волю, волю противную воле Божией, бесовскую.

Часто бесы долго удерживают власть над больными, ими одержимыми, долго сопротивляются. Тогда обычно произносят слова: «Мы — застарелые; мы давно получили над ним (больным — *М. В.*) власть».

Но сила Божия, которой трепещут бесы, их побеждает».

Подобное записывал не раз и в Дневнике своем, например: «Маленькое деревцо легко вырвать из земли, а большое — трудно. Диавол в одном бесноватом, при изгнании его, кричал: «не могу выйти: я вырос, большой стал!» Однако же при усиленных молитвах вышел. Видите, и злые духи, вселившиеся в человека, от времени и навыка укрепляются».

Для большей ясности этих чудес сделаем выписку из «Церковных Ведомостей» об одном случае исцеления о. Иоанном крестьянки Евдокии Румянцевой. Свидетелями этого исцеления был и сам Паталеев, корреспондент «Петербургского Листка» (1908 г. № 351), «и еще человек не менее 200».

«Дело было в Боровическом уезде, Новгородской губ., в с. Кончанском, знаменитой вотчине Суворова. Как известно, из этого села перенесли в Петербург ветхую деревянную суворовскую церковь. На ее месте построили каменную.

По приглашению комиссии из представителей Академии Генеральского штаба — генералов Орлова, Мышляевского и полковника Сулима Само-

ило, отец Иоанн Кронштадтский приехал на освящение этой новой каменной церкви.

После был завтрак в здании школы. В самый разгар завтрака, когда уже окончились официальные тосты, в том конце зала, где сидел пастырь, произошло какое-то замешательство. Три дюжих мужика и коренастая женщина на руках несли какой-то ком неопределенной формы, оказавшийся впоследствии крестьянкой. Приглядываясь к больной, я заметил, что грудь ее была выпячена и изогнута как бы колесом; а лицо — я не могу передать выражения этого лица и застывшего ужаса, которым от него веяло.

Тихий голос пастыря вдруг стал крикливо резким и громким:

— Оставьте ее! — повелительно сказал он. — Пусть стоит сама.

На заявление принесших больную, что сама она во время таких припадков стоять не может, о. Иоанн еще нетерпеливее, еще настоятельнее возразил:

— Я говорю вам, я приказываю: оставьте ее!

Спутники отошли.

Больная пошаталась на ногах, по-видимому, не имея точки опоры в своем теле.

— Гляди на меня!

Блуждающий взгляд помутневших очей словно хотел подчиниться этому приказу, но, очевидно, не мог.

Присутствовавший тут же местный исправник, С. П. П-ов, усмехнулся; и вполголоса, однако довольно явственно, сказал: «Кажется, начинается спектакль с чудом».

— Говорю тебе: смотри мне в глаза! — еще резче, еще настойчивее твердил пастырь больной.

Мало-помалу глаза больной проясняются; взор делается осмысленным...

— Перекрестись! — новый повелительный оклик.

— Не мм... м.., — был ответ.

Закинув голову, с необыкновенным духовным подъемом, о. Иоанн, вплотную подходя к больной, говорит:

— Выйди! Именем Господа: выйди!

Тут произошло нечто такое, отчего у всех нас мороз пробежал по коже... Не человеческий крик, а какой-то звериный рев раздался из уст больной! Лично я не слышал, что она говорила: так нравственно я потрясен был происшедшим... Я только видел, как привыкший ко всему исправник истерически зарыдал, тот самый, который говорил о спектакле с чудом. Мне нужны были невероятные усилия, чтобы удержаться от плача. С затуманенными глазами я видел и слышал далее следующее.

— Перекрестись!

Одно-два неуверенных движения — и больная кладет на себя твердый правильный крест. Беззвучно опускается ее голова на плечо пастыря. Тихие рыдания оглашают комнату. Непередаваемое нервное потрясение охватывает почти всех присутствующих...

Больная вместе с отцом Иоанном удаляется в угол. А мы все понимаем, что это будет исповедь, и отходим. Она длится очень недолго. И вновь раздается тихий голос пастыря, читающего разрешительную молитву.

— Ты — совершенно здорова. И Господь благословит тебя детьми!

...Вместе с Боровическим городским головою на торжестве освящения церкви не присутствовавшим, и еще с несколькими лицами я тщательно расследовал этот случай: вот что мы узнали, и о чем у меня имеется подробный протокол, тогда же подписанный многими лицами.

Крестьянка Авдотья Румянцева принадлежит к Сопинской волости; вышла замуж за 10 лет до счастливой для нее встречи с отцом Иоанном, всегда была ненормальной... Исповедовать ее еще никогда не удавалось, а причащать — никогда во все 10 лет... Ходила часто голая.

После описанного случая Авдотья Румянцева стала совершенно нормальной. Она исповедовалась и причастилась. Стала хорошею хозяйкою, отличной прихожанкою. Оправдалось предсказание и о ребенке» («Церковные Ведомости», № 10, с. 474–476).

И подобных исцелений в жизни о. Иоанна было много: описанный случай можно считать более или менее типичным. Потому опишу лишь один факт, засвидетельствованный в проповеди таким авторитетным в церковной жизни человеком, как архиепископ Феофан (Быстров). Это исцеление бесноватого было уже после смерти о. Иоанна Кронштадтского. Рассказано о нем архиеп. Феофаном (б. Полтавским), а прежде — ректором Санкт-Петербургской духовной академии. Излагаю его слово, сказанное в неделю 4-ю по Пятидесятнице, сокращенно.

«В 1909 году по всему Петербургу разнесся слух о том, что 16-летний юноша Павел Ильин, одержимый каким-то необъяснимым для науки недугом, привезен был к литургии в Иоанновский монастырь на Карповке и здесь чудесно исцелился у гробницы о. Иоанна Кронштадтского.

Произошло это так.

Во время Херувимской песни он вырвался из рук 15 сильных мужчин, державших его, и затем пронесся по воздуху над народом к западным воротам храма и у входа в храм упал без чувств. Бесчувственного, его взяли и принесли к гробнице отца Иоанна. Здесь больной на краткое время очнулся, а затем крепко заснул. Во время сна явился ему о. Иоанн, дал наставление, исповедал и велел ехать в Валаамский монастырь...

После этого Павел уже не так страдал от своей болезни, но еще не совсем выздоровел. В том же 1909 году он переехал в Выборг, записался в послушники Валаамского монастыря и жил при архиерейском доме в г. Сердоболе (в имении Хюмпеля). Здесь он исполнял послушание на огороде и прислуживал в качестве чтеца при церкви.

В 1911 году 19 октября — в день памяти преп. Иоанна Рыльского и о. Иоанна Кронштадтского — пришел в состояние восхищения». Он увидел о. Иоанна с некоторыми другими святыми, а потом и с Богородицею.

Отец Иоанн повелел Павлу ехать в Оптину Пустынь к о. Варсонофию, старцу Оптиной.

В ноябре того же 1911 года он ездил к о. Варсонофию в сопровождении валаамского иеродиакона именем Варсонофия. Старец был предупрежден о приезде больного: принял его, исповедал и причастил — и после этого последовало окончательное исцеление.

До 1912 года исцеленный Павел, уже совершенно здоровый, жил по-прежнему в Сердоболе, а затем призван был к отбыванию воинской повинности. В 1914 году участвовал в Великой войне. Жив ли он в настоящее время или погиб во время этой войны и последовавшей за ней революцией, остается неизвестным.

Но он через иеромонаха Валаамского Варсонофия переслал мне (арх. Феофану — *М. В.*) свои записки для обнародования их через 10 лет после своего исцеления.

Из этих, написанных им собственноручно, записок видно, какою болезнию болел он и по какой причине.

Во время пребывания своего в Москве Павел впал в нужду. Нигде он не мог найти работы для себя; и все близкие и знакомые отказались от него. Тяжелая нужда доводила его до уныния и до отчаяния; неоднократно приходили ему мысли о самоубийстве. В одну из таких минут явился ему таинственный старец:

— Я помогу тебе, если ты собственною кровию письменно удостоверишь, что будешь верен мне — и здесь, на земле, и по смерти твоей.

— Кто же ты такой, чтобы мне верить в тебя и довериться тебе — спросил Павел.

— Я тот самый, — ответил явившийся, — которого ненавидит ваша Церковь.

— Хорошо: я буду верен тебе! — заявил ослепленный отчаянием юноша и дал требуемую подписку.

— Ну, а теперь ты должен сбросить с своей шеи лишнюю обузу, — сказал таинственный старец и указал при этом на крест. Юноша снял крест и таким образом отрекся от Христа и продал душу свою диаволу.

За это отречение от Христа вселился в него злой дух; и с тех пор он стал бесноватым. От этого-то духа беснования и исцелил его о. Иоанн Кронштадтский — частью непосредственно, а отчасти через посредство Оптинского старца Варсонофия.

Из всего сказанного видно, что бесноватые, или одержимые нечистыми духами, существуют и в настоящее время. Духу беснования предаются они за нечестивую жизнь и особенно за грехи богоотречения и богохульства. Но существуют в настоящее время и праведники, угодившие Богу, которые имеют силу и власть изгонять злых духов. Величайшим из таких чудотворцев последнего времени является о. Иоанн Кронштадтский».

Это слово сказано было арх. Феофаном в г. Варне в Болгарии, в храме во имя св. Афанасия Великого 8/21 июля 1929 года*.

---

* Об этом исцеленном Павле имеются следующие сведения, по его собственному письму от 1928 года. Совершенно оправившись от болезни и окрепнув здоровьем, он принимал участие в Европейской войне, был награжден двумя «Георгиями». После революции поступил в Красную Армию начальником полевой команды связи и находился на фронте под Архангельском в течение 10 месяцев. Тут он был тяжело ранен; и два года и три месяца лежал в госпитале. Потом, кое-как оправившись, поступил дворником в Петрограде, где находился до сентября 1928 года, то есть до отправки письма на Валаам. В последующее время от него известий не поступало. Эти сведения получены мною уже за границей (*М. В.*).

На этом я заканчиваю выписку о чудесах о. Иоанна, взятых из книг и записей других лиц. А в заключение мне хочется для памяти истории рассказать о нескольких, более интересных чудесных случаях, пока нигде еще не засвидетельствованных, а мне известных.

Одна знакомая мне женщина привезла в Петербург своего сына, мальчика лет 11, страдавшего глазами. Она попросила меня сводить ее с больным сыном к о. Иоанну. Когда мы приехали к Батюшке в квартиру, он скоро вышел; и мать объяснила ему болезнь дитяти. Отец Иоанн привлек его к себе с правой стороны и, гладя по головке, говорил:

— Бедный птенчик! Бедный ты птенчик!

На другой день я сослужил Батюшке литургию; а мальчик стоял в углу алтаря. Отец Иоанн в один момент отошел от престола, подошел к нему и рукою протер ему оба глаза. И мальчик почувствовал, что глаза у него не болят. И когда мы возвращались из Кронштадта по льду, он в саночках подпрыгивал на ногах между нами и радостно повторял: «А глазки не болят! А глазки не болят!»

Но сбылись и прозорливые слова о. Иоанна. Жизнь этого молодого человека и кончина его были действительно очень горькими... Имя ему было Николай.

Другой случай мне рассказал о своем отце В. Шустин.

Тогда, то есть в 1927–28 г., я был заведующим богословско-пастырскими курсами в Сербском городе Белая Церковь (по-сербски Бела Црква). Шустин был одним из курсантов. Впоследствии он принял священство и, кажется, теперь он служит в Алжире. Вот он сам и рассказал мне о чуде.

Я записал о нем у себя в тетради; но после получил книжку, написанную о. Василием про о. Иоанна и оптинских старцев. И считаю за лучшее взять выписку оттуда: она точнее передаст факт, чем мои записи по памяти после 20 лет.

«Когда я был еще совсем юным, отец мой серьезно заболел горлом. Профессор Военно-медицинской академии по горловым болезням Симановский определил, что у него горловая чахотка. Все горло покрылось язвами, и голос у отца совершенно пропал. Я помню, на Рождество, по случаю такой болезни отца, не делали нам и елки. В доме царил как бы траур, все говорили шопотом, царило уныние; нас, детей, не пускали к отцу. Только в первый день Рождества нас подвели к нему, и он, скорбно и молча раздал нам подарки. Симановский заявил, что ему осталось жить дней десять, а если увезти с большими предостережениями теперь же немедленно в Крым, то он, может быть, еще протянет месяца два. В это время как раз вернулся в Кронштадт из одной своей поездки о. Иоанн. Послали ему телеграмму. Дней через пять он приехал к нам. Прошел к отцу в спальню, взглянул на него и сразу воскликнул: «Что же вы мне не сообщили, что он так серьезно болен!? Я бы привез Святые Дары и приобщил бы его». Мой отец умоляюще смотрел на батюшку и хрипел. Тогда батюшка углубился в себя и, обращаясь к отцу, спрашивает: «Веришь ли ты, что я силою Божией могу помочь тебе?» Отец сделал знак головой.

Тогда о. Иоанн велел открыть ему рот и трижды крестообразно дунул. Потом, размахнувшись, ударил по маленькому столику, на котором стояли разные полоскания и прижигания. Столик опрокинулся и все склянки разбились. «Брось все это, — резко сказал о. Иоанн, — больше ничего не нужно. Приезжайте завтра ко мне в Кронштадт, и я тебя приобщу Св. Таин. Слышишь, я буду ждать». И батюшка уехал. Вечером приехал Симановский, а вместе с ним доктор Скупцев, тоже специалист по горловым болезням. Им сказали об о. Иоанне, и что завтра повезут моего отца в Кронштадт. Симановский сказал, что это безумие, что он умрет дорогой. Нужно было из Ораниенбаума ехать на санях по морю, а была ветреная, морозная, погода. Но отец верил батюшке, и на следующий день закутали его хорошенько и повезли в Кронштадт.

Батюшка приехал на квартиру, где остановился отец, и приобщил его Св. Таин. Еще два дня прожил отец в Кронштадте, каждый день видясь с батюшкой. Когда он вернулся домой, Симановский был поражен: в горле все раны оказались затянуты; только голос отца был еще слаб. Симановский во всеуслышание заявил: «Это невиданно, это прямо чудо!» Так совершилось дивное исцеление моего отца по молитвам батюшки. Отец прожил после этого 25 лет».

Знавши близко о. Василия, я подтверждаю истинность его слов: это был человек чистый, честный, добросовестный: лгать или сочинять он не мог.

Третий случай произошел в Париже, в 1933 году, 2 апреля по новому стилю. В этот день (воскресение) было назначено совершить крещение взрослой еврейки, лет около 38. Она выразила желание, чтобы это было сделано после литургии и в пустом храме. Когда все ушли и осталось лишь духовенство да крестные восприемники будущей христианки, я увидел еще каких-то двух женщин среднего возраста, нам неизвестных. Подхожу к ним и спрашиваю:

— Вы кто? Знакомые этой еврейки?

— Какой еврейки?

— А вот той (указываю), которую мы будем крестить сейчас.

— Нет! Мы даже и не знаем об этом.

— Почему же вы остались?

— У нас есть свое дело к вам!

— Ну, в таком случае подождите до конца крещения.

Таинство совершилось; новокрещенную называли Евфросинией. После я расспросил тех женщин. Младшая из них рассказала о необыкновенном сне, в котором она видел преп. Серафима и с ним о. Иоанна Кронштадтского. Сон этот произвел на нее сильное впечатление; она обратилась к своей знакомой. Та была женщина религиозная и посоветовала ей сходить в церковь нашу и попросить батюшку отслужить молебен в комнате у видевшей сон. Я взял псаломщика б. Г., и мы отслужили молебен. А я попросил эту женщину самой записать чудесный сон, что она и сделала. Эту рукопись я и прилагаю здесь, переписав с сохранившегося у меня доселе подлинника.

«Владыко, в связи с празднованием столетия со дня кончины св. угодника Серафима Саровского разрешите мне написать Вам о том, как в январе месяце 1931 года мне снились св. Серафим Саровский и о. Иоанн Кронштадтский. В это время я была на квартире у генерала П. Г. Орел (27, rue des Morilon, Paris 15). Я слушала курсы сестер милосердия французского Кр. Креста, и хотя очень много занималась, но все же ложилась и вставала под звуки граммофона; и никогда не вела разговоров на религиозную тему. Но вдруг мне снится, что я в каком-то мало знакомом мне доме. В углу лежит моя больная мама, которая уже давно умерла, а около нее, наклонившись, стоит гладко причесанный священник в рясе сиренево-малинового цвета, с большим крестом на груди. У входа, наклонившись вперед (видела только до колен), стоит весь седой старец, он упорно и грустно посмотрел на меня, когда я прошла около него. В это время священник отошел от моей мамы, и проходя мимо, сказал мне: «Иди к нам, мы тебе работу дадим. Я — отец Иоанн Кронштадтский; а это — св. Серафим Саровский». И оба они ушли. Я проснулась. Не могу описать мое душевное состояние, но я не спала до утра; а на утро я рассказала этот странный сон Александре Георгиевне Орел, которая пригласила меня к себе и, указав на угол, уставленный иконами, спросила меня: найду ли я здесь того, кто мне снился? Я указала на икону св. Серафима Саровского. К стыду моему, Владыко, будучи еще в старших классах гимназии, под влиянием моего кузена, я читала «Теорию» Дарвина, «Сила и материя» Бюхнера, «Жизнь Иисуса» Ренана и много других книг антирелигиозного содержания, которые поколебали во мне веру в Бога. Но я молилась, говела и делала все это как обряд. Но в то же время я всегда уважала все религии. После же революции, уже в эмиграции, я стала задумываться над религией и решила, что если бы был Бог, то Он не допустил бы делать то, что они делают. Я перестала молиться, перестала говеть, да к тому же тяжелая работа сестры милосердия во французских госпиталях мне мешала молиться, а главное — говеть. Но этот странный сон совершенно перевернул всю мою душу. В прошлом году я исповедалась у свящ. о. Смирнова на Rue Daru и все рассказала ему. Я купила икону св. Серафима Саровского и часто со слезами опускаюсь на колени пред ней и получаю утешение. Я верю, глубоко и искренне верю в Бога, Спасителя и святых. Только вера без колебаний, глубокая вера в Бога — эта основа истины, морали и нравственности — может спасти нас, спасти мир от гибели и сатаны.

Да соединит Господь Бог всех верующих и да спасет мир наш. Поверьте, Ваше Высокопреосвященство, в мою искренность и преданность.

Полина Малькевич-Кошелева.

1933-го года Март месяц».

Случай был в 1931 году; а рассказан он был мне в 1933 году; потому что в этом году было столетие со дня кончины преп. Серафима; и я начал печатать житие его. И просил всех, знавших что об о. Серафиме, сообщить. Вот Полина Кошелева и пришла с подругою.

Следующий случай мне был описан и прислан в письме. Переписываю его тоже точно.

«Рассказ об исцелении о. Иоанном Кронштадтским сестры моей, Лидии Петровны Стахович в 1918году в г. Ливнах, Орловской губернии.

Сестра мне писала: теперь поговорю с тобою об отце Иоанне и великой милости Божией, из-за которой я исцелела от воспаления легких в 1918 году в г. Ливнах. Я рассказываю это немногим, так как проникнута великою благодарностью Богу и дорогому Батюшке, а только тем, которые прославляют Бога в делах Его. Я лежала уже 6 недель с воспалением легких и начинала поправляться, но компресса согревающего еще не снимали. Был ноябрь, очень холодный, а дров у нас не было; пришлось лежать в нетопленной комнате. Приехал доктор Маслов, велел снять компресс для консультации; пока он меня выслушивал, у меня зуб на зуб не попадал, так я озябла. На следующий день температура была 40, и доктор объявил, что захвачена вся правая сторона, то есть началась вся болезнь сначала, только с другой стороны. Я решила, что, конечно, не выживу, так как, лежа 6 недель, совсем потеряла силы, — где же их набрать еще на 6 недель? Мать моя ухаживала за мной день и ночь, и никогда даже не отдыхала днем. Я была ужасно эгоистична, никогда о ней не думала, ничем не щадила; из-за слабости сердца мне не велели двигаться; я поминутно ее тревожила и днем, и ночью, не заботясь о ее сне: «Мама, поверни подушку», «Мама, покрой меня» и т. д. Наступила ночь с 19 на 20 ноября — после того, что доктор объявил о возобновлении болезни. Я проснулась ночью: мне мешал слишком затянутый компресс. Я не задумалась разбудить маму, попросить у нее ножницы, разрезать бинт. Я говорю это для того, чтобы показать, что ни о чем возвышенном не думала, а только о ножницах и бинте.

Мама только успела отойти к своей постели, как подошел ко мне отец Иоанн и строго, рассерженным голосом, сказал: «Как ты можешь по таким пустякам тревожить твою маму?» Я не подняла на него глаз, а видела край его черной с цветами, знакомой мне, рясы. Я ему ответила: «Батюшка я все кашляю, помолитесь о моем исцелении». И я услышала, как он говорит: «О здравии рабы Божией Лидии». Потом сделал движение, чтобы уйти. Я ему сказала: «Батюшка, останьтесь: я Вам расскажу всю нашу нужду». И я просила его, чтобы он избавил своими молитвами нас от сыпного тифа, он был повальный, почти в каждом доме; и чтобы не выселяли нас из квартиры, как грозили. Я понимала, что для меня это смерть, в 14 градусов мороза, больной. Потом я сказала: «Батюшка, если Вы правда меня исцеляете, то завтра утром пусть будет та температура, которую я назначу: 37,7; и я буду знать, что Вы правда были и что Вы меня исцеляете». Он находился возле меня. А потом стал у моих ног, и я его спросила: «Батюшка, у меня много Ваших фотографий; можно ли дать их Вашей почитательнице, Н.Д. Совримович и сказать ей, что это — Ваше благословение». Он улыбнулся своей светлой улыбкой, сказал: «Да, можешь!» — И скрылся.

Пока я с ним говорила, я чувствовала силу, бодрость, здоровье; по его уходе я точно опять вошла в мое больное тело: опять слабость, постоянный пот.

В 5 ч. утра мама подошла ко мне; и я ей все рассказала. Она не слышала нашего разговора; так что я думаю, что видела отца Иоанна духовно; при-

том не испытала ни страха, ни радости, я отнеслась к этому совершенно просто. Но ты понимаешь, что я больше не тревожила маму; да и не пришлось. Проснувшись, утром измерила температуру: было 37,7. И все меня поздравляли, как именинницу.

Через два дня я причастилась; температура стала нормальной и более на поднималась. Вот что сотворил Господь через Святого Своего и как помиловал меня. Дорогой Батюшка сохранил нас своими молитвами и от сыпного тифа, и от выселения из квартиры».

Письмо от 29 декабря 1932 года. Париж.

«Ваше Преосвященство!

В настоящее время, когда собираются сведения о чудесах, совершаемых по молитве отца Иоанна Кронштадтского, я не могу умолчать об одном случае, свидетелем которого был я. Я был тогда студентом университета; жил у родных, у которых был небольшой дом, в большом городе на юге России. Семья наша была большая; покойные мои отец и мать были религиозными и верующими людьми.

У нас в доме служил в качестве дворника дома Федор Шевченко; жена его Парасковья была болезненой женщиной, и все же иногда уходила на поденные работы в качестве прачки, помогая мужу своими заработками.

Однажды Парасковья внезапно сильно заболела; точно припомнить не могу, было ли это воспаление легких или болезнь сердца. Но не имея возможности лечить жену дома, Шевченко отвез ее в Стурдзовскую больницу, неподалеку от дома. Каждый день жене его становилось хуже, и, наконец, врач признал состояние ее безнадежным; а дежурная сестра приказала принести больной белье и платье, чтобы было во что одеть, так как до утра следующего дня она дожить не могла.

Собрал Федор вещи в узелок и отнес в больницу.

Вернувшись из больницы, пришел к нам в комнату и стал плакать. Покойная мать и говорит ему:

«Давайте, Федор, пошлем телеграмму о. Иоанну Кронштадтскому. Вы — человек верующий: если телеграмма дойдет до вечерни и Батюшка помолится, может быть, Господь по молитве его и спасет умирающую. А сами вы пойдете в церковь и поставьте свечу о ее здоровии».

Я не могу припомнить: я ли лично, или кто из моих сестер и братьев составили самую краткую телеграмму о. Иоанну; сами и подписали ее, так как Федор был неграмотным. Телеграмму послали часа в два пополудни, считая, что в 6 ч. вечера она будет в Кронштадте...

На следующее утро пошел Федор в больницу, не предполагая застать в живых свою жену. Но к удивлению своему узнает от дежурной сестры, что жена его не только не умерла, но по непонятной причине (она не знала о посланной нами телеграмме) ей как будто легче. Через несколько дней Парасковья выздоровела и выписалась из больницы».

Следует подпись: О.

Запись за дедушкой Колотовым

На наше бедняцкое подворье в Париже зашел, ковыляя одной паралич-ной ногой, бывший богатый купец из приволжских краев, дедушка Колотов, и просил приютить его на подворье. 20 декабря 1932 года (старого стиля), в день памяти смерти о. Иоанна, он вспомнил из прошлого о чуде Батюш-ки, а брат Г.П. (почитатель отца Иоанна) записал за ним. Я переписываю.

«Это было к концу Японской войны, в городе Вятке, куда пригласили о. Иоанна, кажется, купцы Булычевы. Приехавшего Батюшку встречало множество народа; среди него больные и калеки. С Котласского вокзала и до дачи Булычева через весь город было не меньше четырех верст. Подана была коляска с парой лошадей. Но народу было так много, что проехать было нельзя. Коляску остановили; лошадей выпрягли; и сам народ впрягся и повез Батюшку. До дачи Булычева, 4 версты, везли еле-еле двигаясь в тесноте, часов пять.

И я сам, — сказывал дедушка, — видел следующее чудо. Был у нас там среди калек некто Матюшка, у которого судороги стянули ноги настолько, что он ходить не мог, а передвигался почти ползком на костылях. Ему было лет 35. Он крепко верил в силу молитв Батюшки и с большим нетерпе-нием ожидал его приезда в Вятку. По дороге к даче этому калеке удалось протискаться к самой коляске, в которой сидел Батюшка, и уцепиться за крыло коляски. Так держась за нее, больной доковылял до самой дачи Булычева. И когда коляска остановилась, то больной начал ходить прямо без костылей.

Это я видел сам лично. До того Матюша был болен два года, лечился разными средствами, но все было без пользы, — закончил дедушка».

В Америке мне пришлось лично познакомиться с известным в свое вре-мя художником С.В. Животовским. Он рассказал мне и Г.П. о своем знакомстве с о. Иоанном и о поездке с ним на родину его, в Суру. И между прочим упомянул об исцелении больной итальянки от подрясника о. Иоанна. Этот случай потом был оглашен Животовским в печати; но несомненно, для широких кругов читателей он неизвестен; между тем, со-бытие это интересно и потому, что свидетельствует о чудесах, совершав-шихся Батюшкой и для инославных, и для иноверцев: здесь — для католич-ки, дальше — для евреев. В прежние биографии эти факты не вошли; а они подлинны и поучительны.

Новое чудо Иоанна Кронштадтского
(Быль)

«Я знаю, — начинает рассказ С. Животовский, — что многие, прочтя это, улыбнутся.

Но дело было так: два года тому назад моя жена лежала в Сайденхем-госпитале, здесь в Нью-Йорке. Я каждый день навещал жену.

Ее соседка по палате была молоденькая итальянка — лет восемнадцати.

И каждый день я наблюдал печальную картину. Вокруг постели девуш-ки, в приемные часы, стояли родственники и молодой парень-жених, и пла-

кали. И было чего плакать. Девушка таяла у всех на глазах. Она страдала какой-то изнурительной желудочной болезнью, истекая кровью. Дня за три перед тем, как выписаться из госпиталя, моя жена обратилась ко мне с просьбой.

— Знаешь что, — сказала она, — мне ужасно жаль эту молодую девушку. Она такая славная, и при том она невеста. А доктор сказал мне, что только чудо может спасти ее, так как слишком много крови она потеряла. Я рассказала ей о твоей истории с о. Иоанном Кронштадтским и о том, что у тебя есть его подрясник, и вот она теперь умоляет тебя привезти сюда этот подрясник. Она ведь очень верующая. До фанатизма.

Я посмотрел в ту сторону, где лежала умирающая, и действительно увидел две пары умоляющих глаз. То были ее глаза и глаза ее матери, стоявшей у ее постели. Обе итальянки догадались о ком идет разговор и внимательно следили за нами.

Надо было видеть, как расцвели их лица, когда в знак согласился я кивнул головой.

Но я должен рассказать и «мою историю» с о. Иоанном Кронштадтским, как выразилась моя жена. История эта очень проста. Года за два до японской войны к нам, в Ксениинский институт, преподавателем которого я состоял, приехал о. Иоанн Кронштадтский.

Приехал он тогда с тем, чтобы по просьбе одной матери, помолиться у постели тяжело болевшей девочки, лежавшей в нашем институтском лазарете.

Помолившись у постели больной, он в сопровождении институтского начальства направился к выходу и увидел в отдаленном углу другую девочку, которая, чтобы лучше разглядеть о. Иоанна, с трудом приподнялась на одной руке.

— А это что за девочка? — спросил он у начальницы института, шедшей с ним рядом.

— Ах, эта? Это Барщевская, дочь известного путешественника по Закаспийскому краю, полковника Барщевского, — ответила княгиня. — Она неизлечимо больна. У нее паралич ног, и притом она, батюшка, католичка...

— Ну так что же, что католичка. Бог ведь один, — ответил отец Иоанн. И, круто повернув, направился к Барщевской.

— Что, детка, — сказал он, подойдя к постели больной. — Давно больна?

— Два года уже, Батюшка, — ответила больная.

— А в Бога ты веруешь? — спросил о. Иоанн.

И, получив утвердительный ответ, сказал:

— Тогда будешь здорова: встань.

И при этом довольно сильно ударил больную по позвоночнику.

Страдавшая бессонницей Барщевская упала от удара в глубокий обморок и затем заснула крепким сном.

А через день в институте был годовой бал. И на этот бал пришла совершенно здоровой Барщевская и... танцевала.

Поправилась и та девочка, к которой был приглашен специально о. Иоанн.

Перед японской войной было время, когда популярность о. Иоанна Кронштадтского в одной части русского общества стала сильно падать.

О случае в институте я рассказал редактору «Петербургского Листка» Н. А. Скроботову. Он мне и посоветовал летом съездить вместе с о. Иоанном к нему на родину, в село Суру Архангельской губернии. И понаблюдать. Я так и сделал. Результатом явилась целая книга, которую я издал под заглавием: «На Север с о. Иоанном Кронштадтским», и дружба с покойным батюшкой. На память он подарил мне подрясник шелковый на гагачьем пуху и портрет свой с очень трогательной надписью. Портрет у меня украли, а подрясник я берегу и привез даже сюда, в Америку.

Вот этим подрясником я и покрыл больную итальянку на другой день после разговора с женой. Накрыл и вместе с больной помолился. Она заразила меня своей верой.

Через два дня я приехал в больницу, чтобы взять жену. Постель итальянки была пуста.

Что, умерла? — спросил я у жены.

— Какое там, — засмеялась она. — Твой подрясник совершил чудо. Она выписалась и заявила, что больше болеть не будет. И вот тебе гонорар, который она просила передать тебе.

Я развернул пакет. В нем оказалась бутылка прекрасного итальянского «вермута».

С. Животовский.

Второй случай о чуде с иноверцами, рассказанный достоверным свидетелем, касается еврейской семьи.

«Не могу не вспомнить, — пишет ген.-лейт. Давид Ал. Озеров, — знаменательный случай, свидетелем которого мне пришлось быть. В Царском Селе жил молодой еврей Г., сын портного, кончивший университет, провизор. Жена его тяжко заболела, и доктора объявили ее безнадежной. Пришел ко мне Г. и спрашивает совета, может ли он, еврей, поехать к о. Иоанну в Кронштадт просить его молитв, так как в сущности никакой религии не признает, но верит в силу молитвы о. Иоанна.

Просить все можно, — ответил я ему.

Через несколько дней зашел ко мне сияющий от радости Г. и объявил, что ездил в Кронштадт. Отец Иоанн выслушал его, помолился о выздоровлении его жены, был с ним очень ласков, а вернувшись домой, Г. нашел жену вне опасности. «Еду к о. Иоанну его благодарить и очень обрадую его, так как мы решили, в знак благодарности, у него креститься». Дня через два приходит ко мне Г., сконфуженный и смущенный.

— Представьте себе, — говорит он мне, — что о. Иоанн не согласился меня крестить. Я ему сказал, что в благодарность за выздоровление моей жены мы с женой решили принять крещение из его рук.

— А веруете ли вы в Воскресшего Христа Спасителя? — спросил о. Иоанн.

— Нет, — ответил я, — но верю в святые ваши молитвы.

— Ну, в таком случае я вас крестить не могу, — сказал батюшка. — Благодарности вашей мне не надо, изучайте Евангелие, обратитесь к

любому священнику и, когда вы уверуете в Христа Спасителя, — креститесь.

— Так я ушел ни с чем, — с грустью сказал Г. — и теперь не знаю, как быть: о. Иоанн ничего от меня принять не пожелал».

Давид Озеров.

Этот свидетель оставил после себя записи о личных воспоминаниях об о. Иоанне.

Есть у меня еще целый ряд записей и даже тетрадей, но нужно ограничить себя. И я закончу последним рассказом о чуде в природе по молитвам о. Иоанна. Записан и даже сфотографирован этот случай тем же С. В. Животовским.

«Здесь нет места, чтобы рассказать о многих случаях, которых я был свидетелем и которые народ не мог назвать иначе, как чудесами. Но как сейчас помню одну потрясающую картину, о которой не могу умолчать.

Это было уже на обратном пути из села Суры.

Каждое утро наш пароход останавливался у первой встречной церкви. Отец Иоанн служил обедню, причащался Св. Таин, одаривал из своего запаса духовенство ризами и церковною утварью, и после этого мы отправлялись в дальнейший путь. И тогда он чувствовал себя бодрым и счастливым на весь день.

Недалеко от Холмогор, на Северной Двине, есть большое село Сойла. К этому селу мы и причалили. Большой монастырский пароход «Св. Николай», на котором мы тогда плыли, народ увидел издалека и очень быстро собрался у берега. Вперед вышел патриархального вида старик, церковный староста, с окладистой седой бородой, низко поклонился о. Иоанну, и сказал:

— Ваше Преосвященство, дорогой Батюшка, Сам Господь послал к нам тебя. Кругом засуха. Уже больше месяца, как не было ни росинки. Вокруг наших сел горит тундра, пожар подходит уже к нашим селениям и мы в опасности. Помолись о дожде. Спаси нас.

— Никто, как Бог, никто, как Бог! — ответил Батюшка своей любимой фразой. Сошел с парохода и направился к церкви. Я тоже пошел за толпой, которая росла все больше и больше. По обыкновению, зарисовал и записал себе в альбом, что было интересного, и вернулся на пароход, чтобы установить фотографический аппарат на удобном месте. И вот, когда кончилась служба в церкви и из нее стал выходить народ, я невольно обратил внимание на толпу. Восторженные, радостные лица. Матери подымали маленьких детей на руки и показывали им на горизонт. Все истово крестились. У многих на глазах были слезы. Я невольно обернулся туда, куда все смотрели. На горизонте я увидел черные грозовые тучи и сверкающую молнию. И вдруг загромыхало. После длительной засухи надвигалась гроза. Люди не хотели верить своим глазам. Люди бросались в воду, чтобы прикоснуться к нашему пароходу. Отец Иоанн вошел на верхнюю палубу. И опять вышел вперед тот же церковный староста. Толпа притиснула его к самой воде. И он стал на колени в воду. Теперь он уже не говорил, а рыдал.

— Батюшка, родной, ведь это чудо! Мы детям своим расскажем. Ты помолился и вот...

Он не договорил. Стали падать крупные капли.

— Никто, как Бог, никто, как Бог, — повторял радостный Батюшка, благословляя толпу.

Я едва успел снять эту незабываемую картину. Начался ливень, да такой, что все население парохода стало спасаться в каюты.

При ливне мы и отчалили. Берег стал удаляться. Но с него не уходила огромная толпа. Мокрая от дождя, она стояла на берегу и смотрела вслед удалявшемуся пароходу».

Итак, мы не можем сомневаться во множестве фактов чудесных случаев, связанных с о. Иоанном. Теперь хочу поделиться некоторыми размышлениями по поводу их, в связи с личностью его.

Прежде всего, придавал ли сам он большое значение им? Нет! Он признавал их — как мы видели из его Дневника и бесед — но никоим образом не ставил их в первый ряд ни в своей личной жизни, ни в служении людям. Поэтому и в Дневнике его чудеса занимают чрезвычайно малое место по сравнению с прочим духовным материалом: вопрос о чудесах не занимает даже и сотой доли, даже и менее того. Почему? Потому что он опытно знал, что не в чудесах цель человеческой жизни, а в спасении души, о чем будет речь в следующей главе; и даже (цель служения) священника — не в чудесах над его прихожанами и вообще богомольцами, а в исправлении их жизни, в приготовлении к будущему блаженству, к Небесному Царству. Мы уже видели, как о. Иоанн определял дело иерея: он ходатай, посредник перед Богом за паству, а не творец чудес.

И вот лишь сейчас встретились мне такие слова его:

— «Яви и на мне, Господи, чудную державу Твою; и имиже веси судьбами спаси меня, недостойного раба Твоего, наставляя меня присно на путь Твой и укрепляя меня в пути сем благодатию Твоею; через меня же (спаси) и прочих, для которых Ты поставил меня» — кем? чудотворцем? — нет! а — «светильником, пастырем, учителем и священнодейственником».

И в другом месте Дневника:

«Благодать возвеличила священника на степень земного ангела, совершителя животворящих и страшных Таин Божиих, примирителя тварей с Творцом, просветителем душ разумным светом, посредника между Богом и падшим человеком, обожителя и обоготворителя верных чрез Таинства».

И еще: «У Господа Бога цель твоей жизни — вечное спасение твое — всегда в виду. Он ведет тебя к нему, какими Сам весть судьбами».

И значит: опять — не чудеса.

Но почему же о. Иоанн все же творил их, или лучше: почему Господь творил через него?

Отец Иоанн видел, что и болезни, и беды, а тем более власть бесовская над падшими людьми являются нарушением и разрушением той Божественной гармонии, красоты, мира и блаженства, для которых создан был Богом человек. И сам, будучи искателем этой гармонии и уже до некото-

рой степени обладая ею, о. Иоанн хотел ее и для других. Потому он жалел страждущих, как несчастных людей, выпавших из нормального состояния; и по мере своих сил хотел восстановления их в благобытие; о чем и просил Бога. Особенно заставляла его страдать и мучиться власть бесов над бедными, несчастными созданиями Божиими. И потому о. Иоанн со всею силою духа своего стремился изгонять мучителей-бесов. Можно так сказать: творческая, созидающая, восстанавливающая Божия сила, жившая уже в о. Иоанне, побуждала его помогать бедствующим людям. «Отец Мой доселе творит, — говорил Господь, — и Я творю». Это можно сказать и про всякого святого чудотворца как богоподобного посредника. Творческое начало действовало в о. Иоанне с особою силою еще и потому, что он индивидуально был полон энергии, силы, творчества от природы своей: Бог же дает свои дары соответственно и природному восприятию подвижников.

«Будь смел, решителен на всякое добро, — особенно на слова ласки, нежности, участия; а тем более — на дела сострадания и взаимной помощи. Считай за мечту уныние и отчаяние в каком бы то ни было добром деле». «Вся могу о укрепляющем мя Иисусе» (Флп. 4, 13), хотя я и первый из грешников. «Вся возможна верующему» (Мк. 9, 23).

Как часто говорил такие слова о. Иоанн!

Далее. В чем видит о. Иоанн главное основание в надежде на исполнение чудес? Обыкновенно думают и говорят: он верил «крепко» несомненно. И это — правильно.

Да, он твердо веровал в Господа Сил и потому и молился с необыкновенной надеждой, даже с уверенностью. Если Отец «Сына Своего не пощадил, ...как с Ним не дарует нам и всего», — часто вспоминал он слова ап. Павла (Рим. 8, 32). Главное величайшее дело: все прочее, чего ни просим, бесконечно меньше Сына Божия! Поэтому благонадежно можем просить у Бога всего о имени Иисуса Христа (Ин. 16, 23 и 26) — всякого блага, о каком только можем помыслить. «Еже аще что просите от Отца во имя Мое, то сотворю: да прославится Отец в Сыне» (Ин. 14, 13).

И еще: «Если Бог даровал нам бытие — самый великий дар благости, если... Он даровал нам для возрождения нас... Сына Своего; то как малы все другие блага, которых мы просим у Него в молитве, чтобы по первому искреннему слову веры даровать их нам, — если они существенно для нас необходимы. И как неизвинительны мы, когда сомневаемся получить их в молитве. Прямо сказал Спаситель: «просите и дастся вам» (Мф. 7, 7).

«Не бойся, только веруй», — сказал Спаситель Иаиру, отцу уже умершей отроковицы (Лк. 8, 50).

И ты, — говорит о. Иоанн — «когда молишься,... будь уверен крепко, что Господь тут, возле тебя и в тебе и слышит каждое слово, хотя бы и про себя (произносимое), хоть только мысленно говоришь. Говори от всего сердца, искренно...» И заканчивает: «Верю! С опыта взято!»

Да, вера творит чудеса!

Но кроме собственной веры о. Иоанн требовал всегда веры и молитв со стороны страждущих, или хотя бы совершения крестного знамения: «Перекреститесь! Перекреститесь!» — требовал он от бесноватых.

Когда его просили помолиться об исцелении болезни, о. Иоанн почти всегда отвечал: — Молитесь и вы! Или: помолимся вместе! А иногда он, по смирению своему, ссылался лишь на веру самих молящихся. Один из биографов его, Ф.Г., спросил его, в чем заключается чудная сила его молитвы. На этот вопрос о. Иоанн ответил следующими словами: «В вере притекающих к милосердию Божию».

«Какую же роль играет ваше личное участие в явлениях Божьего милосердия?» — переспрошен был о. Иоанн. «Я, как священник, по своей обязанности молюсь, чтобы Господь даровал просимое по мере веры просящего», — ответил смиренный пастырь («Русский Паломник», 1891 г. № 23).

Но выше видели мы: он и к себе, как священнику, молитвеннику, относил честь действия.

И написал, что не только он, но и всякий иной священник должен бы молиться с подобной верою и дерзновением: «Молитва священника за людей имеет великую силу у Бога, если только священник от всего сердца с верою и любовию воссылает оную ко Господу. Дай Бог, — говорит он, — чтобы было больше священников, молящихся Богу горящим духом: ибо кто помолится об овцах словесных Господу с такою слою, если не помолится священник, получивший благодать и власть от Самого Бога?!»

Тут уже о. Иоанн ссылается не только на «горящий дух» веры, но и на особую благодать, даруемую священникам в таинстве хиротонии.

И в беседе с нижегородскими настоятелями, после сообщения об исцелении бесноватых, добавляет о всех священниках: «О братие! Нам много дано от Господа Бога благодати: и если мы сохраним этот дар Божий, то мы — непобедимы!»

Только бы все — и пастыри, и миряне — молились с твердой уверенностью. Неверие в силу молитвы есть, в основе, неверие в силу Божию, говорил о. Иоанн. И потом, сам имея твердую веру, он иногда упрекал других за их маловерие. Вот один из многих таких обличительных укоров:

«Молящиеся! Мало ли еще разве для вас видеть бессилие в человеках?! Как вы еще хотите видеть бессилие в Самом Боге и тайно помышляете, что Бог не исполнит вашего прошения?! Пусть для людей многое трудно; весьма многое невозможно. Но как же вы считаете что-либо трудным для Бога? «Вся бо возможна суть у Бога» (Мк. 10, 27). Итак, молясь, будьте уверены твердо, что для Господа все легко, все Он может во мгновение сделать. Вашей собственной немощи что-либо сделать не приписывайте Богу. Для вас, как для слабых ничтожных тварей, почти все трудно — вы это сами на себе и на других испытывали тысячи раз. ... Но для Него, помните, ничто не трудно. Всего смело просите, все надейтесь получить. «Вся, елика аще воспросите в молитве, верующе, приимете» (Мк. 21, 22).

Для верующего нет ничего невозможного: живая непоколебимая вера вмиг может совершить великие чудеса. Впрочем, и без нашей искренней и твердой веры совершаются чудеса: таковы чудеса таинств; ибо Тайна Божия всегда совершается, хотя бы мы были и маловерны при ее совершении или неверии. Неверие наше Божией веры не упразднит (см.: Рим. 3, 3).

Но о. Иоанн особенно настаивает еще на одном и главном основании возможности творения чудес человеком: я разумею очень частое утверждение его об образе Божием в человеке. Подробно об этом будет сказано в следующей главе — о спасении. Здесь приведу выдержки его слов в связи именно с чудесами.

«Проповедники и законоучители часто, — пишет он в Дневнике, —упускают из виду прежде всего то, что (необходимо) показать основу, на которой покоится» вообще вся «связь людей с Богом», а следовательно, и в чудотворениях. «Эта связь — образ Божий, по коему человек — свой Богу, родной, близкий друг», — разумеется, «праведно живущий». И он сам удивляется этой высоте человека: «Что ты за существо, человек, столь дорогое для Бога! Ты — образ Божий! Ты — частица Божества! Ты — чадо Божие, наследник Божий! Но ты об этом забываешь, это ни во что ставишь!»

И в известной степени — не по существу, а по присутствию в человеке благодати, — можно сказать с о. Иоанном: человек — бог, — хотя по тварной своей природе человек — ничто.

И в силу присутствия образа Божия в человеке, а также и в силу веры, которая его соединяет с всемогущим Богом, «человек, имеющий живую веру, может творить всякие чудеса и быть, некоторым образом, богом для природы; потому что он — образ Божий; потому что чрез веру бывает «един дух есть с Господем» (1 Кор. 6, 17).

Вот где видит основу чудес о. Иоанн.

Через посредство этого образа Божия Сам Бог и творит чудеса. Собственно лишь один Бог может творить их: человек лишь орудие Его.

Когда преподобному Серафиму Саровскому сказали с подозрительным укором, будто он творит чудеса, угодник Божий смиренно и мудро ответил, что убогий Серафим не может творить чудеса. Только Бог творит их. То же в сущности говорит и о. Иоанн, когда он ссылается на «Божию Силу» при совершении исцелений.

«Все силы и чудеса, — пишет он, — совершает Дух Святый... Ты только говори с верою: а совершение слова — не твоя забота, а — Духа Святого».

Здесь мы подошли к новому и дивному воззрению о. Иоанна на силу самих слов в молитвах. «Молясь, нужно так веровать в силу слов молитвы, чтобы не отделять самых слов от самого дела, выражаемого ими. Нужно веровать, что за словом, как тень за телом, следует и дело, так как у Господа слово и дело неразделимы: «яко Той рече, и быша; Той повеле, и создашася» (Пс. 148, 5). И ты так же веруй, что ты сказал на молитве, о чем попросил, то и будет. То беда, что мы маловерны и отделяем слово от дела;... бываем и на молитве, как и в жизни, «телесни, духа не имуще» (Иуд. 1, 19): оттого-то и бесплодны наши молитвы».

У о. Иоанна, в его богословских воззрениях, есть глубокая и даже редкая в творениях отцов Церкви установка: о силе слова вообще. Я вообще в этих записках не намерен углубляться в рассмотрение его религиозной философии: это — вопрос и обширный, и не легкий богословски для меня, — и даже выше моего духовного состояния. Поэтому я только отмечу на связь чудес и слов, и вообще слова человеческого с самим «Словом» Божи-

им, Иисусом Христом. Вот замечательный отрывок из Дневника о. Иоанна, — и притом не единственный в этом роде:

«Верую твердо в осуществимость всякого слова, особенно произнесенного во время молитвы, памятуя, что Виновник слова есть Бог-Слово; что Сам Бог наш, в Троице покланяемый, выражается тремя словами: Отец, Слово и Святый Дух; что всякому слову соответствует бытие, или всякое слово может быть бытием и делом. Благоговейно обращайся с словом и дорожи им. Помни, что, как Ипостасное Слово Божие — Сын Божий всегда соединен со Отцем и Духом Святым; так и в слове Священного Писания, или в молитве, или в писаниях богомудрых отцов участвует по Своему вездесущию Отец, как верховный Разум, творческое Его Слово и Совершитель Дух Святый. Потому никакое слово не праздно, но имеет или должно иметь в себе свою силу: и горе празднословящим; ибо они дадут ответ за празднословие. «Яко не изнеможет у Бога всяк глагол» (Лк. 1, 37); это вообще — свойство слова: сила и совершимость его. Таким оно должно быть в устах человека».

Поэтому знай: «Если есть слово, то есть и дело; ибо у Господа нет слова без дела; не возвращается к Нему глагол тощим, по слову Его (см.: Ис. 55, 11).

В силу такого значения слова о. Иоанн и советовал произносить слова молитвы с надеждой на их исполнение; лишь бы была искренняя вера у произносящего. Дух же Святый, как Дух Совершитель, Животворящий, осуществляющий, Сам будет исполнять слова молитв и прошений наших.

Это наставление о. Иоанна дает нам великую помощь при всяких просьбах. Именно: если бы мы надеялись на себя, то есть на свою силу веры, на свое напряжение душевное, то могли бы прийти к малодушию: где уж нам, маломощным, дерзать и надеяться на свои силишки?! Тогда мы просто не осмеливались бы просить Господа о чем-либо важном: об исцелениях, о даровании хорошей погоды, об избавлении от бед; не говорю уже об изгнании бесов. Да так и бывает обычно: мы не беремся за такие непосильные дела; даже отказываемся, как известно, сознавая недостоинство свое. А кроме того, при «своих» усилиях невольно можно заподозрить, что действие наших слов есть лишь естественное влияние наше на других. Так и думали многие о чудесах о. Иоанна: это де «гипнотизм», «внушение» на «истеричных» людей. Если же мы молимся с простой надеждой, и именно надеждой на действие Самого Духа Святого через призывание Его нашими Словами; тогда мы будем молиться просто, даже скромно, тихо, спокойно, но с надеждой: ибо наше дело произносить слова молитвы; а исполнять их есть уже «забота Духа Святого».

Во всяком случае так верил в благодатную силу слов молитв сам о. Иоанн.

Да так действуем и мы священнослужители, например, когда перед крещением мы читаем запрещения над диаволом, то нам не следует, да мы и не делаем так, —проявлять «свою» силу, приказание, повеление; а произносить бы и эти слова («Да запретит тебе, диаволе» и т. д.) со спокойной и «простой» верою. И это придаст нам даже более веры при произношении

их; ибо не на себя, слабых, надеемся тогда: наше дело лишь читать с верою эти слова.

На этом же основывается и чин молитвы Великого Требника над бесноватыми: «Последование молебное о немощных, обуреваемых от духов нечистых и стужаемых», или сокращенно: «Последование молебное о избавлении от духов нечистых». Сначала поется канон, а далее следуют «молитвы, сие есть заклинания... к страждущим от демонов». Из молитв этих (их 6) мы видим, что чтущий их (как и в крещении) именно не надеется на себя и даже не упоминает себя; а только призывает имя Господа:

«Даждь заклинанию сему, о страшнем имени Твоем совершаемому, страху быти» для демона. Или: «Божественное и Святое, и великое, и страшное и нестерпимое именование и призывание творим на твое прогнание, диаволе» («Запрещает тебе Господь»).

Если же и говорится от имени служащего — «Заклинаю тя злоначальника хульного,... духа нечистого» и пр., но не своею силою, а «Богом сил», Господом нашим Иисусом Христом... Да бежат именем Твоим святым, и Единородного Твоего Сына и Животворящего Твоего Духа» демоны.

И некоторые священники читают эти «Заклинания над стужаемыми». Но не всегда бывают чудеса исцеления. Известен целый ряд фактов, когда к о. Иоанну приводили бесноватых, не получивших помощи от местных священников. Например, вышеописанную Евдокию Румянцеву пробовал «отчитывать по требнику» местный священник о. Лев Матвеев, но ни одного раза не удавалось ему довести отчитывание до конца. Изогнутая в кольцо, больная каталась по полу.

Что же это значит? Почему те самые святые слова не оказывались действенными у других молившихся?

В ответ на это о. Иоанн предупреждает нас, чтобы мы знали свою меру, и прежде всего меру нашей веры, меру молитвенной силы каждого, и меру своих добродетелей. И апостолы не могли изгнать духа из бесноватого отрока. А когда спросили Христа: почему не могли сделать этого? То Он ответил им: в этом случае требовалось более молитв и духовного подвига от них («постом и молитвою»). Так и в приводимых примерах о. Иоанн пишет: «Будь умерен во всех религиозных делах; ибо и добродетель в меру — соответственно своим силам,... трудами предшествовавшими — есть благоразумие... Потому ап. Петр говорит: покажите «в добродетели же разум — то есть не увлекайтесь одним сердцем — в разуме же воздержание», то есть подвиг (2 Пет. 1, 5–6). В частности, нужно знать меру веры своей: «Если не имеешь твердой непостыдной веры в Бога, как Всеблагого и Всемогущего, то не приступай поспешно просить Его о даровании какого-либо блага: иначе диавол сразит и уязвит тебя маловерием или неверием в возможность исполнения твоей молитвы; и отойдешь от лица Божия посрамленным, унылым и мрачным». Именно так и случилось с о. Матвеевым: «Даже во время рассказа (об Евдокии) лицо священника при одном воспоминании, — говорит свидетель Паталеев, — делалось мрачнее ночи».

Значит, он брался не за свое дело, не в меру сил своих. И к нему, как и к нам вообще относятся последующие слова о. Иоанна: «Не будь лег-

комыслен; но наперед, «сед», разочти, по слову Господню, «имение» свое душевное, или взвесь веру свою: имеешь ли, что нужно, на совершение дела? Если же нет, то видящие твою несообразительность бесы начнут смеяться над тобою, говоря: сей человек начал строить и не может довершить (см.: Лк. 14, 28–30). Так прежде твоей молитвы сообрази степень твоей веры; и, нашедши ее достаточной, живою, твердою, непостыдною, приступай смело к престолу Благодати, да приимешь милость и благодать обрящешь «во благовременну помощь» (Евр. 4, 16). И потом о. Иоанн дает такой совет людям: «Чудес не требуй от Него (Бога) без крайней нужды». Так примиряется воззрение его на силу «самих слов»: через них действует Дух Святый, но при условии веры священника и больного, а также при нравственной заслуженности чудес. Иначе — лучше смиряться нам и не дерзать на высоте: «Высших себе не ищи», — говорит Св. Писание.

Да и о. Иоанн откровенно рассказывает о себе самом, что он не дерзал сначала просить непременного исполнения своих молитв. Целую четверть века он молился за просящих без уверенности в исполнении; а предавал после молитвы все в волю Божию. И лишь после известного совета Параскевы Ковригиной увидел новое послушание себе, но и то сначала «тогда я почти испугался: как я могу — думал я — иметь такое дерзновение?» Он и то пугался! А ведь до встречи с Параскевой он уже подвизался не менее 20 лет. И все же не дерзал, пока не увидел особой воли Божией на это дерзновение. А мы, еще младенцы по вере, а по жизни грешники: как же нам дерзать? Поучительный пример смирения нам следует видеть в книге Деяний.

«Бог же творил немало чудес руками Павла, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них. Даже некоторые из скитающихся иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует. Это делали какие-то семь сынов иудейского первосвященника Скевы. Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?

И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома. Это сделалось известным всем... и напал страх на всех их» (Деян. 19, 11–17).

Потому нам нужно «величать имя Господа», с силою проявлявшегося в о. Иоанне; но самим не быть дерзкими. Он достиг этого дара не только за свою веру, но и за святость, да и многолетнюю. А мы?!.

В заключении о чудесах последнее слово.

Интеллигентные люди, а особенно неверующие, не имеют сил отрицать факты чудес о. Иоанна, но не хотят и принимать их за чудеса. Тогда они начинают объяснять их естественными силами воздействия на больных личности о. Иоанна, его властностью, внушением. И будто бы болезнь или «беснование», — а по их словам «истерия», нервное заболевание, — исчезает.

Я не имею никакого желания спорить с такими формами неверия (хотя и мог бы, но не желаю, — ради бесплодности препирательства с этими

людьми!). Мы знаем из Евангелия и Деяний, что чудеса были от Христа и апостолов. Были и в наши времена. Нам важнее: как смотрит на такие явление Само Слово Божие? Оно считает и называет их именно чудесами. И нам довольно!

Так и о. Иоанн: он признавал бесов и этих больных считал и называл бесноватыми, а чудеса — чудесами. И нам запрещает считать их делом «естественных» сил. «Старайся, — говорит он, — всеми силами искоренить в себе непокорность неверия. А эта непокорность проявляется почти каждый раз, когда читаешь или слушаешь такое, что требует веры и что само по себе чудесно. Непослушание, неверие обыкновенно стараются объяснить и самые чудеса естественным образом; и боятся их (сверхъестественности). Будь внимателен к своим мыслям. Чудеса чудесами всегда и почитают; равно как пророчества — пророчествами. Отнюдь не объясняй их естественным образом: это — диавольское непослушание. А сколько успокоительности, сладости для сердца от послушания веры, простой и искренней! И как беспокойно для души, тесно для ней — гордое, лукавое непослушание неверия!»

Даже и искать чудес не велит Батюшка, ссылаясь на пример врагов Христа — иудеев:

«Иудее знамения просят, и Еллини премудрости ищут» (1 Кор. 1, 22) от проповедующих веру Христову; а вера Христова истинная, требующая младенческого доверия нашего. «Вера твоя спасе тя» (Мф. 9, 22).

Итак, просить знамения и искать внешней премудрости в вере есть признак гордой души, недостойной принять такую веру, какова вера Христа Господа! Даруй нам предаться вере, подобно младенцу!

Тем паче, что подобные чудеса, как исцеление болезней и даже изгнание бесов, совсем не являются самыми необыкновенными, чрезвычайными чудесами, — по мнению о. Иоанна. Есть нечто высшее «Господь есть совершенный Обладатель и Повелитель всей твари... Повелевает... мертвецу встать и ожить, — и смерть бежит от человека, и является жизнь; повелевает болезни оставить больного, — и болезнь бежит, а больной встает, бодрый и здоровый; повелевает бесам, — и они беспрекословно повинуются. Велико имя Господне!

Но особенно сила, держава Господня проявляется в том, что Он претворяет человека-грешника в святой и избранный сосуд; падшего падением ужасным восстановляет; растленного воскрешает и обновляет;... падшего в вечную смерть — вводит в вечную жизнь».

Это чудо из чудес!..

Или еще то, что Он Сам, будучи Господом твари безначальным, невместимым, изволил Сам сделаться человеком «нашего ради спасения»... «Ужасеся о сем небо, и земли удивишася концы, яко Бог явися человеком плотски»,... пострадал (о чудо!), умер (о ужасное чудо!) и воскрес, и нас... совоскресил с Собою... Яви и на мне, Господи, чудную державу Твою и... спаси мя!

К этому «чуду чудес» и переходим дальше.

Духовное чудо

Совсем недавно одна интеллигентная христианка дала мне для прочтения брошюру, написанную духовной дочерью о. Иоанна, В.Т.Верховцевой, под заглавием «Воспоминания об Отце Иоанне Кронштадтском». Этой брошюры я никогда не встречал раньше. Да и не мудрено: она была напечатана уже в 1917 году, когда началась революция. В то время было не до религиозных книг, а вскоре и совсем не стали печатать их. Поэтому возможно, что читатели очень мало знают про описанные в книжке события. А они, по моему мнению, чрезвычайно важны. Обыкновенно мы удивляемся чудесам телесным — исцелению от болезней. Еще более изумляемся изгнанию о. Иоанном бесов.

Но батюшка более важным чудом считает духовные чудеса: исцеление от грехов, страстей. Такое чудо, совершившееся над священнослужителем, и описывается здесь. И не только, впрочем, одно оно; а и духовно-телесное исцеление самой Верховцевой. Поэтому я и счел нужным к главе о чудесах приложить и выдержки из этой брошюры. И по опыту уже знаю: какое сильное впечатление производит брошюра на читавших ее. Потому я перепечатал ее в нескольких копиях и разослал по своим знакомым. Читатель и сам увидит, что книжка очень ценная. А в истинности всего описанного убеждает то, что она написана самой очевидицей и участницей чудесных событий.

Достойно примечания, что на попавшей ко мне брошюре рукою автора ее написано на 1 странице под заглавием следующие слова:

«Дорогому высокочтимому Отцу протоиерею Иоанну Орнатскому на память о давнопрошедших светлых днях его духовной дочери — от автора. 20 февраля 1917 г.»

Эта надпись еще более удостоверяет нас в несомненности и точности описываемого.

«Лично моя жизнь была одною из тех, которым люди завидуют. Высокое общественное положение, большие средства, казалось бы, способствовали тому, чтобы назвать себя счастливой, а между тем червь неудовлетворенности и безысходной тоски разъедал мою душу. С раннего детства, оставшись круглой сиротой, я познала цену всей этой светской мишуре, а также дружбе людей; я слишком рано во всех и во всем изверилась. Я знала, что до меня лично и до внутреннего моего мира, как бы ни был богат он содержанием, — никому в сущности дела нет, что пока я молода, интересна, нужна, к моим слабостям будут снисходительны, выгоды ради им станут даже потакать, но как только я потеряю общественное значение или личный интерес, вряд ли кто из вчерашних друзей останется на высоте своих уверений и обещаний. Зная цену чувствам людей, я глубоко их презирала; а не умея любить и прощать, почувствовала себя вскоре безнадежно одинокой, среди толпы — как бы в пустыне. Бездна лжи, лицемерия, лести, эгоизма в людских отношениях вытравили из сердца моего радость, свет; вскоре я утратила способность искать счастья, добра и в конце концов даже желать его. Чтобы заглушить свою тоску среди праздника жизни, я кидалась на все. Музыка, искусство, наука, литература, путешествие —

все было испробовано, ко всему быстро охладевая, угадывала внутренним чутьем, что все это лишь украшение жизни, суррогат счастья, но где же смысл, сущность, цель? Ответа не находила, тоска все злее терзала сердце, а тучи над головой сгущались. Я начала метаться в поисках выхода, и вскоре последнее, единственное святое, дорогое — дети — утратили значение и интерес. Из всех призраков — то был наиболее зловещий. Доктора определили черную меланхолию, а профессор психиатр Корсаков решительно предсказал паралич или нервное помешательство. Тогда я вспомнила о Боге. К большому моему счастью, мать моя была глубоко верующей женщиной, и обрывки ее наставлений, ее примера мелькали иногда в воспоминаниях моих, и хотя все последующие впечатления, полученные от учебного заведения и личной жизни носили характер чего-то только формального и казенного, — посеянное семя не заглохло.

Около пяти лет я не причащалась Св. Таин, соблазняясь несовершенством и недостатками нашего духовенства; много вредила и литература Толстого, которым одно время увлекалась. Не будучи духовно образованной, духовно развитой, я не умела отделять форму от сущности, я не постигала силы и могущества Таинства в самом себе, я не могла тогда понять, что недостойный священник вредит лишь самому себе, что люди, в простоте сердца ищущие его благословения, идущие к нему на исповедь, получают по вере своей непосредственно все от Самого Бога через таинство священства, врученное пастырям. Духовное благополучие этих верующих не зависит от недостатков лиц, не умеющих носить и уважать своего священного сана. Чего бы стоила религия, могла ли бы она существовать на протяжении веков, если бы ее таинственная сила и могущество были в зависимости от совершенства или несовершенства приставленных к ней слуг. Им дана власть лишь быть свидетелями, проводниками, или охранителями этой величайшей святыни, ведать ея формальной, чисто внешней, неизбежно необходимой стороной; но самая сила ее таинственная, всегда живая, от глаз людских скрытая, открывается людям, лишь по мере их духовного роста, духовно-умственного развития.

Вспомнив о религии, я решила принять Св. Тайны, и началось тогда мое внутреннее мучение в выборе духовника.

Все казались мне недостойными этого моего доверия. В своем самомнении и гордости, я, хотя и не считала себя праведницей, но все же была уверена, что на мой призыв Господь должен будет послать Своего светлейшего ангела, которые бережно и нежно станет утешать мою скорбящую душу. Но в своей правде — Господь рассудил иначе и послал мне духовника вполне мной заслуженного.

Случайно ли, или чудесно, однажды, когда я даже в молитве просила Бога указать мне достойного священника, я увидела во сне духовника своей матери, о котором никогда не вспоминала.

Воскресли картины забытаго детства, и памяти моей предстала высокая фигура молодого, серьезного священника с красивым лицом, каштановыми кудрями по плечам; какой-то очень большой храм и я маленькая, семилетняя девочка у первой исповеди и причастия более или менее сознательного.

Очень страшно было, особенно когда строгий священник не позволил мне сидеть в церкви: «кающиеся грешники на коленях должны стоять, а не сидеть», — выслал он мне сказать из алтаря. Все это вспомнила я, кроме имени и фамилии.

Заволновалась страшно, понимая что сон этот был вещим. В старых молитвенниках и книгах матери нашла я наконец и имя заветное.

В тот день телеграммой снеслась с дружески знакомым мне губернатором города Т., где протекло мое, почти забытое, детство; узнала, что интересующий меня священник жив и в ту же ночь мчалась по направлению к Т., окрыленная какой-то внутренней надеждой. Не отдыхая, отправилась отыскивать чудом воскресшего в памяти человека и нашла его в стенах гимназии, где он законоучительствовал. Вышел ко мне высокого роста, очень худой священник, с следами былой красоты, но теперь уже седой старик. Мое появление его разволновало.

— Дочь Надежды Феодоровны, — очень помню, чем могу служить вам?

— Да вот хочу у вас поговеть, исповедаться.

— Пожалуйте ко мне в дом в 5 час. Теперь я занят, — сказал он прощаясь. В указанное время я звонила у параднаго входа, и дверь мне открыл сам батюшка; в руках у него была карточка моей матери, и он, вводя меня в свой кабинет и указывая на эту карточку, сказал: «Бог, мать ваша и я — мы вас слушаем!» Боже мой! что сделалось со мной. От охватившего меня волнения я утратила способность видеть, наблюдать, соображать; как сноп подкошенный упала я к ногам его, положила голову на колена его, выплакала и высказала всю душу свою.

То была исповедь всей жизни моей; как на ладони представилась она мне, жалкая, одинокая, какая-то темная; все, что обмануло меня, чему изменила я, — все это представилось открывшемуся внутреннему взору моему в новом освещении, в новой оценке; помню с какой горячей искренностью обнажала я всю свою изболевшую, исстрадавшуюся душу пред темным ликом Христа, глядевшаго на меня из угла... и ничего, в сущности, кроме этого взора, я не видела; когда я окончила свою исповедь и обернулась в сторону священника, сидевшего в кресле спиной к свету, то увидела его спящим с страшным красным лицом, и вся поза его изобличала совершенно пьяного человека... Меня он не слушал, да и ему ли я открывала душу свою. Он был свидетелем, изменившим долгу своему, клятве своей, недостойным слугой невидимого Господа, — я же исповедывалась Богу и слушал меня Бог!

Я зашаталась на ногах и не понимаю, как не сошла с ума от столь неожиданного, так безгранично меня потрясшего впечатления. Да полно! И вправду существует ли Бог, а если существует, то, вероятно, подобно людям, издевается над доверившейся ему душой... Да! Он существует! Только сила благодати Его, неисповедимый Его Промысел и охранил эту Ему Одному дорогую душу, а если бы не так, то земная мудрость профессора Корсакова должна была бы восторжествовать.

Более удобный случай для помешательства вряд ли и мог еще представиться... Впечатлительная, измученная жизнью, обессиленная страшной

болезнью души, — могла ли бы без Божией помощи выдержать такое ошеломляющее впечатление. Где логика, смысл, могла ли и речь зайти, казалось о Промысле Божием и Премудрости Божией: так должен был путаться среди неразрешимых догадок гордый и вместе такой бессильный человеческий ум, а между тем и смысл глубокий, логика и значение той минуты уяснились впоследствии; теперь же она была роковая.

От резкого моего движения очнулся батюшка и заплетающимся языком велел приехать исповедаться (?!) в 5 час. утра в церковь, к ранней обедне.

Не знаю я, как одолела мой внутренний хаос благодать Божия, но к 5 часам утра я уже была в церкви. Хотела ли я видеть и знать, чем все это кончится, а может быть и просто от полученной встряски у меня утратилась способность соображать — не знаю. Войдя в церковь, увидела я своего духовника, едва державшимся на ногах, сторожа его поддерживали, он видимо был в полном изнеможении. «Сердечные припадки у меня, я умираю», — сказал он, здороваясь со мной. Обедню служил другой, наемный священник, у которого я и причащалась, а по окончании службы, помчалась навестить больного батюшку. Жена его сказала, что доктора опасаются за его жизнь и что эта встреча со мной так его разволновала, что вряд ли он даже выживет. Душа моя до того изнемогла от переживаемых ощущений, что перестала понимать совершающееся. Может он и пьян не был, это я его оклеветала, больного от пьяного не умела отличить, проносилось бессвязными отрывками в моих мыслях; виной всему моя подозрительность, мое недоверие, мое злое к людям отношение.

С этой новой мукой в сердце вернулась я в Москву, поручив надежному доброму другу разузнать подноготную о батюшке и мне сообщить. Письмо не замедлило: «Трудно найти священника хуже, — писал мой знакомый, — не стоило по белу свету разыскивать такого, верно и в Москве бы нашли. Никогда трезв не бывает, а пьяный творит всякие непотребства».

Мысль, что я сама-то не стоила лучшего священника, мне тогда в голову не приходила; к себе была я снисходительна, а к нему требовательна, себе я прощала свою греховную нечистоту, а от него требовала кристальной чистоты. Впоследствии обнаружилось, что его ужасная, душевная нечистоплотность не мешала прихожанам любить в нем доброго, хорошего человека, не мешала и ему всех любить, много добра делать, — тогда как я, сохраняя внешний вид опрятным и изящным, скрывая в клочья изодранные покровы души своей, опустошив эту душу, расточив все ее сокровища и богатства, не простила батюшке слабому его болезни, оклеветала Бога в жестокости и немилосердии и посылала Небу хулу и ропот.

После этого случая здоровье мое пошло совсем на убыль. Доктора послали за границу, оттуда отправили обратно, находя положение — безнадежным.

Становилось очевидным, что медицинская помощь оказывалась несостоятельной. Учебные интересы детей потребовали моего переезда в Петроград, и здесь уже моя болезнь приняла колоссальные размеры. Еще моло-

дая по возрасту, я совсем состарилась, поседела и становилось ясно всем, что катастрофа надвигается. Страдания моей души возросли до предела. Я не могла сидеть дома, мне казалось, что потолок должен рухнуть и меня задавить, я бросалась на улицу и там пугалась чего-то на меня надвигавшегося. Я видела вокруг себя как бы вздымавшияся волны, среди которых бедственно погибали мои дети, а к 7 часам вечера я теряла способность двигаться, меня охватывала неудержимая мучительная дрожь, и я вполне ясно сознавала, что на меня надвигается извне какая-то сила, которая неминуемо меня уничтожит и раздавит, и что мое внутреннее бессилье не может этому противостать. Люди духовного опыта знают, что такая болезнь не что иное, как «одержание» или приражение злой силы, победить которую может только Господь.

В это время кто-то из близких посоветовал обратиться к о. Иоанну Кронштадтскому, известному своей молитвенной силой. Много чудесного о нем рассказывали, и мне указаны были близкие ему два лица, могущие по моей просьбе его привести. Обе эти личности, повидав меня, впоследствии сознались, что не решались даже привесть ко мне Батюшку, боялись с моей стороны каких-либо безумных выходок.

Об отце Иоанне давно я знала; в моей семье даже заочная его молитва подняла с постели к смерти приговоренного ребенка, страдавшего безнадежной формой дифтерита. «Если врачи бессильны, — сказала я в порыве безысходного горя, — то силен Бог помочь, и Он мне вернет мое дитя». Была послана срочная телеграмма о. Иоанну с слезной мольбой о спасении, и ребенок был спасен вопреки приговору врачей. Воспоминание об этом случае и благодарность к лично мне незнакомому молитвеннику не угасла в моем сердце, и я остаток веры и упования вложила в возможность и для себя от него получить облегчение. «Если откажется Батюшка приехать, значит проклята я Богом, — больше спасения нет, и я должна тогда уже насильственно прервать свое мучительное существование». Огонь веры и надежды все еще не потухал. Два раза тщетно мы прождали в назначенные дни Батюшку, он не приехал; настал третий, в моем внутреннем решении — последний. Если не приедет — ждать нечего, все кончено! За полчаса до назначеннаго срока явилась сконфуженная И.О. и объявила, что неожиданно вызвали Батюшку в другое место и стала уверять, что следующий раз уж непременно Батюшка заедет.

«Будет уже поздно», — ответила я, но мои слова были прерваны звонком из швейцарской и возгласом швейцара: «Отец Иоанн Кронштадтский...»

Помню, что кубарем слетела я с лестницы и, упав к ногам входившего в прихожую Батюшки, кричала задыхаясь: «Не стою, я не стою, чтобы вы перешагнули порог жилища моего». «За такое смирение и веру — все хорошо будет», — раздался его звонкий, светлый, ласковый голос.

Потеряла ли я затем сознание или притупилось оно во мне, но дальше я уже себя помню лежащей около молящегося пред образами на коленях Батюшки, ни слов его, ни молитвы — ничего не помню, кроме внутреннего своего вопля к Богу: «Спаси, спаси, ведь я же, все-таки, создание Твое».

С колен я поднялась совершенно здоровой; и вполне ясно ощущала, что как что-то вошло в меня благодатное, светлое, светлое...

«В пятницу 26-го — вы у меня причаститесь в Леушинском подворье в день Иоанна Богослова — Апостола любви и веры», — сказал, прощаясь со мной, Батюшка. Приготовьтесь. А это случилось 21 сентября 1899 г.

О вечно памятный, счастливый день!

Возвращаясь иногда к прошедшей своей жизни, перебирая в памяти своей отжитое, только этот один и светит, его бы только и хотела вернуть.

На другой день проснулась я обновленной и возрожденной — сама на себя дивясь. Я ли это? Ни страха, ни тоски, ни смятения, ни страдания — все исчезло, при свете одного только луча Божьего милосердия к грешнику. Я стала радостно готовиться к великому дню. Накануне 26-го, по приказанию Батюшки, я пошла на исповедь к его племяннику о. Иоанну Орнатскому. Если моя исповедь в город Т. была огромного значения как подведенный итог жизни, как оценка самой себя, то эта вторая исповедь совершенно отделила прошедшее от будущего, вырыла непроходимую между ними пропасть. Я себя беспощадно осудила, обнажила все язвы своей души, отреклась от себя и предала себя Промыслу Божию, Его спасительному обо мне попечению. Я Ему волю свою вручила! Господи! Вот я какая, смотри на меня, хуже и найти нельзя, но в Твоей власти меня очистить, возродить, сделать из грязной и черной — светлую и прозрачную.

Я поверила Богу, а Он никого не обманет!

На другой день после Причастия я подошла ко кресту. Пристально вгляделся в меня Батюшка, мне одной дал три раза поцеловать крест с каким-то особенным проникновенным взором. «Хорошо теперь тебе, голубушка моя. Ну вот и береги теперь душу свою». Я получила такое впечатление тогда, будто он какую-то печать на меня наложил, и что много крестов придется поднять по его благословению. Так воистину и случилось.

Умер внезапно муж, с его смертью утратилось все внешнее благополучие, стало грозить нищенское существование. Учебные годы подраставших детей совпали с годами революционнаго движения и были чреваты крупными недоразумениями и даже опасностью для их жизни, и наконец стряслось самое величайшее горе — погиб сын мой, юноша 19 лет, в страшном Цусимском бою, и я целый год не могла узнать об его участи. Дорогой отец Иоанн поддерживал, ободрял и укреплял меня все время силой своего духа.

Вскоре после моего возрождения и знакомства с Батюшкой, еще задолго до смерти мужа, как-то неожиданно для меня самой, воскресла в памяти фигура немощного священника из Т. «Вот бы свести его с Батюшкой, —пришло мне на ум, — авось и его исцелит Господь за праведные молитвы своего слуги. Может, только для этого и скрестились на мгновение пути наши». Мысли эти все чаще и неотступнее меня преследовали, и я наконец решила написать без всяких обиняков. «Вы свет мира и соль земли, —писала я, — а как-то светите вы? В какой соблазн вводите паству вашу, оскорбляя Бога, пренебрегая интересами вверенного вам стада; приезжайте непременно, доверьте вашу немощную душу Батюшке о. Иоанну,

за его молитвы — исцелеете». «Не могу обращаться к другим в деле, где сам себе помочь должен», — ответил он.

Но я не унималась, внутренний голос убеждал меня настаивать, и снова я написала и назначила даже день приезда, обещая, что служить он будет совместно с Батюшкой, которого уже просила усердно молиться о погибающей его душе. И когда наступил день, мною назначенный для его приезда, я впала в безграничное волнение.

Прошло все утро в ожидании тщетном, и я, разочарованная, ушла из дома по делам. Каков же был мой восторг, когда по возвращении узнала от швейцара, что меня ждет приезжий священник. На крыльях радости влетела я в квартиру.

На встречу мне поднялась знакомая фигура о. Сергия, но до того зловещая, мрачная, что от страха сжалось сердце мое. «Ну вот я приехал, сам не знаю зачем», — начал он, не здороваясь и не благословляя.

«Ну и слава Богу, — воскликнула я, — сейчас поедем разыскивать о. Иоанна».

«Да нет, не надо, — перебил он меня, — чего спешить, может и не стоит никого тревожить, и так обойдется дело. А все же страшные вещи случились с тех пор, как получил я ваше письмо. Прежде всего, то была первая ночь за 25 лет, что я заснул и не просыпался, а то, и не поверите, какая мука. Проснешься с 2-х часов ночи и тянет пить, а я уж как не грешен, а пьяный не служил, не оскорблял хоть этим Бога. Бывало, едва уж и службу дотягиваю, и начинаю-то что ни есть раньше, либо за себя найму, — а пьяный никогда не служил, — а тут, да утром трезвый встал, прямо самому себе на удивление. А затем думаю. Как же ехать, денег нет даже ни копейки лишней. Взмолилась тут жена, говорит: «Достанем!» Нет, говорю, — в долги не полезу, а сам рад, что помеха нашлась; да вдруг, откуда ни возьмись, пришли жене деньги после покойного митрополита Московского 200 р.; он ей был родственник, отговорки и нет. Смотрю, на счастье, — новая помеха. Юбилей 200-летний город справляет, меня архиерей, как заслуженнаго протоиерея, назначил в сослужение — вот думаю и не пустят, — опять слава Богу! А все же для очистки совести пошел проситься. «Хочу, мол, в Кронштадт ехать, такого-то числа служить буду с о. Иоанном», — а сам внутри себя посмеиваюсь: «Как же, пустит тебя!» А архиерей-то был почитателем Батюшки. А тут уж и последнее чудо совершилось. «Такого счастья вас грех лишать, — сказал он, — поезжайте с Богом, да за меня грешного вместе с ним помолитесь». Меня обыкновенно всегда провожают, один я ездить не могу, непременно напьюсь, ну и берегли от сраму-то, а тут некому было провожать, да и дорога стала бы в два дорога, вот и пустили меня на волю Божию — и что ж, доехал, хоть бы единую за дорогу выпил, но уж дольше пожалуй не стерпеть. Я ведь пью много, — понизил он голос до шепота, и лицо его стало ужасным, — мне ведь и бочки мало!!»

Я почувствовала, как дрожь меня всю охватила. «Тогда, помнишь, ты-то была, сказали больной — пьяный был, замертво пьяный, а не больной; а напьюсь — не помню, что и делаю; — низко я, очень низко пал!

«Да знаешь ли, — воскликнул он вдруг, до боли сжимая мне руку, и глаза его точно кровью налились, — случалось и заболеть, чувствую что околеваю, ну и что же? за попом что ли посылать, над Богом смеяться; каяться, чтобы завтра сызнова начать, нет думаешь, — собаке собачья и смерть».

Больше я уж не в силах была выдерживать этой страшной исповеди, мою всю внутренность трясло, зубы стучали, как в лихорадке, и я не могла глядеть больше в его, сразу как бы охмелевшее, ужасное лицо.

— Едемте скорее, Бог поможет, я верю, верю, верю, — твердила я в каком-то исступлении и больше всего боялась, чтобы как-нибудь он не отвертелся.

Был ноябрь, на улице гололед, пронзительный холодный ветер продувал насквозь. В легкой кофточке, почти замерзая, я о себе перестала думать, лишь бы удалось его сдать попечению родного Батюшки, лишь бы до него дотащить. Отец Сергий сидел и упорно молчал, изредка вздыхая и что-то бормоча. «Господи! сподоби узреть достойного слугу Твоего», — удалось мне раз услышать. Молилась я внутренно горячо и пламенно. На пристани нам сказали, что по случаю ветра и непогоды о. Иоанн поедет на Ораниенбаум.

По приезде на вокзал я взяла билет для о. Сергия и имея крайнюю необходимость вернуться домой в интересах детей, чувствуя себя от холода и волнения совсем изнемогшей, я, тем не менее, страшно боялась, что в последнюю минуту убежит мой протоиерей, и весь мой труд пропадет даром.

Подвела я его к стоявшему на платформе образу и сказала: «Клянитесь мне высоким достоинством священника, что вы не убежите, что дождетесь Батюшку, иначе я останусь, рискуя совсем заболеть». «Даю вам страшную клятву пред лицом Бога, что не уйду; я уже поборол в себе желание бежать, ступайте с миром», — сказал он твердо и спокойно. Прошло целых томительных три дня, волнение мое возрастало, мне все мерещилось: либо он умер, либо убежал, невзирая на клятву.

Наконец, на третий день вечером, раздался звонок, мое сердце затрепетало, и я, опередив прислугу, бросилась к входной двери: у ней стоял весь сияющий, лучезарный о. Сергий. Истово помолившись на образ, благословив меня, он глубоко посмотрел мне молча в глаза: «Если бы я не был священник и протоиерей, поклонился бы я тебе в ноги и целовал бы их за то, что ты для меня сделала...» Дорогие, святые слова эти сохраняю я в сердце моем, уповая, что за его благодарные молитвы и меня Господь помянет в час моей смерти.

И рассказал он мне, как ехал с Батюшкой в купе, как тот вспомнил, что уже о нем молился. Картина отбытия поезда, толпа бегущих сзади людей, бросание записок с мольбой «помолиться», — все это уже с самого начала поразило своей необычайностью впечатление его; он сразу понял и взвесил, какую силу имеет истинный священник Господа Бога и каким он должен быть.

Отец Иоанн молчал. Молился или дремал; на пароходе он неожиданно взял о. Сергия за руку и повел его к носу парохода. Публика попряталась

в каютах, так как необычайной силы ветер бушевал и грозил сбросить в море смельчака, который бы решился с ними побороться. Палуба была пуста. Отец Сергий, ухватившись за протянутый канат и нахлобучив шапку, едва пробирался за батюшкой, который шел впереди свободно без шапки, с развевавшимися волосами, с распахнутой шубой. «Ну вот, отец протоиерей, — сказал он, останавливаясь, — Бог, очистительная стихия и я, — мы слушаем тебя». И упал к его ногам бедный грешник, имея только одно желание в сердце — умереть у ног его. И припомнилось мне, слушая его, как когда-то, по странному совпадению, и он мне сказал те же слова: «Бог, мать ваша и я — мы вас слушаем»; думал ли и он в свою очередь услышать те же слова — к нему обращенные. Вскоре после этого события о. Сергий заболел гнойным плевритом и случилось, что в это самое время проезжал о. Иоанн через город Т. ко мне в имение; я просила его усердно навестить болящего и вдвоем с владыкой они исполнили мою просьбу, и оба на коленях у его постели молились о его спасении.

«Болезнь твоя очистительная, — сказал батюшка. — Ею Господь и немощь всю твою очистит». И встал о. Сергий после болезни духовно здоровым, прожил после того еще 10 лет, возрастая и укрепляясь духом, и умер горячо оплаканный безгранично его любившим приходом и семьей.

Через полтора года, после моей первой встречи с Батюшкой, я вернулась из имения в Петроград, куда и муж мой должен был вскоре приехать из города Ч., где он служил; устраиваясь на новой квартире, я ждала приезда мужа, чтобы пригласить Батюшку освятить наше жилище. Знавшие деятельность о. Иоанна помнят, как трудно было и вообще-то добиться его приезда, но чтобы это могло быть неожиданным, случайным, нежданным, казалось и во сне бы не приснилось. Была суббота, все дети собрались домой из учебных заведений, зашел случайно с женой и сыном брат мужа; ничто, казалось, не предвещало удара из безоблачного неба, когда была подана срочная телеграмма, извещавшая о внезапной и безнадежной болезни мужа. С ним случился удар, мое присутствие требовалось немедленно. Трудно описать растерянность, подавленность всей семьи; зловещее молчание сразу воцарилось, мы еще не опомнились от неожиданного потрясения, когда раздался в передней звонок и вошел отец Иоанн Кронштадтский, и это в субботу, в час всенощной, нежданно и негаданно!

«Узнал, что ты приехала, ехал мимо...» — раздался его дорогой ласковый голос. Боже мой! Не сон ли это? Через минуту я уже была у ног его; спасительные, облегчающие душу слезы лились из глаз, когда я подавала ему только что полученную телеграмму. «Успокойся! Вот и я с тобой в твоей скорби; будем молиться». И в спальне моей, пред образами, окруженный так случайно собравшейся во всем своем составе семьей мужа, горячо молился о. Иоанн о болящем страдальце, одиноко умиравшем за тысячу верст от семьи. Как бы отходную прочел ему в молитве своей, столь нами всеми чтимый, обожаемый Батюшка, и верю я облегчению моему бедному мужу в страшную минуту исхода его души. «Молитва Батюшки заменила отцу исповедь и причастие», — сказал мой второй сын моряк, и по странному совпадению в свою очередь получил ту же милость от

Бога; ибо в день и час его гибели в Цусимском бою и о нем молился Батюшка, и ему, вероятно, также облегчил страшный час его смерти.

«Не проси для него жизни, — сказал мне Батюшка, — а благой и промыслительной о нем воли Божией».

Теперь и я уже своим опытом знаю, что не следует своей воли и своего желания противопоставлять Промыслу Божию. Этого самого сына и выпросила я у Бога своей материнской скорбью, когда после приговора врачей обратилась телеграфно к о. Иоанну с мольбой о его спасении. Тогда он был спасен, а для чего, чтобы спустя 15 лет, пройдя через горнило учебной страды и много других страданий детской души, в расцвете сил и жизни, умереть самой страшной смертью, выпавшей на долю броненосца «Наварин».

Трудно, конечно, не понять и не поверить, читая эти воспоминания, как беспредельно дорога, священна, для всей семьи нашей память отца Иоанна Кронштадтского, этого светлого, доброго гения скорбящих, безнадежных и унывающих. Величайший из величайших людей был отец Иоанн Кронштадтский.

Все великие подвижники духа спасались в пустыне — бежали от людей. Отец Иоанн был обречен никогда не иметь часа отдыха и покоя».

Одновременно с брошюрою В.Т. Верховцевой я получил книгу, напечатанную в том же 1917 году, о новых чудесах о. Иоанна, совершившихся за время 1908–16 годов, то есть уже после смерти Батюшки. И эта книжка, вероятно, известна лишь немногим, а в ней описано 97 чудес. Я выпишу лишь очень немногое.

Об одном из чудес написано выдающимся лицом, б. ректором Казанского университета, а потом — ректором Петроградской духовной академии, в сане епископа. При постриге в монашество ему было дано имя Анастасий (фамилия — Александров). Я знал его и лично еще в мирском звании профессора. Это был весьма скромный человек, очень деликатный к людям. Вот он и написал о чуде над собой, совершенном по молитвам о. Иоанна; но по смирению даже не подписал своего имени. Переписываю его заявление в сокращении.

Книжка эта носит заглавие: «Милость Божия, по молитвам о. Иоанна Кронштадтского». Издана Иоанновским Женским монастырем на Карповке, в Петрограде в 1917 году (с. 138). «Дивен Бог...»

«Дивен Бог во святых Своих.

Не смею молчать о великой милости Божией, явленной на мне, грешном, Господом. Верю, что все это было по молитвам глубокочтимого пастыря, Батюшки отца Иоанна Кронштадтского.

22 года тому назад, в мае месяце 1894 года, в городе Казани пронеслась радостная для всех религиозных людей города весть, что великий Кронштадтский молитвенник, в Бозе почивающий теперь, приснопамятный Батюшка, отец протоиерей Иоанн Ильич Сергиев, скоро прибудет в этот город.

Одно благочестивое семейство, именитые граждане города, приглашают Батюшку к себе в дом. Знакомый с этим семейством, давний, хотя и заочный, — ибо ни разу не видел Батюшку, — но горячий и открытый

почитатель приснопамятного благодетеля Кронштадтского и всей России, я одним из первых узнал об этом предстоящем, радостном для города событии, и был приглашен присутствовать в благочестивом семействе, имевшем великое утешение принимать дорогого для всех Батюшку у себя. Глубочайшее уважение к о. Иоанну, а вместе с тем и какой-то приятный страх великого почитания к светлой личности и высокохристианской деятельности этого всеми почитаемого пастыря овладели мной, и я как-то даже сразу испугался радости приглашения быть с Батюшкой, чувствуя свое недостоинство пред величием имени и подвигов приезжающего дорогого гостя. Душой стремясь быть в этот великий день в счастливом доме, я в то же время чего-то очень боялся, удерживался и даже спешил прямо уже отказаться от великой и высокой чести посещения этого, радовавшегося неземной радостью по случаю приема Батюшки знакомого семейства. Однако, все же сильно тянуло меня к нему: хотелось хоть немножко пожить тем святым настроением, которое есть в людях, видевших, беседовавших и принимавших у себя дорогого гостя-молитвенника. Но страх недостоинства опять брал перевес, и я то соглашался, а то наотрез отказывался быть в приглашавшем к себе дорогого Батюшку и меня доме, ссылаясь на благословную вину — невозможность; ибо скоро собирался поехать в обычную по летам для меня поездку из города на вакационное время для работ и занятий научными вопросами... Я стал уже готовиться к отъезду. Но Господь устрояет наши пути, — вдруг я заболел. Болезнь моя признана серьезной. Проходят дни, недели, уже наступает начало июня... Приходит весть, что Батюшка о. Иоанн скоро прибывает... Мое здоровье, по милости Божией, вдруг и быстро поправляется, как бы нарочно к приезду Батюшки. По совету врачей мне уже разрешено вставать и даже немного выходить на воздух... Это было как раз накануне приезда в Казань о. Иоанна! Утром в тот самый день, никому у себя не говоря ни слова, не сообщая ничего предупредительного также и членам этого семейства, где должен быть о. Иоанн, — я собираюсь с силами, без всякого разговора, тайно являюсь туда, прямо черным ходом; прося и прислугу никому не говорить, дабы о моем присутствии никто не знал. Остаюсь я в дальних комнатах так, чтобы мне только слышать молебен и хоть немного взглянуть на никогда мною не виденного дорогого пастыря-молитвенника, взглянуть, когда он будет молиться за нас, грешных, предстоящих и молящихся. Сижу в полном уединении, вдали от всех присутствующих и ожидающих в приемных комнатах Батюшку, никем не замеченный, и прислушиваюсь издали к шуму святого ожидания. Прибыл Батюшка. Настало время молитвы. Молебен совершается дорогим молитвенником; тут же и местное городское духовенство... Молебен кончен. Всех Батюшка подпускает ко св. кресту... Батюшка вдруг на мгновение останавливается, направляет свой взор в сторону комнаты, где никому неизвестный был я; и вопрошает: «А что же профессор-то не идет ко св. кресту?» Все удивлены, не зная о ком говорится: какой профессор, где он, кто он?! «А вот он там, далеко в комнате», — был ответ Батюшки, с указанием на ту далекую комнату, где никому

невидимым и неизвестным оставался я. Пораженный всем слышанным и виденным в данную минуту, я должен был появиться. Решительно после этого показываюсь я в зальную комнату, неожиданно для всех, даже для хозяев. При общем недоумении прохожу из дальних комнат прямо к Батюшке и подхожу, чтобы приложиться к св. кресту, бывшему в руках у Батюшки о. Иоанна. Батюшка допускает; но ласково и снисходительно, повторяя несколько раз слова, говорит: ах, какой же вы, что это не хотели подойти ко св. кресту! А ведь сами будете со временем других допускать». В смущении, сознавая свою виновность, я что-то изъяснял высокочтимому пастырю в свое оправдание; но он мало обращал на это внимания и только настойчиво повторял свое: «А ведь сами со временем будет допускать других ко св. кресту. Да, будете!..» Следовали мои возражения: «Как же это так? я ведь светский человек, никогда не мыслил об этом и не готовился, занимаюсь иным делом, собираюсь работать в своей области и еду в путешествие...» А на все было его доброе благословение и ласковое замечание: «Я знаю. И Бог благословит вас; но вот сами будете других допускать ко св. кресту. А вот теперь не подходите?»

Пристыженный таким дорогим вниманием Батюшки, я, грешный, каюсь, в то время имел одно желание: скорее бы, приложившись ко св. кресту, уйти незаметно в сторону. Но дорогой молитвенник пригласил меня даже с собой к чаю и трапезе. Кончился прием. Батюшка Кронштадтский отбыл от добрых моих знакомых, а потом уже — и из нашего города. Я, чувствуя себя совершенно здоровым по молитвам и благословению Батюшки, поехал исполнять свой летний план. Вернулся я осенью и начал свою обычную служебную и учебную жизнь.

Шли годы, я работал занимался своей наукой; ездил, куда и когда Господь благословлял меня, по своим делам. Батюшку о. Иоанна я более уже не видел. О свидании с ним, однако, я все же всегда глубоко памятовал; но о возможности исполнения его слов, сказанных во время беседы, бывшей летом 1894года, не помышлял, и почти даже забыл и думать.

20 декабря 1908 года скончался приснопамятный Батюшка о. Иоанн. По делам службы в это время я был в Санк-Петербурге, ныне Петрограде. Душевное желание и стремление мое повлекло меня посмотреть в Петрограде на погребение дорогого Батюшки. Как раз во время прохождения погребальной процессии через мост на реке Карповке я стоял недалеко от моста, как сторонний светский зритель, умиляясь видением величественной и дивной ленты погребального шествия духовенства и массы народа-богомольцев.

Прошли еще некоторые годы моей жизни; и 7 июля 1911 года святые слова Батюшки о. Иоанна сбылись — монах, по милости Божией; молюсь премилосердному Господу, глубоко почитая память глубокочтимого всеми Батюшки, молитвенника Кронштадтского, в его дивной обители на Карповке; с умилением припадаю сам к подножию Креста Христова и других допускаю.

Летом 1913 года я сильно заболел. Врачи определили расширение вены левой ноги. Страшные боли внутри, а затем и наружные проявления в

виде разрыва кожи и сосудов с кровотечением на поверхности больной ноги, соединившиеся с окружающей больное место экземой, делали мои страдания ужасными. Лечившие меня доктора предлагали всякие присыпки, смазывания, бинтования, резиновые чулки... А болезнь все продолжалась и становилась невыносимой...

Видя дивную помощь Божию вообще, по молитвам Батюшки о. Иоанна, а в его обители особенно, памятуя его прежние предвещания моего настоящего служения Церкви Божией, я решил в своей болезни прибегнуть только к молитвам доброго дорогого утешителя всех скорбящих.

Под 19 октября 1913 года, накануне дня Батюшки о. Иоанна, служил я преп. Иоанну Рыльскому всенощное бдение в Иоанновской обители; прочитал рукописный акафист преподобному угоднику Божию. А после отправил панихиду на могиле Батюшки. Болевшая, всегда бывшая в бинтовой повязке, моя постоянно влажная прежде больная нога оказалась совершенно сухой. То же было и на другой день утром, затем вечером и т. д. И снятая уже через несколько дней повязка показала полное заживление места болезни и отсутствие экземы. Нога оказалась здоровой, на месте прежних страданий только остались следы в виде шрамов...

Мы же благодатию Божиею хвалимся и веселимся, воспевая песнь победную сотворившему дивная чудеса, в Троице славимому Богу Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Достойно памяти, ради высокого сана свидетеля и благочестивой жизни его, и другое свидетельство о подобном же чуде исцеления ног.

«Прошло уже около 6 месяцев после того дня, в который Господь явил надо мной, грешным, милость Свою по молитвам приснопамятного отца Иоанна, Кронштадтского пастыря. Назад тому около пяти лет у меня появился на одной ноге сухой лишай, превратившийся потом в экзему. Экзема скоро перешла с одной ноги на другую. По совету доктора были употребляемы против этой болезни лекарства, которые облегчали болезнь, успокаивая на некоторое время зуд, но не исцеляли болезни. Сухая экзема превратилась в мокнувшую, переходила с одной части тела на другую, со ступней ног на голени, оттуда подымалась все выше и выше; переходила потом на руки, на спину; особенно беспокоила болезнь ночью; нужно было вставать в полночь, снимать бинты, старую мазь стирать, снова намазывать и бинтовать. Так было до 20 декабря 1913 года. В этот день — как день кончины блаженной памяти о. Иоанна — я приглашен был служить литургию в Иоанновском монастыре, где погребено тело пастыря и молитвенника, достойно чтимого и по смерти.

После литургии была отслужена, по обычаю, и панихида в склепе, где помещается гробница почившего. С этого дня началось мое освобождение от мучительного недуга. Во весь день и вечером не потребовалось обычных лекарств. Ночь прошла спокойно без помощи мазей. Следующий день также. К ночи хотя и были приготовлены обычные снадобья, но они уже не понадобились. Тогда мне понятно стало, что со мной совершается чудо Милости Божией, по молитвам того, кто еще при жизни уже прославлялся за чудодейственную силу молитв. Прошла неделя или две, я опять был у

гроба моего целителя, чтобы благодарить Господа за угодника Его, которому дана сила недуги исцеляти.

С 20 декабря 1913 года до сего дня я не употреблял никаких лекарств против одержавшей меня болезни; все склянки, банки из-под лекарств, бинты и проч. остаются теперь как памятники той болезни, от которой я избавлен по молитвам приснопамятного о. Иоанна.

Сему верю и исповедую во славу Бога, дивнаго во святых Своих.

Макарий, Митрополит Московский. Июня 28 дня 1914 года».

А при чтении нижеследующих чудес я сладко ныне плакал слезами веры — хотя и не первый раз перечитываю эти умилительные строки очевидца, о. игумена Георгия (письмо от 29 ноября 1911 года).

«19 июня 1908 года утром мы ехали по реке Великой Двине, Вологодской губернии. Батюшка пожелал отслужить литургию в попутном ближайшем храме, как вдруг густой дым начал застилать наш путь и чем дальше, все больше и больше, так что невозможно было оставаться на палубе. Капитан заявил нам, что дальше ехать опасно. Тогда Батюшка стал упрашивать капитана: «Хоть потихоньку, но поезжай дальше». И, действительно, как поехали дальше, дым стал меньше и на берегу мы увидали вдруг церковь, Батюшка перекрестился и сказал: «Вот и слава Богу, теперь отслужим обедню». Когда мы пристали к берегу, то мне Батюшка и говорит: «Отец Георгий, поднимись на гору и попроси у священника разрешения отслужить». Батюшка всегда так поступал. Я поднялся на гору. Вижу село, но народа никого нет; зашел в дом священника, поискал, нет никого, зашел в другой домик к просфорне, тоже никого нет, только нашел в горшке просфоры. Я возвратился на пароход и сказал Батюшке, что никого нет. Он меня опять послал и велел на колокольне дернуть за веревку колокола, что я и сделал. Подходит ко мне какой-то мужичок и удивляется, что монах звонит. Спросил он меня, кто я? Я ему сказал и объяснил, что приехал Батюшка и желает отслужить обедню. Этот мужичок, оказавшийся сторожем церкви, растерялся и не знал, что делать от радости. И говорит: «Церковь я вам отопру, служите, но нашего батюшки нет, и в селе никого нет, все ушли на пожар». Оказалось, здесь около трех месяцев не было дождя и была сильная засуха. Мы поднялись с Батюшкой в церковь, начали служить утреню. Народа ни души, кроме тех, кто приехал с нами на пароходе. Начали обедню. Вдруг приходит местный священник и, обрадованный неожиданною встречею с Батюшкой, стал просить его помолиться о дожде. Батюшка согласился и, обратившись к народу, сказал: «Православные! Давайте вместе молиться, чтобы Господь дал дождь». К обедне начал собираться народ, и церковь стала полна. Все пришли прямо с пожара запыленные, загрязненные, и священник их вместе с ними; им представилось, что и их село горит, но, когда прибежали в село и узнали, в чем дело, то радость их я не могу и описать. Во время причащения стали находить тучи, я и говорю Батюшке: «Кажется, дождь собирается», а он мне и отвечает: «Слава Богу, верно Господь услышал молитву православных». Когда мы окончили обедню и пошли к священнику пить чай, то уже дождь порядочно стал накрапывать, но, когда от священника пошли на пароход, то нас уже

промочило. И вот тут-то нужно было видеть, как нас провожал народ: бросался в воду, хватался за пароход, пел тропари... Словом, каждый изливал свою сердечную благодарность, как умел, за такую великую милость.

Описанное произошло в себе Ягриж, Вологодской губ., и всецело должно быть объяснено милостью Божией по молитвам Батюшки.

Второй случай произошел 20 июня.

Приехали мы в 7 час. утра в Великий Устюг, Вологодской губернии. Матрос не пустил нас к казенной пристани и показал общественную пристань, но так как нас никто не ждал, то причала с нашего парохода принять было некому, и мы должны были потихоньку пристать, чтобы свой матрос мог соскочить и принять наш причал. Когда мы с Батюшкой вышли на берег, то тут стояла одна лошадь, запряженная в телегу для приема товара. Мы наняли мужика и, когда поехали к соборной церкви праведного Прокопия, то торговцы шли отпирать магазины и невольно обращали внимание на нас, как на приезжих. Я заметил, что, некоторые узнавали Батюшку и отдавали приветствие. Когда мы приехали в собор, то очередной священник читал входные молитвы. Когда Батюшка с ним познакомился, то мы присоединились помолиться вместе. Батюшка, по обыкновению, совершал проскомидию, во время которой пришел в алтарь молодой человек в гимназической форме и убедительно попросил Батюшку помолиться о его болящем отце, а после литургии пожаловать на квартиру — посетить больного. Батюшка отказался и сказал: «Я и так помолюсь, но разъезжать нет времени», спросил, как зовут отца; тот сказал, что Лев. После обедни этот молодой человек опять начал просить Батюшку зайти, но Батюшка опять отказался. И когда после обедни мы с Батюшкой были приглашены откушать хлеб — соль к церковному старосте, то этот молодой человек опять явился с тою же просьбою. И на этот раз Батюшка отказал. Когда мы собирались ехать на пароход, нам был подан приличный экипаж, провожал нас исправник и становой, а молодой человек побежал сзади нашего экипажа. Тогда исправник сказал Батюшке: «Вот дом того молодого человека, который просил вас зайти». Батюшка ответил: «Если мимо едем, то зайдем, а я думал, что он хочет нас завести на край города, а мне время дорого». Когда он проговорил эти слова, то исправник сказал кучеру, чтобы он повернул в ворота. Когда мы пришли в дом, то у них было уже все приготовлено для водосвятного молебна, и больной сидел на диване. Батюшка спросил о его болезни. Оказалось, что лошадь сильно ушибла ему ногу, он не обратил внимания, благодаря чему болезнь дошла до такой степени, что врачи отказались лечить и рекомендовали отнять ногу и ехать лечиться в Крым. Но больной средств не имел и просил Батюшку помолиться. Еще надо заметить, что больной не мог совершенно ходить, и даже на костылях с великим трудом привставал. Тогда Батюшка обратился ко всем собравшимся с просьбою, чтобы все помолились за болящего Льва, и начал служить водосвятный молебен. После молебна говорит: «Покажи, где болит». И когда тот показал больную ногу, то без ужаса нельзя было смотреть: совершенно одна кость да жилы, мясо все отгнило. Батюшка и говорит: «Ах ты бедный Лев; веруй в Бога, Господь тебя исцелит». Взял чайную чашку,

почерпнул святой воды и давай сам ему мыть ногу; руки перепачкал в крови и гное. Потом вымыл руки и присел откушать хлеба-соли. Когда мы стали прощаться и пошли к экипажу, то больной Лев вдруг встал с дивана, костыли отложил в сторону и говорит: «Батюшка, я совершенно здоров, благодарю Бога и вас за молитву», и затем он свободно проводил нас до экипажа, а раньше 6 месяцев не мог с места двинуться. Это все произошло при многочисленном стечении народа.

Третий случай исцеления произошел 6 июля в селе Ванга, Новгородской губернии, в церкви Михаила Архангела, в воскресный день. Этот день службы был всем раньше известен, и прибыли помолиться богомольцы из ближайших сел и из г. Рыбинска.

Масса духовенства и интеллигенции. Церковь не вмещала всех молящихся, и служило нас 13 человек. Всю обедню сильно кричала одна бесноватая послушница из Мологи, из Афанасьева женского монастыря, Евдокия Емельянова Крутикова. Кричала она так сильно, что своим криком нарушала благочиние Божественной службы. Мы, священнослужители, все смотрели на Батюшку и ждали, что он вот-вот скажет: «Уберите крикунью». Но — нет, он молчит и служит так, что никто не посмел заявить Батюшке об этом. Когда вышли со Св. Дарами и диакон провозгласил: «Со страхом Божиим и верою приступите», то больная стала кричать еще сильнее. Тогда Батюшка велел подвести больную, Св. Чашу велел взять мне, а урядник, стражник и крестьяне стали подводить больную.

Я не могу объяснить всего на бумаге, что происходило с болящей, когда подвели ее к амвону. Она стала так сильно биться, что пришлось положить ее на пол. Она вертелась, как змея, лицо так обезобразилось, что страшно было смотреть, а живот надувается, сила является нечеловеческая. Такой бесноватой мне никогда не приходилось видеть. Батюшка стал против нее и начал ее благословлять, больная стала еще сильнее биться и кричать; тогда Батюшка повелительным и твердым голосом сказал: «Повелеваю тебе, душе нечистый, именем Господа нашего Иисуса Христа, выйти из сего человека». Эти слова он произнес три раза; после этого больная стала тише, успокоилась и сделалась, как мертвая, лицо приняло нормальный вид. Батюшка наклонился, покрыл ее епитрахилью. Больная была в забытии минут 5. Потом Батюшка велел ей встать. Она проснулась — вся измученная, смотрит и не узнает, перед кем и где она, встала на колени, руки сложила и говорит: «Ангел ты мой, как ты сюда попал?» Батюшка опять ее спрашивает: «Желаешь ли причаститься?» Она говорит: «Как не желать, Батюшка, но я не приготовилась». Тогда Батюшка говорит: «Приступай с верою!» и причастил ее Святых Таин Христовых. Надо было обратить внимание на Батюшку о. Иоанна, а именно, какая в лице его происходила перемена. Это мог наблюдать только тот человек, который с ним часто служил Божественную Литургию. Во время пресуществления Святого Тела и Крови Христовой лицо его принимало не обыкновенный человеческий вид, а какой-то особенный, необъяснимый, так что когда видишь его в таком божественном и молитвенном настроении, то невольно является в душе радость и желание чистосердечного настроения. Надо заметить, какое было

напряжение у всех предстоящих в храме, и что они ожидали. Тишина абсолютная, и внимание самое напряженное. После исцеления больной (она страдала пять лет), у всех предстоящих появилась радостная и благодарная улыбка. Бывшая больная проводила нас до Нижнего Новгорода. С ней больше не повторялось беснования.

Меня Господь привел познакомиться с дорогим Батюшкой через покойного о. Геннадия, на закладке храма Леушинского подворья, в Петрограде, на Бассейной улице. Тогда я Батюшку видел первый раз в жизни. После закладки гости были приглашены матушкой-игуменией на чай, но я не посмел идти с гостями и остался в пустой комнате, в надежде получить благословение от Батюшки после чая. Когда все кончилось и гости разъехались, вдруг Батюшка входит в комнату, где я его ожидал, подходит ко мне и говорит: «Здравствуй, о. Георгий!» Я так был удивлен, что он меня, видя в первый раз, назвал по имени. И с этой минуты мое сердце к нему прильнуло. Когда же я стал настоятелем Никифоровской пустыни, то еще ближе сроднился с ним. Никифоровских монахов он даже называл своими монахами, говоря: «мои монахи». Сколько я получил добра нравственного и материального!

Все изложенное сообщаю по чистой иерейской совести и могу подтвердить лично, как непосредственный свидетель виденного и слышанного.

Игумен Георгий».

Назидательно и показание б. неверующего семинариста, после ставшего священником с. Дубовика, Орловской губернии, Тимофея Орлова.

«Если умолчу, то камни начнут вопиять, — начинает он свое письмо». В детстве о. Тимофей был воспитан в страхе Божием, но, поступив в училище, стал постепенно развращаться, и ко времени окончания семинарского курса «все святое было вытравлено» из его души. Поступив затем псаломщиком в село, он начал ужасно скучать: так отразилось на нем сознание всей его непотребной жизни. Он уже отчаивался в милосердии Господа и порешил было лишить себя жизни. Вот в это время и явилась к нему помощь свыше. Он случайно нашел в храме, при котором состоял на службе, книгу о. Иоанна «Моя жизнь во Христе» и, чтобы хоть сколько-нибудь заглушить тоску, начал читать ее. И что же? Каждое рассуждение в этой книге начало «влажно вливаться в его душу». Что он испытывал при этом, нельзя выразить словами, но только несомненно, что под влиянием прочитанного он впервые «вкусил и почувствовал сладость веры». Годы его детства ясно предстали пред ним, надежда на духовное исцеление сразу охватила его, и он тогда же дал обет свято и нерушимо молиться, пока будет жив, о душе «сего светила Церкви Христовой», то есть Батюшки о. Иоанна.

В настоящее время он, состоя уже около пяти лет священником при церкви села Дубовика, чувствует себя вполне здоровым и жизнерадостным, называя Батюшку о. Иоанна своим спасителем. (Из писем о. Тимофея, от 7 февраля 1910 года.)

Утешительно читать о помощи о. Иоанна и по смерти его, подаваемой простым рабочим людям.

«Продолжительная, чрезвычайно жаркая погода и бездождие в окрестностях Петрограда, в июле месяце 1911 года, имели вредное влияние на растительность. Огородники испытывали тревогу, опасаясь больших убытков. Многие из них, по взаимному соглашению, собрались в Петроградский Иоанновский монастырь 25 июля к ранней литургии в церковь, где почивает незабвенный Батюшка отец Иоанн Кронштадтский, и усердно просили милости и помощи Божией. После литургии был отслужен молебен и прочитана молитва с коленопреклонением о ниспослании дождя. В 10 часов утра труженики-земледельцы (проживающие на Выборгской стороне г. Петрограда), вышли из храма Божия, надеясь на ходатайство молитвенника Русской земли, к которому так часто обращались за помощью при его жизни, утешались его молитвами, его благословением, его наставлениями. Что же? Во втором часу дня, в тот же день, над Петроградом пролился обильный дождь и возвеселил лицо земли жаждущей, а после опять более недели стояла такая жаркая погода.

Замечательно и то, что дождь был особенно обильным над Петроградом, а верстах в 14-ти, например, в Парголове, в тот день дождя не было ни капли.

Запись подписана двенадцатью владельцами огородов с Выборгской стороны, Старой и Новой деревни.

А далее я выписываю несколько чудес, произошедших от портретов и книг о. Иоанна. Подобных чудес — особенно от чтения книг его — сравнительно мало, тем более они ценны и поучительны.

«Вот уже третий год, как я, грешный раб, — пишет о себе неизвестный воин (7 февраля 1915 года из г. Луги), — получил исцеление по молитвам дорогого Батюшки о. Иоанна Кронштадтского от болезни, мучившей меня 10 лет».

Болезнь эта — фурункулы (вереда, чирьи), которые с небольшими перерывами появлялись в разных частях тела и ни днем, ни ночью не давали покоя страдальцу. С этою болезнью он был принят и на военную службу. Пользовавший его врач советовал наблюдать за чистотой и опрятностью, говоря: «Веди себя в чистоте, и это пройдет».

Но болезнь усиливалась, появились нарывы на шее (карбункулы), от которых больной не мог даже повернуть или наклонить голову. И в такомто тяжелом положении он как-то случайно купил портрет Батюшки о. Иоанна и несколько книг о нем. Читая книги, больной узнал о многих чудесах и исцелениях, совершавшихся по молитвам Батюшки, и, решив прекратить всякое лечение, он начал усердно, горячо молиться Господу Богу и просить заступничества Батюшки.

В это время он увидел однажды Батюшку во сне облаченным в архиерейские одежды и с ним несколько других духовных лиц. Через три дня после этого больному стало легче. Теперь, заканчивает свое письмо исцеленный, — «тело мое чисто, нарывов больше нет, я здоров».

Подобное чудо совершилось уже почти над умиравшим.

«Я, — пишет сельская учительница местечка Грицев, Волынской губ., Елизавета Загорская, — выходя замуж, взяла из дому маленький портрет о. Иоанна Сергиева и с тех пор старалась не расставаться с ним. Брат мой,

доброволец, умирал, не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, но я положила ему под подушку портрет о. Иоанна, и он просил у него молитв, и выздоровел». (Письмо от 26 декабря 1915.)

Некий почтово-телеграфный чиновник, проживавший в селе Строгановке, Таврической губ., Григорий Григорьевиченко, в большом своем письме свидетельствует о нескольких чудесных исцелениях от болезней в своей семье.

Но я выписываю здесь лишь помощь о. Иоанна, произошедшую от чтения его книг.

«Имея несколько душеполезных книг сочинения о. Иоанна Сергиева, я грешный, по молитвам угодника Божия о. Иоанна, получил несколько исцелений от чтения этих книг.

5 января 1911 года, в 12 часов дня, нашла на меня сильная тоска и досада, и я не знал, что делать. Войдя в комнату, я с горя взял первую попавшуюся в руки книгу: «Мысли христианина» и прочитал несколько параграфов. Во время чтения сей книги я почувствовал себя спокойным и веселым, вышел на двор и спокойно провел до ночи день.

В 1911 году, в мае месяце, я был в степи на работе. В это время у меня разболелась голова, и меня тошнило. В обед, приехал домой, слег я в постель и взял книгу «Мысли христианина», прочитал несколько страниц и почувствовал себя совершенно здоровым. После этого я встал с постели, пошел на работу и работал до самой ночи без всяких болей.

В 1911 году, в июне месяце, во время сильной жары, меня мучила сильная жажда. Я почему-то подумал, что если буду пить холодную воду, то ее буду пить мало, и поставил воду в холодное место для охлаждения. Когда я напился воды холодной в волю, то после этого почувствовал сильную боль в желудке и не мог ни ездить на подводе, ни ходить, и не мог дышать свободно. Когда же слег в постель, я взял книгу — сочинения о. Иоанна Сергиева «Проповеди, том 2-й», прочитал одно поучение и почувствовал себя совершенно здоровым, как будто со мной ничего не было. В конце декабря 1911года у меня заболела голова и болела до недели мытаря и фарисея. Однажды вечером, пред сей неделей, я прочитал своим домашним из книги сочинения отца Иоанна Сергиева тома 2-го «Слово о мытаре и фарисее». Во время чтения сей книги я ясно почувствовал, что от чтения сей книги голова моя перестала болеть. Я не вытерпел и сказал своим домашним, что голова моя от чтения этой святой книги перестает болеть. Прочитав до конца, я почувствовал себя совершенно здоровым и с тех пор голова у меня перестала болеть».

Закончу выписки из этой книжки «Милость Божия» умилительным рассказом об исцелении малютки.

«В первый день Пасхи 1910 года моя племянница, дочь свящ. Старицкого уезда, Ольга Гловина (10 лет), простудилась и легла в постель. По определению врача, больная страдала крупозным воспалением обеих половин левого легкого, простуженных в разное время. Больная в агонии пролежала две недели. Положение ее было настолько отчаянное, что врач и родители ее потеряли всякую надежду на выздоровление. Мать больной сшила уже ей

на смерть рубашку. «Но умирать больной, — пишет мне мать, — уж очень не хотелось. Сидишь около нее и видишь: вытащит из-под одеяла ручку и молится; молится и крестик свой — то к губам, то к головке прижмет. Все молилась и просила: Батюшка милый, отец Иоанн помолись за меня!»

И вот ей во сне три раза являлся старец в белой камилавке, в белом одеянии, и ее благословлял. Проснувшись, девочка рассказала матери, что она видела во сне.

После этого видения у всех явилась твердая надежда на выздоровление больной, и больная, действительно, сразу же быстро стала поправляться и теперь вполне здорова». (1 июля 1910 г. свящ. И. Ильигорский.)

ПОДВИГ ПРЕПОДОБНИЧЕСТВА

В главе о чудесах о. Иоанна уже говорилось, что не они составляют самое высокое достоинство угодников Божиих, а их святая жизнь; чудеса же являются результатом и знамением — да и то не всегда и не обязательно — их святости. Поэтому и в о. Иоанне нас должно больше привлекать и удивлять его внутреннее совершенство, его духовные подвиги, или иначе: его святая жизнь. В этом — главное величие святых людей. Да и во всяком вообще христианине важно больше всего его внутреннее состояние.

Об этом говорит нам Евангелие. Когда ученики Христовы возвратились с проповеди, то «с радостью... говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем» (Лк. 10, 17). Что же Господь? Он не порадовался с ними, а, наоборот, умерил и их радость: «Тому не радуйтесь, что духи вам повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (20), то есть что они «записаны» в книге жизни небесной, как граждане Царства Небесного, или как спасенные. Слово «записаны» взято из земных порядков: граждане приписаны к какому-либо государству, городу, месту; и чем славнее это государство, тем славнее подданство гражданина. Во времена Спасителя и апостолов было почетным, важным и ценным иметь право «Римского гражданина» (Деян. 22, 25–29). Но для верующего человека ценнее всего иметь право Небесного гражданина. А если важно иметь и «власть наступать» на всю силу вражию (Лк. 10, 19), то опять лишь с той стороны, что это было свидетельством поражения сатаны, бывшего доселе «князем мира сего» (Ин. 12, 31): а теперь он «осужден» (16, 11) и «изгнан будет вон» (12, 31) и «из мира сего», как он был низвергнут прежде и «с неба». Потому Господь на слова учеников о власти их над демонами и сказал им: «Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию» (Лк. 10, 18), после его духовного падения: Господь низверг его. А теперь и люди — ученики — попирают бесов, впрочем не своею силою, а «о имени Христовом».

И тем не менее не этому радуется Господь за Своих учеников, а о том, что им Отец Небесный открыл Сына Своего и дал веру в Него; а теперь, после чудес и над бесами, эта вера усилилась у них. Этому бы и нужно им радоваться, а не чудесам над бесами. Но ученики, как «младенцы», не оценили еще этого главного дара, данного им. А Спаситель «возрадовался» за них и вместо их благодарит Отца Своего именно за то, что Он определил их к Небесному Царству, через Него, Сына Своего. И в этом заключается их главное счастье, «блаженство». Потому, «обратившись к ученикам, сказал им особо» (не ко всем обратился, ибо иудеи еще не уверовали в Него, а лишь к ученикам): «блаженны очи, видящие то, что вы видите» (Лк. 10, 21–23), то есть Христа, Спасителя мира, с Которым они имеют общение теперь и будут иметь в Царстве Небесном. Вот это важно, а не чудеса: «Многие, — говорил Господь в Нагорной проповеди, — скажут Мне в тот день (суда): Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас (как Своих); отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Мф. 7, 22–23).

Поэтому святые люди старались скрывать чудесные события своей жизни. Например, ап. Павел, когда против него восстали враги в Коринфе, защищая себя от них, говорил о скорбях своих и «хвалился своими немощами» (2 Кор. 11 и 12 гл.). И только в заключение защиты вспомнил и о чудесах, да и то — против воли: «Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним» (12, 1). И рассказывает о восхищении своем «до третьего неба» в рай (4). «Но я не удерживаюсь» от этих рассказов, «чтобы не превозносился чрезвычайностью откровений». Четырнадцать лет молчал он о своем видении (ст. 2). И лишь теперь, вынужденный нападками, сообщает коринфянам о великом чуде откровения ему. Не этому радуется ап. Павел, а о другом: «Мы радуемся, когда мы немощны» (13, 9), то есть в искушениях, скорбях, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа (2 Кор. 12, 10). Радуемся, когда «вы сильны» духовно; «о сем-то и молимся, о вашем совершенстве» (9), а не о чудесах, — о чем он даже и не упоминает им.

Таково воззрение Слова Божия на значение чудес: не столько они важны, сколько спасение, совершенство, святость.

Здесь уместно мне вспомнить о словах св. Антония Великого. Еще в студенческие годы мне пришлось вычитать из «Отечника», собранного епископом-подвижником Игнатием (Брянчаниновым), следующее. Однажды собрались святые старцы к нему. И он задал им вопрос: до какой степени они достигли, подвизаясь долгое время? Один ответил, что он дошел до высот молитвы. Другой, что он удостаивается видеть ангелов. Третий, что он творит чудеса. Потом спросили его слова. Он ответил: «Истинно говорю вам, братия: не великое дело творить чудеса, не великое дело видеть ангелов. Великое дело — видеть собственные грехи».

Признаюсь, что я тогда даже не поверил правдивости этих слов. Я заподозрил, что святой отец сказал так для того, чтобы из педагогических целей направить нас на путь смирения и на подвиги покаяния; а что на самом деле чудеса и видение ангелов выше зрения наших грехов.

Но впоследствии я понял, что в словах св. Антония — истинная правда. Действительно, для нашего спасения и совершенствования ни чудеса, ни видения не имеют такого значения, как зрения нашей греховности; ибо чудеса для нас — внешнее дело, а самозрение — внутреннее; чудеса не делают нас обязательно лучше, а зрение грехов непременно побуждает нас к внутренней, органической работе над собою; чудеса — дело не наше, а Божие; а борьба с грехом — наш прямой подвиг и путь ко спасению.

Такой взгляд на чудеса и спасение есть воззрение вообще нашей Православной Церкви и, в частности, святых отцов. Они видят в чудесах духовную опасность славы и гордости даже для святых людей.

«Если некоторые из святых, — пишет еп. Игнатий в своих творениях, — приняли дарования, то приняли по требованию нужды; или по причине духовной простоты своей; другие приняли по указанию Божественного Духа, действовавшего в них, а отнюдь не случайно, без причины». Но и при всем этом «истинные праведники постоянно помышляют, что они недостойны Бога. Тем, что они признают себя окаянными, свидетельствуется их истина».

Эти слова взяты еп. Игнатием из творений великого подвижника св. Исаака Сирина. И дальше еп. Игнатий говорит: «После того делается ясным, почему великие отцы — Сисой, Пимен и другие, имея обильный дар исцелений, старались скрывать его». А другим, при этом даре, посылались искушения и скорби, чтобы предохранить их от превозношения. Говорит св. Исаак Сирский: «Дарование без искушений — погибель для приемлющих его. Если твое делание благоугодно Богу, и Он даст тебе дарование, то умоли Его дать тебе и разум: каким образом смириться тебе при даровании; потому что не все могут сохранить богатство безвредно для себя».

«Священное Писание, — пишет еп. Игнатий, — на всем пространстве своем свидетельствует, что Бог посылает различные скорби, а между ними и телесные недуги, тем человекам, которых Он возлюбил. Священное Писание утверждает, что все без исключения святые Божии совершили земное странствование по пути узкому и тернистому, исполненному разнообразных скорбей и лишений». «Без них невозможно стяжать душевной крепости», — сказал св. Исаак. От искушений приходит человек в смирение; а «видение своего ничтожества и своей немощи», а вместе с этим и «видение Бога, Его величества, всемогущества и бесконечной благости возбуждает душу устремляться молитвою к Богу. Вся надежда такой души сосредоточена в Боге» (еп. Игнатий).

Святые, все без исключения, несмотря на то, что раскрыли в себе вечную жизнь еще во время этой временной жизни, подвергались многим и тяжким скорбям и искушениям», — говорит еп. Игнатий. Для чего же это? «Разрешается этот вопрос, по наставлению Свящ. Писания и св. отцов, следующим образом. Хотя греховность и побеждена в праведных человеках присутствием в них Святого Духа, но им не предоставлена неизменяемость в добре на всем протяжении земного странствования: не отнята и у них свобода в избрании добра и зла», как учит св. Макарий Великий. «Неизменяемость в добре — принадлежность будущего века.

Земная жизнь до последнего часа ее — поприще подвигов произвольных и невольных».

«Доколе христианин, хотя бы он был сосудом Святого Духа, странствует на земле, — греховность может снова объять душу и тело». «Самое чистое естество человеческое имеет в себе нечто гордое», — замечает преп. Макарий Великий. «Путь земной жизни для всех святых был путем многотрудным, тернистым».

Были примеры, когда чудотворцы сами просили Бога отнять у них этот дар. «Некоторый из святых отцов, по причине чистоты своей, получил от благодати Божией дар провидеть приходивших к нему; но он просил у Бога, умолял и друзей своих молиться о том же, чтобы этот дар был взят от него».

Но есть иные «невидимые благодатные дары, несравненно высшие видимых, как например дар руководить души ко спасению и врачевать их от страстей». Эти дары часто «не понимаются и не примечаются миром», а между тем, они полезнее чудес.

Все это я предпосылаю в начале главы о преподобническом подвиге, или, иначе сказать, о святости о. Иоанна, для того, чтобы правильно понять дальнейшее описание великого целожизненного подвига о. Иоанна. Иные думают, что святые — это безгрешные люди; и потому, когда приходится слышать об искушениях их от диавола или от собственных грехов, то это простым неопытным судьям представляется и непонятным, и недопустимым во святых. А на самом деле, как мы видели, им приходится испытывать особенно сильную борьбу от диавола и от собственных страстей и искушений. И это имеет весьма важное значение для них, да и вообще для всякого христианина: через это человек и смиряется; и начинает сильнее подвизаться; при этом опытно усматривает и нападение врагов, и явную нужду в помощи Божией; через это укрепляется вера и надежда на Бога; и постепенно, при великих трудах и духовной борьбе подвижник достигает мало-помалу спасения, очищения, бесстрастия, освящения, святости, — насколько это вместимо человеку.

Вот это подвижничество, — когда всматриваешься в жизнь о. Иоанна, — и поражает нас больше всего; значительно более, чем даже чудеса. И в самом деле: чудеса обычно занимают короткое время, а подвиг спасения — всю долгую жизнь; чудеса могут сопровождаться победным восторгом; а внутренняя борьба сопряжена с крестоносными скорбями, мукою: ее правильно именуют иногда добровольным мученичеством, а самый результат подвига — приобретение благодати Святого Духа или святости — есть величайший дар Божий, конец и цель всей жизни христианской; наконец, самые чудеса, — как много раз говорилось, — есть уже плод и знамение святости. И потому нам следует дивиться во святых больше всего их святому подвигу.

Вот это и мне, недостойному, далось ощутить явственно, когда пришлось служить впервые с о. Иоанном литургию. Еще раз повторю об этом. Когда началась служба, то я, стоя на левой стороне и взглянув на него без всяких помыслов, вдруг узрел его духовную высоту и величие; что сформулировалось у меня в таких словах:

— Боже! Какой он гигант духовный!

Почему уж пришло мне это слово «гигант», не знаю. Не знаю также и не понимаю доселе: каким именно образом я постиг, узрел, ощутил это? Ведь ничего внешнего я не увидел; например, ни света, как это бывает иногда вокруг глав святых; ни благодатного огня, окружающего их; ни иного чего особенного; но ощущение великого духовного состояния его было явственно. Впрочем, и все другие душевные свойства мы воспринимаем неким внутренним способом; например, добросердечный человек производит на нас отрадное, приятное впечатление; а злой — мучительное. Отец Иоанн произвел впечатление высокой святости и силы.

Правда, я опасаюсь теперь особенно верить своим чувствам; но факт огромного впечатления от него на меня был и остается несомненным. Мне даже стало тогда страшно стоять возле него! Таково было непосредственное действие от духа о. Иоанна. И если оно — истинное, то есть было от Бога, то я и тогда, и теперь воспринимаю его, как действие святости, сущей в нем; подобно тому, как веяние благодати Божией в апостолах действовало и на соприкасавшихся с ними. «Мы Христово благоухание Богу в спасаемых», — говорит ап. Павел (2 Кор. 2, 15). От первых христиан и апостолов «был страх на всякой душе», — говорится в книге Деяний (2, 43). «Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их» (5, 13).

Вероятно, и там тогда ощущалось «посторонними» некое особенное духовное впечатление от христиан. Подобным образом и от о. Иоанна исходил на народ благодатное непосредственное действие жившей в нем особой силы Божией: без чудес, без слов, без усилий со стороны их Дух Божий, как благоухание, шел от него на людей.

И думается мне, что церковный народ, это «тело Христово», непосредственно духовным ощущением воспринимает дух святости во святых людях, прежде чем обнаружится он в знамениях; почитает их прежде чем совершится церковная канонизация их. Так было с преп. Серафимом Саровским; так — и со многими местночтимыми святыми, которых народ церковный прославлял и которым молился задолго до официального прославления их по смерти; и чтил и стремился к ним еще и при жизни их.

Это было и с о. Иоанном.

Но достиг он этого великими и беспрерывными подвигами всей жизни. Этим подвигам и дивишься в нем, когда читаешь его дневники. Заранее можно сказать, что если бы мы не знали никаких чудес его, то он одним своим подвижничеством возбуждал бы и возбуждает удивление, благоговение в нас. И как-то само собою в душе является ощущение святости его. Так давно почувствовал в нем «святого» русский православный народ. А потом усмотрели в нем ту же святость и собратия священники, и архиереи, и писатели, и ученые, и миряне-интеллигенты.

Вот несколько свидетельств таких признаний.

В день юбилея пятидесятилетия священства его, 12 декабря 1905 г. среди многих речей было и приветствие от «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения». Выдающийся талантливый проповедник, о. протоиерей Ф. Орнатский, говорит прежде всего именно о святости о. Иоанна:

«История духовной жизни народов созидается исключительными личностями, сознательными носителями и яркими выразителями идей, около которых, как около знамен, собираются массы.

Не может быть сомнения в том, что к таким историческим личностям беспристрастный суд потомства отнесет и вас; ибо и теперь народ уже видит в вас личность исключительную и произносит имя ваше с благоговением. Какое же слово написано на том знамени, с которым пастырствуете вы, наш достойнейший и любимый представитель, живой образец современного пастырства, имя которого стало собственным именем «Батюшки», пастыря Всероссийского?

На этом знамени написано одно слово: «СВЯТОСТЬ». И оно-то собрало около вас миллионы народа русского, православного, носящего идеал святости в тайниках души своей; всегда готового поклониться тому, в ком он видит воплощение этого идеала.

Ваша 50-летняя пастырская деятельность была воистину непрерывным подвигом служением спасению других.

Нужно бы добавить вначале: подвигом собственного спасения и совершенства Пастыреначальник Христос явил вас «избранным сосудом» благодати (Деян. 9, 15). Ваша крепкая и сильная вера, пламенная молитва, неисчислимые, беспримерные в наши дни, дела милосердия и любви, вот — всем ведомые плоды этой живущей в вас благодати и яркое проявление вашего служения идеалу СВЯТОСТИ.

Верующая Россия видит это и стремится войти с вами в общение».

Подобное же говорил в 40-й день по кончине о. Иоанна и другой проповедник, член того же общества, прот. Павел Лахостский:

«Отец Иоанн был «родным», своим всякой православно верующей душе; и потому-то эта душа так рвалась к нему.

Как ни обременен народ наш грехами; но и в лице этих грешников сознает, что это не настоящая его жизнь, что это — грех, беззаконие, отступление от Бога...

Стремясь со всех концов России к о. Иоанну, народная душа как бы говорила ему: я — грешная, окаянная, погрязла в суете и пороке, но я не так хочу жить; я тоскую по иной жизни, по той, которой ты учишь и словом и — главное — примером; и потому я благоговейно преклоняюсь пред тобой... Дай же мне частичку, искорку этой силы и этой жизни...

И о. Иоанн, по данной ему благодати, щедро раздавал всем от обильного источника духовной жизни, которая была в нем».

Да! Отец Иоанн был «представителем и ярким выразителем святости». «Этим именно и объясняется то несравненное обаяние его в русском народе, какого не имел и не имеет за последнее полустолетие никто другой».

А вот и третий свидетель, тоже священнослужитель: все они лично знали о. Иоанна.

«Без какого-либо предварительного уговора или намерения, — мы видим, — сам собою совершается и произносится общий приговор над жизнью подвижника, сиявшего праведностью».

Дальше проповедник перечисляет разные виды подвигов: подвижников науки, благотворительности, семьи, общественных деятелей, храбрых воинов, патриотов.

«И все-таки есть подвиг — превыше всех перечисленных подвигов и заслуг человеческих; тот целожизненный подвиг, который приял и совершил батюшка о. Иоанн: это — подвиг праведности, столь любезный русскому сердцу народному.

В о. Иоанне сочетались многие из этих подвигов. Но подвиг праведности все прочие подвиги поднимает, осмысляет, освящает... Только праведность дает ту цельность и гармонию духа и жизни, которые так поражают в христианских святых. Более 50 лет на свещнице священства горел пред миром светом праведности и молитвы покойный батюшка о. Иоанн». (Прот. И. Восторгов.)

Архиепископ Антоний произносит большую проповедь в Санкт-Петербурге, где сравнивает о. Иоанна «с другими праведниками» мира.

«Что всех влекло к нему? Что особенно привлекательного было в его душе и благочестии? Эти вопросы естественно возникают при мысли о той исключительной знаменитости и славе о. Иоанна при жизни, какой не удостоивались другие праведные люди, подвизавшиеся в последние времена, и пожалуй — во времена древнейшие».

И далее оратор сравнивает о. Иоанна с Николаем Чудотворцем. Но сравнивает не по множеству чудес, а по благодатному подвигу о. Иоанна.

«Ему всегда был присущ дух радостного прославления Бога... Он больше радовался, чем скорбел: он, видимо, в молодости еще отмолил свои грехи; и в нем постоянно ликовала эта благодатная духовная победа над грехом, диаволом и миром. Видеть такого человека, слышать сего облагодатственного христианина, молиться с этим великим пастырем Церкви Христовой составляло великое духовное наслаждение для русского народа. Отец Иоанн проходил в своей жизни пред нами как носитель веры побеждающей, торжествующей.

Вот почему люди так неудержимо тянулись к нему, так жаждали его. Каждый из них как бы так и говорил себе: «Пусть я немощен и весь во грехах; но вот есть в мире праведник, который препобеждает нашу греховную природу, есть такая душа христианская, которая все победила и получила благодатную силу великого молитвенного дерзновения, которое только и торжествует о красоте Сладчайшего Иисуса».

В словах этого оратора есть сомнительные мысли, будто о. Иоанн в «молодости отмолил грехи», что он больше радовался, что «от него не было слышно покаянных воплей»: далее увидим, что это все очень преувеличено. Но что он был «праведник» и именно больше «торжествующего», «победного» духа, это — истинно.

В заключение повторим свидетельства высшей церковной власти, Святейшего Синода, об о. Иоанне и о почитании его: «В его лице угас яркий светильник Церкви... Весь русский православный народ чтил о. Иоанна как праведника, верил в его молитвы и предстательство пред Богом».

Наконец, дает свое свидетельство о нем почти современный ему другой проповедник, затворник, Феофан Вышенский, в своих письмах. Примеча-

тельно, что сначала он с сомнением относился к нему; так как совершенно исключительный пример подвижничества в миру, в суете, среди множества людей казался епископу Феофану подозрительным, необычным, опасным. Потом начались и чудеса: и это заставляло еп. Феофана быть осторожным. Но постепенно он изменил свое мнение; и на вопросы переписывавшихся с ним лиц стал свидетельствовать, что о. Иоанн — «воистину муж Божий», «избранный сосуд Божией благодати»; иначе и проще сказать: святой.

Целый «облак» этих свидетелей и общее почитание о. Иоанна именно как праведника настолько укоренилось уже в сознании массы православного церковного народа, что в наши времена мы чтим его как святого и называем этим именем.

«Святость!» — В нашем обычном понимании это слово имеет чрезвычайно высокий смысл: святой — это уже совершенный, то есть безгрешный человек. И обыкновенно этим именем мы называем прославленных уже Церковью, или канонизированных ею в этом качестве «святых» людей. Поэтому к обычным христианам, даже к лучшим из них, мы не прилагаем этого имени; а называем их «благочестивыми» или «богоугодными», в лучшем случае называем людьми «праведной жизни», но даже не «праведниками»: это слово у нас понимается уже почти как и слово «святой».

И такая осторожность в наименовании — похвальна: человек «святой» или «праведный» — это люди крайне редкие, исключительные, особенные, выделяющиеся по благочестивой жизни. Поэтому и мне, при написании данных строк, сначала было затруднительно поставить такой заголовок здесь; и применить слово «святой» даже к о. Иоанну казалось выше моих прав. Вследствие этой душевной боязни я и озаглавил весь этот отдел иначе: «Подвиг преподобничества»; это слово более умеренное, осторожное.

Но как мы видели, не только отдельные проповедники уже прямо говорили еще при жизни о. Иоанна о его «святости»; но и высшая наша церковная власть назвала его «праведником».

Затем: чем более я вчитывался в его сочинения и всматривался в его духовный лик, я все более и более устанавливался в убеждении, что о. Иоанн действительно отвечал требованиям от «святого» человека, — как это мы и увидим далее.

Но еще более дает нам право называть его этим именем само Слово Божие, а также и сочинения о. Иоанна.

В пасхальном Евангелии говорится, что «тем, которые приняли» Воплотившегося Бога-Слова, «верующим во имя Его», Он «дал власть быть чадами Божиими, которые... от Бога родились» (Ин. 1, 12–13). Быть «чадами Божиими» не меньшее достоинство, чем быть святыми.

Апостол Петр пишет всем христианам, «рассеянным» по миру: «Не сообразуйтесь с прежними похотями, бывшими в неведении вашем, но, по примеру призвавшего вас Святого (Бога), и сами будете святы во всех поступках. Ибо написано: будьте святы, потому что Я — свят» (1 Пет. 1, 14–16). А этому учил Петра Сам Учитель, Иисус Христос: «Будьте совер-

шенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48). Это сказано для всех, а не для исключительных лишь людей. Также и апостол Павел пишет: «Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии... Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии» (Рим. 8, 14–16). И под «мы» разумелись вообще истинные христиане.

Поэтому в своих Посланиях он нередко называет их святыми. Например, в том же послании пишет: «Я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми (то есть христианами) в Иерусалиме» (15, 25–26). Также называет христиан вообще «святыми» в 1-м послании к Коринфянам (16, 1) и во 2-м (1, 1). В конце этого Послания шлет привет от одних христиан к другим: «Приветствуют вас все святые» (13, 12). Иногда он различает слово «святой» от слова верующий или «верный» (Еф. 1, 1) указывая, что христиане должны быть святы; ибо Бог «избрал нас», чтобы мы были «святы и непорочны», «предопределив усыновить нас Себе чрез Христа Иисуса» (1, 5).

В Послании к Солунянам в заключение пишет: «Заклинаю вас Господом прочитать сие послание всем святым братиям» (5, 27). И к евреям пишет: «Приветствуйте всех наставников ваших и всех святых. Приветствуют вас Италийские» (верующие) (Евр. 13, 24). Здесь отличаются рядовые христиане от наставников.

И вообще целью христианской жизни есть исполнение воли Божией; а воля Божия, «благая, угодная и совершенная» заключается в том, чтобы «представить» себя «в жертву живую, священную» (Рим. 12, 1–2), или короче: «святость ваша».

Вот каково истинное воззрение на христиан вообще: это люди, избранные для святости. Поэтому нам, христианам, не следовало бы дивиться не только имени «святой», а — и самому существованию действительно святых людей. Но так как мы ослабели в благочестии, то теперь «святые», то есть истинные христиане, стали редкостью; и они выделяются среди нас, как нечто необычайное, исключительное.

А по существу дела все христиане призваны к святости: в этом цель пришествия Спасителя. Так именно смотрит и о. Иоанн.

В одной из проповедей перед праздником Рождества Христова, в неделю святых отец, когда полагается читать Евангелие от Матфея о «родословной по человечеству Господа нашего Иисуса Христа», он высказывает замечательную мысль, о которой иные почти никто из проповедников уже не дерзает и говорить:

— Дивное чудо! Дивное смотрение благости Божией о падшем роде человеческом!.. Сын Божий делается Сыном человеческим, Братом человеков, Братом — скажу ближе — твоим, моим!

Какое высокое, преблагородное родство наше с Богом! Об этом ныне побеседуем.

«Мы, братия мои, называемся христианами, то есть Христовыми чадами, членами Его святейшего тела, как Апостол говорит: «уды (члены) есмы тела Его, от плоти Его и от костей Его» (Еф. 5, 30), членами Церкви Его. Не

видите ли, что мы приняты в самое близкое родство с Сыном Божиим чрез Его вочеловечение?!. Скажите: какого благородства в мыслях, чувствах, желаниях, намерениях, в словах, в поступках требует от нас «Единородный Сын Божий, Сын в лоне Отчи» (Ин. 1, 18). Совершенный Причастник святыни Отца, бесконечная святость! Да, братия, родство наше с Сыном Божиим, Господом Иисусом Христом, требует от нас великого благородства, благонравия в жизни. Не лишне скажу, если скажу, что христиане должны жить на земле, как ангелы во плоти, — и вот почему девство в христианском мире имеет высокое значение. Но чистота и целомудрие не единственная добродетель, требуемая от нас родством с Сыном Божиим. От нас требуется простосердечие;... требуется сердечная благость, смирение, незлобие;... требуется милосердие к ближним;... требуется воздержание;... требуется бесстрастие к земным благам;... требуется повиновение, покорность христиан Церкви...

Видите, каких свойств требует от нас родство наше с воплотившимся нас ради Сыном Божиим! Будем дорожить своим родством со Христом и не станем считать ничего в мире дороже этого родства...

Позаботимся о стяжании СВЯТОСТИ, как говорил Господь: «Святи будьте, якоже Аз свят есмь, Господь Бог ваш» (Лев. 19, 2); или как говорит Апостол: «Мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме», то есть без коих «никтоже узрит Господа» (Евр. 12, 14).

И в Неделю св. отец о. Иоанн тоже говорит о родстве нашем со Христом: «Бог соделался Братом нашим по человечению». За это от нас требуется «искреннее всегдашнее покаяние и исправление жития, непорочная жизнь,... дела милосердия, — вообще — ЖИЗНЬ СВЯТАЯ».

Итак, жизнь святая, святость, не есть, — по учению о. Иоанна, — только удел исключительных подвижников, а долг, цель и возможность для всякого христианина: для этого воплотился Сын Божий, для этого Он жил на земле; для этого Он совершил Свой искупительный подвиг. Но эту мысль об общей святости христиан мы видим осуществленной особенно во святых, как в высших представителях Церкви Христовой. И потому о. Иоанн пользуется случаем открытия мощей св. Тихона Задонского, чтобы еще и еще звать и всех христиан к святости.

Поставив в заголовке своей проповеди слова Ветхого Завета «Святи будете, якоже Аз свят есмь, Господь Бог ваш» — он начинает вопросом:

— Можно ли оставить сегодняшний день без слова церковного?

Много веры на земном шаре, но не все спасительны; а многие — прямо погибельны, например: магометанская, иудейская, языческая; много исповеданий христианской веры, но не все чисты, не все вполне богоугодны и спасительны. Одно наше, поистине православное исповедание чисто, вполне богоугодно и спасительно. И желающий всем сердцем спасения вечного найдет в нашей Церкви спасение несомненное.

Доказательством тому служат все святые, жившие и Богу угодившие в нашей Православной Церкви, и — новопрославленный святитель Христов Тихон: чудесное нетление его мощей; чудеса, совершающиеся при гробе над притекающими к нему с верою и любовию, — как Божия труба, громко,

неопровержимо свидетельствуют о том, что святая душа его предстоит Престолу Божию и ликует на небе вместе со всеми святыми; и что ходатайство его о нас, грешных, пред Господом сильно и действительно.

Что же, братия, будем ли мы только праздными зрителями святости святых Божиих? Или — будем ли только прославлять их вместе с Церковью, а О УПОДОБЛЕНИИ ИМ СВЯТОСТИЮ СОБСТВЕННОГО ЖИТИЯ заботиться не станем, а о своем собственном СПАСЕНИИ ежедневно помышлять не будем?

Нет, братия возлюбленные, такое прославление святых Божиих человеков — и Богу не угодно и святым Божиим неприятно. Прославляя святых прославленных, мы сами должны уподобляться им верою и добродетелию; САМИ ДОЛЖНЫ СТАРАТЬСЯ быть святыми. «Святи будете, — говорит Господь, — якоже Аз свят есмь, Господь Бог ваш», снова и снова повторяет эти слова Писания о. Иоанн. И далее он произносит такие слова о святости, которые для нас, обычных христиан, представляются совсем необычными; но о. Иоанну они не только были приемлемы, но, очевидно, отвечали самым глубоким его собственным стремлениям и затаенным личным воззрениям. Вот эти слова:

«Неблагонадежный, неистинный тот христианин, КОТОРЫЙ НЕ ХОЧЕТ, НЕ НАДЕЕТСЯ И НЕ СТАРАЕТСЯ БЫТЬ СВЯТЫМ, — как неблагонадежен и тот воин, который не хочет, не надеется и не старается быть победителем. МЫ ВСЕ, возлюбленные братия, МОЖЕМ И ДОЛЖНЫ БЫТЬ СВЯТЫМИ! — не своею силою и заслугами пред Богом, — нет; а силою благодати Божией; а благодать «комуждо — сказано, — дадеся нам» (Еф. 4, 7); то есть дана каждому из нас; и (можем) — заслугами Христовыми».

Необычайная и дерзновенная мысль! Иной из нас даже убоится такой смелости; но о. Иоанн, в душе которого эта мысль о святости была вкоренена как основная движущая цель и сила, — снова с настойчивостью повторяет ее тотчас же после предыдущих слов своих:

«Да! МЫ МОЖЕМ БЫТЬ СВЯТЫМИ; И ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫВАЕМ УЖЕ СВЯТЫМИ И В ЭТОЙ ЖИЗНИ — хотя ненадолго — тогда, когда достойно причащаемся Святых, пречистых и животворящих Таин Христовых. О, тогда мы несомненно бываем святы святостию Христовою; и душа наша паче снега убеляется Кровию Христовою.

Поэтому причащайся, каждый, чаще, причащайся достойно: и ты будешь часто возвращать теряемую святость; будешь часто обновлять растлеваемое грехом естество свое; и мало-помалу сделаешься святостью и по собственному расположению, возбуждаемому и поддерживаемому благодатию Христовою».

Но о. Иоанн и повторным призывом всех к святости не насытился. После только что приведенных слов он уже в третий раз говорит тоже самое, но еще более усиленно, уверенно:

«ДА, НЕПРЕМЕННО СДЕЛАЕШЬСЯ СВЯТЫМ, — если не будешь жить в духовной дремоте и бездействии, а будешь деятельно воевать на страсти и на врага бесплотного, ежедневно усиливающегося поджигать нас страстями и пристрастиями житейскими».

А за этим он высказывает именно ту мысль, которую мы доселе ищем в его творениях:

«СВЯТОСТЬ НЕ ЕСТЬ ЗАВИДНАЯ ДОЛЯ ОДНИХ ТОЛЬКО апостолов, святителей, мучеников, преподобных и всех святых, — А ПРЕКРАСНАЯ ДОЛЯ ВСЕХ НАС». Вот — эти золотые слова его собственной золотой души! И он подтверждает и подкрепляет их свидетельством Божественного Писания: «Апостол говорит, что Бог призвал всех нас на нечистоту, а в святость» (1 Сол. 4, 7).

«Видите, что все мы и можем и должны быть святыми; да в первые времена Церкви верующих во Христа и апостолы называли не иначе, как святыми».

Дальше он приводит длинную выдержку из Послания к Колоссянам; я возьму оттуда лишь часть: «Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие... Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства... И все, что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца» (3, 12–17).

Вот какую высокую проповедь сказал о. Иоанн в праздник открытия мощей св. Тихона Задонского! Дерзну заявить, что ни в этот день канонизации святителя, ни вообще в иной какой день никто не говорил так дерзновенно о святости нашей вообще, и никто не призывал к ней всякого христианина без исключения.

И к этой мысли, к этому призыву о. Иоанн возвращается очень часто. Вот он в день своего Ангела говорит проповедь в похвалу преподобного Иоанна Рыльского, болгарского великого святого. Прославляет его за любовь к Богу, за победу над грехами и диаволом, за отвержение мира, за святую жизнь. Отец Иоанн не преминет призывать к святости и нас, грешников: «Святая Церковь» празднованием святого «хочет понудить и нас подражать его добродетелям, по силе каждого; потому что и нам ПОВЕЛЕНО от Бога быть святыми. «Святи будете, якоже Аз свят есмь, Господь Бог ваш» (1 Пет. 1, 16).

Мы видим — как настойчиво повторяет он эти слова, сказанные еще в Ветхом Завете и приведенные апостолом — в Новом «будьте святы».

Или вот еще пример. Наступает новый год. Отец Иоанн приветствует с ним всех. Но он совсем не говорит о «новом счастье», — как это делаем обычно мы. Наоборот: он говорит о духовном обновлении, о святости:

«Братия и сестры! Если мы не обновились духом; если в нас остаются старые грехи и страсти (и далее он как и всегда, перечисляет их), — то напрасно мы радуемся новом году: год-то новый, а мы — все старые грешники. А между тем, характер (основа, дух) ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ, характер Нового Завета Христова есть именно обновление душ благодатию Святого Духа. «Кто во Христе, тот новая тварь» (2 Кор. 5, 17), — говорит Апостол, — то есть новый человек с новым сердцем, с новым состоянием искупления благодатию Христовою. МЫ ПРИЗВАНЫ ВО СВЯТОСТЬ: свято во всем житии и поступать должны»... И после этого снова и снова звонит теми же словами Писания: «Святы будите!» А на этот раз он добавляет и другие

слова Писания о том же: «Вы — народ святой, царское (царственное) священство, люди обновления», «народ Божий» (1 Пет., гл. 1–2). Вот «когда мы обновимся через искреннее покаяние и добродетель и сделаемся «новою тварью», тогда с радостью поздравлю себя и с новым для себя и для вас годом. А теперь — еще рано, мне кажется».

«Да обновит же нас всех Дух Святый, очистив от всякого греха».

ОБРАЗ БОЖИЙ

Святость, или совершенство человека, связано у о. Иоанна с основным воззрением на «образ Божий», как на сущность человека. Человек подобен Богу. Человек — божественное существо. Эта мысль выражается у него многократно и во многих формах.

Будучи сам законоучителем и проповедником, он, между прочим, говорил так: «Проповедники и законоучители часто упускают из виду прежде всего то, что показывает основу, на которой покоится связь людей с Богом. Эта связь — образ Божий, по коему человек — свой Богу, родной, близкий, друг, то есть праведно живущий. На этой основе покоится все богослужение, все таинства; на этой основе покоится величайшее таинство воплощения Сына Божия, жизни Его между человеками, страдании, смерти, воскресении, вознесении, втором пришествии и окончательном суде».

Эту мысль я выскажу в разных формах. И прежде всего — словами Священного Писания, словами Библии, приведенными о. Иоанном.

«Когда земля была уже украшена всеми родами неразумных тварей; тогда, — говорит Моисей, — «рече Бог: сотворим человека по образу нашему и по подобию... И сотвори Бог человека, по образу Божию, сотвори его: мужа и жену сотвори их. И благослови их Бог, глаголя: растится, и множитеся, и наполните землю, и господствуйте ею; и обладайте рыбами морскими (и зверьми), и птицами небесными, и всеми скотами, и всею землею, и всеми гадами, пресмыкающимися по земли» (Быт. 1, 26–28).

Итак, — говорит о. Иоанн, — человек создан «по образу и по подобию Божию»; создан для того, чтобы владеть земными тварями, быть зрителем дел Божиих, песнословить Бога... Кому это, братия, Господь Бог говорит пред сотворением человека? С кем советуется? Кто эти равные Творцу Лица, по образу Коих хочет Он сотворить человека? Это — два Лица Пресвятыя Троицы: Сын Божий и Святый Дух. Это Бог Отец говорит с Ними. Итак, братия, человек создан ПО ОБРАЗУ ПРЕСВЯТЫЕ ТРОИЦЫ.

«Потому-то находят в человеке как бы некоторый отпечаток троичности Лиц Божественных: ум, слово и дыхание» (св. Ириней Лионский).

«И да обладает рыбами морскими, и птицами небесными, и зверьми, и скотами, и всею землею, и всеми гадами, пресмыкающимися по земле». В

этом (говорит о. Иоанн), между прочим, братия, состоит образ Божий в человеке: как Бог царствует над всем созданием — над небом и землею и над всеми живыми тварями, населяющими небо и землю; так и человек поставлен от Бога как бы царем земным или как бы наместником Царя Небесного. Это — первая черта образа Божия; хотя она ныне сильно исказилась в нас. Человек потерял весьма много власти над животными после греха, что весьма многие звери и гады теперь даже страшны для него. При всем этом есть и ныне еще некоторый остаток власти у человека над животными; по крайней мере и теперь, как говорит св. апостол Иаков, «всяко бо естество зверей же и птиц, гад же и рыб, укрощается и укротится естеством человеческим» (Иак. 3, 7). И это делается силою ума и воли человеческой, которые составляют также черты образа Божия в человеке...

Впрочем, в нынешнем состоянии человека ум и воля его испорчены, омрачены грехом и страстями...»

Бог есть самая Любовь (см.: 1 Ин. 4, 8). Он любит все Свои создания. И наша любовь, например, к родителям, к друзьям и родителей к нам, — есть только малое подобие той любви, какую к нам имеет Господь Бог. Земные родители часто забывают детей своих; но Бог никогда не забудет нас, чад Своих по благодати: «аще и забудет сих жена, — говорит Он, — но Аз не забуду тебе. Се, на руках Моих написах стены твоя и предо Мною еси присно» (Ис. 49, 15–16).

«У тебя мысль облетает в мгновение безмерные расстояния: это также образ Божества, которое вездесуще. Вообще, что в тебе есть доброго, нравственного, хорошего, это есть подобие того, что есть в Боге. Потому-то Господь требует от человека, чтобы он совершенно уподоблялся Ему, как образ — подлиннику. Христос Спаситель говорит: «Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5, 48).

Потому-то никакой человек — даже дикарь — не может быть без Бога; потому-то человек стремится к Богу.

Будем же, братия, всемерно стараться о сохранении в себе образа Божия: в нем сокрыт залог блаженства нашего на земле и на небе. А в чем же состоит «подобие Божие»? Подобие Богу, или уподобление Господу Богу, состоит в том, чтобы иметь чистый, богопросвещенный ум, какой имели пророки, апостолы и все святые; волю, избирающую правду и добро; сердце чистое, искреннее, доброе, простое. Потому-то св. отцы, которые старались и стараются больше всех приобрести такой ум, такую волю и такое сердце, назывались и называются «преподобными» отцами, то есть отцами, «преподобными Богу», (уподобившимися особенно Богу). И блаженны, братия, люди преподобные, кто бы они ни были: монашествующие или в мире живущие, — они узрят Бога лицем к лицу: «Подобни Ему (Богу) будем, — говорит св. Иоанн Евангелист, — ибо узрим Его, якоже есть» (1 Ин. 3, 2); «Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят», — говорит Сам Спаситель (Мф. 5, 8).

А как общий наш долг — уподобляться Господу, то позаботимся все, братия, каждый по силам своим, успеть в уподоблении Господу.

Вот это состояние образа и подобия Божия в человеке и делало его блаженным, счастливым. Как Господь Бог обладает высочайшим, бесконечным блаженством, потому что Он обладает до бесконечности всем, что нужно для блаженства; то потому самому и первые человеки, сотворенные по образу и по подобию вседовольного и всеблаженного Бога, были сначала также всем довольны и блаженны, или совершенно счастливы. Да, было им чем быть довольными и счастливыми. Ум их был светел и без труда знал все окружающее. Сам Господь Бог был светом их разума. И самое первое, животворящее для них знание — было знание Господа Бога; сердце их было полно любви к Богу и друг ко другу и блаженно сей любовью. Предметы же мирской суеты, — например, богатство, слава, излишние житейские удобства, прихоти, увеселения, — нимало не удовлетворяющие бессмертного духа человеческого и сильно занимающие людей нынешнего света — тогда не могли иметь ни малейшего места в их чистом сердце. «Мир и радость о Дусе Святе» (Рим. 14, 17), неизменные и постоянные, обитали в сердцах прародителей; а с миром и радостью — Сам Господь Бог. Воля была у них святая: она стремилась прилепляться к Господу Богу, она хотела делать только угодное Ему. Как невинные дети, первые люди Богом жили, Богом утешались, Богом дышали: и началом и концом их мысли и дела был Господь Бог. Кроме того, причиною их блаженства был и самый прекрасный мир, только лишь сотворенный всесильным Словом Божиим. А в мире, в этом произведении премудрости и благости Божией, чего не доставало для наслаждений духовных и телесных? Для первых людей Сам Господь Бог нарочито приготовил прекраснейший рай, или сад, который достоин был владыки земного. И между многими прекрасными и плодоносными деревьями Он насадил в раю «древо жизни», плоды которого имели удивительное свойство предотвращать болезнь и смерть так, что человек был бы от вкушения этих плодов всегда здоров и крепок, и никогда не умер бы и телом. Наконец, вся земля отдана была во власть первых людей со всеми на ней тварями.

Как человек сотворен? По образу и подобию Божию; или, как говорит Апостол, «в праведности и святости истины» (Еф. 4, 24): то есть человек создан был праведным, безгрешным, святым. И в нем самом тек источник воды живой, так как он был в соединении с Богом. Духовной пищей и питьем тогда была для человека «правда», или приснотекущий Источник правды — Господь Бог. Вот стихия души, вот ее пища и питие! В соединении с Богом человек не знал, что значит алкать и жаждать правды, потому что с избытком насыщался ею. Так, живущие в полном изобилии, и понятия не имеют о голоде и жажде». «Сколь и прекрасен был человек по душе и телу в начале, — в первобытном, до падения своего, — состоянии, можно судить уже потому, что он сотворен был по образу и подобию Божию и был живым одушевленным храмом Божества: Божественные свойства —святость, благодать и любовь, совершенное незлобие, простота, разум, премудрость, непоколебимое мужество, бесстрастие, мир, радость и блаженство, и некое Божественное величие и власть — были уделом его души и светились, изображались в его лице и взоре.

Первый человек — это была несравненная красота на земле, как бы некий бог в виде человека, пред которым раболепно преклонялись, коему повиновались все твари земные».

«Прекрасна и истинно Божественна по началу сотворена была природа человеческая».

«Человеческая душа сотворена по образу и подобию Божию — высочайшая честь и достоинство: ей были врождены святость и свет, правота, простота, благость, молитва, любовь к Богу пламенная, Бог Сам обитал в первых человеках, до их постыдного и пагубного падения: Дух Святый украшал их, просвещал, утешал. Через падение душа совершенно изменилась.

Красоту души человеческой составляют: искренняя и истинная вера, молитва, кротость, смирение, незлобие, покорность, послушание, благость, нелицемерность, простота, воздержание, чистота, целомудрие, терпение, охотное служение ближним в правде и истине, любовь и преданность Богу совершенная. Души праведные просветятся, как солнце, в Царствии Небесном: столь они будут прекрасны! Читайте жития святых и смотрите: сколь прекрасны были души их! Так высоко стояло человечество в первые дни его «образа Божия и подобия». И с этой точки зрения можно было бы считать первое состояние людей идеальным, блаженным, совершенным, святым. Но оно не было длительным. И причиною этого был диавол, или сатана.

О диаволе

«А точно ли есть злые, падшие духи?» — спрашивают и спросят некоторые. Что злые духи есть, это — выше всякого сомнения», — спрашивает и отвечает сам о. Иоанн, еще в первых беседах об образе Божием и потере его первыми людьми. Тогда, когда он начал говорить и писать об этом предмете во время первых лет своего священства, то есть в 50–60-х годах прошлого столетия, этот предмет был уже в подозрении, если не сказать в прямом отрицании современным обществом. Но и до самой смерти своей через полвека после этого о. Иоанн еще крепче держался того же мнения, что диавол действительно существует и действительно принимал и принимает ближайшее участие в жизни человека. Хотя этому и тогда, в начале его священнического служения, и теперь, перед смертию его, и после нее, многие не верят; о. Иоанн твердит свое, а лучше сказать — не свое, а христианское учение о бытии и действительности диавола. Так не говорят даже те, которые называют себя христианами и признают Евангелие. Мне это приходилось слышать и самому не один раз. Но так как мы пишем об о. Иоанне, то из его трудов и будем приводить выписки о диаволе.

«Что касается природы злых духов, то, прежде всего, как духи — они бесплотны; и потому-то свободно проникают в душу каждого человека по Божию попущению, внушая ему худые мысли и пожелания и всячески коварствуя над ним. Как духи злые, они злы до чрезвычайности; нам трудно и вообразить, как они злы... Бесы жаждут погибели души человеческой, и «диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» (1 Пет. 5, 8).

При крайней злости своей злые духи очень умны, потому что они вначале от Бога ум, высший человеческого, получили, и потому что живут очень долго, никогда не умирая, и все более и более изобретают средств привести в действие свою злобу, которая есть жизнь их. Кроме того они очень сильны. Но яснее сила их видна над людьми нечестивыми и обладаемыми страстями, нерадящими о своем спасении, которых за нерадение Господь предает во власть диавола: адская сила с таким могуществом влечет их к погибели, что человек становится совершенным рабом демонов, делая все, что они внушают. Падение злых духов так велико и ожесточенно, злые дела их в Царстве Божием так пагубны, что они сами никогда не могут покаяться; и потому их ожидают несомненные бесконечные муки в аде вместе с грешниками нераскаянными. Святое Писание неоднократно говорит, что Господь Бог блюдет их на суд великого дня второго и славного Своего пришествия, после которого они будут мучиться во веки веков (2 Пет. 2, 4; Иуд. 1, 6).

Падших духов так много, что они составляют собою целое царство, по словам Спасителя: «Аще же и сатана сам в себе разделися, како станет царство его?» (Лк. 11, 18). Наибольшая часть св. отцов Церкви держалась той мысли, что с сатаною ниспало с неба бесчисленное количество духов, ему подчиненных, не говоря, сколько (см.: у св. И. Дамаскина).

Братия! Злые духи вначале были добрыми; и уже потом соделались злыми через противление воле Божией; почему и осуждены за свою упорную гордость на вечные мучения. Эта опасность — подвергнуться мучениям вместе со злыми духами — может легко и нам угрожать: и люди бывают дерзкими противниками воле Божией, когда, например, упорно не хотят признавать того, что повелевает признавать слово Божие и Св. Церковь.

Итак, будем страшиться гордости, «да не разгордевся в суд впадем диаволь» (1 Тим. 3, 6), то есть чтобы не подвергнуться одинаковому осуждению с диаволом. За эту гордость диавол, будучи свержен с неба за противление Богу, вместе с возмущенными низшими духами, с завистью смотрел на блаженство первых человеков, малым чем умаленных от ангелов.

Знал, что люди созданы от Господа свободными, что им возможно склониться ко злу, как возможно было сделаться из добрых злыми падшим духам, что для этого хорошо бы искуснее опутать и омрачить их ум и совесть, и пленить их ложным представлением высшего блаженства, чем в каком они были, он (сатана — *М. В.*) решился погубить их. И вот злобный и лукавый дух устроил смертную сеть для наших прародителей.

Вот каков был ход искушения и как совершилось самое падение. Диавол вошел в змия, животное хитрое. И языком его начал речь свою в раю с Евою, уговаривая вкушать от древа познания добра и зла. «И рече змий

жене», —говорит св. бытописатель Моисей, — что яко рече Бог: да не ясте от всякаго древа райскаго?»

Заметьте, братия, первыми словами диавол старается поселить в Еве недоверчивость к Богу и заискать доверие к себе; представлять Бога недоброжелателем, а себя каким-то доброжелателем, готовым к услугам...

Что же Ева? Она заслушалась беседы злого искусителя; она засмотрелась на запрещенный плод, она не думает о заповеди Божией, а думает о своем наслаждении; наконец, мечтает о Божеском знании. «Будете яко Бози... И даде мужу своему с собою и ядоста». Кончилось искушение: помрачился светлый образ Божий в людях! Смерть духовная прежде всего овладела ими и помрачила в них свет ума, лишила их чистоты сердца и вместе с нею — «мира и радости о Дусе Святе» (см.: Рим. 14, 17). Отверзлись глаза у первых людей; но не как у богов, а как у грешных, смертных несчастных тварей. Прежде, когда Адам и Ева были чисты и невинны, святость Божия покрывала их как бы одеждою, и — лучше всякой одежды: и они не знали никакой наготы, живя в Божественной чистоте. Когда же они чрез грех удалились от Бога, ниспали от Его Божественного общения, тогда естественно почувствовали свою наготу, то есть болезненное чувство лишения сродной им одежды — святости, коей источник Бог.

Господь не замедлил обличить виновных. Сначала — Адама. Он слагал вину на жену и даже на Бога. А Ева — на змия (Быт. 3, 1–13). Вот, — говорит о. Иоанн, — гибельное следствие греха: грех делает человека гордым, склонным ко лжи, упорным. Это случилось с первыми людьми: это было всегда; это есть и теперь.

Так как Бог правосуден, а содеянный грех был делом свободного произволения человека, то Бог определил достойное наказание прародителям, а в лице их — и всем людям: труды и печали, болезнь и смерть стали уделом человечества. Впрочем, не до конца прогневался на нас Господь; по своему бесприкладному милосердию Он оставил скорбным сердцам прародителей надежду на Избавителя, Который должен был спасти их и род человеческий от греха, проклятия и смерти. Этот Избавитель есть Сын Божий. Так как Он имел родиться от Девы, без мужа, от Духа Святого, то и назван был потому «Семенем жены».

Впрочем, о Нем будет особая речь потом. А пока о. Иоанн говорит о потере бывшего блаженства. «Первые люди были сначала невинны пред Творцом и Господом своим, а потому — и блаженны. Но Адам и Ева, как мы видели, не сохранили своей невинности. И как через непослушание, гордость и недоверчивость к Богу они удалились от Него, то и Он удалился от них. А что жизнь без Бога, когда всякая жизнь — на небе ли, на земле ли — происходит от Бога, и без Бога нет жизни? От того-то, братия, первые люди как только согрешили, почувствовали беспорядок, смятение, скорбь и тесноту в душе: потому что по закону Божией правды, «скорбь и теснота на всяку душу человека, творящаго злое» (Рим. 2, 9). Вместо прежних радостей и душевного спокойствия, они должны были теперь переносить мучительнейшие труды и всякого рода неприятности; наконец, грозила им болезненная старость, а после нее — смерть.

Но, что всего ужаснее, диавол, который утешается страданиями человека, возымел над ними власть. Самые стихии после греха сделались им враждебными: с этого времени они начали чувствовать вредствия холода, жара, ветров и непогод.

Звери сделались свирепы и стали смотреть на людей, как на врагов своих. В числе других последствий греха люди скоро забыли, что они — братья, и перестали любить друг друга; мало того, стали нападать друг на друга, гордиться, ненавидеть, завидовать, мучить и убивать друг друга. Греховное состояние нашей природы, с которым и в котором мы рождаемся, называется «прародительским грехом», а все худые последствия его для людей — «следствиями первородного греха».

Чтобы подчинить грешную плоть душе, чтобы душа не исполняла похоти плоти, человек должен много трудиться, в продолжение всей жизни он должен терпеть неизбежную борьбу плоти с духом. И эта борьба происходит в нас вследствие первородного греха. Все, даже великие святые, замечали в себе эту странную борьбу между плотию и духом.

То есть, — учит о. Иоанн вместе со всеми святыми в Ветхом Завете, — эта «странная борьба происходила даже и в великих святых Ветхого Завета; как, например, в пророках этого Завета, до Савла-Павла — включительно. Так сам Апостол про себя говорил: «Вем бо, яко не живет во мне, сиречь в плоти моей доброе: еже бо хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю. Не еже бо хощу доброе, творю; но еже не хощу злое, сие содеваю. Аще ли еже не хощу аз, сие творю, уже не аз сие творю, но живый во мне грех» (Рим. 7, 18–20). Или, иначе сказать, сам диавол; ибо диавол, или сатана, или князь мира сего, или князь силы воздушныя, ясно изображается в Св. Писании как начальник бесов, как князь их. Об этом совершенно определенно отзывается о себе самом сатана, искушавший Господа Христа и подозревавший Его в искуплении: «Паки поят Его диавол... и показа Ему вся царствия мира и славу их. И глагола Ему: сия вся тебе дам, аще пад поклонишимися. Тогда глагола ему Иисус: иди за Мною, сатано: писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися, и Тому единому послужиши» (Мф. 4, 8–10). И еще, когда и «седмьдесят с радостию» возвратилось с проповеди, говоря: «Господи, и беси повинуются нам о имени Твоем»; то Сам Господь изрек им о Себе: «видех сатану яко молнию с небесе спадша» (Лк. 10, 17–18). Этими словами Господь Иисус Христос засвидетельствовал, что Он лично, несомненно видел сатану, или начальника бесов, сверженным с неба еще до падения первых людей; поэтому не остается никакого сомнения, что диавол, или сатана, существовал еще до падения их; и что зло от него распространилось и на людей, сотворенных «по образу Божию и по подобию» Его.

И «когда, — говорится в проповедях о. Иоанна, — зло в роде человеческом дошло до крайней степени, когда люди испытали бессилие свое для добра, ясно увидели все и почувствовали нужду в небесном Избавителе от греха; когда мучительство врага рода человеческого —диавола — дошло также до крайней степени; тогда-то пришло исполнение времен; и Бог Отец послал Единородного Сына Своего, «имже и веки

сотвори» (Евр. 1, 2). И Он, премилосердый, «не терпя зрети от диавола мучима рода человеча» (молитва пред крещением), — то есть Христос пришел к нам на землю, чтобы спасти нас и чтобы «разрушить дела диавола» (1 Ин. 3, 8).

Но между тем, еще задолго до пришествия на землю Спасителя, Бог готовил людей постепенно к принятию сего Божественника, Посланника Своими откровениями и пророчествами о Нем, или предварительными подобиями того, что должен был сделать для спасения человеческого Сын Божий.

Уже праотцу Адаму, после того как он согрешил, сказано было Богом в утешение, что «Семя жены», то есть Богочеловек, имеющий родиться от Пресвятой Девы и Духа Святого, «сотрет», или сокрушит, «главу змия» (Быт. 3, 15), обольстителя человеков диавола, который действовал через змия. Потом Аврааму, Исааку и Иакову подтверждено то же; а в разных обрядах веры Иудейской за несколько тысяч лет предначертано было Богом весьма многое из обстоятельства рождения, жизни, страдания и смерти Сына Божия за грехи людей; тогда как Дух Святый также за несколько веков предсказал о рождении, жизни, учении, чудесах, о смерти Его за грехи мира... Все это самое изъясняет Церковь за службою на воскресные дни или на праздники Богородицы.

«Чтобы показать предварительно, в подобии, крестные страдания за нас и смерть безгрешного Искупителя нашего Иисуса Христа, евреям в память освобождения от работы египетской повелено было закалать ежегодно на праздник пасхи «непорочного», то есть без всяких недостатков, агнца, и вкушать его с опресноками и горькими травами (см.: Исх. 12); чтобы заранее показать тридневное пребывание во гробе тела Господа Спасителя — Иона пророк, по устроению Божию, пробыл в чреве китовом три дня и три ночи. А чтобы воспитать в людях веру в очистительную кровь безгрешного, волею за всех закланного Агнца Божия Иисуса Христа, у евреев употреблялась постоянно для окропления и очищения людей и вещей кровь козлов и тельцов; чтобы народ предварительно привык верить в спасительные крестные страдания будущего Искупителя, показало было подобие висящего на кресте Спасителя и вознесенной Моисеем медной змеи... Кроме того, из пророков великий Моисей предсказал, что Бог воздвигнет евреям из братии их Великого Пророка, подобного ему (Моисею); пророк Исаия предвозвестил, что Спаситель родится от Девы; пророк Михей — что Он родится в Вифлееме; пророк Малахия предсказал, что Спаситель придет в храм Иерусалимский и т. д...

Таким образом, важнейшие обстоятельства жизни будущего Спасителя были заранее в Ветхом Завете преднаписаны в образах и подобиях, во исполнение того, что было в уме Божием от вечности».

Вот, братие, везде была видна рука диавола, как равно и рука Божия в деле спасения погибающего рода человеческого, происшедшего от первых людей, созданных по «образу и по подобию Божию», — о чем мы говорили выше и что связано будет с искуплением Христовым, о чем мы будем говорить ниже. Об этом мы, вслед за о. Иоанном, сейчас упомянем лишь

одно: «На бытии злых духов основывается самое таинство искупления нашего Сыном Божиим, потому что Он пришел «разрушить дела диавола» (1 Ин. 3, 8). То есть: и самое разрушение образа Божия и подобия Его — объясняется внушением сатаны; и, наоборот, пришествие на землю Сына Божия Иисуса Христа, как Восстановителя этого образа Божия, объясняется тем же желанием и возможностью восстановить этот «образ Божий», Тем же Самым Сыном Божиим, Который сначала сотворил человека по образу Своему, а потом восстановил по тому же «образу Своему и по подобию» человека. И сделался ему «родным», даже «Братом» — как Он сам потом будет говорить через апостолов.

А через это самое и Матерь Христова, Богородица Мария, сделалась нам «родною», ибо Она принимала непосредственное участие не только вообще в спасении рода человеческого через воплощение в Ней Христа Богочеловека, но и чрез Святые Дары Тела и Крови Христовых, как родных Ей по телу и крови Сына Своего — что особенно чтил о. Иоанн, и к чему особенно звал во второе полувековье жизни своей Батюшка, и о чем особенно печалился он в начале священства своего, когда причащающихся было еще очень мало, почти единицы.

О диаволе мы будем говорить еще и далее, в связи с беседой о Господе Христе, ибо о. Иоанн об этом говорил с особой настойчивостью к концу жизни своей.

Но пред Христом Спасителем сначала будем говорить о Матери Его, Пресвятой Деве Марии, — как сам о. Иоанн говорил о Ней в один из праздников Введения Богоотроковицы в храм Божий.

Богородица Приснодева

«При созерцании дивной святыни и прославления величия Пресвятой Девы, соделавшейся Матерью Самого Бога, для нас от Нее воплотившегося и вочеловечившегося, я задаю себе и вам вопрос: что сделало Ее столь возлюбленною Богу-Творцу? Где первопричина столь дивного, страшного и вместе спасительного для рода человеческого величия Ее? Почему Сам Всетворец воплотился от Нее и, пребывая вечно Богом, сделался человеком по всему нам подобным, кроме греха? Прежде всего отвечаю, что Господь возлюбил Ее за чистоту и богообразную красоту Ее внутреннего храма душевного или за серафимовскую чистоту и красоту Ее, за Божественное благолепие образа и подобия Своего в Ней. Возвеличило Ее смирение: «призре на смирение рабы Своея» (Лк. 1, 48), — вещает Она Сама Духом Святым. А Творец воплотился от Нее для того, чтобы восстановить в нас падший Свой образ; ибо все мы, помните, сотворены по образу Божию; но все, начиная с первого человека, находимся в бедственно-ужасном состоя-

нии падения греховного; и по воле и неволей ежедневно искажаем в себе образ Божий, делая всякие грехи, оскверняем его. И через то крепко, тяжко прогневляем Бога, удаляемся от Него, падая в демонский мрак, тьму, злобу, зависть, гордость, в скверну всякого греха, и имеем опасность подпасть вечной погибели. Восстановить же в нас образ и подобие Божие можно было не иначе, как через вочеловечение Сына Божия, врачуя подобное подобным.

Итак, Бог воплотился для восстановления в нас падшего, осквернённого, поруганного образа Божия. И воплотившись от Пречистой Девы, соделал Ее Своею Материю, да по благодати — и нашею. Творец Сам восхотел сделаться для всех нас образцом человека, величайшим Праведником, и, — искупив нас Своими страданиями и смертию от греха, проклятия и смерти, — даровал нам чрез веру и покаяние и прочие таинства благодать и силу сделаться, при содействии и нашего усердия к добродетели, совершенными и праведными...

Итак, обратите самое тщательное, самое ревностное внимание на образ Божий, по которому сотворена наша душа: вот что в нас особенно дорого и любезно Богу и чем должны быть все любезны и дороги друг другу. Дорога Богу наша душа, Его образ, Его портрет живой; и мы друг другу любезны должны быть особенно ради образа в нас Божия. И образ Божий состоит в простоте и святости (см.: Еф. 4, 24), в свете разума, любви, в кротости, незлобии, смирении, чистоте, терпении, в свободном стремлении ко всякой добродетели, в бессмертии, или вечном пребывании наших душ.

Итак, вот первый залог величия Божией Матери и причина к Ней величайшего благоволения Божия: Ее чистейший в душе и в теле образ Божий и подобие Божие; далее причина Ее величия, как Божией Матери, есть беспредельная любовь Божия к Своему падшему образу в человеках и восстановление его через тесное общение с человечеством и возведение его к первобытному совершенству. Таким образом, Матерь Божия соделалась, по выражению Церкви, (орудием), чрез которое Господь соделал очищение падшего человеческого рода — стамною, или златою чашею небесной манны, — Христа, питающего, очищающего и обновляющего нас Своим пречистым Телом и Кровью.

Итак, христиане, ревностно попечемся все о восстановлении в себе падшего образа Божия и о хранении восстановленного образа всегдашним к себе вниманием и усердным покаянием, и Божественным причащением. Будем поддерживать непрестанную связь с Первообразом, то есть Богом, непрестанным взиранием к Нему, молитвою, чтением слова Божия, хранением Его заповедей, благодарным славословием; в общежитии же простотою и чистосердечием, кротостию, смирением, незлобием, воздержанием, чистотою, готовностью на всякое доброе и полезное дело. Господь бесконечно много даровал человеку, создав его по образу и подобию Своему, покорив ему всю тварь земную».

Вот как говорил о. Иоанн на Введение Богоотроковицы Марии; а почти тоже самое говорит он и в день Благовещения Пресвятой Богородицы.

«О таинство чудное, превысшее всякого разума! О благодать Божия несказанная! Человеку падшему, достойному всякого наказания, подана такая безмерная милость! Да, милость поистине Божеская, безмерная. Бог делается человеком, чтобы человека сделать богом; чтобы землю сделать небом через обновление человечества. Но как возможно было, скажите, человека грешника сделать богом, по причастию Божества? Не спрашивайте: как возможно! «У Бога же вся возможна» (Мф. 19, 26). Человеку невозможно также превращение; а Богу все возможно. Впрочем, есть основание, почему это было возможно. Человек сотворен в начале по образу и подобию Божию, то есть правым, чистым, святым, разумным, свободным, бессмертным: говоря просто — первозданные были живыми портретами Божества. Но через грех утратили свою правоту и стали грешными, нечистыми, по образу прельстившего их диавола. Человек отпал от Бога и пристал ко врагу, которому продал себя за плод запрещенный; он пал по обольщению диавола; и следовательно, заслуживал сострадания и избавления. Чтобы соединить опять образ с Первообразом, ввести в живой союз, Господь восхотел искупить погибшего, Сам к нему на помощь приити в образе человека; просветить его омраченного, научить его и дать ему благодать и силу творить волю Божию, которая есть «святость наша» (см.: 1 Сол. 4, 3); и в исполнении которой — жизнь наша, временная и вечная. И вот Сын Божий соделался сыном человеческим и сынов человеческих творит сынами Божиими. Итак, братие и сестры, оцените по возможности все величие милости к нам Божией, явленной в воплощении Сына Божия от Приснодевы Марии. Помните, что Бог для того сошел на землю, да нас на небеса возведет. «Сын Божий, сын человеч бывает, ...человек(-ом) бывает Бог, да Бога(-ом) Адама соделает» (стихира на хвалитех). Как мы, братия и сестры, почтены воплощением Сына Божия Пречистой Девы, возвеличены, обрадованы и утешены. С нами Бог!»

Так Батюшка о. Иоанн утешает нас своими проповедями на Введение и Благовещение Пресвятой Богородицы! И показывает нам возможность и величие Богоотроковицы, Марии, сохранившей в себе образ и подобие Божии, или — что тоже — святость. «Что такое святость?» — вопрошает он во втором томе своего Дневника. «Свобода от всякого греха и полнота всякой добродетели», — говорит он именно о Пресвятой Богородице. «Этой свободы от греха и полноты добродетельного жития достигают только немногие усердные; и то не вдруг, постепенно, продолжительными и многими скорбями, болезнями и трудами, постом, бдением, молитвою. И то — не своею силою, а благодатию Христовою. Только Владычица Богородица, с самой ранней юности, от самой утробы матерней освятилась; и потом во Святом Святых освятил Ее Господь совершенным освящением через Ее непрестанную молитву, чтение слова Божия и размышления о нем; чрез наставления небесных, чистых, бесплотных сил; особенно чрез Свое внутреннее озарение. Святыня соответствует в природе свету солнечному и белизне снега; а грех — тьме, чуждой света, и грязи или ржавчине». Вот как объясняет о. Иоанн «святость», или сохранение образа и подобия Божия во Пресвятой Богородице. Правда, и теперь остается непостижимым

сохранение этого образа Божия в Ней. И только сравнение со святой Ее теткою Елисаветой, про которую в Евангелии сказано вместе с мужем: «Беста же праведна оба пред Богом, ходяще во всех заповедех и оправданиих Господних безпорочна» (Лк. 1, 6). Сказано и про Симеона Богоприимца, что «человек сей праведен, и благочестив, чая утехи Израилевы: и Дух бе Свят в нем» (Лк. 2, 25). Но в обоих этих людях были все же недостатки: Захария не верил в рождение сына Иоанна Предтечи; Симеон же вошел в храм «Духом» и увидел пару родителей. И лишь одна Богоотроковица Мария сумела просто поверить безмужному воплощению в Ней Самого Бога, чрез Духа Святого; и поэтому на слова Архангела Гавриила: «Яко не изнеможет у Бога всяк глагол», сказала только: «се раба Господня; буди Мне по глаголу твоему» (Лк. 1, 37–38). Такой простотой веры могла ответить лишь Пресвятая Богородица и единственная Богоотроковица! Поэтому Батюшка о. Иоанн, и сам человек великой веры, не смущается умом, а радуется сердцем, что Мария сохранила образ Божий» и благодарит и славословит, а не вопрошает Господа: «Благодарю Тебя, радость мою, Господа Славы, яко приял еси образ мой человеческий чрез воплощение от Пречистой Девы и почтил, и возвысил, обожил человечество! Благодарю Тебя, «Господа Славы», яко от тления паки к нетлению возводиши мя, скверны моя очищаеши, немощи и болезни врачуеши, скорби в радость претворяеши; тесноты греховные обращаеши в пространство (в широту — *М. В.*) оправдания Твоего... Слава милосердию Твоему!»

И хотя Она сама в песни к Елисавете говорит о Зачавшемся в Ней, как о «Боге Спасителе Моем», — что Он первую Ее «спас» от первородного греха и даровал Ей величие, Сильный, Всемогущий (см.: Лк. 1, 47 и 49): но этим Она не Себе приписывает данное Ей «величие», а воплотившемуся в Ней Христу Богу, или лучше сказать, — Богу в Троице: Бог Отец благоволил, Сын воплотился, Дух Святой сошел на Нее. Поэтому и мы более не станем вдумываться в эту истину — сохранения в Ней образа и подобия Божия. А будем благодарить и славословить «Господа Славы», «Радость» нашу, что Он принял «образ» Свой чрез воплощение от Пречистой Девы.

ИИСУС ХРИСТОС

Однако Богородица нужна была нам для того, чтобы через Нее воплотился в человеческий образ Господь наш Иисус Христос, Сын Божий.

В Неделю св. отец о. Иоанн говорит новое поучение, где он объясняет, зачем именно Сын Божий делается от Богородицы Сыном человеческим. «Сын Божий единородный, единосущный, собезначальный Богу Отцу, всеблагий, всемогущий, ипостасная (то есть личная, особая — *М. В.*) Премудрость Божия, устроившая мир и все, что в мире, Сам Вседержитель, содержащий

всю видимую и невидимую тварь, воспринял человеческое естество, вступил в родство с человеками, Им же Самим сотворенными по образу и подобию Своему, но согрешившими и по дерзкому преслушанию и крайне растлившимися по причине преступлений бесчисленных. Сын Божий соделался Сыном Человеческим, Человеком, во всем нам подобным, кроме греха, — не престав быть Богом безначальным и всемогущим. Какая благость! Какое милосердие! Какое снисхождение крайнее! Прияв наше обнищавшее грехами естество, Он и рождается в бедности, от бедной — хотя царского рода — и Пречистой Девы, в убогом вертепе. Он делается Братом человеков, Братом — скажу ближе — твоим, моим!.. Какие плоды от такого родства Сына Божия с нами — для нас? Чего требует от нас, — каких качеств, каких дел, — такое высокое, преблагородное родство наше с Богом? Не видите ли, что мы приняты в самое близкое родство с Сыном Божиим, чрез Его вочеловечение? Мы сделались, по благодати и дару Христа Бога, общниками Божественного естества, своими Богу, а не чужими. Чудное родство! Дивное благородие человека! Бог соделался Братом нашим по вочеловечению! И потому «не стыдится братию нарицати» нас, «глаголя: возвещу имя Твое братии Моей» (Евр. 2, 11–12); даже друзьями называет Он, Богочеловек, исполняющих заповеди Его: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам» (Ин. 15, 14). Если Господь явил нам такое бесконечное снисхождение, такую милость, такое благодеяние, то, конечно, мы должны со своей стороны принести нечто в жертву Богу; ибо вера наша есть святой завет и вечный неразрывный союз души с Богом, а в завете с обеих сторон соблюдаются неизменно известные условия. Пробегая мыслию время до Рождества Спасителя, мы встречаем здесь людей, водящихся в жизни и вере собственным омраченным умом и растленным сердцем, своими страстями, погруженных в нечестие и разврат. Они в то время, по слову пророка, «приложилися скотом несмысленным и уподобилися им» (Пс. 48, 13); между ними не было творящего благостыню, не было даже ни одного (Пс. 13, 3). Вера в единого истинного Бога — Существо всесвятейшее — не имела, за исключением народа еврейского, места в людях этих времен. Слава нетленного Бога изменена была «в подобие образа тленна человека и птиц и четвероног и гад» (Рим. 1, 23). Люди не знали своего Творца; и подобающую Ему честь воздавали различным тварям. Диавол, этот исконный враг человеческого спасения, истощил всю свою хитрость адскую, все злобные усилия для того, чтобы из темной области своей проложить путь всем порокам в бедный род человеческий, возлюбивший «паче тму, неже свет» (Ин. 3, 19). Избавителя не было: Он еще не явился. Лучшие из людей тогдашнего времени, правда, значительно возвышались над своими современниками некоторою чистотою своих мыслей и чувствований, некоторыми познаниями о Боге истинном, о цели и назначении души человеческой; а потому старались даже по своим силам угождать Ему. Но и они не были чужды заблуждений и пороков другого рода, неразлучных с повсюдным мраком идолопоклонства. А главное, они не могли никогда собственными усилиями дойти до надлежащего познания об истинном Боге; не имели веры в Будущего Искупителя человеков, которая одна оправдывала человека пред

судом правды Божией; не было того Света, Который «просвещает всякаго человека, грядущего в мир» (Ин. 1, 9), а потому не было для них и возможности ко спасению. Но вот настает предопределенный конец времен. Растление людей дошло до последней крайности. Сам человек чувствует совершенное бессилие и изнеможение в борьбе со грехом и сильно желает и ожидает Высшей помощи. И милосердый Бог посылает Единородного Сына Своего на землю, чтобы подать всесильную помощь совершенно изнемогающему и нуждающемуся человечеству. Вместо прежнего подобия скотам несмысленным является в них теперь во всей чистоте и силе утраченное подобие Божие; вместо искаженного образа является образ, восстановленный во всем величии; так что люди соделываются «народом избранным, царским священием, языком святым, людьми обновления» (см.:1 Пет. 2, 9) и делаются способными в собственной своей жизни являть добродетели. Вера в единого истинного Бога водворяется по городам, целым царствам, по всему миру. Уже апостол языков, Павел, благодарит Господа Бога за то, что вера римских христиан проповедуется «во всем мире» (Рим. 1,8). Люди знают теперь хорошо и самих себя, свою душу, ее небесное происхождение и высокое назначение в будущем; знают, что «живот вечный дал есть нам Бог; и сей живот в Сыне Его есть» (1 Ин. 5, 11); что «дарованы нам великия и драгоценныя обетования, дабы вы чрез них соделались причастниками Божеского естества, удалясь от господствующего в мире растления похотию» (2 Пет. 1, 4). Человеку дарованы все «Божественныя силы... яже к животу и благочестию» (2 Пет. 1, 3). При самом вступлении нашем в мир — мы просвещены святым Крещением; с самого рождения носим на себе священное имя христиан, именуемся сынами Света». Но все это вошло в мир чрез «единственное, чрезвычайное средство, которое Бог в предвечном совете Своем определил к нашему спасению, — чрез воплощение Сына Божия». Для чего же такое снисхождение, такое крайнее уничижение? — спрашивает (проповедник) в поучении на самый день Рождества Христова. «Нашего ради спасения» — отвечает Церковь. Мы погибали под темною державою; мы сидели в стране и тени смертной, содержались в узах адовых. И вот премилосердый Владыка, создавший нас в начале по образу Своему и по подобию, не терпя видеть, как мучит диавол род человеческий удалением его от Бога, омрачением его ума и сердца, привязанностию к земному, различными грехами и беззакониями, и прелести идолопоклонства, — пришел державно избавить нас от работы вражией. О премилосердый наш Господи! Нашего ради спасения в вертепе нас ради родивыйся и во яслех скотских возлегий! Славим недостойные рабы Твои, Твое спасительное о нас промышление; поклоняемся и Твоей по плоти Пречистой Матери, послужившей такому страшному таинству... Но как же нам должно, братия, воспользоваться к нашему спасению таким превысочайшим даром любви и милосердия к нам Отца Небесного? Как нам достойно принять Сына Божия? Все почтем за сор вместе с Апостолом, «да Христа приобрящу» (Флп. 3, 8) и вселим Его в сердцах своих. Дар бесценен: стоит того, чтобы на Него и весь мир променять, ибо приобретши Христа, мы приобретаем вечную жизнь и вечное блаженство; а потерявши Его, потеряем все, не узрим живота вечно-

го, и гнев Божий на нас будет пребывать во веки веков. И Божественные намерения, Божественные планы касательно нашего возрождения, освящения и обновления совершились в человеках; то есть во множестве человеков спасенных, которые послушались зовущего их ко спасению гласа Божия и пошли путем спасительным. Бесчисленное множество святых угодников оправдали своею жизнью Божественный план спасения человечества: «оправдися» Божественная «премудрость от чад своих» (Мф. 11, 19), то есть от сделавшихся подобными Подобному Христу.

Но многие ли понимают и принимают этот премудрый и в то же время простой план нашего спасения? Многие ли принимают даруемые Богом средства ко своему спасению?.. Многие ли дорожат именем «христиан» и «чад Божиих» (см.: Деян. 11, 26; Ин. 1, 12)? Многие ли думают о небесном наследии, уготованном для них благостию Отца Небесного, ради Сына Его единородного?

О, как мы унижаем непрестанно свое человеческое достоинство, которое так возвысил, обожил Сын Божий Своим вочеловечением! В присутствии Небесного Царя, принявшего наш образ, мы бесстыдно и бесстрашно искажаем и пачкаем грязью страстей живой образ Его — души наши! Между тем, как с нашей стороны для поддержания и укрепления нашего союза с Богом требуется, братия, — говорит о. Иоанн, — искренняя, нелицемерная любовь к Нему, или исполнение заповедей Его; любовь друг к другу; ожидание исполнения обетования Его, как то: воскресения мертвых, будущего суда и праведного мздовоздаяния каждому по делам и жизни будущего века; требуется искреннее, всегдашнее покаяние и исправление жития, непорочная жизнь, незлобие, кротость, смирение, воздержание, чистота душевная и телесная, дела милосердия; вообще — жизнь святая. Апостол Петр поучает: «Как послушныя дети, не сообразуйтесь с прежними похотями, бывшими в неведении вашем; но, по примеру призвавшего вас Святаго, и сами будьте святы во всех поступках. Ибо написано: будьте святы, потому что Я свят» (1 Пет. 1, 14–16. Лев. 19, 2). Вот это — один из способов единения Бога с падшим человеком: воплощение Сына Божия от Пречистой Девы Марии. А другой это распятие на кресте, о чем говорит о. Иоанн в день Воздвижения Креста Христова, или воспоминание воздвижения на крест Самого Христа Господа. «Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий», то есть Иисус Христос, «сущий на небесах» (Ин. 3, 13). Никто из человеков не восходил на небо, потому что грех не допускал никого взойти на пречистое, пресветлое небо, на котором — престол Господа Бога Вседержителя. А за грехи еще не была принесена, с начала мира до пришествия на землю Сына Божия, Пречистая Жертва для искупления мира от греха, для примирения людей с Богом. Оно (примирение) сделалось доступным для праведников и покаявшихся грешников только со времени крестной смерти за нас, за наши грехи, Сына Божия. Эта тайна, эта радостная весть, что небо теперь для нас отверсто, ежедневно нам возвещается открытием Царских врат на великой вечерне и великом входе и при выносе Св. Даров для причащения. И смотри, грешник, какая ужасная, кровавая жертва потребовалась правосудием Бо-

жиим для искупления твоего от греха и вечной погибели. Мучительнейшая, поноснейшая смерть на Кресте единородного Сына Божия! Так возлюбил Бог мир, то есть бесконечною, превосходящею всякий разум любовью, ибо дал бесконечную жертву за грехи наши — Сына Своего, Сопрестольного Ему, Богу Отцу, Собезначального, Соестественного. О, любовь Божия чудная, преславная, пресладкая, вечная! Если бы в жертву за наши грехи не дал Бог Сына Своего, — то весь мир пошел бы в муку вечную, и никто бы не спасся. А все спасенные спаслись кровию и смертию Сына Божия, все оправданы Его благодатию (то есть даром — *М. В.*). Святые стали святы Его святостию, правдою; украсились Его нетленною красотою; все спасающиеся ныне спасаются только кровию Сына Божия, или водою и кровию, ибо из прободенного ребра Его истекли кровь и вода, означающие два таинства: крещение и причащение. О дражайший Искупителю всего мира! Не ведали люди, что на Тебе отяготели грехи всего мира; что Ты терпишь, невинный и безгрешный, казнь за нас! Не ведали, что Сам Бог вступает в борьбу с адом и сокрушает могущество его и хочет извести из ада души, от века содержимые в узах его, и нас избавить от его ужасного мучительства. О, сколь дороги для Бога души человеческие, искупленные кровию Сына Его! О, сколь ужасен и губителен грех, для очищения и изглаждения которого нужна была смерть Сына Божия, и — смерть крестная!» И в другой раз в этот же самый праздник Воздвижения Креста Господня о. Иоанн говорит на слово ап. Павла: «Слово бо крестное погибающым убо юродство есть, а спасаемым нам сила Божия есть» (1 Кор. 1, 18). Это — «слово о спасении погибающего во грехах мира, страданиями и смертию Сына Божия единородного; это — слово о бесконечной любви Божией к миру; ибо «тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего единороднаго дал есть, да всяк, веруяй в Онь, не погибнет, но имать живот вечный» (Ин. 3, 16). Это — слово о бесконечной правде Божией, потребовавшей бесконечной жертвы за бесчисленные и тяжкие грехи мира и за бесконечно оскорбленную Святость Божества тварями, созданными по образу и подобию Божию, за поруганные святейшие законы Божии. Для чего это страдание и смерть? Для чего крест, эта поносная казнь рабов, претерпенная Христом? Разве спасение человечества не могло совершиться иначе, как только такою позорною смертью? Для нас, испытавших и испытывающих непрестанно на себе спасительную силу Креста Христова, — говорит на это о. Иоанн, — решение этого вопроса очень легко. Кто был пострадавший на кресте? — Сын Божий, Божия сила и Божия премудрость. За кого пострадал, умер и погребен? — За нас, чтобы наши страсти, умертвившие нас, умертвить крестом. Чтобы Своею смертью нашу смерть умертвить, чтобы нас, врагов Божиих, примирить с Богом и сделать праведными из грешников, и Своим воскресением вечный живот даровать всем верующим в Него; чтобы нам, верующим в Него, даровать непобедимую силу в борьбе с грехами, с демонами, с искушениями в гонениях, в мучениях. А Бог есть бесконечная Святыня; и сотворил нас вначале праведными и святыми, человек же произвольно впал в скверну греха, Бог же как праведный и святой, не может не гнушаться всяким грехом, всяким беззакони-

ем». Или иначе: Бог сотворил нас по «Своему образу и подобию», то есть святыми и блаженными. Потому Христос и вообразился в Свой же, созданный Им образ и подобие; потому Он и пострадал за нас; за наши грехи, ради нашего спасения. Поэтому и в Символе веры поем мы: «Распятого же за ны... и страдавша и погребенна». Так Рождество Христово соединяется с распятием Христа Господа, или — с Воздвижением креста Господня, что, в сущности, одно и тоже. И одно с другим неразрывно связано; только началось оно в убогом вертепе Вифлеемском, а кончилось крестом на Голгофе. А св. Афанасий Великий говорит, что для того Он — Христос — и родился, чтобы распяться. Отсюда вытекают и все другие частные последствия, которые связаны с образом и подобием Божиим. Именно:

а) Например, — говорит о. Иоанн, — «люди стыдятся сознаться, что они не веруют в высокое достоинство и предназначение свое в то, что они — бесценный образ Божий, прелюбезный Богу; которому (то есть образу — *М. В.*) предуготовано и обещано бесконечно-великое блаженство на небесах, в единении с Богом. Как бедняк не верит, что он может сделаться богатым и весьма знатным человеком; так многие христиане не веруют, что они будут обладать богатством будущих благ, и будут спосаждены на небесах о Христе туне (см.: Еф. 2, 6). Мы дивимся, как, без особенных заслуг с нашей стороны, ожидает нас такая высокая честь и слава, такое богатство... Люди недоумевают и, сказать правду, многие не верят той чести, которая обещана праведникам в будущей жизни; потому что сатана унизил человечество в его собственных глазах. Но действительно такая почесть будет и на нее должно надеяться: человек — образ Божий; для того-то и воплотился Сын Божий, чтобы восстановить Свой образ. В Священном Писании развита эта мысль». И наоборот, — «только верные рабы Христовы дают истинную цену воплощению Сына Божия и смотрению Бога Отца и всей Святой Троицы о спасении рода человеческого. Только они истинно оценивают Пречистое Тело и Кровь Христову, а люди века сего живут как несмысленные животные, в печалех житейских, и в чувственных удовольствиях, не дорожа ни воплощением Сына Божия, ни Его Пречистыми Тайнами. И так как избранные Божии ценят, как должно, дела Божии и любовь к миру прелюбодейному и грешному; то и Бог ценит их и дивные дела соделывает чрез них. В них обитает Дух Святый купно со Отцом и Сыном: и «от чрева» их текут реки воды живы» (Ин. 7, 38); а знающие Бога идут пить к ним, как к источникам сладким». Даже сам о. Иоанн пишет про себя самого так: «Когда бываешь очень молод, или живешь жизнью мира грешного, тогда знаешь и Христа Спасителя, и врага Божьего и человеческого, сатану всезлобного, только по одному имени. И думаешь, что Христос от тебя далеко — на небе; а диавол где-нибудь есть, только никак не близко и не около тебя; и хотя слышишь, что он зол, но думаешь, что злость его до тебя не касается. Но когда будешь в летах зрелых и вступишь в жизнь подвижническую, когда будешь служить Богу чистою совестию, тогда испытаешь на сердце и «благое иго» Спасителя (см.: Мф. 11, 30), и тяжелое, несносное иго сатаны, который нещадно оскорбляет нас». Так же говорит о. Иоанн и о Духе Свя-

том: «Долго я не знал во всей ясности, как необходимо укрепление нашей жизни от Духа Святого. А теперь Многомилостивый дал мне узнать, как оно необходимо. Да, оно необходимо каждую минуту нашего бытия, как дыхание, необходимо на молитве и во всей жизни. Без укрепления от Духа Святого чувствуешь, как сердце подмывается от различного зла и готово ежеминутно потонуть в бездне его. Тут-то надобно, чтобы сердце наше стояло на камне. А камень этот — Дух Святый». И наоборот: «Или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть; разве точию чим неискусни есте?» — приводит о. Иоанн слова ап. Павла (2 Кор. 13, 5). «Воистину Христос во мне живет. Между тем, я до сих пор был неискусен: не помышлял и не знал твердо, что Господь во мне. Это Он, Всесвятый, так чуток во мне к малейшей нечистоте сердечной; это Он побуждает меня самый зародыш греха в сердце гнать вон из души. Но увы! И сатана — тут же, готовый пожрать меня на каждом шагу оспаривает меня у Господа!» Сатана там же, где и Св. Дух! —Вот и Христос такой же Заступник: «Христос — упование наше, очищение и освящение, воскресение, живот и покой — есть единое на потребу всем нам. И потому Св. Церковь непрестанно произносит эти слова. Все отымется от нас смертью, все земные блага: богатство, отличия, красота тела, красота одежд, простор жилища, все сладости пищи и пития. А Христос — вечное наше богатство, наша жизнь, и наша истинная красота, истинная слава и честь, наша одежда нетленная — вечно пребудет с нами. О доброта святая, неизреченная Лика Христова, которою желали насладиться все святые и из-за которой всеми силами старались очистить себя от всякой скверны плоти и духа, и подвизались усердно до смерти все апостолы, мученики, святители, преподобные, праведные и все святые! Когда и я, наконец, узрю Тебя, Сладчайший Иисусе?! Ты готовишь меня к этому видению всякий день, очищая меня непрестанно от всякой скверны греха. Благодарю и славлю Тебя всякий день!» И таких мест у о. Иоанна о Христе Спасителе — множество!

б) Дальше. Угодник Божий, о. Иоанн, отсюда выводит свои отношения к людям вообще, то есть из того же учения о человеке, как образе Божием и подобии. В самом деле: если верить искренно, что человек вообще есть подобие Божие; то Бог есть — любовь; а следовательно, и отношение ко всякому человеку должно руководиться тоже любовью же.

И об этом же у о. Иоанна часто и много раз говорится. Вот примеры: «Бог благ и преблаг; и ты, образ Его, будь благ. Он щедр ко всем; и ты будь щедр. А скупости, жаления ближнему вещественного, тленного — бегай, как величайшего несчастия и безумия». И еще: нужно почитать всякого человека, даже и при его греховности. «Помни, кто есть человек-то? Образ Божий, чадо Божие, христианин, наследие Царствия, член Христов. Почитать, поэтому, нужно всякого человека, хотя он и носит язвы прегрешений на душе своей. Язвы — язвами: они изрыты диаволом» и грехом; а образ — все образ Божий. О язвах его надо пожалеть, поболеть, да помолиться, как о своих. Ведь, мы все — одно тело: все — «от единыя крове» (Деян. 17, 26), «все бо от единаго хлеба причащаемся» (1 Кор. 10, 17). Не обращай внимания на бесовские смущения, разделения и вражды. Тверди все одно: мы, —

говори, — одно, «Бог есть любовь, а я — образ Божий; значит, и я должен быть весь — любовь. Бог есть простейшее благо, чуждое всякой тени зла. Я — образ Божий; значит и я должен быть также совершенно благим, без всякой даже тени зла».

И это о. Иоанн не один раз говорит в своем Дневнике. «Не слушай клевет врага на ближнего, мерзостей и разных злоб его и гордыни его. На всякого человека смотри просто, с почтением, как на образ Божий. И не думай о нем ничего худого без причины». А потом добавляет: «Верно. Из опыта взято. Ближнего благочестивого славишь — Бога славишь. Ближнему делаешь добро — себе делаешь добро. Ибо ближний — образ Божий; а Бог — все во всех. Христианину делаешь добро — Христа Сына Божия делаешь должником себе; ибо христиане Тело Его, члены Его. Христианина одолжаешь — Духа Святого одолжаешь, ибо христиане храмы Святого Духа (см.: 1 Кор. 6, 19– 20).

Высоко достоинство, как образа Божия. Почему человек, имеющий живую веру, может творить всякие чудеса, и быть некоторым образом богом для природы? Потому, что он образ Божий; потому что чрез веру «един дух есть с Господем» (1 Кор. 6, 17).

в) Также говорит о. Иоанн и о молитве, что основание ее лежит опять-таки в образе Божием: «Основание молитвы — стремление образа к Первообразу, как подобного к Подобному». Также и стремление к молитве святым: «Господь имеет высокое уважение, особенно к делам рук Своих, одаренным разумом и свободною волею, то есть к ангелам и святым; и чрез них действует к нашему освящению и спасению. Посему не говори: я обращаюсь всегда прямо к одному Богу с моими нуждами, с молитвою. Иногда тебе надобно обратиться и к святым, Его орудиям или органам, чтобы не оставались праздными в деле нашего спасения святые храмы Его благодати, Его Божественного Духа». Поэтому каждый день, — говорит о. Иоанн, — посвящай какому-нибудь святому, как образу Божиему; и ему есть благоугождение.

Поэтому и молитвы выдающимся святым есть на каждый день недели: в понедельник, кроме Господа Иисуса Христа, — ангелам; во вторник, кроме Господа — Иоанну Крестителю; в среду и пятницу, кроме Господа, Божией Матери; в четверг апостолам и Николаю Чудотворцу; в субботу — всем святым и престольному святому храма. А в воскресенье — Господу Иисусу Христу Воскресшему и святому дня. Так получается, что каждый день посвящен какому-либо святому, как образу Божию. А особенно три дня — Господу Иисусу Христу, как Самому Сыну Божию, как образу Бога Отца и как воплотившемуся Богу, принявшему на себя от Пресвятой Девы Марии образ человеческий во всей его полноте кроме греха.

А Пресвятой Богородице тоже положено, в сущности, три дня: два дня в будничные дни и третий в воскресенье, — в канонах на утрени и на вечерни, не считая различных богородичных стихир и тропарей. Так Церковь чтит святых.

г) Но кроме них христианство заповедует человеку чтить и себя самого, но именно опять как образ Божия. Вот как пишет об этом о. Иоанн:

«Уважай себя как образ Божий. Помни, что этот образ — духовный; и ревнуй об исполнении Заповедей Божиих, восстановляющих в тебе подобие Божие. Крайне остерегайся нарушать малейшую заповедь Божию: это нарушение разрушает в нас подобие Божие и приближает нас к подобию диавола. Чем больше будешь нарушать заповеди Божии, тем больше будешь уподобляться диаволу.

Чаще приводи себе на память, что в тебе зло, а не в людях. Таким убеждением, совершенно истинным, предохранишь себя от многих грехов и страстей. Беда наша часто в том, что мы свое зло приписываем другому.

Жизнь христианина должна быть постоянным вниманием к себе самому, то есть к своему сердцу. Следи за каждым движением сердца, смотри: угодно ли оно Троице? И не есть ли оно, напротив, движение твоего ветхого страстного человека? «Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю» (Мф. 16, 25); то есть кто восхощет спасти своего ветхого, плотского, греховного человека, тот погубит жизнь свою, ибо истинная жизнь состоит в том, чтобы распять и умертвить ветхого человека с делами его и облечься в нового, обновляемого по образу Создавшего его (см.: Кол. 3, 9–10). Умерщвляй себя и оживишь. Ах, я сам чувствую, что, когда я здоров совершенно и не утружден, и не изнуряю себя трудами, я умираю тогда духом; тогда нет во мне Царствия Божия, тогда обладает мною плоть моя и с плотию — диавол». И даже один помысл может вредить человеку: «Кое бо причастие правде к беззаконию; или кое общение свету ко тме?» (1 Кор. 6, 14) — спрашивает о. Иоанн. И тут же отвечает: «Ни малейшего!» Один помысл неправедный есть мерзость Господу» (см.: Притч. 15, 26). И Господь удаляется из того сердца, где гнездится этот помысл: что мы сами чувствуем на себе. Итак, для того чтобы Господу соединиться с кем-либо, надобно, чтобы тот человек был совершенно чист от скверны греха и благоукрашен добродетелями. Таким образом соединились с Господом и сделались святыми все святые. Как же свята Владычица Богородица, с Которою преискренне соединился Бог-Слово?.. Воистину пресвята, тверда, непоколебима, во всю вечность неизменяема в Своей высочайшей, Божественной святости. Твердо помни, что любовь мира есть вражда, крепкая вражда против Бога. Одно мгновение привязанности мирской к кому-либо и к чему-либо — и душа пленяется и разлучается от Бога. Вот как опасно страстно привязываться к кому-либо или к чему-либо даже на минуту. И справедливо! Человеческая душа сотворена по образу и подобию Божию — высочайшая честь и достоинство: ей были врождены святость и свет, правота, простота, благость, молитва, любовь к Богу пламенная».

д) Даже если человек временно привяжется к какой-нибудь вещи на некоторое мгновение, и тогда Бог оставляет его. «Нехорошо, неразумно я поступаю, — пишет про себя о. Иоанн, — отыскивая долго какую-нибудь вещь, положенную куда-либо и забытую, и скорблю сердцем о ее потере или ненахождении ее налицо, и в то же время оставляя Господа мыслию и сердцем. Потерянная и не обретаемая вещь делается на время идолом сердца, предметом пристрастия и жадности. Все в мире суета и крушение духа! «Едино же есть на потребу» (Лк. 10, 42): это — Бог и все святое. А

кто же эти наши «идолы» из вещей? Это какие-либо лица; затем временная жизнь. Это — многострастное и смертное тело и то, что для тела: пища и питие, одежда, украшение, деньги, жилище, убранство его. Когда борет тебя искуситель пристрастием к вещам видимым, надеянием на вещи видимые; тогда возведи твердо очи сердца к невидимому и вечному... Когда приковывает очи твои к плоти человеческой, помимо души его бессмертной, ты наипаче обращай мысленные очи на душу человека, по образу и по подобию Божию сотворенную, искупленную страданиями и смертью Сына Божия, соделанную наследницею вечных благ, усыновленную Богу, Храм Святого Духа, невесту Духа Святого. Бегай двойственности сердца». Мне приходилось слышать следующий, еще не напечатанный, рассказ о привязанности о. Иоанна к молитвослову, или к правильнику. Обычно он имел его на определенном месте; но на этот раз правильника там не оказалось. И о. Иоанн весь сосредоточился на искании его. А в это время он совсем забыл о Боге. Наконец вспомнил о Нем и сказал в себе и в слух Ему: «Прости меня, Господи, что я из-за твари позабыл о Тебе, Творце всего сотворенного!» И тотчас же нашлась забытая книжка...

Впрочем, сам о. Иоанн рассказывает о себе, как его прельщали иногда святые вещи. Вот, например, что он рассказывает об иконах. «Святые иконы дома и в храме блазнят. Крест Животворящий, все, все враг окутывает своим нечистым, смрадным туманом». И это говорится несмотря на то, что в иное время о. Иоанн сознавал необходимость и высоту иконопочитания. А в другое, — наоборот, — впадал в малодушие. Например, ему нравилось необычное какое-нибудь красивое обложение, или оклад, а не самая икона, не самое Евангелие и т. п. А в другое время он пишет о них, то есть иконах, твердо. «Употребление св. икон необходимо потому — сверх прочих причин, — что Господь, Пресвятая Богородица, святые ангелы и святые угодники недоступны нашему бренному зрению в их небесной чудной славе; а в святых иконах они доступны, осязаемы». Но когда сам о. Иоанн носил какие-либо вещи из богатой и красивой материи, то он сначала боролся с этим. А потом стал носить их, особенно к старости, — когда ему уже стало 50-летие его священнослужения. Вот что он говорил в своей выдающейся речи о чудных, золоченых одеждах духовенства: «Мирские люди ставят нам в укор золотошвейные одежды и митры, упрекая нас в роскоши. Но не Сам ли Господь Бог облек Своих священников в особенные благолепные одежды, повелел Моисею сделать для них одежды благолепия и красоты?! Земной начальник одевает своих слуг золототканными мундирами и всячески отличает и награждает их! Царь ли неба и земли не имеет власти отличать Своих слуг, предстоящих Его страшному и славному Престолу, одеждами блистающими, как ангелов земных? Дай Бог только, чтобы мы старались соответствовать своему призванию и радели о спасении душ человеческих, да были бы светлы душами своими. Так и крайняя скромность, и необычайная роскошь тесно могут быть связаны с образом Божиим и подобием Его, — смотря по тому, с каким настроением ты носишь на себе эти золотошвейные одежды и митры».

Грех и борьба с ним

Уже и раньше мы говорили, что «святой» это совсем не значит «безгрешный», «бесстрастный»; а теперь еще раз повторяем эту мысль вообще и в отношении к о. Иоанну в частности. Совсем не нужно нам воображать, что он был без грехов; если их понимать не только в смысле плохих дел, но и в смысле страстных пожеланий. Наоборот, он очень часто говорит о своей греховности; но большей частью свидетельствует о своей победе над нею. В этом-то собственно и состоит «святость» угодников Божиих. Поэтому нам не нужно дивиться, что о. Иоанн часто и откровенно говорит о своих грехах; наоборот, было бы странно, если он не говорил бы о них: тогда никто бы не поверил ему; тогда бы не потянулись к нему со всей России грешники; тогда бы не авторитетны были слова его, как теперь; а главное, тогда бы не исполнились на нем Христовы слова: Сын Человеческий пришел не праведников спасать, а грешников. — Эти слова всем известны. Всему грешному миру ведомы. И поэтому христианство овладело всем грешным человечеством, а не одними лучшими людьми. Да поэтому-то христианство и овладело миром, что человечество на опыте убедилось в собственной немощи и полном бессилии справиться с собою, со своими грехами, убедилось в том, что для этого нужно участие Самого Господа Иисуса Христа, Который и сошел на землю, чтобы принять «образ Божий» в человечестве, утерянный в первом грехопадении. Поэтому и мы будем говорить не о грешниках вообще, а о грехах о. Иоанна — со слов его самого. И хотя он в своем Дневнике говорит собственно везде о себе, но мы будем брать преимущественно такие выдержки оттуда, в которых он прямо говорит о самом себе. И притом о наличии грехов, о борьбе с ними, о необходимости помощи Христовой, о покаянии грешников, о ненужности отчаяния, и проч. И все это будем связывать с образом и подобием Божиим; а после перейдем и к необходимости частого причащения Св. Таин. Тогда нам ясен будет подлинный лик о. Иоанна — не выдуманный, а действительный. А так как первоисточником греховности является диавол, или сатана; то о. Иоанн, говоря о грехе, говорит и о нем, то есть о диаволе.

Поэтому мы не должны удивляться тому, что он часто говорит, о силе диавола: он по опыту своему знает о действительном существовании сатаны и бесов его; он знает о сатане, как о первоисточнике греха. Поэтому и мы начнем эту главу именно с того, что покажем единство диавола и греха. Обычно люди этому не верят, хотя и не могут не допускать греховности, так как она очевидна; — но о. Иоанн вслед за православным учением, думал иначе: он впереди греха ставил всегда диавола. Вот, например, что пишет он об этом: «Почти все люди — пленники греха. Что же это за чудовище — грех? Что за исполин, который овладел всеми, пленил почти

всех?» И сам же он отвечает: «Это чудовище есть великий падший ангел, бывший денница, а потом — сатана с несметным полчищем вселукавых, подобных ему духов, бывших некогда ангелами. Никто из людей не силен был восстать против того «мысленного Голиафа». Так ясно начало греха возводит о. Иоанн к этому «мысленному Голиафу» — сатане. И в других местах Дневника говорится о том же. «Диавол будет отклонять тебя от Бога неверием, безнадежностию или отчаянием, сухостию и холодностию сердечною, омрачением ума; будет наклонять твое сердце к страстям, которые еще гнездятся в тебе. И ты стой твердо, призывая в помощь Господа Иисуса».

Миродержатель тьмы века сего зорко смотрит за людьми, живущими в соседстве с его темною, воздушною державою. И так как все его намерения и усилия направлены к тому, чтобы увеличить свою державу привлечением в свои сети людей, чрез грех издавна ему подчинившихся, но потом искупленных Владыкою от владычества диавола верою в Искупителя и свободно совершаемыми добрыми делами, то он (диавол — *М. В.*) всеми мерами старается остановить души к Небесному Царству; и на их пути ведет с ними самую жестокую войну, препятствуют не только совершать добрые дела, но и — мыслить свободно доброе и проникаться святыми чувствованиями; делая засады и коварствуя над ними на каждом шагу их духовной жизни. Здесь говорится то, что испытано на самом деле», — самим о. Иоанном, разумеется.

И еще прямее: «Будем вместе учиться. Тебя борют грехи, страсти различные? И меня борют. Тебя соблазняет враг? И меня также. Ты падаешь? И я падаю. Но я падаю и всегда восстаю. Борют и побеждают меня страсти, например, гнев, гордость, зависть, вожделение. Но я немедленно каюсь, молюсь, плачу, напрягаю веру, надежду на Господа, молюсь горячо о помиловании — и побеждаю страсти мои и врагов моих невидимых, борющих меня. И восстаю.

Воспринимаю сердце чистое и дух правый во утробе моей, мир, свободу, дерзновение, — благодатию Христа. Есть «Бог духов и всякия плоти» (панихида), есть духовный, умный, чудный мир духов добрых; есть и злой мир — духов злых. Часто я испытываю в себе подлые действия злых духов, подстрекающих меня к различным страстям. Часто я обращаюсь в уме и сердце к Богу с молитвою веры и покаяния; особенно когда я чувствую в себе козни злых духов; и — всегда получаю помощь от Господа, заступление, защищение, избавление, спасение, мир, свободу, легкость, радость, торжество над злом (духов — *М. В.*) и грехом. Как это отрадно для души!» В частности «нужно с крайней осторожностью и разборчивостью употреблять яства и питья. Лукавый ставит сети и в пище, и питье. Недаром Евангелие предостерегает нас от искушений такого рода: «Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пианством» (Лк. 21, 34). Везде может запять неосторожного лукавый. И он так запял меня в пище сегодня, что я едва мог молиться на вечерней молитве, и не мог поднять свободно ума и сердца горе. Велика связь желудка с сердцем!»

Из этих немногих — а их очень много! — мест дневников о. Иоанна мы легко можем видеть, как «лукавый», или диавол, запинает нас грехами. Что же касается самой греховности своей, то он об этом говорит еще чаще, если не так же часто. Вот несколько примеров этому, притом очень ярких. Из своего собственного опыта о. Иоанн говорит следующее: «Между Богом и человеком непрестанно усиливается вставать грех в бесчисленных видах земных похотей и страстей; плоть наша многострастная, или враг чрез плоть, постоянно враждует против Бога и против нашей души, против ее близости и любви к Богу. Поэтому для любви к Богу надо ненавидеть свою плоть, — в смысле ее похотей и страстей, — и ненавидеть мир, в смысле его богопротивных и растленных обычаев.

Нужно непрестанное бодрствование над собою, чтобы не увлечься ко греху, соблазном плоти: или сладострастной картиной, или красотою женского лица или какой одеждой, или блеском драгоценных камней, золота, серебра, красотою зданий, убранством камней, изяществом шрифтов печати, переплета книг, или — скульптурных изваяний; всего, что льстит глазу, вкусу, осязанию, и что через слух расслабляет или изнеживает душу и плоть.

Всюду в мире через грех царствует вражда на Бога, через все и во всем. Поэтому св. угодники презирали мир и его прелести, как и плоть свою многострастную, враждебную Богу; и не щадили ее, изнуряя трудом, постом, бдением, молитвою, созерцанием духовным, послушанием во всем старшим; и таким образом достигли совершенной любви к Богу».

Что касается личных, открытых грехов о. Иоанна, то он о них говорит резко и правдиво. «Вступая в служение Богу, — начинает он с облачения, о чем мы никогда не думаем, — и облекаясь в оружия Божии, я через то объявляю войну диаволу, врагу Божию, и мнящему, что область земли, воздуха и воды есть его область, а не Божия; и занимающему меня в произношении слов молитвы (вон откуда начинается грех! — *М. В.*), хвалы и благодарения Богу. Но да победит вселукавого и всезлобного диавола бесконечная благость и правда Божия! И да защитит меня, немощного и грешного от козней его, от насилия его, от смущения и тесноты его». А уж как часто и резко говорит о. Иоанн — против своей греховной «плоти», в коей он видит гнездо грехов своих, об этом послушаем опять его самого. «О всеокаянная плоть», доколе ты будешь отторгать сердце мое от святой любви Божией и от нетленного вечного Царствия Божия?! Доколе я не презрю и не возненавижу тебя?! Доколе ты будешь томить меня, язвить, холодить, мое сердце?! Но сам я виноват в том, что ты жива во мне и непрестанно коварствуешь против меня: я ласкаю тебя, угождаю тебе; сладко ем и пью; светло одеваюсь; покойно сплю; во всем себе удовлетворяю, кроме незаконного; имею полный достаток, здоровье, добрую славу?!» Сознавая все это, о. Иоанн в другой раз говорит о себе еще резче: «Сколь богопротивен, и для меня самого отвратителен ветхий (то есть греховный — *М. В.*) мой человек, живущий и не умирающий во мне доселе! Сколь он живуч, лукав, эгоистичен, лицеприятен, корыстен и любостяжателен — хотя во многом и я щедр, когда вижу истинную нужду в ближних!..

Сколь блудлив, нечист, землеревнителен, любовещественен наш ветхий человек! «Отче наш! Да приидет Царствие Твое. Господь царствует везде. Но не царствует в моем сердце. Я часто склоняюсь ко злу. Я часто маловер, невер, самолюбец, гордец, презритель других, завистник, скупец, любостяжатель, сребролюбец, плотоугодник, честолюбец, нетерпелив, раздражителен, ленив; не делаю — или делаю очень мало — добрых дел; и то больше по стечению обстоятельств, чем по свободному расположению и влечению сердца; не состражду страждущим, как членам единого тела Церкви. Словом: не царствует всегда во мне Господь. Сколь велико и глубоко растление нашей природы грехом в бесчисленных его видах и направлениях! Это я сознаю и чувствую всякий день, всякий час! Каждую минуту, как ураган, он (грех) готов охватить и всколебать, возмутить ее (природу) внезапно при малейшем невнимании и поблажке своей чувственности; поколебать меня то гневом, раздражительностью, озлоблением на ближнего, особенно низкого и бедного, надоедающего попрошайничеством ежедневным; то — блудными помыслами и похотями; и льстивым воспоминанием и воображением сладости греха; то завистью в самых пустых и маловажных вещах; то лицеприятием и человекоугодием; то корыстолюбием и любовещностью житейскою; то тщеславием и суетностью; то непослушанием, упорством и леностью; то сонливостью и зевотою; то малодушием, гордостью, унынием и расслаблением души и тела и всякими грехами».

«Всякими грехами»... И когда начнешь просматривать настроение и сознание о. Иоанна во «всяких грехах», — как бы исповедь его пред духовником, то страшно становится за человека, за самого себя!! Если уж такой постоянный подвижник как Батюшка, и тот непрестанно видел в себе грехи, причем в таком множестве; то как же ты должен помышлять о самом себе? Если уж он говорил о себе: «О, как я грешен, противен по грехам моим — очам Божиим, людям и даже самому себе! Кто же для меня может быть более противен — кроме меня самого? Воистину — никто! В сравнении со мною — все праведники!» — То что же можно сказать нам про себя, грешным?! Если он говорит про себя — «никогда не спи вечером пред вечерним правилом, да не одебелеет сердце твое от неблаговременного сна, и да не запнет тебя враг окаменением нечувствием на молитве» — то что же мы должны и можем сказать про себя, если и вообще-то не читаем «вечернего правила» в полноте?! — Молчи и молчи лучше! «Себя считай хуже, немощнее всех в духовном отношении; и себя презирай, ненавидь за грехи, — это благочестиво и справедливо; а другим снисходи, других уважай и люби, несмотря на грехи, ради Бога».

Если читаешь у него в Дневнике: «Господи, даждь ми зрети моя прегрешения; чтобы я не презирал грешников, мне подобных, и не питал к ним зла в сердце за грехи их; а сам бы себя презирал по достоинству, как грешника первого» — то что же говорить уже нам?! Поневоле опять скажешь: молчи и ничего не говори! А если прочитаешь еще более сильные слова его: «Только Господь знает всю бездну немощей и грехов наших. Бездна грехов моих требует бездны милосердия Божия. И я, (то есть о. Иоанн) испытал уже тысячекратно на себе самом неисследимую бездну милосер-

дия Его» — и то вовсе замолчим мы. Замолчим и мы о своей греховности. А лучше обратимся теперь к тому, как о. Иоанн наставляет нас, грешников, относиться к грехам нашим. Он никогда и нигде не советует впадать в уныние и малодушие. И этому оснований у него много. И прежде всего — надежда на Господа Иисуса Христа. «Силен, хитер, тонок враг наш диавол, борющий нас; и Поборник и Помощник наш Христос Господь — всесилен, державен, премудр, благ и всегда готов нам в помощь: и нам нечего унывать и бояться врагов! «Той победит враги, яко всесилен» (догматик первого гласа). «Следя за внутренними явлениями своего духовного мира, я примечаю всегда, на каком опасном вулкане страстей я живу! И какой мощный Спаситель и огнегаситель мне всегда нужен!» И как часто о. Иоанн говорит о Христе Спасителе! Чаще всего! И это понятно. Человек сам не может спасти себя без Христа Господа, для того и посланного Отцом Небесным, чтобы спасать грешников, просящих об этом помощи. «Ты, грешник, ниспавший во глубину зол: когда представишь множество грехов своих и впадешь в отчаяние и ожесточение, вспомни, Кого Отец Небесный послал в мир для твоего спасения от грехов и от вечного осуждения за них Единородного Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа. Притеки с верою к этому Ходатаю Бога и человеков, умоляя Его из глубины души омыть всеочищающею Кровию, за нас пролитую на кресте, и твои беззакония. «Толцыте, и отверзется вам» (Мф. 7, 7). Толцы в двери милосердия Божия, каким грехом не согрешишь; как бы ни были пламенны стрелы врага; как бы ни было сильно его упорство в твоем сердце: и тебе верно отверзется! Я стучал; и мне всегда отверзались двери милосердия Божия.

Всем надо знать и веровать, что от Бога послан в мир Спаситель, чтобы спасти людей от смертоносного жала этого змия (то есть диавола) греха и вечной смерти; и что этот Спаситель всем подает Свое спасительное врачевство против угрызений этого змия: веру, молитву, покаяние и Св. Тайны Тела и Крови Своей». И сам о. Иоанн так же и в себе думал, объясняя слова ап. Павла: «Сладце убо похвалюся паче в немощех моих, да вселится в мя сила Христова» (2 Кор. 12, 9), — он говорил о себе так: «Се, я крайне немощен; и не могу без Тебя творить ничего доброго: не могу без Тебя ни мыслить, ни чувствовать, ни желать хорошего, ни говорить, ни делать. Дай мне благодать делать, что Тебе благоугодно. Се, весь живот мой предаю Тебе, Христу Богу, Спасителю моему, Обновителю моему: очисти, освяти и спаси мя. «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей» (Пс. 50, 12). Помоги мне: близка и скора без Тебя погибель моя на всякий час». В частности, о. Иоанн и себе, и другим всем заповедал: «Таинство искупления Христова, страдания Его, крестную смерть, и воскресение Его, и вознесение, и второе пришествие — надо непрестанно памятовать и всему этому соответствовать». И вообще, о. Иоанн постоянно говорил о Христе Спасителе; и Дневник свой не случайно озаглавил: «Моя жизнь во Христе». Но об этом мы будем говорить во главе о Дневнике; а здесь только отметим эту особенность, чтобы показать, что всю свою жизнь он поставил в связь прежде всего именно со Христом Спасителем, почему и заповедовал грешникам, начиная с самого себя, не унывать, не отчаиваться.

И на святых людей он ссылается, что дух уныния овладевал даже и ими: «И Святыми Божиими (иногда) овладевало диавольское отчаяние и уныние. Что же с нами грешными? Нужно постоянно обращаться ко Господу Христу и быть с Ним каждую минуту, чтобы не овладело нами вражье озлобление и уныние. Наоборот, — говорит о. Иоанн, — когда молишься о прощении грехов своих — укрепляйся всегда верою и упованием на милосердие Божие, готовое всегда прощать грехи по искренней молитве. И всячески бойся, как бы не запало в сердце отчаяние, выражающееся тяжелым унынием сердца и принужденными слезами. Что твои грехи против милосердия Божия, каковы бы они ни были; лишь бы только искренно ты каялся в них! А бывает часто, что человек молится, а внутренне сердцем не надеется, что грехи его будут прощены, считая их как бы выше Божия милосердия, за то действительно и не получает прощения. «Веруйте, яко приемлете, — говорит Господь, — и будет вам» (Мк. 11, 24). Неуверенность в получении просимого у Бога — хула на Бога и Христа, пришедшего в мир от Отца грешников спасать, а не праведников. Грешники бедные! Познайте Сего Спасителя, — как я знаю Его по благодати Его, по дарованию Его». Поэтому-то о. Иоанн свою «общую исповедь» сначала посвящал грехам; а потом кончал приглашением на «пир» Божий и к Св. Тайнам Тела и Крови Христовых. Но об этом мы будем говорить тоже после. А пока оставим частое Причащение как средство спасения от грехов и перейдем к покаянию.

ПОКАЯНИЕ

Так о. Иоанн всех зовет к надежде на Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего. Но не безусловно. А при условии, по крайней мере, наличия покаяния. «Говорят: Бог милосерд! Он помилует нас! — Конечно, у Бога бесконечно много милости. Но если Бог бесконечно милостив к нам и щедр, то зачем же мы произвольно Его оскорбляем своими беззакониями? Чем больше мы облагодетельствованы от Него, тем больше должны любить Его, быть благодарными Его святым заповедям. Где же эта любовь, эта благодарность, это послушание?» — В ответ на это мы теперь, после пришествия на землю воплотившегося Сына Божия, должны бы проявить себя в добродетелях, в добрых делах; но таковыми оказываются лишь немногие, святые люди. Мы не таковы. Мы чрезвычайно далеко отстоим от них своими делами. Мы все равно остаемся грешниками. Что же делать нам? «Кто знает, как трудно, без особенной Благости Божией, обратиться грешнику с любимого им пути греха на путь добродетели! Как глубоко грех пускает в сердце грешника и во всем существе его корни свои...

Потому мы видим, что грешники весьма часто и не думают о своем обращении и не считают себя великими грешниками. Если бы не благодать Божия, кто бы из грешников обратился к Богу?!»

Если «моя ежедневная величайшая беда — грехи, язвящие и гложущие мое сердце», — говорит против себя сам о. Иоанн, — то следовательно, и ему не до конца помогал как будто «против этой беды ежедневной же величайший Избавитель и Спаситель Иисус Христос»? Нет, такие моменты у него были не редкостью, и скоро уныние исчезало: «Он — Христос —мне ежедневно благотворит невидимо, благостию». «Надо надеяться на Господа при всех искушениях, при всех безотрадных состояниях души: избавит Господь!» «Я немощь, нищета; Бог — сила моя! Это убеждение есть высокая мудрость моя, делающая меня блаженным». Как же так? Причина простая. Отец Иоанн прибегал к покаянию. К этому же покаянию он звал и других: если не можешь делать добрые дела; если даже бессилен в молитве своей и надежде на Христа Бога, то прибегай к Нему же в покаянии. И прежде всего о. Иоанн обращает внимание на то, на что мы в церкви — священнослужители — не обращаем внимания, как на вещь известную: «Господи, помилуй». Что значит поемое часто в Церкви: «Господи помилуй»? «Это — вопль виновного и осужденного на казнь, просящего помилования у раздраженного правосудия. Мы все повинны земному проклятию и вечному огню за свои бесчисленные грехи. И только благодать Господа Иисуса Христа, ходатайствующего о нас пред Отцом Небесным, спасает нас от вечного наказания. Это — вопль кающегося и изъявляющего твердое намерение исправиться и начать новую жизнь, подобающую христианину. Это — вопль грешника кающегося, который готов сам миловать других как безмерно помилованный и милуемый Богом, Судией дел Его». «А так как молитва наша по преимуществу есть покаяние и прошение о прощении грехов», — говорит о. Иоанн, — то этим настроением и проникнуты в сущности и по преимуществу большинство богослужений, кроме праздников Христовых, Богородицы и святых, когда преимуществует славословие, благодарение и хвала. И это покаянное настроение особенно проявляется в дни четыредесятницы, или Великого поста. Четыредесятница установлена по подражанию нашему Спасителю, давшему нам во всем образ и пример; а Он во время поста был искушаем от диавола и победил его словом Божиим. И по существу своему, покаяние есть самоукорение, но без надежды на самого себя. Так учит нас о. Иоанн, «Знает Господь нашу немощь и поползновение и долготерпит нам, ожидая покаяния и исправления. Скоро слышит молитву тайную и явную; и скоро заступает, милует, спасает, но за искреннее покаяние Господь милует и прощает. «Седмьдесят крат седмерицею» повелел Господь прощать падающим в грехи (Мф. 18, 22). Слава Господу!» И таких мест у о. Иоанна множество. Их легко найти в издании 1899 года «Моя жизнь во Христе» (Дневник, два тома) и в других извлечениях из того же Дневника, под словом «покаяние». Но я приведу этих мест несколько. «Каяться — значит в сердце чувствовать ложь, безумие, виновность грехов своих; значит — сознавать, что оскорбили ими своего Творца, Господа, Отца и Благодетеля, бесконечно

Святого и бесконечно гнушающегося грехом; значит всею душою желать исправления и заглаждения их». И в то же время значит сознавать, что сам по себе не можешь исполнить заповедей Господних, а только хочешь этого. Поэтому в свидетельстве духовника говорится: «Аз же точию свидетель есмь, да свидетельствую пред Ним (Господом) вся, елика речете ми». «Священники на Страшном Суде будут свидетелями пред Спасителем о покаявшихся грешниках, что они раскаялись или не раскаялись в тех или других грехах; и покаявшиеся будут прощены».

И сам о. Иоанн говорит о себе, как духовнике, что он требовал от исповедующихся именно этого сознания в содеянных грехах, а не обещания во что бы то ни стало исправиться. Только одного требовал он: «не отчаиваться». «Никогда не отчаивайся в милости Божией, какими бы грехами ни был связан по искушению диавольскому; но молись всем сердцем с надеждою на помилование; толцы в двери милосердия Божия: и отверзутся тебе. Я, грешный иерей, пример тебе: как я ни согрешу иногда по действу диавольскому, — например, иногда с враждою к брату отнесешься из-за чего-нибудь, хоть бы даже из-за правого дела, и весь расстроишься, а брата вооружишь на себя, и таинство Святое (то есть причащение), совершишь недостойно, не по пренебрежению вольному, а по неготовности и действу диавольскому, — однако, по раскаянии, все, все Владыка прощает, особенно по достойном причащении Св. Таин. Забудешь все возмущения, тревоги и тесноту диавольскую; совсем новым сделаешься и как будто из мертвых воскреснешь. Не отчаивайтесь, братие, — какие бы грехи вы ни сделали, только сердцем сокрушенным и духом смиренным покайтесь. Слава милосердию Твоему, Господи! Слава долготерпению Твоему, Господи!» Только бы не отчаивался человек! И только бы он искренно исповедался! Только бы он не утаил свои грехи! «Да торжествует бесконечная любовь и милосердие Владыки, вследствие нашего искреннего признания и исповедания грехов. И да посрамится вконец греховная лесть диавола, научающего нас таить свои грехи и не сознаваться в них; да расторгнутся чрез покаяние все сети и связи диавольские, как паутина. Диавол домогается, чтобы мы утаивались со своими грехами, и тем удобнее и больше во тьме предавались им. А мы будем и здесь разрушать его козни: будем исповедывать грехи, чтобы и нам, и всем другим было видно, какой мерзости мы предаемся или предавались; и чтобы тем удобнее, по сознании мерзости, исправлялись в ней. «Глаголи, — сказано, — беззакония твоя», а не молчи о них, «да оправдишися» (Ис. 43, 26). И таких мест у о. Иоанна тоже много. Возьму еще некоторые выдержки из Дневника его. «Я немощен и грешен! Грешен паче всех человеков; растленный всяким грехопадением во глубине моего существа; подверженный падениям тайным и явным на всякий день и час; имеющий нужду в Божьем милосердии и заступлении. И сколько на всякий день я сподоблялся и сподобляюсь этой милости и помощи Божией по множеству грехов моих и искреннего глубокого покаяния моего — нет числа! Милость Божия приумножилась ко мне паче числа морского! И от каких лютых скорбей, тесноты, смущения и окаянства спасал меня Господь за мои тайные покаянные мольбы

безмерным благоутробием Своим. Буду же с херувимами и серафимами непрестанно воспевать победную песнь Богу Спасителю моему: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, непрестанно спасающий и милующий меня!» И еще: «Славлю Тебя, Господи, Долготерпеливе и Всемилостиве! Не даждь и мне погибнуть грехов ради моих безчисленных; но потерпи на мне и еще. И даждь ми благоугодити Тебе и спасти душу мою и — души многих кающихся грешников. Буди!»

И еще: «Елижды аще падеши, востани и спасешися». Какая благость Господня безмерная! Какое беспредельное милосердие! Какое удобство ко спасению! Владыка не отвергает грешника до последнего издыхания. Знает Господь нашу немощь, поползновенность всякому греху с самого младенчества. Знает и ухищрения врагов бесплотных, прельщающих нас ко греху; и долготерпит нам, ожидая покаяния и дел благих. Не вознерадите!» Здесь сказано и о делах благих, но все же больше о — покаянии. А дальше (в «Христианской философии»), непосредственно за этой выдержкой, не говорится уже о благих делах, а только — о вере, покаянии и молитве. Именно. «Велика греховность моя; бесчисленны падения мои тайные; но велико на мне долготерпение Бога, бесчисленная милость ко мне Господа, прощающего мне за веру и покаяние все беззакония мои, обновляющего меня, защищающего и спасающего на всякий день и час. Благодарю Господа непрестанно. Вся надежда моя на одно милосердие Божие и на безмерные заслуги пред правдою Отца Небесного, Господа моего Иисуса Христа». «Се верую: спаси мя, яко Бог мой еси ты и Создатель. Вера же вместо дел да вменится мне, Боже мой». (Утренняя молитва осьмая.) Здесь уже прямо «вместо дел» указывает на веру и на покаяние. Точно также — и в последующих выдержках. Например. «Неизреченно милостив и долготерпелив ко мне Господь! Без числа я согрешаю каждый день: и без числа Господь прощает мне за покаяние грехи мои. Никогда не преодолевают грехи мои благости Его: Он милует, прощает, очищает, умиротворяет». Или: «Сколько раз на всякий день я умираю грехами; и сколько воскресаю из мертвых каждый день чрез веру, покаяние и тайную молитву! Сколько щедрот Господа моего, милости и долготерпения вижу в себе каждый день и час! О благость Божия несказанная, превосходящая ум и слово! Аминь!»

«Глубоко скорблю, плачу и рыдаю об ужасной язве греха, растлевающей человечество, бедствующего неизменно, неописанно, многообразно, — и от прелести греха, которую пленяется человечество и работает греху; и даже хвастает своею работою, и утешается как какою прибылью. Но вместе радуюсь и торжествую и рукоплещу, когда помыслю и воображу ту Божественную помощь, которая подается нам волею Создателя (Бога Творца) в даровании великого Спасителя и Бога всему человеческому роду и в насаждении на земле, Церкви Божией, спасающей род человеческий чудною благодатию Божиею». И еще хочется принести одно изречение о. Иоанна из его Дневника. «Человеческая душа сотворена по образу и подобию Божию — высочайшая честь и достоинство: ей были врождены святость и свет. Бог Сам обитал в первых человеках до их постыдного и пагубного

падения; Дух Святый украшал их, просвещал, утешал. Чрез падение душа совершенно изменилась: стала грешна, мрачна, лукава, самолюбива. Но ей предоставлено покаяние, как обольщенной, окраденной от падшего человекоубийцы диавола; и она может светло восстать от своего падения благодатию и щедротами Божиими». Таким образом, падение человека исправляется не добрыми делами его, а все тем же покаянием; а дел он не может даже твердо обещать. Только надежда на благость и щедроты Спасителя дают нам упование на милосердие Его; только покаяние дает нам эту надежду. Поэтому о. Иоанн не надеется на человека, как на такового, на его добрые дела, на его собственное исправление. И он приводит следующие примеры.

Иисус «воззре на Петра;... и изшед (Петр) плакася горько» (Лк. 22, 61–62). И теперь Иисус, когда воззрит на нас, мы горько плачем о грехах своих. Да, слезы наши на молитве значат то, что Господь воззрел на нас всеоживляющим сердца и утробы взором своим. Ах! как иногда запутывается душа наша. Точно птичка сетями! Исхода не видишь иногда от грехов своих; и мучают они тебя: страшно тоскливо сердцу от них бывает! Но «воззрит» Иисус; и потекут ручьем слезы; а со слезами и все сплетение зла в душе в ничто обратится! И плачешь и радуешься, что такая милость тебе вдруг неожиданная послана. А теплота-то какая на сердце, а легко-то как бывает: так бы и улетел тогда к Самому Господу Богу! Благодарю Тебя всем сердцем моим, Господи, туне (даром) очищающего вся беззакония моя!» Так случилось с Петром. Так случилось бы и с Адамом и Евою, если бы они, вместо самооправдания, пошли по пути покаяния и самообвинения. Так случилось бы и с Иудою, если бы он покаялся искренно, а не впал бы в отчаяние и повесился. И о. Иоанн всегда убеждал слушателей и читателей своих не отчаиваться. И сам не отчаивался. И если он других привлекал к исповеди, то тем более священников, чтобы они уговаривали исповедующихся никогда не унывать: лишь бы только искренно, не утаивая грехов, исповедывались. Да и невозможно человеку надеяться на самого себя, а не на Господа Иисуса Христа! Иначе зачем бы Ему приходить на землю? Иначе бы нечего надеяться человеку на Господа, а не на себя самого. Поэтому он и самого себя прежде всего ведет, как видим, к покаянию и других к тому же зовет постоянно. «Тьмочисленные страсти не оскудеша во мне», — говорится в одной молитве. Если беспристрастно и глубоко вникнуть в мысли и движения наших сердец в данные минуты, то мы найдем, что действительно в наших сердцах в глубине гнездятся бесчисленные страсти. Человек весь — в духовных ранах и язвах; весь в проказе греховной. И кто может избавить его от этой проказы? — Один Господь! Вера горячая! Глубокое покаяние! Необходимое постоянное покаяние. Грех есть отпадение от Бога. Одно мгновение греха — и отпадение. Но искреннее, глубокое всецелое покаяние — и соединение с Богом. Вот как нужно покаяние для грешника! И как велика сила покаяния!»

Борьба с собою и грехом

И только после покаяния о. Иоанн зовет всех к борьбе с собою. И о борьбе он тоже часто говорит. Самое покаяние уже есть начало борьбы.

«Принадлежность истинного, душеспасительного, богоугодного покаяния есть чувства и стремления, изменения к лучшему, расположение ко всякой добродетели: смирению, незлобию, кротости, к воздержанию, к молитве, милосердию, всепрощению, терпению». Но еще необходима и прямая борьба, прямая война, прямое противление греха волею своею. Да невозможно было иначе для самого о. Иоанна. По своей сильной натуре он не мог не бороться с самим собою. Надо душе «дать свой (естественный) благообразный, богообразный, богоподобный вид, — как сделали это святые угодники Божии». Он часто о них вспоминает. Очень часто! Пожалуй, более часто, чем о грешниках и о своих грехах. Да и вся «жизнь христианина — борьба и подвиг. А эта борьба должна иметь целью и последствием утверждение в вере и любви к Богу и ближнему». Та же «правда Божия требует, чтобы человек, волею (добровольно) падший сознательно, сам и подвизался против греха, боролся с ним; а, побеждая его, призывал усердно на помощь благодать Божию, без которой никогда не может быть победителем греха; чтобы заслужить вечную награду от Бога и иметь утешение в том убеждении, что в этой нравственной победе есть и его доля заслуги». Эта мысль о борьбе и войне с грехом и диаволом у о. Иоанна часто высказывается. Приведу несколько выдержек, как из Дневника, так и из проповедей его. Он прежде всего советует, чтобы не считали мы греха какой-то неодолимой стеной; а наоборот, представляли всякий грех — мечтой. Ведь существо нельзя смешивать со случайным падением: существо же — в образе Божием. «Не смешивай человека, — учит о. Иоанн, — этот образ Божий, со злом, которое в нем; потому что зло есть только случайное его несчастье, болезнь, мечта бесовская; но существо его — образ Божий — все-таки в нем остается». «Вообще, ни от какого греха, как от мечты, не надо унывать, а — уповать на Спасителя. О безмерное благоутробие Божие! О величайшее служение Богочеловека нам, грешным! Итак, да посрамится держава вражия!» «Все — мечта, кроме любви истинной. Холодно обошелся брат, невежливо, дерзко, злобно: это мечта диавола; чувство вражды тревожит тебя из-за холодности и дерзости брата, говори: это мечта моя. А вот истина: люблю брата, несмотря ни на что; я не могу видеть в нем зла, которое есть мечта бесовская в нем, и которая есть и во мне». И много раз о. Иоанн говорит о грехе, как о мечте: «Сказал Господу с сокрушением от сердца — и растаяли; вздохнул, пожалел о грехах — и нет их. Как приходят, так и уходят. Мечта — мечта и есть. Сознал, что она — мечта,

нелепость, безумие; возымел намерение впредь вести себя исправнее и Бог очистил их чрез Своего служителя и святые таинства», то есть исповедь и причастие.

«Шел бы в рай, да грехи не пускают», — говорят многие из христиан, не имеющие понятия о христианской надежде; как будто грехи есть какая-то нерушимая стена. Нет: я скажу, что ее-то и разорил крестом и смертью Спаситель наш Иисус Христос и отверз кающимся рай Божий». Это очень облегчает нас: это дает нам основание знать, что грех не тяжкая и непреодолимая стена, а зло. Но в то же время о. Иоанн постоянно зовет нас к борьбе. Противься всякой дурной мысли, всякой страстной привязанности к вещам земным, всякому чувству вражды или неприязни к другим. И Бог поможет тебе: мысли добрые, чувства возвышенные, духовные, чувства любви возьмут в тебе перевес. В противном случае — то есть если не будешь противиться злу — одолеют тебя мысли и чувства противоположные, твое сердце одолеют страсти. Все достается победою. Каждый шаг в нравственной жизни приобретается потом и кровию». «Так точно и миродержитель тьмы века сего зорко смотрит за людьми, живущими в соседстве с его «темною», воздушною державою. Он всеми мерами старается остановить идущих к Небесному Царству; и на их пути ведет с ними самую жестокую войну: препятствует не только совершать добрые дела, но — и мыслить свободно о добре и проникаться святыми чувствами, делая засады и коварствуя над ними на каждом шагу духовной их жизни. Здесь говорится то, что испытано на самом деле!» И тогда вся жизнь будет представляться человеку непрерывной борьбой и подвигом. Вот что о. Иоанн и по опыту святых, и по своему — говорит нам. «Несть наша брань (война — *М. В.*) к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тьмы века сего» (Еф. 6, 12). Жизнь наша на земле —война, непрестанная война: ибо непрестанно воюют невидимые враги чрез бесчисленные наши страсти; воюет и сама плоть наша, подверженная страстями; воюет и мир прелюбодейный и грешный своими соблазнами, неправдами; борет нас плоть наша; самолюбием, самоугождением, леностью, лицемерием, лукавством, двоедушием, блудными помыслами и вожделениями, злобою, злопамятством, злорадством, завистью, недоброжелательством, раздражением, унынием, ропотом, малодушием, ложью, обманом, неправдою, хульными помыслами, страстью к осуждению других, невоздержанием, пьянством, чревоугодием, любостяжанием, корыстолюбием, неверием, вольнодумством, непокорностью, непослушанием, стремительностью, рвением и понуждением ко всякому греху, холодностью и отчуждением от всякого добра». Вот больше 32 страстей указывает о. Иоанн, —не считая особенных нападений невидимых врагов! «Потому Спаситель наш говорит в Евангелии: «Царство Небесное силою берется» и усильные искатели приобретают его (см.: Мф. 11, 12). «Но, — далее же продолжает он, — мы должны всегда верить и помнить, что с нами Бог, невидимый Помощник и Соратник против всякого греха, всемогущий и скорый наш Заступник и Победитель наших грехов; с нами Владычица Богородица, взбранная Воевода наша; с нами

Ангелы хранители; с нами все угодники Божии, молитвами своими ходатайствующие за нас у Господа, и житием своим поучающие нас непрестанно всячески противиться греху, молиться, внимать себе и бодрствовать непрестанно и побежать грех благодатию Христовою». И эта мысль о непрестанной войне, или борьбе, выражается Батюшкою очень часто. Позволю себе привести несколько лишь выдержек из его Дневника об этом. «Нужна усиленная борьба, война с грехом; необходимо постоянное противодействие прелести (увлечению) и насилию греха, самоотвержение и распятие своего самолюбия во всех его бесчисленных видах; памятование о своем образе Божием в душе и необходимости стремления к первообразу своему Богу, без которого мы — мертвы, окаянны, бедны, нищи, слепы, наги. Самый важный вопрос должны мы решить все: что нам делать, чтобы жить? Ответ нам на него произнес Сам Жизнодавец и Бог: «Если хочешь жить, соблюди заповеди» (см.: Мф. 19, 17). Итак, нужно исполнять заповеди — вот дело. Но это-то и нелегко человеку. Вот слова о. Иоанна. «Настоящая жизнь есть изгнанничество. И мы все должны усиленно стремиться чрез покаяние и дела, достойные покаяния, к своему Отечеству. Настоящая жизнь есть тесный путь, — путь скорбей, лишений, болезней. Настоящая жизнь есть ежедневная, жестокая, горчайшая война с врагами нашего спасения, не оставляющими нас ни на один день в покое. Среди всех твоих житейских удовольствий над тобой тяготеет величайшее несчастие, человек: ты — грешник! Ты —враг Божий! Ты — в большей опасности потерять вечную жизнь. Итак, не до удовольствия тебе, а скорее — до слез» в этой жизни! «У людей, старающихся провождать духовную жизнь, бывает самая тонкая и самая трудная война чрез помыслы каждое мгновение жизни, война духовная: надобно быть каждое мгновение всему человеку оком светлым, чтобы замечать втекающие в душу помыслы от лукавого (диавола) и отражать их». «О, как многобедственна, многотрудна, тяжка земная жизнь! С утра до вечера надо вести тяжелую брань (войну) со страстями плотскими, воюющими на душу, и с начальниками, властителями, миродержителями тьмы века сего, духами злобы поднебесными, коих лукавство и коварство неизменно злобно, адски искусно, недремлемо! — О Сладчайший наш Спаситель, призывающий всех труждающихся и обремененных к Себе для успокоения (см.: Мф. 11, 28). Вот Ты видишь: как изныло сердце наше и утроба наша от борьбы и скорби ежедневной! Изможденны мы, обессилены; ходим как тени! Кто не знает, как трудно, без особенной благодати Божией, обратиться грешнику с любимого им пути греха на путь добродетели! Как глубоко грех пускает в сердце грешника и во всем существе его корни свои, представляясь ему в каком-то обаятельном виде. Потому мы видим, что грешники весьма часто и не думают о своем обращении и не считают себя великими грешниками». Хотя я и писал уже об этом, но еще повторяю себе и читателю. И все же Батюшка не позволяет отчаиваться и унывать от грехов своих и от трудности жизни и борьбы, если только таковая есть. «В иных ежедневно эти два начала (земное и небесное) борются и непременно вытесняют друг друга. А в других и борьбы

нет: земное в них вполне господствует». Вот тем, в ком есть еще эта борьба, о. Иоанн советует, чтобы они не унывали: «Не унывай и не ослабевай духом: видя внутри себя постоянную борьбу зла с добром; но как добрый и мужественный воин Иисуса Христа Подвигоположника, мужественно борись со злобою; взирая на венец, уготовляемый Владыкою всем побеждающим все в мире сем и во плоти своей: «Побеждающему дам сести со Мною на Престоле Моем» (Откр. 3, 21). «Не унывай, борясь с врагом бесплотным, но прославляй в самой скорби и тесноте Господа, удостоившего тебя терпеть борьбу с коварным змием и за Него уязвляться: ибо если бы ты не стал благочестно жить (или хоть бороться) и усиливаться соединиться с Богом, то враг и не нападал бы на тебя и не мучил бы тебя». «Господи, помилуй! Мы грешники великие, непрестанно и много согрешающие пред Богом и достойные праведного осуждения; поэтому и взываем часто, по научению Матери своей Церкви Христовой, о помиловании: «Господи, помилуй!» Но хотя мы и грешники, кающиеся (и борющиеся); или: грешные, но Божие! Этим покаянием, этим смирением, этим взыванием к Богу о помиловании мы отличаемся от демонов, или злых духов, которые, согрешив и согрешая без числа, не допускают и мысли о покаянии по своей гордыне и злобе и не могут говорить «Господи, помилуй». «Не бойся борьбы и не бегай ее: где нет борьбы, там нет и добродетели; где нет искушения верности и любви, там неизвестно: есть ли верность и любовь ко Господу! Вера, упование и любовь наши познаются в противностях, в трудных и тяжких обстоятельствах внешних или внутренних».

Я, — то есть о. Иоанн, — «вражду против Бога», — а таковым является всякий, — «гоню из себя: молюсь, пощусь, каюсь непрестанно, плачу». И приводит в пример даже святых угодников Божиих: «Так святые угодники гнали от себя эту лукавую вражду, посеянную врагом исконным, — всякий грех. И они боролись с грехом! Молитвою, постом, богомыслием, долулеганием, трудном телесным побеждали, благодатию и державою Христовою; и испытывали на себе торжество и духовное наслаждение столь большое, что никакие искушения, никакие телесные страдания и козни невидимых врагов не могли их отлучить от духовных и телесных подвигов». В скобках сказано об о. Серафиме Саровском. И мы должны неослабно бороться с грехом и со всеми плотскими страстями — молитвою, воздержанием, богомыслием, трудами телесными и духовными. И если «некоторые думают, что грех — «ничего»; но он — действительно существующее, величайшее зло духовное, от которого избави Бог всякого человека. Грех неизбежно влечет за собой большее или меньшее мучение даже в здешней жизни. И чтобы избавиться от мучения, причиняемого грехом, нужно принести искреннее, вседушевное покаяние во глубине души, или омыть его слезами чистосердечного раскаяния. Бог велик и неизменно праведен. Рука Его — всегда над нами, ничтожными, но грешными! Боже! «Не хотяй беззакония, Ты еси»! (Пс. 5, 5). Но с другой стороны, не считай никогда грехи неприступной стеной»; никогда не смущайся их множеством и насилием.

Частные меры против греха

Под этим заглавием я напишу о некоторых мерах, которые помогают бороться против греха, как главнейшей «беды» человека — грешника.

а) Прежде всего надо держаться всеми силами крепиться в истине Божией, — то есть против нападений греха и диавола, — «отвергая ложь, мечты и злобу диавольские — в самом начале» их. «Тако да побеждаю в державе кротости Твоея, Господи, врагов невидимых и видимых, во вся дни живота моего, до последнего моего издыхания. Аминь». И приводит он такое сравнение из Ветхого Завета: — «Исав и Иаков-запинатель предоставляют в лицах ту борьбу, которая бывает внутри нас между добром и злом. В нас происходит почти постоянная, домашняя борьба: зло силится всегда перебить дорогу добру — первенствовать, а добро — злу, и также хочет первенствовать. Что же должно быть следствием этой борьбы? Добро должно знать искусство — запинать злу, низлагать его в самом начале. Например, положим, что в тебе восстают помыслы гордости. Не давай им усиливаться; а сейчас же пусть запнет и положит на их месте — смирение. По испорченности природы нашей, зло (Исав) имеет первенство; но по благодати, добро (Иаков) по справедливости должно запнуть его: сыны света должны быть мудрее сынов века сего: добродетель должна быть сильнее зла. И сейчас же! В начале же делай это, а не откладывай; иначе ослабеешь; а враг возьмет верх. Если же грех застарел, то уж трудно будет вырвать его сразу. И нужны будут тучи слез, чтобы отмыть застарелую грязь греха: так она прилипчива и едка!»

б) «Тот грех, на который ты не соизволяешь, не вменяется тебе. Например, невольное преткновение на молитве, помыслы скверные и хульные, непроизвольная злоба, с которой мы усердно боремся, скупость, которой мы отвращаемся. Наше дело — терпеть, молиться, смиряться и любить. Безрассудно колебаться и возмущаться, тем более малодушествовать и унывать духом, когда приходят на молитве или в другое время мысли неверия, сомнения, хулы и другое подобное: это все — прелесть сатанинская».

«Хула на святыню, или помысл плотской нечистоты — есть диавол. Когда этот смрад из адской бездны будет беспокоить и душить тебя, тогда убедись только, только верь сердечно, что это диавольское дело: и от тебя отстанет эта грязь. Господь да прославит и утвердит!» «Дохнул диавол своею хулою в наше сердце, и мы сейчас колеблемся его хулою, смущаемся, унываем. Тогда как надо презирать все его хуления, или не обращать на них внимания как на мечты». «Многие принуждены плакать от его хулений, назойливо лезущих в ум и сердце. Понимающий, в чем дело, дует и плюет на духов лукавых, внушающих ему нелепости; и победит их именем Иисусовым и силою креста». «И святые отцы горько сокрушались и болезновали в своей

жизни и в своих писаниях об испытанных ими в жизни наваждениях, наводнениях всяких скверных, лукавых и хульных помыслов, и о бурях бесовских». А тем более эти наваждения будут на нас, когда мы начнем жить благочестиво. «Эти чада смерти — подданные князя воздушного — в постоянной упорной войне с сынами жизни, то есть верными христианами. Тех, для коих грехи составляют как бы ежедневную потребность, они не беспокоят, потому что они — их собственность, пока они живут беспечно касательно своей души. Но обратись только они к Богу, сознай свои грехи вольные и не вольные, — и война запылает, полчища сатанинские поднимутся и поведут непрерывную брань». Но вот тут-то и не следует обращать на них внимания, а — презирать их хуления, не вменяя их ни во что! «Если же во время или вне молитвы враг запнет душу твою какими-либо хулами и мерзостями, не унывай от них. Но скажи с твердостью в сердце твоем: для очищения от таких-то и подобных им грехов и пришел на землю Господь наш Иисус Христос. И когда скажешь эти слова с верою, сердце твое тотчас успокоится: ибо Господь сердце твое очистит».

Даже без исповеди.

Вот некоторые из «грехов», на которые не следует обращать внимания.

в) Не нужно также смущаться страданиями душевными и болезнями; потому что они содействуют освобождению от грехов: а в последних-то именно и заключается беда. «Скорби делают нас лучшими, укрепляют нашу добродетель, веру в Бога». «Настоящая жизнь есть тесный путь скорбей, лишений, болезней». «Скорби — великий учитель: скорби показывают нам наши слабости, страсти, защищают душу, низводят благодать, утверждают в вере и уповании на добродетель. Когда Господь поразит тебя сильною скорбию, или болезнью, или бедою; тогда будь благонадежен, что Он верно пошлет тебе и отраду (духовную). И соответственно твоим страданиям, подаст тебе потом благодать мира, силы и радости» духовной. «Христианину лучше жить в каких-либо скорбях». «Если плотскому человеку легко, то духовному тяжело. И это мы часто сами испытываем. Потому истинный христианин должен желать злострадания внешних, плотских, мирских: они укрепляют дух его. О ропоте он и думать не должен. Болезни, бедность, несчастия, войны, голод часто — благодеяния душе». Поэтому, «чтобы сердце наше искренне и пламенно обратилось к Богу, для этого нужно растерзать его каким-нибудь горем. Взято из опыта», — говорит о. Иоанн. «Для очищения сердца нужны великие труды и скорби, частые слезы, непрестанная молитва внутренняя, воздержание; потому что они (скорби) врачуют болезнь греха, сжигают терния страстей. «Многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22), — говорит св. апостол Павел. И все святые перенесли великие скорби для стяжания сердечной чистоты; и никто не был увенчан без скорбей».

г) В частности, сюда же относятся и телесные болезни, — как скорби телесные, но действующие и на уменьшение грехов: а это главное.

«Когда какая-либо болезнь тяготит и подавляет энергию твоего духа, говори тогда с благопокорностью Господу: по грехам моим я достоин самых самых тяжких болезней! Буди благословен Промысл Твой обо мне,

Господи, посетивший меня болезнью!» «Как после того, как прорвется болезненный гнойный нарыв на какой-либо части тела, бывает легко всему телу; так и после того, когда пройдет болезненное накопление нечистот сердца, душе бывает также весьма легко. А скопление нечистот душевных, — или грехов, — еще болезненнее скопления нечистот телесных: оно обыкновенно проходит в слезах».

И про себя самого о. Иоанн рассказывает следующее наблюдение. «Замечательно, что многие болезни и болячки ведут к обновлению организма, или некоторых частей или оконечностей его. Болели у меня три перста правой руки: воспалились, сильно гноились, две недели болели. В конце всего вышло совершенное оздоровление внутренностей, прекрасное самочувствие, легкость всего тела. А две недели назад — нервность, раздражение во всем теле, крайняя чувствительность и боль оконечностей рук. Слава Богу, наказующему и милующему, мертвящему — чтобы оживить. Умерла некоторая часть перстов чрез нарывы и гной; а вместо нее — обновленная часть, новая кожица, обновленный перст». «Когда страдает от болезни плоть твоя, помни, что страдает первый враг твоего спасения (грех, диавол), который болезнью обессиливается. И терпи великодушно болезнь свою во имя Господа Иисуса Христа, нас ради претерпевшего крест и смерть. Еще помни, что все наши болезни суть наказание Божие за грехи: они очищают, примиряют нас с Богом и вводят снова в любовь Его. Помни, что в болезни — Господь с тобою: «с ним есмь в скорби» (Пс. 90, 15); что она произошла от мановения Владыки, отечески наказующего нас. Веруя во время благополучное, смотри, не отпадай во время напасти; но как мученик будь постоянен в вере, надежде и любви». И даже «благодари еще за то, что Он тебя, — безрассудно ввергающего себя в болезни, предвестницы смерти телесной, — часто избавляет от них, исправляет твои ошибки (грехи) и не лишает тебя земного живота; зная, что он (живот) дорог для тебя, что ты не готов еще к той вечной жизни. Благодари Его за все средства к жизни, за все радости и скорби жизни; ибо все — от Него, Благого Отца; все — от первой начальной Жизни, всем уделившей и взаимодавшей жизнь «земную».

Так советует о. Иоанн о болезнях. И сам он, — это мы увидим, — относился к болезням своим именно как ко благу, к очищению от грехов; хотя и терпел нелегко свои болезни, особенно перед смертью.

Искусство из искусств

Но хотя избавление от грехов — очень важно, однако, не все занимались этим делом. «Что всего вожделеннее для человека?» — спрашивает о. Иоанн. «Избавление греха, оставление и прощение грехов и стяжание святости.

Почему? Потому что грехи разлучают нас с Богом, Источником Живота, удаляют от общения с людьми и повергают нас в смерть духовную. Даруй убо, Господи, совершенно избежать греха, навыкнути же всякой добродетели, по благодати Твоей. Ей, Владыко, без Тебя не можем творити ничтоже благо, «зли суще» (Мф. 12, 34). Ибо через освобождение от греха мы возвращаемся в подобие и образ Божий: это ясно мы видели, когда вели речь о святости и о грехе. Но в том-то и заключается наша беда, что мы не видим своих грехов. Об этом мы говорили и ранее. Говорим и теперь. Даже священники и «академики» — далеко не все знают это. Вот о. Иоанн и говорит нам, что очень немногие и из пастырей знают это: «От какой глубокой язвы, от какой смертельной раны, от какого убийственного дыхания греха пришел спасти нас Небесный Врач, Господь Иисус Христос. Кто постигнет это вполне? Никто.

Только отчасти, по своему опыту, некоторые из нас (пастырей) видят глубину бездны, в которую ниспали мы чрез грех, — все свое бессилие для добра. Но и это дает нам видеть просвещающая наши омраченные сердца благодать Божия. Естественным разумом человек этого не видит; и потому не может видеть и чувствовать нужды исправления и обновления» образа Божия.

И в Дневнике своем он не раз говорит об этом невежестве. «Многому научены ученики учебных заведений; но не знают часто единого на потребу; Бога и себя самих, своих грехов, своей немощи духовной, своего ничтожества без Бога и пред Богом. Вспомните о молитве св. Ефрема Сирина: «Господи! даруй ми зрети моя прегрешения». Видеть свои грехи в их множестве и во всей их гнусности — действительно дар Божий, подаваемый вследствие усердной молитвы. Сказанное выше должно приложить и ко многим, многим ученым, и к богатым и к бедным: многое они знают, много имеют; но не знают и не имеют нередко существенного. «Утаил еси сия от премудрых и разумных, и отдал еси та младенцем. Ей, Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою» (Мф. 11, 25–26). Дивные дела! — Видно, благодать Божия и блага мира сего не одно и то же!» «Вот и доселе, при всех успехах в науках и искусствах, при всех сокровищах мудрости человеческой, древний и новый человек не может воспитать себя, потому что отверг еще в начале детоводство Божие.

И в нынешнее время и в прошедшее только те успешно совершили свое умственное и нравственное воспитание, которые вверились Богу и жили по Его заповедям; которые ныне живут по Евангелию и учению Церкви, подчиняясь ее руководству. Вот вам полезное замечание, все современные педагоги! Наук-то у нас много, а дела выходит мало: у юношей наших в голове много, а в сердце мало, мало; а часто — увы! — нет ничего! Жизнь не соответствует образованию и науке!» «Наука наук — побеждать грех, в нас живущий, или действующие в нас страсти. Например, великая мудрость — ни на кого ни за что не сердиться; ни о ком не мыслить зла, хотя бы кто и причинил нам зло, а всеми мерами извинять его; мудрость — презирать корысть, сласти, а любить нестяжание и простоту в пище и питье со всегдашнею умеренностью; мудрость — никому не льстить, но

всякому говорить правду безбоязненно; мудрость — не прельщаться красотою лица, но уважать во всяком красивом и некрасивом человеке красоту образа Божия, одинакового у всех; мудрость — любить врагов и не мстить им ни словом, ни мыслию, ни делом; мудрость — не собирать себе богатства, но подавать милостыню бедным, да стяжем себе сокровище неоскудеваемое на небесех. Увы! Мы едва не всякую науку изучили; а науки удаляться от греха вовсе не учим; и оказываемся часто совершенными невеждами в этой нравственной науке. И выходит, что истинно мудрые, истинно ученые были святые, истинные ученики истинного Учителя Иисуса Христа; а мы все, так называемые ученые, невежды. И чем ученейшие, тем горшие невежды; потому что не знаем и не делаем единого на потребу, а работаем самолюбию, славолюбию, сластолюбию и корысти».

Здесь о. Иоанн разумеет не только мирских ученых, но и так называемых «духовных академиков». Правда, он говорит, что школы дали ему много; но не дали главного: веры и духовного опыта в борьбе с грехом.

«Обильно открыл Ты мне, Господи, — такими буквально словами начинает он свой знаменитый дневник «Моя жизнь во Христе», — истину Твою и правду Твою. Через образование меня науками открыл Ты мне все богатство веры, природы и разума человеческого. Уведал я слово Твое; изучил законы ума человеческого и его любомудрие, строение и красоту речи; проник отчасти в тайны природы, в законы ее, в бездны мироздания и законы мирообращения; знаю населенность земного шара; сведал о народах отдельных, о лицах знаменитых, о делах их, прошедших своею чередою в мире; отчасти познал великую науку самопознания (психологию) и приближения к Тебе; словом — многое, многое узнал я так, что «вящшая разума человеческаго показана» ми есть (Сир. 3, 23); и доселе еще много узнаю. Много и книг у меня многоразличного содержания; читаю и перечитываю их. Но все же не насытился; все еще дух мой жаждет знаний; все еще сердце мое не удовлетворяется, не сыто. И от всех познаний, приобретенных умом, не может получить полного блаженства. Когда же оно насытится? Насытится «внегда явити ми ся славе Твоей» (Пс. 16, 15). А до тех пор я не насыщусь. «Пияй от воды сея» (от мирских занятий) — вжаждется паки: а иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущия в живот вечный» (Ин. 4, 13–14). Так начинает о. Иоанн свой дневник. И после говорит откровенно, уже незадолго пред смертью, в день 50-летнего служения во священстве, что он много хорошего получил в школах: «Сколько за все это время получил я милости от Бога естественной и выше естества! Как развился я физически и духовно; как преуспевал в науках и в науке богопознания и самопознания, последовательно в трех духовных школах — низшей, средней и высшей». Говорил он ранее с похвалой об академии, что она много дала ему знаний. И все же школа не дала ему главных знаний, то есть знаний о Боге Господе Иисусе Христе и о грехе. Я уже писал об этом и раньше; но напишу и еще. «Наибольшая часть людей не знает, как должно знать Спасителя. Он не составляет для них необходимой, приятной потребности их сердца, как для малых детей составляют потребность

их родители. Наконец, Всеблагий дал мне познать себя! И Он становится теперь потребностью моего сердца, я не могу жить без Него; я гоняюсь за Ним, как дитя за оставляющею его матерью. Дитяти больно, когда мать намеренно оставляет его за какие-нибудь шалости; и мне больно, когда Спаситель оставляет меня, оскорбленный какой-нибудь нечистотою моего сердца».

Но это знание пришло не из академии, а постепенно: о. Иоанн провел несколько лет в священстве, когда наконец увидел необходимость в Спасителе, как он сам говорил о борьбе с диаволом. Что касается греха, он о нем больше знал по опыту; но и все же не знал вполне и в глубине силу греха и сатаны. И только опыт жизни, а никак не школы, не учености, — как мы только что видели это. Где же он всему этому научился? Откуда же это он взял и записал в свой дневник? На это отвечает нам сам о. Иоанн: «Жизнь — великая опытная наука. Нет ничего труднее, как проходить эту науку, тесный путь и узкие врата! И кто в школе матерней или в училище не навык вере и страху Божию и житию благочестивому, — тому особенно будет тяжело учиться в школе жизни. Тот, — хотя бы он был в школе наук умен, многосведущ, был бы в большом почете за свои способности, — в школе жизни оказывается невеждою». Очевидно, Батюшка говорит это в дневнике из собственного опыта: жизнь дает этот опыт! Она есть самая лучшая школа!

Я от одного архиерея, уже на 52-м году его жизни, бывшего и миссионером, и учеником Батюшки, а после и участником похорон его, слышал следующее же: «Вот мне уже 52-й год; а я только теперь понял: почему для меня нужен Христос!» Поэтому о. Иоанн писал в дневнике: «Будем учиться искусству из искусств — воевать с грехом, с самым лукавым и сильным врагом нашим. Но наперед говорю: никто не надейся на свою силу или разум, чтобы победить этого врага: нет, он сильнее всех нас! На силу Божию будем надеяться, на силу Христа Спасителя Нашего, победившего за нас врага нашего диавола и даровавшего нам имя Свое, крест Свой, благодать и силу Свою для победы над врагом. Он научает руки наши на ополчение и персты наши на брань (см.: Пс. 143, 1). Будем вместе учиться. Тебя борют грехи, страсти различные? И меня борют. Тебя соблазняет враг? И меня также. Ты падаешь? И я падаю. Но я падаю и всегда встаю. Борют и побеждают меня страсти, например: гнев, гордость, зависть, вожделение. Но я немедленно каюсь, молюсь, плачу, напрягаю веру, надежду на Господа; молюсь горячо о помиловании. И побеждаю страсти мои и врагов моих невидимых, борющих меня, и восстаю». «Велика сила греха, сила губительная; но больше — помощь Божия против греха, помощь спасительная; силен враг губитель, но сильнее его Спаситель; заразительна, люта болезнь греха, но сильнейшее дано и врачевство против него — вера во Христа, Его заслуги, Его милосердие, покаяние (наше), самое пречистое Тело и самая пречистая Кровь Господа. Все дано нам для спасения от греха и для преуспеяния в вере и добродетели».

Так Батюшка приводит нас к частому причащению Христовых Таин, о чем мы уже писали и раньше, но не в связи со грехом; а теперь именно

в этой связи поставим вопрос и поймем: почему сам о. Иоанн часто совершал литургию, а потом приглашал и богомольцев часто причащаться Св. Таин Христовых. И это объяснить нам: как он всю жизнь свою превратил во спасение? И в частности, почему именно он старался постоянно служить святую литургию? И как это связано у него было с основным его учением об образе Божием?

Частое причащение грешников

«Возлюбленный брат! Ты говоришь мне, что часто падаешь, несмотря на твои старания жить благочинно и не оскорблять Господа вольными и невольными грехами; и что ты, чувствуя в себе бездну зла, отчаиваешься в своем спасении, в своем помиловании на Страшном Суде Божием. — Но верь, что, как враг противополагает множество соблазнов, искушений и падений твоему спасению; так Господь с Своей стороны, как Отец благосерднейший, Коего Благость бесконечно больше, чем злоба диавола, гораздо больше противопоставил диавольским наветам и твоим падениям множество залогов для твоего помилования на Суде — в обстоятельствах и делах твоей жизни. Только искренно желай и старайся не падать; а когда падаешь, старайся встать. «Еда (ужели — *М. В.*) падаяй не восстанет?» Вот что внушает мне христианская вера и надежда. Для чего мы проливаем слезы на молитве? Для чего мы приступаем к таинству покаяния? И к этой страшной, но и сладкой, покоющей и веселящей чаше жизни? Разве все это напрасные дела? Сверх того, разве изнемогло слово у Истинного и Верного? А кровь Иисуса Христа, Сына Божия, разве не очищает нас от всякого греха, как говорит возлюбленный ученик Его? Ей, — очищает! Свидетели тому — сердца наши. Смотри же: сколько побуждений к надежде на спасение! Никогда не следует отчаиваться, сколько бы ни был велик грех». Вот что, по обычаю своему, говорит о. Иоанн. И между прочим, он указывает грешнику и на сладкую чашу.

В особенности тесно связаны были у о. Иоанна с образом Божиим — Божественная Литургия и частое причащение Святых Таин Тела и Крови Христовых. Да и всякий, знающий о. Иоанна и его жизнь, может спросить: почему же он постоянно служил Божественную Литургию? Почему он и других приучал к частому причащению Св. Таин? Если «образ Божий» есть «основание» всякой молитвы и богослужения, — о чем мы уже говорили; если это учение об «образе Божием» есть фундамент всего богословия и всей жизни о. Иоанна; если эта жизнь его в конце концов свелась для него к ежедневному литургисанию и постоянному причащению, то может ли быть это «основание» не связанным с таким постоянным явлением, как Божественное литургисание, и постоянным причащением? Что-

нибудь одно: либо литургисание было непостоянным; либо учение об образе Божием не было основанием всего учения о. Иоанн? А так как последнее было несомненно, то значит, и связь «образа Божия» с литургисанием несомненна. Нужно только теперь вскрыть эту связь. И это не представляет особенного труда, как мы увидим сейчас, и как это тесно связано было в богословии и в жизни о. Иоанна. Отец Иоанн сразу же усвоил себе, что мы сами ничего не можем без Иисуса Христа, Спасителя Нашего, Искупителя и Господа; а с Ним все можем. Но так как целью пришествия Сына Божия на землю являлось, как мы видели, восстановление того самого истинного образа Божия, который мы потеряли во время падения своего, то общение с Господом Иисуом Христом особенно необходимо теперь для нас. А общение с Ним всего более совершается в таинстве приобщения Тела и Крови Его, по Его же слову: «Ядый Мою Плоть, и пияй Мою Кровь, имать живот вечный»; и еще: такой человек «во Мне пребывает и Аз в нем» (Ин. 6, 54 и 56). Эти слова известны всякому из нас. Но на деле ни миряне, ни священники обычно не исполняют этого прямого повеления Господа Иисуса Христа. Но не так поступал о. Иоанн.

Вот что говорил он в проповеди в Неделю св. праотец, как отказались призванные на брачный пир. «Не замечаете ли, что притча метит прямо на многих из нас, если не на всех нас? Объяснимся. Вот мы стоим теперь в храме; все слушаем обедню. Обедня есть образец будущей вечери; и сама есть великая вечеря; ибо Господь предлагает на ней в пищу и питие нам с вами пречистое, животворящее Тело Свое и пречистую животворящую Кровь Свою под образом хлеба и вина. Один я, — говорит Батюшка, — и то больше по обязанности священнослужения, вечерял с Господом; а все прочее, предстоящие здесь, не приступали к вечери Божией.

Но допустим, что это сделано по сознанию недостоинства. А вот весьма, весьма многие и к обедне не приходят, чтобы хотя взором, слухом и духом участвовать на Божественной вечери. И не приходят весьма часто из-за пустых причин. Царство Божие приблизилось к нам, сошло с высоты небесной, вошло в храмы наши, в самые домы наши. Христос в устах, и в сердце нашем; особенно, когда мы причащаемся Св. Его Таин. И что же? И самая близость Царства Христова не убеждает нас сделать шага два-три, чтобы придти на призыв Церкви к святой литургии. «Что же делать нам в раю, когда мы не находим сладости и утешения быть в храме, слушать слово Божие, участвовать в вечери Агнца? Подумайте: до какой степени отупения дошли мы во грехах своих?» Христос «возобновляет союз с кающимися грешниками неизреченно-любвеобильным образом: подавая нам вкушать плоть и кровь Свою и возглашая с безмерною кротостью и любовью: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое», и «Пийте от нея вси: сия бо есть Кровь Моя, Новаго Завета» (Мф. 26, 26 и 28). Какое снисхождение, какое спасение, какая честь — вкушать самое пречистое Тело Господа Иисуса Христа и пить самую пречистую Кровь Его! Это — честь высочайшая! Это спасение предивное! Ибо всякий раз искренно причащающийся, будучи мертв духом, оживляется, от грехов разрешается, Духом Святым освящается и обожается преславным обожением». «Кто грешит и не кается всем

сердцем, тот — в родстве с диаволом человекоубийцей». «Господь Иисус Христос говорил об иудеях: «Вы отца вашего диавола есте, и похоти отца вашего хощете творити» (Ин. 8, 44). Бог да избавит нас от такого ужасного родства с грехом и виновником его!»

А сам о. Иоанн, начиная почти с первых лет священнослужения и до смерти своей, старался служить Божественную Литургию и желал этого, именно потому, что это — лучший способ обновления нашего грешного естества.

«Господь верно достигает Своей цели обновления нашего растленного грехом естества чрез Свои пречистые животворящие тайны Тела и Крови. Если я достойно причащаюсь, я видимо обновляюсь, оживаю после смерти греховной: в моем уме — необыкновенный свет; в сердце — «мир, радость о Духе Святом»; я познаю опытом благое иго и легкое бремя моего Господа, животворно касающегося умерщвленной души моей. А как боголепно Господь всегда являет Себя в животворящих Тайнах! Чтобы причаститься их достойно, животворно, я всегда должен приближаться к Богу верою, смирением, простосердечием и чистосердечием. Причащаясь Его Таин, я вижу, что Он — всегда один и тот же — Всесвятый и Всеправедный; Его величие в Св. Тайнах всегда одинаково. О, какую сладость, какой мир разливает во мне достойное принятие животворящих Таин. Я молю тогда Бога, чтобы Он сподобил меня пред кончиною моею причаститься их умиленно душою и сокрушенным, детски верующим сердцем; чтобы, «аще и пойду посреде сени смертныя», не бояться мне с моим Господом никакого зла. Опытные в брани воины Христовы не дадут излиться яду сатанинского неверия в сердце свое».

И так действительно и было, как увидим: о. Иоанн до самой своей кончины в восьмидесятилетнем возрасте служил Божественную Литургию; и только за 10 дней до смерти перестал служить ее. Но и в эти дни, до самой смерти, принимал Св. Тайны Тела и Крови, а после — одной уже Крови Христовой.

«Чудно обновляюсь я Божественными Тайнами Тела и Крови Христовых всякий день даже доселе — до 70 года моей жизни. И как бы не стареюсь, сохраняюсь благодатию свежим и бодрым в душе и теле. Благодарю, благодарю, благодарю за сие и за все милости Господа нашего Иисуса Христа. А сколько сил Его, сколько побед совершено Им во внутреннем моем мире — нет числа! Слава, слава, слава Богу в Троице!» «Наглядное доказательство истины слов Спасителя: «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь, во Мне пребывает и Аз в нем» (Ин. 6, 56). Я ежедневно с благоговением совершаю литургию и причащаюсь Св. Таин. И вот плоды этого причащения: очищение, освящение, обновление, победа над страстями, мир душевный, свобода, дерзновение, «радость о Дусе Святе»; молитва о себе и о других, сопровождаемая чудными действиями внутри и во вне и в душах многих: исцеление от просфор и от всего, что я пью и ем, и даю другим приемлющим с верою; животворность благословения, преподаваемого рукою моею, радость общения в молитве и беседах с людьми».

Это все, и без пояснительных слов, говорит о том, что в о. Иоанне «обновился» образ Божий; ибо он не только обновлялся ежедневно сам, но

и обновлял других людей через Тайны. Обновлялась даже вся вселенная через Св. Жертву. «Бездна милости и щедрот открылась и открывается, — в ежедневном приношении на жертвенниках православных христианских храмов всеходатайственной, всеумилостивительной, всеочистительной, всеобновительной, всеобожительной, животворящей, страшной безмерно великой жертвы Тела и Крови Христовой, приносимой по воле Божией и завету Господа Иисуса Христа во спасение всего мира. Все грехи верных, истинно молящихся и причащающихся животворящих Таин, очищаются всякий раз по причащении; все узы душевные разрушаются; скорби истребляются; все прошения, благоприятные Богу, исполняются, — прошения всей Церкви о всех состояниях и сословиях, о пастырях и пасомых. Мир стоит, крепится, не колеблется ради этой жертвы! Грады стоят и не разрушаются, а пребывают в благоденствии и благопоспешении; семейства утверждаются; козни и мечтания еретиков и раскольников бездейственны бывают; общее благочестие утверждается: только бы пастыри искренно совершали это Величайшее Таинство! Слава Господу, давшему нам столь животворящий, державный, святейший, Божественный Дар!» «Светися, светися Новый Иерусалиме», Церковь Божия Православная; «слава бо Господня на тебе возсия: ликуй ныне и веселися Сионе!»

Эти слова читаются, как и на Пасху, всякий раз когда служится литургия, вместе с другими пасхальными песнопениями: «Воскресение Христово видевше» и «О пасха Велия и священнейшая Христе!.. Подавай нам истее (действительнее, сущностнее) Тебе причащатися в невечернем дни царствия Твоего». «Семя Свято — стояние мира. Вот это Святое Семя, которым стоит мир грешный! — думаю я во время литургии, взирая на пречистое Тело и животворящую Кровь Христову. Вот кем и я, грешный, все еще стою и не пал окончательно!»

Но не все таковы, как о. Иоанн. Есть и ослабевшие члены церкви: для них тоже нужны Тайны Христовы, как средства обновления и укрепления.

«Развращение, испорченность стали так велики, что частое причащение животворящих Таин Тела и Крови Христовых — совершенно необходимо для постепенного освобождения человека от внутреннего зла». Даже про себя самого о. Иоанн говорит: «Благодатию пречистых Таин я стою и хожу право и не возвращаюсь ко злу, если буду бодрствовать над собою: так хорошо причащаться! Но не принимая Их значительное время, я становлюсь удобопреклонен ко злу и диавол легко овладевает мною». «Бедствие для души долго не причащаться Св. Таин: душа начинает смердеть страстями, сила которых возрастает по мере того, как долго мы не сообщаемся со своим Жизнодавцем». «Господь ежедневно заповедует причащаться животворящих Таин Своих, взывая всем: «приимите, ядите... пийте от нея вси...» (См.: 1 Кор. 11, 24–25).

Можно ли мирянам ежедневно причащаться? Раз это — прямая заповедь Господня, то нужно бы ее исполнять. «Как же к ней», то есть к литургии, «христиане относятся? Большей частью — с обыкновенной холодностью, невниманием, равнодушием. Причащаются Св. Таин весьма редко, как бы по необходимости и по заведенной привычке, раз в год! Чего

же они лишают себя! Какого Божественного сокровища бесценного, какого бессмертного животворящего дарования Божия! Какой помощи Божией! Вот от чего нет истинной жизни в христианах православных, жизни по Духу Христову. Вот почему умножились пороки и бедствия!» «Без Бога я — ничтожество! Хуже — всякое зло!» Если так, «то я имею сильный повод за всем прибегать с прошением к Богу. Особенно я имею сильный повод благодарить Бога моего за пречистые и животворящие Его Тайны — Тело и Кровь, — они все для меня! Горячо славословлю Бога и Господа Иисуса Христа за неизреченную Его любовь к нам, смертным, в Святых Тайнах явленную». Таким образом, частое причащение, с одной стороны, является результатом высокого духовного состояния, или восстановления образа Божия в нас; а с другой, — средством или путем к этому восстановлению, обновлению для тех, кои ослабевают в духовной жизни своей.

В том и другом случае, Св. Тайны бывают для христианина — необходимыми и тесно связанными с основанием христианского учения об образе Божием. Поэтому и понятно становится, отчего Батюшка жил Св. Тайнами и Божественной Литургией. А бывают и такие люди, в частности — из интеллигентных кругов, которые и совсем не любят причащаться Св. Таин, хотя и именуют себя христианами. «Аще не снесте плоти Сына Человеческого, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе» (Ин. 6, 53). Объясняя это, о. Иоанн рассуждает о таковых: «А многие, многие не вкушают Плоти и Крови по неверию, по нерадению, неправоверию, по угождению миру. Многие писатели, как мне известно, не причащались едва не во всю жизнь Св. Таин и умерли без напутствия в жизнь вечную из-за стыда пред своими собратиями, говоря предлагающим причастие Св. Таин: «А что скажут о мне мои собратия по перу?» «Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и Кровь заветную скверну возмнив» (Евр. 10, 29)? Сколько таких пустозвонов на свете? А сколько роскошных и жестокосердых весельчаков — богачей? Сколько фарисеев и лицемеров? Сколько книжников в христианстве? Сколько священников и первосвященников, не священно и неправо мудрствующих и живущих?» Поэтому, сравнивая часто причащающихся с этими «неправо мудрствующими», а также и с редко-причащающимися, о. Иоанн в конце концов увещевает собратьев: «Не огорчайся на тех, которые желают чаще причащаться Св. Таин Тела и Крови Христовой; но люби их и радуйся за них пред Богом: ибо Господь влечет их сердце, испытавшие сладость общения с Ним в Св. Тайнах. Ведь и ты (священник) сам часто приобщаешься, служа литургию. Не огорчайся и на больных, того же желающих в домах, где лежат они. И не облениись заходить к ним; ибо они жаждут общения с Богом и исцеления от Него. И нет выше и почтеннее служения, как приобщать больных Тела и Крови Христа Бога! Ибо Кого ты носишь? Твое служение — выше ангельского; ибо они со страхом взирают на страшную и спасительную тайну; а ты (пастырь) носишь Самого Христа Бога и преподаешь Его верным». И «если желаешь доказать преданность Господу Иисусу Христу от всей души и от всего сердца, — охотно и смиренно служи больным в их жилищах, принося и преподавая Св. животворящие Тайны. С больными, коих приходится

причащать Св. Таин, обходись с нежностью и кротостью, как кормилица с чадами; памятуя, как возлюбил всех нас Господь, давши нам Себя в пищу и питие вечной жизни».

А если тебя остановит мысль, прибавим мы от себя, что не совершено утрени и даже самой литургии, то знай, что цель и конец всего богослужения есть собственно причащение Св. Таин. Все прочее, — даже сама литургия вплоть до евхаристического канона, — есть только подготовление к пресуществлению хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. А больных мы причащаем лишь так называемыми «Запасными Дарами». И сам о. Иоанн сподобился причаститься Св. Даров за несколько часов до смерти, после литургии, совершенной ранним, или даже ночным, утром. Лишь бы отойти в жизнь вечную — в образе Божием!

Церковь Божия

Но все это совершается в учреждении Божием, которое установил Сам Господь Иисус Христос, и которое называется Церковью: там совершаются тайны все, включая и причастие; там правильно действуют законно поставленные священники, как Божии посредники; там ежедневно совершаются богослужения; там и правильно учат христианству; там истинно воспитывают христиан в духе восстановления образа и подобия Божия, и т. д. Все это совершается постоянно в Церкви Божией. И Батюшка о. Иоанн, зная о таком значении Церкви, много и часто говорит о ней. Что же такое Церковь? Если человек создан «по образу и подобию Нашему», — сказал Бог Отец Сыну и Св. Духу, — следовательно, «человек создан по образу Пресвятыя Троицы» — так и проповедует о. Иоанн. Эту же мысль выражает он и подробнее: «Как Троица — Бог наш, Едино Существо, хотя и Три Лица; так должны быть и мы — едино. Как прост Бог наш, так должны быть и мы просты: так просты, как бы все мы были один человек, один ум, одна воля, одно сердце, одна доброта, словом, одна чистая Любовь; как Бог есть Любовь. «Да будут едино, якоже Мы едино есмы» (Ин. 17, 22). Сама «Св. Церковь внушает нам» это, «когда и на домашней молитве и в церковной влагает в наши уста молитвы от лица всех, а не от одного лица. Внушает нам непрестанную взаимную любовь, чтобы мы всегда и во всем на молитве и в житейском обращении, любили друг друга как себя; чтобы мы, подражая Богу в Трех Лицах, составляющих высочайшее Единство, и сами были едино, из многих составленное». «Да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии (то есть все верующие, Церковь) в Нас едино будут» (Ин. 17, 21). Но поскольку это учение о Пресвятой Троице непостижимо уму нашему; то и о. Иоанн не раскрывает подробно и учения о Церкви Божией, как образе Божием, подобии Пресвятой Троице. «Уче-

ние о Пресвятой Троице так важно, что в вере христианской нет важнее и возвышеннее этого учения. И познание Бога во Святой Троице есть жизнь вечная для разумных тварей. Без исповедания Пресвятой Троицы нет христианства. Без исповедания Пресвятыя Троицы у нас не было бы ни Церкви, воспитывающей нас для неба. Так важно это учение».

«Но оно есть вместе и самое непостижимое. Что же касается того, как в едином Боге — Три Лица, — как Отец есть Бог, и Сын есть Бог, и Святый Дух есть Бог, — то это выше всякого разумения. Троичность Лиц Божества есть величайшая тайна, сокрытая даже от многоочитых херувимов, которые непрестанно проникают в непостижимый свет Божества и оттоле почерпают для себя всякое ведение и блаженство». «Но где тайна, — приводит Батюшка слова св. Златоуста, — там великое молчание; где тайна, там ум призывает к себе веру». «Так, братия, разум наш необходимо должен смириться и умолкнуть пред тайной Триипостасного Божества; и, чувствуя свое бессилие постигнуть ее, — призвать себе на помощь веру». Однако, хотя догмат о Трех Лицах в едином Божестве и непостижим, о. Иоанн верою признавал его. И нам он, этот догмат о подобии Церкви Божией — Пресвятой Троице, известен из канонов. В 34-м апостольском правиле совершенно определенно указывается, что «будет единомыслие, и прославится Бог ...во Святом Духе, Отец и Сын и Св. Дух», — то есть Пресвятая Троица; если епископы будут признавать «первого из них» (митрополита округа, а теперь — Патриарха), а «первый ничего да не творит без рассуждения всех».

Но Батюшка о. Иоанн знал по своему опыту и уму. Да оно и понятно: если сказано, что человек сотворен по «образу Божию», а Бог — Троица, то человек создан по образу Пресвятой Троицы: то есть единство может быть при множестве. Поэтому Церковь есть отображение единства Пресвятыя Троицы. Или иначе: когда мы говорим вообще о Боге, или о Боге Отце, все равно разумеем всю Пресвятую Троицу. Но о. Иоанн определенно говорит, что человек создан по образу Пресвятой Троицы, — как мы видели это. Но если бы он и не говорил этого, мы должны были бы признавать это всякий раз, когда он говорит о Боге; ибо Бог есть Троица. И этот догмат есть корень всего христианства. Вот и о. Иоанн так думает и говорит о Боге. Например. «Все земное — образ и тень небесного. Так, образ богослужения на земле есть образ богослужения небесного. Здешние сладости — слабая тень будущих сладостей неизреченных». В частности, и «создание первых людей не могло быть иначе, как по образу Божию, или по образу Троицы: а иначе какому же другому образу и подобию?» «Все дела Божии в мире носят печать неподражаемой мудрости совершенства, красоты,— особенно венец творения человек», и «первая чета» их, Адам и Ева, потому были совершенны, что образ их была Пресовершенная Троица: совершеннее которой ничего не могло быть в мире! И «каково высочайшему, единственному, неподражаемому Художнику — Богу — видеть Свое лучшее создание, человека, — обезображенным, искаженным, осквернённым, растленным по душе и по телу! Посему человек, созданный по образу Божию и предназначенный к уподоблению Творцу и к вечной блаженной жизни, должен достигать совер-

шенства в разуме и звании, исполняя заповеди Божии; и так как он существо волею падшее, должен непременно каяться в своих грехопадениях и исправляться с Божиею помощью, при своем тщании и усердии, при делании добрых дел. Диавол знает хорошо человека и красоту богообразной души и тела человека, всемерно противится намерению Божию о человеке и его назначению, и старается осквернить, обезобразить, растлить его всякими грехами». Здесь под «Художником» разумеется вообще Бог, или Святая Троица. «Молясь Богу, помните, что Бог есть Три Лица; а как Он есть Лицо, то Он в бесконечности имеет все те совершенства, какие мы можем вообразить в совершеннейшем каком-либо человеке. Человек есть образ Божий и подобие Божие; по совершенному образу можно отчасти судить о Первообразе, каков Он. Все лучшее, привлекающее наши сердечные взоры и сердечное расположение в человеке — от Бога (Отца), от Сына Его и от Духа Его». Так мыслил и о. Иоанн: Церковь — образ Троицы, — с догматической и мистической точки зрения.

Посмотрим теперь с библейской точки зрения, какую обычно приводят большею частью богословы христианские. «Господь сказал о Церкви Своей: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей» (Мф. 16, 18). Это сказано, — говорит о. Иоанн, — как о пастырях Церкви, или иерархии церковной, и о всех истинно верующих; так и о всех таинствах, о всех догматах, заповедях Св. Православной Церкви, и о всех чинопоследованиях таинств, которые установлены на все века и прошли уже многие столетия неизменно. Помни эти слова Господни и ни мало не колеблись, совершая какое-либо таинство. Будь, как адамант — тверд!» Это относится ко всему содержанию христианства. Но не случайно Господь Иисус Христос говорит здесь о том, что Церковь Христову не одолеют врата адовы, то есть диавол со всем его воинством. Ту, первую Церковь, он одолел; ибо Господь изгнал их из рая, и они сделались пленниками ада. А теперь, после Христова дела, они уже не будут подвержены такому действию диавола: «Церковь основана на земле — несокрушимая никакими силами ада; крепость и твердыня, в которой могут быть безопасны от борца (диавола) все истинно верующие и приверженные к этой Церкви!» Теперь, после Христа, даровано лучшее бытие человечеству: прежде оно могло пасть, быть одоленным; а теперь Церковь Христова — неодолима. «Совершишася!» — сказал Он на кресте пред смертию. «Совет превечный совершился. Воля Божия о спасении рода человеческого совершилась. Совет змия человекоубийцы о погублении всего рода человеческого и дела диавола разрушены. Человек спасен! Утрачено блаженное бытие; дано новое, блаженнейшее, лучшее — на небесах, дано пакибытие обожения. Человек, возжелавший вначале быть Богом, не стал таковым; а погубил и то, что имел; Бог (Христос) стал человеком, чтобы Адама соделать богом. О дивные советы и неизреченные дела Божии! Теперь от воли самого человека зависит — или спастись, или погибнуть!» Святые стали неподвижными в добре, — подобно оставшимся ангелам: они уже не могут теперь больше пасть: «врата адова» (диавола) уже не могут «одолеть» их, или Церковь Божию... Только бы оставаться в Церкви Божией! В Ней пребывать!

«В искуплении человека Бог дал искупленному, избранному, подвизавшемуся человечеству **больше, чем в творении**. Мы сделались чадами Божиими, членами Тела Его (Христова) — «от плоти Его и от костей Его» (Еф. 5, 30; см.: Евр. 2, 11) сделались богами по благодати: «Аз рех: бози есте; и сынове Вышнего вси» (Пс. 81, 6; Ин. 10, 34). «О глубина богатства и премудрости и разума Божия!» (Рим. 11, 33). Для того Бог, «по вольном падении человека», «употребил для спасения его чрезвычайное средство — воплощение и вочеловечение Сына Своего Единородного, ...для избавления от проклятия и смерти и даровании снова благословения и жизни вечной, и насадил на земле Церковь Свою — это чудное, святое, Божественное, всеспасительное учреждение». И теперь эта Церковь Христова будет уже не одолена диаволом, как могла быть одоленной при творении. Отец Иоанн уже указал, что святые стали после Христа неподвижными в добре. Об этом он так говорит: «Господь, создавший человека по образу Божию и подобию Божию Своему святым, безгрешным, хотел, чтобы он своим послушанием Творцу и верностию в малом укрепился в добром произволении и достиг совершенства и твердости непоколебимой и стал непреклонным ко греху. Но диавол, возгордившийся против Бога и возмечтавший против Творца своего, сделал участником своей гордости и злобы человеческий род; и старается озлобить его и сделать его скверным в помыслах, чувствах, словах и делах, отторгнуть от Бога навеки». «С того времени человечество впало в плен первого богоотступника — диавола».

Так было до Христа. А после насаждения Им Своей Церкви, человечество в лице святых стало неодолимым диаволом. И потому-то о. Иоанн говорит, что по искуплении состояние человечества стало лучше, чем было при творении. Правда, эта мысль — не его: она встречается у св. Афанасия Великого и у других св. отцов; но взял ли ее Батюшка у них, или она у него у самого явилась, — этого я не знаю. Только отмечаю здесь.

Но не будем вникать в это, а только отметив, перейдем к дальнейшему христологическому объяснению Церкви. На этом особенно часто останавливается о. Иоанн; гораздо чаще, чем в предыдущих пунктах об образе Бога Троицы в Церкви и о значении искупления Христом. Да это и понятнее для человечества: Христос был и есть — «глава Церкви». Это мы знаем и из школьного богословия. Но лучше всего услышать это из его собственных уст.

«Христиане — члены Церкви; а Церковь есть Тело Христово, с Главою Самим Христом и Просветителем Духом Святым. «Христос возлюби Церковь, и Себе предаде за ню:... да представит ю Себе славну Церковь, не имущу скверны или порока, или нечто от таковых, но да будет свята и непорочна» (Еф. 5, 25 и 27). Вы — святое и избранное стадо; вы — члены Св. Соборной и Апостольской Церкви. Что же от нас требуется? Какая святость, правда! Какое внимание себе! Какое духовное созерцание и делание втайне! Какие нравы, добродетели, какая вера, какое упование, какая любовь!»

Необходимо принадлежать к Церкви Христовой, коей Глава есть Христос. «Ты принадлежишь к Церкви Божией, или обществу верующих во

Христа. Эта Церковь есть единое Тело Христа, и Христос Бог есть Глава». «Мы все — одно по единодушию и любви и духовному возрождению; и для всех нас все — Отец Небесный: «Отче наш, Иже на небесех!» Мы одно братство с одним духом; и «аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Его» (Рим. 8, 9). Поймем это. Мы — Церковь Христова, у коей глава Сам Христос, кроткий, смиренный, неистощимый в благах для нас, только бы мы в любви жили. Мы — стадо, Он — Пастырь. Мы — члены, Он — Глава». «Мы — Божьи чада; мы святы во Христе. Вочеловечивыйся нас ради Слове Божий и Боже, сохрани нас во Твоей святыне! Святейшая Глава наша, не предай сердца наши скверному велиару. Даждь нам, Господи, всегда имети с Тобою, Пребожественною Главою нашею, живую связь, яко членам Тела Твоего». «Господь — Глава телу Церкви — есть очищение их (грехов). Все Главе представляй, действующей все во всех».

И таких мест — о главенстве Христа в Церкви — очень много у о. Иоанна. Всякий раз, как он понижается духом, он тотчас же взывает ко Христу, Сыну Божию. «Ты, грешник, ниспавший во глубину зол, когда представишь множество грехов твоих и впадешь в отчаяние и ожесточение, вспомни, что Отец Небесный в мир, для твоего спасения и от вечного осуждения за них, послал Единородного Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа. Притеки с верою к этому Ходатаю Бога и человеков. И будешь ты Отца Небесного сыном, который «был мертв, и ожил; пропадал, и нашелся» (Лк. 15, 24 и 32). Все это — только потому, что Христос есть Глава наш, Глава Церкви: в Нем совершилось спасение наше. «Велико и досточестно тело Церкви святой, коей Глава Сам Иисус Христос. Помни, что ты в этом великом и досточтимом теле — ничтожный, немощный член, и что ты все получаешь от Главы тела Церкви Христа и одушевляешься Духом Его. Помни, что в теле Церкви есть миллионы членов сильных, получивших от Духа Святого великие и многоразличные дарования духовные, каждый по мере своего достоинства и приемлемости. Уважай в каждом христианине члена Христовой Церкви и храм Духа Святого. Не почитай никого по гордости невеждою в истинах веры, лишенных дарования Духа; ибо «вся-ческая и во всех Христос» (Кол. 3, 11): всем внутренно являет Господь Себя, всех просвещает по мере приемлемости каждого, всякому без лицеприятия уделяет дары Свои. Итак, говори в себе: я маленький член в великом досточестном теле Церкви; я должен с любовью и уважением относиться ко всем прочим членам, как к возлюбленным дорогим членам Христа моего».

«Верую во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь». Веруешь ли, что все христиане православные — члены одного и того же тела, и что поэтому мы все должны «блюсти единение духа в союзе мира» (Еф. 4, 3), должны беречь друг друга, заботиться друг о друге, помогать друг другу? Веруешь ли, что святые угодники также члены единого тела Христова, то есть Церкви, и наши братия, ходатайствующие пред Богом о нас на небе? Уважаешь ли всякого христианина, как члена Христова, как брата Его по человечеству? Любишь ли каждого, как самого себя, как свою плоть и кровь? Прощаешь ли великодушно обиды? Помогаешь ли в нужде, если сам име-

ешь достаток? Наставляешь ли невежду? Обращаешь ли грешника от заблуждений пути его? Утешаешь ли печального? Все это внушает тебе, обязывает тебя делать вера в Церковь Святую, Соборную и Апостольскую. И за все это обещана тебе великая награда от Главы Церкви — Господа Иисуса Христа».

Как много у о. Иоанна таких мест о главенстве над Церковью Иисуса Христа! Выписывать все это невозможно было бы. Почему же мы озаглавили этот отдел «христологическим»? «Род человеческий есть единое великое древо Божие, разросшееся по всей земле и ветвями своими покрывающее всю землю. К прежнему гнилому корню — падшему Адаму, Божиею премудростию и благодатию привит новый корень — Господь Иисус Христос, от Которого и ведут свое начало христиане, как отрасль от целого древа. В деревьях жизнь земная, органическая; в роде христианском — жизнь Христова, небесная, духовная. И на душевные способности и силы истинных христиан надобно смотреть, как на силы Самого Христа Иисуса. «Ум Христов имамы», — говорит Апостол об истинных христианах (1 Кор. 2, 16). Равно и на дела добродетели надо смотреть, как на плод благодати Христовой. Не по-христиански живущие христиане составляют сухие ветви на отрасли, идущей от корня — Христа; и «всяку розгу... не творящую плода», Отец Небесный отсечет и бросит в огнь» (Ин. 15, 2 и 6). Язычники — отрасль не возрожденная, не оживленная, идущая от гнилого корня — Адама. Верою и они прививаются к отрасли живой, здоровой, к телу Церкви, этому телу Христову (см.: Рим. 11, 13–24)».

Так Батюшка о. Иоанн, как мы видим, везде видит одно Тело Христово, Одну Главу, одну Церковь. «Идея Тела — Церкви с Главою ее Христом проходит все богослужение нашей Церкви; чрез все таинства нашей Церкви, чрез законодательство, чрез все Соборы вселенские и поместные и их каноны, чрез все управление Церковное». Можно бы привести множество выдержек из о. Иоанна в подтверждение этой идеи. Но мы перейдем к другой мысли и идее: о благодатной силе Церкви.

Благодатная сила Церкви есть сила Духа Святого, Который послан был от Бога Отца, но за заслуги Христа Бога. И хотя о. Иоанн говорит большею частью о Христе Господе, но разумеет, что действует Он чрез Духа Святого или Духом Святым. Это особенно ясно говорит в проповеди на день Пятидесятницы. «Событие это неизмеримо по важности, плодотворности и по спасительности для всей христианской Церкви; это день — день действительного основания христианской Церкви, или христианского общества спасаемых во Христе. В этот день посвящены Духом Святым первые пастыри — апостолы, от коих преемством и мы, наши пастыри, получили благодать священства. В этот день получили действия — спасительные таинства, совершаемые поныне в Церкви через священников. С того времени вошел Дух Святый в мир; иный Утешитель кроме Господа Иисуса Христа, равносильный Ему, равнославный и соприсносущный Ему и Богу Отцу. Иисус Христос, совершив дело спасения человеческого рода, — чрез Свое воплощение и житие на земле, через Свою проповедь, бесчисленные чудеса, благодеяния страждущим, через страдания, смерть и воскресение из мертвых, —

вознесся на небеса к Отцу. И вместо Себя послал от Отца Духа-Бога, да устрояет Он дело спасения человеческого; ибо Три Лица в Боге — единосущных и нераздельных, и каждое равно участвует в спасении человеческого рода. И вот пустыня человеческого рода процвела, — как поет Церковь, — и с этого события Дух Святый оживотворил ее, явил державную, плодотворную и непреоборимую силу в Церкви воинствующей. С этого события Дух Святый через св. апостолов и их святых преемников распространил проповедание Евангелия по всей вселенной. Дух Святый соделал святыми и прославил чудесами и нетлением мощей бесчисленное множество благоугодивших Богу людей и доселе содействует спасению каждого из нас. Братия мои! Без Духа Святого нет истинной жизни в человеке; нет мира в душе; нет света Божия, нет правды, святости, истинной радости и блаженства. Без Духа Божия не может быть в нас и нет истинной веры, упования и любви, святой простоты, чистоты сердца, никакой истинной добродетели, — и нет спасения». Таким образом, Иисус Христос как бы передал Свое дело спасения людей Духу Святому. И эту мысль о. Иоанн высказывает в своем дневнике и проповедях. Иисус Христос и вознесся на небо для того, чтобы ниспослать нам единосущного и единосильного Духа Святого Утешителя». Об этом Сам Господь пред Своими страданиями говорил Своим ученикам так: «Аще бо не иду Аз, — то есть если не вознесусь к Отцу, — Утешитель не приидет к вам: аще ли же иду, послю Его к Вам» (Ин. 16, 7). И вот вскоре после вознесения Господь послал Своим ученикам и апостолам, — составлявшим тогда малое стадо Христово (Церковь), — Духа Божественного, Который исполнил всех их чрезвычайными дарами: святостью, мудростью, даром языков, чистейшей и пламенною любовью, ревностью к славе Божией и о спасении душ человеческих, миром, радостью, дерзновением, бесстрастием ко всем земным превратностям, бесстрастием ко всему земному, любовью к небесному. Итак, приимите Утешителя Духа, да будет Он с вами вовеки, и да «наставит вас на всякую истину» (Ин. 16, 13). Но помните, что Иисус Христос, вознесшийся на небо и ниспославый Утешителя Духа, и Сам никогда с нами по Божеству не разлучается, но пребывает неотступно, вопия любящим Его: Я с вами и никто против вас (кондак Вознесения). Так Утешитель Дух Святой пришел на землю только потому, что пришел и вознесся от земли на небо ко Отцу Христос Спаситель. «Потерянное блаженство и возвратил нам Сын Божий Иисус Христос. Во все продолжение нашей земной жизни Бог (Отец), ради Сына Своего, нас ради вочеловечившегося и принявшего на Себя все грехи мира, печется о нашем спасении, ведет к нему как бы за руку Духом Своим Святым, Который есть залог наследия будущих благ». Поэтому благодать, или сила, дается Духом Святым, но лишь ради Христова Креста. «Что такое благодать? Благая сила Божия, даруемая человеку верующему и крестившемуся во имя Иисуса Христа или — Святую Троицу, очищающая, освящающая, просвещающая, вспомоществующая в делании добра и удалении от зла. Неверующим ли кто был, но сделался верующим и усердным исполнителем предписаний веры, — он стал таким силою благодати. Был ли кто ненавистником и злопамятным, мстительным, но сделался вдруг человеколюбивым,... он стал

таким по возрождающей, претворяющей и обновляющей силе благодати. Холоден ли кто был к Богу, к храму, к богослужению, к молитве, вообще — к таинствам веры, но впоследствии стал истинным христианином — он стал таким по действию спасающей благодати Божией», то есть силою Духа Святого. Вообще, все доброе — делается Духом Святым.

Но ниспослание Духа совершилось только крестом Христовым, только искуплением, — о чем мы будем говорить ниже. Только будем вспоминать, что «Христос есть Искупитель, и Дух Святой есть Утешитель», что Дух Святой пришел только ради Сына. Таким образом, по существу нет разницы между Христом и Духом. Поэтому о. Иоанн говорит о Них одно и то же.

«Благодарю матерь Церковь, что она указала мне в ектениях — о чем молиться; ибо «о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы, но Сам Дух ходатайствует о нас» в ектениях — «воздыхании неизглаголанными» (Рим. 8, 26. См.: четвертую молитву на вечерне). Слава благодати Святого Утешителя Духа! Верую, что Он, по обетованию Спасителя, пребывает с нами ввек и наставляет нас «на всяку истину» (Ин. 16, 13) и не допускает до заблуждения ищущих усердно и смиренно истины Божией. Почему мы начинаем свои молитвы молитвою Царю Небесному, Духу Истины? Потому, что Он —Учитель молитвы и Податель молитвы. Благодарим Тебя, Господи Иисусе, яко Тебе ради и Дух Святый в мир вниде». Поэтому: Христос, Дух Святый, Благодать, Церковь — у о. Иоанна нередко употребляется одно вместо другого. Но действует в мире ныне Дух Святой «чрез» заслуги Иисуса Христа пред Отцом Небесным, — о чем будем мы говорить ниже. Что это действительно так, мы сейчас увидим из проповедей самого о. Иоанна. «Какое слово прежде всего могло быть обращено к безмерно удалившимся от Бога и жизни Его, правды Его, как не радостная весть о приближении к ним Царствия Божия? Ибо что такое Царствие Божие? — Это то же, что Царство Христово, или Сам Христос пришедший во плоти; Царство правды и святости, мира и радости в Духе Святом (см.: Рим. 14, 17), прощение грехов, сыноположение и усыновление Богу нас грешных — чрез веру и крещение и прочие таинства». «Царство Небесное, или благодать Христа Спасителя нашего, повсюду тайно и явно следует за нами и готово вселиться в нас, в наше сердце, — если найдет на нас самих расположение и готовность к Нему», то есть к благодати Духа Святого. «Благодать везде, во всякое время ищет спасения грешника, ибо «дорогою ценою» куплено спасение наше (1 Кор. 6, 20; 7, 23). Господь наш Иисус Христос чрез Свое воплощение, чрез Свое житие на земле, чрез Свое учение, чудеса, страдания, смерть, воскресение и вознесение на небо, излиял на землю, — или лучше на Церковь, — всю бездну Своей благодати. Приходи всякий и черпай воду спасения, сколько хочешь.

И вот ты — в Царствии Божием; и в тебе — Царствие Божие. «Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века», — говорит Господь (Мф. 28, 20).

Так благодать, Дух Святой, Христос, Церковь тесно связаны, — хотя и не тождественны. И практически употребляются о. Иоанном одно вместо другого; но чаще всего употребляется Христос и имя Его, — так как «чрез»

Него — пришел и Дух Святой и благодать, и таинства Церкви, и учения, и каноны, и богослужения: вся благодать — чрез Христа Сына Божия.

В частности, всякая благодать подается чрез Церковь Христову. Мы не раз уже словами о. Иоанна упоминали, что нравственное учение дается через Христову истину. И хотя это уже несомненно и ясно, но хочется еще привести подлинные слова его: лучше его не скажешь! «Ты говоришь: что мне делать с моим сердцем? Противоречит оно всему истинному и святому; расслабляется неверием там, где нужна крепкая вера; изменяет там, где нужна вера до смерти; не трепещет и даже готово смеяться там, где должно страшиться. Что делать, что делать мне, — говоришь, — с моим сердцем?» И о. Иоанн отвечает: «Признай твердо, однажды навсегда, за неотменную истину, что сердце твое ложь и столп лжи: «всяк человек ложь» (Пс. 115, 2); а все, что есть в Церкви, начиная со слова Божия до самой кроткой молитвы, есть истина; что Церковь Божия «есть столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15); как основанная на краеугольном камне — Христе, Который есть Истина, и одушевляемая, и руководимая ввек Духом Святым, Который есть Дух истины». «Церковь — надежная дорога к вечному животу: иди по ней неуклонно, держись ее и дойдешь до Небесного Царствия. Если уклонишься на распутия своемудрия и неверия, пеняй тогда сам на себя: ты и заблудишься и погибнешь». «Аз есмь путь и истина и живот» (Ин. 14, 6). «Когда же приразится сомнение в каком-либо слове или изречении церковном, в действии, во образе, скажи ему опять: «Егда же приидет Он, Дух истины, наставит вы» (то есть Церковь, апостолами насажденную и распространенную, особенно — пастырей и учителей) на всяку истину» (Ин. 16, 13). В церковных книгах, в изречениях святых отцов и учителей истины, везде дышет Дух Христов, Дух истины, любви и спасения». «Аз есмь лоза, — говорит Господь, — вы же рождие» (Ин. 15, 5), то есть Церковь единая, Святая, Соборная и Апостольская. Потому-то, как Свят Господь, так свята и Церковь; как Господь есть «путь и истины и живот», так и Церковь; потому что Церковь одно и то же с Господом, есть тело «Его от плоти и от костей Его» (Еф. 5, 30); или — рождие Его, внедренное от Него — лозу живую, и питающуюся от Него и возрастающую в Нем.

Церковь никогда не представляй отдельно от Господа Иисуса Христа, от Отца и Святого Духа». Вследствие этого единения Церкви и Господа «каждое слово Божественной Литургии, утрени и вечерни, каждое слово священно-таинственных молитв и молитвословий имеет в себе соответствующую и в нем заключающуюся силу, — подобно знамению Честного и Животворящего Креста. Такая благодать присуща каждому церковному слову ради обитающего в Церкви ипостасного, вочеловечившегося Божия Слова, Которое есть Глава Церкви».

Поэтому, если сказала что-либо когда-нибудь Церковь, то нечего уж больше сомневаться! Нечего и спрашивать больше! Церковь — то же, что Сам Христос! Если сказала Церковь, это сказал Сам Дух истины», Дух Святой. Так все объяснится так просто: спроси лишь себя самого, или других: как учила об этом или другом пункте Церковь? — И успокойся, получив ответ или зная его сам. Это относится ко всем: к истине

Божественного Писания, к истине вообще, к богослужению, к таинствам и т. п. Всему учит Церковь. Вот что пишет о ней о. Иоанн. «Святая Церковь —величайшее, святейшее, благостнейшее, премудрое, необходимое учреждение Божие на земле: это — истинная скиния Божия, «юже водрузи Господь, а не человек. Церковь — богоучрежденный союз людей, соединенных между собою верою, учением, священноначалием и таинствами. Это —духовное ополчение Христово, вооруженное духовным всеоружием против вооруженного бесчисленного полчища диавольского (см.: Еф. 6, 11–12). Это —духовная Врачебница, где немощствующее язвою греха человечество врачуется благодатными врачеваниями, данными от Бога — покаянием и причащением Христовых Таин Тела и Крови Христовых и словом Божиим, наставлениями и советами и утешениями пастырей словесного стада Христова. Это — общая купель очищения, возрождения и освящения, в котором все освящаются Духом Святым чрез крещение, миропомазание и прочие тайнодействия и богослужение. Это — духовное солнце в мире, просвещающее и оживотворяющее всех, во тьме и тени смертной сидящих и умерщвленных грехами». Вот что такое Церковь! «Церковь едина; Глава ее едина; стадо едино; тело едино со многими членами. Без Главы Христа Церковь не Церковь, а сборище самочинное». «По сошествии Святого Духа на апостолов, часто вспоминается о всепромыслительном действии Духа Святого в Церкви, о Его вседержавном руководительстве апостолами, их спасительною проповедию и действиями в Церкви. Этот и есть «Иной Утешитель» всеблагий и всеистинный, Которого обещал послать апостолам Господь Иисус Христос». «Церковь есть первая и самая законная воспитательница христианских душ. Нет важнее дела, как дело воспитания христианского. Посудите и поймите это сами, как дороги для Бога эти разумные души бессмертные, искупленные Кровию Самого Сына Божия. В Церкви Своей Господь обращается с нами, как Творец, искусный Художник и Всесоздатель, как Отец, мудрый Врач и Спаситель, Промыслитель, Начальник жизни, Питатель и Законодатель, Вождь Своего духовного воинства, Единоборец, Победитель». «Человек же (всякий) в Его руках — разумное по образу Его создание, предназначенное к бессмертию, но падшее»; но «восстановленное от падения, избавленное от проклятия и почтенное снова благословением Отца Небесного по ходатайству и заслугам Сына, руководимое видимыми пастырями, имеющими духовное полномочие от Самого всемогущего Главы Церкви, Господа Иисуса Христа». «Вы спрашиваете: для чего в Церкви такие и такие таинства? Для чего священство и пастырство? Для чего храмы? Для чего богослужения? Для чего непрестанная проповедь слова Божия? Для чего покаяние? Для чего причащение Св. Таин? Все это необходимо для воссоздания погибающего человека». «Христос пришел обновить растлевшее грехом естество человеческое и вверил это величайшее дело Своей благости, милости, правды и премудрости — Своей Святой Церкви. Дух Святой, вошедший в мир и действующий в Церкви чрез священнослужителей, богослужение, проповедь, таинства, совершает это обновление непрестанно. Только в Церкви заключается эта обновительная сила; вне Церкви

ее нет и быть не может». Вот как строго говорит о. Иоанн! И наоборот: «Кто хочет быть в святом союзе с Богом, будь в союзе с Церковью учащею, священнодействующею к святости и правде, и Царствию Божию — и спасешься!» И подобных мест у Батюшки множество: все — Церковь и церковное учение! Но Церковь разумеется Православная. И он многократно говорит об этом. Приведу выдержки из него. «Бог связал с Собою верующих православно, единым Духом Святым и единою Церковью, единою верою, единством закона, таинств, иерархии для общего блага человеческих тварей. Надо держаться этой связи чрез святость жизни и повиновение друг другу». И сам он держался Православия и повиновения Православной Церкви. «О чудное, животворное, Божественное Православие! Я вижу светлый твой образ!» И действительно, он видел его. Во-первых, видел в том, что в Православной Церкви — несомненное спасение. «Великое дело, что Господь удостоил нас принадлежать к Церкви (Православной) Его, в которой заключается верное спасение: в ее таинствах, молитвах, предстательстве Божией Матери, святых ангелов и собора святых». Во-вторых, видел он прекрасное богослужение, какого нет нигде в мире, кроме Православной Церкви. «Благо, великое благо и счастье ходить часто на славословие в храм Божий. И как хороша служба в Церкви Православной. Нигде в мире, ни в какой другой вере или вероисповедании нет такой чудной, небесной, усладительной службы». «Служба Православной Церкви есть торжественный, многообразный гимн Господу Богу Спасителю, Победителю. Всякое богослужение есть торжество благодати в святых Божиих над грехом, смертью и над виновником греха и смерти — диаволом, торжество обожения человеков чрез воплотившегося Сына Божия, чрез таинства, дарованные Им Своей Церкви Православной; есть бесценное сокровище благочестивых душ православных; есть небесное на земли житие, сообщество с Богом, с Богоматерью, со всеми ангелами небесными, со всеми святыми, от века Богу угодившими. Как после этого для христианина вожделен должен быть храм! Как должно быть вожделенно богослужение от сопребывания с Богом, Источником жизни и бессмертия. И во всеми друзьями Божиими! Какое в нем благоухание святыни (кадило, св. миро)! Какой свет (лампады, свечи)! Какие ангельские гласы (поющие)!

Иногда о. Иоанн к этому торжеству Церкви добавляет торжество облачения, красоту икон и проч. Но основное в богослужении есть гимн, хвала, благодарение, славословие, торжество! И особенно — в литургии! И действительно даже количественно нет нигде такой чудной службы: восемь гласов в октоихе, двенадцать миней в течение года, триоди — постная и цветная, служебники для священнослужителей, Требник, Псалтирь, Часослов и т. д. Все это в полном распоряжении Церкви Православной.

В-третьих, — «сколько подвижников, столпов веры было между членами Св. Церкви Православной во все века! Как достойно, чудно прославил их Господь за то, что они потщались прославить Его словом и делом, и всею жизнию, возлюбив Его и заповеди Его спасительные всем сердцем, всем помышлением, всею силою, до конца жития своего. Каждый день

посвящен Церковью воспоминанию и прославлению доблестных подвижников веры, увенчания от Господа на пространство всех веков честию и славою, и прославленных бесчисленными, благотворными чудесами! Не скуден светлый церковный мир своими подвижниками! Есть кем похвалиться Св. нашей Церкви! Не суетна, не тщетна, не оглагольна, не порицательна, непорочна, свята, и спасительна вера наша и Церковь Православная! И не могут зазрить ее никакие еретики и сектанты, если могут и захотят быть справедливыми к Ней!

В-четвертых, — Православная Церковь поддерживает единство в мире.

«В природе существует закон притяжения тел малых великими. В духовном мире также существует закон взаимного притяжения и единства. Мир един — Бог един, вера едина, и Церковь Божия едина; ибо Глава Ее Христос Бог и Кормчий, одушевляющий — Дух Божий, Который и всю вселенную наполняет и оживляет». Такою объединительною Церковью о. Иоанн считает Церковь Православную, а все другие веры — разделяющими это единство. Это мы увидим и дальше, но кратко укажем и сейчас. Диавол разделяет, а Бог объединяет. «Разделение церквей — дело диавола; ереси, расколы — дело диавола». Враг «вооружает людей и народы друг против друга; между тем как Бог и Святая Апостольская Церковь», — а такой о. Иоанн считает только Православную Церковь, — старается соединить их во единое, духовно-таинственное тело под единым Главою Христом, одушевляемое одним Духом Святым».

Сам о. Иоанн про себя пишет следующее. «По прочтении тайном Символа веры я прибавляю от себя следующую молитву: утверди в вере сей, соедини в вере сей все христианские великие общества, бедственно отпавшие от единства Святой Православной Кафолической и Апостольской Церкви»; «даруй им сердцем уразуметь истину и спасительность Церкви Твоея и нелестно ей соединиться; совокупи Святой Церкви и недугующих невежеством, заблуждением и упорством раскола, сломив силою благодати Духа Твоего упорство их и противление истине Твоей». И в дневнике своем он пишет то же самое.

Диавол «ухитрился чрез лукавых и гордых людей извратить Богооткровенную веру Христову, породив многие ереси и расколы, разделив христиан на многие несогласные лагери, ненавидящие истинную в мире веру христианскую, православную; да и между самими православными произвел и производит маловерие, безверие, расколы и нелепые учения, в роде толстовщины, пашковщины (баптизма), штунды, или — холодность к вере и Церкви». И «православный христианин должен всегда помнить безмерную благость к себе в том, что он имеет счастие быть членом Церкви Божией истинной, правомудрствующей и спасающей; и иметь своим Главою Самого Господа нашего Иисуса Христа, а Владычицей Саму Матерь Божию, и своими сочленами всех Святых!»

Но главное единство Православной Церкви заключается не только в том, чтобы объединять людей на земле, сколько объединять Церковь на небе и на земле. Это в сущности одна Церковь, а не две. Эту мысль о единстве двух половин Церкви о. Иоанн высказывает не один раз. «Верь,

что: и в Церкви Божией, в этом великом дому Божием, разделяющемуся на две половины — небесную и земную, духовно придет к тебе на помощь какое угодно призываемое тобою лицо Церкви Небесной. Святые Божии также тебя слышат, как слышат, например, тебя в Церкви все собрание, когда ты молишься или говоришь слово; ибо они — в Духе Святом, а Дух — везде и все наполняет». «Церковь Небесная, — то есть все святые Божии, ангелы и человеки с Богоматерью Девою, и Церковь земная, то есть все христиане православные, составляют одно тело, одно Царство Христово, с Главою и Царем всемогущим Христом. Между Церковью земною и Церковью Небесною находится тесная связь, ближайшее всегдашнее и скорое сообщение. Св. апостол Павел пишет к ефесским христианам: «Вы уже не чужие и не пришельцы, (то есть в Церкви Божией), но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея самого Иисуса Христа краеугольным камнем» (Еф. 2, 19–20). Из приведенных сейчас слов св. апостола Павла видите, братия, в каком тесном союзе находятся православные христиане, живущие на земле, подвизающиеся во спасение свое, — со всеми святыми на небесах! Мы составляем с ними одну Церковь, один Собор. Это общение христиан, живущих на земле, — с Церковью Небесною, то есть с Богоматерью, с ангелами и святыми, выражается ежедневно в молитвах к ним и прославлением их. Обратите ваше внимание, боголюбцы, на ежедневную, внутреннюю жизнь Церкви, на ежедневное богослужение вечернее, утреннее и литургию: из чего оно состоит в изменяющихся и неизменяемых частях своих? Что оно — в существе своем? Оно есть постоянное, непрекращающееся ни на один день молитвословие, хвалебное и благодарственное общение с Церковью Небесною. Всякий день мы в молитвенном общении с Господом, Главою Церкви, с Богоматерью и со всеми святыми. Самому Господу угодно было составить одну Церковь, одно и тело из небожителей и земнородных живущих во Христе. Можно сказать не обинуясь, что если мы благочестно и усердно молимся и благочестно живем, то с нами всегда и везде, особенно в храме... и Сам Господь, и Матерь Божия, и св. ангелы, и св. угодники Господни, — словом, вся Церковь Небесная».

Выпишу и еще: и себе на радость, и другим на пользу. Церковь небесная и земная: «Вся во всех», — в св. ангелах, в св. человеках и в живущих или ревнующих жить свято на земле христианах, — Христос (1 Кор. 12, 6). «Того даде главу выше всех Церкви, яже есть тело Его» (Еф. 1, 22–23). Итак, Церковь (Небесная) — святые Божии: Матерь Божия, ангелы, святители, мученики, преподобные, праведные и все святые — тело Спасителя, а Он Сам — Глава их. Так они чисты, святы, и такое отношение они имеют к Нему, такую связь имеют они с Ним, как члены тела — с головою; и один Дух в них, Дух Божий, как душа в едином теле, и один Бог и Отец в них. И мы члены земной Церкви — едино тело». «Какая тесная связь Церкви Небесной и земной! Какая любовь у Церкви! Смотрите: она непрестанно вспоминает, призывает в молитвах и прославляет за подвиги на земле, ради Бога подъятые — Церковь Небесную. Молится непрестанно за Церковь земную и ходатайствует за умерших в надежде воскресения, жизни

вечныя и общения с Богом и святыми. Необъятная любовь, величественная, Божественная любовь! Будем входить в дух этой любви матерней — Церкви нашей Православной, и будем проникаться духом этой любви. Будем считать всех ближних членами своими: себя и их — членами одного тела Церкви, и деятельно любить их, как себя, — тогда мы сами будем живыми членами Церкви небесной; и она будет деятельною и скоропослушною нашею помощницею и молитвенницею о душах наших».

«Молясь Богородице, ангелам и святым, мы признаем их за одно таинственное тело Церкви, к коему принадлежим и мы. Хотя мы и грешны, но веруем, что они по любви своей молятся о нашем спасении. Молясь об упокоении усопших — небесных, земных и преисподних, — мы считаем и их за одно тело с нами, духовное тело. Вот плоды веры Христовой — единение любви со всеми — с небесными, земными и преисподними. Как высок дух Церкви! О если бы мы возвысились до этого духа! Горе удаляющимся от Церкви: их совсем обучает дух мира, дух злобы». Эта же мысль о единстве Церкви Небесной и земной высказывается даже и на проскомидии. Мы, обычные священнослужители, смотрим на нее, как на простое приготовление. Так и переводится греческое слово «проскомизо» — приношу, проскомидия — приношение, — в древности и даже у греков доселе: обычно миряне приносили хлеб и вино в Церковь по желанию. Но о. Иоанн смотрит и тут, как на символ общения земного с небесным. «На проскомидии образно представляется собрание около Агнца, вземлющего грехи мира, вся Церковь — Небесная и земная, — Церковь первородных, на небесах написанных, и Церковь воинствующая с врагами спасения на земле. Зрелище величественное! Восхищающее и умиляющее душу! Как! И я в этом обществе святых?! И я — искупленник Агнца Божия?! И я — сонаследник святых, если пребуду верен до смерти Агнцу?! Как? и все ближние мои суть члены небесного, святого общества и сонаследники будущего царствия?! О, как должно распространиться сердце мое, чтобы вместить в себя всех, всех любить, о всех радеть, о спасении всех пещись, как о своем собственном! Се — мудрость и премудрость!.. «Мы дети Божии... и наследники Божии, сонаследники же Христу» (Рим. 8, 16–17). А уж про литургию и говорить нечего: «В Церкви я поистине как на земном небе: тут вижу лики Господа, Пречистой Богородицы, св. ангелов. Тут престол Божий; тут крест животворящий; тут Евангелие вечное, этот глагол Божий, Коим все сотворено; тут лики святых; я чувствую себя в явном присутствии Божием, Его Матери, небесных сил и всех святых. Это истинное небо земное: тут сознаешь и чувствуешь себя действительным членом тела Христова и Церкви Его, особенно во время Пренебесной Литургии и причащения Святых Таин Тела и Крови Христовой!.. Хочу жить достойно звания христианского; но сил к тому в себе не нахожу: грех непрестанно льстит и борет душу мою».

Даже, где соберется двое или трое верующих, и там Господь посреди них (см.: Мф. 18, 20). «Отчего преимущественно двум или трем обещается соприсутствие Божие? Оттого, — отвечает он сам, — что там, где двое или трое собрались во имя Христово, — есть Церковь, единение веры и любви; там взаимная любовь» (см.: Ин. 13, 35). Так Церковь есть необходимое

учреждение Православия. И не случайно о. Иоанн так часто говорит о Церкви Божией. Приведем в заключение слова его о Церкви вообще.

«Ваша душа ищет истинной жизни, сродной пищи: пищи уму — истины, сердцу — покоя и блаженства, воле — нормального направления, или законности? Ходите в Церковь: она все это доставит вам с избытком. Она всем этим обладает преизобильно. Она — «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15); потому что в ней Слово Божие, показующее начало всех вещей, начало человеческого рода, сотворение человека по образу и подобию Божию, падение его, восстановление его чрез Спасителя человеков, средство ко спасению — веру, надежду и любовь. Она (Церковь) доставляет нам покой и блаженство чрез свое богослужение, и особенно чрез таинства. Она взывает: «Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28).

Она научает нас истинному пути, которому должна неуклонно следовать наша воля и который приведет нас к вечной жизни: это путь заповедей Божиих». «Кто удаляется от Церкви, тот удаляется от света, тот удаляется от Бога, и впадает в непроглядную тьму страстей человеческих. Но все «удаляющии себе от Тебе, погибнут» (Пс. 72, 27), — говорит пророк. Церковь есть училище веры и благочестия, и богатая сокровищница благодати и всех таинств; она и дом пищи духовной, которая есть животворящее Тело и Кровь Христова; и Слово Божие с молитвою и врачебница душ и телес наших. Она — лучшая учительница покаяния, исправления и совершенства христианского. Она лучшая учительница молитвы. Как должно все это спасительно действовать на внимательного юношу или девицу, — и какой прекрасный человек образовался бы из них впоследствии! Так — потому, что Церковь учительница всех добродетелей, уподобляющих человека Богу», по образу и подобию Которого человек создан, а Церковь в этом его восстанавливает. Поэтому остается каждому из православных верующих, вместе с о. Иоанном, благодарить Бога за Церковь. «Благодарю всесвятую, всеблагую и премудрую матерь мою — Церковь Божию, спасительно руководствующую меня в сем временном житии и воспитывающую меня для гражданства небесного. Благодарю ее за все чины молитв, богослужения, таинств и обрядов; благодарю ее за посты, <...> благодарю Церковь Божию, восхищающую меня небесным богослужением своим, делающую жизнь мою блаженною».

ВНЕЦЕРКОВНОЕ ОБЩЕСТВО

«Некоторые из «прогрессивных» почитают Церковь врагом для себя. Но если кто любвеобильнее, благожелательнее и мудрее в своей любви относительно людей — после Бога, — то это Церковь: все, что есть сообразнейшего с нашею природою и благопотребнейшего для нее — все это зак-

лючается в Церкви, как в сокровищнице, подобно тому как в Евангелии заключены глаголы Живота.

Церковь есть истинная мать всего человечества, право верующего во Христа, самый верный друг христиан. Она сочувствует и отвечает всем существенным потребностям души и тела христианина деятельным пособием, или подаянием помощи силою Господа Иисуса Христа и Духа Святого, Которым «всяка душа живится». «Вера и Церковь, богослужение, таинства, обряды — все это, — говорят вольнодумцы и безбожники, — придумано людьми для того, чтобы держать народ в страхе, подчинении, и поддерживать добрую нравственность; да, пожалуй, чтобы и доходы собирать с него. Вот как милосердие Божие и чудное Его домостроительство нашего спасения, самое воплощение, страдания и смерть ради нас Сына Божия хулится невеждами и вольнодумцами, потерявшими страх Божий. Зато посмотрите на их жизнь: как они живут и долго ли живут? Потеряв силы и здоровье в разврате и пьянстве, они преждевременно дряхлеют, тупеют, болеют и умирают». «Ныне ученые люди поставили и ставят огромного идола и велят всем поклоняться ему, да и сами поклоняются ему. Это идол — отрицательная литература: нечистый дух, нас движающий, — гордый, богопротивный, неверующий разум. Диавол хитер, о, как хитер! Он и в христианстве изобрел тонкое идолопоклонство, сообразно с духом века и со степенью его умственного развития. Уж какой злой хитрец! Как он ворочает бедным человечеством, удалившимся от сердечной веры во Христа! Как он сильно влечет людей в ад, оплетенных и постоянно оплетаемых вервием от самих же людей. Нашим же разумом, который должен был нас вести к Животу вечному Богу, он губит нас!»

Но дело — не в разуме лишь, а в диаволе, виновнике направления этого разума против Бога. Так было до Христа; так было и после явления Его во плоти. «Только в общении с Церковью и ее священноначалием и в ее таинствах и богослужении — спасение наше; а без Церкви и вне Церкви нет спасения. Аще кто «Церковь преслушает, — говорит Сам Господь, — тот да будет «как язычник и мытарь» (Мф. 18, 17), отверженный от Бога и Его царствия человек. Все отделившиеся, отпавшие от Церкви — раскольники старые и новые со всеми их сектами, равно все нераскаянные грешники суть дикие растения, солома, и определены к сожжению в огне вечном, — если не обратятся к Церкви истинно». И эта борьба началась еще раньше, с Самого Христа Господа. «Блаженни изгнани правды ради» (Мф. 5, 10). Под «правдою» здесь вообще разумеется вера христианская и жизнь по заповедям Христовым». За что же мир гонит Церковь с самого начала ее бытия? Еще в Ветхом Завете, — а после — и в Новом? Обычно педагоги и книги о гонении на Церковь объясняют нас все это — естественным путем: различием вер, умственным развитием, политикой и т. п. И никогда, включая до славного профессора Болотова, никто нам не говорил, ни в семинарии, ни в академии, — о диаволе, как источнике гонений на христиан в течение первых 300 лет. Положительно я не помню этого! И только Сам Господь и Его апостолы стали говорить в Посланиях. А среди педагогов стал выделяться о. Иоанн — больше всех! Но лучше приведем

его собственные слова. «Отчего мир гонит истинную веру, благочестие, правду, которые столь благотворны для людей, внося в разрозненные общества человеческие — единство, взаимную любовь, добрые нравы, мир, тишину, порядок?»

И сам отвечает словами апостола любви Иоанна Богослова: оттого, что «и мир весь во зле лежит» (1 Ин. 5, 19); люди возлюбили «злобу паче благостыни» (Пс. 51, 5). А это отчего? Оттого, — отвечает Батюшка, — что «князь мира сего» (Ин. 12, 31; 16, 11), диавол, действующий «в сынах противления» (Еф. 2, 2), ненавидит правду адскою ненавистью, и гонит ее; так как она (правда) служит обличением неправде, колет ей глаза, стесняет ее».

Далее о. Иоанн приводит примеру «злых и развратных» людей Ветхого Завета: Каина, зверонравного Исава, неправедных детей патриарха Иакова, нечестивого Саула, и наконец иудеев, убивших Самого Господа нашего Иисуса Христа. Апостол Павел, перечисляя разные виды гонений за правду в Ветхом Завете, и отчасти — в Новом, говорит в Послании к Евреям так: «Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущелиям земли» (Евр. 11, 35–38).

А после Христа начались новые гонения на христиан. «По воскресении и вознесении Его на небо вера Христова встретила ужасные гонения в мире от иудеев и идолопоклонников: христиане были забиваемы в колоды и бросаемы в темницы, распинаемы на крестах, отдаваемы на растерзание зверям; их посекали, топили в реках, терзали железными когтями, колесовали; отсекали у них руки или постепенно все члены тела; прободали копьями; обливали кипящим оловом или маслом; или опускали в кипящие котлы; сожигали на горячих сковородах или в раскаленных медных волах; не говоря уж о ругательствах, насмешках, побоях, пощечинах, которыми подвергались исповедники имени Христова. Вот какие гонения воздвигнуты были в мире на христиан! Последователи Христа Распятого должны были бороться не с людьми только, — с их нечестием, невежеством и злобою, — но с целым адом, с сатаною и его споспешною силою. Ибо исчисленные гонения воздвиг на Церковь Христову сам сатана, имея своими орудиями нечестивых людей. Ублажая мучеников, Церковь поет: «Вами врата адова, на Церковь отверзшаяся, заключишася» (Канон Всем святым, гл. 6). Есть ли и теперь, — спрашивает о. Иоанн, — поношения и гонения за правду, за веру Христову? Есть и будут до скончания мира; потому что еще не пришло Царствие Божие во всей силе для многих; а для большей части еще и совсем не пришло; еще много нечестия и неправды в самих христианских обществах. Еще не связан сатана и свободно обходит землю и проходит поднебесную. И теперь-то, кажется, он наиболее свирепствует на держащихся правой веры, и «ведый, яко время мало имать» (Откр. 12, 12).

«Только теперь он гонит не пытками, не казнями, а неверием, мнимым прогрессом — движением вперед, либеральностию; попросту — вольнодумством, безразборчивостью к верам и дерзким отрицанием веры; поношением, насмешками, кощунством, клеветою, или гордым невниманием и презрением. Благочестивых людей ныне обзывают именами ханжей, рутинеров, людей

отсталых, с узкими взглядами. Веру христианскую называют верою черни; христианскую сострадательность — слабодушием и нервною раздражительностью; милостыню — глупою расточительностью; наружную молитву — лицемерием; услаждение и радость молитвенную — идиотством, едва не сумасшествием. Напротив, широкую разнузданность плоти, или распущенность, угождение всем ее бесчисленным похотям, — современным прогрессом;... жизнь, не похожую ни на христианскую, ни на языческую, а какую-то животную, чуждую всяких обязательств веры, — считают известным тоном, признаком современного человека». «Согласитесь, что жить кому бы то ни было из верующих, среди таких людей, весьма неприятно; и счастлив тот, кто среди них не живет. А кто живет, — терпи гонения, насмешки, колкости; впрочем, не будь безмолвен, но умей дать ответ о своей вере, о своем уповании, да посрамится нечестие; «отвещай безумному по безумию его, да не явится мудр» пред тобою (Притч. 26, 5).

«Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех». По мере того, как праведные за свою правду терпят на земле поношения, гонения, лишения — увеличивается и их награда на небесах; здесь они часто лишаются всего, там получают с избытком все». А «люди впали в безверие оттого, что потеряли совершенно дух молитвы или вовсе не имели и не имеют его, короче — оттого, что не молятся. Князю века сего (сатане) — простор для действия в сердцах таких людей; он господин в них. И вот сердца, испорченные по природе, без живительной росы Духа Святого пересохли; и от крайней сухости наконец запылали адским пламенем неверия и различных страстей. А диавол знает только воспламенять страсти, поддерживающие этот ужасный огонь; и торжествует при виде погибели несчастных душ, искупленных кровию Того, Кто попрал его (диавола) державу». А «учившаяся и недоучившаяся молодежь редко ходит в церковь. Это — плод гордости, неразвитости духовной.

Считают посещение храма и богослужения общественного делом простого народа да женщин, забывая, что в храме со страхом служат вместе с человеками ангелы и вменяют это себе в величайшее блаженство». «О Храм святый! Сколь благо, сколь сладостно в тебе молиться! — мыслит верующий. — Ибо где пламенная молитва, как не в стенах твоих, пред престолом Божиим и пред Лицом Седящего на нем? Поистине душа тает от умиления молитвенного! Слезы по ланитам струятся, как вода! Сладостно молиться за всех!» «Вы не могли заметить, что вся сила — в сердце: легко на сердце — и всему человеку легко, хорошо; тяжело на сердце — и всему худо. Но это облегчение вы можете найти только в вере и, значит, особенно в Церкви, как месте веры по преимуществу. Здесь Бог касается очищающею благодатию Своею сердец наших и дает нам носить Свое «благое иго». — Вот великий секрет, который узнать стоит всем. При легкости на сердце человек готов бегать, скакать: оттого —Давид «пред сенным ковчегом скакаше играя» (см.: 1 Пар. 13, 8; Пасхальный канон, песнь 4).

И наоборот: когда человек перестает ходить в храм, или в церковь, то исчезает в нем совсем мало-помалу и вера. «С тех пор, как человек по

своей воле отпал от Бога, он, — как животное, бывшее некогда домашним, но потом одичавшее в дремучих лесах, — неохотно смотрит на место прежнего жительства своего; любит больше мрак леса, то есть здешнего мира, чем свет прежнего места, то есть рая Божия. Трудно он соединяется с Богом, — и по соединении часто отпадает от Него; трудно верует искренно в Бога и во все, что Он открыл ему; не заботится постоянно о сохранении в сердце небесного дара».

Поэтому о. Иоанн еще удивляется, как это люди, переставшие ходить в церковь, хранят иногда в душе своей веру! Церковь — питательница веры!

Поэтому оторвавшиеся от Церкви, — в духовном или телесном смысле этого слова, — непременно отрываются, или по крайней мере изменяются в своей прежней вере. Поэтому Батюшка Церковью истинною считает лишь Православную Церковь. А там, где хоть сколько-нибудь изменили православную веру, он уже считает церковью «самодельною», — как и называет ее. Вот, например, как пишет он о лютеранах или англиканах, потому лишь, что они не почитают Божию Матерь и святых и не имеют их икон.

«Это столь естественное, должное и богоугодное дело — почитание святых икон — многие лютеране и англиканцы считают чем-то неестественным, противным Богу, идолопоклонством и ересью; и не только в домах своих, но и в храмах своих не имеют икон и считают за грех иметь их и поклоняться им; через что чрезвычайно много теряют для веры и благочестия. Ибо, прервавши видимую связь со святыми, — они через то порвали и связь невидимую; между тем как Церковь Небесная и земная — едино тело. Таким образом они прервали связь и с умершими, потому что не молятся за них и не приносят жертв по душам их, — жертв, которыми благоугождается милосердый Бог; и тем показывают они свое неверие и силу молитв Церкви за умерших. Что же это и за церковь — та церковь, которая неразумно и дерзновенно порвала связь с Небесною Церковью торжествующею, прервала общение с умершими в молитвах и прервала общение с Церковью (русскою, или и греческою), исповедающею веру Христову в первобытной чистоте!? Есть ли это — живое и святое тело Церкви? Можно ли назвать телом организованным и живым одно туловище без головы и без рук, без глаз и без ушей? И такое общество провозглашает свою веру очищенною, истинною верою, и чуждается обрядов нашей веры святой, непорочной! Та ли вера очищенная, которая отвергла священство и прочие таинства, — кроме крещения, и причащения, которое впрочем недействительно; отвергла почитание святых, их мощей, икон, посты, монашество, молитвы за умерших? Это ли вера Евангельская? Нет! Это — самодеятельная церковь, составленная по произволу человеческому, под влиянием страстей человеческих и угождающая страстям человеческим. Это — «истина в неправде» (см.: Рим. 1, 18). Это — превращенное благовествование Христово; это — развращение, или отвращение людей Христовых «во ино благовествование», о котором Апостол сказал: «аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче еже благовестихом вам, анафема да будет» (Гал. 1, 8). Это не церковь, а душепагубное рассечение Тела Христова!» А «почитание икон и естественно, и

справедливо, и богоугодно, и полезно». Правда, здесь о. Иоанн не разделяет так называемой «высокой» церкви от «низкой»; ибо написаны были эти строки, когда «высокая» церковь в Англии еще мало оформила свою веру. Теперь уже она признает и семь таинств, и иконы, и святых; но и то еще не вся целиком. Но зато «низкая» церковь, — мечтающая и доселе о господстве над «высокою» и продолжающаю жить совместно в одном храме, — вполне еще присоединяется к лютеранству, баптистам, и другим протестантствующим обществам, к коим вполне приложимы слова о. Иоанна. Тем более, что сам о. Иоанн совсем иначе воспринимал иконы. Вот возьму хотя бы одну выдержку из его дневника. «Чудотворный образ Спасителя — Сам Господь на нем. Горько и как бы невольно плачу я: по благодати, обильно от Него на меня изливающейся, лью я потоки слезные, очищающие душу мою, и мир и радость на сердце у меня производящие». «Православные христиане — как бы семейство, дети Иисуса Христа; а в добром семействе мать всегда в высоком почтении — Матерь Божия; равно как старшие братья пользуются уважением и почтением от младших и эти последние подражают святым», — то есть земные верующие подражают святым небесным. «Лютеране и англикане! Отчего у вас этого нет? Отчего Матерь Божия не пользуется у вас должным благоговением и торжественным почитанием и поклонением? Отчего святые ангелы и святые Божии человеки не пользуются торжественным почтением и поклонами? Или вы одного Бога почитаете, Ему Одному поклоняетесь? — Но вы должны помнить, что Матерь Господа Иисуса Христа, св. ангелы и св. человеки — чистые образы Божии и друзья Божии, как Авраам назван другом Божиим. И как ученики Самим Господом Христом названы также были друзьями, а не рабами (Ин. 15, 14–15).

А после англикан, да еще «низких», о. Иоанн относится так же и к католикам, — как это записано и в выдержках его из дневников — в «Христианскую философию». Вот примеры. «Аз с вами есмь во вся дни до скончания века» (Мф. 28, 20). Сам Господь всегда присущ Своей Церкви, для чего же наместник — папа? И может ли грешный человек быть наместником Господа? — Не может! Наместником, заместителем Господа, безначального, Царя и Главы Церкви, никто не может быть. Верно! Католики заблуждаются. Внуши им, Господи, яко нелепи суть тако утверждающии и гордостью обложены, как ожерельем». «Самое вредное дело в христианстве, в этой богооткровенной небесной религии есть — главенство человека в Церкви, например папы, и его мнимая непогрешимость. Именно в его догмате непогрешимости и заключается величайшая погрешность; ибо папа есть человек грешный. И беда, если он возмнит о себе, что он непогрешим. Сколько погрешностей величайших, гибельных для душ человеческих, выдумала католическая папская церковь — в догматах, в обрядах, в канонических правилах, в богослужениях, в мертвящих злобных отношениях католиков к православным, в хулах и клеветах на Православную Церковь, в ругательствах обращенных к Православной Церкви и к православным христианам. И во всем этом виноват непогрешимый, якобы, папа: его и иезуитов доктрина, их дух лжи, двоедушия и всяких неправильных средств... к большей, якобы, славе Божией». «Католики выдумали новую главу, унизив

единую истинную Главу Церкви — Христа. Лютеране — отпали и без Главы остались. Англиканцы — тоже: Церкви у них нет; союз с Главою порван, помощи всесильной нет; а велиар — (диавол) воюет всею силою, коварством и всех держит в своей прелести и погибели». «Причины всех фальшей Римско-католической церкви есть гордость и признание папы действительно главою церкви, да еще — непогрешимою. Отсюда весь гнет западной церкви». «Папа и паписты до того возгордились и вознесли себя, что вздумали критиковать Самого Христа, Саму Ипостасную Премудрость Божию; и простерли — под предлогом развития догматов — гордость свою до того, что извратили некоторые Его словеса, заповеди и установления, которые не должны быть изменяемы до скончания века: например, слово о Духе Святом (о происхождении от Отца и Сына); заповедь о чаше Пречистой Крови Его, Которой они лишали мирян, ни во что поставив слова Господа Иисуса Христа (см.: Мф. 26, 26) и ап. Павла: «Елижды бо аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет» (1 Кор. 11, 26): вместо квасного хлеба употребляют на литургии опресноки». «Приидите к нам вы, именующие себя католиками, а нас порицающие схизматиками, и истяжемся: посмотрим беспристрастно, по Божьей правде, по Божьему цензу на ваших святых, — папою, а не Богом прославленных, — и сравним их с нашими святыми, Самим Богом засвидетельствованными бесчисленными чудесами исцелений и разных утешений с верою прибегавших к ним православных! Какая разница! Как истина веры нашей сияет и своим светом помрачает вашу, омраченную ересями и ложными мудрованиями, веру! Как пойдете вы против очевидной истины православной веры, именем и делом православной и спасительной?! Или против Самого Бога дерзнете восставать и говорить неправду?! Смирит вас Бог правды и, если нужно, вооружит тварь в месть врагам. Но Он — долготерпелив и ждет обращения заблуждающих!

Что же касается лютеран и последователей их — разных баптистов, методистов, евангелистов, англикан и др., — то они сами не могут похвалиться по достоянию, по Божьему праву, ни одним истинно святым и богоугодным человеком, который бы получил явное свидетельство неба о своей святости и богоугодности! Ересью и расколом никто и никогда не угождал Богу!

Еретики, раскольники, сектанты! Выведите пред нами на средину хоть одного вашего святого: не найдете; хотя весь век будете искать его! Разве будете дерзко и нелепо оспаривать действительность нетления и чудес наших святых? Вы — буии и слепые!» В заключение можно спросить у внецерковных раскольников, еретиков и сектантов: «Как побеждать врагов спасения, сильных своею ложью, хулою, клеветою на Бога и на Его Церковь? Как там спастись? — Невозможно! — Разумейте же это, пребывающие в расколах и ересях и сектах: не ратуйте против единой спасающей Церкви и обратитесь к ней!»

Итак, унижение Истинной Главы Церкви — Христа, изобретение догмата о «непогрешимости» папы, о причащении под видом Тела Христова и лишение Крови, о неистинных святых или о полном их отсутствии, о непочитании икон, — все это о. Иоанн ставит — католикам, англиканам, люте-

ранам и последователям их — в недостатки их церквам, или точнее — общинам. А в последние годы своей жизни он особенно нападает на писателя Льва Толстого. В проповедях своих, в дневниках и в брошюрах, распространяемых по столице России, Батюшка резко осуждает его и последователей его. За что же именно?

«Граф Л.Толстой посягнул на истину Евангелия и всего Св. Писания и исказил смысл Евангелия, непререкаемо важный и драгоценный для людей всех веков. Отвергся веры во Христа, как Сына Божия, Искупителя и Спасителя мира; и совратил многих вслед за собою и погубил их; отвергся Церкви, основанной Христом; попрал благодать крещения, миропомазания, покаяния, причащения и всех таинств. Себя, по высокоумию, считает судией слова Божия и высшим критерием его, а не себя им проверяет. Но горе тем, «иже мудри в себе самих и пред собою разумни» (Ис. 5, 21).

Здесь сжато, но верно указаны о. Иоанном главные недостатки Л.Толстого. Вол знает своего хозяина и осел ясли господина своего (см.: Ис. 1, 3); а ты не хочешь знать своего Творца, Спасителя, Благодетеля, Питателя, Судию своего: чужим стал Ему; одичал, как дикий зверь; и рыкаешь, хулы изрыгаешь на своего Создателя, как Лев Толстой с своими лаятелями. Что же тебя ждет наконец, если не образумишься? — Тебя ждет отвержение, проклятие Божие, муки вечные с злыми духами. «Идите от Мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его» (Мф. 25, 41).

В особенности сильно стал нападать на Толстого о. Иоанн после того, как дозволено было распространять из дневников его критику на знаменитого писателя, — то есть с 1900–1905гг. До этого, по-видимому, не дозволялось им печатать всех произведений Л.Толстого, ни проповедей против него. Особенно это нужно сказать после 1905 года. За это особенно возненавидели о. Иоанна «сподвижники» Л.Толстого: неверующие, безбожники, евреи. И он, Батюшка, знал это и ожидал мщения от них. В газетах появилось множество статей против него. Но кто же был во главе этих «лаятелей» о. Иоанна? «Начало всех лжеучений, ересей, сект, расколов — в змие, льстящем вселенную», — то есть диаволе. «Оттуда все ереси, секты и расколы. Хотят быть учителями, но не от Бога, а от себя и по своим страстям. Оттуда — толстовцы, пашковцы, штундисты и др.». За ними пошли и другие последователи. «Характер людей XIX века, второй половины — самообожание, самозаконие (автономия), материализм в жизни и духовный скептицизм (безверие)».

«Вот наше современное в христианстве идолопоклонство: самолюбие, честолюбие, наслаждение земное, чревоугодие, любостяжание, любодеяние. Оно-то совсем отвратило очи наши и сердца наши от Бога и небесного отечества и пригвоздило к земле. Горе, горе нам!» У христиан и наука, и литература все почти только земные. Вообще, у всех-то лихорадочная, земная деятельность — об угождении Богу и о спасении души никто почти не думает. Жалкое состояние! Об этих людях, то есть безбожниках, о. Иоанн уже и не думает. «Могут ли язычники угодить Богу, или евреи, магометане, если не уверуют во Христа?» — спрашивает он, или — точнее — спрашивали его.

«Не могут, — отвечает он. — Нужно им уверовать во Христа, Единого могущего оправдать нечестивых, и родиться водою и Духом» (в крещении).

«Елицы бо беззаконно согрешиша, беззаконно и погибнут: и елицы в законе согрешиша, законом суд приимут» (Рим. 2, 12). Вот ответ Писания на вопрос: ужели язычники все погибнут? Христос пришел обновить растлевшее грехом естество человеческое; и вверил это величайшее дело Своей благости, милосердия, правды и премудрости — Своей Святой Церкви. Дух Святой, вошедший в мир и действующий в Церкви — чрез священнослужителей, богослужение, проповедь, таинства — совершает это обновление непрестанно. Только в Церкви заключается эта обновительная сила: вне Церкви ее нет и быть не может».

Заканчиваю этот отдел общими словами о Церкви. «Христианин без Церкви, как рыба без воды, не может жить истинною жизнью: Церковь — его стихия. Нигде мы так глубоко, искренно, всецело не входим в себя, как в храме; ибо тут особенно присутствует спасающий нас Бог; действует особенно благодать. Тут человек познает себя во всей наготе, свое глубокое падение и растление, свою немощь, свою бедность, свое окаянство, свою крайнюю греховность, и — бесконечное милосердие Божие. Никто так не воспитывает человека для Неба, как Церковь. Это — наилучший педагог!» «Единение с Богом достигается не иначе, как единением и общением с Церковью; и без Церкви никто не может соединиться с Богом; ибо соединительные силы и средства все предоставлены Церкви. И Сам Господь говорит, что если кто «церковь преслушает», тот будет «как язычник и мытарь» (Мф. 18, 17). Все святые достигли единения с Богом только в Церкви и при Ее посредстве. Поэтому все еретики, и сектанты, и раскольники не могут быть в общении с Богом и достигнуть спасения души; хотя бы раздали все свое имение, и хотя бы были замучены за Христа. Церковь есть великое духовное Тело Христа, Который есть Глава ее и Спаситель Тела. И вне Церкви нет спасения».

И при все том член Церкви, а особенно священник не должен злорадствовать даже врагу Церкви, согласно завету Христову о молитве и за врагов. «Доброжелательствуй всякому, — говорит о. Иоанн, — даже врагу твоему или врагу твоей православной веры и твоего отечества, чтобы исполнить точно Закон Христа Бога, повелевшего любить врагов, благословлять проклинающих, добро творить ненавидящим нас (см.: Мф. 5, 44). Если же пожелаешь зло и позлорадствуешь врагу, то нарушишь закон Божий, закон любви, закон жизни; сотворишь лукавство и самосуд пред Господом, и себе причинишь вред и зло, лишишься мира сердечного и отягчишь душу грехом. Врагам правой веры — то есть Православной Церкви, — и отечества отмстит праведный Господь, сказавший — чрез Апостола: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: «у Мне отмщение, Я воздам» (Втор. 32, 31–36; Рим. 12, 19; Евр. 10, 30).

Это нужно добавить к воззрениям о. Иоанна о язычниках, неверах, отвергающих Св. Евангелие, сектантах, еретиках, раскольниках, иудеях, магометанах и других религиях. И тогда его воззрения будут полнее и чище.

Любовь к людям отца Иоанна

Сознавая в себе и других такое могущественное зло, не говоря уже о болезнях и иных бедствиях людей, о. Иоанн со всей силой своей пламенной веры бросился в это море человеческих страданий. О грехе мы говорили. Но этого было мало о. Иоанну: он хотел не о душе лишь своей заботиться, а о всех людях, об их избавлении от земных бедствий, — духовных, но непременно — и телесных. Конечно, его огорчали и духовные несчастия, но беспокоили и земные: бедность, несчастия, скорби. Он не мог не откликнуться на них.

И не потому, что сам испытал бедное состояние семьи, из которой вышел, — семейное положение сельского причетника (дьячка); но в особенности потому, что был религиозным человеком. Все люди были ему братьями и сестрами — по Богу. Все люди были для него близкими потому, что в Христовой Церкви люди были чадами Христа, членами одного тела Церкви, под Единым Главою Спасителем, Распятым за всех. И поэтому любовь к людям неразрывно была у о. Иоанна связана с его верою, с любовью к Богу, с борьбою против греха и диавола. Если ты любишь Бога, то непременно начинай это с любви к ближнему; иначе может быть односторонний самообман.

В жизнеописаниях его почти всегда рассказывается о случаях посещения бедных и несчастных семей. Конечно, таких случаев было множество, и они остались в неизвестности. Да люди уж привыкли к такому равнодушию соседей, а особенно — зажиточного городского духовенства и богачей. И поэтому не требовали уж внимания к себе: мол, «изба с краю, никого не знаю», — сложилась и такая пословица. Мы все стали чужими друг другу. Мы — то есть «имущественные люди», — как говорил о себе и о других подобных зажиточных горожанах о. Иоанн. И поэтому, когда молодой новый священник стал посещать подвалы и чердаки бедноты, то скоро стали об этом говорить в городе Кронштадте. Та же беднота и стала об этом говорить; но не одна она, а и другие несчастные. И вот какой случай сообщается почти всегда в жизнеописаниях молодого батюшки. Я его выпишу из готовой книги: «Два дня в Кронштадте», хотя и сей студент духовной академии взял его уже из другой книги об о. Иоанне. «Однажды о. Иоанн только что вернулся домой, после бесчисленных визитов к больным и страждущим. Перед домом, по обыкновению, его поджидала толпа нищих, чтобы получить от него подаяние. Добрый пастырь раздал все. Он оставил у себя только 20 копеек на пароход, чтобы иметь возможность ехать в Ораниенбаум к трудно больному. 20 копеек он оставил у себя потому, что дома не нашлось бы у него этих денег.

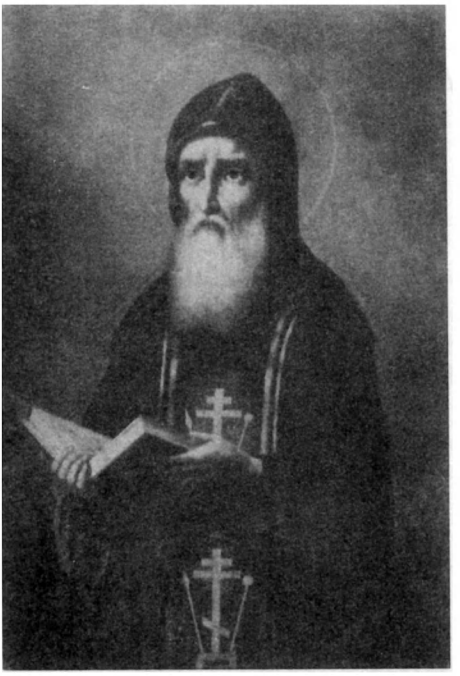
Едва он вошел в свою скромную комнату, как услышал в прихожей шум и громкий разговор. Не снимая верхней одежды, о. Иоанн вернулся в

Кронштадтский пастырь

Феодора Сергиева, мать
св. прав. Иоанна Кронштадтского

Св. преп. Иоанн Рыльский,
небесный покровитель
о. Иоанна Сергиева

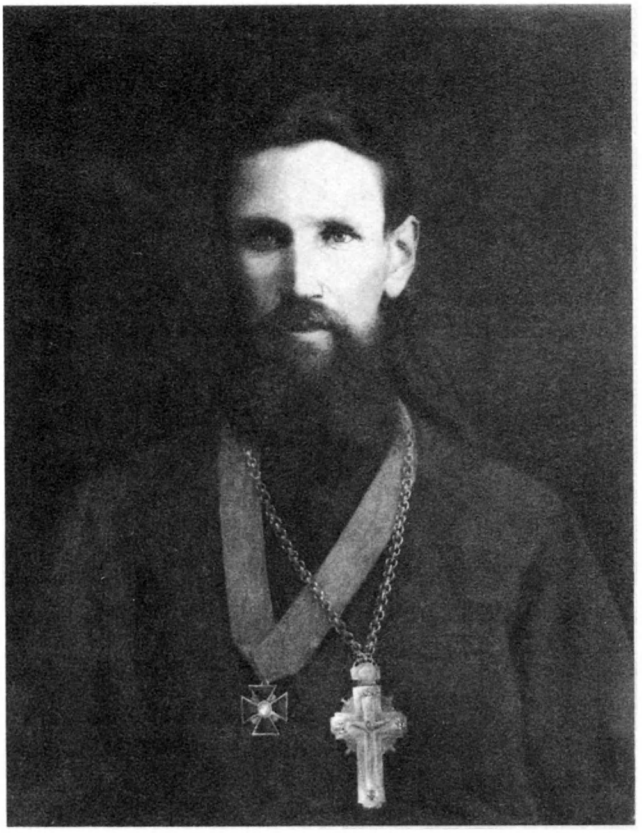
Село Сура. Дьяческий дом, в котором провел свое детство
св. прав. Иоанн Кронштадтский

Старинная часовня во имя святой Параскевы в селе Сура

Отрок Ваня молится Богу по дороге в школу

Протоиерей
Иоанн Сергиев.
Снимок с живописного
портрета

Кронштадт.
В этом доме находилась
квартира о. Иоанна
(теперь в ней
размещается
музей его имени)

Батюшка Иоанн и ключарь Андреевского собора о. Александр Попов

Елизавета Константиновна, супруга батюшки Иоанна

Протоиерей Андреевского собора
Иоанн Сергиев
(Кронштадтский)

Андреевский собор
в Кронштадте,
место постоянного служения
о. Иоанна до конца жизни

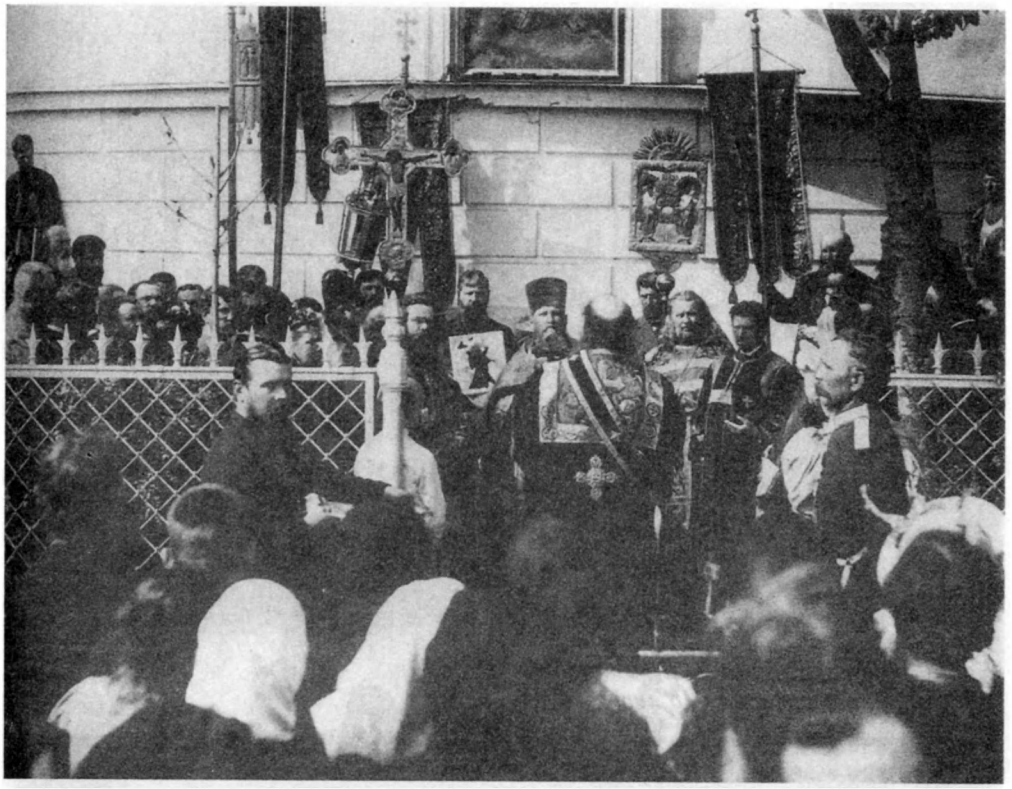

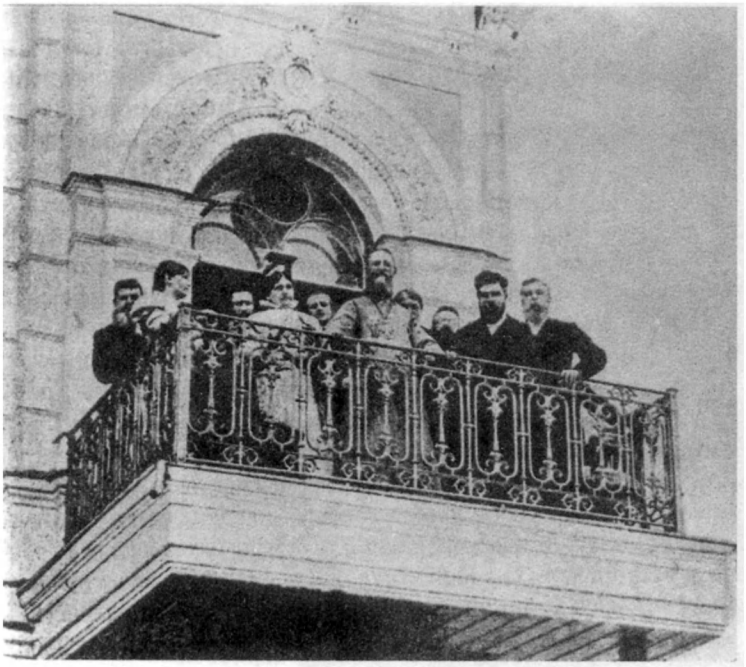
Кронштадтская гимназия, в которой о. Иоанн законоучительствовал 25 лет

Кронштадт. Дом трудолюбия с часовней и домовой церковью

Крестный ход у алтаря Андреевского собора

Отец Иоанн обращается к народу со словом назидания

Епископ Михей (Алексеев) и протоиерей Иоанн Кронштадтский.
Снимок 22 июня 1904

Всероссийский молитвенник и чудотворец о. Иоанн Кронштадтский

Игумения Ангелина (Сергеева), настоятельница Иоанновского монастыря в Санкт-Петербурге

Образ о. Иоанна на его надгробии. Усыпальница в церкви пророка Илии и царицы Феодоры Иоанновского монастыря

Иоанновский женский монастырь на Карповке в Санкт-Петербурге, основанный батюшкой Иоанном и выстроенный на его средства

Первоначальница Пюхтицкого монастыря игумения Варвара (Блохина)

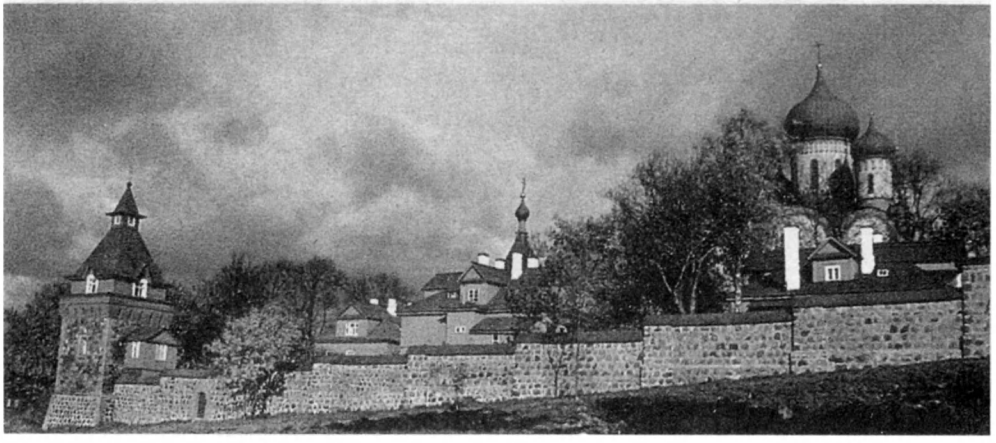
Игумения Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря Таисия (Солопова)

Успенский собор Пюхтицкого женского монастыря

Батюшка Иоанн и игумения Таисия

Общий вид Пюхтицкой обители

Леушинский Иоанно-Предтеченский женский монастырь (Череповецкий уезд, Новгородской губернии). Эта обитель пользовалась особым попечением о. Иоанна

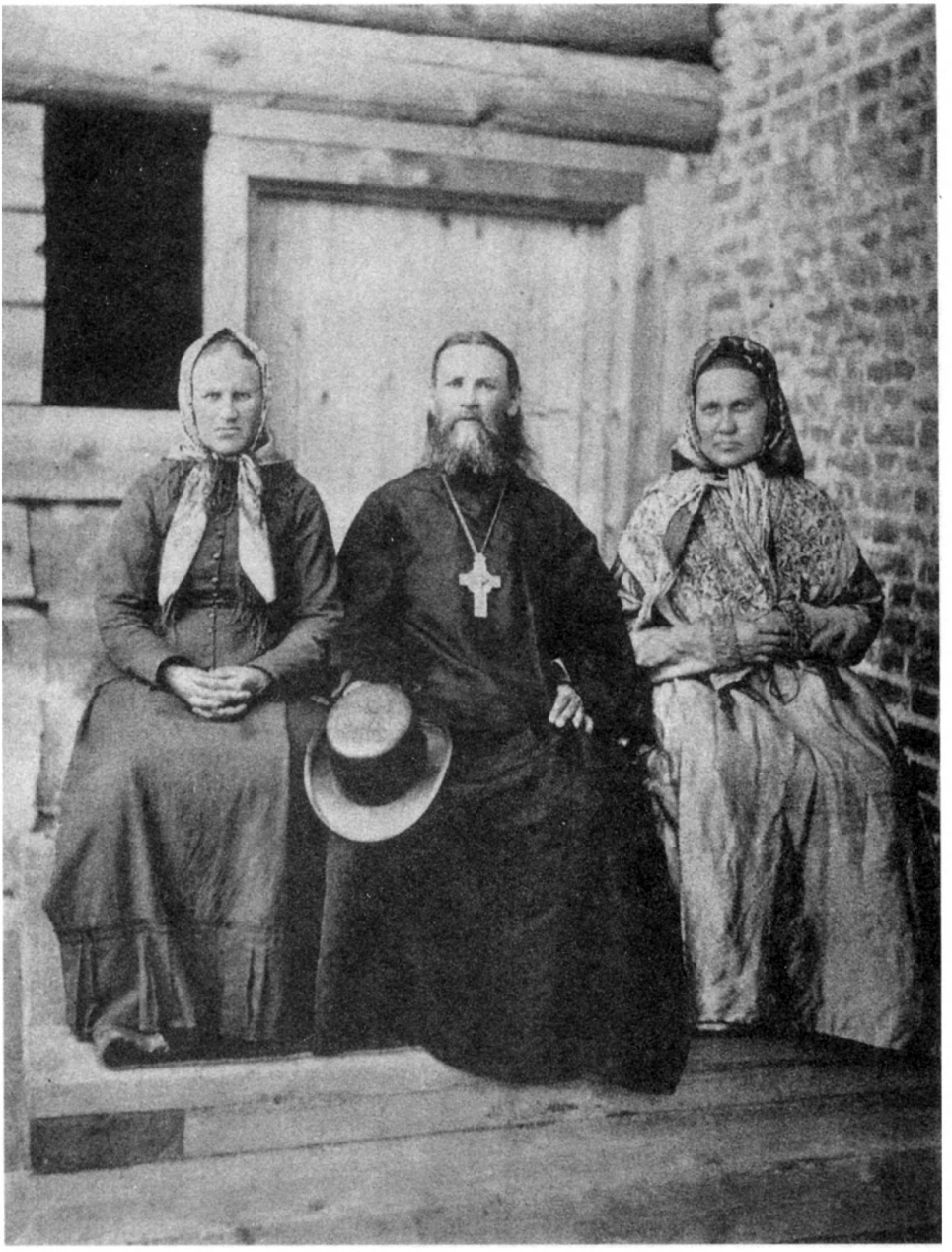
Храмы Леушинского монастыря

Вауловский скит Леушинского монастыря (Ярославская губерния). Дом, в котором останавливался о. Иоанн, посещая пустыньку Крестик

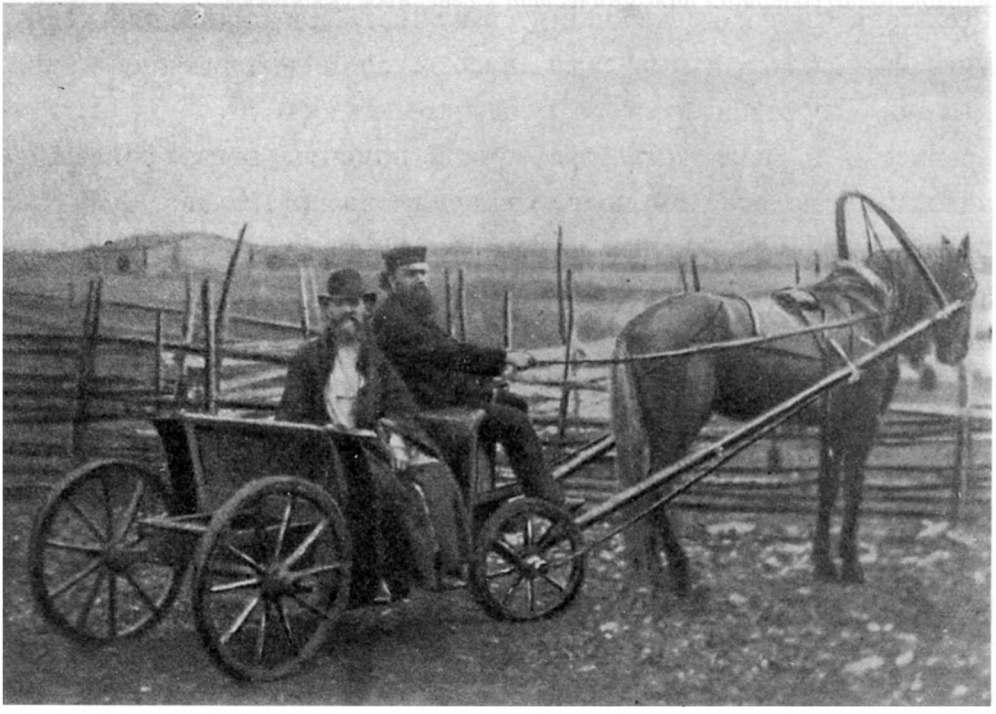
Пустынька Крестик Вауловского скита

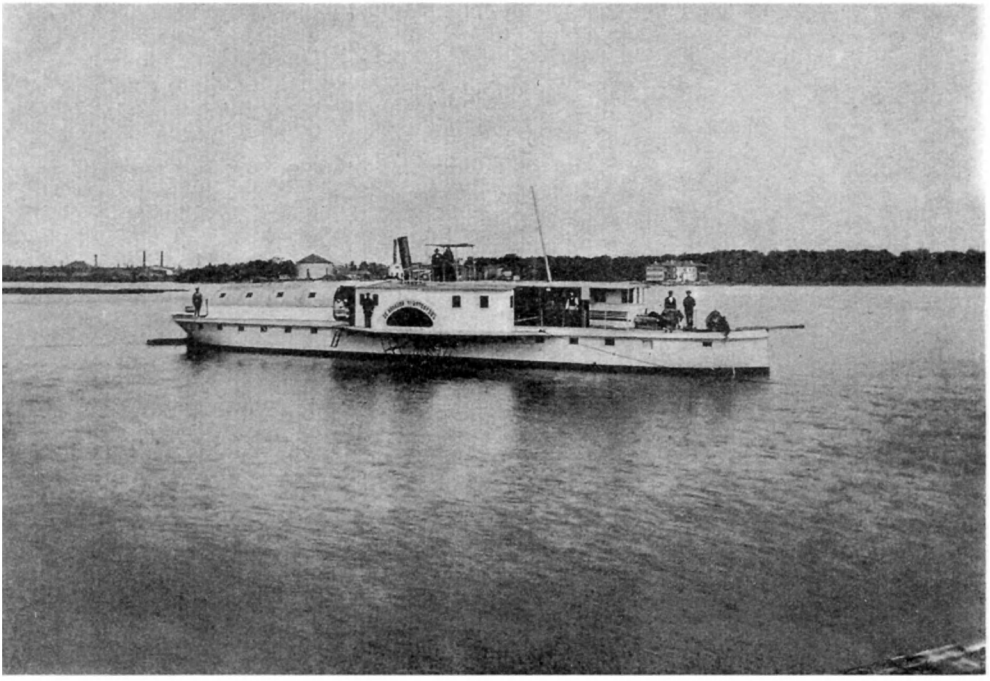
Отец Иоанн Кронштадтский с сестрами в селе Сура

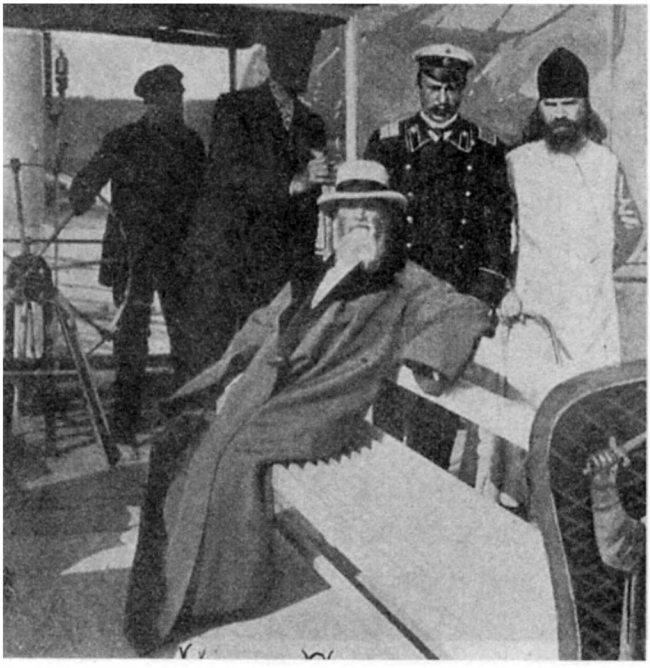
Вид села Сура и Сурского женского монастыря, воздвигнутого тщанием о. Иоанна

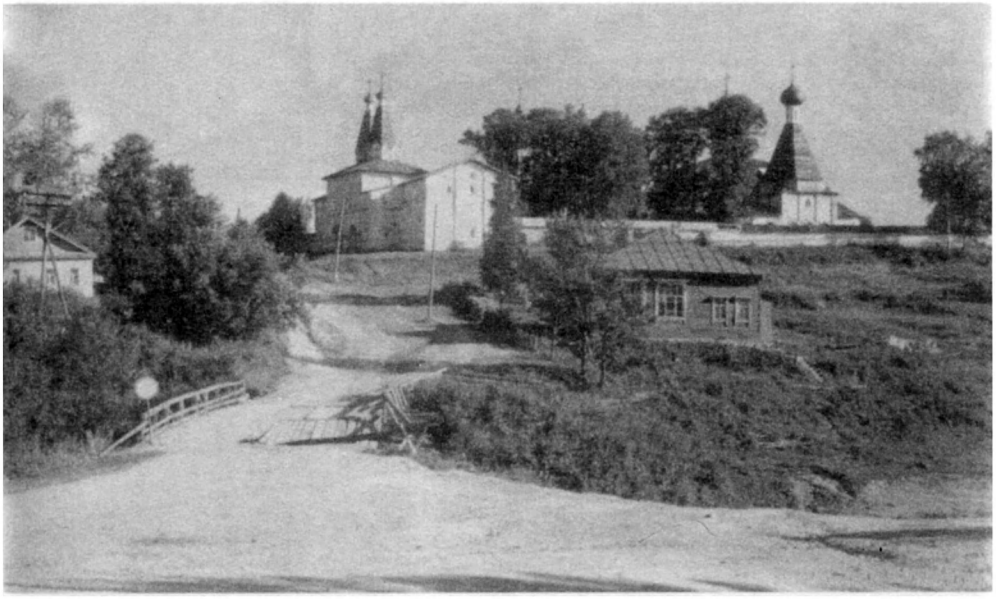
Прогулка в окрестностях родного села Сура

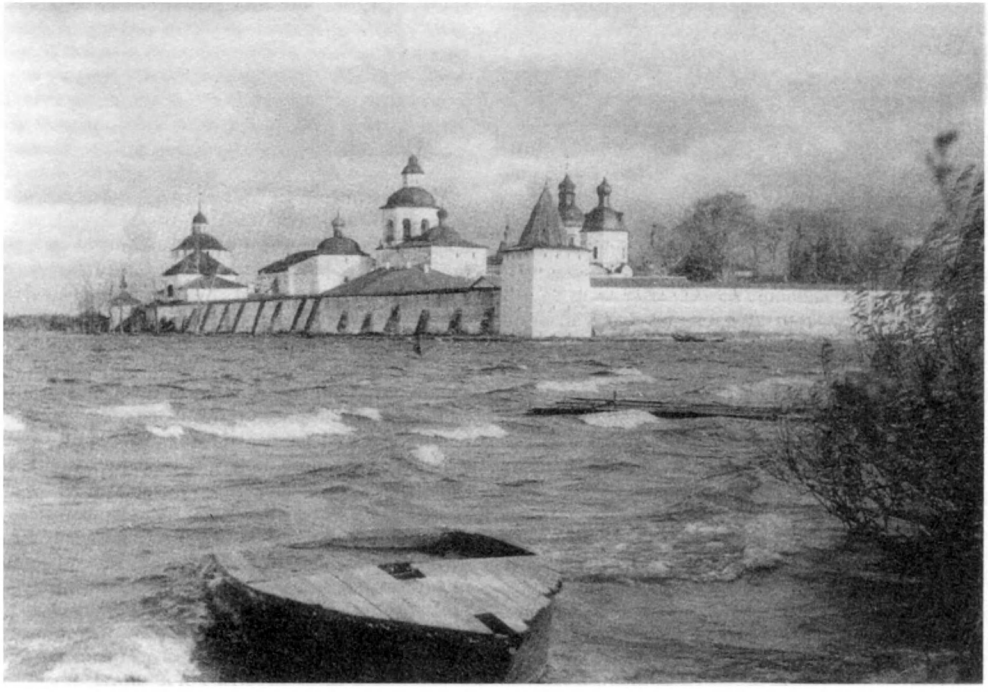
Пароход «Св. Николай Чудотворец», на котором о. Иоанн многократно совершал паломничества к северным святыням

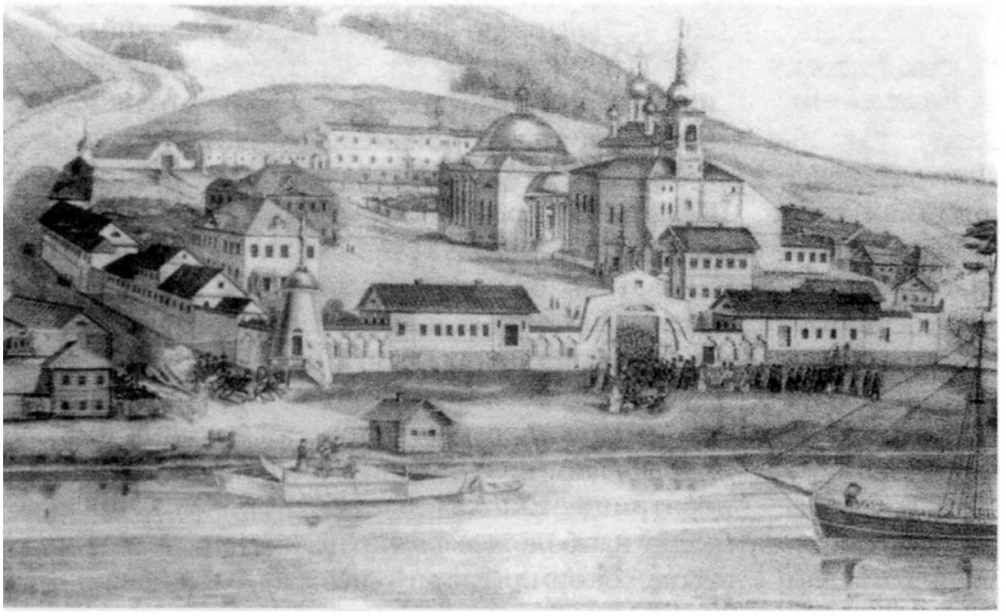
Во время плавания на корабле

Вид древнего Ферапонтова Богородице-Рождественского монастыря, возрожденного в начале XX века трудами игумении Таисии

Кирилло-Белозерский монастырь со стороны Сиверского озера

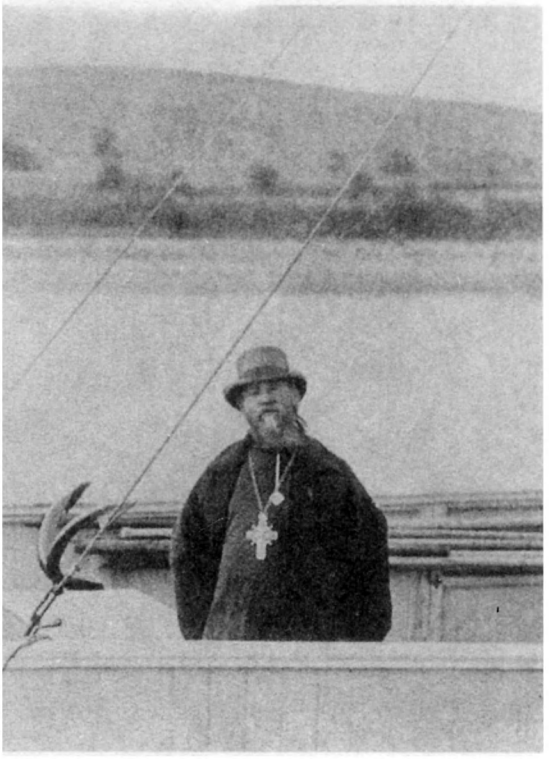

Воскресенский Горицкий монастырь. Гравюра. 1811.
Каждый раз по пути в родное село Сура о. Иоанн останавливался в этой обители

Дионисиев Глушицкий Сосновецкий монастырь. Фото начала XX века.
Здесь бывал о. Иоанн, путешествуя по Северу

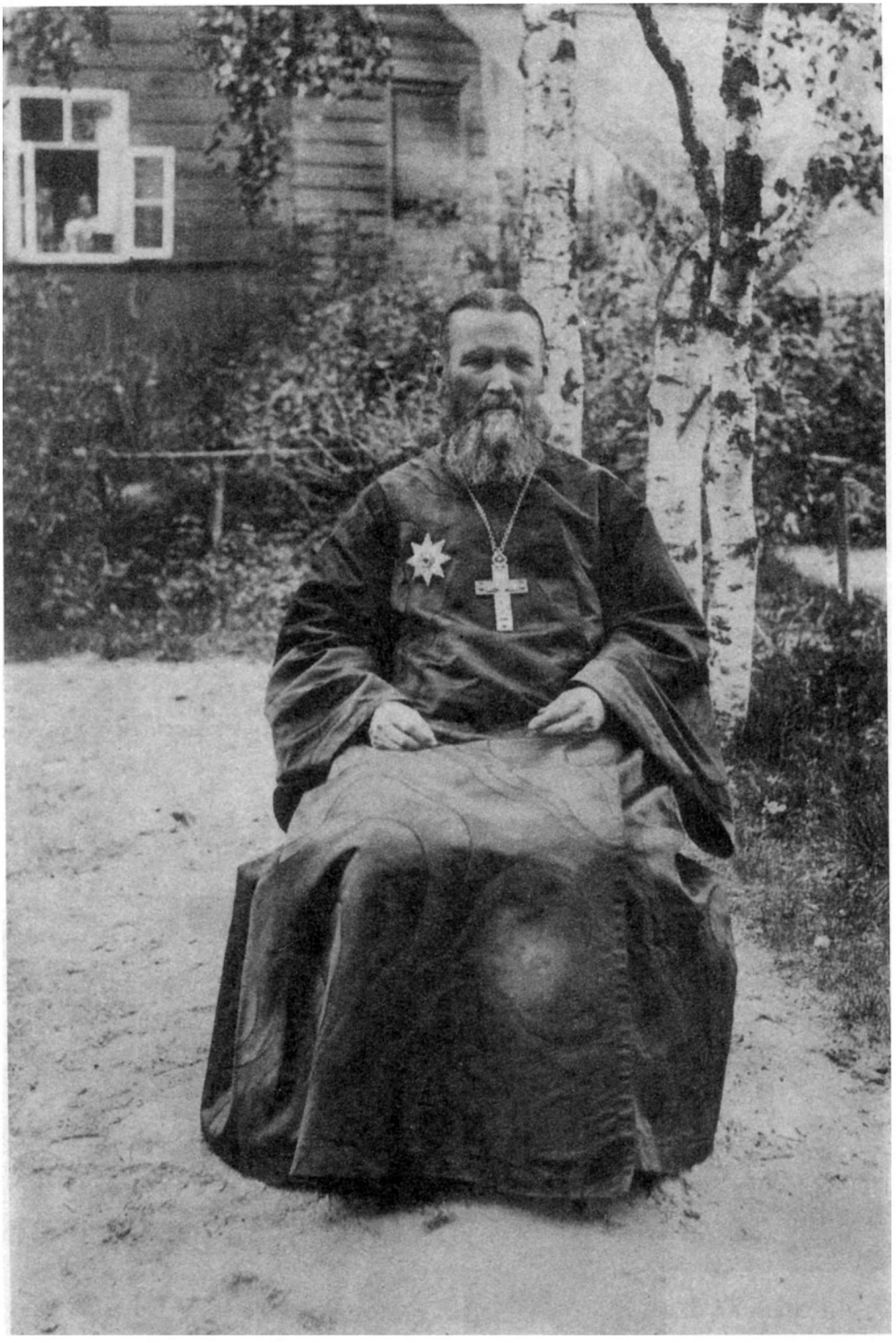

Во время плавания к северным обителям

На Ладоге. Встреча о. Иоанна с православными людьми

Батюшка Иоанн в минуты отдыха

Отец Иоанн с крестником на прогулке

Батюшка Иоанн благословляет адмирала Макарова перед походом на Русско-японскую войну. 1904

Отец Иоанн освящает воинские казармы 16 июня 1905 года

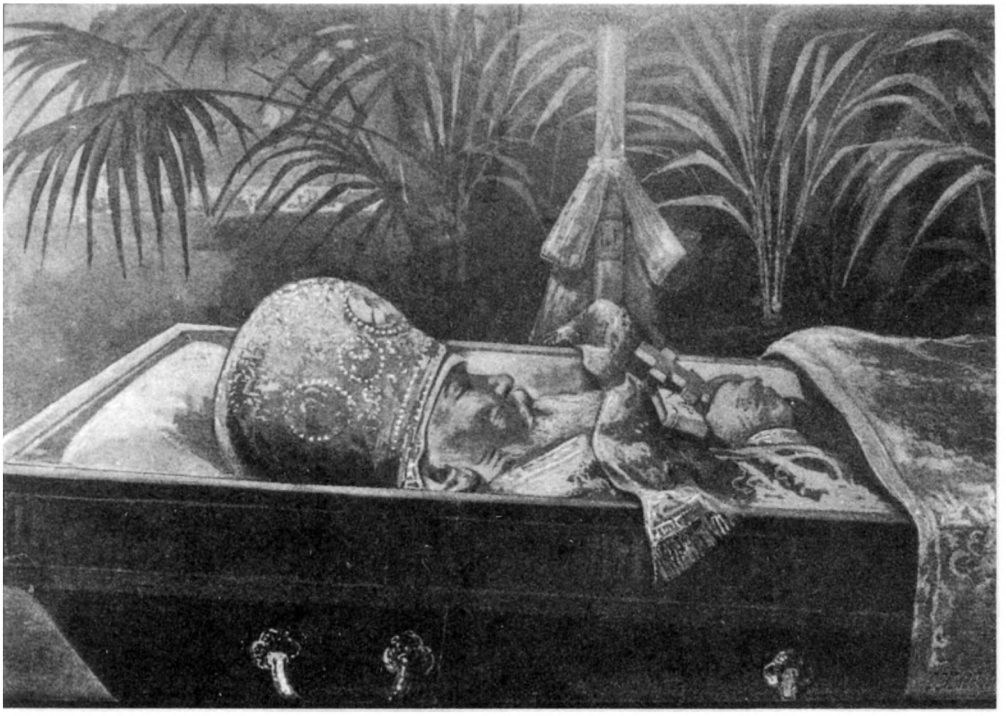
Отец Иоанн и матушка Елизавета
на даче священника И.Н.Орнатского под Петербургом

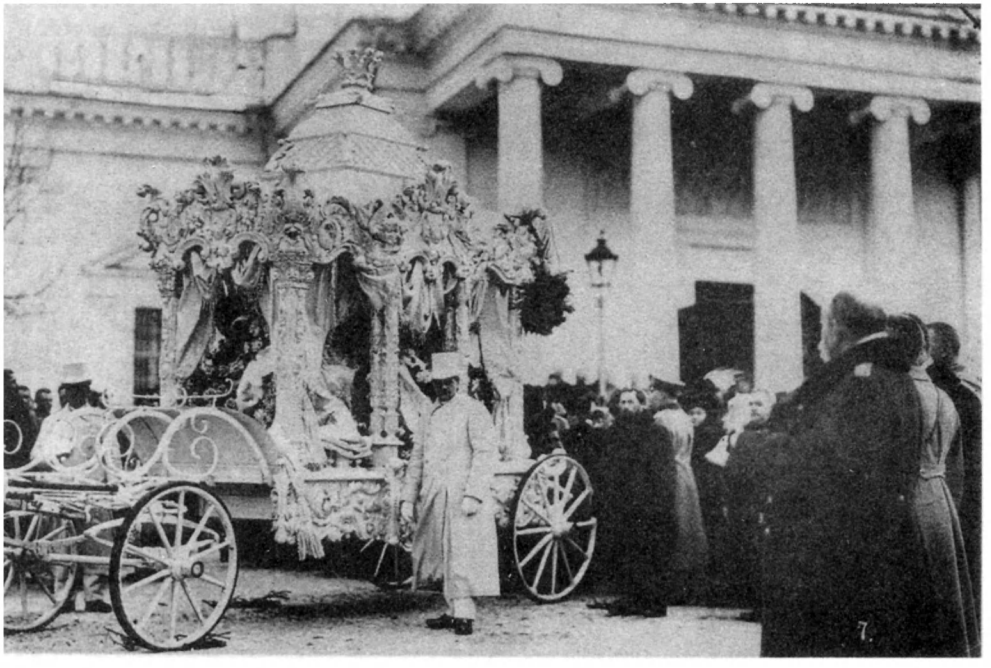
Отец Иоанн в Молчанской Софрониевой пустыни. 22 августа 1903 года

Батюшка Иоанн незадолго до кончины.
Снимок 29 ноября 1908 года

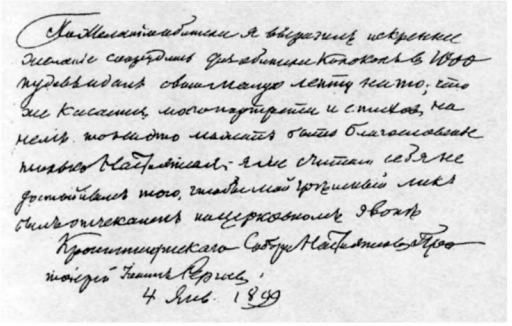
На смертном одре

Траурный кортеж на улицах Санкт-Петербурга

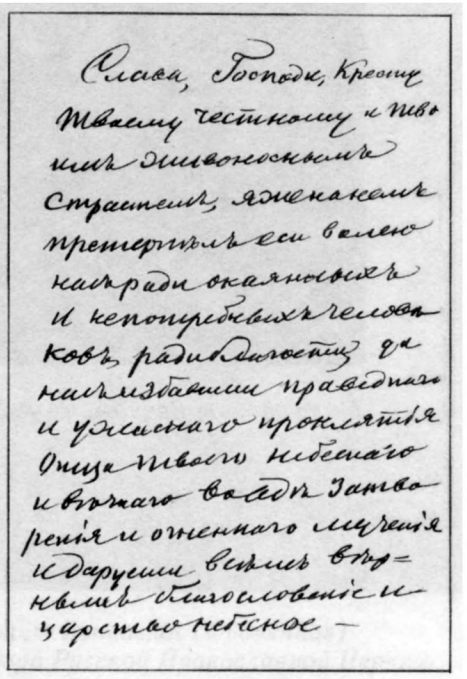
Нескончаемый поток православных во главе с хоругвеносцами направляется к Иоанновскому монастырю, чтобы проститься с о. Иоанном

Милостивая Государыня! Я выражаю искренное желание сооружения Вами в Кронштадте Колокольни в 100 пудовых Апостольскую ленту на то, что Вас касается, любопытствуя и списков, на нем, пожелать имеется быть благословляю вашего Кронштадта. Я же считаю себя не достойным того, чтобы моей грешной лепты быть включенной в церковный звон.

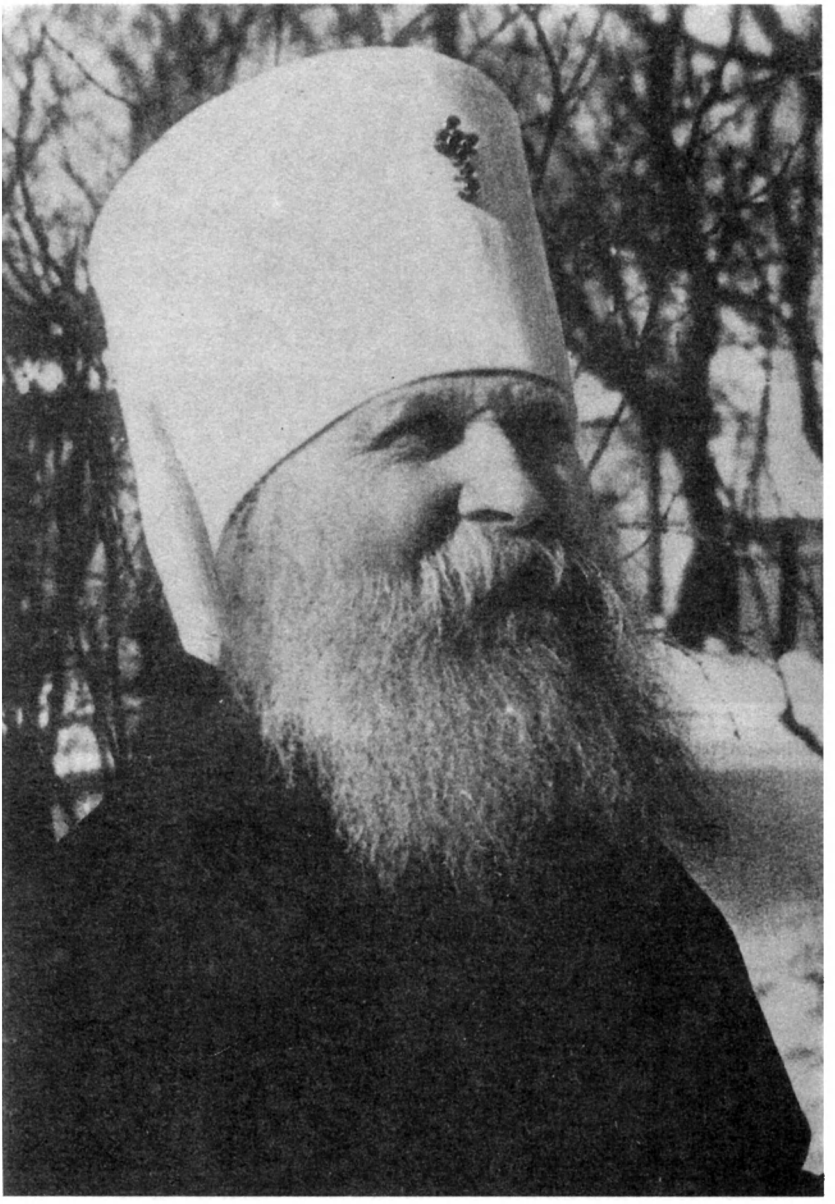
Кронштадтского Собора Настоятель Протоиерей Иоанн Сергиев.

4 Янв. 1899

Слава, Господи, Кресту Твоему честному и Пречистой Твоей Матери Животворящей Страстем, яже ради всех претерпевши, Сам ради окаянных и непотребных человеков, радивших Тебе, не имевших праведного и ужасного проклятия Отца Твоего небесного и вышнего вогнав Затворения и огненного мучения и даруешь всем верующим Благословение и Царство небесное —

Автографы о. Иоанна Кронштадтского

Митрополит Вениамин (Федченков). Фото 1945 года

Владыка Вениамин (Федченков). 1930-е годы

Общение с верующими в России. Митрополит Вениамин (Федченков) выступает на заседании Поместного Собора Русской Православной Церкви. Февраль 1945 года

Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Икона. 90-е годы XX века

прихожую. Оказалось, какая-то женщина здесь с громкими рыданиями просила пустить ее к Батюшке. «Пусть подождет! — говорит о. Иоанну жена. — Ведь ты с 5-ти часов утра ходил голодный, измученный. Пообедай, отдохни». «Погоди, я спрошу: чего она хочет?» «Спаси нас, отец, — молила она, — у меня муж умирает; пятеро детей, второй день не ели. Я сама едва хожу. Одна надежда на тебя! «Пойдем к тебе! — ласково ответил о. Иоанн, поднимая с пола плачущую женщину. Господь тебе поможет!» И о. Иоанн, совершенно забыв о своем обеде и своей усталости, вышел из дому вместе с женщиной, по направлению к ее бедной квартире. «Вот тебе 20 копеек. Зайди в лавку; купи хлеба и яиц. Больше у меня нет». Придя в квартиру этой женщины, он нашел здесь картину страшной нищеты. Умирающий муж смотрел безжизненно-остановившимися глазами и не шевелился. Дети стонали от голода. Вот принесено небольшое подкрепление. Когда хлеб и яйца были съедены, о. Иоанн сам помог женщине убрать ее темную подвальную комнату. Привели они вместе с ней несколько в порядок и детей. Затем, опустившись на колени пред крошечным образком, висевшим в углу, о. Иоанн начал молиться. Женщина повторяла за ним слова молитвы. Когда голос его утих, он стоял еще долго, опустив голову. Наконец, встав с колен, подошел к кровати и благословил больного. «Прииди завтра ко мне в церковь!» — сказал о. Иоанн женщине. Не успел он выйти из подвального дома, как увидел уже несколько человек, ожидавших его с приглашениями в Петербург и Ораниенбаум. Выслушав просителей, о. Иоанн отправился за ними на пароход и только в первом часу ночи вернулся домой «обедать». На другой день женщина ожидала на паперти выхода своего благодетеля. Увидав ее в толпе, о. Иоанн достал из кармана несколько конвертиков и передал их ей. В конвертах оказалось несколько кредитных билетов и облигация в 1000 рублей. Больной совсем оправился от болезни».

Пишешь это, а сам думаешь: ведь эта бедная женщина не первая же пришла к батюшке: видно, слава о его благотворительности, жалости к бедным и несчастным давно распространилась. И это был лишь один из поздних случаев, а ранее было уже много подобных. Недаром же около подвального дома ждала его группа других просителей и из Ораниенбаума, и из Петербурга. Недаром же на другой день передал он бедной женщине несколько конвертиков с кредитными билетами и облигацией в 1000 руб. Очевидно, были уж и жертвователи батюшке-благотворителю. Пишешь и плачешь. А мы, современные пастыри, разве такие милостивые? И недаром нас разогнал Господь по разным странам и далеким местам, чтобы лично познали мы бедность людскую и могли сочувствовать низшим сословиям. Но мы не о себе пишем, а об о. Иоанне. Вот и другой случай, который говорит тоже о несчастной душе; о чем часто рассказывается в житии о. Иоанна. Одна интеллигентная девушка рассказала следующее. «Судьба рано заставила меня страдать и томиться жизнью. С малолетства я не была любима в родной семье. От природы болезненная, неразвитая, ни к чему не способная, но изнеженная, нервная, я была в тягость другим и сама себе. Отдали меня в институт. Но и оттуда через

три года исключили меня по неспособности к учению. Отца моего уже не было в живых. Мать моя, болезненная женщина, не имела средств меня содержать так, как мы жили при отце. Наконец, умирает и мать моя. Не имея возможности нигде прочно приютиться, я перекочевывала с места на место. Одно время я гостила в Кронштадте. И здесь мне было скучно. Однажды мне уж очень стало тяжело; и я, во время одной прогулки, начала обдумывать план, как бы мне прекратить свое бесполезное и мучительное существование. Сидя в таком грустном настроении, я не заметила, как подошел ко мне священник и, приветливо поклонившись, сел на другой конец лавочки. Не зная его, как и никого в Кронштадте, и не желая ни с кем разделять своего тяжелого настроения, я встала и хотела удалиться. Но незнакомый мне батюшка остановил меня и сказал: «Я обеспокоил вас, кажется? Извините. Но проходя мимо, я не мог не подметить тяжелого настроения вашей души, свидетельствующего о глубокой высокой вашей скорби. И как пастырь, хоть и не знакомый вам, но по сану пастырства не чуждый, решил подойти к вам и с чувством искреннего участия побеседовать с вами. Не стесняйтесь: откройте мне вашу скорбь! Может быть, через меня, грешного, Господь и успокоит вас и утешит вас». Тронутая таким участием человека, мне совершенно не знакомого, я горько заплакала; но ничего не могла сказать, кроме одного: «Я — несчастная! Лишняя на свете!» «Великий ум Творца не мог сотворить ничего лишнего», — ответил батюшка. Указывая не ползущую по песку букашку, он продолжал: «Посмотри, что беспомощнее, ничтожнее этого насекомого? Но и оно не лишнее; и оно приносит долю пользы; и оно не забыто и не оставлено Творцом! А ты, будучи человеком, этим любимым созданием Божиим, отчаиваешься в Его милосердии? Поведай мне скорбь свою: скажи, что случилось с тобою?» Тут я излила всю душу пред добрым батюшкой. Мне казалось, что еще никто не говорил со мною с таким участием; никто так не утешал меня. Он казался мне ангелом, посланным Богом на спасение от гибели, до которой было уже мне так не далеко. Ободрял, утешал, указывал мне путь, которым я и иду до настоящего времени, не переставая благодарить его. Имени своего он мне не открыл, назвавшись одним из соборных священников. Когда же, вернувшись домой, я рассказала о своей замечательной встрече и беседе с каким-то священником, мне сказали, что это был несомненно о. Иоанн. При этом они добавили: это дивный святой муж!»

Довольно этих двух случаев, чтобы получить верное впечатление о любви этого священника к страждущим людям. И тогда мы поймем, почему он и в проповедях, и в Дневнике своем многократно и сильно говорит о любви.

Я позволю оттуда привести несколько выдержек. Вот что он говорит на пятую заповедь блаженства: «Блаженни милостивии»; там и вскроются побуждения к любви. «Ничто так не свойственно истинному христианину, как милость, как милосердие к ближнему. Почему? Потому что христианская вера и Церковь непрестанно возвещают нам о бесконечном милосердии Господа Бога к людям, которое, непрестанно являясь во всем мире, открылось наипаче в ниспослании на землю Богом Отцом Сына Его Еди-

народного для спасения мира от погибели; и в основании на земле Церкви Христовой, или общества спасаемых».

«Но если Господь Бог наш столько милосерд и вообще ко всем людям, то и мы должны быть милосерды друг ко другу. Сам Господь убеждает нас быть милосердыми к ближним, именно милосердием Божиим к нам. «Будите убо милосерди, — говорит Он, — якоже и Отец ваш милосерд есть» (Лк. 6, 36).

Весь Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа преимущественно завещает нам взаимную любовь и милосердие. «Потому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь» друг к другу, — говорит Господь апостолам (Ин. 13, 35). Сверх всего этого, милосердие особенно должно быть свойственно христианину и потому, что он есть и называется членом Церкви Христовой, члены которой суть Его сочлены, или члены единого с Ним тела». И далее о. Иоанн приводит целый ряд текстов из Первого послания к Коринфянам (12 гл. 12–27). «К этому прибавьте еще свойственное каждому из нас чувство милосердия, вложенного в природу нашу Самим Богом, которое и дикаря побуждает к состраданию страждущему. А самое множество подобных нам человеков, терпящих разные мучительные нужды, множество — бедных, несчастных, голодных, нагих, больных, не должно ли пробуждать в нас естественное чувство милосердия?.. Видите: сколько побуждений к милосердию? Господь Иисус Христос и св. мужи Ветхого и Нового Завета ни к чему так сильно не побуждают как к милосердию: «Благотворите, и взаим дайте ничесоже чающе:... и будете сынове Вышняго: яко Той благ есть на безблагодатныя и злыя» (Лк. 6, 35). И вопреки обыкновению своему ссылаться на Св. Писание и приводить собственные основания, о. Иоанн на этот раз ссылается еще и на творения св. отцов. «Посмотрите, как постоянно внушают милосердие мужи боговдохновенные, и как оно близко их сердцу, — пишет св. Григорий Богослов. Не так они возвещают о нем, чтоб раз или два поговорили что-нибудь о бедных, и потом отступились; не так, чтобы одни упоминали о милосердии, а другие — нет, или некоторые говорили о нем больше, а другие — меньше, как будто бы оно не было важным и крайне нужным предметом.

Нет, — они все, и каждый в особенности, почитая сию заповедь главною или одною из главных, с ревностию побуждают нас к исполнению ее: то увещанием, то угрозами, иногда — упреками, а иногда и похвалами милосердым. И все это — для того, чтобы непрестанными напоминаниями о сей заповеди усилить ее действие в сердцах наших. Никакое служение так не угодно Богу, как милосердие, потому что оно всего более сродно Богу; праведный Мздовоздаятель ни за что так не вознаграждает Своим человеколюбием, как за человеколюбие». Затем тот же св. Григорий Богослов, напоминает нам о единстве нашей природы с бедными, или, говорит он, «лучше — если должно упомянуть о важнейшем — они (бедные) также, как и мы, одарены образом Божиим и хранят его, может быть, лучше нас, хотя и истлели телом; в Единого облечены Христа по внутреннему человеку; одинаковый с нами приняли в сохранение залог Духа, участвуют в одних в нами законах, глаголах Божиих, заветах, собраниях, таинствах, надеждах; за них

равно умер Христос, взявший на Себя грех всего мира; они суть наследники небесной жизни, — хотя весьма много отчуждены от земной; они спогребаются Христу и совосстают с Ним, дабы с Ним прославится. Итак, не презри брата твоего, не пробеги мимо него, не гнушайся им (больным), как нечистотою, как заразою, как чем-то отвратительным и отверженным. Это — твой член, хотя и покривило его несчастие. Тебе оставлен есть нищий, как Самому Богу, хотя ты и слишком надменно проходишь мимо него. Тебе предлагается случай доказать свое человеколюбие, — хотя и отвращает тебя враг от собственного своего счастия. Вразумись чужими бедами... Вместо великого дара принеси усердие. Ничего не имеешь? Утешь слезою! Великое врачевство злополучному, когда кто от души пожалеет о нем: несчастие много облегчается искренним соболезнованием. Так учит нас, — заканчивает о. Иоанн словами Григория Богослова, — и разум, и закон, и собственный опыт, и справедливейшие из людей».

Но и этим не удовлетворяется батюшка: он в той же беседе ссылается еще на двух святых отцов: Василия Великого и Иоанна Златоуста.

«Наконец, и то должно служить важным побуждением к милосердию, что оно — весьма полезно для самих благотворителей... Являя плод благотворения, ты соберешь его сам для себя, — пишет св. Василий Великий, — потому что благотворность добрых дел возвращается к делающим... И поданное тобою делается твоею собственностью, возвратившись к тебе с приращением... У тебя принимать будет Бог; хвалить тебя будут ангелы; ублажать будут все люди, сколько их ни было бы от создания мира. Вечная слава, венец правды, царство небесное будет тебе наградою за доброе распоряжение сим тленным имуществом». Потом приводит о. Иоанн слова св. Златоуста о том, кому и как давать милостыню. «Творить милостыню значит не просто давать, но с усердием и радостию и с чувством благодарности к принимающему. Итак, если кто дает не с таким расположением, тот лучше не давай. Ибо это не милостыня, и напрасная трата. Ведь то и милостыня, когда подаешь ее с радостию и думаешь, что сам больше получаешь, нежели даешь». «Милостыня и вера да не оскудевают у тебя. Не сказано: сделай благодеяние однажды, дважды, трижды, десять раз, но во всякое время: да не оставляет тебя, — сказано». И не нужно быть очень пытливым и разборчивым относительно бедности просителей: «Ибо нет примера, чтоб слишком разборчивый в таковых случаях принял когда-нибудь святого. Но таковый всего чаще попадает на обманщиков». И заканчивает свою беседу о. Иоанн словами Григория Богослова: «Ты никогда не будешь щедрее Бога; хотя бы и пожертвовал всем, что имеешь; хотя бы отдал вместе с имуществом и самого себя; поелику все — от Бога».

О любви у самого о. Иоанна так много говориться, что поистине не знаешь: с чего начать? Но начнем опять с учения об образе Божием. Пусть не будет систематично, но все же хоть в каком-нибудь порядке.

«Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8). Он любит все Свои создания; и наша любовь есть только малое подобие той любви, какую имеет к нам Господь Бог. Потому-то Господь Бог требует от человека, чтобы он совершился

Ему, как образ Подлиннику. Христос Спаситель говорит: «Будите убо вы совершенни, якоже Отец ваш небесный совершен есть» (Мф. 5, 48). И «общий наш (долг) — уподобляться Господу». И святость наряду с любовью представляет одинаковое совершенство. Поэтому у одного Евангелиста приведены слова: «будите совершенни», святы, а у другого: «будите милосерды», как Отец ваш Небесный (Мф. 5, 48; Лк. 6, 36). Значит, святость и любовь истинная совпадают. Так именно учит и о. Иоанн, как читается в тайной молитве на Литургии: «С сими небесными силами» и мы вопием: «Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф»; ибо «Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть» (Ин. 3, 16).

Следовательно, любовь и святость — совершенство. Но если ап. Иоанн больше останавливается на определении Бога как Любви; то о. Иоанн больше останавливается на словах Самого Господа: «Будьте святы, якоже Аз Свят есмь», то есть Сам Бог (Втор. и у ап. Петра); сущность одна и та же. Но мы о святости говорили выше; а теперь будем говорить о Боге, как о Боге любви. «Мы образ Божий, а Бог есть любовь». И из этого образа Божия, основного пункта у о. Иоанна, выводится и совершенство святости, а теперь и совершенство любви. «Будем же жить в любви; поревнуем об ней всеми силами. Господи, помоги! А земное все, — все снеди, одежды, сочтем за сор; и не станем из-за сору прогневлять Господа, угрызая друг друга, враждуя друг на друга. Что-либо едино: или Бог, или плоть! Двух богов признавать нельзя; двум служить нельзя». «Господь твой есть любовь. Люби Его и в Нем — всех людей, как чад Его во Христе». «Господь твой есть Бог милости и щедрот: будь и ты для ближних источником милости и щедрот. Если ты будешь таким, то улучишь спасение со славою вечною».

К той же любви приводит о. Иоанн и учение о Пресвятой Троице. «Что Св. Церковь внушает нам, когда и на домашней молитве и на церковной влагает в наши уста молитвы от лица всех, а не от одного лица? Внушает нам непрестанную взаимную любовь; чтобы мы всегда и во всем на молитве и в житейском обращении, любили друг друга, как себя; чтобы мы, подражая Богу в Трех Лицах, составляющих высочайшее единство, сами были бы едино, из многих составленное. «Да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут» (Ин. 17, 21). «Пресвятая Троица есть любодружное единство; Пресвятая Троица — совершеннейшее единение Трех Лиц во Едином Существе; потому что — совершеннейшее равенство. Кроме Господа Иисуса Христа с Отцем Его и Святым Духом — нет для меня блага на земле. Он (Троица) — единственное мое блаженство на земле. После Бога нет для меня на земле ничего дороже — как и должно быть — души человеческой: она всего дороже. Человек — драгоценное существо: Сам Бог сошел для спасения его на землю. Человеку Он дает в снедь и питие пречистое Тело и Кровь —всего Себя, — только бы он был блажен! Только бы не погиб! Все плоды земные, сокровища всех трех царств Он отдал во власть, пользу и удовольствие человека. Всеми этими щедротами, превышающими всякую меру, Господь показал и постоянно показывает, что Он бесконечно любит род человеческий и каждого человека в отдельности. Будем и мы подражать

любви и щедротам Божиим; будем по возможности милосерды и щедры, как Отец наш Небесный милосерд есть (см.: Лк. 6, 36). Блажен, кто презрел все земное и уязвился любовью Божиею, любовию небесною! Но как мало таких людей из падших сынов Адама. В ком есть жало истинной любви к Богу и ближнему? Жало страстей и сластей изжало жало Божией любви: места не дает ему.

В иных ежедневно эти два начала борются и попеременно вытесняют друг друга. А в других и борьбы нет. Жало земное в иных вполне господствует, подавляя жало небесное; например: в корыстолюбцах, сластолюбцах, честолюбцах, пьяницах, обманщиках, убийцах, блудниках и прелюбодеях и т. п.

О, когда сердца наши возгорятся всецело любовию к Отцу и Сыну и Святому Духу Животворящему Триипостасному Божеству, заповедавшему сохранить заповеди Его?» Так догмат о Троичности влечет о. Иоанна к любви: и к Самому Богу в Троице — Единице, и к творению Его, особенно человеку. Но еще больше влечет его к той же любви Бог воплотившийся — Христос, Сын Божий. Об этом у Батюшки написано так много, что невозможно все существенное выписать. И приходится указывать лишь на немногое. Вот несколько выдержек. «Бог Сына Своего Единородного не пощадил для человека, — чего же после этого мы пожалеем для ближнего: пищи ли, пития ли, одежды ли для его одеяния, денег ли на его различные нужды?» «Что сделал для нас, ничтожных, неблагодарных и злонравных, Владыка живота нашего? С небес сошел; в нашу плоть облекся; чудеса многоразличные сотворил; пострадал, кровь всю излиял, умер; во ад сошел, сатану связал, ад разорил, узников ада связанных разрешил и на небеса возвел; из мертвых воскрес, да нас воскресит с Собою. Исполним Его завещание предсмертное: да любим друг друга (см.: Ин. 13, 34). Потому нас и узнают, что мы — ученики Его: «Господи, помоги!»

«К несчастию, в нас мало веры во Христа; и мы хотим совместить любовь к миру с любовию ко Христу, пристрастия житейские с любовью к Богу. Несовместимо! «Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе» (Мф. 16, 24), всего любимого им в мире до пристрастия и да возненавидит душу свою грехолюбивую». Потом добавлено о. Иоанном: «24 декабря 1869 года».

«Не душа ли болши есть пищи»? (Мф. 6, 25) — говорит Господь Иисус Христос в Евангелии. «Ах! Неизмеримо, бесконечно больше! В душе сияет образ Бога невидимого, Творца всего. Не только чего-либо вещественного, но — души своей, жизни своей я не должен щадить для пользы брата, — вещественной или телесной, особенно же духовной. Служа с любовью пользам брата, я служу Самому Богу. О, я чувствую сердцем высокую, великую истину: «Понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе» (Мф. 25, 40). Почему так? — Потому, что во-первых, что всякий человек есть образ Божий; и во-вторых, потому, что Иисус Христос есть Бог вместе и человек и Глава тела Церкви Своей, — так что мы составляем «уди... Его, от плоти Его, и от костей Его» (Еф. 5, 30), то есть мы — члены Христовы». «Прилепившийся к Богу непременно и как бы

естественно любит и ближнего; потому что ближний есть образ Божий; а если — христианин, то и чадо Его, член Иисуса Христа, Богочеловека, и собственный член Его. И сам будет жилищем, обителью Святыя Троицы. Христианину делаешь добро — Христа, Сына Божия, делаешь должником себе; ибо христиане — тело Его, члены Его. Христианина одолжаешь — Духа Святого одолжаешь; ибо христиане — храмы Святого Духа». «Нет чести выше, как быть христианином и членом Христовым, чадом Божиим во Христе! Нет никого богаче того человека, который носит в сердце своем Христа и благодать Его: «Что бо ми есть на небеси? И от Тебе что восхотех на земли?» (Пс. 72, 25). А мы жадничаем, собираем, скупимся, гордимся, завидуем. Какое заблуждение, бессмыслие! Будь богат Богом! Все приходит тебе от Бога!» Сам Христос «есть высочайшая и святейшая любовь. Он — надежда в смерти нашей; Он — жизнь по смерти нашей; Он — утешение наше на Суде Его; Он не посрамит нас и тогда и в вечные обители Царствия небесного введет нас». Все — Христос! Он — единственный Спаситель. «Хочу, — говорит о. Иоанн в одной из бесед пред Рождеством Его от Девы, — побеседовать с вами, возлюбленные, о имени Иисус: о его значении и силе, и о том, — каких грешников Он пришел спасти. Имя Иисус — значит Спаситель. Это имя дано Иисусу Христу, потому что Он пришел в мир грешников спасти. «Нет другаго имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4, 12), —повествует апостол Петр, — кроме имени Иисуса Христа. Ибо Он един есть Агнец Божий, по воле Бога Отца взявший на Себя грехи мира».

Между прочим, Он единственный Спаситель «подвизающихся в милости к ближним, чтобы себе исходатайствовать верою в Него великую и богатую милость и здесь, и на Страшном Суде». Но и этого мало. Христос вознесся к Отцу, но вместо Себя основал Церковь, которой послал Духа Святого. «Вси же вы братия есте» (Мф. 23, 8). «Любите друг друга» (Ин. 15, 17). Церковь — Божие как бы великое святое семейство; в котором Бог — Отец; Пресвятая Богородица — Матерь наша; ангелы и святые человеки — старшие братья; и мы все — братья единоутробные, порожденные Церковью в одной купели крещения Духом Святым. У чад Отца Небесного — молитва, предначинаемая Сыном Его: Отче наш». Одна семья: как же не быть здесь взаимной любви! «Бесчисленное множество святых угодников оправдали своею жизнью Божественный план спасения человечества: «оправдися» Божественная «премудрость от чад своих» (Мф. 11, 19). Этот дивный Божественный план спасения совершается и ныне во всех покорных любвеобильному гласу Божию». Где же? «Господь основал на земле Церковь Свою, которой вручил небесное и спасительное учение, Свои спасительные таинства, дал Своих учителей и пастырей, которым вверил руководство к небу искупленного (на кресте) человечества». «Царство Небесное, царство благодати, которое есть Церковь Его» — и есть эта семья: небесная и земная. «Если будешь иметь к этой семье, к церкви Христовой «христианскую любовь к ближним; то будешь любить все небо; если будешь иметь единение духа с ближними; то будешь иметь единение с Богом и со всеми небожителями. Будешь милостив к ближним, а к тебе

будет милостив Бог, равно и все ангелы и святые. Будешь молиться за других, за тебя все небо будет ходатайствовать». А потом о. Иоанн добавляет: «Свят Господь Бог наш; и ты будь таков же!» Следовательно, любовь и святость одно и то же! Совершенство и милосердие — одно и то же!

Когда мы выше говорили о Церкви, в разделе о спасении, то мы говорили и о законе любви; но по преимуществу — Христа к Его Церкви. «Любовь Господа Бога к людям превосходит всякое разумение; ибо Он по вольном падении человека употребил для спасения его чрезвычайно средство — воплощение и вочеловечение Сына Своего Единородного; и насадил на земле Церковь Свою — это чудное, святое, божественное, всеспасительное учреждение». Да без любви не может быть и Церкви Христовой: «Любовь есть признак самый верный учеников Христовых и членов Церкви. Без любви нет Церкви! Сию любовь да насади в нас, Господи, да не мыслим зла».

Поэтому пойдем далее, не останавливаясь на Церкви Христовой, как основе любви и членов ее. А далее — для любви о. Иоанн указывает новые основания. Любовь есть — конец совершенства, высота его, — как известно из Лествицы Иоанна Лествичника. Конец ее, ступень тридцатая, то есть последняя, заключительная: он не смеет даже говорить о ней подробно, а только указывает, что говорить о любви — то же, что говорить о Самом Боге. И замолкает. Батюшка же Иоанн, подобно Иоанну Златоусту, говорит не наговорится о любви; потому что он знал, что любовь и высока, но и практична: иначе без любви к ближнему человек вообразит себе, что он любит Бога; а этого не может быть. Поэтому Батюшка пользуется всякими поводами, чтобы возвысить любовь, или чтобы хоть сказать о ней еще и еще раз. Вот, например, апостол учит, что любовь завершение, или полнота совершенства закона (см.: Рим. 13, 10). Так пишет и о. Иоанн: «Даруй мне, Господи, исполнить закон Твой, который есть любовь во всей силе, во всей обширности, во всей глубине».

Нужно «считать за самое драгоценное в жизни любовь; и для нее всем жертвовать; ей все покорять; для нее всем пренебрегать». «Любовь есть начало и душа всех добродетелей; а потому тот, кто имеет ее, сделает все нужное для пребывания его во свете (см.: 1 Ин. 2, 5), и исполнит весь закон, потому что «любы — как говорит апостол Павел —исполнение убо закона» (Рим. 13, 10). А кто исполняет закон Христов, тот есть благодарный сын Божий и, следовательно, сын благодатного Света».

Любовь известна и диаволу, как высшее свойство Божие; поэтому, — говорит о. Иоанн, — он и воюет против нее. «Бог есть любовь, и пребываяй в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает» (1 Ин. 4, 16). Враг (то есть диавол) больше всего нападает на любовь, на чувство любви; и адски стремится исторгнуть из сердца любовь; и насадить, и укоренить в нем самолюбие, злобу, зависть, корыстолюбие, плотоугодие, блуд и проч.; чтобы растлить душу и тело человека и сделать его неспособным к истинной любви.

И еще одно из многих оснований к любви: блаженство от нее: «Боже мой! Как любовь и искреннее сочувствие к нам ближнего услаждает наше

сердце! Кто опишет это блаженство сердца, проникнутого чувством любви ко мне других?! Это — неописанно! Если здесь, на земле, взаимная любовь так услаждает нас; то какою сладостью любви будем мы преисполнены на небесах, в сожительстве с Богом, с Богоматерью, с небесными силами, со святыми Божиими человеками?! И чем временным, земным мы не должны пожертвовать для получения такого неизреченного блаженства неизреченной любви?! Боже, имя Тебе Любовь! Научи меня истинной любви, как смерть крепкой.

Вот я преизобильно вкусил сладости ее от общения в духе веры, яже в Тя, с верными рабами и рабынями Твоими! И преизобильно умиротворен и оживотворен ею. О, если бы это было так во вся дни!» «Какое блаженство! И как мне не подвизаться на земле всеми силами за такое блаженство? И оно еще только слабые начатки, только некоторое слабое подобие небесного блаженства любви! Люби особенно общение благотворения, как вещественного, так и духовного. «Благотворения же и общения не забывайте» (Евр. 13, 16).

Причем эта любовь начинается еще здесь, на земле — любовью к обыкновенным людям. С нее, с любви к людям, и нужно начинать: иначе можно вообразить, что имеешь любовь, если только ходишь в храм и будто любишь Бога.

«Любовь к Богу тогда начинает в нас проявляться и действовать, когда мы начинаем любить ближнего как себя, и не щадить ни себя, ничего своего для него, как образа Божия. «Не любяй брата своего, егоже виде, Бога, Егоже не виде, како может любити» (1 Ин. 4, 20). Любовь к Богу непременно связана с любовью к человеку, и наоборот. «Наша жизнь, — говорит о. Иоанн, — есть непрерывный ток неизреченных милостей Божиих: отсюда она должна быть непрестанною любовью к Богу и ближнему — образу Его и сочлену нашему. Любя ближнего, мы любим Бога; почитая всякого человека, мы почитаем образ Божий, Самого Бога и сами себя; ибо ближний — другой, пятый, десятый, сотый, тысячный, миллионный и так далее — я! Много листьев на дереве, а все — одно дерево. И наоборот: где в сердце ненависть, там не может быть истинной любви к Богу и человеку и даже к самому себе. Нелюбовь, вражда или ненависть не должны быть известны между христианами даже по имени. Везде ты видишь любовь; везде обоняешь благоухание любви: Бог наш — Бог любви; Царство Его — царство любви; из любви к нам Он не пощадил для нас Сына Своего Единородного и на смерть предал Его за нас. Дома ты видишь <...> на домашних. В Церкви везде — символы любви: кресты, крестные знамения; святые, угодившие любовью к Богу и ближним; и Сама воплощенная Любовь (Христос). На небе и на земле везде любовь. Она покоит и услаждает сердце, как Бог; тогда как вражда убивает душу и тело. И ты всегда обнаруживай любовь, а не имей злобы. Ни на минуту не имей злого сердца; всегда будь любезен ко всем, побеждая свое злое расположение любовию. Избегай упрямства, своенравия и противления ближним; не поставляй на своем, чтобы исполнить свой злой каприз». «Любовь смотрит на свои недостатки и неохотно их замечает в других; злоба же — зорка на малейшие

недостатки ближнего и слепа для своих великих недостатков: в ближнем видим сучек, у себя не видим бревна (Мф. 7, 3). И это часто и пречасто, несмотря на внутреннее вразумление от Бога». «Кто не согласится, что грех ненависти к ближнему есть почти самый обыкновенный, весьма часто — гораздо чаще, чем другие грехи — повторяющийся между нами? Если же к этому присовокупить еще то, что любовь к ближнему тесно связана с любовью к Богу; так что кто, по апостолу, не любит брата своего, тот не может любить Бога; то мы согласимся, что все те, которые ненавидят своих ближних, остаются «во тьме» (см.: 1 Ин. 2, 9)! Поэтому, ненависть нужно заменять любовью к ближнему, как «настоящую болезнь» нужно заменять противоположным средством». Например. «Отыщи и в злом человеке что-либо доброе и порадуйся об этом добре; и с радостью говори об его добрых качествах. Зло же, в нем находящееся, покрывай любовью и молись за него Богу, чтобы Бог «лукавых благими сотворил благостию Своею (из литургии св. Василия Великого). Не будь сам злою бездною». Или: «Побеждай все любовью: всякие обиды, всякие капризы, всякие неприятности семейные. Не знай ничего, кроме любви. Вини всегда искренно себя, признавая себя виновником неприятностей. Говори: я виноват, я грешен!» «Помни, что как ты немощен, так и ближний. И винить нечего немощных и грешных, сами они признаются в своей немощи. Диавола, сильного во зле, надо винить». «Ближнего надо еще больше любить, когда он согрешает против Бога или против нас; ибо он тогда болен, тогда он — в беде душевной, в опасности. Тогда-то и помилосердствовать и помолиться о нем!» «Все неправды человеческие предоставь Господу, ибо Бог — Судия есть; а сам люби прилежно, от чистого сердца, всякого. Да помни, что ты сам — великий грешник и нуждаешься в милости Божией. А чтобы заслужить милость Божию, надо всячески миловать других. Буди, буди! Все — для всех Господь!» «Люби всякого человека несмотря на его грехопадения. Грехи — грехами; а основа-то в человеке одна — образ Божий. Да и ты не без зла: может быть, даже, в тебе его больше, чем в других.

По крайней мере в отношении грехов люди равны: «Вси бо, — сказано, — согрешиша, и лишени суть славы Божия» (Рим. 3, 23); все повинны пред Богом, и все равно нуждаемся в Божьем к нам милосердии. Потому, любя друг друга, надо терпеть друг друга, и оставлять, прощать им погрешности против нас, чтобы и Отец Небесный простил нам согрешения наши (см.: Мф. 6, 14).

Например, в мире тебя оклеветали. Но на кого же из благочестивых или святых не клеветали люди? На Самого Христа клеветали; на апостолов — премного, на мучеников, на всех святых. Нужно иметь терпение и презрение к миру, к славе и чести людской, и стараться иметь совесть непорочную пред Богом и людьми: мир же не стоит того, чтобы нам искать чести от него.

Бог — наш Судья, испытующий сердца и внутренности (см.: Пс. 7, 10); а людской суд — погрешителен и ничтожен, в сравнении с судом Божиим». «Люби врага, — и ты будешь премудр. О, если бы ты знал: какое торжество, какое блаженство — любить врага и делать ему добро! Так Сын Божий вос-

торжествовал и торжествует Своею Любовью над неблагодарным, злонравным родом человеческим. Так святые Божии торжествовали над врагами своими, любя их и делая им добро. «Грешником сущым нам Христос за ны умре... Аще бо врази бывше примирихомся Богу смертию Сына Его, множае паче примирившеся спасемся в животе Его» (Рим. 5, 8 и 10). Не раздражайся насмешками и не питай ненависти к ненавидящим и злословящим; а полюби их, как твоих врачей, которых послал тебе Бог, чтобы вразумить тебя и научить смирению. И помолись о них Богу. «Благословите кленущыя вы» (Мф. 5, 44). Благодари же Бога за внешнее бесчестие: потерпевший бесчестие здесь — не подвергнется ему в том веке». «Раздражаться же, особенно тогда, когда укоряют нас в действительных слабостях, значит прилагать болезнь к болезни, страсть к страсти: значит недуговать добровольно слепотою самолюбия, которая не хочет видеть своих темных сторон и добровольно погибает. Унывать же — совсем безрассудно: и христианин при помощи благодати Божией, если восхощет, всегда может измениться к лучшему. Да, для этого Господь и посылает нам обличителей, чтобы они открыли нам сердечные очи; чтобы мы увидели безобразие дел своих; и видя, поправились; а — не для того, чтобы повергнуть нас в уныние. Уныние — грех и дело диавола. Обличения должны производить на нас «печаль... по Бозе», производящую «покаяние нераскаянно во спасение» (2 Кор. 7, 10).

Так заканчивает о. Иоанн 2-й том своего Дневника. «Льстецы — большие враги наши: они ослепляют нам глаза; не дают нам видеть своих недостатков и потому разгораживают нам путь к совершенству; особенно же, если мы самолюбивы и недальновидны. Потому надо всегда останавливать льстецов, говорящих нам лестные речи, или уклоняться от них. Горе тому, кто окружен льстецами! Благо, кто окружен простецами, не скрывающими правду, хотя и неприятную: например: обличающими наши слабости, погрешности, страсти, промахи». А вот — истина. «Грехи, — говоришь, — есть в брате и большие недостатки? В тебе есть тоже. Не люблю его, — говоришь, — за такие и такие недостатки? Не люби и себя; ибо те же самые недостатки, какие в нем, есть и в тебе. Но помни, что есть Агнец Божий, Который приял на Себя грехи всего мира. Кто же ты, осуждающий ближнего за грехи, за недостатки, за пороки? Всякий «своему Господеви стоит или падает» (Рим. 14, 4). Но тебе, по любви христианской, надо всячески снисходить к недостаткам ближнего; надо врачевать его зло, его немощь сердечную — всякая холодность, всякая страсть есть немощь! — любовью, лаской, кротостью, смирением; как этого желаешь себе от других сам, когда бываешь в подобной ему немощи. Кого пощадит всезлобный враг? — Господи! Разруши в нас все козни вражии!» Ах, много бы следовало писать выдержек о любви из о. Иоанна! Но чтобы кончить эту часть о ней, еще приведу несколько слов Батюшки из его наблюдений над собой и другими: как трудна любовь. «Жизнь сердца, — пишет он, — есть любовь; смерть того — злоба и вражда на брата. Господь для того нас и держит на земле, чтобы любовь к Богу и ближнему всецело проникла сердца наши: этого Он и ждет от всех. Это — цель стояния мира». Но любовь к человеку — очень трудна, особенно в его падшем состоянии. «Любовь к Богу и

ближнему в настоящем нашем поврежденном состоянии, без самопожертвования не бывает и быть не может. Кто хочет исполнить заповеди о любви к Богу и ближнему, тот должен заблаговременно обречь себя на подвиги и лишения ради любимых. Аминь».

«О сем познахом любовь, яко Он (Христос) по нас душу Свою положи» (1 Ин. 3, 16). «Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15, 13). Любовь там — где крест. Крест без любви нельзя мыслить и представлять: где крест, там и любовь.

В церкви вы везде видите и на всем видите кресты для того, чтобы все напоминало вам, что вы во храме Бога любви, в храме Любви, распятой за нас».

Поэтому и Сам Христос пострадал до креста смертного; поэтому крестоношение заповедал и всем Своим последователям. Поэтому крестоношение есть Божия заповедь; а крестоборчество — человеческая жалость; а лучше сказать: сатанинская. Так именно Сам Господь Иисус Христос назвал Петра — сатаною потому, что тот хотел обойтись без креста (Мф. 18, 21–23). Но об этом еще будем говорить после, когда дойдем до конца жизни о. Иоанна Кронштадтского.

А теперь снова воротимся еще к любви, подделке ее. Иногда человек — а лучше сказать диавол — подделывается под истинную, духовную любовь. Например. «Там, где начинается плотская любовь, кончается истинная духовная любовь и начинается действительная вражда на Бога и на людей, даже самых близких: муж, полюбивший другую женщину, делается врагом и неприятелем своей семьи; да и преступницу любит только по-скотски, ради наслаждения гнусного». «Бесплотный враг в своих пагубных действиях на людей старается лукаво подражать Господу и заменить Его действия и блага своими, мнимыми. Так, вместо сладости Божией благодати он измыслил свои власти — сласти плотские в самом усиленном виде, или —пресыщение житейскими сластьми. Вместо божественной, сладчайшей, нетленной духовной любви измыслил плотскую, нечистую, растлевающую душу и тело, и от Бога разлучающую, к Богу охлаждающую, какова — блудная страсть; чтобы во всем противляться Богу и держать людей в постоянной своей прелести и тьме». «Вместо любви взаимно враг посеял в людях неприязнь, злобу, зависть, злорадство, злопамятство; или — вместо чистой любви посеял в людях нечистую плотскую любовь, страстную, растленную, богопротивную; зла, а не добра; лукавства, а не простоты и истины. А потому все мы должны стараться уподобляться благому Богу, а — не злому противнику Его и нашему». «И во-первых, человек, сотворенный по образу Божию, унижает себя и другого чрезвычайно, делая другого человека целью сладострастия, как вещь бездушную, и себя — тем же; во-вторых, эта любовь нелепая, потому что страстная и бесцельная, безжизненная, извращенная, противная намерениям Творца; в-третьих, она эгоистичная, узкая и слепая, ибо касается одного известного лица, — и то низшей части его существа — тела. Между тем, как бессмертная душа презирается; и ее истинная цель бытия — славить всячески Господа в правде и святости —извращается: она исключает всякую правильную любовь — любовь к Богу и человечеству, —

особенно к человеку бедствующему, больному, скорбному». И «там, где начинается плотская любовь, кончается истинная духовная любовь и начинается действительная вражда на Бога и на людей, даже самых ближних: муж, полюбивший другую женщину, делается врагом и неприятелем своей семьи; да и преступницу любит только по-скотски, ради наслаждения гнусного». «Сколько бывает искушений из-за пристрастия к красоте женской, к деньгам,... ко всяким лицам и вещам, к коим привязывается сердце!» «Страстною привязанностию души к здешней жизни нарушается целость, мир, свобода, здравие души, которая естественно стремится к своему Первоначалу — Богу. Любовь мира сего есть вражда на Бога. «Аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем» (1 Ин. 2, 15). «Вся ми леть суть, но не аз обладан буду от чего» (1 Кор. 6, 12).

Так отличается между собою любовь животная и Божия, любовь естественна и духовная: их нужно очень ясно различать. Сам о. Иоанн весьма ясно различал их и противился животной и естественной любви, даже в помыслах, в чувствах. Так некогда в его руки попал журнал, в котором изображена была соблазнительная нагота женщин. А он, смотря на нее, стал славить Творца. Духовное мудрование, духовная любовь к Богу подсказали ему иное отношение; и он так и начал мыслить. «Когда я это сказал сам в себе, — всякая похоть пропала. Я стал покоен и уже нисколько не соблазнялся нагим телом женщины; а славил Господа, все премудро создавшего». В другой раз «разорвал место одного журнала», где была изображена женщина. Различна бывает любовь! Как же здесь разбираться? Где истинная, а где ложная любовь? Лучше всего нужно смотреть на то: чисто ли здесь или нечисто? Бог или диавол действует в нас? Это не трудно. Отец Иоанн говорит в Дневнике следующее. «Видел я и слышал людей, которые с лукавством и злорадством рассказывают о некоторых темных пятнах в жизни, деятельности великих и даже святых людей; и из-за темных [пятен, мнимых] или истинных порицают всю жизнь человека, называя его лицемером и едва не богоотступником. Ты говоришь: в этом святом отце или в этом благочестивом человеке есть такие и такие грехи. Что же? Он — человек; а никто из людей не безгрешен. Но разве ты — без греха? Если же нет, — что же ты бросаешь в брата камень осуждения?.. Ох, как мне противно это диавольское злорадство о грехе ближнего! Это адское усилие доказать его (осуждаемого) истинную или мнимую слабость! И люди, так поступающие, еще смеют говорить, что они уважают и всеми силами стараются исполнить закон о любви к Богу и ближнему! Какая же тут любовь к ближнему, когда даже в великих и святых людях намеренно хотят видеть и отыскивать темные пятна!.. Забыли они, что любовь «все покрывает!» (1 Кор. 13, 7). Как много делают зла эти нравственные черви себе и другим!»

Так воспринимал любовь о. Иоанн: ему бы все хотелось покрывать, а не осуждать. Поэтому он сам себе просит у Бога любви ко всякому человеку. «Даждь мне, Господи, любить всякого ближнего, как себя, всегда; и не из-за чего на него не озлобляться и не работать диаволу! Даждь мне распять мое самолюбие, гордость, любостяжание, маловерие и прочие страсти. Да будет нам имя: взаимная любовь! Да веруем и уповаем, что для всех нас

все —Господь; да не печемся, не беспокоимся ни о чем. Да будешь Ты, Боже наш, единым Богом сердца нашего; и кроме Тебя — ничто! Да будем мы между собою в единении любви, якоже подобает! И все, разделяющее нас друг от друга, и от любви отлучающее, да будет у нас в презрении, как прах, попираемый ногами! Буди, буди! Если Бог даровал Самого Себя нам; если Он в нас пребывает, и мы — в Нем, по неложному слову Его, то чего Он не даст мне? чего пощадит? чего лишит, в чем покинет? «Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит» (Пс. 22, 1)! «Како убо не и с Ним вся нам дарствует»? (Рим. 8, 32.)

«Итак, будь премного покойна, душа моя; и ничего не знай кроме любви. «Сия заповедую вам: да любите друг друга» (Ин. 15, 17). Значит, чего мало, то следует вымолить. Такой молитвой заканчивает он первый том Дневника своего. И там же он благодарит Бога за эту любовь. «Человеколюбче Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Благодарю от всего сердца моего, яко молитву мою, — о люблении ближнего и презрении земного, — услышал еси: и мирную, разумную, сладостную любовь в сердце мое излиял еси! Утверди, Боже, сие во мне молитвами Пречистыя Владычицы нашея Богородицы! И да буду я чадо Твое, Господи, и чадо Ее истиннейшее!» Потом подписано им же: «Июля 26 дня 1864. 11 часов вечера». Следовательно, сам о. Иоанн склонялся всегда и больше к любви. Потому закончим этот отдел его наставлением: «При столкновении и обращении с людьми содержи в сердце слово: «люби»! И внимая ему, беседуй со всеми с любовию и благорасположением сердца. Не выпускай никогда из сердца этого слова при столкновении с ближними: оно способствует утверждению сердца в любви. Разумеется, эту любовь надо носить в сердце не отдельно, не саму по себе; но вместе — с сердечною верою в Господа Иисуса Христа. Люби без размышления: любовь проста! Любовь никогда не ошибется». «Береги всемерно свое сердце, или искренность сердечную, способность сочувствия ближним в их радостях и скорбях. И как яда смертельного беги холодности и равнодушия к разным бедам, напастям, болезням, нуждам людским; ибо в сочувствии, особенно деятельном, выражается любовь и доброта христианина; а в любви — весь закон. Не допускай погаснуть святому огню любви, затмиться свету твоему. Не унывай от козней врага вырвать из уст молитву о всех людях, которая есть лучшее доказательство евангельской любви к ближним».

НИЩИЕ И БОГАЧИ

Известно, что о. Иоанн с самого начала священства своего особое внимание обращал на бедных прихода и города Кронштадта. Отчасти мы писали об этом в начале главы о любви. Но подробно об этой стороне жизни Батюшки я решил говорить в особом отделе. И снова напишу со слов

самих кронштадтских бедняков или записавших за ними по наблюдению и с их рассказов авторов.

Вот послушайте сами — выдержки. «Взгляните на пришедших к нему, — то есть о. Иоанну, — и вы удивитесь: какая перемена совершается со всеми в Кронштадте. Любовью здесь пламенеют сердца всех. Здесь в людях не встретишь эгоизма, или самолюбия». «Неотразимо мощно влияние о. Иоанна и на пригородных жителей Кронштадта. Говорят: теперь не узнаешь Кронштадта: так он изменился под его сильным влиянием сравнительно с недавним своим прошлым. Не могли не заметить этого даже и мы, — пишет от лица студентов Московской духовной академии — несмотря на свое непродолжительное пребывание в городе». «Ежедневно более тысячи нищих, 1500 или 1700, а иногда и до 3 000 человек здесь получают милостыню, как свою «неотъемлемую пенсию» на кусок насущного хлеба. Прежде эти деньги раздавал сам о. Иоанн. Вот что рассказывает один из очевидцев этого тысячного «строя», давший себе труд сделать над ним свою наблюдения» (Прил. к газете «День» за май 1891г.).

«Чуть загорелся восток. С моря потянуло прохладою. И только «посадская голь» начала вылезать из своих «щелей» — грязных, вонючих углов, — в низеньких ветхих домишках. Боже! неужели здесь живут люди? —думал я, обходя в первый раз посадские трущобы, точно вросшие в землю. Оказалось, живут; и не только живут, но живут плотнее и скученнее, чем например в богадельнях и казармах. Нары понаделаны рядами; а местами еще в два этажа! Голые доски, полутемная, нетопленая изба; смрадная, нестерпимо пахучая атмосфера, — вот общие признаки посадских «щелей». Только что пробило 5 часов утра, как из убогих посадских избушек начали выскакивать фигуры, мужские и женские, в каких-то маскарадных костюмах: кто в кацавейке и в больших калошах, кто в зипуне с торчащими клоками ваты; на голове остов цилиндра, соломенная в дырах шляпа, и т. п. Некоторые из женщин держат на руках закутанных детей. Более взрослые дети, держась за платье матерей, боязливо прижимаются к ним. Толпа растет с каждой минутой. Рядом и оборванцем в солдатской шинели и опорках вы увидите дрожащего от холода молодого человека в приличном на вид пальто. Рядом со странником — простого крестьянина, вынужденного вследствие безработицы протягивать руку. Все торопятся, точно по делу бегут. Это — «армия о. Иоанна». Не опоздать бы, не ушел бы. Только это у всех и на уме; потому что если «опоздать» или «он» ушел, то — день голодовки и ночлега под открытым небом. Конечно, этот «он» — отец Иоанн, «отец» и единственный печальник всей кронштадтской подзаборной нищеты. Без него половина «посадских», вероятно, давно извелась бы от холода и голода. «Куда же вы так торопитесь?» — спросил я одного оборванца, когда первый раз знакомился с «золотой ротой Кронштадта». «В строй, — отвечал он. — Кто опоздает к раздаче, после не получит». И пошел тоже за бежавшими. На дворе было холодно и совсем еще темно; фонарей в улицах Кронштадта нет, так что ходить приходится почти ощупью. Мы прошли несколько улиц, пока на горизонте образовался купол Андреевского собора. «Где строиться?» — спрашивали золоторотцы друг друга.

«У Батюшки, у Батюшки. Он сегодня не служит в соборе». Когда я подошел к дому, в котором живет отец Иоанн; там собралось несколько сот оборванцев; и народ продолжал стекаться со всех сторон. «Стройся, стройся», — слышались голоса. Сотни собравшейся голи начали становиться вдоль забора, начиная от дома о. Иоанна по направлению к Дому трудолюбия. На одной стороне становились мужчины; на противоположной панели — женщины. Меньше чем в 5 минут образовалась длинная лента из человеческих фигур, примерно в полверсты. Бедняки стояли в три колонны, то есть по три человека в ряд, так что занимали всю панель; женщин было гораздо меньше мужчин. Все ждали. Еще не было 6 часов, когда из калитки хорошо знакомого «золоторотцам» дома вышел батюшка. Толпа заколыхалась; но все остались на местах, обнажив только головы. Отец Иоанн снял свою шляпу; сделал поклон своим «детям», перекрестился на видневшийся вдали храм. И пошел по строю. Раз, два, три,... десять,... двадцать... — двадцатый получил рубль для раздела с 19 коллегами. Опять: раз, два, три,... десять,... двадцать... — и опять рубль. Так до самого конца строя. Только что кончился счет, вся толпа бросилась со своих мест к батюшке: кто становился на колени; кто ловил руку батюшки для поцелуя; кто просил благословения, молитвы; некоторые рассказывали свои нужды. И о. Иоанн всех удовлетворял; никому не отказывал; видно было, что почтенный пастырь сроднился с этой средой; понимает их без слов, по одному намеку, точно так же, как и толпа понимает по одним жестам. Окруженный и сопровождаемый своими «детьми», о. Иоанн медленно движется к собору Андрея Первозванного или церкви Дома трудолюбия для служения ранней обедни. Исчез батюшка в дверях храма, и толпа рассеивается по городу; лишь ничтожная часть остается на паперти для сбора подаяний. Это уже профессиональные нищие, которых, однако, сравнительно очень немного. Бедняки привыкли смотреть на заботы о них почтенного пастыря, как на что-то должное, почти законное. Если иногда случается, что при разделе «строй» получает по 2 копейки на человека, вместо ожидавшихся 3-х (или 5), то раздаются громкие протестующие голоса: «Не брать, ребята; ничего не брать; не надо! Этак завтра батюшка по копейке даст! Что ж? Мы будем на улице ночевать, что ли?! А в ночлежном приюте взимается по три копейки с человека. Митрич! Ступай депутатом к батюшке: скажи, что меньше 3-х мы не берем!» Впрочем, эти голоса никогда не одерживали победы и оставались в ничтожном меньшинстве. Ни «Митрич», и никто другой не решились бы идти с протестом; а так погалдят, пошумят; но возьмут, конечно, то, что дадут, и разбредутся по домам. Теперь о. Иоанн уже не раздает нищим сам денег. Вместо него деньги выдаются им чрез особенных доверенных лиц у Петербургских ворот. Какая действительно здесь масса нищих. Сколько нужно иметь силы духа, чтобы научиться изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, с великим состраданием и нежной лаской смотреть в глаза этой нищете, этому убожеству, этим рубищам, слушать этот вечный стон человечества. Между прочим, ходил такой слух еще в начальные годы священства Батюшки. Приходил он ежедневно в одну маленькую лавочку с тем, чтобы разменять бумажные деньги на 3-копеечную

медь для нищих. «Эх, батюшка! Как вы мешаете мне своим разменом! Через вас приходится задерживать клиентов покупателей!» — так выговаривал хозяин лавочки о. Иоанну. Ничего не сказав в свое оправдание, батюшка начал разменивать деньги для бедняков в другой лавочке. И у первого хозяина немедленно стал замечаться утек покупателей; так что он сам стал просить о. Иоанна разменивать деньги у него по-прежнему. И батюшка снова охотно воротился к прежнему порядку». А дальше я опять выписываю из студенческой книжки. «Рано поутру выходя после обедни из церкви, о. Иоанн всегда бывал окружен кучкой нищих, бедняков, обращающихся к нему за помощью: одному нужно платье; другому несколько копеек на пропитание; у третьего сапоги худы. Отец Иоанн терпеливо выслушивает каждого. «Не обманываешь ли ты меня, о Христе брат? — спрашивает о. Иоанн того или другого из своих просителей. — Денег у меня не много; а видишь, сколько помочь нужно?» Проситель начинает уверять в правдивости своих слов; и дело кончается тем, что о. Иоанн, по силе возможности, наделяет его деньгами. Иногда он сам отправляется с своими просителями на рынок; и так покупает платье, сапоги, пищу, — кому что нужно. Нисколько не удивительно, если такого пастыря скоро все узнали. Весть о молодом необыкновенном священнике стала быстро распространяться по Кронштадту. Рассказы о подвигах милосердия, любви и о плодах молитвы ходили из уст в уста». Бывали и такие случаи. Отец Иоанн отдавал значительные суммы, попадавшие к нему в карман от жертвователей. Не раз он отдавал целые конверты с тысячами рублей. Если жертвователь или богатая жертвовательница, потом спохватившись, говорили Батюшке, что в конверте вложено несколько тысяч рублей, то он отвечал на это, что этот человек именно в них-то и нуждается и что Сам Бог посылает ему эту помощь, и теперь уж деньги принадлежат ему, а не жертвователям. А потом оказывалось, что обедневшей женщине или даже военному человеку как раз нужна была такая сумма, которую он вынул из кармана; и те на этот случай оказывались истинными бедняками, иной раз даже готовыми на самоубийство, не будь такой неожиданной помощи. Не нужно думать, что о. Иоанн совсем без разбору раздавал помощь. Разве «вы не знаете, — говорил он в одной из проповедей, — что Сам Господь в лице нищего принимает милостыню, и Сам воздаст вам сторицею и в сем веке, и в будущем жизнь вечную даст вам, если до конца жизни своей будете милосерды. Вы говорите о нищем: он — нищий да пьяница! Но верно ли это вы знаете? Не напрасно ли бросаете в него камень осуждения? Если доподлинно знаете, что он пропивает милостыню, не подавайте ему, не потворствуйте праздности, тунеядству и пьянству. Но и будьте осторожны в своем суде: не осудить бы вам в праздности и тунеядстве истинно-бедного, больного, бессильного, старого, увечного, сироту бесприютного; словом: не презреть бы вам нищего напрасно, по одному подозрению в лживости, по скупости, гордости и злобе сердца своего! Как часто бывает, что оскорбляют ни за что такого бедного, который достоин всякого сострадания! Да и вообще, мы на презрение, на злобу, на раздражительность к меньшей братии Христовой — щедры; а на уважение, на любовь и состра-

дательность к ним, как к членам нашим и к членам Самого Иисуса Христа, на снисходительность к их немощам — очень скупы. Ибо всегда ли от души и от доброго сердца, с должным уважением к личности человека и христианина подают некоторые из нас нищим свои копейки и полукопейки? Всегда ли с верою во Христа и для Христа, столько всех нас возлюбившего, столько всех нас почтившего Своим вочеловечением, столько для нас недостойных показавшего самопожертвования и крайнего снисхождения? Нищих осуждаем за всякий сучек в глазу их, за всякое пятно в жизни их; а сами себя зачем строго не осуждаем? Им готовы ставить в вину почти то, что они едят и пьют, и живут на одной с нами земле, освещаются тем же солнцем, дышат тем же воздухом, ходят в тот же храм Божий, и вообще, пользуются тем же правами человечества? «Не судите, — братия мои, — да не судими будете» (Мф. 7, 1) со всею строгостию Божественного правосудия; но лучше «от сущих дадите милостыню» (Лк. 11, 41). Это будет безопаснее. Это исходатайствует вам самим милость на суде: ибо «милостивии... помиловани будут» (Мф. 5, 7).

И в другой проповеди обращается к богатым и зажиточным, чтобы они хоть немного подражали Христу и святым — своим вниманием к нищим. «Если вы богаты, то не забывайте, что есть наготующие, нуждающиеся в вашем милосердии и малом пожертвовании; вы не жалеете на свою одежду десятков и сотен рублей, а бедному не пожалейте хотя одного рубля на рубище. Если вы не алчете и не жаждете ради Христа; то по крайней мере не забывайте, что есть алчущие и жаждущие, нуждающиеся в ваших крупицах, которых у вас довольно. Вы не скитаетесь, как апостолы, из одного города в другой, или из дома в дом; а живете на постоянных местах и в хорошо убранных жилищах; но помните, что есть скитающиеся братия и сестры ваши, иногда не имеющие где главу подклонить, трясущиеся от холода: они нуждаются в вашей помощи, им нужно дать денег на наем крова. Если некоторые из вас не трудятся, не работают своими руками, потому что удовольствованы всем, — то доставляйте по крайней мере работу ищущим ее и работой поддерживающим свое существование».

Мы все нуждаемся в милости Божией; но помилованы будут только милостивые: «Суд бо без милости не сотворшему милости» (Иак. 2, 13). Разве вы не знаете учения Евангелия, что мы все — едино тело, а друг для друга — члены; и если страдает один член, ему состраждут все? Если мы бедного не будем признавать своим членом или братом, то и Церковь не признает нас своими членами и от тела ее мы будем отсечены, как гнилые члены, и погибнем, как неверные?! Нам скажет на последнем суде всемирный Судия: «Отыди от Меня делающий беззаконие: Я не знаю тебя» (см.: Мф. 7, 23). И лишь некоторые, в праздники Рождества Христова и Пасхи, вспоминают бедняков, нищих, тюремных. Так бывало прежде. И о. Иоанн просит богомольцев, по крайней мере зажиточных, помнить хоть этот обычай. В одной из проповедей он говорит слушателям так. «Еще одно слово. Чтобы почтить как должно, праздник Рождества Христова, нас ради Обнищавшего, да мы нищетою Его обогатимся (см.: 2 Кор. 8, 9), явим каждый по силе своей пред праздником милосердие к нищим: кто пусть даст нищему

на обувь, кто на рубище, кто — дай плату на жилище, кто — дай на хлеб. Но и то добрый обычай стал исключением. А между тем, эти нищие, может быть, душою не хуже нас, а лучше? При виде нищеты ближних помыслим, что мы сами — горшие нищие по душе: ибо кто из нас не сознает за собою иногда и гордости, и злобы, и зависти, и недоброжелательности, и скупости, и сребролюбия с любостяжанием, или жалости и чревоугодия; а иной — и нечистоты плотской, скверного блудодеяния? Видите, братия мои, что нас самих ест нищета более ужасная и позорная, чем нищета нищих телесно. Кто знает, может быть душа нищего в Очах Божиих выше всех нас и, как злато в горниле, сияет пред Ним? От нас это сокрыто! Не будем никого из них презирать, несмотря даже на неблагообразный иногда вид их. Богу предоставим суд! А сами будем себя осуждать за разные страсти и пристрастия, за излишество в пище, питье, одежде, убранстве комнат, и проч. Это будет гораздо полезнее. Не забудем еще следующих слов Иисуса Христа: «Мнози будут перви последнии, и последни первии» (Мф. 19, 30). Как я пристально посмотрю на иных нищих и несколько поговорю с ними; так вижу, какие они любезные, кроткие, смиренные, простосердечные, искренно-доброжелательные; нищие телесно, но богатые духовно. Они посрамляют меня гордого, грубого, злого, презорливого и раздражительного, лукавого, хладного к Богу и людям, завистливого и скупого. Это — истинные друзья Божии. И враг, знающий их душевные сокровища, возбуждает в рабах своих — гордых богачах — презрение к ним и злобу; и готов стереть их с лица земли, как будто они не по праву живут на ней и ходят по ней. О друзья Бога моего, бедные братья мои! Вы — истинные богачи по духу; а я — истинно нищий, окаянный и бедный! Вы заслуживаете истинного уважения от нас, обладающих в изобилии благами мира сего, но нищих и скудных делами добродетели: воздержания, кротости, смирения, незлобия, искренности и горячности к Богу и ближнему. Господи, научи меня презирать внешнее и все око ума моего обращать внутрь и ценить внутреннее, презирая внешность! Это же даждь мне наблюдать и по отношению к богатым и сильным мира сего». Но «для чего попустил быть нищим? — Для твоего блага: чтобы ты мог очистить и загладить грехи свои; ибо «милостыня, очищает всяк грех» (Тов. 12, 9); чтобы стяжать себе молитвенников за себя в лице их; чтобы милостивыми к тебе сделать Господа твоего, но «милостивии... помиловани будут» (Мф. 5, 7). Почему Господь попустил быть нищим? — вторично тут же спрашивает себя в Дневнике отец Иоанн, и отвечает: — потому же, между прочим, почему и тебя по твоему желанию не делает вдруг праведником. Бог мог бы сделать всех достаточными, даже богатыми; но тогда произошло бы великое забвение Бога, умножилась бы гордость, зависть и др. И ты как возмечтал бы о себе, если бы Господь сделал тебя вскоре праведником. Но как грех смиряет тебя, показуя тебе великую твою немощь, мерзость и непрестанную нужду в Боге и Его благодати; так нищего смиряет нищета и нужда в других людях. Обогати нищих: многие, многие из них забудут и Бога, и благодетелей своих, погубят души свои в роскоши мира сего. Так пагубно богатство и так ослепляет оно очи сердечные! Оно делает грубым

и неблагодарным сердце!» Есть и другое доброе побуждение — быть на свете нищим. «Чтобы люди почитали и любили друг друга, не гордились, не надмевались друг перед другом, премудрый Господь дал разным людям различные свои преимущества естественные и благодатные так, чтобы они имели нужду друг в друге. Таким образом, каждый из нас невольно должен признаться в той или другой немощи, и — смириться пред Богом и людьми. Одним много, другим мало дает Господь для того, чтобы мы промышляли друг о друге. Так устроил Господь, что если мы щедрыми дарами Его благости делимся с другими, то они (дары) служат в пользу души и тела, раскрывая наши сердца для любви к ближним; а умеренностью употребления их (у бедных) служа и в пользу тела, которое не пресыщается и не обременяется ими». «Нищие ежедневно преследуют тебя: это значит — милость Божия непрестанно преследует тебя. Кто же будет убегать от милости Божией?» «Каждый день просят у тебя милостыни; и давай каждый день охотно, без озлобления, грубости и ропота». «Не презирай ни одного человека, никакого бедняка; но с полным уважением и расположением относись ко всякому человеку благонамеренному; особенно — к бедным, как к достойным сожаления членам нашим, или паче — членам Христовым. О, как, казалось бы, легко жить в простоте любви; и как трудно для нашего растленного сердца жить в любви! На каждом шагу — предлог к вражде на ближнего».

Но мало того, что бедным и нищим следует раздавать милостыню; ее непременно нужно раздавать с любовью и лаской. «Все жертвы и милостыни нищим не заменят любви к ближнему, если нет ее в сердце. Милостыня есть благодеяние прежде всего тому, кто ее подает. Поэтому и радуйся всякому случаю сказать ласку ближнему, как истинный христианин. Не радуйся, когда тебе оказывают ласку и любовь, считая себя по справедливости недостойным того, но радуйся, когда тебе предстоит случай оказать любовь. Оказывай любовь просто; памятуя, что любовь есть Сам Бог, Существо препростое». «Всякого приходящего к тебе человека, особенно с духовною целью, принимай с ласковым и веселым видом, хотя бы был нищий или нищая. И внутренно смиряйся пред всяким, считая себя ниже его. Ибо ты от Самого Христа поставлен быть слугою всех: и все суть члены Его, хотя — подобно тебе — и носят на себе язвы прегрешений». «Если же мы самолюбиво, скупо и с жадностью употребляем (дары Божии) только сами и жалеем их для других; то они обращаются во вред душе и телу нам самим: во вред душе потому, что жадность и скупость закрывают сердце для любви к Богу и ближнему; и делают нас отвратительными самолюбцами, усиливая в нас все страсти». Так о. Иоанн относился к нищим: не только оделял их деньгами, но еще более — требовал от души любви к ним. И основанием этого служило сочленство во Христе; а также простое сочувствие к ним, как к братьям и по телу, нуждающимся в самом основном в жизни — в пище, питье, крове, одежде. И с самого молодого возраста, с окончания академии и со вступления в пастырство, он стал проявлять свои чувства любви к бедной братии. Да и нельзя было иначе поступать будущему светилу Русской Церкви! Совсем по-иному он

относился к богачам. Даже, если посмотреть на этот вопрос с количественной стороны, и тогда мы увидим великую разницу в проповедях и дневниках: о нищих он пишет и говорит в общем мало, а делает много; а о богатых людях, наоборот: говорит часто и неодобрительно, а делает мало, посещая только некоторых из них. Начнем выписки с доброго. «Могут ли быть нищими духом люди богатые», — то есть истинными христианами? — спрашивает он в беседе о блаженствах. И вот что отвечает. «Конечно, могут быть»; но при условиях: «если не будут себя считать великими людьми потому только, что они обладают тленным богатством, и с помощью его могут сделать все, что захотят. — Как же могут они быть нищими духом? Когда искренно сознают, что их богатство да и богатство всего мира ничего не значит, в сравнении с бессмертною душею; что оно (богатство) есть дар Божий не нам только, но — и ближним: ибо избытки даются нам для вспоможения бедным; когда познают, что при вещественных сокровищах они крайне бедны и нищи духом, и не будут высокомудрствовать о себе». И затем он приводит слова апостола Павла: если богатые не будут «уповати на богатство погибающее, но на Бога жива, дающего нам вся обильно в наслаждение» будут благодетельствовать, богатеть добрыми делами; будут щедры и общительны, «собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни» (1 Тим. 6, 17–19). Таков был богатый Авраам; таков был Иов; и многие, как в Ветхом, так и в Новом Завете». Так положительно говорит Батюшка о возможности начать христианское совершенство богатым. Но тут же начинает и об искушениях. «Впрочем, так как богатство (таит) много искушений ко греху, — то желавшие христианского совершенства, глубокой нищеты духа и непреткновенности на пути спасения, обыкновенно продавали свое имение и раздавали нищим; а сами удалялись в безмолвие, чтобы совершенно и без развлечения работать Богу день и ночь. Потому Господь сказал одному богатому: «Если хочешь быть совершенным; пойди, продай имение свое, и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, следуй за Мной» (Мф. 19, 21).

Таким образом, богатство по христианскому учению опасно. Но все же выпишем еще и о хороших богачах. «По мере того, как человек благодатию Божиею отлагает жизнь плотскую, в его сердце воцаряется малопомалу вера, надежда и любовь; вместо пищи и пития, одежды и богатства — Бог, душа, вечная жизнь, вечная мука занимают его мысли и воображение; вместо любви к деньгам, роскоши в жилище — любовь к Богу и к людям и небесному сожительству с ангелами и святыми, прилежное чтение и слушание Слова Божия и Божественной службы. Прежде враги ему были те, которые препятствовали его внешнему благосостоянию; ныне он равнодушно переносит лишения, теперь он спит мало и лишает себя намеренно сладкого сна; прежде он всячески покоил плоть, теперь он озлобляет, да не воюет она сильно на дух». Но эти исключения — очень редки. Да не с себя ли самого взял это о. Иоанн? Были и другие богатые — хорошие. Что же касается обычных богачей, то о. Иоанн говорит о них плохо. Вот примеры. «Несправедливо обижаться на человека богатого в селе, нажившего

миллионы, и неподатливого и жестокосердного к бедным, холодного к Богу и к Церкви Божией и к своим духовным пастырям, удерживающего сердца и руки свои от даяния на храм Божий. Известно тебе (то есть о. Иоанну) прелесть богатства и жестокосердие богатых из Евангелия.

Вспомни притчу о человеке богатом, «емуже угобзися нива», и о создании обширных житниц, с громадными запасами хлеба; о богатом и Лазаре; о богатом юноше, отшедшем от Господа со скорбью по причине пристрастия к богатству. Это пристрастие богатых есть болезнь и слепота сердца их: из-за него они лишают сами себя Царствия Божия. Помни изречение Спасителя: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24). «Надо жалеть алчных богачей и плакать о них, как о несчастных, как о погибающих, как о заживо умерших для Царства Божия, а не презирать их, не озлобляться на них. Надо беседовать с ними устно или письменно ради христианской любви. Из-за одного алчного богача несправедливо лишать благодати весь город или село; и при приезде не совершать в нем общественного моления, могущего принести большую пользу многими простым душам. Итак, не завидуй богатому, а скорби о нем, как о больном смертельным недугом. И молись за него Богу так: «Господи! раба Твоего (имя богатого) искуси скорбию и болезнью, да познает суету богатства своего несметного! Покажи ему, что он — земля и в землю отыдет». Аминь».

А потом о. Иоанн тотчас же о себе самом добавляет: «Исцели, Господи, душу мою, яко согреших Тебе! Что имам, егоже бы не приял от Тебя? — Все Твое и Твои дары. Твоя от Твоих Тебе приношу». Вот как он смотрит на богатых, а отчасти и себя самого, как на человека «имущественного». Приведем несколько выдержек о богатстве и богатых. Не можете работать двум господам (см.: Мф. 6, 24). Здесь разумеется Господь и диавол, Бог и мир прелюбодейный, Бог и богатство; потому что они противоположны. В Евангелии Господь разумеет именно Бога и Его исконного противника, христианскую веру и благочестие — и мир с его богоборною богопротивною жизнью, с его ложными правилами. Так о. Иоанн противополагает Бога и богатство: это два господина. «Господь Иисус Христос не имел, где главу подклонить во время земной жизни Своей (см.: Мф. 8, 20); но имел в Себе живот Свой и живот всех (см.: Ин. 3, 36; Ин. 5, 26; 11, 25). Люди же богатые строят себе дворцы великолепные и живут в них. Но, увы! При такой блестящей обстановке не имеют в сердце своем истинной жизни, не могут наслаждаться и суетою своею: им скучно и душно в великолепных дворцах своих; так что многие богачи и важные сановники променяли бы дворцы свои на режим бедняка, только бы достать сердечное себе спокойствие». «Бог неистощим в дарах Своих. Он с избытком питает всех тварей. Везде видно довольство, радость. Только жадные богачи слишком много загребают в свои руки и удерживают в своих сокровищах дары Божии, которые могли бы продовольствовать с избытком сотни и тысячи бедных человек! Веруй твердо в неистощимость Божию в дарах Своих и «раздробляй» охотно «алчущим хлеб твой» (Ис. 58, 7): чем будешь больше подавать, тем больше Бог будет посылать тебе. Таков Божий закон: «В

нюже меру мерите, возмерится вам» (Мф. 7, 2). Но таких богачей, сочувствующих беднякам, очень мало. «Посмотрите на жизнь человеческую, что в ней — «суета сует» (Еккл. 1, 2). Все на себя, а на ближнего — нет как нет: ходи нагой! Издыхай с холоду и голоду!» — резко, но справедливо говорит Батюшка о. Иоанн о богачах. «Не великолепные чертоги, не богатство надмевающее, не почести, не слава мира сего должны занимать нас, бессмертных по духу тварей; нет, — кротость, смирение пред Богом и беспрекословная преданность святой Его воле должны быть первым желанием нашего сердца и занимать наш ум. Гордость нас погубила, смирение должно спасти нас». Но так ли поступают богатые люди?

«Кто вы, предстоящие здесь во святом храме и смиренно внимающие немощному слову незнатного проповедника? — спрашивает богомольцев о. Иоанн про себя. — Много ли между вами премудрых по плоти? Много ли сильных, много ли благородных? Не буии ли мира, не немощные ли и худородные, большею частью слушатели мои? А где же знатные, ученые, богатые? Очень мало их! Почему? Потому, что многие из них говорят в себе: мы богаты, обогатились и ничего не требуем! Мы учены; у кого нам еще учиться? У нас много всяких благ, нужды не знаем: о чем нам просить Бога? Всем мы обязаны себе, своему уму, своим трудам, своему положению в свете, своему месту. За что и кого благодарить? Грешны мы, — говорят они, — правда; но кто же не грешен? Так уже создан человек: чем же он виноват? Хотя вовсе не так создан, а самовольно, по злоупотреблению своей воли таким сделался и бывает. Вот как мыслят, как судят, как говорят гордые мира сего, утучневшие, утолстевшие и разжиревшие (Втор. 32, 15). Далече от них Царствие Божие! «Горе вам, пресыщенные ныне! —говорит Господь, — ибо взалчете! Горе вам богатым яко восприемлете утешение ваше» (Лк. 6, 24–25). Время ли смеяться и веселиться, когда повсюду соблазны, пороки, падения? Или когда одни из братий наших истаевают от болезней, от голода, всякого рода недостатков, разных несчастий; или страдают от притеснений, обид и жестокосердия своих братий, а другие безумно сластолюбствуют, лихоимствуют, утопают в роскоши и разных пороках? Так, бедные грешники! — обращается Батюшка ко всем, а особенно к богатым. — «При таких невеселых обстоятельствах, духовных и телесных, веселье и смех не у места; и время веселья и смеха для вас еще не пришло: оно настанет после слез и рыданий о грехах в этой жизни и после победы над грехом. «Блажени плачущи ныне: яко возсмеетеся», —говорит Спаситель (Лк. 6, 21). Плачь о своих грехах, плачь и о людских; плачь и о том, что еще многие народы не познали истинного Бога и Господа Иисуса Христа; плачь о насилиях и притеснениях богачей и сильных мира сего, о нищете и беспомощности бедных; плачь о том, что иссякла у многих любовь христианская!» Вот о чем плачь, богатый, а не смейся! «Исполни заповедь о любви к ближнему: а в любви весь закон!» Но увы! —На деле не так: «Все люди — жалкая жертва его козней (сатанинских), его злобы. Жалей глубоко! Искренно жалей людей. Помни слова Апостола: «Любы николиже отпадает» (1 Кор. 13, 8). Никто не сострадал бедному Лазарю, — не говоря уже о богаче, веселившемся всякий день

блистательно. Вот для чего Бог попустил в мире быть богатым весельчакам и бедным Лазарям: да откроются их помышления, наклонности. Поистине люди сами на себя пишут осуждение в этой жизни: «Сотворит Господь суд написан» (см.: Пс. 149, 9). А «милость к ближнему удобно может оказывать всякий. Богатый может оказывать милость ближнему, жертвуя от своего имущества на нужды Церкви и служителей ее, на благотворительные заведения, или подавая щедрую милостыню бедным. Бедный — своею признательностию и усердием в служении богатому, своею молитвою за благодетелей», и т. д. «Богатство надмевает, утолщает, ожесточает сердце и от Бога удаляет, потому что сердце богатого привязано к богатству, а не к Богу; а нищета, переносимая ради Бога, смиряет и смягчает сердце, источая нередко слезы покаяния». Но богачи не каются, а наоборот. Вот послушайте: что им о них говорит о. Иоанн. «Всепоглощающая роскошь — эта современная заразительная язва общества. Беда нам, братия, от роскоши в одежде, в украшении жилищ. И в чем же еще? — в курении, именно в сожигании даров Божиих». До такой степени исконный враг овладел нами, отвратил взоры наши от неба, нашего истинного отечества, до того сделались мы земными и забыли цель своей жизни и заповедь Спасителя нашего — любить друг друга. Ибо скажите: какая у роскошествующих любовь к ближнему, когда на украшение тел своих, жилищ своих и всей домашней утвари им не жаль сотен и тысяч рублей; а на прикрытие наготы ближнего, брата своего, сочлена своего и члена Христова, жаль не только единиц рублей, но и нескольких копеек? Как же о таком образе нашей жизни не пожалеть и не вздохнуть? Как не обличить по долгу нашему? Каков ответ дадим в этом Судии всех? Роскошь говорит: мне сотни нипочем, чтобы изящно одеть себя и жену, чтобы угостить друзей и нужных мне людей. А тщеславие говорит: будут помнить и ценить меня; ибо обо мне будут говорить, что я умею со вкусом одеваться, я человек щедрый и хлебосол! Но что скажет о тебе Господь в день суда? Что скажут о тебе бедные?» «Попечемся друг о друге — богатые о бедных, сильные и знатные — о незнатных и простых и немощных; будем утирать слезы у вдов и сирот, стонущих в своей безысходной бедности, и нередко проклинающих участь свою, доходящих до отчаяния. А их ведь не мало! И их вопли доходят до Бога! Бросим роскошь, которая есть враг и бич милосердия! Поделимся охотно с неимущими, нуждающимися в куске хлеба, в одежде, в пристанище. Простите мне, что я часто напоминаю вам об этом: мой долг — будить во всех чувство милосердия; ибо только «милостивии... помиловани будут» (Мф. 5, 7). Никто не сторонись от милосердия, если хочешь быть Христовым и по праву называться христианином; а если будешь немилостив, то и сам не получишь милости от Бога». Здесь, в этой выписке, весьма характерно, что о. Иоанн просит у слушателей прощения за то, что «часто напоминает» о милости к бедным, нищим. Значит, он постоянно говорил об этом, несмотря даже на то, что в храмах немного бывало богатых людей. Поэтому и мы не остановимся на увещаниях, а выпишем и выпишем еще. Так же часто обращался он к богатым по вопросу о милостыне и в дневниках своих.

Обратимся теперь туда. «По хозяйской, или лучше — денежной, гордости и непонятной злобе мы часто не хотим удостаивать речей питающихся от нас; враждебно относимся к ним, — вместо того, чтобы нам более смиряться пред ними как слугам их (то есть богачей), по словеси Господню: «Иже аще хощет в вас вящший быти, да будет вам слуга» (Мф. 20, 26); чтобы тем усугубить воздаяние Владыки чрез искреннее, нелицемерное Ему служение в лице меньшей братии! О кроткий и смиренный сердцем Творче, Жизнодавче, Искупителю, Кормителю и Хранителю наш, Господи Иисусе! Научи Ты нас любви, кротости и смирению Духом Твоим Святым и укрепи в сих достолюбезнейших Тебе добродетелях; да не надмевают нашего сердца дары Твои богатые; да не мним мы, что мы питаем, довольствуем и поддерживаем кого-либо. Ты, — общий всех Кормилец — питаешь, довольствуешь и хранишь; все под крылами Твоея благости, щедрот и человеколюбия довольствуются и покоются, а не под нашими; ибо мы сами имеем нужду укрываться в тени крыл Твоих — каждое мгновение жизни. Наши очи устремлены к Тебе, Богу нашему, «яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своея... дондеже ущедрит ны». Аминь. (Стих на вечерней стиховной стихире.) Господь рождается «в каком уничижении. Рождается от бедной Девы, в вертепе, пеленами убогими повивается, полагается в яслях! Богатство, знатность, слава мира сего, пади и припади со смирением, умилением слезным и глубокою благодарностью к Спасителю человеков! И разделяй богатство свое с неимущими и бедными! Не гордись всею призрачною, скороисчезающею знатностью: истинная знатность только у добродетели». А ты, богач, что? «Жадный, алчный скупец! Деньги ли, хлеб ли тебе дали жизнь! Не Бог ли? Не Сын ли Божий «нося всяческая глаголом силы Своея» (Евр. 1, 3)? Одними ли деньгами и хлебом, водою и вином поддерживается жизнь твоя? Не прах ли деньги и хлеб? Не всего ли меньше нам нужно хлеба для поддержания жизни своей? Все — Словом сотворено и держит вся! Слово — источник и хранения ее!» Между тем, «жизнь наша проходит главным образом в поклонении двум хрупким идолам — здравию и телу, а потом — одежде. У некоторых, впрочем, больше одежде, потому что многие из-за платья, из-за поклонения моде жертвуют здоровьем и пищею и впадают в другую крайность. Далее — деньгам, этому великому богу, этому юпитеру века сего: для этого идола многие жертвуют и здоровьем своим; для него иногда ночи проводят в бессоннице, для него ложно клянутся, нарушают правила дружества, хладеют к своим родным, лишь бы собрать какими бы то ни было средствами больше денег. Христианин! Не о здравии и чреве, не о нарядах и деньгах нужно тебе пещись, но — о любви к Богу и ближнему; ибо эти две главные заповеди Божии». «Пребываяй в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает» (1 Ин. 4, 16). А «ты печешься иногда о том, что тебе есть и пить и чем одеться; и большую тугу сердцу своему тем причиняешь, если с сожалением и скорбью расстаешься со своими деньгами, тогда как у тебя есть значительный остаток; и полагаешь упование на прах земной. Прилепись к Отцу Небесному: Он не забудет тебя и не покинет! Пусть прах покидает тебя; тем тебе должно быть легче без него: ибо чем больше у

тебя денег, тем больше этого сора прильнуло к твоему сердцу, тем тяжелее, тем более скорби — твоему неземному сердцу. Есть пословица в людях, —что «деньги не мешают», сколько бы ни было их у нас. Неправда! Они сильно мешают нашей душе возвыситься горе, или мудрствовать о горнем отечестве. И чем их больше, тем они сильнее тянут нашу душу к земле и побуждают ее делать разные земные затеи: постройки, богатые убранства в жилище, богатые одежды, роскошные яства и питья. И таким образом отнимают и святое рвение и драгоценное время у души нашей, которая здесь должна искупать себе блаженство».

В других местах Батюшка говорит о деньгах так же резко или даже резче. «Как многие из нас и выходят из себя, когда их лишают не последнего рубля, а только некоторой небольшой части из их далеко не последнего имущества. Сколько возмущения, упреков, ропота, иногда — проклятий! Боже праведный! И этот прах, называемый деньгами, или эти брашна и питья могут производить такую бурю в наших христианских душах! В нас, когда мы знаем Слово Сладчайшего Спасителя: «Не пецытеся душею вашею, что ясте, или что пиете: или телом вашим, во что облечетеся. Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам» (Мф. 6, 25 и 33). Или: «жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк. 12, 15). «Что же нас разделяет и от Бога, и между собою? Деньги, пища и питие, — этот прах, этот тлен, гной! Отчего? Оттого, что нет живого христианского упования на Бога». «Сласти, деньги — хуже обыкновенного праха, сора; потому что засаривают душу, тогда как обыкновенный сор — только тело, одежду, комнату.

О, как презирать надо и сласти, и деньги; к тому — и одежду». «Не заботься о деньгах: то Бог как манны посылает тебе их, или как перепелов нагонит их тебе. «Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней» (Пс. 23, 1). Ищи прежде Царствия Божия, спасения человеков, утверждения их в вере, исправления их нравов. Утверждай свою веру, очищай свое сердце, проходи добросовестно свое звание, исправляй тщательно все обязанности. И все — деньги, пища, одежда и пр. «приложится вам» (Мф. 6, 33). Так низко смотрел о. Иоанн на деньги, пищу и одежду. Напишем и еще из последнего Дневника, изданного Религиозно-философским обществом по рукописи 1903–1904 года, но тщательно проверенной и исправленной самим высокочтимым автором: «От смерти к жизни». «Господи! Ты — мое богатство неистощимое, Ты — моя полнота всех благ. Имея Тебя, я ничего не лишен; и имею все, а главное — живот вечный. Не завидую я богатым мира сего, бедным Твоею благодатию или совершенно обнаженным от Твоей благодати, у коих божество — деньги. О, как бедна их душа, в каком бедствии! Она лишится вечной жизни в случае нераскаяния богатого; ибо какой выкуп человек даст за душу свою? Только Господь может искупить верную душу; а богатые — далеки от Господа. Да не будет богатому сребро его, богатство его в погибель! Да расточит он его бедным, как Евангельский Закхей! Не завидуй творящим беззаконие: например, притесняющим бедный народ лесопромышленникам, разбогатевшим на счет изнурительных трудов

бедного русского народа: «Зане яко трава скоро изсшут, яко зелие злака скоро отпадут. Уповай на Господа и твори благостыню, и... упасешися в богатстве ея» (Пс. 36, 2–3). Да будет внутри тебя Царствие Божие (см.: Лк. 4, 21), а не враг искушающий».

Вероятно, под этими богачами — лесопромышленниками о. Иоанн разумел «собственников» — архангельских и местных сурцев, где родился. По сравнению с ними какими привлекательными ему кажутся первые апостолы из рыбаков — Андрей, коему был посвящен храм в Кронштадте, и Петр, брат его.

«Два брата последовали твердыми стопами в след Божественного Учителя своего; из ловцов бессловесных рыб сделались ловцами словесных душ. Оба оставили тотчас, ради благовестия Христова, дом, домашних, свой земной промысел и все земные попечения. Души их соединились с душею Господа; Его великое дело, дело спасения погибающих человеков, стало и их делом».

Так он говорил в проповеди. Так писал и в Дневнике. «Нельзя не дивиться простосердечию, беспристрастию к земным благам Галилейских рыбарей и безусловной покорности их гласу Господа! Несколько слов Спасителя — и они оставляют мрежи свои, единственное богатство, свое лучшее сокровище, и идут за Ним, не рассуждая: куда или для чего? — Какое простосердечие! Какая непривязанность к земным благам! Какое детское послушание! Какой легкий доступ слова Божественного Мессии к простым сердцам! Сказано — сделано! Таковы и многие из простых людей, живущих в трудах и в низкой доле. Но не таковы богачи: что мы видим на одном из них, которому Господь предложил продать имение и идти вслед за Ним? Пошел не за Ним, а в след богатства своего. «Отиде, — сказано, — скорбя» (Мф. 19, 22). Но кто-нибудь скажет: а зачем же о. Иоанн сам носил и богатые ризы, и шубу, которые ему дарили? Зачем он ездил и к богачам, которые звали его, и от них брал деньги? В ответ на подобные вопросы сначала ответим его собственными словами. Он сам не причислял себя к аскетам, к подвижникам. Вот что он говорил о себе в беседе со священниками в г. Сарапуле в 1904 году. «Я, братие, не веду аскетического образа жизни. Не подумайте, что я считаю это чем-либо достойным подражания. Нет. Быть может, в моей деятельности было бы и гораздо более успехов, если бы я устроил жизнь с более аскетической обстановкой. Но условия моей службы лишали меня возможности быть аскетом. Я читаю и газеты; но часто жаль бывает потерянного времени». «Правда, все, что я делаю доброго, то делаю по милости Божией. Считаю себя нерадивейшим, худшим из всех пастырей русских. Если бы эти дары Божии, мною получаемые, были у кого-нибудь другого, он сделал бы добра гораздо больше, чем я».

Наоборот, он относил себя к «людям имущественным». «Мы, люди имущественные, — писал он в Дневнике, — поступаем очень строго, пристрастно и взыскательно с бедными, требуя от них непременного для снискания пропитания с их детьми. Но отчего мы не строги и не взыскательны к себе, (чтобы) пользоваться в великом избытке сокровищами земными: день-

гами, богатством, дорогими одеждами и роскошными жилищами, и всякими драгоценностями из золота, серебра и камней драгоценных? Не мертвых ли все это капитал, никому пользы не приносящий, но могущий принести великую пользу для бедных, если бы мы обратили это в деньги и раздали бедным? И не осудят ли нас в день суда эти бесполезно лежащие сокровища, которыми мы могли бы сделать многих бедных довольными и счастливыми? И себе бы могли стяжать чрез них от Господа великую благость и милость и ныне и в день судный?» Но это лишь по внешности относится к о. Иоанну и по смирению. А в самом деле он с самого начала своего пастырства относился к имуществу отрицательно. «Что мне нужно? Ничего мне на земле не нужно, кроме самого необходимого. Что же мне нужно? Нужен Господь; нужна благодать Его, Царствие Его во мне. На земле, месте моего странствования, временного моего обучения, нет ничего собственного, моего: все — Божие, и все временно, назначено к временным моим услугам. Избытки мои — достояние ближних немощных. — Что мне нужно? Мне нужна истинная, христианская, живучая, деятельная любовь; нужно любящее, жалеющее ближних сердце. Полно давать место самолюбию, эгоизму; стараться жить только для себя и привлекать все только к себе: и богатство, и славу мира сего. Господи, Свидетелю сердца моего, движения его и сих строк: даждь мне сие просимое у Тебе! — От меня сие невозможно, но «вся бо возможна суть у Тебе» (Мк. 10, 27). Или в другом месте Дневника он говорит следующее. «Для чего мне мое имение? Для того, чтобы существовать мне и моему семейству, и моим сродникам; чтобы подавать больным; а не для того, чтобы его копить. Мерь щедро, чтобы щедро отмерил тебе Бог, по даянию твоему. Притом, имение все или средства к жизни — Божии, а не наши. А Бог — начальник жизни: Он и заботится о поддержании нашей жизни чрез нас самих, или чрез других, или непосредственно. «Сами себе и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим» (ектения). Мы говорим: нам нужно жить; а живот наш — Бог; значит и все средства к жизни Бог подает и подаст».

«Мне Господь даровал и доброе имя, — пишет Батюшка, — и здравие, и славу, и богатство, хотя и не скопляю, а расточаю его на дело благотворения. Кому из счастливцев мира я позавидую? Ибо, по милости Божией, я преимущественно пред всеми счастлив; и, между прочим, — тем, что не коплю богатства, а делаю многим много добра, благоразумно и плодотворно расточая богатство, данное мне от Бога и подаваемое непрестанно. Если бы я скоплял его, а не употреблял на добро, то я был бы безумный, неблагодарный и несчастный человек; и Господь отступил бы от меня и не внимал бы молитвам моим, не творил бы явных чудес; не имел бы я к себе расположения народа, ни начальства, самого царя. А теперь сердца всех — ко мне, а мое — ко всем. Благодарю Господа, Виновника всех благ!» «Доселе я жил Богом, — мыслил, чувствовал, питался. И впредь буду жить Им же. Всякое беспокойное попечение отлагаю и полагаюсь на надежду мою, на дыхание мое — Христа. Доселе я не оскудел ни в чем, милуя других; не оскудевая и до конца; ибо «Господь тойже вчера и днесь» (см.: Евр. 13, 8). Не напрасно сказано: «рука дающего не оскудеет». Доселе Господь прира-

щал мне блага временные, а не отнимал их. Славлю щедроты Господни, богатый Промысл Его!»

Из этих собственных слов о. Иоанна мы видим, что он не эгоистически, не себялюбиво относится к деньгам и вообще к имуществу, а за все благодарил Господа, славил Его щедроты; то есть прежде всего исполнял первое прошение молитвы Господней: «Отче наш!.. Да святится имя Твое». Затем стремился к любимым сочленам по Христу и по Церкви, к бедным. Затем удовлетворял семейных родственников. Мало кто знает о семейной жизни о. Иоанна в первые годы его священства. Вот что пишет его, точнее его жены, племянница — Р. Г. Шемякина, внучка протоиерея Константина Петровича Несвицкого.

«В 1855 году передал его, — то есть место ключаря в Андреевском соборе, — священнику Иоанну Ильичу Сергиеву, женившемуся на дочери его, Елизавете Константиновне. Когда она выходила замуж, на ее руках находились: престарелый отец, трое взрослых братьев и двое сестер матушки. Все жили вместе; и на долю Елизаветы Константиновны, исполнявшей обязанности хозяйки и матери, — протоиерей Несвицкий овдовел в августе 1855 года, — выпадало немало забот и хлопот». Значит, сначала было в семье 9 человек: протоиерей Несвицкий, жена его, Елисавета и еще пятеро указанных братьев и сестер матушки. В один из приездов младшей сестры ее, в 1870 году, в квартире о. Иоанна родилась дочка, авторша жизнеописания. А в 1872 году, когда у нее помер неожиданно отец и оставил матерь ее без всяких средств, тогда о. Иоанн сказал своей супруге: «Детей у нас нет; возьмем и воспитаем, как дочь». Сам Батюшка, — как об этом уже говорилось, — «никогда не жил личною жизнью, отдавая себя на служение человечеству». Поэтому и Елизавета Константиновна отдалась родным, — и конечно своему, знаменитому уже, мужу о. Иоанну. Таким образом у него была постоянно «семья». Но другая «семья» была больше — это бедняки и нищие, — о чем писалось выше. Что касается богатых, то о. Иоанн в Сарапуле говорил священникам: «Меня часто приглашают в богатые и знатные дома, где много жертвуют. Этими средствами я делюсь с нищетою, которой много стало в наше время. Я посылаю свои лепты в учреждения и в бедные церкви, делюсь с собратиями-пастырями; и вообще — с бедными людьми. Кроме того, мой доверенный подает из моих средств тысяче бедняков на хлеб. Но я должен сказать, что я не всем подаю: пьяницам, вообще, кто надеется только на свои ноги, попрошайничает, — таким я не подаю».

Следовательно, ездил он часто и к богатым. Как же это мирить с тем плохим впечатлением о богачах, о котором мы говорили выше? Ответ простой: в таком большом городе были и плохие, но были и хорошие богачи, о коих говорит сам о. Иоанн. Пусть их было немного; но это были хорошие люди уже по тому одному, что зазывали к себе о. Иоанна. С другой стороны, сам Батюшка оставлял после себя добрый след, отслужив молебен над каким-нибудь больным человеком. Я лично знаю о таких добрых людях. Но, конечно, в большом Петербурге таких добрых богачей было мало. В-третьих, он действительно раздавал эти деньги бедным людям и

учреждениям. Было куда посылать эти деньги! Но все же богатых людей около о. Иоанна было мало, единицы, как это мы увидим после, при постройке Дома трудолюбия. «Личный секретарь его говорил нам, — пишет студент Московской духовной академии, — что за месяц июнь им послано по почте различным просителям 25 000 рублей, а 28 августа по 192 переводам в один день более 13 000 рублей. Мы (студенты) смотрели этот список переводов. Он весь испещрен значительными суммами: сто, двести, триста рублей пестрят везде и всюду. Эти цифры представляют собою как бы норму, меньше которой почти не принято отсылать. А сколько лично сам раздает Батюшка, об этом никто ничего не знает; но и он сам не знает и не может знать. Из карманов, туго начиненных деньгами, он дает направо и налево, часто даже не справляясь с тем: сколько кому дал? Поистине левая рука не знает, что делает правая. Говорят, что он гораздо больше раздает сам своими руками, чем успевает посылать по почте его секретарь. Жертвует о. Иоанн громадные суммы: по 50 000 рублей на монастыри, по 1000 рублей на храмы. Жертвует тысячи на храмы и больницы. Мало того, о. Иоанн жертвует не только православным христианам, но и иноверцам. Так, недавно о. Иоанн пожертвовал в пользу какого-то еврейского благотворительно общества.

Месяц тому назад он послал пожертвование татарам. При распределении пожертвований о. Иоанн руководится следующим правилом: «У Бога нет ни еллинов, ни иудеев. У меня своих денег нет. Мне жертвуют и я жертвую. Я даже часто не знаю: кто и откуда прислал мне то или другое пожертвование. Потому и я жертвую туда, где есть нужда и где эти деньги могут принести пользу. Говорят, каждый день о. Иоанн ложится без копейки в кармане, несмотря на то, что на другой день только для поддержания различных благотворительных учреждений ему нужно более тысячи рублей. И не было случая, чтобы этот другой день обманывал его». Нужно помнить нам и то, что в одной и той же квартире он прожил 53 года беспрерывно: значит, не искал лучшей обстановки. Отсюда мы без колебаний должны заключить, что о. Иоанн совсем не был похож на тех богачей, каких он обличал, и обличал — жалеючи.

Общая жизнь и благотворительность

Поэтому обдумывая помощь бедным в широком размере, отец Иоанн, кроме обычной благотворительности, приходил часто к мысли о первохристианской общине. И это было не случайно и не изредка, а часто. Вот я выпишу об этом выдержки из его творений. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мк. 12, 31). Все должно быть у нас общее, как солнце, воздух, огонь, вода, земля — общие всем нам. Также должны быть общими — частью — и пища, деньги, книги и вообще все дары Господни, дан-

ные нам обще для всех и удоборазделяемые. И несправедливо держат в сокровищницах своих избытки свои люди богатые, тогда как есть много людей бедных, нуждающихся в необходимом пропитании, в необходимой одежде и жилище. Впрочем, трудолюбию справедливо принадлежат избытки; а праздные по справедливости терпят бедность и нищету.

Потому, если мы знаем о некоторых, что они бедны от праздности и лености, таким мы не должны от своих трудовых избытков. «Аще кто не хощет делати, — говорит св. апостол Павел, — ниже да яст». (2 Сол. 3, 10). Но к вопиющей бедности, происходящей от старости и изнурения сил, от болезни, от бесплодных или маловознаграждаемых трудов, от действительно трудного положения, от многочисленного семейства, от неурожая хлеба, — надо всегда спешить на помощь, особенно людям богатым. И потом о. Иоанн дает такой совет: «Надо руководствоваться историей времен апостольских (Деян. 2 и 4 гл.), примером первенствующей Церкви». Что же говорит нам эта история?

«Говори: ничего своего не имею. Все — Божие! Свое — это мечта нашей грешной плоти. Все — общее: вот слова обновленного человека. Бяху им вся обща, «и ни един же что... глаголаше свое быти» (Деян. 4, 32). Господи! Твое есть дати ми сие!» Еще: «У первых христиан, — то есть живших при апостолах и после них, — было все общее: богатые и достаточные добровольно жертвовали своим имением и деньгами; и собранное хранилось у предстоятелей Церкви, которые употребляли оное на содержание бедных, вдов, сирот, больных, странных, заключенных в узах и других нуждающихся. «Есть у нас род сокровищницы, — пишет один церковный учитель, — каждый ежемесячно, или когда пожелает, вносит в нее, сколько может и сколько хочет. Эти подаяния употребляются на пропитание бедных; на содержание детей, лишившихся родителей; на старцев, из дому уже не выходящих и работать не могущих; на облегчение участи несчастных, потерпевших кораблекрушение. Составляя между собою одно сердце и одну душу, можем ли мы отказаться от общности имущества?» (Тертуллиан, Апология, гл. 39). «Общество людей благочестивых в своем совершеннейшем виде однажды было на земле; и доказало людям: какое прочное, веселящее сердце благоденствие бывает там, где живут люди благочестивые. Первенствующая Церковь представляет пример такого рода. В книге апостольских Деяний говорится, что «Народу же веровавшему бе сердце и душа едина: и ни един же что от имений своих глаголаше свое быти... Не бяше бо нищ ни един в них» (Деян. 4, 32 и 34). Чем были велики и сильны первые христиане? Правдою Евангельскою, — то есть своею крепкою верою в Господа Иисуса Христа и непоколебимой надеждою на Него; и наконец, взаимною между собою любовью и единодушием: таким единодушием, что у всего множества веровавших было все общее «и никто ничего из имения своего не называл своим» (Деян. 4, 32); почему между ними не было ни одного нищего». И эту мысль о. Иоанн не раз высказывает в своих творениях. Например, в речи пред приведением к присяге вновь избранного главы Кронштадтского купеческого общества Филиппа Степанова, он говорит: «Достопочтенный раб Божий, Филипп! «Глас народа —глас Божий»; избрание народа — избрание

Божие! Этому голосу, этому избранию надо повиноваться беспрекословно. Ты и повинуйся. Тебе предстоит, раб Божий, особенная забота о нищей братии нашей. Нищих нельзя забывать. Мы христиане; и знаем, что в лице их Сам Христос принимает наши услуги. Милуяй нища, взаим дает Богу. Св. апостол Павел говорит: «Точию нищих да помним» (Гал. 2, 10). В первом христианском обществе при апостолах не было ни одного нищего; потому что господствовала между христианами взаимная любовь: богатые приносили свое достояние апостолам; и потом диаконы — давали каждому то, в чем кто нуждался» (Деян. 4, 32–35).

Касается такой необходимой вещи, как хлеб. «Христианин! Помни и носи всегда в мыслях и в сердце великие слова молитвы Господней: «Отче наш! Иже еси на небесех». Помни, Кто Отец: Бог — Отец наш, Любовь — наша. Кто мы? Мы — дети Его; а между собою — братья. В какой любви должны жить дети Такого Отца? «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Хлеб наш — общее все; а не свой! Самолюбие должно быть изгнано из сердец чад Божиих; мы — одно. Истинно все это! Поэтому — пользуйся Моими дарами, не особно, как самолюбцы, а как дети Мои, у коих должно быть все общее; не жалея предлагать другим даром плодов Моих, дел рук Моих; памятуя, что Я даю их даром, по Отеческой Моей благости и щедротам человеколюбия. Так бывает и в семействе. Когда отец или мать, или брат принесут гостинцев, то отец одаривает ими всех детей своих. По взаимной любви чувствуют себя одним телом; все они как бы один, одно лицо. Так поступай и каждый из вас! А Я знаю, как наградить вас за любовь, столь Мне приятную. Ей, ущедрю!» (Рим. 9, 15; Исх. 33, 19). Видите, в сколь многих местах своих творений о. Иоанн вспоминает первые христианские времена, когда все было «общее». И от этого выйдет потом желание Дома трудолюбия. Но он хорошо знал, что все человечество добровольно не пойдет на эту общность. Поэтому оставалась только милостыня. И о ней Батюшка настойчиво говорит везде и всегда. И сам показывал пример. И о. Иоанн предлагает меры богачам, не способным к «общей жизни», добровольную благотворительность. «Многопрактикующие врачи, получающие много денег с больных, должны для души своей подавать щедрую милостыню. Богатые священники, получающие щедрое вознаграждение за свои труды молитвенные, также должны подавать богатую милостыню, да не осужены будут с Иудою предателем, продавшем за сребренники Господа Славы. Купцы, получающие большие барыши, должны непременно упражняться в милостыне и в украшении и снабжении храмов Божиих». И священникам дается совет о милостыне: очевидно, они тоже мало занимались ею, как врачи и купцы. Да! Мы мало даем от щедрот своих: нужно в этом сознаться.

Где ночует нищий? Никак не у богача и не у священника, а у таких же бедняков, как почти и сам. Кто подает ему милостыню? Не богачи и не священники, а народ простой, бедный. Да, пожалуй, еще и собаку злую держим мы, имущественные люди, чтобы нищие не заходили. А говорить о любви и милостыне мы — мастера. Или уже молчим о ней, если она не касается храма. А уж об архиереях и говорить не приходится. Но милосты-

ня у зажиточных людей — редкость. «Господи! научи меня подавать милостыню охотно, с ласкою и радостью; и верить, что подавая ее, я не теряю, а приобретаю бесконечно больше того, что подаю. Отврати очи мои от людей с жестоким сердцем, которые не сочувствуют бедным, равнодушно встречаются с беднотою; осуждают, укоряют, клеймят ее позорными именами; и (этим) расслабляют мое сердце, чтоб не делать добра, чтобы ожесточить и меня против нищеты. О Господи мой! Как много встречается таких людей! Господи, исправи дело милостыни! Господи, да идет всякая милостыня моя в пользу, а не во вред! Господи, приемли Сам милостыню в лице нищих Твоих людей!»

Так о. Иоанн зовет себя и всех зажиточных людей к милостыне: смотреть на благотворительность не как на доброхотное деяние, а как на обязательное дело; ибо все принадлежит Богу, а мы — только орудие в руках Божиих. «Иисус Христос, — говорит батюшка, — служил и угождал нам «до смерти... крестныя» (Флп. 2, 8). На все, что мы имеем по природе, или по благоприобретению, как то: род, звания, состояние, способности, образование, служебную деятельность, преимущественно и отличия, богатство; мы должны смотреть не иначе, как на Божий дар, которого, судя по нашим грехам, мы не заслуживаем, — и употреблять все это во славу Божию и на пользу не только свою, но и общественную. Мы должны считать себя орудиями Промысла Божия для тех, над которыми мы поставлены начальниками, пастырями, судьями; вообще — общественными деятелями. И должны общее благо ставить выше своего собственного. Ибо на то мы поставлены; для того возведены на высоту начальства». «Ты не свое, а Божие даешь Божиим чадам крестоносным, едва имеющим, где голову подклонить. Ты — приставник Божия достояния; ты — слуга вседневный меньшей братии Христовой: исполняй дело свое с кротостью и смирением, не скучай им. Христу Судии и Мздовоздаятелю служишь! Великая честь, великое достоинство! С радостью твори дела добрые. Просто, без больших трудов приходят тебе деньги: просто, не думая много, и раздавай их. Щедро вознаграждаются твои труды: будь щедр и другим сам. Не по заслугам вознаграждаются: не по заслугам и другим давай, а ради их нужды». Из этих приведенных и других мест творений о. Иоанна видно, что всякие преимущества суть только дары Божии; а люди — «орудия» Промысла Божия и «приставники» Его. В частности — начальники и богатые. Поэтому они — только слуги Христовы на своем месте служения. Об этом о. Иоанн говорит особенно усердно в дни каких-либо начальников. Например, в дни св. благоверного князя Александра Невского, как мы видели выше. Или в другие подобные дни. «Человек создан именно на дела благие, то есть на дела святости, верности, правды, любви и милосердия, на дела самоотвержения и мужества, воздержания и разнообразного учения, — для служения многообразным нуждам Церкви и отечества. Общественное благо — предпочитать своему частному. Такое употребление дара жизни на пользу других, согласно с волею Божиею, есть лучшая жертва Богу за дар жизни, лучшая благодарность Ему». За это все «нужно благодарить Бога и добрых благотворительных людей». Почему? Не только ради делае-

мого добра; но «больше для нашей же пользы: чтобы нежнее, тоньше были чувства нашей души, чувства зависимости нашей во всем от Бога и от добрых людей». Все это хорошо и верно. Однако «по своей жадности иные люди хотели бы все забрать себе, и другому ничего не уделить из захваченного или — и праведно добытого ими. Разумно ли это? Очевидно, безрассудно; потому что для одного человека нужно очень немного. И избытки должны быть уделены нуждающимся или беднякам; потому что все мы братья и сестры одного Отца Небесного, Который для всех вообще дал в изобилии дары Свои; Который для всех дал землю со всем, что на ней; — а не для меня в отдельности. Если же земля есть общая для всех стихия, и мы — земные по телу земным же хлебом поддерживаемся; то отчего я должен иметь того хлеба гораздо больше, сверх потребности, тогда как другой его не имеет?! Почему мы, грешные, озлобляемся на тех бедных, которые ежедневно и неотступно просят у нас милостыни? Даже (злобимся) на детей, у которых доверчивость особенно велика, вера в доброту других не имеет пределов, потому что они сами еще просты, добры и незлобивы? Будучи сребролюбивы, горды, мы часто смотрим на них с презрением; поднимаем на них — овечек незлобивых — крик, выходим из себя? Мы не хотим понять, что к неотступной просьбе от нас милостыни их нудит голод, недостаток одежды, обуви, настоятельное требование квартирной хозяйки или хозяина денег за угол, который они занимают у них. Не они ли у пророка Давида вопиют на нас ко Господу: «Помногу исполнихомся уничижения, наипаче наполнися душа наша поношения гобзующих (надменных), и уничижения (со стороны) гордых» (Пс. 122, 3–4). И конечно, рано или поздно, их жалобный вопль на небо дойдет. Что я говорю? Давно уже дошел до ушей Господа Саваофа, и подвигнет гнев Его на нас и праведное мщение!» И еще о. Иоанн пишет о том же: «Как превратен сей свет! Здесь богатство, роскошь, великолепие; тут голая бедность, недостаток во всем, — в приличной, достаточно согревающей одежде, — теснота, отвратительная грязь, сырость. Здесь все легко достается: и деньги, и все в обществе, почести, отличия; тут изо все сил бейся и ничего не достигнешь или только при огромных усилиях достигнешь немного. Кто разрешит это видимое (очевидное) противоречие? Один Бог! Мы можем только гадать».

И вот пришла революция, девять лет спустя после его смерти. И пришла в защиту бедных, против богачей.

Дом трудолюбия

Собственно про Дом трудолюбия теперь бы и не следовало писать, так как он перешел в ведение другой, светской власти. И в каком виде он существует ныне, мы не можем ничего определенного сказать. Да это и не столь важно: важно то, что идея его принадлежала о. Иоанну; а так как

вся эта книга говорит про Батюшку, то невозможно промолчать про этот «Дом», о котором он мечтал всю молодую жизнь священника. И понятно. Если кто думает о бедных, тот не может остановиться на частной лишь милостыне им: тот должен будет беспокоиться и об организованной общественной благотворительности им. А особенно нужно сказать это и про Кронштадт, и про о. Иоанна.

Нужно было думать, что с самых первых лет знакомства с бедным миром Батюшка не остановится на частной милостыне, а захочет организовать ее в более широком виде; ибо частная благотворительность не уничтожает нищеты. И хотя существование нищих имеет своею целью духовную милостивость, ласковость души, любовь сердца, но на этом нельзя остановиться. Поэтому с первых дней христианства и доселе Господь попускает существование бедных и нищих; как и почему, мы уже видели это из Дневника о. Иоанна. Но этим вопросом были заинтересованы и другие святые люди, жившие в миру; а изредка — даже и пустынники, хотя последние не обязаны были заниматься милостынею, так как им не из чего было благотворить, но любовь сердца несомненно была у них — и это составляло цель духовной жизни. Без любви не может быть ни христианства, ни истинной Церкви, ни — даже монашества. Св. апостол Павел свидетельствует, что «если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание, и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви; то я ничто». Впрочем, «если я раздам все имение мое, и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13, 2–3). И потом всякий истинный христианин желает иметь любовь в сердце. Но она не может оставаться невидимой для людей: ей хочется проявиться и в делах. Поэтому, — как мы видим из книги Деяний апостольских (гл. 2 и 4), — с первых же дней христианских само собою зародилось «общее» житие; и не было ни одного нищего. С первых же лет дано было право епископам содержать бедных, для чего у архиереев были церковные суммы. Потом там и здесь начались злоупотребления. Но хорошие святые христиане, особенно святители, желали творить милостыню. Так было и с великим святителем Василием, который построил почти целый городок для больных и бедных, называвшийся в честь его имени «Василиадой». Там же говорил в пользу больных слово св. Григорий Богослов. О том же постоянно думал и говорил св. Иоанн Златоуст. Этим же отличался и св. Николай Многомилостивый. Этим же болели душой и другие святые: Филарет Милостивый, Иоанн, Александрийский патриарх, и многие другие. Не мог и о. Иоанн Кронштадтский остаться в стороне от этого вопроса —о любви к беднякам. Так он и начал поступать с самого начала священства: посещал бедных людей и благотворил нищим. Но не мог он остановиться на частной своей милостыне. Бедных в Кронштадте, близ столицы Санкт-Петербурга, было очень много; туда нередко высылали безработных, или они сами уходили туда, ища труда. Однако, главное — не в этом: были же священники, которые равнодушно относились к бедным. Не таков был о. Иоанн, как христианин: считая всех христиан одной церковной семьей, он не мог быть равнодушным к ним. Поэтому и начал с част-

ной милостыни. Но потом скоро он понял, что ему одному не справиться с громадной нищетою, которую он видел воочию. Оставалось бороться с ней организованно, вместе с другими. «Братья и сестры». Но разве люди холодны бывают с братьями и сестрами? Никогда! Значит, и ему нельзя быть холодным к беднякам. Ведь они же братья и сестры во Христе и по Церкви! И эта мысль о бедняках не давала ему покоя. Нужно было что-то делать? И у него скоро явилась мысль о создании особого Дома для них. Причем — с трудом для них. Так и образовалась идея Дома трудолюбия. Пусть бедняки не будут «попрошайками» и бездельниками; это запрещает и христианство: «кто не трудится, тот пусть и не ест», — говорил строгий и милостивый апостол Павел (см.: 2 Сол. 8–10). И сам Павел трудился день и ночь (8 ст.). Поэтому все должны иметь и кров, и труд: от этого и явилась идея Дома трудолюбия. Но главное, повторю, здесь дело было в любви христианской. И тут уже не мог бездействовать о. Иоанн: это было бы и не по-христиански, и не по его энергичной натуре. Начал он с частной милостыни; но кончил Домом трудолюбия. Впрочем, обратимся к словам самого о. Иоанна. Вот что, между прочим, он говорил при освящении второго Дома трудолюбия, 10 октября 1882 года: «Человек ленивый и праздный и сам бывает непокоен, потому что праздного обуревают всякие страсти, и упрекает совесть, — и бывает он в презрении у людей, как бесполезный член общества. Но есть в некоторых обществах и городах, — в числе коих и наш, — люди, которым, и при желании трудиться, не к чему приложить рук: или по причине наплыва постороннего рабочего люда, — как в нашем городе почти всегда бывает, — или по неимению сколько-нибудь приличной одежды и обуви, или по малосилию и немощи, или по неблагонадежности. Вот для таких-то людей, — именно для мещан и мещанок города Кронштадта, приписанных к нему в 60-х годах во множестве несоразмерном и влачащих нищенскую скитальческую жизнь, не имеющих к чему приложить свои силы и смышление, свой труд, особенно осенью и зимою, Кронштадтское церковное попечительство... устроило и учредило в Кронштадте Дом трудолюбия для постоянного труда бедных, неимущих мещан, для воспитания бедных детей, для облегчения бедных матерей через принятие малолетних детей их в дневное пристанище, для умственного и нравственного образования народа в праздничные дни посредством назидательных и общеполезных чтений, для безмездной практики врачей с больными бедными». Но «дивно устройство этого дома, по милости Божией. Начатый постройкою весною прошлого года (1881), при ничтожных сначала средствах, при Божией помощи и добрых людей, и доведенной вчерне до конца в три этажа, он осенью обгорел в бывший пожар по той улице, где он строен, как и деревянный дом попечительства вместе с ним сгорел». Поэтому и нам нужно обратиться к раннейшему времени, когда возникла идея Дома. Еще в Дневнике своем за прежние годы о. Иоанн пишет: «Господи! Благоволи воздвигнуть дом для бедных во граде сем, якоже многократно молих Тебя всеблагаго, всемогущего, премудрого, чудного!» Следовательно, о. Иоанн сначала «многократно» молился о нем. Так поступает и всякий христианин до начала доброго дела:

он сначала молится Богу; у Него просит благословения и помощи. А потом уже — у добрых людей. Но и молитва была раньше того времени, когда у о. Иоанна возникла мысль о доме для бедных; поэтому трудно указать: когда именно зародилась эта идея? Но я лично думаю, что она — почти современна священническому служению: когда он увидел «множество» безработных бедняков, тогда же и зародилась мысль о доме. Но он был еще не авторитетен тогда. Поэтому приходилось ждать. Приходится со всем считаться.

И вот только на 19-м году священствования о. Иоанн говорит «речь при открытии Кронштадтского Андреевского приходского попечительства, 9 июня 1874 года»: эту дату собственно и следует считать началом Дома трудолюбия. Почти 20 лет священства, — считая таковое с 12 декабря 1855 года. Времени не мало. «Наконец, — так начинает свое слово о. Иоанн, — мы уполномочены церковною и гражданскою властью открыть при нашей церкви попечительство, как о самом храме, так особенно и преимущественно — о бедных». «Наконец!»

Следовательно, сколько же до этого дня прошло лет, хлопот и молитв об устройстве бедных. 25 лет! Поэтому стоит остановиться и нашей мыслью на словах Батюшки, ибо они выражают то, что думалось много раньше 1874 года.

«Да будет благословенно от Господа это благодетельное учреждение. Во многих местностях вошли в действие попечительства о церквах; у нас только доселе замедлялось это учреждение: ныне же, по совершении всех формальностей, открытие его совершается». Следовательно, совершается только «открытие». А самая мысль и хлопоты были раньше. Сам о. Иоанн об этом так говорит в своей единственной автобиографии от 1888 г.: «С самого начала священничества, я возымел попечение о бедных, как и я сам бывший бедняком; — и лет около 20 назад провел мысль об устройстве Дома трудолюбия о бедных, который и помог Господь устроить лет 15 тому назад». Следовательно, если из 1888года вычесть 20 лет, — то будет 1868 год; то есть на 13–14-м году своего служения Церкви он уж «провел мысль»; а в 1874 году положил начало этому делу организацией попечительства: избранием более энергичных деятелей, заведением книг, составлением списка зажиточных прихожан, выявлением наличия бедноты, «нуждающейся в неотложном пособии, чем бы то ни было»: то есть трудом или денежным пособием. Потому нужно «с нынешнего же дня начать сбор» пожертвований и т. д.

«Затем, — говорит о. Иоанн в той же речи, — мы должны знать, что церковное попечительство главнейшим образом учреждено для уничтожения нищенства и попрошайства в нашем городе, для искоренения лености, празднества, тунеядства и пьянства, для приискания работ бедным, для учреждения ремесленной школы для бедных детей, для устройства рабочего дома, или — на первый раз — для найма дешевых или даровых помещений для бедных». А потом уже попечительство «может иметь предметом своим и самый храм»; поддержание хора певчих и, наконец, самый причт». Вот каковы ставились задачи: «главнейшим образом» — бедные. И уже

потом и можно думать попечительству о храме, хоре и «наконец» о причте. А первое дело — бедные люди. Это вполне совпадало с намерениями сочувствующего беднякам молодого батюшки о. Иоанна. «Церковное попечительство, — высказывает он далее излюбленную свою мысль, — есть учреждение первых христиан времен апостольских, которые по братской любви так заботились друг о друге, что «не бяше нищ ни един в них» (Деян. 4, 34). Оно особенно необходимо у нас. Дай Бог, чтобы оно было и у нас в таком же духе любви и единомыслия. Что требуется для этого? — Мы должны несколько отрешиться от любви к самим себе и уделить этой любви нашему ближнему, который есть другой «я»: снизойти к нему, войти в его положение, часто очень горькое и безвыходное, где бывает тьма и мрак, нужда, болезнь, холод, голод, брань (ругань) со всех сторон. Разумеется, нужно несколько самоотвержения в пользу ближних; но оно-то именно требуется от нас Св. Евангелием, если мы хотим быть христианами самым делом, а не по имени только. Учреждение попечительства будет отмечено как весьма важное и благодетельное учреждение не только в летописи Кронштадта: оно будет отмечено на Небе, Которое принимает живое участие в судьбе всех нас и — бедных в особенности; и будут «имена ваши написаны на небесах» (Лк. 10, 20). Сам Господь некогда — и вы знаете, когда — скажет вам: «Вы сделали это братьям Моим меньшим: вы сделали это Мне» (Мф. 25, 40). Пожелаем же нашему новорожденному чаду благополучного возрастания и преуспеяния во всех отношениях; подобно другим чадам, которые были вначале маленьким, а потом по милости Божией выросли большими, крепкими, сильными. Заключу словами апостола Павла: «Точию нищих да помним: еже и потщахся... сотворити» (Гал. 2, 10). Постараемся же мы в точности исполнить завет апостольский. Аминь». Прошло еще три с половиной года, и о. Иоанн говорит другую речь, 30 апреля 1878 года, общему собранию попечительства. «При поспешствующем Божием благословении и при содействии молитвенном св. апостола Андрея Первозванного, Кронштадтское Андреевское попечительство пережило три с половиной года посильной благотворной деятельности». Будет предложен годичный отчет. «Я же с своей стороны, в глубоком сознании разумной энергической, постоянной и полезной деятельности членов Совета попечительства, призываю от всей души на них и на домы их благословение Божие и молю смиренно, да дарует им Господь сил и еще ту же ревность и охоту и ту же разумность и распорядительность в ведении дел попечительства, которая отличала их в прошлом году и ранее». Особенно благодарит их о. Иоанн потому, что этих членов было мало: «Весьма не велико, даже скудно было, братья-прихожане, число членов, заведывавших делами попечительства; но эта малая семья доброхотов была всегда проникнута братскою любовью, усердием к делу, единодушным стремлением сделать ближним добро, твердостью и постоянством в деле». Следовательно, сначала число активных членов попечительства было «весьма не велико, даже скудно»; но они были — на духовной высоте. И «что могла бы, с Божьею помощью, сделать эта горсть добрых людей, если бы попечительство пользовалось большим, чем ныне, сочувствием

кронштадтского общества и располагало большими материальными средствами! Если даже теперь оно успело достигнуть, между прочим, того, что сотни нищих не стоят уже у церковных дверей и не безобразничают здесь, — как недавно еще, возбуждая к себе общее негодование прихожан, — то чего не достигло бы по отношению к благосостоянию меньших братий (то есть самих бедняков) и спокойствие молящихся в храме, если бы имело в распоряжении своем больше материальных средств или больше сочувствия обывателей. Да сотворит Господь, чтобы все относились к делу попечительства, как к делу Божию, к делу спасительному, как к своему задушевному делу. Господь взирает на всех, кто и сколько кладет в церковную кружку; взирает на богатство и на бедного; и копейку бедняка принимает больше, чем рубли и десятки рублей иного богатого; и всем воздает по усердию, или по сердцу каждого». Как видно, общество не принимало особенного участия в приходском деле помощи бедным и нищим.

Лишь небольшая часть «доброхотов» была активными участниками попечительства, к сожалению. По сохранившимся печатным книгам теперь известны имена этих добровольных тружеников: им ведь в значительной степени приходилось оставлять свою семью, домашние дела и т. п.; потом, они делали все это безвозмездно, «доброхотно», а не за жалованье. И их хорошо бы помянуть здесь!

В 1882году о. Иоанн свидетельствует, что Дом трудолюбия стал действовать «благодаря участию членов попечительства — Буксгевдена, Лапшиной, Дворяшина, Борисова, Петрова и др.». Вероятно, эти же лица были помощниками о. Иоанна и 3–4 года назад; поэтому мы осмеливаемся помянуть хотя бы их, — о чем сказано в маленькой брошюрке «Жизнь о. Иоанна Кронштадтского».

Но важно не только участие помощников и помощниц, сколько усердие инициатора помощи беднякам, о. Иоанна. «Почему бы нам, — говорил он при введении в дело главы купеческого общества, Филиппа Степанова, — не устроить подобного (первохристианского) общества братолюбия и вспоможения во славу Божию и во спасение наше? Почему не устроить благотворительного заведения? Почему не приютить и не дать дела множеству нищих? Почему не снабжать их необходимым?.. Ты, раб Божий Филипп, теперь глава общества; а голова промышляет о нуждах всего тела. Позаботься же!» Но больше трудился и хлопотал сам Батюшка. И вот приют и «рабочий дом»... горит! Стоит об этом подробнее рассказать. Казалось бы, дело доброе; начинается добрым пастырем; делается для бедняков и нищих; совершается благословляющий молебен; трудятся немногие попечители; дело уже налаживается: бедняки получают и кров, и труд, и заработок, или — пособие; церковная паперть освобождается от сотен (легко сказать!) нищих, которые и «безобразничали» даже. А теперь все это изменилось. Дома уже в действии. И новый Дом трудолюбия уже построен до 3-го этажа. И вдруг — пожар в этой части города. Приход строит дом-школу для детей погорельцев. Но о. Иоанн пользуется моментом, чтобы заговорить о близких его сердцу бедняках и нищих. «Я разумею, — говорит он, — кронштадтских мещан, бедных, без всякого счету и разбору припи-

санных к нашему обществу и наводняющих Кронштадт в жалком виде, особенно больных из них, выходящих из госпиталя. Честь имею, — говорит Батюшка, — довести до сведения всех, кто не изучил их быта, что они крайне бедствуют: у них нет ни работы, ни хлеба, ни одежды, ни жилища; они с руками и ногами, но как бы без рук и без ног; везде они лишние; никто их не принимает на работу, кроме летних месяцев, в которые они, хотя не все, работают на иностранных судах. В Кронштадте до того много народу и рабочих сил,... что мещанам кронштадтским нигде места нет, как нет; а между ними есть много дельных и сильных людей. Обыкновенно в Кронштадте их называют пьяницами и тунеядцами; но считать такими всех их огулом совершенно несправедливо. Дело в том, что для нищих в Кронштадте должно бы устроить нищенский комитет по распоряжению городской власти; и этот комитет должен состоять под постоянным контролем городской власти. В самом деле, — из Петербурга, Одессы, Севастополя и других городов полиция присылает к нам почти каждомесячно и едва не каждодневно толпы кронштадтских мещан по этапу; и они у нас бродят, скитаются без всякого присмотра, оборванные, голодные, без приюта и без дела! На что это похоже? Терпимо ли это в благоустроенном обществе? И как это доселе могло быть? Будем ли мы еще игнорировать эту массу, эту язву, которая так близка к нам? Все погорельцы после рокового 20 октября 1873года, когда пожар обратил в пепел шестую часть нашего города поустроились, получили такое или иное удовлетворение; кронштадтские же мещане все остаются, как были». Но в 1874 году получено было разрешение на попечительство о бедных. И начал строиться специальный рабочий дом и дом попечительства. Вдруг 7 и 8 декабря 1881 года — новый пожар! И сгорают оба дома, коими уже обслуживала бедняков церковь. Другой бы человек пал в уныние. Но не таков был о. Иоанн. Он в Неделю св. праотец опять обращается к молящимся за подаянием. И сам сознает, что средств мало, что сострадательных лиц еще менее будет. «Впрочем, может быть, сострадательных и милостивых людей в нашем городе гораздо более, чем я думаю. Если так, то дай Бог, чтобы они вскоре подвиглись и своими приношениями и жертвами, в храме Божием, где все мы —богатые и бедные, знатные и незнатные, ученые и неученые, пастыри и паства, — должны сознавать и чувствовать себя членами единого Тела Церкви и единого Тела Христова, —мы во имя Самого Господа Иисуса Христа приглашаем вас, братия, откликнуться сочувствием».

И для сбора на бедных Кронштадтского попечительства поставлена была особенная кружка. И всех Батюшка приглашал всегда брать с собою из домов посильную лепту и класть в эту кружку. И дело начало, было, расти для бедных. И вот пожар. «Учредители, поскорбев, возложили упование на Бога, и с удвоенной и утроенной энергией принялись снова за дела». Батюшка обратился к народу с двумя воззваниями. Вот они — в выдержках:

«Кому не известны рои кронштадтских нищих! — мещан, женщин и детей раннего возраста? кто не видал и того, что между нищими — мещанами есть много людей молодых и здоровых, представляющих из себя весьма

жалкую фигуру по своей грязной и изорванной одежде, трясущихся у преддверия храмов или у лавок и заборов в ожидании подаяния от какого-либо благодетеля? Но всякий ли додумывается до настоящей причины такого множества бедных в Кронштадте? Вероятно, многим или некогда было вникнуть в истинную причину этого зла, — потому что всякий преследует свои житейские цели, свои удовольствия, или многие останавливались на той мысли, что нищета неизбежное зло всех городов, не исключая, конечно, и сел. Многим гражданам, вероятно, и не приходилось видеть полную картину кронштадтской нищеты, — картину, далеко не отрадную». И далее о. Иоанн начинает изображать эти причины.

«Вот — главное: бедность от рождения, бедность от сиротства, бедность от разных бедственных случаев, бедность от неспособности к труду по причине старости, бедность от потери места, бедность от лености, бедность от пристрастия к хмельным напиткам; и в наибольшей части случаев — от недостатка труда. Но отчего особенно много нищих именно в Кронштадте? В это тоже стоит вникнуть. Хотите удостовериться во множестве нищих в Кронштадте? Выйдите поутру, часов в 9 или в 10 в субботу; и вы во множестве увидите их в гостином дворе и по всем улицам. В этот день они собирают милостыню, как в день сборный, в который бывает им подача по четверти копейки, редко по грошу; и вы уверитесь в справедливости сказанного. Да это еще далеко не все: сколько есть больных, старых и малых, не могущих ходить за подаянием!.. А угодно кронштадтской публике видеть непривлекательную картину бедности наших нищих? Вы заранее отказываетесь ее видеть? Вы отворачиваете лицо? Не гнушайтесь: ведь это — члены наши; ведь это — братья наши, хоть и не привлекательные по наружному виду. Вот эта картина: представьте сырые, далеко ушедшие в землю подвалы домов некоторых улиц, в которых по преимуществу помещаются наши нищие: тут помещается по 30, 40 и 50 человек в жилье, иногда положительно как сельди в бочке; тут старые и взрослые, и малые дети; тут и младенцы, сосущие сосцы; в сырости, в грязи, в духоте, в наготе, а часто и в голоде.

Интересующийся сам может проверить истину этих слов. Но к чему же я утомляю такой картиной воображение читателей, привыкших к изящной обстановке? Не для того, конечно, чтобы читатель только сказал: Слава Богу, что я не родился в бедности, или — не живу в бедности; слава Богу, что у меня есть капиталец, — и я обеспечен; слава Богу, что я живу с комфортом и во всяком довольстве; или: я свою лепту вношу в богадельню, на приют; до этих нищих мне дела нет! Нет, господа, это дело касается до всех жителей города: как живущих на жалованье, так и купцов, мещан и прочих, имеющих какое-либо состояние. В чем же дело? — спрашиваете вы. — В том дело, чтобы всему кронштадтскому обществу, — духовному, военному, чиновничьему, торговому, мещанскому, — образовать из себя попечительство, или братство при разных церквах, и соединенными силами заботиться о приискании для нищих общего жилья, рабочего дома и ремесленного училища. Не пугайтесь, господа, громадности предпринимаемого дела. Доброму делу поможет Бог, там скоро явится все — как бы из ничего. Если

городу угодно было принять к себе такое множество нищих; то он, конечно, должен взять на себя и обязанность занять чем-нибудь этих праздных людей, сделать их оседлыми: иначе выйдет и возрастет неизбежное зло, воровство и грабительство; и мирные граждане не будут безопасны везде и всегда. Пора сделать что-либо решительное относительно кронштадтских мещан: или устроить для них рабочий дом и для детей ремесленную школу; или же, как крайнюю меру, выпроводить часть их куда-нибудь в другое место. Итак, братья, все, кого интересует благо человечества, пусть соберутся и сплотятся в дружное общество; и будем собирать нравственные и материальные силы сограждан на приискание дома трудящихся и на снабжение его потребными вещами, — также и устройство ремесленного училища». Таково было первое послание о. Иоанна. А вот и второе вкратце. «Было бы и пред Богом грешно и пред людьми стыдно оставлять такое множество наших членов, разумею наших мещан, оторванными, изолированными от общественного тела и от его благосостояния. Отчего не связать их с общественным организмом, соорудив для них помещение и дав для них дело? Во имя христианства, во имя человеколюбия, гуманности взываю: поможем этим бесприютным беднякам! Поддержим их нравственно и материально; не откажемся от солидарности с ними, как с человеками и собратами; и докажем, что чувство человеколюбия в нас еще живуче и себялюбие не заело нас. Так как прежде всего нужна здесь материальная помощь, то я делаю первый почин: вношу ежедневно в кассу общества, которое примет на себя хлопоты по этому делу, 70 рублей, — с тем, чтобы не подавать на улицах и у церкви нищим. Братья, во имя Христа и Креста возвышаю голос: кто еще?..»

По-видимому, ответом было бы молчание, если бы это не было письменным посланием. «Как хорошо было бы по всем этим причинам устроить Дом трудолюбия! Тогда бы многие и из них (бедняков) могли обращаться в этот дом с требованием сделать нам за известную плату то или другое дело, ту или другую вещь; а мещане жили бы, да и трудились и благодарили Бога за своих благодетелей. И нравственно многие поднялись бы! А если бы кто, будучи здоров, не захотел работать, того из города — долой: Кронштадт — не рассадник тунеядцев! Други и братья! Приимите это заявление к своему сердцу; да поближе, как свое собственное дело. Некоторые не хотят слышать о рабочем доме; потому что, говорят, это — карательное дело, а мы не имеем права карать? Какое карательное заведение? Это —прямое благотворительное заведение! Разве не доброе, не гуманное дело спасать людей от лености, праздности, апатии, тунеядства? Если спор из-за слов, то перемените название и назовите его вместо «Рабочего Дома», хоть Муравейником или Пчельником, все равно, как хотите: только не откладывать бы доброго дела, напрашивающегося на скорое исполнение, в долгий ящик».

Так дело о Доме трудолюбия давно было задумано о. Иоанном. Но лишь в 1874 началось «наконец» попечительство, которое поставило вопрос о бедных. Но опять потребовалось несколько лет: около 6–7!.. И вдруг пожар! Дом трудолюбия и попечительства сгорели... «Вот и опять, — гово-

рит о. Иоанн, — постигло нас бедствие и горе! Не внешний неприятель нашел на нас с огнем и мечем; а враг внутренний, тайный, облеченный во всеоружие мерзости и продажной дружбы и полного безучастия к постигшей беде! Безучастия, — говорю, — людей, которые на то и поставлены, чтобы служить общественной безопасности! Да, злая рука бесстыдного ночного порока умышленно произвела пожар и причинила великое бедствие! И кому же? Большей частью беднейший жителям нашего города, которые были призрены в доме попечительства и продолжали свои мирные труды... И таким образом, беда родила новую беду». Но о. Иоанн не упал духом... И в один год, 1882-й, дело поправилось. «Жертвы стали поступать отовсюду; и в конце концов попечительство стало в силах восстановить разрушенное пожаром здание и привести его к счастливому и прекрасному концу»: 10 октября 1882 года о. Иоанн уже говорит об этом слово, в день освящения. «Нынешний день назначен для освящения его», — то есть Дома трудолюбия, — посредством торжественной молитвы и окропления его водою во всех его частях. Остается, — говорит Батюшка, — призвав на него благословение Божие, пожелать членам попечительства и всему Кронштадтскому обществу дружного действия к обеспечению нищих и бедных г. Кронштадта постоянным трудом, чтобы не сидели они праздно; и имея постоянную работу, имели вместе и постоянно и трудовой кусок хлеба; а чрез это — не имели бы поползновения и попрошайству и пьянству, и были бы полезными гражданами... Вы увидите прекрасный образ Спасителя нашего на фасаде здания с простертыми объятиями к изображенным на той же иконе людям и словами над образом: — «Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии и Аз упокою вы». Он будет всегдашним напоминанием и трудящимся в этом здании, и всем проходящим и взирающим на него — напоминанием о непременной обязанности каждого из нас трудиться прежде всего — для спасения душ своих, для умерщвления в себе грехов; а потом — трудиться духовно и физически на пользу свою, общества или семьи (бедных) в надежде на вечное упокоение за временные и полезные труды в Боге. Аминь». Так заканчивает Батюшка мысль о цели воссоздания Дома трудолюбия; она — двоякая: спасение души и телесный труд для бедных. Для восстановления Дома потребовался только один год. Такой короткий срок объясняется, между прочим и тем, что к этому времени о. Иоанн уже прославился и как чудотворец. Теперь остается нам перечислить, хотя бы кратко, те учреждения, которые нашли приют и труд в Доме трудолюбия. Таких было много. Например.

1. Пенькощипная. Там работали в год около 23 000 (беру круглые числа), выщипавшие до 3 500 пудов пеньки. В среднем этим трудом занимались до 63 человек в день. 2. Женская мастерская. Здесь обучалось до 50 девочек в году. 3. Сапожная мастерская. Было в 1896 году до 16 человек. 4. Призрение бедных женщин. По неспособности к труду и бедности здесь призревались 20 с лишним женщин. 5. Бесплатная амбулаторная лечебница. Приходящих больных было до 2 700 человек, то есть по 7 человек в день. 6. Начальное училище. Там к 1897 году было до 280 человек постоянно

учившихся. 7. Классы ручного труда. Посещали их до 15 человек. 8. Бесплатная детская библиотека. Там в учебный сезон выдано было в 1896г. до 2 600 томов. 9. Книжная лавка. Было продано свыше 7 500 экземпляров книг, листков, образков. 10. Бесплатная народная читальня. Там было до 30 ежегодных журналов. Читающих в год было зарегистрировано до 6 500 человек. 11. Комнаты для приезжающих. Там на 4 этажах было до 45 кроватей, из коих три было бесплатных. Эти кровати были предназначены главным образом для посещения о. Иоанна. 12. Убежище для сирот и Дневное пристанище. Здесь было девочек до 45 и мальчиков до 40. Дети в Дневном пристанище проводили время от 8 часов утра до 8 часов вечера; всего детей было до 50 человек: это —вроде яслей. Они получали здесь — утренний чай, завтрак, обед и ужин. 13. Народная столовая. Открыта была с 6–9 часов утра, с 11 до 3 ч. пополудни и с 5–9 часов вечера, то есть 11 часов в день. Бедные здесь получали щи с мясом, кашу и хлеб и пользовались кипятком для чая. Были и бесплатные призреваемые. А способные платить могли получать обед или ужин за 3 коп., по 6 коп. — за два раза. Чай и сахар ценились особо, по 12 коп. Щи и суп — по 1коп.; каша по 2 коп. за порцию. Хлеб особо ценился, от полутора до 3-х коп. за фунт. Бедняк мог просуществовать тогда в день на 6 коп.: ему давался обед и ужин по 3 коп. с хлебом. Всего в год отпускалось до 90 000 (порций); то есть бывало в день от 250 до 300 человек за обедом. 14. Дом попечительства, на Высокой ул., за №№ 126, 127, 128. Этот дом отдан был бедным бесплатно. Всего было до 85 человек; помещались они почти везде по двое: это были большею частью престарелые женщины или вдовы с детьми. А в подвальном этаже находилось два больших помещения для беднейших богомольцев-паломников. Каждый из них имел право прожить здесь трое суток. Эти комнаты рассчитаны на 30 мужчин и на 30 женщин, отдельно. 15. Еще была Воскресная школа для взрослых и молодых людей до 20 лет. В ней было до 200 человек приходящих еженедельно. 16. Ночлежный приют —на 110 мест: 85 мужчин и 25 женщин; но обыкновенно бывало больше. Плата была по 3 коп. за ночь. Бесплатных ночлегов было даваемо до 35 000 (мест)!

Был еще ручной труд, переплетная мастерская, военная гимнастика, зоологическая коллекция, платная библиотека, рисовальные классы, загородный приют, огороды, народные чтения; (производилась) выдача пособий — деньгами, одеждой, обувью, пищей и проч.: выдавалось ежемесячно примерно на 1000 человек. Итого, около 25 учреждений для бедных людей! Это был целый город! Сбылось то, о чем мечтал о. Иоанн с начала своего священства! Но были еще «комнаты», отдельные от Дома трудолюбия, содержимые частными людьми, куда пускались богомольцы, паломники за малую плату. Можно сказать: Кронштадт жил по преимуществу о. Иоанном! Такова была его сила и влияние. Но не нужно думать, чтобы это дело далось ему легко! Нам уж известно, что для этого потребовалось почти 27 лет! А задумал он дело о бедных с самого начала священства. Потом пожар... А далее? Разве содержать 30 учреждений при Доме трудолюбия легкая вещь? О! Об этом нужно подумать! Да если бы только

одним этим делом заниматься, и тогда крайне трудно... А ведь у него были еще и другие, более неотложные дела, как увидим далее. Если он говорит, что любовь — ни для Бога, ни для людей неотъемлема от креста; то какой же он взял на себя крест, создав Дом трудолюбия?! Ведь нужно было ежедневно добывать средства?! Да мало ли? Много! Например, в 1888 году о. Иоанном было пожертвовано 57 320 р. 92 коп., в 1890 году —29 005 р. и т. д. Конечно, к нему текли деньги ежедневно. Но какую нужно было иметь веру, чтобы быть уверенным в неизменности этого притока денег от неизвестных людей! Но все это не остановило о. Иоанна, ибо он взял на свои плечи крест Христов; ибо он был христианином; ибо он стал священником христоподобным и не мог с самого начала священства равнодушно смотреть на «меньших» Христовых «братьев», на бедняков. Но о кресте его мы будем говорить особо дальше.

КРЕСТОНОШЕНИЕ ОТЦА ИОАННА

Существует мнение, будто бы Батюшка всю свою жизнь был благополучен, здоров, весел; будто бы он не видел креста скорбей, страданий, гонений.

Один архиерей даже сомневался в его святости из-за этой «бескрестности» пути о. Иоанна. И только будто бы в последние четыре-пять лет жизни он испытал открытые гонения в газетной печати, в слухах, в лице неразумных почитателей — «иоаннитов» и т. п. То — правда, что он открыто был гоним лишь в последние годы жизни. Но совершенно несправедливо, будто он не терпел креста в течение всей долгой жизни своей. Да это просто невозможно было уже потому, что крест был уделом Христа Спасителя; что крестное трудное житие есть и удел всякого христианина. Значит, если бы о. Иоанн был без крестов, он не был бы христианином; а если был христианином, то не мог обойтись без крестоношения. Одно с другим — связано неразрывно! Замечательный пример мы видим в Самом Христе и апостоле Петре. Только что последний назвал Христа «Сыном Бога Живого» и был за это похвален, ибо на этой вере в Божество Христово будет основана Церковь Его; как тотчас же получил резкий упрек от того же Христа. За что же? За то, что он дерзнул «отозвать Его» и начал прекословить Ему: «будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобою!» «Ему должно идти в Иерусалим, и много пострадать, и быть убиту, и в третий день воскреснуть» (Мф. 16, 15–22). А Христос, обратившись ко всем ученикам, сказал Петру: «Отойди от Меня, сатана; ты Мне соблазн; потому что думаешь не от том, что Божие, но что человеческое» (23). Сатаною назвал исповедника Петра за то, что тот отговаривал Его от креста. А далее сказал ученикам, что и им придется нести крест свой: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и

следуй за Мною» (23). Так Христос утвердил крестоношение; а отречение креста, крестоборчество назвал «человеческим» делом; даже больше того — сатанинским; ибо за Петром стоял сатана. А если так, что совершенно несомненно, — как и сказал Господь, — крестоношение было необходимо и для Него — за всех нас, и каждому — за себя. Так было и с о. Иоанном. Но начнем с Христа Спасителя. В праздник Воздвижения Креста Христова вот что говорит он.

«Братия мои, сегодня положено читать Евангелие о бесконечной любви Божией к погибающему миру, или роду человеческому и о ниспослании ему Спасителя — Сына Божия Единородного.

Никто из человеков не восходил на небо; потому что грех не допускал никого взойти на пречистое, пресветлое, праведное небо, на котором — Престол Господа Вседержителя; а за грех еще не была принесена, с начала мира до пришествия на землю Сына Божия, крестная жертва для искупления мира от греха, для примирения людей с Богом, прогневанным беззакониями, для очищения и освящения верующих в Него и для отверстия праведным судом Божиим заключенного грехами человеческими неба. Небо было недоступно никому из людей. Оно сделалось доступным для праведников и покаявшихся грешников только со времени крестной смерти за нас, за наши грехи Сына Божия. Об этом сказал Сам Господь: «Отныне будете видеть небо отверстым и ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (Ин. 1, 51). Эта тайна, эта радостная весть, что небо теперь для нас отверсто, (свидетельствуется) ежедневно открытием Царских врат на великой вечерне, и на всенощной, и особенно на литургии. Смотри, грешник, какая ужасная, кровавая жертва потребовалась правосудием Божиим для искупления твоего от греха и вечной погибели: мучительнейшая, поноснейшая смерть на кресте Единородного Сына Божия... «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16). «Так возлюбил Бог мир», то есть бесконечною, превосходящею всякий разум любовию; ибо дал бесконечную жертву за грехи наши — Сына Своего, сопрестольного Ему, Богу Отцу, собезначального, соестественного. О любовь Божия чудная, преславная, пресладкая, вечная! Если бы в жертву за наши грехи не дал Бог Сына Своего, — то весь мир пошел бы в муку вечную, и никто бы не спасся! Все спасенные спаслись кровью и смертью Сына Божия; все оправданы Его Благодатью; святые стали святы Его святостью, правдою; умудрены Его премудростью; укреплены Его силою; украсились Его нетленною красотою; достигли нетления Его нетлением. Все спасающиеся ныне — спасаются только кровью Сына Божия; или водою и кровию; ибо из прободенного ребра Его истекли кровь и вода, означающие два таинства: крещение и причащение».

В другой день о. Иоанн говорит о нахождении самого креста царицей Еленой и снова повествует о распятии на нем Христа. «Кто воздвижен был на крест? — Сам Царь славы, Сам Творец небесе и земли, Единородный Сын Божий. — За кого? — За мир грешный и за нас с вами: хотя нас тогда не было на свете, но Господь знал, что будем мы. И то, какие мы

будем грешники окаянные: и потому страдал и за всех нас. Много, много горечи подлили и мы с вами в чашу Его страданий. Дивное чудо! Царь правды, Бог Всемогущий, воспринявши на Себя плоть человеческую, претерпел казнь за нас, за наши прегрешения! И какую казнь? Самую поносную, мучительную! О таинство, ужасное! О таинство извлекающее слезы умиления и благодарения! О дражайший Искупителю всего мира! Не ведали люди, что на Тебе отяготели грехи всего мира; что Ты терпишь, невинный и безгрешный, казнь за нас! Не ведали, что Сам Бог вступает в борьбу с адом и сокрушает могущество его; и хочет извести из ада души, от века содержимые в узах его, и нас избавить от его ужасного мучительства. О, сколь дороги для Бога души человеческие, искупленные кровию Сына Его!»

И в третьей проповеди на день Воздвижения, говорит о том же: о жертве, о смерти Христа, Сына Божия. «Это — слово о бесконечной правде Божией, потребовавшей бесконечной жертвы за бесчисленные и тяжкие грехи мира, и за бесконечно оскорбленную святость Божества тварями, созданными по образу и подобию Божию, за поруганные святейшие законы Божии». И в следующей беседе о. Иоанн говорит то же самое: «Бог, братия, есть бесконечная Святыня; и сотворил нас вначале праведными и святыми; человек же произвольно впал в скверну греха. Бог же, как Праведный и Святой, не может не гнушаться грехом, всяким беззаконием: мерзость для Него и один помысл неправедный (см.: Притч. 15, 26). Ничто мерзкое или нечистое не взойдет в Царство Божие. И тут то нужно искупление грешников Сыном Божиим. Эта мысль о. Иоанна, — а точнее православного христианства, — постоянно встречается в его творениях: можно сказать, на ней основывается дело спасения. Без креста Христова не может быть прощения, помилования, примирения человеческого рода с Богом, — или как обычно говорится, — с Богом Отцом, или с Пресвятой Троицей. И хотя это все — очень известно; но мы из его проповедей возьмем еще несколько таких выписок. «Единородный Сын Бога изволил сделаться человеком для спасения падшего по своей воле от жизни в смерть человека; терпит за него страдания на кресте и смерть самую поносную, чтобы Его страдания вменены были праведным Отцом Небесным, как бы собственные страдания всего человечества всех времен и мест». «Он один пил за нас чащу гнева небесного». «Какая нужда была Самому Богочеловеку перенести эти как бы адские мучения на земле?..

Но Господь, по милосердию Своему, не терпя видеть мучимым от диавола род человеческий, пришел нас освободить от рабства ему и от вечных мучений. А чтобы нас освободить от работы врагу, коему мы предались и предаемся сами, Он восхотел стать за нас по человечеству послушнейшим рабом Отцу Своему Небесному. Он, превечный Бог, восхотел Сам человеческим существом вынести на Себе наши вечные мучения. «Се, Агнец Божий, вземляй грехи мира» (Ин. 1, 29). Сколь отрадны эти слова для души верующей! В них заключается крепкая надежда на бесконечное милосердие Отца Небесного, примирившегося с нами, беззаконными, чрез жертву правды, принесенную на кресте за грехи наши, то есть бесконечную жер-

тву Сына Своего». «Кто постигнет умом своим, восчувствует сердцем своим всю цену этого благодеяния? Один Он знает вполне, как велика жертва за нас; потому что один Он знал, видел, как бы настоящими вечные муки и всю лютость вечных мучений, когда говорил о грешниках: «идут сии в муку вечную» (Мф. 25, 46), которая непреложно постигнет самым делом нераскаянных грешников»; которая совершится «по правосудию Отца Небесного». «Это — жертва наших грехов. Это — жертва бесконечной любви к миру, погибающему во грехах; и следовательно, ко мне и к тебе, возлюбленный брат. Сын Божий принял на Себя вместо меня и вместо тебя ужасы правосудия вечного; испил чашу праведного гнева и ярости Бога Вседержителя, которую надлежало бы пить мне и тебе. В ужасе и благоговении склоняюсь пред правосудием Божиим, пред святостию Триипостасного Божества; Которое — в отметание неправды греха и в освящение человека грешника, созданного по образу и подобию Божию, — в лице Отца благоволило наказать за человеков Святейшего Богочеловека; в лице Сына благоволило воплотиться и принять на Себя наказание за все человеческие неправды; а в лице Духа Святого освятить грешников кающихся, обновить их, излиться нежнейшею, святейшею любовию в сердца их. Братия, внимайте таинству!» «Ты волею благоволил плотию взыти на крест: иначе кто бы смел прикоснуться к Тебе, Всемогущий? Видно, тут есть великая тайна, которой не знали Твои злодеи и сам князь тьмы... Вот в чем тайна смерти Иисуса Христа, Бога и Человека: Спаситель умер для того, чтобы принять на Себя великое дело искупления, оправдать нас, грешных, Своими страданиями и смертью пред Отцем Небесным: Той есть «оправдание наше» (Рим. 4, 25), говорит Апостол. Смерть Спасителя есть очистительная жертва за грехи всего мира. «Той очищение есть, — говорит св. апостол Иоанн Богослов, — о гресех наших, не о наших же точию, но и о всего мира» (1 Ин. 2, 2). Он умер, и смерть Его на кресте уничтожила проклятие наше, которое мы заслужили у Отца Небесного своими грехами... Страдания и смерть Иисуса Христа оправдают тебя пред Отцом Небесным. «Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси отставил» (Мф. 27, 46). Так возопил пригвожденный за грех мира; следовательно и за наши с вами, братия и сестры, Агнец Божий, Господь Иисус... Возопил по человеческому Своему естеству, — имевшему немощи, а не грехи...

Это оставление значит, возлюбленные братия, что человеческая природа в Иисусе Христе была предоставлена всей мучительности, всему ужасу страданий крестных, всей ужасной мучительной скорби, которую Он испытывал еще в саду Гефсиманском, пред взятием Его шайкою злодеев во главе с Иудою Искариотским. Он тогда еще начал ужасаться и тужить и говорил ученикам: «Душа Моя скорбит смертельно: побудьте здесь и бодрствуйте со Мною» (Мф. 26, 38). Вообразите же, каковы были мучения телесные, какова была скорбь всеправедной, вселюбящей, чувствительной души Богочеловека, претерпевшего казнь за все грехи человеческие, за грехи Адама и Евы и всех без изъятия потомков их, — а значит и наши с вами!.. Судите, какова же была острота, горечь и жгучесть мучений крестных, какова скорбь душевная Агнца Божия, принявшего на Себя грехи

мира, как тяжело было оставление Его Богом, — то есть предоставление Его человечества всей жгучести страданий, души Его — всей подавляющей, беспредельной, ужасной скорби. После этого вы поймете: в каком состоянии была душа Богочеловека, висевшего на кресте, когда Он возопил: «Боже Мой, почто Ты Меня оставил?» Да, Она была вместе с Его Пречистым Телом в состоянии ужасных, невообразимых и неизобразимых страданий! Вспомните, братия, каких страданий стоило Сыну Божию исходатайствовать нам у Отца Небесного врачевство покаяния и прощение наших грехов! И дорожите этим даром милости Божией. Это врачевство проказы нашей, то есть покаяние по уставу Церкви, дано нам ради вольных крестных страданий Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа». «Братия! Самому Богочеловеку не легко было спасти нас от греха, проклятия и смерти. Но надобно было, по суду правды Божией, пострадать и умереть за нас; и умереть позорнейшею и мучительнейшею крестною смертью: как же мы-то можем мечтать без труда и самоотвержения спастись от греха и наследовать вечное блаженство? Нет, нельзя! Сам Господь говорит, что «Царство Небесное силою берется», и усильные искатели приобретают его (Мф. 11, 12). Пред Богом сделана бесконечная неправда преступлением человека, коему дано было от Бога даров бесконечно много — ибо он сотворен был по образу Божию, — а в благодарность Богу за все дары требовалось от Него бесконечно мало: только не касаться плодов с одного дерева. Надо было (за нарушение), по справедливости, определить преступнику достойное — проклятие и вечную смерть.

Но человек пал не первоначально (см.: Прем. 2, 24): он обольщен диаволом; и кроме того, он чувствовал раскаяние в своей вине; и потому заслуживал снисхождение. И вот пред правдою Бога Отца ходатайствует милосердие Бога Сына о помиловании преступника под условием удовлетворения за его вину, за вину всего рода человеческого, Им Самим, Сыном Божиим, имевшим воплотиться... И вместо вечной нашей смерти вкушает Сам смерть, хотя кратковременную, — ибо и минута смерти Сына Божия безначального стоит целой вечности, да спасет нас от вечной смерти». «Иисус Христос, по воле Бога Отца Своего, есть «Агнец Божий, вземляй грехи мира» (Ин. 1, 29), жертва правды Божией за мир прелюбодейный и грешный: Его воплощение и вочеловечение, Его страдания, Его смерть есть бездна благости и премудрости Божией, которая приводит в изумление и ужас все высокие умы ангельские.

На кресте казнится грех мира в безгрешном Агнце Божием, в святейшем Сыне Божием, Который из единого благоутробия Своего восхотел искупить нас, неправедных и грешных, Своею бесконечною правдою, Своими страданиями и смертию. И, вкусив смерть, победить нашу смерть; и воскресением Своим из мертвых подать воскресение из мертвых всему человеческому роду. Вот как премудрость, благость и правда Божия открылись в смерти Богочеловека!

Вот как ужасно наказаны грехи наши в Богочеловеке! Вот как они отвратительны, гнусны, пагубны, прокляты: ибо из-за них лежало проклятие Божие на всем человечестве; проклятие, от которого избавил нас страстями

Своими и смертию Господь Иисус Христос, Сам «быв по нас клятва» (Гал. 3, 13), и дал благословение всем верующим в Него! Но возвратимся к Божественному Мертвецу»: слово это говорилось о. Иоанном пред Плащаницею, в Страстную Пятницу. «Господь сравнивает Себя с пшеничным зерном. Значит, если бы Богочеловек не пострадал и не умер за мир, — мир погиб бы без жертвы всеискупительной, каковою стал за всех нас Господь Иисус Христос. Но Он за нас отдал собственную душу, жизнь, принял смерть телесную в искупление мира: и через Его страдания и смерть Отец Небесный примирился с грешным миром. С того времени вошел Дух Святый в мир; иный Утешитель, кроме Господа Иисуса Христа, равносильный Ему и соприсносущный Ему и Богу Отцу. Сын Божий, Богочеловек Христос, и вознесся на небеса к Отцу и вместо Себя послал от Отца Духа Бога; да устрояет Он дело спасения человеческого; ибо — Три Лица, в Боге единосущных и нераздельных, и каждое равно участвует в спасении человеческого рода... Будем же всегда усердно молить Бога Отца: да не отвергнет нас от лица Своего и Духа Своего Святого да не отымет от нас. Аминь». «Но для чего такое чрезвычайное снисхождение к нам Сына Божия? — спросит кто-нибудь. Для чего Сын Божий воспринял на Себя естество человеческое? — Ответствуем: воплощение Сына Божия для спасения людей было совершенно необходимо. Чтобы спасти человека, нужно было удовлетворить правде Божией за грех человека. Но ни один человек не только за других, но и за себя не может дать «измены», — то есть выкупа, — «и цену избавления души своея» (Пс. 48, 9); а удовлетворение бесконечной правде Божией, бесконечно оскорбленной грехом непослушания человеческого, долженствовало быть тоже бесконечное. Кроме того, нужно было сокрушить в человеке силу зла (диавола), удалившую его от Бога и постоянно удалявшую все далее и далее, без чего нельзя было соединить его с Богом, Который гнушается грехом (Ис. 59, 2). А истребить человеческую греховность — для человека, кто бы он ни был, было дело невозможное, потому что она есть глубокая порча человеческой природы, прирожденная каждому человеку; и истребить ее (порчу), значило то же, что обновить, воссоздать человека. Кто же мог воссоздать человека, кроме Создателя? И вот чрез воплощение, страдания и смерть вочеловечившегося Сына Божия принесено удовлетворение правде Божией за грехи человеков. А чрез Его спасительное учение, или заповеди, чрез Его жизнь, чрез Его Животворящее Тело и Кровь и другие таинства обновления, воссоздана и воссоздается человеческая природа.

Спаситель, как безгрешный Бог и Человек, всею Своею земною жизнью и всеми Своими делами, вместо нас, оказал совершеннейшее послушание воле Бога Отца, с полным отречением от Своей воли; потерпел все, присужденные правдою Божиею, скорби, страдания и самую смерть. И такою жертвою, беспредельною по своему достоинству, совершенно удовлетворил Божественному правосудию за все человеческие грехи. И как грех Адамов сделал всех людей виновными пред Богом; так и праведность Богочеловека, как второго безгрешного Адама, делает их праведными пред Богом» (Рим. 5–7 гл.). «Вспомним страдания Христа Спасителя и крестную смерть Его. Что предало Иисуса Христа на такие страдания и такую мучитель-

ную, позорную смерть, которые, впрочем, Он принял добровольно? — Правда Божия. — За кого и за что? — За нас и за наши грехи». «Бог и Спаситель наш Иисус Христос предал Сам Себя за нас в очистительную и примирительную жертву Богу Отцу, пострадав и умерши за нас».

Но довольно выписок о крестной смерти Христовой. Довольно — Символа веры. Там мы, — со слов Евангелия и Апостольских посланий, — ежедневно читаем и поем следующие слова отцов Первого Вселенского Собора: «Распятого же за ны при Понтийстем Пилате и страдавша, и погребенна». «За ны»: достаточно этого одного слова, чтобы на всю жизнь усвоить себе истину, что Сын Божий, Богочеловек, пострадал и умер «за нас», или — вместо нас. Но все это мы написали для того, чтобы потом от Христа Крестоносца перейти к другому крестоносцу, о. Иоанну. Мыслимо ли, чтобы он не нес «креста своего»? Мыслимо ли, чтобы он, признавая искупление всего человечества Христовым Крестом, Его страданиями, всею жизнью, и наконец смертью, — чтобы он сам не нес креста? Это невозможно! И уже из одного учения Православной Церкви о спасительности крестной смерти Христа Господа несомненно, что о. Иоанн всю свою жизнь должен был нести какой-то крест. И несомненно, он нес его. Вот, например, что говорит об этом крестоношении сам Батюшка.

«Прекрасное и боголюбезное дело — представлять, через какой ряд происшествий в жизни достигли мы настоящего своего положения: потому что, часто представляя себе такую связь происшествий, составляющих жизнь нашу, мы приходим к мысли о своем ничтожестве и смиряемся пред Богом; а Ему, Создателю, необходимо восписуем все сцепление путей, или событий, которыми Он вел нас к настоящему положению... Как велика была немощь моего младенчества! Сколько слез было пролито мною тогда — как бы в знак того, что и последующая жизнь моя будет также исполнена скорбей многоразличных, вызывающих невольные слезы. Каких трудов стоило моей матери выкормить меня, пока я стал на ноги! Сколько забот обо мне сокрушало сердце моих родителей: буду ли я здоров? как я буду учиться? доучусь ли до конца? чем я буду потом? буду ли я их помощником на старости, или — беспутным, неблагодарным сыном? И что же — о Господи! — сотворил Ты со мною ничтожным? Десница Твоя, Господи, прославися в крепости! (см.: Пс. 117). Кто мог воображать тогда, что я буду тем, чем есть теперь? Благодарю Тебя, Господи, от всего сердца и молю Тебя: даруй мне помнить постоянно — возникновение мое из ничтожества, немощи моего детства, трудность моего воспитания, незнатность моего происхождения, чтобы всегда смиряться и благоговеть пред Тобою!» Обычно скорбями, или крестом, считают болезни телесные. И их пришлось переносить неоднократно будущему светилу с самой молодости. Например, из его же собственных слов известно, что он болел не один раз различными болезнями. «Сколько раз смерть вступала в мое сердце, сообщая начатки свои и телу — числа нет! И от всех смертных случаев Господь избавил меня, помиловал меня милостию несказанною, оживотворил меня. О, какою благодарностью ко Господу должно быть исполнено сердце мое! «Аще не Господь помогл бы ми, вмале вселилася бы во ад душа моя»

(Пс. 93, 17). В другом месте своего известного Дневника он тоже пишет, — и нужно думать, что с самого себя: «Не унывай при сильных искушениях, скорбях или болезнях, или преткновениях от смущения вражьего: все это есть обличение и наказание праведное Испытающего сердца и утробы Господа к очищению, пробуждению и исправлению твоему, к выжиганию терпения плотских страстей; и потому не посетуй, если иногда бывает тебе очень больно. Взирай не на боль, а на благие последствия этого наказания и на здравие души. Чего не делаешь для здравия тела? Тем более — для здравия и спасения души, имеющей бессмертную жизнь, надо все терпеть». И многое, — о чем мы говорили прежде, во главе о способах борьбы со грехом, взято о. Иоанном из собственного опыта. Но опять возьмем свидетельства близких очевидцев жизни Батюшки. «Будучи вообще слабого здоровья, дядя, — пишет его племянница, — часто хворал; и тогда тетя (то есть мнимая жена его Елизавета Константиновна) превращалась в неутомимую сиделку: проводила все ночи напролет у постели больного, а днем сама приготовляла для него кушанье. Помню, в 1879 году о. Иоанн опасно занемог: у него сделалось воспаление обоих легких. По целым часам лежал он с закрытыми глазами, в забытье; а когда приходил в себя, часто говорил: «Голова болит невыносимо; точно молотом ударяют по ней». «Один раз тетя сидела около кровати дяди и горько плакала. Открыв глаза, батюшка посмотрел на нее и сказал: «Не плачь, Лиза! Бог даст, поправлюсь; а если нет, Бог и добрые люди не оставят тебя: я никого не оставлял, и тебя не оставят!» Прошло несколько дней; и однажды утром тетя вбежала в детскую и дрожащим от волнения голосом воскликнула: «Дяде лучше, кризис прошел!»

Мы с тетей посмотрели друг на друга, и обе заплакали, но — уже слезами радости... Припоминается мне еще следующим случай. Несколько лет тому назад дядя, приняв ванну, зимой вышел в сени в туфлях; тетя страшно расстроилась и, не имея уже возможности, по болезни ног, сама двигаться, послала сказать батюшке, что он рискует простудиться, выходя на воздух легко одетым после ванны. Возвращаясь из сеней, дядя прошел в гостиную, где сидела тетя, и сказал ей, ласково хлопая по плечу: «Спасибо тебе, родная, за заботы твои обо мне; только не беспокойся обо мне, — ноги у меня тепло одеты». «Отец Иоанн глубоко ценил такую заботливость с ее стороны о себе и отвечал ей тем же. Когда болезнь не давала возможности незабвенному батюшке ездить в Петербург, — а впоследствии даже по Кронштадту, — он ни один день не сел обедать, не зайдя в гостиную или в комнату тети, смотря по тому, где она была, и не позвав ее в столовую; он говорил: «Когда я обедаю один, у меня и аппетита нет». Не было вечера, когда бы дядя не зашел к тете проститься и благословить ее пред сном: «Доброй ночки желаю тебе», «спи спокойно», «Господь с тобой», «да хранит тебя Бог», — вот те приветствия, которые он ей говорил, перед уходом в кабинет на покой. За несколько времени до кончины батюшки, захворала матушка инфлюэнцой: тут-то особенно проявилась заботливость дяди о ней. Нельзя без слез умиления видеть, как дорогой страдалец, еле ходивший, несколько раз днем и каждый вечер перед сном, благословляя ее,

гладил по голове и приговаривал: «Бедная, бедная! вместе с тобою страдаем, вместе с тобою мучаемся»: «оба мы — страдальцы». И долго, бывало, стоит около ее кресла, покачивая головой и с жалостью смотря на больную. А иногда с ее лица переведет скорбящий взгляд на образ и долго, долго безмолвно молится за нее. Обыкновенно, когда кто-либо справлялся о здоровье его или тети, он неизменно отвечал: «Оба мы — плохи», «оба мы собираемся умирать», «оба мы готовимся к смерти». ...В ноябре (1908), обедая вместе с тетей и двумя приезжими, дядя стал говорить им, что здоровье его совсем плохо. Тетя, желая ободрить его сказала: «Весной тебе бывает всегда лучше; придет весна, поправишься». На это дядя возразил: «Весной, — ты говоришь? Ты-то до весны доживешь, а я — нет». Предсказание батюшки сбылось».

Из этих слов Р. Шемякиной, как и из его собственных слов, видно, что здоровье его совсем не было уж таким прекрасным, как думали о нем.

Правда, еще к 76 годам жизни, Батюшка писал в Дневнике: «Благодарю Господа, Творца твари за целость и действенность всех моих телесных органов, внутренних и внешних, и всех чувств телесных. Велика Твоя милость ко мне, Господи, всякий день! Даруй мне употреблять во славу Твою все органы души и тела. Буди!» В том же году он писал еще: «Господи, Ты новотворишь меня всякий день не только по духу, но и по плоти, из которой изгоняешь все болезненное и тленное, оставляя здоровое и живое и делая меня юным и нестареющим при моем 75-летнем возрасте. Я —чудо у Тебя для себя и для многих, знающих меня. Благодарю Тебя за продолжение дней жития моего на земле! Да будут они во славу имени Твоего, во славу Церкви Твоей, во славу и спасение всех, любящих Тебя, и на посрамление врагов Твоих и Церкви Твоей». Отсюда можно будто заключить, что о. Иоанн будто был всю жизнь «юным и не стареющим». Но при внимательном чтении мы без труда теперь видим, что здоровье его было в общем слабым; что он нередко болел и даже готовился к смерти вместе с женой; и предсказывал даже, что она до весны доживет, а он —нет. Прежде же, в письмах к игумении Таисии, он писал, что ничего не мог есть, кроме легкой похлебки; что доктор к нему ходил три раза в день; что его уже готовили к смерти за 4–5 лет; что о болел, между прочим, осложнением предстательной железы и т. д. Правда, это все случалось с ним более к старости; но и раньше еще, то есть к 50–55 годам, с ним были болезни... Недаром же он сам пишет в Дневнике, что «смерть вступала» в него много раз — «числа нет». И ему нельзя не верить! Следовательно, он переносил и крест телесный, крест скорбей. И мало того, — он просит их у Господа: «Дай мне, Господи, благодушно переносить и скорби жизни: они нужны для моей многострастной плоти, для моего ветхого человека».

«Скорби терпяще» (Рим. 12, 12). «В мире скорбни будете» (Ин. 16, 33).

Мало и этого. Отец Иоанн просит радоваться в болезнях. Можно думать, что он и про себя пишет в Дневнике такие слова: «Ты болен, и болезнь твоя очень мучительна: ты упал духом, уныл; мысли одна другой мрачнее обуревают тебя; твое сердце и твои уста готовы к ропоту, хуле на Бога. Брат мой, прими искренний мой совет: терпи великодушно свою

болезнь и только не унывай; напротив, если можешь, радуйся своей болезни. Чему же радоваться, — спросишь, — когда ломает вдоль и поперек? Радуйся тому, что Господь взыскал Тебя временным наказанием, да очистит душу твою от грехов: «Его же бо любит Господь, наказует» (Евр. 12, 6). Радуйся о том, что ты теперь не удовлетворяешь тем страстям, которым удовлетворял бы, будучи здоровым. Радуйся, что несешь крест болезни и, значит, идешь узким, скорбным путем, ведущим к Царствию. Болезни, на наши глаза, представляют из себя только болезненное, неприятное, ужасное: редко кому из нас во время болезни представляется польза, которую приносит душе нашей болезнь. Но у премудрого и всеблагого Промыслителя Бога ни одна болезнь не остается без пользы для души нашей. Болезни в руках Промысла то же, что горькие лекарства для души нашей, исцеляющие страсти ее, худые привычки и наклонности. Поэтому надо иметь в виду пользу болезней, чтобы легче и спокойнее можно было страдать. «Пострадавый плотию, преста от греха» (1 Пет. 4, 1), — сказано в Писании. Но на деле «радоваться» болезням — трудно. «Никогда так не трудно сказать от сердца: «да будет, Отче, воля Твоя», как в сильной скорби или в тяжкой болезни, особенно при неправдах от людей, при наваждениях или кознях врага. Трудно от сердца сказать: «да будет воля Твоя» — и тогда, когда мы сами сделались виновниками какого-либо несчастья; ибо, думаем мы, это — не Божия, а наша воля поставила нас в такое положение, — хотя ничто не бывает без воли Божией. Вообще, трудно поверить сердечно, что воля Божия есть страдание наше; когда сердце знает и по вере и по опыту, что Бог есть блаженство наше; а потому трудно и говорить в несчастье: «Да будет воля Твоя!» Мы думаем: неужели — это воля Божия? Отчего же Бог нас мучит? Отчего другие покойны и счастливы? Что мы сделали? Будет ли конец нашей муки? и т. д. Но когда растленной природе нашей трудно бывает признать над собою волю Божию, без коей ничего не бывает, и покориться ей со смирением; тогда-то пусть она и покорится ей; тогда-то пусть и принесет Господу свою драгоценнейшую жертву — преданность Ему сердечную не только в покое и счастии, но и в скорби и несчастии; свое суетное и ошибочное мудрование да покорит премудрости Божией совершенной; ибо как отстоит небо от земли, так отстоят помышления наши от мысли Божией. Да принесет всякий человек своего Исаака, своего единородного, своего возлюбленного, своего обетованного, — коему обетованы покой и блаженство, а не скорбь, — в жертву Богу; и да покажет Ему свою веру и свое послушание, да будет достоин даров Божиих, коими он пользовался или будет пользоваться». Поэтому о. Иоанн даже просит Господа об искушениях: «Не оставляй меня без искушений, — аще премудрости и правде Твоей угодно и благопотребно будет, — ни единого дня живота моего! Да насадится, да утвердится, да очистится и возвысится любовь моя к Тебе и к ближнему моему, и да не явлюся на суде Твоем тощ (бесплоден, пуст) пред лицем Твоим! А без искушений нашей веры, надежды и любви, жить нельзя: испытания сокровенностей сердечных необходимы для самого человека, чтобы он сам мог видеть: каков он? — и исправиться. Да, искушения нужны, «да открыются

от многих сердец помышления» их (Лк. 2, 35); да откроется твердость и слабость наша в вере, знание или невежество, порочность или чистота нашего сердца, надеяние его на Бога или на земное, любовь к себе и к тленному или — паче всего к Богу». Но все же болезни и внешние скорби не столь характерны для о. Иоанна, —хотя несомненно и были с ним без счету. Есть другой и более важный крест — духовный. Я даже не говорю о том, что он не жил со своей женой, Елизаветой Константиновной, как муж, а был ей — как «брат», — что я слышал от нее лично, когда я спросил о Батюшке, а она переспросила меня: «Брат Иоанн?» А это — очень не легко, если жить рядом, как мы видели это. Безбрачие — крест тяжелый. Особенно, если вокруг тебя — всегда почти — народ, преданные женщины, монахини, родственницы, чужие; свои — а так было вокруг о. Иоанна. Я не говорю о кресте ежедневного богослужения да с предварительным чтением «правил». Много ли таких священников? Единицы. Я не говорю о постоянных разъездах о. Иоанна по кронштадтским квартирам и богомольцам, а потом — по петербургским домам, где от него ждали в сущности почти всегда — чуда над болящими, страдающими, недоумевающими, ожидающими, просящими: без скорбей, без болезней его редко звали. Разве это не ежедневный крест? А Дом трудолюбия с его 30-ю учреждениями — разве это не новый крест, который добровольно и с охотой наложил на себя о. Иоанн? Ведь это легко только сказать! А в самом деле это тяжкий крест! <...> А сон? Вон батюшка св. Серафим Саровский, и тот велел Дивеевским монахиням спать по 6 часов ночью, да днем после обеда «отдыхать» еще по часу. А о. Иоанн? Он спал приблизительно по 3–4 часа в сутки! Даже афонские подвижники лишь стремятся достигнуть сна по 2 часа в сутки, — и далее — но не всем это удается. А о. Иоанн пишет: не поленись прочитать вечерние молитвы и правила, чтобы «выгадать два часа хорошего сна». И сам он нередко, —если ехал от Кронштадта до Ораниенбаума, или обратно, — «выгадывал» час «лишнего» сна... А потом — опять утренние молитвы и «правила», и литургия, и разъезды по болящим. О это тяжкий крест, про который мы обычно и не думаем. И однако все эти кресты — еще не самые главные. Самый же главный —духовная, постоянная борьба с грехом и диаволом. Об этом мы уже говорили раньше; но теперь приведем его собственные слова и переживания в отношении к крестному подвигу. «О, как многобедственна, многотрудна, тяжка земная жизнь! С утра до вечера ежедневно надо вести тяжкую брань со страстями плотскими, воюющими на душу; «с начальствами, властителями и миродержителями тьмы века сего, духами злобы поднебесными» (см.: Еф. 6, 12), коих лукавство и коварство неизмеримо злобно, адски искусно, недремлемо. О Сладчайший наш Спасителю, призывающий всех труждающихся и обремененных к Себе — для успокоения! Вот, ты видишь: изныло сердце наше и утроба наша от борьбы и скорби ежедневной; изможены мы, обессилены, ходим как тени. Беспристрастно стужают душам нашим злобные враги наши и усиливаются всеми мерами вовлечь нас в бездну отчаяния. Простри, Владыко, высокую Твою мышцу и избави нас от козней древнего дракона, убийцы. «Если кто хочет идти за Мною, — изрек Ты, —

отвергнись себя», каждый день бери «крест свой и следуй за Мною» (Лк. 9, 23). Но кто ежедневно бывает виновником нашего креста, наших скорбей и тесноты? Плотский, ветхий наш человек и диавол с непрерывными кознями! Замечаю ежедневно, что плоть или ветхий человек, во мне очень силен и живуч в крайний ущерб душе моей, порабощаемой плотию. Я ежедневно и ежечасно склонен к саможалению, самоласканию, лености, сну, лакомству, чревоугодию и объедению, лукавству, гордости, презорству ближних, гнушению больных и неблагообразных — кривых, слепых, хромых, лишайных и прыщеватых, уродливых, грубых, безумных; склонен к огорчению, озлоблению, раздражению, злости, злопамятству, мстительности, злорадству, зложелательству, к тайному блуду и явному, к блудным помыслам и вожделениям, к нелепым и хульным помыслам блазненным, лукавым, к зависти и недоброжелательству, и ропоту, нетерпению, непослушанию, непокорности, боязни, отчаянию, осуждению других. Надо распинать ежедневно плоть «со страстьми и похотьми» и упражнять душу, созданную по образу Божию. Как же надо восстановлять, очищать и украшать ее, просвещать, укреплять ее в добродетели?» До 50 грехов «ветхого человека» своего перечисляет о. Иоанн. И с этим борьба «ежедневно и ежечасно»! «Сколь велико и глубоко растление нашей природы грехом в бесчисленных его видах и направлениях! Это я сознаю и чувствую всякий день, всякий час. Каждую минуту, как ураган, он готов охватить и всколебать ее внезапно, при малейшем невнимании и поблажке своей чувственности; поколебать меня то гневом, раздражительностью, озлоблением на ближнего, особенно — низкого и бедного, надоедающего попрошайством ежедневным; то блудными помыслами и похотями, и льстивым воспоминанием и воображением греха; то завистью в самых пустых и маловажных вещах; то лицеприятием и человекоугодием; то корыстолюбием, любовещностью житейскою; то тщеславием и суетностью; то непослушанием, упорством и леностию; то сонливостью и зевотою; то малодушием, гордостию и расслаблением души и тела; и —великими грехами усиливается оттолкнуть от Бога — Источника жизни, света, мира и блаженства! Нужно непрестанное бодрствование, внимание; потребна непрестанная молитва, непрестанное покаяние, непрестанная борьба со грехом, вера в Бога, надежда на Его помощь и милость, любовь к Богу —неотпадающая, крепкая. И Господь, видя нашу немощь, наклонность к греху и прибегание к Его всесильной помощи, будет непрестанно нам помогать, защищать, миловать и спасать нас. Слава Его милосердию! Только непрестанная борьба со грехом укрепляет нашу душу в терпении и любви к Богу. А у истинного христианина должно быть все иное в духе, в теле и в жизни: иные помыслы — духовные, святые; иные вожделения — небесные, духовные; иная воля — правая, святая, кроткая, благая; иное воображение — чистое, святое; иная память, иной взор — чистый, простой, святой, нелукавый; иное слово — целомудренное, чистое, степенное, кроткое; словом — христианин должен быть иной человек, небесный, новый, святой, божественно живущий, мыслящий, чувствующий, говорящий и действующий Духом Божиим. Таковы были святые угодники. Читайте их жития, слушайте, по-

учайтесь, подражайте!» И эта борьба требуется каждое мгновение: вот что нелегко! «Твердо помни, что любовь мира сего есть вражда, крепкая вражда против Бога; ибо эта любовь — нечистая, прелюбодейная, страстная, ложная, дьявольская, разлучающая от Бога и присвояющая врагу — лукавому духу. Одно мгновение привязанности мирской к кому-либо и к чему-либо, и душа пленяется и разлучается от Бога. Вот как опасно привязываться страстно к кому-либо и к чему-либо даже на минуту. Как должен быть осмотрителен человек-христианин! И справедливо: ибо чем обязан христианин Христу-Богу? Всем, всеми благами, величайшими, неоцененными, вечными и временными: вечным искуплением от греха, проклятия и смерти, вечным блаженством! Один помысл плотской, нечистый есть вражда на Бога; минутная похоть, минутная злоба, зависть или пристрастие к пище, питью, одежде, другому чему из вещественных благ — есть вражда на Бога; и эта вражда — во плоти нашей». Значит, борьба у о. Иоанна происходила не только каждый день, но и каждое мгновение, каждую минуту. Ах, как это трудно! Мы, обычные люди, даже и вообразить себе не можем такой непрестанной борьбы и одоления врага. И борьба эта была не только против так называемых «больших» грехов, но даже и таких, каких мы и за грехи не считаем: «Съем ли я что лишнее, дух грубеет и холодеет к Богу; посплю ли лишний час — тоже; минутное ли какое пристрастие плотское и земное возымею — тотчас отпадают от Бога; светские ли книги и газеты с увлечением почитаю, — опять хладею к Богу и к небу; и всюду и от всего мне опасности для духовной жизни». И вот непрестанная борьба была целью жизни о. Иоанна: «Боритесь же, — советует он и другим с собственного опыта, — непрестанно с грехом и немощью: Господь — Помошник наш и Заступник наш — ближе к нам всегда, чем грех, чем диавол; хотя и этот всегда близок по причине рабства нашего ему... Но его (диавола) надо непременно выгнать из внутренних гнезд, и бить вора, мошенника, срамника убийцу — нещадно, в каком бы виде он не появился насильничать нас... Все, все, гони грешное, нечистое, ненавидь всею ненавистью! Бей воров, татей всяких мысленных нещадно и до конца истребляй, чтобы не утаились где, не засели тайно в сердце. И будешь ты тогда друг Самому Богу: «Не ктому (больше) вас глаголю рабы», но «други», еще творите, елика Аз заповедах вам (Ин. 15, 15). Вот это был истинный крест о. Иоанна! Впрочем, мы уже видели из приводимых его слов, что Бог сильнее греха и диавола; поэтому и Батюшка не считает грех непобедимым, а диавола —неодоленным, если кто живет в Церкви Христовой. Поэтому он не один раз говорит, что хотя трудно победить и грехи, и диавола, но возможно, с Божией помощью. «Принеси Богу в жертву сердце свое, отдай его всецело Вседержителю, отвергнись себя, всех греховных движений... Трудно побороть страсти, сделавшиеся как бы природными членами нашими... но при внимании непрестанном к самому себе и при усердной непрестанной молитве с воздержанием, с помощью Божией возможно побороть и искоренить их». «Будем же посильно побеждать в себе грех, как причину смерти. Побеждать его только сначала — весьма трудно; а потом будет легко и сладостно; так как по мере увеличения страда-

ний, причиняемых борьбою со грехом, будет увеличиваться и утешение Христово (см.: 2 Кор. 1, 5) в нас; и Господь, сказавший, что иго Его «благо, и бремя... легко» (см.: Мф. 11, 30) сделает легкими, животворными и труды подвижников. Притом, что достается трудом, то дороже и ценится, и тем мы больше наслаждаемся. Мы для трудов и созданы, а не для неги и бездействия! Да небесная слава, конца не имеющая, без сомнения и стоит посильных трудов целой жизни. Это несравненное блаженство, это царство славы даром не дается. Царство Небесное, — сказано, — «нудится», то есть силой приобретается, «и нуждницы (трудники) восхищают е» (Мф. 11, 12).

И в другом месте, в Дневнике, Батюшка говорит подобное. «И душевные, и телесные силы человека совершенствуются, умножаются и укрепляются упражнением их... Упражняйся в делании добрых дел или в побеждении страстей и искушений — и дела добродетели будешь со временем делать легко и сладостно, будешь побеждать страсти удобно при помощи вседействующей благодати Божией... Не стань воевать на страсти, или воюй только изредка и слабо, — и очень трудно будет бороться с ними, будешь часто побеждаем от них; не будешь от них иметь покоя, и жизнь свою отравишь ими, не научившись побеждать этих домашних, злейших, внутренних, всегда в твоем сердце сидящих врагов твоих. Так всем необходим труд и деятельность». «Слава силе благодати Твоей, Господи, ей же никакое насилие греха не может противостоять у тех, кои с верою призывают ее. Так, насилуемый врагом всякого добра, — диаволом, и увлекаемый страстями, я изобразил на себе крестное знамение и сказал внутренно: силе благодати Твоей ничто не может противиться! — и насилие перестало; смущение и теснота прошли; место их заступила тишина и спокойствие. Слава силе Твоей, Господи!» Так поступал о. Иоанн.

В беседе в г. Сарапуле в 1904 году с местным духовенством он сам говорит следующее о себе самом: «Постоянное изучение своей природы заставляет меня быть и постоянно осторожным и постоянно просить благодатной помощи для очищения грехов. И это же знание своих человеческих немощей заставляет меня и помогать другим, и молиться за них, сочувствовать, прощать и т. д. Особенно для меня ценно изучение своей человеческой природы потому, что через это я познаю главные свойства Божии: я на себе познаю, я испытал, насколько Господь наш милосерд, долготерпелив, всемогущ, в помощи нам скоропослушлив. Он — источник нашего здравия душевного и телесного, душевной чистоты, духовных сил». Итак, Батюшка постоянно изучал, наблюдал свою природу и увидел и себя, свою греховность, и познал нужду в Спасителе, и убедился в существовании злой силы диавола. И в частности, узрел глубоко свою собственную природу. Поэтому и обратился в конце концов к своей душе, которая — дороже всего мира и в которой собственно и происходит главная борьба Бога с сатаной из-за человеческой души. «В здешней жизни, жизни испытания и подвигов христианина, он (человек) стоит постоянно между двух течений: добра и зла; между искушением и скорбью от врагов, и утешением и помощью от Бога. Происходит как бы некоторое состязание у праведного,

святого и милостивого Бога с злым, лукавым и всегубительным врагом; враги вовлекают во всевозможные вины и согрешения, а Господь милует кающихся грешников, очищает, освящает, оправдывает, умиротворяет, обновляет и утверждает. Особенно это состязание и победа благодати над грехом бывает во время литургии — этой чудной примирительной и освятительной жертвы Божией, «милости мира, жертвы хваления». А эта борьба имеет в основе своей Христово искупление, то есть вочеловечение Сына Божия, которое завершилось крестною смертью Его, как жертвою Отцу Небесному и возвращением людям благодати Святого Духа. А победа над врагом Божиим и человеческим — уже есть результат Христовой Жертвы и ниспослания Духа Святого. Но и человек сам в этой борьбе должен принять участие: иначе он не был бы свободным существом; иначе он надеялся бы только на помощь Христовой жертвы и на благодать Святого Духа, — как это делают протестанты и сектанты.

«Правда Божия, — говорит о. Иоанн с опыта своего, — чтобы человек, волею падший, сознательно сам и подвизался против греха, боролся с ним; и побеждая его, призывал усердно на помощь благодать Божию, без которой никогда не может быть победителем греха, — чтобы заслужить вечную награду от Бога и иметь утешение в том убеждении, что в этой нравственной победе есть и его доля заслуги». Есть и другая задача этого участия: победа над диаволом. Нужно было доказать ему, что поражение Адама и Евы было не неизбежно; что человек мог бы и не пасть, но с Божией помощью есть и третья причина: человек — свободное существо, — как мы выше сказали. И на это немало подтверждений из творений о. Иоанна. Приведем из них некоторые.

Свобода есть свойство только совершеннейшего Существа, то есть Бога. И человек был создан, как существо свободное, богоподобное. Потом он, подобно трети ангелов, и мог бы совсем отпасть, — и отпал. А теперь, когда ему возвращена свобода и благодать, он может и грешить, но и вставать, — падать, но и каяться. «Человек, созданный по образу Божию и предназначенный к уподоблению Творцу и к вечной блаженной жизни, должен достигать совершенства сознательно — в разуме и знании, исполняя заповеди Божии. Итак, как он существо — волею падшее, теперь, после искупления Христова, сам «должен», хотя бы непременно каяться в своих грехопадениях и исправляться с Божией помощью, при своем тщании и усердии, при делании добрых дел». «А потому каждый разумей содевать свое спасение со страхом и трепетом». И свободными делаются собственно святые люди, уподобившиеся добрым ангелам и Самому Богу; а обычным людям это дается с немалым трудом. «На вопрос: как мог пасть так глубоко человек, сотворенный по образу и подобию Божию? — ответ тот, что один Бог есть совершенное Существо, и Он один никогда не мог пасть; а сотворенные существа, как ограниченные и конечные, в начале бытия своего были не свободны от падения и могли пасть, — как и действительно часть ангелов пала падением ужасным, чрез самомнение и преслушание. Но оставшиеся верными ангелы и успешно выдержавшие испытание своей верности и преданности Творцу, остались вечно верными и святыми,

утвердившись непреклонно во святости и любви. Людям предстоял искус: нужно было его победоносно выдержать...» Но «они обольстились Божеским всезнанием, обещанным от искусителя — диавола, — захотели быть «яко бози» и — увязли в сети вражией. Впрочем, пали по обольщению; потому удостоились Божеского сострадания и снисхождения: им было обещано искупление чудесное, сверхъестественное, чрез Семя жены, чрез Сына Божия, Который сделается Сыном Девы Богородицы, исполнит всю правду, как Человек и Бог, научит людей правде и пострадает за неправедное человечество; наречется Агнцем Божиим, вземлющим грехи мира; пострадает на кресте, чтобы избавить верующих от вечных мучений, вкусит смерть, чтобы победить и растерзать смерть и воскреснет из мертвых, чтобы даровать всем воскресение».

И еще сказано о. Иоанном по тому же вопросу: «Почему Бог допустил падение человека, своего любезного создания и венца всех тварей земных? На этот вопрос, — говорит он, — надо отвечать так: что, если бы не допускать человека до падения, то его не надобно было создавать по образу и подобию Божию, не давать ему свободной воли, которая есть неотъемлемая черта образа Божия, а — подчинить закону необходимости, подобно бездушным тварям или подобно бессловесным животным... Но тогда человек не мог бы ничем доказать своей верности и преданности Творцу, своей самоотверженной любви; тогда не было бы подвигов борьбы, заслуг и нетленных венцев за победу, и блаженства вечного, которое есть награда за верность и преданность Богу и вечное упокоение после трудов и подвигов земного странствования».

Но этим объясняется власть диавола до жертвы Христовой; а почему же оставлена за ним эта власть и после нее? Почему же нужно трудиться, бороться против нее и христианам? На это Батюшка отвечает таким образом. Во-первых, «ему, диаволу, дана некоторая свобода искушать нас, склонять нас на грех, чтобы мы, с помощь Христа Бога, ревностно противились ему и побеждали его и укреплялись в вере и добродетели, во святыни, правде и любви к Подвигоположнику Христу и заслужили блистательные венцы и сподобились величайшего блаженства». Демонам дана власть склонять ко греху даже святых подвижников. «Всякие духовные ветры, бури, смрады испытала душа наша по причине господствующего в сердцах наших природного растления, и — от влияния злых, нечистых, нелепых лукавых духов. И св. отцы горько сокрушались и болезновали в своей жизни и в своих писаниях об испытанных ими в жизни наваждениях, наводнениях всяких скверных, лукавых и хульных помыслов, и бурях бесовских». Для чего допущены эти навождения бесов? Отец Иоанн отвечает: «Ибо демонам за грехи наши попущено всячески искушать нас; чтобы открылись действительные расположения и стремления душ наших, явилась и образовалась в нас крепкая надежда на Бога и на утверждение в нас всякой добродетели». Но все это возможно было только после и вследствие Христовой жертвы на кресте. И о ней мы еще раз приведем выписки. И это благодеяние мы должны памятовать и ценить. «Всякий грех есть война против Бога. Но, о бесконечный дар любви Божией к людям!

Когда мы так глубоко пали, согрешив против Творца, когда пали от жизни в смерть, ринувшись от Бога, Живота своего, и растлили себя грехами; тогда нам угрожала вечная смерть; — Бог послал на землю Искупителя мира, Сына Своего Единородного в подобии нашей плоти просветить нас, пострадать за наши вины; и таким образом очистить нас от грехов чрез покаяние и веру в Него и привести опять к Отцу Своему, от Которого мы отпали. Да ценим это величайшее благодеяние Божие к нам и да не нерадим «о толицем... спасении» (Евр. 2, 3). Будем памятовать постоянно свое растление греховное и благодатными средствами, предлагаемыми Церковью, обновляться. «Аще кто во Христе, нова тварь» (2 Кор. 5, 17). Помни, что ты всегда ходишь пред лицем Сладчайшего Иисуса. Говори себе чаще: я хочу жить так, чтобы жизнь моя радовала Любовь мою, Распятую ради меня на Кресте! Христос и крест Его нужны нам всякую минуту в жизни; ибо без Христа и креста невозможно спастись, избавиться ни от какого греха, допускаемого нами. Только Христос спасает нас крестом Своим от скорби и тесноты греха и от неправды греха и осуждения и мучения за грех; ибо только Христос исполнил всю правду за нас, принесши Себя в жертву за всех Отцу Своему праведному; и Он один оправдывает нас, делает нас невинными и кающимися — Своею Кровию, Своими страданиями, за нас претерпенными». Примеры: «Уязвила тебя злоба на ближнего, —нужен Христос, нужен крест; зависть, гордость, блудные помыслы язвят тебя — нужна вера во Христа, нужно покаяние, нужен крест Христов; только Христос крестом Своим может спасти тебя: никто и ничто больше!» «Всякую минуту нужна нам совершенная правда Христова;... нужен нам крест Христов — это знамение страданий и смерти за нас Сына Божия, чтобы крестом Господним побеждать страсти... Необходим крест для нас всякий час для восстановления союза и мира с Богом, для возвращения на путь правды Божией и удаления от пути греха и неправды. О кресте Христов, о вожделенные и сладчайшие заслуги крестных страданий Христа Бога нашего. О Агнче Божий, исполнивший за нас всякую правду, и взявший на себя все неправды! Слава и благодарение Тебе вовеки! Слава кресту Твоему и Твоим всеспасительным и живоносным страстям, нас ради воспринятым Тобою, Христе!» «О, как необходима была для нас крестная жертва Сына Божия, жертвовавшего для нас, для нашего искупления и примирения Отцу Небесному Собою Самим! Как крест Христов необходим для нас, чтобы всякий день прибегать под сень его! Не напрасно Св. Церковь заповедала нам частое изображение креста Господня на себе, на своих членах телесных и на всех чувствах! Чем мы всякий день спасаемся, как не крестом, как не заслугами Христа, распятого за нас! Без креста мы все погибли бы, стали бы добычею диавола и ада! О Христе Боже, слава Тебе, пострадавшему за нас, и искупившему нас крестом Своим от греха, проклятия и смерти!» А «мы? распинаем Его многократно каждый день вместо того, чтобы распинать свои страсти», — говорит о. Иоанн. А чтобы виднее стала связь этой Жертвы с различными видами креста Христова в людях, мы приведем те выводы, которые делает о. Иоанн.

«Господь каждому из нас назначает крест свой: «Иже хощет по Мне ити, — говорит Он, — да... возмет крест свой, — то есть крест разных напастей и страданий, — и по Мне грядет» (Мк. 8, 34). Да, для достижения Царства Божия крест необходим для всякого; и без креста, или что то же — без скорбей, без тесноты — нельзя войти в Царство Небесное никому. Господь проложил для нас на небо путь крестом; да и мы тем же крестом должны идти туда. «Многими скорбми подобает нам внити в Царствие Небесное» (Деян. 14, 22), — говорит Апостол. «Тесный путь вводяй в живот» (Мф. 7, 14), — говорит Господь. «Но отчего бы, казалось, не распространить пути к Царству Небесному, не сделать его легче? Отчего бы не устранить разных страданий? Сколько бы было тогда идущих на небо! Но говорить так, значит не знать сущности дела, не знать себя, не знать что такое — Царство Небесное. Невозможное дело, братия, чтобы в небесное отечество наше был путь широкий и ровный. Почему... должно быть узкому, тесному, — или, что то же, крестному, скорбному, — я разъясню вам сейчас, возлюбленные братия и сестры, на основании Слова Божия. Тесен путь к Царствию, — или, что то же, крестный путь, — лежит к Царствию Небесному потому, что мы грешны и крайне грешны; грех нам прирожден от утробы матерней; во грехах мы живем; грехом, так сказать, пропитаны; грех нами движет; грехом, так сказать, дышим; с грехом едим и пьем; с грехом беседуем друг с другом; грехи и в храмы Божии несем; о греховном в храме Божием думаем; и все, все в нас — грех. А чистоты и святости — или нет в нас вовсе; или ее немногие из нас, при благодати Божией, только начинают снискивать тщательным наблюдением над своим сердцем, — да постом, молитвою и милостыней. А Бог, братия, есть бесконечная Святыня и сотворил нас вначале праведными и святыми. Человек же произвольно впал в скверну греха, — как и мы с вами также произвольно скверним себя всякими грехами. Бог же, как праведный и святой, не может не гнушаться всяким грехом, всяким беззаконием: Мерзость для Него и один помысл неправедный... Потому, чтобы войти в Царство Небесное, или быть принятым в общение с Богом, непременно нужно быть очищенным от грехов; а для этого нужно очищаться постепенно, в продолжении всей жизни... А легкое ли дело, братия, очищать сердце свое от скверн греховных? Легкое ли дело — нимало не давать греху гнездиться в нашем сердце, когда он, так сказать, врос в него, сделался как бы второю природою; когда мы (часто) грех любим как дитя свое, как часть себя самих. Если же и не любим, — так как и мучит нас грех, и терзают нас страсти сердечные, — то долго ли после раскаяния опять не возвращаемся к ним? — только до нового случая... Так обо всем этом свидетельствует опыт каждого!.. Вот здесь-то, братия, и заключается причина крестного пути к Царствию Небесному. Да, грех пустил в нас глубоко и широко свои смертельные корни; и надобно употребить много благочестивых трудов, много усилий противления грехам, оскверняющим нашу душу, много вынести скорбей, пролить много слез сердечного покаяния и сердечного сокрушения, претерпеть много гонений неправедных от людей века сего, также от духов злобы

поднебесных, противодействующих всякому добру, надо много терпеть горестей волей и неволей, много поститься и молиться, много вынести тяжких ударов сердцу, — чтобы выгнать грех из гнезда его. И что же поделать иначе? Ведь грех не чужое, а наше собственное чадо, порождение нашей удобопреклонной ко злу воли. Не будь в нас своей свободной воли, не было бы и греха, не было бы и трудностей таких для достижения небесного отечества. Но зато не было бы тогда для нас и рая; не было бы и блаженства вечного. Как можно кому-либо блаженствовать, не положив, не употребив никакого внимания, страдания, труда, терпения для сохранения заповедей Творца, для сохранения верности Ему? И даровой, незаслуженный хлеб есть стыдно, а трудовой — приятно и здорово»... «Итак, не вините Создателя, братия; вы — земля и пепел — не говорите Скудельнику, вы — брение: «Почто мя сотворил еси тако» (Рим. 9, 20)? Почто дал нам волю? Он дал нам волю для того, чтобы доставить нам возможность заслужить свободною волею нескончаемое блаженство. И как велико будет наше блаженство, когда мы будем сознавать, что оно не только милость Владыки, но и вместе заслуженное нами... Не унывайте же, когда по грехам своим подвергнетесь разным скорбям, а молитесь и благодарите за все Бога. Говорите: «Скорбь и болезнь обретох, и имя Господне призвах» (Пс. 114, 3). «Постраждите и... плачитеся: смех ваш в плач да обратится, и радость в сетование» (Иак. 4, 8). Не давайте в себе ни малейшего простора греху, а тесните и гоните его, как можно сильнее, из сердца; противьтесь ему, если будет нужно, до крови; распинайте плоть свою с ее страстьми и похотьми. И вот это будет значить, что вы взяли «крест свой» и пошли вслед за Спасителем»...

«А крестоносцев Спаситель в свое время посадит на престоле Царствия Своего, как Сам обещал: «Побеждающему дам сести со Мною на Престоле Моем, якоже и Аз победих, и седох со Отцем Моим на Престоле Его» (Откр. 3, 21). Да не убоится никто из нас, братия, взять «крест свой», то есть всего своего греховного, растленного, и идти вслед за Спасителем. Аминь».

Так о. Иоанн говорил в поучении в неделю по Воздвижении Честного Креста: крест значит борьба с грехом. И сам он боролся с ним каждый час и каждое мгновение, как мы видели; и в этом совершил он свое «крестоношение».

И в других местах он постоянно говорит о борьбе со грехом: и в этом видим прежде всего — крестоношение его. Есть у него 2-й том произведений в 735 страниц; и он постоянно говорит там о кресте этой борьбы, в разных видах ее. Нести крест, — говорит он, — «значит идти тесным и скорбным путем — непрестанной борьбы со страстями и похотями, с соблазнами мира, с искушениями диавола, терпеть чающиеся болезни, беды, напасти, гонения, изгнания». «Церковь положила читать в этот день» недели крестопоклонной «Евангелие о ношении каждым из нас собственного креста, — или страданий и скорбей, неразлучных в этом мире с последованием Христу». «Если хочешь, христианин, идти за Христом и войти в славу Его, ты должен непременно следовать за Ним, исполнять Его запове-

ди, смиряться, молиться, любить Его, страдать и терпеть. «Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21, 19).

И прежде всего нужно веровать в Божество Христово. Но это кажется не трудно бы. Но не так смотрит на веру о. Иоанн. Но «многие не имеют веры; не обладают верою: от невежества своего, и оттого, что не ищут и не просят ее усердно у Бога; ибо вера есть дар Божий». Даже для веры нужен подвиг, крест, решительность. А этой решительности и не бывает у нас. И о. Иоанн намеренно приводит примеры прежних грешных людей, как они были решительны: Петра Мытаря, Марии Египетской, Евдокии, прежней блудницы и других.

«Посмотрите вообще на примеры святых: как они решительно и бесповоротно вступали в борьбу». Многие из людей «знают и высшую цель жизни человека на земле, знают и о жертве искупления, принесенной за них на кресте»; но нет решительности: «многие из них тайно стыдятся своей веры, стыдятся исповедывать Господа, жить по Его заповедям, по Его Евангелию, следовать за Ним, — чтобы не потерять уважения в свете, почета в мире прелюбодейном и грешном». Другие «после грехопадения омрачились и впали в неведение о Боге, отпали от Бога, от заповедей Его... Исправляя такое гибельное заблуждение,... Господь Иисус Христос, как Творец и Владыка, явился во плоти, делами являя Свое Божество, могущество, и требовал, как должной дани, веры в Себя, как Творца всемогущего, нас ради человеков и нашего ради спасения сшедшего с небес». Вера есть и благодарность за распятие Христа на кресте. Поэтому о. Иоанн в Великий Пяток спрашивает: «О предражайший наш Спасителю! Что мы принесли Тебе за Твою бесконечно великую жертву за нас?» И сам отвечает: «Веру и любовь! Так, возлюбленные, веруйте от всего сердца, без малейшего усумнения, что единородный воплотившийся Сын Божий пострадал и за вас, именно — и за вас; чтобы избавить вас от вечных мучений, которым мы должны были подвергнуться, по правосудию Отца Небесного». Веруйте прежде в Божество Христово. А после веры имейте к Нему любовь. «Братия мои, не прилепляйтесь к земле; бегайте пристрастия к земным вещам, ибо пристрастие наше к ним пригвоздило ко кресту Сына Божия; а прилепляйтесь всецело к Богу... «Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть» (Ин. 3, 16). Если Бог возлюбил так нас, то конечно и мы, в ответ на неизреченную любовь к нам Божию, должны любить Его больше всего. Что сказать о тех, кои не любят Бога и после того, как Он для спасения их сделал столь великую жертву? Что сказать о тех, кои не веруют в Сына Божия, — вторично распинают Его? Что сказать о холодных к вере и Церкви Христовой, кои не считают нужным знать Евангелие и жить по вере? — Ответ на них произнесен в Евангелии: они на веки погибнут...»

«Неверуяй, уже осужден есть, яко не верова во имя единороднаго Сына Божия» (Ин. 3, 18). Ужасная смерть неверующих, братия! Сильные враги веры Христовой — это пристрастия наши к земным вещам, этот материализм в жизни...»

Так Батюшка сближает искреннюю веру и любовь; и они действительно близки между собою. После веры и любви укажем на «дерзновение», которое предлагает о. Иоанн, в связи с распятием Христовым. Как Сам Он пострадал до креста и на кресте, «был искушен; то может и искушаемым помочь» (Евр. 2, 18); поэтому он, ссылаясь на апостола, убеждает нас приступать «с дерзновением к престолу благодати», то есть к седящему на Престоле Господу Иисусу Христу, «чтобы получить милость, и обрести благодать для благовременной помощи» (Евр. 4, 16). «И я, — пишет о себе Батюшка, — был бы очень неблагодарным пред моим Спасителем и Господом, если бы умолчал пред церковным собранием о чудесной силе креста Его, так часто являвшего и постоянно являющего на мне Свою силу». И вообще, Батюшка смотрит на крест, как на знамение победы, силы. Например: «Каждое слово Священного Писания, каждое слово Божественной Литургии, утрени и вечерни, каждое слово священно-таинственных молитв и молитвословий — имеет в себе соответствующую ему и в нем заключающуюся силу, подобно знамению честного и животворящего креста. Такая благодать присуща каждому церковному слову, — ради обитающего в Церкви Ипостасного, вочеловечившегося Божия Слова, Которое есть Глава Церкви».

И все это — ради Креста Христова, за коим последовало воскресение Его. «Люблю я взирать на образ воскресшего Жизнодавца с знамением в руке, с этим символом победы над смертию, и имущим державу смерти — диаволом.

«Где ти, смерте, жало; где ти, аде, победа»? (1 Кор. 15, 55.) Какой славный Победитель! Какого лютого, всезлобного греха победил! Врага, который величался своими победами несколько тысяч лет! «Тебе, Победителю смерти вопием: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне» (тропарь недели Ваий). Вообще, христианство у о. Иоанна победоносное, а не унылое, не слабое и не немощное. Да и сам он, — как и мать его Феодора, — был сильный человек. «И все святые, подобные нам по всему люди, но верою и любовию, прилежанием и трудами в добрых делах победили мир и миродержца и его страсти; и теперь вечно торжествуют свою победу. А между ними были не одни монахи, но и мирские люди — женатые и замужние женщины, люди всякого звания, состояния, пола и возраста... Нельзя нам отговариваться от святой, «победоносной» жизни, что в нынешнее время будто бы нельзя спастись; что будто бы не такие теперь, как прежние, времена; что люди ныне стали как демоны, только на грехи и соблазняют; и жизнь будто бы стала совсем другая, не как прежде. Нет, други, неправда, что ныне нельзя спастись: можно и ныне. Господь Сам сказал при вознесении на небо ученикам Своим, а с ними и всем нам: Вот «Я — с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20). А коль скоро всегда с нами, то в Нем сомневаться нечего: Он поможет нам во всем; Он победит врагов наших, как всесильный; Он и подымет, Он и спасет, Он и увенчает нас, — если мы пребудем Ему верными до смерти!»

И это везде у о. Иоанна: Христос — Победитель зла. Правда, спасение требует труда и подвига; но так и должно быть! Да не нужно преувеличи-

вать трудностей после Креста и Благодати. Хотя отчасти мы и писали об этом прежде, — но напишем и еще, в связи с Распятым Христом.

«Жалкий человек! Бедный человек! Сколько ему препятствий в деле самом важном, в деле спасения своей души. «Много званых, а мало избранных» (Мф. 20, 16). Дивное дело! Но что же это наконец? Кто виноват в этой нелепости, в этой вольной погибели людей?.. Господь Бог, создавший его по образу и подобию Своему, в правде и святыне, дал ему всю возможность, все средства и силы к животу и благочестию... Вы скажете: невозможно или, по крайней мере, трудно спастись! Да ведь спаслось же бесчисленное множество подобных нам людей! Спасаются же ныне, хотя немногие! Трудно спастись! Да ужели без труда хотите вы получить вечную жизнь, в блаженном соединении с Богом, с Богоматерью, с ангелами, со всеми святыми? Ужели без труда самоочищения — при помощи благодати — без труда молитвы, бдения, без милостыни, без кротости, без смирения, без воздержания? Для приобретения земных благ трудиться не считаем лишним — и трудимся, часто всеми своими силами, а для получения вечного блаженства опускаем руки?» И далее тут же добавляет в утешение: «Да и не то, чтобы дело спасения было крайне трудно: «Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 30), — говорит Спаситель. Да, при помощи Божией, оно (иго) становится мало-помалу легким, хотя в начале и затрудняет его упорная борьба с грехом. Но разве и грех не есть дело крайне трудное, как противоестественное, чуждое нашей божественной природе?» «Ты не можешь, — говоришь, — но благодать Божия всесильна: она поможет тебе совершить легко все дело твоего спасения».

Особенно после ниспослания Духа Святого за крестные заслуги Сына Божия. Еще: «Скажет кто-либо из вас, что крайне трудно избавиться от греха, от греховных наклонностей, от привычки ко греху; и вот мы всю жизнь путаемся во грехах и мучаемся грехами. Правда, что крайне трудно; но с помощью Божией все легко и удобно. Только возьми твердую решимость — не делать греха. Святая Церковь, обладающая всякою благодатью,... готова к тебе всегда на помощь, — и верно, поможет тебе, если прибегнешь к ней. На то Господь и дал ей всю власть Свою, все полномочие Свое... Для того Он, Господь, и пришел на землю, чтобы «разрушить дела диавола» (1 Ин. 3, 8). «Трудно, возлюбленные братия, побеждать себя. Нет на свете труднее победы, как победа над самим собою; но надо непременно побеждать себя; то есть побеждать зло, гнездящееся и действующее в сердцах наших и во плоти нашей, и многоразличные страсти плотские и духовные, воюющие ежедневно во плоти нашей. Без победы нет венца победного!.. Чтобы побеждать себя нужно возненавидеть себя или отвергнуться себя, как негодного и смрадного сосуда, исполненного зловония и смердящих страстей (см.: Мк. 8, 34). Нужно взять только этот крест на себя. И об этой борьбе с грехами и источником их диаволом, о. Иоанн говорит особенно часто и много, по своему опыту, — о коем уже мы писали выше. «Всего этого, — пишет он об отвержении грехов, — можно достигнуть» теперь; но не иначе как непрестанною молитвою в посте и воздыханиях, частым и усердным

призыванием имени Иисуса Христа или Пресвятыя Троицы и ежедневною борьбою со своими греховными склонностями.

Нужны тысячи опытов борьбы с разными порочными наклонностями своего сердца, чтобы выйти из этой борьбы победителями, при помощи благодати Божией. И вот эта-то упорная и скорбная внутренняя война делает для нас вполне понятными слова Апостола, что «многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22). Точно — многими скорбми!» «Итак, побеждай, христианин, мир, его богопротивные и душетленные правила». «Неотложно нужно воевать с диаволом. Впрочем, кто ведет брань с своею плотию и миром, тот уже ведет брань и с диаволом: ибо во плоти нашей и в мире действует диавол (см.: Еф. 6, 12). Плоть и мир — это орудие диавола». Эту борьбу испытывают все. «Мы все от юности страдаем душевным гноетечением многоразличных грехов, — как точившая кровью 12 лет женщина... Мы все страдаем от наводнения помыслов и чувств скверных, лукавых, хульных, злых, блазнительных — от этого диавольского наводнения. Кто кроме Господа может исцелить нас от этого тлетворного, скверного течения греховного? Какие врачи телесные могут уврачевать эти недуги человеческие? Никто кроме Господа и благодати Его... Молю Тебя: научи всех людей Твоих — от мала до велика — приходить к Тебе всегда с дерзновением, невозбранно и восхищать верою Твою всеспасительную благодать». Говорит ли о. Иоанн об исцелении десяти прокаженных, он опять сводит все на грехи, эту «духовную проказу»: «Да, братия, страшна эта проказа — грех; и не нужно запускать ее, — как требовалось и от тех прокаженных телесно, — но немедленно врачевать ее слезами покаяния». Но об этом мы еще поговорим после. А сначала побеседуем о крестоношении борьбы со грехами. «Земнородные человеки, созданные с разумной и бессмертной душой! Проникайтесь, если можете, любовью к вам Распятого на кресте; воспламеняйте ею сердца ваши к Нему, как Он пламенеет к вам Своею любовью и среди страданий Своих на кресте! Упивайтесь этою святейшею любовью бесконечно, как бесконечен Сам Бог; и не будьте равнодушны, неблагодарны, холодны, безрассудны и несмысленны! Для вас все это богатство сострадания и любви; для вас эта жертва искупления и спасения! Оторвитесь, отрезвитесь от житейской суеты и страстей; отложите «всякое житейское попечение», да подымете сердцами своими «Царя всех, ангельскими невидимо дориносима чинми» (Херувимская песнь). Поэтому Батюшка часто говорит и о своих, и о чужих грехах. Но если мы не можем этого, если не справляемся с собою и диаволом, то у нас еще остается одно средство: покаяние. И здесь о. Иоанн говорит и о себе самом. В словах «се Агнец Божий, вземляй грехи мира» (Ин. 1, 29) и заключается крепкая надежда наша на бесконечное милосердие Отца Небесного, примирившегося с нами, беззаконниками, чрез Жертву правды, принесенную на кресте за грехи наши, то есть бесконечную Жертву Сына Своего. Сколько раз согрешали мы в один день и час, — не говоря о грехах всего окаянного жития нашего. Как мучили нас грехи наши?! Но мы покаялись с верою, и с упованием сердечным воззрели к Спасителю, вздохнули, прослезились о своих грехах: и вот они очищены,

омыты, прощены; мы обрели покой, свободу, радость. Что это значит? Это значит, что Агнец Божий всякий день, всякий час во все дни живота нашего вземлет грехи наши, отнимает, очищает, забывает их, избавляя нас от вечного за них осуждения. Кто этого не испытал на себе? И вот почему при таком кровавом потрясающем душу зрелище мы стоим благонажедно; и — хотя с грустью, но грустью, проникнутою умилением, радостью и какою-то торжественностью». Говорилось это поучение в Великий Пяток. «Он непременно и повсюду вземлет грехи всех кающихся грешников, милует, очищает, обновляет, спасает. О Спасителю наш! От скольких духовных смертей спас Ты и меня, и каждого из нас! Исповедаю днесь, в этот час, пред этим благочестивым собранием, о Спасителю мой, милости Твои, явленные на мне грешном паче всех человек, что Ты спас меня от бесчисленных смертей духовных; спасал и спасаешь от всяких скорбей, от всяких грехопадений. И только Твоею милостью доселе я не в рове погибели. Ибо скажу с пророком Давидом: «Одержаша мя болезни смертныя, и потоцы беззакония смятоша мя, болезни адовы обыдоша мя, предвариша мя сети смертныя. И внегда скорбети ми, призвах Господа, и к Богу моему воззвах» (Пс. 17, 5–7). И Он всегда преклонялся милостиво к воплю сердца моего, являл мне чудное спасение Свое, прощал грехи мои, разрушал скорби мои и из страшной тесноты выводил меня на широту. Се — Агнец Божий, вземляй и грехи мои! Се — Агнец Божий, вземляй и грехи наши! Приидите же со слезами покаяния и с любовью будем лобызать язвы сего Агнца, вземлющего грехи мира. Ты же, о пренеисчетная Благостыня, Господи небесе и земли, ниспосылай и еще благословение Твое на нас; возбуждай в нас искреннее покаяние и любовь нелицемерную! Потерпи и еще миру, погибающему во грехах! И потрясающими знамениями Твоими пробуди его от тяжкого сна греховного». «Взывайте, взывайте, братия мои ко Господу». «Но когда получите прощение грехов от Господа; когда ощутите в сердце мир Христов, свободу и духовную святыню, сладость любви Божией» в исповеди, «тогда сердечно возблагодарите Господа за такую великую к вам милость; и молите Его благость о том, чтобы вам никогда не разрывать с Ним союза чрез грех, но непрестанно быть в соединении с Ним посредством дел добродетели». «Да, не может то быть, чтобы без покаяния мог угодить Богу какой-либо грешник и был принят в общение с Богом. Иначе тогда Бог был бы служителем греху, что невозможно... Братия! Самому Богочеловеку не легко было спасти нас от греха, проклятия и смерти; но надобно было, по суду правды Божией, пострадать и умереть за нас... Как же мы-то можем мечтать без труда и самоотвержения спастись от греха и наследовать вечное блаженство? Нет, нельзя!.. Какая нужда Богу в рабах лукавых и неверных Ему, в нелюбящих Его, когда Он Сам есть Святейшая Правда и Любовь? Он — свят и во святых почивает».

«Итак, — заканчивает свои поучения на все воскресения года (2-й том) — все возлюбленные братия, покайтеся, чтобы покаянием ввести в души свои свет Христов. Не я, а Сам Господь в нынешнем Евангелии», то есть в неделю по Просвещении, или — Крещении, «возбуждает вас к этому: «Оттоле начат Иисус, — говорится, — проповедати и глаголати: покайтеся,

приближися бо Царство Небесное» (Мф. 4, 17), то есть Христово. Видите, как необходимо нам покаяние. Господь с того и проповедь Свою людям начал, чтобы они каялись. Да, без покаяния нельзя войти в Царство Небесное; нельзя, по справедливости, и христианином называться без покаяния. А жизнь без покаяния крайне вредит душе нашей: душа христианина некающегося, или кающегося неискренно, лишь делается добычею диавола... Братия! покаемся, покаемся всем сердцем, «чтобы Солнце Правды Христос» воссиял в сердцах наших... Будем каяться постоянно: каждый день и час пред очами всевидящего Бога: постоянно грешим — постоянно будем и каяться! Аминь».

Вот в этой непрестанной борьбе с грехами и заключалось больше всего «крестоношение» о. Иоанна. А если и этого кажется непонимающему мало, то он не знает истинного креста, истинного распинания ветхого человека! В утешение же Батюшка, по своему снисхождению, — но не нарушая правды и покаяния, — говорит и о слабостях человеческих. «Ведь человек — не ангел; да притом уже жизнь-то наша сложилась так, что ежедневно и невольно грешим, хотя бы и не хотели. «Не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сие содеваю» (Рим. 7, 19). И Господь научил нас снисходительно смотреть на частые человеческие неисправности и падения».

Христос Господь «из всех имен благоволил более всего называться Спасителем; и самое имя Его есть Иисус, или Спаситель. Нам, странствующим в житии сем, свойственно падать; ибо мы обложены плотию многострастною; окружены духами злобы поднебесными, прельщающими ко греху; живем в мире прелюбодейном и грешном, соблазняющем на грех. А Ты, —обращается о. Иоанн к Богоматери, — превыше всякого греха; Ты Солнце Пресветлое; Ты еси Пречистая, Всеблагая и Всеблагомощная; Тебе свойственно очищать нас, осквернённых грехами, как мать очищает детей своих, если мы воззовем к Тебе смиренно о помощи; Тебе свойственно подымать нас, непрестанно падающих; заступать, охранять и спасать нас, наветуемых от духов злобы; и наставлять нас шествовать ко всякому пути спасительному».

«Наука наук — побеждать грех, в нас живущий, или действующие в нас страсти», — учит по опыту о. Иоанн. «Жизнь — великая опытная наука». Еще раз повторим изречение его: «Нет ничего труднее, как проходить эту науку, тесный путь и узкие врата. И кто в школе матерней или в училище не навык вере, или страху Божию и житию благочестивому, — тому особенно тяжело учиться в школе жизни. Тот, хотя бы он был в школе наук умен, многосведущ, был в большом почете за свои способности, — в школе жизни оказывается невеждою. Мало того, — иногда ни к чему непотребным: ни к семейной жизни, по причине своего неуживчивого характера или своего необузданного сердца, ни к общественной деятельности. Он бедствует и нередко терпит крушения в жизни, как нагруженное множеством товара судно в море, пущенное во время бури без руля, без снастей и парусов».

Настолько важна эта «наука наук». Есть такая же мысль даже о богословах... В заключение этого отдела мне хочется привести два рассказа о. Иоан-

на о святых в миру. «Один благочестивый пастырь, знакомый мой, рассказывал мне чистосердечно, что он молитвою веры, в простоте сердца, испросил у Господа и Пречистой Богородицы множество чудесных благодеяний Божих простым людям, просившим его молитвенной помощи. И в доказательство готов был представить мне лично всех тех, которые удостоились милостивого посещения Божия и живым голосом могли засвидетельствовать истину его слов. Я, — говорил он о себе, — обыкновенный смертный, человек многогрешный, не отличаюсь от других людей никакими подвигами: ни пощением, ни всенощными стояниями на молитве, позволяю себе есть и пить дозволенное — у себя и у людей; но имею только веру в Господа; живу во всегдашнем покаянии; за все благодарю Господа, что ни получаю от Его щедрот: и не остаюсь в стыде. Я каждый день получаю спасение от живоначальной десницы Божией; каждый день Господь окружает меня радостным избавлением. Если кто просит меня помолиться с ним о нем, я не отрицаюсь, если только примечаю в просящем искреннюю веру и искреннее желание спасения: и вера, и упование не посрамляют». «Вот видите, — добавляет о. Иоанн, — братия: и в наше время, скудное, верою, верующим можно испрашивать у Господа все нужное ко спасению».

Другой случай о. Иоанн рассказывает про какого-то мирянина.

«Один гражданин в некотором городе, живущий верою и ведущий упорную брань со страстями, как воин Христов, говорил мне в беседе со мною, что он ежедневно и ежечасно молитвою покаяния и веры почти непрестанно восхищает у Бога спасающую его от грехов и страстей силу; что при бесчисленных искушениях и внутренних грехопадениях он в конце концов всегда является победителем страстей и прогонителем бесовских мечтаний и наваждений, разрушителем козней демонских; словом, что он, по милости Божией и по вере Божией, данной ему, есть постоянное чудо сам для себя. Вот что значит молитва веры, молитва покаяния! Так будем веровать! Так будем молиться! И так будем побеждать свои страсти!»

Я позволяю себе думать, что о. Иоанн в обоих случаях говорит о самом себе, только укрывая свое имя под неким третьим лицом — «один».

Осталось еще говорить о кресте ненависти и гонений на о. Иоанна; но мы оставим это до главы «Последние годы».

Скорби батюшки

Так прошла вся долгая жизнь о. Иоанна...

Подвижническая, трудная была она, как видим мы теперь. Но Господь сподобил его пред кончиной особых искушений.

Один из архиереев после смерти Батюшки писал следующее: «Отец Иоанн шествовал ликующим, победоносным исповедником Христовой ис-

тины... И являлся светлым носителем великой сострадательной любви к ближним: однако, он и тогда, в эпоху высшей своей славы на земле, не достиг еще полноты евангельских блаженств. Он еще не понес тогда «страдания за веру» Христову; на него не был еще возложен «венец, предвозвещенный Христовым глаголом: «Блаженни будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына Человеческаго ради» (Лк. 6, 22).

Вполне согласиться с этим нельзя. Вся его долгая жизнь, — как это видно и из Дневника, — была, в сущности, подвигом, борьбой. И не один год, а все пастырство, с 1855г. до конца жизни, — то есть 53 года! И борьба была жестокая!

Борьба — с врагом рода человеческого и с собственным грехом: об этом о. Иоанн многократно говорит в своих почти ежедневных записях. Он был действительно «угодник Божий», — даже, просто говоря, святой. Но легко ли это дается?

«Что такое святость? — спрашивает он себя. — Свобода от всякого греха и полнота добродетелей. Этой свободы... достигают только немногие усердные. И то не вдруг, а постепенно: продолжительными и многими скорбями, болезнями и трудами, постом, бдением, молитвою. И то — не своею силою, а благодатию Христовою».

Еще: «Нога моя ста на правоте» (Пс. 25, 12)... «Отчего бы и мне давно не утвердиться на этом Божьем пути, уклониться совершенно от зла и творить только благо, как этого достигли прежде нас жившие и подвизавшиеся святые?

Разве у них и у нас не та же природа? Разве они жили без искушений, без скорбей и болезней? Разве не нападал на них грех? Разве не боролись они с различными страстями плоти и духа? Боролись и побеждали! Причина греха ведь в нас самих».

И далее он, по обычаю и по опыту, перечисляет грехи и страсти. «Боритесь с собою!» «Борись, молись, трудись, подвизайся, не ленись, чтобы вечно покоиться там, где все праведными упокоеваются».

«Есть из-за чего потрудиться». «Требуется непрестанная борьба всего внутреннего человека». «Жизнь наша на земле — война, непрестанная война: ибо непрестанно воюют невидимые враги, чрез бесчисленные страсти». И опять следует перечисление страстей.

«Часто я испытываю в себе подлые действия духов, подстрекающих меня к различным страстям».

Вот он — крест, который несли подвижники! Преподобный Серафим тоже почти не знал гонений, изгнаний; но он нес духовную борьбу: «томлю томящего мя», — повторял он древних!

А если к этому прибавить ежедневные подвиги разных разъездов по больным, умирающим, унывающим, скорбящим! И возвращаться к часу ночи, чтобы потом в четыре утра опять быть в храме с народом!

Да одного этого духовного подвига, и подвига «непрестанного», достаточно для того, чтобы сказать: не вынести другому! А батюшка нес его всю жизнь.

Но кроме этого главного искушения есть, действительно, и внешние скорби: гонения, преследования, а иногда — и мучения. Было же 300 лет гонений на христиан! Темницы, ножи, терзания тела, огонь, звери и проч. и проч. — все это знает Церковь в своей истории. Мучения были фундаментом Церкви; поэтому и доселе полагаются в антиминсах мелкие частицы мощей, именно мученических: на них стоит Церковь; на антиминсах мы доселе служим.

И с этой стороны прав тот же владыка, когда он пишет: «Но вот в 1905 году... ополчились и на отца Иоанна враги Христовы... Его возненавидели «Сына Человеческого ради». На честной главе его заблистал венец исповедника». Но говорить, будто от Батюшки «не было слышно покаянных воплей» — совершенно невозможно: это противоречит его собственному признанию о назначении Дневника записывать борьбу свою!

Другой архиерей писал: «теперь дошли и до о. Иоанна Кронштадтского... Стали печатать про него в столичном «Листке», и выводить на театральных подмостках...»

Сам Батюшка писал про врагов своих: «И когда я говорю так, — то есть обличительные слова против неверующих интеллигентов, — то думаю: и на меня заносят свой меч эти враги всякой правды, враги Церкви Христовой!» Это действительно было гонение на него!

Даже пронеслось известие, будто какая-то группа этих врагов замышляла против о. Иоанна покушение: его позвали к какому-то будто больному, а намеревались убить. Пустили в печать слух, будто даже ранили его; но другие спасли ему жизнь. Однако, говорили, что о. Иоанну пришлось лечиться долго.

Но, насколько известно мне, подобные слухи есть плод неразумной ревности, а на самом деле этого не было. Если же сам о. Иоанн говорит о «мече», то, нужно думать, он разумел вообще преследование, клеветы, гонение от врагов.

Не было бы, впрочем, ничего удивительного, если он и в самом деле пострадал бы от них телесно, но об этом нет достоверных данных. Что же касается других, духовных видов гонений, то и к ним о. Иоанн относился без удивления: так и должно быть в этом падшем мире: борьба — безусловно необходимое свойство греха, человеческой испорченности, диавольских искушений. И о. Иоанн, собственно, не боялся этого, — в каких бы формах эта борьба ни предстояла.

Враги политические «меня страшно ненавидят и готовы стереть с лица земли; но я не боюсь их и не обращаю на них ни малейшего внимания», — так передает свою беседу с Батюшкой английский корреспондент. «Старый священник закончил речь характерной русской фразой: «Я — бельмо им на глазу!»

И в том же самом слове, где он сказал о «мече», он тотчас же затем говорит, в противоположность этому: «Но Вечный и Бодрый», то есть недремлющий Бог, «живущий на небесах, да сохранит борющихся против неправды! «Се не воздремлет, и не уснет храняй Израиля...» (Пс. 120, 4.)

Еще один вид скорбей о. Иоанн испытал от телесных болезней.

Обычно принято думать, будто у Батюшки всегда было прекрасное здоровье. Но это не верно. Вот что о себе пишет он сам: «Сколько раз смерть вступала в мое сердце, сообщая начатки свои и телу! Числа нет! И от всех смертных случаев Господь избавил меня милостию несказанною, оживотворял меня! О, какой благодарностью ко Господу должно быть исполнено сердце мое! «Аще не Господь помогл бы ми, вмале (скоро) вселилася бы во ад душа моя» (Пс. 93, 17).

Но не будем уже говорить о детском возрасте и ранних болезнях о. Иоанна: самая слабость при рождении, почему его крестили, вопреки обычаю, в тот же самый день, когда он появился на свет; оспа, от которой он чуть не умер; и много других болезней в течение целой жизни! «Как велика была немощь моего младенчества!» — пишет он в Дневнике. — Сколько слез пролито мною тогда, как бы в знак того, что и последующая жизнь моя будем так же исполнена скорбей многоразличных, вызывающих невольные слезы».

Были болезни и позднее, о чем мы знаем из переписки его с игуменией Таисией... Не чуждался он, к старости, и врачей. Припомню, как батюшка пишет, что в болезни врачи посещали его иногда даже три раза в день. А племянница о. Иоанна по матушке, Шемякина Р.Г., в своих интересных, хотя и кратких воспоминаниях об Елизавете Константиновне (1909) пишет: «Будучи вообще слабого здоровья, дядя часто хворал; и тогда тетя превращалась в неутомимую сиделку: проводила все ночи напролет у постели больного, а днем сама приготовляла для него кушанье. Помню, в 1879 году о. Иоанн опасно занемог: у него сделалось воспаление легких. По целым часам он лежал с закрытыми глазами, в забытье; а когда приходил в себя, часто говорил: «Голова болит невыносимо, точно молотом ударяют по ней». Один раз тетя сидела около кровати дяди и горько плакала; открыв глаза, батюшка посмотрел на нее и сказал: «Не плачь, Лиза: Бог даст — поправлюсь; а если нет, Бог и добрые люди не оставят тебя: я никого не оставил, и тебя не оставят». Прошло несколько дней; и однажды утром тетя вбежала в детскую и, дрожащим от волнения голосом, воскликнула: «Дяде — лучше, кризис прошел!» Мы с тетей посмотрели друг на друга, крепко обнялись, и обе заплакали, — и уже слезами радости».

«Припоминается мне еще следующий случай: несколько лет тому назад дядя, приняв ванну, зимой вышел в сени в туфлях; тетя страшно растревожилась; и, не имея уже возможности по болезни ног сама быстро двигаться, послала сказать батюшке, что он рискует простудиться, выходя на воздух легко одетым после ванны. Возвращаясь из сеней, дядя прошел в гостиную и сказал ей, ласково хлопая по плечу: «Спасибо тебе, родная, за заботы твои обо мне; только не беспокойся, ноги у меня тепло одеты».

«Отец Иоанн глубоко ценил такую заботливость с ее стороны о себе; и отвечал ей тем же. Когда болезнь не давала возможности незабвенному батюшке ездить в Петербург, — а впоследствии даже по Кронштадту, —он ни один день не сел обедать, не зайдя в гостиную или в комнату тети, смотря по тому, где она была, и не позвав ее в столовую; он говорил: «Когда

я обедаю один, у меня и аппетита-то нет». Не было вечера, когда бы дядя не зашел к тете проститься и благословить ее пред сном: «доброй ночи желаю тебе», «спи спокойно», «Господь с тобой», «да хранит тебя Бог», —вот те приветствия, которые он говорил ей перед уходом в кабинет на покой.

За несколько времени до кончины батюшки захворала матушка инфлюэнцей: тут-то особенно проявилась заботливость дяди о ней. Нельзя было без слез умиления видеть, как дорогой страдалец, сам еле ходивший, несколько раз днем и каждый вечер перед сном благословлял ее, гладил по голове и приговаривал: «бедная, бедная», «вместе мы с тобой страдаем», «вместе мы с тобой мучаемся», «оба мы с тобой страдальцы».

И долго, бывало, стоит около ее кресла, покачивая головой и с жалостью смотря на больную; а иногда с ее лица переведет скорбящий взор на образ, и долго-долго безмолвно молится за нее.

Обыкновенно, когда кто-либо справлялся у дяди о здоровье его или тети, он неизменно отвечал: «оба мы плохи», «оба собираемся умирать», «оба мы готовимся к смерти». Один раз, когда дяде сказали, что тете плохо, он пришел к ней и сказал: «Не унывай, Господь милостив! Он даст тебе терпения пережить страдания и быть совсем здоровой».

«В ноябре, то есть месяца за полтора до своей кончины, обедая вместе с тетей и двумя приезжими, дядя стал говорить им, что здоровье его совсем плохо. Тетя, желая ободрить его, сказала: «Весной тебе бывает всегда лучше; придет весна — поправишься». На это дядя возразил: «Весной, ты говоришь? ты то до весны доживешь, а я — нет». Предсказание батюшки сбылось: он почил в декабре (1908); она — в мае» (22-го) 1909.

Я сделал довольно большую выписку из маленькой брошюры о матушке Елизавете Константиновне... Но ведь она была так близка к батюшке всю его жизнь, с 1855 по1908 год... Да и немногим, вероятно, приходилось читать эту брошюру, а теперь — тем более...

А кроме этого, здесь — как еще нигде буквально — вскрываются, хоть маленькие, бытовые странички из жизни досточтимого пастыря... В конце жизнеописания его мы еще вернемся и к сотруднице его жизни. Особенно дорого все то, что говорят близкие люди. Из сказанного, а также и из многих мест Дневника, где упоминается о значении и смысле болезней для человека, можно видеть, что и в жизни Батюшки было их много, и приходится еще удивляться: как при такой его кипучей нервной деятельности было мало болезней! И спал он мало. И ел что попало! И все же прожил так долго...

Теперь мне хочется отметить один случай из последних лет его жизни.

Можно сказать, что о. Иоанн умирал дважды.

В 1904 году он был опасно болен. Вот как это описывают современники.

«Отец Иоанн Ильич, — пишет протоиерей о. Ф. О., — начал прихварывать заметно для окружающих еще с 19 октября», дня своего рождения и именин. Но не обращая внимания на болезнь, перемогаясь, он продолжал служить в Петербурге и Кронштадте до 9 октября, когда последний раз и с трудом совершил литургию. Врачи заявили, что лечение требует полного покоя и осторожности.

Навестивший больного в половине декабря протоиерей Ф.О. застал его в кровати за книгой. Он несколько похудел; но был такой же светлый, приветливый.

«Вот лежу и читаю Четь-Минеи: какое сладостное чтение! Какой слог у святого Димитрия! — говорил о. Иоанн.

Тут же на столике лежало святое Евангелие. Указывая на него, о. Иоанн прибавил: «Да, — и со святым Евангелием (то есть лежу): ведь душа-то голодает. Я привык быть с людьми и с Богом. Сколько дней я не служу Божественной Литургии! Как святое таинство подняло бы меня! Вот дня через 3–4 я надеюсь отслужить раннюю литургию».

Но конечно, это желание больного было неосуществимо: болезнь, сопровождавшаяся упадком сил, приковала его к постели. Тяжелые страдания он переносил бодро.

— Один Бог видит: какое это испытание! — говорил он о. О-му. — Я переносил такие страдания, хоть кричи на крик!

Несмотря на болезнь о. Иоанн, кроме чтения священных книг, занимался до святок и письменным трудом, о чем свидетельствуют несколько нумеров газеты «Котлин», в которых помещались проповеди о. Иоанна на текущие праздники.

2 января, чувствуя сильную слабость, он обратился к своему сослужителю, ключарю Андреевского собора, прот. Попову, с следующим письмом:

«Ваше Высокопреподобие, достопочтенный собрат, о. Александр Петрович!

Пришло мне на мысль принять святое таинство елеосвящения, по чину Святой Церкви, — которое и прошу соборною братиею совершить завтра, после поздней литургии, взяв с собою из храма Святые Дары в потире.

При этом — моя покорная просьба всей братии: совершить святое таинство — громко выговаривая все, чтобы я мог слышать, чувствовать и молиться с Вами».

Желание о. Иоанна было исполнено. После литургии, при звоне колоколов, из Андреевского собора, на квартиру его двинулась торжественная процессия духовенства со Святыми Дарами, в сопровождении крестного хода и многочисленной толпы народа, почитателей о. Иоанна.

Тяжелую картину представляло это громадное сборище: стоны, плач и рыдание стояли в воздухе, мешаясь с звуками пасхального канона «Воскресения день», с пением которого двигалась процессия.

В квартире собрались — супруга, родственники и близкие сотрудники о. Иоанна.

При вносе Св. Даров он встал с постели. Принял от о. протоиерея Попова чашу со Св. Дарами; и сам причастился.

Затем опять лег.

Началось совершение таинства елеосвящения, в котором принимали участие семь священников и три диакона.

Трогательная и незабвенная была картина, когда с молитвою все священники возложили Евангелие на голову о. Иоанна...

Сердце обливалось кровию...

После отпуста о. Попов обратился к о. Иоанну и сказал: «Высокопреподобнейший отец протоиерей, достославнейший собрат!» Сначала он поздравил его с таинством и выразил надежду на выздоровление. А потом добавил: «Не могу выдержать тех слез, которые слышны из окна! Не могу не исполнить тех заветных пожеланий жителей города Кронштадта, которые просили меня принести тебе от них поздравление их. Они до сих пор не могут примириться с мыслью, что так давно не видят тебя! И желают, чтобы Господь воздвиг тебя, деятеля их спасения. Их любовь к тебе и твоя к ним — так тесны, что нельзя представить тебя разлученным от них ни теперь, ни в будущем! Недаром молва назвала тебя — Кронштадтским!»

Отец Иоанн благодарил о. Александра; благодарил всех; расцеловался и простился со всеми; после чего процессия в том же порядке, при колокольном звоне, вернулась в собор».

Все это переписано мною из «Странника» 1905 г., за февраль (325–327 с.).

Как видно, смерть была уже на пороге... И хотя таинство елеосвящения собственно должно совершаться над больными, но обычно оно делается над умирающими; поэтому елеосвящение называется еще и «последним» таинством: уже это одно говорит о крайней серьезности положения Батюшки. Можно сказать, что и он, и сродники, и почитатели его — как бы готовились хоронить его.

Поэтому я и выразился, что о. Иоанн дважды умирал.

Ему в то время было 75 лет, и шел 76-й год.

Но уже с конца 1904 года о. Иоанна стала беспокоить мысль о смерти. В декабре 1904 года о. протоиерей Иоанн Сергиев вошел к Высокопреосвященнейшему Митрополиту Антонию с прошением, — от 12 декабря — следующего содержания:

«За последние месяцы моей жизни, чувствуя в себе недомогание и старческие болезни и приближаясь к концу земного поприща, я обращаюсь к Вам, милостивейший мой архипастырь, с покорнейшей моей просьбой — разрешить, в случае моей смерти, проводить меня в вечность и отпеть меня, при Вашем предстоятельстве, в основанном женском Иоанновском монастыре, а тело мое погребсти под нижним храмом преподобного Иоанна Рыльского».

Так и было решено. Из этого особенно ясно видно, что Батюшка уж в то время, в 1904 году, сам думал о смерти своей.

Между тем, с нового 1905 года в состоянии здоровья о. Иоанна произошла перемена к лучшему. В письме своем от 24 марта 1905 года он писал к Владыке Митрополиту:

«Божиею милостью и Вашими архипастырскими молитвами, я встал с одра болезни моей — начал служить. Не имея пока возможности лично явиться к Вам и принять архипастырское благословение, прошу такового заочно; и при сем имею честь поднести Вам вновь вышедшую книжку моих проповедей, моего духовного во Христе делания, и новое слово на Благовещение Пресвятыя Богородицы. Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник, протоиерей Кронштадтского собора Иоанн Сергиев».

На это письмо от Высокопреосвященного Митрополита, от 25 марта, послан был о. Иоанну следующим ответ:

«Ваше Высокопреподобие, честнейший о. протоиерей Иоанн Ильич! Душевно радуюсь и возношу небесному Пастыреначальнику усердные молитвы, благодарения за великую милость Его, явленную в восстановлении Вашего здоровья и подкрепления сил Ваших на дальнейшее неутомимое и многоплодное делание на ниве Божией. Сердечно благодарю Ваше Высокопреподобие за поздравление меня с праздником Благовещения Пресвятыя Богородицы и за присланную новую книгу Ваших проповедническихъ трудов, направленных к вразумлению лжемыслящих и к уврачеванию современных общественных недугов.

Призывая на Вас Божие споспешествующее благословение, честь имею быть с истинным к Вам почтением и братскою о Христе любовию, и совершенною преданностью Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга Митрополит Антоний».

В постскриптуме к этому письму Владыкою Митрополитом добавлено было предложение «принять необходимые меры» против «иоаннитов». (Взято из «Церковных Ведомостей» № 8.)

Господь воздвиг болящего! И о. Иоанн после этого прожил еще почти 4 года. Но он уже думает о приближающейся кончине своей. Так, например в 1907 г., он тому же М. Антонию пишет (27 сентября):

«Во внимание к слухам, что причт Кронштадтского собора, городской голова и некоторые прихожане хотят обратиться к Вашему Высокопреосвященству с просьбою, чтобы по кончине моей тело мое погребено было в Кронштадте, а не в Иоанновском монастыре в Петербурге, — сим молю Вас, Владыко, оставить без последствия такого рода ходатайство и повелеть исполнить мое завещание — похоронить кости мои в склепе Ивановского монастыря под церковью. Там место уж им приготовлено. Прошу об этом, как строитель, Божиею милостию, Ивановского монастыря. На панихиды и литургии в Кронштадте прошу благословить Преосвященного Кирилла; а в Ивановский монастырь на литургию и отпевание — Вас самих, — добро пожаловать».

Подписано: «Готовящийся к кончине, крайне недомогающий Протоиерей Иоанн Сергиев. 26 сентября 1907г.».

Но он прожил после этого письма еще 1 год и почти 3 месяца.

К скорбям же мы присоединим и вопрос об «иоаннитах».

По этому вопросу существовало два противоположных мнения: одни именовали таких людей сектантами, другие — добрыми почитателями о. Иоанна; было и промежуточное толкование: их не следует еще клеймить именем «сектантов», поскольку это течение еще недостаточно оформилось и находится еще «в стадии развития своего».

На съезде миссионеров в Киеве в 1908 г. — где и мне пришлось быть наблюдателем — после высказывания разноречивых мнений все же постановлено было считать иоаннитов сектантами, хлыстовского духа.

Насколько мне известно это течение, здесь можно видеть различные мотивы: и почитание о. Иоанна, и стремление помочь Православной Церкви в борьбе с неверующими; и материальные расчеты — использовать наи-

вных, но и скрытных поклонников и особенно поклонниц Батюшки; и увлечение идеей о близком Втором пришествии Христовом, к чему бывают склонны многие даже правильно религиозные христиане, и к чему можно находить основание у самого о. Иоанна. И потому у разных людей мы замечаем разные до противоположности мнения. Даже православные епископы думали и писали об этом различно. Между тем противники этого движения всех почитателей Батюшки готовы были зачислить огулом в «иоанновскую» секту.

Известны и факты сношения — посещения, письма и фотографии — в которых сам о. Иоанн обращался к подобным лицам, что давало им и видимое основание считать себя близкими к нему людьми и даже одобряемыми им.

Все это не удивительно. История Церкви знает из прошлого подобные факты. Например, ошибся и св. Василий Великий, считая епископа-арианина за православного. Ошибся и св. Григорий Богослов, приняв к себе известного епископа Максима Циника, (потом удалив его, так как тот захотел занять его место). При этом в первой речи он произнес в храме похвальную речь гостю; а во второй, после удаления его, говорит православным между прочим: «Я ошибся! Но это — не большая беда: кто сам верен, тот всех доверчивее» (пишу по памяти). Иоанна Златоуста запрещено было сначала даже поминать после кончины его. Было недоразумение между христианами: кто выше из святителей — Василий, Григорий или Иоанн? Мнения разделились... Вероятно, почитатели одного не удерживались от унижения других. И нужно было установить общий праздник всем трем святителям, чтобы прекратились распри.

Из русской истории нам известно совершенно различное отношение к патриарху Никону: некоторые говорят о нем как о святом; а другие винят его в самоволии, клерикализме, неумеренной ревности и поношении восточных патриархов на суде. И к Московскому митрополиту Филарету доселе разные люди относятся по-разному. Можно бы и на другие примеры указать.

Причем различные люди смотрят разно, но искренно. На личность о. Иоанна сначала неодобрительно смотрел даже такой современный ему авторитет, как епископ Феофан Затворник. На вопрос о нем он писал, что Батюшка идет совершенно небывалым путем: спасается среди мира, среди соблазнов. Но потом он стал говорить совсем иначе. В 1892 году, за 2 года до смерти, он пишет подвижнику о. Г. следующее:

«Отец Иоанн Кронштадтский — Божий человек. Молитва его к Богу доходна, по великой вере его. Господь да хранит его в смирении и преданности Его святой воле, и в самоотвержении. У него не одна книжка, а до 15, или более. Потрудитесь приобресть. Они все невелички[1]... Образ исповеди, им ведомый[2], вероятно держится с благословения Владыки Митропо-

[1] Тогда еще не был издан его большой дневник в извлечении до 820 с.: «Моя жизнь во Христе».

[2] Вероятно, разумеются его «общие исповеди».

лита. Но о. Иоанн и частно исповедует; а то[1] все те, которые не имеют что особенное сказать или спросить. У него бывает народу не до 200, а 2000[2].

Это — милость Божия!!»

Поэтому обвинять о. Иоанна никак нельзя!

Но возвращаясь к иоаннитам, нужно сказать, что те, которые обособились в самостоятельные общины и обвиняли судивших их, уже тем виноваты, что они погрешали против Церкви Божией, выделяясь из нее. Ведь слово сектанты означает тех людей, которые отделяются (секто — секу, отрубаю, отделяю) именно от Церкви Божией. А у иоаннитов это желание отделения несомненно было: то есть психология была сектантская.

Затем, некоторые из них представляли нечто вроде обителей в миру; с тем, впрочем, отличием, что у них жили совместно мужчины и женщины. Отсюда последствием были грехи... Не следует думать, что это говорится облыжно: даже я точно знаю подобные факты. Одна женщина-врач, вызванная в их жилище, сообщала мне, что причиною вызова именно был результат взаимного сожительства.

Факты использования людей в корыстных целях — общеизвестны. У меня же есть письма некоего увлекаемого человека, который потом ушел на Афон.

Но самое главное — даже не в этом, а в их неумеренном почитании о. Иоанна. В крайних формах оно выражалось в том, что такие почитатели «обожали» его, в буквальном смысле этого слова: то есть считали его за Бога или воплотившегося в нем Бога.

На съезде миссионеров в Одессе, уже по кончине Батюшки (в 1909 году), из книжек о нем приводятся такие выражения:

«Люди, простые сердцем, называют о. Иоанна — богом».

«Отец Иоанн теперь есть Богочеловек». «Божественный муж, святой небесный Ангел совета Отча, отец Иоанн Кронштадтский».

«Отец Иоанн — Бог, воплотившийся Иисус Христос, Судия мира».

В книгах иоаннитов, посвященных о. Иоанну, приписываются ему божеские свойства: всеведение, безгрешность и т. д.».

Портреты его помещались рядом с иконами. Та же самая женщина-врач, сообщала мне, что она сама видела, как его портрет, большой величины, был помещен у иоаннитов, рядом с иконами Господа Иисуса Христа и Божией Матери.

В других домах портреты отстояли очень недалеко от икон.

Перед ними теплились лампадки. Некий Понамарев заживо составил о. Иоанну акафист. Приведу здесь факты, в коих изображается картина с натуры.

Епископ Мамадышский Андрей (Ухтомский) на съезде в Киеве (1908), рассказал: «Я не знал, что секта иоаннитов так распространена. На одном пароходе мне пришлось ехать вместе с главой Оренбургских иоаннитов; я говорил с ним; и он показался мне безукоризненным. Два месяца тому

---

[1] т. е. ограничивающиеся общей исповедью.

[2] Бывали и до 5 000.

назад ко мне явились два книгоноши от «Кронштадтского Маяка». Я спросил их: почему вы распространяете ваши бесчестные книги?

— Какая здесь ложь, в этих книгах? — спросили они. Я показал, в чем заключается ложь в этих книгах. Они послушали и ушли. Через несколько времени приходят и со слезами рассказывают о том, что сначала в одной, а потом в другой церкви им отказали в святом причастии; потому что они на духу признавались, что считают о. Иоанна Кронштадтского — Богом. Они пришли ко мне исповедываться. Я сказал им: «Вы согласны выразить мысль вашу так, что в о. Иоанне живет благодать Св. Духа?». Они говорят: «Да, мы это и говорим». Я спросил: «Ведь вы сказали, что он Сам Бог»? «Да, мы и это говорим».

Одним словом, я должен сказать, что это движение — совершенно неустановившееся, но — движение громадной нравственной силы и громадного воодушевления».

Московский миссионер г. Айвазов, высказал следующее. «То, что иоанниты сами себя не считают сектантами, не говорит в их пользу. Даже хлысты и молокане — явные сектанты — себя таковыми не называют. Что касается их культа, то просфорки, крендельки, которые они раздают по деревням, молитвенные дома, в которые они ходят вместо церквей, портреты Иоанна Кронштадтского; — все это служит доказательством существования у них культа. Это — типичное хлыстовство! Я бы не говорил об этом явлении, если бы к нему не было примешено имя о. Иоанна Кронштадтского. Говорят, что это движение идет вперед, что оно удовлетворяет духовным запросам: Боже, сохрани! Это — хлам, это вздор!»

Говорил потом профессор Казанской духовной академии, Н.И. Ивановский. «Обращаясь к доктрине иоаннитов, мы видим, что это — люди, которые чтут известное, и в наших глазах досточтимое лицо; но чтут — через край, называя его богом. Я затрудняюсь сказать, действительно ли здесь есть признаки сектантства, прежде чем не узнаю: моляться ли они на о. Иоанна Кронштадтского. Если они молятся на него, то это движение есть в первичной своей основе — движение сектантское, хлыстовское. Здесь как и в учении хлыстов в основе лежит идея перевоплощения. Так же точно, как и у хлыстов, есть богородицы. И богородица не одна, а несколько». И в заключение он говорил: «Во всяком случае, это движение — характера сектантского и еретического-хлыстовского».

В самом деле, у иоаннитов появились и своя «богородица», и «апостолы», и «Иоанн богослов», и «Михаилы архангелы». Особенно выдающееся значение в этом движении стала иметь мещанка Порфирия Киселева. Собственно имя ее не Порфирия, а Матрена. Она жила в Ораниенбауме. Вот она объявлена была «богородицей». Указанный выше афонский иеромонах Харлампий, выйдя на палубу парохода, столкнулся у машинного отделения с иоаннитками, которые «пели свои канты: то есть в честь Киселевой: «Дева мудрая Порфира, ты страдала за Христа! Христа, Камень многоценный, ты имела у себя» и т. д.; а то — в честь Михаила Ивановича, и толстяка этого величали в своих кантах Михаилом Архангелом. Мне поясняли, будто эти стихи одобрены и благословлены им

петь Батюшкой о. Иоанном; но я не мог при личном свидании с ним спросить: правда ли это? Потом из разговоров их узнал, что их ежемесячно отпускают в Кронштадт, по очереди, для приобщения Св. Таин из рук самого о. Иоанна; так как от рук другого иерея они отнюдь никогда не хотят приобщаться. Так же и исповедываться к другому иерею они не ходят; а милосердный Батюшка о. Иоанн — сердцеведец и воплощенный бог, как бог прежде являлся в виде пророка Илии. Этого своего учения главари не высказывали; а простушки — иоаннитки мне все высыпали и я припомнил, что в их квартирах, заметил между иконами портреты о. Иоанна. Тогда я понял, что у иоаннитов — сектантскй дух; и сделался осторожнее и недоверчивее к ним».

Эта Порфирия — Матрена Ивановна Киселева — и объявлена была «богородицей». Поэтому, чтобы не сквернилось имя о. Иоанна, Святейший Синод велел назвать эту секту «Киселёвщиной». Но это слово не привилось в употреблении.

Были у них и свои «пророки Енох и Илия, а также апостол Иоанн Богослов есть теперь среди людей во плоти определенных личностей». Ныне «Илия и Енох» — это Пустошкин и Большаков; а старец Назарий это — Иоанн Богослов», — докладывал на съезде в Одессе миссионер о. К.

Подробнее об этих деятелях было напечатано в отрывном календаре, издании миссионера Скворцова, в 1912 году под 27 мая. Там о Порфирии — Матрене Киселевой сказано: «Она слыла у сектантов за «богородицу», и ее величали «дщерь царя небесного». Это была женщина необразованная, но ловкая, умевшая выходить чистой из всех грязных историй; хитростью и лукавством завоевавшая себе расположение даже со стороны покойного о. Иоанна Кронштадтского.

Ближайшими лицами у Иоаннитской «богородицы» были «Архангел Михаил», крестьянин Ярославской губернии — Михаил Петров, несколько раз попадавший под уголовное преследование за мошенническое обирание доверчивого люда именем о. Иоанна Кронштадтского; и «Иоанн Богослов» — крестьянин Новгородской губернии, Назар Дмитриев. В близких отношениях к ним стояла «мироносица Соломония» — крестьянская девица Екатерина Коргачева... Под именем «пророка Илии» иоанниты почитали бывшего банщика, а затем — редактора «Кронштадтского Маяка» Н.И. Большакова; «Енохом» же считали В.Ф.Пустошкина, известного мошенническим собиранием денег на коляску для о. Иоанна Кронштадтского». Так написано у Скворцова.

У этих главарей были книгоноши, распространявшие прекрасные книги о. Иоанна, а вместе с ними — и иоаннитскую литературу: «Как нужно жить, чтобы богатому быть и чисто ходить». В этой брошюре, между прочим, есть такие слова: «К свободе призвал вас Господь и быть богатыми всем». Потом «Ключ разумения» I и II части, «XX век и кончина мира», «Дела недавно минувших дней», «Правда о секте иоаннитов» и проч.

Эти общины с книгоношами распространились широко по всей России. Предполагают, что одних книгоношей было на земле Русской до 500 человек! Общины эти зарождались на своих местах; и там существовали на местные же средства. Но центр их был в Ораниенбауме и Кронштадте.

«Первое известие об иоаннитах, — говорит Тамбовский миссионер, — относится к 1896 году, — то есть когда Батюшка прослужил уже священником 41 год. Но уже к 1902 году они представляли организованную секту: их объединял указанный «Кронштадтский Маяк».

Чтобы закончить характеристику их, упомяну имя архиепископа Антония, сказавшего на Киевском съезде следующее. «Мы имеем прекрасный повод выразить свое негодование Пустошкину и Большакову по поводу того письма, которое я получил вчера (уже на съезде — *М.В.*). Еще в Волыни я получил от Большакова письмо с просьбой рассеять на съезде ложные слухи о нем и содействовать распространению его идей. Я ему ответил, что я согласен выполнить его просьбу и содействовать распространению его журнала, если буду знать наверное, что они не считают женщину Порфирию — «богородицей», а о. Иоанна Кронштадтского — богом. Он ответил мне, что они считают Порфирию не богородицей, а как бы полубогородицей, а также — и о. Иоанна. Из письма я убедился, что иоанниты представляют из себя общину. Я признаю общество иоаннитов весьма вредным, хлыстовским лжеучением и считаю их эксплуататорами, обманывающими простой народ».

Как бы то ни было, первоприсутствующий в Святейшем Синоде митрополит Антоний еще в 1905 году, как мы видели выше, в ласковом и почтительном письме к о. Иоанну все-таки просит его «принять необходимые меры против иоаннитов». А кроме этого, иоанниты очень усердно занимались распространением веры в «близкую кончину мира и Страшный Суд», ссылаясь опять-таки на о. Иоанна: «В нем пребывает Господь на Престоле славы Своей, а посему он и есть Сам Господь, раскрывший книгу ведения о скорой кончине мира». Эти слова взяты из II ч. книжки «Ключ разумения». Там же приведены слова: «Человек сей (то есть о. Иоанн) есть уже Бог, или: в нем, во плоти Сам Бог — Господь Иисус Христос со Отцом и Духом, то есть вся Святая Троица: ему повелено быть «Судиею мира».

А известно, что «на простой народ особенно сильно действует проповедь, — говорил миссионер Т-в, — о скором конце мира, сопровождаемая рассказами о небесной безмятежной жизни в г. Кронштадте».

В книге «XX век и кончина мира», изданной иоаннитами в 1908 году, говорили, что кончина мира будет в восьмой тысяче. Еще 15 лет пройдет; будет 1922 год; и тогда конец мира!

Вот прошел 1922, и 32, и 42 год; идет 47 — после 1907; а конца все нет. Измышления их оказались ложными.

На этом и закончим об иоаннитах в главе о скорбях о. Иоанна.

Как же отвечал он?

Когда распространилось это нелепое учение о нем, что он — Бог, конечно, он глубочайше возмутился этим! И изрек анафему на таких безумных людей! Не раз говорил об этом и в проповедях своих. И, по предложению Святейшего Синода, даже должен был ехать в провинцию, чтобы там лично остановить это безумие... А уже старость пришла... Болезни... И все же он ездил. И конечно, все это имело свое действие. Но сколько пришлось перетерпеть из-за этого о. Иоанну!

И недаром, повторю, прот. О-й в своей речи по кончине его обратился и к ним, иоаннитам, с прискорбным и строгим упреком, что к концу жизни о. Иоанна и они доставили ему большую долю мук!

«Едва ли не больше всего, — говорит он, — причинили ему горя и усугубляли его страдания его друзья — те, что оказывали ему знаки величайшей любви и преданности, гонялись за ним всюду, терпели для него всякие стеснения и неудобства, казалось, готовы были пожертвовать и самою жизнью. Батюшка ценил эту преданность ему, как служителю Бога, в духе слова Писания: «Не нам, не нам, а имени Твоему даждь славу». И вдруг оказывается, что эти люди дерзают почитать его за Бога, сшедшего с небес, за Христа. О лютое нечестие! О горе для смиренного пастыря, почитающего себя грешником! Долго о. Иоанн не мог поверить возможности подобного безумия и нечестия. Но когда уверился в этом, произнес анафему нечестивцам!

И есть ли они здесь в храме, или их нет, я хотел бы сказать, чтоб быть ими услышанным:

— Несчастные! Вы причиняли величайшее горе вашему Батюшке! Вы отравляли последние его дни! Вы не давали ему спокойно умереть! Если вы говорили и учили так из-за корысти, гнусного ради прибытка, вы повинны в христопродавстве; если иные так думали по неведению, то и для них нет оправдания и извинения после обличения со стороны Батюшки. Сам он перед смертью простил вас, как Христос простил со креста Своих врагов «не ведят то, что творят», это — его предсмертный пастырский долг; но вы ищете прощения от Единого Всепрощающего Господа Иисуса Христа. Опомнитесь! Образумьтесь!

Идите на его могилу, кайтесь, просите, чтобы он вымолил вам у Господа прощение вашего страшного греха богохульства!»

Эта громогласная речь (отрывок из проповеди) была произнесена о. протоиереем в 40-й день после смерти Батюшки, в Иоанновском женском монастыре, 28 января 1909 года, в присутствии всех трех митрополитов (Антония, Владимира и Флавиана) и многих других духовных лиц. Следовательно, ее можно считать вполне одобренною ими, голосом Церкви. А сам он был глубоким почитателем покойного при его жизни.

А вот слова мирянина, написавшего краткое житие Батюшки:

«Среди окружающей его паствы, относящейся к нему с истинною любовью и высоким почитанием, появились лица, пользующиеся его светлым именем для совершения своих темных дел.

Это были пресловутые иоанниты. Эти злономеренные люди сначала робко и незаметно группировались вокруг углубленного в созерцательную жизнь о. Иоанна; но с течением времени они проявляли все более и более свою дерзость; и в последние годы начали действовать открыто, возбуждая всеобщее возмущение и негодование.

Отец Иоанн, возлюбивший всех людей и веривший в искреннее раскаяние заблудившихся, относил «иоаннитов» к разряду людей, впавших в заблуждение, долгое время с терпением увещевал их отрешиться от своих злых деяний.

Но они не исправлялись.

И тогда грянул гром с ясного неба!

Незлобивый пастырь изрек страшное слово проклятия на головы дерзких кощунников и корыстолюбцев!

Убежденный носитель истинной всепрощающей любви Христовой не мог найти в себе примирения с этими людьми; не мог простить совершаемого ими сознательно великого зла, — проклял их громогласно и всенародно!

Какую же нравственную муку и тяжкую душевную скорбь вынес кроткий и незлобивый пастырь, прежде чем был вынужден произнести свой суровый приговор!

Этот акт поразил до глубины души всех его почитателей!

Но это печальное явление осталось в стороне от него. Их злые деяния не коснутся доброго имени почившего и не затемнят собою светлую память о нем».

Действительно «печальное явление»: всю жизнь свою о. Иоанн служил Богу; каждое слово Писания и церковных богослужений считал голосом Самого Бога; с трепетом и радостью причащался Св. Таин... И вдруг его самого неразумные люди — объявляют богом! Воистину диавольское издевательство и искушение врага, против которого он боролся всю жизнь... Хитрее нельзя было придумать!..

Но и за это Господь наказал безумцев: движение иоаннитов в ближайшие годы, после смерти о. Иоанна, развалилось. Вот как об этом пишут они сами.

«Н. И. Большаков, редактор «Маяка», трудился на этом поприще до конца своей жизни, последовавшего 2 января 1910 года. Распространением журнала, книг и брошюр путем розничной продажи по всей России через книгонош заведовал М.С. Уткин. При этом Большаков пользовался (при жизни) средствами от подписки на журнал; Пустошкин — от оптовой продажи книг и брошюр; а Уткин — от розничной.

Сплотившиеся около «Кронштадтского Маяка» лица объединились для совместных трудов. Таким образом возникли мастерские: иконописные, столярные, портновские, сапожные, цветочные и проч., как в Петербурге, так и в других городах». Некоторые издания, выпущенные без предварительной цензуры и признанные неудобными(!) для распространения в народе, были, в присутствии члена столичного Епархиального миссионерского совета, прот. П-го, и столичного миссионера Б-ва, уничтожены. Еще раньше скончалась Порфирия Киселева.

«Со смертию Большакова В.Ф.Пустошкин книг и брошюр больше не печатал никаких. М.С. Уткин допродал старые книги и брошюры. Книгонош обоего пола всех рассчитал, наградил деньгами, разослал по родинам; у кого ничего нет на родине, вместе соединил по нескольку семей, наградил деньгами щедро, посоветовал устроиться в разных городах». Взято из их брошюрки «Добрый путь» (1912).

Как видно отсюда, организация у иоаннитов была большая. Но и теперь, после видимой ликвидации, они старались жить, по нескольку семей, награжденные «деньгами щедро».

По-видимому, иоаннитские общины потухли.

Но и доселе, когда пишутся эти строки (1954), кое-где еще существуют такие очаги. Года два тому назад в городе N арестована была правительством группа сектантов-иоаннитов и отправлена в ссылку. Видел я и одного священника с ярко-выраженной психологией сектанта: он воротился из отбытой ссылки; но остался, в сущности, таким же непримиримым противником церковной и светской власти, каким был и до этого. Другой оказался даже не священником: его сослали на 25 лет. Причина такой живучести этой секты заключается в том, что члены ее воображают себя чуть ли не единственными ревнителями Православия; а на самом деле они — люди далеко не смиренные. Привлекает их и идея близкой кончины мира, поэтому «своим» не нужно иметь общение с официальной Церковью, а собираться отдельно. Объединяет их и материальная сторона таких своеобразных коммун... И грех их соблазняет...

И все это — на почве религиозной. Виновато и невежество их.

Но немалое значение имеет тут и привязанность к «личности»; это — человеческая, не благодатная сторона религиозной жизни.

Это мешало в свое время даже ученикам св. Иоанна Предтечи приходить ко Христу Господу; и потребовалось учителю послать особую делегацию из двух учеников спросить Христа: «Ты ли еси грядый, или иного чаем»? (Мф. 11, 3.)

Эта привязанность вредно отражается на подобных лицах.

Фактов — много и доселе.

Но закончу этот отдел утверждением: нужно весьма точно различать таких сектантов от истинных почитателей действительно досточтимого Батюшки: это два лагеря — разные! К последним относимся и мы. Помоги нам Бог!

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Обратимся к последним годам и дням жизни о. Иоанна, а потом и к кончине его.

Сначала мне хочется вспомнить один интересный случай, произошедший 5 декабря 1907 года, то есть за год до его смерти.

Я выпишу, как написано об этом в книге о нем.

«1907 года 5 декабря, с поездом в 10 часов утра по Балтийской железной дороге выехали в Кронштадт с целью посетить болящего высокочтимого и горячо любимого всею православною Русью Кронштадтского пастыря о. Иоанна Ильича Сергиева — высокопреосвященный Владимир, митрополит Московский, преосвященный Серафим Орловский и Гермоген Саратовский, в сопровождении пастырей и мирян из почитателей о. Иоанна, в том числе были о. протоиерей И. И.Восторгов, В.М. Скворцов и др.

Поездку предполагалось совершить как совершенно частное паломничество к угасающему физически великому церковному светильнику и народолюбимцу пастырю.

Благословив народ, архипастыри и сопровождавшие их отправились в дом к о. Иоанну.

К высоким гостям и посетителям скоро вышел и дорогой батюшка, но уже не тою всегда быстрою и бодрою поступью. Отец Иоанн сильно приутомлен болезнью — поседел, лицо вытянулось и исхудало, имеет бледно-желтый восковой цвет, свидетельствующий об изнурительной лихорадке. Чудные голубые глаза уже не блестят прежнею живостью, а имеют взор потухающий, хотя полны той же пленяющей доброты и ласки. Голос гораздо мягче и не имеет тех резких надорванных нот, которые слышны были ранее от переутомления. Сердца любящих о. Иоанна почувствовали, что тяжелые немощи изнуряют великого старца, пастыря православной России, и едва ли долго будут дни его жития. Некоторые из приезжих не могли удержать слез, лобызая, может быть, в последний раз дорогого батюшку.

— Сердечно благодарю вас, высокие гости, Преосвященнейшие архипастыри, что вспомнили меня, малого, и посетили мои немощи, — в особенности лобзаю вашу любовь, Высокопреосвященнейший владыка!

Болящего старца владыка митрополит усадил с собой рядом на диван.

Отец Иоанн попросил благословить чай и поданную закуску. Сам всем гостям налил и подал по рюмке вина и провозгласил здоровье «высоких дорогих гостей».

Высокопреосвященный митрополит пожелал здравия болящему, всем дорогому хозяину, и многих лет жизни на благо Св. Церкви.

Все дружно и от полноты любящего сердца пропели: «многая лета», что, видимо, глубоко тронуло страдальца.

Отец Иоанн просидел с гостями более получаса, оживленно беседовал о своих летах, о немногих здравствующих товарищах архипастырях, рассказывал о своей мучительной болезни, не дающей ему ни днем ни ночью покоя более, чем на 15–20 мин. И только во время богослужения, которое он снова, вопреки требованиям врачей, начал отправлять ранним утром, —природа дает ему ослабу часа на два. Особенно слабеют силы от отсутствия аппетита и полного бездействия желудка, — твердого ничего не может принимать.

Несмотря на требования врачей, как непреклонно ревностный хранитель церковных установлений, о. Иоанн наотрез отказался от скоромного питания, хотя бы и в виде лекарства.

— Благодарю Господа моего за ниспосланные мне страдания для предочищения моей грешной души, — смиренно сказал о. Иоанн, заканчивая скорбную повесть о своей болезни. — Оживляет Св. Причастие.

Почувствовав слабость сил, он удалился в келию.

Высоких паломников-архипастырей, начальствующих лиц и всех присутствующих протоиерей Попов пригласил в свою квартиру на трапезу.

После трапезы высокопреосвященный митрополит снова посетил о. Иоанна, который вышел, закутанный в шубу, с ясно выраженным лихорадочным процессом.

Здесь же была и супруга о. Иоанна, такая же слабая старица, как и он.

Владыка вспомянул о посещениях о. Иоанном Москвы, просил покрыть своей любовью, если когда недосуги мешали оказать ему духовное внимание, и просил молиться и в сей и в будущей жизни.

Старец, видимо взволнованный ласкою святителя, сказал:

— Вы, владыка святый, меня простите, я всегда в сердце своем носил и сохраню до конца дней моих особую любовь и почитание вашей святыни.

Попрощавшись, владыка отбыл в Петербург в 4 ч. дня.

На другой день, в самый праздник, раннюю обедню служил сам о. Иоанн, почувствовавший себя, под влиянием утешителя духовного, гораздо крепче, чем в предыдущие дни, когда он не в силах был совершить литургию и причащался на дому. Все радовались этому приливу сил и бодрости к дорогому батюшке. Позднюю литургию совершили оба преосвященные. Опять собор был переполнен. Царила необычайная тишина. Чувствовалось повышенное молитвенное настроение.

После литургии оба епископа и сопровождающие их лица посетили о. Иоанна. Старец встретил их выражением живейшей благодарности за службу и слов назидания, и вручил от себя преосвященным и о. И. Восторгову святые иконы. Затем с ними он удалился в свою уединенную келию и там беседовал около часу, по его словам, о предметах первейшей важности. Собеседники вышли от о. Иоанна растроганные и в слезах...

В начале декабря 1908 года болезнь дорогого батюшки усилилась и обострилась. 6 декабря он служил литургию, но потом, после совершения им последней литургии 9 декабря, он окончательно слег в постель и уже больше никого не мог принимать. До самой смерти его причащали ежедневно. Вместо всяких лекарств батюшка пил только воду из источника преподобного Серафима Саровского и употреблял миндальное молоко.

Последние дни отец Иоанн почти ничего не слышал. Ему приходилось кричать на ухо. Он все время находился в комнате с открытой форточкой, всегда в шубе и полулежал в кресле. Дорогой батюшка еще задолго провидел свою кончину.

Незадолго до смерти, будучи совершенно больным, покойный несколько раз справлялся, много ли дней осталось до 20 декабря.

В ноябре он заблаговременно разослал все почтальонам, рассыльным и т. п. людям, исполнявшим его поручения, праздничные на Рождество: «А то и вовсе не получат».

20 декабря 1908 года, в 7 час. 40 мин. утра, в Кронштадте скончался на 80-м году от рождения настоятель Андреевского собора, митрофорный протоиерей и член Св. Синода Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский). Отпевание и погребение высокочтимого пастыря, согласно его завещанию, состоялось в С.-Петербургском Иоанновском женском монастыре, который основан и благоустроен о. Иоанном».

«Все, знавшие почившего, привыкли видеть его не по летам бодрым и живым, не знавшим покоя на службе Богу и ближнему, но года три назад

он заболел. Хотя болезнь причиняла много страданий, однако Батюшка не изменял своему правилу — ежедневно совершал богослужение, причащаясь Св. Христовых Таин. Только в последние дни своей жизни он не мог совершать литургии и причащался на дому.

В последний раз он отслужил литургию в Андреевском соборе 9 декабря. В этом соединении со Христом он всегда находил себе отраду и утешение среди тяжких трудов и болезни. В последние годы были периоды, в которые он не принимал никакой пищи.

«Только и живу причастием Св. Таин», — говорил он всем посетителям. Вместо всяких лекарств Батюшка пользовался св. водою из источника Преп. Серафима, Саровского чудотворца.

В последние три дня болезнь приняла особенно тяжелый характер. 17 декабря он пожелал быть на воздухе и поехал покататься в экипаже случайного извозчика, который привычек Батюшки не знал, катал его очень долго, и Батюшка простудился. Болезнь осложнилась. На другой день он почувствовал сильную слабость, и 19 декабря утром уже не мог выйти в переднюю, чтобы встретить священника со Св. Дарами, как делал это ежедневно, и причастился только Св. Крови. Весь этот день пастырь-мученик находился как бы в забытии, с закрытыми глазами, оставаясь почти все время в кресле. По временам были слышны его стоны, которые говорили присутствующим о тяжких страданиях. Однако сознание было ясным у Батюшки до конца. Последнее свое распоряжение он сделал 19 декабря в 8 час. вечера. Настоятельница Иоанновского женского монастыря игуменья Ангелина, проведшая при Батюшке весь этот день, просила у него благословения освятить храм-усыпальницу, который был давно готов, но не освящен. На эту просьбу Батюшка ответил: «Да, да, освятить», и поднял руку в знак благословения. Игуменья, приняв благословение, уехала в монастырь готовиться к освящению. (Освящение храма было совершено 21 декабря благочинным монастыря архимандритом Макарием).

По просьбе престарелой и больной супруги о. Иоанна Елизаветы Константиновны, в квартире Батюшки остались на ночь священник Иоанн Орнатский, а также Р.Г.Шемякина (сродники почившего), которые вместе со слугами Батюшки не отходили от него всю ночь. Но они не могли облегчить страдальца. От всякой врачебной помощи Батюшка решительно отказался, и после 8 часов только два раза согласился принять по нескольку капель св. воды. В 10 часов Батюшка выразил желание встать с кресла. Его подняли и помогли лечь в постель, но через несколько минут он опять пожелал встать и оставался в кресле до часу ночи в том же положении как прежде.

Во втором часу ночи Батюшка дрожащею рукою сделал знак, что он желает встать. Его опять подняли; на этот раз ноги отказались служить ему. Болящего уложили в постель. Вместе с тем, видя тяжелое его положение, просили ранее обыкновенного времени совершить Литургию, которая и началась в 3 часа утра, а около четырех часов священник Иоанн Аржановский, заменявший болящего духовника Батюшки, и собор-

ный священник Николай Петровский прибыли со Св. Дарами. Батюшка в последний раз причастился Св. Крови. После причастия он сам утер уста свои и некоторое время был совершенно спокоен, потом произнес последние слова: «душно мне, душно» и знаками просил освободиться от лишней одежды, будучи в теплом подряснике. Просьба была исполнена. Вскоре Батюшка впал в забытье. Дыхание было спокойное, но становилось тише и тише. Священник Иоанн Орнатский стал читать канон на исход души, а затем отходную, и когда подошел к одру умирающего, он лежал неподвижно с руками, сложенными на груди; едва заметны были последние вздохи, и великий пастырь совершенно спокойно предал Богу дух свой. Глаза, доселе закрытые, чуть-чуть приоткрылись и из них показались чистые как хрусталь слезинки. Это были последние слезы великого молитвенника-страдальца. Стало очевидно, что праведная душа его перешла в тот мир, где нет болезни, печали и воздыхания, но жизнь бесконечная.

Первым прибыл к одру почившего ключарь Андреевского собора, протоиерей А.Попов, сам заболевший в этот день воспалением легких, и другие члены причта Андреевского собора. Все они вместе со священниками Орнатским и Аржановским совершили положенное для священников по уставу Церкви помазание елеем всего тела почившего, причем дивились крайнему истощению страдальца; желудка как будто совсем не было — одни косточки.

После помазания в Бозе почивший одет был во все священные одежды, им самим для этого предназначенные; на главу возложена митра, как победный венец. Лик почившего принял величавый и спокойный вид; и весь он, одетый в полное священническое, белое облачение и в белой митре, напоминал собою светлого ангела. Верим и надеемся, что Господь принял ангельскую душу верного раба Своего в светлые обители Свои, и что православная Русь будет иметь в Нем молитвенника и предстателя у Престола Господня.

После облачения почивший на руках священнослужителей, в предшествии клира, перенесен был с ложа смерти в другую комнату, где и отслужена была тотчас же первая панихида. В то же время торжественно-печально загудел колокол Андреевского собора, извещая жителей Кронштадта о великой, невознаградимой утрате.

В Кронштадт отправился Преосвященный Кирилл, епископ Гдовский, о чем просил его сам Батюшка пред своей кончиной.

Вечером тело почившего было положено в дубовый гроб и отслужена панихида Преосв. Кириллом, при участии местного духовенства.

В тот же день весь Петербург уже знал о кончине Батюшки. Немедленно во всех почти церквах началось служение панихид.

Ранее других церквей получено было печальное известие в Иоанновском монастыре. Тотчас все сестры собрались в церковь и их рыданиями сопровождалось все служение панихиды.

Утром 21 декабря на Балтийском вокзале несметные толпы народа брали билеты, устремляясь в Кронштадт. Никаких разговоров слышно не было; все ехали молча, изредка перекидывались отрывочными замеча-

ниями. Создалось особое, благоговейное настроение. До самых сумерек поезда подвозили все новых паломников. В Ораниембауме спрос на извозчиков был огромный. Кибитки, дровни, сани тянулись по льду вереницей целый день.

В 9 часов утра на квартире почившего совершили последнюю панихиду. После панихиды гроб на руках духовенства был вынесен из квартиры. Под печальный перезвон колоколов собора процессия, в предшествии икон и хоругвей, направилась по Андреевской улице к Андреевскому собору. Окна, заборы и даже крыши домов были усеяны народом, жаждавшим взглянуть на перенесение тела высокочтимого пастыря.

Собор был переполнен, но тысячи народа толпились еще на площади и Николаевском проспекте. Началась литургия, которую совершал Преосв. Кирилл, при участии многочисленного духовенства. После литургии служили панихиду. Трогательное впечатление производила эта панихида. Рыдания народа, порою заглушавшие возгласы священнослужителей, производили потрясающее впечатление. После панихиды началось прощание с почившим пастырем. В собор впускали по очереди. В самом соборе панихида идет за панихидой.

Гроб стоит на высоком помосте. Ярко горят свечи вокруг него. Лицо почившего закрыто воздухом, как это делается у всех умерших священников; видно только исхудавшие руки, к которым сегодня приложились многие тысячи народа. В правой руке небольшой, позлащенный крест.

В 6 час. утра 22 декабря Андреевский собор закрыли, и впуск желавших проститься с Батюшкой был прекращен. Сегодня предстоял длинный путь —перевезение тела почившего пастыря в С.-Петербургский Иоанновский женский монастырь.

В 7 часов началась литургия. Ровно в 11 час. 30 мин. утра начался вынос тела из собора. Дубовый гроб был обнесен крестным ходом вокруг собора и под перезвон колоколов установлен на колесницу. Лютеранская церковь на берегу моря почтила память дорогого покойника продолжительным погребальным звоном. Далее предстоял путь через море. По приказу Главного Начальника Кронштадта всем желавшим проводить усопшего по морю предписано следовать рядами друг от друга не менее, как на два шага, ввиду непрочности льда.

Епископ Кирилл с некоторыми священнослужителями проехал вперед в Ораниенбаум, чтобы там встретить процессию на вокзале.

Местное духовенство, во главе с Преосвященным Кириллом, отправилось крестным ходом на встречу процессии на берег моря. По всему Ораниенбауму раздавался перезвон колоколов. Гроб внесли на платформу и поставили в траурный вагон специального поезда.

Началась краткая лития. Платформа огласилась рыданиями ораниенбаумцев. В 4 часа поезд тронулся. Многие на коленях крестились вслед уходящему поезду. На всех станциях была масса народа, встречавшего последнее путешествие дорогого Батюшки по Балтийской дороге, по которой он за всю свою жизнь совершил множество поездок.

Около 5 часов дня траурный поезд прибыл в Петербург.

Полна скорбного умиления и величественной печали была процессия перевезения тела о. Иоанна с Балтийского вокзала в Иоанновский женский монастырь, на место упокоения.

Когда поезд остановился под сводами Балтийского вокзала, из салон-вагона вышли Преосв. Кирилл и сопровождавшие тело священники и присоединились к встречающим. Сонмом епископов и священников пред открытым траурным вагоном совершена лития.

На руках духовенства дубовый гроб был вынесен из вагона и поставлен на печальную с серебряным балдахином, увенчанным митрою, колесницу.

Лишь только печальное шествие двинулось с вокзала, как пронесся в воздухе печальный удар колокола; народ на площади начал креститься, раздались рыдания, которые перешли в общий плач, когда печальное шествие выступило на площадь.

Процессию открыл отряд конной полиции, что было необходимо ввиду громадного стечения народа. Шедший за гробом народ образовал несколько хоров, которые пели «Святый Боже», «вечную память» и другие духовные песнопения.

Так народ провожал пастыря, который был сам народной добротой, народной совестью, народной верой. Не бывало еще, кажется, похорон с такой огромной, плачущей толпой из людей всевозможных званий, начиная от простолюдина до высших сановников.

Шедшие впереди гроба четыре архиерея весь путь совершили без отдыха.

В $8\,^{1}/_{2}$ часов вечера прибыла к монастырю печальная процессия при печальном перезвоне монастырских колоколов.

В 12 часов ночи окончилось богослужение и тотчас начался впуск по очереди всех желающих проститься с дорогим Батюшкою.

Первыми подходили сестры, обливаясь горючими слезами.

Можно ли изобразить их душевное состояние при этом последнем целовании? Они прощались с тем, кто был им ближе отца родного. Он принял их в обитель. Большинство жили в бедности и в суровой обстановке. Батюшка их пригрел, во всем помогал, учил их, руководил, питал телесно и духовно...

После сестер подходили миряне. Много пришло их, целуя истощенную десницу досточтимого пастыря, но еще более осталось таких, которым не удалось исполнить страстного желания — проститься с Батюшкой. В 6 часов доступ ко гробу был прекращен. Около гроба всю ночь продолжалось чтение Св. Евангелия и непрерывно служились панихиды. Многие, приложившись к руке Батюшки, зажигали свечу, которую потом уносили себе на память.

В 9 часов прибыл Высокопреосвященнейший Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладожский, и началась Божественная Литургия. Через несколько минут после начала богослужения в храм неожиданно, словно знаменуя победу света над тьмою, проглянуло солнце и ярко осветило своими лучами гроб и стоящих около почившего. В конце литургии, по благословению владыки митрополита, известный проповедник протоиерей Философ Орнатский вдохновенно произнес следующую речь:

«Дорогие братья!

Умер дорогой наш батюшка отец Иоанн.

А мы-то думали, что еще долго-долго будет он жить.

Ведь кого любишь, тому желаешь долгой жизни. Тем более, что мы не привыкли видеть его старым, больным. Он и в 75 лет был всегда бодр и юн духом.

Вот он, бывало, быстро всходит по лестнице и еще в дверях дома громко приветствует всех своим свежим, резким голосом: «Здравствуйте, друзья мои; здравствуй, мамочка; здравствуйте, детушки; няня, здравствуй».

И входя во внутренние комнаты, одного погладит, другого потрепет, иного поцелует и всех благословляет. А потом подходит к заранее приготовленному столику для молитвы и освящения воды, и когда молится, не только просит Господа, а иногда требует об исполнении просьбы, ради великой Голгофской жертвы Сына Божия, и молится часто своими словами.

Когда же кончит молитву, то начинают подходить к нему присутствующие, чтобы поведать ему, и непременно на ушко, о чем-то важном, чего вслух и сказать нельзя. И на кого он взглянет строго, другому улыбнется, иного побьет по больному месту, кому и денег даст, не считая их. И все отходят от него ободренные, успокоенные, обласканные.

И дни, месяцы счастливая семья вспоминает потом о посещении отца Иоанна, — о том, что и кому он сказал, как посмотрел, что сделал.

И вот умер о. Иоанн. И везде, где ни скажут эти три слова — «умер отец Иоанн», везде поймут, кто умер. Умер вот он, бездыханно предлежащий пред нами пастырь, о. Иоанн Кронштатдтский. Ибо везде знали его и всюду чтилось имя его, и в городах, и в селах, и в столицах, и в самых глухих углах нашей Родины. Даже заграницей знали нашего великого пастыря и почитали его.

Потом о. Иоанн получал много писем на всех языках из разных государств Европы и даже Америки. Вот писал ему один мальчик из Швеции. «Я слышал, что ты лечишь людей — молитвою; моя мама сошла с ума и лежит в больнице; мне скучно без мамы. Помолись, чтобы моя мама выздоровела». Молодые из Америки писали, что они очень счастливы и просят о. Иоанна помолиться, чтобы и впредь им жить также счастливо. Из Германии просили прислать освященной о. Иоанном воды или масла, просили и денег. Прислали свои волосы, прося благословить их, и выражали веру, что его благословение распространится и на все их существо...

Что же это за явление — о. Иоанн в конце девятнадцатого и начале двадцатого века, во времена безбожия и неверия? Как объяснить его происхождение и дивный подвиг всей его жизни?

Для верующих ответ на эти вопросы так же прост, как объяснение Пресвятою Девой Марией Ея величия. «Призрел Господь на смирение рабы Своея» и «сотворил Мне величие Сильный». Так же точно и величие о. Иоанна есть дело Божией благодати, пребывавшей на нем со дня его рождения.

Вспомните некоторые случаи из его жизни. Вот он родился болезненным, хилым. Его наскоро окрестили, опасаясь, что он умрет, а он дожил до 80 лет.

Вот он в духовном училище захворал смертельно. Врач советовал ему в пост есть скоромное. Но мать не согласилась, и он не нарушил закона церковного о посте. Ныне этому случаю не придадут значения; но вспомните, не так ли строго блюли закон о посте и пророк Даниил, сохраненный Богом от челюстей львиных, и его три друга, спасенные в разженной печи вавилонской.

Вот он в академии, юноша богобоязненный, скромный, чистый, самоуглубленный. Первая книга, которую он приобретает на заработанные им первые деньги, были Беседы св. Златоуста на Евангелие от Матфея. И он, уединившись в аудитории, читает их с восторгом, как бы живого представляет себе великого христианского проповедника и рукоплещет ему.

Вот он окончил курс и решается принять священный сан. И ему, никогда ранее не видавшему Кронштадтского Андреевского собора, представляется он в видении, в ясных очертаниях. В этот собор поставляется он пастырем, с ним не разлучается в течение 53-х лет, здесь совершает он свой трудный пастырский подвиг.

Какими началами руководится в своем пастырском служении о. Иоанн? Прежде всего, живою пламенною верою в Бога. Его вера не есть лишь дело ума, нет! Она переполняет его сердце, объемлет все его существо, он живет ею каждый миг, во всяком положении. Он зрит пред собою, в себе и в людях Бога Благого, Милосердного, Спасающего.

Живая вера в Бога толкала о. Иоанна в мир, в среду тех несчастных людей, которых Господь благоволил именовать Своими меньшими братьями. По принятии священного сана, о. Иоанн входит в среду так называемых «посадских», босяков, бывших людей, пьянством и пороками лишивших себя образа Божия.

Из пастырского сожаления к ним, он учит их и благотворит им: кому даст сапоги, кому пальто, кому — денег, каждому по нужде его. Он не руководится расчетами холодной филантропии и не разбирает, что привело человека к пропасти, он помогает всякому нуждающемуся в куске хлеба, но он же полагает начало и разумнейшему способу христианской благотворительности: устраивает в Кронштадте Дом трудолюбия, послуживший прототипом теперь нередких повсюду в России домов трудолюдия и работных домов.

Его подвиг не ограничивался молитвою и служением слова. Возвращаясь к себе домой, часто после целодневного, тяжелого труда среди множества людей, он садился за перо и изливал свои задушевнейшие мысли и чувствования о Боге и правде, о Церкви Святой и таинствах, о грехе и благодати, об искуплении рода человеческого. Это — дневники о. Иоанна, дневники не в смысле ежедневных записей внешних событий его жизни, но показатели его внутреннего роста, его борения с внешним человеком, его устремлений к Богу. Это — «Богопознание и самопознание о. Иоанна, приобретаемые из опыта», так он выразился сам о своих дневниках. Из

них составилось впоследствии знаменитое сочинение о. Иоанна: «Моя жизнь во Христе». Оно должно быть настольною книгою каждого христианина, не только почитателя приснопамятного батюшки. Из черновых ежедневных записей о. Иоанна можно видеть еще одну черту его подвига: это — постоянное бодрствование над собою, держание себя на виду, енохово «хождение перед Богом». Заметив за собой малейшее падение, он тотчас же бичует себя, оплакивает свой грех и кается пред очами Всевидящего Господа.

Непрерывное горение о. Иоанна верою, как горение свечи пред иконой, постоянный самосуд над собою, жизнь во Христе, принесение всего себя в жертву меньшей братии, все это и создало о. Иоанна. Его дела — плоды духа. Представьте их себе не как слова, не как даже качества, но в живом воплощении, и вы поймете Кронштадтского пастыря.

Это — *ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, МИР, ДОЛГОТЕРПЕНИЕ, ВЕРА, КРОТОСТЬ, ВОЗДЕРЖАНИЕ.*

Был ли о. Иоанн чудотворец? «Кто Бог велий, яко Бог наш, Ты еси Бог, творяй чудеса един». Чудо может творить только Бог. Но о. Иоанн был тоже, что чудотворная икона: ее прославил Господь, пред нею люди верующие горячо молятся и от нее получают исцеления. Так и о. Иоанн: сам — пламенеющий верою, он со всех сторон получает мольбы о предстательстве пред Богом. На нем встречались благоволение Божие и людское горе, воздыхающее о Божьей помощи, и милосердие Божие обильно изливалось чрез него на людей. Сам о. Иоанн был чудо, как кто-то хорошо сказал о нем.

На самом деле, не чудо ли собирать к себе в наше маловерное время тысячи людей со всех концов России, заставлять их каяться, плакать о своих грехах, молить Бога о помиловании?

Не чудо ли одним своим появлением вызывать радость, восхищение и надежды тысяч людей, где бы он ни появлялся?

Не чудо ли основать четыре обители, не говоря о многих других, получавших помощь от о. Иоанна, молитвенную и материальную, тогда как основание и одной обители считается лучшим камнем в венце преподобных отцов, основателей монастырей?

Не чудо ли получать по 500–600 тысяч в год от людей, считавших за счастье жертвовать руками о. Иоанна, на храмоздательство, на расширение религиозно-просветительной и благотворительной деятельности, в пользу бедных?

Вот какого пастыря, дорогие братья и сестры, мы потеряли в лице о. Иоанна, потеряли и горько оплакиваем свою потерю!

Но не будем плакать! Он не умер, но жив. Жив Бог, жива душа почившего. Он переселился к Источнику благодати и, стоя у Престола Господня, будет действеннее ходатайствовать за нас пред Богом!

Ныне день печали только по внешнему человеку, по духу же великий праздник, праздник веры и Святой Церкви Православной. И я скажу, хотел бы сказать чрез ваши головы на всю Русь:

Вы, хулители святой Церкви, говорящие, что Церковь отжила свой век и должна быть заменена иными руководящими началами жизни!

Вы, имеющие очи, чтобы не видеть, и уши, чтобы не слышать, вы, одебелевшие сердцем!

Вы были ли вчера в Кронштадте, чтобы видеть проводы того, кто в морской крепости России был ее крепостью духовною? Вы видели ли вчера встречу бездыханного пастыря, какую уготовала ему столица? Нет, вы смежили очи свои. Так приидите же к гробу сему и по нашим увлажненным слезами очам, по нашим разрывающимся сердцам узнайте, что дала нам Мать-Церковь, какое дитя породила и воспитала она!

Братья-сопастыри мои! Это — наш праздник, праздник пастырства. Отец Иоанн был наиболее полным и совершенным воплощением идеала доброго пастыря, душу свою полагавшего за овцы, под которым Господь Иисус Христос разумел Себя Самого. И если хотим быть солию земли и светом мира, если хотим вести людей к совершенству, быть духовными вождями народа, мы должны идти путем о. Иоанна, изучать его творения, подражать ему и в вере, и в благочестии, и в труде, и в терпении, и во всем.

Дорогие сестры святой обители сей! Вы плачете, потому что лишились своего отца и благодетеля, — считаете себя осиротевшими! Не плачьте! Теперь он ближе к вам и никогда уже не уйдет от вас. В нем вы приобрели себе игумена. С вами будут его честные останки; вместе с останками его здесь будет витать и его бессмертный дух. Ходите на его могилку молиться, плакать, каяться в своих грехах, просить его совета и наставления! Водите к нему и паломников, которые непрерывной чредой пойдут к нему! Сюда не зарастет народная тропа.

Дорогие братья! Мы должны почитать себя счастливыми, что присутствуем при его погребении. Будем же помнить его наставления, подражать его вере глубокой и жизни святой!

А ныне соединимся все в одной молитве, чтобы Господь Бог очистил отца Иоанна от всякой пылинки греха, убелил его белее снега и принял его в сонм небожителей, ближайших к Престолу Своему, да ходатайствует отец Иоанн у Престола Царя Небесного за Русь Святую, за Церковь Православную, за всех нас, да славится и чрез отца Иоанна и чрез нас пречестное и великолепное имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь».

Слово пастыря несколько раз прерывалось громким плачем присутствовавших в храме. Сквозь слезы говорил и сам проповедник.

В три четверти двенадцатого окончилась литургия и началось отпевание, весьма умилительное, положенное только для священнослужителей.

На отпевание кроме упомянутых иерархов вышло до 60 священников и до 20 диаконов; почти столько же присутствовали как простые богомольцы за недостатком места и облачений.

Едва раздались умилительно-скорбные слова заупокойных песнопений, как в руках молящихся по всей церкви начали возжигаться, словно звездочки, восковые свечи.

После трогательного последнего прощания с почившим Высокопреосвященнейшего митрополита и духовенства, открытый гроб с телом почившего руками священников был вынесен из верхней церкви в нижнюю цер-

ковь-усыпальницу. Храм-усыпальница освящен 21 декабря во имя св. пророка Илии и св. царицы Феодоры — имена отца и матери Батюшки.

Тысячи богомольцев идут к гробику Батюшки, как бы к живому своему утешителю, целителю и наставнику.

Изумительная деятельность о. Иоанна Кронштадтского давно уже привлекла к нему общие симпатии и распространила известность о нем, — о его доброте и силе его молитвы, во всех слоях населения от царских палат до убогих углов бедноты. Сам глубоко верующий Батюшка имел великий дар от Бога — укреплять в людях веру, окрылять надежду. Молитва его ставила на ноги и исцеляла часто таких больных, которым врачи не могли оказать уже никакой помощи. Многочисленные случаи исцелений по молитвам о. Иоанна сделались общеизвестными и засвидетельствованы в печати. Имя почившего, как чудесного духовного врача, собирало в Кронштадт отовсюду неисчислимое множество богомольцев. Вера, что о. Иоанн может вымолить у Бога прощение грехов, являлась для них путеводной звездою в Кронштадт. Эта же вера теперь направляет почитателей Батюшки к дорогой могилке его».

Последние записи отца Иоанна

«Вот что мы читаем в последних дневниковых записях, которые пред смертию своею он торопил печатанием, — говорил на 40-й день в церкви Иоанновского монастыря известный проповедник столицы, о. прот. Философ Орнатский. — Господи, нет на языке человеческом слов достойно возблагодарить Тебя за все бесчисленные благодеяния, явленные Твоею благостью мне, грешному, в продолжение всей моей жизни, протекавшей пред лицом Твоим, Отче Щедрый. Даже доселе, вот уже 79-е лето, хранишь и спасаешь меня на всякий день, и ныне особенно в виду врагов моих, ищущих поглотить меня за то, что я — **раб Твой**, хотя и недостойный. Но даруй мне, Господи, благодать совершенно благодарить Тебя. Даруй мне прославлять Тебя громко, громко в этом безбожном мире» («Церковные Ведомости» № 5). (Это написано было, правда, не в самые последние дни. — *М.В.*)

Вскоре после кончины о. Иоанна издана была (уже в 1909) новая книжка «Живой колос с духовной нивы». Выписки из дневника за 1907–1908г.», вышедшая к Св. Пасхе... В последней — пятой — главе о. Иоанн говорит о своем душевном настроении: о борьбе с врагом нашего спасения, о стремлении к Богу; хочет поскорее «увидеть Его, Желанного, Всеблагого, Прекрасного, Всеблаженного, Бессмертного Отца и Владыку, поклониться Ему лично», прославить и возблагодарить Бога за 79 лет жизни и за 53 года священства, за скорби и утешения, за Божие долготерпение, и совершенное прощение в покаянии; особенно за святейшее таинство Тела и Крови Христовых; одним словом, — «возблагодарить Бога за все, за все».

«Изящно изданная книга «Живой колос», согласно воле автора, украшена последним по времени его портретом, на котором о. Иоанн изображен сидящим в шубе, с лицом, изможденным долгою и мучительною болезнию. На портрете имеется следующая собственноручная надпись о. Иоанна, датированная 29 ноября 1908 года (за 20 дней до кончины): «Пою Богу моему, дондеже есмь» (Пс. 145, 2). Протоиерей Иоанн Сергиев». К книге приложен еще следующий собственноручный эпиграф о. Иоанна, данный специально для этого издания: «Мы сами неспособны помыслить что от себя, «но способность наша от Бога» (2 Кор. 3, 5). «Язык мой трость... скорописца» (Пс. 44, 2). Протоиерей Иоанн Сергиев». («Церковные Ведомости» № 16.)

Матушка отца Иоанна

Есть маленькая книжечка о жизни матушки о. Иоанна Елизаветы Константиновны, написанная ее племянницею Руфою.

Впереди всего помещены портреты о. Иоанна и ее самой. На своем портрете Батюшка написал следующие слова. «Дорогой, возлюбленной супруге Елизавете Константиновне Сергиевой в знак глубокой благодарности за мирное сожитие в продолжении 50 лет. Протоиерей Иоанн Сергиев. 20 ноября 1905 года».

Далее следует краткое описание их совместной жизни. Это есть единственная книжка, где написано об его матушке.

«22 мая текущего года (1909 — *М. В.*), в 9 часов 30 мин. утра, тихо отошла к Богу, после долгих страданий, вдова отца Иоанна Кронштадтского, Елизавета Константиновна Сергиева. Причиной смерти, по определению пользовавшего ее врача, послужила старческая дряхлость с нарастающим упадком сердечной деятельности. Господь сподобил ее долго и усердно готовиться к переходу в вечную жизнь.

Последние годы Елизавета Константиновна, следуя заветам и наставлениям своего супруга-молитвенника, приобщалась вообще очень часто, или в соборе, или на дому, когда слабость в ногах не позволяла ей выходить из дому, а последний год — ежедневно; приобщалась она и 21 мая, но это, как оказалось потом, было в последний раз: в этот день в шесть часов вечера она перестала глядеть на свет Божий, а с десяти часов не стала говорить, ничем не выказывая сознание.

Последнее слово ее было: «хочу», сказанное ею в ответ на предложение выпить святой водицы, но проглотить она ее уже не могла; вскоре после этого матушка впала в бессознательное состояние, а на другое утро мирно скончалась во время чтения канона на исход души. На Фоминой неделе, по своему личному желанию, она особоровалась и после того несколько раз говорила: «Как я рада, что особоровалась и приготовилась». Погребение

тела Елизаветы Константиновны состоялось в воскресенье, 24 мая, в г. Кронштадте, в левой стороне соборного садика.

Почившая родилась 4 мая 1829 года, в г. Гдове, где отец ее, протоиерей Константин Петрович Несвицкий, служил в городском соборе и был благочинным церквей Гдовского уезда. Переведенный в Кронштадт ключарем Андреевского собора, он, по слабости здоровья, не мог долго занимать это место и в 1855 году передал его священнику Иоанну Ильичу Сергиеву, женившемуся на дочери его, Елизавете Константиновне. Когда она выходила замуж, на ее руках находились: престарелый отец, трое взрослых братьев и двое сестер; все жили вместе и на долю Елизаветы Константиновны, исполнявшей обязанности хозяйки и матери (протоиерей Несвицкий овдовел в августе 1855 года) выпадало немало забот и хлопот. Затем, несколько лет спустя, братья ее получили более обеспеченные места, давшие им возможность поселиться отдельно, а сестер своих матушка выдала замуж за учителей Петербургской духовной семинарии, впоследствии священников, причем все попечения об их устройстве и обзаведении приняли на себя о. Иоанн и Елизавета Константиновна. Не имея достаточно личных средств, о. Иоанн в обоих случаях сам обходил состоятельных прихожан, прося их помочь сделать приличные приданные свояченицам. Многие давали охотно, но многие, вероятно, встречали молодого батюшку с тем чувством недоброжелательства, которое часто у нас сопровождает доброделание. После замужества, сестры ездили гостить в Кронштадт, и в одну из этих поездок, в 1870 году, у младшей сестры матушки, в квартире о. Иоанна, родилась дочь; это была я. Через некоторое время меня увезли домой, но Господу Богу угодно было, чтобы мой истинный дом был в тихой, мирной квартирке незабвенного Пастыря, под его благословенным кровом. В 1872 году умер мой отец, оставив мать без всяких средств. Тогда дядя, видя беспомощное положение нашей семьи, сказал тете: «Детей у нас нет, возьмем и воспитаем, как дочь». Сказано — сделано, и вот я очутилась, по воле Божией, на попечении незабвенных, бесконечно дорогих для меня дяди и тети, которые неустанно пеклись обо мне, заботились обо мне, берегли меня, как только нежно любящие родители могут заботиться и лелеять свое любимое дитятко. Как о. Иоанн никогда не жил личною жизнью, отдавая себя на служение человечеству, так и Елизавета Константиновна никогда не жила для себя, только круг ее деятельности складывался уже, ограничивался служением родным и близким; их радостями она радовалась, их скорбями скорбела. Я помню ее, когда ей было лет сорок пять. Очень подвижная, с добрым, благообразным лицом, вечная хлопотунья, она любила всех обласкать, пригреть и накормить; как сейчас смотрю на нее, подвязанную белым передником, в кухне, делающую сладкий пирог; любила она сама постряпать, сама купить провизию, сама за всем присмотреть, чтобы все было чисто и вкусно. Сколько раз, помню, дядя, отведывая любимый яблочный пирог, приговаривал: «Мастерица ты у меня стряпать пироги». Приветливая, всегда ровная, ласковая, Елизавета Константиновна любила, когда кто из знакомых навещал ее: тогда она

прямо закармливала гостя или гостью, а дядя, видя ее гостеприимство и искренность, не один раз говорил, указывая на хлопотливую хозяйку: «Настоящая она матушка».

Среди хозяйственных работ, тетя не забывала и меня; все свободное время проводила со мной, спала в одной комнате с нами, учила меня читать и писать по-русски и по-французски, а когда я поступила в гимназию, сама приготовляла мне завтраки, ежедневно провожала меня в гимназию и встречала, спрашивала уроки. Помню, перед тем, как тетя стала учить меня, дядей был отслужен молебен в Андреевском соборе святым Косьме и Дамиану и пророку Науму; сам дядя водил меня на вступительный экзамен в гимназию, платил все время за меня из своего кандидатского оклада, и с неослабевающим интересом следил за моими успехами, просматривая ежедневно тетрадь с отметками и подписывая ее. Что же удивительного, если я, при таких благодатных условиях, блестяще окончила курс учения; это было большою радостью для незабвенных моих воспитателей, и дядя многим знакомым спешил сообщить приятную для него новость: «Племянница и воспитанница наша, Руфа, окончила гимназию с золотой медалью».

К своему великому супругу-молитвеннику тетя, как только я себя помню, всегда относилась с благоговейной любовью и почтительностью. Когда он, усталый, приезжал домой с треб или из храма Божьего, она торопилась снять с него сапоги, помочь раздеться и заботливо укрывала его, укладывая отдохнуть в постель. Тогда мертвая тишина водворялась в квартире: так ревниво оберегала тетя кратковременный отдых труженика-пастыря.

Последний раз батюшка пришел в комнату матушки 17 декабря утром, приобщил ее, а с 18-го он не покидал кабинета. В особенности после кончины дяди здоровье тети ухудшилось: стала быстро развиваться общая слабость, ноги и руки стали совсем плохо работать, сердце стало постепенно сдавать. Сильно тосковала она по незабвенному почившему, не могла без слез слышать его имени; никак не могла осиротевшая тетя примириться с мыслью, что дяди не стало; она говорила окружающим: «Мне все кажется, будто Иван Ильич не умер, а куда-то уехал, как уезжал, бывало, в Москву, и опять приедет». Незадолго до смерти матушка увидела у одной знакомой брошь-портрет батюшки и неутешно заплакала, восклицая: «Иван Ильич, Иван Ильич». А когда стали утешать ее тем, что ему теперь блаженно-хорошо, она сказала: «Ему-то хорошо, а мне так тяжело без него, ведь 53 года все были вместе». Предчувствуя близкую свою кончину, матушка часто, сидя в кресле, устремляла взоры на образ и говорила: «Надо мне приготовиться, надо просить у Бога простить все мои грехи». Часто вспоминала она и утешалась словами незабвенного батюшки, нашего общего предстателя пред Господом Богом, сказанными им 17 декабря, когда ему передали, что больная матушка очень горюет, не имея возможности, по болезни, прийти в кабинет и ухаживать за ним: «Скажи жене, что она всегда со мной, и я всегда с нею». Эти слова все время ободряли страдалицу, утешали ее в долгих страданиях надеждою, что и после кончины своей батюшка не оставил ее, возьмет скоро к себе, встретит ее в обители небесной и предстательством своим доведет до

Престола Всевышнего. Обыкновенно тетя на ночь одевала подрясник дяди или спала, покрывшись им. Каждый раз, когда я ехала в Иоанновский монастырь, она всегда говорила мне: «Поклонись от меня дяде» и горько, неутешно плакала. Начинала ли у ней болеть сильно рука или нога, она сейчас же просила помазать больное место маслицем с гробницы незабвенного Батюшки.

Глубоко верующая и религиозная, матушка только и надеялась на милосердие Божие и всем сердцем стремилась к спасению душевному. «Иван Ильич, благослови меня, помолись за меня», — несколько раз в день просила тетя своего великого супруга-пастыря, которого, к ее горю, пришлось ей пережить. По кончине его, искренно, со слезами молясь сама, тетя, по своему величайшему христианскому смирению, страшилась, что молитвы ее не скоро будут услышаны Господом, и всегда других просила молиться за нее. Когда я на ночь ежедневно уходила домой, то она, после вечерних пожеланий, постоянно говорила мне: «Помолись за меня». Шла ли я ко всенощной или к обедне, я всегда слышала из уст ее ту же просьбу, идущую из глубины сердца: «Помолись за меня», и я молилась за нее, как только умела...

Однажды днем, перед моим приходом, тете сделалось нехорошо, и тут она ничем не стала себя успокаивать, как только надеждой на милость Божию: «Сегодня суббота, — говорила она, — Руфа пойдет ко всенощной и помолится за меня».

Так велика была вера ее в силу молитвы вообще, что она даже по моему грешному молению надеялась получить облегчение!

Оканчивая этот краткий очерк, посвященный светлой памяти незабвенной почившей, нельзя не остановиться с удивлением на двух ее отличительных чертах: крайнем смирении и кротости; в этих двух высочайших добродетелях христианских выказалось все величие ее души. Ни на кого тетя не сердилась, ни на кого не имела злобы. Если кто и огорчал ее, делал ей неприятное, она безропотно сносила и от души прощала всем. На вопрос, обращенный к ней: «Имеете ли против кого вражду?» Матушка неизменно отвечала всегда одно и тоже: «Нет, ни на кого». Прощая сама обиды, она и других учила поступать так; бывало, скажет: «Не сердитесь, Бог Сам укажет, кто прав, кто виноват, а вы простите».

Никогда не позволяла себе тетя входить в дела великого пастыря и молитвенника, никогда она не старалась выдвинуться и стать на ряду с ним; оставаясь постоянно в тени, она сияла отблеском его славы, она светилась отражением высоких христианских его добродетелей; как нежная сестра и любящая мать, она неустанно берегла общее сокровище, и больная, слабая, почти без ног, всех предупреждала, всех умоляла: «Не шумите, батюшка отдыхает», «Не принимайте пока никого, батюшка нездоров». Батюшка сам знал ее душу, высоко ценил в ней чистоту, кротость и смирение и так отзывался о ней: «Жена у меня — ангел». Все ли знали, что за спиной великого праведника, отца Иоанна, стоит охранительница его, — готовая душу свою положить за него? Если не знали этого тогда, пусть знают

теперь и путь искренно помолятся все за старицу чистую, старицу кроткую, рабу Божию Елизавету!

Беспредельная благодарность к тебе, чудная, самоотверженная мать-воспитательница, и вечная память о тебе, славная жена-девственница светильника Земли Русской, — да живут в нас, в наших детях и внуках!»

Погребение состоялось 24 мая.

Родственники Е.К. и причт Андреевского собора постарались обставить похороны возможно торжественнее.

Заупокойную литургию совершал прибывший в этот день из Петербурга Преосвященный Кирилл, епископ Гдовский, в сослужении 11 священников.

По окончании отпевания гроб на руках был вынесен из храма и перенесен в ограду собора, где в северо-восточном углу церковного садика была приготовлена могила.

Здесь тело почившей было предано земле. Будущий историк великого пастыря, склоняясь пред незатейливой могилкой этой скромной спутницы лучезарного духовного светила, сумеет уяснить ту великую роль, какую она играла в повседневной 53-летней совместной жизни с о. Иоанном.

Скромная, невидная для других при жизни женщина была тем нравственным испульсом, который дал возможность Кронштадтскому священнику стать светозарным мировым светилом.

Да преклонятся пред прахом Елизаветы Константиновны наши дочери и внучки, ибо свят смиренный, многотрудный подвиг ее».

СЛОВО

произнесенное настоятелем Кронштадтского Андреевского собора протоиереем о. Александром Петровичем Поповым пред началом отпевания Елизаветы Константиновны Сергиевой.

«Блажени кротцыи: яко тии наследят землю» (Мф. 5, 5). Поистине полна евангельской кротости, изображенной в этой заповеди блаженства, была почившая матушка Елизавета Константиновна, супруга досточтимого о. Иоанна, великого светильника и молитвенника Земли Русской. Почившая являлась олицетворением не одной этой заповеди Спасителя, но еще и другой: «Блажени нищии духом: яко тех есть Царствие Небесное» (Мф. 5, 3). Она всегда держалась в тени и в высшей степени показывалась скромной. Когда обращались иногда к почившей с просьбою, чтобы добиться свидания с о. Иоанном, она смиренно отклоняла это от себя.

Свежая могила усопшей да послужит нам вечным напоминанием о матушке Елизавете Константиновне, скромной, кроткой, незлобивой, сумевшей сохранить эти высшие достоинства женщины даже при тех исключительных условиях, в которые была постановлена ее жизнь.

Да будет почившая матушка, супруга о. Иоанна, вечным и добрым примером нашим женам и дочерям!

ДНЕВНИК

Конечно, о. Иоанн прославился своей жизнью и чудесами. Но в значительной степени этому содействовал и его дневник, известный под именем «Моя жизнь во Христе». И поэтому ему нужно отвести бы очень солидное место в жизнеописании Батюшки. Довольно хотя бы сказать, что о. Иоанн почти ежедневно вел свои записи: следовательно, он сам придавал им большое значение. Они потом находили себе выражение в проповедях, и в других его занятиях, например, в долголетнем преподавании в гимназии, и вообще во всей его жизни, как внутренней, так и в практической. Здесь мы найдем объяснение тем мыслям, которые казались бы без Дневника — мало понятными.

Конечно, мы не можем много и долго останавливаться на нем: пришлось бы делать большие выписки, систематизировать их, делать пояснения к ним и проч. Этому может быть посвящена особая отдельная работа. Мы можем здесь остановиться лишь на наиболее существенных моментах, в связи с личностью и воззрением о. Иоанна и прежде всего нужно задуматься над самим оглавлением, которое он дал своему дневнику.

«Моя жизнь во Христе» — почему он дал это заглавие? Можно бы озаглавить иначе: «Жизнь во Св. Духе» или «Благодатная жизнь», или «Записки священника» и т. п.

И в предисловии к нему о. Иоанн пишет о «благодатных озарениях» от «Духа Божия». Но все же Дневник свой он посвящает «Христу», и от этого заглавия не отступает до самой смерти; очевидно, в нем он видит правильное наименование того, чем он живет и дышит, и о чем хочет тут писать. Почему же так?

Он говорит и вообще о Боге, и о Пресвятой Троице, и о Св. Духе, и о Церкви и проч., и однако же озаглавил его, как жизнь во «Христе». Объяснение — ясное: он считает себя не вообще религиозным писателем, а «христианским» священником; если первые же последователи Христа скоро стали называть себя «христианами», как пишет книга Деяний, то, естественно, и пастырю Христовой Церкви можно и даже подобает наименовать свое писание — «во Христе». Он, Христос, есть центральное лицо между Богом и человеком; за Его заслуги послан в мир и Дух Святой. И когда читаешь творения о. Иоанна, то ясно и везде видишь это центральное значение Христа Господа. Отец Иоанн многократно останавливается на этом драгоценном имени Спасителя мира и Его Самого.

Христианин! Ведь «...Начальник твоей веры Христос». «С крайним благоговением произноси имя Иисуса Христа, Сына Божия, Имже вся быша и вся управляются, Который носит доселе все существующее сильным словом Своим, производит времена и перемены года, умножает род человечес-

кий и довольствует его всеми благами, спасает от грехов и уготовляет обители любящим во Царствии Небесном» и проч.

«И я — искупленник Агнца Божия, и я — сонаследник святых, если пребуду верен до смерти Агнцу. Будем помнить свое высокое звание и избрание! И да стремимся неуклонно к почести горнего звания Божия о Христе Иисусе. Мы — «чада Божии... и наследницы убо Богу, сонаследницы же Христу» (Рим. 8, 16–17).

«Сладчайший мой Спаситель! Ты исшел на служение роду человеческому!.. Ты не сидел дома, но имел общение любви со всеми... Даруй и нам иметь это общение любви с людьми Твоими, да не заключаемся мы, пастыри, от овец Твоих в домах наших, как в замках или темницах, выходя только для службы в церкви или для треб в домах, по одной обязанности, одними заученными молитвами».

«Люблю я взирать на образ Воскресшего Жизнодавца с знаменем в руке! — Какой славный Победитель!»

«Христиане — члены Христовы, особенно бедные. Люби Его члены».

«Не ищи со всеми удобствами жилища и не полюби удобства мира сего, а возлюби Христа — Крестоносца».

«Благодать присуща каждому церковному слову, ради обитающего в Церкви Ипостасного, вочеловечившегося Божия Слова, Которое есть глава Церкви».

Церковь, «как основанная на краеугольном камне — Христе», «есть Истина и одушевляемая и руководимая вовек Духом Святым, Который есть Дух Истины».

«Велика — литургия! На ней воспоминается вся жизнь не какого-либо великого человека, а Бога, воплотившегося, пострадавшего и умершего за нас, воскресшего и вознесшегося и паки грядущего судити миру всему», — то есть Христа!

«Только верные рабы Христовы дают истинную цену воплощению Сына Божия и смотрению Бога Отца и всей Святой Троицы о спасении рода человеческого; только они истинно оценивают Пречистое Тело и Кровь Христову!»

Кого мы приобщаемся? «Самого Христа Бога, Его Тела и Крови».

«Мы все повинны вечному проклятию и вечному огню за свои бесчисленные грехи, и только благодать Господа Иисуса Христа, ходатайствующего о нас пред Отцом Небесным, спасает нас от вечного наказания».

«О имя сладчайшее, имя Святейшее, имя всемогущее, имя Господа нашего Иисуса Христа! Победа моя, Господи, слава Тебе! Господи, мы — члены Твои, мы — едино тело, Ты — Глава наш».

«Помни постоянно, что свет души твоей, мыслей твоих, сердца твоего — от Иисуса Христа... Да, «Свет Христов просвещает всех», даже язычников: «свет — во откровение языков». «Он есть свет, просвещающий всякого человека».

«В чем жизнь христианина? Чтобы не иметь ничего и иметь Христа в сердце... и всем сердцем прилепляться ко Христу».

«Когда бываешь очень молод или живешь жизнию мира грешного, тогда знаешь и Христа Спасителя, и врага Божьего и человеческого, сатану всезлобного только по одному имени, и думаешь, что Христос от тебя далеко — на небе, а диавол где-нибудь есть, только никак не близко и не около тебя; но когда будешь в летах зрелых и вступишь в жизнь подвижническую, тогда будешь служить Богу чистою совестью, тогда испытаешь на сердце и благое иго Спасителя и тяжелое, несносное иго сатаны, который нещадно оскорбляет нас!»

«Надежда христианская — есть надежда наша на жизнь во Христе. «Я живу, — говорит Господь, — и вы жить будете» (Ин. 14, 19), перейдете от смерти к жизни».

«Я, — пишет о. Иоанн, — желал бы вас довести до того, чтобы каждый из вас от сердца называл Иисуса своим Иисусом, своим Спасителем».

«Я не знаю, как можно здравомыслящему человеку колебаться в какой-либо богооткровенной истине, открытой Иисусом Христом, животворной для сердца».

«Когда принимаешь животворящие Тайны, вообрази твердо, в видах хлеба и вина Самого Христа, сделай на них мысленное надписание: Иисус Христос! И с этим мысленным надписанием... препроводи умственно до глубины сердца, и там мысленно положи Животворящего Гостя!»

«Помни, что, сердечно и твердо веря во Христа, спасаемся в жизнь вечную».

«Един живот и истинная сладость моя — Христос!»

«Животворящие Тайны» — «Сам Христос»; равно и Крест всегда силен силою Распятого на нем; всегда животворящ ради Живота, Который был повешен на нем».

«Велико и досточестно тело Церкви Святой, коей глава — Сам Иисус Христос! Помни, что ты в этом великом и досточтимом теле — ничтожный немощный член. Уважай же в каждом христианине члена Христовой Церкви и храм Святого Духа, не почитай никого, по гордости, невеждою в истинах веры, лишенным дарования Духа; ибо «всяческая, и во всех Христос» (Кол. 3, 11). И так говори в себе: я — маленький член, но в великом досточестном теле Церкви, я должен с любовью и уважением относиться ко всем прочим членам, как к возлюбленным дорогим членам Христа моего».

«Поэтому уважай необразованность и учись у ней тому, чего нет у мнимообразованного, то есть простоте, незлобию и терпению и прочему. Необразованные — это младенцы о Христе, которым иногда Господь открывает Тайны Свои».

«Каким ты именем называешься по вере? — Христианином. — Что оно значит? — Означает то, что я член великого тела Христова, которое именуется Церковью Христовою, что я — Христов раб и послушник. — К чему обязывает тебя имя христианина? — К тому, чтобы я всегда имел Христа в мыслях и сердце своем».

«Имея Христа в сердце, бойся, как бы не потерять Его, а с ним и — покоя сердечного».

«Христос, введенный в сердце верою, восседает в нем миром и радостью».

«Цени по достоянию величайшее чудо Иисуса Христа, сына Бога живого, являемое в причащении с верою Его Божественным Тайнам. Какое же чудо? — Упокоение и оживотворение твоего сердца, умерщвленного грехом, столь явное после предшествующего часто причащению сердечного беспокойства и духовной смерти».

«Или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть, разве точию чим неискусни есте?» (2 Кор. 13, 5). Воистину Христос во мне живет! Между тем, я до сих пор (Батюшка писал это в Дневнике своем еще в первые годы священства. — *М. В.*) был неискусен: не помышлял и не знал твердо, что Господь во мне! Это — Он, Всесвятый, так чуток во мне к малейшей нечистоте сердечной; это — Он побуждает меня самый зародыш греха в сердце гнать вон из души! Но — увы, — и сатана — тут же, готовый пожрать меня на каждом шагу, оспаривает меня у Господа».

«Иже убо Своего Сына не пощаде...; како убо не и с Ним вся нам дарствует» (Рим. 8, 32)? — Главное, величайшее дано, все прочее, чего бы ни просили, бесконечно меньше Сына Божия! Поэтому благонадежно будет просить у Бога всего о имени Иисуса Христа... «Еже аще что просите от Отца во имя Мое, то сотворю: да прославится Отец в Сыне» (Ин. 14, 13).

«Уважайте друг друга, грешники, и не презирайте никакого грешника, ибо все мы — грешники, и всех пришел спасти, очистить и до небес вознести Сын Божий».

...Но не довольно ли я привел выдержек о Христе Господе из Дневника? Иной может сказать: с избытком даже!

Но мне того именно и хотелось: показать, как именно жил, дышал, наслаждался, побеждал, спасался, надеялся, молился, причащался, веровал во Христа — о. Иоанн! И даже скажу, что мне самому отрадно было переписывать все это из Дневника!

Но прекращу.

А теперь перейду — к проповедям его.

С какой верою он говорит о Христе Господе! Вот послушаем:

«Одежда первая, в которую отец облек блудного сына своего, означает одежду правды, в которую облекает нас Иисус Христос, или это — Сам Христос, по написанному: «во Христа крестистеся, во Христа облекостеся» (Гал. 3, 27). Так говорит Батюшка в Неделю о блудном сыне.

Пред причащением на первой неделе Великого поста обращается к причастникам: «Пред вами, Христоименитое стадо, в этой частице — Божественное Тело и Божественная Кровь Господа нашего Иисуса Христа. В этой частице Тела и Крови Христа Бога, которую вы принимаете, обретается весь Иисус Христос, как душа в теле. Через причащение Господь обожает вас, делая вас Божественными. Вы — чада Божии и Христовы: какое же житие подобает чадам Божиим!»

Пред плащаницею в Великую Пятницу говорит: «Се Агнец Божий, вземляй грехи мира». Сколь отрадны эти слова для души верующей! В них заключается надежда наша на бесконечное милосердие Отца Небесного, примирившегося с нами, беззаконниками, чрез жертву правды, принесенную на кресте за грехи наши, то есть бесконечную жертву Сына Своего». —И

эту мысль об искуплении нас пред Богом Отцом Батюшка повторяет очень часто!

«О любовь наша, Христе! И еще скажу: о любовь наша, Христе! До чего довела Тебя любовь к нам!.. О любовь наша, Христе! Как крепко Ты возлюбил нас!»

«Христос Спаситель, Сын Божий, принял на Себя великое дело — искупить, оправдать нас, грешных, Своими страданиями и смертию пред Отцом Небесным: Той есть «оправдание наше» (Рим. 4, 25). «Смерть Его за нас, с предшествовавшими страданиями есть дело величайшей к нам любви и премудрости Божией, которого не оценит по достоинству никакой сотворенный ум. А как эта смерть есть дело премудрости Божией, то она есть и величайшая тайна. Какая утешительная истина! Смерть Спасителя есть очистительная жертва за грехи всего мира (см.: 1 Ин. 2, 2). Он умер, и смерть Его на кресте уничтожила проклятие наше, которое мы заслужили у Отца Небесного своими грехами».

Я выписал довольно большую выдержку здесь, потому что в этом искупительном деле есть центр заслуги Христа Господа пред Отцом Небесным и источник дальнейших всех благ. Как же не сказать: «О любовь наша, Христе?!»

В Неделю о расслабленном о. Иоанн поучает о крещении:

«Кем же исходатайствована и дана нам эта благодатная купель возрождения, очищения и освящения? — Иисусом Христом! — Без этой купели мы были бы вечно непотребны, недостойны не только усыновления Богу, но — и воззрения на Него, ибо Господь Бог есть Дух чистейший и гнушается всякой нечистоты греха... Один Христос Бог, Един праведный и святый, принесший Себя Самого в жертву за нас Богу и Отцу», мог искупить нас пред Богом Отцом «для избавления нашего от греха».

Он, как Бог, один был достоин, чтоб Его жертва могла «удовлетворить Бога в Троице!»

В слове на Неделю святых отец Батюшка исповедует свою веру во Христа.

«Братия и сестры!.. Мы все родились в истинной вере, веруем твердо в Иисуса Христа, как Сына Божия, как и во Святую Троицу. И большая часть из нас собственным опытом, умом, душой и сердцем и всем существом испытали и познали, и непрестанно испытываем и познаем, что Иисус Христос есть Жизнодавец и Бог, и Спаситель наш, ибо Он непрестанно являет нам и в нас знамения Своей благости, правды и святыни и всемогущей силы... Да будет же для нас Господь и началом, и концом всех наших желаний, помышлений и всех наших деяний!»

«И началом и концом!» Какая сила веры!

И понятно теперь, как о. Иоанн восстает против еретиков и неверующих в Божество Господа Иисуса Христа.

«О дерзость сатанинская! Как можно было допустить одну мысль, не только говорить и утверждать, что Иисус Христос не есть Бог превечный, всемогущий. Все слова и дела Иисуса Христа свидетельствовали о Нем, что Он — истинный Бог».

Воскресение Его, чудеса даже учеников «громко свидетельствовали и являли в себе Его Божество; особенно же — то величайшее чудо, что простые, неученые рыбари сделались, по благодати Христовой, величайшими в мире мудрецами, покорившими вере Христовой весь мир».

Притом всегда были и ныне есть между христианами благочестивыми — и обыкновенные люди, которые верою в Иисуса Христа побеждали и побеждают свои страсти, ощущали и ощущают в себе бесчисленные силы Иисуса Христа над борющими их демонами и страстями, после сердечного призывания имени Его... и чувствуют в себе царство жизни духовной о Иисусе Христе. Не величайшее ли это чудо и в нынешнее время — чудо, совершаемое в тайне многими верующими благодатию Христа Бога! Живите по учению Христову, исполняйте волю Его, и вы увидите, осяжите сами Божество Христово... Итак, все да веруем твердо и деятельно в Иисуса Христа Сына Божия!»

«Да будет Он в твоем сердце, как Душа души твоей, и да совершит Он тобою и в тебе чудеса спасения от греха. Говорю: чудеса спасения, потому что спасение от греха... есть действительно чудо, возможное только под условием веры в Иисуса Христа, крещения во имя Святой Троицы и теплого покаяния, дарованных нам за Его страдания и смерть... Обновленная святая жизнь христианина — есть непрестанно совершающееся чудо, разительнейшем образом доказывающее Божество Иисуса Христа. Если бы кто из неверующих Священному Писанию спросил меня, чем ты докажешь мне, что Иисус Христос есть Бог, то мне довольно было бы указать хоть на одного какого-либо живого праведника», — этого было достаточно. «А Иисус Христос и делает такие чудеса возрождения, или нравственного претворения в тех, которые искренно веруют в Него!»

А все это он говорит по опыту своему!

«Во Мне мир имате» (Ин. 16, 33), — говорит Господь.

«Кроме Господа нет истинного мира сердцу нигде на земле!»

В неделю пятую по Пятидесятнице Батюшка заключает свою проповедь словами: «Ах, братие и сестры! Горе нам было бы, вечное горе без Иисуса Христа, без веры в Него, без благодати Его, без покаяния нелицемерного! Человек, живущий без веры в Иисуса Христа... бывает игрушкой гибельных страстей, одна другой мучительнее, и храминой, полною бесов. Будем же всегда с Иисусом Христом!»

Про себя же о. Иоанн свидетельствует: «Иисус Христос вчера и днесь, тойже и во веки» (Евр. 13, 8). Я вижу чудеса Его милосердия и силы во мне всякий день и славлю ежедневно милости Его, ибо им несть числа».

А в неделю седьмую Господь, на примере двух исцеленных слепцов, учит и нас обращаться к Нему, как к Свету:

«И мы все должны непрестанно прибегать с молитвою к своему истинному Иисусу Христу, да просветит Он и мысли, и сердечные очи наши светом благодати Своей и да поможет нам увидеть все множество грехов наших»

В неделю по Воздвижении он восклицает: «Как не следовать за Тобою?! Сладчайший Иисусе, вечный живот наш, дыхание наше, Свет наш, Радость и блаженство наше!

Кто последует за Тобою невозвратно, тот и здесь предвкушает блаженство небесное, и непременно наследует вечное блаженство с Тобою. Эта истина — непреложная, всерадостная!» «Что в мире может заменить Христа, бессмертного Живота? Ничто! Никакие сокровища, никакие наслаждения и утехи!»

В неделю восемнадцатую, по поводу чудесного лова рыб, Батюшка восклицает: «Обратимся к Божественному Лицу Спасителя, меня удивляет и приводит в восхищение пресветлый чудный образ Божественной державы Христа... Я вижу повинующихся Ему бессловесных рыб, по мановению державы его наполнивших рыбачьи сети... Но что особенно приятно удивляет меня, — так это, что Он грешников, — верующих и кающихся искренно, от бесчисленных прегрешений избавляет: как блудницу, как мытаря, как разбойника... и грешников претворяет в праведников. Это —всех чудес выше и больше... Вот что я хотел представить вам... Божественную, чудную, премудрую, всемогущую и всеспасительную державу Спасителя нашего Господа Иисуса Христа, чтобы возбудить и укрепить в себе и в вас веру в Него и надежду и горячую любовь».

Петр, пораженный этим чудом ловли рыб и сознанием своей ничтожности пред Христом Господом, припадает к коленям Спасителя, прося Его уйти из его лодки: «я человек грешный». «Невыразимо трогательно, умилительно, прекрасно здесь, — как и везде, — положение Господа: Его величие и вместе смирение, крайнее снисхождение, удивляющее ангелов! Не могу и я здесь, чтобы не выкликнуть: Господи! Как всюду, под смиренным покровом человечества Твоего, сияет и восхищает меня Твое пресияющее Божество! Всякое слово Твое — Божественно, властно, животворно, чудно, как и дело Твое!» Вот мы здесь, в этом храме, предстоим все Лицу Того же Господа Иисуса Христа, и невидимо здесь присутствующего и видимо в животворящих Своих Тайнах. Чувствуем ли, осязаем ли мы сердцами своими, что мы предстоим Лицу Его!»

Про себя самого о. Иоанн, в двадцать четвертую неделю, когда читается Евангелие о прикоснувшейся к одежде Господа и исцелившейся, так говорит: «Вот я прикасаюсь к святому престолу Его, и чудно дело! Тотчас ощущаю животворную, спасительную силу, исходящую от Сидящего невидимого на престоле: я исцеляюсь от всех уязвлений невидимых змиев, избавляюсь от всех скорбей, от всякой тесноты греховной, и приемлю мир, свободу, дерзновение, силу душевную. Он — тут, Господь мой и Бог мой!» «Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, Сыне Бога Живого, что ты даруешь мне, много согрешающему Тебе на всякий час, восхищать у Тебя, источника исцелений и пучины милости и щедрот, — благодать Твою... Молю Тебя: научи всех людей Твоих.. приходить к Тебе невозбранно... Вот я каждый день многократно умираю грехами; и чрез покаяние воскресаю Твоею бесконечно великой благодатью и милостью ко мне, недостойному. Да даришь мне пакибытия спасения всякий день и многократно... Итак, подобные мне грешники! Возлюбите покаяние», и «будете торжествовать каждый день воскресение духовное!»

Поэтому он приходит к выводу: «Воскликнем от души», — как десять прокаженных (29 неделя): «Иисусе Наставниче, помилуй ны! Господи, помилуй! И непрестанно будем взывать: Господи, помилуй!» «Взывайте, взывайте, братие мои, ко Господу: и в этом храме, и на пути, и дома, и везде, при всяком занятии взывайте сердечно: Господи, помилуй мя, грешного!»

Вот мы пробежали год по неделям и увидели, какова сила веры во Христа была у Батюшки! Как он любил Его! Как часто — до непрестанности — молился Ему! И потому-то он и причащался ежедневно, служа литургию: он воистину соединялся с Господом, приобщался Св. Тела и Крови Его! Он — «жил во Христе!»

Но мне хотелось бы и посмотреть кратенько некоторые проповеди его на двунадесятые праздники.

Меня особенно поражают его слова к Рождеству Христову. Кажется, никакой проповедник не ощущал такой близости Господа Иисуса Христа чрез Его вочеловечение!

«О сколь блажен и сладок мир Господа Иисуса Христа, дарованный Церкви и всем верным! Поистине, душа, удостоившаяся мира Божия, испытывает райское блаженство в общении с Богом», — говорит он в Неделю св. отец, пред Рождеством Христовым.

«Человек! пробудись от своего греховного усыпления и размысли: что значит это дивное истощание Сына Божия ради тебя, и откликнись на любвеобильный к тебе глас Божий! Что Он говорит? Он говорит: «Я пришел взыскать и спасти» тебя, «погибшего» грешника,... ибо Сыну Божию сродны только те, которые исполняют Заповеди Его. «Только призови Меня от всей души, и Я во всем помогу тебе: в Церкви Моей Я положил все средства к твоему спасению, воспользуйся ими со всем тщанием, и спасешься удобно».

И особенно с силою говорит о. Иоанн о родстве Господа с нами: «Помни, брат, помни, сестра, что и с вами Господь вступил в близкое родство: Он стал не только вашим Богом и Спасителем, но вашим Братом по человечеству, ибо сказано: «не стыдится братию нарицати их» (Евр. 2, 11); Он стал нам единокровным и телесным, так что и «члены тела Его, от плоти Его и от костей Его» (Еф. 5, 30); Он нас снова приемлет в духовное общение с Собою, сообщая нам Духа Святого». Он подает «нам вкушать плоть и кровь Свою, возглашая с безмерной кростостью и любовью: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое», и: «пийте от нея вси: сия есть Кровь Моя, Новаго Завета» (Мф. 26, 26–28). Какое снисхождение, какое спасение, какая честь — вкушать самое пречистое Тело Господа Иисуса Христа и пить самую пречистую Кровь Его! Это — честь высочайшая! Это — спасение предивное!.. Помни же, человек христианин, свое родство с Сыном Божиим, воплотившимся для нашего спасения».

В другой проповеди на ту же неделю о. Иоанн говорит опять о том же родстве: «Дивное чудо!.. Сын Божий является Сыном человеческим, Братом человеков, Братом — скажу ближе — твоим, моим. О Благость! О щедроты! О снисхождение безмерное! О обнищание вольное!» Какое «высокое, пре-

благородное родство наше с Богом!» «Мы приняты в самое близкое родство с Сыном Божиим, чрез его вочеловечение».

«Даже друзьями называет Он, Богочеловек, исполняющих заповеди Его: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам» (*Ин. 15, 14*). «Вера наша есть святой завет и вечный неразрывный союз душ с Богом».

«Кто же этот Младенец, Которого держит на пречистых руках Своих Пресвятая Дева Мария, — спрашивает о. Иоанн на Рождество? Это —Бог, Сам — Сущий... Это — высочайший художник!.. Это — Творец и Бог духов и всякой плоти. Дивное чудо! Бог принял природу раба человека и стал совершенно подобен нам, кроме греха».

В другой раз он говорит то же: «Слово стало плотию», то есть Сын Божий, собезначальный Богу Отцу и Духу Святому, соделался человеком, воплотившись от Духа Святого и Марии Девы. Дивное, ужасное и спасительное таинство!.. О безмерное благоутробие Божие! О неизреченная премудрость! О чудо, ужасающее ум не только человеческий, но и ангельский! Воздадим славу Богу!

С пришествием на землю Сына Божия во плоти, по принесении Им Себя Самого в жертву за грешный род человеческий, — вместо проклятия, — которое изречено было в начале Богом, — людям верующим даруется благословение Отца Небесного, они получают усыновление и обетование вечного наследия жизни».

«Но не великое еще дело сделали мы, что поклонились Божественному Младенцу,... а неизреченное Его благоутробие и снисхождение к человекам, собственно говоря, воспела Церковь, а не мы: мы были только слушателями». И далее о. Иоанн спрашивает, «что с своей стороны (должны мы принести) в ответ на такое несказанное снисхождение к нам Сына Божия?» Прежде всего — несомненную веру в Него: «Воплощение Сына Божия, — употребляю сравнение — есть как бы треплетенная вервь веры, надежды и любви», поданная с неба Отцом Небесным нам, погибающим в бездне греховной. Кто всеми силами ухватится за эту вервь,... достигнет тихого пристанища небесного».

«Воплощение Сына Божия есть единственное, чрезвычайное средство, которое Бог в превечном совете Своем определил к нашему спасению!» Как близок к нам стал Богочеловек, Сын Божий!

Потом наступает праздник Крещения. Батюшка опять говорит о близости к нам Господа Иисуса Христа.

«Он — всегда близок к нам, по обетованию Своему: вот «Я с вами во все дни до скончания века» (*Мф. 28, 20*). Близок к нам в Церкви, в которой вечно пребывает, в ее иерархии, евангельском слове, в чудных дарах благодати, и лично, самым существом Своим, — как по вездесущию Своему, так и особенно осязательно, животворно и чудотворно в Своих пречистых Тайнах, в Теле и Крови Своей, в коих существенно почивает все Его Божество и человечество. Близок Он ко всем живущим в вере, правде, мире и любви взаимной. Так близко к нам Царство Небесное!»

А «что такое Царство Божие? — То же, что Царство Христово, или Сам Христос, пришедший во плоти; царство правды и святости, мира и радости в Духе Святом (см.: Рим. 14, 17)».

«Царство Небесное, или благодать Христа Спасителя нашего». «Благодать везде, во всякое время ищет спасения нашего. Так близко Царствие Божие, Царствие Небесное на земле!»

В праздник Сретения о. Иоанн убеждает верующих встречать Господа «ежегодно» и «во все праздничные и воскресные дни» в храме, «и особенно — во Св. Тайнах, — то есть будем с великою верою и «сердцем сокрушенным и смиренным» приступать к Св. Чаше».

Вот наступил праздник Вознесения Господня. Отец Иоанн в слове вопрошает: «Для чего Он вознесен на небо?

Во-первых,... Он показал образ и путь восхождения нашего от земли на небо; во-вторых, для того, чтобы ниспослать нам единосущного и единосильного Духа Святого Утешителя; в-третьих, чтобы приготовить место верным Своим последователям (см.: Ин. 12, 26; 14, 2–3)».

Наступила Пятидесятница, или день Св. Троицы. В этот день произошло «событие, неизмеримое по важности, плодотворности и по спасительности для всей христианской Церкви.

Это день — день действительного основания христианской Церкви, или — христианского общества спасаемых во Христе. В этот день посвящены Духом Святым впервые пастыри — апостолы, от которых преемством и мы, наши пастыри, получили благодать священства; в этот день получили действие спасительные таинства, совершаемые доныне в Церкви через ваших священников. С того времени вошел Дух Святый в мир, Иной Утешитель, кроме Господа Иисуса Христа и Иисус Христос... вместо Себя послал от Отца-Бога, да устрояет Он дело спасения человеческого, ибо Три Лица в Боге единосущных и нераздельных, и каждое равно участвует в спасении рода человеческого».

«Братия мои! Без Духа Святого нет истинной жизни в человеке; нет мира в душе; нет света Божия; нет правды, святости и блаженства. Без Духа Божия не может быть в нас и нет истинной веры, упования и любви, святой простоты, чистоты сердца, никакой истинной добродетели, — и нет спасения». А послан Он от Отца по заслугам Христа Спасителя.

Наконец — и Преображение Господне. Иисус Христос, желая убедить еще более в Божестве Своем, и в будущем неизреченном, но несомненном блаженстве верующих в Него, преобразился, или — прославился «в пречистой плоти Господней, подобно Солнцу, просиявшей на Фаворе». «Это — наш человеческий лик просиял в такой славе, в теснейшем единении его с существом Самого Бога-Слова», Христа. «Торжествуйте и радуйтесь — в той надежде, что... Он преобразит некогда такою же славою и ваши тела так, что они сообразны будут славному телу Его: в этом уверяет и Сам Господь, когда говорит, что «праведницы просветятся яко солнце, в Царствии Отца» (Мф. 13, 43).

Остался нетронутым здесь славный праздник Пасхи, или Светлого Христова Воскресения. Но о нем все знают, все радуются. Храмы переполне-

ны, утреня в полночь. На колокольнях целую неделю — трезвон. Богослужение — лишь в пении... Со свечами... в лучших облачениях. Люди целуются и поздравляют друг друга: «Христос воскрес!» «Воистину воскрес!» Дарят красные яички. Освящают даже пищу: куличи, пасхи сырные, яички и с них начинают вкушение прочих яств. Батюшки с иконами обходят своих прихожан. Всеобщая радость!

И все это — ради двух слов: «Христос воскрес!»

Почему же ныне, при воспоминании Воскресения Христова, все мы светло радуемся? Потому, что Воскресение Иисуса Христа есть начаток и основание и нашего будущего воскресения. «Ныне же Христос воста от мертвых, начаток умершым бысть» (1 Кор. 15, 20), — и наше будущее воскресение так несомненно, как будто оно уже совершилось в Лице Господа нашего Иисуса Христа, и мы как бы воскресли вместе со Христом! Вы «воскреснусте со Христом», — говорит Апостол (Кол. 3, 1; см.: Кол. 2, 12). Вот, братия, какова... истинная причина настоящей нашей радости!»

«А как воскресший Христос не остался на земле, после воскресения, но вознесся на небеса к Отцу Своему,... то непременная наша обязанность — оставлять пристрастие к земным вещам и наслаждениям и стремиться всеми силами к житию на небесах» (см.: Кол. 3, 1).

«Тела наши по воскресении будут духовные, а не земные: все земное останется на земле. В воскресение мертвых люди будут, «яко ангелы Божии на небеси» (Мф. 22, 30), — такие духовные! Поэтому-то там не будет ни пищи, ни пития, ни одежды, ни воздуха, ни теплоты — питающих, согревающих и поддерживающих наши тела. Ныне земные тела наши землею и поддерживаются, то есть земными стихиями, но тогда все «стихии же сжигаемы разорятся, земля же, и яже на ней дела сгорят» (2 Пет. 3, 10). Тело духовное — это совсем иное, чем вещественное, стихийное». И тогда, когда Христос предаст Царство Богу и Отцу, и уничтожит последнего врага этого мира — смерть, «тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог всяческая во всех» (1 Кор. 15, 28).

Итак, спасение Христом началось и Христом закончится. «Как благо будет с Тобою избранным Твоим на небеси! Как все прелести земные — томительны для сердца! А в Тебе — какой мир, какая свобода, какое пространство, какой свет, какая радость!»

«Я и здесь упокоеваюсь во Христе и со Христом: как же мне не верить, что после смерти меня ожидает вечное в Нем упование, после борьбы со врагами! Мне и здесь без Христа тяжело, мучительно: как же мне не верить, что тем более будет для меня мучительно без Него там, когда Он окончательно отвергнет меня от Лица Своего». Отсюда — блаженство праведных и вечные мучения нераскаявшихся грешников.

Закончим этот отдел словами Дневника:

«Слава Тебе, Спасителю, Сила всемогущая! Слава Тебе, Спасителю, Сила вездесущая! Славе Тебе, утроба Преблагосердая! Славе Тебе, Слух присно отверзающийся на услышание молитвы мене окаянного, воеже миловати мене и спасати от грех моих! Слава Тебе, Светлейшие очи, всегда

на меня зрящие любезно и прозирающии вся моя сокровенности! Слава Тебе, слава Тебе, Сладчайший Иисусе, Спасе мой!»

Приводимые выдержки не только говорят о центральном значении Господа Иисуса Христа в нашей духовной жизни вообще, но и поминают постоянно Его Святое Имя. Но не нужно думать, что лишь эти выдержки говорят о Христе; нет, вся жизнь Батюшки о. Иоанна в своем центре имела Его. Кстати сказать, — он, как и добрые монахи, творил Иисусову молитву. И вообще жил Господом Иисусом Христом.

Поэтому он и дневник свой назвал «Моя жизнь во Христе».

В дальнейшем мы еще остановимся на содержании Дневника; но сейчас предпошлем несколько общих замечаний о нем.

Данный Дневник представляет лишь часть выдержек из записей о. Иоанна, а другие доселе где-то скрыты. Где? — Мне не известно. Но они должны быть! И на обязанности дальнейших исследователей лежит задача принять возможные меры к разысканию ненапечатанных записей Батюшки. Что они существуют, ясно из его слов, когда он говорит, что напечатано не все; а в последующих изданиях вводится много нового материала. Например, «Общество Рел.-Нрав. просвещения» издало книгу «Христианская философия» (1902). И в предисловии говорится: «Настоящая книга» охватывает лишь «последние 3–4 года», «часть этих записей — и довольно значительная — была напечатана в журнале «Петербургский духовный вестник» за 1900 и 1901 годы. А свой Дневник он начал вести с первого года священства и публиковал раньше 1900 года. Вот, например, предо мною лежит «Моя жизнь во Христе», изданная в 1899 году, а другие издания были и прежде.

И сравнивая содержание их, видишь, что в позднейших изданиях есть целые отделы, которых не было в прежних, — например, о Православной Церкви, о западных вероисповеданиях, о Толстом и проч. Вероятно, прежде неудобно было печатать все это. Даже тон позднейших записей —иной, чем в первых. Но я не буду входить в обсуждение этого различия: основной материал книги «Моя жизнь во Христе» находится в прежних изданиях, которые были знакомы читателям давно и которыми живут многие и теперь.

И лично мне известны некоторые записи, которых я не вижу ни в одной книге, а они в рукописях были. Например: однажды утром о. Иоанн хотел читать обычные «Правила» пред причащением. И никак не найдет этой книги! Потом вспомнил, что он за время этих поисков... забыл о Боге. И тотчас обратился с молитвой к Нему: «Господи, прости меня, что я — тварь — забыл о своем Творце!» И тотчас же нашел книгу.

Так передавали на основании записей в Дневнике.

В издании 1893года уже говорится о «Полном собрании сочинений» о. Иоанна. И там о записях дневника говорится: «4 и 5 тома заключали в себе извлечения (а не полное содержание) из дневника под заглавием «Моя жизнь во Христе».

Но для нас особенно важны именно эти «извлечения», поэтому о них мы собственно и будем говорить.

Интересно: почему о. Иоанн начал писать свой дневник? Очевидно, он по природе своей был писатель. Ведь были тысячи современных ему духовных лиц, и однако же они не оставили после себя личных записей. Сам он, в речи на сорокалетие своего священства (12 дек. 1895), говорит:

«Как духовный воин, я должен был зорко следить за злохитрыми действиями неусыпающих, лукавых, злых, невидимых врагов, нападавших на меня через различные страсти и страхования, и — часто терпеть наносимые мне от них раны в душе, язвы, смущения, тесноты, поражения; хотя, в свою очередь и я поражал их оружием веры, молитвы, покаяния, причащения Св. Таин Христовых. И в этой невидимой, но упорной, полной уязвлений душевных, брани, — от которой страдала и плоть, — Господь научал постоянно «руце мои» духовные «на ополчение, и персты моя на брань» (Пс. 141, 1), в этой невидимой, жестокой войне я учился искренней вере, упованию, терпению, молитве, правоте духа, чистоте сердца, непрестанному призыванию имени Незримого, Державного Победителя ада и Пастыреначальника Иисуса Христа; и Его именем и силою побеждал врагов и свои душетленные страсти, рыкавшие на меня подобно львам, или завывавшие подобно волкам».

«Как духовный страж прежде всего себя самого, своего внутреннего двора, а потом и церковного, то есть Христова словесного стада, — я вел почти непрерывный дневник, в который записывал выдающиеся движения борьбы, брани, победы или поражения в моем внутреннем мире и в моей духовной войне, как бы собирая для себя арсенал духовного оружия для отражения будущих нападений врагов. Также я старался во все воскресные и праздничные дни проповедовать народу слово Божие, коим назидал и укреплял себя и паству. Бывши законоучителем и воспитателем юношества в местной гимназии, я уча — учился, более и более входя в себя и вдумываясь в истины евангельские, в заповеди Божии, в исторические события церковные на пространстве минувших веков, и углубляясь в наше дивное, небоподобное богослужение. Не бесследно прошли для меня почти ежедневные службы в храме и — 27 лет моего законоучительства, но углубляли меня в науку великого самопознания и богопознании; — и я учился, как и доселе учусь, служить Богу в духе и истине, объемля в моей смиренной молитве, — по благодати Божией, — «всех и вся», и принося бескровную жертву «за всех и за вся». Но трудно достигать духовного совершенства — живя в мире, среди житейских соблазнов всякого рода, ибо трудно отрешиться от всего того, что льстит зрению, вкусу, осязанию, — вообще чувствам многострастной плоти; сильно воюет «миродержитель тьмы века сего» (см.: Еф. 6, 12) чрез чувства плотские. Стократ блаженны, — часто думал я, — пустынники, удалившиеся, ради неразвлекаемого служения Богу и спасения души, в пустыни, чуждые соблазнов мира. Но надо, — опять думал я, — подвизаться и в мире, живя среди людей, и сохранять себя нескверным от мира» (см.: Иак. 1, 27).

В этот раз говорит он о духовной борьбе, как материале для дневника. Но в другой раз он пишет больше о положительных откровениях и «светлых мыслях» в своей духовной жизни.

«С первых же дней своего высокого служения я поставил себе за правило: сколь возможно искреннее относиться к своему делу пастырства и священнослужения, строго следить за собою, за своею внутреннею жизнью. С этой целью я прежде всего принялся за чтение Священного Писания Ветхого и Нового Завета, извлекая из него назидательное для себя, как для человека, священника и члена общества.

Потом я, — продолжает он в автобиографии, — стал вести дневник, в котором записывал свою борьбу с помыслами и страстями, свои покаянные чувства, свои тайные молитвы ко Господу, и — свои благодарные чувства за избавление от искушений, скорбей и напастей».

Об этой борьбе, — думаю я, — он говорит больше по смирению и потому, что она действительно занимает в душе нашей значительное и важное место. Но, — как мы видим из самого дневника, — в последнем еще больше у него отводится места святым и благим чувствам его «внутренней жизни». Недаром же, в пояснение данного им заглавия «Моя жизнь во Христе», он добавляет: «или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге».

А в дневнике Батюшка еще пишет так:

«Я не оставлен беспомощным в спасительной брани с невидимым врагом: я возводил очи мои, полные слез, к небу, откуда приходила всегда ко мне помощь; хотя часто — не вдруг и не скоро, по причине бывшей неопытности в искушениях на молитве... Таким образом, я приучил себя почти к непрестанному духовному созерцанию и тайной молитве и всегдашнему благодарению Господа за ниспосылаемую мне помощь в духовной войне; ибо с помощью Божиею я всегда, в конце концов, выходил победителем из нее; хотя при начале моего служения часто побеждаем коварством и хитростью бесплотных врагов.

При таком характере моей внутренней жизни Господь сподоблял меня часто чудных, внутренних озарений и светлых мыслей, касательно молитвы вообще и разных предметов веры и жизни христианской, я старался не пропускать их без особенного внимания и записывая их в свой дневник.

Таким образом, составилось в течение 35 лет много рукописных заметок моих об этих предметов, которые я осмеливаюсь предложить в извлечении (опять — не все! — *М. В.*) вниманию почтенной публики. Это — самые беглые, летучие заметки, писанные на всяком месте — то карандашом, то чернилами. Прошу не взыскать за то, что было написано для себя, а не на показ кому-либо».

В этом смысле, то есть о «светлых мыслях», о. Иоанн так пишет в кратком предисловии к своему изданию дневника:

«Не предпосылаю моему изданию предисловия: пусть оно (то есть издание) говорит само за себя. Все содержащееся в нем есть ни что иное, как благодатное озарение души, которого я удостоился от всепросвещающего Духа Божия в минуты глубокого к себе внимания и самоиспытания, — особенно во время молитвы. Когда мог, я записывал благодатные мысли и чувства, и из этих записей многих годов составились теперь

книги. Содержание книг — весьма разнообразное, — как увидят читатели. Пусть они судят о содержании моего издания».

Потом к этому предисловию присоединены слова св. апостола Павла: «Духовный же востязует убо вся, а сам той ни от единаго востязуется» (1 Кор. 2, 15). Эта приписка — знаменательная! У Апостола пред этим стихом написано (по-русски): «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно» (1 Кор. 2, 14). Душевный, — по апостольскому и вообще по православному разумению, — означает человека естественного, обычного, но не облагодатствованного, не духовного. А дальше вот тот самый 15-й стих; по-русски он переводится яснее: «Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может».

Следовательно, выписывая эти слова Апостола, о. Иоанн полагал, что «душевным» людям, обычным, дневник его будет «не по духу», не понравится, не заинтересует, а сам он считает его «от Духа Божия». И нимало не сомневался в этом!

И действительно: я послал дневник одному молодому священнику в подарок. Он же, просмотрев его, ответил мне: не интересно!

А другие пишут совсем иное.

Читатель академического «Богословского вестника» о своих «впечатлениях» так говорит: «Книга «Моя жизнь во Христе» может вызвать сильный переворот в сердцах читателей. Для ищущих истины Дневник о. Иоанна послужит путеводной нитью, при помощи которой можно будет выйти на прямой путь... отрадного познания истины. Его чтение поднимает и вызывает наш дух живым и сильным раскрытием «духовной жизни». Но, — пишет далее этот читатель, — Дневник о. Иоанна могут хорошо понимать и усваивать душою только те, которые сроднились духом с Христовой верой, а не те, которые будут читать его из любопытства. Когда читаешь дневник, то чувствуешь, что писавший его находился в состоянии особого вдохновения. Вдохновенное слово о. Иоанна может производить чудное действие на людей!.. Но много ли найдется таких людей!.. О, если бы истинный источник (Господь) воды живой Своим словом (евангельским) и словом верных рабов Своих обильно напоил жаждущие души! Отрадно верить, что так и будет, если мы откроем сердца свои».

Другой читатель, священник С. Страхов, пишет в «Московских Ведомостях»: «Дневник о. Иоанна касается различных предметов веры и нравоучения и имеет важное теоретическое (богословское) значение: глубокие мысли высказывает о. Иоанн — о промысле Божием, о таинстве святейшей Евхаристии, об отношении между членами Церкви, небесной и земной, о молитвах святых и другое. ...Это — школа духовной жизни... Это мысли человека, который имел богатый духовный опыт. Отсюда, например, мысли о молитве или — благодатных дарах причащения Тела и Крови Христовых и др. получают особое значение: излагая их, о. Иоанн часто указывает (даже, — хотя весь дневник его — с опыта) на свой собственный опыт и восклицает: «истинно! с опыта!» В читающем эти мысли не может не возгореться желание, хотя и отчасти

достигнуть той духовной жизни, которая изображается о. Иоанном по опыту: насладиться радостию и миром о Дусе Свяге, попытать сладость причащения Св. Таин».

«Познан буди и прочими людьми Твоими тако, якоже и мне явился еси, Человеколюбче!»

Другой священник, о. Г. Сперанский, в «Русском Паломнике» пишет: «Как легко становится на душе, когда прочтешь и прочувствуешь эти золотые и краткие строки из уважаемого светильника церкви Христовой. А как живо и полно отвечают они на все вопросы твоего пытливого ума. Я точнее этих ответов — не находил!»

Так говорили читатели и почитатели о. Иоанна.

Но к сожалению, далеко не так думали наши ученые богословы, академики. Расскажу очень характерный факт. Я был студентом академии. Ректор уехал в отпуск. Его заменял протоиерей, профессор греческого языка. Однажды он пригласил меня, прося пропеть литургию по-гречески.

— Зачем? — спрашиваю я его.

— Как зачем? Да ведь без греческого языка нельзя быть богословом!

Конечно, отслужить и пропеть раз в год греческую литургию еще не значит ознакомиться и с греческим языком! Но я уже тогда смотрел глубже на дело, и — не без умысла — задал ему вопрос:

А как вы думаете: отец Иоанн Кронштадтский был богословом?

Он довольно презрительно улыбнулся мне и сказал:

— Ну, какой же он богослов!

Тогда я, видя, что его не разубедить, — опять не без умысла — спросил:

— Ну, конечно! А вы знаете: что сказал он про настоящее, истинное богословие?

— Что?

— Если хочешь быть богословом, исполняй заповеди, и они приведут тебя к ведению, — или созерцанию!

Это — известное правило Церкви, — как поется в тропаре священномученикам: «И нравом причастник, и престолом наместник апостолом быв, деяние обрел еси в видении восход», — то есть «обрел деятельность путем восхождения к созерцанию». Но о. протоиерей не верил, что сам Григорий Богослов сказал так! Тогда я сбегал к своему студенческому столу и принес выписки из св. Григория Богослова, — где буквально приводилось указанное изречение его... Удивился профессор, развел руками, но возразить уже ничего не мог.

Литургию по-гречески все же отслужил...

Я этот случай рассказал для того, чтобы показать, как свысока смотрели на о. Иоанна ученые-богословы.

Иначе относился народ к нему...

Да и не все ученые смотрели на него так пренебрежительно. В той же академии был ректором в то самое время епископ Феофан (Быстров), — знаток, как никто, святых отцов... После смерти Батюшки он служил по нем сорокоуст литургий в монастыре на Карповке, — глубоко чтя угодника Божия.

А незадолго до кончины его, читая книги о. Иоанна, и особенно дневник «Моя жизнь во Христе», сказал в восхищении от него: «Отца Иоанна нужно не просто читать, а изучать, как творения святых отцов!»

Вот иное мнение! А епископ Феофан был одним из великих православных богословов, хотя и скрывал это от людей. И он знал одиннадцать языков: довольно хоть этого!

Да и другой ректор нашей академии, епископ Сергий, впоследствии ставший патриархом, велел читать на литургиях, вместо поучений, проповеди Батюшки же! А потом он был одним из отпевавших о. Иоанна. Не говорим уже о сонме других святителей.

Помню (я тогда был личным секретарем у архиепископа Сергия), — как он велел сделать выдержки из Дневника его о священстве, чтобы потом отпечатать их отдельной брошюрой и раздать пастырям.

Последние относились к нему иначе, лучше, чем ученые богословы.

Но даже Святейший Синод не достаточно чтил о. Иоанна. Училищный Совет, правда, сделал распоряжение о том, чтобы его книги внесены были в каталог низших церковных школ, но даже — не в семинарии, а тем более — не в академии! Дивное дело!

И все потом, после его смерти, изменилось! Но уже было поздно.

И доселе еще нет человека, который бы написал об о. Иоанне ученую работу!

А ведь его, и особенно Дневник его, знали и за границей, и читали его православные священники и народ.

Чтили и читали его и на Афоне, и в других монастырях. Пожалуй, можно сказать, не было ни одной духовной библиотеки, где бы не было «Моей жизни во Христе»!

После такого длинного предисловия я нахожу за лучшее сделать здесь довольно подробные выписки из его Дневника. Мотивом к этому служат следующие соображения.

Как ты ни пиши, о ком бы то ни было, свои объяснения, все равно не будет такой ясности, как если он сам не явится лично перед нами; или как если не заговорит своими словами. Наши объяснения только несколько облегчают познание его. Как все равно, как бы ты ни описывал наружность человека, никогда не вообразишь его себе, если не увидишь воочию, или даже на фотографии. Потому мы и прежде приводили довольно обширные выписки из творений о. Иоанна.

Да и то нужно заметить, что в настоящее время очень трудно добыть книги его, — в частности Дневник. Наши же выдержки, в малой хотя степени, заменят это. А так как дневник о. Иоанна является самым замечательным его произведением, то выписки наши лучше дадут представление и о характере его, и о мыслях его.

Еще — одно предисловие. Писать дневники — трудная вещь! Если писать только о хорошем, то получится односторонность, даже — почти ложь; а о худом мы не любим говорить.

Между тем, даже и в о. Иоанне — как мы видели из его собственных слов — шла постоянная борьба. Правда, он «всегда выходил из нее победи-

телем», но иногда на время терпел и раны. А говорить об этой борьбе прямо и совершенно откровенно — едва ли и полезно для читателя; а иной этим даже соблазниться может. Ведь и в Житиях святых редко повествуется об их падениях. Св. Мария Египетская является в этом отношении почти исключением. И даже в Евангелии ничуть не говорится, например, о грехах разбойников, а ведь, каких только грехов они ни делали!

Да и не в грехах собственно дело: грехи — естественны в падшем человеке. А вот победа над ними — великое дело!

И пусть никто не смущается даже намеками на недостатки наши. Не дивись, — говорит знаменитый Вышенский Затворник, епископ Феофан (Говоров), — когда человек грешит, а дивись, когда он перестает грешить! Ибо, хотя грех не природен нашему существу (при создании), но, благодаря наследству и нашему собственному послаблению, он стал уже природным нам. А святость, хотя и природна нам, по сотворению, но уже стала теперь сверхъестественна.

А Батюшка, — как, пожалуй, никто из отцов Церкви, — начало и содействие греху полагает еще в диаволе, в его искушениях: здесь уже трудно нам справиться, а без Божией помощи — даже совершенно невозможно. Поэтому Церковь, вслед за Христом, влечет нас к покаянию в грехах. «Виновник каждой страсти есть диавол, и каждая страсть есть диавольская прелесть: ты одержим злобою или гордостью — в тебе бес гордости, злобы; ты блудник — в тебе сидит бес блуда;... и все вообще грешники суть чада диавола и творят его похоти, и с ним пойдут в муку вечную, если не раскаются».

«Восьмую тысячу лет поет в нас диавол на тысячу ладов свою старую песню, называемую грех; действительно — старую и ветхую, растлевающую всего человека, — песню безумную, глупейшую. И люди следуют этой песне; поют ему в унисон; скачут и пляшут по его дудочке, и уродуют себя на все манеры, безобразят, губят себя, Господа прогневляют».

А грехов у нас — множество! Однажды в проповеди я упомянул, что о. Иоанн в одном месте упоминает подряд 130 грехов. И один из слушателей усомнился в этом и пришел ко мне проверить: неужели так и сказано им? — Я открыл эти страницы и прочел их ему. Вот — это место.

«Если покаянием хотим угодить Господу и спасти душу свою, достигнуть свободы от грехов и страстей, — мы должны каяться из глубины души — обстоятельно, всесторонне, твердо, охотно; потому что в глубине ее гнездится и коренятся все наши враги». И далее Батюшка и перечисляет 130 грехов: «самолюбие, плотоугодие, сластолюбие, чревоугодие, объядение, леность, саможаление, гордость, самомнение, кичение, унижение других, зависть, неприязнь, ненависть, злоба, ехидство, похоть, блуд, нечистота, своенравие, самочиние, непослушание, неповиновение, грубость, дерзость, суровость, строптивость нрава, сомнение, неверие, маловерие, безразличность к вере, неблагодарность, корыстолюбие, жестокосердие, скупость, жадность, алчность, ябеда, лживость, лукавство, клевета, лжесвидетельство, божба, клятвопреступление, лицемерие, лицеприятие, мздоимство, придирчивость, притеснение, лихоимство, татьба, похищение, при-

своение чужого, злоупотребление, потворство грехам и поблажка, попущение, суетливое препровождение времени, игры, пустословие, празднословие, сквернословие, суетливость, роскошь, мотовство, недоброжелательство, зложелательство, злорадство, злопамятство, холодность, нерадение, небрежность в молитве и в отношении к другим людям, неуважение к старости, неподчинение родителям и начальству, вероломство и неверность, непостоянство в добродетели, легкомыслие, тщеславие, боязливость, уныние, безнадежность и отчаяние, гнев, раздражение, дерзость рукою или биение по лицу и другим членам, страсть к чтению пустых или соблазнительных книг, нерадение к чтению Св. Евангелия и вообще книг духовного религиозного содержания, придумывание извинений своим грехам, самооправдание вместо самоосуждения, страстные лобзания или поцелуи, страстные осязания, ласкательство, опущения, недобросовестное исполнение своих обязанностей, небрежность и торопливость; неисполнение присяги, казнокрадство или похищение казенной собственности; поджигательство, подстрекательство на зло, убийство, истребление зачатого плода во утробе, отравление, призор очей и порча ближнего, проклятия на ближнего, ругательства, совращение в секты и расколы, столоверчение, спиритизм или разговор с духами, гипнотизм или усыпление и разговаривание с усыпленным человеком с целью выведать от него какую-либо тайну».

Да и здесь еще далеко не все грехи перечислены; например, пьянство, многоядение, смех, равнодушие, лжеименный разум, трусость, человеконадеяние, низкопоклонство, подобострастие, смотрение с пожеланием, любовещность, воображение сладости греха, упорство и т. д. Это все я беру из других мест того же дневника... А тут еще — подробности греха: «Завидуем богатым домам, мраморам, статуям, блестящей обстановке, красоте, широте, высокости жилищ человеческих; завидуем богатым экипажам, — рысакам-коням, блестящей упряжи; завидуем отличиям, чинам, наградам, богатым поместьям, большому жалованью; и чему, чему не завидуем мы, едва ли не каждый в своем кругу, в своем звании, состоянии»... Можно еще 130 грехов набрать!

— Откуда он их набрал?! — говорили мне.

Конечно, из наблюдения и исповеди над другими. Но несомненно и из собственной души. «Сколь велико и глубоко растление нашей природы грехом в бесчисленных его видах и направлениях! Это я, — пишет о. Иоанн про себя, — сознаю и чувствую всякий день, всякий час! Каждую минуту, как ураган, он готов охватить и всколебать, возмутить ее (природу души) внезапно при малейшем невнимании и поблажке своей чувственности, поколебать меня — то гневом, раздражительностью, озлоблением на ближнего, особенно — низкого и бедного, надоедающего попрошайством ежедневным; то блудными помыслами и похотями и льстивыми воспоминаниями; то завистью в самых пустых и маловажных вещах; то лицеприятием и человекоугодием; то корыстолюбием и любовещностью житейскою; то тщеславием и суетностью; то непослушанием, упорством и леностью; то сонливостью и зевотою; то малодушием, гордостью, унынием и расслаблением души и тела;

и всякими грехами усиливается оттолкнуть от Бога — Источника нашей жизни, света, мира и блаженства».

Из этого мы может заключить, что о. Иоанн и в самом себе видел множество грехов! Но он и боролся с ними.

«Только непрестанная борьба со грехом укрепляет нашу душу в терпении и любви к Богу». «И Господь, видя нашу немощь, наклонность ко греху, и прибегание к Его всесильной помощи, будет непрестанно нам помогать, защищать, миловать и спасать нас. Слава Его милосердию!»

Не понимающие этой непрестанной борьбы, как постоянного подвига, готовы даже осуждать Батюшку и за самую его исповедь в своих недостатках. Один мой знакомый, выслушав об этом откровении о. Иоанна, сказал мне с раздражением на него: «Ну какой же он — святой!» А сам этот человек — очень не без грехов жил... И даже не мучился ими; и почти не боролся с ними. Люди забывают ту известную истину, что чем человек делается выше, тем он яснее видит свои грехи и начинает бороться с ними!

На этом я и закончу предисловие свое и перейду к выпискам из Дневника.

Впрочем, еще — маленькое предупреждение. «Мою жизнь во Христе» я не стану приводить в систему. И вот почему. Всего не перепишешь; а иногда и краткое изречение Батюшки — очень ценно. Затем, — всякая систематизация будет отражать и переписчика, а этого бы хотелось избежать, елико возможно. Далее, — простая бессистемная выписка дает более правильное представление о дневнике о. Иоанна, — только несравненно короче. Да и не нужно переписывать многого об одних и тех же вопросах: достаточно коротко сказать о них.

Иногда мы будем делать и свои примечания к выпискам, если этого потребует текст.

С этими предисловиями мы и переходим к краткой переписи Дневника.

«Человек, — вы сами видите, — в слове своем не умирает, он — бессмертен в нем, и по смерти говорит. Я умру, но и по смерти буду говорить. Сколько между людьми этого бессмертного слова!.. Как живуче слово, даже человеческое? Тем более — Слово Божие: оно переживает все века и будет всегда живо и действенно».

С этого мы начинаем выдержки: это относится и к самому о. Иоанну, он живет в дневнике вот и сейчас.

«Молясь, мы непременно должны взять в свою власть сердце и обратить его ко Господу. Надобно, чтобы оно не было холодно, лукаво, наверно, двоедушно. Иначе что пользы от нашей молитвы, от нашего говенья?.. «Даждь Ми, сыне, твое сердце» (Притч. 23, 26); потому что сердце — главное в человеке, жизнь его; больше — сердце наше есть самый человек».

О молитве о. Иоанн говорит, кажется, больше всего. Это мы увидим и в выдержках. Да и понятно: он постоянно служил, совершал разъезды с молебнами, после молитвы об исцелениях, везде — молитва.

«Как дыхание необходимо для тела и без дыхания человек не может жить, так без дыхания Духа Божия душа не может жить истинною жизнью.

Что воздух — для тела, то Дух Божий — для души. Воздух — подобие некоторое Духа Божия. «Дух, идеже хощет, дышет» (Ин. 3, 8).

И он сам постоянно молился. Однажды его спросил священник: «Скажите, Батюшка, во время Ваших постоянных разъездов, чем Вы заполняете свободное время?» Он быстро произнес: «Я молюсь! Я постоянно молюсь. Я даже не понимаю: как можно проводить время без молитвы? Воистину молитва — есть дыхание души!»

«Когда вам предстоит искушение на грех, тогда представляйте живо, что грех прогневляет Господа, Который ненавидит беззаконие. «Яко Бог не хотяй беззакония, Ты еси» (Пс. 5, 5). Убойтесь же всем сердцем греха».

«Священники Господни! Сумейте утешением веры обратить ложе печали страдальца-христианина в ложе радости; сумейте сделать его из несчастнейшего, по его мнению, человека — человеком счастливейшим в мире; уверьте его, что «вмале быв наказан», он будет «великим облагодетельствован» (см.: Прем. 3, 5) по смерти: и вы будете друзьями человечества, ангелами-утешителями, органами Духа Утешителя».

Иногда о священниках делают специальные выписки из Дневника. И конечно, это — хорошо. Но к нам, священнослужителям, относятся не только те изречения, в коих упоминается это имя, но и все иное. Ведь, дневник принадлежит священнику, о. Иоанну: значит, его интересовало все, что относится к христианину вообще. Поэтому мы не намерены выделять в особую часть выписок места, где специально будто бы говорится о священных лицах.

«Если не возгревать в сердце теплоты веры, то может от нерадения совсем-совсем погаснуть в нас вера; может как бы совсем помереть для нас христианство со всеми его таинствами. Враг о том только и старается, чтобы погасить веру в сердце и привести в забвение истины христианства. Оттого мы видим людей, которые только по одному имени — христиане, а по делам — совершенные язычники».

О вере, маловерии, неверии, сомнении о. Иоанн довольно часто говорит, на этот пункт нужно читателю обратить внимание!

«Не думайте, что вера наша не животворна для нас — пастырей, что мы лицемерно служим Богу. Нет! Мы первые больше всех пользуемся милостями Божиими и знаем по опыту, что значит Господь с Его таинствами, что Его Матерь Пречистая и Его святые. Например, причащаясь животворящих Таин Тела и Крови Господних, мы часто, часто испытывали на себе их животворность, небесные дары мира и радости о Духе Святом. Мы также часто испытывали на себе непобедимую, непостижимую, божественную силу Честного и Животворящего Креста Господня... Он — наш друг и благодетель. Говорим это искренно, с сознанием всей истины и силы своих слов».

«Братия, как цель нашей жизни на земле? Так, чтобы по испытании нашем земными скорбями и бедствиями и после постепенного усовершенствования в добродетели, при помощи благодатных дарований, преподаваемых в таинствах, нам опочить в Боге — покое нашего духа».

«У людей, старающихся провождать духовную жизнь, бывает самая тонкая и самая трудная война чрез помыслы каждое мгновение жизни, война духовная».

«Во время молитвы лукавый все меры употребляет к тому, чтобы охладить и излукавить наше сердце самым незаметным для нас образом. Молись да крепись, сердце свое крепи».

«Все блага души, то есть все, что составляет жизнь, покой и радость души, — от Бога! Опыт».

«Имея Христа в сердце, бойся, как бы не потерять Его, а с Ним — и покоя сердечного: горько начинать снова, усилия прилепиться к Нему, снова по отпадении, будут тяжки, и многим будут стоить горьких слез. Держись всеми силами за Христа, приобретай Его и не теряй святого дерзновения пред Ним!»

«Вера в бытие Божие тесно связана с верою в бытие собственной души. Душе благочестивой бытие Божие так же очевидно, как собственное бытие».

«Бог, как вечная Истина, не терпит в нас и мгновения сомнения в истине».

«Множество тайн в природе, коих не может постигнуть даже в вещах мой разум, однако же вещи существуют со своими тайнами. Так и в этом таинстве животворящего Тела и Крови — тайна для меня, как хлеб и вино делаются Телом и Кровью Самого Господа; но тайны Тела и Крови на самом деле существуют, хотя и непонятно для меня. У Творца моего..., как у Бога премудрого, бесконечно всемогущего, — множество тайн, я сам для себя тайна, как дело рук Его».

«Во время молитвы бывают иногда минуты убийственного мрака и стеснения сердечного, происходящие от неверия сердца. Не малодушествуй в эти минуты, но вспомни, что, если в тебе пресекся свет Божественный, то он сияет всегда во всем блеске и величии в Боге, в Церкви Божией, Небесной и земной, и в мире вещественном, в котором видимы Его Присносущная сила и Божество (см.: Рим. 1, 20)».

«Когда свет веры или истины Божией живет в твоем сердце, тогда оно — покойно, твердо, сильно, живо, а когда он пресечется, тогда оно беспокойно, слабо, как трость ветром колеблемая, безжизненно. Не обращая внимания на этот сатанинский мрак! Прогоняй его от сердца знамением Животворящего Креста».

«Не жалей себя для сердечной молитвы даже тогда, когда ты весь день провел в трудах. Допустивши молитву нерадивую, не от всего сердца, не заснешь, пока не выплачешь своего греха пред Богом. Не со всеми это бывает, а с усовершившимися... Верь слову: поторопишься на молитве для покоя телесного, чтобы отдохнуть скорее, а потеряешь и телесный покой, и душевный. Ах! Какими трудами, потом и слезами достигается приближение сердца нашего к Богу! Он хочет, чтобы мы всегда принадлежали Ему!»

А мы с тобой, читатель?

На этом мы закончим наши выписки из «Моей жизни во Христе».

Не сопровождаем их своими объяснениями: они и без этого и понятны, и сладостны, и полезны.

Конечно, можно бы их увеличить вдвое и втрое, и вдесятеро, и хочется этого, но и без этого довольно много сделано уже этих выписок.

И не раскаиваемся: они, хоть в малой степени, пусть заменят самый Дневник Батюшки.

В этом Дневнике, как уже говорилось, напечатано далеко не все, что было в рукописях, а лишь — «извлечения». После делались новые «извлечения». Вот, например, что говорится в «Предисловии» к «Богопознанию и самопознанию», издания 1900–1902гг.

«В настоящей книжке содержатся извлечения из дневника Кронштадтского протоиерея отца Иоанна Ильича Сергиева, писанного им еще в 1861 году. Он прислал эту рукопись для печатания в журнале «С.-Петербургский духовный вестник», вскоре после его возникновения в 1895 году, по сердечному сочувствию делу издания нового духовного журнала. Статьи эти нигде, кроме «Духовного вестника», не были напечатаны и содержат в себе драгоценные указания духовного опыта — как должно познавать Бога и самого себя».

При издании этого извлечения о. Иоанн написал: «Согласен на печатание». 15 февраля 1900 г.»

Далее. «Созерцания и чувства христианской души».

Взято «из Дневника за 1904 год».

Затем: «Созерцательное подвижничество». Это избрано из записей за 1906–1907.

Наконец, «Живой колос с духовной нивы о. Иоанна Кроншатдтского. Из Дневника за 1908 год», то есть за последний его год жизни.

«Эти три книги... составляют продолжение и заключение известного сочинения Батюшки «Моя жизнь во Христе».

«Последнюю книжку «Живой колос» Батюшка сильно желал видеть готовою при своей жизни и часто справлялся о ней. Но по некоторым обстоятельствам, мне неизвестным, печатанье задержалось, и только к марту месяцу настоящего года книжка вышла из типографии. Это — последние думы, последний голос, последние наставления высокочтимого пастыря — проповедника». Так писал издатель в конце книжки.

В 1900 году Ступиным была издана книга под заглавием «Правда о Боге, о мире, о Церкви, о душе человеческой». В 1908 году она была переиздана «Обществом» религиозно-нравственного просвещения. Отец Иоанн сам предложил вторично издать ее, что и было сделано.

Тем же обществом в 1902 году издана была книга «Христианская философия», составленная по тому же дневнику «за последние 3–4 года». План ее «был выработан под непосредственным руководством о. Иоанна, им проверен, исправлен и одобрен».

Что касается остальных произведений о. Иоанна, то их я просто укажу перечислением этих томов с их содержанием: 1-й том посвящен беседам о Боге, о блаженствах, словам на праздники Господни и Божией Матери; 2-й том включает в себя полный годовой круг слов и поучения в дни Четыредесятницы; 3-й том содержит проповеди на храмовые праздники и слова на разные случаи. Этот том богат биографическими данными. В конце этого тома описывается житие св. вмч. Евфимии. 4-й, 5-й, 6-й тома заключают извлечения из Дневника. В частности, 6-й том посвящен «Мыслям о бого-

служении Православной Церкви». — Эти извлечения издавались много раз и разными издателями. Многое издавалось в виде отдельных брошюр.

Конечно, все вышедшие от Батюшки, очень интересно и назидательно, тем более, что он следует учению Церкви.

Но «Моя жизнь во Христе» не просто богословско-литературное произведение, а — целая жизнь Батюшки. Этому труду он отдал более 50 лет! Недаром он сам в автобиографии своей, несмотря на ее краткость и сжатость, указал на этот Дневник свой: очевидно, он считал это дело значительным.

И все это «Во славу Триединого Бога». А на второй странице заглавного листа приводятся слова из Евангелия: «Се же есть живот вечный, да знают Тебе единого истиннаго Бога, и Егоже послал еси Иисуса Христа» (Ин. 17, 3). — Чем озаглавил, это же и повторяет: Христос!

Том I. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Содержание творений о. Иоанна, а особенно дневников его, так глубоко, что нет возможности сказать обо всем обстоятельно, но хочется, хоть кратко, выбрать некоторые его мысли. Правда, они, собственно, не новы по существу своему, а вообще — церковны, но иногда — ярко выражены или же — даже и своеобразны, а во всяком случае — весьма характерны для о. Иоанна, как пастыря.

А для большого интереса и ясности мы будем выражать его мысли в форме вопросов и ответов на них его собственными словами.

Иногда даже повторяться придется нам: это не будет бедою, потому что, возможно, наши выписки будут полнее, чем прежде, или с параллельными местами к ним. Да и то можно отметить, что у самого о. Иоанна некоторые мысли высказываются не однажды, а по нескольку раз. Больше обратим внимания и на I–III тома проповедей. И в результате получится сокращенный дневник его, а совместно с приведенными выше мыслями его личность о. Иоанна обрисуется полнее.

ВОПРОС: Важно ли памятовать о Боге, как Троичном Существе?

ОТВЕТ: Памятовать о Боге, говорит св. Григорий Богослов, необходимее, чем дышать.

Учение о Пресвятой Троице так важно, что в вере христианской нет важнее и возвышеннее этого учения, а все другие знания человеческие, относящиеся к земной жизни нашей и не касающиеся веры, — если взять их вместе, — то же, что едва заметная точка, потому что Бог есть Источник всякой премудрости и знания, и познание Бога во Святой Троице есть жизни вечная для разумных тварей. Без исповедания Пресвятой Троицы нет христианства.

Мы называемся христианами.

Значит, кто верует во Христа, тот непременно верует во Святую Троицу: в Отца и Сына и Святого Духа.

ВОПРОС: Постижимо ли уму это учение?

ОТВЕТ: Важно это учение. Но оно есть вместе и самое непостижимое. Только по снисхождению к нашей немощи Бог благоволил открыть таинство Пресвятыя Троицы под именем Отца и Сына и Святого Духа, а потому мы не должны принимать сие Имя (то есть Отца и Сына и Святого Духа) в том смысле, в каком принимаем о людях. Что же касается того, как во едином Боге Три Лица, как и Отец есть Бог, и Сын есть Бог, и Святой Дух есть Бог, то это выше всякого разумения. Троичность лиц Божества есть величайшая тайна. «Но где тайна, — говорит св. Златоуст, — там великое молчание, где тайна, там ум призывает к себе веру» (Златоуст, беседа 54). Так, братия, разум наш необходимо должен смириться и умолкнуть пред тайною Триипостасного Божества, и, чувствуя свое бессилие, постигнуть ее, призвать себе на помощь веру.

ВОПРОС: Обходится ли знание и естественного мира без тайн?

ОТВЕТ: «Смиренная простота веры необходима каждому из нас. Где нет тайны? Человек сам для себя — и в своей душе и в своем теле — есть тайна. Кто удовлетворительно объяснил, например, как соединена душа человеческая телом, как они взаимно действуют друг на друга, как сон восстанавливает силы человека и др.? Значит, прежде всего человек должен верить своим собственным тайнам. Есть бесчисленное множество тайн и в окружающей нас природе: человек так мало знает в сравнении с тем, чего еще не знает, несмотря на успехи естественных наук — что каждый из нас смиренно должен сознаться с одним из древних мудрецов (Сократ) в том, что мы знаем лишь только то, что ничего не знаем. Св. Писание свидетельствует, что мы «едва разумеваем, яже на земли, и яже в руках обретаем со трудом» и за этим прибавляет: «а яже на небесех, кто изследи» (Прем. 9, 16)?

Итак, если есть тайны в нас самих и в окружающей нас природе, и мы должны принимать их верно, не постигая разумом, то не тем ли больше должны верить тайнам небесным и особенно высочайшей тайне Триипостасного Божества».

И св. Иоанн Дамаскин говорит: постижение Бога начинается с постижения непостижимости Его.

Это свидетельствует нам и собственной опыт наш.

ВОПРОС: Материален ли Бог?

ОТВЕТ: Бог — есть Дух, в Нем не может быть никаких частей, какие есть у человека: нет у Него главы, ни рук, ни ног, словом, ничего такого, что есть у человека. Потому и при рождении Божием не может быть ни страдания, ни отделения какого-либо. Как Дух, Бог и рождает духовно, непостижимо для нас, как то знает Он Сам, Сын и Дух Святый; Бог рождает или родил Сына прежде всех веков, вечно; не было времени, когда бы Отец не был Отцем Сына, как не было времени, когда бы Он не был Богом.

ВОПРОС: Что такое исхождение Духа Святого?

ОТВЕТ: Когда же мы слышим, что Бог Отец, родивши прежде всех веков Сына, производит и Духа Святого, то и это произведение или —

лучше —исхождение должны представлять не чувственно, то есть не по человечески, а — духовно, как один Бог знает, равно как должны признавать Его отличным от рождения, хотя мы и не знаем, чем различается рождение и исхождение. Дух Святый также вечно исходит от Отца, как и Сын вечно родился от Отца; исходит, но никогда не отделяется от Отца. «Егда же приидет Утешитель, — говорит Спаситель, утешая учеников Своих в приближавшейся с Ним разлуке, — егоже Аз послю вам от Отца, Дух истины, Иже от Отца исходит, Той свидетельствует о Мне (Ин. 15, 26). Так ясно учит Св. Писание об исхождении Святого Духа Бога от Бога Отца — и только от Него единого, а не от Сына вместе, как учат некоторые.

ВОПРОС: Почему Дух Святый называется животворящим?

ОТВЕТ: Слыша, что Дух Святый называется животворящим, мы должны представлять себе, что Бог Дух Святый вместе с Богом должны представлять себе, что Бог Дух Святый вместе с Богом Отцом и Сыном дает жизнь всякой твари — разумной и неразумной, одушевленной и неодушевленной: небесные и земные твари получили жизнь от Него, особенно же ангелы и человеки своею духовною жизнью и преспеянием в ней обязаны животворящему Духу Божию. Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается.

ВОПРОС: Есть ли ангелы?

ОТВЕТ: Есть люди, которые имеют несчастье отвергать невидимый, целый мир духов, вопреки ясным свидетельствам Священного Писания и свидетельствам св. мужей, которые сами на земле уподобились, по святости жизни и любви к Богу, небесным Силам и были в содружестве с ними. Кому же больше надобно верить? Как во всяком другом, так особенно в этом деле, конечно, Св. Писанию и святым Божиим. Что ангелы есть, это выше всякого сомнения.

ВОПРОС: Отчего некоторые люди говорят, что нет ангелов?

ОТВЕТ: От того, что они не видят доказательств их бытия; а верить просто — не хотят: между тем они не видят, не осязают их. Это — люди, руководствующиеся даже и в вере низшею своею природою — чувствами. Но слепец не видит солнце, луны и звезд, украшающих небо и освящающих землю, но это невидение доказывает только то, что он — слеп. Светила сияют независимо от того, видит он их или нет. Спросим об ангелах людей святых и благочестивых, и они докажут нам ясно, как день, бытие мира духовного.

Священное Писание решительно удостоверяет нас, братия, в существовании особого мира духов.

ВОПРОС: Что же значит наша земная жизнь сравнительно с ангелами?

ОТВЕТ: За несколько лет нас не было и через несколько лет опять нас не будет. Это — мимолетная тень жизни. Вот там — на небе — будет жизнь наша. Нет, удобнее согласиться, что мы не существуем на земле, или ходим на ней подобно призраку (см.: Пс. 38, 7), чем согласиться, что ангелы не существуют.

ВОПРОС: А точно ли есть злые, падшие духи?

ОТВЕТ: Что злые духи есть — это выше всякого сомнения. Во время земной жизни Иисуса Христа они исповедывали Его устами бесноватых людей Сыном Божиим, свидетельствовали как бы невольно, что они осуждены Им на вечные муки, со свойственной им злостью, истинно адскою, мучили людей бесноватых — и с такой же злостью выходили из них по повелению Спасителя, ввиду многочисленного народа. Однажды вышедши по слову Спасителя из двух бесноватых, с тем чтобы войти в свиней, пасшихся неподалеку, они очевиднейшим образом доказали свое позорное бытие тем, что стадо свиней, в которое они вошли, гонимое и мучимое их силой, устремилось все в море и перетонуло (Мф. 8, 28–34). Св. Писание прямо между ними различает одного главного или предводителя, которого называет диаволом (1 Пет. 5, 8–7), сатаною (Откр. 20, 2 и 7), князем мира (Ин. 12, 31), князем власти воздушные (Еф. 2, 2), князем бесовским (Мф. 9, 34).

ВОПРОС: Уверяет ли нас и опыт в бытии злых духов?

ОТВЕТ: Люди, наблюдавшие за самими собою, за состоянием своей духовной жизни, замечали, что душа их, прежде тихая и спокойная, как величественная река, ровно текущая в своих берегах, вдруг была возмущаема какою-то неприязненною злою силою и начинала смутно волноваться от напора нечистых помыслов и желаний страстных; усматривали, что внутри их иногда кто-то с силой устремляется на самые коренные, спасительные убеждения разума, что святые Божии в земной жизни своей были в постоянной борьбе с какою-то духовною, неприязненною силою, которая нападала на них и рано или поздно мучила их тягостным борением. Как объяснить это явление в нашей душе? Тут именно заметно действие посторонней злой силы, которая противодействует усиливающейся в нас доброй силе. Это — именно действие духов злобы поднебесных. Св. Апостол так решительно был уверен в действительности этой внутренней борьбы с злыми духами, что — как опытный духовный наставник — просил новообращенных христиан облечься в духовное всеоружие, чтобы быть в состоянии противостоять козням диавольским.

ВОПРОС: Связано ли христианство с бытием злых духов?

ОТВЕТ: Бытием злых духов весьма многое объясняется в судьбе и жизни человечества: падение человека, его развращение, безбожие, многобожие и другие гнусные пороки. На бытии злых духов основывается самое таинство искупления нашего Сыном Божиим, потому что Он пришел «разрушить дела диавола» (1 Ин. 3, 8).

ВОПРОС: Каковы злые духи по своему характеру?

ОТВЕТ: Как духи злые, они злы до чрезвычайности; нам трудно и вообразить, как они злы. Только отчасти, по их делам в людях и животных, можно заключить о их злости. Так, одного бесноватого, которого исцелил Иисус Христос, демон часто приводил к огню, чтобы он сгорел, и — к воде, чтобы потонул в ней (Мф. 17, 14–21). У другого бесноватого демон связал язык так, что при языке он не мог ничего сказать.

При крайней злости своей злые духи очень умны на зло, потому что они и в начале получили от Бога ум, высший человеческого. Кроме того,

они очень сильны, — что доказывают примеры бесноватых, которых иногда ничем нельзя было связать, а если и связывали в минуты их спокойствия, то они разрывали даже и железные цепи. Но яснее сила их видна над людьми нечестивыми и обладаемыми страстями, нерадящими о своем спасении, которых за нерадивость Господь предает во власть диавола.

Бесы очень злы — и самая жизнь их в том состоит, чтобы делать зло.

ВОПРОС: Возможно ли покаяние злых духов?

ОТВЕТ: Падение злых духов так велико и ожесточенно, злые дела их в Царстве Божием так пагубны, что они сами никогда не могут покаяться и потому их ожидают несомненные бесконечные муки во аде вместе с грешниками нераскаянными. Св. Писание неоднократно говорит, что Господь Бог блюдет их на суд великого дня второго и славного Своего пришествия, после которого они будет мучиться во веки веков (2 Пет. 2, 4. Иуд. 1, 6).

ВОПРОС: Понятно ли творение мира из ничего?

ОТВЕТ: Непостижимо для ума нашего. Св. Писание же говорит о сотворении и о. Иоанн приводит библейское сказание.

Но если допустить и вечное, безначальное существование мира — это так же совершенно непостижимо уму, требующему всему начала, и потому еще более непостижимо, чем творение. Во всяком случае, в обоих случаях — крест для разума.

ВОПРОС: О чем говорит стройность мира?

ОТВЕТ: Из разнообразной красоты, примечаемой в тварях, которая при всем разнообразии есть что-то единое и общее всем им, заключаем, что есть одна высочайшая Красота, от которой происходит в мире всякая красота. Весь мир — есть единая красота, потому что един верховный Мудрец создал его. Будут и люди одним прекрасным стадом, когда «будет Бог всяческая во всех» (1 Кор. 15, 28) в будущем веке.

ВОПРОС: О чем свидетельствуют твердые законы в мире?

ОТВЕТ: Все божественное — прочно и постоянно! Так тверды и неизменны законы Творца, данные твари, так неизменно определение Господне о Св. Церкви, что ее не одолеют и врата адовы, или вся сила адская, — и она будет твердо стоять до скончания века. «Созижду церковь Мою, и врата адовы не одолеют ей» (Мф. 16, 18), сказал Спаситель. Да радуется же смертный род, потому что всегда можно будет нам находить спасение в Св. Церкви — до скончания мира — и да прославляет Творца всякой твари.

ВОПРОС: Совсем ли человек потерял власть над зверями?

ОТВЕТ: Только праведность может возвратить тебе власть над зверями, как св. пророку Даниилу — над львами, как многим святым над теми же львами и другими хищными зверями.

ВОПРОС: Что такое образ и подобие Божие в человеке, — о чем так часто говорит о. Иоанн?

ОТВЕТ: Человек создан по образу Пресвятые Троицы. Потому-то св. отцы находят в человеке как бы некоторый отпечаток троичности Лиц Божественных: ум, слово и дыхание («Богословие» св. Иоанна Дамаскина).

И да обладает рыбами морскими, и птицами небесными (и зверьми), и скотами, и всею землею, и всеми гады пресмыкающимися по земли.

Вопрос: Что подразумевается под словами «дыхание жизни», вдунутое Богом?

ОТВЕТ: Господь, — говорит св. Григорий Богослов, — уделил ему Своей Божественной жизни, или послал в него дух, который есть струя невидимого Божества («Творения». Книга 4).

ВОПРОС: Можно ли к телу относиться пренебрежительно?

ОТВЕТ: По телу человек весьма ограниченное, немощное существо, и весь он не свой, а Божий.

Но несмотря на то, что плоть наша немощна и создана из земли, и в ней проявляется бесконечная премудрость Творца, и совершенно пренебрегать телом нашим не следует: оно есть прекрасное, живое орудие души нашей и сонаследник Царства Небесного; вместе с душою и тело наше некогда будет участвовать в блаженстве вечном.

ВОПРОС: Были ли первые люди так несчастны, как ныне?

ОТВЕТ: Первые люди сотворены были по образу и по подобию Господа Бога. А как Господь Бог обладает высочайшим, бесконечным блаженством, — то по тому самому и первые человеки, сотворенные по образу и по подобию вседовольного и всеблаженного Бога, были сначала также всем довольны и блаженны, или совершенно счастливы. Да, было им в чем быть довольными и счастливыми. Ум их был светел и без труда знал все окружающее: Сам Господь Бог был светом их разума, и самое первое, животворнейшее для них знание — было знание Господа Бога, сердце их было полно любви к Богу и друг к другу и блаженно сей любовью; предметы же мирской суеты, например, богатство, слава, излишние житейские удобства, прихоти, увеселения, нимало не удовлетворяющие бессмертному духу человеческому и сильно занимающие людей нынешнего света, тогда не могли иметь ни малейшего места в их сердце; «мир и радость о Дусе Святе» (Рим. 14, 17), неизменные, постоянные, обитали в сердцах прародителей, а с миром и радостью — сам Господь Бог. Воля была у них святая. Как невинные дети, первые люди Богом жили, Богом утешались, Богом дышали: и началом и концом их мысли и желания и дела был Господь Бог. Кроме того, причиною их блаженства был и самый прекрасный мир, только лишь сотворенный всесильным словом Божиим.

ВОПРОС: Искушает ли диавол и ныне, как искусил он Еву и Адама?

ОТВЕТ: Братия! Будьте всегда на страже своих мыслей и своего сердца: диавол и ныне приступает искушать всякого человека, который старается жить благочестиво, богоугодно и особенно в то время, когда человек занимается благочестивыми делами (свидетельств об этом полны разные молитвы, стихи канонов и песнопения), дерзко клевещет людям на Бога и всячески старается похитить от сердец их веру в Него (Лк. 8, 12). Даже Господь наш Иисус Христос после крещения возведен был духом в пустыню искуситься от диавола, по своему человечеству: вот доказательство, что диавольское искушение падает на всех людей, ревнующих об исполнении заповедей Божиих (Мф. 4, 1–11). Остерегайтесь исконного человекоубийцы; призывайте чаще и помощь Господа Иисуса Христа, победившего

диавола и нам даровавшего крепкое оружие против него: Свое, страшное для демонов, Имя и Животворящий Крест.

ВОПРОС: Всем ли людям приходится вести борьбу?

ОТВЕТ: Эта борьба плоти и духа происходит в нас вследствие первородного греха. Все, даже великие святые, замечали в себе эту страшную борьбу между плотию и духом. Так, св. апостол Павел говорит о себе: «вем бо, яко не живет во мне, сиречь в плоти моей доброе, еже бо хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю» (Рим 7, 18). Св. Григорий Богослов так и говорит об этом странном противоречии в себе: «Я терплю непрекращающуюся тревогу брани между враждующими взаимно и плотию и душею, я — образ Божий и вовлекаюсь в греховность, худшее во мне несправедливо противится лучшему, или убегаю грехов и противлюсь им, но не без труда, после многих борений и при небесной только помощи. Ибо два, точно два во мне ума: один — добрый, и он следует всему прекрасному, а другой — худший, и он следует худому, один ум идет к свету, и готов покоряться Христу, а другой ум плоти и крови влечет во мрак и согласен отдаться в плен диаволу.

ВОПРОС: Для чего мы сказали о первородном грехе?

ОТВЕТ: Эту застарелую болезнь человеческого рода «исцелить» не было и нет у людей собственных средств. Для людей в их греховной испорченности и в их удалении от Бога необходима была — как и теперь необходима — Божественная помощь; нужен был, как и теперь нужен — Божественный Спаситель, без Которого они погибли бы во грехах своих невозвратно, навсегда... Сей-то Спаситель всего мира, Сын Божий, Богочеловек Иисус Христос исполнил за нас все послушание Богу, «послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя» (Флп. 2, 8) и, дав людям спасительные правила, показал Собою и в Своей жизни пример для нашей жизни и подал нам «вся Божественныя силы, яже к животу и благочестию» (2 Пет. 1, 3) так, что при Его благодати мы можем побеждать свои страсти и худые привычки и наклонности. Своею пречистою Кровию, за нас пролитою, и ныне приносимую в алтарях христианских церквей, Он обновил и обновляет растлевшее грехом естество наше так что «аще во Христе», тот «нова тварь» (2 Кор. 5, 17), то есть истинный христианин становится совершенно новым человеком, святым, богоугодным.

ВОПРОС: В чем проявляется Промысел Божий?

ОТВЕТ: Мы не станем говорить здесь о том, как промышляет Бог об ангелах. Это промышление Господа о ближайших к Нему тварях таинственно и малоизвестно для нас. Разве то сказать, что если ангелы утвердились навсегда в добре и уже не могут делать зла, то их сохранил и хранит непреклонными ко злу Господь Бог за их любовь к Нему. Не станем распространяться и о том, что Бог промышляет о видимом мире. Это промышление — очевидно. Бог промышляет о царствах и народах, как Он премудро связал, скрепил множество народа в одно целое властями. Потому-то, кто противится власти, тот противится Божию повелению. «Тем же противляйся власти, — сказано, — Божию повелению противляется» (Рим. 13, 2). Кроме разных властей, свыше установленных, Бог промыш-

ляет о людях чрез совесть каждого человека. Совесть — это наш судия нелицемерный: она тщательно смотрит за нашими мыслями и желаниями, словами и делами: ничто от нее не укроется.

ВОПРОС: Зачем при Промысле посылаются скорби?

ОТВЕТ: Братия! Господь любя нас, наказывает. Свирепствует ли где кровопролитная война, — скажем себе: видно, грехи народа стали слишком велики и Бог войною наказывает и вразумляет народ — обратиться к вере и благочестию. Войны всегда были у Господа средством (между другими средствами) к наказанию грехов народа и к вразумлению его (Книга Судей). При виде несчастий, бывающих с людьми, нужно помнить, что величайшее, единственно ужасное несчастье — есть грех, а все другие несчастья служат или к очищению греха, или к достойному наказанию за грех и к вразумлению людей, видящих несчастье или слышащих об нем.

ВОПРОС: Можно ли на литургии воспоминать жизнь Иисуса Христа?

ОТВЕТ: Литургия есть воспоминание земной жизни Иисуса Христа от пелен Его до гроба, от воскресения и до вознесения на небо. Алтарь означает Царство Небесное или рай; Царские врата — двери райские или двери Царства Небесного; открытие и закрытие этих врат во время службы означает открытие и закрытие Царства Небесного или рая. Начало литургии означает начало искупительного служения Господа Иисуса Христа роду человеческому, а малый вход с Евангелием означает шествие его на проповедь Евангелия и первую нагорную Его проповедь, в которой Он ублажает исполняющих Его заповеди и обещает разные награды на небесах подвизающимся в этом мире Его ради. Видя открытые Царские врата, как врата Царства Небесного, и взирая сердечными очами на Господа, таинственно грядущего в малом входе, нам, земным странникам, изгнанникам из рая, естественно молить Господа, подобно благоразумному разбойнику: помяни нас, Господи, егда приидеши во царствие Твоем.

ВОПРОС: Почему мало в храмах знатных, ученых и богатых?

ОТВЕТ: Очень мало их. Почему? Потому, что многие из них говорят в себе: мы богаты, обогатились и ничего не требуем! Мы учены, у кого нам и чему еще учиться, о чем нам просить Бога, всем мы обязаны себе, своему уму, своим трудам, своему положению в свете, своему месту; за что и кого благодарить? Грешны мы, говорят они,— правда, но кто же не грешит? Так уже создан человек, говорят, чем же он виноват?

Первоначально Царство Божие, Небесное, было внутри человеков, в сердце их, как сказал Господь: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21), но потом, вследствие преслушания воли Божией прародителями нашими, послушавшими искусителя-диавола, оно удалилось из сердца человеческого, и в сердцах людей стал царствовать грех с его виновником, сделав их из небесных земными и поработив их земной суете.

ВОПРОС: Как стяжать нищету духовную?

ОТВЕТ: Кто хочет стяжать истинное и глубокое смирение, тот должен как можно чаще и глубже входить в самого себя, привести на память и беспристрастно рассмотреть внутренними очами все свои греховные по-

мышления, желания, намерения, дела от самой ранней юности до настоящего времени; тогда мы увидим, что утопаем в бездне грехов.

ВОПРОС: Могут ли быть нищими духом люди богатые?

ОТВЕТ: Конечно, могут быть, если не будут себя считать великими людьми потому только, что они обладают тленным богатством и с помощью его могут сделать все, что захотят. Как же они могут быть нищими духом? Когда искренно сознают, что их богатство, да и богатство всего мира ничего не значит в сравнении с бессмертной душой,— что оно есть дар Божий не нам только, но и ближним нашим, ибо избытки даются нам для вспоможения бедным; когда познают, что при вещественных сокровищах они крайне бедны и нищи духом и не будут высокомудрствовать о себе. Впрочем, так как богатство представляет много искушений ко греху,— то желавшие христианского совершенства, глубокой нищеты духа и непреткновенности на пути спасения, обыкновенно продавали свое имение и раздавали нищим, а сами удалялись в безмолвие, чтобы совершенно и без развлечения работать Богу день и ночь.

ВОПРОС: Можно ли христианину смеяться? И о чем плакать?

ОТВЕТ: «О горе вам смеющымся ныне, яко возрыдаете и восплачете» (Лк. 6, 25), — говорит опять Господь, Которого во время земной жизни никогда не видели смеющимся, но видели плачущим. Как? смеяться, веселиться тогда, когда мы находимся под гневом Божиим, когда проходим поприще отчаянной борьбы на жизнь или смерть, когда отовсюду беды, когда всегубительный и обольстительный грех с такою наглостью и свирепством повсюду губит души человеческие, кровию Сына Божия искупленные; когда это исчадие ада ежечасно угрожает низринуть нас в готовую разверзсться геенну огненную? Время ли смеяться и веселиться, когда повсюду соблазны, пороки, падения». Но плакать нужно! И подлинно, блажени плачущии. Если кто из нас имеет дар слез о грехах, тот по опыту знает, какое блаженство плакать о грехах своих или чужих; блаженство неразлучно с плачем евангельским, так что плачущий как бы естественно получает в награду утешение. Впрочем, есть плач мирской, печаль мира сего: плачет бессильная злоба, плачет униженная гордость, плачет неудовлетворяемая суетность, плачет оскорбленное самолюбие, но это слезы грешные, слезы бесполезные, слезы, крайне вредные для плачущих, ибо они причиняют смерть души и тела. Печаль мира сего смерть соделовает (2 Кор. 7, 10). «Но о чем же должно плакать? Во-первых, плачь о том, что ты осквернил и непрестанно оскверняешь в себе образ Божий грехами своими. Подумай, человек: Бог изобразил Себя в тебе, как солнце изображается в капле воды, ты сделан как бы некоторым богом на земле, как сказано: «Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси» (Пс. 81, 6), а ты ежедневно бросаешь в грязь. Достойно и праведно плакать об этом день и ночь. Плачь же! Плачь о насилиях и притеснениях богачей и сильным мира сего, о нищете и беспомощности бедных».

Многие святые угодники Божии всю жизнь плакали, день и ночь, при мысли о Страшном Суде и последующей за оным вечной муке нечестивых, а мы, как бы праведники какие, равнодушны к этому окончательному грозному решению нашей участи».

ВОПРОС: Как относиться к иконам?

ОТВЕТ: На иконе благодатно присутствует то лицо, которое на ней изображено, и при поклонении св. иконам, всегда возводите ум свой к первообразному, то есть к лицу, изображенному на ней.

ВОПРОС: Почему должно быть кроткими?

ОТВЕТ: Как нелепа и противоестественна злоба и ярость! Как, напротив, сродна природе нашей кротость! Посмотрите на лицо кроткого: как оно прекрасно, ясно, спокойно, невозмутимо, привлекательно! Какое духовное благоухание разливает в душах человек кроткий; глядя на него, и человек гневливый научается быть кротким. Кротость приносит с собою душевное спокойствие и радость, как говорит Господь: «научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашым» (Мф. 11, 29). И молитва, при злобе на ближнего, обращается в грех и осуждение. Кротость доставляет нам любовь, уважение и благорасположение людей; кротость делает богоугодною молитву, умилостивляет к нам Бога и доставляет прощение грехов наших. К кротости побуждают нас примеры апостолов, всех древних христиан, особенно св. мучеников. Несмотря на неслыханные жестокости и притеснения язычников, они никогда не думали взяться за оружие для свой защиты, в продолжение трех столетий страдали от них, как агнцы, по примеру Своего Божественного Учителя, Который, будучи злословим, не злословил взаимно, страдая, не угрожал, но придавал то Судии праведному (1 Пет. 2, 23). Не взялись они за оружие, не стали сопротивляться и защищаться, хоть бы и могли, но претерпели все с кротостью за Христа, как агнцы. Наиболее мы должны чаще представлять пример Господа нашего Иисуса Христа, Который, быв кроток и смирен сердцем, всего более заповедал нам незлобие и долготерпение и Сам претерпел за нас крест и смерть.

ВОПРОС: Проявляется ли в праведности образ Божий?

ОТВЕТ: Как человек сотворен? По образу и подобию Божию, или, как говорит св. Апостол, в праведности и в святости истины (Еф. 4, 24), то есть человек создан был праведным, безгрешным, святым, и в нем самом тек источник воды живой, так как он был в соединении с Богом.

ВОПРОС: Большое ли зло грех?

ОТВЕТ: О какой ужасный яд — грех для души бессмертной, созданной по образу праведного и всеблаженного Бога.

ВОПРОС: Что предало Иисуса Христа на страдания и крестную смерть?

ОТВЕТ: Их «Он приял и добровольно». Но определение это изрекла Правда Божия. За кого и за что? За нас и за грехи наши. А если с зеленеющим древом, каков был Иисус Христос, поступила так правда Божия, то что будет с сухими деревами, как мы грешные? Каковы будут наши мучения, если не обратимся и не покаемся? Что, страшат ли тебя, после этот, брат мой, суд и геенна?

ВОПРОС: Что всего нужнее человеку?

ОТВЕТ: Милость Божия, невзыскание по грехам нашим, продолжение к нам долготерпения Божия, дарование еще времени на покаяние, самое возбуждение души к покаянию, прощение грехов, а в конце концов — помилование на Страшном Суде Божием. Потому-то Церковь, от лица нашего, часто

произносит: Господи, помилуй! «Ничто так не свойственно истинному христианину, как милость или милосердие к ближнему. Почему? Потому что христианская вера и Церковь непрестанно возвещают нам о бесконечном милосердии Господа Бога к людям, которое, непрестанно являясь во всем мире, открылось наипаче в ниспослании на землю Богом Отцом Сына Его единородного для спасения мира от вечной погибели,— и в основании на земле Церкви Христовой или общества спасаемых, которое наиболее являет непрестанно в роде христианском и особенно в семи св. таинствах, так, например, в Крещении, через которое мы все стали чадами Божиими, или в Причащении, в котором мы столь часто делаемся причастниками самого Тела и самой Крови Господа Иисуса Христа и в Нем — жизни вечной». «Никакое служение»,— говорит св. Григорий Богослов,— так не угодно Богу, как милосердие, потому что оно всего более сродно Богу, Которому предходят милость и истина, и Которому должно приносить в дар милость прежде суда,— и праведный Мздовоздаятель ни за что так не вознаграждает Своим человеколюбием, как за человеколюбие (Творения св. Гр. Богослова в рус. пер., слово 14 о любви к бедным). Указывая на одинаковость, природы в нас и в бедных, и этим взаимным сродством нашим побуждая нас к милосердию, он же говорит: «Они одинаковое с нами получили естество, из того же составлены брения, из какого и мы, или лучше — если должно упомянуть о важнейшем — они так же, как и мы, одарены образом Божиим и хранят его, может быть, лучше нас, хотя истлели телом,— в единого облечены Христа по внутреннему человеку, одинаковый с нами приняли в сохранение залог Духа».

ВОПРОС: Кому главная польза от милостыни? Кому ее давать?

ОТВЕТ: Являя плод благотворения, ты соберешь его сам для себя, пишет св. Василий Великий, потому что благотворность добрых дел возвращается к дающим. Подал ты алчущему? И поданное тобою делается твоею собственностью, возвратившись к тебе с приращением.

Кому и как должно подавать милостыню? Иисус Христос говорит: всякому просящему тебе дай (Мф. 5, 42), значит, должно помогать и благотворить всем, не делая разбора в лицах, состоянии, происхождении, вероисповедании. Каждому истинно нуждающемуся должно оказывать милость. Св. Григорий Богослов говорит: «Мы должны отверзать утробу милосердия всем бедным и по какой бы то ни было причине страждущим; должны, как человеки, приносить человекам дань благотворительности, какая бы ни заставляла их нужда искать помощи, вдовство ли или сиротство, или изгнание из отечества, или жестокость властителей, или наглость начальствующих, или бесчеловечие собирателей подати, или алчность врагов, или опись имения, или кораблекрушение. Ибо все они одинаковое имеют право на сожаление, и также смотрят на руки наши, как мы на руки Божии». «Нет примера... — говорит св. Златоуст, — чтоб слишком разборчивый в таковых случаях принял когда-либо святого. Но таковый всего чаще попадает на обманщиков. Посему, умоляю вас, будем все делать в простоте» (св. Иоанн Златоуст на Послание к Филиппийцам). Наконец, не должно много думать о своих добрых делах, а почитать себя только раздаятелем даров Божиих. «Ты никогда не будешь щедрее Бога, — говорит св. Григорий Богослов, — хотя бы и пожерт-

вовал всем, что имеешь, хотя бы отдал вместе с имуществом и самого себя, ибо и то самое, чтобы отдать себя Богу, человек получает от Него же. Сколько ты ни уплатишь Ему, все еще больше того будет оставаться на тебе, и ничего не дашь ты своего, поелику все от Бога» (св. Григорий Богослов в рус. пер. ч. 2, с. 25).

ВОПРОС: Откуда эта всеобщая греховная нечистота в людях, когда они сотворены по образу и «по подобию Божию, а Бог пречист и пресвят»?

ОТВЕТ: От диавола, братия мои, от диавола, который и называется чаще всего в Писании духом нечистым, а в церковных молитвах, именно — при заклинании злого духа — духом чуждым, скверным и омерзенным. Он-то, этот нечистый дух, сделавшись, после своего отпадения от Бога скверным сосудом всякой нечистоты греха, осквернил изначала своим нечистым дыханием сердца первых человеков, и глубоко заразив нечистотою греха все существо их, душу и тело, передает эту нечистоту, как наследственную порчу, всему их потомству, даже до нас, и будет осквернять, особенно неосторожных и неверующих до скончания мира.

Итак, нечистота сердца происходит от диавола, или от первого грехопадения человеков, после которого все люди сделались как бы пленниками и рабами его. И эта греховная нечистота так велика, так глубоко въелась в человеческие сердца, так трудно избавиться от нее, что даже святые угодники Божии, которые всю жизнь бдели над всеми движениями и помыслами своего сердца, ощущали в себе по временам как бы наплыв или бурю лукавых, скверных и хульных помышлений, и молили Господа и Пречистую Богородицу укротить эти свирепые и нечистые волны, утолить эту бесовскую бурю; так велика, что некоторые мужи, взошедшие уже на верх чистоты и святости, стремительно падали в грех нечистоты; так велика, что несмотря на наши молитвы, на благодать таинств и на поучение наше в слове Божием и на все наказания, которыми Бог посещает нас за нашу греховную нечистоту, она все еще остается в нас, и будет с нами жить до могилы, и в иных, к стыду человечества, обнаруживается пред самою могилою с особенной наглостью и бесстыдством.

ВОПРОС: Что нужно для очищения сердца?

ОТВЕТ: Для очищения сердца нужны великие труды и скорби, частые слезы, непрестанная молитва внутренняя, воздержание, чтение слова Божия, писаний и житий святых угодников Божиих, но главное, частое покаяние и причащение пречистых Таин и ежедневное самоиспытание, размышление о том, сколь чистым человек сотворен вначале, и как вошла в мир скверна греха, о подобии и образе Божием в нас и о нашей обязанности уподобляться Первообразу — Пречистому Богу, о искуплении нас бесценною Кровию Сына Божия, о сыноположении нашем во Христе Иисусе, о заповеди нам — быть святыми во всем житии (1 Пет. 1, 15), размышлении о смерти, о Суде и о геенне огненной. Нужны, говорим, великие скорби, потому что они врачуют болезнь греха, сжигают терние страстей. «Многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие» (Деян. 14, 22), — говорит св. апостол Павел, и все святые перенесли великие скорби для стяжания сердечной чистоты.

ВОПРОС: Что такое мир духовный?

ОТВЕТ: Христос «есть мир наш, как сказано: «Той бо есть мир наш, сотворивый обоя едино» (Еф. 2, 14), и Который для того и сошел на землю, чтобы восстановить на ней мир, и положил в Церкви Своей слово примирения (2 Кор. 5, 19). Итак, желающие получить вечное блаженство, должны быть миротворцами. Как же исполнять эту заповедь? Во-первых, каждый из нас, братия, не должен попускать страстям возмущать себя, а отражать в самом начале прилоги страстей, и всячески соблюдать себя в мирном расположении.

Почему всякий из нас обязан стяжать мирный дух, то есть привести себя в такое состояние, чтобы дух наш ничем не возмущался? Надобно быть подобно мертвому или совершенно глухому и слепому при всех скорбях, клеветах, поношениях, лишениях, которые неминуемо бывают со всеми желающими идти по спасительным стезям Христовым. И кто не скажет, что люди, стяжавшие такое настроение духа, поистине блаженны, потому что стяжали Божественную благодать, источник мира и радости в Духе Святом (Рим. 14, 17), и ничем противным не возмущаются? Блаж. Феофилакт Болгарский говорит: «мир, иже к человеком, и в душе от страстей, мати бывает Божественныя благодати, и рождает сию в нас; возмущаемая же душа, и брани творящая с иными человеки, и сама с собою, не мню, дабы удостоилась Божественныя благодати» (Феофилакт Болгарский, предисловие к Евангелию от Иоанна). Эту истину знают многие из нас и по собственному опыту.

Но этот мир будет отражаться и на всей земной жизни. «Кто познал всю важность мира в жизни человека — церковной, гражданской и семейной, естественной и благодатной, и крайний вред несогласия и разора, от которых все приходит в расстройство, тот всеми мерами будет стараться и сам поступать со всеми согласно, и будет содействовать сохранению мира и согласия и между людьми: «в мир бо призва нас Господь» (1 Кор. 7, 15).

ВОПРОС: Возможно ли иногда для христианина разногласие?

ОТВЕТ: Бывают случаи, когда разногласие бывает лучше мира, и надобно бывает пренебрегать самым миром: таков мир людей беззаконных, о которых говорит Давид: «возревновах на беззаконныя, мир грешников зря» (Пс. 72, 3). «Да не подумают,— пишет св. Григорий Богослов,— будто бы я утверждаю, что всяким миром надобно дорожить. Ибо знаю, что есть прекрасное разногласие, и самое пагубное единогласие, но должно любить добрый мир, имеющий добрую цель и соединяющий с Богом. Но когда дело идет об явном нечестии, тогда должно идти скорее на огонь и меч, нежели приобщиться лукавого кваса и прилагаться к зараженным» (св. Григорий Богослов, слово о мире, в рус. пер., т. I, с. 237). «Мир тогда особенно и водворяется,— пишет св. Иоанн Златоуст,— когда зараженное болезнью отсекается, когда враждебное отделяется. Ибо чрез сие только и возможно небу соединиться с землею. Ибо и врач тогда спасет части тела, когда отсекает от них неизлечимый член, и военачальник восстанавливает спокойствие, когда злонамеренных единомышленников приводит в разногласие». Любите же все, братия мои, правду, и ненавидьте неправду или грех

всякого рода, высказывайте прямо и смело святую правду и обличайте с кротостью и терпением неправду, чтобы правда царствовала.

ВОПРОС: Отчего мир гонит истинную веру, благочестие, правду, которые столь благотворны для людей, внося в разрозненные общества человеческие — единство, взаимную любовь, добрые нравы, мир, тишину, порядок?

ОТВЕТ: Оттого, что «мир весь во зле лежит» (1 Ин. 5, 19), люди возлюбили злобу, паче благостыни (Пс. 51, 5) и князь мира сего, диавол, действующий в сынах противления, ненавидит правду адскою ненавистью и гонит ее, так как она служит обличением неправде, колет ей глаза, стесняет ее. Всегда злые, развратные люди ненавидели праведных и гнали, и будут ненавидеть и гнать. Вера Христова встретила ужасные гонения в мире от иудеев и идолопоклонников: христиане были забиваемы в колоды и бросаемы в темницы, распинаемы на крестах, отдаваемы на растерзание зверям: их посекали мечом, топили в реках, терзали железными когтями, колесовали, отсекали у них руки или постепенно все члены тела; прободали копьями, обливали кипящим оловом или маслом или опускали в кипящие котлы, сожигали на горячих сковородах или в раскаленных медных волах, не говоря уже о ругательствах, насмешках, побоях, пощечинах, которым подвергались исповедники имени Христова.

ВОПРОС:Есть ли и теперь поношения и гонения за правду, за веру Христову?

ОТВЕТ: Есть и будут до скончания мира, еще не связан сатана и свободно обходит землю и проходит поднебесную. Только теперь он гонит не пытками, не казнями, а неверием.

ВОПРОС: Какая главная причина борьбы против христианства?

ОТВЕТ: Последователи Христа распятого должны были бороться не с людьми только, с их нечестием, невежеством и злобою, но с целым адом, с сатаною и его споспешною силою, ибо исчисленные гонения воздвиг на Церковь Христову сам сатана, имея своими орудиями нечестивых людей. Ублажая мучеников, Церковь поет: «вами врата адова, на церковь отверзшаяся, заключишася» (Канон ангелам и всем святым, стих. гл. 6). Если б не укрепляла их благодать Его, то, кто бы из них мог вытерпеть такие ужасные гонения, такие бесчеловечные мучения! А между тем историки Церкви об этом мотиве мучений христиан даже не упоминают! А он —самый главный. И лишь Церковь в своих службах постоянно говорит о нем.

ВОПРОС: В чем чудо веры?

ОТВЕТ: Чудесно насаждена на земле, исполненной многобожия и нечестия, святая небесная вера Христова! О поистине вера наша есть всегдашнее, дивное чудо силы Божией совершающейся в немощи, ибо ныне она совершает великие чудеса во всех истинно верующих, обновляя обветшавшее и растлевшее грехом естество их — душу и тело, помогая переносить с мужеством и благодарением великие скорби, напасти, которые без веры во Христа, могли бы подавить дух и сокрушить тело. Где же наглое неверие, отвергающее чудеса веры и объясняющее их естественными законами природы? «О, кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси

Бог, творяй чудеса: сказал еси в людех силу Твою» (Пс. 76, 14–15). Дивен Бог во святых Своих!

ВОПРОС: Всегда ли нужно говорить правду в глаза?

ОТВЕТ: Благоразумие требует — не всегда и не всякому высказывать правду (ср.: 2 Тим. 2, 19), не нужно заявлять свою правду, когда дело до нас не касается, когда есть для этого люди, призванные своею должностью говорить правду (ср.: Лк. 15, 7), когда предвидим, что слово правды ввергнет нас в явную опасность, а пользы от нашего слова не выйдет ровно никакой. Тогда лучше тайно молиться Богу, чтобы Он Сам вразумил неправедных и наставил их на путь правды, или послал могущих и способных людей обличить неправду!

ВОПРОС: Христианская ли наша жизнь?

ОТВЕТ: Нынешние беззаконные христиане убиты духовно диаволом и влекутся им в бездну ада. О тех плакали отцы и матери. Об этих болезнует и плачет Церковь; об этих скорбят и плачут ангелы и святые. Братия! Бросим жизнь <...> одному имени, которое не принесет нам никакой пользы, а по делам, оставим свое идолоделание и идолопоклонство. Иначе увы — мы будем осуждены не только как идолопоклонники, но гораздо хуже, как христиане, уничижившие Христа и поправшие христианскую свою веру, которой нет ничего честнее и дороже на свете.

ВОПРОС: В чем спасение христиан?

ОТВЕТ: Апостол говорит о благодати или милости и силе Божией, то есть Христовой, спасительной для всех человек, не исключая никого, кто бы только ни принял эту благодать. Если бы не явилась эта спасительная благодать через Иисуса Христа и только в Нем,— то не спасся бы никто, ни один человек, и все погибли бы навеки во грехах, ибо грех естественно рождает смерть — временную и вечную. Но теперь явилась спасительная благодать всем человекам, и все верующие и покорные ей могут спастись; никто не может отговариваться невозможностью или неспособностью. Эта спасительная благодать находится в Церкви Христовой, держись ее, исполняй ее предписания и заповеди, участвуй в ее таинствах и богослужении,— и ты непременно спасешься. Нам ниспослана ныне от Бога, Отца щедрот и всякого утешения, спасительная благодать или спасительная сила, при помощи которой мы все можем спастись и ни один не погибнем, если только усердно ею воспользуемся вовремя.

ВОПРОС: Почему нужна была жертва Иисуса Христа и кому?

ОТВЕТ: Иисус Христос предал Сам Себя за нас в очистительную и примирительную жертву Богу Отцу, пострадав и умерши за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам, каков и должен быть народ христианский, то есть все мы, православные христиане.

ВОПРОС: Христиане ли мы делом?

ОТВЕТ: Опомнитесь христиане, осмотримся, куда мы идем? Что мы говорим и делаем? Где наш путеводный светоч? Где Евангелие, по коему должны мы жить? Слушаем ли, читаем ли его усердно? Получившие образование помнят ли то, что читали, что учили из этой священной книги

книг? У необразованных, малограмотных и неграмотных нередко является более жажды слушать и исполнять слово Божие, чем у образованных, и образованные нередко хуже необразованных. Все мы живем во всегдашнем, искреннем покаянии, как всегдашние грешники, повинные суду Божию, или прилагаем грехи ко грехам? Стараемся ли усердно делать дела благие, для коих мы и созданы, или мы осуетились, измельчали и гоняемся за мечтами своего сердца?

ВОПРОС: Каково должно быть отношение христиан к власти?

ОТВЕТ: Апостол Павел внушает епископу Титу, к кому пишет свое послание или письмо, чтобы он напоминал христианам повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело, никого не злословить, быть не сварливыми, но тихими и оказывать всякую кротость ко всем человекам.

ВОПРОС: Есть ли богословие — истинное христианское просвещение?

ОТВЕТ: Истинное христианское просвещение состоит не в грамотности только, или изучении разных наук, касающихся до земли и того что на земле, или до неба и небесной механики,— и даже не в изучении собственно христианской науки богопознания,— потому что можно быть и грамотным и богословом и не иметь в душе истинного просвещения; христианское просвещение состоит в просвещении сердечных очей светом Евангелия Христова, в удалении с помощью благодати Христовой чрез покаяние и молитву от всякой тьмы страстей.

ВОПРОС: Что такое Царствие Божие?

ОТВЕТ: Это то же, что Царство Христово, или Сам Христос, пришедший во плоти; Царство правды и святости, мира и радости в Духе Святом, прощение грехов, сыноположение или усыновление нас грешных — чрез веру и крещение и прочие таинства — Богу; дерзновение пред Богом; удаление от всяких земных пристрастий и взирание горе, к Богу; горячая любовь к Богу и ближним; сила и власть над страстями и над демонами, строящими непрестанно козни над людьми и ищущими ввергнуть их во всякие грехи и погубить их; царство Божие есть непрестанное восхождение от добродетели к добродетели, от земли на небо, от тления к нетлению, от смерти к бессмертию, от временной и исчезающей жизни к жизни конца не имеющей. Так как мы и в начале были созданы бессмертными по душе, со способностью к бессмертию и по телу, и уклонились в смерть, пагубу, в тление по своей вине: чрез грех, чрез бездну грехов наших,— то ясно, само по себе, что когда нам дана опять возможность к оправданию, освящению и бессмертию во Христе, наше оправдание должно совершаться чрез покаяние во грехах, чрез непрестанное покаяние, чрез множество, бездну покаяния, если можно так выразиться. Сколько раз падешь в грехи, столько и восстань чрез покаяние, и спасешься, говорит пророк. Покайтеся! Без покаяния невозможно удостоиться Царствия Божия.

Царство Небесное, или благодать Христа Спасителя нашего, во время земной жизни нашей повсюду тайно и явно следует за нами и готово вселиться в нас, в наше сердце, если найдет в нас самих расположение и

готовность к нему: «Се, стою у двери (сердца) и стучу. Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 20),— говорит Господь.

ВОПРОС: Каков закон веры и спасения?

ОТВЕТ: Подобное соединяется с подобным. И весь чин природы так устроен: однородное стремится к однородному. Так и в людях. Грешник, пока он коснеет во грехе, есть чадо диавола, ибо чрез грех носит в своей душе его подобие и стремится на всякий грех. Так лукавый человек — есть подобие лукавого диавола.

Господь, видя в нас борьбу со злом и любовь к добру, поспешит к нам, воссоздаст в нас подобие Свое и с благоволением, как Всеблагий и Любвеобильный, вселится в сердце наше. «Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23).— Так приближается к нам Царствие Божие! Оно приходит к нам, вселяется в нас — чрез искреннее покаяние и исполнение воли Божией.

Покайтеся: приближи бо ся Царствие Небесное!

«И оправдана премудрость» лишь «чадами ее» (Мф. 11, 19).

ВОПРОС: Что такое благодать или Царство Божие?

ОТВЕТ: Благодать везде, во всякое время ищет спасения грешника, ибо дорогою ценою куплено спасение наше (ср.: 1 Кор. 6, 20; 7, 23). Она с тобою и дома в уединении тайно озаряет твой ум, твое сердце, по временам располагая его к покаянию или к благодарности за бесчисленные благодеяния Божии,— она беседует с тобою и в пути; стучится к тебе и в общественных собраниях, и при твоих трудах умственных и физических, и везде готова открыть тебе свои святые материнские объятия, только бы ты опомнился, почувствовал, уверовал, смягчился, просветился.— И многих, многих спасает тайно и явно благодать Божия, извлекая из бездны грехов, различными, одному Богу известными способами. Так близко к нам всегда Царствие Божие, и так удобно нам везде спасение, если только мы желаем жить по вере и дорожим своим спасением. Господь наш Иисус Христос чрез свое воплощение, чрез Свое житие на земле, чрез Свое учение, чудеса, страдания, смерть, воскресение и вознесение на небо, излиял на землю, или лучше — на Церковь, всю бездну Своей благодати: просвещающей, милующей, очищающей, освящающей, обновляющей, утверждающей, руководствующей, спасающей, излиял целое море благодати.

ВОПРОС: Как относиться нам к скорбям?

ОТВЕТ: Терпите безропотно все посылаемые вам Богом скорби. Но не страшитесь страдания и скорби, ибо они приведут вас к вечным радостям на небесах, подобно тому, как и Господь, после страданий и крестной смерти Своей и Воскресения Своего вошел в вечную радость Царствия Небесного и по человечеству Своему. Кто из святых, начиная с Самой Преблагословенной Матери Господа нашего Иисуса Христа до последнего праведника, не скорбел в этой жизни и скорбию не вошел в Царствие Небесное? Никто. Все многими скорбями вошли в Царство славы.

ВОПРОС: Можно ли молиться о даровании нам искушений, если в молитве Господней сказано: «Не введи нас во искушение»?

ОТВЕТ: Отец Иоанн молился Богу так: «Не оставляй меня без искушений,— если премудрости и правде Твоей угодно и благопотребно будет,— ни единого дня живота моего: да насадится, да утвердится, да очистится и возвысится любовь моя к Тебе и ближнему моему, и да не явлюся на Суде Твоем «тощ» пред лицем Твоим.

Истинный христианин должен желать злостраданий внешних, плотских, мирских: они укрепляют его дух. О ропоте он и думать не должен... Болезни, пожары, похищения, бедность, несчастья, войны, голод — часто благодеяния душе».

Без искушений нашей веры, надежды и любви жить нельзя: испытания сокровенностей сердечных необходимы для самого человека, чтобы он сам мог видеть, каков он, и исправиться. Но нам, немощным, следует поступать по молитве Господней.

ВОПРОС: Какова высшая ступень благодати на земле?

ОТВЕТ: Мы, братия, люди маловерные, слабые и в молитве и в подвигах добродетели, и в нас, поэтому, духовная перемена или преображение внутреннее не столь заметно, не столь светло и славно, как во святых угодниках Божиих. Вот в них благодать Божия совершила чудное преображение, обновление, просветление. Были они люди, подобострастные нам, а посмотрите, что из них сделала благодать Божия при их вере и горячности любви к Богу, при умерщвлении в них всего плотского, греховного; из грешных людей они стали как бы ангелами святыми, из слабых — сильными благодатию Божией, из незнатных — славными, а многие — из смердящих сосудов всякого греха, из сосудов диавола — всеблагоухающими сосудами благодати Божией и всякой добродетели. Вот какое чудо преображения производит в человеках благодать Божия. И это — только начатки, только слабая тень того славного преображения, которое совершит Господь над любящими Его во второе Свое Страшное Пришествие, когда произведет окончательный Суд над миром: «тогда праведники просветятся, как солнце, в царстве Отца их» (Мф. 13, 43).

ВОПРОС: Каково значение Пятидесятницы?

ОТВЕТ: Событие это неизмеримо по важности, плодотворности и по спасительности для всей христианской Церкви: этот день — день действительного основания христианской Церкви, или христианского общества спасаемых во Христе; в этот день посвящены Духом Святым первые пастыри — апостолы, от коих преемством и мы, ваши пастыри, получили благодать священства; в этот день получили действия спасительные таинства, совершаемые поныне в Церкви через ваших священников. Апостолам и прочим верующим дан дар слова и премудрости для проповеди Евангелия всем народам и изобильный дар дивных чудес, коими они, и в то время и впоследствии, привлекли к вере во Христа и спасли множество душ человеческих. С того времени вошел Дух Святой в мир, иной Утешитель, кроме Господа Иисуса Христа, равносильный Ему, равносильный и соприсносущный Ему и Богу Отцу. Иисус Христос, совершив дело спасения человеческого рода,— чрез Свое воплощение и житие на земле, чрез Свою проповедь, бесчисленные чудеса, благодеяния стражду-

щим, чрез страдания, смерть и воскресение из мертвых,— вознесся на небеса к Отцу и вместо Себя послал от Отца Духа-Бога, да устрояет Он дело спасения человеческого, ибо Три Лица в Боге единосущных и нераздельных, и каждое равно участвует в спасении человеческого рода. Дух Святой сделал святыми и прославил чудесами и нетлением мощей бесчисленное множество благоугодивших Богу людей и доселе содействует спасению каждого из нас.

Братия мои! Без Духа Святого нет истинной жизни в человеке, нет мира в душе, нет света Божия, нет правды, святости, истинной радости и блаженства. Без Духа Божия не может быть в нас и нет истинной веры, упования и любви, святой простоты, чистоты сердца, никакой истинной добродетели — и нет спасения.

ВОПРОС: Будет ли вечная жизнь?

ОТВЕТ: Братия, вечная жизнь за гробом не подлежит никакому сомнению. Но также не подлежит ни малейшему сомнению, что она может быть двоякая: для праведников — блаженная, а для ожесточенных грешников — мучительная. И мы не знаем, далеко или близко она от нас. Будем готовы всегда стать на эту грозную границу между двумя жизнями.

ВОПРОС: Необходимы ли молитвы за нас Божией Матери?

ОТВЕТ: Уже тысячу с лишком лет существует царство Русское и трудно перечислить, сколько раз Небесная Заступница покрывала его от бед Своим молитвенным предстательством у Господа Сил. Но покровительствуя столько целому отечеству, народу, Она простирает державный покров Свой на города и веси и на частных лиц. Всякий православный знает это, потому что примерами Ее покрова и заступления полны города, селения и жизнь весьма многих благочестивых христиан.

Мы далеко, далеко не понимаем, братия, того, сколь необходимы молитвы за нас Пречистой Матери Господа, и чтобы видеть эту необходимость, нужно око или ум гораздо чище и светлее нашего. Будучи Матерью Бога-Слова, следовательно, находясь ближе всех к Престолу Божества, Она, естественно, много может ко благосердию или к умилостивлению Владыки. Богоматерь, точно, как стена нерушимая между Богом и людьми; Она отводит большую часть громов небесного правосудия, готового покарать грешников неблагодарных. Только за такою стеною мы часто бываем безопасны, между тем как мы думаем, что наша безопасность — есть следствие обыкновенного порядка вещей. Просите горячо, неотступно, так, как если бы вы видели Ее перед своими глазами в Ее Божественной славе,— и вы верно получите Ее помощь; Она верно осенит вас Своим покровом. Вы сами это увидите, почувствуете, осяжете, вам будет так легко, так мирно, весело.

ВОПРОС: Каково заступление Божией Матери над Россией?

ОТВЕТ: Славь, Россия,— славь каждый верный сын Церкви небесную Заступницу Свою, Матерь Божию, за матерние непрерывные милости Ее к России и к тебе. Только Ее ходатайством Россия доселе цела, могущественна, славна. Можно сказать смело, что если бы Россия всегда строго держалась благочестия, если бы русские все были крепко преданы вере

своей и Церкви Православной, ее величие и благоденствие возрастали бы из года в год, и мира ее не было бы предела.

ВОПРОС: Какая благодать дается нам на Благовещение?

ОТВЕТ: О таинство чудное, превысшее всякого разума! О благодать Божия несказанная! Человеку падшему, достойному всякого наказания, подана такая безмерная милость! Да, милость поистине Божеская, безмерная; Бог делается человеком, чтобы человека сделать Богом, чтобы землю сделать небом, чрез обновление человечества, чрез насаждение на земле Церкви Божией с небесным учением, с небесными таинствами, с членам Церкви, живущими на земле небесно, каковыми и были все святые нашей Православной Церкви: апостолы, святители, мученики и мученицы, преподобные мужи и жены и все святые. Но как возможно было, скажете, человека грешника сделать богом, по причастию Божества? Не спрашивайте как возможно: Богу все возможно (Мф. 19, 26; Мк. 10, 27; Лк. 18, 27). Человеку не возможно такое превращение, а Богу это было возможно. Человек сотворен вначале по образу и подобию Божию, то есть правым, чистым, святым, разумным, свободным, бессмертным; говоря просто — первосозданные были живыми портретами Божества, но чрез грех утратили свою правоту и стали грешными, нечистыми, по образу прельстившего их диавола. Человек отпал от Бога и пристал ко врагу, которому продал себя за плод запрещенный, но пал по обольщению от диавола и, следовательно, заслуживал сострадания и избавления. Чтобы соединить опять образ с Первообразом, ввести в живой союз, Господь восхотел искупить погибшего, Сам прийти к нему на помощь в образе человека, просветить его омраченного, научить его и дать ему благодать и силу творить волю Божию, которая есть святость наша временная и вечная,— искупить его от греха, проклятия и смерти и для того — пострадать и умереть за него, смертию Своею по плоти победить нашу смерть и даровать всем падшим воскресение. И вот Сын Божий соделался Сыном человеческим — и сынов человеческих творит сынами Божиими чрез благодатные таинства Церкви Своей, чрез духовное поучение и руководство пастырей.

ВОПРОС: Часто ли можно причащаться Св. Таин?

ОТВЕТ: Мы подъемлем Господа, как Симеон, на руках своих каждую литургию, а вы, по крайней мере большая часть из вас, сподобляетесь счастья подъять Спаса своего только раз или несколько раз во год, и то всегда ли после достойного приготовления к этому? Дай Бог, чтобы все приступали к столь страшному таинству с должным приготовлением. Надобно удивляться маловерию и холодности христиан ко Христу, Жизнодавцу и Господу Своему! Источник бессмертия течет ежедневно: приходи, приготовясь, и пей,— тем более что многие больны и духом и телом, имеют и времени свободного немало, а многие и в праздности проводят его. И что же видим? Несмотря на то, что все чувствуем на душе своей бремя грехов и страстей, свою виновность, свое окаянство пред Богом, свое бессилие в борьбе со страстями — не приходим ко Господу, предлагающему Себя ежедневно в снедь верным и готовому явить всякую помощь труждающимся и обремененным. Что за невнима-

ние к величайшей святыне! Господи, Жизнодавче Спасителю! До чего мы дожили? — Ты ежедневно выходишь в сретение нам во вратах храма Своего, а мы отвечаем Тебе равнодушием и даже самым несмысленным небрежением. Многие бегают от Него и в болезни и, когда им предлагают бессмертную пищу и питие и вместе всеисцеляющее врачевство Тела и Крови Жизнодавца, откладывают до будущего времени, которым не могут располагать наверное, потому что жизнь наша во власти Божией, и многие имеют тайную мысль, что причащаются только будто бы пред смертью. Христе Боже! И во Святых Тайнах не всем ли принимающим их с верою даруешь жизнь? Не часто ли Ты чудно исцеляешь болезни? Не всегда ли разрешаешь и очищаешь нас от грехов? Доколе же мы будем неразумны, маловерны и слепы?

ВОПРОС: Спасемся ли мы?

ОТВЕТ: Небесное Царство отверсто, рай опять отверст, старайтесь войти в него верою, покаянием, добродетелью. А сколько вошло в рай людей со времени смерти и воскресения Сына Божия доселе! Бесчисленное множество. И мы по примеру их туда же пойдем. А необходимо, надобно идти, пробиваться всеми силами, — если не пойдем, то в ад попадем — никуда больше. Идите, идите спешно, бодро, твердо, не озираясь назад. «Дние лукави суть» (Еф. 5, 16), да и кратки (сегодня жив, а завтра, пожалуй, и в большой угол положат на стол).

Храм Св. Духа.

Если ты хочешь соделаться благолепным храмом Духа Святого, достойно спраздновать настоящий праздник и видеть храм тела своего во свете и блаженстве вместе с душою на небе, содержи тело свое в чистоте, соблюдай сердце свое чистым. Целомудрие и чистота сердца особенно привлекают к нам Духа Божия, Который есть совершеннейшая святость и чистота.

ТОМ II. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Откуда же, откуда произошли все грехи наши?

ОТВЕТ: От первого прародительского греха. Человек создан был с тем, чтобы он любил Бога как виновника своего бытия больше всего, чтобы взирал на Его совершенства и подражал им, свято исполнял Его волю. Но он полюбил больше себя, а не Бога, захотел совершенства Его присвоить себе, пожелал быть сам столь же великим, как Бог, захотел быть самозаконником, подвергся самолюбию и гордости и пал. Таким образом, превозношение или гордость есть душепагубная страсть человека, делающая его враждебным Богу и презорливым относительно ближних.

А как ложное мнение о своих совершенствах, как противозаконное движение воли, она есть, вместе с тем, плод внушения злого духа, кото-

рый сам, павши гордостью и завистью, увлек к падению теми же грехами и человека. Мы знаем, что люди пали не сами собою, а по искушению от диавола.

ВОПРОС: Что было бы с нами, если бы не было жертвы Христовой?

ОТВЕТ: Все мы, все грешны и нуждаемся в милосердии Божием. Если бы не ходатайствовала за нас кровь Агнца Божия, вземляющего грехи мира, то каждый день и час над нами гремели бы удары небесного правосудия; мы ежедневно бедствовали и умирали бы душою своею греховною, и ни мира, ни радости не вкушать бы нам вовеки. Но за нас ходатайствует Сын Божий, и наши грехи не вопиют так сильно об отмщении нам, ради заслуг Его. Бог прощает нам их, только бы мы сознавали их сами и раскаивались в них. Да, Бог прощает нам наши грехи.

ВОПРОС: В чем была угодна Богу молитва мытаря?

ОТВЕТ: Тем, что он был смирен и имел на молитве сердце сокрушенное, а давно уже сказано святым пророком и царем Давидом, что «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19). Несомненно, что у каждого из нас несравненно больше грехов, чем добрых дел. Как же мне помнить на молитве о своих немногих добрых делах и при помощи Божией соделанных, когда у меня несравненно больше худых дел? Нет: я лучше пролью слезу сокрушения о грехах моих, лучше молитву «теплую пролию ко Господу и Тому возвещу печали моя, яко зол душа моя исполнися и живот мой аду приближися» (Ирмос 6-го гласа, песнь 6-я), а о добрых делах моих, если какие я сделал, умолчу, или совсем забуду пред лицем Божиим, чтобы не вообразить мне, что я праведник и заслуживаю от Него награды за свои добродетели. Как я буду перечислять чужие грехи, когда у меня своих без числа? Нет. Не буду я так безумно поступать, лучше я чаще буду говорить Господу: даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего (Молитва св. Ефрема Сирина).

ВОПРОС: Святость — есть ли удел особенных людей?

ОТВЕТ: Как блаженствовать может только тот, кто старается быть совершенным и святым, подобно Богу, то Творец и одарил нас свободною волею и заповедал нам быть святыми, как Он свят. «Святи будите, яко Аз свят есмь», Господь Бог ваш (1 Пет. 1, 16). Старайся подражать Ему в святости своим умом, волею и чувством; познавай Его совершенства, люби Его и в Нем всех людей, делай дела Божии. И ты будешь свят, и ты будешь блажен. Пусть бы душа его была для Бога какое-нибудь чуждое творение, а то она — Его творение, дыхание уст Его, образ Его, как же не полюбить ей своего Творца, своего Благодетеля присного и вечного всецело, нераздельно! Наше тело — дело Его премудрого ума, Его собственность.

ВОПРОС: Есть ли «черные» дни?

ОТВЕТ: Куда тебе, для чего тебе так много сребра и золота? На черный день, для обеспечения твоего семейства? Но в жизни истинного христианина не должно быть черных дней, то есть дней несчастных по понятиям мирским, разве лишь назвать черными те дни, когда мы сильно согрешим и прогневаем всеблагого Владыку нашей жизни. Мы живем в Царстве любящего и попечительного Отца нашего, вечного Ходатая Сына Божия и

Утешителя Святого Духа — Бога нашего, Троицы Единосущной. Какие же черные дни в таком царстве?

ВОПРОС: Какой смысл притчи о блудном сыне?

ОТВЕТ: Трогательная картина отеческой любви, с одной стороны, и искреннего покаяния — с другой. Это притча, в которой представлены отец, человек, хотя и благий и милостивый, и — сын распутный, раскаявшийся. Но вникните в глубокий, внутренний смысл этой притчи, представьте вместо обыкновенного отца — Бога, общего Отца человеков, и Его беспредельную любовь к погибающему во грехах миру. Вот духовное, животворное, спасительное, чудесное пиршество веры и спасения! Вот отеческая безмерная любовь к нам, грешным! Чувствуешь ли, грешник, эту любовь? Отвечаешь ли на любовь — любовью? Каешься ли искренно в беззакониях своих?

ВОПРОС: Или мы не умрем?

ОТВЕТ: Желающий вечных радостей мало вкушает земных (св. Геннадий о вере и жизни христианской, ст. 39), говорит св. Геннадий, патриарх Константинопольский, а у нас земные радости почти непрерывные. Многие из нас живут так, как будто им не придется умереть и отдать отчет в своей жизни. Что это значит? Не оттого ли это происходит, что думают покаяться только пред смертью и получить полное прощение? Конечно, Бог не отвергает и во единонадесятый час пришедших к Нему. Случалось мне видеть не раз, как трудно слышать слово покаянии и как теряются на исповеди пред своим исходом те, которые не думали о своем исправлении и не умели каяться при жизни. Нет, братия! Христианская кончина бывает наградою истинным христианам. Кайтесь, по возможности, всю жизнь, и нас встретит мирная кончина с искренним покаянием.

ВОПРОС: Думаем ли мы о Страшном Суде? И что этому помогает?

ОТВЕТ: Посещайте Церковь, вздыхайте о грехах своих, ожидайте с Нею со страхом великого дня судного. У Церкви постоянно мысль о суде: утром и вечером, каждый день и рано и поздно напоминает Она чадам своим об этом великом дне, решающем судьбу всего человеческого рода, а у чад ее мысли заняты тем, что на несколько минут приятно кружит им голову, веселит сердце, страстное до радостей земных. А мы как будто и слышать о том не хотим. Иные думают и даже говорят: какой Страшный Суд! Господь милосерден, он помилует, ведь мы грешны больше по немощи, а не по злобе, не по ожесточению.

ВОПРОС: Может ли человек спастись сам, своими силами?

ОТВЕТ: Братия! Познаем, что тело наше есть храм Духа Святого, что мы не свои, а Божии, потому что куплены ценою крови Сына Божия. «Не весте, яко телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть, Егоже имате от Бога, и несте свои; куплени бо есте ценою» (1 Кор. 6, 19–20). Уважим свою природу, возвышенную до причастия божественного естества. Если ты убежден, что сам по себе, без Бога, ты не больше, как нечистый тлен, прах, грешник, чуждый благодатной жизни, то ты поймешь, как велико благодеяние Господа, питающего нас Своею Плотию и Кровью. Он есть Источник жизни всех тварей и хочет поселиться в тебе, чрез соеди-

нение с Ним в таинстве причащения, [дать тебе] Свою жизнь, Свои совершенства, Свой мир, Свое блаженство, и сделать тебя вечно живым. Будем держать всегда в уме, что душа наша должна стремиться к богоподобному совершенству, к дорогой свободе духа.

ВОПРОС: Каково значение незлобия?

ОТВЕТ: Великое благо, великая добродетель — незлобие пред Богом и людьми: оно покрывает множество грехов.

ВОПРОС: Что делать на службе, если я не все понимаю?

ОТВЕТ: В вашем святом деле обращения от мира к Богу поможет вам Божественная служба: только стойте и слушайте все со вниманием, да с духом смиренным, и святые мысли и чувства непременно придут к вам, не может быть, чтобы человека смиренного и внимательного, желающего соединиться с Богом, не посетил дух сокрушения и умиления. Но вы многого не понимаете, не понимаете хотя что-либо, а верно, что много и понимаете, и вот это-то, что понимаете, впивайте в свое сердце, размышляйте об этом, из святых слов Церкви плодите свои святые мысли и чувства — и дело, с Божией помощью, пойдет успешно.

ВОПРОС: Вы не видите грехов своих?

ОТВЕТ: Ах! Если бы кто из нас сказал, что он не имеет греха, то он обманывал себя самого, и в том человеке напрасно кто стал бы искать истины.

Вы не видите своих грехов? Молитесь Богу, чтобы Он дал вам видеть их, недаром вы часто за священником говорили в Церкви: «Господи! Даруй ми зрети моя прегрешения!» Постараемся же хотя теперь общими силами увидеть свои грехи, чтобы после на исповеди с сердечным сокрушением признаться в них. И вот первый весьма важный грех наш тот, что мы, будучи великими грешниками, не чувствуем, что мы грешники, заслуживающие не милость, а наказание Божие! Осудим же себя прежде всего в этой бесчувственности и скажем Господу от всей души: я, Господи и Владыко живота моего — грешник, бесчувственный, величайший я грешник, а грехов своих не чувствую, должно быть потому, что грехи мои умножились паче числа песка морского, и я весь — во грехах, как больной оспою — в оспе. Каюсь тебе, Господу Богу моему, от всего сердца в моей бесчувственности, и молю Тебя: Сам даруй мне чувствовать всем сердцем, как я много прогневлял и прогневляю Тебя.

ВОПРОС: Что требуется от исповедающегося?

ОТВЕТ: Требуется от кающегося вера во Христа и надежда на Его милосердие. Всякий приступающий к исповеди должен веровать, что во время таинства Сам Христос невидимо стоит и принимает его исповедание, что один только Христос может оставлять грехи, так как Он Своими страданиями, честною Своею кровию и Своею смертию исходатайствовал Себе право у Отца Небесного прощать нам все наши беззакония, не оскорбляя Божественного правосудия, и что Он по милосердию Своему, всегда готов нам простить всякие грехи, только бы мы с сердечным сокрушением признались в них; только бы было в нас намерение впредь жить лучше, только бы вера в Него была в нашем сердце. «Вера твоя спасе тя: иди в

мир» (Мк. 5, 34). Так Он внутренно говорит всякому после разрешения от священника, кто кается, как должно.

ВОПРОС: В чем проявляется служение Христово после Его вознесения?

ОТВЕТ: С вознесения Его на небеса, когда Он воссел одесную Бога Отца, доселе Господь, воцарившийся над всеми языки, служит спасению рода человеческого, особенно — рода христианского, как Он Сам сказал: «се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века» (Мф. 28, 20), или — в ныне чтенном Евангелии: «Сын Человеческий не прииде, да послужат Ему, но да служити, и дати душу Свою избавление за многих» (Сир. 20, 28). Он доселе очищает, возрождает и обновляет нас в святом крещении, освящает и утверждает благодатию Святого Духа в мировоззрении, священнодействует в Литургии, как вечный Первосвященник по чину Мелхиседекову, и преподает пречистое Тело и Кровь Свою под образом хлеба и вина, в покаянии — Сам внимает нашему покаянию и разрешает грехи искренно кающихся, в священстве, иерархии или пастырстве — Он Сам просвещает, пасет, руководствует, судит и наказует духовно словесных овец Своих; в браке — благословляет супружеский союз мужа и жены к благословенному рождению и воспитанию детей; в елеосвящении, как Врач душ и телес, врачует немощи духовные и телесные. Каждую службу Он присутствует с нами невидимо, по собственному Его обетованию, «где двое или трое собраны во имя Мое; там Я посреди их» (Мф. 18, 20), и принимает наше служение, и Сам чудно, действенно, ощутительно служит нашему спасению.

ВОПРОС: Что такое литургия?

ОТВЕТ: Она есть ежедневное служение Господа нашему спасению и спасению мира — о всех и за вся. Он Сам служит для нас и с нами в литургии, совершая Таинство Тела и Крови Своей. Он — доселе закалается за нас, пребывая Сам незакалаемым в нетленной, обоженной плоти Своей, изливает кровь Свою, преломляет тело Свое и преподает их нам в оставление грехов, в освящение и в жизнь вечную; доселе дымится живая и животворящая кровь Его на жертвенниках православных христианских храмов! О чудный, божественный дар любви! О блаженство истинных христиан!

ВОПРОС: Кто же жених?

ОТВЕТ: Иисус Христос. Когда же и как мы выходим на встречу Ему? Вся жизнь наша должна быть приготовлением сначала к частной встрече Его, потому что всякая душа по смерти своей должна явиться к Нему с ответом, как к Начальнику жизни; священники же лишь споспешники, сотрудники Ему (1 Кор. 3, 9), или «дру́жки» (Ин. 3, 29). Потому нельзя привязываться к ним христианам.

ВОПРОС: Что значит: «Се Агнец Божий, вземляй грехи мира»?

ОТВЕТ: Сколь отрадны эти слова для души верующей! В них заключается крепкая надежда наша на бесконечное милосердие Отца Небесного, примирившегося с нами, беззаконниками, чрез жертву правды, принесенную на кресте за грехи наши, то есть бесконечную жертву Сына Своего. Агнец Божий всякий день, всякий час во все дни живота нашего вземлет грехи наши, отнимает, очищает, забывает их, избавляя нас от вечного за них осуждения. Кто это не испытал на себе?

ВОПРОС: Не наступает ли конец мира?

ОТВЕТ: О, как мир переполнен теперь беззаконниками и беззакониями! Но долго ли еще существовать ему, этому миру грешному, этой земле — жилищу греха, обагренному кровию неповинных и невинных жертв, этому скопищу всяких мерзостей? И не наступает ли уже время всемирного огненного очищения? Да, оно, конечно, уже близко. Если апостолы в свое время говорили о близости его, то мы тем более решительно можем говорить о близости кончины века.

ВОПРОС: Зависит ли государство от веры народа в Бога?

ОТВЕТ: Проследите историю какого угодно народа, и вы сейчас увидите, что он тогда особенно был и велик, богат, силен и непобедим, когда он был благочестив и никогда не упадал так низко, не доходил до такой бедности и политического бессилия, не падал в глубину всяких зол, как когда забывал Бога и впадал в пропасть неверия и пороков. Так было, так есть, так и всегда должно быть.

ВОПРОС: Препятствует ли неверие Господу творить чудеса?

ОТВЕТ: Христос всегда утешался и ныне утешается простотою веры в людях и щедро награждает чудесными дарованиями тех, в ком ее обретал: «вера твоя спасе тя: иди в мире» (Мк. 5, 34); «иди, и якоже веровал еси, буди тебе» (Мф. 8, 13); «по вере вашей да будет вам» (Мф. 9, 29), — говорил Он веровавшим. Но неверие, с другой стороны, сильно огорчало Господа и отрывало от человеков дары Его благости. «О роде неверный и развращенный, доколе буду с вами; доколе терплю вам (Мф. 17, 17), — говорил Он неверным и маловерным, и неверие связывало, так сказать, руки Всемогущему. Святой евангелист Марк замечает, что Иисус Христос в отечестве Своем (Назарете) «не мог совершить... никакого чуда; только на немногих больных возложив руки, исцелил их. И дивился неверию их» (Мк. 6, 5–6). Веруй же несомненно, христианин, в Господа, в Его благость, всемогущество, премудрость, вездесущие; проси, нимало не колеблясь, что нужно на потребу, и получишь; «все, — говорит Господь, — чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф. 21, 22).

ВОПРОС: Угодна ли Богу молитва за усопших?

ОТВЕТ: Скажу нечто очень утешительное для благочестивых. Те из вас, которые погребают умерших в бедности и благочестии и молятся об упокоении душ их, — те как бы Самого Христа снимают со креста вместе с Иосифом, как бы Его пречистое тело погребают и им будет награда на небесах, и скажет им Господь: «понеже сотвористе единому от сих... меньших, Мне сотвористе» (Мф. 25, 40).

ВОПРОС: Велика ли сила имени Христова?

ОТВЕТ: Петр видит пред собою расслабленного, восемь лет не имевшего движения, и сейчас же исцеляет его именем Иисуса Христа. Знай, говорит он больному, исцеляет тебя Иисус Христос, встань с постели твоей, и он тотчас встал (см.: Деян. 9 гл.). За словом последовало дело. Какая сила веры во Христа Бога! Какая сила имени Христова. Оно оживотворило во мгновение помертвевшие члены, дало им силу юности! Но и какое тесное единение Петра со Христом. Чего хочет Петр, того желает и Господь. Что

повелевает Петр, на то соизволяет и Господь, и — то исполняет немедленно Господь! Вот сколь тесно соединился со Христом чрез покаяние и веру отрекшийся было от Христа Петр! Вот какую непоколебимую веру возымел в Него! Какую пламенную любовь! Слава милосердию Христову, приемлющему кающихся грешников! Слава божественной силе Христовой, действующей чудесно в верующих в Него.

ВОПРОС: Что значит: молиться «духом и истиною?»

ОТВЕТ: Молитесь Богу дома и в храме и на всяком месте искренно, от души, с уверенностью, что Бог внимает нам на всяком месте, но особенно, впрочем, во храме, как сказано: дом Мой домом молитвы наречется (см.: Лк. 19, 46); не привязывайте своего благочестия к известным только, например, старым иконам, если кто имеет такую немощь, или к мнимо старинному крестному знамению, или ко кресту только осьмиконечному, или к такому-то именно храму. Вся сила в сердце, в духе, в истине, в любви к Богу и ближнему: духом и истиною должно кланяться. Стяжите веру в Господа твердую, просите ее у Господа, если кто не имеет такой веры, и дастся ему, не за беседу нашу только веруйте в Господа, но на основании собственного внутреннего опыта в истине, животворности, сладости и святости нашей веры.

ВОПРОС: Что такое хула на Духа Святого?

ОТВЕТ: Человек, слепостствующий душою по гордости и упорству, есть самый несчастный, как верная добыча ада, как сатанинское исчадие, напитанное гордостью и злобою отца своего диавола. Это-то вот и есть хула на Духа Святого, когда человек по гордости и упрямству не хочет верить явной истине, доказываемой явными чудесами. Такому человеку нет прощения ни в сем, ни в будущем веке (Мф. 12, 32), не потому, чтобы грехи наши побеждали человеколюбие Божие, но потому, что сам человек в гордости, упорстве, злобе, лжи и нераскаянности погибает.

ВОПРОС: Имеем ли мы собственный опыт действия Христа?

ОТВЕТ: Братия и сестры! Благодаря Богу и Святой нашей Церкви Православной — мы все родились в истинной вере, веруем твердо в Иисуса Христа, как Сына Божия, как во Святую Троицу — Бога Отца и Сына и Святого Духа, и большая часть из нас собственным опытом, умом, душой и сердцем и всем существом испытала и познала и непрестанно испытывает и познает, что Иисус Христос есть Жизнодавец и Бог и Спаситель наш, ибо Он непрестанно являет нам и в нас знамения Своей благости, правды и святыни и всемогущей силы.

ВОПРОС: Почему св. отцы строго осудили ересь Ария?

ОТВЕТ: Если бы допустить, что Иисус Христос не единосущный Сын Божий и не Бог истинный, то наше искупление и спасение было бы мечтою, мы были бы окаяннее всех человеков, ибо все были бы во грехах, без очищения и освящения, не имели бы надежды на воскресение из мертвых и на вечный живот. Святые отцы доказали всю нелепость этого еретического учения, ибо, в самом деле, невозможно было кому-либо, кроме единородного и единосущного Сына Божия, обновить растленное естество человеческое и очистить безмерные грехи его, и никто другой, кроме едино-

родного Сына Божия не мог принести себя в жертву за весь мир и взять на себя грехи Его. Еретики хотели чрез свое нечестивое учение отнять у людей их надежду, прибежище, утешение, очищение, освящение, их силу и их славу, чем был и есть для всех верующих Господь Иисус Христос. Это пагубное для душ еретическое учение публично и премудро опровергнуто и предано проклятию святыми отцами Первого Вселенского Собора.

О пребезумие Ариево! О дерзость сатанинская! Как можно было допустить одну мысль, не только говорить и утверждать, что Иисус Христос не есть Бог превечный, всемогущий! Все слова и дела Иисуса Христа свидетельствовали о Нем, что Он истинный Бог, все чудеса бесчисленные, являвшие Его божественное всемогущество над злыми духами, Его власть над ангелами, над человеками, над небом и землей, над раем, над жизнью, смертью и адом, Его собственное воскресение из мертвых не оставляли никакого сомнения в том, что Он Бог истинный. Особенно же то величайшее чудо, что простые, неученые рыбари сделались, по благодати Христовой, величайшими в мире мудрецами, покорившими вере Христовой весь мир. Если еще возьмем во внимание бесчисленные сонмы мучеников и мучениц, претерпевших с твердостью и даже с радостью неизобразимо ужасные мучения за Христа, — мучения часто медленные, самые изысканные, — величайшие и поразительные чудеса, совершившиеся во время и после их мучений и виденные тысячами очевидцев и записанные беспристрастной историей, — то какой безумный дерзнет открыть уста и утверждать, что Иисус Христос, укреплявший святых мучеников, по собственным их словам, не есть всемогущий Бог? Святые Его угодники, в числе коих и святитель великий Николай Чудотворец, были точно, как некие боги на земле, да и теперь таковы; во-первых, они святы, как свят Господь Бог, это есть первое величайшее чудо, что они победили благодатию Божиею грех и диавола и исполнили всякую добродетель. Итак, Он не только Сам Бог, но и угодников Своих делает божественными и богами, «бози есте».

ВОПРОС: Почему крест Христов именуется славою Его?

ОТВЕТ: Христос — есть истинный Сын Божий — единого божеского существа с Богом Отцом — искупивший мир Своею смертию, — чрез Которого одного только возможно спасение наше, то есть чрез страдания и смерть за грехи мира, ибо страдания и сметь Его за нас есть слава Его, так как чрез Свои страдания и смерть Он восторжествовал над адом и смертью.

Слава Сына Божия и вообще Святой Троицы состоит главным образом в спасении нашем, в даровании нам сверхъестественных средств к достижению вечного блаженства, а потому и мы, с своей стороны, ничем лучше не прославим Святую Троицу, как если будем считать дело спасения душ наших первейшим и величайшим своим делом на земле и достигать предназначенного нам от сложения мира Царствия Небесного всеми силами души своей. В самом деле, слава Божия проявилась и проявляется в спасении рода человеческого поразительнейшим образом, несравненно поразительнее, чем в творении мира; ибо мир создан Богом из ничего одним словом; мириады светоносных умных сил небесных приведены из небытия в бытие также словом, но, чтобы спасти человека грешного от веч-

ной погибели, надобно было воплотиться Сыну Божию, чтобы пострадать и привести Себя в жертву Отцу.

ВОПРОС: Есть ли теперь чудеса?

ОТВЕТ: Всегда были и ныне есть между христианами благочестивыми и обыкновенными люди, которые верою в Иисуса Христа побеждали и побеждают свои страсти, ощущали и ощущают в себе бесчисленные силы Иисуса Христа над борющими их демонами и страстями, после сердечного призывания имени Его, творят о имени Его добродетели, совлекаются ветхого человека и одеваются в нового, побеждают в себе смерть и чувствуют в себе царство жизни духовной о Иисусе Христе — не величайшее ли это чудо и в нынешнее время, чудо, совершаемое втайне многими верующими благодатию Христа Бога.

Да будет Он в твоем сердце, как Душа души твоей, и да совершает Он тобою и в тебе ежедневные чудеса спасения от греха. Говорю: чудеса спасения, потому что спасение от греха, проникшего все существо наше наподобие бумаги, пропитанной маслом, есть действительно чудо, возможное только под условием веры в Иисуса Христа, крещения во имя Святой Троицы и теплого покаяния, дарованных нам за Его страдания и смерть и под условием причащения Святых Его Тайн.

ВОПРОС: Как познать Божество Христа?

ОТВЕТ: Живите по учению Христову, исполняйте волю Его, и вы увидите, осяжите, ощутите сами Божество Христово, тогда как нечестивец, неверующий и беззаконник, и из явных чудес, творимых Христом, не познает Его Божества, ибо сердечные очи его слепы по причине страстей, потому что сатана ослепил их. Сам Господь свидетельствует о Своем единстве с Отцом: «Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя: и прославихся в них» (Ин. 17, 10).

Еще: обновленная святая жизнь христианина есть непрестанно совершающееся чудо, разительнейшим образом доказывающее Божество Иисуса Христа, совершающего воссоздание и обновление верующих в Него. Если бы кто из неверующих Священному Писанию спросил меня: чем ты докажешь мне, что Иисус Христос есть Бог, то мне довольно было бы указать на одного какого-либо живого праведника, отрекшегося от всех удовольствий мирских. А Иисус Христос именно и делает такие чудеса возрождения или нравственного претворения в тех, которые искренно веруют в Него. Примеры — все святые.

ВОПРОС: Дорожим ли мы своим спасением, столь дорого для нас приобретенным — Христовой Жертвой?

ОТВЕТ: Мы часто не думаем о нем, большая часть из нас легкомысленно относится к этому делу величайшей важности, а некоторые даже — о ужас! — насмешливо говорят: да, он спасается!

ВОПРОС: Можно ли спастись ныне?

ОТВЕТ: Нельзя нам отговариваться от святой жизни, что в нынешнее время будто бы нельзя спасаться, что будто бы не такие теперь, как прежние, времена, что люди ныне стали, как демоны, только на грехи и соблазняют, и жизнь будто бы стала совсем другая, не как прежде. Нет, други, неправда, что ныне нельзя спастись: можно и ныне. Господь сам сказал

при вознесении на небо ученикам Своим, а с ними и всем нам. Вот, «я с вами все дни до окончания века» (Мф. 28, 20). А коль скоро всегда с нами, то нам бояться нечего.

Угодники были подобно нам по всему люди, но верою и любовью, прилежанием и трудами в добрых делах победили грех, мир и миродержца и свои страсти и теперь вечно торжествуют свою победу. А между ними были не одни монахи, но и мирские люди, женатые и замужние женщины, люди всякого звания, состояния, пола и возраста. И при них был тот же диавол-искуситель на грехи и тот же грешный мир со своими соблазнами, те же люди со своими искушениями.

ВОПРОС: Почему ученые не верят, а простецы оказываются умнее их?

ОТВЕТ: В высшей степени удивительно, что ученые люди, так называемые ныне интеллигентными, заражены неверием, которое равняется безумию, сумасшествию, как и говорит Писание, что «мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3, 19), неверие их происходит от их гордости, ученого невежества, которое знает много пустого и не знает самого нужного; «Бог гордым противится» (Иак. 4, 6). Удивительно и то, что простые, неученые люди, но с здравым смыслом и добрым, простым сердцем — оказываются гораздо умнее умников века сего и угодными Богу, потому что в простоте сердца, не мудрствуя лукаво, верят в веру Божию, в Слово Божие, принимая его добрым и простым сердцем, стараясь исполнять его по силам своим, с помощью благодати.

ВОПРОС: Имеем ли мы начатки Царствия Божия еще здесь?

ОТВЕТ: Евангелие Царствия Божия, которое Иисус Христос проповедовал и в которое доселе всех призывает, стоит того, чтобы употребить все силы для достижения его. Начатки этого царствия, ощущаемые временами нами и здесь — на земле, во время, например, искренней молитвы или богомыслия, или слезного покаяния, или когда мы творим добрые дела, — крайне сладостны; какова же сладость Царствия Небесного там — на небе? Будем же достигать все Царствия Божия.

ВОПРОС: Почему Иисус Христос призывал к апостольству людей простых и неученых, бедных?

ОТВЕТ: Сам апостол Павел, призванный к апостольству из гонителей Церкви Божией и из ученых, объясняет причину, почему Господь призвал простых людей к званию апостольскому.

«Бог избрал безумное мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира... и уничиженное и ничего не знающее избрал Бог, чтоб упразднить значущее; для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом» (1 Кор. 1, 27–29). Сам апостол Павел говорит о себе, призванном из мудрых мира, что и его Бог послал «благовествовать не в премудрости слова», а в простоте, «чтобы не упразднить креста Христова» (1 Кор. 1, 17), то есть силы крестных заслуг Христа Спасителя нашего, которые и без нашей суетной мудрости сильны спасти верующих.

Вторая причина та, что поелику Господь пришел в мир во плоти нашей уврачевать нашу природу, падшую гордостью и лукавством врага и невоздержанием чрева, то, желая преподать всему человечеству урок про-

стоты, смирения и уверенности во всем, — и в самом избрании будущих врачей и ловцов человечества, Он избирает их из людей простых и бедных, ограничивавшихся только необходимым, и нимало не мечтавших о себе высоко. Потому же и Сам Он, как врач недугующего человечества, рождается от бедной Девы и в убогом вертепе, — и мнимого отца имел бедного, и жил в бедности, не имея где главу приклонить. Это вторая причина.

Третья причина та, что как вы и сами все знаете, богатство привязывает к себе сердца человеческие и отторгает их от Бога, и подает повод ко многим, многим грехам.

Как же бы апостолы, избранные из люде богатых и любящих богатство, могли привести людей к Богу, возжечь в сердцах людских пламенную к Нему любовь, не имея в сердцах своих сами любовь к Нему?

Четвертая причина та, чтобы они удобнее могли принять в свои сердца богатство благодати Божией, которая обильно изливается в сердца смиренные и простые, алчущие и жаждущие оправдания Божия, — и не вмещается в сердцах гордых и надменных мнимою своею правдою.

Пятая причина есть следующая: так как апостолы должны были поучать людей на земле небесному житию бесстрастному, незазорному, святому, в чаянии будущей блаженной жизни, нестрадающей вовеки, то и сами должны были показать всем на земле пример бесстрастия и святости, нестяжательности и небесной на земле жизни.

Шестая причина: святые апостолы, как проповедники духовной свободы во Христе, должны были сами быть облечены в духовную свободу, были по воле Божией и своему произволению свободны от всякого пристрастия земного; они учили новой во Христе жизни, и сами прежде всех были новою тварью. Апостолы были воины Христовы, коим предстояла брань не только с людьми или их страстями и беззакониями, но и с царством сатаны, с начальствами и властями и миродержителями тьмы века сего, с духами злобы поднебесными (Еф. 6, 12). Каковы же должны быть Христовы воины? Они должны быть неуязвимы духовно от всех сил вражиих, ибо враг обыкновенно язвит чрез пристрастия плотские и мирские; не будет в нас этих пристрастий, и мы неуязвимы, по благодати Божией.

Наконец, седьмая причина та, что в простых сердцах Бог почивает, а в лукавых Ему нет места.

ВОПРОС: Что именно скажем о вере в наше время?

ОТВЕТ: Вера в Господа, в слово Его, живая, несомненная вера, есть ключ к неистощимой сокровищнице всех даров Божиих, — животворящая сила, даруемая от Бога простым нелукавно мудрствующим, смиренным душам и привлекающая на них богатство щедрот Божиих. И в наше время, скудное верою, верующим можно испрашивать у Господа все нужное ко спасению.

ВОПРОС: А что, если бы дозволено было бы бесам делать то же, что и со свиным стадом?

ОТВЕТ: Они мигом и людей всех погубили бы. Но они не смеют сделать того с ними, а мучить их по допущению Божию столько, чтобы вразу-

мить их. Замечательно, что сами демоны ожидают вечных мук и трепещут, а иные люди не веруют в них и не трепещут их, и не боятся грешить.

Ах, братия и сестры, горе нам было бы, вечно горе без Иисуса Христа, без веры в Него, без благодати Его, без дел благих, без покаяния нелицемерного! Человек, живущий без веры в Иисуса Христа, без покаяния и добрых дел, бывает игрушкою гибельных страстей одна другой мучительнее, — храминой, полною бесов, как упомянутые бесноватые, повинным вечной муки.

ВОПРОС: Какое действие на общество имеют грехи?

ОТВЕТ: Главною причиною почти всех болезней, бед и несчастий с людьми бывают грехи, — это величайшее зло, несчастье рода человеческого, этот ужасный корень всех зол и самого великого зла — смерти временной и вечной. Поэтому-то Господь, врачуя расслабленного, врачует прежде болящую грехами душу, а потом уже тело. «Чадо! — говорит Он расслабленному, — прощаются тебе грехи твои» (Мф. 9, 2). А это значит то, и научает нас тому, что в болезнях наших мы должны смиренно и глубоко сознавать грехи свои и искренно каяться в них и просить у Господа прощения их, с намерением впредь не согрешать. Ибо главная часть существа нашего —есть душа, существо по образу Божию, разумное, со свободным произволением, бессмертное, но существо падшее, болящее грехом и тлением и искупленное от греха и смерти смертью Сына Божия; о ней-то, о спасении ее надобно всеми силами заботиться, о благоугождении Богу, о исполнении святых и блаженных Его заповедей, о ее правоте и святости. Ибо страсти плотские порабощают, оскверняют, удаляют душу от Бога и в конце часто доводят до погибели временной и вечной. Посмотрите на пьяницу: он вечно расслаблен по душе и по телу, в нем нет веры и страха Божия, он не молится, все основы нравственные в нем расшатаны, он готов на все худое, он сердится, бранится, дерется, сквернится и ничто у него не спорится, всякая работа из рук валится. Посмотрите на человека, который любит много есть и пить, он тоже расслабленный, и потому ленивый, неповоротливый; как умеренная пища и питье укрепляет тело, так излишество их обременяет и расслабляет. А человек сладострастный — как бы олицетворенная слабость — часто заживо умирает душой и телом.

Грехи расслабляют все существо человека и целые общества, государства! Так грехи и общественные страсти расслабляют и Россию. Какие грехи наводнили Россию? Безверие, пьянство, плутовство, ложь и обман, страсть к наживе, частые убийства из-за страсти к наживе, или из-за неудовлетворенной плотской любви, страсть к игре, хищение, мздоимство, себялюбие, которое желает исключительно, чтобы только ему было хорошо, богато и весело, а другие хоть с голоду умирай. Да, нельзя не видеть в России общего расслабления нравов.

Итак, будем укреплять себя благодатью Божиею, доколе есть время и доколе грехи не расслабили нас окончательно. Ибо придет скоро время, а может быть уже и наступает, когда все предадутся дремоте и сну, все расслабеет нравственно, когда и вера оскудеет, и любовь иссякнет и

беззаконие, как море, разольется по земле. Но тогда уже будет поздно исправляться.

ВОПРОС: Великая ли заслуга одной веры?

ОТВЕТ: За что же избавил Господь расслабленного? — За веру носильщиков и его самого: «Видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи Твои» (Мф. 9, 2). Видите, как сильна вера. За одну веру избавление от скольких зол! Имейте же веру Божию, если же кто не имеет, то проси ее у Бога, «дающего всем просто и без упреков, и дастся ему» (Иак. 1, 5). С верою блаженна жизнь, без веры — тяжела и безотрадна. Имея веру, можно всякий день семьдесят крат седмерицею избавляться от грехов и удостаиваться столько же раз мира Божия и правды Божией, а без веры легко погибнуть совсем во грехах, как и погибают многие.

ВОПРОС: Какие дары бывают при вере и покаянии?

ОТВЕТ: Вера — есть дар Божий. Другие не имеют веры от гордости, кичливого ума, или — от того, что обратились всем умом и всем сердцем к миру и к плоти, а не к Богу и Его святому закону, не дорожат верою, как чем-то маловажным, без чего будто бы можно легко обойтись, — оттого, наконец, что не очищают сердца искренним покаянием, ибо вера не может обитать в сердце непокаянном, как чистая дщерь небес. Потому-то искренняя, твердая и нелицемерная вера ставится в заслугу человеку и ради ее Господь сообщает ему бесчисленные блага. И вот почему Господь Иисус Христос искал веры в людях и за веру их прощал грехи, творил чудеса.

Вера сердечная в человеке служит как бы руками или устами к принятию Божиих даров: что руки или уста в теле человека, то — вера в душе: вера — орудие и средство к принятию Божиих милостей. Вера — уста души, открой уста молитвою и покаянием и наполнится душа благодати.

Вот и еще причина, почему Господь требует от людей веры в Бога. После грехопадения люди омрачились и впали в неведение о Боге, отпали от Бога, от заповедей Его и стали почитать тварей вместо Творца, даже демонов считали богами и служили им, как богам, хотя демоны причиняли им всевозможное зло. Исправляя такое гибельное заблуждение людей и желая всех привести к познанию истинного Бога, Творца всего, Господь Иисус Христос, как Творец и Владыка, явился во плоти, делами являя всем свое Божество, могущество, и требовал, как должно, дани — веры в Себя, как в Творца всемогущего, «нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес».

ВОПРОС: Какая у нас бывает немота?

ОТВЕТ: О времена злосчастные, о времена безверия! О времена, предвещающие приближение Страшного Суда. Имейте во всем житии страх Божий, помните второе страшное пришествие Господа Иисуса Христа и суд ужасный всей вселенной, и тщательно исполняйте заповеди Божии и дела своего звания.

Господи! Изгони и из нас духа немоты. Где принято в обществе говорить о Божестве, о спасении души грешной, о вечной жизни? Почти нигде. Тут мы немы. Господи! Избави нас от духа немоты и научи нас, что говорить и что делать — угодное Тебе, Богу-Спасителю нашему.

Надобно смело говорить правду всякому человеку, хотя бы она была и горька и неприятна для слушающих ее.

ВОПРОС: Как мы должны смотреть на крест?

ОТВЕТ: В кресте почтим распятого на нем Господа: ведь на нем любовь наша распялась, а эта любовь Сам воплощенный Сын Божий.

ВОПРОС: Нужно ли признавать верующим и врачей?

ОТВЕТ: Господь Иисус Христос и теперь врачует всякие болезни всесильною благодатию Своею по молитве веры, особенно в таинстве елеосвящения, или порядком естественным чрез врачебные средства, или без них одной целительной силой природы, и ныне Он питает всякую тварь, в изобилии произращая всякие плоды земные.

(И сам Батюшка лечился и у врачей. Из его писем к игумении Таисии видно, что иногда врач приходил к нему 3 раза в день).

ВОПРОС: Дозволяется ли в посты скоромная пища?

ОТВЕТ: Принимать пищу и питье нужно во славу Божию, но не для пресыщения или пьянства, или для наслаждения и чревоугождения, а умеренно, пищу, благословенную Церковью, например, в пост — постную, кроме случая немощи и болезни или бедности, ибо немощному и больному и неимущему Церковь разрешает и в пост скоромную пищу.

ВОПРОС: Как учит Евангелие о молитве? Уединенной, в частности. И утренней и вечерней?

ОТВЕТ: Евангелие написано для нашего назидания, утешения и спасения. И вот первое, что надо приложить к себе, это — молитва. Господь, по человечеству, часто молился в уединении, в ночное время. Молиться должно непременно и нам, во всякое время. «Бдите и молитеся, да не внидете в напасть» (Мф. 26, 41), говорит Господь. Грехов у нас много, нужд душевных и телесных много, искушений много, потому и молиться надо непрестанно, конечно, внутренне наибольше.

Евангелие учит о пользе и надобности уединенной молитвы. Сам Иисус Христос, Бог и человек, молился нередко, как человек, в уединении. В уединении человек может вполне, всем сердцем, предаться молитве, потому что никто и ничто тогда ему не препятствует молиться, тогда как между людьми, преданными своей обычной житейской суете, весьма трудно, а иногда невозможно предаться вполне молитве. Конечно, уединенная молитва может быть иногда и среди людей, когда кто молится в сердце своем, как в уединенной клети, — и такая молитва бывает приятна Господу. Но так молится могут не все, а опытные, научившиеся беседовать с Богом везде, на всяком месте.

Ни днем, ни ночью мы не свободны от искушений. И вот отсюда потребность особенно молитв утренних и на сон грядущим. Усердною молитвой мы должны и начинать день и оканчивать его, то есть молиться непременно и утром и на ночь; кроме того, при начале и окончании дел, также пред пищею и после принятия пищи — что у многих теперь совсем вышло из обыкновения. Молитва освещает и укрепляет душу, очищает, освежает, утешает, питает, просвещает, соединяет с Богом, если она совершается разумно, от души, с искреннею верою. И так все молитесь. Молитва

есть источник всех благ, чрез молитву все получается. Все, о чем будете просить в молитве с верою, получите (Мф. 21, 22), говорит Господь. Иисус Христос молился особенно часто на горе. Этим Он научает нас отрешаться от земных помыслов и пристрастий во время молитвы и возносить ум и сердце горе, «горняя (то есть о небесном) мудрствуйте, а не земная (Кол. 3, 2) — говорит Апостол. «Горе (на небо) имеим сердца! (возглас на литургии) возглашает Церковь, то есть устремим сердца, особенно это нужно во время литургии, когда совершается столь великое, пренебесное, страшное Таинство Тела и Крови Христовой.

ВОПРОС: Нужно ли быть христианину боязливым?

ОТВЕТ: Не забудем же в часы искушений и бед, что Спаситель близ (Флп. 4, 5) нас и готов спасти нас, только бы мы с верою и искренним раскаянием во грехах воззвали к Нему о спасении. Нас часто пугают признаки, которые представляет нам лукавый, нас смущают козни лукавого супостата. Но от всего сердца воззовем ко Господу, и все призраки рассеются, и противные ветры утихнут. Так всегда бывает с верующими, так и будет!

А как близок ко всем нам Спаситель-то? Только воззри ты к Нему, брат, сердечными очами с верою, упованием, что вот Он тут именно, пред тобою, и спасет тебя, если только действительно хочешь спасения. — Спасет, непременно спасет, сам увидишь, как спасет, увидишь, разумеется, сердечными очами. Вот поучись же, брат или сестра, у апостола Петра, с такою же, как Он, верою и упованием взывать к Спасителю в бедах, скорбях, во грехах: Господи, спаси меня, — и непременно спасешься. На то ведь и Спаситель, чтобы спасать нас, грешных. А как спасет тебя, тогда и ты скажешь: да, истинно Ты Сын Божий, и поклонишься Ему с любовью.

Иногда мы всего и всех боимся, собственной тени, шума древесных листьев, но это потому, что у нас еще слаба вера в Иисуса Христа, что мы еще не соединились с Ним; кто всем сердцем уверовал в Него и тесно соединился с Ним, — тот ничего не боится, ни на небе, ни на земле, ни в преисподней. «Господь просвещение мое и Спаситель Мой, кого убоюся?»

«Аще восстанет на мя брань» демонская, «на Него... уповаю» (Пс. 26, 1и 3). Вот сколь дерзновенен и мужествен, неустрашим верующий и любящий Господа. Господь никогда не оставит погибнуть искренно кающихся и молящихся Ему: тотчас прострет руку помощи, это испытали и испытывают непрестанно миллионы кающихся грешников, из коих первый — я.

Мы боимся часто страха там, где нет никакого страха, мы боимся призраков и мечтаний демонских. Но когда укрепимся в вере и воззовем от всего сердца ко Господу о помощи, — эта помощь не замедлит, и мы одолеем искушения. Когда Господь вошел в лодку, то ветер утих. Лодка изображает нашу душу. И мы с великою верою исповедуем Божество Иисуса Христа всякий раз, когда ощутим мир в душе после бури страстей, укрощенной призыванием имени Его.

Не бойся же ты. Господь пришел вселить в людей не боязнь, а любовь.

ВОПРОС: Откуда происходят самоубийства?

ОТВЕТ: Я сам слышал от многих несчастных, подверженных запою или унынию вследствие каких-либо тяжких обстоятельств, что им назойливо шепчет злой демон: удавись, удавись! Или — утопись, утопись! Или — застрелись, застрелись, или убей того-то. О окаянный супостат! Сколько душ человеческих, христианских сгубил ты в злосчастный девятнадцатый век насильственной смертью чрез твою всепагубную прелесть? Виноваты они, что прельстились твоими коварствами, но ты в тысячу раз виновнее и за все твои губительства получишь возмездие от праведного Судии в день воздаяния.

ВОПРОС: Что, кроме веры, требуется для исполнения нашей молитвы?

ОТВЕТ: Нет ничего невозможного для верующего и искренно молящегося. Только решись, твердо решись оставить свою злобу.

ВОПРОС: Можно ли богатым спастись?

ОТВЕТ: И богатым не должно отчаиваться в своем спасении, как и бедным; только надо во благо себе и ближним употреблять свое богатство, считать его не своим, а Божиим добром, которое дано нам не для нас одних, а и для других, для тех, которые сами по болезни или по чему другому не в состоянии достать себе необходимого пропитания, также необходимой одежды или крова.

Что трудно и невозможно для людей, то удобно для Бога, ибо Бог может и богача сделать милостивым, как и есть многие из богатых истинно милостивые, и богача может сделать добродетельным и наследником Царствия Небесного, если он не будет противиться воле Божией, а усердно будет исполнять ее.

И самые богатые люди бывают часто самые скупые, самые жестокосердые. Впрочем, не станем осуждать богатых, которые нередко делают много и добра, а лучше обратимся каждый к самому себе и укорим сами себя в сластолюбии, корыстолюбии, жестокосердии.

ВОПРОС: Что значит любить Бога? Как любить Бога?

ОТВЕТ: «Любить Бога», — объяснил нам Сам Господь Иисус Христос. Он говорит в Евангелии: «Кто имеет заповеди Мои, и соблюдает их, тот любит Меня» (Ин. 14, 21); не любящий Меня, заповедей Моих не соблюдает (см.: Ин. 14, 24). Итак, любит Бога тот, кто непрестанно имеет в мыслях и в сердце заповеди Божии и соблюдает их. С другой стороны, любит Бога всем сердцем тот, кто всем сердце ненавидит беззаконие, как сказано: «Возлюбил еси правду, и возненавидел еси беззаконие» (Евр. 1, 9); любит Бога всем сердцем и всею мыслию тот, кто непрестанно помышляет о Боге, как о своем и всего мира Творце, Промыслителе, Спасителе, Судии, непрестанно взирает к Богу, всем сердцем угождает Ему, всем сердцем молится Ему дома или в храме и во время молитвы не развлекается никакими житейскими заботами и вообще земным, тем менее — греховными помышлениями: он «ищет прежде всего Царства Божия и правды Его» (Мф. 6, 33); заботится прежде всего и более всего о спасении души своей и душ ближних своих; во всяком деле помнит Бога и для Него все делает усердно, честно, точно. Вот кто любит Бога всем сердцем! Так ли мы живем и поступаем? Так ли мы любим Бога, Который дал нам жизнь и с жизнью все нужное для жизни и наслаждения; Который спас и спасает

нас от греха, проклятия и смерти, Который есть наше дыхание, свет, сила. Как не следовать за Тобою! Сладчайший Иисусе, вечный Живот наш, дыхание наше, Свет наш, Радость и блаженство наше! Кто последует за Тобою невозвратно, тот и здесь предвкушает блаженство небесное и непременно наследует вечное блаженство с Тобою. Эта истина непреложная, всерадостная, бросающаяся, так сказать, в глаза всякому своею очевидностью.

На любви к ближним основывается и любовь к Богу, и без любви к ближнему невозможно любить Бога, «ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит» (1 Ин. 4, 20) — говорит святой апостол Иоанн Богослов.

Что в мире может заменить Христа, бессмертного Живота? Ничто. Никакие сокровища, никакие наслаждения и утехи.

ВОПРОС: Какое имеет значение в приходе пример пастыря?

ОТВЕТ: Известно, что от образа жизни пастыря, от его радения или нерадения о исполнении своих высоких и святых пастырских обязанностей весьма много зависит вера или маловерие и самое неверие, равно как и жизнь и поведение пасомых. И каков поп (то есть пастырь), таков и приход, по народной молве. Поучителен и благочестив пастырь, — благочестивы и богобоязненны бывают и пасомые.

ВОПРОС: Есть ли у нас твердая вера в Бога и надежда на Него? Имеем ли мы горячую любовь к Нему и ближним?

ОТВЕТ: Не солгите перед Богом и пред собою: вопрос этот очень важный. Если вы имеете веру в Господа Бога, то она непременно скажется в жизни: вы всегда будете ходить пред очами Господа Бога, всегда будете иметь в сердце своем заповеди Его, всячески будете стараться исполнять их и будете прилежать к молитве.

Мы называемся христианами, а Христа любить всем сердцем, Христу угождать всею жизнию — для многих дело совсем незнакомое. Господь хочет, чтобы мы горняя мудрствовали (Кол. 3, 2), а мы мудрствует все о земном; Господь повелевает христианам внимать себе, чтобы «сердца» их «не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими» (Лк. 21, 34), а у нас то и дело, что отягчение сердца своего объедением и пьянством и заботами житейскими. Сильно оплотянели христиане.

Предостерегаю вас истинным и грозным словом Господа: «яко отымется от вас Царствие Божие, и дастся языку творящему плоды его» (Мф. 21, 43). Не считайте себя спасенными, что родились и живете в спасительной вере: спасительная вера не спасет, если сами не позаботитесь о спасении, если будете жить не так, как следует жить спасаемым. Предостерегаю вас, братия: как солому, как плевелы Господь сожжет вас «огнем неугасимым» (Лк. 3, 17), если вы будете жить плотию, а не духом.

ВОПРОС: На чем основывается надежда на спасение?

ОТВЕТ: Пред Богом первыми людьми сделана была бесконечная неправда преступлением человека, коему дано было от Бога даров бесконечно много (ибо он сотворен был по образу Божию), а в благодарность Богу за все дары требовалось от него бесконечно мало: только не касаться плодов с одного дерева. Надо было, по справедливости, определить пре-

ступнику достойное наказание — проклятие и вечную смерть. Но человек пал не первоначально (см.: Прем. 2, 24): он обольщен диаволом и, кроме того, он чувствовал раскаяние в своей вине и потому заслуживал снисхождение. И вот пред правдою Бога Отца ходатайствует милосердие Бога Сына о помиловании преступника под условие удовлетворения за его вину, за вину всего рода человеческого Им Самим, Сыном Божиим.

ВОПРОС: Что такое «брачный пир», сделанный царем для сына своего?

ОТВЕТ: Это — Божественная Литургия, на которой предлагается верным не телец закланный, но Сам Агнец Божий, закланный в жертву ради спасения нас, грешных, да напитаемся Его пречистым Телом и Кровью, да соединимся с Ним теснейшим соединением, да будем плотию от плоти Его и кости от костей Его. Вот брак царского Сына — соединение христианских душ со Христом в таинстве причащения! Вот пир — вкушение Плоти и Крови Его! Божественный, святейший, нетленный, небесный и обоготворяющий пир!

Мы сами, совершители страшной, небесной бескровной жертвы, в брачной ли одежде чистоты и бесстрастия душевного, являемся всегда в храм и служим в нем? Увы, часто и у нас нет брачной одежды и благоговейных помышлений и мыслей сердечных, и мы входим нередко в нечистом рубище страстей, а не в брачном одеянии.

ВОПРОС: Нужна ли смелость при исповедании веры?

ОТВЕТ: «Кто постыдится Меня и Моих слов, — говорит Господь, — в роде сем прелюбодейном и грешном; того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца Своего со святыми ангелами» (Мк. 8, 38). Здесь говорится о необходимости дерзновения или смелости и мужества при исповедании Христа, Сына Божия, о непощадении жизни своей для Христа и о последовании Его воле, потому что если кто здесь почтет за стыд следовать Ему, исполнять заповеди Его или постыдится следовать постановлениям Церкви Его, ради угождения миру, плоти и диаволу, — того не признает своим и Сын Божий во Второе пришествие Свое и на Страшном Суде Своем. Страшное слово, братия и сестры!

ВОПРОС: Кто лукавый раб и ленивый?

ОТВЕТ: И что же? Ничего не сделавши в отсутствие Господина, когда пришел этот господин, ленивый раб говорит Ему дерзости, называя Его человеком жестоким, который жнет будто бы там, где не сеял и собирает там, где не расточил. Не так ли говорят, братия, все ленивые, недобрые, неверные христиане, которые в извинение своей непростительной лености трудиться для добра, для образования себя по духу христианской веры, слагают вину свою на веру, на Церковь, на Самого Господа, называя предписания веры трудными, неудобоисполнимыми, а благого Господа дерзая называть каким-то жестоким, требующим почти невозможного! Но вот ему и подобным ему приговор праведного судии — лукавый раб и ленивый! Ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал: посему надлежало тебе отдать серебро Мое торгующим, и Я, пришед, получил бы Мое с прибылью. Как ни требовать Господу от христиан прибыли добрых дел, когда Он в помощь им отдал все сокровища Своей вспомоществующей и вседействующей благодати. Негодного раба выбросьте во тьму внешнюю:

там будет плач и скрежет зубов. Страх, братия, обнимает душу, когда помыслишь, что между христианами есть множество ленивых рабов, которые живут беспечно, в удовольствиях, и вовсе не помышляют об этой страшной, вечной тьме внешней, где их ожидает непрестающий плач и скрежет зубов. Господи! Твори волю Твою с нами! Молимся Тебе, да обратятся все ленивые рабы к Тебе в покаянии и добродетели. Если же нет, — то они поистине достойны Твоего грозного, но праведного суда.

ВОПРОС: Исправление грешников не чудеснее ли воскресения Лазаря?

ОТВЕТ: Вижу Владычество над всей вселенной, над живыми и умершими, над самым адом всегубительным, но что особенно приятно удивляет меня — так это, что Он грешников, верующих и кающихся искренно, от бесчисленных прегрешений избавляет, как блудницу, как мытаря, как разбойника, и на путь спасительный, на путь, ведущий к жизни вечной, наставляет и на нем утверждает, и от проклятия праведного, от муки вечной спасает и грешников претворяет в праведников. Это всех чудес выше и больше.

ВОПРОС: Высоко ли звание и дело апостолов и их преемников?

ОТВЕТ: Я делаю тебя сотрудником Моим — будь ловцом человеков, проповедуй им слово о Царствии Божием, о свержении ига греховного чрез покаяние, о милосердии и прощении кающимся, о примирении с Богом. Вот что значат слова Спасителя Петру! Отсюда приметьте высокое звание апостольское и звание преемников апостольских: архиереев, священников и диаконов. Они пастыри и учителя ваши, сотрудники у Бога; главное дело их — спасать от греха и вечной гибели души человеческие, просвещать их светом Евангелия Христова, наставлять на путь добродетели, руководить к вечному отечеству. *Почитайте их, молитесь за них, да право правят слово истины, да облечет их* Господь в правду и святыню, и имейте их в особенной любви за дело их. Ныне замечается охлаждение к пастырям; это недобрый знак настоящего времени.

ВОПРОС: Требуется ли от христиан оставить все мирское?

ОТВЕТ: Будем и мы подражать, в чем можем, апостолам. Они оставили все и последовали за Господом. Оставим и мы, не говорю все: и дом, и имение и сродников — это не требуется от всех, а оставим грех, свои страсти.

О, как много в нас грехов, это пагубное диавольское семя, проклятого семени, заглушающего пшеницу Божию! Мы — души наши — пшеница Божия, потому что сотворены по образу и подобию Божию.

ВОПРОС: Что такое любовь к человеку?

ОТВЕТ: Поступай со всеми так же, как желаешь, чтобы поступили с тобой; искренно уважай и люби всякого, доброжелательствуй всякому от души, жалей о согрешающих, сочувствуй несчастью, горю, скорби, потере, бедности ближнего, пользуйся случаем сделать кому-либо добро, радуйся с радующимися и плачь с плачущими; не думай ни о ком худо без достаточной причины, а мысли о всех доброе, не имей в душе ни к кому вражды и неприязни, или зависти и недоброжелательства, не унижай и не презирай никого в душе своей из-за каких-либо недостатков и погрешностей, а

покрывай всех и все любовию и снисхождением, смотри на согрешающих, как на немощных, как на больных душевно, не плати злом за зло, а воздавай добром за зло — и ты исполнишь заповедь Христову и увенчан будешь от Него нетленным венцом правды и жизни вечной.

ВОПРОС: В чем состоит высшее побуждение поступать нам с любовью друг с другом?

ОТВЕТ: В образе и подобии Божием, по которому человек сотворен и в том, что мы чада единого Отца Небесного, члены Христовы, ветви единой лозы Христа, овцы единого словесного стада Его; вкушаем единого животворного Хлеба Христа, пьем из одной чаши божественную Кровь Его, напоены все единым Духом Святым, ждем одного нетленного, вечного наследия. Вот побуждение к взаимному, искреннему, любовному обращению!

ВОПРОС: Возможно ли любить врагов своих?

ОТВЕТ: Но вы любите врагов ваших, продолжает Господь, благотворите и взаймы давайте, не ожидая ничего, и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего, ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Трудное дело, по-видимому, предписывает нам Спаситель наш, заповедуя любить врагов наших и делать им добро; растленное сердце человеческое скажет — это невозможно, это противно и здравому смыслу! Трудно дело, правда, только для растленного сердца, необновленного и неукрепленного благодатию, но для сердца возрожденного благодатию — это дело легкое, ибо Господь помогает верующему во всем, и мы в жизни святых видим тому много примеров. Но кому взаймы давать, не ожидая ничего? Людям бедным, несостоятельным, для которых возвращение долга крайне трудно, и часто — невозможно. А люди состоятельные должны непременно возвращать долг, и заимодавцы ни мало не погрешат, если ищут получения долга честным способом или судом. В противном случае было бы вредное потворство людям недобросовестным, думающим легко разжиться на чужой счет.

ВОПРОС: Может ли быть злоупотребление милосердием Божиим?

ОТВЕТ: Грешники, не будем злоупотреблять милосердием Божиим, прилагая грехи ко грехам, коснея в одних и тех же грехах чрез многие года, но поспешим принести искреннее покаяние неизменное — победим благодатию Божиею злые наши наклонности и навыки и принесем Господу плоды, достойные покаяния.

ВОПРОС: Можно ли видеть Господа?

ОТВЕТ: Я слышу, многие из христиан говорят иногда: Ах! Как бы хотелось и нам видеть Господа, прикоснуться к Нему, слышать Его, получить от Него исцеление! Мы, говорят, лишены Его лицезрения! Он не творит теперь между нами таких чудес, какие творил тогда! На это отвечу им и вам скажу: успокойтесь — Господь и теперь с нами и творит великие чудеса, хотя, впрочем, не в том видимом образе, как при апостолах, а в другом — в виде пречистого Тела и Крови Своей или в виде таинственного хлеба и вина, также в святых Своих иконах и во святом кресте, или невидимо посредством молитвы и веры. Впрочем, Сам Господь более ублажает тех, которые не видели Его и уверовали (Ин. 20, 29). В самом деле, какое дивное чудо! В таинстве причащения Господь существенно, лично находится

весь, Божеством и человечеством, и творит непрестанно дивные чудеса со всеми, истинно причащающимися: воскрешает души, умерщвленные грехом, творит мир в душах, исцеляет, очищает, освящает души и тела, утешает, укрепляет, обновляет, вообще совершает дивные перемены в человеке, не мечтательно, не призрачно, а истинно, действительно, осязательно! Какое блаженство верующих в Господа!

ВОПРОС: Какое чудо воскресения мертвого?

ОТВЕТ: Какого дарования Божия лишены и ныне все, искренно верующие в Господа? Каких чудес не совершают и ныне в нас Господь и Пречистая Матерь Его, Дева Богородица? Правда, ныне весьма редки чудеса воскресения мертвых, то есть воскрешения от смерти тела, но зато постоянно совершаются в душах верующих чудеса воскресения от смерти духовной, когда воскрешает Господь непрестанно, ежедневно и в один день множество душ, умирающих грехом. А это тысячу раз важнее воскресения тела, или, что я говорю: тысячу раз? Настолько важнее, насколько душа важнее тела — тело есть как бы одежда души, ибо душа есть живой образ Божий и бессмертна, хотя и телу предназначено воскресение в последний день. По воскресении Господа из мертвых смерть тела стала временным сном.

ВОПРОС: Какие пути имеет благодать?

ОТВЕТ: Вера и покаяние пред Богом. Но, воскреснувши, старайся не умирать вновь, цени великий дар Божий: дар очищения, освящения, оживления, воскрешения твоей умершей грехом души, не попирай сокровища благодати и милости Божией, чтобы тебе не умереть вовеки. Молитвою и покаянием поддерживай непрестанно общение с благодатию, причащайся чаще Источника жизни — пречистых и животворящих Таин: они совершают величайшее чудо обновления и оживотворения душ, умирающих грехами. Одолевай влечения ко греху.

Вот Господь касается нашего сердца Своею благодатию чрез Слово Божие, проповедуемое в Церкви, или чрез добрый совет близких к нам, или чрез мысль благую, Им посылаемую в нашу омраченную грехами душу, или касается нашего грешного тела какою-либо посылаемою Им болезнью, или посещает нас какими-либо потерями, например, потерею близких родных, потерею своего имущества, или Он угрожал нам близкою опасностью вдруг потерять жизнь свою на суше или в море, или другим чем подействовал благодатию на нашу душу. Вот здесь-то совершается чудо, весьма подобно тому, которое было с умершим сыном вдовы Наинской. «Седе мертвый — то есть восстает наша душа от греховного сна, начинает говорить слова спасения, — начат глаголати» (Лк. 7, 15) — и Господь отдает ее, воскрешенную от духовной смерти матери ее, то есть Церкви Святой, которая есть Мать наша, — для духовного воспитания и руководства ее к будущей жизни.

ВОПРОС: Легко ли спастись?

ОТВЕТ: Вы скажете: невозможно, или, по крайней мере, трудно спастись! Да ведь спаслось не бесчисленное множество подобострастных нам людей, спасаются же ныне, хотя немногие. — Трудно спастись! Да ужели без труда хотите вы получить вечную жизнь, в блаженном соединении с Богом, с Богоматерью, с ангелами, со всеми святыми? Ужели без труда

самоочищения — при помощи благодати — без труда молитвы, бдения, без милостыни, без кротости, без смирения, без воздержания! Для приобретения земных благ трудиться не считаем лишним — и трудимся, часто всеми своими силами, а для получения вечного блаженства опускаем руки. Да и не то, чтобы дело спасения было крайне трудное: «иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 30), говорит Спаситель. Да, при помощи Божией, оно становится мало-помалу легким, хотя вначале и затрудняет его упорная борьба с грехом. Но разве и грех не есть дело крайне трудное, как противоестественное, чуждое нашей божественной природе? Разве грех не мучителен? Если согрешая, трудимся, то как не потрудиться — делая правду, спасая от греха душу? Там конец — смерть, а здесь — жизнь вечная. «Оброцы бо греха, смерть: дарование же Божие, живот вечный» (Рим. 6, 23).

Благодать Божия имеет и может изменить к лучшему всякое сердце, — сотворить со всяким человеком чудо спасения, только бы сам человек веровал, хотел спастись, искал спасения, познал бездну грехов своих и то, какую бездну они изрывают между согрешающими произвольно и между Богом; только бы покорялся спасающей его благодати Божией и не отталкивал от себя спасающую десницу Божию. Были и есть тысячи примеров спасения людей, которые были прежде рассеяны, легкомысленны, жестокосерды, подвержены всяким страстям. Они вняли слову Божию, не воспротивились, последовали ему и спаслись, и теперь блаженствуют в Царствии Небесном. Нет ничего невозможного для Бога: Он может и закоренелого грешника спасти.

Умягчи, как воск, свое сердце огнем благодати Святого Духа и слезами покаяния, исторгни из сердца терны греховные, хотя это и прискорбно, болезненно, ибо они сделались твоею второй природой. Ты не можешь, говоришь, но благодать Божия всесильна: она поможет тебе совершить легко все дело твоего спасения.

ВОПРОС: Беды отчего?

ОТВЕТ: От грехов наших. Очевидно, над нами висит жезл отеческого правосудия. Бог наказывает нас неурожаями, пожарами, наводнениями, изнурительными войнами, губительными поветриями и болезнями. Но вразумимся ли мы, покаемся ли, исправимся ли? Не ожестели ли, не окаменели ли мы совсем сердцами своими? Боже избави! Где же будет тогда царствие Божие на земле, если его не будет в христианах, называющихся православными, в земле Православия, где столько драгоценных Богу залогов святыни православной, столько святых мощей угодников Божиих, столько чудотворных икон, столько благолепных храмов, где такое небесное на земле служение? Или отнимется от нас Царствие Божие, и дастся народу, творящему плоды его (см.: Мф. 21, 43)? О, да не постыдимся вовеки, да исправит нас Господь жезлом наказующим, и да не лишит нас милости Своей и Царствия Своего.

ВОПРОС: Какая участь богатого?

ОТВЕТ: Ужасная участь богатого! А между тем, здесь на земле участь их часто бывает завидная: полная чаша у них всего, до самой смерти, и повод к наслаждению и роскоши всякий день. Но какова их душа, то есть

душа немилостивых, жестокосердых богачей? Благоволит ли к ней Бог? Есть ли в ней благодать Божия — это истинное богатство души христианской? Есть ли вера живая, есть ли упование христианское, опора в скорбях, лишениях, в напастях и болезнях, — есть ли любовь христианская, всех любящая, всем сочувствующая, о всех милосердствующая? Нет: где пристрастие к благам тленным, там не место нетленной небесной добродетели, там не место Божией благодати.

ВОПРОС: Вечны ли мучения?

ОТВЕТ: И сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят. Вот ужасное несчастье! Нераскаянному грешнику нет никакой надежды на переход из ада в рай, да и праведники не могут помогать нераскаянным, всякое общение, всякая помощь прекращается. Страшная невозможность! Душа цепенеет при этих словах.

Многие из людей и ныне не верят в мучения адские по смерти. Они тоже думают и говорят, что думал в свое время богатый и роскошный весельчак: кто там был, чтобы сказать нам, что есть мучения адские? Нет мучений; здесь конец всем наслаждениям и мучениям; после смерти нет ничего, — пустословят они. Как и ныне многие желали бы, чтобы кто-либо воскрес из мертвых и засвидетельствовал, что есть страшное место мучения грешникам! Они не верят Самому Господу-Спасителю, свидетельствующему нам о том в Евангелии, не верят апостолам, святым богоносным отцам и воображают, что поверили бы воскресшему мертвецу! Но это невозможно: и воскресшего они сочли бы за призрак, за мечту воображения, и тоже не поверили бы. Читайте, братия, слово Божие, слушайте, умудряйтесь и спасайтесь. Евангелие — есть слово Самого Бога: ни одна иота или ни одна черта не прейдет из него: все исполнится. Нераскаянные грешники будут в пламени, в муках, в муках ужасных без надежды на окончание их. У кого есть уши слышать, да слышит и да поспешит исправиться, ибо смерть ко всякому близка, а вместе с нею и суд: ибо «лежит человеком единою умрети, потом же суд» (Евр. 9, 27). Но что я слышу от этих гуляк? Очень многие из них не веруют, что по смерти есть такие ужасные мучения, и что будто все проказы их пройдут даром, что будто бы по смерти ничего не будет. Нет, друзья, — не обольщайтесь: Бог неложен в Своих угрозах и обетованиях: вовеки не было лжи в устах Господа; множество святых словес Его исполнилось в точности; исполнятся и остальные. «Всяко убо древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и во огнь вметаемо» (Мф. 3, 10). А это древо — неплодное — кто? Нераскаянно живущий грешник, а этот огонь — не наш, земной, слабый, а огонь геенский, в тысячу раз лютейший: ибо все тамошнее несравненно превосходит все здешнее, здешний огонь сравнительно с геенским — одна тень. Скажете: это ужасно. Да, ужасно. От такого-то ужасного огня, от такого-то ужасного мучения пришел нас спасти Сын Божий.

ВОПРОС: Есть ли богатые добрые?

ОТВЕТ: Богатство надмевает и ожесточает сердце человека, неблагоразумно и неблагодарно пользующегося им, он презирает соестествен-

ного себе — человека, во всем подобного ему, не узнает в нем своего брата, считает его едва ли не хуже животных, потому что животных он ласкает и кормит, а человеком бедным гнушается и отказывает ему даже в своих крохах. И при всем том, при всей надменности и жестокосердии богатого, он пользуется уважением многих, хотя, конечно, не искренним; ему льстят, его превозносят за его веселый характер, за его уменье жить, за его изысканный вкус, за его уменье со вкусом одеваться, за его ум и прочее. Но суд Божий, братия — не то, что суд человеческий. Да памятую это я, прежде всех, как подверженный нередко жестокосердию; да памятуют все, которые страдают этим недугом, — какое строгое, неумолимое правосудие Божие ожидает нас за жестокосердие к бедным, — если не исправимся, не очувствуемся, и нас бросят в огонь и нам не будет ни малейшей отрады в геенском огне. Есть, конечно, исключение и между богатыми: есть добрые, сострадательные, милостивые, но таковые составляют малое исключение, очень, очень немного таковых.

О, если бы помнили это все, кого наделил Бог богатством, особенно все жестокосердые и скупые богачи и роскошные весельчаки! О, если бы вместо того, чтобы ходить, например, на зрелища и потешаться там замаскированной суетой, — они посещали хотя в праздники больных и бедных и оказывали им христианское, братское милосердие! Этим они искупили бы свои души от пламени геенского. Но у нас самое обычное дело — бросать нипочем деньги на свои удовольствия и — с презрением проходить мимо бедных.

Я не говорю, что нужно подавать всякому бедному: иные невольно отталкивают от себя самым поведением своим, но в числе недостойных есть много достойных, да впрочем и не наше дело строго разбирать их, лучше судить себя.

А ведь и ныне богатые, ослепленные богатством и веселостями жизни, не верят, что есть ад, и пьют до дна чашу веселия, ублажая себя, чем могут. О, если бы они верили этому и помнили об ужасных вечных мучениях! Довольны были бы они куском хлеба, а избытки свои с радостью отдавали бы бедным. Но не верят, не слушают ни апостолов, ни пророков, ни Самого Господа, глаголющего в Евангелии, — до такой степени они неверны и преданы здешнему миру! Говорят: кто знает про то, что будет за гробом? Никто оттуда не возвращался сказать, что там есть: есть ли мука или нет. А вернее говорят, что нет ничего; вот, если бы, кто из мертвых воскрес, да сказал нам о тамошних мучениях, то мы поверили бы. Как, что ты говоришь, безумный? Мертвецу воскресшему ты поверил бы, а Господу, Самому Господу, глаголющему в Евангелии о том, что будет по смерти грешным и праведным, — не веришь? Да, за это одно ты стоишь геенны, если не раскаешься в своей дерзости, в своем неверии. Если Самому Господу не веришь, если евангелистам, апостолам, говорящим тебе истину Духом Святым, не веришь, то, конечно, не поверишь никакому воскресшему мертвецу, ни отцу родному, ни брату, ни другу.

ВОПРОС: Что делать с пьяницами?

ОТВЕТ: Кому из нас неизвестен нынешний род бесноватых или бешеных пьяниц? Кто не слыхал и кто не знает, как они — если они мужчины и женаты — терзают и мучат — уж не говорю самих себя, — своих жен, и если на беду дети, то и детей своих; как по действию бесовскому, они нередко или сами в петлю бросаются или доводят до смерти жен своих и детей своими побоями и терзаниями, и чего, чего не терпит иная жалкая женщина от пьяного мужа, или дети от пьяного отца! Не достанет сил оплакать несчастий в том доме, где заведется пьяница: ад, истый ад делается в нем; каждый день слезы и стоны. Пьяницу и лечить ничем нельзя, если он сам не захочет решительно бросить пьянство и не обратится всем сердцем к помощи Господа Иисуса Христа, Который один Своею благодатию может уврачевать эту ужасную, гибельную страсть. Мне приходилось видеть многих пьяниц; между ними я видел некоторых совершенно исцелившихся благодатию Христовою, к помощи которой они сами усердно прибегали, но многих и я видел и вы видали погибшими ужасною кончиною, без покаяния, самоубийством или опивством. А это дает мне повод сказать назидание всем пьяницам: ищите усердно помощи у Спасителя, и Он непременно спасет вас, прогонит из вас бесовское полчище, которое вселилось в вас за ваше невоздержание, нерадение о себе, за леность и холодность к молитве, за маловерие и неверие, за удаление от Бога и от Церкви.

ВОПРОС: Есть ли бесноватые?

ОТВЕТ: Я видел и настоящих бесноватых, в которых вселились бесы по неисповедимым судьбам Божиим и производили в них умственное помешательство, произносили через них страшные хулы и сквернословия, видел, как ужасно бросали они одного несчастного из угла в угол, или нудили его лезть на стену, и проч. Таковых, думаю вместе с Апостолом, — Бог предал сатане на изможднение плоти, «да дух спасется» (1 Кор. 5, 5).

Но есть, братия, другой род беснующихся. Это — люди злые, раздражительные, гневливые. Видали вы гневливых, сердитых, злых людей? Как они нехороши в гневе! И Писание говорит: «муж ярый неблагообразен» (Притч. 11, 25). Как безобразится у них все лицо? Какие сверкающие, как у лютых зверей, глаза, в которых видны злоба и ярость? Все мы бываем раздражительны, все склонны к гневу, и потому все должны в покаянии просить у Господа духа кротости, смирения и терпения.

Упорное неверие в злых духов — есть настоящее беснование, потому что идет наперекор истине, наперекор откровению Божию. Господь пришел на землю именно для того, чтобы разрушить дела диавола и спасти от насилия его человеков. Если нет диавола, то нет христианства, тогда пришествие в мир Сына Божия было бы не нужно. Но это нелепо. И опыт каждого из нас и здравый смысл, история жизни святых и истории всех народов удостоверяют нас в бытии злых духов.

ВОПРОС: Безгранична ли власть бесов над людьми?

ОТВЕТ: Нет: велика власть Господня над бесами! Они могут делать свои пакости в людях настолько, насколько попустит им Господь, больше — ни на йоту. И над животными они не имеют никакой власти, если

Господь не попустит им войти в них и мучить их, это видно из того, что бесы просили у Господа позволения войти в стадо свиное, что и позволено им, — и лишь только Он дозволил им войти в свиней, как все стадо бросилось с крутизны в море, и перетонуло. Если бы такая власть дана была от Бога бесам над людьми, — они в несколько часов, что я говорю, — в несколько минут погубили бы весь род человеческий, по свойственной им злобе на него. Но Господь удерживает: ибо державе Его со страхом повинуется все темное, сатанинское царство.

ВОПРОС: Что означает неведение своих грехов?

ОТВЕТ: Ты не чувствуешь своего зловония, — говорит Златоуст. Это есть крайняя степень болезни! Это значит, что болезнь твоя неисцельна, что она гораздо хуже, нежели болезнь тех, у кого гниет тело и издает худой запах. Эта последняя болезнь и дает чувствовать себя страдающим и не заслуживает никакого обвинения, даже достойна сожаления, но первая достойна отвращения и мучения.

ВОПРОС: Помогает ли храм очиститься от грехов?

ОТВЕТ: Вот Господь с нами теперь в этом святом храме, и принимает наши молитвы, наше покаяние, наше славословие и благодарение, — и являет в нас свою милость — избавление от грехов и скорбей, просвещает, очищает, освящает, утешает всех, с искреннею верою здесь молящихся и к Нему прибегающих. Здесь — в храме, мы особенно можем прикасаться к Нему сердечно — нашею верою, как некогда та женщина, страдавшая упомянутым недугом. Вот я прикасаюсь к святому престолу Его: и чудное дело! Тотчас ощущаю животворную, спасительную силу, исходящую от Сидящего невидимо на Престоле, я исцеляюсь от всех уязвлений невидимых змиев, избавляюсь от всех скорбей, от всякой тесноты греховной, и приемлю мир, свободу, дерзновение, силу душевную. Он тут, Господь мой и Бог мой.

ВОПРОС: Что прежде всего делать в болезни?

ОТВЕТ: Братия мои, когда заболеваете, или когда у вас заболевает жена, или дети, или кто-либо из родных или знакомых или друг, обращайтесь прежде всего с молитвою о помощи к Иисусу Христу, Врачу душ и телес наших, скорому в заступлении всем с верою к Нему прибегающим, приглашайте в дом духовного отца с божественными Тайнами Тела и Крови Господней, и верьте, что как Иаир не будете посрамлены в вашем уповании. Сколько примеров было и при моем духовном требоисправлении, что больные, обращавшиеся прежде всего за помощью к Богу, прибегавшие к покаянию и причащению, быстро поправлялись по приобщении святым тайнам! Я могу назвать вам многих, сподобившихся такой милости великой Божией.

Наши души тотчас исцеляются, когда мы с верою, в покаянии призовем всеспасительное имя Иисуса Христа, или когда мы вкусим Пречистого Тела и Крови Спасителя: какая вдруг жизнь, сладость, тишина разольются в душе и теле по причащении святых Таин! Но не многие ли причащаются без живой веры и, причастившись, уходят такими же больными духовно, какими и прежде были, а иногда и хуже? Но причащающиеся с живою верою получают очищение грехов и умиротворение совести, ибо

они в своей совести ясно слышат голос Спасителя: дерзай, человече! Вера твоя спасла тебя, иди в мир.

Впрочем и ныне, братия, бывают истинные чудеса с людьми, преданными Господу, — и в храме и на всяком месте: везде, где они ни прикоснутся ко Господу с сердечною верою, в покаянии нелицемерном — везде получают от Него врачевание, подобно кровоточивой женщине, — душами и телами врачуются, и не однажды, а многократно в один день; столько раз, сколько впадут в душевный недуг или грех, страсть — сколько раз примут язвы греха в души и тела, столько же и исцеляются живоначальною дланию Жизнодавца, и чувствуют они живо это исцеление, и радуются и торжествуют, благодаря Господа, столько же близкого к ним и ныне, как и тогда, столь же всемогущего. Но не вина времени или места, или веры православной, что не многие ныне исцеляются, вина в самих людях, в их маловерии, ибо трудно теперь найти искреннюю веру, подобно вере римских военных сотников, упоминаемых в Евангелии и в Деяниях святых апостолов, или вере кровоточивой, или в вере хананеянки.

ВОПРОС: Близко ли общее воскресение?

ОТВЕТ: Тогда как общее воскресение всех людей еще впереди, в далеком или близком будущем, — воскресение духовное или воскресение душ наших, умирающих ежедневно грехами и страстями, совершается ежедневно и многократно в один день, чрез всегдашнее, искреннее покаяние и живую веру и упование согрешающих. Будем избегать плотоугодия, самолюбия, пристрастия к тленным благам этого — близкого к концу — мира.

ВОПРОС: Нужно ли облагодатствованной душе упражнение?

ОТВЕТ: И душе, оживотворенной благодатию, также нужна духовная пища: молитва, чтение и слушание слова Божия, упражнение в добрых делах, иначе она опять скоро может умереть.

ВОПРОС: Кто нам ближний?

ОТВЕТ: Ближним должно считать всякого человека, кто бы он ни был, будь он хотя враг наш, и особенно, когда он нуждается в помощи. Итак, значит для получения живота вечного нужно усердное исполнение двух главных заповедей — любить Бога всем сердцем и ближняго, как самого себя.

Любить ближнего, как себя, значит уважать его, как себя, если он, впрочем, того достоин, не думать о нем недостойно, низко, без причины к тому с его стороны, не имея на него никакого зла, не завидовать ему, а всегда доброжелательствовать, снисходить к его недостаткам, слабостям, покрывать его грехи любовью, как желаем, чтобы снисходили к нашим недостаткам. Друг друга терпите любовью, говорит Апостол, не воздающе зла за зло, или досаждения за досаждение (1 Пет. 3, 9). «Любите враги ваши, благословите кленущыя вы, добро творите ненавидящым вас» (Мф. 5, 44). «Аще убо алчет враг твой, ухлеби его, аще ли жаждет, напой его» (Рим. 12, 20), говорит ветхозаветное Писание. Любить ближнего, как себя самого, значит молиться за живых и умерших, родных и неродных, знакомы и незнакомых, за друзей и врагов — все равно, как за себя, и желать им столько же добра, спасения души, сколь себе.

ВОПРОС: Можно ли любить людей иной веры?

ОТВЕТ: Единственный учитель истины Иисус Христос говорит, что должно любить всякого человека, несмотря на различные веры и вероисповедания, или нации и происхождения, несмотря на различные состояния, на богатство или бедность, на здоровье или болезнь человека, на благообразие или безобразие лица, — и для этого привел он повесть или притчу о человеке, попавшемся в руки разбойников. Оказывай милость по возможности всякому действительно нуждающемуся в ней, не разбирая его лица. И я спрашиваю вас от лица Господа Бога, возлюбленные братия и сестры, имеете ли вы усердие к исполнению заповеди Господа нашего Иисуса Христа о милосердии к ближнему? Многие из вас не забыли ли эту заповедь?

ВОПРОС: Всякая ли любовь к родным богоугодна?

ОТВЕТ: Старайтесь прилепляться к Нему единому всем сердцем, как к Источнику живота и всякого блага, и больше Его не любите никого, тем паче — ничего, то есть из вещей, ибо пристрастие к вещам — есть идолопоклонство, да и страстная любовь даже к своим присным — есть неправда пред Богом, ибо Господь говорит: аще кто любит отца, или матерь, сына или дщерь, паче Мене, несть Мене достоин (см.: Мф. 10, 37).

А если мы не любим ни Бога, ни ближних, то за что нам давать жизнь вечную? Что нам делать в ней? Жизнь вечная — есть царство любви, потому что Сам Господь Бог есть любовь, «Бог любы есть» (1 Ин. 4, 8 и 16). Она тогда и вожделенна для нас, как мы будем любить Бога, а в Нем и ближних: потому что любить Бога и тех, кого Он любит повелевает — есть блаженство наше.

ВОПРОС: Почему страшны вечные мучения ада?

ОТВЕТ: Невыносимая кара Божия была бы для человека, не любящего Бога, если бы Он оставил его при Своем лицезрении; в тысячу раз отраднее для него удалиться от лица Божия, и стеня оплакивать свое безрассудство, свою неблагодарность, свою нелюбовь к Богу-Благодетелю вдали от Него, в вечном мраке ада.

ВОПРОС: Нужно ли нам беспокоиться о будущем?

ОТВЕТ: О будущем беспокоиться не следует: мы имеем неусыпным Попечителем о нас Самого Отца Небесного, Который знает, в чем мы имеем нужду и Коему угодно, чтобы мы просили у него насущного хлеба только здесь — на нынешний день, Который хочет, чтобы сердце наше было отдано исключительно Ему.

ВОПРОС: Мое ли имение мое?

ОТВЕТ: Крайнее самолюбие наше, по которому мы свое добро материальное привыкли считать исключительно своим, ложный взгляд на отношение наше к другим, и строго судейский, односторонний взгляд на ближних своих, требующих нашей помощи, идет наперекор указанной истине, и многие, многие говорят: мое — только для меня, и ни для кого больше! Другим до него дела нет!

О самолюбие, о гордость, о жестокосердие, о снедающая корысть надменных своим ложным просвещением людей! Что значит просвещение научное без любви христианской! Ничего. «Мудрость мира сего есть безумие

пред Богом» (1 Кор. 3, 19). Смирись, кичливый ум, пред учением Евангелия и пред нищетою Христовой, сойди с своего пьедестала, стань пониже, подойди к этим бедным, коих Сам Христос не стыдится называть Своею братию, и протяни им руку помощи.

ВОПРОС: Чем доказывается, что Христос есть Бог?

ОТВЕТ: Иисус Христос всегда нас оживляет, один Он и никто больше, явно, что Он Жизнодавец; от грехов наших всегда спасает, — Он один, и никто больше; явно, что Он — Спаситель; искренняя, сердечная вера в Него — есть покой и сладость нашего сердца; иго Его для нашей души всегда очень, очень благо и бремя его очень, очень легко (Мф. 11, 30); всегда бы носил на себе такое иго и такое бремя, явно, что Он Бог наш, как птенцов носящий нас под крылами Своими.

ВОПРОС: Работать ли в праздники и скоромиться ли в посты?

ОТВЕТ: Ныне многие христиане считают грехом что-нибудь сделать в праздник, например, какую-нибудь нужную работу, а не считают грехом завидовать ближнему, враждовать, мстить, или напиваться до пьяна. Или считают грехом съесть, даже по немощи телесной, в постный день что-либо скоромное и без зазрения совести презирают ближнего, например, знакомых, обижают или обманывают, обвешивают, обмеривают, предаются плотской нечистоте. О лицемерие, лицемерие! О непонимание духа Христова, духа веры христианской! Не внутренней ли чистоты, не кротости ли и смирения требует от нас прежде всего Господь Бог наш?

ВОПРОС: Как освободиться от козней диавольских?

ОТВЕТ: Человек и хотел бы восклониться, возлететь горе — к Богу, стать выше житейских пристрастий, — исполниться миром и радостью в Духе Святом, да не может без особенной благодати Божией, чувствует себя связанным внутренно, — ощущает душой, что он опутан сетьми вражьими, что ненавидимая, злая сила надела на него как бы узду, сидит на нем и ездит, как на коне, словом, человек бывает рабом и узником и подъяремным животным врага. Впрочем, это бывает с теми, которые редко бывают в храме и не сердечно участвуют в богослужении, а усердные богомольцы побеждают врагов невидимых и прогоняют навеваемые от них помыслы, ибо благодать сильнее демонских козней.

ВОПРОС: Все ли спасутся?

ОТВЕТ: Вечеря Божия есть достояние, удел только избранных, искренно возненавидевших грехи, и по мере сил возлюбивших правду и Бога. Вопреки словам Спасителя, иные отворяют вход на вечерю Царства Небесного всем без изъятия, утверждая, что Бог милостив и всех помилует, и таким образом населяют небо, — конечно, в своем воображении только, — и нераскаянными пьяницами, и блудниками, и татями и досадителями, и общественными злодеями и убийцам, мздоимцами и лихоимцами и корыстолюбцами. Думаем, что Бог спасет нас и против воли нашей, —и богохульника, и злодея, татя и любодея, и жестокосердого, сребролюбца и наглого обидчика, и похитителя общественного достояния, пустившего по миру многие разоренные им семейства или отдельные лица. Нет, братия, «Бог поругаем не бывает» (Гал. 6, 7). «Не приселится к

Нему лукавнуяй, ниже пребудут беззаконницы пред очима» Божиими (Пс. 5, 5–6).

ВОПРОС: Есть ли еще время спасаться?

ОТВЕТ: Что если, может быть, и о нас уже Господь изрек праведный приговор Свой — ни един из мужей тих званых вкусит Моея вечери? (См.: Лк. 14, 24.) Ужасно. Впрочем есть еще время опомниться и исправиться: еще двери покаяния отверсты, еще можно оставить пристрастия к мирским удовольствиям, хотя время от времени это все будет становиться труднее и труднее, — еще можно оставить рассеянность и сосредоточиться на своей душе и на ее вечной судьбе. Поспешим!

ВОПРОС: Спасутся ли христиане по внешности?

ОТВЕТ: Есть немногие люди, иже «не суть от мира» (Ин. 17, 14), которые терпеливо идут к небесному отечеству, но их ненавидит мир, смотрят на них с презрением. Но что до того? Их любит Отец Небесный, Сын Его единородный и Дух животворящий, их любят ангелы и святые человеки-небожители.

Но многим из нас скажут: вы были христианами только по одной наружности, а не по делам, вы ходили в храм, принимая таинство, а сердца своего не исправили, знали только свою волю и не старались испытывать, «что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12, 2); пред вашими глазами были заповеди Божии: и вы их не исполняли, вас звали в небесный чертог не раз, не два, а многократно, и вы отказывались. Теперь все кончено: суд на вас давно написан — примите же его от праведного Судии: «идите от Мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его (Мф. 25, 41).

ВОПРОС: Отчего жена препятствует спасению души?

ОТВЕТ: От того, что «оженивыйся печется о мирских, како угодити жене» (1 Кор. 7, 33), а не о Господнем, не о том, чтобы угодить более всего Господу. Женившийся свою волю связывает с волею своей супруги, а какова бывает эта воля? О! Опыт говорит, что воля супруги часто бывает противна и воле супруга и воле Божией: извольте угождать любимой своей супруге и из любви к ней нарушать заповеди Божии, — позволь вместе с нею пить до дна чашу земной суеты и отказываться от вечери Божией, а нет — если вы не хотите служить с нею суете и губить свою душу: она лишит вас своей любви и пойдут распри и раздоры. Ах! Как многие женатые действительно принуждены сказать Господу, приглашающему нас в Свое вечное царство: «я женился, и потому не могу прийти». Не могу прийти: потому что я должен угождать жене, ее желаниям и прихотям, которые для меня обратились в закон. Так что же, ужели не жениться, скажут некоторые? Нет: никто этого не говорит: «не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть... могий вместити, да вместит (Мф. 19, 11–12). Угождай жене, но не в том, что вредит спасению души твоей, но не в том, что противно воле Божией. Как глава жены, умей стоять выше прихотей жены и сам направляй ее желания к горнему миру, а не земному.

ВОПРОС: Что нужно делать против проказы грехов?

ОТВЕТ: Поелику все мы полны внутренней проказы, то, подобно десяткам прокаженных, все воскликнем от души: Иисусе Наставниче, по-

милуй ны! Господи, помилуй! И непрестанно будем тайно взывать: Господи, помилуй! Да, эта молитва для всех нас необходима, как дыхание, как пища.

ВОПРОС: Сколько раз исповедываться и причащаться?

ОТВЕТ: Должно каждому из нас радеть о своем спасении и не запускать своей духовной проказы, не откладывать своего покаяния на долгие дни, которые не сегодня, завтра могут прекратиться, — каждый день усердно втайне каяться пред Богом, прося прощения и, по крайней мере, раз в год, показать всю свою проказу. Это одно, а вот другое обязательство для нас: когда после молитвы покаяния или после таинства исповеди, мы ощутим, что душевная проказа наша исцелена, прошла, и мы стали здравы душою, — надобно за это быть благодарными Спасителю нашему, Который ныне врачует нас непрестанно, — и из чувства благодарности и из уважения к правде вперед беречься грехов и преткновений. Это чувство благодарности и это опасение греха расположит Благодетеля к большим благодеяниям на будущее время, и нашу душу сделает мягче.

ВОПРОС: Нужно ли непрестанно молиться? Чей это непрестанно голос раздается в Церкви?

ОТВЕТ: Какой голос? Господи, помилуй, — иногда один раз, иногда три раза, иногда многократно. Это наш голос, нас всех, собравшихся в Церкви. Как прокаженные, ставши издалека, вознесли к Спасителю глас: Иисусе Наставниче, помилуй нас, — так мы, узнавшие в Иисусе Христе больше, чем Наставника, а Самого Господа неба и земли, взываем к Нему: Господи, помилуй! Так, это голос виновных грешных, достойных всякого наказания за грехи. И вот, мы ежедневно и часто умоляем Господа помиловать нас, очистить нас от проказы грехов, каким подвержен всякий из нас. Ах, и как приятно бывает Господу, если бы всякий из нас, как должно, сознавал и чувствовал свои грехи, принимая твердое намерение исправиться от них, и всесердечно просил бы Господа о помиловании! Но, к несчастью, многие заражены окамененным нечувствием грехов и не хотят или не умеют, подобно прокаженным, от всего сердца воззвать ко Господу: Иисусе, помилуй мя! Взывайте, взывайте, братия мои, ко Господу: и в этом храме, и на пути, и дома, и везде при всяком занятии взывайте сердечно: Господи, помилуй мя грешного.

ВОПРОС: Может ли спастись и любостяжательный богач?

ОТВЕТ: Когда богатый юноша-начальник удалился от Господа с печалию, и Господь сказал, что трудно войти уповающим на богатство в царство небесное, то ученики Господни спросили с удивлением своего Учителя: кто же может спастись? Он сказал — «невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18, 27). Это значит, что Бог может благодатию Своею смягчить и уврачевать и сердце любостяжательного богатого, просветить очи сердечные, ослепленные корыстью, убедительно представить его уму и сердцу тленность и ничтожность земного богатства, и вечность, несравненную красоту и сладость благ Небесного Царствия, которые он может получить взамен земных благ, — и невозможное сделается для него возможным. Он будет щедро подавать милостыню нищим, коих прежде пре-

небрегал, будет преуспевать во всякой добродетели, восходить от силы в силу, и таким образом удостоится жизни вечной.

ВОПРОС: Почему познание грехов спасло иерихонского слепца?

ОТВЕТ: Блажен, кто познает свою слепоту, и немедленно всем сердцем, неотступно будет умолять Спасителя об исцелении, и будет сокрушаться о прежних грехах своих и будет напрягать все силы к исправлению своему: Господь призрит на его молитву, на его слезы, на его труды и исцелит его он душевной ужасной слепоты его.

Величайшее чудо! Одним словом: «прозри», Господь избавил человека от слепоты, сделав его очи совершенно ясными. Счастлив слепец, блажен от невидевший и веровавший, ибо вера спасла его.

ВОПРОС: Почему не веруют многие ученые?

ОТВЕТ: Эти ученые на место веры и Церкви поставили человеческий разум, разум, столь близорукий, омраченный страстями, что едва разумевает то, что на земле и с трудом находит то, что под руками (Прем. 9, 16), а что в духовном царстве Божием, о том и понятия не имеет. Они верят во всезнание и в могущество человеческого разума, верят беспрекословно в его изыскания, хотя эти изыскания, весьма часто, бывают явно ошибочны; не верят слову Божию, говорят вопреки ему; отвергают очевидные истины, возвещенные и слове Божием, например, шестидневное творение мира словом всемогущего Бога и сотворение человека по образу Божию; бессмертие человеческой души, загробную жизнь; они считают ненужною Церковь с ее божественным учением, богослужением, таинствами, священноначалием, и мало ли что еще. Избави Бог всякого христианина от такой слепоты! Такой слепоте часто нет и исцеления, потому что ученые слепцы бывают заражены неисцельной гордостью, недопускающею, чтобы кто-либо правильней их мог говорить о том, что они утверждают. Вот таковы были и современные Иисусу Христу книжники, фарисеи, первосвященники. О, если бы эти ученые пришли к смиренному убеждению, к которому пришел один древний мудрец, сказавший себе: «Я знаю лишь то, что я ничего не знаю».

ВОПРОС: Кем совершается спасение наше?

ОТВЕТ: Апостольское чтение из послания апостола Павла к ученику своему, епископу Ефесскому Тимофею, следующего содержания: «Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый» (1 Тим. 1, 15). При чтении этого апостольского слова весьма естественно приходит в голову вопрос: всех ли грешников пришел спасти Иисус Христос? Да, всех верующих, покаявшихся и крестившихся. Но без веры, без покаяния и крещения ни один грешник не спасется. «Иже веру имет и крестится, спасен будет: а иже не имет веры, осужден будет» (Мк. 16, 16). Всякое дерево, не творящее плода добра, посекается и во огнь вметается (см.: Мф. 3, 10).

Господь основал на земле Церковь и в ней положил все сокровища спасения, дал пастырей и учителей — совершителей богослужения и таинств, Он дал нам слово Свое и спасительные заповеди, исполняя которые, мы непременно спасемся; притом дал нам и силы к исполнению их; возродил нас во святом крещении, освятил, даровав Духа Святого, укреп-

ляющего нас в вере, уповании и любви, даровал нам покаяние и власть в Церкви разрешать и связывать кающихся; даровал в пищу, в освящение и обновление пречистое Тело и Кровь Свои, и таинство елеосвящения для врачевания недугов тела и души. Вот образ и способ спасения грешников. Помимо их, нет других способов. Значит, кто не имеет общения с Церковью, тот не спасется.

ВОПРОС: Легко ли спастись?

ОТВЕТ: Братия! Самому Богочеловеку не легко было спасти нас от греха, проклятия и смерти, но надобно было, по суду правды Божией, пострадать и умереть за нас, и умереть позорнейшею и мучительнейшею крестной смертью: как же мы-то можем мечтать без труда и самоотвержения спастись от греха и наследовать вечное блаженство? Нет: нельзя! Сам Господь говорит, что «Царство Небесное силою берется», и сильные искатели приобретают его (Мф. 11, 12). Апостолы, мученики и преподобные спаслись терпением и самоотвержением до креста и смерти; мы ли мечтаем спастись в неге, лености, роскоши, жестокосердии, удовольствиях земных, в самоугодии и не в богоугодии? Нет, братия, «Бог поругаем не бывает» (Гал. 6, 7). Какая нужда Богу в рабах лукавых и неверных Ему, в нелюбящих Его, когда Он Сам есть святейшая Правда и Любовь? Он свят и во святых почивает.

ВОПРОС: Почему без покаяния нельзя спастись?

ОТВЕТ: Жизнь без покаяния крайне вредит душе нашей: душа христианина некающегося, или кающегося неискренно, легко делается добычею диавола, связывается им сетьми адскими, не видит покоя душевного, но мятется и страдает в плену различных страстей и весьма близка к аду преисподнему, к мукам вечным.

Братия, покаемся, покаемся всем сердцем, чтобы Солнце правды Христос воссиял в сердцах наших, чтобы приблизилось к самому сердцу нашему царствие небесное. Будем каяться постоянно, каждый день и час пред очами всевидящего Бога: постоянно грешим — постоянно будем и каяться. Покайтеся!

Том III. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Почему гнали христиан и мучили их?

ОТВЕТ: Припомним, что предсказывал Иисус Христос ученикам Своим? Он предсказывал им ненависть мира, гонения, побои, смерть насильственную. Почему так? Почему мир принял так враждебно своих просветителей, преобразователей, обновителей? Потому, что он был прелюбодеен и грешен и до того растлен, что зло считал добром, благополучием, а добродетель — нечестием, и всех, кто посягал на исправление, обновление его, почитал дерзкими, нечестивыми, возмутителями обществен-

ного спокойствия. Мир спал во грехах и не думал пробуждаться. И вот, когда явились люди, которые начали будить его от сладкой дремоты греха, когда апостолы стали изобличать заблуждения мира и возвещать новое учение, новую жизнь, новые правила жизни, покаяние, распинание плоти с ее страстями и похотями, когда тронули они больные места растленного мира, когда они затронули и злобную власть велиара, то есть диавола, царствовавшего свободно над миром в продолжение тысячелетий, тогда воспрянул мир от сна своего и вооружился всею силой злобы на пробудивших его от этого сна, то есть на апостолов, представших к нему с светом небесной истины, потому что для него болезнью был этой истины свет, и — начал их преследовать как врагов, как возмутителей общественной тишины, как злодеев, как противников власти кесаревой — и каких клевет не было возведено на посланников Господних.

ВОПРОС: Почему можно убедиться, что мы истинные христиане?

ОТВЕТ: Нашей кротостью, если гонят нас, мы терпим; если нас злословят, мы благословляем; если хулят нас, мы молимся за хулителей Богу, чтобы Он не поставил им греха сего и обратил их сердца к Нему. «Мы, — говорит далее Апостол, — как сор для мира, как прах, всеми попираемый» (1 Кор. 4, 12–13). Отчего так? Отчего апостолы, это злато Божие, были сором, прахом для мира? Потому что у мира есть свои драгоценности, свои почтенные особы: богатство и богатые люди, благородство, образованность светская, дорогие одежды и хорошо одетые люди; эти и подобные люди для мира почтенны. А апостолы? Да они бедные, алчущие, жаждущие, нагие, не имеют светского образования. За что же их миру уважать? И мир презирал их и ни во что ставил за то только, что они не имели того, что нравится растленному вкусу мира.

ВОПРОС: Кто управлял грешным человечеством?

ОТВЕТ: В ветхом человеке, живет, имеет свой престол, действует и управляет сатана. Все мы грешны в превратной любви к самим себе, к своему «я». Почему? Потому что весьма многие не знают, кто этот «я», и оттого усердно служат ему, исполняют его страсти и похоти. Этот «я», который притворяется нашим искренним доброжелателем и требует себе нашего усердного внимания, любви и услуг, и коего мы так усердно любим, есть самый злой враг наш.

ВОПРОС: Нужно ли думать о себе, или о других?

ОТВЕТ: В мире все ищут только своего, а вы, забывая себя, пекитесь наипаче о других; вечное благо людей ставьте выше своей жизни.

Вы будете проповедовать людям нечто новое и необыкновенное, и от вас потребуется живой пример, которому могли бы наставляемые вами подражать; возьмите этот пример с Меня: идите за Мною. Чтобы научить людей презирать дольнее, земное и стремиться к горнему, — вы сами должны наперед отложить всякое житейское попечение, — оставить, как сор, все земное, дорогое для обыкновенного, плотского человека, обратить ваши мысли и сердца к горнему отечеству и жить прочее время исключительно для спасения погибающих в безднах греха душ человеческих, дороже которых нет ничего в мире, ибо Я Сам снисшел

для того, Сам принял зрак раба для спасения рабов, Сам хочу дать в выкуп за них кровь Свою и душу свою. Итак, идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков.

ВОПРОС: Какова связь с Церковью в деле помощи бедным?

ОТВЕТ: Разве вы не знаете учения Евангелия, что мы все едино тело, а друг для друга члены, и если страдает один член, ему сострадают все? Если мы бедного не будем признавать своим членом или братом, то и Церковь не признает нас своими членами, и от тела ее мы будем отсечены, как гнилые члены, и погибнем, как неверные. Нам скажет на последнем суде всемирный Судия: отыди от Меня делающий беззаконие: Я не знаю тебя.

ВОПРОС: Унывать ли падшему по немощи?

ОТВЕТ: Если случиться пасть по немощи, не унывать и снова восставать; слезно просить у Бога благодати — жить осмотрительно, добродетельно, очистить сердце и обновить дух правый. «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей» (Пс. 50, 12); неопустительно говеть во все посты, или — по крайней мере в Великий пост, искренно и глубоко исповедываться во всех грехах и с верою и любовию причащаться святых и животворящих Таин, в которых преимущественно и заключается сила обновления.

ВОПРОС: Каково значение богослужения?

ОТВЕТ: Богослужение есть душа, сила христианина, обновляющая всю его жизнь. Ибо во время богослужения, когда Сам Господь обещал присутствовать преимущественно среди молящихся, особенно совершается благодатное возрождение и обновление верующих; в это особенно время «Дух, идеже хощет, дышит, и глас Его слышиши, но не веси, откуду приходит, и како идет» (Ин. 3, 8).

Надо принуждать себя ходить в храм, и молиться с усердием, и малопомалу полюбится богослужение, придет охота ходить в храм, и молитва сделается потребностью сердца. Ведь в храме, в богослужении все сокровище наших душ: тут особенно совершается наше избавление от лукавого, наше очищение, возрождение и обновление, освящение, усыновление Богу; тут пища и питие наших душ, тут наша сила против греха и диавола, тут преддверие неба и вечной жизни и предвкушение вечного блаженства, наша слава небесная; тут преподается мир душам нашим, которого не может дать мир, во зле лежащий (1 Ин. 5, 19); тут наипаче нисходит помощь от Господа. Св. царь и пророк Давид, по опыту знавший небесное блаженство — быть в храме, просил у Господа, как величайшей милости, быть всегда в храме: «едино просих от Господа, — говорит он, — то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святый Его» (Пс. 26, 4).

ВОПРОС: Нужно ли читать Евангелие?

ОТВЕТ: Читайте и нехотя Евангелие. Иные говорят: мы Евангелие прочитали и знаем его, зачем еще читать его? Или: в Церкви, говорят, все читают, поют, священнодействуют одно и то же, а одно и то же наскучивает. О, как поверхностны, неосновательны и ложны такие оправдания.

Одно и то же богослужение, благоговейно совершаемое, укрощает страсти, очищает грехи с верою и покаянием молящихся, препоясует силою свыше, соединяет с ангелами и с Самим Богом, восторгает от земли на небо. «В храме славы Твоея стояще, на небеси стояти мним», — говорится в одно церковной песне. Разве этого мало? Пусть же не говорит никто: скучно слушать одно и то же богослужение. Кто так говорит, тому скучно было бы и на небе.

ВОПРОС: Был ли человек такой же, как и после падения?

ОТВЕТ: Сколь чист и прекрасен был человек и по душе и телу вначале, в первобытном до падения своего состоянии, — можно судить уже потому, что он сотворен был по образу и подобию Божию и был живым, одушевленным храмом Божества: божественные свойства — святость, благодать и любовь, совершенное незлобие, простота, правда, разум, премудрость, непоколебимое мужество, бесстрастие, мир, радость и блаженство и некое божественное величие и власть были уделом его души и светились, изображались в его лице и взоре. Первый человек — это была несравненная красота на земле, как бы некий бог в виде человека, пред которым раболепно преклонялись, коему повиновались все твари земные.

Иисус Христос, Богочеловек, восстановил в Своем Божественном лице всю первоначальную доброту и благолепие образа Божия, Пречистое Тело Его было истинным храмом Божества. Словом и примером Он показал нам, как мы должны восстановлять и обновлять в себе обезображенный страстями нашими нетленный прекрасный образ Божий в душах наших, и даровал нам в Своей Св. Церкви все силы и средства к очищению, обновлению и украшению нашего внутреннего храма.

ВОПРОС: Нам ли, русским, не веровать?

ОТВЕТ: Нам ли, русским, православным, ослабевать в вере, когда Начальник и Совершитель нашей веры Христос так славно прославился и всегда прославляется среди нас бесчисленными чудесами — то в св. мощах, то и в св. чудотворных иконах, то в животворящих Тайнах, то в различных силах, являемых Им на верующих в Него во всех концах нашего пространного отечества? Нам ли не веровать во Христа, Сына Божия, Спасителя мира, когда Он видимо спасал и спасает отечество наше и царя нашего православного от всех врагов и супостатов и еще так недавно явил крепкую руку Свою над возлюбленным помазанником Своим? Нам ли, братия, не веровать во Христа, когда Он и нас с вами многократно спасал от бед, болезней, скорбей, особенно же — от грехов наших, — когда Он нас питает, одевает, просвещает, упокоевает, животворит. Нам ли не веровать во Христа, когда мы сердцем своим чувствуем, что Он живет в нас, действует в нас, непрестанно спасает, животворит, укрепляет нас? Было бы сумасшествием, если бы кто сказал, что он не верует во Христа, как Сына Божия, безумием, нелепостью. У нас, в России, почти всякое место, всякий город, селение, обитель, храм, есть свидетельство силы Христовой, — всякий благочестивый христианин есть живой свидетель силы Христовой, в немощах совершающейся.

ВОПРОС: Способен ли корыстный священник спасать души пасомых?

ОТВЕТ: Наше дело не гнаться за корыстью, не собирать богатство погибающее; наше дело, наша корысть — есть спасение душ человеческих, искупленных кровью Сына Божия, и да и свое собственное спасение. И горе, горе нам, если мы погонимся за корыстью, как Иуда Искариотский. Тогда мы и себя погубим и души, нам врученные от Бога: ибо может ли, захочет ли спасать души священник, которого сердце увлечено корыстью? Он знает цену только деньгам, и не знает, сердцем своим не знает, не чувствует, как дорого спасение души; спасение для него — пустое слово. Кто не заботится о своем спасении, тот станет ли заботиться о спасении других? Нет, не станет. Потому апостолы Христовы все земное сочли за сор, а спасение душ человеческих считали главнейшим своим делом.

И в самом деле, что может быть дороже спасения души человеческой, которая есть образ и подобие бессмертного Бога? Весь мир не стоит одной души. «Какая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит» (Мф. 16, 26).

ВОПРОС: Как понимать слова Господа: Петр — камень?

ОТВЕТ: «Ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей. И дам ти ключи Царства Небеснаго» и проч. (Мф. 16, 18–19). Не сказал: даю, а — дам, потому что еще не принесена была тогда крестная жертва за грехи мира, и не настало еще время даровать эту власть, она дана по воскресении Господа из мертвых, когда Он, явившись апостолам, дунул на них и сказал: «приимите Дух Свят. Имже отпустите грехи, отпустятся им, и имже держите, держатся» (Ин. 20, 22–23). Отсюда видите, братия, как свят, важен, досточтим и необходим в Церкви Христовой сан апостолов и их преемников — архиереев и священников: они — слуги Христовы и строители Таин Божиих; они продолжатели дела Христова; они отворяют и затворяют небо для людей; без них нет власти вязать и решать грехи человеческие, нет спасения. Бог Отец передал всю власть Иисусу Христу, а Иисус Христос — апостолам и священникам. Отсюда видите и то, братия, что ключи Царства Небесного всегда удобно достать желающим войти в него: ибо они находятся у всякого священника, и надобно только от всего сердца раскаиваться пред ними в своих беззакониях и творить потом дела, достойные покаяния.

ВОПРОС: Отчего мучения будут вечны?

ОТВЕТ: Расположения, наклонности душевные, приобретенные здесь, переходят с нами и в том век, и какая мука будет там, за гробом, всем тем, которые умерли со своими земными, греховными наклонностями и всегда заглушали и подавляли небесные потребности души, не успев принести всесердечного в них раскаяния? Вот откуда произойдет тот неумирающий червь, о котором так часто говорит в Евангелии Спаситель наш: этот червь — живущие и неумирающие и по смерти греховные наши наклонности, кои ничем удовлетворены быть не могут, но к этому неумирающему червю присоедините еще и огнь неугасающий, огнь лютейший, ибо сказано: «червь их не умирает, и огнь не угасает» (Мф. 9, 44).

ВОПРОС: Какие качества нужно иметь христианину?

ОТВЕТ: Эти качества суть: святая простота нрава, живая вера в Иисуса Христа, как Сына Божия единородного, твердейшая адаманта (алмаза), непоколебимое упование на Бога, чистейшая, пламенная к Богу любовь, и в Боге — к человечеству погибающему и искупленному бесценною кровью Сына Божия, кротость и смирение неизменное и ко всем равное, соединенное с уважением ко всякому человеку, в особенности ищущему истины и спасения; всегдашняя близость и доступность ко всем, терпение ангельское, до конца жизни — всегдашняя, горячая ревность о спасении всех людей, всегдашнее воздержание, полное самоотречение от угождения плоти и от всякого мирского пристрастия, ум, зрящий непрестанно горе, преданность Богу всецелая, святость во всем житии — вот главные черты их характера по обновлении благодатию.

ВОПРОС: Природна ли человеку святость?

ОТВЕТ: Святость, утраченная нами чрез грех Адама, была природным свойством души нашей; эту святость, снова дарованную нам во святом крещении и миропомазании, мы опять утратили и постоянно утрачиваем чрез несчастную греховную наклонность, сделавшуюся природною для нас, после грехопадения прародителей. Святость, говорю, была природным свойством душ наших, потому что мы вначале сотворены по образу и подобию Божию, а Бог — свят.

ВОПРОС: Что нового принесло христианство?

ОТВЕТ: Какая же это действительная новость, которой мы должны искать, желать, которую должны действительно полюбить, к которой должны мы привязываться всем сердцем, всем существом нашим? Эта новость — есть благодать Божия, принесенная на землю воплотившимся Сыном Божиим, благодать обновления, примирения с Богом, прощения грехов, возрождения, освящения, обожения. Вот наша истинная, животворная, вечная новость — благодать Господа нашего Иисуса Христа и обновление наших душ Божиею благодатию. Мы должны возродиться, обновиться, обожиться, отбросить от себя с отвращением всякую прелестную нелепость и ветхость греховную, и жить в новости христианской жизни, свято, непорочно. Если «кто во Христе, тот новая тварь», — говорит св. Апостол (2 Кор. 5, 17).

ВОПРОС: Скоро ли будет конец мира?

ОТВЕТ: Знайте, — громогласно повторяю вам: скоро паки приидет Господь Иисус Христос судити живым и мертвым. Но в другой проповеди о. Иоанн говорит уже осторожнее, предположительно: «Вот придет некогда, и, может быть скоро, Судия праведнейший, сидящий на Престоле славы, сотворит суд праведный всем и всех нас повлечет пред судилище Его ужасная река огненная».

ВОПРОС: Должны ли мы все быть святыми?

ОТВЕТ: Мы все, возлюбленные братия, можем и должны быть святыми — не своею силою и заслугами пред Богом — нет, а силою благодати Божией, а благодать «комуждо, — сказано, — нас дадеся» (Еф. 4, 7), то есть дана каждому из нас, и — заслугами Христовыми. Да, мы можем быть святыми и действительно бываем уже святыми и в этой жизни, хотя

ненадолго, тогда, когда достойно причащаемся святых, пречистых и животворящих Таин Христовых; о, тогда мы, несомненно, бываем святы святостью Христовою, и душа наша паче снега убеляется Кровью Христовой. Потому причащайся каждый чаще, причащайся достойно, и ты будешь часто возвращать теряемую святость, будешь часто обновлять растлеваемое грехом естество свое и мало-помалу сделаешься святым и по собственному расположению, возбуждаемому и поддерживаемому благодатию Христовой. Да, непременно сделаешься святым, если не будешь жить в духовной дремоте и бездействии, а будешь деятельно воевать на страсти и на врага бесплотного, ежедневно усиливающегося поджигать нас страстями и пристрастиями житейскими. Святость не есть завидная доля только одних апостолов, святителей, мучеников, преподобных и всех святых, а прекрасная доля всех нас. Апостол говорит, что Бог призвал всех нас не на нечистоту, а в святость (см.: 1 Кор. 4, 7).

ВОПРОС: Какое значение для общества имеют святые?

ОТВЕТ: Благочестие служит основанием прочного благосостояния государства.

«Семя свято стояние его», — сказал пророк Божий Исаия о царстве Иудейском (Ис. 6, 13). Мир дотоле стоит и остается в своем порядке, доколе есть в нем люди благочестивые, святые.

Общество людей благочестивых в своем совершеннейшем виде однажды было на земле и доказало людям, какое прочное, веселящее сердце благоденствие бывает там, где живут люди благочестивые. Первенствующая Церковь представляет пример такого рода. В книге Апостольских Деяний говорится, что «народу же веровавшему бе сердце и душа едина: и ни един же что от имений своих глаголаше свое быти... Не бяше бо нищ ни един в них» (Деян. 4, 32 и 34).

При таком единодушии, когда бы могло нарушиться благосостояние человеческих обществ? Всем довольные и счастливые, люди жили и сидели бы кийждо под виноградом своим и под смоковницею (см.: Мих. 4, 4), во всяком изобилии, как Израиль во дни Соломона, без горя, без нужды.

Таким образом, если мы будем считать себя слугами общественного дела, общественного блага и не будем только себе угождать, то и мало-помалу стяжем нищету духа, заповеданную нам Спасителем, — будем ощущать в себе внутреннее удовольствие и блаженство и, живя еще на земле, будем предвкушать сладость Царствия Небесного.

Человек создан именно на дела благие, то есть на дела святости, верности, правды, любви и милосердия, на дела самоотвержения и мужества, воздержания, многостороннего и разнообразного учения, — для служения многообразным нуждам Церкви и отечества. Человек создан не для себя одного, а для служения обществу, как и общество, в свою очередь, служит ему. Всякий из нас есть член, с одной стороны, Церкви, или благодатного Царства Божия на земле, члены коего должны преуспевать непрестанно в вере, правде и благочестии, с другой стороны, — член гражданского общества, или великого политического тела, называемого государством. Тому и другому обществу, церковному и гражданскому, каждый из нас обязан вер-

но служить и во всем повиноваться его властями в пределах правды и закона; общественное благо предпочитать своему частному и, в случае нужды, не щадить для него своего здоровья, сил, спокойствия, имущества, даже самой жизни.

ВОПРОС: Как побеждать себя?

ОТВЕТ: Трудно, возлюбленные братия, побежать себя. Нет на свете труднее победы, как победа над самим собою, но надо непременно побеждать себя, то есть побеждать зло, гнездящееся и действующее в сердцах наших и во плоти нашей, или многоразличные страсти плотские и духовные, воюющие ежедневно в плоти нашей. Без победы нет венца победного, нет наследия Царства Небесного. Как же побеждать себя? Чтобы побеждать себя, нужно возненавидеть себя или отвергнуться себя, по учению Христову, как негодного и смрадного сосуда, исполненного зловония и смердящих страстей. «Иже хощет по Мне ити, да отвержется себе» (Мк. 8, 34). Нужно возлюбить единого Бога и Его святую волю, верою и любовью соединиться с Ним в одном духе. А всего этого можно достигнуть не иначе, как непрестанною молитвою в посте и воздыханиях, частым и усердным призыванием имени Иисуса Христа или Пресвятые Троицы и ежедневною борьбою со своими греховными склонностями и страстями. Нужны тысячи опытов борьбы с разными порочными наклонностями своего сердца, чтобы, наконец, выйти из этой борьбы победителем, при помощи благодати Божией. И вот эта-то упорная и скорбная внутренняя война делает для нас вполне понятными слова Апостола, что «многими скорбми подобает нам внити в Царство Божие» (Деян. 14, 22). Точно, многими скорбями.

В настоящую половину девятнадцатого столетия подобное слово может показаться совершенно несовременным, отсталым от века, несогласным со взглядом большинства людей: потому что любимое выражение нынешних людей, оправдываемое делом, такое: ни в чем себе не отказывай, если можешь, живи в свое удовольствие, жизнь коротка, спеши наслаждаться, сегодня живы, завтра умрем, и конец нам. Но проповедник слова истины не должен потворствовать духу века — соображать со взглядами людскими, он должен говорить чистую истину Божию, идти против ложного направления духа времени, исправлять ложные мнения и направления людей. Итак, именем вечной истины утверждаем, что всякий человек, христианин особенно, должен побеждать себя.

ВОПРОС: Разве всем нужно быть пустынниками?

ОТВЕТ: Как отделяться от людей, — скажут многие, — и не жить так, как живут другие? Не заключаться же дома, не все же молиться и поститься, не быть же в мире монахом! Возлюбленные чада Церкви Православной! Никто от вас не требует, чтобы вы отделялись от людей и жили уединенно, мы должны быть общительны, но Бог и Церковь от нас требует, во имя нашего вечного спасения, чтобы мы имели общение христианское, разумное, духовное, боголюбезное; преходит бо образ мира сего» (1 Кор. 7, 31). Никто не требует, чтобы вы постоянно молились и постились, хотя истинный христианин, слыша Апостола, говорящего: «непрестанно

молитеся» (1 Сол. 5, 17), не чуждается и непрестанной молитвы духом и истиною. Но Церковь требует, чтобы вы хотя известные времена посвящали молитве и воздержанию.

ВОПРОС: Какое наше главное дело?

ОТВЕТ: Главным и неотложным делом нашей жизни, нашей, так сказать, стихией — должно быть стремление к совершенству, как повелевает это нам Иисус Христос: «будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5, 48). И что если мы не будем стремиться к совершенству, не будем побежать своих страстей, — то они сделаются злокачественной нашей привычкой, болезнью, обратятся в природу, в жизнь, окрепнут в нас.

Каждый из нас обязан вести брань с начальствами и властями и миродержителями тьмы века сего, с духами злобы поднебесными и побеждать их. Эти невидимые всезлобные противники и враги Божии и наши, не имея никакой возможности причинить вреда Всемогущему Богу, по попущению Божию, всячески клевещут человекам на Бога, внушая им хулу на Него, ропот, дерзость против Него, противление Его заповедям, научая их всякой нечистоте. Знают они, мерзкие, что человек есть прелюбезное творение Божие, созданное по образу Божию, и думают нанести печаль Богу, уродуя Его творение, искажая в нем образ Божий, вооружая человека против Бога, отчуждая его сердце от Бога, и приковывая его к вещественности, к земности и оскверняя его всевозможными страстями.

Против этих исконных врагов — духов злобы, убийц человека, надо вести непрестанную войну мысленную, надо непрестанно внимать себе, своим помыслам, сердечным движениям, надо изучить и знать Св. Писание, чтобы побежать их словом Божиим, против коего они не могут стоять, надо стяжать живую, крепкую веру в Господа Иисуса Христа, зреть Его всегда пред собою и несомненно призывать Его в помощь против этих умных, невидимых, сильных, лукавых, злейших и дерзких врагов. Против твердого призывания имени Господа Иисуса Христа они не могут стоять, обыкновенно обращают хребет свой и предаются бегству. Так говорят опытные в духовной брани подвижники.

ВОПРОС: Почему нам нужны плач и слезы?

ОТВЕТ: Да, плач и слезы необходимы грешникам. Если бы мы были безгрешны, то нам оставалось бы только вечно радоваться, как и созданы мы для вечной радости. Не плакать о грехах может только тот, кто не знает, что такое грех, как он смертоносен, что Бог бесконечно гнушается всяким грехом, потому что Он бесконечно свят, что для избавления нас от ужаснейшего бедствия греха нужна была бесконечная и ужасная жертва — смерть Сына Божия, словом — кто не знает всех ужасных последствий греха. А мы с вами, кажется, знаем, что такое грех: как он лишает общения с Богом и как ужасны его последствия временные и вечные.

ВОПРОС: Опасно ли, хоть на минуту, быть без Господа?

ОТВЕТ: Нередко бывает, что христианин, чрез какой-то грех лишившись Господа, Коего носил в сердце своем, и чувствуя без Него пустоту и тесноту в сердце, снова усердно ищет Его, вопрошая себя внутренно: какой грех мой, вольный или невольный, был причиною Его удаления от меня? И

нашедши, что и тот и сей грех были причиною Его удаления, кается усердно и принимает решительное намерение как бы взять, восхитить снова Господа усердным покаянием и молитвою и, обретши, не отпускать Его более. Так, братия мои, не пребудем ни единой минуты без Господа, когда по немощи или рассеянности или страсти какой-либо лишимся Его, но немедленно взыщем Его сердечным покаянием, верою и любовью. Ибо кто, согрешая, не касается тотчас же и не ищет снова соединения с Господом, тот спит греховной смертью, не видит и не чувствует опасности своего положения и, будучи мертв, мечтает, что он жив. Несознание и нечувствие своих грехов и несознание нужды в Спасителе есть верный признак смерти духовной, есть состояние, весьма опасное для человека.

ВОПРОС: О чем говорят войны?

ОТВЕТ: Войны показывают, что народы еще далеки от духа евангельского и не усвоили его себе, не ввели его в отношения международные; война, особенно наступательная, свидетельствует о языческом еще направлении народа, о земных его стремлениях. Таким образом, грехи и страсти подтачивают, как червь, корни самых царств. И вот источник их слабости! Как ни желают народоправители укрепить и как ни укрепляют свои царства, но они все колеблются, все опасаются усиления соседей и ниспровержения на них; какие ни выдумываются страшные по своей смертоносности орудия брани, какие ни воздвигаются крепости, какие ни строятся суда, покрытые железной бронею, но вся надежда на них оказывается непрочною: потому что сообразно оборонительным, придумываются и устраиваются и разрушительные орудия войны. Пусть же знают все царства и народы, все цари и поданные, что нет на земле ни одного непоколебимого царства, не было и не будет, что они стоят и колеблются, ниспровергаются и исчезают, подобно многим древним исчезнувшим царствам; и дотоле стоят твердо, доколе тверды в народе вера и благочестие, а коль скоро одолели безверие и безнравственность, тогда неизбежно падают царства и народы.

ВОПРОС: Чем отличается истинный христианин?

ОТВЕТ: Истинный христианин образуется только под крестом: кто не несет крест, то есть искушений, скорбей, лишений, тот не может быть истинным христианином, тот бывает всегда рабом греха, греховных привычек и страстей. «Кто хочет идти за Мною, — говорит Господь, — отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24).

Истинного христианина всегда отличает смирение, он считает себя меньшим из всех, никогда не превозносится, не гордится, хотя бы он стоял на высоте земного величия. Во всякому звании и состоянии он всем раб во благое, всем слуга во благое, и это-то смирение составляет его истинное величие, привлекает к нему сердца всех, тогда как, напротив, гордость, самолюбие, надменность, недоступность унижают его, отталкивают от него сердца народа или подчиненных.

ВОПРОС: Не важнее ли чудес любовь?

ОТВЕТ: Вы скажете: это — чудесные дела милосердия, а нам не дано власти творить чудес. Отвечаю: и не надо нам чудес, дар чудес дается по особенным обстоятельствам и немногим избранникам. Но быть добрыми,

сострадательными, милостивыми, терпеливыми, незлопамятными, немстительными, искренно любящими — состоит в нашей власти и возможности. Искренняя любовь и прямо добрые дела — важнее чудес, и нередко приятнее Богу многих чудес, потому что цель и конец, исполнение всего закона — есть любовь, и кто любит ближнего как себя, тот исполнил весь закон (ср.: Рим. 13, 8 и 10), тот сам есть истинное чудо.

ВОПРОС: Есть ли бессмертие?

ОТВЕТ: Да что распространяться о бессмертии души человеческой. Эта истина так ясна и очевидна для нас — христиан, как солнце. Мы вкушаем Тело и Кровь Христову и чрез это носим в себе еще здесь явные начатки своего бессмертия: еще здесь животворящие Тайны оживотворяют умерщвленные грехами наши души, а с душами и тела наши, нередко ощущающие в себе начатки смерти от воюющих на душу страстей, — и тем предызображают жизнь нашу и по смерти. Истины слова Спасителя: «Ядый Мою плоть, и пияй Мою кровь, имать живот вечный» (Ин. 6, 54). Таков несомненный залог бессмертия носит в душе своей христианин!

А явные чудеса святых Божиих после смерти их, над верующими, разве не свидетельствуют яснее дня, что святые Божии человеки живы и по смерти, и мало того, что живы сами, и других, по благодати Божией, оживотворяют душевно и телесно. Сколько творил и творит чудес угодник Христов Николай! Если бы собрать все повести о его чудесах, то «ни самому мню всему миру вместити пишемых книг» (Ин. 21, 25) об них. Так их много! Это подтверждают опыты.

ВОПРОС: Долго ли был о. Иоанн законоучителем в гимназии?

ОТВЕТ: Последний раз я здесь, в этом святилище науки, предстою молитвенником о вас пред Богом, потому что оставляю гимназию как законоучитель, будучи не в состоянии совместить уроков в гимназии с моими обязанностями и делами по священству. Но всегда буду и впредь помнить вас и молиться за вас Господу в храме, в особенно при совершении литургии и принесении Бескровной Жертвы Богу. Что же сказать вам в последний раз, пред совершением соборной нашей молитвы? Скажу: простите, братия и дети возлюбленные, и не поминайте меня лихом! В чем чувствовал пробел или недостаток, — того не взыщите, потому что по временам мне трудно было, а иногда и невозможно совместить службы по церкви со службой по гимназии. Вновь поступивший законоучитель может всецело посвятить себя делу законоучительства. Полюбите его, как вы любили меня! Он же, конечно, вас полюбит, как детей своих, если будете такими же благонравными, прилежными к учению благочестия, какими были всегда при мне. Да благословит вас, чада, Господь, Сущий посреди нас! Не бесследно прошли для меня почти ежедневные службы в храме и 27 лет моего законоучительства, но углубляли меня в науку великого самопознания и богопознания, — и я учился, как и доселе учусь, служить Богу и духе и истине, объемля в моей смиренной молитве, по благодати Божией, всех и вся и принося бескровную жертву за всех и за вся.

ВОПРОС: Какие мысли были у о. Иоанна при вступлении на пастырство?

ОТВЕТ: Сознаю высоту сана и соединенных с ним обязанностей; чувствую свою немощь и недостоинство к прохождению высочайшего на земле служения священнического, но уповаю на благодать и милость Божию, немощная врачующую и оскудевающая восполняющую. Знаю, что может сделать меня более или менее достойным этого сана и способным проходить это звание. Это любовь ко Христу и к вам, возлюбленные братия мои. Потому-то и Господь, восстановляя отрекшегося ученика в звании апостола, троекратно спросил его: «Любиши ли Мя», и после каждого ответа его: «Люблю Тя», повторял ему: «Паси овцы Моя, паси агнцы Моя» (Ин. 21, 15–17).

Любовь великая сила: она и немощного делает сильным, и малого — великим, и незначительного — достопочтенным, и прежде незнакомого и чужого делает скоро близким и знаемым и любезным. Таково свойство любви чистой, евангельской. Да даст и мне любвеобильный ко всем Господь искру этой любви, да воспламенит ее во мне Духом Своим Святым.

Это дело высшей благодати, это дело безмерных заслуг Христовых. Он — Ходатай и приемлющий ходатайство. А если взять еще во внимание совершение прочих таинств, особенно — крещения, покаяния, брака, елеосвящения, какая требуется святыня, какое богатство любви Христовой от священника, совершающего эти таинства? Ибо во всех молитвах и священнодействиях, составляющих принадлежность таинств, дышит дух бесконечной любви Божией к роду человеческому, милосердия, крайнего снисхождения, святыни и нетления.

А проповедание слова Божия — какая это высокая и трудная обязанность? Без сомнения, во всем поможет нам благодать Божия, если мы будем достойны ее, и если вы будете стараться ходить или жить достойно высокого звания христианского.

Примите меня в любовь вашу и воспоминайте меня пред Господом в молитвах ваших, которые вы ежедневно Ему возносите. Заключу его благословением апостольским: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца и общение Святаго Духа со всеми вами» (2 Кор. 13, 13).

ВОПРОС: Какой стыд будет для нас на Страшном Суде?

ОТВЕТ: Если и тот из нас, кого обличают в одном грехе пред немногими и равными ему, крайне стыдится своего греха, а если пред высшими и многочисленными людьми — притом не в одном, а во многих грехах, — то чувствует большой стыд. Какой стыд будет для нас в тот день и час, когда обличится не один только какой-либо греха наш, но все грехи наши — делом, словом и помышлением соделанные, — причем не только пред равными нам грешниками, но пред всеми святыми и пред чинами ангельскими?

ВОПРОС: Одни ли иудеи распяли Иисуса Христа?

ОТВЕТ: Нет: и мы с вами, братия мои, — каждый из нас влил в ужасную чашу Его страданий много горькой желчи. Ибо в нас действуют те же страсти, кои действовали в распинателях Христовых. Эта мысль не моя, а Апостола. Это, причиняемое ближнему, причиняется и Самому Христу, Коего он член. Итак, приди каждый из нас сюда, к этому гробу Господа и Спасителя и плачь над этими язвами, над всеми поругательными мучени-

ями этой жертвы всего мира, этого Агнца Божия, вземляющего грехи всех. Язвы эти — наше дело.

ВОПРОС: О чем говорил о. Иоанн в день 25-летия, 35-летия, 40-летия своего священства?

ОТВЕТ: Да, я исполнен немощей и знаю мои немощи, но сила Божия в немощи совершается (см.: 2 Кор. 12, 9), и она дивно совершалась во мне в продолжение 25-летнего священствования моего, и дерзну сказать — ибо скажу истину — чрез меня совершалась во многих, в простоте верующих, очевидным и осязательным образом. Слава благодати, Слава Господу Иисусу Христу, даровавшему нам «благодать на благодать» (Ин. 1, 16). Говорю вам об этой силе Божией во мне для того, чтобы вы вместе со мною прославили великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Коего благодать и милость не оскудевают и ныне, как не оскудеют до века. Кто исчислит за все это время бездну спасения Божия, совершавшегося во мне благодатию Христовой всякий день и многократно! Не могу исчислить бесчисленного множества козней миродержца и приступов страстей, разрушенных милостию и силою Христовою во мне, по моей тайной молитве веры, ради сердечного покаяния и особенно — силою Божественного причащения! Какой ангельский, многообъемлющий ум изочтет все тайные дары Божии душе моей, — благодатные дары милости, коих я невидимо сподоблялся во все дни моего священствования! Не могу исчислить бесчисленного множества врачеваний благодатных — душевных и телесных, совершенных во мне Господом чрез сердечное призывание чудного имени Его. Слава Спасителю нашему Богу! Он видит, что я неложно воссылаю Ему эту славу. Только Им и о имени Его я славен. Да пребудут незабвенными для меня эти милости Господни вовек, да укрепляют они мою веру и надежду на будущее время.

Вы в лице моем, — говорил о. Иоанн в 35-летний юбилей, — воздаете честь священному сану, коим почтила благодать Христова подобных вам, немощных по природе людей, в том числе и меня. Честь, воздаваемая вами мне ныне, восходит к Самому вечному Первосвященнику, Господу нашему Иисусу Христу, за нас святившему Себя и принесшему Самого Себя в жертву за нас Отцу Своему Небесному; ибо священство мое и всех освященных — есть Христово священство: истинный, вечный Священник — один Христос, и в лице нашем священствует Он Сам, вечный Первосвященник по чину Мелхиседекову. Христе Боже, Ты Сам прослави прославляющих нас, Твоих священников на земле, и нам, священникам, даруй благодать достойно проходить высочайшее служение священства и сами всегда освящаться и других освящать и спасать данной нам благодатью.

Сделал ли я все, что должен был сделать? По совести скажу — нет! Много недоставало в моем служении по внутреннему человеку, и, вообще, служение мое было не без недостатков.

Желаю всем сердцем святыни и совершенства и буду всеми силами, с помощью Божией, стремиться к исправлению и совершенству, ибо нам сказано: «Будите... совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5, 48).

Прожить и прослужить сорок лет, — говорит батюшка в сорокалетие, — в духовном сане беспорочно, в смысле общепринятом, — дело великой и особенной благодати Божией; дремать и обленяваться во все это время мне не приходилось, а надо было стоять всегда на духовной страже своей, на страже обучающегося юношества и паствы приходской, данной нам от Бога, — почти постоянно совершать службы в храме, проповедовать слово Божие, исполнять приходские требы, учить и учиться, служить, по силе, бедным и нищим. Не в похвалу себе говорю это, ибо не хвалящий себя искусен, а тот, кого Бог восхваляет (см.: 2 Кор. 10, 18), а чтобы показать, что я делал то, что должен был делать, я должен был зорко следить за злохитрыми действиями неусыпающих, лукавых, злых, невидимых врагов, нападающих на меня чрез различные страсти и страхования, и часто терпеть наносимые мне от них раны в душе, язвы, смущения, тесноты, поражения, хотя, в свою очередь, и я поражал их оружием веры, молитвы, покаяния, причащения Св. Таин Христовых. И в этой невидимой, но упорной, полной уязвлений душевных брани, от которой страдала и плоть, — Господь научал постоянно «руце мои духовные на ополчение и персты моя на брань» (Пс. 143, 1), в этой невидимой, жестокой войне я учился искренней вере, упованию, терпению, молитве, правоте духа, чистоте сердца, непрестанному призыванию имени незримого, державного Победителя ада и Пастыреначальника Иисуса Христа, и Его именем и силою побеждал врагов и свои душетленные страсти, рыкавшие на меня, подобно львам, или завывавшие, подобно волкам.

Бывши законоучителем и воспитателем юношества в местной гимназии, я уча учился, более и более входил в себя и вдумываясь в истины евангельские, в заповеди Божии, в исторические события церковные на пространстве минувших веков и углубляясь в наше дивное, небоподобное богослужение. Не бесследно прошли для меня почти ежедневные службы в храме и 27 лет моего законоучительства, но углубляли меня в науку великого самопознания и богопознания, — и я учился, как и доселе учусь, служить Богу в духе и истине, объемля в моей смиренной молитве по благодати Божией — всех и вся и принося Бескровную Жертву за всех и за вся. Но трудно достигать духовного совершенства, живя в мире, среди житейских соблазнов всякого рода, ибо трудно отрешиться от всего того, что льстит зрению, вкусу, осязанию, вообще, чувствам многострастной плоти; сильно воюет миродержитель тьмы века сего чрез чувства плотские, тонко и глубоко впускает в наше сердце огненное жало свое, увлекающее ко всяким житейским страстям, чрез них он усиливается отвращать взоры душевные от единого на потребу, от восхождения горе по лествице добродетелей, и льстиво поучает непрестанной измене в любви и преданности единому достойному всей нашей любви, пречистому, прекрасному и бессмертному Жениху душ наших — Христу Богу, не допуская нас всегда уязвляться сладчайшею, нетленною любовь к Нему.

Стократ блаженны, — часто думал я, — пустынники, удалявшиеся, ради неразвлекаемого служения Богу и спасения души, — в пустыни, чуждые

соблазнов мира. Но надо, — опять думал я, — подвизаться и в мире, живя среди людей и сохранять себя нескверным от мира.

ВОПРОС: Из какого рода происходил о. Иоанн?

ОТВЕТ: Он сам говорил при освящении церкви в селе Суре, где родился:

Слава Богу! Это не сон и не привидение! Это действительность, видимая глазами и осязаемая руками! Хотя и доселе стоят два деревянных храма, но, по причине древности, крайне ветхих и близких к разрушению. И кому же суждено Богом создать этот величественный храм Богу и угодникам Его? Сыну бедного сельского причетника, служившего в этом же селе, в котором, по крайней мере, три с половиною столетия преемственно в разное время священствовали иереи из рода Сергиевых...

Господи! Люблю я дом Твой и место селения славы Твоей, как не любить храм Божий — это небо земное, в котором престол Божий, в котором Господь столь дивно, таинственно, ощутительно, осязательно приближается к человекам верующим, соединяясь, страствояясь с ними в животворящих Своих Тайнах, очищая, освящая, обновляя и утверждая с верою и любовью причащающихся! Как не любить храм Божий, в котором совершается непрестанно пресладкое, радующее душу богослужение, которое утешает и поучает и просвещает, и укрепляет души христианские, руководит их к Богу и к вечному блаженству на небесах.

ВОПРОС: Возможно ли спасение вне Церкви?

ОТВЕТ: Только в общении с Церковью и ее священноначалием и в ее таинствах и богослужении — спасение наше, сила наша и всякая благодать и милость Божия, а без Церкви и вне Церкви — нет спасения. «Аще кто Церковь преслушает, — говорит Сам Господь, — тот как язычник и мытарь» (см.: Мф. 18, 17).

Все отделившиеся, отпавшие от Церкви — раскольники старые и новые со всеми их сектами, равно все нераскаянные грешники — суть дикие растения, солома и определены к сожжению в огне вечном, если не обратятся к Церкви истинно. Господи! обрати имиже веси судьбами всех заблудившихся к Церкви Твоей, сними с очей их мрачное, дьявольское покрывало, и да узрят они ясно свет истинной, Православной Церкви Твоей, в которой одной вечное спасение Твое.

ВОПРОС: Долго ли был о. Иоанн диаконом до священства?

ОТВЕТ: Я только два дня, а он проработал Господу во всех степенях долгие дни и годы, как бы постепенно восходя на высочайшую степень священства. Когда я, около тридцати лет тому назад поступил к сему храму иереем, о. Александр был диаконом и слишком двадцать лет служил со мною пред престолом Божиим и как степенно, благоговейно, сердечно.

ВОПРОС: Какая польза нам от чтения Слова Божия?

ОТВЕТ: Чтобы Слово Божие, в котором ты должен постоянно поучаться, как страж дома Божия, имело для тебя всю святую привлекательность, — гляди на него всегда не сквозь тусклый покров твоих страстей, но оком очищенного от всякой нечистоты сердца: и тогда ты увидишь его в сиянии солнца Божия, сияющего животворными лучами своими на всех, у

кого не потемнены сердечные очи. При чтении его ты опытно узнаешь, что оно есть свет для твоего ума, с которым не только без боязни, но и с радостью ты можешь идти путем самой сени смертной, при котором увидишь, что в прекрасном, светозарном мире Божием нет смерти, что смертное безобразие в телесной природе человека есть следствие греха и вместе следствие всеобщего закона земного, по которому все вещественное подвержено тлению и разрушению, но так, впрочем, что из этого тления восстает новая жизнь; что этот порядок вещей не слишком продолжителен и с течением времени, которое уже самым течением своим свидетельствует о своей конечности, — кончится, уступив место вечной жизни, всегда юной, нестареющейся. Опытно уже также узнаешь, что Слово Божие доставляет сладчайшую жизнь для твоего сердца, радуя, согревая, умягчая, очищая, просвещая, животворя его своими светложизнетворными лучами. Ты увидишь, как самые кости твои и все тело твое ощутят священный, животворный трепет радости, и весь мир, вся тварь Божия представится тебе ликовствующею от радости и славословящею своего Создателя, дающего всему «живот и дыхание и вся» (Деян. 17, 25). Сердечные очи твои узрят, как, радуясь вкупе и трепеща, предстоят престолу вседержавного Творца тысящи тысящ и тьмы тем чистых, светлейших, мощных, блаженных духов, херувимов и серафимов и прочих сил бесплотных. Узришь, как от Престола Господа славы некоторые из этих святых и светлых сил бесплотных, превосходящих человека умом, волею и могуществом, нисходят, по воле Творца любвеобильного, на грешную, мрачную землю нашу — с братской любовью и заботливостью охранять не только стихии земные, наши царства, города и веси, но и в отдельности каждого человека; ты увидишь, вместе со светлыми и блаженными духами и духов мрачных и злобных, но они не устрашат тебя при виде могущественнейших духов света. Ты будешь благодарить от полноты сердечной радости и признательности Творца духов и твоего собственного за Его отеческое попечение о твоем счастии временном и спасении вечном. Расширившееся от радости сердце твое вместит в себя всех людей, которым ты искренно пожелаешь избавиться от этих демонов губителей и быть друзьями ангелов Господних. Вся вселенная, как она ни необъятна для нашего ума, есть единый дом Божий, устроенный рукою всемогущего, вездесущего, премудрого и всеблагого Художника; Творец — Хозяин этого дома, Коего Дух исполняет его (Дух Господен исполни вселенную), и о постоянном присутствии Коего в этом доме свидетельствует повсюдная жизнь, изумительная стройность и порядок, как в целом, так и во всех частях. Когда будешь надлежащим образом смотреть на Слово Божие и читать его, то увидишь, как закипит в душе твоей святое стремление ко всеми истинному, прекрасному и доброму, или говоря языком богословским, — к богоподражанию, так как Бог есть высочайшая истина, красота и добро. «Что бо ми есть на небеси? И от Тебе что восхотех на земли?.. Боже сердца моего, и часть моя Боже, во век» (Пс. 72, 25–26). Бог будет для тебя, так сказать, центром, к которому ты, подобно земным телам, будешь всегда и везде и своею мыслию

стремиться и своим чувством и всемогуществом своим. Служение Богу будет для тебя самою сладкою пищей, самым приятным животворным занятием, так что для тебя будут возлюблены селения Господа сил. Ты будешь стремиться ко всякой добродетели, особенно к точному исполнению обязанностей своего звания, и твоя душа будет кипеть святою энергией, которая будет возбуждаться с новой силой каждый раз, как святое слово Божие будет раскрыто пред твоими очами.

ВОПРОС: О чем говорил о. Иоанн брачующимся?

ОТВЕТ: Вы ныне приступаете к великой тайне, называемой браком, великой потому, что брачный союз мужа и жены изображает святейший союз Иисуса Христа с Церковью, то есть с верующими в Него: «как муж есть глава жены», так «Христос глава Церкви» (Еф. 5, 23); как жених и невеста в браке венчаются в плоть едину, так и Христос и Церковь Его — также едино тело, ибо истинно верующие в Него — суть «члены тела Его, от плоти Его и от костей Его» (Еф. 5, 30). Цель высокая и святая, отныне вы делаетесь одушевленными орудиями божественной благости и всемогущества, ибо чрез мужа и жену всеблагий Творец призывает к бытию и жизни разумные создания, будущих Его чад и наследников Царствия Божия, — и вы, если и вас Господь благословит ими, должны будете воспитать их в правилах Православной веры и жизни христианской. Берегите друг друга, снисходите один к другому, покрывая немощи друг друга любовью. Бывают и несчастные супружества: иногда муж и жена сходятся как будто только на грех и беду того и другого. Отчего они несчастны? Большею частью от несходства характеров, от взаимной неуступчивости, от строптивости, самоуправства и взыскательности. Сожитие ваше должно быть любовное и мирное. И может ли быть иначе? «Никтоже бо когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю, якоже и Господь Церковь». А вы отныне будете одна плоть. Муж должен любить свою жену, как свое тело, ибо «любящий свою жену, любит себя самого» (Еф. 5, 29 и 28). Если будете жить во взаимной любви, вы низведете на себя и потомство свое Божию благодать, и Бог вселится в вас и увенчает все начинания и дела ваши благословенным успехом, ибо где любовь, там Бог, а где Бог, там все добро.

Наконец, сожитие ваше должно быть неразрывно — до гроба: любовь христианская любит до конца, а не на время, — она тверда и постоянна.

ВОПРОС: Что говорил батюшка присужденному к смертной казни за убийство?

ОТВЕТ: Начальство твое и Церковь пригласили меня к этому позорному столбу для того, чтобы призвать тебя к покаянию и спасти душу твою от вечной смерти. Но можешь воскреснуть покаянием. Итак, приведи на память свои беззакония, возведи глаза к небу, где в вечном, неприступном свете живет общий наш Судия, грозный к нераскаянным, но милостивый к кающимся грешникам, да смягчит Он твою загрубевшую в грехах душу и да даст тебе слезы покаяния. Сейчас в слух твой и всех здесь находящихся прочитаю Евангелие о двух злодеях, распятых со Христом. Ты слышал, как один остался в ожесточении, хуля распятого за нас, безгрешного Гос-

пода Иисуса Христа — и погиб душой и телом, а другой — унимая его, признавал себя и товарища по разбою достойными определенного им наказания, покаялся и сказал Спасителю мира: «помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии» Твоем (Лк. 23, 42). Будь подобен благоразумному разбойнику. Бог милостив, Он скоро принимает искренно кающихся, не отвергнет и тебя, но грозен, страшен, для нераскаянных; если не раскаешься, то повинен будешь вечному суду.

ВОПРОС: Вопрос в том: какое утешение человеку может подать вера наша в болезни или смерти?

ОТВЕТ: Каким лучом веры осветим мы это ужасное явление в жизни человека — Бог есть сущая благость, бесконечное добро, бесконечная любовь. Отчего же попускаются Богом на людей такие ужасные бедствия? Отчего человек предается духу злобы, который сокрушает его и доводит до смерти? На это отвечает богодухновенный Апостол: да дух спасется, — чтобы душа спаслась. Во времена Апостола был один грешник между христианами, которого, в страх прочим, для уцеломудрения прочих верующих, Апостол осудил предать «сатане во изможение плоти, да дух спасется» (1 Кор. 5, 5), и предал, а потом, когда дух злобы в довольной мере измучил его, и он вразумился, Апостол помиловал его. Вот луч света, который проливает вера на эти ужасные случаи. Но неужели, скажете, он был такой великий грешник, что нужно было предать его сатане? Не грешнее нас, конечно, братия, но не всегда Бог и наказывает в этой жизни, и то только величайших грешников, иные остаются и без наказания здесь на земле, но его же любит Господь, наказует, биет же всякого сына, егоже приемлет.

ВОПРОС: Нужно ли быть готовыми к смерти?

ОТВЕТ: Смерть к каждому из нас близка. Говорят, что на могиле одного человека была такая надпись: сегодня я, завтра — ты, то есть умрешь. И правда, что наша жизнь? По Апостолу — это пар, на время являющийся и потом исчезающий (см.: Иак. 4, 14). Между тем за пределами этой жизни следует суд, воздаяние, вечность, и мы должны непременно приготовиться к ответу, к вечности, должны явиться с плодами добрых дел, с умноженными талантами, данными нам Владыкою жизни для прощения.

Будем же готовы, братия!

ВОПРОС: Будет ли воскресение мертвых?

ОТВЕТ: Воскресение мертвых совершится непреложно, как непреложно восходит солнце над землею и земнородными, как непреложно после зимы приходит весна, а после весны — лето плодоносное, как верно, что Христос воскрес из мертвых. «Но Христос воскрес из мертвых, Первенец из умерших», — говорит Апостол (1 Кор. 15, 20). Аз есмь первый и последний: И живый, и бых мертв, и се жив есмь во веки веков, аминь; и имам ключи ада и смерти» (Откр. 1, 17–18), говорит Сам воскресший и вознесшийся на небеса и седящий одесную Бога Отца. Если воскрес Первенец из умерших, Богочеловек Иисус, для того и умерший, чтобы победить смерть и даровать воскресение смертному роду человеческому, то, конечно, воскреснут и все; если есть начаток воскресения, Христос, то совершится, без сомнения, и общее всех людей воскресение. И к этим словам прибавляет сладостное

утешение в словах: «И имею ключи ада и смерти», то есть как бы говорит: не бойтесь — ключи от ада и смерти теперь у Меня, вашего Спасителя, вашего брата по человечеству, искупившего вас от грехов ваших и от осуждения во ад; никто не затворит вас в нем, если Я не затворю. Я — Победитель ада и смерти. Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28, 18). О божественного, о любезного, о сладчайшего Твоего гласа, преисполненный любви и сострадания роду смертному, бессмертный Спасителю наш! Благодарим Тебя за утешительные слова Твои. Не затвори же нас во аде, достойных ко грехам нашим заключения в нем вовеки.

ВОПРОС: Что чувствовал умирающий священник?

ОТВЕТ: Усопший брат наш и сослужитель иерей Василий давно был предрасположен к тому недугу, от которого слег в постель и скончался. Я знал его несколько еще прежде принятия им священного сана, и тогда уже заметны были в нем признаки скрывающейся чахотки. Тяжки были страдания усопшего: три месяца он лежал в постели и постоянно страдал; но он был крайне терпелив в своей тяжкой болезни и не испускал ни стонов, ни слова ропота. При такой болезни ему было, конечно, не до посетителей и не до собеседований, к которым он, впрочем, сделался и неспособен по своей глухоте, вследствие своего недуга. И он не принимал к себе никого, кроме верного друга своего — жены. Когда один из его собратов пришел к нему навестить его в начале болезни его, то он сказал: теперь я вам не товарищ, теперь я Богу собеседник.

ВОПРОС: Какое значение имеет сорокоуст?

ОТВЕТ: Нежная супруга и чада, братия и сестры и сродники почившего, молитесь за него ныне усердно, ибо душа его ныне проходит страшный и неизвестный ей дотоле путь — путь мытарств воздушных, это странствие продолжается сорок дней, после которых определяется участь почившего до Страшного общего Суда Христова. Вот почему вошло в обычай совершать сорокоусты по умершим. Нет большего благодеяния для умершего, как теплая молитва по душе его в продолжении сорока дней. Не скорбите безутешно о почившем; он сподобился христианской кончины и блаженного напутствия покаянием и Св. Тайнами: он был христианин душой. Кто не знает, как он любил церковное пение, как умилялся, таял душой, когда слышал стройное пение певчих! Как он был кроток, незлобив и доволен своим состоянием и теми годами жизни, которые он прожил! Он умер, можно сказать, с благодарностью на устах и в сердце ко Господу за все те блага жизни, которыми наградил его Промысл.

Для того умираем, чтобы ожить и жить вечно или умирать вечно, второй смертию, а живем во времени для того, чтобы умереть.

ВОПРОС: Что внушает неожиданная смерть невесты?

ОТВЕТ: Что это ты, Александра, так скоро собралась от нас в путь далекий в страну небесную и не предупредила о том никого даже болезнью? А ты как бы отвечаешь им: Господь Вседержитель позвал меня к Себе — и я поспешила на зов Его. Позовет и вас: поспешите и вы.

Да, поразительная твоя кончина: убрали, приготовили тебя совсем к браку, и жених уже радовался о тебе, по писаному: радуется жених о

невесте, а ты вдруг неожиданно сделала напрасными почти все приготовления и навеки разлучилась с женихом, с родными и со всеми нами. Вот и сбылись твои слова, которые, видно по предчувствию, говорила ты жениху: наша свадьба будет в четверток, а не в воскресенье.

Все мы, возлюбленные, дети Отца Небесного, странники и пришельцы в земном дому Его. Живем в этом дому, но не знаем, когда Отец Небесный позовет нас пред лице Свое, а верно, что позовет. Скоро Отец Небесный позовет вас из земного дома в небесный и поставит там пред страшным Престолом славы Своей для ответа: как вы жили на земле? Помнили ли Бога, любили ли Его больше всего, как дети; благодарны ли были Ему за все, что имели, или жили в забвении о Боге, ходя в волях сердец своих, пользовались Его дарами и не любили Благодетеля, не возносились к Нему благодарными сердцами. Худые те дети, которые не знают своего Отца Небесного, постоянно питающего и греющего их. О! Будем помнить Отца Небесного и не забудем, что чрез смерть Он позовет нас к Себе. Мы не знаем, когда Он позовет нас, потому что Он не дал нам разуметь «времена и лета, яже... положи во Своей власти» (Деян. 1, 7).

Что сказать в утешение вам, отец и мать почившей? Да утешит вас Дух Отца Небесного. Бог дал вам вашу дщерь, Бог и взял: «Господь даде, Господь отъят: буди имя Господне благословенно» (Иов. 1, 21). Так говорит св. Иов, которого показал Господь всем людям в пример покорности Промыслу. Вы, как родители, любили и берегли свою дщерь настолько, насколько доставало к тому ваших сил, вашего разума, вашего образования, ваших понятий о жизни и истинном благе человека; но Отец Небесный, «из Негоже всяко отечество на небесах и на земли именуется» (Еф. 3, 15), как всеблагий, премудрый без сомнения любил и любит ее больше вас. Если вы желали ей счастья, то Он тем больше, «аще убо вы, — говорит Иисус Христос всем родителям, — лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш Небесный» (Мф. 7, 11). Если вы желали ей временного благополучия в супружеской жизни, то Он наградит ее вечным блаженством в общении с Собою. Господи! Да будет воля Твоя!

ВОПРОС: Что означает имя наше и Спасителя?

ОТВЕТ: Слово тезоименитство значит тожеименитство или одноименность чьего-либо имени с именем святого. Имя, рассматриваемое вообще, значит нашу ограниченность, по началу бытия нашего, и напоминает или должно напоминать нам о том, что все мы еще очень недавно не существовали, не были в этом прекрасном мире.

Святые, коих имена мы носим, победоносно, славно протекли земное поприще, наследовали небесную, вечную славу и ублажаются верующими во все века; они сильны своею молитвою пред Престолом вечного Царя царей, давшего им благодать молитися за нас, и готовы служить нашему спасению, как Ангелы хранители, если мы не оскорбляем их безверием и холодными равнодушием и обращаемся к ним с молитвою веры. Отсюда проистекает общая наша обязанность к ним — чтить их память и призывать их в нашей молитве во всякое время, но особенно в день тезоименитства, как ближай-

ших подобострастных нам ходатаев наших пред Богом, которые «покоя не имут день и нощь» (Откр. 4, 8) и молятся о нашем спасении.

Далее, если рассматривать значение христианских имен наших, они означают нашу ограниченность по силам и совершенную нашу зависимость от Бога: имя говорит нам, что мы не свои, а Божии. Я призвал тебя именем твоим: ты Мой, говорит Господь.

Говоря о значении имен, нельзя не сказать, что тех имен своих, коих значение должно оправдываться делом, то есть нашею жизнью, люди большею частью не оправдывают своею жизнью, как не оправдывают и величайшего из имен — имени христианина. И в этом отношении имя Божественного Спасителя нашего — Иисус — нареченное Ангелом прежде зачатия Его во чреве, есть единственное по своему точному исполнению на самом деле. Ибо когда не был Иисус Христос Спасителем верных? «Несть бо иного имене под небесем даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам» (Деян. 4, 12), то есть кроме имени Иисуса, и Он один спасал, спасает и будет спасать нас по вере нашей всегда — от грехов наших, от скорбей наших, от бедствий наших, от болезней наших и что всего важнее, — от вечной погибели нашей. Слава Тебе Имя вечно-спасительное! Слава Тебе, Имя сладчайшее! Слава Тебе, Имя всемогущее!

ВОПРОС: Почему Церковь празднует святым?

ОТВЕТ: В Святой Церкви Православной, в ее заповедях, правилах и постановлениях, в богослужении и обрядах нет ничего такого, что было бы установлено и соблюдалось не по повелению и не по внушению Божию; потому что Дух Святой, от Отца исходящий и в Сыне почивающий, вместе и нераздельно с Ним — Главою Церкви Господом нашим Иисусом Христом, пребывает в ней вечно и неразлучно и наставляет ее на всякую истину.

Почему Св. Церковь прославляет торжественно память святых угодников Божиих? Потому что они возлюбили Бога всем сердцем и исполнили Его божественные намерения относительно их и человеческого рода, исполнили Его святую волю, побороли в себе все враждебное Богу и враждебное им самим, то есть грех, победили демонские козни, все мятежные страсти в себе или все греховные искушения от многострастной плоти, мира, во зле лежащего, и диавола, орудующего на нас чрез плоть нашу и чрез своих клевретов — людей лукавых; словом, они отсекли в себе все, что составляет вражду на Бога, и стяжали совершенную любовь к Богу.

И Бог, видя их непрестанные труды, борения и подвиги их из любви к Нему и ради общения с Ним, Источником живота нашего, помог им одолеть совершенно грех и диавола, утвердил их в святости и добродетели, вселился в них и сделал их Своими нерукотворенными храмами: ибо Он свят и во святых почивает. Это говорит и Священное Писание. «Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас» (1 Кор. 3, 16)? Судите теперь сами о величии их души и великости их подвигов. Да, чудное величие духа человеческого во святых!

Господь в награду за их подвиги удостоил их, еще при жизни, дара чудес и прозрения будущего, и они источали и источают бездну исцелений душевных и телесных для всех, прибегавших к ним с верою.

Причина собрания нашего — восхваление подвигов преподобного отца нашего Иоанна Рыльского и совершение Бескровной Жертвы Христовой, которою преподобный освятился и достиг преподобия и правды и вечной славы на небесах, и которою и мы освящаемся, оживляемся, обновляемся, обожаемся.

Святая Церковь, прославляя память преподобного Иоанна, хочет побудить и нас подражать его добродетелям, по силе каждого, потому что и нам велено от Бога быть святыми: «будете святи, яко свят есмь Аз Господь Бог ваш» (Лев. 11, 44).

ВОПРОС: Почему о. Иоанн часто говорит о грехах?

ОТВЕТ: Не напоминал бы я себе и вам, братья и дети, об этой темной стороне нашей природы, да нельзя: ежедневный, горький опыт твердит нам, что мы — дети падшего и растлевшего грехом Адама, и нудит нас зорко смотреть как за собою, так и за вами, дети, во вех проявлениях вашей жизни, как бы уловить нас, как бы укорениться в нас.

ВОПРОС: Отчего у иных бывает вера, а у других неверие?

ОТВЕТ: В чем секрет, достоинство, превосходство веры сотника, что даже Господь Сам удивился ей?

Секрет, сила, благоприятность веры заключается в смирении, простосердечии, добросердечии и сострадательности твердой, непоколебимой и разумной веры сотника. Примечайте, господин сам приходит к Господу и просит за своего слугу усердно, неотступно, с верою в неисследимую благость и силу Господа.

Отчего же вера, или верующим и просящим таким образом, предоставлено получить милость и помощь Господа, а сомневающимся и неверующим не дано этого? Причина простая: подобное соединяется с подобным, высокое (то есть Господь) со смиренным, праведное с праведным, или ищущим правды, чистое с чистым, или искренне желающим чистоты.

Сердце же, закрытое сомнением, и неверием ожесточенное, остается нечистым и недоступным благодати Святого Духа, ибо кое общение свету ко тьме, правде к беззаконию, или какая часть верному с неверными?

Чрез искреннюю веру, молитву и покаяние человек может все получить от Господа, всякую благодать и помощь. Хочешь ли получить от Господа дар слова во спасение свое и других? Получишь — ибо сказано в Писании: «веруй в Мя, яко же рече писание, реки от чрева его истекут воды живы» (Ин. 7, 38). Хочешь ли исцелиться от болезни или получить дар исцелять других? Молитва веры спасает болящего (см.: Иак. 5, 15), чему мы видим бесчисленные примеры и ныне. Хочешь ли победить свои страсти, борющие и томящие тебя? Молись с верою, противостой, не поддавайся — и победишь: «мнози борют мя страсти, но Сам мя заступи и спаси, Спасе, мой» (антифон четвертого гласа).

С молитвою и покаянием вера в Бога всегда творила чудеса в людях, делая в них спасительную перемену в душах и телах их. Так будем веровать, так будем угождать Богу своею верою.

ВОПРОС: Что такое грех, всех нас омрачающий, путающий, посрамляющий, губящий, и как бороться с ним?

ОТВЕТ: Это — порождение диавола, злейшего духа, утратившего свою первую доброту и светлость чрез гордыню и противление Богу; это лютая язва, рана, покрывающая все человечество, духовный струп, гнойный, смердящий на всем человеческом роде.

Против этого недуга, против этой язвы, этого тайного струпа, этой тли — только одно средство, вера в Господа Иисуса Христа и искреннее покаяние. Люди самые мудрые, образованные, сильные и великие мира, совершившие много великих дел, не могли победить в себе греха, как и нынешние светски образованные, умные люди и великие мира не могут сами собою победить греха без веры во Христа. Один Христос, совершенный Праведник, исполнивший весь закон, наш Искупитель, дает нам силу избавиться от греха и победить грех благодатию Его. Христос же всегда к нам близок со Своею благодатной помощью, лишь бы мы сами стремились получить эту помощь, были бы готовы принять ее, как сказано: «Близ Господь всем призывающым Его» (Пс. 144, 18), ты только обратись к Нему, призови Его с верою и от чистого сердца, а Он тут как тут, близ тебя и с тобою. Он знает нашу склонность ко греху, видит наши немощи и, по великой милости Своей, всегда готов помогать нам, если мы сознаем свои грехи и раскаиваемся в них.

Конечно, это нелегко, даже очень трудно, — оставить свои греховные привычки, вырвать из своего сердца любимый им грех. Нам указаны и вспомогательные для сего средства: молитва и пост.

ВОПРОС: Как относились к настоятельству в Андреевском соборе о. Иоанна?

ОТВЕТ: Это настоятельство дано ему было 19 февраля 1894 г., то есть после 40 лет священства. Вот что он сам пишет:

Божиею милостию и избранием архипастыря нашего, настоятелем в этом храме ныне поставлен я, хотя я и отказывался от этого непосильного для меня бремени, при настоящем моем положении и молитвенных трудах в разных местностях России. Архипастырь дозволил и благословил и даже сам указал мне помощника по моему настоятельству, с обязательством заменять меня во многом, чего я сам не могу исполнять, — и я, после отказа одного, нашел другого, весьма почтенного пастыря, нынешнего нашего благочинного, протоиерея Иоанна Фаворского, жительствующего ныне в Петергофе. Он и будет заменять меня во многом. Да будет воля Божия.

ВОПРОС: Кто и что были причиною смерти Иисуса Христа?

ОТВЕТ: Если глубже вникнуть во все это кровавое дело, то надобно сказать правду, правду глубокую, — что причиною Его страданий и смерти были все люди, были и мы все, не исключая никого, — ибо причиною были грехи, а кто же из нас без греха? Господь Иисус Христос, по воле Отца Своего Небесного и по Своей собственной, изволил принять казнь, по человеческому естеству Своему, неразлучному с Божеством, бесстрастным, — за грехи всего мира, значит, и за меня и за тебя, брат, сестра.

На кресте казнится грех мира в безгрешном Агнце Божием, в святейшем Сыне Божием, Который из единого благоутробия Своего восхотел искупить нас, неправедных и грешных, Своею бесконечною правдою, Свои-

ми страданиями и смертью, — и, вкусив смерть, победить нашу смерть, и воскресением Своим из мертвых подать воскресение из мертвых всему человеческому роду! Вот как премудрость, благость и правда Божия открылись в крестной смерти Богочеловека! Вот как ужасно наказаны грехи наши в Богочеловеке. Проклятие, от которого избавил нас Своими страстями и смертью Господь Иисус Христос, Сам «быв по нас клятва» (Гал. 3, 13), — и дал благословение всем верующим в Него.

Приди же всякий человек, всякий пол и возраст, приидите и плачьте пред Божественным Мертвецом, плачьте и рыдайте о своих грехах неисчетных, вольных и невольных, и помните, каких казней заслуживает по правосудию Божию грехи наши.

Значит, если бы Богочеловек не пострадал и не умер за мир, — мир погиб бы без жертвы всеискупительной, каковою стал за всех нас Господь Иисус Христос. Но Он дал за нас собственную душу, жизнь, принял смерть телесную в искупление мира, и чрез Его страдания и смерть Отец Небесный примирился с грешным миром. Преграда непроходимая между Богом и миром разрушена, на земле основана Самим Христом Святая Церковь, или общество спасаемых во Христе, со всеми благодатными силами к животу и благочестию.

Вот какая бездна спасающей благодати Божией явилась в мире прелюбодейном и грешном, вот сколько грешников спаслось и вошло в рай! Но сколько и еще входит, сколько еще войдет, ибо несомненно, что спасающиеся есть и будут до скончания мира по всей земле! И все это есть и будет плод спасительных страданий и смерти Иисуса Христа. Слава страстям Твоим, слава животворной смерти Твоей, Господи. Так чрез искупительную смерть Богочеловека излилась на мир бездна благодати милующей, спасающей, а без искупительной смерти Спасителя он был бы лишен ее! И так все мы Тебя воспеваем, прославляем, Тебя благодарим, Господи, за вольные страдания и смерть твою за нас.

Ради страданий и смерти Господа нам дано покаяние в живот вечный и все истинно покаявшиеся спасутся, и только нераскаянные вовеки погибнут.

После бичевания Господа, по приказу Пилата, у позорного мраморного столба и по венчании Его головы язвительным тернием и ругательном облачении в грубую багряницу наподобие царской Пилат вывел неповинного и безгрешного Страдальца Иисуса напоказ первосвященникам, книжникам и народу, чтобы разжалобить их, и сказал: «Се вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в нем никакой вины». И вот вышел Иисус в терновом венце и в багрянице, и сказал им Пилат: «Се человек!» Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: «Распни, распни Его!» Остановимся на этих словах и спросим себя: кто были эти исступленные крикуны? Люди или злые демоны? Это были бешеные человеки, по виду люди, а по духу демоны, ибо они были в это время сосуды диавола. И всякий человек, возлюбленные братия и сестры, подверженный страсти или имеющий земное, а не небесное мудрование, есть бес или сын сатаны, ибо даже одному из апостолов, имевшему только в данную минуту земное, человеческое мудрование, именно Петру, Господь

с негодование сказал: «Иди от Меня, сатана: ибо ты мыслишь не о том, что Божие, а что человеческое» (см.: Мф. 16, 23; Мк. 8, 33).

ВОПРОС: Кто такой священник?

ОТВЕТ: Мы, пастыри, — уполномоченные от Пастыреначальника Христа на просветительную деятельность в народе, должны день и ночь, как некогда апостолы, поучать вверенный нам от Бога народ истинам и правилам веры, отводя его от гибельных путей греха и направляя к христианской жизни в страхе Божием.

Сам Господь наш Иисус Христос самолично невидимо присутствует среди собравшихся во имя Его, как Он сказал: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я среди их» (Мф. 18, 20).

ВОПРОС: Где же мир на земле, о коем пели ангелы?

ОТВЕТ: В нынешний день Восточная Церковь, — говорит о. Иоанн под Рождество Христово в 1895 году, — во всей вселенной совершает праздненственное торжество в честь и славу Рождества по плоти Бога Слова, Господа нашего Иисуса Христа. Это — величайшее из чудес, бывших когда-либо на земле.

Оно явило и прославило вечную правду и святыню Божества, совершившего посредством воплощения Единого от Троицы примирение и соединение неба с землею, — грешного человечества с пречистым Божеством. Чрез воплощение человечество сподобилось очищения, освящения и обновления, избавилось от праведной клятвы Божией и вечного в аде мучения и удостоено благословения и вечной жизни.

Но где же мир на земле? Обитатели земного шара по-прежнему мятутся от неведения Бога, или от маловерия и безверия, от ересей и расколов и разных ложных сектантов, и от пламенной ненависти друг к другу, от разных всегубительных страстей и пороков, от уныния и отчаяния.

Этот небесный, святый блаженный мир дан Церкви Божией, или богоучрежденному обществу правоверующих во Христа и в Его Евангелие, всем христианам, которые верны заветам и заповедям Христовым: они носят этот мир внутри себя, потому что укротили или укрощают в себе всякие тлетворные страсти, их бури и волны, и носят в сердце своем Христа, Царя мира и правды. В их душах, кротких, смиренных, незлобных, благопокорных, терпеливых, благожелательных, любящих, сострадательных и милостивых, царствует Бог и с Ним мир и благоволение. Св. Церковь есть носительница, провозвестница и подательница людям этого мира небесного. Она, данной ей от Бога благодатию, Словом Божиим, богослужением и таинствами, укрощает все страсти верных ей чад, совершая в них чудное обновление, даруя им силу побеждать все прелести и насилия грехов, воюющих в членах наших, и твердый и непоколебимый мир.

Мир земной обуревается страстями, войнами и междуусобными бранями, обагряется кровью человеческой, оттого в нем доселе господствуют всевозможные страсти.

ВОПРОС: Какие были прежде кощунства в храмах?

ОТВЕТ: В нынешний век, век материализма, можно нередко встречать между христианами людей, которые отвергают бытие духов и не веруют в

разумно-сознательное существование душ человеческих по смерти тела — в вечность блаженства праведных и вечность мучений грешников, в чудесное нетление св. мощей и в чудеса, совершающиеся от них силою Духа Святого.

И поэтому в шестидесятых годах прошлого столетия о. Иоанн пишет большое сочинение о страданиях св. вмч. Евфимии (память ее 16 сентября). Оно осязательно удостоверяет всякого, кто будет читать, в том, что есть жизнь будущего века и будущее воздаяние каждому по делам.

Из этого жизнеописания мы выпишем о кощунствах иконоборцев с мощами святой.

Однажды ночью он [царь] вошел с своими единомышленниками тайным образом в церковь св. Евфимии и открыл гроб ее, ибо Христос Бог попустил нечестивым христианам коснуться руками своими честных мощей невесты Своей и нанесть им бесчестие на большее этих лживых людей осуждение.

Открыв гроб, злочестивый царь взял из него с деревянным ковчегом чудотворные и нетленные мощи св. Евфимии, положив вместо них в каменный гроб какие-то гнилые и смрадные кости, нарочно для того приготовленные, и покрыв их опять доскою, ушел, хищнически взяв с собою те святые мощи, и положил их в одной комнате внутри своих палат. Сестры же его и дочери тайно от него приходили к ним, воскуряли пред ними фимиам и ставили свечи, усердно их почитая и с любовью им поклонялись. Скоро, однако же, злочестивый царь узнал об этом и, взяв ковчег с мощами, ночью пустил его в море. Утром же, собрав единомышленников своих в иконоборстве и некоторых из православных, явно смеялся над правоверными, изрыгая хулы и укоризны на святые мощи великомученицы и говоря им: «Идите, безумные, и узнайте свое обольщение, в котором вы находитесь, называя нетленными и чудотворными мощи св. Евфимии, откройте гроб и посмотрите, истинны ли ваши верования и слова!» Затем послал своих людей открыть гроб при народе. Пришли и открыли гроб, и что же увидели? Все увидели кости согнившие и смердящие. При этом еретики начали смеяться и ругаться над православными, называя их поклонниками смердящих костей, а эти, удивляясь такой нечаянности, недоумевали и внутренно сгорали от стыда и жалости. Тогда многие сочли чудеса святой за обман и обольщение и, оплевав эти смрадные кости, выбросили их вон, — равно извлекли и мраморный гроб, и храм Божий превратили в мерзость запустения, так что он сделался пустым вертепом или скотским хлевом, или даже и того хуже, потому что в нем было место для всяких скверн и нечистот. Наконец, кузнецы, наделав на нем кузнечных печей, производили тут свои работы, и оттоле, где прежде был слышен глас славословия Божия, исходили звуки молотов, ударяющих по железной наковальне, и слышны были нелепые звуки сквернословия и говора бесчинных людей. Ибо кузнечные мастера жили в этой опустошенной церкви с женами и детьми своими, и в святом алтаре, как в тайном месте, имели отход для телесной нужды. Так Бог долготерпеливо сносил осквернения Своей святыни, дотоле, пока злых зле погубив, опять

вознес Православие и место Свое очистив и освятив, сделал его опять селением Своей славы.

Недолго спустя после того, как злочестивый царь пустил в море мощи всехвальной Евфимии, по смирению Божию плыло судно от пристани, называвшейся Софиина. Хозяевами этого судна были два брата — Сергий и Сергон. Они и спасли св. мощи.

Все это было при царе Льве Исаврянине (717–741). При царице Ирине церковь св. великомученицы Евфимии в Константинополе, что близ ипподрома, о которой мы говорили прежде, опустошенная Львом Исаврянином, снова была обновлена. После того она была торжественно освящена и опять стали совершаться в ней Божественные службы.

Св. мощи при патриархе Тарасии были возвращены в 796, они и доселе хранятся в Константинополе в храме св. Георгия, частица их была в Новгороде, в Свято-Духовском монастыре.

1905 год. Вопросы и ответы

Предыдущие выписки сделаны из I–III томов о. Иоанна, содержащих проповеди его.

Но ими не ограничивались его «Слова». Отдельными выпусками выходили они каждый год, начиная с 1896 по 1905 г. К сожалению, мы располагаем текстами только за последний год. Но зато они очень характерны для Батюшки к концу его жизни. И ему самому хотелось обнародовать их; в письме к Санкт-Петербургскому митрополиту Антонию он посылает этот выпуск и сопровождает краткой просьбой, обращая на эти тексты свое и его внимание.

И в самом деле, при чтении этого выпуска сильнее, чем в прежних проповедях, мы видим резкое обличение им современных неверующих, как это усмотрится и из немногих дальнейших выдержек. Правда, существенного в них почти нет ничего нового, но здесь речи — значительно строже, чем прежде.

В этом году, как известно, толстовство, неверие, антицерковность, моральное разложение интеллигентного общества, а отчасти и народа, разлились широкой волной. И Батюшка чувствовал пламенную свою потребность защищать христианство. И это так понятно: ведь этим именно он жил, этим он чудеса творил, об этом всю жизнь свою, а ему в то время было уже 50 лет священствования, — он проповедовал; этим он надеялся получить Царство Небесное, этим он хотел, хоть немного, защитить простой православный народ от духовного растления, этим предупредить не только Церковь, но и родину от разложения. А главное, он, как и все мы, христиане, был совершенно убежден, до очевидности, и опытно уверен в истинности христианства.

Ему ли было молчать?! Да и народ, по всей России, знал «Кронштадтского» Батюшку. Ему было ли не говорить тогда? Можно сказать: это было бы совершенно неестественно для него и огорчительно и непонятно для народа! Тем более, что в то время почти и не было подобных проповедников против растления. А уже об авторитетности его и говорить было нечего!

Даже и среди духовенства довольно широко распространились новые идеи: тогда народилось обновленчество, которое захлестнуло — через 15 лет — большую часть его.

Даже в театрах ставили подобные вещи («Черные вороны» и проч.). И даже некоторые миссионеры сочувствовали этому. Тогда усилилось движение так называемых иоаннитов, о нем будет далее — целая глава.

И нужно сказать, что эти неумеренные почитатели, а иногда — и корыстолюбцы, отчасти заслуживали строгого отношения, но многие из них сами были увлечены примером истинной ревности Батюшки и распространялись по всей России.

Тем более что о. Иоанн, видя подобное растление, сильнее стал говорить о близком конце мира, а православный народ, как известно, всегда склонен был к этой мысли, и подхватил ее. Почти нет ни одной проповеди, где бы ни говорил он о конце. Правда, и св. Иоанн Златоуст говорил в свое время о конце мира. Приведу эту выписку здесь, потому что это иным кажется просто невероятным.

«Немного уже остается времени до конца; мир уже устремился к концу... Я не погрешу, если в таком числе годов назову концом и 400-й год»! А он скончался в 407 году. А ко всему этому присоединилась неудачная война России с языческой Японией на Дальнем Востоке. Это давало материал для апокалипсических ожиданий конца мира. После этих предварительных слов обратимся, наконец, к подлинным словам о. Иоанна из его проповедей 1904–1905гг.

ВОПРОС: Близок ли Страшный Суд и конец мира?

ОТВЕТ: Этот Суд совершится скоро... И нет ничего вернее и непреложнее той истины, что будет всеобщий Суд над родом человеческим, на котором окончательно решена будет участь всех людей на всю вечность.

Приближение окончательного, всемирного, страшного Суда Божия ускоряется страшным разлитием зла на земле. В настоящее время всякие неправды как море покрывают землю; своеволию человеческому нет конца, всяким заблуждениям и порокам широко отворены двери.

Истинно близок день пришествия Страшного Судии для суда над всеми людьми, потому что уже настало предсказанное отступление от Бога и открылся уже предтеча антихриста, сына погибели, противящегося и превозносящегося выше всего, называемого Богом или святынею. Мы, дорогие братия и сестры, живя в конце веков, предопределенных Триипостасным Божеством для существования этого тленного, преходящего мира, — поражаемся мрачною, ужасающею картиною греховной жизни человеческой, бывшей следствием жалкого падения первых человеков. Человечество сделалось все одним смердящим трупом, кроме нескольких добрых людей. Св. Псалмопевец говорит Духом Святым о людях: когда

Господь восхотел с неба призреть на сынов человеческих, тогда оказалось, что все уклонились ко злу и лукавству, не было никого делающего добро даже до единого.

ВОПРОС: Что означает возглас Господа на кресте: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил»? (Мф. 27, 46. Мк. 15, 34).

ОТВЕТ: Иисус Христос, вися на кресте и смертельно скорбя и страдая за грехи наши Своим человеческим естеством, воззвал, как человек, к Отцу Своему Небесному именно этими словами: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил»? — то есть определил Мне испить до дна всю чашу страданий, испытать всю горечь и остроту наказаний за все человеческие грехи? Этими словами выражается та мысль, что Отец Небесный излил весь праведный гнев Свой на Его человеческую природу, соединенную нераздельно, неслиянно и неразлучно с Его Божеством. Такова столь строгая и взыскательная правда Отца Небесного, осудившая и наказавшая в Сыне Своем, добровольно взявшем на Себя грехи мира, — всю бездну их и разрушившая грозное проклятие за них, с дарованием ему благословения.

ВОПРОС: Где же мир?

ОТВЕТ: Только Церковь Божия на земле обладает всегдашним миром и будет обладать им до скончания века, а мир прелюбодейный и грешный, отступивший от Бога и Его праведных законов, мятется и будет до конца своего смущаться от своих заблуждений, от своих всезаразительных и пагубных страстей, от бесчеловечных браней и внутренних крамол, от своего безумия.

В этом безумии он восстает на бесконечный и совершенный Божий (Промысел), и во всех своих умствованиях и действиях дерзновенно противится ему, мечтая, что он сам собою, этот несмысленный разум человеческий, — устроит благо человечества наилучшим образом и достигнет совершенства. А достигнет ли и достигнет ли когда? Никогда. Дерево познается по плодам. Смотрите же на эти плоды нынешней цивилизации, кому они приятны и полезны?

ВОПРОС: В чем смысл праздника Входа в Иерусалим?

ОТВЕТ: «Восхвалите согласно, людие и языцы: Царь бо ангельский изыде ныне на жребя, и грядет хотяй (волею) на кресте поразити враги, яко силен. Сего ради и дети в ваием взывают песнь: слава Тебе пришедшему Победителю, слава Тебе Спасу Христу, слава Тебе благословенному, единому Богу нашему!»

Не на царство, не на престол земной шел вечный Царь ангелов и человеков в столицу Иудеи, а на поругания, поношения, заплевания, заушения, бичевание и крестную казнь, самую поносную и мучительную, шел добровольно — для того, чтобы крестом и на кресте поразить врагов невидимых, пленивших род человеческий и поработивших его своей адовой, смертной мучительной державе, — претерпеть казнь за грехи наши, уничтожить проклятие, разрушить смерть, ниспровергнуть ее царство и даровать всем жизнь и воскресение.

Без страданий и смерти Христа, добровольно, по единой любви к роду человеческому, подъятых Им на Себя, — не было бы примирения преступ-

ных и неблагодарных тварей с Творцом своим всеправедным, безмерно оскорбленным их неправдами.

Без исполнения Богочеловеком всей правды Божией никто не мог бы исполнить всей правды Божией и быть оправданным, и получить доступ к Богу, никто не мог достигнуть неба, без принятия Им на Себя праведного проклятия, на нас тяготевшего, никто не мог бы получить благословения Божия, без смерти, подъятой Сыном Божиим за нас — Его человеческим естеством, не была бы побеждена смерть всеродная и не было бы отверсто небо, и не было бы для людей вечного блаженства. Смертию Распятого смерть наша побеждена, воскресшие из гробов мертвые в Иерусалиме и явившиеся многие воочию доказали совершившуюся славную победу над смертию. Никогда мир не видел более торжественной, славной, всесильной победы. Слава Тебе, Христе, Победителю ада и смерти. И мы Тебе, Христе Победителю смерти вопием: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне.

ВОПРОС: Для чего нужно была смерть Христу?

ОТВЕТ: Для самого Богочеловека крестная смерть была целью Его пришествия на землю, Его славою, Его искупительным действием, жизнью для человеческого рода, как Он Сам говорил: «Сего ради приидох на час сей», час смерти крестной (Ин. 12, 27). Он умер для того, чтобы смертью Своею упразднить имеющего державу смерти — диавола, и избавить людей, которые страхом смерти всю жизнь были подвержены рабству.

«Семя свято стояние» мира (Ис. 6. 13), — говорит Господь. Мир видимый не мог бы стоять доселе, если бы за мир, за грехи его бесчисленные — не пострадал бы добровольно Сын Божий Своим человеческим естеством. С одной стороны, бесконечная святость и правда Божия, с другой — бесконечно великие и всякие неправды людей, принятых вначале в общение с Богом и — отпадших, не допускают существовать миру в таком безобразном, мрачном и непотребном состоянии.

Мир стоит, как ради настоящих немногих избранных, «ибо много званных, а мало избранных» (Мф. 20, 16), так и ради будущих избранников Божиих, коих предвидит Тот, Кто нарицает «несуществующее, как существующее» (Рим. 4, 17) и Который избирает иных, людей для служения Себе прежде зачатия и рождения, как пророка Иеремию.

Итак, мир стоит и не рушится, и еще не объят всеистребляющим пламенем ради Христа, пострадавшего за мир грешный, и — ради креста Его.

Видите, братия и сестры, чем завершились все скорби, страдания и смерть Христа, Господа нашего! Славим воскресением Его из мертвых, властью Его над адом и смертью, значит, полным поражением ада и его злобы и торжеством правды и вечной жизни.

ВОПРОС: Как относился о. Иоанн к неверующим людям?

ОТВЕТ: Вы непрестанно лягаете в своих ежедневниках (газетах) свою Мать, Церковь, которая дала вам имя, пакибытие и славное христианское звание. О, если бы вы не носили это имя! Мы знакомы с вашим антихристовым духом и удивляемся вам, вашему кощунству, но бороться с вами не желаем, предоставляя вас суду Божию. Кто вам дал власть так презорливо

судить и осуждать нас, и наши церковные дела, — вам, столь мало смыслящим в делах церковных? В своем мирском огороде вам много дела, в нем и работайте, а в нашу священную ограду с вашим мирским лукавым духом не суйтесь. Благодатию Божиею мы справимся сами с собою и с людьми, хотя и от мира, но в Боге верующего, мирными и благонамеренными, а не с вами, пропитанными злобой, гордыней и лукавством.

ВОПРОС: Чем особенно доказывается неопровержимость воскресения Христова?

ОТВЕТ: Все это евангельское чтение есть одно из неопровержимых доказательств Воскресения Господа из мертвых и вместе предречение Его Второго страшного пришествия для суда над родом человеческим, и особенно над евреями и ложными или действительными христианами. Это евангельское чтение воочию являет всем верующим: в чьей деснице находится непрестанно наша временная и вечная судьба — именно в руках нашего Жизнодавца Иисуса Христа, победившего смерть и даровавшего всем жизнь и воскресение. Апостолу Петру Он определяет праведным судом Своим смерть крестную, а апостолу Иоанну повелевает по чудесном преставлении пребывать и на небе и вместе совершать невидимо земное поприще до самого Второго пришествия Господа, когда и земля, осквернённая безмерными нечистотами человеческими, сгорит, а все стихии сожженные растают.

Да ведают же наши русские доморощенные безбожники, что участь их и власть вечного суда и осуждения находится вечно в руке Господа Иисуса Христа, в Которого они не веруют вместе с еврейским неверным племенем и что если они не смирятся и не уверуют в Св. Троицу и в Единого от Троицы, Судию живых и мертвых, — и судьба их будет ужасна, невыразимо плачевна, так как они бесчестили и попрали истинную и единую спасительную веру, принесенную с неба Самим Богом, и не уверовали в Сына Божия, попрали благодать крещения и всеочищающую Кровь Агнца Божия, вземлющего грехи мира (см.: Ин. 1, 29).

ВОПРОС: Что именно совершал на земле Господь Иисус Христос?

ОТВЕТ: Во-первых, Господь Иисус Христос открыл нам ясно, сколько нужно, величайшее таинство Св. Троицы, Отца и Сына и Духа Святого и научил непрестанно славить единого Бога в трех равных, нераздельных и неслиянных лицах. Во-вторых, Он принес нам с неба совершеннейший закон любви к Богу и ближнему; в-третьих, словом и делом утвердил истину всего Бытописания Моисеева и всех пророческих писаний, сбывшихся на Нем и еще имеющих сбыться, изъясняя их ученикам, начиная от Моисея и из всех пророков; в-четвертых, сотворил в мире бесчисленные, благотворные чудеса, каких до Него никто не сотворил; в-пятых, исполнил по человечеству Своему всю правду Божию, какую должны были исполнить люди и которой они не исполнили, не могли исполнить, — и тем удовлетворил за нас правде Божией, пред которой человечество было в неоплатному долгу, — тьмою талантов; в-шестых, принял на себя, как Агнец Божий, все грехи мира и праведное Божие проклятие, тяготевшее на роде человеческом, пострадав на кресте и исполнив писание пророческое:

«проклят всяк висяй на древе» (Гал. 3, 13; Втор. 21, 23), и приобрел чрез то от Отца власть прощать грехи всем верующим в Него и кающимся и сподоблять их благословения Отца Небесного, как чад Его; в-седьмых, даровал благодать пакибытия и запечатления от Духа Святого; дал благодать священства или пастырства духовного — дара проповеди Евангелия или Слова Божия для руководства верующих ко спасению; благодать совершения таинства Тела и Крови Христовой и прочих таинств; в-восьмых, вкусил на три дня и ночи смерть нашу, которой Он был неповинен, и Своею смертью сокрушил нашу смерть, даровав всем воскресение; в-девятых, создал Церковь Свою на земле под Своим главенством, обещав ей неодолимость от врат адовых до скончания века; в-десятых, отверз заключенное небо для человечества и даровал свободный восход туда всем верующим и исполняющим заповеди Его, обещав взять к Себе всех верных Ему, сказав ученикам Своим: «паки прииду и поиму вы к Себе: да идеже есмь Аз, и вы будете» (Ин. 14, 3). Вот главнейшие благодеяния нам вознесшегося на небо Христа, Сына Божия.

ВОПРОС: Для чего Бог позволил существовать добру вместе со злом?

ОТВЕТ: По праведным судьбам Божиим, в этом мире определено для проявления терпения и борьбы вместе расти пшенице и плевелам и уживаться иногда бок о бок добродетели и злодейству, — труду и лени неподвижной, — и это должно продолжаться до общей жатвы, когда Насадитель твари скажет своим верным слугам ангелам: «соберите прежде плевелы, и свяжите их в связки, чтобы сжечь их; а пшеницу уберите в житницу Мою» (Мф. 13, 30).

Праведный всех Судия определил, чтобы и добродетель возрастала и достигла совершенства и зло достигало своего развития и своих плодов до известного предела, — чтобы и добро получило совершенное возмездие и блаженство, а зло — большее наказание и муку, — на всю вечность. О, если бы это помнили всегда и имели в виду добрые и злые!

ВОПРОС: Почему и в чем проявилось сошествие Святого Духа в день Пятидесятницы?

ОТВЕТ: Только по заслугам Христа и по Его ходатайству Бог-Отец послал в мир грешный и погибающий Духа Своего Святого и животворящего. Это сошествие Святого всеобновляющего и всесодержащего Духа Божия сопровождалось чудными всеобновляющими действиями на собравшихся и ожидавших Его в единодушной пламенной молитве учеников.

Здесь Божественное чудо заключается в том, что все апостолы получили внезапно от Духа Святого дар говорить на разных языках всех народов, к которым они должны были идти с проповедью Евангелия и, тогда как один Дух возглашал благодатию, все слушавшие племена оглашались различно, и каждый слышал свой язык, и апостолы, будучи простыми и неучеными, умудрились так, что могли говорить ясно и сильно, проникновенно о великих и спасительных делах Божиих, сделались новыми людьми святыми и пламенными, самоотверженно любящими Бога и способными покорить вере Христовой все народы. И они, благодатию Духа Святого, пронесли повсюду благовестие Христово во все концы мира и всех научили вере Христовой,

так что «во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их» (Пс. 18, 5).

Дух Святый, сошедший на апостолов, с того времени и доныне пребывает в Церкви Христовой, Святой, Соборной и Апостольской и будет пребывать в ней до скончания века, по обетованию Христову, как и Сам Христос Бог обещал быть с нами до скончания века (см.: Мф. 28, 20).

Таким образом, все три Лица Пресвятые Троицы равно содевают спасение верных вседержавным Своим участием, как единосущные, — Дух Святый, как Дух истины, хранит непоколебимо истину Православной веры, принесенной с неба Христом, просвещает и утверждает Церковь и всех истинно верующих; поставляет пастырей пасти стадо Христово, совершает таинства, возрождает в жизнь христианскую, очищает грехи верующих, освящает, возращает, восперяет, устрояет их горе (антифон); отражает ложные учения, творит чудеса и знамения и тем являет истину и спасительность Православной веры Христовой, усовершает в добродетели и являет святость и нетление истинных подвижников — внушает нам воздавать им должную честь и славу и подражание житию их.

Благодарим Господа за то величайшее благо, что мы родились и воспитались в Святой Православной Церкви, единой спасительной, имеем счастье читать и слушать Слово Божие и Божественную службу и проповедь на славянском и русском языках, и можем многое-многое разуметь о Боге и делах Его в мире и в Церкви Своей, и знать святую и праведную волю Его и получили все силы исполнять ее.

ВОПРОС: Не совпадает ли современное наше положение с плачем блаженного Иеронима? (342–420).

ОТВЕТ: Приведу здесь в назидание слово одного древнего писателя римского, блаженного Иеронима, находившегося в обстоятельствах, подобных нашим.

«Я оплакиваю несчастную судьбу нашу. Сердце содрогается, когда посмотришь на гибельные следы разрушения, постигшего наш век. Каждый день льется римская кровь. Держава римская колеблется, и только наша гордость заставляет нас поднимать главу на развалинах своей империи; воины толпами отводятся в плен. Если бы я имел тысячу уст я и тогда не мог бы возвестить о всех казнях карающего нас Промысла. Но я пишу не историю, а слегка коснулся только наших бедствий, с тем чтобы их оплакать. Давно уже чувствуем над собою тяжесть гнева небесного, и однако ж не думаем преклонять на милость Бога. Что, как не наши преступления, сделали дерзновенными варваров? За что, как не за наши беззакония, поражается всюду римское воинство? Но как будто бы вражеский меч еще мало лил кровь нашу, мы истребляем друг друга внутренними междоусобиями, более убийственными, нежели брани с врагами внешними. Мы везде мечтаем торжествовать своими силами, — и везде падаем. Какой стыд! Какое неимоверное омрачение ума! Римское победоносное воинство, дававшее законы вселенной, разбито, бежит, трепещет единого взора врагов своих. Мы не думаем удалить от себя причины болезней, потому-то болезнь и свирепствует во всей силе, потому-то толпы варваров и тор-

жествуют над благоустроенным воинством» (Блаженного Иеронима письмо к епископу Илиодору).

ВОПРОС: Какое было отношение о. Иоанна к небесному миру при чтении Евангелия от Матфея о Воскресении Христовом и явлении Его мироносицам (28 гл. 2–9)?

ОТВЕТ: Какое простое и, так сказать, осязательное, радостное описание величайшего, всеспасительного, всемирного события! Какие небесные, необычайные чудные видения узрели мироносицы! Сначала молниеносного ангела, первого провозвестника славного воскресения, а потом и Самого Воскресшего в нетленной, прославленной Его плоти! О восторг! О радость небесная, неописуемая! О небо на земле! Чудная награда мироносицам за все их скорби и печали, за всех их страхи от врагов Воскресшего!

Радостно мы приветствуем вас с земли нашей — там, там, — на небесах мирно и радостно вечно ликующих с Господом, и молим Вас о ходатайстве за Церковь Его на земле. Какое реальное! Какое живое!

ВОПРОС: Каково отношение молитвы к Фаворскому Свету во время Преображения?

ОТВЕТ: Господь просиял лицем — как человек, во время молитвы. Это научает нас тому, что молитва искренняя соединяет нас с Богом и просвещает души наши светом благодатным, что она для нас необходима, как свет и воздух, и если Сам Богочеловек предавался часто молитве, то нам, грешным, она тем более необходима, как Апостол говорит: «Непрестанно молитесь» (1 Сол. 5, 17).

Св. апостол Петр, говоря о Преображении Господа, о Его величии и славе, замечает, что он возвестил о силе пришествия Господа Иисуса Христа, «не хитросплетенным басням последуя», но как очевидец Его величия (2 Пет. 1, 16).

ВОПРОС: Как относился о. Иоанн к неверующему времени?

ОТВЕТ: Дай Бог спасительный, нравственный поворот всему русскому всесословному народу на правый путь. Довольно. До пресыщения, до отвращения, испытали мы пагубу и бессмыслие путей кривых!

ВОПРОС: Как верует Церковь в воскресение или вознесение Божией Матери по смерти?

ОТВЕТ: Празднуем, братия и сестры, всечестное Успение Божией Матери, — не смерть, а успение, то есть как бы сон, или премирное, временное разлучение души Ее от пречистого тела, ибо по тридневном мертвеноживоносном успении, Она воскрешена Жизноначальником Сыном Ее и Богом и вознесена на небо с нетленным Ее телом. Вот торжество веры и Церкви нашей! Вот полная победа в лице Богоматери жизни над смертью! Вот залог будущего воскресения всех мертвых и блаженного бессмертия всех праведных! Вот радость истинных христиан, ибо и после живоносной смерти Владычица жива и всегда близка к искренно призывающим Ее, спасая всегда наследие Свое, то есть истинных чад Церкви, от всяких бед и скорбей.

ВОПРОС: В чем видел батюшка причину неудачной войны с Японией в 1905 году?

ОТВЕТ: Да, эта причина в нас. Россия забыла Бога спасающего, утратила веру в Него; оставила закон Божий, поработила себя всяким страстям, обоготворила слепой разум человеческий, вместо воли Божией премудрой, святой, праведной — поставила призрак свободы греховной, широко распахнула двери всякому произволу, и оттого неизмеримо бедствует, терпит посрамление всего света, — достойное возмездие, продажность, холодность к Церкви Божией. — Бог карает нас за грехи, Владычица не посылает нам руку помощи.

Проснемся, наконец, очувствуемся, смиримся пред Богом, праведно наказующим и вразумляющим нас.

От Бога отступили мы, и Бог от нас отступил. Отвергли мы волю Божию, живем по своей воле — и скоро увидим, к чему она приведет или вела уже. «Если же друг друга угрызаете и съедаете, — говорит Слово Божие, то — берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал. 5, 15).

Какого же покровительства неба ждать нам, когда мы сами отвратились от Бога? Если не покаемся и не исправимся, мы будем оставлены Богом. «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23, 38), — говорит Господь. Но да не будет этого. Еще есть верные и избранные в России праведники.

ВОПРОС: Какая благодать дана нам в праздник Рождества Божией Матери?

ОТВЕТ: С рождением Ее воссияла чудная заря спасения человечества, отверзлись заключенные двери рая, разрушен ад и смерть исчезла для верных, и всем дана благодать на благодать, ибо людям дарован Сам Сын Божий, а с Ним всякая благодать ко спасению и христианскому совершенству: «Да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен» (2 Тим. 3, 17), — благодать, очищающая грехи, возрождающая, обессмертствующая и обоготворяющая. Эта благодать просвещает наши сердечные очи и дает нам видеть все наше греховное растление, всю немощь нашей греховной, падшей природы, и всю нужду в благодати и милости Божией.

ВОПРОС: Как понимал о. Иоанн слова Господа касательно пребывания Иоанна Богослова до Второго пришествия (Ин. 21, 22)?

ОТВЕТ: Обратим особенное внимание на слова касательно пребывания Иоанна до Второго пришествия Господа: «если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прийду; что тебе до того?»

Что значат эти державные слова Творца и Господа тварей? Они значат, что Иоанн не умрет в продолжение нескольких тысяч лет, и испытает смерть за несколько дней только пред самым вторым, славным пришествием Его на землю. Поучимся же мы, дорогие братия и сестры, воскресению и бессмертию нашему из дивной кончины апостола Христова Иоанна и будем непрестанно готовиться к переселению в иной вечный мир. Апостол преставлен, но не умер, а живет и телом, и от земли не отступает, как говорит Церковь, и ожидает Второго страшного пришествия Господа судить весь мир (Стихира на малой вечерне).

ВОПРОС: Какие архангелы были при воплощении и Воскресении Христовом?

ОТВЕТ: В Новом Завете является исполнителем повелений Божиих преимущественно архангел Гавриил, благовестник воплощения Божия, а по воскресении Господа из мертвых являются мироносицам и возвещают им о восстании Христа из гроба оба вместе — Михаил и Гавриил; при вознесении Его на небо являются они же.

ВОПРОС: Каков был опыт у батюшки над бесноватыми?

ОТВЕТ: Присовокуплю к этому сказанию, — говорит он по поводу исцеления Господом Гадаринского бесноватого (Лк. 8, 29–36), — о том, чему сам был действующим лицом. И ныне видел я многих, подобных упоминаемым в Евангелии, бесноватых, также мучившихся от злых духов, и ныне видел я над ними ту же всемогущую силу Господа нашего Иисуса Христа, Которого я призывал искренним сердцем, с верою и упованием твердым, — и бесноватые исцелялись, приходили в здравый, покойный и светлый ум, из свирепых делались кроткими, незлобивыми, как овцы, — умиленно делали на себе крестное знамение, коего не хотели прежде делать, делались совершенно новыми людьми. Христос вчера и ныне, Тот же и вовеки.

ВОПРОС: Каково значение Церкви?

ОТВЕТ: Господь основал на земле Церковь со Своим спасительным учением и таинствами, с постоянным богослужением для нашего просвещения, врачевания недугов душевных и телесных, — и растлевшая грехом природа наша только этими благодатными средствами просвещается, очищается, освящается, врачуется, укрепляется. Только в Церкви иссушается смертоносный поток страстей наших. Люди, по гордости и неверию отпадшие от Церкви, лишают сами себя благодатной помощи Божией и испытывают в себе все ужасные плоды бесчисленных страстей: гордости, неверия, всякого заблуждения, блудного растления, всяких болезней, порождаемых грехами, и, наконец, мучительную, безотрадную смерть, предвестницу вечных мучений.

ВОПРОС: Призывал ли о. Иоанн врачей?

ОТВЕТ: Держитесь твердо Св. Церкви, как истинной, самой верной врачебницы болящих грехами душ наших и подверженных всяким болезням телесных органов наших. Но при этом мы советуем не забывать и телесных врачей, коим Бог открыл науку врачевать болезни телесные, ибо и Писание говорит: «Почитай врача честию по надобности в нем, ибо Господь создал его. Господь создал из земли врачевства, и благоразумный человек не будет пренебрегать ими» (Сир. 38, 1 и 4). Если хочешь быть здоровым, живи благочестиво, со страхом Божиим, молись, удаляйся греха, будь воздержан, целомудрен, милостив и сострадателен. Тогда будет почивать на тебе благословение Божие, и оно будет для тебя охраною от всяких болезней.

ВОПРОС: Нужен ли был Спаситель для Самой Пресвятой Девы?

ОТВЕТ: Воспитание в храме продолжалось до четырнадцатилетнего возраста, когда по закону еврейскому, оно должно было кончиться, и девы должны были оставить храм и поселиться в доме родителей или родственников. Так и Пресвятая Дева в возрасте четырнадцати лет была

взята в дом Своего обручника старца Иосифа праведного, где и совершилось потом преславное Благовещение архангельское. Дух Святой предочистил Ее в нетленный и непорочный храм Сыну Божию. Православная Церковь не допускает непорочного Ее зачатия родителями, ибо зачатие в первородном наследственном грехе общее всем смертным, не исключая и праведных Иоакима и Анны, да и Сама Богоотроковица, Матерь Божия, до зачатия уже Сына Божия в девственной утробе, исповедала Духом Святым, что душа Ее возрадовалась о Боге Спасителе Своем, а из этого следует, что Он был и Ее Спаситель от прародительского греха, общего всем, да и Ее глубокое смирение не дозволяло Ей считать Себя до зачатия Сына Божия совершенно безгрешною, самое смирение Ее показывало, что Она рождена не от безгрешных, хотя и праведных родителей.

ВОПРОС: Почему именно нужны нам храмы?

ОТВЕТ: Оставьте нам, — обращается к неверующим о. Иоанн в своей проповеди на праздник Введения будущей Матери Христа Господа, — храмы — это небо земное, это Царство Бога на земле, где непрестанно прославляется пречистое и великолепное имя Божие, — где мы освящаемся посредством молитвы и таинств, где мы искренно беседуем с Богом, как чада с Отцом, где мы делаемся живыми храмами Божиими, где мы теснейшим образом соединяемся с Богом, причащаемся Божьего нетления и делаемся сами божественными чрез приобщение Божественных Таин.

Только в храме Божием мы научаемся искренно веровать в Бога, познавать себя, любить и Бога и друг друга, только в храме мы познаем, что у нас есть общий Отец на небесах, основавший там для верных и любящих чад Его вечный, нетленный град, и что Он от сложения мира вписал преданных Ему в число граждан небесного Иерусалима.

ВОПРОС: Где ныне ревностные святые в России?

ОТВЕТ: Поистине наступает время, о котором предсказывал Апостол, что явится беззаконник, «котораго пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою» (2 Сол. 2, 9).

Где ныне подобные по вере, благочестию, мужеству, любви к отечеству князья земли русской, благородные и именитые ее сыны? Где наши благоверные Александры, Черниговские и Тверские Михаилы, Борисы и Глебы, благоверные великие Владимиры?

Почти все безмерное поле России наполнено плевелами неверия, нечестия, измены; всюду разрушение и пожары, пьянства, воровство, грабеж, а периодическая печать в России большею частью наполнена ложью, клеветою, площадной бранью, насмешками над тем, что чтит народ, без всякого зазрения совести, — и развращает Россию до костей и мозгов.

Отче наш, Иже еси на небесех! Да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли! Да прекратится царство сатаны, да не будет место воле его безумной и пагубной.

ВОПРОС: Веровал ли о. Иоанн преданию Церкви о поступке св. Николая с Арием?

ОТВЕТ: Святитель Николай явил себя ревностным пастырем, ободряя всех к мучению за Христа, и сам ввержен был в темницу вместе с прочи-

ми христианами, но при воцарении равноапостольного кесаря Константина, — он, к счастью, был освобожден из заключения, и опять ревностно подвизался за веру Христову.

В это время появилась нечестивая, пагубная для христиан ересь Ария, уничижавшая Сына Божия, уничтожавшая в самом корне христианство, и он в ревности Божией не стерпел хулы нечестивого пресвитера и ударил его на Соборе по щеке, и за это был осужден Собором, но Господь Бог оправдал его поступок. На Первом Вселенском Соборе Никейском ересь была опровергнута, и еретик был низложен, отлучен от Церкви и с ним все его последователи.

ВОПРОС: Была ли искуплением лишь одна искупительная жертва Христа на кресте?

ОТВЕТ: Вся земная жизнь Иисуса Христа — Его чудесное рождение, возрастание, послушание мнимому отцу и Пречистой Матери, особенно — во всем послушание Отцу Своему Небесному, крещение во Иордане, искушение на горе от диавола, хождение по городам и весям с проповедью Слова Божия, чудесные благотворения людям без числа, зависть Ему книжников и фарисеев, клеветы, поношения, насмешки и издевательства их, подыскивание под Него, подкуп ученика, предательство, биения, заушения, оплевания, осуждение Пилатово, поносная и мучительная на кресте смерть, печать и кустодия при гробе Его, воскресение из мертвых и явление Его в продолжение сорока дней апостолам и многим верным, наконец — славное вознесение на небо — все это было искупительной ценой за род человеческий, падший грехом и ужасно погибающий.

Благотворные последствия этой искупительной жертвы бесконечно велики. За все искренно верующее во Христа и даже неверующее человечество принесена достойная цена вечной правде Отца Небесного, — и нет ни одного греха и преступления в человечестве, от которых не могла бы искупить жертва Христова (верующих и кающихся грешников), кроме греха хулы на Духа Святого, или сознательного, упорного сопротивления явной, очевидной истине, — какова истина христианская, — доказанной очевидностью и чудесами и всею истиной Божией, всей животворностью ее, например, упорное неверие исцелению слепорожденного, воскресению мертвых или неверие бессеменному воплощению Сына Божия от Девы и всем чудесам Его.

ПРОПОВЕДИ ЗА 1907 ГОД

Молитва пред проповедью

Прежде чем начать мое убогое слово о рождении Матери Бога Слова, молю Предвечное Слово дать мне разум прославить по силам моим, а вернее — по милости Божией, — настоящий великий христианский праздник Рождества Пресвятой Девы Марии.

Случай со сквернословом

Однажды, занимаясь в своем садике, я услышал, что недалеко от меня 68-летний старик страшно сквернословил. Я начал было убеждать его оставить эту дурную привычку, но сквернослов так сроднился с нею, что когда отходил от меня, то все продолжал сквернословие. Вскоре встретился я с ним около его дома, и он, вспоминая мои замечания, теперь как будто стыдился меня. Я воспользовался этим случаем и начал с ним беседу.

Скажи, пожалуйста, что тебя ныне так равно и сильно огорчило, что ты в глазах моих, в виду храма Божия, так ужасно сквернословил?

— Ах, батюшка, — отвечал он мне, — как не огорчаться, когда в яровом поле моем был почти весь табун лошадей?!

Да, — сказал я, — это, конечно, обидно для хозяина, но зачем же тебе сквернить уста, которыми ты творишь молитвы и приобщаешься Св. Тела и Крови Христовой?

Слова мои, к сожалению, не пали на сердце старика. В тот же день он опять стал изрыгать срамные слова, совсем не ожидая той бедственной участи, которая постигла его в тот же день. По возвращении моем домой из пригорода, мне говорят:

— Батюшка, Пахомыч-то умирает.

— Что же с ним случилось?

Говорят, что в поле попал он под соху и сошниками пропороло ему живот. Я тотчас же отправился к несчастному. Он страшно стонал: живот его был до того пропорот, что в нем видны были внутренности. Однако ж среди смертельных страданий он имел еще столько силы, чтобы рассказать мне про свое несчастье.

— Когда ушел ты от меня, — говорил больной, — я отправился пахать; начал работу без молитвы и продолжал ее без молитвы. Сделал пять или шесть борозд, — вижу, что лошадь ходит не так, как бы мне хотелось. И я подошел к ней со сквернословием и ударил ее, а она вдруг как-то смяла меня, я не мог справиться и попал под соху на сошники, на которых она с четверть версты волокла меня с поля домой. На дороге брат мой родной встретился со мной и снял меня с сошников.

Поистине достойна была крайнего соболезнования бедственная участь, постигшая этого человека, но при виде той безропотной покорности воле Божией, с которой он переносил самые тяжкие страдания, — как очистительные для души, осквернённой греховной привычкой, — нельзя было вместе с ним не благословлять Господа, Которого благость, спасая нас от вечной погибели, всякими путями ведет нас на покаяние.

Действительно, покаяние этого бедного страдальца было глубоко и чистосердечно: исповедавшись и приобщившись Св. Таин, он остался еще в живых на целые сутки, и до последнего своего воздыхания постоянно повторял молитвенные слова.

При проповеди нужна вера слушателя

Вообще, дело христианской проповеди, по своему величию и премудрости, таково, что прежде всего требует от слушателя простоты веры и совершенной преданности ему, как делу Божию — истинному, спасительно-

му, непреложному. Лукавое неверие нетерпимо в деле Божием, ибо не благоволил Бог к Нему.

Необычайное доверие Богородицы благовещению

Обратите особое внимание на первое слово проповеди Божией, возвещенное архангелом Гавриилом Деве Мари о воплощении от Нее Сына Божия, и подумайте: какой оно требовало смиренной простоты и доверия от Пречистой Девы! И Она ни единым словом не усумнилась и не воспрекословила небесному благовестнику, несмотря на всю необычность слов благовещения. Архангел услышал от Нее только слово послушания и преданности Господу: «Се раба Господня; да будет Мне по слову Твоему» (Лк. 1, 38). И дело воплощения Божия совершилось согласно слову послушания Марии.

Вера во Христа у причастника

Божество Христово для достойного причастника бывает столь ясно, ощутительно, очевидно, что он, причастившись, дерзновенно говорит вместе с Фомою: «Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20, 28).

Мученики — свидетели

Слово мученики (по-гречески — мартирия) значит свидетели; потому что своим твердым исповеданием, совершенною преданностью Господу, непоколебимым мужеством среди лютых страданий, они засвидетельствовали свою веру в Божество Христово и Его искупительное промышление о людях. И не только в первые времена Христовы, но и далее, на протяжении многих веков, даже до наших дней, имеем мы множество свидетелей, которые своею жизнью убеждают нас в истинности и спасительности нашей веры.

Участие всей Троицы в искуплении

Как мир весь создан был Ипостасным Словом Бога-Отца при содействии Св. Духа, так и искупление и спасение человеческого рода должно было совершиться при непременном содействии Духа Всесвятого. Слава Твоему всеблагому, премудрому и всеспасительному Промыслу, Пресвятая Троица, Боже наш, Отче, Сыне и Душе Всесвятый!

Болезнь Батюшки

Во вторник, 29 октября, живущие и служащие в Иоанновском женском монастыре, имели счастье утешаться служением дорогого основателя и покровителя монастыря, протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. Три с половиной месяца Батюшка вследствие болезни не служил в своей обители.

Страшное таинство

Вот чудо чудес Божиих из всех величайшее, непостижимое, спасительное, но вместе — и страшное таинство воплощения Бога Слова, Словом Своим доселе созидающего человеческий род.

Слово к слушателям

К вам обращаю мою священническую речь! Хотите слушайте, хотите не слушайте! Но я говорю вам, как искренно верующий собрат. (Имелись в виду неверующие.)

Сборник слов за 1907 год характеризуется общерелигиозным характером. Лишь иногда прорывается у о. Иоанна краткое замечание по поводу неверующих и мятежников. Да и то больше потому, что о. Иоанн корень всего видел в неверии.

Но это год был годом замирания.

Характерно, что в этому году он болел 3 $^1/_2$ месяца (с половины июля по октябрь). В этом же году, 5 декабря, его посетили митрополит Владимир, Серафим, епископ Орловский, Гермоген, епископ Саратовский, протоиерей Восторгов и др.

Дневник «Моя жизнь во Христе» в выдержках

Предисловие

Теперь мы обращаемся снова к Дневнику о. Иоанна «Моя жизнь во Христе». Уже многое выписывали мы из него в разных главах своей работы, однако и еще будут оттуда выдержки по тем же предметам. Но есть вопросы, которых мы доселе мало касались в своих выписках, например, о священстве специально, о вере — недостаточно, нужно подробнее, о молитве и т.д. Об этих предметах говорится им в дневнике больше, чем в проповедях. Поэтому мы и займемся ими.

Но так как отчасти уже говорилось об этих вопросах, мы не будем выписывать все, что затронуто им в дневнике, а коснемся лишь главных пунктов. И в отличие от предшествующих выписок, будем выписывать их отчасти в систематическом порядке предметов, а остальных вопросов коснемся простыми выписками, как они изложены у самого о. Иоанна, в виде отдельных мыслей и чувств.

По принятому нами обычаю, мы не станем много вносить собственных рассуждений и пояснений, потому что считаем его мысли и без того ясными. Но в отдельных случаях, например о священстве, мы остановимся более внимательно на мыслях о. Иоанна, поскольку они представляются нам значительно оригинальнее, чем об этом принято было думать доселе, а для Батюшки, для его учения и деятельности, эти мысли весьма характерны: ими объясняется многое в его жизни.

После этого краткого предисловия приступаем к извлечению более важных отрывков.

Скажем несколько предварительных слов о главных предметах Дневника.

Читая и перечитывая его, мы не можем не видеть, как часто говорится Батюшкой, прежде всего, о Боге, о вере в Бога.

Никакого нет сомнения, что его пламенная, твердая вера далась ему не так уж легко, как можно думать о том. Помыслы стужали его очень часто: даже иногда после причащения Св. Таин, на молитве и проч. Но опыт его жизни начался именно в борьбе с ними. И прежде всего, самое это стужание: неверием, маловерием, сомнением — всегда приносили ему с собой беспокойство, мучение, тоску. А вера, наоборот, давала мир, радость, покой, блаженство. Почему это? Отец Иоанн именно в этом увидел ложь неверия и правду веры. Откуда же было и то, и другое? Батюшка по опыту увидел, что первое исходило от диавола, а второе — от Бога. И это сознание еще более убеждало его в истинности веры.

А к помыслам, посеваемым от диавола, он сначала же приучился относиться с решительным сопротивлением и отметанием, пренебрежением их. Конечно, он обращался и к молитве, которая потом обратилась в непрестанное состояние его. Прибегал он и к богословским соображениям.

Затем, необыкновенное внимание — даже больше, чем на веру, — он обращает на молитву. Можно сказать, что о молитве в Дневнике говорится больше, чем о каком другом предмете. Да это, в богоугодном человеке, и совершенно необходимо: боголюбец непрестанно живет Богом, в Боге. А молитва есть беседа с Ним. Да и все богослужение есть ни что иное, как общение с Богом. И деятельность священнослужителя постоянно — и в службах, и в требах — связана с молитвой. И искушения требуют непрестанной молитвы, обращения к Богу за помощью. Да и вообще все доброе стяживается молитвой же. Поэтому и ап. Павел заповедует: «непрестанно молитесь». И все подвижники были усердными молитвенниками прежде всего.

I. Отец Иоанн

«Истинный пастырь овец своих пасомых будет жить в признательной памяти их и ПО СМЕРТИ СВОЕЙ: они будут прославлять его. И чем меньше он будет заботиться о своем прославлении здесь, на земле, при своих усердных трудах во спасение их, тем больше просияет слава его по смерти: он и мертвый будет заставлять их говорить о себе. Такова слава трудящихся на пользу общую» (о себе предрек отец Иоанн).

«Меру добру, наткану и потрясну и преливающуюся дадя на лоно ваше. Тою бо мерою, ею же мерите, возмерится вам» (Лк. 6, 38). Эти слова Господа исполнялись и исполняются непрестанно на мне. Давая по возможности всем все по благодати Божией, я получил и получаю все от других в изобилии и в щедрой мере. Боже мой, какой прилив благ всяческих — нет числа и конца! Благодарю Тебя, Господи, Отче щедрот и всякого утешения!

И самые лета жизни моей Ты продолжил сверх чаяния моего, даже до 74 лет, тогда как отец мой умер в 48 или 49 лет. В 1824 году он кончил учение в духовном уездном училище, в 1828-м женился, а в 1829году я, по милости Твоей, родился на свет. Он женился на 26 году (своей) жизни, умер в 1851 году; родился в 1802году приблизительно».

«Даров Господних не должно удерживать в себе, но — изливать на других... Особенно пастыри не должны света своего — или лучше — Божьего удерживать в себе, но обильно изливать Свет своего ума и знания на других».

«Господи, да не будут ДАРЫ ТВОИ, духовные и вещественные, в нас и у нас праздны: даждь им движение спасительное и полезное. Сотвори сие во всех! Да умножатся таланты Твои, Господи, собственною деятельностью каждого из нас».

«Не должно ни у кого и спрашивать: нужно ли распространять славу Божию пищущею рукою или словесно или добрыми словами. Это мы обязаны делать по мере сил своих и возможности. Таланты надо употреблять в дело. Коли будешь задумываться об этом простом деле, то диавол, пожалуй, внушит тебе нелепость, что тебе надо иметь только внутреннее делание».

II. О Боге и Троице

Откровение о Троице

«Слово Божие являет нам Отца — этот великий всесотворивший Ум — и чрез Слово же вечно исходит и является людям от Отца и Дух Святый Животворящий, Который есть сила Вышнего («сила Вышняго осенит Тя» — Лк. 1, 35). Теперь понятны слова Спасителя: «никтоже знает Сына, токмо Отец: ни Отца кто знает, токмо Сын, и емуже еще волит Сын открыти» (Мф. 11, 27). Видишь? Только Сын открывает людям Отца, как наше слово — сокровенную в душе мысль нашу. Вот какое теснейшее единение между Отцом и Сыном! И каждому Лицу свойственно владычество и свое, так сказать, дело. Потому Спаситель говорит ученикам: «аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам: аще ли же иду, послю Его к вам» (Ин. 16, 7).

«Слава Тебе, Сыне Божий, открываяй нам таинство Пресвятыя Троицы — Отца, Сына и Святаго Духа! Слово Твое — истина; всеми и каждым порознь словами Твоими мы живем. Они нам сладость, покой, жизнь, особенно же слово об Утешителе».

Тайна Пресвятой Троицы

«Господь Бог, как Само-Живот и преизбыток жизни, Сам от вечности, как говорит св. Григорий Богослов, подвигся в Три Лица и остановился на Трех, то есть Бог есть Отец, Слово и Дух. Ты спросишь, как в Боге — Три Лица? Отвечаю: не понимаю — как, но знаю, что так быть должно и иначе быть не может».

С Богом все прочее как бы исчезает

«Для истинно верующего в Бога всякое вещество земное и всех видимых миров как бы исчезает, нет для него и одной мысленной линии пространства без Бога; везде он созерцает единое, бесконечное Существо — Бога. Он представляет, что с каждым вдыханием воздуха он дышит Богом; Господь для него везде и все, а тварей как бы не существовало, и сам он

охотно исчезает мысленно, чтоб дать и в себе место Единому Сущему Богу, вся в нем Действующему».

Единство Лиц Троицы

«Какое единение! Ни Сын без Духа, ни Дух без Сына ничего не делает, но вместе исполняют волю Отца, будучи Три — едино Существо».

Троица есть единство

«Пресвятая Троица — любодружное, благое единство; Пресвятая Троица — совершеннейшее единение Трех Лиц во едином Существе, потому что — совершеннейшее равенство».

Имя Божие чаще употреблять

«Имя Божие всегда паче всякого другого Имени призываем, как Творца, Вседержителя и Бога, Которым живем и движемся, и спасаемся, и просвещаемся, и утверждаемся, в Котором имеем мир, свободу, дерзновение, силу, обожение и бессмертие».

Как произносить имя — Бог?

«Научись воспоминать и произносить имя Бог всегда с великою верою, благоговением, любовию и благодарным сердцем. Никогда не произноси его легкомысленно».

Наивысшее благо — Бог

«Наивысшее благо в этой и в будущей жизни есть Бог, вечно живущий, всесовершенный, всеблаженный. Стяжавший это Благо, имеющий Оное в душе своей — есть счастливейший человек. Все прочее земное, житейское, признаваемое за благо, есть суета, пустота».

Господь — все для меня

«Он Сила сердца моего и свет ума моего; Он движет сердце мое ко всякому благу; Он укрепляет его; Он и мысль благую дает мне; Он — покой мой и радость; Он — моя вера, надежда и любовь; Он — пища моя, питие мое, одежда моя, жилище мое. Как мать бывает всем для младенца — и умом, и волею, и зрением, и слухом, и вкусом, и обонянием, и осязанием и пищею, и питием, и одеждою, и руками, и ногами — так Господь все для меня, когда я совершенно предаюсь Ему».

Имена Божии дают блаженство

«Кроме Господа Иисуса Христа со Отцем Его и Святым Духом нет для меня блага на земле. Он — единственное мое блаженство на земле. После Бога нет для меня на земле ничего дороже (как и должно быть) души человеческой, — она всего дороже. Человек — драгоценное существо, Сам Бог сошел для спасения его на землю. Человеку Он дает в снедь и питие пречистое Тело и Кровь (всего Себя), только бы он был блажен, только бы не погиб».

Жизнь — в Боге

«Бог ближе к нам всякого человека во всякое время: ближе моей одежды, ближе воздуха, света, ближе моей жены, отца, матери, дочери, сына,

друга. Я Им живу душевно и телесно. Им дышу. Им мыслю, чувствую, соображаю, намереваюсь, говорю, предпринимаю, делаю: «О Нем бо живем и движемся и есмы» (Деян. 17, 28). «Бог бо есть действуяй в вас, и еже хотети и еже деяти о благоволении» (Флп. 2, 13).

Радость от Троицы

«Веселюсь и восхищаюсь бесконечным совершенством Божества; веселюсь и восхищаюсь, что Божество в Трех Лицах и каждое Лице самостоятельно и есть Бог всесовершенный.

Радуюсь о Боге-Отце, радуюсь о Боге-Сыне, радуюсь о Боге-Духе Святом — едином Божестве, едином естестве и силе — едином, любящим нас, Боге-Спасителе. Радуюсь, что каждому из Трех Лиц Божества, как Богу, усвояются и особенные господственные действия: Отцу — измышление и благоволение, Сыну — осуществление отеческой мысли и благоволения, Духу Святому — совершение, оживление и внедрение».

Доказательство Божия бытия

«Где строющееся вещество, там непременно предположить надо и Строителя его, потому что вещество, само по себе не имеющее никакого смысла и силы, не может само организоваться, расти и приносить плоды: очевидно, каждое мгновение в жизни им правит бесконечный Ум, всесильная Рука».

Молитва к Троице

«О! Троице, Боже наш! Простое существо, создавший и душу нашу по образу Твоему, да в Тебе жизнь и мир свой имеем! О Троице, Питательница и Надежда наша! Даждь нам в Тебе единой всегда надежду свою полагать, в Тебе единой жизнь и покой обретать. О Троице! Ты, как мать, носишь всех нас на руках Своих, и всех нас питаешь из рук Своих, как нежная мать! Ты никогда не забудешь нас, ибо Ты Сам сказал: аще и забудет кого жена (мать), Аз не забуду тебе (см.: Ис. 49, 15), то есть питать, сохранять, защищать, избавлять и спасать».

Бог есть центр притяжения

«Господь Бог есть всевожделенное существо, есть самая Благость, Любовь, красота нетленная, благоухание неизреченное, Свет, прерадостный, освящающий верных, простота и правда святейшая; все разумные твари стремятся к Нему естественно, но грех, вошедший в нашу природу, извратил весь порядок и отвратил ум и сердца людей от Бога».

Все прославляет Троицу

«Отца, Сына и Святого Духа-Бога в Троице прославляют все Его создания: ангельские соборы, возглашающие немолчно трисвятую песнь, и Св. Церковь Христова, св. апостолы, мученики, святители, преподобные, праведные и все святые, весь мир видимый, все живущие ныне истинные христиане — весь мир. Истина троичности Божества, как бы воздух, который окружает нас со всех сторон, которым мы дышим и коим проникнуты всецело. Можно ли после этого сомневаться в Божестве Сына или Духа Божия? Сколько мы видим дел, совершающихся во имя Отца и Сына и

Святого Духа, сколько сил Духа Божия мы на себе испытали и испытываем? Дух Святый — есть духовный воздух разумных существ. Что воздух для физических тел, то Святый Дух для разумных и свободных существ. Он их наполняет, оживляет, освящает, умудряет, укрепляет; Сын Божий есть для нас путь, истина, жизнь (см.: Ин. 14, 6), покой («упокою вы») (Мф. 11, 28), радость («узрю вы, и возрадуется сердце ваше») (Ин. 16, 22). Мы это сами на себе испытали и испытываем».

Все во славу Богу

«Всю жизнь свою старайся обратить в служение Богу: читаешь ли что дома, начинай это дело с краткою сердечною молитвою, чтобы Бог вразумил и умудрил тебя в вере и благочестии и в тщательном прохождении твоих обязанностей; говоришь ли с ближними, говори разумно, осмотрительно, поучительно, назидательно...

Побеждай именем Господним и силою креста козни врага, который старается смутить, затмить, стеснить, расслабить тебя. Даже если ешь, пьешь или иное что законное делаешь, все делай во славу Божию».

Всякое благо — от Бога

«Все благо души, то есть все, что составляет истинную жизнь, покой и радость души, — от Бога! Опыт. То мне сердце: Ты, Святый Душе, сокровище благих!»

Господь — в каждом христианине

«Помни, что Господь в каждом христианине. Когда приходит к тебе ближний, имей к нему всегда великое уважение, ибо в нем Господь, Который через него часто выражает волю свою. «Бог бо есть действуяй в вас, и еже хотети и еже деяти в благоволении» (по благой воле Божией) (Флп. 2, 13). Не жалей для брата ничего, как для Господа, тем более, что ты не знаешь, в ком Господь приходит посетить тебя; ко всем будь нелицеприятен, для всех добр, искренен, радушен. Помни, что и чрез неверных Господь иногда говорит или располагает их сердца к нам, как это случилось в Египте с темничным стражем, коего сердце Господь расположил к Иосифу».

Бог присущ всякой твари

«Уразумей, что каждой твари невидимо присущ Творец. По словам Спасителя, Бог одевает цветы полевые (см.: Мф. 6, 30), питает птиц небесных (см.: Мф. 6, 26). Чем Бог не веселит нас, Своих тварей? Даже цветочками».

Бог — Художник

«О премудрый и всемогущий Художниче! Животворящий Художниче! Как у Тебя все прекрасно, удобно, оживленно! У Тебя и прах оживлен, у Тебя и прах движется!»

Мир Божий

«Кроме видимого мира есть Бог, бесконечный Дух, бесконечный Ум, все сотворивший и творящий в мире вещественном, который есть осуще-

ствление Его мыслей (идей); и есть мир духовный, ангельский, бесчисленный, живущий в постоянном созерцании Божества и всех дел Его всемогущества и премудрости».

Наше единство — по образу Троицы

«Как Троица — Бог наш Едино Существо, хотя и Три Лица, так должно быть и мы — едино. Как прост Бог наш, так должны быть и мы просты, так просты, как бы все мы были один человек, один ум, одна воля, одно сердце, одна доброта без малейшей примеси — словом, одна чистая любовь, как Бог есть Любовь. «Да будут едино, якоже мы едино есмы». (Ин. 17, 22)».

Образ Троицы в человеке

«Образ в человеке Св. Троицы: мыслящий ум — образ Бога-Отца; сердце, в котором пребывает и изображает себя ум, — образ Сына Божия, ипостасной премудрости Божией; уста, чрез которые исходит то, что есть в мыслях и на сердце, суть образ Духа Святого. «Дуну и глагола им: приимите Дух Свят...» (Ин. 20, 22)».

Когда благий человек от благого сокровища сердца своего износит благая, то это есть образ исхождения Святого Духа от Отца чрез Сына. Велик человек!...

О достоинство! о величие человеческое! Не иначе смотри на человека, особенно христианина, как на сына Божия и, принимая его, как сына Божия, беседуй с ним, обращайся с ним, как с сыном Божиим по благодати во Христе Иисусе Господе нашем».

Церковь — для святости в Троице

«Божие существо есть святыня, чистейшее добро и правда; чтобы быть в единении с Богом, чтобы быть одним духом с Ним (ибо мы от Него), нужно, по благодати Его, стяжать в себе совершенную простоту добра или святости и любви. Все святые, сущие на небесах, очищены кровию Сына Божия, Духом Святым и ни тени греха в себе не имеют. Для того они и подвизались сами в этой жизни, для того мучились плотию, чтобы очистить себя от всякой скверны плоти и духа и творить святыню в страхе Божием, чтобы соединиться навеки с тем всеблаженным Существом, Которого существо есть святыня. Для того и теперь стоит в мире Церковь святая со всеми ее учреждениями; для того богослужение, таинства, обряды; для того посты, чтобы очищать и освящать чад Божиих, ради соединения с Оным всеблаженным Существом, в Троице славимом: Отцем, Сыном и Духом Святым».

Подвиг любви к Богу

«Любовь к Богу даром нам не достается, и без всякого труда с нашей стороны к очищению нашего сердца не поселится в нас. Случается часто видеть в церкви людей, которые не молятся в церкви, а разговаривают или смеются, или скучно блуждают глазами по сторонам...

А кто боголюбивые души, как их узнать здесь, в храме? Смотрите, вот они: это — те, которые с верою, благоговением и страхом предстоят Невидимому и не смеют ни разговаривать с другими, ни — тем менее — смеяться,

или блуждать по сторонам, потому что взор их обращен внутрь их самих и созерцает скверны, разгневанного Творца и Господа, и они воссылают внутренно, из глубины сердца, молитву к милосердному Спасителю».

Вера в Троицу и любовь к людям

«Слава Пресвятой, Единосущной и Животворящей Троице! Когда диавол защемит бок неудовольствием, ненавистью на ближнего из-за чего-либо житейского, плотского, и тяжело мне станет, мучительно, я восстану да возведу сердечные очи к Троице и говорю: Отче, Сыне, Душе Всесвятый, помилуй мя».

Бог — Судья

«Все неправды человеческие предоставь Господу, ибо Бог Судия есть, а сам люби прилежно от чистого сердца всякого, да помни, что сам великий грешник и нуждаешься в милости Божией. А чтобы заслужить милость Божию, надо всячески миловать других. Буди! Буди! Все для всех Господь: и Судия, и щедрый Податель даров, и милость и очищение грехов, и свет, и мир, и радость, и крепость сердца».

Оставление нас Богом

«Господь оставляет нас иногда Своею благодатию, чтобы видеть и нашу собственную борьбу с лукавым, чтобы было за что увенчать нас. Но не оставь, не кинь нас совсем за частые грехопадения наши, Господи! Но имиже веси судьбами спасай и спаси нас («Твой есмь аз, спаси мя»). Боже Преблагий! Спаси Ты нас грешных, ради Имени Твоего. Не смотри Ты на неправды наши, ежедневно нами совершаемые, но не намеренно, но не злобно, но не с упорством, а посмотри на те минуты в нашей жизни, когда мы все безраздельно принадлежим Тебе, когда слезы умиления и любви к Тебе текут из глаз наших; когда я желаю всею душою, как птичка в горы, улететь к Тебе из грешного мира — от себя самого, от грехов моих, чтобы больше не грешить мне, не прогневлять Тебя, Всеблагого Бога и Праведного Судию моего».

Мало говорят о Боге

«Как много теряют люди в домашней беседе, для оживления ее, чрез то, что не говорят о Боге! Как одушевился, плодился и разнообразился бы их разговор! У верующих тогда потекли бы реки от чрева их (см.: Ин. 7, 38) спасительных слов. Сколько такие разговоры доставили бы назидания, успокоительности, истинной сладости! Между тем, теперь не говорят о Боге в домашних кружках, а говорят о суете мирской, скоро истощаются в разговоре, скучают и потом убивают драгоценное время в глупых играх или в танцах».

Почему развлечения?

«Что значит искать развлечений? Значит хотеть наполнить чем-нибудь внутреннюю болезненную пустоту души, созданной для деятельности и не терпящей быть праздною».

III. Господь Иисус Христос

Для чего нужен нам Христос?

«В чем жизнь христианская? Чтобы не иметь ничего и иметь Христа в сердце; или, чтобы имея земные блага, не привязываться к ним нимало, а всем сердцем прилепляться ко Христу...

Помни, что, сердечно и твердо веруя во Христа, спасемся в жизнь вечную. Помни, как Св. Церковь из верных своих последователей никого не погубила, всех спасла благодатию Божиею. Дела Спасителя и Церкви над верующими говорят сами за себя.

Все Евангелие — есть Евангелие Царствия, к которому предназначаются христиане, — и как бы единое обетование.

Чудотворный образ Спасителя — Сам Господь на нем. Горько и как бы невольно плачу я; по благодати, обильно от Него на меня изливающейся, лью я потоки слезные, очищающие от грехов душу мою, и мир и радость на сердце у меня производящие.

Мы приготовляемся на земле узреть Художника всякой твари, видимой и невидимой, Красоту всего — там в вечности».

Гоняюсь за Господом

«Наибольшая часть людей не знает, как должно знать Спасителя: Он не составляет для них необходимой, приятной потребности их сердца, как для малых детей составляют потребность их родители. Долго и я не знал этой потребности, и сердечной потребности в Спасителе. Наконец, Всеблагий дал мне познать Себя, и Он становится теперь потребностью моего сердца, — я не могу жить без Него, и гоняюсь за Ним, как дитя за оставляющею его матерью. Дитяти больно, когда мать намеренно оставляет его за какие-нибудь шалости. И мне больно, когда Спаситель оставляет меня, оскорбленный какою-нибудь нечистотою моего сердца».

Бессилие любить Бога

«Господи Иисусе! Как бы я хотел искренно любить Тебя и Пречистую Матерь Твою со всеми святыми! Но иногда не дается мне эта святая любовь. Сердце мое нечисто: оно не способно без благодати Твоей любить святою, возвышенною любовью Тебя, Пречистую Матерь Твою и Святых Твоих. Созижди же во мне, Господи, сердце чисто.

«Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41; Мк. 14, 38). Это видно на каждом шагу».

Без Спасителя — беспомощность

«Не могу я без Спасителя моего творить ничего, по слову Его и опытам моим бесчисленным. Он сотворил мне душу и тело, Он возрастил, Он образовал мои способности, Он и творит во мне все благое, если я делаю что благое, а мое — только злое. Но, Творче мой и Избавителю мой! Ты сотворил меня, я Твое создание, Твой раб, Ты управляй мною, Ты и твори чрез меня волю Твою, даждь мне благодать волю мою совершенно поко-

рить Твоей воле, ибо этого без Твоей благодати не могу сделать. Ты пастырь мой, паси меня. Ты Спаситель мой, спаси меня, Ты свет мой, просвети меня. Ты сила моя, укрепи меня».

Спасение — чрез искупление

«Нет ничего важнее на свете, как спасение душ человеческих, и нет предмета более достойного непрестанного и всегдашнего памятования, как искупление мира Сыном Божиим от греха, проклятия и вечной смерти».

Страшное событие — Крестное распятие

«Страшное и спасительное мировое событие! 1903 года назад (? — *ред.*) в мире совершилось, во исполнение предвечного Совета Божия и предсказаний пророков, страшное и спасительное событие это. Безначальный Единородный Сын Божий благоволил плотию пострадать и умереть на кресте, чтобы пригвоздить грехи людей ко кресту и искупить их от греха, проклятия и смерти».

Причина Христова искупления

«Чем было вызвано воплощение Сына Божия, житие, проповедь и страдание Его? Во-первых, безмерною благостию Божиею: Бог не мог видеть создание Свое возлюбленное мучимым и погибающим от диавола и восхотел избавить его; восстановить попранную людьми правду, разрушить проклятие и смерть; во-вторых, язва греха так велика и глубока в людях, смрад греха столь силен и смертоносен, зло так велико, падение столь гибельно, грехи столь бесчисленны, что их мог взять на себя только Сын Божий; только Он мог исцелить язву греха, только Он мог отнять смрад греховный и очистить, освятить и облагоухать миром Духа Святого человечество; только Сын Божий мог вступить в единоборство с древним человекоубийцей — сатаной и победить его, никто больше: ибо Он только мог принести полное удовлетворение правде Отца Небесного за все грехи человеческие, исполнив всякую правду и пострадав неправедно за неправды наши, и таким образом человечество, продавшееся диаволу чрез запрещенную снедь, — искупить от сильной власти его».

Необходимость крестной смерти

«О, как необходима была для нас крестная жертва Сына Божия, жертвовавшего для нас, для нашего искупления и примирения Отцу Небесному, Собою Самим; как крест Христов необходим для нас, чтобы всякий день прибегать под сень его! Не напрасно Св. Церковь заповедала нам частое изображение креста Господня на себе, на своих членах телесных и на всех чувствах! Чем мы всякий день спасаемся, как не крестом, как не заслугами Христа, распятого за нас! Без креста мы все погибли бы, были бы добычею диавола и ада! О Христе Боже, слава Тебе, пострадавшему за нас и искупившему нас крестом Своим от греха, проклятия и смерти!»

Христос — жертва Отцу

«Христос и крест Его нужны нам всякую минуту в жизни, ибо без Христа и креста невозможно спастись, избавиться ни от какого греха, до-

пускаемого нами, только Христос спасает нас крестом Своим от скорби и тесноты греха и от неправды греха и осуждения и мучения за грех, ибо только Христос исполнил всю правду за нас, принесши Себя в жертву за всех Отцу Своему праведному, и Он Один оправдывает нас, повинных и кающихся, Своею кровию, Своими страданиями, за нас претерпенными. Уязвила тебя злоба на ближнего — нужен Христос, нужен крест; зависть, гордость, блудные помыслы язвят тебя — нужна вера во Христа, нужно покаяние, нужен крест Христов. Только Христос крестом Своим может спасти тебя, никто и ничто больше».

Сам не спасешь себя

«Когда согрешишь против Бога и грехи твои будут мучить, жечь тебя, ищи тогда скорее единой Жертвы о грехах, вечной и живой, и повергай свои грехи пред лице этой Жертвы. Иначе тебе нет ниоткуда спасения. Сам по себе спастись не думай».

«Ты не можешь без благодатной помощи победить ни одной страсти, ни одного греха, — проси же всегда помощи у ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ своего. Он для того и пришел в мир, для того пострадал, умер и воскрес, чтобы во всем помогать нам, чтобы спасать нас от греха и от насилия страстей, чтобы очищать грехи наши, чтобы подавать нам в Духе Святом силу к деланию добрых дел, чтобы просвещать нас, укреплять нас, умиротворять нас.

Говоришь: как спастись, когда на каждом шагу грех стоит и на всякую минуту грешишь? На это ответ простой: на всякому шагу, на всякую минуту ПРИЗЫВАЙ СПАСИТЕЛЯ, помни о СПАСИТЕЛЕ.

И спасешься и других спасешь».

Забываем жертву Христову

«Я часто забываю эту страшную жертву, принесенную за меня Сыном Отца Небесного Единородным, Собезначальным, Соприсносущным. Даждь убо мне, Господи, чистое сердце и неизменное покаяние во спасение, даждь мне прочее время живота моего благоугодити Тебе».

Дух Святый — по заслугам Христа

«Непрестанно Дух Святый Животворящий разрешает меня от грехов о имени Иисуса Христа, Агнца Божия, вземлющего грехи мира, и дух правый обновляет во утробе моей, распространяя сердце мое. Это бывает всякий раз, как я, согрешив чем-либо, искренно покаюсь, тайно или явно. Слава Тебе, Душе Святый, животворящий нас, умерщвленных грехами! Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, Агнче Божий, вземляй грехи мира, повсюду и всегда приемлящий покаяние верующих, принадлежащих к Святой Твоей Церкви, Которой Ты дал власть прощать грехи, сказав апостолам: «приимите Дух Свят. Имже отпустите грехи, отпустятся им: имже держите, держатся» (Ин. 20, 22–23)».

Отчего чтим крест?

«На кресте Христос принес Себя в жертву Богу Отцу за наши грехи, на нем и им Он спас нас от работы вражия, а потому мы и почитаем его с

таким великим благоговением! Потому-то он всегда для верующих есть великая сила, избавляющая от всяких зол, особенно же от злодейства невидимых врагов».

Сила креста

«Сколь велика сила креста! Сколь необходим крест для спасения грешников! Бесконечное множество благ мы получаем чрез крест Христов! Человек! Чрез грехи отпал от Бога и подвергся проклятию и смерти; через страдания Христа, смерть и воскресение он примирился с Богом и приблизился к Богу и соединился с Ним».

Сила крестного знамения

«Слава, Господи, никогда не изнемогающей силе креста Твоего! Когда враг теснит меня греховными помыслами и чувствами и я, не имея свободы в сердце, изображу несколько раз с верою крестное знамение, то вдруг и грех мой отпадает от меня, и теснота исчезает, и я выхожу на свободу. Слава Тебе, Господи! Господи, да не отторгает меня от Тебя ничто, ничто плотское, вещественное, да буду я всегда с Тобою! Благо быть с Тобою!»

Зачем нужен крест

«Без креста Господня я давно был бы жертвою самой лютой скорби и отчаяния. Христос меня держит в жизни. Крест покой и утешение мое».

«Мы (пастыри)... часто испытываем на себе непобедимую, непостижимую, божественную силу истинного и животворящего КРЕСТА Господня и силою его прогоняем из сердца своего страсти... и все корни бесовские. Он — НАШ ДРУГ И БЛАГОДЕТЕЛЬ.

Говорим это искренно и с сознанием всей истины и силы своих слов».

«Всячески, несомненно, осязательно уверяет нас чудесное действие КРЕСТА животворящего на нашу душу, угрызенную ядом зла, уверяет... в том, что 1) в нас точно есть душа, существо духовное, 2) что есть злые духи, убийственно касающиеся нашей души, 3) что есть Бог и Господь наш Иисус Христос, и всегда Он с нами по Своему Божеству и 4) что Он точно совершил на кресте спасение наше Своими крестными страданиями и смертью, и разрушил крестом державу диавола. СКОЛЬКО ДОКАЗАТЕЛЬСТВ в пользу нашей веры от чудесного действия над нами одного КРЕСТА животворящего! Слава вере христианской!»

Крест — знак любви Божией

«Крест без любви нельзя мыслить и представлять: где крест, там и любовь; в церкви вы везде и на всем видите кресты, для того — чтобы все напоминало вам, что вы во храме Бога любви, в храме Любви, распятой за нас».

Любовь Бога и наша ненависть

«Любовь Божественного Спасителя нашего Иисуса Христа, Бога Отца и Духа Святого так к нам велика, безмерна, что пред нею становится незначительною или как бы исчезает всякая нелюбовь, вражда, ненависть к нам человеческая. По этой-то безмерности любви к нам Божией и ничтожности человеческой вражды, Спаситель повелел всем нам любить вра-

гов наших, благословлять клянущих нас, добро творить ненавидящим нас и молиться за творящих напасть (см.: Мф. 5, 44). Мы в любви Божией; велико ли дело, что нам не доброжелательствуют люди? Что они могут сделать нам, когда так возлюбил нас Бог?»

Вера нужнее всего, особенно — в Воскресение Христово

«Больше всего старайся в жизни о том, чтобы поддерживать и возгревать в сердце веру в Бога и терпение в несчастиях: вера нас укрепляет в борьбе с бедствиями и скорбями жизни и спасает нас от грехов и вечной смерти, несомненно ожидающей неверных и нетерпеливых рабов. «Благодатию бо есте спасени, чрез веру» (Еф. 2, 8), вера — основа христианской жизни; человек без веры живет не по-христиански и он не спасется. Особенно чаще возбуждай живую веру в воскресение Господа Иисуса Христа из мертвых: она-то и спасет тебя, при других условиях ко спасению с твоей стороны, как говорит Апостол: «аще... веруюши в сердце твоем, яко Бог Того (Христа) воздвиже из мертвых, спасешися» (Рим. 10, 9). Веришь, что Адам пал и увлек с собою к падению весь род человеческий: верь и тому, что другой Адам — Богочеловек Иисус Христос — восстановил от падения и спосадил с Собою в небесных естество наше. Как тот смертию своею подверг всех смерти, так и Этот воскресением Своим всех совоскресил с Собою».

«Воскресение Христово из мертвых, ежегодное, торжественное, всерадостное, и еженедельное празднование его, уверяет всех, очевидно и, так сказать, осязательно — в будущей жизни, в жизни душ наших по смерти и будущем общем воскресении тел наших из персти и в их дивном преображении, по образу воскресшего Тела Христова».

Какой знак того, что человек-христианин близок ко Христу?

«Близкий ко Христу человек обращается часто с верою и мольбою ко Христу; часто просит сладчайшее Его Имя; часто призывает Его в помощь, часто выражает к Нему взоры, мысли и сердце; Христос Бог естественно обнаруживается у него и на языке, и во взоре, потому что без Христа он бессилен, нерадостен.

Далекий от Христа человек редко, редко обращается мыслями ко Христу, и то по какой-нибудь необходимости...»

«Оттого мы видим, что близкие ко Христу люди НЕ ВЫПУСКАЮТ ХРИСТА из своих мыслей и сердца: они живут Им... По причине сладости имени и благодатности прикосновения к ним Иисуса Христа они, так сказать, прилепляются к Нему всем своим существом («Прильпе душа моя по Тебе» (Пс. 62, 9); и в этом «прильпении» находит для себя неизреченное блаженство, которого не знает мир. Вот признаки, по которым можно узнать, кто нашел Христа и кто еще на нашел Его... Не нашедшие Христа живут в этой жизни без сердечной веры, думают и заботятся больше о житейском».

Видение мирянина об общей исповеди

«Замечательно видение одного мирянина в храме во имя св. апостола Андрея Первозванного, именно — видение Спасителя, простирающего на всех предстоящих во время общей исповеди и разрешения грехов мною —

Божественные руки Свои и объемлющего всех. Благодарю Господа за сие видение, за сию милость, извествующую, что дело общей исповеди Ему приятно и делается согласно с Его Божественной волею».

Нужно просить во имя Христа

«Иже убо Своего Сына не пощаде... како убо не и с Ним вся нам даровствует» (Рим. 8, 32)? Главное величайшее дано, все прочее, чего ни просим, бесконечно меньше Сына Божия. Потому благонадежно можем просить у Бога всего о имени Иисуса Христа — всякого блага, о каком только можем помыслить. «Еже аще что просите от Отца во имя Мое, то сотворю: да прославится Отец в Сыне» (Ин. 14, 13). Прощения ли грехов и упокоения просишь усопшим? Он «очищение есть о гресех... всего мира» (1 Ин. 2, 2). «Кровь... Его очищает нас от всякаго греха» (1 Ин. 1, 7). Он может простить и усопшим всякое согрешение, содеянное ими словом, делом или помышлением. «Он есть воскресение и живот и покой усопших рабов Своих...» Просишь ли благ живым людям и себе? «Егоже аще хощете, просите, — говорит Он, — и будет вам».

Зри Бога твердо — сердечными очами и во время Его созерцания проси, чего хочешь, во имя Иисуса Христа — и будет тебе. Бог будет для тебя всем в одно мгновение, ибо Он простое существо, выше всякого времени и пространства, и в минуты твоей веры, твоего сердечного единения с Ним, совершит для тебя все, что нужно к спасению тебя и ближнего, и ты будешь на это время сам причастен Божеству по преискреннему общению с Ним: «Ах рех: бози есте» (Пс. 81, 6)».

Молись Иисусовой молитвой

«Чтобы не терпеть непрерывных стужений злого духа, надо постоянно иметь в сердце Иисусову молитву: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя! Против невидимого (диавола) — Невидимый Бог, против крепкого — Крепчайший».

«С именем Иисуса Христа, или с искреннею мыслью об Иисусе Христе соединена великая сила, пресекающая страсти и успокаивающая сердце».

«Когда покроет тебя тьма окаянного — сомнение, уныние, отчаяние, смущение — тогда призови только всем сердцем сладчайшее имя Иисуса Христа; в нем ты все найдешь: и свет, и утверждение, и упование, и утешение, и покой; найдешь в нем самую благость, милость щедроты, все это найдешь в одном имени заключенным, как бы в какой Божией сокровищнице».

«Если просишь чего у Отца Небесного или совершаешь что-либо о имени Господа нашего Иисуса Христа, то Отец Небесный о имени Своего возлюбленного Сына все подаст тебе в Духе Святом, если ты творишь заповеди Его, а в таинствах и вовсе не взирая на твое недостоинство, где употребляется с верою имя Божие, там оно созидает силы: ибо самое имя Божие — есть сила».

Велико имя Иисуса Христа

«Велико имя Господне, хвально имя Господне, препрославленно имя Господне! Он может претворять твари Свои как Ему угодно: например,

воду в кровь, воду в вино, посох в змия живого или опять: посох — в живое растение, человека — в столп, в змея, как это по молитве угодника Своего Спиридона Тримифунтского сотворил Господь. Но особенно сила, держава Господня проявляется в том, что Он претворяет человека-грешника в святой и избранный сосуд, падшего падением ужасным — восстанавливает, растленного воскрешает и обновляет, мертвого душою и телом человека — оживляет, падшего в вечную смерть — вводит в вечную жизнь. Это чудо чудес...

Или еще то, что Он Сам, будучи Господом твари безначальным, невместимым, изволил и возмог Сам соделаться Человеком нашего ради спасения, и Слово, Имже вся быша, «плоть бысть, и вселися в ны» (Ин. 1, 14), с человеки пожив и по всему был как человек, кроме греха. «Ужасеся о сем небо и земли удивишася концы, яко Бог явися человеком плотски», беседовал с нами, благодетельствовал нам, бесчисленные чудеса сотворил, пострадал (о чудо!), умер (о ужасное чудо!) и воскрес и нас, умерших в Адаме, совоскресил с Собою! Славлю всеблагую, святую, всемогущую, премудрую державу Твою, Господи!

Яви и на мне, Господи, чудную державу Твою и имиже веси судьбами, спаси мя, недостойного раба Твоего, презирая вольные и невольные согрешения мои, согрешения ведомые и неведомые, наставляя меня присно на путь Твой и укрепи меня в пути семь благодатию Твоею, чрез меня же — и прочих, для которых Ты поставил меня светильником, пастырем, учителем и священнодейственником».

Имя Господа спасительно

«Многократно на всякий день Господь милостиво спасает меня, призывающего святое имя Его, избавляя душу мою от уязвлений грехов и невидимых врагов, непрестанно борющих и бодущих ее — многострастную».

Христос вечное богатство

«Вся отымется от нас смертью, все земные блага: богатство, отличия, красота тела, красота одежд, простор жилища, все сладости пищи и пития (а добродетель души вечно останется с нами, эта нетленная одежда), а Христос — вечное наше богатство, наша жизнь и наша истинная красота, истинная слава и честь, наша одежда нетленная — вечно пребудет с нами».

Смысл проскомидии

«На проскомидии образно представляется собранною около Агнца, вземлющего грехи мира, вся Церковь Небесная и земная, Церковь праведных, на небесах написанных, и Церковь, воинствующая с врагами спасения, на земле. Зрелище величественное, восхищающее и умиляющее душу! Как, и я в этом обществе святых, и я — искупленник Агнца Божия, и я сонаследник святых, если пребуду верен до смерти Агнцу! Как, и все ближние мои суть члены этого небесного, святого общества и сонаследники будущего Царствия! О, как должно распространяться сердце мое, чтобы вместить в себя всех, всех любить, о всех радеть, о спасении всех пещись, как о своем собственном! Се мудрость и премудрость».

Покаяние — от Христа, живущего во мне

«Или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть; разве точию чим неискусни есте»? (2 Кор. 13, 5). Воистину Христос во мне живет. Между тем я до сих пор был неискусен: не помышлял и не знал твердо, что Господь во мне. Это Он, Всесвятый, так чуток во мне к малейшей нечистоте сердечной; это Он побуждает меня самый зародыш греха в сердце гнать вон из души. Но увы! И сатана тут же, готовый пожрать меня на каждом шагу, оспаривает меня у Господа».

Держать надо ухо остро

«И ни к чему не прилепляться, чтобы не уязвиться от него (диавола)...»

«Не живет Господь в том сердце, в котором живет жадность, пристрастие к земным благам: к сластям земным и к деньгам и проч. Опытом доказано и познается — ежедневно».

«Благодарю Тебя, Господи Владыко и Судие мой, яко учиши мя ПРОСТО молитися Тебе и слышиши мя вопиюща к Тебе... Се воззвал я к Тебе во гресе лукавства моего словесами церковной молитвы и лишь только кончил ее, мир и легкость водворились в душе моей. 29 июня 1864г.».

Интересуемся ли мы?

«Интересуемся ли мы великими христианскими праздниками, или теми величайшими делами, которые Господь совершил для нас, для нашего спасения, для нашего восстановления от греха, проклятия и вечного мучения? В Своем чудном промышлении о роде человеческом, Господь является, как Отец и праведный Судия, как Врач мудрый, как премудрый Художник в Своем чудном творении, как Судия, как Подвигоположник, как Борец всесильный и непобедимый, как Светодавец и Просветитель, как Вождь духовного Своего воинства, как Хозяин винограда или насаждения, как Спаситель падшего человеческого рода, как премудрый Ваятель, как Плавильщик, как опытный Скудельник или Горшечник, как Ювелир, или Гранильщик. Жизнь наша — великая задача или загадка, разрешение ее полное — по ту сторону гроба. Христианские праздники изъясняют нам великие, дивные дела Божии, дела спасения человеческого рода от греха, проклятия и смерти».

Праздники повторяют жизнь Господа

«Господь наш Иисус Христос со всеми Своими божественными чудесами как будто живет во плоти в наше время; мы видим Его рождающимся, обрезывающимся, крещающимся, встречаемым от Симеона в церкви и проч. Как благодетельны для христиан и многознаменательны праздники Господни и вообще — все праздники! Господь есть общий Спаситель для всех народов всех времен и мест; потом, так как люди суть существа скоропреходящие, сменяются новыми людьми, то чтобы всем уделять, так сказать, удовольствие — видеть внутренно Спасителя и наслаждаться Его владычними странствованиями на нашей земле — Церковь как бы повторяет ежегодно Его рождение, обрезание и проч. Как это хорошо для веры, для ее укрепления!»

Смысл праздника Сретения Господня

«Вдумываться следует глубоко в праздники Господни и уразумевать смысл их и волю Божию, оказывающуюся в них относительно нас. Так, в праздник Сретения Господа Симеоном — Творец закона Сам является исполнителем Своего закона и приносится в церковь законную — Отцу Небесному и Себе Самому, чтобы принести за Себя жертву: две горлицу или два птенца голубиных; это урок нам твердо хранить и исполнять законы Божии».

Как праздновать праздники?

Мы празднуем или событию (вникнуть в величие события, цель его, плоды его для верующих), или лицу, как например: Господу, Божией Матери, ангелам и святым (вникнуть в отношение того лица к Богу и человечеству, в благодетельное влияние его на Церковь Божию вообще). Надобно вникнуть в историю события или лица, приблизиться к событию или лицу сердцем, впитать их в себя, иначе праздник будет несовершенный, небогоугодный. Праздники должны иметь влияние на нашу жизнь, должны оживлять, возгревать нашу веру (сердца) в будущие блага и питать благочестивые добрые нравы».

Предпраздничные искушения

«Пред наступлением великих праздников надо быть особенно внимательным к себе. Враг заранее старается охладить сердца к предмету празднуемого события, чтобы христианин не мог сердечно питать его сердечным размышлением о сущности его. Тут он действует на нас или чрез атмосферу, или чрез принятую внутрь пищу и питие, или чрез свои разженные стрелы, с избытком бросаемые в сердце и сильно палящие всего человека, при этом чувствуются лукавые скверные и хульные помышления и сердечное отвращение к предмету торжества. Надо преодолевать врага понуждением себя на богомыслие и молитву».

Искушение в праздники

«В великие праздники враг и завистник наш диавол оскорбляет, опечаливает и подвергает нас в крайнее уныние или болезнями телесными, удручающими и подавляющими дух, или своими духовными стрелами, или крайним бесчувствием и холодностью. В скором времени сделается явным, что враг в тебе коварствовал, а не то, что причиною твоей скорби и болезни было мрачное естественное расположение духа».

В крестные ходы нужно натощак идти

«Крестные ходы по праздникам должны иметь особенную эту цель. Мы обыкновенно, ходя со крестом, пьем и едим. Это не дело. Надо благовествовать в руках со крестом — о том, что сего ради высокий Бог на землю сниде, да нас на небеса возведет и что не должно привязываться ни к чему земному, что надо дорожить временем для приобретения вечности: очищать сердце свое от всякой скверны и делать добрых дел как можно больше. «Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшего Мя, и совершу дело Его» (Ин. 4, 34)».

IV. Благодать Св. Духа

Дух Святый — связь Троицы

«Живый, личный, господственный, живая связь Отца и Сына — помилуй мя!»

Сомнение о Святом Духе

«Сомневаться в Божестве Духа Святого — значит сомневаться в жизни своей, ибо Дух Святый всех оживотворяет и питает духовно, служит как бы духовным солнцем, воздухом, пищею и питием для души; значит отказаться от молитвы, ибо мы молимся Духом Святым, — от истины и святости, ибо Дух Святый есть Дух истины и всякой святыни, — от всякого духовного утешения в скорбях и болезнях, ибо Дух Святый один есть истинный и единственный Утешитель со Отцем и Сыном, — от веры, ибо вера дается Духом Святым, — от надежды и любви, ибо упование и любовь подаются сердцам также от Духа Святого: «любы Божия излияся в сердца наша Духом Святым, данным нам» (Рим. 5, 5), от силы духовной и телесной, ибо Дух Святый есть Дух силы и крепости, — от премудрости и разума, от страха Божия, от дыхания своего, ибо Он есть дыхание, воздух души: словом, значит обрекать себя на нравственное ничтожество и убивать себя. Не обращай внимания на сомнения в истине, они — дыхание духа лукавого, духа лжи — убийцы. «От плод их познаете их» (Мф. 7, 16). Сомнение в истине всегда убийственно для души. Всякая истина есть дыхание Духа Божия: Слово Божие, творение св. отцов и учителей Церкви, слова и творения, дела всякого благочестивого и любящего истину человека».

Необходимость помощи Духа Святого

«Долго я не знал во всей ясности, как необходимо нашей душе (укрепление) от Духа Святого. А теперь Многомилостивый дал мне узнать, как оно необходимо. Да, оно необходимо каждую минуту нашего бытия, как дыхание, — необходимо на молитве и во всякой жизни; без укрепления Его душа наша постоянно склонна ко всякому греху и, значит, к смерти духовной; она расслабевает, совершенно обессиливает от входящего в сердце зла и немощна становится для добра; без укрепления от Духа Святого чувствуешь, как сердце подмывается от различного зла и готово ежеминутно потонуть в бездне его. Тут-то надобно, чтобы сердце наше стояло на камне. А камень этот — Дух Святый».

Бессилие без благодати

«Если благодать Божия оставит мое сердце и мой ум, я делаюсь как прах, ветром носимый, без всякой твердости нравственной, с наклонностью ко всевозможному злу; ум и сердце мое делаются пусты, мелочны, мрачны, бессильны».

Просьба о Духе Святом

«Плени меня, Владыко, в сладкий плен Духа Твоего Святого, да «яко потоки югом» (Пс. 125, 4) потекут слова мои в Славу Твою и во спасение

людей Твоих. Даруй мне это сладкое и могущественное внутреннее побуждение излагать свободно на хартии полноту духовных ведений и чувств. Да будет язык мой тростию книжника скорописца (см.: Пс. 44, 2) — Духа Святого».

Душа от Духа

«Душа наша — дыхание Духа Божия».

Душа наша жива Духом Божиим

«Душа наша живет Божественным Духом, от Которого она имеет свое начало и постоянно впитывает в себя для поддержания своей жизни, жизнь Триипостасного Бога, чрез свет ума, благорасположения и желания сердца и воли и крепость в добре...

Так ничтожен и немощен сам по себе всякий человек, что он все получает не из себя, а извне для поддержания своего бытия; сам он — ничто. И как тело поддерживается воздухом, пищею и питием, так душа — молитвою, чтением Слова Божия и св. таинствами».

Дух Святый напояет душу

«Утешитель Дух Святый, исполняя всю вселенную, проходит сквозь все верующие, кроткие, смиренные, добрые и простые души человеческие, живя в них, оживляя и укрепляя их; Он бывает один дух с ними и бывает все для них: свет, сила, мир, радость, успех в делах, особенно в благочестивой жизни, — все доброе. «Сквозе вся проходяй духи разумичныя, чистыя» (Прем. 7, 23). «Вси единым Духом напоихомся» (1 Кор. 12, 13). Все благочестивые люди — напоение единого Духа Божественного, подобно напоенной губке».

Все от Духа Святого

«Я каждое мгновение оживляюсь Духом Твоим Святым, каждое мгновение дышу воздухом, Тобою разлитым, легким, приятным, здоровым, укрепляющим, — просвещаюсь Твоим радостным и животворным светом — духовным и вещественным; питаюсь духовною пищею пресладкою и животворною и питием таковым же, святыми Тайнами Тела, Крови Твоей и пищею и питием сладости вещественными; Ты одеваешь меня пресветлым, прекрасным царским одеянием — Собою Самим, по Писанию: елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся...

Исполняешь Духом Твоим Святым — Духом святыни, благодати... Научаешь «руце мои на ополчение, персты моя на брань» (Пс. 143, 1) с невидимыми врагами моего спасения и блаженства, со врагами святыни и державы славы Твоей, с духами злобы поднебесными, венчаешь успехами дела мои, о имени Твоем совершаемые... За все сие благодарю, славлю и благословляю всеблагую, отеческую, всесильную державу Твою Боже, Спасителю, Благодетелю наш».

«Все силы и чудеса совершает Дух Святый. Тем же Духом подаются иному силы, другому действия сил. Ты только говори с верою, совершение слова не твоя забота, а Духа Святого».

Без Духа нет жизни

«Как тело без воздуха, так душа без Духа Святого ни минуты не может жить истинною жизнь и чистым воздержным житием; старайся непрестанно быть в общении с Богом: ибо без Него душа умирает».

Дух Святый — благодать

«Дух Святый, подобно воздуху, все наполняет и все проникает: везде сый и вся исполняяй. Кто усердно молится, тот привлекает в себя Духа Святого и молится Духом Святым».

Понятие о благодати

«Что такое благодать? Благая сила Божия, даруемая человеку верующему и крестившемуся во имя Иисуса Христа или во Святую Троицу, — очищающая, освящающая, просвещающая, вспомоществующая в делании добра и удалении от зла, утешающая и ободряющая в напастях, скорбях и болезнях, споручительствующая в получении вечных благ, уготованных Богом на небесах избранным Его.

Неверующим ли кто был, но сделался верующим и усердным исполнителем предписанной веры, — он стал таким силою благодати. Сребролюбив ли кто был, корыстен и неправосуден, жестокосерд к бедным, но переменившись в глубине души, сделался нестяжателен, правдив, щедр, сострадателен, — он обязан этим силе благодати Христовой.

Многие живут вне благодати, на сознавая ее важности и необходимости для себя и не ища ее, по слову Господа: «ищите же прежде Царствия Божия и правды Его» (Мф. 6, 33). Многие живут во всяком изобилии и довольстве, наслаждаются цветущим здоровьем, с удовольствием едят, пьют, гуляют, забавляются, сочиняют, работают по разным частям или отраслям человеческой деятельности, но Благодати Божией в сердцах своих не имеют, этого бесценного сокровища христианского, без которого христианин не может быть истинным христианином и наследником Царствия Небесного».

Что такое благодать

«Дар Божий, даруемый человеку ради веры во Христа для спасения человека христианина. Благодать — сила заступающая, милующая, просвещающая, располагающая ко всякой добродетели.

Благодать, вселившаяся в человека верующего и ревнующего о святыне и правде, гонит непрестанно из сердца и тела, из всего существа человека тление и всякий грех и уготовляет его к вечному нетлению, выгоняет смрад страстей и вселяет благоухание.

Святые еще при жизни в теле благоухали святостью и нетлением и были чистыми храмами Духа Святого, творя чудеса. Живи же по духу «и плоти угождения не творите в похоти» (Рим. 13, 14)».

Благодать — широка

«О, как беспредельно широка действующая благодать Господа во мне. Все для меня Господь, и так ясно, постоянно. Моя — только греховность, мои — только немощи».

Действие благодати

«Благодать Божия незрима, но несказанно сладостна для души моей: я блажен ею. Чудная сила сердечной молитвы! Она преобразует, претворяет меня из человека грешника, стенящего под бременем собственных беззаконий, в человека оправданного, в чадо Божие, мирно, радостно почивающее в объятиях Своего Отца. Сильно ходатайство за нас святых Божиих, в особенности — Пресвятой Девы Богородицы и св. Великого Иоанна, Предтечи Христова. По нашей усердной молитве они преклоняют Бога на милость и услаждают сердца наши невидимым, но тем не менее действительным соприкосновением с душами нашими».

Благодатные веяния

«Господи, благодарю Тебя от всего сердца моего за благодатные веяния Духа Твоего Святого во время богослужения общественного и домашнего, за очищение грехов, за мир, умиление и слезы, за отеческое утешение, за дерзновение, за силу».

Благодать Престола Божия

Благодать Господа, сильного в благости и благого, в крепости Своей, за помилование скорое и великое, за исцеление глубоких язв сердечных, причиненных грехом. Что не могла сделать домашняя продолжительная молитва, то сделало одно прикосновение к животворящему, славному и страшному Престолу Божию в храме святых первоверховных апостолов Петра и Павла: язва сердца, смущение, скорбь и теснота вдруг исчезли, как бы великая гора отпала от сердца, и я сделался мирен, на сердце стала легкость, простор и дерзновение. Дивны дела Твои, Господи!»

Благодать храма

«О храм святый: сколь благо, сладостно в тебе молиться! Ибо где пламенная молитва, как не в стенах твоих, пред Престолом Божиим и пред лицем Седящего на нем! Поистине душа тает от умиления молитвенного, слезы по ланитам струятся, как вода. Сладостно молиться за всех».

Художник — Дух

«Всюду видишь на земле премудрого Художника-Духа, веселящегося полнотою радости в тварях и являющего бесконечную премудрость Свою в делах рук Своих. Всюду видишь Животворящего Духа, как художника или как горшечника, образующего многоразличные неодушевленные сосуды. Особенно Его видишь в святых людях, как в величественных храмах Его».

Где благодать?

«Где любовь, там благодать Божия и всякое добро, там спокойствие, там довольство. Христианин претерпевает все, только бы не лишиться благодати Божией, которая для него величайшее из благ».

Духовное сокровище

«Дух Святый — сокровище всех благ или духовного богатства. Посмотрите, каким чудным богатством исполнены были души, в коих обитал Дух

Божий, каким светом ведения, каким благоуханием добродетелей! Душа человека праведного бывает пребогатою духовною сокровищницею; например, Павла, Петра, Иоанна апостолов, Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова. «Благий человек от благаго сокровища сердца своего износит благое» (Лк. 6, 45). Вот где истинное сокровище. Оно совсем не то, которым дорожит свет».

Мир духовный

«Мир духовный, происходящий от Духа Божия, различается, как небо от земли, от того плотского мира. Он небесен, благотворен. Мир вам, говорил часто Господь ученикам Своим, преподавая им мир Свой, и апостолы преподавали верующим также мир Божий и желали им, как первого блага, мира Божия, именно потому, что он составляет жизнь нашей души и свидетельствует о соединении нашей души с Богом».

С крещения (действует) Дух Святый

«Будьте внимательны и благоговейте, братия, к живущему присно в вас Духу Святому и помните, что тайна и чудо воскресения вашего из мертвых совершится тем же Духом, Который ныне живет в вас, по благодати и дару Христа, ради крещения водою и Духом, ради покаяния и особенно причащения животворящих Таин Его».

Где козни диавола, там и благодать

«Чем большему числу людей испрашиваешь благ у Господа и чем выше эти блага, тем сильнее диавол противодействует молящемуся священнику, чтобы за его усердную, горячую молитву Бог не дал тех благ. Впрочем, где умножаются козни диавола, там избытчествует благодать Божия».

Дух животворящий и дух злобы

«Не испытаешь на себе действия злых козней духа злого, не узнаешь и не почтишь, как должно, благодеяний, даруемых тебе Духом благим; не узнавши духа убивающего, не узнаешь и Духа Животворящего. Только по причине прямых противоположностей добра и зла жизни и смерти — мы узнаем ясно и ту и другую; не подвергаясь бедам и опасностям смерти телесной или духовной, не узнаешь сердечно и Спасителя, Жизнодавца, избавляющего от этих бед и от духовной смерти. О Иисус есть утешение, радость, жизнь, покой и простор наших сердец! Слава Богу, Премудрому и Всеблагому, что Он попускает духу злобы и смерти искушать и мучить нас! Иначе, как бы мы стали ценить утешения благодати, утешения Духа Утешительного, Животворящего!»

Благодать и блага мира

«Дивные дела! Видно, благодать Божия и блага мира сего не одно и то же, и пристрастие к ним несовместно с Божией благодатью».

Иногда благодать оставляет нас

«Иногда благодать носит нас как детей, или водит и поддерживает нас как бы за руку, тогда полдела нам — делать дела добродетели, а иногда остав-

ляет нас одних — нашей немощи, чтобы мы не ленились, а трудились и духом заслуживали дарование благодати: вот в это-то время мы должны, как бы свободные существа, добровольно показать свое исправление и свое усердие к Богу. Роптать на Бога, на лишение нас благодати, было бы безумие, ибо Господь когда хочет, тогда и берет благодать Свою от нас падших и недостойных. Надо в это время научиться терпению и благословлять Господа: Господь даде благодать Свою, Господь и отъя; «яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно» (Иов. 1, 21)».

Почему начало молитв — «Царю Небесный»?

«Слава благодати Святого Утешителя Духа! Верую, что Он, по обетованию Спасителя, пребывает с нами ввек и наставляет нас на всяку истину, и не допускает до заблуждения ищущих усердно и смиренно истины Божией. Почему мы начинаем свои молитвы молитвою Царю Небесному — Духу истины? Потому, что Он Учитель молитвы и податель молитвы, Он пребывающий с нами ввек и действующий в мире. Благодарим Тя, Господи Иисусе, яко Тебе ради и Дух Святый в мир вниде».

Соли — побольше!

«Соли, соли духовной побольше монахам и монахиням, воспитателям, воспитываемым, священнослужителям, всем сословиям, чинам всех ведомств, а то много внесено растления в умы и сердца, в свободу, ложно понимаемую, в науки, особенно в историю, в гражданскую, в словесность, в религию».

Отчего разделения в Церкви?

«Так как Дух Божий есть грозная сила, страх и мука демонов, то демоны вовсю на своих адских кознях противятся Духу Божию и хулят Его. Так как Дух Божий есть Дух спасающий, Дух единения, любви и спасения людей. Из-за них произошло разделение Церквей — на Восточную и Западную; и заметьте: из-за догмата о Святом Духе произошло разделение, из-за него дальнейшее разъединение Римского запада — лютеранства, кальвинизма и англиканства; из-за него раскол в нашей Православной Церкви».

V. Образ Божий

Предисловие к вопросу об образе Божием

Несколько слов хочется предпослать этому отделу об «Образе Божием» в человеке. Хотя и в богослужебных книгах, и в творениях св. отцов, особенно у св. Григория Богослова, этому пункту отводится довольно много места, но, как мне кажется, нигде так много не говорится о нем, как у Батюшки о. Иоанна. Можно бы набрать сотни и сотни выдержек об этом! И мы сделали уже множество выписок и в отделе о подвижничестве его; много выписывали об этом и из проповедей; очень много встречаемся с этим пунктом — почти постоянно — и в дневниках Батюшки. Этот вопрос лежит в основе всех мыслей его о человеке, как он сам говорит об этом.

И пусть мы повторимся, но все же отведем этому отделу хоть немного места: иначе выписки из дневников его, без мыслей об «Образе Божием», были бы неглубоки и нехарактерны для батюшки. Он на этой идее постоянно настаивает: и когда говорит о воплощении Сына Божия, о цели Его снишествия на землю, о составе человека, о цели его святости, о отношении его к себе и другим, о отношении к грешникам и вообще — в богословии. Везде! Как Батюшка восторгается этому факту! Приведу еще немного выписок.

Основа богословия

«Человек — бог и человек — ничто. Что ты за существо человек, столь дорогое для Бога?.. Ты — образ Божий! Ты — частица Божества. Ты — чадо Божие, наследник Божий. Ты об этом забываешь, это ни во что ставишь!

Человек должен быть непрестанно на страже своего сердца и своих помыслов и в подвиге тайной молитвы, в непрестанном покаянии и самобогослужении и в слезах, чтобы омывать ими постоянно накопляющиеся скверны греха».

«Каждый день и много раз я искажаю в себе черты ОБРАЗА БОЖИЯ — разными греховными поползновениями и пристрастиями... И каждый же день за искреннее покаяние мое тайное Господь всеблагопослушливый милует меня... Слава Его милосердию и Его долготерпению!

Для чего Господь установил Тайну причастия Тела и Крови Своей в Церкви Своей? Для того, чтобы изварить в нас огнем Своего Божества и искоренить грех и сообщить нам Свою СВЯТОСТЬ, правду, Свое нетление, даровать нам вечную жизнь; чтобы сделать нас СООБРАЗНЫМИ Себе... и сделать нас достойными райских прекрасных вечных селений».

Воплощение и образ Божий

«Если бы люди не были созданы по образу Божию, то Бог не воплотился бы от Пречистой Девы. О, как возвышено наше естество — и во творении и в искуплении! Чрез воплощение Сына Божия от Пресвятой Девы Марии Бог преискренне соединился с человеками.

Но удостой, о Господи, и нас достигнуть чистоты духа и тела чрез причащение божественных Тайн Тела и Крови Сына Твоего!

Чрез Святое воплощение Господь стал в ближайшее отношение к человеку. Дивно! Сам Бог соединен в одно лицо с человеком. Бог стал плотию — «Слово плоть бысть» (Ин. 1, 14).

Особенно любезны для Него сами люди, коих душу и тело Он принял в единство Своего Лица и, особенно, истинные христиане. Он в них — и они в Нем».

Христос в человеке

«Рассуди, как велик человек: «Бог в нем пребывает, и той в Бозе» (1 Ин. 4, 15), так что в благочестивом христианине живет как бы не человек, а Сам Христос: «живу же не ктому аз, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20), потому что вся душа делается Христовою. Как железо в горящих угольях, все делается огненным, как бы горящим углем: все — огонь, все — свет, все — теплота».

«Помни, что человек — великое, дорогое существо у Бога; но это великое создание, по падении в грех, есть немощное создание, подверженное тысячам слабостей. Люби его, почитай его, но и вместе переноси его немощи, слабости, страсти, поступки. «Возлюбиши искренняго твоего» — грешный грешного — «яко сам себе» (Мф. 19, 19). «Немощи немощных носити», и так исполните закон Христов (Рим. 15, 1). Велики эти слова: размысли о низ глубже. Они то же значат, что Слова молитвы Господней: «мы оставляем должником нашим».

«Надо помнить всегда, что человек есть дыхание уст Божиих, образ Божий — Отца и Сына и Святого Духа, а грехи и немощи в нем — дело случайное, отвне произошедшее, грязные пятна, которые благодать удобно очищает: «окропиши мя иссопом, и очищуся, омыеши мя, и паче снега убелюся» (Пс. 50, 9). Надо помнить, что «тако возлюби Бог мир», — хотя он прелюбодеен и грешен, — «яко и Сына Своего единородного дал есть, да всяк, веруяй в Онь, не погибнет, но имать живот вечный» (Ин. 3, 16). И нам с Господом (по-Божьи) надо любить всякого человека, как себя. Мы любим себя, хотя мы и великие грешники: любить надо и другого, хотя он и грешен; ибо нет человека не грешника».

В христианстве — больше, чем при творении

«Человек есть чудное, величественное, премудрое, художественное произведение совершеннейшего Художника-Бога; оно было в начале нескверным.

Впрочем, премудрый и всемогущий, всеблагий Художник не допустил совсем погубить врагу Своему и нашему Своего художества, Своего прекрасного и величественного творения, и опять восстановляет дело рук Своих в прежнее и даже большее благолепие и славу.

Слава Тебе, всеблагий, премудрый и всемогущий Художниче!»

Уважай себя, как образ Божий

«Помни, что этот образ — духовный, и ревнуй об исполнении заповедей Божиих, остерегайся нарушить малейшую заповедь Божию, это нарушение разрушает в нас подобие Божие и приближает нас к подобию диавола. Чем больше будешь нарушать заповеди Божии, тем больше будешь уподобляться диаволу».

Человек — чудо

«Мы привыкли к делам Божиим и мало их ценим; даже человека — величайшее дело и чудо премудрости и благости Божией — далеко не ценим так, как бы следовало. Смотри на всякого человека, домашний он или чужой, как на всегдашнюю новость в мире Божием, как на величайшее чудо Божией премудрости и благости, и привычка твоя к нему да не послужит для тебя поводом к пренебрежению им. Почитай и люби его, как себя, постоянно, неизменно».

VI. Церковь Божия и Церковь Небесная

Говорилось уже о Церкви

Уже достаточно говорили мы о Церкви прежде. Помним, что о. Иоанн твердо верил во «единую» Церковь; и не только — в смысле единения членов земной Церкви, но и в единство Церкви Небесной и земной. Для него не существовало отделения одной от другой: это было единое Тело под единой Главой, Господом Иисусом Христом. Это были лишь две половины одной Церкви.

Поэтому между ними была самая тесная связь, — особенно со стороны Небесной Церкви: мы даже и не представляем себе такой связи! А Батюшка ею жил! Можно даже дерзнуть сказать: Небесная Церковь был для него реальнее, чем земная! Не говорим уже о том, что ему было любезнее, милее, дороже... Стоит лишь вспомнить, как он читал в храме каноны: он даже не читал, а беседовал с Богом, Божьей Матерью, с сонмом святых! И беседовал с великой верой! Даже можно сказать: требовательно молил!

Поэтому мы тоже выпишем немного о Церкви.

Церковь всегда с Господом

«Аз есмь лоза, — говорит Господь, — вы же рождие» (Ин. 15, 5), то есть Церковь едина, Святая, Соборная и Апостольская. Потому-то, как свят Господь, так свята и Церковь; как говорит Господь, «Я есмь путь и истина и живот» (Ин. 14, 6), так и Церковь, потому что Церковь одно и то же с Господом, есть тело Его от плоти и костей Его (см.:Еф. 5, 30), или рождие Его, внедренное от Него — в лозу живую, и питающееся от Него и возрастающее в Нем — Церковь никогда не представляй отдельно от Господа Иисуса Христа, от Отца и Святого Духа».

Кто в Церкви?

«Позна Господь сущия Своя, и да отступит от неправды всяк именуяй имя Господне» (2 Тим. 2, 19). Кто сущия Господа? Те, которые живут не для плоти и крови, но духом и умом Господа, которые борются со страстями и побеждают их, которые подвизаются за правду, которые горняя мудрствуют и горе зрят, и не долу; те, которые имеют непрестанно в сердце своем заповеди Господни и неуклонно им следуют, а если и падают по немощи и навыку, то сейчас и восстают; которые для Господа души свои полагают и умереть за Него и за правду и истину не отрицаются».

Мы все — члены Церкви

«Велико и достаточно тело Церкви Святой, коей глава Сам Иисус Христос. Помни, что ты в этом великом и досточтимом теле — ничтожный, немощный член, и что ты все получаешь от главы тела Церкви — Христа и одушевляешься Духом Его. Помни, что в теле Церкви есть миллионы членов сильных, получивших от Духа Святого великие и многоразличные дарования духовные, каждый по мере своего достоинства и приемлемости. Уважай в каждом христианине члена Христовой Церкви и храм Духа Святого — не почитай никого по гордости невеждою в истинах веры, лишен-

ных дарования Духа: ибо «всяческая и во всех Христос» (Кол. 3, 11), всем Господь внутренно являет Себя, всех просвещает по мере приемлемости каждого, всякому без лицеприятия и уделяет дары Свои. — И так говори в себе: я маленький член в великом досточестном теле Церкви. Я должен с любовью и уважением относится ко всем прочим членам, как к возлюбленным дорогим членам Христа Моего».

Верь Церкви

«Признай твердо, однажды навсегда, за неотменную истину, что сердце твое ложь и столп лжи, — всяк человек — ложь (Пс. 115, 2); а все, что есть в Церкви, начиная со слова Божия до самой краткой молитвы, есть истина, что Церковь Божия есть «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15), как основанная на краеугольном камне — Христе, Который есть Истина, и одушевляемая и руководимая в век Духом Святым, Который есть Дух истины».

«Итак, братие, ВСЕ ВЫ, как живые камни, созидайтесь в духовный храм — возносить жертвы духовные, благоугодные Богу Иисусу Христу, Господу нашему (см.: 1 Пет. 2, 5), — и твердо надейтесь получить вечное спасение о Христе Иисусе при вашей вере и делах любви. О, какое премудрое здание нашего спасения. Церковь, какое надежное здание! Какие руководители и ходатаи! Сам Господь, Владычица Богоматерь, ангелы Господни, святые Божии человеки! Утверди, Боже! Просвети нас, Боже!»

«Истинное покаяние и прощение грехов человек может иметь только в Церкви, которой дана власть вязать и решить... между тем многие неразумные, несмыслящие, самомнительные в духовных вещах оставили Церковь Божию, источник воды живой, и выкопали себе дырявые ведра, не могущие содержать воды».

«Церковь — есть видимый союз Бога с человеком, Царствие Божие на земле».

«Единая Церковь, сущий дом Божий, одно тело, Коего глава — Сам Господь Иисус Христос, а душа Сам Дух Святый, одушевляющий, просвещающий, очищающий и укрепляющий всех подвизающихся на земле членов сего великого тела».

«В сем Дому Божием все — близки между собою, как члены друг к другу; все здоровые и немощные члены, небесные и земные помогают друг другу... И таким образом великая милость Божия обильно проливается на Церковь, на всю полноту ее. Глубокая и утешительная истина».

Отчего среди двух или трех Христос?

«Идеже бо еста два, или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их» (Мф. 18, 20). Отчего преимущественно двум или трем обещается соприсутствие Божие? Оттого, что там, где двое или трое собрались во имя Христово, — Церковь, единение веры и любви, там взаимная любовь. «О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою» (Ин. 13, 35).

Скоро слышит Бог молитву двоих или троих молящихся от сердца вместе. — Опыт».

Заклание Агнца на проскомидии

«Совершаю проскомидию и закалаю Агнца Божия, вземлющего грехи мира и мои, я, так сказать, спостражду Ему, закалаемому всякий раз, и уповаю спастись Его страданиями и кровию, вместе и смертию Его за грехи мира и мои, и потому должен с крайним благоговением и любовию совершать образное заклание Агнца Сего, Коего Бог Отец дал на спасение наше. «Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк, веруюяй в Онь, не погибнет, но имать живот вечный» (Ин. 3, 16).

Мнение о натяжке при чтении

«Когда во время чтения канонов и акафистов Спасителю и Божией Матери и канона Ангелу хранителю и при чтении молитв, диавол будет шептать в сердце: неправда — неправда, натяжка — натяжка, и будет похищать от сердца силу (истину) слов молитвенных, тогда будь яко глух не слышай, — буй и юрод (ср.: Пс. 37, 14; 1 Кор. 3, 18).

Ни на мгновение не соглашаясь сердцем на ложь врага и не мудрствуя его адскою лживою мудростью, веруй твердо истине всей полноты церковных молитв и песнопений, зная, что это есть вещание Духа Святого, устами святых человеков возгласившего хвалы, подобающие Спасителю, Божией Матери, святым <...> и наши немощи и окаянство. Помни, что Церковь — есть «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15)».

Самодельная церковь

«Многие лютеране и англикане считают чем-то неестественным, противным Богу, идолопоклонством и ересью, и не только в домах своих, но и в храмах своих не имеют икон и считают за грех иметь их и поклоняться им, чрез что чрезвычайно много теряют для веры и благочестия, ибо, прервавши видимую связь со святыми, они чрез то порвали и связь невидимую, между тем как рвали связь и с умершими, потому что не молятся за них и не приносят жертв по душам их, — жертв, которыми благоугождается милосердый Бог, и тем показывают свое неверие в силу молитв Церкви за умерших. Что же это и за Церковь, — та Церковь, которая неразумно и дерзновенно порвала связь с Небесною Церковью торжествующею, прервала общение с умершими в молитвах и прервала общение с Церковью, исповедующею веру Христову в первобытной чистоте?! Есть ли это живое и святое тело Церкви?! Можно ли назвать тело организованным и живым одно туловище без головы и без рук и без ног, без глаз и без ушей? И такое общество провозглашает еще свою веру очищенною, истинною верою и чуждается обрядов нашей веры святой, непорочной. Та ли вера очищенная, которая отвергла священство и прочие таинства, кроме крещения и причащения, которое, впрочем, не действительно, — отвергла почитание святых, их мощей, икон, посты, монашество, молитвы за умерших? Это ли вера евангельская? Это ли Церковь Христова Апостольская? Нет, это — самодельная церковь, составленная по произволу человеческому, под влиянием страстей человеческих и угождающая страстям человеческим; это истина в неправде (см.: Рим. 1, 18), это превращенное благовествование Христово; это — развращение или

отвращение людей Христовых во ино благовествование, о котором Апостол сказал: «аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет» (Гал. 1, 8). Это не Церковь, а душепагубное рассечение тела Христова».

Церковь Небесная

«Матерь Божия наша Мать по благодати. Через воплощение Его (Сына Божия) Пресвятая Дева Богородица сделалась всеблагомощною нашею Заступницей и Покровом от грехов, бед и напастей, день и ночь за нас молящуюся, Царицею и Владычицею нашей пред силою, перед Которой никакие враги видимые и невидимые стоять не могут, — и Самою Матерью нашей по благодати, согласно словам Господа на кресте ученику Своему Иоанну: «Се — Мати твоя, а Ей: «се сын Твой» (Ин. 19, 26–27). Слава щедротам Твоим, Господи».

«Дева Мария — Владычица, благосерднейшая всех сынов и дщерей человеческих, как Дщерь Бога-Отца, Которая есть Мать Бога Слова — любви нашей, избранная Невеста Духа Святого, Иже есть Мать единосущная Отцу и Слову. Как не прибегать к такой Владычице и не чаять от Нея всех благ духовных!»

«Молитесь, братия мои, Матери Божией, когда буря вражды и злобы восстает в доме вашем. Она, всеблагая и всеблагомогучая, удобно и премудро может умирить сердца человеческие... Скоро, быстро... Ревнуйте и сами о сохранении веры и любви... (иначе) не удостоитесь предстательства о вас пред Богом Божией Матери».

Молитва Самой Божией Матери

«Сотвори державу мыщцею Своею: расточи гордыя мыслию сердца их». «Сотвори державу мыщцею Своею» — то есть Господь чрез воплощение воцарился над врагами нашего спасения и, победив их державно и Свою Матерь соделав державною Царицею неба и земли, «расточи гордыя мыслию сердца их» — то есть диавола и его споспешную силу, духов злобы, победил их на кресте: денницу и сатану, царствовавшего над родом человеческим, и «вознесе смиренныя» — то есть Божию Матерь и всех смиренных христиан; «алчущыя исполни благ» — например, Ту же Пречистую, благодатную Владычицу и прочих святых, — «и богатящыяся отпусти тщы» (Лк. 1, 51–54), то есть бесов, обогативших было бездны адовы пленницами — душами человеческими, которые снисшедшим во ад Спасителем изведены к свету Царствия Христова».

Матерь мира и Заступница от злых сил

«Мир и любовь от единого Бога происходят, как от своего Источника, а Владычица — в Боге, едино с Богом, и как Матерь Христа-Мира, ревнует и молится о мире всего мира, паче же — всех христиан. Она-то имеет всеблагомощие манием Своим прогонять от нас духов злобы поднебесных, этих неусыпных и усердных сеятелей между людьми злобы и вражды, и всем, с верою и любовию притекающим в державный покров Ее, подает скоро, быстро мир и любовь».

«Божия Матерь — одна плоть и кровь со Спасителем, как Матерь Его. Какая безмерная заслуга Ее по благодати Божией, что Она стала Матерью Самого Бога!.. Господь, кто опишет величие Девы Богородицы?!. Недоумевает всяк язык благохвалити по достоянию! Изумевает же ум и премирный (ангельский) пети, Тя, Богородице... (Ирмос на Крещение). Единою мыслью и простым сердечным движением будем призывать Ее. Она едина с Богом, как и святые!»

Матерь Божия смиреннейшая

«Будем всегда... усердными и благоговейными чтителями Матери Господа Всевышнего, ибо достойно есть яко воистину блажити Ее, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную, высшую всей твари, Заступницу рода человеческого. Старайтесь воспитать в себе дух смирения, ибо ОНА САМА СМИРЕННА, как никто из смертных, и любовию призирает только на смиренных. «Призре на смирение рабы Своея (говорит Она о Себе Елисавете) о Бозе Спасе» Своем (Лк. 1, 48 и 47)».

Смирение Божией Матери

«Божия Матерь несказанно велика по своим внутренним совершенствам (вся слава Дщери Царевы внутрь) и по Своей близости к Богу, но в то же время, при необъятном величии, глубоко смиренна. И потому с величайшим смирением, как муравей, как червь приступай к Ней всякий и отбрось далеко от себя всякую надменность своими дарованиями, своим образованием, достоинствами и отличиями, тленным богатством. Молясь не с подобающим смирением, благоговением и простосердечием Ей, мы сильно оскорбляем чрез то Самого Господа, Коего слава нераздельна со славою Его Матери и Который призирает только на смиренных».

Матерь Божия ходатайствует за нас

«Мы молимся всеблагой и всенепорочной Матери Божией — и Она молится о нас. Мы прославляем Ее — Высшую всякой славы, и Она уготовляет нам самим вечную славу. Мы говорим Ей часто: «радуйся», и Она у Сына Своего и Бога просит: Сын Мой возлюбленный, дай им и вечную радость за приветствие Меня радостию». (Мне пришлось прочитать, что о. Иоанн пришел в Рижский женский монастырь, когда там читали акафист Божией Матери. Он прервал его и сказал монахиням: «Славьте, славьте Царицу Небесную, да и Она прославит вас в Царствии Сына Своего». — *М. В.*)

Молитва Божией Матери

«Божия Матерь непрестанно молится о мне Господу, Сыну Своему, о спасении моем и милостиво взирает на борьбу мою с грехами, заступая меня от стрел вражиих. Величай, душе моя, непрестанно Матерь Божию, по Бозе Заступницу».

Владычица присуща всякой Своей иконе

«Всегда Она свята и пресвята вечно, непоколебимо, неизменно, и Она на всяком месте есть, всякой иконе Своей присуща и одним начертанием Ее лика и имени, и лика Спасова и имени Его, уже освящает вещество

самим ликом Своим и начертанием имен. В простоте сердца взирай на всякую икону, а сомнение — от диавола, чтобы отвлечь от сердечной молитвы. Говори ему: вся земля свята, на всяком месте владычество Господа моего и Пречистой Его Матери — Владычицы всего мира; на Нее, Пречистую, сердечными очами взираю, а не доске поклоняюся: изображение сделано только в помощь моей немощи».

(*Примечание:* В последние приблизительно 10 лет о. Иоанн много печатал о католичестве, что оно исказило чистоту православного христианства, особенно сильно, и даже резко он восставал против папизма, наместничества Христа папами, против мнимой непогрешимости их, искажения Евангелия о главенстве ап. Петра, причащения под одним видом Тела, вопреки Евангелию, и т. д. Но мы об этом не находим нужным распространяться, так как это собственно к Православию не относится. Да и он сам признавал их священство, христианство вообще и т. д. — *М. В.*)

«Если бы Ангелы хранители не охраняли нас от козней злых демонов, о, как часто бы тогда мы падали из греха в грех! Как бы мучили нас бесы, услаждающиеся мучением людей... Да, Ангелы мира — верные наставники, хранители душ и телес наших — всегда с нами, если мы добровольно не отгоняем их от себя мерзостью плотоугодия, гордости, сомнения, неверия. КАК БЫ ЧУВСТВУЕШЬ, что они покрывают тебя крылами невещественныя славы своея, — и только не видишь их. Мысли, расположения, слава и дела добрые — от них».

Святые ангелы прекротки

«Святые Божии человеки — лучшие, добрейшие, верные наши братия и друзья, столь часто помогающие нам в разных обстоятельствах, в которых никто из людей помочь не может».

«Когда молишься небесным силам, не представляй их очень грозными, недоступными, немилостивыми. Нет, это существа прекроткие, смиренные, благочестивые, любящие, доступные и любообщительные, близкие к тем, кои с искреннею верю и любовью призывают их в своих молитвах. Их СВОЙСТВО — ЛЮБОВЬ К ЕДИНЕНИЮ со всеми христианами через молитву веры. Еще, когда молишься небесным силам, презирай все земное, как тленное, и всем сердцем люби жизнь Небесную, духовную и стремись к ней. Им всегда приятно видеть наше истинное любомудрие, наше желание — сделаться их согражданами, к чему мы и призваны по благодати Иисуса Христа и в Пребожественной Троице».

«С именем Иисуса Христа, или с искреннею мыслию об Иисусе Христе, СОЕДИНЕНА ВЕЛИКАЯ СИЛА, прогоняющая страсти и успокаивающая сердце. Перенести это и на имена св. ангелов и св. Божиих человеков, начиная с Божией Матери, до святых и праведных и Христа ради юродивых. ТОЛЬКО ИСКРЕННО ПРИЗОВИ ИХ ИМЕНА И ПО БЛАГОДАТИ БОЖИЕЙ ПОМОГУТ И ОНИ ТЕБЕ».

«Из собственного опыта живой, сердечной молитвы можем знать, что святые приняты в ближайшее общение с Богом».

Святые велики

«Святые Божии велики по своему душевному расположению, по своей вере, по своему твердому упованию на Бога и горячей любви к Богу, для Которого презрели все земное. О, как мы пред ними ничтожны, как на них не похожи! Велики они по своим подвигам воздержания, бдения, поста, непрестанной молитвы, упражнения в слове Божием, в богомыслии. О, как мы на них не похожи!»

Святые — братья и друзья

«Святые ангелы и святые Божии человеки — лучшие, добрейшие, верные наши братья и друзья, столь часто помогающие нам в разных обстоятельствах, в которых никто из людей помочь не может. Так как эти братья, вечно живущие и благодетельствующие нам, невидимы, а мы по своей телесности — хотим их иметь пред своими глазами, как бы находящихся всегда с нами, то мы делаем их изображения, и, смотря на их изображения, нам представляется, что они с нами, и мы призываем их в молитвах своих, зная, что они имеют великое дерзновение пред Богом и помогают нам в разных обстоятельствах. Таким образом иконопочитание весьма благодетельно для нас...

Все истинные христиане имеют образ Матери Божией и своей по благодати Царицы и Матери в своих домах и избыточно, достойно и праведно украшают образ серебром, золотом, драгоценными камнями, ибо нет никого для них дороже и почтеннее после Бога, как Пречистыя Матере Его».

Святые — добры

«Святые — добрее, чем мы думаем; и скорее, чем мы думаем, приходят на помощь к нам, по нашей молитве».

Святые ищут подобных

«Святых призывай с верою непостыдною и любовию нелицемерною, если хочешь, чтобы они слышали тебя и исполняли твою молитву. Помни: подобный подобного ищет. Святые сами угодили Богу верою и любовию, и от тебя того же хотят».

Красота твари и святых

«Какой прекрасный вечер солнечный! Какое прекрасное небо! Какие изумрудные луга, леса! О, сколь прекрасен Создавший все — небо и землю! Сколь Он велик, премудр, всеблаг, всесилен, пресвят, всеправеден, превечен! Как пред Ним все ничтожно! Сколь блаженны святые, возлюбившие Его паче всего, подвизавшиеся, шедшие тесным путем, победившие грех, венчавшиеся живоначально рукою Все-Творца, Подвигоположника, Вождя, Спасителя: «Побеждающему дам сести со Мною на Престоле Моем, якоже и Аз победих, и седох со Отцем Моим на Престоле Его» (Откр. 3, 21)».

Святые — не боги

«Лютеране говорят: «К чему нам просить молитв святых за себя. Мы просим Самого Бога», и сами себя опровергают: ибо зачем они просят пас-

тора молиться за себя? Молились бы без пастора, если всякий имеет одинаковый доступ к Богу и нет нужды в освященных молитвенниках за нас.

Как просим живых священнослужителей и молитвенников за нас пред Богом, чтобы они помолились о нас, так просим и небесных молитвенников, по любви своей к Богу имеющих великое дерзновение пред Ним; притом весьма многие из них и здесь, на земле, были молитвенниками и ходатаями пред Богом за мир; там — на небесах — эта деятельность их только продолжается, имеет большие размеры и особенно сильна, ибо не отягощается тяжелою и косною плотию. Все святые, хотя кончили земное поприще, но и живы: «Бог же несть Бог мертвых, но живых: вси бо Тому живи суть» (Лк. 20, 38).

Великая степень гордыни человеческой обнаруживается в том, когда простой смертный дерзает сравнивать себя со святыми Божиими и не видит их великих и дивных совершенств, собственными подвигами приобретенных ими, при содействии благодати Божией, — совершенств, которые Сам Бог увенчал и прославил в них. Он говорит: для чего я буду чтить их, особенно молиться им? Они такие же люди, я молюсь одному Богу, а не знает того, что Сам же Бог повелевает нам просить за себя молитв праведников. «Точию лице его прииму» (Иов. 42, 8). Не говори: я обращаюсь всегда прямо к одному Богу с моими нуждами, с моею молитвою. Иногда тебе надобно обратиться и к святым, его орудиям или органам. Сам Господь не хочет, чтобы оставались праздными в деле нашего спасения святые храмы Его благодати, Его Божественного Духа».

VII. Святые Тайны

Краткое предисловие

Мы не будем входить подробно в рассуждения об этом, так как нами оставлена особая книга «Небо на земле», где излагаются мысли и чувства о. Иоанна о литургии.

Как известно, в жизни Батюшки и в отношении его к богомольцам вопрос о Св. Причащении занимал — после молитвы — первое место. Поэтому всякий, кто соприкасался с о. Иоанном лично или же читал его творения, поражался необыкновенной верой его в Св. Тайны. Он о себе самом говорит, что Св. Причастие давало ему и другим: и оживление, и благодатную радость, и избавление от диавола, и прощение грехов, и исцеление от телесных болезней, и силу, и дерзновение, и мир души. Он действительно жил причащением: во Св. Тайнах он имел непосредственное общение с Богом! Чего же больше для человека, который только и жил Богом и в Боге?!

И в молитвах ко причащению св. Симеон Новый Богослов говорит: Господь приобщающихся «творит причастниками Света», и соделывает их «общниками Божества». Поэтому называет Св. Тайны — страшно даже произнести! — «боготворящими», коими «оживляется и обожается всяк ядый

и пияй чистым сердцем». При этом приводятся слова Господа Иисуса Христа: «Всяк, ядый Мою плоть и пияй Мою кровь — во Мне убо сей пребывает, в нем же и Аз есмь» (Молитва шестая).

Поэтому Батюшка старался служить литургию и приобщался каждый день — до самой смерти. И когда в последние десять дней он, по слабости, уже не мог сам служить, то просил причащать его Св. Тайнам. В последние часы его жизни, специально ради него, отслужили раннюю литургию, в 2 часа ночи, и успели еще причастить его — только Святою Кровию. А в 7 часов он скончался.

И не удивительно, что один писатель, — прежде лишь слышавший о нем, а после уже его смерти прочитавший книгу «Моя жизнь во Христе», — был поражен больше всего именно поразительными воззрениями Батюшки на Св. Причащение, о чем и писал потом.

Потому и богомольцы, конечно, чтили его, слушали его богослужение, поучались проповедям, но больше всего стремились, как и он сам, ко Святому Причащению. Это мы видим сами. Иные старались причащаться каждый даже день. Правда, они стремились причащаться именно у самого Батюшки: но разве это удивительно?! Конечно, Св. Тайны совершаются и преподаются каждым священником, — ибо истинным совершителем их является «Приносяй и Приносимый» Христос, но совершенно понятно, что ревностные богомольцы хотели причащаться непременно из рук Батюшки. И хотя по этому предмету прежде уже много говорилось, но мы и еще будем делать выписки. И если повторимся, это не беда!

Причина установления Святых Таин

«Господь, зная немощь нашей природы, помраченной и отягченной грехом, трудно возвышающейся к Богу верою, благоволил снизойти к нам до подобия нашему существу, до принятия зрака рабия, плоти человеческой. Такова любовь. Но так как Ему нельзя было вечно оставаться в человеческом теле на земле, а нужно было, по планам домостроительства, вознестись с ним на небо: то для немощи всех будущих родов человеческих, и для напоминания о Своей вечной к ним любви, о Своих страданиях и смерти, Он пресуществляет Духом Святым простой хлеб в Тело Свое и простое вино в Кровь Свою, и в это Тело и в эту Кровь весь вселяется Духом Своим, так что в видах хлеба и вина всецело находится Сам Жизнодавец Христос-Господь. О любовь неизреченная, поистине божеская!»

В святом причащении — вся полнота Божества

«Как в Иисусе Христе «обитает вся полнота Божества телесно» (Кол. 2, 9), так и в животворящих Тайнах Тела и Крови Его. В малом человеческом теле — вся полнота бесконечного, невместимого Божества, и в малом агнце, или хлебе, в каждой малейшей частице его — вся божественная полнота. Слава всемогуществу и благости Твоей, Господи!»

Святые Тайны — претворяются Духом

«Дух есть, иже оживляет» (Ин. 6, 63). Духу Господню в тварях принадлежит оживотворение их со времени их творения, а Сыну Божию — сотворе-

ние, приведение их от небытия в бытие. Поэтому и Тело и Кровь Христовы прилагаются Духом Святым из хлеба и вина, как и во утробе Девы Пречистой Плоть Его сотворена Духом Святым от кровей Ея; Дух Святый созидает нас во чреве матери нашей; Духу Божию принадлежат наши духовные блага».

«В таинствах все совершается ради благодати священства: ради Самого верховного Первосвященника — Христа, Коего образ носит на себе священник. Поэтому, хотя он и недостаточно носит на себе сан, хотя и есть в нем слабости, хотя он маловерен или недоверчив, тем не менее Тайна Божия совершается вскоре, в мгновение ока».

«На трапезе любви бываем у Самой воплощенной любви (у Христа), а любви не имеем друг на друга. Странное дело: и заботы о сем нет. А сама любовь без нашего усердия и старания и деятельности не придет».

Когда совершается пресуществление?

«Претворение хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы совершается тотчас по произнесении слов: «Сотвори убо хлеб сей честное Тело Христа Твоего, а еже в чаши сей — честную Кровь Христа Твоего, преложив Духом Твоим Святым», — после этих последних слов и благословения крестообразною рукою во мгновение хлеб и вино прелагаются в Тело и Кровь Христову, но не прежде, ибо Божественное всемогущество ожидает содействующего Ему слова священника, «Богу бо есмы споспешницы» (1 Кор. 3, 9). Крестное при этом благословение именем Господним означает то, что Тайна совершается Духом Святым о имени Иисуса Христа и ради Иисуса Христа, ради Его ходатайства, благоволением Бога Отца».

При Евхаристии священник — орудие

«Помни, что совершение животворящих Тайн есть неизменное соизволение животворящей Троицы, от сложения мира предопределенное; не быть оно не может. Когда ты совершаешь Тайны, то Сам Бог Отец Духом Своим Святым прелагает хлеб и вино в Тело и Кровь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, — ты только орудие; Сам Отец, Сын и Дух Святый чрез тебя совершает литургию и освящает Дары. Ты еси приносяй и приносимый, говорится, Христе Боже наш (Молитва иерея на литургии пред Херувимской). Помни же неизменяемость Божию и верность во всех словесех Его».

Таинства совершаются и у недостойных священников

«Это, то есть уверенность в удобоисполнимости — как относительно таинств, так и вообще духовной молитвы. Впрочем в таинствах все совершается ради благодати священства, которою облечен священник, ради Самого Верховного Первосвященника — Христа, Коего образ носит на себе священник, — поэтому хотя он и недостойно носит на себе сан, хотя и есть в нем слабости, хотя он мнителен, маловерен или недоверчив, тем не менее Тайна Божия совершается вскоре, в мгновение ока».

Высокое достоинство причастников

«Чего мы удостоены!.. Какой чести, обожения, соединения с Божеством! Ибо мы чрез причащение Пречистого Тела и Крови Христовой становимся

плотию от плоти Его и костию от костей Его и страшными для демонов — если только будем твердо хранить в себе этот дар Божий и не будем, как прежде, легкомысленны и поползновенны и падки на грех».

Величие священника

«В каком лучезарном Божественном величии предстоит Престолу Божию священник во время литургии, особенно во время совершения бескровной, святейшей, пренебесной, страшной жертвы, претворения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы! На него ангелы взирают с благоговением и некоторою ревностью, созерцая такое снисхождение к нам Божие, такое сращение Господа Бога с нашим бренным естеством. Священник здесь является ближайшим посредником между Богом и повинным человеком, ходатаем за Церковь, за весь мир!»

Святые Тайны — все для отца Иоанна

«Без Бога я — ничтожество, хуже — всякое зло; и потому-то я имею сильный повод за всем прибегать с прошением к Богу. Особенно я имею сильный повод благодарить Бога моего за пречистые и животворящие Его Тайны — Тело и Кровь — они все для меня».

Отец Иоанн часто причащался

«Вот моя пища и питие — Тело и Кровь Господа моего, они неотъемлемы от меня; доколе священник, я каждую неделю могу причащаться их, и большею частию несколько раз в неделю».

Чему удивляться в Тайнах

«Чему дивиться? Простоте ли, или величию Тайны Твоей Крови Христовой? Естественных или видимых, и осязаемых и вкушаемых видов таинства, или сверхъестественности, премудрости, искусительности чудной правды и святости оправдывающей и освящающей с верою причащающихся и животворности ощущений существом другим и тела причастников!»

«Чудо чудес! Земные умы человеков не могут вместить сего и не верują Тайне Божией!»

«Св. Тайны — действительнее всякой действительности и существеннее всякой существенности видимой и невидимой, вернее всякой верности. И слово Господне в том порукою — и существа вещи, и опыта непрестанно верующей души».

Чудо пресуществления хлеба и вина

«Из постоянного чуда пресуществления хлеба и вина в истинное Тело и Кровь Христову, с Его Божеством и душою соединенные, я вижу чудо постоянного оживотворения человека Божественным дыханием и сотворения его в душу живу. И бысть, сказано, «человек... в душу живу», а на св. трапезе хлеб и вино по пресуществлении становятся не только «в душу живу», но в дух животворящих (1 Кор. 15, 45; см.: Быт. 2, 7).

И это все на моих глазах; и я это испытываю душою и телом, ощущаю живо. Боже мой! Какие страшные Таинства Ты творишь! Каких неизглаго-

ланных Таин Ты сделал меня зрителем и причастником. Слава Тебе, Творче мой! Слава Тебе, Творче Тела и Крови Христовых!»

До и после причащения

«После причащения изменяюсь и я чудным изменением. До причащения я иногда страшусь себя, как чудовище; потому что вижу внутри себя бездну всякого зла, сдерживаемого и подавляемого напряжением к противоположным ему добродетелям, а после причастия я становлюсь чистым, кротким ангелом, — что само по себе для меня невозможно; во мне затихает, замирает стоглавое чудовище греха; я уже не страшен себе, а совершенно доволен собою: такой во мне мир, такое чудное спокойствие! Слава, слава, слава Божественным Тайнам!»

Цени причащение

«Цени по достоянию величайшее чудо Иисуса Христа, Сына Бога Живого, являемое в причащении с верою Его Божественным Тайнам. Какое же чудо? Упокоение и оживотворение твоего сердца, умерщвленного грехом, столь явное, после предшествующего часто причащению сердечного беспокойства и духовной смерти. От привычки не почитай его (таинство) никогда за нечто обыкновенное и маловажное: такие мысли и расположения сердца навлекают на тебя гнев Господень и ты не будешь после причащения вкушать мира и жизни!»

Осязательное действие Святых Таин

«Ядый Мою плоть, и пияй Мою кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин. 6, 56). Это осязательно и опыт подтверждает это. Преблажен, преисполнен жизнью тот человек, который с верою причащается Св. Таин, с сердечным раскаянием во грехах. — Эта истина осязательна, ясна еще из противного. Когда без истинного раскаяния во грехах и с сомнением приступаешь к Св. Чаше, тогда входит в тебя сатана и пребывает в тебе, убивая твою душу, и это бывает чрезвычайно ощутительно».

Бодрость отца Иоанна от причащения

«Чудно обновляюсь я Божественными Тайнами Тела и Крови Христовых всякий день даже доселе — до 70 года моей жизни, и как бы не стареюсь, сохраняюсь благодатию свежим и бодрым в душе и теле. Благодарю, благодарю, благодарю за сие и за все милости Господа моего Иисуса Христа. А сколько сил Его, сколько побед совершено Им во внутреннем моем мире — нет числа! Слава, слава, слава Богу в Троице.

Наглядное доказательство истины слов Спасителя: «Ядый Мою плоть, и пияй Мою кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин. 6, 56). Я ежедневно с благоговением совершаю литургию и причащаюсь Св. Таин, и вот плоды этого причащения: очищение, освящение, обновление, победа над страстями, мир душевный, свобода, дерзновение, радость о Дусе Святе, — молитва о себе и о других, сопровождаемая чудными действиями внутри и вовне и в душах многих; исцеление от просфор и от всего, что я пью и ем, и даю другим приемлющим с верою; животворность общения в молитве и беседах с людьми».

О частых причастниках

«Не огорчайся на тех, которые желают чаще причащаться Св. Таин Тела и Крови Христовой, но люби их и радуйся за них пред Богом; ибо Господь влечет их сердца, испытавшие сладость общения с Ним в сих Тайнах. Ведь и ты сам часто приобщаешься, служа литургию. Не огорчайся и на больных, тоже желающих в домах, где лежат они, и не облениись заходить к ним. Ибо они желают общения с Богом и исцеления от Него; и нет выше и почтеннее служения, как приобщать больных Тела и Крови Христа Бога, ибо Кого ты носишь? Какое житомерие творишь? (См.: Лк. 12, 42.) Твое служение выше ангельского, ибо они со страхом взирают на страшную и спасительную тайну, а ты носишь Самого Христа Бога, и преподаешь Его верным».

Плоды Святого Причащения

«Господь не только Божеством, но и душою и телом Своим присутствует по всей земле, везде сообщаясь верующим весь нераздельно и производя в них сладостные плоды: очищение грехов, освящение душ и телес христианских, праведность, мир и радость о Дусе Святе, соединяя всех с Собою, со Отцем и Святым Своим Духом.

Знаем, кроме того, что Он и чрез усердную молитву вселяется в души верующих со Отцем Своим и Духом Святым».

Опытное ощущение Святых Таин

«Кровь Иисуса Христа, Сына Его очищает нас от всякого греха» (1 Ин. 1, 7). Не верою только усвояем мы сердце своему эту истину, но и опытом. Я, грешный, очищен тысячекратно от грехов и находил свидетельство в своей совести и в своем сердце об этом спасительном радующем очищении».

Спаситель и диавол

«Все надо знать и веровать, что есть духовный, смертоносный змий, называемый диаволом и сатаною, осужденный Творцом на вечное мучение, могущий увлечь в вечную муку людей неверующих и беззаконных и нераскаянных. Всем также надо знать и веровать, что от Бога послан в мир Спаситель, чтобы спасти людей от смертоносного жала этого змия — греха и вечной смерти, и что этот Спаситель всем подает Свое спасительное врачевство против угрызений этого змия: веру, молитву, покаяние и Св. Тайны Тела и Крови Своей».

Благодатные действия Святых Таин

«Господь верно достигает Своей цели обновления нашего растленного грехом естества чрез Свои пречистые, животворящие Тайны Тела и Крови. Если я достойно причащаюсь, я видимо обновляюсь, оживаю после смерти греховной: в моем уме — необыкновенный свет; в сердце — мир, радость о Дусе Святе. Я познаю опытом благое иго и легко бремя моего Господа, животворно касающегося умерщвленной грехом души моей. А как боголепно Господь всегда являет Себя в животворящих Тайнах! Чтобы причаститься их достойно, животворно, я всегда должен приближаться к Богу верою, смирением, про-

стосердечием и чистосердечием. Причащаясь Его Таин, я вижу, что Он всегда Один и Тот же — Всесвятый и Всеправедный, Его величие в Св. Тайнах всегда одинаково; душа моя посрамляется, если я причастился недостойно, а если достойно — то торжествует, веселится. О, какую сладость, какой мир разливает во мне достойное принятие животворящих Тайн! Я молю тогда Бога, чтобы он сподобил меня пред кончиною моею причаститься их умиленною душою и сокрушением, детски верующим сердцем, чтобы аще и пойду посреди сени смертныя, не бояться мне с моим Господом никакого зла».

Твердость по причащении

«Облекшись во Христа верою и причастием Св. Таин, я бываю словесен и тверд, как скала. Христос полнота для меня всех благ, а главное сладкий, пресладкий живот и мир, «превосходяй всяк ум» (Флп. 4, 7)».

Дерзновение после причастия

«Хорошо молиться мне о людях, когда причащусь достойно: тогда Отец и Сын и Святый Дух, Бог мой во мне, и я имею великое пред Ним дерзновение. Царь тогда во мне, как в обители: проси, чего хочешь. К нему приидем и обитель у него сотворим. Елика хощете, просите и будет вам».

Новый Завет больше Ветхого

«В Новом Завете мы получили благодати больше, чем в старом Завете: ибо сподобились соединиться с Самим воплощенным Ипостасным Словом Божиим в причащении пречистого Тела и Крови Его, сподобились быть удами Тела Его, плотию от плоти Его и костию от костей Его».

Благодарение за причащение

«Господи! Как я Тебя восхвалю, как я Тебя прославлю за силы Твои, за чудеса исцелений от Св. Таин Твоих, явленные на мне и на многих людях Твоих, которым я, недостойный, преподал после таинства покаяния сии святые, небесные, животворящие Твои Тайны! Вот они исповедают предо мною силу Твою, благость Твою, во всеуслышание говорят, что Ты простер на них чудодейственную руку Твою и подъял их с одра болезни, с одра смертного, когда никто не чаял, что они будут живы, — и вот после причащения Тела и Крови Твоей, Жизнодавче, они вскоре ожили, исцелели, в тот же час и день почувствовали на себе жизнодательную Десницу Твою. А я, Господи, — очевидец дел Твоих — не прославил Тебя доселе во всеуслышание, к утверждению веры людей Твоих и не знаю, как и когда прославить Тебя, ибо всякий день занят я какими-либо делами. Ты Сам сотвори Себе имя, Господи, якоже и сотворил еси; Сам прослави имя Твое, Тайны Твоя».

Значение жертвы Христовой для мира

«Бездна милости и щедрот открылась и открывается в ежедневном приношении на жертвенниках православных христианских храмов всеходатайственной, всеумилостивительной, всеочистительной, всеобновительной, всеобожительной, животворящей, страшной, безмерно великой жертвы Тела и Крови Христовой, приносимой по воле Божией и завету Господа Иисуса Христа во спасение всего мира. Все грехи вер-

ных, истинно молящихся и причащающихся животворящих Тайн, очищаются всякий раз по причащении, все узы душевные разрушаются, скорби потребляются, все прошения, благоприятные Богу, исполняются, прошения всей Церкви — о всех состояниях и сословиях, о пастырях и пасомых. Мир стоит, крепится — не колеблется ради этой жертвы, грады стоят и не разрушаются и пребывают в благоденствии и благопоспешении, семейства утверждаются, козни и мечтания еретиков и раскольников бездейственны бывают, общее благочестие <...>, только бы пастыри искренно совершали это величайшее таинство. Слава Господу, давшему нам столь животворящий, державный, святейший Божественный Дар! Светися, светися Новый Иерусалиме, Церковь Божия Православная — слава бо Господня на тебе воссия; ликуй ныне и веселися, Сионе! Семя Свято — стояние мира. Вот это Святое Семя, Которым стоит мир грешный, — думаю я во время литургии, взирая на Пречистое Тело и Животворящую Кровь Христову. Вот кем и я, грешный, еще стою и не пал окончательно».

Искушение бывает и у Чаши

«Иногда только лишь насладишься Господом, а враг вскоре же после того или сам или чрез людей нанесет тебе крайнюю скорбь. Таков удел работающих в этой жизни Господу. Например, ты упокоился и возвеселился у Чаши Господней, и иногда тотчас после службы встречает тебя огненное искушение, с ним и скорбь; даже у самой Чаши враг делает тебе козни и смущает тебя разными помыслами, и не хочешь, да борись, и хотел бы долго, долго спочить с Господом, да враги не дают».

При причащении мысли: един Сущий

«Чтобы с верою несомненно причащаться животворящих Тайн и победить все козни врага, все клеветы, представь, что принимаемое тобою из Чаши есть «Сый», то есть един Сущий. Когда будешь иметь такое расположение мыслей и сердца, то от принятия Св. Таин вдруг успокоишься, возвеселишься и оживотворишься, познаешь сердцем, что в тебе истинно и существенно пребывает Господь, и ты в Господе. — Опыт».

Всякое таинство — тайна

«Благоговей всеми силами души пред всеми таинствами и говори в себе о каждом таинстве пред совершением или причащением его: это — тайна Божия. Я только недостойный приставник ее или участник ее. А то гордый разум наш и тайну Божию хочет исследовать, а если не может ее исследовать, то отвергает, как не подходящую под ничтожную мерку его разума».

Святые Тайны — тайна

«Ты не разумеваешь об образе вселения Господа в животворящие Тайны. Это тайна; также тайна, как тайна то, каким образом вселен в твое тело дух бессмертный, оживляющий, благоукрашающий и укрепляющий тело. Господь есть простое Существо, совершенно отличное от материи, простое, как проста мысль, или мгновенное движение сердца или духа нашего, — также тайна, как тайна то, каким образом Он вселяется в твое

сердце весь без посредства всякой материи, чрез одну живую мыль о Нем, живую веру в Него или послушание Божию Слову. По совершеннейшей простоте Своей, Он находится необходимо весь везде.

Будучи присущ весь всякой твари, самой последней и меньшей всех инфузорий».

Тайн в природе много

«Множество тайн в природе, коих не может постигнуть даже в вещах мой разум: однако же вещи существуют со своими тайнами. Так и в этом таинстве животворящего Тела и Крови — тайна для меня, как хлеб и вино делаются Телом и Кровию Самого Господа, но Тайны Тела и Крови на самом деле существуют, хотя и непонятно для меня.

У Бога премудрого, бесконечно всемогущего — множество тайн: я сам для себя тайна, как дело рук Его. Для души моей — дух Господа, для души и тела моего — Его Тело и Кровь».

Свет от Святых Таин

«Что если бы Ты, Господи Боже Мой, Иисусе Христе, возблистал свет Божества Своего от Пречистых Твоих Тайн, когда они почивают на св. престоле — на дискосе во время литургии, или в дарохранительнице, или дароносице, когда иерей Твой несет их на персех своих, идя к больному или от него! От этого света поверглись бы в страхе на землю все встречающиеся или воззревшие на них из домов своих, ибо и ангелы от страха неприступной славы Твоей покрываются! А между тем как равнодушно иные обращаются с этими пренебесными Тайнами! Как иные равнодушно совершают страшное священнодействие Св. Таин!»

Причащение перед смертью

«Люди в продолжение всей земной жизни всего ищут, кроме Христа-Жизнодавца: оттого и не имеют жизни духовной, оттого и преданы всяким страстям: безверию, маловерию, корыстолюбию, ненависти, честолюбию. Только при конце всей жизни ищут Христа в причащении, и то по вопиющей необходимости, и то как бы по принятому другими обычаю. О Христе Боже, Животе и воскресение наше! До чего мы осуетились, до чего мы ослепли! А что было бы с нами, если бы искали Тебя, если бы имели Тебя в сердце Своем? Язык не может изречь того блаженства, которое вкушают имеющие Тебя в сердцах своих! Ты для них и пища крепкая... и питие неисчерпаемое и одежда светлая, и солнце, и мир, «превосходяй всяк ум» (Флп. 4, 7), и веселие неизреченное. С Тобою все земное прах, тлен».

Причащение чревом

«Иной как будто молится Господу, а сам работает диаволу, гнездящемуся в сердце, потому что молится устами только, а сердце его холодно, не чувствует и не желает того, что уста просят и что говорят, и далече отстоит (Ис. 29, 13) от Господа. Также есть много причастников, которые причащаются Тела и Крови Христовой не искренно, не с великой любовью, а только устами и чревом».

Лицемерное причащение

«Часто сначала человек причащается с живою верою, с чувством любви и благоговения, а потом, при непрестанном противодействии плоти и диавола истине Божией, уступает им победу над собой и причащается лицемерно, не Тела и Крови, но, по его мыслям сердечным, хлеба и вина. Существо Таин дух и живот (см.: Ин. 6, 63), как сказал Спаситель, не вмещаются (см.: Ин. 8, 37) в нем; он внутренно окрадывается сатаною. Сохрани Боже всех от такого причащения, от такой хулы на Господа. Это же бывает и с таинством покаяния».

Тайны действенны даже при маловерии

«Для верующего нет ничего невозможного; живая, непоколебимая вера вмиг может совершить великие чудеса. Впрочем, и без нашей искренней твердой веры совершаются чудеса, таковы чудеса таинств, ибо Тайна Божия всегда совершается, хотя бы мы были и маловерны при ее совершении, или неверны; неверие наше Божией веры не упразднит (см.: Рим. 3, 3)».

VIII. О Священстве

Сначала я целиком приведу здесь слово, которое о. Иоанн произнес на 50-летнем своем юбилее священствования. На этом вопросе он в день хиротонии, на память святителя Спиридона Тримифунтского чудотворца, 12 декабря, остановился специально. Жизнь приходила к концу. И нужно было подвести принципиальный итог ей. И потому можно назвать это слово, как говорят, «лебединой песнью» о. Иоанна, своего рода — «Ныне отпущаюши» св. Семиона Богоприимца.

Где потребуется, мы сделаем немногие сокращения и пояснения.

«Пятьдесят лет тому назад, — говорит Батюшка, — 12 декабря, в день памяти этого святителя, я был рукоположен в сан священника епископом Христофором (вечная ему память) в столичном Петропавловском соборе, усыпальнице наших государей.

Пятьдесят лет жизни и служения Богу и людям в сане священника — много времени, а продолжительная ли и вся-то наша жизнь? Много — семьдесят лет, а если человек в силах — восемьдесят, а далее она труд и болезнь (см.: Пс. 89, 10). Итак, прежде всего благодарение Богу, положившему времена и лета наши в Своей власти (см.: Деян. 1, 7), и даровавшему мне милость достигнуть семидесяти шести лет жизни и пятидесяти — служения в священном сане.

Сколько за это время получил я милости от Бога естественной и свыше естества, — как развился я физически и духовно, как преуспевал в науках и особенно в науке богопознания и самопознания последовательно в трех духовных школах — низшей, средней и высшей, и как я учась в средней школе, никогда не мечтал быть первым по причине сильного соперника

товарища, и стал, однако, первым, и послан был в высшее учебное заведение, проложившее мне путь к настоящему священническому служению в Кронштадте, — сколько я перенес тяжелых болезней и в училище и на месте священства, — и, — быв неоднократно при смерти, — исцелялся, и опять продолжал совершать жизненное поприще, — обо всем этом я теперь только кратко вспоминаю, чтобы всем сердцем возблагодарить за все это великодаровитого Бога моего, Творца и Спасителя моего.

Главным предметом моего слова в этот день я избираю важность и необходимость священнического сана в порядке премудрого и всеблагого Домостроительства Божия о спасении рода человеческого, ибо этот высочайший сан в нынешнее злополучное, лукавое время многими пренебрегается, и просто ни во что ставится.

Я привел вначале слова апостола Павла из Послания к Евреям. Повторю их: Христос «должен был во всем уподобиться братиям, чтоб быть милостивым и верным первосвященником пред Богом, для умилостивления за грехи народа» (Евр. 2, 17). Из этих слов видите, Кто общий всему роду христианскому Первосвященник, учредивший в Церкви Своей три степени священства: архиерейскую, священническую и дьяконскую? Видите, чей сан носят особенно — епископы и священники. Знаете ли, какие полномочия дал вечный Первосвященник Христос — архиереям и священникам, а отчасти и диаконам? Эти полномочия следующие: во-первых, ходатайствовать за людей, согрешающих пред Богом Духом Святым: ибо Дух Святый ходатайствует чрез священнослужителей, — воздыханиями неизглаголанными (см.: Рим. 8, 26); во-вторых, совершать таинства спасительные: «так должен разуметь нас» человек, — говорит Апостол, — «как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих» (1 Кор. 4, 1); в-третьих, проповедовать Слово Божие: «шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари» (Мк. 16, 15); и в-четвертых, руководствовать людей к христианской жизни и спасать их души. Таким образом архиерей и священники поставлены от Самого Бога делать и продолжать величайшее дело Самого вечного Первосвященника Иисуса Христа — освящать и спасать грешный род человеческий и приводить его к Богу. Освящающий (Христос) и освящаемые (все христиане) от Единого все, то есть от Бога; потому Он не стыдится называть их братьями, говоря: «Повем имя Твое братии моей, посреде церкве воспою Тя» (Пс. 21, 23).

Чрез священство грешные люди примиряются с Богом, с Которым бывают постоянно во вражде чрез грех, и становятся братиями Самого Христа и сынами Божиими, чрез усердное покаяние. Вот сколь важен и необходим священный сан! Без него не может быть примирения грешных людей с Богом; Бог дал одним священникам власть и слово примирения с Богом, Бог во Христе примирил с Собою мир, говорит Апостол, не вменяя людям преступлений их, и дал нам (апостолам и священникам) «слово примирения» (2 Кор. 5, 19). Только один Христос Агнец Божий, взявший на Себя грехи мира и искупивший его от греха, проклятия и смерти, мог дать и дает Своим служителям слово и власть примирения людей с Богом, власть разрешать грехи или связывать их, отворять и затворять людям небо. По-

этому ни один мирянин без священника не может примириться с Богом и получить оправдание или доступ к Богу. Такова праведная воля Божия. Потому отступившие от Церкви, именуемые христиане, спастись от вечного осуждения не могут, если не примирятся с нею и не будут участниками ее богослужения и таинств. Таким образом, священство Церкви Православной по своему характеру есть служение величайшее, и на земле — пренебесное, святейшее, жизнерадостное и всеосвящающее; служение священническое есть посредничество между Творцом и тварью, — служение нетления для растленного грехами человечества, служение примирения преступных тварей с Творцом, служение освящения и возведения к святости и нетлению, приведению от смерти к жизни, от земли на небо.

Слава Богу, давшему Церкви своей благодать священства, чрез которую удобно всякому верующему и смиренно покорному чаду Церкви примириться с Богом и сделаться возлюбленным чадом Божиим и наследовать жизнь вечную».

Мои рассуждения

В этом слове, помимо биографических данных, особенное внимание обращает определение сущности и обязанностей священника. Нередко мы разумеем здесь или проповедничество, или совершение различного рода богослужений, так называемое требоисправление; хотя обычно этим именем означаются специальные виды богослужений: совершение таинств, разных молебных пений и проч., того, что служит содержанием книги Требника, но за исключением служб вечерни, утрени, литургии, что является содержанием так называемого Служебника. В архиерейском «чиновнике» — или служебнике, помещен и чин разных хиротоний. Таким образом, по этому распределению нельзя провести точное разграничение между богослужениями и требоисправлениями.

Иные же указывают на пастырскую обязанность — быть примером, или образцом христианской жизни для пасомых. Но в чем состоит главная сущность священствования, не указывают. Есть попытка определить ее, как любовь к пасомым. Но это не есть сущность, а одно из проявлений ее или свойство; можно даже сказать, что любовь есть дар священнической хиротонии, или обязанность священника, но не сущность священства.

Таковым, по о. Иоанну, является высшее полномочие: посредничество священнослужителей между Богом, — точнее, между Господом Христом, как «Единым Ходатаем» нашим, — и человечеством. Это слово и употребляет о. Иоанн. Иначе он называет священника — «уполномоченным» от Бога для спасения паствы. И центр тяжести, источник этого «посредничества», или «полномочий» — лежит в том, Кто уполномачивает, то есть в Боге, а не в тех, кому священник служит, не в пасомых; последние являются предметом воздействия уполномоченного лица (или объектом), но никак не правовыми источником этих полномочий. Потому и необходима — хиротония, рукоположение, чрез которое рукополагающим преподается «божественная благодать» Св. Духа, уполномочивающая хиротонису-

емого действовать от лица Бога, точнее, от Господа Иисуса Христа, Вечного Первосвященника.

В этом даре и видит о. Иоанн силу священства. Отсюда для него вытекают, в сущности, все прочие обязанности и права. Священник есть ходатай за пасомых, а это проявляется во всем: и в служении умилостивительно благодарственной литургии, в совершении Св. Таинств, в разных молитвах, сюда нужно отнести и проповедничество, ибо священник говорит, или должен говорить — опять-таки «от Бога», именем Божиим (и по содержанию и по уполномочию).

Отсюда проистекает и соответствующее самосознание, — или психология — священника. Священник получает в хиротонии силу и власть быть представителем Господа и действовать от Его имени и Его силою, как Им на это уполномоченный и облагодатствованный. Отсюда отчасти можно понять ту силу, какую мы видим в действиях о. Иоанна: молится ли он сам пред лицом Бога, — это есть «беседа» между Уполномочившим и уполномоченным; просит ли он за других, просит дерзновенно, как уполномоченный на это тем же Господом; совершает ли он таинство, чрез него действует благодать Уполномочившего; благословляет ли в церкви всех, он дарует благодать от Того же Господа; отпускает ли грехи, — силою Того же Христа; проповедует ли, он говорит не от себя, а «от Церкви», от Главы ее — Христа Спасителя. Даже в действиях и в словах частного порядка он постоянно должен быть носителем силы Уполномочившего его, или — благодати Его, как обычно говорится: и если есть эта благодать в нем, то она и в молчании действует через него и в службах и в словах, и даже — в одежде, в пище, в питье и т. п.

Он постоянный уполномоченный от Бога!

Если хранить — и в сознании, и в делах — это представление и опытное ощущение о себе, тогда мы поймем: какую великую силу это давало о. Иоанну! Божий уполномоченный! И это он сознавал в себе. Нередко он говорил, — как мы уже видим, — что при совершении богослужений, таинств и молитв наше дело собственно состоит в том, чтобы произносить, — конечно, с верою, — слова молитв, а исполнять их — уже дело Самого Господа, Самого Уполномочившего. Читает ли он канон (как это постоянно делал Батюшка, когда служил), он произносит слова с силой, как бы требуя: ведь он же — на это и уполномочен!

Изгоняет ли бесов из одержимых ими или он повелевает им со властью: ведь он не своей силой тут действует, а Божией. Он только уполномоченный, обязанный исполнить свои полномочия! Проповедует ли, учит ли детей, он всегда должен помнить: от Кого он на это уполномочен? И соответствует ли он этому уполномочию? Не потворствует ли человеческим недостаткам? Не позабывает ли он, «хоть на минуту», о своем Господине, Уполномочившем его? Стоит ли он всегда пред Лицем Его?

Но довольно сказанного: всего не перечтешь и не перескажешь! Одно можно сказать: также сознание своей уполномоченности от Бога должно придавать священнику — огромную силу. Коротко: исключительную, поистине сверхъестественную!

И действительно, таковым нам представляется пламенный о. Иоанн. Тот, кто имел возможность наблюдать его лично, прежде всего поражался его духовной силой! Силой веры! Силой молитв! Чудесами его! Самым горячим и громким произношением слов! Целованием креста (как это было с товарищем моим и мною)! Даже раздаванием своего чая с сахаром! И иногда — простотою, так что другим он казался «обыкновенным»! Да, это был истинный уполномоченный — Богом! Недаром он хвалит одежду священников в храме, — разноцветную, золоченую, необычную: она свидетельствует о величии священника, подобно военным. В той же, например, проповеди на 12 декабря, о. Иоанн в конце слова говорил об этом так:

«Мирские люди ставят нам в укор золото, швейные одежды и митры, упрекая нас в роскоши. Да не Сам ли Господь Бог облек Своих священников в особенные благолепные одежды, повелев Моисею сделать для них одежды благолепия и красоты? Царь одевает своих слуг золототканными мундирами и всячески отличает и награждает их. Царь ли неба и земли не имеет власти отличать Своих слуг, предстоящих Его страшному и славному престолу, одеждами блистающими, как ангелов земных? Дай Бог только, чтобы мы старались соответствовать своему призванию и радели о спасении душ человеческих, да были бы светлы душами своими».

Но не меньше удивляет нас и другое свойство его: любовь к Богу и к людям. О том и другом он так часто и много говорит в своем Дневнике, что потребовались бы десятки страниц выписок.

Однако это ничуть не говорит против отмеченного главного назначения священства: посредничества, ходатайства, уполномоченности. Все это тесно связано с любовью. В самом деле: как уполномоченный от Господа, он должен вести себя в духе своего Господина. Бог же есть любовь! И если бы Батюшка проявлял только величие и силу Божию в себе, он был бы плохим посредником: совершенно необходимо священнику быть подобным Богу, Уполномочившему его на это служение, то есть иметь любовь.

Да этого же требует и смиренное сознание священником своей уполномоченности: ведь он не господин, а только слуга Божий; поэтому не своей силой силен он, а силой Уполномочившего его; и цель у него — та же, которую имеет и Господь: спасение людей, примирение их, — прежде изгнанных врагов Божиих, — с Богом. Как посредник он — представитель и пасомых им людей. И он должен любить, просить, ходатайствовать за свою паству. Тем более, что они «родные» Христу, Сыну Божию, братья Ему по плоти, а еще прежде — по созданию. Они были и остаются «образом» Божиим, образом Уполномочившего священников служить спасению этого образа. Как мы видим, Батюшка почти постоянно твердит об этом образе в своем Дневнике. Он часто, очень часто напоминает нам об этом: ведь грехи лишь короста на человеке, а суть-то его — все тот же образ Божий! Тем более помнил и чувствовал это сам о. Иоанн! Да иначе и быть не могло! Поэтому он и в заглавии проповеди на 12/XII приводит следующие слова из апостола Павла:

«Он (Христос) должен был во всем уподобиться братиям (людям), чтоб быть милостивым и верным Первосвященником пред Богом, для умилос-

тивления за грехи народа» (Евр. 2, 17). И другой стих: «Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя *людям* преступлений их, и дал нам (священникам) слово примирения» (2 Кор. 5, 19).

Так объединяются различные виды пастырской деятельности — ходатайство, совершение таинств, проповедание Слова Божия и руководствование верующих в жизни.

Иначе можно назвать эти виды так: молитва, таинства и руководство; последнее возможно объединить с проповедью, так как она есть тоже — руководство ко спасению.

И Батюшка сам прежде всего был ходатаем, молитвенником пред Богом: за это и Бог одарил его даром чудотворений; за это преимущественно и чтил его народ; за это он и прозван был «отцом Кронштадтским».

После этих предварительных слов обратимся к выпискам — специально о священстве.

Христос — истинный Пастырь

«Владыко! Слезную молитву мою о духовных чадах моих и всех благоугождающих Тебе христианах, православных, приими за самое попечение мое об их спасении, за мою заботу пастырскую! Будь, по молитве моей, Сам Ты для них...

И любовию материнскою, — которою скуден я, — нежно заботящеюся о их истинном благе, буди им вся, «да всяко некия спасу» (1 Кор. 9, 22). Ты бо един воистину Пастырь, самые души человеческие невидимо и сокровенно пасущий, Ты единый истинный и премудрый Учитель, — глаголющий в самые сердца людей Твоих; Ты еси един истинный Любитель Своих созданий и чад по благодати; у Тебя и премудрости, всемогущества бездна.

Буди убо Ты, Владыко, вместо меня Пастырь и Учитель вверенным от Тебя мне овцам Твоим. Буди вместо меня для них и светом, и оком, и устами, и рукою, и премудростью, паче же всего любовию, ею же скуден аз, многогрешный».

Благодать священства

«Я, сам пастырь, грешен и нечист паче всякого человека, но не взирай на грехи мои, Владыко, а презри их по великой милости Твоей и молитву мою, ради благодати священства, на мне лежащей и во мне пребывающей, услыши в час сей, да не будет во мне, Господи, праздна благодать священства, но да горит она во мне всегда верою, надеждою, любовию и сыновним дерзновением молитвы о людях Твоих».

Благодать священства — посредничество

«Благодать возвеличила священника на степень земного ангела, совершителя животворящих и страшных Таин Божиих, примирителя тварей с Творцом, просветителя душ разумных советом, посредника между Богом и падшим человеком, обожителя и обоготворителя верных чрез таинства, и он должен это понимать, чувствовать и за это благодарить и славить Бога и стараться соответствовать намерению Божию о нем и о людях. Между тем мало священников, сознающих всю высоту своего

служения, старающихся соответствовать намерениям Божиим о них и о пастве их, — и они, как миряне, прельщаются земной жизнью, земным богатством и наслаждениями, мало ратуют о духовных интересах своих и своих паств; увлекаются земными помыслами, страстями плотскими и глубоко падают с высоты своего призвания. И, таким образом, диавол, исконный враг Бога и человеков, посмеивается над нами до крайности и на зло нам противится делам Божиим и губит множество людей. Как необходимо презирать мир, враждебный Богу и все его прелести, презирать плоть свою тленную и многострастную и — горе всего зреть. Имеяй уши слышати, да слышит!»

Чей сан на священнике

«Как с солнцем неразлучны свет и теплота, так с лицом иерея должны быть неразлучны: святость, учительность, любовь, милосердие ко всем, ибо чей сан носит он? — Христов. Кого он столь часто приобщается? Самого Христа Бога, Его Тела и Крови. Потому священник должен быть то же в мире духовном, в кругу своей паствы, что солнце в природе: он должен быть светом для всех, живительной теплотою, душою всех».

Полномочие священников

«Отвергающие священство не могут иметь святости и Богу угодить не могут. Священники облечены силою благодати священства, силою Духа Святого. Полномочие священников чрезвычайно велико и важно. Это — в некотором смысле земные боги по дару Божию и обожающие других чрез таинства; это духовные пастыри, пасущие стадо Христово, искупленные кровию страданий Самого Вечного Первосвященника Иисуса Христа. Без священника некому разрешать грехов, некому совершать крещения, миропомазания, Тайны Тела и Крови Христовой.

Какую силу ходатайства Господь даровал священникам, уполномочив их приносить моления за весь мир, за всех людей, за все Церкви, за всех и вся — за земных и преисподних! Дорожи, иерей, этой благодатью. И это — в силу всеходатая Христа, «единого ходатая Бога и человека, давшего Себе избавление за всех» (см.: Тим. 2, 5–6) и поставившего Себе священников людей и за людей».

Дерзаю и я уповать на Господа, что спасет меня, недостойного, ради благости Своей».

«Кто этот Ангел, предстоящий Господину? Ибо ангелам свойственно непрестанно служить и предстоять Престолу Его. Это — ходатай о людях, носящий образ Ходатая, Богочеловека Иисуса Христа, это один из человеков, поставленный на службу Богу (см.: Евр. 5, 1), как говорит апостол Павел, — но его служение ангельское. Он — посредник между Богом и людьми, близкий друг Его. По слову Господа: «вы друзи Мои есте, аще творите, елика Аз заповедаю вам» (Ин. 15, 14). Это — как бы бог для людей, со властью вязать и решать грехи человеков, священнодействовать для них животворящие и страшные Тайны, обожаться ими и других обожать через них. Это — второй новозаветный Моисей, руководствующий сонм Божий по пустыне мира сего в землю обетованную, это ИЛИЯ новозавет-

ный, питающий братию свою хлебом небесным, во время духовного глада. Это — Священник. ВЫСОКО ЗВАНИЕ СВЯЩЕННИКА!»

Священник — посредник

«В каком лучезарном, Божественном величии предстоит Престолу Божию священник во время литургии, особенно во время совершения бескровной, святейшей, пренебесной, страшной жертвы претворения хлеба и вина в Тело и Кровь Христову! На него ангелы взирают с благоговением и некоторою ревностью, созерцая такое снисхождение к нам Божие, такое сраствореие Господа Бога с нашим бренным естеством. Священник здесь является ближайшим посредником между Богом и повинным человечеством, ходатаем за всю Церковь, за весь мир. Не только слугою, но другом Божиим является здесь священник, которому Бог поручает величайшую тайну, сокровенную от всех родов в Боге. И о ком, и о чем не умолит он Господа своею горячей молитвой, если по его молитве совершается такое таинство, когда Господь Самого Себя дает в снедь и питие вечной жизни? Тот, Кто Сына Своего не пощадил для нас, не даст ли нам все, о чем только с верою попросим Его, по воле Его?»

Священник — представитель Христа

«Ты представитель веры и Церкви, о иерей, ты представитель Самого Христа Господа.

Ты делаешь дело Божие, и ни пред кем не должен упадать духом, никому не должен льстить, раболепствовать и считать дело свое выше всех дел человеческих».

Священник — ангел Господа

«Священник, как ангел Господа Вседержителя, должен быть выше всех страстей и возмущений духа, всех пристрастий мирских или суетных страхов, наводимых от бесов; он должен быть весь в Боге, Его одного любить и бояться. Боязнь человеческая означает, что он не прилепился к Богу всецело».

Слуга Божий

«Священник — слуга Божий, облеченный Его властию и силою (в покаянии); сила крестная — священническое благословение».

Священник — апостол

«Каждый священник есть апостол в своем селе или в приходе (или в церкви городской) и должен ходить по домам, благовествуя Царствие Божие, невежд наставляя, нерадивых, беспечных, в страстях и похотях живущих, возбуждая к христианскому житию, благочестивых и трезвенных ободряя и поощряя будущими наградами, немиролюбивых <...>, подкрепляя их и утешая».

Досточтимость священства

«Я — ничто, но по благодати священства чрез преподание божественного Тела и Крови, делаюсь вторичным или третичным виновником исце-

ления болезней; чрез меня благодать Духа возрождает к пакибытию младенцев и возрастных, совершает в таинстве Евхаристии Тело и Кровь Иисуса Христа, соединяет верных с Божеством; чрез меня решит и вяжет грехи человеческие, затворяет и отворяет небо, подает душеспасительные советы, правила и проч. О, как досточтим сан священства».

Высота священства

Что это за ВЫСОКОЕ ЛИЦО священника! Постоянно у него речь с Господом, и постоянно отвечает на его речь Господь: что ни треба, что ни молитва — то речь с Господом. Как при находе страстей не помнить священнику, что страсти жизни нечисты, ОСОБЕННО ДЛЯ НЕГО, чтобы допускать их до сердца, которое всегда должен наполнять всецело един Иисус Христос. Священник — ангел, не человек: все житейское он должен далеко оставить за собою. Господи Иисусе! «Священницы Твои облекутся правдою» (Пс. 131, 9); да помнят они всегда о высоте звания и да не запутываются они в сетях мира и диавола; да отбежит от сердца их печаль века сего, лесть, богатства и прочие виды похоти, находящие в их сердцах».

«Яви и на мне, Господи, чудную державу Твою; имиже веси судьбами спаси меня, недостойного раба Твоего... наставляя меня присно на путь Твой и укрепи меня в пути благодатию Твоею; чрез меня ли — и прочих, для которых Ты поставил меня светильником, пастырем, учителем и священнодейственником».

Величие священника

«Какое величие христианина и наипаче христианского священника: он — едино с Христом и Спасителем-Богом (чрез Св. Тайны)!»

Внемли, о иерей Божий!

«Тебе приходится часто разглагольствовать с Богом по готовым молитвенным образцам, да не ульстиши языком твоим, устами говоря одно, а на сердце имея другое, или говоря и не сочувствуя тому, что говоришь; если о ком молишься, да не будет в тебе диавольского лукавства и двоедушия, но сердцем и устами молись Вседержителю Богу, испытующему сердца и утробы (см.: Пс. 7, 10).

Смотри, помни: великое дело беседовать с Богом, непрестанно на нас взирающим, непрестанно нам внемлющим и неусыпно испытующим наши сердца и утробы. Да не лжет, да не будет хладно сердце твое к Богу и ближнему во время молитвы за ближних. Помни: за все Бог будет судить тебя, за всякое слово праздное или льстивое.

Внемли, внемли себе, своим помышлениям сердечным, о иерей Божий, и не связывайся житейскими похотями и сластьми! Сладостию твоею да будет единый Бог и душа человеческая, будь душелюбец, а не сребролюбец или сластолюбец. — Сам, Господи, устрой вся сия: без Тебе бо не можем творити ничесоже (см.: Ин. 15, 5). Буди! Буди!»

Благодарение после службы

«После достойного совершения службы и таинства всегда от всей души благодари Господа краткою молитвою, что Он сподобил тебя от всего серд-

ца с верою и любовию послужить Ему, Его человеколюбивейшим намерениям и делам, ибо служение наше Господу, Творцу и Искупителю нашему есть величайшее дарование и благодеяние нам, грешникам, весьма благоплодное как для принимающих чрез нас освящение и спасение Божие, так и для нас самих, потому что умиротворяет, оживотворяет и радует. Всегда нужно благодарить Господа, что Он нас, грешных и недостойных рабов Своих, благоволил соделать Своими споспешниками, как говорит Апостол: «Богу бо есмы споспешницы» (1 Кор. 3, 9), — слугами Своими и строителями таин Своих: «тако нас да непщут человек, яко слуг Христовых и строителей таин Божиих» (1 Кор. 4, 1). Между тем, что же делают многие из нас?

Слова молитв, при службах и таинствах, читаемые с верою, благоговением, страхом Божиим, спокойно, говорящим духом, имеют несомненное и чудное свойство вместе с душою оживотворять, укреплять и исцелять и самое тело наше. Это дознано опытом. Тяжкий грех, говорю, потому что, совершая небрежно таинства, мы чрез то кощунствуем святынею Господнею».

Нужно благодарить Господа за прощение

«Благодарю Господа за Его милость и долготерпение ко мне грешному. Каждый день многократно я согрешаю грешными порывами моего сердца, моего ветхого человека, и многократно Господь милует меня, дивно, принимая сердечное покаяние мое. Сколь я неверен Богу! Сколь плотян, предан под грех! Какой я изменник в мыслях, чувствах, стремлениях греховных! Когда буду тверд в благочестии, в преданности Богу, в распинании плоти с ее страстями и похотями, а не изменчив в потворствах ей?»

Диавол запинает на службах

«Если бы не Господь и не Владычица, не Ангелы хранители, не святые — диавол и его клевреты заградили бы уста у всех нас и не дали бы нам славословить имени Господня; это верно было бы, так как они усиливаются это делать теперь и как иногда успевают хотя несколько в этом! Кто запинает священников во время службы? Диавол».

Цель служения иереев

«Я почти ежедневно причащаюсь Тебя, Живота вечного в Твоих бессмертных, животворящих Тайнах. Не завидую я богатым мира сего, бедным Твоею благодатию или совершенно обнаженным от Твоей благодати, у коих божество — деньги. О, как бедна их душа, в каком бедствии!!

Только Господь может искупить верную душу, а богатые — далеки от Господа. Да не будет богатому серебро его, богатство его, в погибель, да расточит он его бедным, как евангельский Закхей! Ты же, шед возвещай Царствие Божие. Вот о чем помышляй, вот к чему стремись, для себя и других, вот что твори, а не ревнуй лукавнующим и не завидуй творящим беззаконие, например, притесняющим бедный народ, лесопромышленникам, разбогатевшим на счет трудов изнурительных бедного русского народа».

Как любвеобилен должен быть пастырь!

«Меня умиляет дух любви святой ко всему человечеству, движущийся во всех молитвах, молениях, прошениях, благодарениях, песнопениях и чте-

ниях при богослужении нашей Православной Церкви. О, каков должен быть священник, орган этой божественной, небесной на земле матери, с такою любовию непрестанно пекущейся о всех чадах своих, начиная с царя, до поселянина, со священного правительственного Собора до низшего причта церковного, и не только о своих присных чадах, но и о всем мире. Какою должен быть преисполнен любовию ко всем пастырь — это чадо Церкви, которого она облекла благодатию священства и так приблизила к Престолу Божию, как присного своего, как друга Божия, которого почтила, одарила великими духовными дарами и преимуществами, увенчала славою и честию как жениха церковного, как слугу Царя-Христа, Бога, Спасителя и пастыря душ! Как далече должны быть от него все страсти.

Он должен быть весь проникнут и преисполнен Божественной любовию ко всем и главнейшею заботою иметь то, чтобы без греха предстоять престолу Божию и воздевать преподобные руки о всех людях и спасать рано и поздно вверенные ему души, искупленные бесценною кровию Христовою. «И к сим кто доволен»? (2 Кор. 2, 16.) Да даст нам это Господь Сам по множеству благости Своей, ибо мы хладны, самолюбивы, враждолюбивы, сребролюбивы, унылы, ропотливы и ленивы».

Пастырь и паства

«Не надо никогда забывать, что все мы — едино тело и должны поощрять друг друга к любви и добрым делам; особенно же мы, пастыри, должны это помнить и делать. Да, мы должны помнить, что если мы светлы душою, стоим твердо в вере и благочестии, то и паства наша бывает тверже, светлее и чище жизнью; если глава светла, светлы и члены, а если мы потемнели душою от страстей многоразличных, темнее будет и тело Церкви, паства наша, потому что тесная связь находится между главою и членами, между пастырем и пасомым.

Итак, думаешь ли ты, что твое чревоугодие, твое любостяжание не отзывается на пастве твоей, во-первых, от твоего нерадения о душах, ибо какое радение о душах у того, кто радеет о рублях? Никакого. Да, если свет в пастыре помрачается, то он необходимо помрачается и в пастве: по тесной, духовной связи его с нею, главы с членами. Крепко ты стоишь в душевных доблестях — и они тверды; стоишь на молитве и усердно молишься за них — и они это чувствуют; укрепляешься духовно ты — укрепляются и они; расслабляешься ты — расслабевают и они. Господи, помилуй мя!»

Будь смел на любовь

«Будь смел, решителен на всякое добро, особенно на слова ласки, нежности, участи, тем более на дела сострадания и взаимной помощи. Считай за мечту — уныние, отчаяние, в каком бы то ни было добром деле. «Вся могу, — говори, — о укрепляющем мя Иисусе» (см.: Флп. 4, 13), хотя я и первый из грешников. Вся возможна верующему».

Общение с пасомыми

«Даруй и нам иметь это общение любви с людьми Твоими, да не заключаемся мы, пастыри, от овец Твоих в домах наших, как в замках

или темницах, выходя только для службы в церкви или для треб в домах, по одной обязанности, одними заученными молитвами. Да раскрываются уста наши для свободной в духе веры и любви речи с нашими прихожанами. Да раскрывается и укрепляется христианская любовь наша к духовным чадам чрез живое, свободное, отеческое собеседование с ними.

И как мне не подвизаться на земле всеми силами за такое блаженство? И оно еще только слабые начатки, только некоторое слабое подобие небесного блаженства любви! Люби особенно общение благотворения как вещественного, так и духовного. «Благотворения же и общения не забывайте» (Евр. 13, 16).

Посещение иереем больных

«Какое дело почетнее, спасительнее, радостнее, как приходить к болящим и немощным и печальным ближним со св. животворящими Тайнами, причащать их этой духовной, нетленной и Божественной пищи? Какая награда от Бога тем священникам, которые делают это святое дело охотно, со смирением и кротостью! Не ленись же, иерей, и не брезгай больными, бедными, часто невежественными, подверженными всяким болезням! Непригляден вид их, невесела картина, но дело это в очах Владыки и Господа велико. «Болен, и посетисте Мене» (Мф. 25, 36)».

Побеждай зло — добром

«В побеждении зла добром должны быть особенно искусны священники Господни, как почивающие на законе Божием, как знающие бесчисленные примеры незлобия святых Божиих: Авраама, Исаака, Иакова, Ноя, Давида, Моисея, Самуила, в особенности же Богочеловека Иисуса Христа, Который есть чистейший образ наш; апостола Петра, Павла, Иакова, Иоанна и проч., первомученика и архидиакона Стефана и проч., как укрепляемые часто в таинстве причащения от Самого Источника благости Господа Иисуса Христа, как учащие других побеждать благим (см.: Рим. 12, 21). Если он не научился кротости, смирению и незлобию и не научился побеждать благим злое, взыщется строже, чем с мирянина: ибо священник вознесен до небес Божиими Тайнами и получил великие силы к благочестию. Если же неблагочестиво поступает, то он сам себя обрекает на вечный огонь своею нераскаянностью, неосмотрительностью и неисправимостью. Господи, прости мне мои согрешения и научи мя творити волю Твою».

Бога ищи в себе

«Когда молишься Отцу и Сыну и Святому Духу — в Троице единому Богу, — не ищи Его вне себя, но созерцай Его в себе, как в тебе живущего, совершенно тебя проникающего и знающего. «Не весте ли, яко храм Божий есте (Бога в Троице), и Дух Божий живет в вас» (1 Кор. 3, 16)? «Вселюся в них, и похожду» (и буду ходить с ними), и буду им во Отца (Лев. 26, 12; ср.: 2 Кор. 6, 16 и 18). «Господи! Ты испытал меня и знаешь» (Пс. 138, 1), — говорит Давид».

Священник — образ небесной молитвы

«Священники, молящиеся на земле о людях, — знамение и показание Небесной Церкви, молящейся о нас на небе, и Самого Ходатая Христа Бога».

Блаженны те священнослужители...

«С какою любовью материнскою или, лучше, Божественною, Церковь ежедневно как бы носит нас на руках своих, вознося о всех нас непрестанные молитвы ко Господу: вечером, в полночь, утром и около средины дня; поучает нас, очищает, освящает, врачует, укрепляет таинствами и всеми способами руководствует нас нежнейшим и кротчайшим образом ко спасению и вечной жизни. Блаженны те священнослужители и церковнослужители, которые понимают эту любовь и это попечение Церкви о спасении чад ее и стараются усвоять дух ею, жить этим духом, дышать эти духом и в Церкви и вне ее, и со вниманием сердечным и с благоговением совершают молитвы, песнопения и священнодействия церковные, памятуя, что чрез все это спасаются и они сами и паства их».

Сила молитвы священника за людей

«Молитва священника за людей имеет великую силу у Бога, если только священник от всего сердца, с верою и любовию воссылает оную ко Господу. Дай Бог, чтобы было больше священников, молящихся Богу горящим духом: ибо кто молится об овцах словесных Господу с такою силою, если не молится священник, получивший на то благодать и власть от Самого Бога?»

Иерею дана благодать молиться за людей

«Иерей Божий! Верь от всего сердца, верь всегда в благодать, данную тебе от Бога молиться за людей Божиих: да не будет вотще в тебе этот великий дар Божий, которым ты можешь спасти многие души; скоро слышит Владыка твою сердечную молитву о людях и удобно преклоняется на милость к людям, как на молитву Моисея, Аарона, Самуила, апостолов. Искупай пользу на всякий молитвенный случай — в церкви, когда совершаешь богослужение или таинство, в домах при совершении таинств, молитвословий и молебнов, везде и во всякое время помни о спасении людей Божиих и стяжешь великую себе благодать Божию».

Счастье молиться за людей

«Какое высокое достоинство, честь, счастье — молиться за людей, за это драгоценное стяжание и достояние Божие! С какою радостью, бодростью, усердием, любовью надо молиться Богу-Отцу человеков о людях Его, купленных Ему кровию Сына Его! «Сии суть куплени... Богу и Агнцу» (Откр. 14, 4)».

Молитва свято живущего священника сильна, чудесна

«Верь, что молитва и одного друга Божия, особенно свято живущего священника Божия, может творить чудеса и значительной части природы, как молитва пророков Моисея, Илии и др. Живи же особенно богоугодно, ты, иерей Божий: будь свят, чист, кроток, смирен, милосерд, воздержен, трудолюбив, терпелив, и твоя молитва всегда проникнет в небеса и будет

услышана и исполнена. Молись же всегда всем сердцем, а главное — чистым сердцем.

Кадило с фимиамом постоянно должно тебе напоминать об этом, то есть об удобовосхождении и благоприемлемости Богом воссылаемых тобою молитв о себе и о людских невежествах (см.: Евр. 9, 7) и грехопадениях».

Всегда исполнялись молитвы

«Сколько раз я ни молился с верою, Бог всегда слушал меня и исполнял молитвы мои».

Нужно молиться просто

«Благодарю Тебя, Господи, Владыко и Судие мой, яко учиши мя просто молиться Тебе, и слышиши мя вопиюща к Тебе, и от грехов моих и скорбей моих спасаеши, и на пространне поставляеши нозе мои. Се воззвал я к Тебе во гресе лукавствия моего словесами церковной молитвы: Господи Боже наш, покаянием оставление человекам даровавый... и лишь только кончил ее, мир и легкость водворились в душе моей! 29 июня 1864г.»

Зачем поминовение имен усопших

«Некоторые говорят: к чему поминовение имен усопших или живых при молитвах за них? Бог, как всеведующий, и сам знает эти имена, знает и нужды каждого. Но так говорящие забывают или не знают важности молитвы, не знают, как важно от сердца сказанное слово, забывают, что правосудие Божие и милость Божия преклоняются нашею сердечною молитвою, которую Господь, по благости Своей, вменяет как бы самым умершим или живым в заслугу, как членами единого тела Церкви. — Такие не знают, что и Церковь «первородных на небесех написанных» (Евр. 12, 23), по любви своей постоянно молится за нас Богу, — и именно упоминает пред Богом собственно о именах тех людей, которые молятся им, — равное за равное. Мы поминаем их, они нас. А кто не поминает по любви своей ближних своих в молитве, тот сам не будет помянут и сам не удостоится поминовения.

Молясь за живых и умерших и называя их по именам, надобно от всего сердца, с любовию произносить эти имена, как бы нося в душе те лица, имена коих поминаешь, подобно как «доилица» носит и «греет своя чада» (1 Сол. 2, 7); памятуя, что они члены наши и уды Христовы тела (см.: Еф. 5, 30); не хорошо пред лицем Божиим только перебирать языком имена их, без участия и любви сердца. — Надо помыслить, что Бог зрит на сердце, что и лица, за коих мы молимся, также требуют от нас, по долгу любви христианской, братского сочувствия и любви. Великая разница между бесчувственным перечнем имен и между сердечным поминанием их: одно от другого отстоит как небо от земли».

Молитва за усопших — долг твой

«Когда будешь молиться об упокоении души усопшего, принудь себя помолиться о ней от всей души, памятуя, что это существенный долг твой, а не одного священника и клирика. Вообрази как необходим усопшему покой и как он нуждается в молитве за него живых, будучи членом единого тела

Церкви, — как бесы оспаривают у ангелов душу его и как она трепещет, не зная, какая участь постигнет ее навеки. Много значит пред Владыкой молитва веры и любви за усопшего. Вообрази, еще, как необходим для тебя покой, когда тебя свяжут плениць грехопадений, и как ты тогда усердно, с какою искренностью, жаром, силою, молишься Господу и Пречистой Богородице, и как радуешься и торжествуешь, когда после усердной молитвы получишь избавление от грехов и покой душевный. Приложи это и к душе усопшего: и его душа также нуждается в молитве — теперь уже твоей, потому что сама не может молиться плодотворно, и его душа нуждается в покое, который ты можешь испросить для него теплою молитвою, с благотворением в пользу души его и особенно приношением за него бескровной жертвы».

Как молиться за умерших

«Об усопших молись так, как будто бы твоя душа находилась в аду, в пламени и ты сам мучился; чувствуй их муки своим сердцем и пламенно-пламенно молись об упокоении их в месте светле и злачне, в месте прохлаждения».

Вычитывание правила перед причащением

«Некоторые поставляют все свое благополучие и исправность пред Богом в вычитывании всех положенных молитв, не обращая внимания на готовность сердца для Бога, на внутреннее исправление свое; например, многие так вычитывают правило к причащению. Между тем, здесь прежде всего надо смотреть на исправление и готовность сердца к принятию Святых Таин; если сердце право стало во утробе твоей по милости Божией, если оно готово встретить Жениха, то и слава Богу, хотя и не успел ты вычитать всех молитв. Царство Божие не в словеси, а в силе (см.: 1 Кор. 4, 20)».

Огонь Духа

«Иногда враг коварствует над нами тем, что, когда мы видим какой-либо грех или порок в брате или в обществе, то он поражает наше сердце безразличием или холодностью, неохотою или, скорее, постыдною трусостью сказать твердое обличительное слово неправде, сломить рог грешника. ХРИСТЕ ЦАРЮ, ДАРУЙ мне АПОСТОЛЬСКУЮ РЕВНОСТЬ и ОГНЬ СВЯТОГО ДУХА в сердце мое, да дерзновенно восстану против наглого, особенно же заразившего многих, порока, и ДА НЕ ПОЩАЖУ никого, чтобы не соблазнились они, видя разлитие порока, и не пали сами (см.: Мф. 18, 6).

Ах! Доколе мы, священники, не восстанем против всех бесчинств в праздники Господни? У кого из священников Божиих будет ревность Илиина или Финеесова, или Исаиина, или Иеримиина, чтобы все силы свои, всю жизнь свою употребить во славу Божию — на искоренение между христианами этих непотребств (пьянство и проч.)?

Мы не обличаем, не запрещаем, не умоляем их со всяким долготерпением и учением... МЫ НЕ ГРЕМИМ в Церкви Божией Словом Божиим против этих пороков... Мы не всегда ОТЛУЧАЕМ, в страх прочим, от Св. Чаши известных своим пьянством и прелюбодейством лиц...

Мы даем СЛАБЫЕ ЕПИТИМИИ на исповеди лицам, заслужившим строгого церковного наказания... Боже Праведный! И пастыри, и паства безответные пред Тобою... Господи! Пошли ревностных деятелей в вертоград Твой».

Огненные языки

«Боже мой! Моему взору представляется бесконечность благ, обещанных христианам, — и в то же время бесконечная невнимательность христиан к обещанным благам... попирающих кровь Завета, нерадящих о таинстве спасения. Но да дарует мне Господь «уста и премудрость» (Лк. 21, 15), да возглаголю я ОГНЕННЫМИ ЯЗЫКАМИ, да возжгу огнь упования, Господу споспешествующу, в сердцах хладных... Книга непреложных Заветов! Вещай нам о Божиих обетованиях, праведным и грешным».

Смерть священника

«Священник всемерно должен стараться поддерживать в себе смелость, мужество, дерзновение, вопреки бесплотному врагу, непрестанно всевающему в него свою мечтательную боязнь, свой нелепый страх; иначе он не может быть обличителем пороков людских, ни истинным служителем таинств. Дерзновение — великий дар Божий и великое сокровище души! В земной брани или войне смелость или храбрость много значит, ибо она творит просто чудеса, а в духовной брани и тем паче».

Священники не должны потворствовать

«Священники не должны быть мягкими до потворства грехам и страстям там, где дело касается искоренения страстей и дурных привычек, — они должны действовать смело и настойчиво, не боясь злобы других и совершенно презирая ее, хотя и в этом случае действия их должны носить характер кротости и любви и искреннего желания исправить ближнего. Если же на него ничто не действует, тогда не обращать внимания на сердечные капризы его и делать свое дело с твердостью, не возмущаясь выходками злобы».

Ревность священников при праздниках

«Для некоторых существует один только праздник — праздник плоти. Ах! Доколе мы, священники, не восстанем против всех бесчинств в праздники Господни? У кого из священников Божиих будет ревность Илиина или Финеесоова, или Исаиина, или Иеремиина, чтобы восстать с силою Духа Святого на все эти бесчинства в праздники Господни в новом Израиле, чтобы все силы свои, всю жизнь свою употребить во славу Божию — на искоренение между христианами этих непотребств. Господи! Когда мы будем святить, как подобает святыне, праздники Твои? Когда мы утешим Святую Матерь свою — Церковь? Доколе, начиная духом, мы будем оканчивать плотию празднование великих, спасительных событий Православной веры? Доколе враг будет посмеиваться над членами Христовыми, кои суть христиане?

Мы не гремим в Церкви Божией Словом Божиим против этих пороков, страшно овладевших христианами. Мы не всегда отлучаем, в страх прочим, от Св. Чаши известных своим пьянством и прелюбодейством лиц, и

даем чрез то этим заразительным и мерзким порокам все более и более усиливаться; мы даем слабые епитимии на исповеди лицам, заслужившим строгого церковного наказания, не следим, как бы следовало, за исполнением и тех епитимий, которые налагаем на них. Боже праведный! И пастыри и паства безответны пред Тобой. «Вси уклонишася, вкупе непотребни быша: несть творяй благостыню, несть даже до единаго» (Рим. 3, 12). Что наконец будет при существующем беспорядке в нашей жизни».

Молитвы ревности

«Да дарует мне Господь уста и премудрость, да возглаголю я огненными языками, да возжгу огнь упования, Господу споспешествующу, в сердцах хладных».

Прошение о ревности

«Христе Царю! Даруй мне апостольскую ревность и огнь Святого Духа в сердце мое, да дерзновенно всегда восстану против наглого, особенно же заразившего многих порока и да не пощажу никого ради их же спасения и прочих людей Твоих, чтобы не соблазнились они, ввиду разлития порока и не пали сами.

«Иже аще соблазнит единаго малых сих верующих в Мя, уне есть ему, да обесится жернов осельский на выи его, и потонет в пучине морстей» (Мф. 18, 6)».

Беспристрастность священника

«Сколь беспристрастен должен быть священник к земным вещам, чтобы, совершая такие службы и столь высокие пренебесные таинства, быть неуловимым от врага и гореть всегда чистою любовью к Богу и к сочеловекам, погибающим от грехов и спасаемым благодатию Христовой во Святом Духе! Но сколь велик навык наш ко греху! Сколь сильны наши пристрастия земные! И совершая таинства, мы иногда не отлагаем совершенно житейских попечений и пристрастий по навыкновению к ним, и потому враг смущает, омрачает и превращает наш ум, связует сердце и берет нас в свой тяжкий плен. И поделом! Не мечтай. Священник должен быть ангелом по возвышенности мыслей, по чистоте душевной и телесной, по горячности к Богу — Всетворцу и Спасителю и к людям, своим братиям».

Обличение — признак святости

«Небоязненное, твердое обличение народа во грехах — есть признак великой святости обличающего, или даже Самого Божества Того лица, которое обличает: Креститель Иоанн, все пророки и апостолы, мученики, преподобные, Сам Господь Спаситель. Мы обыкновенно больше льстим народу, стыдимся или боимся высказать всю правду».

Сила слова — от Ипостасного Слова

«Веруй, что при вере твоей в зиждительное Слово Отчее и твое слово не возвратится к тебе никогда напрасным, бессильным (когда, например, молишься ты Благодетелю-Богу по руководству Церкви Святой или по наставлению Господа), но принесет тебе благопотребный дар; верь, что

при вере в зиждительное Слово ты не будешь без успеха поучать народ в храме при богослужении, при совершении таинств, в домах; не будет безуспешно твое слово в училище, но созиждет умы и сердца внимающих тебе».

Иерей должен возвещать Царство Божие

«Посмотри — пожинаются люди, как трава, ибо нашло время жатвы Божией, праведного суда Божия, и ты ли — о бездушных лесах ревнуешь и об обогащающихся на счет низших русских собратий, — немцев и русских богатых? Твое ли это дело? Ты шед возвещай Царство Божие. А их дело предоставь правительству, внешним людям: о иерей, твое дело спасать грешных и себя самого, и возвещать Царство Божие нетленное, вечное; это — безмерно большее дело. Тут идет дело о спасении или погибели вечных душ, по образу Божию сотворенных. А то смотри: в твое сердце вбил свой клин диавол прелестник, научающий ревновать о тленных делах и презирать нетленные, — Царствие Божие, царство правды, мира и радости о Духе Святом. Аминь».

Пастыри должны проповедовать

«Даров Господних не должны удерживать в себе, но изливать на других; образец — природа: солнце не удерживает в себе одном свет, но изливает его на землю и на луну. Особенно пастыри не должны света своего, или, лучше, Божьего удерживать в себе, но обильно изливать свет своего ума и знания на других».

Память об истинном пастыре

«Истинный пастырь и отец своих пасомых будет жить в признательной памяти по смерти своей: они будут прославлять его, и чем меньше он будет заботиться о своем прославлении здесь, на земле, при своих усердных трудах во спасение их, тем больше просияет слава его по смерти: он и мертвый будет заставлять их говорить о себе. Такова слава трудящихся на пользу общую».

Это особенно верно сбылось на самом о. Иоанне.

Проповедники только помогают

«Нам, проповедникам, надо только помогать действиями Божиими над сердцами человеческими, ловить их готовые расположения к покаянию и усиливать их».

В смущении не говори проповеди и молчи

«Когда сердце твое поражено врагом, гнездящимся в тебе и производящим в тебе смущение, тесноту и упадок духа, не говори тогда проповеди, чтобы она вместо пользы не принесла соблазна, вместо питания духовного не сделала духовного головокружения и тошноты; не делай и выговоров в это время: они раздражат только, а не исправят. Вообще когда враг гнездится в душе, тогда надо более молчать, ибо тогда мы недостойны слова, которое есть дар Слова Ипостасного. Прогони врага, водвори мир в сердце и тогда говори».

Писать ли книги

«Не должно ни у кого спрашивать, нужно ли распространять Славу Божию пищущею рукою или словесно, или добрыми делами. Это мы обязаны делать по мере сил своих и возможности. Таланты надо употреблять в дело. Коли будешь задумываться об этом простом деле, то диавол, пожалуй, внушит тебе нелепость, что тебе надо иметь только внутреннее делание. Или молиться бы лучше! Совершенным это и должно быть, но не нам. Кроме того, не презирай Дара Божия!»

Священник сам должен исправиться

«Хочешь, чтобы другие скоро исправились от своих недостатков, а сам скоро ли исправляешься, не страдаешь ли сам тем, чем и другие? Не от тебя ли, от твоей неисправности и другие коснеют во грехах и страстях?

Священник сам должен иметь опыт

«Священнику нужно самому испытать и силу веры, и сладость молитвы, и оставление грехов, и то, когда она бывает безуспешна, и скорби душевные, когда они постигают, и утешения благодатные, чтобы в молитве к Богу о верующих говорить так: даруй им такое же благо, какое даруешь Ты всегда мне, недостойному, — чтобы обо всем просить с собственного опыта».

Священники должны быть искусными

«В побеждении зла добром должны быть особенно искусны священники Господни. Как учащие других «побеждать благим злое» (см.: Рим. 12, 21). Со священника... взыщется строже, чем с мирянина.

Если же неблагочестно поступает, то он сам себя обрекает НА ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ своею нераскаянностью, неосмотрительностью и неисправимостью. Господи, прости мне согрешения моя и научи мя творити волю Твою.

Священник не должен быть мягким до потворства грехам и страстям там, где дело касается искоренения страстей и дурных привычек: они должны действовать смело и настойчиво, не боясь злобы других и совершенно презирая ее; хотя и в этом случае действия их должны носить характер кротости и любви и искреннего желания исправить ближнего... Плохой мир с грешниками, которые всякое доброе замечание, всякую просьбу обращают в худую сторону, хотят видеть во всем одни нападки злобы. Будучи сами злы, они не хотят видеть добра и в других».

Какие должны быть чистые уста

«Какие должны быть чистые, духовные уста у священника, столь часто произносящие всесвятое имя Отца и Сына и Святого Духа! Еще более как духовно, чисто должно быть сердце, чтобы вмещать и ощущать в себе сладость этого пречестного, великолепного и достопокланяемого имени! О, как должен священник удаляться от плотских наслаждений, да не соделается плотию, в которой не пребывает Дух Божий!

До плотских ли наслаждений священнику, когда ему надобно неотменно наслаждаться единым Господом, да даст Он ему прошения сердца

Его? До плотских ли наслаждений, когда у него так много духовных чад, предъявляющих ему свои многоразличные духовные или телесные немощи, в которых нужно им душевно сочувствовать, подавать искренние и здравые советы, когда ему каждый день предстоит подвиг от всего сердца и со слезами молиться о них пред Владыкою, да не набежит на них и не расхитит их мысленный волк, да даст им Господь преуспеяние жития и веры и разума духовного! До наслаждений ли плотских священнику, когда ему надо часто совершать службы в храме и предстоять Престолу Господню, когда ему так часто надо совершать Божественную пречудную Литургию и быть совершителем и причастником небесных и бессмертных и животворящих Тайн, когда ему вообще так часто приходится совершать другие таинства и молитвословия! Сердце, любящее плотские удовольствия, не верно Господу. «Не можете Богу работати и мамоне» (Мф. 6, 24; Лк. 16, 13).

Мгновенное пристрастие

«Если во время богослужения допустил бы кто-либо из нас, священнослужителей, одно мгновенное пристрастие к какой-либо вещи или личности, — то тотчас охладел бы к Богу и к молитве, и к людям, за которых должен предстательствовать пред Богом и людьми о спасении душ их, или об избавлении от различных бед, болезней, скорбей и обстояний. Таково существо всех пристрастий».

Пристрастие

(Пристрастия к плоти и вещам отвлекают человека от Бога.) «Если же он священник, то — не радит о молитве за народ и делается не душелюбцем, а сребролюбцем, честолюбцем, ища не людей, а людского, то есть их денег, пищи, питья, их ласки, доброго мнения и отзывов.

Помни, что мир, возникший из ничтожества, есть СУЩЕЕ НИЧТОЖЕСТВО и обратиться в ничто, ибо небо и земля прейдут (см.: Мф. 5, 18), а душа человеческая — дыхание Божие, образ бессмертного Царя Бога — и сама бессмертна».

Других считай праведниками

«Признавай немощи и страсти ближнего за свои собственные: «прощающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам» (Еф. 4, 32). О, как я грешен, противен по грехам моим очам Божиим, людям и даже самому себе! Кто же для меня может быть более противен, кроме меня самого? Воистину никто; в сравнении со мною все праведники.

Я должен помнить, что этим только я и заслуживаю себе милость Владыки, иначе мне давно не должно бы жить».

Дорожи постами

«Какое радостное время для благих ангелов Божиих наш Великий пост, и в частности — дни покаяния и причащения: пятница и суббота. И как много содействуют этой их радости священники, тщательно, отечески исповедующие своих духовных чад! Но, с другой стороны, для бесов нет

печальнее времени, как время поста, потому-то они с особенной силой свирепеют во время поста и с особенной лютостью нападают на священников, содействующих искреннему раскаянию во грехах людей Божиих, и с особенной силой стужают в храме и на дому благочестивым христианам, ревнующим о молитве, посте и покаянии. Кто из благочестивых священников и мирян не знает бесовской ярости, на них устремляемой во время самого совершения тайн покаяния?»

Священник — врач

«Трудность и болезненную жгучесть операции вынесешь, зато здрав будешь (говорится об исповеди). Это значит, что надо на исповеди, без утайки все свои срамные дела духовнику открыть, хотя и больно и стыдно, позорно, унизительно. В противном случае рана остается неизлечимой и будет болеть и ныть и подтачивать душевное здоровье, закваскою останется для других душевных немощей или греховных привычек и страстей. Священник — врач духовный; покажи ему раны, не стыдись, искренно, откровенно, с сыновнею доверчивостью: ведь духовник — твой отец духовный, который должен любить тебя больше твоих родных отца и матери, ибо Христова любовь выше плотской, естественной любви, — за тебя он должен дать ответ Богу. Отчего жизнь наша стала так нечиста, исполнена страстей и греховных навыков? От того, что весьма многие скрывают свои душевные раны или язвы, оттого они и болят и раздражаются и нельзя к ним приложить никакого врачевства».

Любовь к исповедуемым

«Только тогда ты будешь совершать достойно таинство покаяния, когда будешь не корыстолюбив, а душелюбив, когда будешь терпелив, а не раздражителен. О, какая великая любовь нужна к душам ближних, чтобы достойно, не торопясь и не горячась, с терпением, исповедывать их! Исповедующий священник должен помнить, что радость бывает на небеси о едином кающемся (см.: Лк. 15, 7).

Как же он должен стараться возбудить покаянные чувства в кающихся, которые не видят в чем покаяться, якоже подобает. Еще должен священник помнить, как апостол день и ночь поучал каждого из новопросвещенных христиан, поучал со слезами (см.: Деян. 20, 31). Всякая корысть в деле Божием должна быть отброшена в сторону, мзду должно полагать в едином Боге-Душелюбце».

Исповедь — крест духовнику

«Совершая таинство покаяния, чувствуешь и свое преокаяннейшее окаянство пред Богом и всю бедность, невежество, греховность природы человеческой. Крест, поистине крест — исповедь! О, каким должником пред своими духовными чадами чувствует себя священник на исповеди! Поистине неоплатным должником, повинным небесной правде и заслуживающим тысячи огней геенских! Видишь и чувствуешь, что при глубоком невежестве людей, при неведении ими истин веры и грехов своих, при их окаменелом нечувствии, духовнику надо крепко, крепко молиться за них и

учить их днем и ночью, рано и поздно. О, какое невежество! Не знают Троицы, не знают, Кто Христос, не знают, для чего живут на земле! А грехопадений-то? А мы ищем обогащения, покоя, не любим трудов, раздражаемся, когда их больше обыкновенного!»

Как смотрел отец Иоанн на общую исповедь?

«Общественная исповедь для священника — училище самоотвержения. Священник отнюдь не должен жить в неге и особенно лелеять себя сном и приятными кушаниями и питиями, в противном случае диавол легко запнет его сердце какою-либо страстью и повергнет в тесноту и расслабление. Распять, непременно распять свое чрево! Исповедь для священника есть подвиг любви к своим духовным чадам, не взирающей на лица, долготерпящей, милосердствующей, не превозносящейся, не гордящейся, не ищущей «своих си» (своего спокойствия, корысти), не раздражающейся, не радующейся или не потворствующей неправде, радующейся же об истине, все покрывающей, вся терпящей, николиже отпадающей (см.: 1 Кор. 13, 4–8). Тут видно, — видит сам священник, видят его духовные дети, — пастырь он или наемник, отец или чужой для своих чад, своих ли ищет или же Христа Иисуса. Боже мой, как трудно от врага препятствий! Как тяжко согрешаешь пред Богом, исповедуя не надлежащим образом!

О, сколько нужно приготовления к исповеди! Сколько надо молиться об успешном прохождении этого подвига! А какое невежество духовных чад! День и ночь надо сидеть с ними, со спокойствием, кротостью, и долготерпением поучать каждого из них. Какой крест для священника исповедь при сознании невежества исповедующихся, их холодности, греховности всякой, и по сознанию своего окаянства, своей немощи, вялости, косности сердца к сочувствию и к ревности о славе Божией и спасении ближних, как о собственном! А сколько налагает крестов на тебя диавол во время исповеди! Дело любви, дело беседы отца с чадами претворяет он в дело наемника с рабами, неохотно рассчитывающегося с ними».

Исповедовать нужно не торопясь

«При исповеди не жалей себя, не торопись, не горячись, не озлобляйся на приходящих детей. Говори себе: это мое удовольствие подробно исповедывать моих духовных детей, овец Господа моего. Этим я приношу приятнейшую жертву Господу моему, положившему за нас душу Свою, и приношу великую пользу самим духовным чадам, да и себе, потому что добровольно исполняю свое важное дело и имею спокойную совесть».

Твердость с исповедниками

«Спрашивай о грехах и поучай с твердостью и искренностью, а не вяло и раздвоенным сердцем; твердое слово вызывает твердое покаяние, скоро пробьет сердце и вырвет слезу умиления и сокрушения сердечного; но если священник спрашивает не твердо, а вяло, двоедушно, то и духовные чада, видя вялость и двоедушие отца духовного, не расположатся душевно, сердечно каяться».

Уныние перед исповедью

«Господу Богу моему, Богу спасения моего восписую благодарственная. Пред исповедью на Страстной неделе враг запнул меня, поразил сердце мое теснотою, смущением и злым унынием. Но вот я помолился от всего сердца с верою несомненною.

И что же? О Боже милости? Я всю исповедь провел прекрасно: спокойно, любезно, назидательно, без всякого отягощения и беспокойной торопливости».

Чувства говеющих

«Братия и сестры говеющие! Убоимся окаменелого нечувствия грехов наших; убоимся гордости своей сердечной, которая говорит: не нуждаюсь я в прощении грехов, я не виноват, я не грешен или: грехи у меня легкие, человеческие, — как будто нужно, чтобы были бесовские; или: мне не худо и во грехах моих жить. Это сатанинская гордость, и сам сатана в нашем сердце твердит те же слова. Восчувствуем глубоко, глубоко, всем сердцем, бесчисленные беззакония свои, будем воздыхать о них из глубины души, прольем об них слезы умиления и умилостивим разгневанного Владыку. Не станем нимало оправдывать себя, как фарисеи, лицемеры, ибо «не оправдится», — сказано, — пред Богом «всяк живый» (Пс. 142, 2), а одним только искренним покаянием во грехах можем умилостивить Бога.

Даруй всем нам, Господи, дух сокрушенный и сердце смиренно, да принесем Тебе истинное покаяние. Аминь».

Как часто можно исповедоваться

«Исповедоваться во грехах чаще надо для того, чтобы поражать, бичевать грехи открытым признанием их и чтобы больше чувствовать к ним омерзение. Подумай, человек, в какую беду вверг нас грех дерзновенный, и что сделал для нашего спасения Владыка-Христос, Сын Божий».

Нужда во светильниках

«Господи! Воздвигни Ты таких светильников на свешнице мира сего, на свешнице Церкви Твоей, да проповедуют они славу Твою, да ревнуют они о славе Твоей и спасении людей Твоих».

Как найти достойного иерея

«Где найти такого достойного иерея, который бы подобно Серафиму, горел духом, любовию, славословием, благодарением пред Господом за такие чудеса Его к нам и в нас, благости и премудрости? Я первый из грешников недостойно совершаю это пренебесное таинство, ибо имею всегда нечистое сердце, связанное похотями и сластями».

Стыдение светильников

«Вот светский кружок: говорят, говорят, большею частью переливая из пустого в порожнее, и нет речи о Боге — общем всех Отце, о любви Его к нам, о будущей жизни, о воздаянии, — почему? Стыдятся завести речь о Боге. Но, что удивительнее всего, даже люди, мнящиеся быть благочестивыми, сами светильники, редко говорят о Боге, о Христе Спасителе, о драго-

ценности времени, о воздержании, о воскресении, о суде, о будущем блаженстве и вечных муках, в кругу своих семейств и в кругу светских людей, а проводят часто время в пустых разговорах, играх и занятиях! Опять потому, что стыдятся завести такой разговор, боятся наскучить или опасаются, что сами не выдержат, не будут сердечно вести речь о духовных предметах. О мир прелюбодейный и грешный! Горе тебе в день суда от общего всех, нелицеприятного Судии. «Во своя прииде, и свои Его не приняша» (Ин. 1, 11). Да, не принят у нас Господь и Зиждитель всех!»

Леность священников

«Диавол поражает сердца священников леностью, сухостью и бесплодием, чтобы они не проповедовали истин Евангелия людям Божиим, не сказывали им всей воли Божией; он же во время молитвы иногда действует в сердце и поражает бесчувственностью, чтобы молитва была не искренняя, а только привычная; он же не дает сердцу созерцать на молитве величия всех совершенств Божиих, величия Богоматери, св. ангелов, и св. Божиих человеков. Диавол — это такая злая спица, которая во всякое время и всюду лезет в твои очи сердечные, затемняя и подавляя их, эта такая ядовитая пыль, которая постоянно носится в мысленной атмосфере нашей и садится на сердце, изъедая и сверля его. То же он делает с иными законоучителями, поражая и их сердца сухостью, бесплодием и теснотою, чтобы они не могли с сочувствием преподавать младым отраслям винограда Христова истин Божиих, напоять их живоносными струями Евангелия».

IX. Вера, неверие и сомнение

Зачем нам вера нужна?

«Когда сердце твое уклонится в помышления лукавства и лукавый, как говорится, начнет подмывать твое сердце, чтобы оно совсем ПОДВИГНУЛОСЬ С КАМНЯ ВЕРЫ, тогда скажи себе внутренно: знаю я свою духовную нищету, свое ничтожество без веры; скажи: я так немощен, что ИМЕНЕМ ХРИСТОВЫМ только живу, и уповаюсь, и веселюсь, распространяюсь сердцем, а без Него — мертв душевно, и беспокоюсь, стесняюсь сердцем».

«Если не возгревать в сердце теплоты веры, то может от нерадения совсем погаснуть в нас вера, может как бы совсем помереть для нас христианство со всеми его таинствами. Враг о том только и старается, чтобы... привести в забвение все истины Христовы. Оттого мы видим людей, которые только по одному имени христиане, а по делам совершенные язычники».

Что есть вера?

«Уверенность в духовной истине, в Сущем или в Боге, в существовании мира духовного с его свойствами, подобно как мы уверены в бытии мира вещественного и его принадлежностей.

Например, я несомненно уверен, что Бог вечен, всеблаг, премудр и всемогущ, и не помыслю, что Он не вечен, не всеблаг, не премудр, не всемогущ; это значит, что я верую твердо и несомненно; я верую, что Бог, как Благость, даст все, чего ни попросишь у Него, и не усомнюсь в этом; значит, я верую».

Несомненность веры

«Я взираю только на Тебя, Владыко, сердечными очами; я верую в Тебя несомненно. Ты Сам знаешь, что и как даровать мне. Ты — сокровище всякого блага, Ты — преизливающаяся на всех тварей благостыня, премудрость, всемогущество. Так и к Тебе взираю, о Владычице, Сама заступи и помилуй мя».

Внутреннее познание Бога

«Бога мы не видим, но ощущаем Его в Его действиях на нашу душу, например, во время молитвы — так что свидетельства внешних чувств в своей области ниже, по своей достоверности, этого душевного ощущения.

Ощущение души так достоверно, как достоверно то, что я живу и чувствую; да притом душа имеет у себя в услужении и все чувства внешние, и может, по произволу, или изощрять или притуплять их. «Дух, идеже хощет, дышет, и глас Его слышиши, но не веси, откуду приходит, и камо идет» (Ин. 3, 8). Итак, вот крепкое основание для моей веры в Бога, после Св. Писания: я ощущаю в себе Бога. «К нему приидем, и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23). «Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас»? (1 Кор. 1, 3 и 16)».

«Душе благочестивой бытие Божие так очевидно, как собственное бытие... (Бог) отражается в благочестивой душе, как солнце в капле воды».

Вера зрит выше чувственного мира

«Сердечная вера в мир духовный, особенно в духовное всепросвещение и всеоживляющее Солнце, радует, живит душу, имеющую непорочную совесть. Вера должна доходить до сердечного зрения. Это значит, что душа должна стать как бы выше чувственности, выше телесного, мрачного естества своего и проникнуть собою — возможно чистым зрением сердца — в мир духовный. Тут-то ей будет хорошо, тут-то ее истинная жизнь, ее успокоение и радость. Опыт».

Как можно колебаться?

«Как же не видеть пред собою постоянно Благодетеля, колебаться мысленно в живой вере в Него!.. Одна и та же причина не может производить противоположных действий».

О вера святая!

«Какими словами, какими песнями и прославлю тебя за бесчисленные блага для души и тела моего, дарованные мне тобою, за все силы, которые ты во мне совершила и совершаешь, за блага мира и отъятие смятения, за блага свободы с отъятием тесноты горькой, за блага дерзновения с объятием малодушия и боязни, за благо духовной власти и духовного величия с

отъятием рабства греховного и низости духа, за благо святости с отъятием греховной нечистоты, за отъятие злобы, зависти, своеволия и упрямства, любостяжания, блуда и всякого греховного растления? Слава, Тебе, Богу, Благодетелю моему, во веки веков!»

Вера дает радость, неверие — муку

«Когда я Божий, тогда мне хорошо, а когда свой — худо; то есть когда я по вере и добрым мыслям, словами и делом близок к Богу, тогда у меня мир и радость на душе, а когда неверием или сомнением, недобрыми мыслями, желаниями и делами удаляюсь от Него, тогда скорбь и теснота в бедной душе моей. Как же мне до сих пор не научиться самой живой вере в Бога и жизни по Его святой воле, так ясно мне открываемой, и каждую минуту не быть убежденным от всего сердца, что вера и добродетель — для меня чудотворны, а неверие и грех — губительны! Во мне кто-то самым тщательным образом непрестанно силится разрушить всякое добро, лишь только я созижду его, и тяготит меня адскою тяжестью каждый раз, когда мысль моя поколеблется в вере или добродетели».

В ком обитает вера?

«Вера есть ключ к сокровищнице Божией. Она обитает в простом, добром, любящем сердце».

У Господа закон

«У Господа такой закон, по которому «все возможно верующему» (Мк. 9, 23), а неверующему, сомневающемуся нельзя подвигаться вперед».

Вера есть Божий дар

«Что я принесу Тебе, за все благая Твоя, ими же непрестанно меня ущедряеши? — Единую веру мою, ибо дел не имам оправдающих мя, ничтоже бо благо сотворих пред Тобою. Но и вера моя есть Твой же дар; обаче Твоя от Твоих приносимое Тебе приими. Ибо все — Твое, и все мы — Твои, Ты совершеннейший Первообраз наш, мы образы неизреченной Твоей славы, аще и язвы носим прегрешений».

Отчего безверие

«Люди впали в безверие от того, что потеряли совершенно дух молитвы, или — вовсе не имели и не имеют его, короче — от того, что не молятся. Князю века сего — простор для действия в сердцах таких людей: он — господин в них... Сердца, испорченные по природе, без живительной росы Духа Святого пересохли и от простой сухоты, наконец, запылали адским пламенем неверия и порочных страстей».

«Особенно неизвинительно малодушие, неверие в человеке, который удостоивался часто получать чудесную помощь от Бога-Спасителя. О я многогрешный».

Не верь мыслям людей

«Есть у меня Учитель, дарующий мне жизнь: каждое слово Его есть слово жизни и, значит, истина. Ему-то я во всем верю, а всему, что слышу

противного Его слову — в моих мыслях и в сердце, или от людей, — не верю и почитаю ложью, смертью для души».

Вера от Духа

«Вера подается человеку Духом Святым, — оттого «никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым» (1 Кор. 12, 3). — Духа Святого открыл нам Иисус Христос, Духом Святым зачавшийся и родившийся, Духом возраставший и укреплявшийся, Духом изгонявший бесов, Духом Святым воскресший. — О Духе Святом проповедовали апостолы, мученики, преподобные, святители, и весьма многие запечатлели кровию учение о Святой Троице».

Причащение соединяет верующего с Богом

«Ихже бо предуведе, (тех) и предустави» (Рим. 8, 29). Господь сподобил меня священнического служения, величайшего, после царского, служения Ему и людям Его... Оно возвышает человека до небес и даже возводит выше небес, когда он совершает тайну Евхаристии, тайну Пречистого Тела и Крови Христовой: тут священник и сам соединяется существенно с Господом в тайне причащения и соединяет людей с Богом и служит посредником их обожения».

Опыть подтверждает это

«Лукавство сердца человеческого, вследствие природной испорченности и навыка на грехи, — громадно; особенно — маловерие и неверие Божественным и таинственным вещам. Так, например, величайшая тайна причащение Тела и Крови не подлежит сомнению, потому что слово Господне есть «ей и аминь», то есть непреложно, верно, непременно, всемогуще; потому что верующий и благочестиво живущий, тысячи и миллионы раз испытал сердцем и всем существом своим истину и животворность этой тайны, победу ее над всеми страстями, и очищение грехов, освящение, силу, мир, радость. И все-таки в самый момент причащения, по действу врага и испорченности своего сердца, ИНОГДА ЧЕЛОВЕК ОСКУДЕВАЕТ ВЕРОЮ... Бедное человечество».

Средства надежды

«Средства, утверждающие надежду христианскую: молитва, особенно часто, искреннее молитвенное исповедание грехов своих, частое чтение Слова Божия, особенно же частое причащение Св. животворящих Таин Тела и Крови Христовой.

Утверждению в сердце молящегося надежды много способствуют опыты получения просимого. А эти опыты внимательный к себе легко заметит».

Тысячу раз нужен опыт веры

«В обыкновенных познаниях человеческих — узнал раз хорошо какой-либо предмет, и часто на всю жизнь знаешь его хорошо, без помрачения познания о нем. А в вере не так: раз познал, ощутил, осязал, думаешь: всегда так будет ясен, осязателен, любим предмет веры души моей, но нет, тысячу раз он будет потемняться для тебя, удаляться от тебя и как бы

исчезать для тебя, и что ты прежде любил, чем жил и дышал, к тому, по временам, будешь чувствовать совершенное равнодушие, и надо иногда воздыханиями и слезами прочищать — себе дорогу, чтобы увидеть его, схватить и обнять сердцем. Это от греха».

Вере учит Сам Бог

«Как мать младенца учит ходить, так Господь учит нас живой вере в Него: поставит мать младенца, остановит его самому себе, а сама отойдет: потом велит идти к себе младенцу.

...Оставляет его (христианина) Господь Своею помощью и предает диаволу или разным бедствиям и скорбям; потом, когда будет крайне нужна помощь избавиться этих, готов взять к Себе, как бы на руки... и прогоняет врагов. И чувствует христианин, что попал на руки к Самому Спасителю... Главное — вера или сердечное зрение Господа и надежда получить от Него, как всеблагого, все! Истинно с опыта».

«Жизнь духовная невидима и сообщается нам по нашей вере в невидимую, личную жизнь — в Бога; то проводник жизни в наше сердце есть живая искренняя вера наша в Бога».

«При неверии чему-нибудь истинному, святому, ум обыкновенно затмевается, сердце неверное поражается страхом и теснотою, а при искренней вере ощущает радость, спокойствие, широту или расширение в себе жизни, так что и ум делается светлым и далеко зрящим. Да, страдания сердца при неверии во что-либо истинное, святое есть верный признак истины того, во что оно не верует».

Разум — слуга сердца

«Помним: разум — слуга сердца, которое есть жизнь наша; если он ведет к истине, к миру, радости, к жизни, — он исполняет свое назначение, он истина; если к сомнению, к беспокойству, томлению, унынию, мраку, — он уклоняется от своего назначения и непременно лжив (лжеименного разума). Если сердце от веры во что-либо чувствует покой, усладу, легкость, — этого и довольно; от рассудка же не надо и требовать доказательств в истине этого предмета; он несомненно истинен, в том сердце уверяет своею жизнью, ибо цель всех разысканий есть истина и жизнь».

Когда найдет смятение

«Когда сердце твое уклонится в помышления лукавства, и лукавый, как говорится, начнет подмывать твое сердце, чтобы оно совсем подвигнулось с камня веры, тогда скажи себе внутренно: знаю я свою духовную нищету, свое ничтожество без веры; скажи: я так немощен, что именем Христовым только и живу, и упокаиваюсь, и веселюсь, распространяюсь сердцем, а без Него — мертв душевно, беспокоюсь, стесняюсь сердцем; без креста Господня я давно был бы жертвою самой лютой скорби и отчаяния. Христос меня держит в жизни, крест мой и утешение мое».

Беда маловерия

«Возопив отец отрочати, со слезами глаголаше: верую, Господи, помози моему неверию» (Мк. 9, 24). Какое горе! Отовсюду тесно и сына жалко, да

и веры нет в сердце: нельзя не плакать. И вот со слезами говорит: верую, Господи, помози моему неверию. Так и с нами: беда грозит, а веры в сердце, отвращающей беды, нет; как не оплачешь свою двойную беду! А многие имеют каменное сердце и не чувствуют потребности в вере для своего избавления от беды».

Кто приходил с того света

«Ты не веришь в будущую жизнь и говоришь: на том свете никто не был (разумея живых) и не приходил оттуда сказать нам о ней. Как не был никто? Как не приходил оттуда? А Сын Божий разве не приходил оттуда; разве не уверил Он нас неложным словом Своим и даже собственным примером — в действительности жизни загробной.

Восставши из мертвых, Он в виду учеников своих вознесся на небо, откуда опять придет. И Апостолы говорят: «горняя мудрствуйте, (а) не земная... Идеже есть Христос, одесную Бога седя» (Кол. 3, 2 и 1). Емлися за вечную жизнь, говорят еще».

Неверие — от диавола

«Кто этот враг, с таким упорством и настойчивостью препятствующий нам с несомненной верою причащаться Хлеба животного? Кто это сеет в сердце плевелы неверия — тогда, вера живая всего нам необходимее? С кем это я так упорно борюсь всегда? Какой это невидимый, несомненный враг гнездится в моем сердце? О! Это — тот змей, который и вначале внушил неверие нашим праотцам и клеветал дерзко на Самого Бога, как будто бы Он не истинен в словах Своих и — убил неосторожных, посеяв в их сердцах яд неверия, и воспалил в них похоть плоти, похоть очей и гордость. Но слава Господу, давшему нам власть наступати на змея и на скорпиона и на всю силу вражию. Опытные в брани воины Христовы не дадут излиться яду сатанинского неверия в сердце свое и ни на мгновение не согласятся сердцем на то, будто жизнь — не жизнь, будто Спаситель — не Спаситель, будто Всемогущий — не Всемогущий, будто Тело и Кровь Господа только хлеб и вино».

Диавол подкапывает веру

«Диавол как искусный мастер на разрушение, подкапывает самое основание нашей жизни — веру. Тяжело бороться, когда веру, так сказать, вырывают из сердца: тогда теряется самая опора борьбы, отнимается вся сила нравственная, потому что вера есть сила наша и победа наша, как говорит Апостол: «сия есть победа победившая мир, вера наша» (1 Ин. 5, 4). Какая же поэтому победа без веры? Как же надобно стоять в вере, мужаться, укрепляться».

Не косни в недоумении

«Не возмущайся же и не косни в смущении и недоумении, когда убийственные мысли будут толпиться в твоей голове и теснить твое сердце, твою душу: они ложны, они от диавола — человекоубийцы. Гони их, и не спрашивай, откуда они пришли, эти незванные гости: мгновенно по пло-

дам узнаешь их. Не вступай с ними в состязание, — заведут в такой лабиринт, что и не выйдешь, запутаешься и измучишься».

Хула — от диавола

«Хула на святыню или помыслы плотской нечистоты — есть диавол. Когда этот смрад из адской бездны будет беспокоить и душить тебя, тогда только убедись, только верь сердечно, что — это диавольское дело, и от тебя отстанет эта грязь. Господь да просветит и утвердит».

Понимающий плюет на бесов

«Нет нелепости, мерзости, гнусного безобразия, безумства непотребства, хулы, извращения естественного порядка, коих ни вложил бы сатана в ум и сердце человека, чтобы его смутить, осквернить, устрашить, поразить унынием и отчаянием или побудить сделать всякий грех, самый нелепый и убийственный. Многие принуждены плакать от его хулений, назойливо лезущих в ум и в сердце!

Понимающий в чем дело, — дует и плюет на духов лукавых, внушающих ему нелепости, и победит их именем Иисусовым и силою Креста».

Неверующие погибают

«Есть множество неверующих, лукавых, гордых, самомнительных, которые отвергают веру во Христа, как Богочеловека, Искупителя и Спасителя, или веруют холодным умом, но дел благих не имеют, не нудят себя на исправление и добрые дела, не творят дел покаяния и, как бесплодная смоковница, погибают: много званых, но мало избранных».

Чрез безбожников восстает диавол

«Ныне нет у нас мучений за веру, которым подвергались древние мученики и мученицы, но зато есть мучения другого рода — мучения совести, и в сознании того, что между самими христианами, нашими соотечественниками, есть безбожники и ругатели Христа и святой веры. Но тем дороже и любезнее нам наша святая вера, чем неистовее нападают на нее враги, ибо кто из них восстает на св. веру? Сам ДИАВОЛ И АНТИХРИСТ, которого предтечи появились и действуют в мире. Истина всегда в гонении от врага Божия».

Вера у духовного и неверие у плотского

«Чем более человек ведет духовную жизнь, тем более он одухотворяется: он начинает видеть во всем Бога, во всем проявление Его силы и могущества; всегда и везде видит себя пребывающим в Боге и от Бога во всем самомалейшем зависящим. Но чем более плотской образ жизни ведет человек, тем он более делается весь плотяным: он ни в чем не видит Бога, в самых чудесных проявлениях Его божественной силы, — во всем видит плоть, материю и везде и во всякое время — несть Бога пред очами его (см.: Пс. 35, 2)».

Рассудок мешает вере

«Бог может сделать для меня даже то, что по моим понятиям невозможно. Та беда наша, что в веру нашу мешается близорукий рассудок, этот

паук, ловящий истину сетками своих суждений, умозаключений, аналогий. Вера вдруг обнимает, видит, а рассудок окольными путями доходит до истины: вера — средство сообщения духа с духом, а рассудок — духовно-чувственного с духовно-чувственным и просто материальным; та — дух, а этот — плоть».

Сердце выше разума

«При образовании чрезвычайно вредно развивать только рассудок и ум, оставляя без внимания сердце, — на сердце больше всего нужно обращать внимание: сердце — жизнь, но жизнь, испорченная грехом; нужно очистить этот источник жизни, нужно зажечь в нем чистый пламень жизни, так чтобы он горел и не угасал, и давал направление всем мыслям, желаниям и стремлениям человека, всей его жизни. Общество растлено именно от недостатка воспитания христианского. Пора христианам понять Господа, чего Он от нас хочет: именно Он хочет чистого сердца: «блажени чистии сердцем» (Мф. 5, 8). Прислушайтесь к Его сладчайшему гласу в Евангелии. А истинная жизнь нашего сердца — Христос (живет во мне Христос). Научитесь все мудрости Апостола — это наша общая задача: вселить верою Христа в сердце».

Не спрашивай о тайнах: как?

«Благоговей всеми силами души пред всеми таинствами и говори себе о каждом таинстве пред совершением или причащением его: ЭТО ТАЙНА БОЖИЯ. Я — только недостойный приставник ее или участник ее. А то гордый разум наш и тайну Божию хочет исследовать, а если не может ее исследовать, то отвергает, как не подходящую под ничтожную мерку его».

Вера и разум

«Когда дело идет о тайнах Божиих, не спрашивай внутренно: как это бывает? Ты не знаешь, как Бог сотворил мир ИЗ НИЧЕГО; не можешь да и не должен знать, как что-либо Бог делает тайно. ТАЙНА БОЖИЯ ТАЙНОЮ и должна для тебя оставаться. Потому что ты — не Бог, не можешь знать, что бесконечно премудрому, всемогущему Богу известно. Ты — дело рук Его, ничтожная тварь Его. Помни, что было время, когда не было ничего, а потом все, что есть теперь, сотворено из ничего Словом Божиим. «Без Него ничтоже бысть, еже бысть» (Ин. 1, 3)».

«Сердечная вера необходима человеку, потому что светоч ума нашего, очень ограниченный, немного вмещает в себя света умного; Господь Бог есть беспредельный Свет, и мир есть бездна Его всемогущества и премудрости, тогда как в нас только ничтожная, так сказать, капля Его силы и мудрости, потому что столько, а не больше вместить их могли мы в своем бренном теле».

От своего разума плотского совсем откажись и не внимай ему, ибо плотской разум кичит (1 Кор. 8, 1), сомневается, мечтает, хулит».

Совопросничество о тайне Троицы

«Диавол иногда действует в голове как беспокойный совопросник о непостижимом, как дерзкий посягатель на неприступные тайны Трех Лиц

Божества, на их взаимные отношения. С благоговением и крайне осторожно нужно мыслить о троичности Божества».

Наглядный образ Бога — эфир

«Если немощь плоти требует наглядного представления вездеприсутствия Божия, то представь для нее вездеприсутствие под образом умного, беспредельного эфирного океана (гласа хлада тонка, — впрочем, образа отнюдь не принимай за самый предмет), который везде находится, все проходит и все держит в бытии и в то же время сам ничем не ограничивается; в котором живут и движутся все духи, все миры, все твари и без которого нельзя представить никакой жизни; который всегда при тебе, но часто и находясь при тебе, как бы не был при тебе: потому, что ты неверием, маловерием, гордостью, пресыщением или другими грехами преграждаешь доступ Ему — Чистому — к тебе — нечистому. Который непостижимо, но истинно и существенно действует на умы и сердца всех земнородных. Который везде, на всяком месте, но к Которому без ключа веры нельзя подойти и с Ним соединиться».

Неверие мучительно

«Неверие потому и мучит меня, что оно есть клевета сердца моего или злого духа на Бога, Который есть жизнь моя. Мысленное отрицание моею свободною душою Само-Живота есть, естественно и праведно, смерть для нее.

Общение с Богом бывает у меня чрез мысль, чрез веру сердца, которая есть не иное что, как живая и ясная мысль, что Бог есть на всяком месте; когда соединительное начало души моей с Богом пресечено, тогда нет для меня и жизни истинной, а есть один призрак внешней, ложной жизни, животной».

Маловеры — несчастные люди

«Степени блаженства и мучений в будущем веке будут различны. Чем проще, добрее, общительнее человек, тем он блаженнее внутренне; чем лукавее, злее, самолюбивее, тем несчастнее; чем сильнее в нем вера и любовь, тем блаженнее; чем слабее, тем хуже, так что маловеры, безверы, человеконенавистники — самые несчастные люди. Поэтому разумевай и о будущих мучениях».

Отвращение к неверующему

«Дивное дело! Душа наша чувствует при столкновении с неверующим и хладным к Богу человеком отвращение к нему, а диавол старается обратить это справедливое нерасположение и негодование в злобу к нему. Чтобы не питать злобы и не служить диаволу, надо сказать самому себе: я не расположен и хладен к брату за его нерасположение и хладность к Богу, а не питаю в сердце своем ненависти и злобы к нему, ибо терплю его, как свой больной член и хочу врачевать его с кротостью, наказуя противного, «еда како даст им (ему) Бог покаяние в разум истины» (2 Тим. 2, 25).

Впрочем, терпи любовию всякого и смотри более сам на себя: каков ты сам, не хладен ли к Богу и ближнему? Если же так, то незачем бросать камень в брата, когда этот камень надо обратить на себя».

Борьба веры с неверием

«Мы замечаем в себе борьбу веры с неверием, доброй силы со злою, а в свете — духа церковности с духом мира. Там по духу различите вы явно две противоположные стороны: сторону света и сторону тьмы, добра и зла, церковности, религиозности и светскости, безверия. Знаете отчего это? — От борьбы двух противоположных сил: силы Божией и силы диавольской. Господь действует в покорных Себе сынах, а диавол — в сынах противления (дух, «иже ныне действует в сынех противления» (Еф. 2, 2). И я чувствую в себе нередко борьбу двух противоположных сил. Когда я стану на молитву, то иногда злая сила давит мучительно и погружает мое сердце, чтобы не могло оно возноситься к Богу».

Требуется ответ: верую

«Сомнение — хула на Бога, дерзкая ложь сердца или находящегося в сердце духа лжи — на Духа Святого. Бойся его, как ядовитой змеи; или нет — что я говорю? — пренебрегай им, не обращай ни малейшего внимания. Помни, что Бог во время прошения твоего ожидает утвердительного ответа на вопрос, внутренно им тебе предлагаемый: «веруеш ли, яко могу сие сотворити» (ср.: Мф. 9, 28)? Да, ты должен из глубины сердца ответить: верую, Господи! И тогда будет по вере твоей».

«Та беда наша, что в веру нашу мешается близорукий рассудок, этот паук, ловящий истину сетками своих суждений, умозаключений, аналогий. Вера вдруг обнимает, видит, а рассудок окольными путями доходит до истины: вера — средство сообщения духа с духом, а рассудок — духовно-чувственного с духовно-чувственным и просто материальным; та — дух, а этот — плоть».

Неверие от одичалости духовной

«С тех пор, как человек по своей воле отпал от Бога, он, как животное, бывшее некогда домашним, но потом одичавшее в дремучих лесах, неохотно смотрит на место прежнего жительства своего, любит больше мрак леса, то есть здешнего мира, чем свет прежнего места, то есть рая Божия. Трудно соединяется с Богом и по соединении часто отпадает от Него; трудно верует искренно в Бога и во все, что Он открыл ему, не заботится постоянно о сохранении в сердце небесного дара веры».

Сомнение в силе слова

«Когда усумнишься в совершимости или исполнении слова молитвенного, помяни, что природа слова — совершимость, действенность, и что Дух Святый, научающий нас молиться о чесом-либо, якоже подобает, есть и называется Сам Совершитель, Он-то и совершает нашу молитву (совершаемая Духом). Помяни, что слово есть сила: не изнемогает, сказано, «у Бога всяк глагол» (Лк. 1, 37). Глагол Господень не возвращается к Нему

тощ (см.: Ис. 55, 11), но подобно дождю или снегу, поит землю сердец наших и дает семя (исполнение) и сеющему. И о людях говорят: у него необыкновенная сила слова. Видишь, слово есть сила, дух, жизнь».

Нищий духом — не смеет испытывать тайны Божии

«Для нищего духом и весь мир, яко ничто; везде он видит одного Бога, все оживляющего и всем управляющего; нет у него места без Бога, нет мгновения без Бога — всюду и всякую минуту он с Богом и как бы с Ним Одним. Нищий духом не смеет и не думает постичь непостижимое, раскрывать тайны Божии, высокая мудрствовать, он верит одному слову Господа-Жизнодавца, зная, что и каждое слово Его есть истина, дух и живот вечный, и словам Церкви Его, присно наставляемой Духом Святым на всякую истину; верит, как верит дитя отцу или матери своей, не требуя доказательств, полагаясь совершенно на них. Нищий духом считает себя последнейшим и грешнейшим паче всех, вменяет себя попранием всех».

Вера при смирении

«При помыслах неверия прежде всего поверь, что ты великий грешник (а этому последнему нельзя не верить, потому что ежедневный опыт твердит об этом всякому, и голос совести вопиет о том непрестанно); тогда поверишь и тому, во что не веруешь. Признавая себя грешником, ты будешь смирен до земли, а при смирении не может быть неверия, только гордость смеет не верить».

Простая вера

«Во время молитв домашних и общественных, против лукавства диавольского и рассеяния мыслей, напоминай себе О ПРОСТОТЕ ИСТИНЫ и говори себе: «просто», то есть я верую во все, просимое в простоте сердца, и прошу всего просто. А твое, враг мой, лукавство, твои хулы, мерзости, мечты — ОТВЕРГАЮ!»

Плотскому непонятно

«Плотской человек не понимает духовного блаженства... и не может понять, хотя сколько-нибудь, что за блаженство будет в том веке. Он ничего не знает выше земного, плотского блаженства и будущие блага считает за мечту воображения. Но духовный по опыту знает блаженство души добродетельной и заранее предвкушает сердцем будущее блаженство».

Писанию и святым отцам верь!

«Если истина чего-либо открыта в Божественном Слове, исследована и объяснена богопросвещенным умом святых мужей, прославленных Богом, и познана сердцем (опытом) в ее свете и животворности, тогда сомневаться в ней, недоумевать о ней — есть тяжкий грех, есть диавольское кичение ума и сердца».

Дух Святый учит простоте

«Сомнение и презорство к слову, как яд духа лжи, надо отсекать. А как сомнение и презорство есть плод сомнения и гордости, то гордость надо с

корнем отсекать и быть как бы младенцем, в простоте лепечущим пред Богом, — младенцем, который знает и говорит только то, чему он научен от родителей: посторонних внушений, противных родительским, не слушает и не знает, да и слушать и знать не хочет! Дух Святый научил святых мужей, как детей простых и незлобивых, просить благодать и славославить Бога».

Церковь столп истины

«Зачем мнительность там, где она не должна быть, — например, при чтении и слышании Божия Слова, церковных чтений и пений, на молитве и проч.? БОГ ЕСТЬ ИСТИНА: этого довольно! Церковь есть «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15). Диавол — ложь, клеветник, противник; этого довольно! Знай одного Бога и Его истину».

Авторитет святых отцов ручается за истинность

Во время богослужения, во время совершения всех таинств и молитвословий, будь доверчив, как дитя по отношению к своим родителям. Помни, какие великие отцы, какие светила вселенной, Духом Святым озаренные, руководят тебя! Как дитя будь прост, доверчив, не сумнителен в деле Божием. Всю печаль возверзи на Господа, а сам будь совершенно беспечален. «Не пецытеся, како или что возглаголете», или что речете: «не вы бо будете глаголющии, но Дух Отца вашего глаголай в вас» (Мф. 10, 19–20). Давно Господь снял с нас эту заботу, эту печаль, научив богоносных отцов наших Духом Своим, что глаголать Господу при богослужении, совершении таинств и при разных случаях и обстоятельствах человеческой жизни, требующих молитвы, низводящей вышнее благословение. Нам должно быть легко молиться. Только вот враг стужает. Да что его стужание, если сердце наше утверждено в Господе! Вот беда, если мы не в Боге, если веры твердой в нас нет; если пристрастиями житейскими связали себя, если разум наш горд и кичлив, тогда и в святейшем, непорочнейшем деле богослужения, совершения и причащения Св. Таин диавол будет сильно запинать нас».

Святые делом оправдали христианство

«Оправдана мудрость Божия от чад своих (см.: Мф. 11, 19), от всех святых и праведных, от всего сонма патриархов, пророков, апостолов, святителей, мучеников, преподобных и всех святых, иначе сказать: дивный промысел Божий о роде человеческом оправдан всеми истинными членами Церкви Божией в Ветхом и Новом Завете. Идея Тела — Церкви с Главою ее Христом — проходит чрез все богослужение нашей Церкви: вечерню, утреню и обедню, чрез весь годичный круг богослужений — будничный, воскресный, праздничный, постный; чрез все таинства нашей Св. Церкви; чрез все законодательство; чрез все Соборы Вселенские и Поместные и их каноны; чрез все управление церковное».

Не вера виновата, что много званых и мало избранных

«И в христианстве много званых, но мало избранных. Многие именуются христианами, но не многие в самом деле таковы, не многие творят плоды Царствия Божия; вот отчего и в христианстве много безбожников, вольнодумцев, суеверов, корыстолюбцев, сластолюбцев, блудников, пьяниц, воров и

так далее. Не вера виновата, что христиане таковы, а носящие имя Христово на себе виноваты в своем невнимании к вере и ее правилам.

Господи, что нам делать? Победи нас Своею милостью, Своею любовью, Своею премудростью, мудрование плоти нашей упраздни, силою благости Твоей злобу нашу победи».

Священник должен учить вере других

«Господи, что принесу Тебе, чем отблагодарю Тебя за Твои непрестанные, величайшие — мне и прочим людям Твоим — милости Твоя?! Ибо я каждое мгновение оживляюсь Духом Твоим Святым (перечисляет и другие духовные и телесные милости)... Величай успехами дела мои, о имени Твоем совершаемые... Но познан буди и прочими людьми Твоими тако, якоже мне явился еси, Человеколюбче, да ведают Тебя, Отца всех, Твою благость, Твой промысл, Твою премудрость и силу, и прославят Тебя со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь».

«Верую» — пред Евхаристией

«Для чего поется «Верую» пред пресуществлением Святых Даров? Для чего и священник в алтаре читает в это время про себя «Верую»? Для того, чтобы предстоящие веровали и помнили, что при пресуществлении Святых Даров участвует Святая Троица и что тайна Евхаристии есть дело Святой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа; для того, чтобы и священник неосужденно с несомненною верою в благость и всемогущество Отца и Сына и Святого Духа совершил святое таинство и потом в свое время причастился его, ибо в это время особенно потребна для священника великая вера, так как в это, по преимуществу, время враг усиливается поразить ум и сердце священника холодностью и неверием, или возмущать сомнением».

Утро — свободнее

«Ловите утренние часы: это часы как бы новой, обновленной временным сном жизни... Внутренний человек... выглядывает свободнее утром».

Утром молитва сильнее

«Чтобы провести весь день свято, мирно и безгрешно, для этого единственное средство — самая искренняя горячая молитва утром по восстании от сна. Она введет в сердце Христа со Отцем и Духом Святым, и таким образом даст силу и крепость душе против поражений зла: только хранить (потом) сердце надежно».

Молись о вере с верою

«Если хочешь молитвою испросить себе какого-либо блага у Бога, то прежде молитвы приготовь себя к несомненной крепкой вере и прими заблаговременно средства против сомнения и неверия.

Худо, если во время самой молитвы сердце твое изнеможет в вере и не устоит в ней, тогда и не думай, чтобы ты получил то, о чем просишь Господа, «сумняся», потому что ты оскорбил Бога (сомнением), а ругателю Бог не дает даров Своих. «Вся, — сказал Господь, — елика аще воспроси-

те в молитве, верующе, приимете» (Мф. 21, 22). Не прогневляй же вседержавного Бога, не таи сомнения; особенно Ты, испытавший на себе Божие всемогущество множество раз».

X. Молитва

Что такое молитва?

«Молитва — есть возношения ума и сердца к Богу (православный катихизис митрополита Филарета). Созерцание Бога, дерзновенная беседа твари с Творцом, благоговейное стояние души пред Ним, как пред Царем и Само-Животом, дающим всем живот, забвение для Него всего окружающего, пища души, воздух, свет, животворящая теплота ее, очищение грехов — благое иго Христово, легкое бремя Его. Молитва — постоянное чувство своей немощи или нищеты духовной, освящение души, предвкушение будущего блаженства, блаженство ангельское, небесный дождь освежающий, напояющий и оплодотворяющий землю души, сила и крепость души и тела, очищение лица, веселие духа, златая связь, соединяющая тварь с Творцем, бодрость и мужество при всех скорбях и искушениях жизни, светильник жизни, успех в делах, равноангельское достоинство, утверждение веры, надежды и любви. Молитва — сообщество с ангелами и святыми, от века Богу угодившими. Молитва — исправление жизни, мать сердечного сокрушения и слез; сильное побуждение к делам милосердия; безопасность жизни, уничтожение страха смертного, пренебрежение земными сокровищами, желание небесных благ; ожидание всемирного Судии, общего воскресения, жизни будущего века; усиленное старание избавиться от вечных мучений, непрестанное искание (помилования) у Владыки, хождение пред очами Божиими, блаженное исчезание пред всесоздавшим и всеисполняющим Творцом, живая души вода, вмещение в сердце всех людей любовию, низведение в сердце Пресвятыя Троицы, по сказанному: «к нему приидем, и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23).

Источник и важность молитвы

«Молитва есть дыхание души, молитва есть духовная пища и питие. Молитва есть дыхание души, как воздух, дыхание естественного тела. Дышим Духом Святым. Ни одного слова молитвы не можем сказать от всего сердца без Духа Святого. Молясь, усты ко устам с Господом беседуешь и если имеем открытые верою и любовию сердечные уста, в то же время как бы вдыхаешь из Него просимые духовные блага Духом Святым».

Молитва — от Духа Святого

«Молитва — дыхание духовное; молясь, мы дышим Духом Святым: «Духом Святым молящеся» (Иуд. 1, 20). Итак, все церковные молитвы — дыхание Духа Святого, как бы духовный воздух и вместе свет, духовный огонь, духовная пища и духовное одеяние».

Святые составили молитвы

«Святые Божии люди имели просвещенные очеса сердца (см.: Еф. 1, 18) и этими очами ясно созерцали нужды нашей растленной грехом природы, ясно видели, о чем нужно молиться, чего просить, за что благодарить, как славить Господа, и оставили нам превосходнейшие образцы молитв всякого рода. О, как хороши эти молитвы! Мы иногда не чувствуем и не знаем цены им, между тем как прекрасно знаем цену пище и питию, цену модной одежде, хорошо меблированной квартире, цену театрам, цену музыке, цену светской литературе, именно цену романам, этому красноречивому, пустому многословию — и увы! — драгоценный бисер молитвы попираем ногами своими».

Основание молитвы

«Молитва — доказательство моей разумной личности, моей богообразности, залог моего будущего обожения и блаженства.

Молитва внушает мне, что я образ Божий, что при смиренном и благодарном расположении и своей души пред Богом, при своей свободной воле и, бесконечно умножая духовные дары Божии, могу, таким образом, в бесконечность усовершаться и до бесконечности увеличивать мое богоподобие, мое небесное блаженство, к которому я предопределен! О! Молитва есть знак моего великого достоинства, которым почтил меня Создатель. —Но она, в одно и то же время, напоминает мне о моем ничтожестве (из ничего я, и ничего своего не имею — потому и прошу Бога о всем), как и о моем высочайшем достоинстве: я могу другом Божиим назваться, как Авраам, отец верующих, только бы веровал я несомненно в бытие, благость и всемогущество Бога моего и уподоблялся Ему в сей жизни делами любви и милосердия».

Молитва — доказательство богообразности

«Основание молитвы — стремление образа к Первообразу, как подобного к подобному».

Польза молитвы

«Молитва — златая связь человека-христианина, странника и пришельца на земле, с миром духовным, коего он член, и паче всего с Богом — Источником жизни; от Бога изшла душа, к Богу, и да грядет всегда через молитву. От молитвы великая польза для молящегося: она упокоевает душу и тело; она упокоевает не только душу самого молящегося («Аз упокою вы» — Мф. 11, 28), но и часто души преставльшихся праотец, отец и братий наших. Видите, как важна молитва!»

Молитва и вера

«Молитва основывается на вере. Я верю, что есть Бог, пред Которым соплетаю свою молитву; я надеюсь, что молитва моя доходит до Него, или точнее сказать — прямо от сердца переходит в уши Его. И в жизни мы руководимся во многом верою и надеждою: тем более по отношению к миру духовному, мы должны ходить, до времени, верою, а не видением».

Нищета наша и сила Божия

«Молитва — постоянное чувство своей духовной нищеты и немощи, созерцание в себе, в людях и в природе дел премудрости, благости и всемогущей силы Божией, молитва — постоянно благодарственное настроение».

Молитва — знак бессмертия

«Всегдашняя теплая молитва приводит нас к самому искреннему и твердому убеждению в бессмертии нашей души и в блаженстве того невещественного века: ибо все наслаждения молитвы человек почерпает от Бога Духа».

На молитве привлекается дух изображением

«По той мере, как ты начинаешь молится духом и истиною пред св. иконою, например Спасителя, по той мере к иконе привлекается дух того, кто изображен на иконе, и ты видишь живым то лицо, оно действительно благодатию своей пребывает тут. Пример — чудотворные иконы, говорившие, источавшие слезы, кровь и проч.».

Господь — в словах молитвы

«Когда же при чтении молитв будешь искать умом и сердцем Господа, не ищи Его далеко: Он тут, в самых словах молитвы. Только внимай им сокрушенным и смиренным сердцем: и Господь перейдет из них и в Твое сердце. В словах молитвы дышит Дух Божий. Надобно только научиться искусству — переводить Его из них в свою душу».

При молитве действует вся Троица

«Не познал еси... яко Аз во Отце, и Отец во Мне (Ин. 14, 9–10). Не знаешь разве, что во время молитвы Отец, Сын и Дух Святый в тебе и ты в Них?»

В молитве — Бог и ты

«Молитва — вода живая, которую душа утоляет свою жажду. Когда молишься, тогда представляй, что как бы един только и был пред тобою Бог, Троичный в Лицах, и кроме НЕГО ничего не было».

Слезы — при зрении на образ Спасителя

«Чудотворный образ Спасителя — Сам Господь на нем. Горько и как бы невольно плачу я, по благодати, обильно от Него на меня изливающейся, лью я потоки слезные, очищающие от грехов душу мою, и мир и радость на сердце у меня производящие».

Признак услышанной молитвы

«Признак милости к нам Господа или Пречистой Матери Его, после или во время молитвы, есть мир сердечный, особенно после действия какой-либо страсти, свойство которой — отсутствие мира душевного. По сердечному миру и какой-то святой неге сердечной, мы легко можем узнать, что молитва наша услышана и благодать просимая подана. Успех молитвы узнается еще по силе духовной, какую мы внутренно воспринимаем к деланию дел нашего звания, и по внутреннему свету, явно приходящему в душу».

Дарование от молитвы

«Величайшее дарование Божие, в коем мы больше всего нуждаемся и которое получаем весьма часто от Бога вследствие нашей молитвы, есть сердечный мир, как говорит Спаситель: «Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененные, и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28) и с славословием по подобию ангелов, взывающих выну: аллилуиа».

Молитва Господня

«Знаменательна и многообъемлюща молитва Господня: «Отче наш». В немногих словах она обнимает все, существенно для нас нужное; кроме прошений от нашего лица, она преподает даже и важное знание. Например, из третьего прошения можно видеть и знать, что на небе есть святые существа, беспрекословно исполняющие волю Отца Небесного. Первое прошение напоминает каждому об обязанности славить свою жизнь — Отца Небесного, а не жить на земле с земной целью, — в земных заботах и для земных удовольствий.

Второе прошение — внушает нам, что мы, живя в царстве всеблагого Бога, повинуемся кому-то другому, стоящему в прямой противоположности к Богу, то есть диаволу, и потому должно молить Бога, чтобы настало Его Царство в нас, а царство противника Его исчезло; в третьем прошении мы выражаем желание, чтобы и на земле была во всем воля Божия, точно так, как на небе; в четвертом — просим самого необходимого для жизни, то ёсть насущного пропитания и то только на нынешний день. Отсюда — с одной стороны научаешься не ценить высоко блага здешней временной жизни, а ценить больше всего блага небесные, духовные, искать прежде Царствия Божия и правды Его; с другой — быть довольным тем немногим достоянием, которое Господь нам дал, не алкать большего, не завидовать другим, не простирать рук к чужому имуществу, из желания прибыли не обманывать, не лукавить, не налагать рук на человека, а если кто имеет избытки, благодарить за них Подателя всех благ от всего сердца и от избытков своих уделять неимущим. Замечательно, что земные блага поставлены Господом по отношению к нам так низко, что о них в одном прошении только и упоминается и то самым умеренным образом, тогда как о благах духовных, небесных, упоминается в шести прошениях. В пятом прошении мы просим у Господа прощения грехов наших, которыми так часто мы оскорбляем всеблагого Отца и Бога, и обязываемся сами прощать другим грехи. В шестом — молим Господа, чтобы он не ввел нас в искушение, для которого мы слабы и в котором легко можем пасть; в седьмом — молим, чтобы Бог избавил от величайшего зла — греха, как исчадия лукавого духа. Чего же нет в молитве Господней? Какая нужда опущена из виду? Все в ней соображено: все нужды взяты во внимание».

Молитва — честь человеку

«Какая безмерная великая честь человечеству, что оно может отверзать уста свои пред Богом, вступать с ним в беседу, просить Его о своих нуждах, благодарить за благодеяния, славословить Его за неизреченную велелепоту

Его, и быть уверенным, что эта жертва благодарения и славословия приятна Ему, что лучшие, духовные, ко спасению душ наших относящиеся, прошения наши всегда исполняются. Как и в этом отношении человек безмерно превознесен пред всеми чувственными и одушевленными тварями.

Будем же пользоваться этой высокой честью для того, чтобы заслужить от Господа еще большие почести — горнего звания. Там — на небе — наша полная слава, а здесь только начатки ее, являемые верным христианам».

Благодарение Богу за молитву

«Благодарю Тебя, Господи, за всегдашнее Твое благопослушество моих молитв и за мир, который ты творишь в сердцах наших, когда мы, лишившись по грехам нашим мира, прибегаем вскоре в покаянии к Тебе, Царю и Начальнику мира».

Считай молитву блаженством

«О, какое высокое счастье и блаженство, какое величие, какое достоинство призывать Вечного Отца! Дорожи постоянно и неизменно этим высочайшим счастьем, этим блаженством, которое предоставила тебе бесконечная благость Бога твоего, и не забывайся во время молитвы твоей. Тебе внимает Бог, тебе внимают ангелы и святые Божии человеки. — Февр. 26-го 1864г. Прослезился я, писавши эти строки».

Молитва — знак будущего блаженства

«Плотской человек не понимает духовного блаженства, происходящего от молитвы и добродетели, и не может разуметь хотя сколько-нибудь, что за блаженство будет в том веке.

Но духовный по опыту знает блаженство души добродетельной и заранее предвкушает сердцем будущее блаженство».

Разумность молитвы

«Молясь, мы непременно должны взять в свою власть сердце и обратить его к Господу. Надобно, чтобы оно не было холодно, лукаво, неверно, двоедушно. Иначе — что пользы от нашей молитвы, от нашего говенья? Хорошо ли слышать от Господа гневный глас: «Приближаются Мне людие сии усты своими, и устами чтут Мя: сердце же их далече отстоит от Мене» (Мф. 15, 8). Итак, не будем стоять в церкви с душевным расслаблением, но да горит каждый духом своим, работая Господу. И люди не много ценят те услуги, которые мы делаем с холодностью, по привычке. А Бог хочет именно нашего сердца. «Даждь ми, сыне, твое сердце» (Притч. 23, 26); потому что сердце — главное в человеке, жизнь его; больше — сердце наше есть самый человек. Потому, кто не молится или не служит Богу сердцем — тот все равно что вовсе не молится, потому что тогда молится тело его, которое само по себе, без души — то же, что земля. Помните, что предстоя на молитве, вы предстоите Богу, имеющему разум всех. Потому молитва наша должна быть, так сказать, вся — дух, вся — разум».

Любовь и молитва

Бог не принимает молитвы нашей, если мы гневаемся, злобимся на кого-нибудь. Это изведано и на опыте. «Был случай, когда я сердился и потом помирился. Как прежде, чем я помирился, молитва моя была неблагоуспешна, тяжела и, очевидно, противна Богу; так после примирения она стала легка, усладительна и, очевидно, приятна Богу. Она принесла мне мир и радость в Дусе Святе».

Итак, прежде молитвы непременно помиримся с оскорбившими нас или с оскорбленными нами.

«Аще убо принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой» (Мф. 23, 24)».

Молись больше за всех

«Когда молишься, старайся молиться больше за всех, чем за себя одного, и во время молитвы живо представляй всех людей вместе с собою единым телом, а каждого в отдельности — членом тела Христова и твоим собственным членом: «есмы друг другу удове» (Еф. 4, 25); молись за всех так, как молишься за себя, с такою же искренностью и теплотою; их немощи, болезни считай своими немощами и болезнями.

Такую молитву с великим благоговением принимает Отец Небесный — этот общий всех всеблагий Отец, у Него же несть лицеприятия (см.: Рим. 2, 11), «ни тени перемены» (Иак. 1, 17) — это Любовь, не имеющая пределов, все твари объемлющая и сохраняющая».

Молитва за духовных чад

«Господу, как чадолюбивейшему Отцу, приятно, когда мы искренно молимся о людях — Его детях.

Отец Небесный, по молитве сущих Своих (см.: 2 Тим. 2, 19) или по молитве иереев Своих, облеченных благодатию, за народ, милует и недостойных, как помиловал и миловал непокорный и ропотливый еврейский народ в пустыне за молитвы Моисея. Но какая это была пламенная молитва!»

Отчего молитва друг за друга имеет силу?

«Отчего искренняя наша молитва друг за друга имеет великую силу на других? Оттого, что я, прилепляясь во время молитвы к Богу, делаюсь един дух с Ним, а тех, за которых я молюсь, соединяю с собою верою и любовью, потому что Дух Божий, действующий во мне, действует в то же время и в них, яко вся исполняяй. «Едино тело есмы мнози» (1 Кор. 10, 17). «Едино тело, един дух...» (Еф. 4, 4).

Иногда помыслы хвалят тебя за молитву

«Когда слезно с любовью молишься об овцах Господних, и помыслы станут хвалить себя тебе, то скажи им: не я это молился о людях Божиих, а Сам Дух во мне ходатайствовал о них воздыханиями неизглаголанными (см.: Рим. 8, 26); и меня дух пленил в то время в сладостный плен любви Своей и умиления сердечного. Что это правда, — видно из того, что сладостная молитва и любовь весьма скоро могут оставить меня».

Просящих помолиться похвали

«Когда тебя просят молиться о спасении кого-либо от телесной смерти, например, от потопления, от смерти по причине болезни, от огня или от другого какого-либо бедствия, похвали веру просящих об этом и скажи в себе: буди благословенна вера ваша, по вере вашей да даст Господь исполнение моей недостойной, маловерной молитве и да приложит мне веру».

В молитве главное — вера

«В молитве главное, о чем нужно прежде всего позаботиться, — это живая, ясновидящая вера в Господа: представь Его живо пред собою и в себе самом, — и тогда еже хощеши, проси о Христе Иисусе в Дусе Святом, и будет тебе. Проси просто, ничтоже сумняся, — и тогда Бог твой будет все для тебя, во мгновение совершающий великие и чудные дела, подобно тому, как крестное знамение совершает великие силы. Проси не для себя одного, но и для всех верных, для всего тела Церкви, благ духовных и вещественных, не отделяя себя от прочих верующих, но, находясь в духовном единении с ними, как член единого великого тела Церкви Христовой, — и любящий всех, как чад своих во Христе, Отец Небесный исполнит тебя великим миром и дерзновением».

Необходима надежда

«В молитве дышит надежда, и молитва без надежды — грешная молитва».

В чем состоит упование в молитве

«Упование в молитве состоит в том, чтобы с верою в присутствие и слышание Божие, со страхом Божиим выговаривать прошение, благодарение и славословия, а о принятии и исполнении их не сомневаться и нимало не беспокоиться, в полной уверенности, что Владыка их выслушал и принял в пренебесный Свой жертвенник, и по желанию матери нашей — Церкви (если мы молимся от лица Церкви), равно и сердца нашего, как всеблагий и всемогущий, даст просимое и даже с избытком против того, сколько мы просим или разумеем».

На молитве необходима кротость

«Все, приступающие работать Господу в молитве, научитесь быть подобно Ему кроткими, смиренными и истинными сердцем; не имейте лукавства в душе, двоедушия, не будьте хладны, постарайтесь иметь Дух Его, ибо «кто Духа Христова не имать, сей несть Его» (Рим. 8, 9), и Господь подобного Себе и сродного ищет в нас, к чему могла бы привиться благодать Его».

При молитве необходимо смирение

«На молитве необходимо намеренное, обдуманное, крайнее смирение. Надо помнить, Кто говорит и что говорит, особенно это нужно во время чтения молитвы Господней: «Отче наш». Смирение разрушает все козни вражии. Ах! Как много в нас тайной гордости. Это — говорим, я знаю, в этом не нуждаюсь; это для меня лишнее; в этом я не грешен. — Сколько своего мудрования!»

Молись как дитя

«На молитве будь как дитя лепечущее, сливаясь в один дух с духом произносимой молитвы. Считай себя за ничто, молитвы принимай как великий дар Божий. От своего разума плотского совсем откажись и не внимай ему, ибо плотский разум кичит (см.: Кор. 8, 1), сомневается, мечтает, хулит».

Молитва своими словами

«Хорошо иногда на молитве сказать несколько своих слов, дышащих горячею верою и любовию ко Господу. Да, не все чужими словами беседовать с Богом, не все быть детьми в вере и надежде, а надо показать и свой ум, отрыгнуть от сердца и свое слово благое, притом же к чужим словам как-то привыкаем и хладеем. И как приятен бывает Господу этот наш собственный лепет, исходящий прямо от верующего, любящего и благодарного сердца — пересказать нельзя: надобно только то сказать, что душа при своих словах к Богу трепещет радостью, вся разгорячается, оживляется, блаженствует. Несколько слов скажешь, а блаженства вкусишь столько, что не получишь его в такой мере от самых длинных и трогательных чужих молитв, по привычке и неискренно произносимых».

Молись с силою

«Молиться должно охотно, с энергией, от сердца».

«Тебе, пастырю людей, Господь дал увидеть, как лют волк мысленный, для того, между прочим, чтобы ты и сам всеусиленно спасался от его когтей... и спасал врученных тебе Богом овец. ОТСЕЛЕ НАЧНИ ЖЕ ПОУЧАТЬ ИХ С ОСОБЕННОЮ СИЛОЮ, по подобию, как Господь учил».

Господь не гнушается никакой молитвой

«Господь так МИЛОСЕРД, но милостиво приемлет всякую (молитву) и несовершенное в ней Сам исправляет: только бы мы обращались к Нему искренно И НЕ СОВСЕМ ЗАБЫВАЛИ БЫ ЕГО...»

Какое снисхождение

«На молитве надо всего более стараться о горячности духа, о горячности и искренности раскаяния во грехах... Благоразумный разбойник...»

Живая молитва

«Молитва — то бывает храмина на песце, то — храмина на камне. На песке строят те, которые молятся без веры, рассеянно, с холодностью, — такая молитва сама собою рассыпается и не приносит пользы молящемуся; на камне строят те, которые во все продолжение молитвы имеют очи, вперенные в Господа, и молятся Ему, как живому, лицем к лицу беседующему с ними».

Молитва и болезни исцеляет

«Усердная, слезная молитва не только грехи очищает, но и телесные немощи и болезни исцеляет, и все существо человека обновляет, и, так сказать, перерождает (говорю с опыта). О, какой дар неоцененный — молитва!»

Непрестанно молись

«Ходя, сидя, лежа, собеседуя, занимаясь, во всякое время молись сердцем о даровании веры и любви. Ты не просил еще, как следует, с жаром и постоянством, не имел твердого намерения стяжать их. Отселе скажи: се начах».

Молитва всегдашняя

«У искренних христиан молитва всегдашняя, потому что всегда грешим; благодарение всегдашнее, потому что ежедневно, ежеминутно получаем новые милости Божии, а и старых без числа много; славословие всегдашнее, потому что всегда видим славу Его бесконечной любви к нам».

Неотступность в молитве

«Господь Бог наш, за неотступную просьбу у Него милостей Его, одобряет нас, видя в нашей неотступности веру нашу и надежду на Него; а мы, грешные, озлобляемся на тех бедных, которые ежедневно и неотступно просят у нас милостыни, — даже на детей, у которых доверчивость к людям особенно велика, вера в доброту других не имеет пределов, потому что они сами еще просты и добры, незлобивы».

Необходимость творить молитву Иисусову

«Добрая сила, по свободной и искренной молитве моей, всегда прогоняет силу злую, и сила злая сильна только злом, во мне скрывающимся. Чтобы не терпеть непрерывных стужений этого злого духа, надо постоянно иметь в сердце Иисусову молитву: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя. Против невидимого (диавола) — невидимый Бог, против крепкого — Крепчайший».

Пред каждым делом молись

«Ни при каком деле, домашнем и служебном, не забывайте, что сила ваша, свет ваш, успех ваш есть Христос и Крест Его, поэтому не премините взывать к Господу пред начатием дела: Иисусе, помоги мне! Иисусе, просвети меня! Таким образом, будет поддерживаться и возгреваться в сердцем вашем живая вера и надежда ваша на Христа, ибо Его сила и слава во веки веков».

Молитва есть по преимуществу покаяние

«Молитва наша по преимуществу есть покаяние и прошение о прощении грехов, и она должна быть непременно всегда искренняя и совершенно свободная, а не невольная, вынужденная обычаем и привычкой.

Вообще молитва должна быть свободным и вполне сознательным излиянием души человека пред Богом. Пред Господом изливаю душу мою».

К покаянию

«В молитве необходимо искреннее искание исправления».

Покаяние — дар Божий

«Покаяние есть величайший дар Божий правды и милосердия к грешникам, приобретенный искупительными заслугами Сына Божия пред Отцом Небесным; без кровной жертвы Сына Божия не было бы дано покаяние».

Покаяние в вечерних молитвах

«С твердостью сердечной выговаривайте слова молитвы. Молясь вечером, не забудьте высказать в молитве к Духу Святому, со всею искренностью и сокрушением сердца, те грехи, в кои вы впали в прошедший день, — несколько мгновений покаяния теплого — и вы очищены Духом Святым от всякой скверны, паче снега убелены, и слезы, очищающие сердце, потекут из очей ваших, и одеждою правды Христовой вы прикрыты и с Ним соединены будете, как со Отцом и Духом».

Молитва — омовение

«Надо омываться от грязи, а молитва есть омовение от духовной грязи, то есть от грехов, особенно слезная».

Побуждение к молитве

«Ты — существо, добровольно падшее, растленное грехом: вот где сильнейшее побуждение для тебя к молитве; ты получаешь ежедневно величайшие милости от Бога, вот где сильное побуждение к благодарению Бога; ты ежедневно созерцаешь дела всемогущества, премудрости и благости Божией, вот где побуждение к ежедневному славословию».

Хотя без меры грешен, молись!

«Когда молишься, внимай себе, чтобы внутренний человек твой молился, а не внешний только. Хотя без меры грешен, а все молись. Помни пучину человеколюбия и милосердия Спасова. Диавол будет представлять тебе лице Господа грозным и немилостивым, отвергающим твою молитву и твое покаяние, а ты вспомни слова Спасителя, исполненные для нас всякого упования и дерзновения: «грядущаго ко Мне не изжену вон» (Ин. 6, 37), и: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии» грехами и беззакониями и диавольскими кознями и наветами, «и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28).

Как молиться, если обременен грехами

«Когда станешь на молитву, обремененный грехами многими и одержимый отчаянием, начни молиться с упованием, духом горящим, вспомни тогда, что Сам Дух Божий способствует нам в немощах наших, ходатайствуя о нас воздыханиями неизглаголанными (см.: Рим. 8, 26). Когда ты вспомнишь с верою об этом в нас действии Духа Божия, тогда слезы умиления потекут из очей твоих, и на сердце будешь ощущать мир, сладость, оправдание и «радость о Дусе Святе» (Рим. 14, 17), ты будешь глаголом сердца вопиять: Авва Отче».

Лучше короче, но сердечно

«При молитве держись того правила, что лучше сказать пять слов от сердца, нежели тьмы слов языком. Когда замечаешь, что сердце твое хладно и молится неохотно, (возбуди ее каким-нибудь) живым представлением, — например, своего окаянства, своей духовной бедности, нищеты и слепоты, или представлением великих, ежеминутных благодеяний Божиих к тебе и к роду человеческому, особенно же к христианам, и потом молись не торо-

пясь, с теплым чувством; если не успеешь прочитать всех молитв ко времени, беды нет, а пользы от теплой и неспешной молитвы получишь несравненно больше, чем если бы ты прочитал все молитвы, но спешно, без сочувствия. «Хощу пять словес умом... глаголати, ...нежели тмы словес языком» (1 Кор. 14, 19). Но очень хорошо, разумеется, было бы, если бы мы могли с должным сочувствием сказать на молитве и тьмы словес.

Хорошо продолжительно и непрестанно молиться, но «не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть... могий вместити, да вместит» (Мф. 19, 11–12). Не могущим вмещать продолжительной молитвы, лучше творить молитвы краткие, но с горячею душою».

Лучше ли продолжительная молитва

«Хорошо послушание во всем матери Церкви, но с благоразумием и, если возможно, «могий вместити», продолжительную молитву, «да вместит». Но «не вси вмещают словеси сего» (Мф. 19, 12 и 11); если же продолжительная молитва несовместима с горячностью духа, лучше сотворить краткую, но горячую молитву. Припомни, что одно слово мытаря, от горячего сердца сказанное, оправдало его. Бог смотрит не на множество слов, а на расположение сердца. Главное дело — живая вера сердца и теплота раскаяния во грехах».

Для чего нужна продолжительная молитва?

«Для того, чтобы продолжительностью усердной молитвы разогреть наши хладные, в продолжительной суете закаленные сердца. Ибо странно думать, тем более требовать, чтобы заматоревшее в суете житейской сердце могло вскоре проникнуться теплотою веры и любви к Богу во время молитвы. Нет, для того нужен труд и труд, время и время. «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). Не скоро Царствие Божие приходит в сердце, когда от него так усердно люди бегают. Сам Господь изъявляет волю Свою, чтобы мы молились не кратко, когда представляет в пример вдову, «надолзе» ходившую к судье и утруждавшую его просьбами своими (Лк. 18, 2–6).

Почему нужно повторение молитв?

«Наше священно и церковно-служительское дело — повторять одни и те же молитвы, хотя весьма разнообразные, начиная с молитвы «Отче наш», как и дело всех вообще — исполнять одни и те же заповеди нравственного закона, ибо не различием молитв утверждается душа, а повторением и проведением их в мысли наши, в сердце наше и в волю нашу, или в деятельность, во всю нашу жизнь».

Можно ли молиться с поспешностью, не вредя своей молитве?

«Можно тем, которые научились внутренней молитве чистым сердцем. Оно может молиться и с поспешностью и в то же время богоугодно, так как поспешность не вредит истине (искренности) молитвы. Но не стяжавшим сердечной молитвы надо молиться неспешно, ожидая соответствующего отголоска в сердце каждого слова молитвы. Поэтому редкое произно-

шение слов молитвы для таких людей должно быть положено за непременное правило».

Поспешная молитва

«Кто поспешно, без сердечного понимания и сочувствия, читает молитвы, побеждаемый своею ленивою и сонною плотию, тот служит не Богу, а плоти своей, самолюбию своему, и ругается Господу своим невниманием, безучастием своего сердца в молитве: ибо Бог есть Дух и поклоняющийся Богу, должны поклоняться Ему в духе и истине (см.: Ин. 4, 24), — нелицемерно. Как бы ни ленива и не расслаблена была твоя плоть, не пощади себя для Бога, отвергнись себя, да будет дар твой для Господа совершен, дай Богу твое сердце».

Спешность на правиле и на утренней молитве

«Когда совершаешь молитву, правило, особенно по книге, не спеши от слова к слову, не прочувствовавши его истины, не положивши его на сердце, но сделай и постоянно делай себе труд чувствовать сердцем истину того, что говоришь.

Тебе хочется скоро кончить молитвенное правило, чтобы дать покой утомленному телу? Сердечно помолись и заснешь самым спокойным, тихим и здоровым сном. Не поторопись же помолиться кое-как: выиграешь не полчаса молитвы — целых три часа самого здорового сна. На службу или на работу торопишься? Вставай раньше, <...> энергию и успех в делах на целый день. Рвется сердце к делам житейской суеты? Преломи его, пусть будет сокровище его не суета земная, а Бог: научи сердце свое более всего прилепляться чрез молитву к Богу, а не к суете мира, да не посрамишься во дни болезни твоей и в час смерти твоей, как богатый суетою мира и нищий верою, надеждою и любовию. Если не будешь так молиться, как я сказал, то не будет у тебя преуспеяния жития и веры и разума духовного».

Храм — источник добра

«Источник всякой истинной радости течет в храме, всякого истинного спокойствия и умирения совести, очищения, исцеления душевного и телесного источник силы и бодрости душевной, а театр и разные домашние утешения мирские никогда не заменят того, что получит истинный христианин в храме, в котором Сам Бог утешает души верующие и обращающие к Нему сердца свои, как мать утешает младенца. От храма получают отраду и утешение, с очищением грехов и помилованием и усопшие наши. Как горячо надо любить храм, как украшать его! И это делают все, познавшие ему цену, и за них молится Церковь, говоря: помолимся о сих: иже с верою, благоговением и страхом Божиим входят в онь, и помолимся о плодоносящих и добродеющих во святем и всечестном храме сем, или: освяти любящие благолепие дому Твоему, Ты тех воспрослави Божественною Твоею силою».

Молитва в храме

«Я угасаю, умираю духовно, когда не служу в храме целую неделю, и возгораюсь, оживаю душою и сердцем, когда служу, понуждая себя к молитве не формальной, а действительной, духовной, искренней, пламенной. Но

сколько тогда бывает нужно побороть мне врагов бесплотных! Сколько одолеть коварств и наветов их!»

«Люблю я, — говорит о. Иоанн, — молиться в храме Божием, особенно в св. алтаре, у престола или жертвенника Божия, ибо чудно изменяюсь я во храме благодатию Божиею.

Я как бы умираю для мира, и мир для меня со всеми своими благами, и оживаю в Боге и для Бога, для единого Бога и весь проникаюсь и бываю един дух с Ним.

О, как блаженная душа с Богом! Церковь истинно земной рай!»

Моление на проскомидии

«Когда на проскомидии молитвенно призываешь Господа Иисуса Христа или Пречистую Его Матерь и святых, или поминаешь живых и умерших, тогда вынимаемая частица представляет и как бы заменяет собою Господа или Пречистую Его Матерь, или какого-либо святого или совокупно многих святых, живых или умерших поминаемых, а мыслимое в имени представляет и заменяет собою душу призываемого или поминаемого существа. Таким образом, в малом виде в устах наших и в сердцах наших отражаются существа горнего и дольнего мира, и все это чрез веру, — Духом Святым, Который есть Един Сый — везде сущий и вся исполняющий».

Молись об усопших всегда

«Молись Господу об упокоении усопших праотец, отец и братий своих ежедневно утром и вечером, да живет в тебе память смертная и да не угаснет в тебе надежда на будущую жизнь после смерти, да смиряется ежедневно дух твой мыслию о скоропреходящем житии твоем.

Об усопших молись так, как будто бы ТВОЯ душа находилась в аду, в пламени, и ты сам мучился, пламенно молись об упокоении их в месте светле и злачне, в месте прохлаждения».

Погружение креста

«Крест во Христе и Христос на кресте; крест есть образ распятого Христа, Сына Божия, потому и знамение его и едина тень его страшны для демонов, как знамение Христа, как сень Его, Распятого. Потому весьма важно погружать крест в воду и освящать ее; она целительна бывает вследствие того и прогоняет демонов».

Какая польза от икон?

«Если бы вас кто спросил, зачем вы молитесь иконам бездушным, какая вам от них польза? Скажите, что от икон наших мы несравненно более получаем пользы, чем от самого доброго и благотворительного человека; скажите, что от икон приходит всегда благодатная сила и помощь душам вашим, избавляющая вас от грехов, скорбей и болезней, особенно же от икон Спаса и Богоматери; что одно сердечное с верою воззрение на них, как на живых и близ нас находящихся, спасает от лютых скорбей, страстей и мраков душевных; что если прикосновение к ризам Спасителя и платкам апостолов делало больных здоровыми, то тем более лики Спасителя и Богоматери сильны исцелять верующих от всякой скорби, по вере в Господа и Богоматерь».

Ревность к стройному пению и чтению

«Душевное спокойствие и сладость, чувствуемые нами по временам в храме Божием, при стройном пении певчих и внятном чтении чтеца и священнослужителей, — есть задаток нам той бесконечной сладости, которую будут ощущать в себе вечно созерцающие неизреченную доброту лица Божия. Надо ревновать о стройном пении и внятном чтении. Называя в молитве по именам святых Божиих, мы тем подвизаем их в молитву за нас».

Молитва — без Бога

«Люди большею частью молятся так, как будто бы нет с ними Бога, или как бы Он не внимает. Дадим Господу хотя то внимание, которое показывают добрые родители к просьбам детей, хотя ту промыслительную и внимательную любовь, какую имеют добрые родители к детям. Так учит Сам Господь. «Аще убо вы, — говорит Он, — лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Мф. 7, 11), поэтому и наши прошения исполняются, если помолимся от всего сердца. Верно. Ежедневный опыт».

Молитва причастников

«Наружная молитва нередко исполняется на счет внутренней, а внутренняя — на счет наружной, то есть если я молюсь устами или читаю, то многие из слов не ложатся мне на сердце, я двоюсь, лицемерю, устами выговариваю одно, а на сердце — другое; уста говорят истину, а сердечное расположение не согласуется со словами молитвы. А если я молюсь внутренно, сердцем, то не обращая внимания на выговаривание слов, я сосредоточиваю его на содержании, на силе их, приучая сердце постепенно к истине, и вхожу в то самое расположение духа, в каком написаны молитвенные слова, и таким образом приучаюсь мало-помалу молиться духом и истиною, по словам вечной Истины: «иже кланяется» Богу, «духом и истиною достоит кланятися» (Ин. 4, 24).

У многих причастников, бегло читающих, образуется совершенно ложная молитва: устами они как будто молятся, по всему зришь их аки благочестивых, а сердце спит и не знает, что уста говорят. Это происходит оттого, что они торопятся и не размышляют сердцем о том, что говорят. Надо молиться о них, как они для нас молятся; нужно молиться, чтобы их слова доходили до сердца их и дышали его теплотою. Они для нас молятся словами святых людей, а мы об них».

О лицемерной молитве

«Думали ли фарисеи, что они лицемерно молятся? — Не думали, они считали себя правыми в самом лицемерии. Оно вошло у них в привычку, сделалось, так сказать, их природою, и они думали, что приносят службу Богу своею молитвою. Думают ли нынешние христиане-лицемеры, что они лицемерно молятся и лицемерно живут? — Не думают. Они молятся ежедневно, может быть долго, молятся по привычке, устами, а не сердцем, без сердечного сокрушения, без твердого желания исправления, чтобы только исполнить заведенное правило — и мнят «службу приносити Богу» (Ин. 16,

2), тогда как молитвою своею они навлекают на себя только гнев Божий. Все мы больше или меньше грешны в том, что лицемерно молимся, и примем за это великое осуждение».

Препятствие на молитве

«Когда смущение и какое-то бессилие сердца препятствует тебе произносить во время богослужения слова молитв, тогда сочти это смущение и бессилие за мечту вражию (демонскую), отбрось уныние, малодушие и робость и о имени Господнем говори не торопясь, спокойно и намеренно громче, и ты одолеешь смущение и бессилие и получишь бодрость и силу. Верующему и уповающему все возможно. Надо бороться и побеждать».

Нерадение на молитве

«Велики наше нерадение и леность на молитве: мы всегда склонны молиться и молимся часто кое-как, лишь бы скорее кончить свое дело, торопимся, по верхам скачем, а в глубину сердца не заглянем. Оттого и молитва-то наша как ветер: пошумит, пронесется, да и все тут».

Окамененное нечувствие

«Что значит тяжкий сон лености и окамененное нечувствие сердца во время молитвы или при составлении проповеди, при проповедании Закона Божия? Значит — оставление нас благодатию Божиею, по премудрости и благим намерениям Божиим, для укрепления нашего сердца к свободным собственным духовным деланиям».

Почему молитва не приносит покоя и радости?

«Иногда человек молится, по-видимому, усердно, но молитва его не приносит ему плодов покоя и радости сердца о Дусе Святе. Отчего? Оттого, что, молясь по готовым молитвам, он не каялся искренно в тех грехах, которые он учинил в тот день, которыми осквернил свое сердце, этот храм Христов, и коими прогневал Господа. Но вспомни он о них да раскайся, со всею искренностью осуди себя беспристрастно — тотчас водворится в сердце мир, превосходяй всяк ум».

Молитва при искушениях

«Во время молитвы при сильных искушениях от диавола «всю печаль» свою возверзи на Господа, «яко Той печется о» тебе (1 Пет. 5, 7). На молитве только веруй в Господа, яко одесную тебе есть, и все возможно тебе будет».

Духовные бури

«Какие духовные бури, ураганы, вихри страшные, огненные, порывистые бывают часто в жизни человеческой, в жизни тех людей, которые стараются провождать жизнь христианскую и служить Богу молитвою, ходатайствуя за себя и за других пред Его неизреченною милостию! Только по милости Божией не разбивается совсем и не погибает челнок, в котором странствует по житейскому морю наша душа в вечности ее ожидающей!»

Усталость на молитве

«Говорят: мы скоро устаем молиться. Отчего? Оттого, что не представляете пред собою живо Господа, — яко одесную вас есть. Смотрите на Него непрестанно сердечными очами, и тогда ночь целую простоите на молитве и не устанете. Что я говорю — ночь! Три дни и три ночи простоите и не устанете. Вспомните о столпниках. Они много лет стояли в молитвенном настроении духа на столпе, и превозмогали свою плоть, которая, как у тебя, так и у них также была склонна к лености. А ты тяготишься несколькими часами молитвы общественной, даже одним часом!»

Иногда молитва тяжела

«Читаешь светский журнал или газету: легко и приятно читается, легко всему верится. Но возьми читать духовный журнал или книгу, особенно церковную, или начнешь читать молитвы иногда. Станет тяжело на сердце и сомнение тебя будет мучить и неверие, и какое-то омрачение и отвращение. Многие в этом признаются. Отчего это бывает? Не от свойства, конечно, самых книг, а от свойства читающих, от качества их сердец, и — главное — от диавола, врага человеческого, врага всего священного: он вземлет слово от сердца их. Когда читаем светские сочинения, мы не трогаем его, и он нас не трогает. Как примемся за священные книги, начнем мыслить о своем исправлении и спасении, тогда мы идем против него, раздражаем его, мучим его злобу, и вот он нападает на нас и взаимно мучит нас, — что же делать? Не бросать же доброго дела, душеполезного чтения, молитвы, а надо терпеть и в терпении спасать свою душу. «В терпении вашем стяжите душы ваша» (Лк. 21, 19), — говорит Господь».

Привычка к молитвам

«Когда мы в первый раз или нечасто читаем какие-либо молитвы, тогда по новости их, мы охотно, с великим чувством, читаем их, но потом чем чаще их повторяем, тем менее чувствуем к ним охоты; они перестают занимать нас и мы с трудом преодолеваем себя, чтобы читать их с прежним чувством. Против этого, относительно молитв, надо вот что. Нужно представлять, что мы в первый раз читаем прекрасные молитвы, к коим мы привыкли и которые так сильно занимали нас в первое время, как мы стали их читать; вдумываться сердцем в каждое слово и дорожить каждым словом.

Так часто бывает относительно молитвы, так бывает и относительно веры, дружбы с людьми, любви к Богу и ближнему, вообще к добродетели: везде мы оказываемся неустойчивыми в истине».

Не унывай от хулы на молитве

«Если во время или вне молитвы враг запнет душу твою каким-либо хулами и мерзостями, не унывай от них, но скажи с твердостью в сердце своем: для очищения от этих-то и подобных им грехов и пришел на землю Господь наш Иисус Христос; в этих-то и подобных немощах духа и пришел Многомилостивый помочь нам: и когда скажешь эти слова с верою, сердце твое тотчас успокоится, ибо Господь сердце твое очистит.

Вообще ни от какого греха, как от мечты, не надо унывать, а уповать на Спасителя».

Искушение после молитвы

«Доколе стоим на усердной молитве, дотоле и спокойно, и тепло, и легко, и светло на душе: оттого, что тогда мы с Богом и в Боге; а как с молитвы долой, так и пошли искушения, разные смущения. О преблаженное время молитвы».

Не спи пред правилом

«Никогда не спи вечером пред вечерним правилом, да не одебелеет сердце твое от неблаговременного сна, и да не запнет его враг окамененным нечувствием на молитве. «Трезвитеся, бодрствуйте» (1 Пет. 5, 8). «Бдите убо яко не весте дне ни часа, в оньже Сын человеческий приидет» (Мф. 25, 13). Бдите убо: не весте бо, когда Господь дому приидет, вечер, или полунощи, или в петлоглашение, или утро: Да не пришед внезапу, обрящет вы спяща. А яже вам глаголю, всем глаголю: бдите» (Мк. 14, 35–37).

Елеосвящение

«Таинство елеосвящения — духовный мед, живоносное питие. Какое богатство упования! Какие молитвы! Экстракт всего Евангелия».

Свеча — жертва Богу

«Для жжения пред Господом во время молитвы не жалей свечи восковой: помни, что ты жжешь ее пред живущим во свете неприступном и тебя от Света Своего просвещающим. Твоя свечка как бы жертва всесожжения Господу; да будет же она дар Богу от совершенного сердца. Признаюсь, я ставлю свечи пред иконами с надеждою восприятия благ духовных от тех святых и всесвятых лиц, кои написаны на иконах, признаюсь в своем духовном корыстолюбии. Впрочем, таков закон взаимности — ожидать дара за дар: «в нюже меру мерите, — сказано, — возмерится вам» (Мф. 7, 2). Я человек немощный, плотский, грешный, чем богат, тем и рад».

XI. О любви

Признак христианской любви

«Надо помнить, что в том и христианская вера состоит, чтобы любить врагов: ибо, если любим только любящих нас, что лишнее творим, и язычники не то же делают? (см.: Мф. 5, 46–47)».

Цель земной жизни

«Жизнь сердца есть любовь, смерть его — злоба и вражда на брата. Господь для того нас держит на земле, чтобы любовь к Богу и ближнему всецело проникла наши сердца: этого и ждет Он от всех.

Это цель состояния мира».

Молись о любви

«Человеколюбче Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, благодарю от всего сердца моего, яко молитву мою о люблении ближнего и презрении земного услышал еси и мирную, разумную и сладостную любовь в сердце мое излиял еси. Утверди, Боже, сие во мне молитвами Пречистыя Владычицы нашея Богородицы, и да буду я чадо Твое, Господи, и чадо Ея истиннейшее. Июля 26 дня 1864г. 11 час. вечера».

Любовь и причащение

«Любовь общительна. Бог есть бесконечная совершеннейшая Любовь; и Он бесконечно общителен и милостив (с создания человека до искупления воплотившимся Сыном Божиим)... И чтобы явить общительность Свою не только современным явлению Богочеловека в мире людям, но людям всех веков, — Он дал всеблагий, премудрый, прерадостный завет Церкви Своей до скончания века совершать всеспасительное и самонужнейшее таинство — совершение ТАИНСТВА ТЕЛА и КРОВИ ЕГО и причащение верующих. И мы имели блаженство причащаться Божественного Брашна весьма, весьма часто. И какое преискреннее теснейшее общение! «Ядый мою плоть, и пияй Мою Кровь» имать живот вечный» (Ин. 6, 54). Но еще говорит Господь: «не снесте плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе» (Ин. 6, 53). Таково-то общение любви сначала и поныне!»

Любовь к грешникам

«Люби всякого человека, несмотря на его грехопадения. Грехи грехами, а основа-то в человеке одна — образ Божий.

Любя друг друга, надо терпеть друг друга и оставлять, прощать другим их погрешности против нас, чтобы и Отец наш Небесный простил нам согрешения наши (см.: Мф. 6, 14). Итак, всею душою чти и люби в каждом человеке образ Божий, не обращая внимания на его грехи — Бог един свят и безгрешен. А смотри, как Он нас любит, что Он для нас сотворил и творит, наказуя милостиво и милуя щедро и благостно! Еще почитай человека, несмотря на его грехи, потому что он всегда может исправиться».

Согрешившего нужно любить больше

«Ближнего надо еще больше любить тогда, когда он согрешает против Бога или против нас, ибо он тогда болен, тогда он в беде душевной, в опасности, тогда-то и надо помилосердствовать и помолиться о нем и приложить к его сердцу целительный пластырь — слово ласки, вразумления, обличения, утешения, прощения, любви. «Прощающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам» (Еф. 4, 32).

Но горе и беда нам, нашему самолюбию, когда будем увеличивать этот пламень новым адским пламенем, своею собственной злобою и раздражительностью, и будем таким образом помощниками духов злобы, усиливающихся во всякое время производить всякое душевное запаление в людях посредством многоразличных страстей. Мы сами снискиваем геенский

огонь, и если не раскаемся и не будем впредь мудры на добро и просты на зло, то осудимся вместе с диаволом и ангелами его на мучение в озере огненном. Итак, не позволим побеждать себя злу, но будем побеждать благим злое. Окаянные мы человеки! Как мы доселе не научились считать всякий грех великою бедою нашей души и не сострадать душевно, искренно, с любовию, впадающим в такую беду!»

Бороться с холодом к человеку

«Будьте внимательны к себе, когда бедный человек, нуждающийся в помощи, будет просить вас о ней: враг постарается в это время обдать сердце ваше холодом, равнодушием и даже пренебрежением к нуждающемуся; преодолейте в себе эти нехристианские и нечеловеческие расположения, возбудите в сердце своем сострадательную любовь к подобному вам во всем человеку: «зане есмы друг другу удове» (Еф. 4, 25), — к этому храму Духа Святого, чтобы и Христос возлюбил вас; и о чем попросит вас нуждающийся, по силе исполните его просьбу. «Просящему у тебе дай, и хотящаго от тебе заяти, не отврати (Мф. 5, 42)».

Любовь к своим

«Заявляй всегда любовь ко всем, особенно к своим, искренно, усердно, всесердечно, громогласно, а не холодно и вяло, лениво, притворно, неохотно, вполголоса».

Родство духовное

«Мы не знаем другого родства, кроме родства духовного, всевысочайшего, вечного, которое даровал нам Владыка живота, Творец и Обновитель нашего естества, Иисус Христос, ибо это одно родство есть истинное, святое, пребывающее, земное же родство неверно, изменчиво, непостоянно, временно, тленно, как тленна плоть и кровь наша».

Лучше передавать слова любви

«Лучше не передавать укорных слов, посылаемых к нам от кого-либо, а умолчать об них, или передать, хотя ложно, слова любви и благорасположения, тогда дух наш пребудет спокоен. А передавать слова вражды и зависти весьма вредно; они производят нередко в нетерпеливых и самолюбивых людях, к которым относятся, бурю душевную, возбуждают угасшую вражду и производят раздор. Надо иметь христианское терпение и мудрость змиину».

Не все говори, что есть на душе

«Мало ли какое зло бывает у тебя на душе, но «не все, что есть в печи, на стол мечи». Да будет оно одному Богу известно, ведущему все тайное и сокровенное, а людям не показывай своих всех нечистот, не заражай их дыханием сокрытого в тебе зла, затвори печь, пусть дым зла замрет в тебе. Богу поведай печаль свою, что душа твоя полна зла и жизнь твоя близка к аду, а людям являй лице светлое, ласковое. Что им до твоего безумия? Или же объяви свою болезнь духовнику или другу своему, чтобы они тебя вразумили, наставили, удержали».

Не радуйся оказываемой тебе любви

«Радуйся всякому случаю оказать ласку ближнему, как истинный христианин, усиливающийся стяжать как можно более добрых дел, особенно сокровищ любви. Не радуйся, когда тебе оказывают ласку и любовь, считая себя по справедливости недостойным того, но радуйся, когда тебе предстоит случай оказывать любовь».

Не надо мстить

«Сами никому да не мстим, ни единым злым помыслом или намерением, но предоставим мстить за себя Богу: «Мне отмщение, Аз воздам» (Рим. 12, 19), говорит Бог. Надо любить и врагов: ведь их диавол учит и подстрекает враждовать».

Какие благотворения мнимые?

«С благотворительною целью делают увеселения, то есть прежде всего хотят намеренно послужить своей греховной плоти, диаволу, а потому уже — ближнему и Богу. Да это, господа, вовсе не благотворение!»

Веруй тому, что к пользе ближнего

«Неукоснительно веруй и надейся от Господа получить все благое к созиданию ближнего или вся, яже ко спасению. Не задумывайся и не усомнись ни на мгновение в возможности получить просимое. Вся возможно Господу и вся возможно верующему, и упование не посрамит (ср.: Мф. 19, 26; Рим. 5, 5). Только неверие, ненадеяние нашего сердца посрамляет нас».

Любовь выше свечей

«Ставить свечи перед иконами хорошо. Но лучше, если приносишь в жертву Богу огнь любви к Нему и к ближнему. Хорошо, если вместе бывает и то и другое. Если же ставишь свечи, а любви к Богу и ближнему в сердце не имеешь, скупишься, немирно живешь — то напрасна и жертва твоя Богу».

Людская молва и суд Божий

«Не бойся толков и насмешек о себе людских. Это диавольская боязнь, а помышляй, что речет о тебе Господь Бог, что рекут о тебе ангелы и святые».

Злорадные люди

«Видел я и слышал людей, которые с лукавством и злорадством рассказывают о некоторых темных пятнах в жизни и деятельности великих и даже святых людей; из-за этих темных мнимых или истинных пятен порицают всю жизнь человека, называя его лицемером и едва не богоотступником. Они представят вам и факты — только эти факты так же темны и сомнительны, как темна и подозрительная, лукавая душа, которая из чужого пятна, из чужого греха, чужой слабости хочет извлечь для себя мнимое оправдание для своих порочных дел. Но не оправдают они себя, а больше навлекут осуждения на себя за то, что видят «сучец, иже во оце брата» своего и осуждают его; «бревна же (поистине бревна)... во оце» своем не

чуют (Мф. 7, 3). Ты говоришь: в этом святом отце или в этом благочестивом человеке есть такие и такие грехи. Что же? Он — человек, а никто из людей не безгрешен. «Аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас» (1 Ин. 1, 8). Но разве ты без греха? Если же нет, — то что же ты бросаешь в брата камень осуждения?

Ох, как мне противно это диавольское злорадство о грехе ближнего, это адское усилие доказать его истинную или мнимую слабость.

Как много делают зла эти нравственные черви себе и другим! Они подрывают во многих законное уважение к известной особе, затемняют для них свет ее, отвлекают от подражаний ей и смущают души их помыслами осуждения, а себе вредят тем, что принимают от диавола яд осуждения ближнего. Брат! «Ты кто еси судяй чуждему рабу; своему Господеви стоит или падает. Станет же: силен бо есть Бог поставити его» (Рим. 14, 4)».

Добро сильнее зла

«Добро всегда сильнее зла и потому всегда победоносно. Помни еще, что все мы немощны, чрезвычайно удобно побеждаемся от всякой страсти и потому будь кроток и снисходителен к согрешающим пред тобою, зная, что и ты сам часто тем же негодуешь, чем брат; оставляй долги должникам твоим, да и тебе Отец Небесный оставит твои долги, не в пример большие долгов твоих должников. Будь всегда покоен, возвышен, немнителен, тверд духом, прост и добр сердцем, — и ты всегда будешь торжествовать над своими врагами».

Блаженство — любить врага

«Ты ненавидишь врагов? Ты глуп. Почему? Потому что, когда враг тебя гонит, ты еще сам себя внутренно гонишь, ибо скажи, не гонение ли, не самое ли жестокое гонение — мучить себя ненавистью к врагу? Люби врага — и ты будешь премудр. О, если бы ты знал, какое торжество, какое блаженство — любить врага и делать ему добро».

Молись за врага

«Когда видишь в ближнем недостатки и страсти, молись о нем, — молись о каждом, даже о враге своем. Если видишь брата гордого и строптивого, горделиво с тобою или с другим обращающегося, молись о нем, чтобы Бог просветил его ум и согрел его сердце огнем благодати Своей, говори: Господи, научи раба Твоего, в диавольскую гордость впадшего, кротости и смирению и отжени от сердца его мрак и бремя сатанинской гордыни!

Так или подобным образом молись о всех согрешающих и не дерзай никого презирать за грех его, или мстить ему, ибо этим увеличились бы только язвы согрешающих, — исправляй советами, угрозами и наказаниями, которые служили бы средством к прекращению или удержанию зла в границах умеренности».

И скотов нужно миловать

«Твари называются дыханиями: «всякое дыхание», сказано, «да хвалит Господа» (Пс. 150, 6), потому что и они — от Духа Божия, хотя и неприча-

стны разума и свободы, поэтому всякую тварь надо беречь, не бить, не изнурять ее. Блажен, иже и скоты милует (1 Кор. 9, 9)».

Злоба — диавольское дело

«Когда в сердце твоем возгорится злоба против кого-либо, тогда поверь всем сердцем, что она — дело действующего в сердце диавола: возненавидь его и его порождение, и она оставит тебя. (Не признавай ее за что-то собственное, не сочувствуй ей.) Испытано. Та беда, что диавол прикрывается нами самими, скрывает свою голову и свой хвост, притаивается, а мы слепые и думаем, что это все делаем только мы сами, стоим за дело диавольское, как за что-то свое, как за что-то справедливое, хотя всякая мысль о какой-нибудь справедливости своей страсти чисто ложна, богопротивна, пагубна.

Надо сердечно молиться Богу о всех людях, подверженных страстям: в них действует враг».

XII. Скорби

Страдания — лучший путь

«Многочисленны и разнообразны пути Духа Святого: путь искренней веры, сердечного смирения, сердечной любви к Богу и ближним, и прочая... Более обыкновенный для нас, грешных, удаляющихся от Бога на страну далече, путь к Богу есть путь злострадания и горьких слез. И Св. Писание, и опыт удостоверяют, что для приближения к Богу надо пострадать грешнику... «Приближитеся Богу... постраждите... и плачитеся» (Иак. 4, 8–9). Слезы имеют силу очищать скверну сердца нашего, а страдания нужны потому, что... от спасения сердца (при страдании) всего легче льются слезы».

Да будет воля Твоя

Душа наша тогда только вкусит покой, когда действительно принесет в глубине сердца соответствующее греху раскаяние или понесет должное от Бога наказание. Слава Тебе, Боже, Спасителю наш! Да будет воля Твоя над нами!»

«Да будет воля Твоя. Например: когда ты хочешь быть и всеусиленно стараешься быть безболезненным и здоровым, а между тем остаешься все болен, говори: Да будет воля Твоя; когда предпринимаешь что, а предприятие не удается, говори: да будет воля Твоя; когда делаешь добро другим, а тебе платят злом, говори: да будет воля Твоя, или когда, например, ты хочешь спать, а у тебя бессонница, говори: да будет воля Твоя; вообще не раздражайся, когда что-либо делается не по твоей воле и научись во всем покоряться воле Отца Небесного. Ты хотел бы, чтобы не было с тобой искушений, а между тем враг ежедневно томит ими: разжигает тебя, утесняет всячески, — не раздражайся, но говори: да будет воля Твоя».

Искушения необходимы

«В жизни христианской необходимы искушения, пробы, или испытания нашего душевного состояния... и необходимо очищать ее».

Нужно терпеть

«ТЕРПИ с благопокорностью воле Божией всякую скорбь, всякую болезнь и немощь, всякий труд, всякую обиду и неприятность, говоря: «Да будет воля Твоя» (Мф. 6, 10; Лк. 11, 2), и зная, что благость Божия ведет все к лучшему для тебя, и что всякую неприятность Господь удобно может претворить в СЧАСТЬЕ И РАДОСТЬ».

«Замечательно, что многие болезни и болячки ведут к обновлению организма... очищают кровь и т. д. Болели у меня три перста правой руки, — воспалились сильно, гноились, две недели болели, а в конце всего совершенное оздоровление, прекрасное самочувствие, легкость всего тела. А две недели назад (были) нервность, раздражение во всем теле, крайняя чувствительность и боль оконечностей рук. Слава Богу, наказующему и милующему, мертвящему, чтобы оживить!»

Благодари Господа за скорби

«Благодарю Господа за святое Отеческое руководство души моей на всякий день и час; да проведенные внутренние биения, <...> за возвращение с путей лукавых на пути правые, на путь святых животворных заповедей... за всегдашнее скоропослушество,... за всегдашнюю близость Его ко мне... и за изгнание из моего сердца».

Превратность в мире

Как превратен сей свет! Тут веселие, музыка, — здесь заупокойные молитвы, пение, плач о умершем; здесь богатство, роскошь, великолепие — тут голая бедность, недостаток во всем. Кто разрешит это видимое противоречие? Один Бог. Мы можем только гадать».

Страсти — трудно бороть

«Трудно побороть страсти, сделавшиеся как бы природными членами нашими («Умертвите убо уды ваша, яже на земли» — Кол. 3, 5); но при внимании непрестанном к самому себе и при усердной непрестанной молитве с воздержанием, с помощью Божией возможно и побороть их».

Заповеди Господни легки

«Иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11, 30). Так заповеди Господни благи и легки. А его, диавола, — зло, и бремя его тяжко. И что же? Заповеди Господни нарушаем, а волю диавола исполняем! Окаянные мы!»

Не беги борьбы

«Не бойся борьбы и не бегай ее: где нет борьбы, там нет и добродетели, где нет искушений верности и любви, там неизвестно, есть ли верность и любовь ко Господу. Вера, упование и любовь наши познаются в противностях, то есть в трудных и тяжких обстоятельствах внешних или внутренних: в болезнях, в скорбях, в лишениях».

Борись против плоти

«Не жалей себя никогда и ни в чем, распни себя — своего ветхого человека, гнездящегося преимущественно в плоти — и ты отсечешь все свои страсти. Терпи благодушно все, что случается неприятного для плоти, не щадя ее, иди напротив ей, и ты будешь истинный последователь Христов. Вся мудрость христианина состоит в том, чтобы ему в жизни своей благоразумно идти напротив своей плоти во всем, ибо «не живет во мне, сиречь во плоти моей, доброе», — говорит Апостол (Рим. 7, 18).

Болезнь и страсть

«Как после того, когда прорвется болезненный гнойный нарыв на какой-либо части тела, бывает легко всему телу, так и после того, когда пройдет болезненное накопление нечистот сердца, душе бывает также весьма легко. А скопление нечистот душевных еще болезненнее скопления нечистот телесных: оно обыкновенно проходит в слезах».

В болезни и бедах мужайся

«Когда страдает от болезни плоть твоя, помни, что страдает первый враг твоего спасения, который болезненно обессиливается, и терпи великодушно болезнь свою во имя Господа Иисуса Христа, нас ради претерпевшего крест и смерть; еще помни, что все наши болезни — суть наказание Божие за грехи; они очищают, примиряют нас с Богом и вводят снова в любовь Его.

Помни, что в болезни Господь с тобою: «с ним есмь в скорби» (Пс. 90, 15), что она произошла от мановения Владыки, отечески наказующего нас. Веруя во время благополучное, смотри, не отпадай во время напасти, но, как мученик, будь постоянен в вере, надежде и любви.

Внемли, вот Господь посылает тебе лютую внутреннюю болезнь, приближающую тебя к самой смерти. Не ропщи же на Господа, но терпи ее мужественно, с благодарением Господу за это отеческое Его посещение, и это будет значить то, что ты называешь любовию к Богу, как смерть крепкою. И при сильных ударах или корчах болезни уповай, что Бог не только от болезни, но и от самой смерти силен избавить тебя, если Ему угодно».

Не смущайся маловерием в болезни

«В болезни и, вообще, в немощи телесной, равно как и в скорби, человек поначалу не может гореть к Богу верою и любовию, потому что в скорби и болезни — сердце болит, а вера и любовь требует здравого сердца, покойного сердца, поэтому и не надо очень скорбеть о том, что в болезни и скорби мы не можем, как бы следовало, веровать в Бога, любить Его и усердно молиться Ему. Всему время. Иногда и молиться неблагоприятное время».

Трудно уповать в болезни на волю Божию

«Никогда так не трудно сказать от сердца: да будет, Отче, воля Твоя, как в сильной скорби или в тяжкой болезни, особенно при неправдах от людей, при наваждениях или кознях врага. Трудно от сердца сказать: да будет воля Твоя — и тогда, когда мы сами сделались виновниками какого-

либо несчастья, ибо думаем мы, это не Божия, а наша воля поставила нас в такое положение, хотя ничто не бывает без воли Божией. Вообще трудно верить сердечно, что воля Божия есть страдание наше, когда сердце знает и по вере и по опыту, что Бог есть блаженство наше, а потому трудно и говорить в несчастии: да будет воля Твоя.

Тогда-то пусть она и покорится ей, тогда-то пусть и принесет Господу свою драгоценнейшую жертву — преданность Ему сердечную не только в покое и счастье, но и в скорби и несчастии; свое суетное, ошибочное мудрование да покорит премудрости Божией совершенной, ибо как отстоит небо от земли, так отстоят помышления наши от мысли Божией (см.: Ис. 55, 8–9)».

Не отчаивайся

«Никогда не отчаивайся в милости Божией, какими бы грехами не был связан по искушению диавольскому, но молись всем сердцем с надеждою на помилование, толцы в двери милосердия Божия — и отверзется тебе. Я, грешный иерей, пример тебе: как я ни согрешу иногда по действу диавольскому, например, иногда со враждою к брату отнесешься из-за чего-нибудь, хоть бы даже из-за правого дела, и весь расстроишься, и брата вооружишь на себя, и таинство святое совершишь недостойно, не по пренебрежению вольному, а по неготовности и действию диавольскому, однако по раскаянии все, все Владыка прощает, особенно по достойном причащении Святых Таин: мир пренебесный будет обитать в сердце твоем, и легко, легко будет тебе на сердце, блаженным сделаешься. Забудешь все возмущения, тревоги и тесноту диавольскую, совсем новым сделаешься и как будто из мертвых воскреснешь. Не отчаивайтесь, братие, какие бы грехи вы ни сделали, только сердцем сокрушенным и духом смиренным покайтесь. Слава милосердию Твоему, Господи! Слава долготерпению Твоему, Господи!»

Человек — не ангел

«Ни на что не должно огорчаться и раздражаться. Лучше же быть всегда спокойным, ровным, всегда исполненным любви и уважения к больному нравственно человеку, или, говоря честнее, к ближним, к родным своим и подчиненным нам. Ведь человек не ангел, да притом уже жизнь-то наша сложилась так, что ежедневно и невольно почти грешим, хотя бы и не хотели.

И Господь научил нас снисходительно смотреть на частные человеческие неисправности и падения, сказав: остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим».

Отовсюду — опасности

«Всякие опасности для жизни по Боге предстоят мне в этой жизни: съем ли я что лишнее — дух грубеет и холодеет к Богу, посплю ли лишний час — тоже; минутное ли какое пристрастие плотское и земное возымею — тотчас отпадают от Бога; светские ли книги и газеты с увлечением почитаю — опять хладею к Богу и к небу, и всюду и от всего мне опасности для духовной жизни.

Бодрствуй и внимай себе, человек, на всякое время и храни всяким хранением сердце свое».

Земное благополучие опасно

«Когда врагу не удается занять христианина на путь спасения скорбями и теснотами, бедностью и разными другими лишениями, болезнями и разными напастями, он бросается в другую крайность: он борет его самым здоровьем, покоем, негою, расслаблением сердечным, душевным нечувствием благ духовных или богатством жизни внешней. О, как опасно то последнее состояние! Оно опаснее первого состояния, состояния скорби и тесноты, состояния болезни и проч. Тут легко мы забываем Бога, перестаем чувствовать Его милости, дремлем и спим духовно. «Коснящу же жениху, воздремашася вся, и спаху. Полунощи же вопль бысть: се жених грядет, исходите в сретение его» (Мф. 25, 5–6). А в скорбях мы невольно постоянно обращаемся к Богу за спасением, постоянно чувствуем, что Бог есть Бог спасений наших, Бог спасати, что Он живот наш, наше дыхание, наш свет, наша крепость. Таким образом, христианину лучше жить в каких-либо скорбях».

Здоровье — опасно

«Умерщвляй себя и оживешь. Ах! Я сам чувствую, что когда я здоров совершенно и не утруждаю и не изнуряю себя трудами, я умираю тогда духом, тогда нет во мне Царствия Божия, тогда обладает мною плоть моя и с плотию диавол».

Не восхищайся здоровьем плоти

«Наша плоть унывает и понуряет голову, когда подвергается немощам, а когда здорова и вкушает удовольствия плотские, тогда восхищается, скачет и выходит из себя. Не надо обращать внимания на обманчивые чувства плоти и вообще должно пренебрегать всякою плотскою игрою, плотским восторгом, нужно благодушно терпеть скорби и болезни плотские, духом мужаться и возлагать упование на Бога».

Цветущее лицо

«Не радуйся, когда лице твое цветет от приятных яств и пития, — потому что тогда внутреннее лице души твоей безобразно и мертвенно, и на этот раз к тебе идут слова Спасителя-Христа: «яко подобитеся гробом повапленным, иже внеуду убо являются красны, внутруду же полни суть костей мертвых» (Мф. 23, 27), то есть лицемерия и беззакония».

Тесный путь лучше удовольствий плоти

«Лучше идти тесным путем, терпеть уныние и искать частой помощи и избавления у Господа Иисуса Христа, веселящего трудящихся Его ради над спасением своим, нежели сойти на пространный и гладкий путь мира и там удовольствиями плоти купить свободу от духа уныния. Враг духом уныния многих согнал с тесного и спасительного пути на широкий и гладкий, но гибельный путь».

Просьба об искушениях

«Слава Тебе, Господи, Отче наш, премудрый Испытателю любви моея к Тебе и к ближнему моему. Не оставляй меня без искушений, аще премудрости и правде Твоей угодно и благопотребно будет, — ни единого дня

живота моего; да насадится, да утвердится, да очистится и возвысится любовь моя к Тебе и к ближнему моему, и да не явлюся на суде Твоем тощ пред Лицем Твоим».

Жажди искушения

«Ты, исполненный всякой неправды, жажди терпеть от людей всякую неправду, да явятся на тебе в здешней жизни суды правды Божией (см.: Рим. 2, 3). «В нюже меру» меришь ты Господу своему и ближнему твоему да возмерится и тебе (Мф. 7, 2). Имей всегда в виду пример величайшего Праведника Иисуса Христа Сына Божия, Который при праведности Своей потерпел всякую неправду над Ним людей, вознесен на крест и умерщвлен позорнейшею смертию».

Радуйся скорбям

«Радуйся, что за грехи твои Бог наказывает тебя скорбями душевными. «Судими же, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся» (1 Кор. 11, 32)».

Если можно, радуйся своей болезни

«Ты болен, и болезнь твоя очень мучительна; ты упал духом, уныл; мысли одна за другой мрачнее обуревают тебя; твое сердце и твои уста готовы к ропоту, хуле на Бога. Брат мой! Прими искренний от меня совет: терпи великодушно свою болезнь и не только не унывай, напротив, если можешь, радуйся своей болезни. Чему же радоваться, спросишь, когда ломает вдоль и поперек? Радуйся тому, что Господь взыскал тебя временным наказанием, да очистит душу твою от грехов: «Егоже бо любит Господь, наказует» (Евр. 12, 6); радуйся о том, что ты теперь не удовлетворяешь тем страстям, которым удовлетворял бы, будучи здоровым; радуйся, что несешь крест болезни и, значит, идешь узким и скорбным путем, ведущим к Царствию.

Надо иметь в виду пользу болезней, чтобы легче и спокойнее можно было страдать. «Пострадавый плотию преста от греха» (1 Пет. 4, 1), — сказано в Писании».

XIII. Грехи и диавол

Введение

Мы уже много раз примечали, что о. Иоанн очень часто говорил о диаволе как об источнике греха. О грехах говорится везде, но кажется, ни у одного святого отца-подвижника не говорится так много о диаволе, как у него. И на это мы хотим обратить внимание. Иногда приходит мысль: не дана ли сатане особая свобода теперь? А это приводит к другому вопросу: не дает ли современная жизнь наша поводов своими грехами, к его власти?

А это наводит на мысль, какая постоянно, особенно к концу жизни, отмечается у о. Иоанна: не близок ли конец мира?

Если это и не так, то мысль о кончине этого «безбожного» мира вполне естественна.

Тайна чудес

«Тайна чудес св. Божиих человеков — их ясновидящая, твердая вера в Господа, простота веры, совершенная любовь и преданность Господу: прилепляяйся Господеви — един дух есть с Господом. Все для них был Господь, и они были всецело Господни».

Святость — долг

«Святость наша есть долг наш, природа наша, интерес величайший, радость наша, цель всех стремлений и надежд наших, трудов наших; в святости наша жизнь, отрада, покой, наслаждение, край всех желаний, ибо соединяет нас с Богом».

Унижение нашей природы

«Как мы унизили себя, свою природу, грехами, но как мы дороги, высоки в очах Божиих! Бог не пощадил для нас Сына Своего, но облек Его в плоть нашу, во всю природу нашу — для нашего спасения; уготовал нам от сложения мира вечное Царство, о нашем обращении радуются добрые по существу своему ангелы, а мы что же? Мы и знать того не хотим и все больше и больше унижаем, губим свою душу разными пороками и житейскими пристрастиями. Жалко, невыразимо жалко смотреть на человека — эту тварь, по образу Божию созданную, особенно на христианина, удостоенного такого высокого призвания, так много почтенного, благодетельствованного от Бога».

Состязание Бога с врагом

«В здешней жизни, жизни испытания и подвигов христианина, он стоит постоянно между двух течений: добра и зла, между искушением и скорбью от врагов, и утешением и помощью от Бога; происходит как бы некоторое состязание у праведного, святого и многомилостивого Бога со злым, лукавым и всегубительным врагом: человек находится то под влиянием врагов, то под благодатию Божией; враги вовлекают во всевозможные вины и согрешения, а Господь милует кающихся грешников, очищает, освящает, оправдывает, умиротворяет, обновляет и утверждает. Особенно это состязание и победа благодати над грехом бывает во время литургии — этой чудной примирительной и освятительной жертвы Божией, милости мира, жертвы хваления».

Власть Божия — и над адом

«Ты и ад весь с сатаною и несметными его полчищами содержиши в руце Твоей и только по попущению Твоему, для вразумления и наказания нашего, сатана и ангелы его строят над нами козни. Помолимся мы Тебе, Спасителю нашему, покаемся пред Тобою нелицемерно во грехах своих — и Ты, вразумив нас, отъемлешь от нас врагов наших, глаголя: довлеет вам злодействовать над рабами Моими, они паки принадлежат Мне».

Христос или диавол?

«Кто сидит и ездит на вас? Кто сидит и ездит на тебе, человек — на тебе, душа моя, всякий день? Христос ли и Дух Святой, или диавол со своими полчищами? Ибо в ином человеке сидит целый легион страстей, а страсти — бесы».

Запутанная в грех душа

«Иисус «воззре на Петра... и изшед (Петр)... плакася горько» (Лк. 22, 61–62). И теперь Иисус, когда воззрит на нас, мы горько плачем о грехах своих. Да, слезы наши на молитве значат то, что Господь воззрел на нас всеоживляющим, испытующим сердца и утробы взором Своим. Ах! Как иногда запутывается душа наша разными грехами, точно птичка сетями. Исхода не видишь иногда от грехов своих и мучат они тебя: страшно, тоскливо сердцу иногда от них бывает, но воззрит Иисус и потекут ручьи слез, а со слезами и все сплетения зла в душе в ничто обратятся: и плачешь и радуешься, что такая милость тебе вдруг неожиданно послана, а теплота-то какая на сердце, а легко-то как бывает, так бы и улетел тогда к Самому Богу!»

Чудо чудес — изменение

«Чудо из чудес, что Господь и Творец мой истлевшее мое грехом естество воссоздал, претворил, преложил, как хлеб и вино прелагает в Кровь Свою, как огнь в росу преложил».

Грех от диавола

«Грех есть свойство злых духов; их бесчисленное множество, и в каждом человеке, как повинном греху, действует злой дух или многие злые духи. Это все люди испытали в себе, хотя многие не верят в существование их и думают, что все зло, которое они ощущают в себе, есть их собственное.

«Противитеся диаволу» (1 Пет. 5, 9), — говорит апостол, — и убежит от вас.

«Несть наша брань к плоти и крови, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным» (Еф. 6, 12).

Вве грехи — демон

«Гордость — демон; злоба — тот же демон; зависть — тот же демон; мерзость блудная — тот же демон; насильная хула — тот же демон; насильное сомнение в истине — демон; уныние — демон; различные страсти, а действует во всех один сатана; различные страсти, а вместе — лай сатанинский на различные лады, и человек бывает одно, один дух с сатаною. Подвергаясь злобному и яростному насилию многоразличных страстей и грызению диавола при совершении различных дел Божиих, принимай эти страдания как страдания за имя Христово и радуйся во страданиях своих, благодаря Бога, ибо диавол уготовляет тебе, сам того не зная, блистательнейшие венцы от Господа! Аминь. Противиться диаволу неотложно».

Жалей грешника

«Всякий грех от духа злобы: находящийся во грехе есть невольник греха, терзаемый грехом, потому не слишком строго и без злобы обращайся с

согрешающим, ведая общую немощь. Жалей о согрешающем, как о больном или как заблудшем, во тьме ходящем, или как о связанном путами железными, или как умоповрежденном, ибо все эти качества можно приписать согрешающему или находящемуся под действием страсти. Надо всемерно беречь человека, чтобы его на спалил огонь греха, не омрачил его, не связал его, в болезнь не поверг его».

В грехах наших много виноват диавол

«Диавол принимает огромное участие в грехах людей: потому в молитвах пред исповедью грешные люди снисходительно осуждаются в грехах пред Господом, как прельщенные диаволом. Поэтому никто не считай себя отверженным, хотя бы и был великий грешник: в твоих грехах много виноват диавол. — Вспомни немедленно Иисуса Христа и обратись к Нему тотчас о прощении грехов своих. Он — «Агнец, вземляй грехи мира» (Ин. 1, 29). Он на то и Агнец Божий, чтобы принимать на Себя и очищать грехи наши».

Самомалейшая нечистота

«Ты постоянно замечаешь, что Бог никакой самомалейшей мгновенной нечистоты не терпит в тебе, и тебя тотчас, по допущении в сердце какого-либо нечистого помысла, оставляет мир и вместе Сам Бог, и ты делаешься вместилищем диавола».

Отчего грехи?

«Отчего бывают и самоубийцы всякого рода, равно как убийцы других? От действия в сердцах самоубийц и убийц исконного самоубийцы — диавола.

Гнев человека — страшное, противоестественное явление в человеке, он возбуждается часто в сердце из-за причин, самых маловажных, по причине самолюбия, гордости, кроющихся в нашем сердце.

Нужно помнить, что «гнев... мужа правды Божия не соделовает» (Иак. 1, 20).

Почему попускаются искушения от диавола?

«Господь попускает нам искушения врага для испытания нашего, для укрепления наших духовных сил в борьбе со врагом, и чтобы нам самим видеть больше, на что склоняется наше сердце, к терпению, вере, надежде и любви и вообще к добродетели или к раздражительности, маловерию, ропоту, хуле, злобе и отчаянию. Потому не надо унывать, а благодушно и с терпением переносить находящий на душу нашу мрак сердца, расслабляющий и нудящий к нетерпению и злобе огонь, скорбь и тесноту, зная, что это необходимо в порядке нашей духовной жизни, что этим Господь испытывает нас, не похулим ли мы путь истинный, путь св. веры и добродетели и не соизволим ли пути лукавому. Мы свободны, и сами должны всемерно, всеусиленно укрепляться в вере и добродетели, до положения души своей за путь правды, а как это будет, если не будет с нами искушений».

Не должно удивляться грехам

«Не должно с удивлением и злобою смотреть на разные грехи, слабости, страсти человеческие, потому что это ветхая прелесть, немощь всего рода

человеческого, и сами люди своими силами никак не могут избавиться от нее, и необходим был Спаситель человеков, не ходатай, не ангел, но Сам Господь во плоти, — да спасет всего мя, человека. Потому страсти человеческие, даже на нас обращенные, например: зависть, злоба, гордость, скупость, лихоимство, мы должны презирать и на подверженных им не озлобляться, а обращаться с ними кротко, действовать на них словом, убеждением, тайною молитвою, как Господь, как святые угодники Его обращались со врагами своими. В этом состоит житейская мудрость христианина».

Людям свойственно падать

«Нам, странствующим в жизни сей, свойственно падать, ибо мы обложены плотию многострастною, окружены духами злобы поднебесными, прельщающими ко греху, живем в мире прелюбодейном и грешном, соблазняющем на грех».

Если и семь раз падаешь: вставай!

«Аще семь раз падет и семь раз покается, глаголя: каюся, — остави Ему» (ср.: Лк. 17, 4). Знает Владыка, как Сердцеведец, что люди склонны к весьма частым падениям, и падая, часто восстают, потому и дал заповедь — часто прощать грехопадения, и Сам первый исполняет Свое святое слово: как только скажешь от всего сердца: каюся — тотчас прощает».

До издыхания борись

«Елицы аще падеши, востани и спасешися. Какая благость Господня! Какое беспредельное милосердие! Какое удобство ко спасению! Владыка не отвергает грешника до последнего издыхания. Знает Господь нашу немощь, поползновенность ко всякому греху с самого младенчества, знает и злоухищрения врагов бесплотных, прельщающих нас ко греху, и долготерпит нам, ожидая покаяния, борьбы и исправления, и дел благих. Не вознерадите».

Состояние падшего человека — грехи

«В настоящем состоянии человек проникнут весь гордостью, маловерием, сомнением, неверием... злостью, блудом,... любостяжанием, скупостью, хулою. Какой великий труд предлежит каждому человеку-христианину очищать себя от скверны и тли страстей!»

Горы — грехи

«Ради одной веры нашей сдвигаются горы сердечные, то есть высоты и тяжести греха. Когда христиане снимут в покаянии бремя грехов, то иногда говорят: слава Богу, свалилась с плеч гора».

Девиз христианина

«Твой девиз, христианин: «мертвым быть для греха, а живым для Бога о Христе Иисусе». И это — на всякий день и час».

Жизнь — война

«Настоящая жизнь есть изгнанничество: «Изгна его, — сказано, — Господь Бог из рая сладости» (Быт. 3, 23), и мы все должны усиленно стремиться

чрез покаяние и дела, достойные покаяния, к своему отечеству. «Владыко, вожделенное отечество подаждь ми, рая паки жителя мя сотвори» (Тропари поемые на непорочных в субботу). Настоящая жизнь — есть тесный путь, путь скорбей, лишений, болезней. Чем теснее этот путь, тем убедительнее, вернее, что мы стоим на истинном пути, чем шире — тем несомненнее, что мы близки к погибели. Настоящая жизнь есть ежедневная, жестокая, горчайшая война со врагами нашего спасения.

Не до удовольствия тебе, но скорее до слез; удовольствия должны быть редки, и то по преимуществу такие удовольствия, которые тебе представляет вера в духовных празднествах».

«Труден подвиг очищать сердце; потому что соединен с большими лишениями и СКОРБЯМИ, зато награда велика. «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5, 8)».

«Ни на одно мгновение своей воли не исполняй, а волю Божию, которая есть любовь ко всем, и ко врагам, — и святость наша. Наша же воля есть грех многообразный».

У кающихся острее борьба

«Обратись только они (грешники)... к Богу, сознай свои грехи вольные и невольные — и война запылает, полчища сатанинские поднимутся и поведут непрерывную брань. Отсюда видите, как необходимо искать Христа, как Начальника жизни, Победителя ада и смерти».

Добрые дела со временем будут легки

«Упражняйся в делании добрых дел или в побеждении страстей и искушений — и дела добродетели будешь со временем делать легко и сладостно, будешь побеждать страсти удобно при помощи вседействующей благодати Божией. Но не стань молиться, или молись редко, — тебе и противна и тяжела будет молитва, как пятипудовая тяжесть, не стань воевать на страсти или воюй только изредка и слабо, — и очень трудно будет бороться с ними, будешь часто побеждаем от них; не будешь иметь от них покоя и жизнь свою отравишь ими, не научишься побеждать этих домашних, злейших, внутренних, всегда в твоем сердце сидящих врагов твоих».

Прощай грехи другим

«Какое прекрасное, спокойное, безопасное дело — оставлять грехи согрешающим против нас или обижающим нас! Простил — и спокоен. Тебя изобидели! Что же? Так и следует причинять огорчения твоему плотскому, ветхому человеку: самолюбивому, скупому, причиняющему столько оскорблений Богу. Хорошо, что ему возмеривается хотя несколько от людей тем же, что он меряет Богу».

Зло — в тебе

«Чаще приводи себе на память, что в тебе зло, а не в людях. Таким убеждением, совершенно истинным, предохранишь себя от многих грехов и страстей. Беда наша часто в том, что мы свое зло приписываем другому».

Добрая сила могущественнее злой силы

«Нужно всем крайне остерегаться, чтобы по своему духу и по своим делам не освоиться нам с духами злобы поднебесными, чтобы они не сделались дыханием нашей души вместо Бога, чтобы зло, составляющее их природу, не сделалось нашим злом. Впрочем, мы должны всегда при этом помнить, что болий есть, Иже в нас, нежели, иже в мире, что Господь и их содержит в полной Своей власти и только попускает, сколько Его правда, благость и премудрость позволит действовать им в мире, к вразумлению и исправлению людей».

Считай себя хуже всех людей

«Осуждая внутренно других, услаждаемся своим превосходством пред другими. Это гордость сатанинская, это зловоние плотского, греховного человека. Да бегут из души прочь такие помышления! Да помышляем мы себя худшими всех людей. Когда будут о ком отзываться дурно, вздохнем и скажем про себя: мы хуже, грешнее этого человека во сто раз, и от души помолимся об осужденном брате».

Лучше грехи считать

«Когда придет тебе в голову безрассудная мысль — сосчитать какие-либо добрые дела свои, тотчас же поправься в этой ошибке и скорей считай свои грехи, свои непрерывные, бесчисленные оскорбления Всеблагого и Праведного Владыки и найдешь, что их у тебя как песку морского, а добродетелей, сравнительно с ними, все равно что нет».

Грехи — мечта

«Сказал Господу грехи с сокрушенным сердцем — и раскаялся, вздохнул, пожалел о грехах — и нет их. Глаголи беззакония твоя, да оправдишися. Как приходят, так и уходят. Мечта — мечта и есть. Сознал, что они мечта, нелепость, безумие, возымел намерением впредь вести себя исправно — и Бог очистил их чрез Своего служителя и св. таинства».

Зреть грехи — дар Божий

«Многому научены ученики учебных заведений, но не знают часто единого на потребу — Бога и себя самих, своих грехов, своей немощи духовной, своего ничтожества без Бога и пред Богом. Вспомните о молитве св. Ефрема Сирина: «Господи! даруй ми зрети моя прегрешения». Видеть свои грехи в их множестве и во всей их гнусности — действительно есть дар Божий, подаваемый вследствие усердной молитвы».

Неведение своих грехов

«Иногда бывает на душе такое окамененное нечувствие, что грехов своих не видишь и не чувствуешь; ни смерти, ни Судии, ни Суда Страшного не боишься, все духовное бывает, как говорится, трынь-трава. О лукавая, о злобная плоть!

Иногда бывает такая ужасающая леность и нечувствие на душе, что овладевает тобою совершенное отчаяние — прогнать эту леность и отчаяние. Лучше, кажется, болеть, чем чувствовать леность».

По самолюбию не видим грехов своих

«Иногда люди младшие тебя или равные, или старшие, дают тебе намеком наставления, которых ты не терпишь, досадуя на своих учителей. Надо терпеть и с любовью выслушивать все полезное от кого бы то ни было. Самолюбие наше скрывает от нас наши недостатки, а другим они виднее: они и замечают нам. Помни, что мы «друг другу удове» (Еф. 4, 25), и обязаны взаимно исправлять друг друга».

Когда порицают тебя

«Когда кто-либо будет порицать несовершенства и недостатки твоих дел, смиренно познай справедливость этих порицаний и скажи: да, правда, грешен и прегрешен я, не с должным рачением и усердием и охотою делаю дела мои. Помолись, брат, о мне (скажи порицаемому) — да Господь вразумит меня и поможет мне благодатию Своею должным рачением и охотою проходить свое звание и исполнять возложенное на меня дело общественного служения. Если же похулят твои способности, скажи: не сам я дал себе такие, а не другие способности: они — Божий дар: порицать мои способности — значит порицать Творца, даровавшего их. Когда будут порицать тебя свои и выставлять твои слабости вслух другим, скажи так: я точно таков, но вам нет никакой пользы, что я именно таков и что вы будете поносить меня и смеяться пред другими; смеяться над немощью или слабостью ближнего бесчеловечно, лучше покрыть немощь, потому что моя немощь — ваша немощь, мой стыд — ваш стыд: ведь я член ваш, да и вы не без немощи; помолимся же, да исцелит Господь немощи наши, ибо все мы заражены проказою беззакония. Любовь, сказано, «все покрывает» (1 Кор. 13, 7), а не выставляет на позор слабости».

Нужна и строгость

«Там, где грех вредно действует на других или где он соединен с опущением обязанностей по службе или где он принимает большие размеры, там требуется немедленная строгость к обузданию и прекращению его, или удаление вредного человека из среды людей благонамеренных. «Измите злаго от вас самех» (1 Кор. 5, 18).

Осуждающий впадает в те же грехи

«Имже бо судом судите, судят вам: и в нюже меру мерите, возмерится вам» (Мф. 7, 2). Никогда не должно осуждать других за какие-либо слабости или пороки, потому что осуждающий наказывается часто от Бога попущением делать то же самое, в чем осуждал и других. Все люди — со слабостям, и ты — тот же человек и можешь очень часто подвергнуться тем же слабостям, и когда подвергнешься, тебя также осудят, как ты осуждал других».

Наследственность греха

«Люди рождаются от испорченного корня, — являются в мир нравственный или в мир людей — также испорченный. По этому уже одному никто из людей, кто бы он ни был, не может хвалиться собою, поднимать высоко

свою голову и рассуждать по-своему об установлениях и действиях Церкви, клонящихся к исправлению и очищению испорченного человечества. Люди в этом отношении сами по себе слепы — и совершенно не знают, как должно быть поступлено с ними, чтобы ослабить их внутреннюю порчу, чтобы ввести в них жизнь Божественную и соединить их с Богом. Потому-то всякий беспрекословно должен подчиняться водительству Церкви, зная наверное, что чтобы она ни делала с нами, верно делает к нашему благу и спасению».

Беды от греха

«От греха человека произошли все беды на земле — смерть и ад. Если бы Сын Божий по человечеству не смирил Себя и не умалил Себя, тогда никто бы не спасся. Смирение, страдание и крестная смерть Богочеловека спасли человечество. Мы должны все научиться смирению и послушанию».

Грех против воли — не наш

«Тот грех, на который ты не соизволяешь, не вменяется тебе; например, невольное преткновение на молитве, помыслы скверные и хульные, непроизвольная злоба, с которою мы усердно боремся, скупость, которой мы отвращаемся, — это все нападения злого духа. Наше дело терпеть, молиться, смиряться и любить».

Жалеем дар ближнему

«Для чего же мы беспокоимся о пище, для чего жадничаем, пресыщаемся, лакомимся? Для чего жалеем ближнему? О окаянство! О слепота! О самолюбие грязное! О нелюбовь к Богу и ближнему! Ведь в ближнем Бог — и мы Богу Самому жалеем Его же даров».

Осторожность в пище

«Нужно с крайней осторожностью и разборчивостью употреблять яства и питья. Лукавый ставит сети и в пище и питии. Недаром Спаситель предостерегает нас от искушений такого рода: «внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством» (Лк. 21, 34). Везде может запять неосторожного лукавый. И он так занял меня в пище сегодня, что я едва мог молиться на вечерней молитве, и не мог поднять свободно ума и сердца горе. Великая связь желудка с сердцем».

Грех — огонь: и здесь, и там

«Грех сам в себе есть огонь, потому говорим, что такой-то воспламенен гневом или плотской любовью или завистью. Итак, грех сам в себе носит огненное осуждение. Каков же будет этот огонь в грешниках, когда за нераскаянность благость Божия совсем оставит их? Каков этот огонь будет вне грешников? Так как несомненно, что будет и озеро огненное, и пещь огненная, или геенна огненная, или дебрь огненная! Все это существенно, истинно. А мы, бесчувственные, не устрашаемся, не трепещем, иждиваем жизнь в наслаждениях, к церкви холодны, обязанностей христианских не исполняем, в грехах закосневаем! Горе нам!»

Раздражительность

«Кто нетерпелив и раздражителен, тот не познал себя и человечества и недостоин называться христианином! Говоря это, произношу суд на себя, ибо я первый недугую нетерпением и раздражительностью».

Тяжелый человек

«Ревнующие о благочестии, брат и сестра! Тебе придется слышать и может быть нередко более от своих домашних, что ты тяжелый, невыносимый человек; ты увидишь к себе сильное нерасположение, вражду за свое благочестие, — хотя враждующие и не будут выражать, что именно за благочестие они враждуют против тебя, — не возмущайся этим и не приходи в отчаяние; потому что диавол в самом деле может преувеличить до огромных размеров некоторые слабости твои, от которых и ты не свободен как человек; но припомни слова Спасителя: «враги человеку домашние его» (Мф. 10, 36), и от недостатков исправляйся, а благочестия держись твердо. Поверяй совесть свою, жизнь свою и дела свои Богу, ведущему сердца наши. Впрочем, смотри на себя беспристрастно: в самом деле не тяжел ли ты по своему характеру, особенно для домашних своих; может быть, ты угрюм, неласков, необщителен, неразговорчив. Распространи свое сердце для общительности и ласки, но не для потворства; в выговорах будь кроток, нераздражителен, нежелчен. «Вся вам любовию да бывают» (1 Кор. 16, 14), — сказал Апостол. Будь терпелив, не за все выговаривай, иное сноси, проходи молчанием и смотри на то сквозь пальцы. Любы вся покрывает и вся терпит (см.: 1 Кор. 13, 4–7). Иногда из-за нетерпеливого выговора образуется вражда, оттого что выговор был сделан не в духе кротости и любви, а в духе самолюбивого притязания на покорность себе другого».

Отчего бывает раздражительность

«Если брат твой сделает что-либо во время службы неправильно или несколько нерадиво — не раздражайся ни внутренно, ни наружно против него, но великодушно снизойди к его погрешности, вспомни, что ты сам делаешь в жизни много, много погрешностей, что ты сам человек со всеми немощами, что Бог долготерпелив и многомилостив и без числа много прощает тебе и во всем нам неправды наши. Припомни слова из молитвы Господней: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Эти слова должны всегда напоминать нам, что мы сами во всякое время великие должники, великие грешники пред Богом, и чтобы, помня это, смирялись в глубине своего сердца и не были очень строги к грешностям братий, подобно нам немощных, — чтобы, как мы сами себя не судим строго, так не судили бы строго и о других, ибо братия — члены наши, как бы мы сами. Раздражительность нрава происходит от непознания себя, от гордости и от того еще, что мы не рассуждаем о сильном повреждении своей природы и мало познали кроткого и смиренного Иисуса».

Раздражение и уныние — грех

«Когда нас укоряют в чем-либо, это не должно раздражать нас и приводить в уныние, а смирять нас, как нравственно ничтожных, и обращать к

Богу с усердною молитвою, чтобы Он немощное в нас уврачевал и оскудевающее восполнил Своею благодатию. Раздражаться особенно тогда, когда укоряют нас в действительных слабостях, значит прилагать болезнь к болезни, страсть к страсти; значит недуговать добровольно слепотою самолюбия, которая не хочет видеть своих темных сторон и добровольно погибает. Унывать же совсем безрассудно: ибо христианин при помощи благодати Божией, если хочет, всегда может измениться к лучшему, да для того Господь и посылает нам обличителей, чтобы они открыли нам сердечные очи, чтобы мы увидели безобразие дел своих и, видя, исправлялись, а не для того, чтобы повергнуть нас в уныние. Уныние — грех и дело диавола. Обличения должны производить в нас печаль по Бозе, производящу покаяние нераскаянно во спасение (см.: 2 Кор. 7, 10), а не печаль самолюбия».

Истинная свобода

«Истинный христианин никогда не забывает, что он в этом мире пленник диавола и воздыхает непрестанно о духовной свободе, даруемой Сыном Божиим всем верующим в Него (и употребляемой для избавления от рабства греха).

Не прилепляйся к вещам

«К вещам мира сего душа прилепляться никак не должна ни на минуту, ибо они не сродны ей, и вот по причине неродства их с нашей душою так болезненно ощущает себя душа, когда прилепляется к ним».

XIV. О кончине отца Иоанна

Склоняемся к Западу

«Помни ежедневно, что солнце твоей жизни с каждым днем все более склоняется к западу. Не зазнавайся ни пред кем в мире, и будь смиренномудрен. Жизнь каждого человека есть как бы огонь, который зажег Господь от своего дыхания жизни на известный срок, после которого он должен погаснуть в мире этом и возгореться лучшим, более ярким пламенем в мире другом, при известных условиях к тому со стороны человека».

Желание Царства Небесного

«О, если бы всем нам благополучно высадится на берег небесного отечества!»

Приготовление к будущей жизни

«О доброта святая, неизреченная, Лица Христова, которою желали наслаждаться все святые и из-за которой всеми силами старались очистить себя от всякой скверны плоти и духа и подвизались усердно до смерти: все апостолы, мученики, святители, преподобные, праведные и все святые. Когда и я, наконец, узрю Тебя, Сладчайший Иисусе! Ты готовишь меня к

этому видению всякий день, очищая меня непрестанно от всякой скверны греха. Благодарю и славлю Тебя всякий день!»

Когда увижу Иисуса Христа?

«О Господи Иисусе Христе, Коим я живу, дышу, спасаюсь, избавляюсь, утешаюсь, просвещаюсь, укрепляюсь, умиротворяюсь, веселюсь; когда увижу Тебя, когда буду достоин Тебя?!»

Готовьтесь узреть

«Братия! Готовьтесь к соединению с Богом; бросьте суету земную. Займитесь великим делом самоочищения и самоусовершенствования. Возлюбите прогресс веры и добродетели, а не прогресс века сего. Мы приготовляемся на земле узреть Художника всякой твари, видимой и невидимой, Красоту всего — там, в вечности».

«О невидимый Благодетель мой, — Коим я непрестанно живу!.. Когда я узрю Тебя? Когда узрю Благодетеля и Творца моего лицом и лицу?»

«Когда я увижу Тебя, Ипостасную правду, лицом к лицу, «насыщуся, внегда явити ми ся славе Твоей» (Пс. 16, 15)? Когда уготовлю себя здесь делами покаяния и правды и выйду из тела моего, этой темницы души моей?»

«Возгораюсь крепким желанием видеть Художника, Который и меня сотворил премудро по образу и подобию Своему, с разумом, чувством, свободного волею и бессмертным по душе. КОГДА УВИЖУ ЕГО, ЖЕЛАННОГО?»

Что будет в будущем веке?

«В будущем веке блаженство наше возрастает от удивления — видеть вдруг святых и прекрасных ангелов Господних, их бесчисленные мириады, их стройные чины, их иерархический порядок, от удивления — видеть всех святых, добрых, простых человеков Божиих изо всех веков: пророков, апостолов и всех иных, а главное — от созерцания Бога во свете неприступном, от собственного внутреннего просветления и блаженства совершеннейшего, неомраченного никаким грехом, никаким страхом, никакою заботою и печалию».

Будущее утверждение в святости

«Теперь мы стоим и падаем (в вере и добродетели), но надеемся (достигнуть) такого времени и такого состояния, в котором мы уже не возможем пасть, придем в состояние совершенной безопасности от падения, как ангелы, которые теперь непреклонны ко злу, и навсегда утвердимся в святости. Борись со грехом и надейся, что придет, наконец, время совершенной победы над грехом и над смертью, его порождением. «Последний же враг испразднится смерть» (1 Кор. 15, 26).

Спасет ли меня Господь?

«Господи! Благодарю Тебя от всего сердца, яко без числа спасал еси меня от бесчестия, насилия, лютости страстей и угашал разженные во мне стрелы лукавого и миром ограждал душу мою и росою благодати Твоей прохлаждал еси ю. Слава Тебе, многомилостивый и всесильный, яко доселе благодатию Твоею остаюсь цел и невредим, несмотря на бесчисленные ко-

варства надо мною невидимых и всезлобных врагов, ищущих поглотить меня. Вем, Господи, яко и от всех козней и наветов их избавиши мя и спасеши меня, имиже веси судьбами, во Царствие Свое Небесное, и не меня только, но и всех благочестиво живущих и наветуемых от духов злобы; Твое бо есть еже миловати и спасати хотящих и даже не хотящих спасения. Или хощу, сказано, или не хощу, спаси мя (Молитвы вечерние)».

Надо надеяться!

«Какие это дивные свойства в Боге — милосердие и долготерпение! Как они обогревают и оживляют всякого грешника кающегося!

Сколько спасающихся было и есть, благодаря сему долготерпению!

Сколько вошло в рай помилованных за веру и покаяние грешников и грешниц! Сколько раз каждый и каждая из нас спасались и спасаются от праведного гнева Божия, от скорби и тесноты и предлежащей муки вечной. Поистине не надивишься милосердию и долготерпению Божию. Столь оно любезно, умилительно и для многих, многих спасительно... Нельзя надивиться этому свойству Божию: столь оно велико, кротко, мудро, спасительно, и вместе с тем грозно, страшно по своим последствиям, когда оно употребляется волею. Славлю Тебя, Господи, долготерпеливе и всемилостиве! Не даждь и мне погибнуть грехов ради моих бесчисленных, но потерпи на мне еще, и даждь мне благоугодие Тебе и спасти душу мою — и души многих, многих кающихся грешников. Буди!»

«Мы трости, ветрами искушений всяких колеблемые (см.: Мф. 11, 7), приключенные ко всякому греху, согрешающие много на всякий час, прогневляя Владыку нашей жизни. Но если мы сознаем искренно свои грехи и имеем истинное смирение и сокрушение сердца о грехах и о своей повинности пред Богом, не оправдываем себя и не возносимся и стараемся делать дела Божии, то ОН ПОЖАЛЕЕТ нас, будет милостив к нам, не посечет как бесплодную смоковницу, НО НА МНОГО ЛЕТ ДАРУЕТ НАМ ПОКАЯНИЕ... и не посечет смертною секирою».

Отец Иоанн твердо надеялся на блаженство

«Отверзая другим дверь в Царствие Небесное чрез крещение, сами ужели не войдем? Очищая других покаянием и разрешая грехи чужие, ужели не получим оставления своих грехов? Соединяя других со Христом в таинстве причащения, ужели сами не соединимся с Ним преискренне «в невечернем дни царствия Христова»? Подавая в миропомазании укрепляющую и возращающую благодать Духа Святого, ужели сами не получим крепости и силы от Всесвятого Духа и не возрастим дарований своего духа? ВОИСТИНУ ТВЕРДО НАДЕЕМСЯ получить обетованная благая, по благодати, щедротам и человеколюбию Спаса нашего Бога. Дай Бог и всем получить их! Только да не разленимся, да уныем, «хранящие таинство веры в чистой совести» (1 Тим. 3, 9), и да преуспеваем в любви к Богу и ближнему».

Предопределение к блаженству

«Молитва внушает мне что я — образ Божий, что при своей свободной воле, я, бесконечно умножая духовные дары Божии, могу таким обра-

зом в бесконечность усовершенствоваться и до бесконечности увеличивать мое богоподобие, мое небесное БЛАЖЕНСТВО, К КОТОРОМУ Я ПРЕДОПРЕДЕЛЕН».

«Служа Богу на земле, в земном храме, приготовляемся к служению Богу НА НЕБЕСИ. Я буду славить Господа во веки веков, и здесь, во времени, предначинаю славословить державу Его (стихиры мученикам в каноннике)». Решительное ожидание Царствия Небесного. Есть и другие места в том же духе.

Молитва Церкви за умерших

«Благодарю Господа, что Он удостоил меня родиться и быть священником в Святой, Соборной и Апостольской Церкви и членом ее, хотя и недостойным, и удостоиться ходатайства ее пред Богом, — на которое я и надеюсь, что она не посрамится, ибо надеюсь не на свои дела, которых не имею, а на заслуги Господа Иисуса Христа, искупившего Меня кровию Своею от греха, проклятия и смерти, за молитвы Божией Матери, святых ангелов и всех святых.

Они умоляют за меня Господа, и Он введет меня в Царствие Свое Небесное» (Речь в 70-ю годовщину жизни).

Твердая уверенность Батюшки

«Есть Бог духов и всякой плоти; есть духовный умный чудный мир духов добрых; есть и злой мир — духов злых! Часто я испытывают на себе подлые действия злых духов, подстрекающих меня к различным страстям; часто я обращаюсь в уме и сердце к Богу с молитвою веры и покаяния, особенно когда я чувствую в себе козни злых духов: и всегда получаю помощь от Господа... торжество над злом и грехом; чувствую над собою державу Божию, благость Божию, Его скоропослушливость ко мне. Как это отрадно для души! Как влагает в меня ТВЕРДУЮ УВЕРЕННОСТЬ, что и по смерти жива будет душа моя и восхвалит Его, Господа и Спасителя нашего, и судьбы Его помогут мне, что я предам душу мою в руки Его».

Райская непорочность

«Когда мы не умели сохранить своей непорочности в раю, то теперь, по изгнании из него, нам заповедано каждому покаяние и усердное исторжение каждым из нас плевел греха и насаждение и возвращение добродетелей с усердием, при помощи Божией».

Хочу быть совершенным

«Господи, Ты Сам рек пречистыми устами Твоими: «будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5, 48). Хочу быть совершенным. Буди убо Ты для меня всякое совершенство, ибо Ты же рекл еси: «без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15, 5)».

Хорош ли добродетельный человек

«Хорошо, очень хорошо быть добродетельным. Добрый человек и сам покоен и Богу приятен и людям любезен. Добродетельный невольно привлекает на себя взоры всех. Отчего? Оттого, что благоухание невольно

заставляет остановить на себе внимание и подышать им. Посмотрите на самую наружность добродетельного, на его лицо. Что это за лицо? Это — ангельский лик. Кротость и смирение разлиты по нему и пленяют невольно всех своею красотою. Обратите внимание на речь его; от нее еще больше благоухания: тут вы как бы лицом к лицу с его душою — и таете от его сладкой беседы».

ПРЕЖДЕ О. ИОАНН не говорил о своей «непорочности». Когда в 25-летие подносили ему драгоценный крест, о. Иоанн, между прочим, сказал:

«Дорогие братья! При виде этого драгоценного креста из золота и драгоценных камней, я припоминаю слова Господа Иисуса Христа Ангелу или епископу Лаодикийской Церкви, идущие и ко мне: «Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться» (Откр. 3, 18), то есть стяжать душу, очищенную огнем искушений. Я не купил и не приобрел себе этого духовного, нетленного злата: не всуе ли я буду носить это тленное злато, не стяжав души чистой и сердца непорочного? Равно еще не приобрел я в достояние неотъемлемое духовного, драгоценного камня, который есть Иисус Христос (см.: 1 Кор. 10, 4), и не утвердился на Нем непоколебимо, а без этого Камня драгоценные видимые камни не дадут мне света и не утвердят души моей на основании незыблемом. О Господи, Камень драгий, просвети меня, еще омраченного тьмою страстей и утверди стопы мои, часто колеблющиеся, на камне веры!»

О непорочности уже говорит

«В новый 1898 год. Благодарю Тебя, Всещедрый, яко и еще даровал мне еси лето благости Твоея, Господи! Обнови дух правый во утробе моей, Владыко, и сердце чисто созижди во мне ко вселению Твоему во мне. Благодарю Тебя о неисчетных благодеяниях Твоих, излиянных и непрестанно изливаемых на меня, неисчетными грехами прогневившему Тебя, и о милосердии Твоем непобедимом и всепобеждающем; благодарю Тебя о здравии моем душевном и телесном, ибо старец летами, юн есмь духом и телом; благодарю Тебя о ежедневном оправдании Твоем честною Кровию Твоею и на кийждо день многократном. Благодарю Тебя о умилении слезном при совершении литургии и о утешениях всегдашних Духа Твоего Святого, и святыне Его, приемлемой от святейшего и неистощимого существа Его, еже есть едино с Тобою; благодарю Тебя о влечении ко мне неудержимом людей Твоих — младенцев, юных, возрастных и старых, отовсюду и везде бегущих ко мне, где только я появлюсь в градах и селах; благодарю Тебя, яко насаждаеши всюду державно и сильно веру православную и благочестие, особенно в обителях женских; благодарю Тебя, яко дерзати даруеши мне в молитвах о всем мире и людях всех и благочестия; благодарю Тебя, яко ярость неправедную народов не православных и враждебных нам — правоверующим — укрощаеши и к разумению истины приводиши; благодарю Тебя, яко всех влечеши к единению — да будут едино, якоже Ты Един еси, в Троице славимый Боже; благодарю Тебя, яко сильного в крепости диавола на всяк день низлагаеши и посрамляеши в кознях его вселукавых и всенасильственных; благодарю Тебя, дающего мне слово разума и силы, внегда вещати мне

к людям о имени Твоем, словом Евангелия Твоего; благодарю Тебя, яко прославляеши мне всюду, аще и не достоин и многогрешен есмь; благодарю Тебя о непорочном житии моем, аще и привлекает меня к себе грех на всяк день и томит меня, ибо аще не бы Ты хранил меня, яко зеницу ока, — сотворил бых всякий грех.

Несть числа милостям Твоим ко мне, Господи, и за вся благодарю Тебя, и несть слова достойно возблагодарити Тя, Господи! Аминь». Новый церк. год. 1898».

«Благодарю Тя, Господи, яко даруеши мне новую жизнь каждый раз, когда я со слезами покаяния и благодарения совершаю Божественную Литургию и причащаюсь пречистых и животворящих Таин Твоих. Твоими святыми Тайнами я обязан доселе продолжением бытия моего, непорочностью путей моих и доброю славою в людях Твоих. Да свято убо имя Твое великое паче и паче во мне и во всех людях Твоих, в них же имя Твое святое нарицается, — и во всем мире Твоем; да придет Царствие Твое, царство правды мира и радости во Святом Духе во все сердца наши, как сказал Ты: «вселюся в них и буду ходить в них, и буду «им во Отца, и Мне будут «в сыны и дщери» (2 Кор. 6, 16 и 18; ср.: Лев. 26, 12; Иер. 31, 1), и да будет воля Твоя святая, премудрая, всеблагая, всесовершенная, всеблаженнованная как на небеси и на земли во всех людях Твоих, и во мне грешном, ибо собственная воля наша ошибочна, близорука, гибельна, нелюбовна, зла, хвастлива, горделива, ленива, роскошелюбива, сребролюбива, скупа».

Уподобление святым

«О прекраснейшее, драгоценнейшее создание — человек! О лучшее создание Божие — человек! Мы — БОЖИИ ЧАДА; мы — СВЯТЫ ВО ХРИСТЕ. Да держим, да храним сердце свое во святыне... Вочеловечивый нас ради Слове Божий и Боже! Сохрани нас во Твоей святыне!.. Пребуди присно и соблюдай нас чистыми и непорочными».

Мы не похожи на святых

«Святые Божии велики по своему душевному расположению, по своей вере, по своему твердому упованию на Бога и горячей любви к Богу, для Которого презрели все земное. О, как мы пред ними ничтожны, как на них не похожи!.. Как же мы должны, по крайней мере, почитать их! Как просить их молитв за себя с благоговением! Но ни в каком случае не относиться к ним легкомысленно, неблагоговейно, памятуя о их обожении, единении с Божеством».

Хочется быть подобным святым

«Святые — духовно-богатые... К ним-то мы, бедняки, должны прибегать. Их молитв просить надо... Итак, помолитесь обо мне, святые Божии человеки: пророцы, апостолы, святители, мученицы, преподобнии, праведники и все святии, ДА БУДУ ПОДОБЕН ВАМ».

Не страшитесь смерти

«Не страшитесь и не скорбите, братия, чрез меру. Иисус Христос, Спаситель наш, Своею смертию победил нашу смерть и Своим воскресением

положил основание нашему воскресению, и мы каждую неделю, каждый воскресный день торжествуем во Христе воскресение наше, общее будущее воскресение и предначинаем вечную жизнь».

Предсмертное маловерие

«Когда вера твоя в Господа при жизни и благоденствии твоем или в болезни и при исходе из этой жизни ослабеет, будет меркнуть от суеты житейской или от болезни и от ужасов и мраков смерти, воззри тогда умными очами сердца на сонмы праотцев, патриархов, пророков и праведников и всех святых. Смотри, как они и при жизни непрестанно взирали к Богу, и при исходе из этой жизни умирали в надежде воскресения и жизни вечной, и будь их подражателем. Эти живые примеры, столь многочисленные, способны утвердить колеблющуюся веру всякого христианина в Господа и в будущую блаженную жизнь».

Предсмертная болезнь

«Когда уныет дух твой в болезни и с ужасом представляет смерть, тогда успокой и утешь мятущееся, трепещущее и печальное сердце твое следующим изречением: Ты, Господи, глубиною мудрости человеколюбиво вся строиши и полезное всем подаеши, — и веруй, что Он непременно устроит нам все во благо: жизнь ли, болезнь ли, напасть ли, скорбь ли, смерть ли, так что лучшего тебе и пожелать нельзя. Не говори: рано бы еще мне умирать, хотелось бы еще пожить во славу Божию, для пользы родственников, ближних; хотелось бы еще на свет посмотреть, благами земными насладиться. Будь благодарен Богу за то, что доселе пользовался ты благами Его, милостями, щедротами Его. Теперь покорись Его воле, Его призванию, а впрочем, в то же время не отчаивайся и в продолжение здешней жизни».

Господь может спасти и пред смертью

«Как удобно и скоро может спасать нас Господь! Мгновенно, неожиданно, неприметно. Часто днем я бывал великим грешником, а вечером после молитвы отходил на покой оправданным и паче снега убеленным благодатию Святого Духа, с глубочайшим миром и услаждением на сердце! Как легко Господу спасти нас и в вечер нашей жизни, при закате дней наших! О, спаси, спаси, спаси меня, преблагий Господи, приими мя во Царствие Твое Небесное! Все возможно Тебе. «Своему Господеви стоит или падает, станет же: силен бо есть Бог поставити его» (Рим. 14, 4).

Нужно ли желать смерти?

«Ты в горести души своей желаешь иногда умереть. Умереть легко, недолго, но готов ли ты к смерти? Ведь за смертью следует суд всей твоей жизни (см.: Евр. 9, 27). Ты не готов к смерти, и если бы она пришла к тебе, ты затрепетал бы всем телом. Не трать же слов по-пустому, не говори: лучше бы мне умереть, а говори чаще: как бы мне приготовиться к смерти по-христиански».

Союз за гробом со сродниками

«Дай Бог, чтобы и за гробом не прекращался братский союз наш с умершими сродниками и знаемыми, чтобы любовь не погасала и по смерти, но горела ярким пламенем, — и всегдашняя искренняя память о почивших оставалась всегда в нас до нашей смерти».

Молитва об усопшем — с надеждой

«Когда придешь молиться об упокоении души другого, молись о ней, как о своей, с самою живою верою, с самым искренним чувством, чтобы и о твоей душе, когда ты умрешь, помолились также с искренним чувством. «В нюже меру мерите, возмерится вам» (Мф. 7, 2). Представляй в это время бесконечную благость за нас Пострадавшего и Воскресшего и умоляй Его, говори: Господи Иисусе! Ты — пречистыми Своими устами рек: «Приидите ко Мне вси труждающиися и обременении, и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28). Вот это раб или раба (такой-то или такая-то) путем смерти пришел к Тебе, утружденный борьбою со страстями, миром и диаволом: упокой же его (упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего) в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, идеже вся праведники пребывают».

Иные не верят будущему Царствию

«Люди недоумевают и, сказать правду, многие не верят той чести, которая обещана праведникам в будущей жизни, потому что сатана унизил человечество в его собственных глазах. Но — действительна такая почесть и ее должно надеяться: человек образ Божий, — для того-то и воплотился Сын Божий, чтобы восстановить образ Свой. В Св. Писании развита эта мысль».

Могут ли спастись нераскаянные грешники?

«Страшная истина. Нераскаянные грешники после смерти теряют всякую возможность измениться к лучшему и, значит, неизменно остаются преданными вечным мучениям (грех не может не мучить). Чем доказать это.

Кто не знает, как трудно без особенной благодати Божией обратиться грешнику с любимого им пути греха на путь добродетели! Как глубоко грех пускает в сердце грешника и во всем существе его корни свои, как он дает грешнику свое зрение, которое видит вещи совсем иначе, чем они есть в существе своем, представляясь ему в каком-то обаятельном виде. Поэтому мы видим, что грешники весьма часто и не думают о своем обращении и не считают себя великими грешниками, потому что самолюбие и гордость ослепляют им глаза; если же почитают себя грешниками, то предаются адскому отчаянию, которое разливает глубокий мрак в их уме и сильно ожесточает их сердце. Если бы не благодать Божия, кто бы из грешников обратился к Богу, так как свойство греха — омрачает нас, связывает нас по рукам и по ногам. Но время и место для действия благодати — только здесь: после смерти — только молитвы Церкви и то на раскаянных грешников могут действовать, на тех, у которых есть приемлемость в душах, свет добрых дел, унесенный ими из этой жизни, к которому может привиться благодать Божия или благодатные молитвы Церкви. Не-

раскаянные грешники — несомненные сыны погибели. Что говорит мне опыт, когда я бываю в плену греха? Я целый день иногда только мучусь и не могу обратиться всем сердцем, потому что грех ожесточает меня, делая для меня недоступным Божие помилование: я горю в огне и добровольно остаюсь в нем, потому что грех связал мне силы, и я — как закованный в цепи внутренно — не могу обратиться к Богу, пока Бог, видя мое бессилие и мое смирение, и мои слезы не умилосердится надо мною и не пошлет мне благодать Свою. Недаром человек, преданный грехам, называется связанным пленицами грехопадений».

Гнев Божий на нечестивых

«Когда я вспомню о Сыне Божием, восприявшем в единство Божества Своего человеческую природу, и о том, как живут именующиеся христианами, то берет меня страх и жалость: страх — потому, что ожидаю великого ГНЕВА БОЖИЯ на невнимательных, неблагодарных и злонравных; жалость — потому, что вижу многое множество христиан, довольно лишающих себя неописанного блаженства будущей жизни и ввергающих себя в огнь вечный — на вечные муки!»

Сила отца Иоанна

«Вы, которые так сильно избегаете в этой жизни страданий тела и скорбей души, которые так лелеете свою плоть и ублажаете душу, — что вы не заботитесь во избежании ВЕЧНОГО ОГНЯ, в тысячу раз лютейшего, чем земной стихийный огонь?! Что вы не стараетесь избежать вечных скорбей?! БЕДНЫЕ, обратитесь. Ей! Невыносимо будет».

XV. Конец мира

Обозревая все сочинения о. Иоанна, мы без особенного труда видим, что мысли о конце мира у него встречаются довольно часто. Особенно это заметно в два периода его жизни: в первый период его священства (1855–1870) и в последний (1904–1908). Как легко понять, в эти оба периода были общественные движения безрелигиозного характера. И естественно, Батюшка не мог относиться к ним равнодушно: для него вся жизнь была в религии! И не это удивительно, а было бы непонятно его умолчание в эти годы.

Но, с другой стороны, нас удивляет то, что к концу своей жизни о. Иоанн занимается постройкой монастырей — и в особенности женскою обители на Карповке, в Санкт-Петербурге. Он закончил ее в 1902 году, когда ему было уже 73–74 года. И когда совершилось освящение, он радуется и молится о благочестивом влиянии монастыря «до скончания века». Если бы он совершенно был уверен в кончине мира, то нечего было бы думать о таком влиянии на общество. Даже и нечего было бы затевать такую большую постройку. И в той же заметке об освящении обители он возвращается к беспокоющей его мысли: «Приближается Жених» (см.: Мф. 25, 6)!

Правда, в мирный промежуток между этими двумя периодами Батюшка редко говорит о конце мира; но какое-либо острое событие все же зовет его к этой мысли. И только разъезды его по России, когда десятки тысяч народа всюду стремились к нему, ясно говорили ему, что еще много верующих в России. Но стоило только наступить бурным событиям, в нем опять возгорится огонь ревности по Боге, и он иногда, — как увидим, — прямо кричал в своих проповедях, что наступает такое время, «какого и представить» нельзя.

Характерен случай, когда во время первой его тяжелой болезни, когда он писал уже завещание о своей смерти, к нему приехали духовные гости. И он тайно беседовал с ними о каких-то «важнейших» вопросах. Каких? Об этом умолчано: вероятно, неудобно было публиковать о них. Но можно предположить, что беседа касалась грядущих событий, которые лет через тринадцать начали сбываться.

А о. Иоанна в те годы уже не было: он умер в 1908 году. С той поры прошло уже почти 50 лет, но Бог милостив: терпит нас. И у самого о. Иоанна мы встречаем мысли, что Господь отлагает Страшный Суд, дабы наполнился небесный мир, а верующие могли покаяться. И мы сами видим, что в данное время еще много верующих; между тем, Сам Христос Спаситель сказал, что когда Сын Человеческий придет во второй раз, едва ли Он найдет веру в Себя (см.: Лк. 18, 8).

Как же понять ожидание близкого конца мира о. Иоанном?

Не он один так думал; даже и ныне думают: всегда в моменты упадка или борьбы против религии зарождались эти идеи. Было так во времена Златоуста (умер в 407г.): он даже назначил уже 400-й год годом кончины мира (см.: т. 8-й, 224 с.). То же было при императорах-иконоборцах: св. Федор Студит (VIII век) говорил о приближавшемся конце мира... Подобное было несколько раз и в последующие века. Вот думал также и о. Иоанн.

Некоторые спрашивали об этом известного епископа Феофана Затворника, современника о. Иоанн, и вот что он ответил:

«Предсказания эти уже несколько раз бывали, — что вот-вот конец лета, — и все невпопад. Спаситель сказал, что никто не знает времени. Нечего потому гадать и смущаться гаданиями других.

Что будет Второе пришествие, это несомненно, и то несомненно, что оно будет внезапно, — при всех предзнаменованиях великих.

Остается нам только ожидать непрестанно Господа и готовиться к Его сретению, не гадая о времени».

И вот по смерти Батюшки прошло уже без малого 50 лет, но верующих еще много, и уже по одному этому нельзя сказать, что близко то время, когда Сын Человеческий придет на землю во второй раз, едва ли найдет веру на земле (см.: Лк. 18, 8).

Так говорят и другие подвижники, — хотя сами они вели строгую жизнь до наших времен. Например, известный игумен Зосимовой Пустыни, о. Герман, именно так отвечал на этот вопрос духовным чадам своим. Такого воззрения держался и патриарх Сергий, глубокий почитатель о. Иоанна.

Такого же взгляда держится Церковь наша и в данное время. Но у Батюшки были иные предчувствия. Послушаем их от него самого.

«Не к концу ли идем? Если судить о мире по делам мира, то невольно приходишь к заключению, что и люди и мир идут быстро к нравственному разложению и спешат к концу (Слово на новый 1901 год)».

Может быть скоро конец?

«Что это у нас за растление? О! Худо будет нам, и может быть очень скоро...»

До чего мы дожили?

«Боже мой! До чего мы дожили? Чем мы лучше язычников при своем образе жизни! Где наша вера, упование на Бога, любовь к ближнему? О, надмение сатанинское! О, стыд наш! — Отче Небесный! Ты, ведущий «ихже требуете, прежде прошения» нашего подающий (Мф. 6, 8), помилуй нас, неблагодарных и злонравных.

Горе нам!

«О горе! Горе нам, носящим на себе имя Христово, но не имеющим в себе нимало Духа Христова! Носящим на себя имя Христово, а не следующим учению Евангелия! Горе нам, нерадящим «о толицем... спасении» (Евр. 2, 3). Горе нам, не имеющим христианской веры, упования и любви христианской! Горе нам, возлюбившим настоящий век притворный, привременный и нерадящим о наследии того века, который следует за смертию тленного нашего, за этою плотскою завесою!»

Отвергли Евангелие

«И ныне не на словах, а на деле говорят: нам не надо ни Евангелия, ни Церкви с ее богослужением, таинствами и проповеданием Слова Божия. У нас такие хорошие нравственные учителя! Господи, Иисусе! До чего мы дожили? Отвергли словеса Твои вспять».

К «концу»?

«Тесен путь, вводящий в живот, и мало тех, кто обретает его. И напротив, пространен путь и широки врата, вводящие в пагубу (см.: Мф. 7, 13–14). И кто о том из разумных и смысленных не восплачет и не исправит жизнь свою? Сколько на земле неправды и всякого греха! Земная жизнь иногда представляется адом. Вот что сделал и делает грех; как пакостен в мире диавол и повинующиеся ему! Царствие Божие силою берется и усиленные искатели только приобретают его (см.: Мф. 11, 12). Ищите же этих усиленных искателей! КАК ИХ МАЛО, МАЛО!»

Думают ли о вечной жизни?

«Сие есть обетование, еже Сам обеща нам, живот вечный» (1 Ин. 2, 25). Конец или цель христианской веры, благочестия христианского есть ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ... Но кто теперь заботливо ищет учителей церковных: «что сотворю, да живот вечный наследую» (Мк. 10, 17). Очень, очень немногие. Большая часть людей погружена в суету мира; многие не веруют

и в бессмертие души человеческой; земная жизнь для них — начало и конец... или многие мечтают совместить здешние блага, здешнее довольство, здешнюю веселость, богатство, здешние страсти — с будущем блаженством, забывая, что сказал Господь о «тесном пути», вводящем в живот, о самоотверженном ношении креста скорбей, лишений, болезней, мучений, о девах мудрых и юродивых, о богатом человеке, с богатою нивою и множеством всякого достояния».

Не труп ли человечество?

«Человеческий род, как тогда — пред пришествием в мир Христа — был духовным трупом; так и теперь приближается к состоянию нравственного трупа. А «идеже... труп, тамо соберутся орлы» (Мф. 24, 28). Так было с иудейским народом пред Иудейской войной; так было и с народами при пришествии Христа. Так будет теперь. Человечество развращается из-за неверия, из-за гордости и страсти к преобладанию, к наживе, обогащению, роскоши... и делается трупом. Посмотри кругом на людей, на мир: что творится? И убедишься, что «мир лежит во зле» (1 Ин. 5, 19).

«Мы — кратковременны: нам надо здесь приготовиться к вечности; а между тем мы так бегомысленны, рассеяны, празднолюбивы, суетны, бездельны. Боже мой! О каком спасении мы не радеем?! Не убежать нам от огня геенского, если не обратимся, не покаемся, не примиримся. «Много званых, а мало избранных» (Мф. 20, 16). «Аще будет число сынов Израилевых, яко песок морский, останок спасется» (Рим. 9, 27).

Бесстрашие людей

«Вот что меня удивляет... Отчего людей не страшит страшный час смерти? Ведь не вечно же будем мы жить на земле... Грешники, думаете ли, что Богу нечем наказать вас? О, есть чем, есть чем! Это — геенна огненная. Озеро огненное, тартар страшный, которого и сам сатана трепещет, червь не умирающий и скрежет зубов. Но что я обращаю речь только к вам? И себе, и себе я должен сказать то же, ибо я первый из грешников, которым уготованы были муки ада, но от которых СПАС МЕНЯ ХРИСТОС, на Которого вся моя надежда. А у вас, братия мои, у всех ли есть вера во Христа, в Его Евангелие? Где у вас жизнь евангельская? Кто из вас хотя читает ежедневно Евангелие, этот величайший дар Бога и закон жизни? «Вси уклонишася, вкупе непотребни быша: несть творяй благостыню, несть до единаго» (Рим. 3, 12; ср.: Пс. 13, 3).

«Это тихое, прекрасное, усеянное звездами небо представит из себя некогда ужасное зрелище, пред явлением Господа с небес. О грешники, поучайтесь ежедневно зрелищем неба, когда можно поучаться. «Солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с небесе» (Мф. 24, 29).

Современные лжехристиане

«Жизнь именующихся христиан в сущности сделалась языческою: удовлетворение всем плотским страстям сделалось как бы законом, потребностью; неверие, вольнодумство, пьянство, блуд, роскошь в уст-

ройстве домов и разных заведений, богатые обеды, наряды и одежды, измена мужей и жен, — все это не лучше, как было в древнем языческом мире».

«В большинстве людей вовсе нет любви. Большинство людей предано веку сему и бесчисленным пристрастиям житейским, отлучающим от Бога».

«Крайне мало или нет в нас вовсе любви Божией, ибо только нам представится повод ко греху... мы тотчас увлекаемся... и любовь к Богу и ближнему разлетается в прах».

«Где вера во Христа? Где чаяние пришествия и Страшного Суда Христова? Где мудрствование о горнем? Где дух Христов, дух воздержания, чистоты и целомудрия, благости, кротости и смирения, и чаяния горнего царства? НЕТ НИЧЕГО! ЖАЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!»

Найдет ли Христос веру на земле?

«Греховный нарыв — нагноение греха, со всеми его последствиями, — постоянно увеличивается в ужасающей мере в роде человеческом: беззакония, пороки возросли и возрастают до гигантских размеров; стадо истинно-верующих будет сокращаться больше и больше; растлевающие лжеучения лжеименного звания, в роде толстовского, будут увеличиваться и заражать человечество, растлевать его, так что Христос, когда придет на землю, то найдет ли веру на земле?»

Необходима коренная перемена

«Господи, престихийствуй (измени) русский всесословный народ, лежащий во зле. И ударами Твоими, подобными молоту, сокруши их гордыню, их высоко поднятую голову, как на наковальне, да не мнят себя мудрыми и да познают свое безумие».

Мы не лучше язычников

«Боже мой! До чего мы дожили? Чем мы лучше язычников при своем образе жизни? Где наша вера, упование на Бога, любовь к ближнему? О надмение сатанинское! О стыд наш! Отче Небесный! Ты, ведущий «ихже требуем, прежде прошения» нашего подающий (Мф. 6, 8), помилуя нас, неверных, неблагодарных и злонравных! Слышим Твое милостивое слово, Владыко: «не имам тебе оставити, ниже имам от тебе отупити» (Евр. 13, 5), но прельщаяся ежедневно земными благами, преслушаем его и нарушаем Твою волю».

Спасение в Православии народа

«Доколе Россия будет православна и будет усердно чтить Бога и Богоматерь, дотоле она будет могущественна и непоколебима, ибо от начала и доселе она выходила от всех бед, укреплялась и расширялась заступлением и помощью Богоматери во всех тайных и ратных бедственных обстоятельствах».

Какие гениальные могущественные вожди были побеждаемы нами в войнах на пространстве веков нашей отечественной истории, — и все верою в помощь Божию и Богоматери и силою Их! Славен был Карл XII как полководец; славен был Наполеон; велики были их полчища и хорошо

обучены, а что сталось с ними? Сильны были в свое время татары, поработившие нас, но они побеждены помощью и заступлением Богоматери».

Ожидание суда над миром

«Господь видит все совершающееся в нашем отечестве, как по всей земле, и уже скоро изречет праведный суд свой» (из слова 1902 г. в Великий Пяток).

«Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению» (1907).

«Что замышляют против России и против Св. Церкви Твоей немцы, поляки и финляндцы, исказившие Евангелие Твое, ожидание от Церкви Твоей!.. Они хотят поглотить нас и разорить Церковь Твою. До чего мы дожили» (Из книги «Живой колос»).

Промысл над Россией

«Но всеблагое провидение не оставит Россию в этом печальном и гибельном состоянии. Оно праведно наказует и ведет к возрождению: судьбы Божии праведные совершаются над Россией...

Россию куют беды и напасти. Не напрасно Тот, Кто правит всеми народами, искусно, метко кладет на свою наковальню всех подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но и кайся, молись и плачь горькими слезами пред твоим Небесным Отцом, Которого ты безмерно прогневала.

Господь, как искусный врач, подвергает нас разным искушениям, скорбям, болезням и бедам, чтобы очистить нас, как золото в горниле. Вот цель бед и скорбей, посылаемых нам Богом в этой жизни. Они нужны как отдельным лицам, так и целому народу, погрязшему в нечестии и пороках» («Новые Слова», изд. 1908г.).

Свидетельство слушателей

«Незадолго до своей блаженной кончины о. Иоанн любил часто служить обедню в подворье Леушинского монастыря, что на Бассейной ул. в Санкт-Петербурге. Мы с женой постоянно посещали эти службы. И многократно о. Иоанн в проповедях своих грозно пророчествовал и громогласно взывал: «Кайтесь, кайтесь! Приближается ужасное время! Столь ужасное, что вы и представить себе не можете!» Он не говорил, а кричал, подымая руки кверху. Впечатление было потрясающее; ужас овладевал присутствующими, и в храме раздавались плач и рыдания.

Мы с женой недоумевали, что же это будет: война, землетрясение, наводнение? Однако по силе слов пророка мы понимали, что будет что-то много ужаснее, и высказывали даже предположение, что ось земная перевернется.

Игумения же Таисия, 80-летняя старица, спросила о. Иоанна: «Когда же, Батюшка, это время будет?» Отец Иоанн ответил: «Мы с тобою, матушка, не доживем, а вот они — указал рукою на монахинь, — доживут!»

Замедление второго пришествия

«Господь, по-видимому, медлит Вторым — славным пришествием Своим для того, между прочим, чтобы больше народилось сынов Царства Небесного. Какое благодеяние Господа для меня, что Он мне, недостойному, дал время появиться на свет до славного Его пришествия, после которого

уже не будет рождающихся. А как я рассуждаю, так будет рассуждать и всякий: всякому хочется насладиться бесценным даром жизни. Еще для того медлит, что Он не хочет смерти грешника, но чтобы все в покаянии пришли и спаслись».

Устройство женского монастыря, 1902г.

«Да извинит читатель, — пишет о. Иоанн, — за нежданный предмет речи. 18 декабря 1902 г., среда. Благодарю Господа за радость освящения моего великолепного храма, который Он дал мне устроить и украсить в столице России — Петербурге. Как бы чудом каким он явился на берегу реки Карповки, притоке царственной великолепной Невы-реки. ДА ПРОСЛАВЛЯЕТСЯ здесь имя Господне до скончания века! И да процветает в обители вера благочестивая и жизнь благочестивая сестер монахинь! Да соберет новый храм в стенах своих множество благочестивого народа для молитвы и прославления Господа, для УТВЕРЖДЕНИЯ в благочестивой вере!»

Но дальше Батюшка пишет в раздумье о конце: «Храмы и обители строишь, а о внутреннем духовном своем храме не радишь, не созидаешь его, а разрушаешь пристрастиями житейскими. С крайними усердием созидай и благоукрашай его. ПРИБЛИЖАЕТСЯ ЖЕНИХ (см.: Мф. 25, 6) душ христианских».

XVI. Разное: о промысле, мире, смирении и прочем

«Если воистину ты называешь Бога Отцом своим, то надейся же на Него, как на Отца единого, всеблагого, премудрого, неизменяемого в любви Своей и во всех совершенствах. Надейся на Него касательно благ временной жизни, но особенно касательно дарования будущих благ во Христе Иисусе. Глубоко напечатлей на сердце слова: Бог мой Отец! Отче — наш! Иже еси на небесех. — Но как по любви Отца Небесного к тебе ты сам сделался чадом Божиим, как от Него происшедший, как имеющий разум и свободную волю, то ты должен непременно употреблять и свои усилия к достижению блаженного и вечного наследия небесного; ты должен знать и всегда, что ты падшее существо, — и как пал, имея разум и свободу, — пал волею своею, то при том же разуме, просвещаемом светом Слова Божия и озарениями Духа Святого, при той же свободной воле, подкрепляемой благодатию Святого Духа во Христе Иисусе, — восставай от своего падения и иди безостановочно к небесному бесконечному Животу, презирая все земное, как тленное и скоропреходящее».

Беспечальность верующего

«Везде и во всем Господь, и все Господь носит и хранит и потому называется Вседержитель. Я должен быть беспечален».

Что это значит?

«Надеяться на Бога — значит поручать Ему свою жизнь, свою судьбу, всю свою будущность и с уверенностью ждать исполнения Его обетования. Надежда происходит из веры, как растение из семени, как ручей из источника.

Укрепив душу свою мыслью о беспредельной благости, премудрости, всемогуществе и святости Творца и Промыслителя нашего, мы можем проходить поприще земной жизни нашей — без страха и смятения, как дитя на руках матери, как корабль с надежным якорем».

Промысл Премудрого Отца

«Если бы Премудрый, всеблагий и Всемогущий Отец Небесный не бдел неусыпно над всеми и на обращал к добрым последствиям бесчисленные коварства над нами искусителя, если бы мы не внимали себе, то давно бесплотный злодей покорил бы себе весь мир, и на земле не оставалось бы семени святого, которое составляет стояние его (см.: Ис. 6, 13)».

Дух Святой ведет нас

«Во все продолжение нашей земной жизни Бог, ради Сына Своего, нас ради вочеловечившегося и принявшего на Себя все грехи мира, печется о нашем спасении, ведет к нему как бы за руку Духом Своим Святым, Который есть залог наследия будущих благ — чрез богослужение, проповедь, Слово Божие и таинства Церкви, чрез совесть и испытание наших внутренностей — и, наконец, введет в наследие обещанных благ».

Господь промышляет и о доме твоем

«Господь близ. Ни о чемже пецытеся» (Флп. 4, 5–6). Не заботьтесь напрасно. Господь хранит твое имущество; тебя нет дома, но Он за тебя там, везде сый и вся исполняяй: Он говорит в совестях твоих слуг или домашних, Он судит их помышления сердечные во всякое время и всякий час, Он говорит им внутренно: не кради, и Он смущает их сердце страхом и боязнью, когда они возымеют грешное намерение похитить что-либо, явив чудо силы Своей над ними, и не допустит их до похищения. А впрочем, ты должен научиться считать все земное за сор и пренебрегать им».

Предай Промыслу все

«Всю жизнь мою и все, чем живет человек, мои духовные и телесные потребности предаю Христу Богу, Промыслителю, Управителю и Спасителю: ибо все в руках Его. А сам да исполняю Его заповеди усердно».

«Совершенно положись на Промысл Божий, на волю Господа, и не печалься, потеряв что-либо из вещей, вообще из видимого; не радуйся приобретению, но да будет для тебя всегдашняя и единственная радость, всегдашнее и единственное приобретение — Господь. Положись на Него совершенно: Он знает, как тебя провесть безбедно чрез настоящую жизнь и привести к Себе — в вечное Свое Царство.

От недостатка упования на Промысл Божий происходят, в частности, огорчения, например: по случаю потери какого-либо дохода от нашей оп-

лошности, потери вещей, особенно ценных и нужных; равно неумеренная радость при находке каких-либо вещей или при получении большого дохода или выигрыша или доходного места, должности».

Отношение к людям по Промыслу

«Господь Бог — первый Виновник того, что ты поставлен ныне в такие, а не другие отношения к людям — и к таким, а не иным людям, — в такое, а не другое место. Господь Бог во все продолжение твоей жизни Сам давал направления ей, поставил тебя в те, а не другие отношения и Сам поставил тебя на это место. Его отеческий промысл дает направление катящемуся шару нашей жизни. От Господа исправляются стопы человек: смертный же како уразумеет пути своя?» (см.: Пс. 36, 23).

Все от Бога

«Слава Тебе, Преистинный Владыко, яко от одного призывания имени Твоего просвещается мрачное лицо души и тела нашего и дарствуеши миром Твоим, превосходящим всякое земное и чувственное благо, и всякое разумение».

«Господи! Без Тебя я — ничто, без Тебя не могу творить никакого добра, без Тебя одно зло во мне в разных его видах. Без Тебя я — сын погибели. О преизреченная благостыня, исполни благостью Твоею сердце мое! Паче же всего молю: даруй мне любить Тебя всем сердцем моим, и ближнего моего, яко себе. Да не буду я злобен, горд, презорлив, непокорен, но да буду я незлобив, смирен, почтителен с нежностью и послушен! Аминь».

«Нищий, питающийся от крупиц со стола своего господина, будет ли гордиться, что он питается его крупицами? Чем ему гордиться? Разве своею нищетою? Нищий — это я; господин — это Господь; крупицы от трапезы Его — все дары благодатные и природные».

Ангелы хранители

«В деле промышления Божия о людях и по требованию разума должны быть посредники между людьми и Богом из мира духовного (так как люди занимают средину между миром духовным и материальным), которые и руководят нас к горнему царству, именно: Ангелы. У Господа во всех делах изумительная постепенность и порядок; везде у Него низшие руководствуются высшими: вот необходимость Ангелов хранителей для христиан, искупленных кровию Господа. Кроме того, Ангелы сами исполнены любви к нам и радуются об обращении одного грешника, а любовь деятельна, и этой их благородной и полезной деятельности Господь и дал свою свободу, как мы видим из Слова Божия, — Ангелы хранители необходимы для людей по причине коварства злых духов над людьми: люди их не видят сами. Люди очень немощны для духовной жизни. Кроме благодати Божией, нужно еще лицо, исполненное этой благодати, мудрое, крепкое по своей природе, а таковы Ангелы. Кроме того, по исходе из жизни должны быть свидетели о делах человеческих против бесов».

«Присутствие при каждом истинном христианине Ангела хранителя необходимо потому, что телеса христиан — суть, по свидетельству Слова

Божия, храмы Духа Святого, и сами христиане — члены тела Христова, освященные Его крестными страданиями и смертию, запечатленные Его таинствами, в которых сообщается нам благодать Духа Святого; особенно же потому, что мы причащаемся Тела и Крови Христовой в таинстве причащения. Достоинство человека-христианина, как члена тела Христова — храма Духа Святого — непременно требует нахождения при нем Ангела хранителя, как старшего собрата нашего и друга, который руководит нас к общему всех Владыке в царство света и блаженства».

Настоящее — тень будущего

«Все настоящее есть только одна тень будущего: свет — тень будущего неизреченного света; сладости земные — слабая тень будущих, неизреченных, бесконечных сладостей; огонь — слабая тень будущего огня геенского, который будет опалять грешников во веки веков; чистая радость земная — тень будущих неизреченных радостей».

Вещественный мир — образ духовного

«В мире вещественном — весьма много соответствующего миру духовному, потому что мир вещественный есть творение Духа, а может ли Дух-Творец не показать отчасти образ Свой и сродство в тварях, Им созданных? Человек есть только самый возможно-высокий образ Божий между тварями, причастными вещества и чисто вещественными. Целованию уст соответствует целование души, и мы, лобызая святыню, должны лобызать устами, душою и сердцем».

Красота мира — тень небесной

«Всякая красота в мире сем (красота лица) есть слабая ничтожная тень несозданной красоты, неизреченной доброты лица Божия; всякой земное наслаждение ничтожно в сравнении с будущим наслаждением».

Сладости земные и небесные

«Сладосте моя бесконечная, Господи Иисусе Христе, каких сладостей не дал Ты мне вкусить в бытии моем временном! Благодарю Тебя, Милосте моя, Сладосте моя! Но если земные сладости так многочисленны, разнообразны, приятны, то каковы сладости небесные, духовные: они поистине бесконечны, бесчисленны, невообразимо приятны. Не лиши убо меня, многомилостивый, прещедрый Господи, и небесных Твоих сладостей, их же уготовал еси любящим Тя. Не лиши их и прочих людей Твоих! Даждь им всем познати Тя, Господи, сладость нашу. Ведь Ты, эта сладость наша, повсюду и на земле, то есть Твое дело всякая сладость».

Что есть мир?

«Мир есть целость, здравие души; потеря мира — потеря здравия душевного.

«Мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа» (Евр. 12, 14). Не нарушай мира из-за тленного и переходящего, из-за своего греховного самолюбия. Возлюби мир больше всего, как Самого

Господа. Да не будет ничто дороже мира и любви взаимной. Мир возлюбим, — мир, мир!»

Смирение и кротость

«Быть смиренным значит считать себя достойным за грехи всякого унижения, оскорбления, гонения, побоев, а быть кротким значит в незлобии сердца переносить неправды относительно нас, ругательства и прочее и молиться за врагов своих».

Еще о смирении

«Если ты хочешь быть смиренным, считай себя достойным всякой злобы и ненависти других и всякого злословия, и не раздражайся и не питай злобы на тех, которые злобятся на тебя и злословят или ложно порицают тебя. — Говори: да будет, Отче Святый, воля Твоя! Поминай слово, еже Господь рече: «несть раб болий Господа своего... аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде» (Ин. 13, 16; 15, 18). Если праведнейшего, Всеблагого мир возненавидел, то чего удивительного, если тебя, грешника и злого, ненавидят другие?»

И еще о том же

«Если ты подлинно хочешь быть смиренным, то жаждай всяких обид и притеснений себе, как голодный алчет пищи: ибо по правде Божией ты этого достоин. Если ты хочешь быть истинно смиренным, то считай себя ниже всех, попранием всех: ибо ты ежедневно, ежечасно попираешь законы Господа и, значит, Самого Господа».

Целомудрие и невоздержание

«Сохраняя строгое целомудрие душевное и телесное, чувствуешь в себе мир и полноту жизни духовной и телесной, — легкость, жизнерадостность, простоту, а нарушив целомудрие, хотя бы одним помыслом и плотским незаконным блудным вожделением, тотчас ощущаешь смятение, тесноту, тяжесть, срамоту и малодушие, уныние; покаявшись от всего сердца, опять чувствуешь мир и дерзновение пред Богом и людьми. Таков нравственный порядок у Бога. Столько поощрений для добродетели и столько наказаний, вразумлений для зла и лукавства, чтобы уклониться от него. — Слава Богу!»

«Где дружба с плотию, там не может быть успехов в духовной богоугодной жизни».

«Проклятое невоздержание и чревоугодие! Какое множество ошибок делаем мы в продолжении нашей жизни, предаваясь неумеренному аппетиту и наслаждению. Сколько раз раскаивались, принимая намерение быть воздержанными, — и не исполняли, что хотели сделать!»

К добру устремляйся

«Со словами в сердце: «все возможно верующему» (Мк. 9, 23), устремляйся ко всему доброму и достохвальному. Имей всегда веру, какое бы доброе дело ни намеревался ты делать».

Будь умерен

«Будь умерен во всех религиозных делах, ибо и добродетель в меру, соответственно своим силам, обстоятельствам времени и места трудам предшествовавшим, есть благоразумие. Хорошо, например, молиться от чистого сердца, но коль скоро нет соответствия молитвы с силами (энергией), различными обстоятельствами, местом и временем, с предшествовавшим трудом, то она уже будет не добродетель. Потому апостол Петр говорит: «покажите в добродетели разум (то есть не увлекайся одним сердцем), в разуме же воздержание, в воздержании — терпение» (2 Пет. 1, 5–6).

И малым не пренебрегай

«Ничем не пренебрегай в духовной жизни, ничего не считай малым, не стоящим большого внимания: чрез малые грехи диавол ведет к великим».

За стол садись с миром

«Не садись за стол с возмущенным какою-либо страстью духом, чтобы враг не обратил тебе во вред пищу и питье в болезнь, а не в здравие: ибо чрез все коварствует и ищет повредить человеку.

Садись всегда за трапезу с миром, благодаря Господа, и пища с питием будут тебе во благо и во здравие: потому что благословение Божие почиет и на пище и на тебе самом!»

О повиновении властям

«Всею Своею жизнью Господь научает нас повиноваться властям, Богом поставленным: прежде рождения Своего Он благоволил с Матерью Своею и мнимым отцем Иосифом записаться в рабы кесаря; Он платит дань кесарю, и учит повиноваться властям, воздавать Божие Богу, кесарево — кесарю» (см.: Мк. 12, 17; Лк. 20, 25).

Что делать?

«Самый живой вопрос должны мы решить все: что нам делать, чтобы жить? Ответ на него произнес Сам Жизнодавец и Бог: если хочешь жить, «соблюди заповеди» (Мф. 19, 17). Итак, в соблюдении заповедей жизнь вечная. А заповеди заключаются в любви к Богу и ближнему».

Как относился отец Иоанн к академии

«Я хорошо знаю, какое большое значение имеет академическое образование для служителей Церкви. С всегдашней признательностью чту имена своих бывших наставников: Преосвященных Макария, Никанора и Иоанна, профессора Лучинского, Карпова, Фишера и других... Академия весьма много дала мне и для умственной и для религиозной жизни. Могу даже сказать: именно академии я обязан тем, что стал теперь тем, что я есть» («Богословский вестник», 1895. Февраль, с. 288).

XVII. «Живой колос»

Заметка

Если читатель помнит это из Дневника, о. Иоанн не дождался при жизни выпуска издания, под заглавием «Колос жизни», хотя очень этого желал. Мне пришлось познакомиться с этой книгой уже после кончины о. Иоанна. И пред самым завершением работы над моей книгой мне «случайно» удалось получить «Живой колос» от одной интеллигентной женщины врача. Я считаю это тоже чудом, и делаю из книги выписки, уже не считаясь с системой. А часть даже отвел к заключительной главе.

Познай христианство

«Познай христианство во всем его духе, плане Божием, в его всецелой идее, величественной, благости, премудрости и правде Божией; подивись величию дела Божия, дела спасения человеческого рода; смиренно и преданно преклонись пред ним и будь исполнителем христианских добродетелей, с помощью благодати Божией».

Троица Святая

«Отец, Сын и Дух Святой — для меня и для всех — дыхание и свет, жизнь, сила, оправдание, премудрость, святость, всякое богатство, помощь, исцеление от всяких болезней, молитвенный огонь, источник умиления, хранение, безопасность, всякое благо».

Враг диавол

«Со своим воинством бесовским имел вооружиться на Церковь Христову, по допущению Божию и для испытания всех верующих, страшными и разнообразными гонениями и мучениями. Нужно было утешение величайшее, всемогущее и от Лица Всемогущего, чтобы противопоставить его с полным успехом всем ужасным скорбям и бедам мучимых христиан первых веков и последующих. Вот Господь Иисус Христос Богом Отцом и противопоставил этим ужасным скорбям всемогущего и всеблагого Утешителя, Духа Святого, и Он утешал их всегда и содействовал к мужественному их радостному перенесению всех мучений. Читай о страданиях мучеников, об их радостных страданиях, и увидишь в них Силу Духа Святого, Утешителя».

Блаженство Царства Небесного

«Читай последние главы Откровения св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова и увидишь: какой на небе есть и будет вечный мир, вечное блаженство в царстве славы! Слава Тебе, Господи, так все сотворившему и так все промысляющему!»

Возгораюсь

«Крепким желанием видеть Художника, Который и меня сотворил премудро по образу и подобию Своему — с разумом, чувством, свободною волею и бессмертием по душе. Когда увижу Его, желанного, всеблагого, пре-

красного, всеблаженного, бессмертного Творца Владыку и поклонюсь Ему и возблагодарю Его лично — за все, за все!»

Сладость будущего века

«Какое несравненное, неисчетное богатство сладости духовной Ты уготовил в будущем веке, — сладости от наслаждения неизреченной добротой и красотой Лица Твоего, Которым неисчетно блаженны все лики и соборы ангелов!»

«Настоящий видимый мир есть одна тень будущего, духовного, бессмертного века, будущей земли живых» (см.: Пс. 26, 13).

Разумно ли привязываться, к тени, а не к самой истине? К будущему, истинному веку и к дню вечному?»

Мы — в Церкви

«Святая Церковь всех нас собирает и, так сказать, концентрирует около одной общей живоначальной и животворящей Главы, Господа нашего Иисуса Христа, нашего Искупителя и Спасителя. Все мы — одно таинственное духовное тело и взаимно — члены друг друга... Какое величественное, божественное, светлое, спасительное, вечное здание Святая Церковь! Счастливы мы, что родились и живем в ней и получаем от нее бесчисленные благодатные дары, по милости Господа нашего Иисуса Христа, по благоволению Бога Отца и благодати Духа Святого. — Спасайтесь же все, когда столь удобно спасение!»

Пленительная идея Церкви

«Какая чудная, святая, пленяющая разум, сердце и волю — идея о Церкви Христовой Вселенской, возглавленной Самим Основателем ее — Христом Богом!

В Евангелии и в литургии, как в зеркале, отражается вся благость и правда Божия, вся любовь, вся премудрость Божия, все всемогущество Божие о спасении рода человеческого, вся Божественная оценка падшего человечества, созданного вначале по образу Божию; все чудное общение Бога с человеками возрожденными: все обожение, на небеси возведение человеческой природы и спосаждение ее с Богом... Вникните в эту идею о Церкви, в идею литургии, в приготовительную ее часть (проскомидию), как и в литургию оглашенных и в литургию верных! Смотрите на идею Церкви, как Тела Христа, с Которым верные христиане соединены неразлучно... Смотрите, какое попечение Церкви земной — о преисподней — или об умерших. Смотрите, какое общение Церкви земной с небожителями — или совершенными членами Церкви Христовой... И в довершении всего нашего удивления мы причащаемся (некоторые ежедневно) пречистого Тела и Крови Христовых, преискренно сообщаясь с Самим Главою Церкви, в залог вечной жизни на небесах. О Святая Церковь! О Божественная Литургия! Сколь вы — божественны, святы, животворны!»

Замечательная идея о Церкви: все концентрируется в ней. Достойно вдуматься в нее! Единство — в Церкви: и Бога с людьми и всех людей на небе и на земле! И смысл литургии. Чудо!

Почему апостолы избраны из простых?

«С пришествием на землю Самой воплощенной Ипостасной Премудрости, для принятия таинства веры, требовались чистые простые души, способные к простоте веры и принятию величайших Божественных истин, чтобы верно преподать их и другим... Эти высокие орудия истины, приемники величайшей благодати Божией, небесной мудрости — были апостолы».

Простота веры

«О простота сердца! О вера, нелукаво мудрствующая! Сколь ты драгоценна и приятна пред Богом и спасительна человеку! Вот пришел в мир Бог во плоти спасти человеческий род, и Ему нужно было избрать помощников Себе из человеков. Кто достоин был быть помощником Богу-Слову? — Простые неученые люди!»

«Господи! Сколь безмерно возвеличил Ты род человеческий, воплощением и Богочеловечеством Твоим и воплотившею Тебя Приснодевою Богородицею, и избранным Твоим человечеством в лице неисчетных святых.

И сколько (о ужас!) ругается над Тобою и Церковью Твоею, над учением Твоим, над таинствами и богослужением Твоим толстовщина и вся одурманившаяся, так называемая интеллигенция. Господи! Доколе это поругание? Доколе это беснование? Господи! Сниди сокрушить эту гору нечестия! Буди!»

Талант у России

«Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант Православной веры, в которой спаслось множество людей верных. Этот талант мы приняли чрез апостолов Христовых. Этот талант неоцененный — попран многими русскими, и они ответят за него праведному Судии! В первом пришествии Христовом нам вручен талант (то есть человеческому роду), и «во всю землю изыде вещание» духовных апостолов, и во все «концы вселенныя глаголы их» (Пс. 5, 18). Во Второе пришествие Господь будет требовать от всех нас отчета в управлении талантов».

Против Толстого

«Господи! Если я, священник Твой, и от имени Твоего столько лет трублю гласом против величайшего еретика Толстого — этой высокой стены Иерихонской, то да падет же эта стена гордыни на удивление всем верующим и чтущим Тебя, единого Господа славы, поруганного сим еретиком из еретиков! «Доколе, Господи, нечестивые... торжествовать будут» (Пс. 93, 3)? Доколе будет торжествовать богохуление и нечестие? Вся земля наполнилась богохульством!»

Католики — непримиримы

«Кто бы не желал соединиться из православных с католиками или лютеранами и быть с ними одно — во Христе, одною Церковью, одним обществом верующих?! Но кто из членов этих глаголемых церквей, — особенно предстоятелей... согласиться отречься от своих заблуждений? Никто! А мы согласиться с их еретическим учением не можем без вреда своему душевному спасению.

А вражда их к нам — вековечная! Предубеждения против нас, их уверенность, что мы — схизматики, — разве не великое препятствие к единению?

Вот и попробуйте соединиться! Разве можно соединить несоединимое?! Ложь с истиной?»

Мф. 16, 19

Много раз о. Иоанн говорит об известных словах Господа Петру: «Ты камень, и на этом камне» и т. д.

Обычно православные под камнем разумеют твердость веры в Иисуса Христа, как Бога, а о. Иоанн, с своей стороны, разумеет под камнем — Христа (1 Кор. 10, 11).

Глава или наместник Церкви

«Папа — глава ли Церкви? Нет, это — нелепо. Церковь объемлет собою и святых угодников, и ангельский собор, — это одно тело под главою Единым Христом. Причем тут грешный папа?

Если бы Иисус Христос имел в виду дать Церкви своей, по вознесении на небо, другого главу вместо Себя, — или наместника, как говорят папы, считая себя наместниками Христа на земле, то Он ясно объявил бы об этом прежде Своего вознесения, ибо это — столь важный для спасения душ человеческих догмат, да и апостолы бы объявили об этом, или себя кто-либо из них назвал наместником, а то никто из них не обмолвился, памятуя слова Господа: «кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Мф. 20, 26); «все же вы — братья» (Мф. 23, 8).

«Паписты, признав главою Церкви папу, возвели его на престол вместо Христа и обоготворили его, а Христа поставили на задний план. Папу сделали наместником Христа; между тем как Христос с нами пребывает «во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20).

Но посмотрите, сколько заблуждений допущено в папской (а не Христовой) вере, странных заблуждений, богохульных, — и вы с негодованием и ужасом отвернетесь от нее! О гордость человеческая! О гордость сатанинская! Папа будто непогрешим! О иезуитство!»

«Ненависть к православным — историческая, самая исступленная. Просвети, вразуми и спаси их Господи! Где же у них глава Церкви — Христос? Он есть любовь, благость, кротость, милосердие, долготерпение, а у католиков ничего подобного нет! А в догмате сколько ересей, нововведений, отступлений от истины! О гибельная папская система!»

«Да не сердитесь, друзья, а внимайте истине Божией в простоте сердца, ведь и мы говорим и дерзаем от простоты сердца. Отриньте ложь и примите истину и соединитесь с нами в единомыслии! Полно вам разногласить и спорить! Пришествие Христово близко, «при дверях».

Растление природы нашей

«Ужасно, невообразимо растленна природа человеческая всякими грехами, о которых и говорить стыдно и больно, и страшно! Мы, священники-духовники, знаем это больше, чем кто-либо другой; особенно — те из нас, которые своею близостью и духовной ласковостью и сочувствием, своею

горячею верою и искренностью отношений к духовным болячкам своих духовных чад — заслужили их доверие. О, как болят грехами эти простые искренние души грешников и грешниц! И как нуждаются в нашем сочувствии, в совете, врачевании и Божием милосердии!»

«Примечай за своею многострастною плотию, — какой она величайший враг твой: через тысячу похотей она хочет удалить душу твою от Бога, расслабить, осквернить ее, умертвить ее, она расслабляет чрез леность и холодность к молитве, к поклонам, к богомыслию.

О домашний, вселукавый, льстивый враг! Доколе я буду с тобою? «Кто избавит меня от сего тела смерти»? (Рим. 7, 24.)

Баня и продолжительный сон, все вместе взятое, очень неблагоприятствует духовной жизни и развивает леность и сладострастие. Избегай всячески нежить плоть и обращайся с нею сурово, ради Царствия Божия».

Наследственность греха

«Воздерживаться от страстей нужно особенно будущим супругам, потому что страсти переходят с рождением и к детям и сообщаются им, так что дети делаются жалкими наследниками страстей своих родителей, как и их болезней. О наследие греха, наследие плачевное!»

Святые сознавали себя грешниками

«Все святые сознавали себя и чувствовали грешниками и все искренно каялись, плакали, проявляли <...> всевозможное грехов вольных и невольных, восходили по степеням покаяния, исправления, упражняли себя во всякой добродетели и достигли уподобления и присвоения к Богу. Мы ежедневно читаем молитвы, умиляемся ими, плачем и получаем милость от Господа. Слава милосердию Его, долготерпению Его, благопослушливости Его и благоуветливости».

Не монаху лишь...

«Научись все убивать в себе постом, молитвами и подвигами по силе своей, и не думай, что это нужно только монаху: это необходимо каждому христианину во всяком звании и состоянии. Если сумел грешить, так сумей и оправдаться и очиститься, чтобы стать сыном света».

Замечай свои сны

«Если хочешь узнать себя в точности, — каков ты, какие у тебя недостатки, привычки, страсти, пороки, — замечай свои сны, когда спишь днем и ночью; замечай их по возможности все, и ты получишь картину, или отголосок душевного твоего направления дурного или хорошего, и узнавши себя, немедленно старайся исправить свои недостатки, и, как серпом, срезать греховные плевелы».

Кто виноват в смерти Господа на кресте?

«Ответственно ли человечество за этот ужасный час девятый, в который Искупитель наш испустил Дух?

Ответственно; ответственна всякая душа, ибо за каждую душу пострадал и умер Господь, за каждую заплачена эта бесконечно дорогая цена.

Мы должны жить не для себя, но для Умершего за нас и Воскресшего. Вот наша ответственность! Вот наша обязанность относительно умершего за нас на кресте Богочеловека, а поэтому и за тебя умер Христос, то и ты должен искренно всегда каяться, ибо за твои также грехи страдал Агнец Божий».

Суд близко

«Знайте, суд при дверях, и Господь скоро грядет со славою «судить живых и мертвых» (2 Тим. 4, 1).

Что вы станете делать, неверующие, неготовые, расслабленные, растленные до мозга костей, когда постигнет вас Страшный Суд Божий нечаянно?..

Тогда не дадут вам времени и в дом войти, чтобы взять какую нужную вещь: «один берется, а другой оставляется» (Мф. 24, 40)».

Правота благодати

Нога моя стоит на правоте (см.: Пс. 25, 12). Пришел на память мне этот стих псалма, и я углубил его в сердце чрез размышление и думал: о, если б нога моя (душа) стала твердо на совершенной правоте закона Божия, на правоте благодати! Даруй, Господи, милость сию рабу Твоему».

Поспешное разрешение грехов

«Господи, прости нам, священникам, за недостатком времени скоро возлагающих руку (см.: 1 Тим. 5, 22) разрешающую (на кающихся)! Не осуди нас за сие и многое другое!»

Мало любви к Богу

«Господь возлюбил нас беспредельною любовью, сошед с небес и человеком став для нас. А как мало в нас, — во многих же и совсем нет, — и веры, и любви к Нему, потому что увлечены совсем мирскими и плотскими страстями. Вот святые угодники и угодницы возлюбили Его — с самоотвержением, с горячностью, при каких подвигах! За то и блаженны и от Церкви ублажаются вечно».

Дивный образ Божий — человек

«Что всего удивительнее, Господь, как величайшее доказательство Своей благости, создал человека по образу и подобию Своему: с разумною свободною способностью к взаимной любви людей и любви к Своему Творцу и Промыслителю, к оценке дел Его, к благодарности и преданности Ему до конца жизни, предназначенной к бессмертию. Вот в ней-то, в душе человеческой, ищи особенно просветления Божией благости, премудрости, величия Божественного, ибо что дороже и выше в человеке, как быть образом и подобием Божиим и проявлять в себе Его совершенство?»

Философия апостола Павла

«Все почитаю за сор, чтобы приобресть Христа (см.: Флп. 3, 8). О высокая христианская небесная философия небошественного Павла! Все земное, красоту человеческую, богатство тленное, сладости пищи и пития,

красоту одежд, злато и сребро, — все прелести земные, прельщающие взор и чувство, считай за сор, чтобы приобресть Христа, ибо нельзя иметь в сердце Христа, если имеешь к чему-либо пристрастие из земного. Вот небесное любомудрие! Подражай».

Люби — ненавидящего тебя

«Господь говорит: «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас» и творящих вам обиду (Мф. 5, 44)... Они жалки, несчастны, подвержены страстям, и сто раз нуждаются в нашем сожалении, сочувствии. Ненависть ослепила их сердечные очи, они враждуют и против Бога, заповедавшего всем любовь. Люби всякого человека, ненавидящего тебя, и молись за него. «Побеждай зло добром», по Апостолу (Рим. 12, 21)».

Блаженны поносимые

«Блаженны вы, когда будут поносить вас» (Мф. 5, 11). Господь ублажает поносимых за имя Его святое, потому что и Сам был поносим от книжников и фарисеев и оклеветан. И ты радуйся, а не печалься, не обижайся, что тебя поносят и возносят на тебя всякие небылицы: велика тебе за это награда на небесах!»

О ком говорит Пресвятая Богородица?

«Явил, — говорит Богородица, — силу мышцы Своей, рассеял надменных помышлениями сердца их» (Лк. 1, 51). Кто эти гордецы в мыслях сердечных? — Денница падший и ангелы его, целое царство небесное. О, как много еще должно быть жертв страдания и смерти, жертв людских, чтобы заполнить число отпадших? И как много число это пополняется!»

Иерей! Служи всем

«Служи людям нелицеприятно и охотно: богатому или бедному, здоровому и больному, благообразному и неблагообразному, знатному и простому; веруя и памятуя, что все они — члены Христа и твои уды; и что за нелицеприятное и усердное служение ты получишь награду от Подвигоположника Христа. «Кто напоит ближнего, хотя чашею воды, во имя Его — «не погубит мзды своея» (Мф. 10, 42), — говорит Он».

Крестьянское житье

«Был я в селах и видел крестьянское житье: какая бедность везде! Какие рубища с бесчисленными заплатами! Какие изможденные лица от недостатка питания! Какие скорбные лица! Что? — пасынки, а не чада Божии? Богачи и смотреть на них не хотят, не хотят их одеть, напитать, утешить! Какова душа богатого! Как она противна Богу человеколюбивому! Не ублажай богатого, не льсти, не завидуй ему, а плачь о нем, как о самом жалком человеке».

Город и деревня

«Сравниваю мысленно город, — особенно столицы, — и деревни, и дивлюсь контрасту между ними: в тех, то есть в городах, — роскошь безумная, миллионы, потраченные на ненужное великолепие, блеск и изящество,

а в деревнях — убожество крайнее, хаты или домики, большей частью крыты соломой, а обстановка — самая простая, для еды и питания — хлеб ржаной, похлебка — какую Бог дает...»

Завидующий другому

«Человек, завидующий чужому богатству или удобству жизни, сам обнаруживает свое к нему пристрастие и ложное направление ума и сердца своего, и от Бога отступает сердцем, и идолопоклонником становится. Посмотри лучше на крестьянина: там напиток — вода, чай иногда — и не у всех, лишь по достатку каждого; имение — две, три скотинки, лошадь и несколько овец — для еды и одежды... Деревенские жители — это мученики, скорбные вечно люди. Эти «последние» многие будут «первыми» в будущем веке.

Завидующий богатству других обнаруживает тем скрытое желание самому завладеть их промыслом и богатством и вместе (обнаруживает) пустоту своего ума и сердца, и недостаток веры в Бога, Коим живет всякий человек, и (недостаток) любви к немощному ближнему.

Если бы Бог был богатством сердца его, никогда он не позавидовал бы богатству земному и тленному ближних своих, считая его суетным и весьма препятствующим спасению души его».

Богатому

«Крайне трудно войти в Царствие Божие, а погибнуть — легко, как евангельскому богачу-весельчаку или человеку-богачу, у которого был «хороший урожай в поле» (Лк. 12, 16–20). Читай Евангелие и ищи: в чем мудрость христианина истинного? Не в нищете ли духа и самоотвержения? «Мы ничего не имеем, но всем обладаем», — говорит Апостол (2 Кор. 6, 10)».

Ожидание конца мира

«Грехи умножились до края! Нет больше возможности жить спокойно! Церковь Божия, Невеста Христова — украшайся, чтобы предстать светло Жениху своему прекрасному, нетленному, вечному!»

«Но природа твердо (во время распятия) держалась и доселе еще держится... Идем рукою Вседержителя. Ждем конца, когда род человеческий обратится в смердящий труп, и не для чего ему будет существовать, когда пшеница созревает и будет готова к окончательной жатве... Тогда сказано будет: «пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы» (Откр. 14, 15)».

«Вино новое»

«Отныне не будут пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего» (Мф. 26, 29). Это говорит Господь, как человек: Он предвидел небо новое и землю новую, в которых все человеки избранные обновятся и будут иметь все новое: и новый град, духовный Иерусалим, и новую пищу и новое питие, которое суть Сам Христос и Дух Святый, и новое солнце, или Светильник, который есть Христос. Нынешний плод лозный — Кровь Христова есть образное

питие будущего истинного приобщения Христова во Царствии Его (подобного). «Подавай нам истее (истиннее) Тебе причащатися в вечернем дни Царствия Твоего» (Канон на Пасху).

Зима и безблагодатность

«Как (зимой) все от крайнего холода зацепенело, омертвело! Как печально, больно, скучно! А каково душе человеческой быть без благодати Божией, без молитвы, без слова Божия, без богослужения, без причастия Св. Таин! Многим только смерть покажет все сиротство, бедность, нищету их душ!»

Явления преподобным Сергию и Серафиму

«Боже мой! Какое зрелище, какое небесное утешение преподобным Сергию и Серафиму! Сам Господь явно и торжественно является взору преподобного Серафима с небесными силами, на малом входе литургии! И — неоднократно Пресвятая Богородица! А святому Сергию — Богоматерь Сама со святыми в келию его пожаловала! О утешение! О достоинство человека христианина и подвижника! Слава так благоизволившему Богу!»

Все верно до йоты. А люди?

«Божественное домостроительство человеческого спасения верно само по себе до йоты на пространстве всех веков, и обещания Господни верным истины и подвизающимся до йоты. Ни один, шествовавший верно и неуклонно путем Господним, не постыдился, не погиб, но принял за подвиги свои нетленную награду — Царство Небесное.

А мир как смотрит на подвиги людей веры и благочестия, и на самих подвижников? Как на суеверов и исступленных, не верит в истину Божия домостроительства и потому погибает в неверии своем. О чудная истина Божественного домостроительства человеческого спасения!»

Вознощение Богоматери

«Божия Матерь «уснула», умерла на три дня, как Христос Бог, Сын Ее, и в третий день воскресла. Она воскресла и взята на небо. О чудо! О блаженная участь! О радость бесконечная! Достойно и праведно».

«Уже почти в старости Она почила и скоро переселена в вечные пресветлые обители. И каково было Ее славное успение! Каким светом сияло пречистое Лицо Ее! Какое дивное, бесконечное, неописуемое благоухание было от Ее приснодевственного Тела».

Подобие земли и неба

«Сколь прекрасен собор ангельский, бесчисленный и всестройный! Если видимый мир, например, звездный — так прекрасен, и земная природа со всеми ее стихиями, полями, лугами, садами, лесами, реками, морями, озерами со всеми ее растениями и животным царством и прочими тварями так велика и прекрасна, то каков, сколь велик и прекрасен должен быть ангельский мир, светлый, безгрешный, умный, прекрасный, сильный, могучий! О красота! О величие! О блаженство, о хвалословие Творцу!»

Почему люди стремятся к Богу?

«Отчего такое стремление к Богу в душах верных, благочестивых? Оттого, что подобное к подобному стремится, по образу и подобию Божию созданная, стремится к Первообразу; свет — к свету, жизнь — к жизни, сила благая — к благой силе, к источнику премудрости.

А люди неверные и несмысленные, грешные и злые тоже стремятся к подобному, то есть к злому и вселукавому диаволу: зло — к злу, тьма — ко тьме, нечистота — к нечистоте, злая сила — ко злой силе».

Дивные святые

«Прочитывая со внимание церковные службы святым на каждый день года и духом созерцая их подвиги, не могу надивиться их самоотверженной любви, неизреченному к ним снисхождению Божию и любви Божией к ним. Сколько дарований получили они от Бога! Какие чудеса творили! Какой дар пророчества имели! И при жизни, и при кончине Бог прославил их и вселился в них и почтил их славою и честью несказанной. Иные святые, как солнце, просияли при своей кончине, и ангелы были спутниками на небо. Вот что значит душа человеческая, очищенная от грехов и возлюбившая всем сердцем Создателя своего».

«И во мне»

«Дивен Бог во святых Своих, да и во мне Он дивен, во мне — грешнике, кающемся и принимающим от Господа непрестанно милость и суд».

Земля — отображение неба

«Настоящий стихийный мир есть слабая тень будущих нетленных, вечных, сладостнейших благ. Суди по нынешним вещам о будущих нетленных благах. «Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9). «Дивны дела Твои», Господи (Пс. 138, 14)».

Будущее блаженство и земное

«Приидите, ...наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф. 25, 34). Что Ты говоришь, Господи: «приидите, наследуйте»? Твои глаголы — совершенны и истинны! Нам уготовано безмерное благостию Царство вечное, нетленное, где нет нужды, болезней, печали и воздыхания, тления и смерти, но вечное наслаждение, вечная радость и правда. И мы, маловерные и суетные, мы не радим об этом Царстве, в котором праведники будут царствовать вечно с Богом и в Боге!

О, как мы слепы, пристрастны к видимому, временному! Как мы жалки, глупы и несмысленны! Отрекаемся от вечного блаженства, сожития с Богом и святыми и прилепляемся к праху, к сновидению, к тьме, к смраду духовному».

Святость — наша стихия

«Святость — стихия христианина: без нее христианин — не христианин. «Кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8, 9). Святы будьте, «ибо Я Господь Бог ваш» (Лев. 11, 44).

Святые жили, подвизались, боролись, терпели искушения, побеждали о имени Господа врагов внутренних и внешних. И спаслись. Спасемся и мы по милости Божией».

Ласкайся: нежно люби!

«Ласкайся к Спасителю и Божией Матери, как искренний сын или дочь, ласкайся, — говорю, — прочитывая сердечно каноны, акафисты Сладчайшему и Божией Матери. Ласкайся и к святым горячими молитвами и положенными акафистами. И не будешь посрамлен. Вскоре же сам ощутишь в своем сердце ласку небесную от Духа Святого. Но и не унывай, если сердце твое хладно — чрез мрачные веяния бесплотного. Господь все видит и не отходит от него и скоро дает каждому по заслугам. Терпи, ибо сказано: «Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21, 19).

На небе увидишь святых

«С большим благоговением и любовию относись, молясь святым и угодникам Божиим, особенно Матери Божией, и всем святым. Даст Бог, ты увидишь их в будущем веке лицом к лицу: их светлость, их славу, коих сподобил их Бог. И удостоверишься, что ты не напрасно чтил их и призывал их здесь, на земле, быв во плоти и находясь в Церкви Божией, к которой, как и ты, принадлежат они, как члены одного Тела Христова, Коего Он есть Глава».

«Прибегай к святым и всесильным молитвам Богоматери: не лишай себя этой благодати: довлеет Ее молитва к умилостивлению за всех и за тебя... Аминь».

Имя Божие блаженно

«С каким вниманием, с каким благоговением, с какою любовью, миром и благодарением мы должны произносить всегда имя Божие и молитву Господню: «Отче наш» и все прочие молитвы. Имя Божие — велико, свято, страшно! И одно именование Его для верующего — блаженно».

Замашка неверия

«В нашем ветхом человеке есть замашка: при чтении Слова Божия или богослужебных книг, или писаний святоотеческих и вообще священных книг — иногда тайно противиться сказуемому, то есть тому, что говорится и пишется. Это — тайный голос противника, сатаны, который первый научился и научил падших духов и людей противиться Богу, Его святой истине и правде. Так я замечал и замечаю, что и мне, сердцу и уму моему, диавол противится тайно при чтении молитв, канонов, стихир, Символа веры, и я должен побороть и низвергнуть его за мысли эти. О окаянный! Прочь от меня, враг истины и правды Божией. Ты ведешь ко лжи, проклятию и смерти слушающих тебя, как Адама и Еву».

XVIII. Заключительная глава

В заключении работы об о. Иоанне мне хочется остановиться на двух его вещах: на Слове в 70-ю годовщину его жизни и на последних, можно сказать, предсмертных, мыслях из Дневника, изданных под заглавием «Живой колос», уже после его кончины.

Первое — слово на 70-ю годовщину — может быть справедливо названо «ключом» ко всей его жизни. Об этом так пишет автор биографической статьи, некий «М.С.» (не будущий ли патриарх Сергий?): «Мы привели эту прекрасную проповедь о. Иоанна, исполненную высокого благоговения к своему пастырскому званию: в ней ключ к пониманию того влияния, какое он приобрел на свою паству, а эта паства была вся великая Россия».

А выдержки из Дневника последних дней его жизни обобщают главное содержание его духовной жизни: автобиографические данные, непрерывную борьбу с диаволом и грехом, необычайную веру Св. Причащения и в силу молитвы, смирение и покаяние его, помощь в этой борьбе Ангела хранителя, надежду на Царство Небесное, благодарение за прославление, ожидание близкого конца своей жизни и конца мира, и жажду зрения Бога — суть его всей духовной жизни. Можно сказать: он подводит итог всего.

К этому мы и перейдем сейчас.

Вот эта проповедь. Взята она, как и вся статья, из «Церковных Ведомостей», после смерти Батюшки.

В 70-ю годовщину своей жизни, пред большим собранием собратий-пастырей, обозревая свой пройденный жизненный путь, о. Иоанн говорил:

«Сегодня мне Божиею милостию исполнилось 70 лет жизни, а благодати священства, воспринятой мною от Господа, почти 44 года. Почитаю справедливым и должным для себя оглянуться на прожитое время и воспомянуть милости Божии ко мне. Велика милость Божия, что я дожил до таких лет. Истинно — сила Божия «в немощи совершается» (2 Кор. 12, 9). Кто из знавших меня в младенчестве мог думать, что я доживу до восьмого десятка лет, который, по пророку, составляет крайний предел жизни человека, земного странника. Рос я болезненным, слабым, и в самом младенчестве тяжкая болезнь — оспа — едва не свела меня в могилу, на волосок был от смерти, по меткой молве человеческой. Господь сохранил мне жизнь, я оправился и стал возрастать. Поспело время учиться и отведен был в школу; наука темна была для меня, я не был подготовлен дома, самому надо было доходить до разумения и познания; сознавал и чувствовал я свою беспомощность, ревниво смотрел на успехи товарищей и стал просить помощи и разумения у Бога, дающего всем просящим «просто и без упреков» (Иак. 1, 5), — по выражению апостола Иакова, — и открыл мне Господь разум, я озарился светом Божиим: грамота стала ясна для меня, и стал я успевать в соответствующих возрасту и воспитательной цели науках, но и тогда, во время учения, сколько я перенес тяжких болезней.

При слабых физических силах прошел я три образовательные и воспитательные школы: низшую, среднюю и высшую, постепенно образуя и

развивая три душевные силы — разум, сердце и волю, как образ причастной души, созданной по образу Святой Живоначальной Троицы. Высшая духовная школа, коей присвоено название духовной академии, имела на меня особенно благотворное влияние. Богословские, философские, исторические и разные другие науки, широко и глубоко преподаваемые, уяснили и расширили мое миросозерцание, и я, Божиею благодатию, стал входить в глубину благости Божией, создавшей все премудро, прекрасно, благотворно, подчинивши все создания твердым, жизненным, гармоническим законам, особенно пленил мой ум и сердце премудрый план спасения погибающего рода человеческого чрез Божественного Агнца Божия, Иисуса Христа, вземлющего грехи мира (см.: Ин. 1, 29); во мне развилось и окрепло религиозное чувство, которое было вселено еще благочестивыми родителями. Прочитав Библию с Евангелием и многие творения Златоуста, Филарета Московского и других церковных витий, я почувствовал особенное влечение к званию священника и стал молить Господа, чтобы Он сподобил меня благодати священства и пастырства словесных овец Его. Размышляя о чудном, любвеобильном домостроительстве Божием о спасении рода человеческого, я проливал обильные горючие слезы, сгорая желанием содействовать спасению погибающего рода человеческого. И Господь исполнил мое желание. Вскоре, по окончании высшей школы, я возведен был на высоту священнического сана. И вот 44-й год прохожу это звание, принося Богу «молитвы, моления, прошения благодарения за вся человеки, за царя, и за всех, иже во власти суть» (1 Тим. 2, 1–2) и принося почти ежедневно бескровную жертву, примиряю тварей с Творцом, ибо Господь дал священникам «служение примирения» (2 Кор. 5, 18), через которые и я сам ежедневно примиряюсь с праведным Судией, много прогневляемым ежедневно, а людей примиряю, отвращая Его праведный гнев, движимый на нас, ради грехов наших, отводя их от кривых, гибельных путей и указывая пути правые. Благодарю Господа, подавшего мне возможность и удобства, через частое совершение богослужения изучить весь круг наших богослужебных книг, познать их мудрый состав и богатство содержания и образы величайшего спасительного покаяния грешных и милосердие Божие к кающимся, — всю глубину богословия, — всю сладость славословия Божия и дивные хвалы Божией Матери, любовь к Богу и различные подвиги бесчисленных святых. Благодарю Господа, что Он удостоил меня родиться и воспитываться и быть священником в Святой, Соборной и Апостольской Церкви, членом ее, хотя и недостойным, и удостоиться ходатайства ее пред Богом, на которое я надеюсь, что оно не посрамит меня, ибо не надеюсь на свои дела, которых не имею, а на заслуги Господа Иисуса Христа, искупившего меня кровию Своею от греха, проклятия и смерти, — за молитвы Божией Матери, святых ангелов и всех святых. Они умолят за меня Господа, и Он введет меня в Царство Свое Небесное».

Комментариев мы не прилагаем: слово, — как и все вышедшее из уст его, — понятно само по себе. Но две вещи обращают особенное на себя внимание: он «горел желанием содействовать» Спасителю в «спасении

рода человеческого»... Какая высокая, высокая мысль! И необычайная: пожалуй, во всей церковной литературе мы не встречаем такого горения! А о нас современных пастырях уже и говорить об этом немыслимо! Мы: «служим», в лучшем случае — спасаем себя чрез это служение, а чтобы помогать Богу — это «апостольское» желание (1 Кор. 3, 9–11; 4, 1).

Второе желание: «примирение» себя и людей с Богом, праведным Судией, отвращая Его праведный гнев богодарованными пастырям мерами: верой, таинствами, особенно Св. Причащением, молитвами, богослужением, всею жизнью. Христос — «един ходатай» (1 Тим. 2, 5), а пастыри являются Его сотрудниками!

Из «Живого колоса» я возьму последние страницы, по преимуществу автобиографического характера (151–154 с.). Я предпошлю им лишь несколько слов.

Из автобиографических воспоминаний о. Иоанна, на 79-м уже году его жизни, видны следующие особенности.

Он говорит, что первые годы своего священства «не каждый день» совершал литургию. Почему же он стал делать это потом? — Увидел пользу духовную. Кажется, нигде в своих творениях он не говорил об этом! Поэтому он советовал частое причащение и другим; значит: не от святости — приобщение, а, наоборот, для нее. Это тоже редкая мысль в нашем богословии.

Потом, как он покаянно и уничижительно смотрит на себя перед смертью: как на худшего из всех! Вера его — зрячая: например, он «ощущает «при себе своего Ангела хранителя. И надеется на Царство Небесное. За 52 года священства — по скромным словам его — он, прославленный и в России, и за границей, лишь «старался» служить, хотя и «много ошибался». Какое смирение, и конечно, искреннее!

Заканчивается же «Колос» жаждою зреть Господа, Которым он жил всю жизнь, однако и тут о. Иоанн прибавляет: «но я не готов, не чаю сердцем»!

Приведем же эти переживания его.

Из автобиографии отца Иоанна

«Прославлю бессмертное милосердие и долготерпение Божие ко мне и ко всем человекам.

В продолжение 70 лет я согрешал каждый день и каялся. И Господь миловал меня, не наказывал меня во всей правде Своей, ожидал моего исправления каждый день.

Дни юности моей прошли, и в высшем учебном заведении, в академии, я стал внимательно относиться к своему внутреннему миру. Поступив священником, я жил — не без греха, но больше и больше углублялся в смысл своего призвания, и Господь ежедневно миловал меня, даруя мне слезы покаяния, сподоблял меня частого причащения Св. Таин. Служение мое Св. Церкви, совершение молитв и таинств — было не без преткновений: невидимые враги сильно бороли и пленяли меня, смущали меня, особенно при совершении таинств: борьба была на жизнь и смерть, смерть духовную. Я каялся, плакал побеждаемый и получал прощение.

Первые годы священства я не часто, не каждый день совершал литургию и потому часто рассеивался духовно. Потом, увидев пользу ежедневного совершения литургии и причащения Св. Таин, я стал ежедневно служить и причащаться. И во все годы священства и служения Богу сколько я получал милости от Него! Нет числа.

Благодарю Господа за чудные молитвы вечерние и утренние и Правило ко Св. Причащению. Сколько Господь давал мне слез умиления очистительного! Какие потоки милости изливались на меня! И это — каждый день — даже доселе!

Что я воздал Господу за все эти милости?! Беззакония мои умножились паче числа песка морского, и я доселе еще жив, и еще каюсь, не переставая согрешать делом, словом, помышлением, леностью, нерадением, невоздержанием и всяким грехом, свойственным человеку. О Боже, милостив буди мне, грешному, еще и еще! Потерпи мне, состарившемуся в беззакониях, и очисти мя от всякой скверны плоти и духа. Аминь».

Борьба была до смерти

«Господи, я испытываю ежедневно отталкивание от Тебя духом (земной прелести), умерщвляющим меня, омрачающим, томящим суетностью. Постоянно я должен воевать с собою, со своим похотями и прелестью врага, и умерщвлять все страсти, считая их нелепыми, бессмысленными, пагубными, а — предпочитать всему и любить Тебя единого.

О, сколь хитер, неусыпен, деятелен враг на погибель нашу! И не вдруг мы познаем его козни, а впоследствии, когда надоест и опротивеет. Мы находимся часто в прелести его. Господи! Избави нас от лукавого: «Пустынным живот блажен есть, Божественным желанием воскрыляющимся» (Антифон).

Молиться о том, чтобы считать себя худшим

«Господи! Не дай мне возмечтать о себе, как бы о лучшем кого-либо из людей, но думать, как о худшем всех, и никого не осуждать, а себя судить строго».

Вижу Ангела хранителя

«Святой Ангел хранитель ежедневно и ежечасно наставляет меня на путь спасения. Я это вижу сердечными очами, ощущаю и благодарю Бога и приставника Божия».

Надежда на Царство Небесное

«По моей старости (79 лет) — каждый день есть особенная милость Божия, каждый час и каждая минута. Сила моя физическая истощилась, зато дух мой бодр и горит к возлюбленному моему Жениху, Господу Иисусу Христу.

Столько залогов милости я получил и получаю от Бога в этой жизни. НАДЕЮСЬ, что и в будущей жизни по смерти, а смерть есть рождение в жизнь вечную, Божиею милостию и человеколюбием».

«Слава Богу! 52 года священству моему исполнилось, Божиею благодатию и милостию; я — жив еще, хотя и более.

За столько лет благодатного священства, не сумею благодарить Господа, Единого в Троице. Как мог, как умел, как старался, — служил, но много ошибался, недомогал, сильно враг борол. Покрой, Господи, все грехи милосердием Твоим».

Благодарит за Православие

«Что воздам Тебе, Господи, яко Ты даровал мне милость родиться и воспитаться в Православной вере и Церкви, и в дорогом неоцененном отечестве, России, в которой издревне насаждена Православная Церковь. Благодарю и славлю Тебя, как могу, по благодати Твоей».

Благодарит и все же еще просит покаяния

«Господи! Нет на языке человеческом слов достойно возблагодарить Тебя за все бесчисленные благодеяния, явленные Твоею благодатию мне, грешному, в продолжение всей моей жизни, протекавшей пред Лицем Твоим, Отче щедрый!

Даже доселе, вот уже 79-е лето хранишь и спасаешь меня на всякий день, и — ныне особенно, ввиду врагов моих, ищущих поглотить меня за то, что я — раб Твой, хотя и недостойный. Но даруй мне, Господи, благодать совершенно благодарить Тебя и стяжать житие чистое, покаянием мне созданное; даруй избежать прелести греха многообразного, борющего и украсть меня у Тебя хотящего. Даруй мне прославлять Тебя громко, громко, в этом безбожном мире».

Жаждет зреть Бога

«Хотел бы я видеть первоначальную Благость, Светлость, Красоту, Премудрость бесконечную, но — я не готов, не чист сердцем». «Имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием» (2 Кор. 7, 1).

Этим желанием видеть Господа и закончим мы повествование о его жизни. Прибавим послание к отцу Иоанну патриарха Антиохийского Мелетия, который как бы предупреждает канонизацию о. Иоанна. Правда, русский православный народ уже чтил, — как мы много раз видели это в жизни, — и чтит его, как святого, почитали его и наши русские святители: первоприсутствующий митрополит Антоний и другие члены Святейшего Синода, патриархи Сергий и настоящий — Алексий, да и самые дела о. Иоанна свидетельствуют об этом: но это послание из Антиохии громким голосом — причем со стороны — объявляет о духовной высоте Батюшки.

Поводом к этому посланию было служение о. Иоанна в Московском антиохийском подворье 23 сентября 1903 года. Патриарх выражает радость по этому поводу и видит знамение любви «между двумя сестрами Церквами — Русской и Антиохийской».

«Послание Святейшего Патриарха Антиохийского и всего Востока Мелетия о. протоиерею Иоанну Ильичу Сергиеву»

«Досточтимый о. Протоиерей! Мы глубоко радуемся тому, что единоверная нам Россия имеет такого великого пастыря, как Ваше Высокопреподобие; своею жизнью и деятельностью Вы повторяете собою знаменитых пастырей первохристианской Церкви. Недаром весь православный мир, и русский народ в особенности, славится Вашим Высокопреподобием, достойно ценит Ваши высокие духовные качества и благоговеет пред Вашим высокопарящим духом. Сердечно поздравляем Вас, дорогой о. Иоанн, с великой благодатью Божией, вселившейся в Вас; сердечно поздравляем и Россию с таким редким, истинно самоотверженным пастырем; поздравляем и себя с тем, что в нашей Православной Церкви имеются столь достойные ходатаи перед Богом за православный мир, за наше недостоинство и за нашу многострадальную паству.

Слава о Ваших лучезарных добродетелях давно проникла в наш Антиохийский Патриархат, и всякий из наших пасомых чтил и благоговел пред Вами, но теперь, после того, как Вы соблаговолили почтить нас служением в нашем патриаршем подворье, память о вас еще сильней и прочней укоренится в сердцах всех наших чад...

Примите, глубокочтимый пастырь, слава и столп Православной Церкви, искреннейшие выражения сердечной и глубокой признательности нашей и всех наших чад, — вместе с покорнейшей просьбой помянуть и нашу старость в Ваших святых молитвах.

Со своей стороны и мы молим Всемогущего Бога, да утвердит Он Св. Православную Церковь на достигнутой ею высоте, да укрепит любовь, связующую Русскую и Антиохийскую Церкви и их пастырей... Его же мы молим сохранить Вашу драгоценную жизнь еще на многие лета в полном здравии на благо святой Православной Церкви и на благосостояние Антиохийскому подворью и его молодому настоятелю.

Благодать Божия да окрыляет вас!

Мелетий, Патриарх Антиохийский и всего Востока,
Дамаск, 31 октября 1903 г».

Примечание. Настоятелем тогда был иеромонах Игнатий Абурус, великий почитатель святости о. Иоанна. После он служил архимандритом в Буенос-Айресе, а теперь, кажется, в Сирии; от о. Иоанна имеет дар — священное облачение, коим дорожит, как святынею.

Свидетельство католика

Не лишним считаем мы и присоединить здесь свидетеля католического вероисповедания.

Католический журнал «Глэб» поместил о почившем о. Иоанне Кронштадтском любопытную статью.

«Появление о. Иоанна есть факт, с которым мы встречаемся и в нашей церковной истории, — появление человека, которого Бог отличил особенною своею милостию и который обладает силою вести тысячи людей обычными и чрезвычайными путями к Богу. Важно сказать, что его сила основывалась на живой вере и молитве. Ими побеждал он, ими приобретал он их для себя и для Бога...

Если бы он жил где-нибудь в деревенской глуши, то можно бы сказать, что все это раздуто искусственно. Но он жил и действовал в Кронштадте, в предместье Петербурга, в городе без всяких народных традиций, без всякого народного характера. Его влияние было чисто религиозным.

Когда в 1855 году, в качестве простого священника занял место при Андреевской церкви в Кронштадте, он ничем не выделялся — ни образованием, ни богатством способностей, ни красноречием. Конечно, он обладал энергией и настойчивостью, так как при малых средствах решился поступать в академию, но он не имел и следа гордости, что доказал всей своей жизнью.

Первое, что бросалось в нем в глаза, — это его истовое благочестие. Никто не служил литургию со столь естественною и глубокою проникновенностью, духовной самособранностью и пламенной верой, как о. Иоанн. Когда народ заметил эти его качества, все стали ходить на совершаемые им литургии, и говорил, что когда служит о. Иоанн, молиться лучше, чем когда служат другие священники. Своим примером он возбуждал благоговение в присутствующих, и эта сила как бы переливалась от священника к народу и обратно — от народа к священнику. Внушительность молитвы его с течением времени все увеличивалась.

Но не одно благочестие и не одна вера доставили ему то влияние, коим он пользовался всюду: сюда присоединилась еще его щедрость и любовь к ближним. Его щедрость была какая-то необычайная: всякий раз, кто приходил, получал. В его руки поступали громадные суммы. Отец Иоанн брал их и снова раздавал. Часто милостыня его поступала в недостойные руки. Но в 1882 году он основал первый в России «Рабочий дом», где безработные и бедные получали не милостыню, а работу и плату... Все это создавалось в тиши, без всякой рекламы.

Он был не только благотворителем, но и человеком, готовым во всякое время всякому лично оказать помощь или услугу, никогда не утомляясь.

Все это сопровождало мистическое влияние и окружало его ореолом святости. Влиянию его подчинялись все. Его чудесная целительная сила — выше всяких сомнений.

Когда в 1880 году его чудотворная сила была всеми признана, совершаемые им богослужения превратились в собрания больных и нуждающихся в помощи. Со всей России шли к нему люди, чтобы он исцелил их; всюду приглашали его, чтобы он помог. Но он очень печалился и гневался на тот фетишизм, с которым иногда относился к нему народ, и часто увещевал его».

Когда в 1904–1906 гг. в России наступила новая эра, о нем несколько позабыли. При свободе печати он сделался мишенью для издевательств.

Неустрашимо проповедовал он против крайностей нового направления, за что был ненавидим и преследуем его сторонниками. Его знакомые и друзья удостоверяли, что на его жизни не было ни одной тени, и что все рассказы — бесстыдная ложь.

И теперь, пишет католик в 1909 году, «совершаются чудеса при его могиле. Ежедневно его могилу посещают тысячи народа. В воскресенье, 24 января сего года (1909) у его могилы было до 34 000 человек. Ежедневно приезжают русские священники, часто из самых отдаленных мест, и служат у его могилы литургии. Все несут свои просьбы к великому «молитвеннику» и говорят, что бывают услышаны. Несомненно, мы еще много услышим и прочитаем об отце Иоанне».

А вот и голос духовной печати.

Знаменитыми ректорами Санкт-Петербургской академии и профессорами времен о. Иоанна были м. Макарий (1850–1857), потом — Никанор Бровкович, Иоанн, еп. Смоленский.

«Много — духовных лиц, с КРАСОЙ ВСЕГО ПАСТЫРСТВА, отцом Иоанном Кронштадтским» — говорится в «Страннике» (1909). О признании его, как мы видим, говорил и почитаемый епископ Феофан, Затворник Вышенский.

Поднимался и вопрос о его канонизации за границей, но на все воля Божия!

О прославлении святых

Позволим себе сделать и выписку о прославлении святых из книги «ИСТОРИЯ КАНОНИЗАЦИИ СВЯТЫХ В РУССКОЙ ЦЕРКВИ» известного специалиста, профессора Е. Е. Голубинского:

«Доказательство святости святых составляют чудеса, которые творятся при их гробах или от их мощей, а мощи — целые тела или только кости, — суть дарованные нам, для поддержания в нас живейшего памятования о небесных молитвенниках за нас, священные останки некоторых святых», — говорит автор.

Но нетление мощей святых не есть непременный признак для прославления святых. Мощи многих святых и в настоящее время находятся под спудом: в большей части случаев мощи совсем не были открываемы; в меньшей части — были открываемы, но потом опять были закрыты... Целость всего тела не относится непременно к действиям благодати и не означает нравственного достоинства человека, тело которого не истлевает... «Есть у нас люди, имеющие ревность Божию не по разуму, которые утверждают, будто мощи святых всегда и непременно суть совершенно нетленные, то есть совершенно целые, нисколько не разрушенные и не поврежденные тела...» Это не правильно. Слово «мощи» означает не как что-либо цельное, а лишь часть какого-либо священного или несвященного предмета, так что разобрать какой-либо предмет на мощи значило разобрать его на части. И

мощи наибольшей части святых в Греции и на Востоке, равно как и на Западе, суть кости святых... А например, в Киевских городках и Сорочинцах (местечке в Полтавской обл.), найдены были два несгнивших женских тела: они поставлены были в церквах, но «как с пятнадцать годов ни единого достоверного свидетельства чудодействий их не обреталось, — то архиепископ Киевский Варлаам закопал их честно с обычной литиею в тех же церквах.

А вот и другое исследование: «КАНОНИЗАЦИЯ СВЯТЫХ И НЕПРОСЛАВЛЕННЫЕ РУССКИЕ ПОДВИЖНИКИ»

Четыре года спустя после смерти о. Иоанна появилась статья известного писателя Е. Поселянина (Погожева) под указанным выше заглавием. Она собственно написана им по поводу прославления св. патриарха Гермогена, но имеет отношение ко многим чтимым святым подвижникам. Упоминается в ней и об о. Иоанне. При вопросе о канонизации последнего (когда Богу будет угодным). Этот материал может пригодиться. Потому и выписываю его, как он дал в статье.

«Глубокое невежество относительно церковных дел выказывают люди, полагающие, что Церковь «выдумывает» святых... Лица осведомленные скажут другое. Они скажут, что Церковь всячески тормозит (лучше бы сказать: осторожно задерживает — *М. В.*) дела о канонизации святых, но они происходят... после долгих усилий местных жителей.

Насколько был известен задолго до канонизации хотя бы святитель Феодосий Черниговский, можно заключить из письма Кутузова к знаменитому проповеднику того времени, настоятелю Киево-Софийского собора, протоиерею Иоанну Леванде. Отправляясь в турецкий поход, старый набожный полководец — очевидно, очень осведомленный в области русской праведности, — просит, посылая о. Леванде три червонца, «по примеру прежних лет», заказать три панихиды у гроба Преосвященного Феодосия Черниговского.

Вот это именно и есть характерный признак начавшегося почитания праведника, почитания народного — по духовному чутью и вере народа, почитания совершенно неофициального, и особенно трогательного. Люди, ищущие помощи у таких подвижников, вместо молебнов, отправляемых святым, служат панихиды. Это дало повод одному исследователю дать таким чтимым в народе праведникам имя «панихидных святых».

В первенствующей Церкви в вопросе относительно мучеников — их смерть почти совпадала с их канонизацией. Слишком ослепителен и явен был их подвиг геройский смерти за Христа, а мощи и не всегда оставались, так как тела их то были утоплены, то разрублены на части, то съедены зверями на аренах.

Из русских святых прежде погребения ознаменовался нетлением и исцелениями святитель Игнатий Ростовский (умер в 1288 г.). Чудеса при отпевании побудили оставить мощи его открытыми у стены храма, не погребая их.

Яркий пример почитания праведников до прославления их представляет старец Серафим Саровский, канонизованный, можно сказать, народом за-

живо. Чрез самое короткое время после его смерти (1833) изображения его многими считались за образа. Как святыню, передавали кусочки той скалы (камня), на которой он молился.

Точно также десятки лет назад изображение святителя Иоасафа (Белгородского) уже можно было встречать в домах, висящие за икону. Заходя в Петербурге к гробу о. Иоанна Кронштадтского в монастырь на Карповке, или на могилу блаженной Ксении на Смоленском кладбище, чтимой всеми решительно слоями верующих Петербурга, — можно увидеть ярко выраженную форму такого всенародного почитания подвижника, относительно которого церковь не изрекла еще своего суда. Жадно ища людей евангельской правды и светлой жизни, народ узнает их внутренним чутьем и начинает их признавать в тех формах, какие в данное время возможны.

Канонизации всегда предшествует назначение комиссии для обследования чудес святого. Самое наряжение такой комиссии почти предрешает вопрос в утвердительном смысле, тогда как в большинстве случаев ходатайства городов о канонизации чтимого праведника остаются без удовлетворения... Несомненная святость, очевидная всему верующему народу, еще не есть ручательство близкой канонизации.

Дело о канонизации очень чтимого на севере преподобного Феодосия Тотемского возбуждалось жителями Тотьмы много раз, и, наконец, благополучное направление приняло лишь тогда, когда обратились непосредственно к императору Александру I...

Есть длинный ряд подвижников, спасавшихся разнообразными путями, незабвенных для народа, в которых народ основательно видит чудотворцев, ожидая их канонизации, например, для Петербурга — блаженной Ксении (XVIII века) и отца Иоанна, и затем других лиц по всей России. Иерархи последних веков и последних времен насчитывают несколько имен, которые впоследствии, вероятно, будут оглашаться в храмах со святыми.

Совершенно, кажется, близко церковное прославление митрополита Иркутского Софрония и епископа Тамбовского Питирима (он канонизован в 1914 году — *М.В.*)... В Тобольске пользуется почитанием митрополит Иоанн Максимович (XVIII век), наследовавший после святителя Феодосия Черниговского кафедру и им исцеленный... В самой лавре преподобного Сергия покоится великий Московский митрополит Филарет, о загробных деяниях его ходит много рассказов: некоторые из них вошли в громадную печать о нем. Многие из иерархов Киева памятны народу. Таковы были митрополит Рафаил Забороский и Самуил, а в XIX веке — нетленно почивший Филарет «Кроткий» (человек трогательной праведности, поборник монашества, основал в бытность Калужским архиереем знаменитый скит Оптиной пустыни и утвердил там старчество) и совсем уже недавний Филофей. В Пензе напряженную форму почитания приняло усердие народное к памяти епископа Иннокентия, умершего в возрасте 35 лет и пробывшего на кафедре всего 7 месяцев. В Харькове ходят ко гробу архиепископа Мелетия, в Симбирске — епископа Евгения. В Воронеже покоится один из величайших русских аскетов — архиепископ Антоний (в 1846 г.).

Целые гнезда подвижников — в лучших русских обителях. В Киеве — старцы Парфений, Досифей, Вассиан, Феофил, недавно умерший Иоанн. В Саратове — молчальник Марк. В Оптиной — старцы: Лев, Макарий, Амвросий, архимандрит Моисей, игумен Антоний (теперь же нужно присовокупить к ним Иосифа, Анатолия и Нектария — *М. В.*). Такие же чтимые старцы лежат в других пустынях: Глинской, Святогорской.

Из священников в Ельце помнят отца Иоанна Борисова, день памяти которого отправляется всем городом. В Рыбинске схоронен знаменитый о. Петр из Углича...

Было бы долго перечислять еще и многих других лиц, вопрос канонизации которых — дело будущего... Чтит народ и многих подвижниц...

В этом кратком перечислении названы только немногие из тех, какие засияют когда-нибудь в церковном небе, а теперь, светя тихим, сдержанным светом, видны еще не всем» («Странник», 1913).

В связи со всем вышесказанным, а особенно с вопросом о возможной канонизации о. Иоанна, нам хочется высказать свое мнение по вопросу о том, где почивают сейчас останки о. Иоанна Кронштадтского?

На этот вопрос указывают три места: прежнее место погребения, в Ленинграде на Карповке, другое на Богословском кладбище, третье — и еще где-то. Уже самое это разноречие говорит о том, что прах о. Иоанна в трех местах одновременно быть не может. Поэтому к разным рассказам нужно быть осторожным; не нужно обращать особого внимания и на посещение каких-либо мест богомольцами: это свидетельствует лишь об их почитании о. Иоанна, что гораздо важнее вопроса о месте, но никак не о достоверности пребывания останков его.

В одном из писем ко мне даже рассказывается об одном сновидении по этому вопросу.

Такое разноречие, — пишут, — «очень огорчало одну монахиню. И вот она горячо помолилась Господу и просила открыть, где же все-таки прах находится?.. И вдруг во сне она видит самого Батюшку, который ласково ее успокоил, уверив, что тело его находится здесь, в монастыре, и никуда не переносилось. «А что на разные места ходят люди, — добавил он, — не смущайтесь: я везде их вижу и слышу».

Но снам и рассказам верить не следует. А есть действительные основание утверждать, что тело его по-прежнему почивает на Карповке. Так думает большинство почитателей.

К этому присоединяемся и мы. И вот почему. Когда я в 1948 году приехал из Америки в Советский Союз для жительства в Риге, то прибыл, через Финляндию, в Ленинград. И здесь попросил митрополита Григория дать мне машину для посещения часовни блаженной Ксении и о. Иоанна на Карповке. Часовня, несколько дней пред этим, была открыта, и там служились непрерывные панихиды. Отстоял одну и я.

Ездил и на Карповку. В бывшем храме были какие-то военные учреждения. У дверей стоял солдат с ружьем. Я попросил его доложить начальству о моем желании узнать об о. Иоанне: где его тело? Здесь ли или перевезено в иное место? Он ушел внутрь здания и скоро оттуда вышел с разрешением.

Меня провели в большую комнату. Здесь я увидел четырех офицеров за письменными работами. Все они встали. Отрекомендовавшись, что я — приехавший из Америки митрополит, — хочу узнать о погребенном здесь в 1908 году о. Иоанне. Здесь ли его останки? На это один из них, вероятно, старший, деликатно ответил: «Не знаем!» Я оставил комнату и снаружи, у того окна, где, предполагалось, лежат останки, стал тихо служить заупокойную литию. Скоро ко мне присоединилась из соседнего дома, бывшего монастырского корпуса, какая-то пожилая богомолка, потом подошла бедно одетая старушка. И втроем мы потянули заупокойную.

У окна — оно наполовину было ниже уровня земли — был насыпан чистый сухой песок. Как сказали мне эти женщины, отсюда приходящие почитатели с благоговением берут понемногу песку. Взял и я.

После мне пришлось говорить по этому вопросу с несколькими авторитетными лицами, и все они думали, что тело о. Иоанна лежит, как и прежде, в нижней церкви святых Илии и Феодоры, — только замурованной. После, чуть ли не в тот же самый день, когда я переписывал полученное об о. Иоанне письмо, пришли ко мне в Дубулты (около Риги) две женщины, одна из них — ленинградка. Она подтвердила те же самые рассказы о том, что останки Батюшки находятся на своем месте, на Карповке.

А через день или два посетил меня некий священнослужитель из Ленинграда, и еще раз подтвердил версию, что мощи о. Иоанна по-прежнему почивают в монастыре. Такое совпадение трех свидетельств показалось мне не случайным совпадением, а промыслительным указанием со стороны самого Батюшки. А вот теперь, шесть лет спустя, я все это записываю. И что удивительно?! Он, творивший тысячи и тысячи чудес при жизни, еще более может творить их по смерти, как угодник Божий. А в 1945 г. я приезжал в Союз на интронизацию патриарха. Был и в Ленинграде. Там свозили меня и в Петропавловский собор, где о. Иоанн был рукоположен, в 1855 г. во священники... Все гробницы похороненных там царей, оставались в полной цельности. Это я видел собственными глазами. Подобным образом и гробница о. Иоанна осталась нетронутой.

М.Вениамин
1954. 26 мая/Новочеркасск

Послесловие

В конце всего считаю уместным сказать несколько слов о политических воззрениях Батюшки, хотя бы потому, что этому вопросу о. Иоанн уделяет немало внимания в своих творениях и в своей деятельности: это все видели в его жизни, а читавшие его произведения хорошо об этом знают. И обойти этот вопрос, даже безо всякой оговорки, было бы и несправедливым, и непонятным. Иной читатель удивился бы такой странности и остался бы в недоумении: почему умолчано об этих его воззрениях? А он говорил на подобную тему много раз, и большею частью — сильно, а иногда — и очень резко.

Поэтому отведем и этому вопросу хоть немного строк. Прежде всего должно сказать, что политические воззрения для христианина не имеют существенного значения, так как суть христианского учения построена совсем на другом основании: именно на духовном идеале или, как иначе говорится, на Царстве Небесном, тогда как государство — на материальном или на земном. Кто знает это — особенно опытно — тот знает и инородность этих двух идеалов. Поэтому, между прочим, при описании жизни такого великого угодника Божия, как преподобный Серафим Саровский, мы совсем не видим каких бы то ни было политических рассуждений, хотя на духовные темы их у него много.

Не будем распространяться об этом.

Затем — отсюда вытекает и второй вывод: для христианина естественна лояльность в политике, притом совершенно искренняя. Она обязывает христианина послушно относиться к власти, во всем материальном повиноваться. Всякое иное отношение для нас — грех, религиозное беззаконие, хотя бы оно и прикрывалось видимым повиновением.

Но, далее, — одна власть благоприятствует христианину, другая же, — почему бы то ни было, — относится к ней отрицательно. Естественно, к первой христианское общество относится сочувственнее, чем ко второй. Прежняя государственная власть благоприятствовала христианству, потому и отношение к ней было дружественное. Когда же начались движения противоположного характера, христиане стали защищать себя, чем могли. Но это отношение, продолжим, было временным: христиане искренно переменялись и смиренно применялись: по принципу лояльности — искали опять обычных для себя путей послушания. А потом, видя от скорбей духовную пользу, даже предпочитали страдания, так как при них — и даже благодаря им — христианство углублялось, очищалось, светлело. Правда, количественно христиан становилось меньше, но качественно они улучшались, и христианство таким образом укреплялось, хотя бы в меньшинстве. Крест для христиан — совершенно необходим. Почему? Это вопрос глубокий, но то — несомненный факт истории и обязательная заповедь Христова. Когда Господь сказал апостолам — после исповедания Петром Божества Его — что Его будут бить и убьют, то тот же ревностный Петр отозвал Его в сторону и стал упрашивать не допускать Себя до этого. Господь обратился опять ко всем ученикам, а Петру сказал со властью: «Отойди от Меня, сатана! Ты — Мне соблазн, потому что мыслишь не о том, что — Божие, а о том, что человеческое».

И затем стал говорить всем ученикам, что и им, если они захотят следовать по Его пути, совершенно необходимо «отвергнуться себя и взять свой крест» и нести его (Мф. 16 гл.).

И глубоко заблуждаются те из нас, которые смотрят на христианство, по слову апостола Павла, как на прибыток, благополучие, на удовольствие.

Но конечно, было бы чрезмерным требовать от всех такого возвышенного воззрения: это — удел немногих совершенных. Поэтому Господь обещал лишь: «ищите прежде Царствия Божия, а все остальное приложится

вам» (Мф. 6 гл.). И ап. Павел говорит: «благочестие (или вера) на все полезно, обещая и будущую жизнь, и — настоящую» (см.: 1 Тим. 4, 8).

Но всячески — крест нужно нести всем! Впрочем, и нам Господь повелел просить в молитве Своей: «не введи нас во искушение», а если уж вводишь, то «избави от лукавого», от зла.

Еще — в заключении этого общепринципиального отдела — скажу следующее. Пусть никто не думает, чтобы такие воззрения сделали христиан равнодушными к земле, отшельниками, пустынниками, юродивыми. Таких ведь буквально единицы! Остальные живут в мирских условиях, женятся, строят. И христианство не только этого не запрещает им, но требует исполнения общественного долга. Больше того: исполнение долга ставится условием спасения, царство земное есть путь к Царству Небесному. И при этом от нас требуется быть любящими, честными, самоотверженными, терпеливыми, вообще — нравственными. Это всякому христианину известно! Если же мы не делаем этого, как должно, то мы — плохие христиане.

И тогда Господь Сам посылает нам скорби, чтобы мы всмотрелись в себя: христиане ли мы?

После таких общих рассуждений обратимся к о. Иоанну. Мало того: он совершенно был уверен, что религиозное направление в обществе способствует и политическому благополучию. Как же он после этого мог быть «постыдно равнодушным»? Предполагать это значило бы не понимать ни его пламенного духа, ни учения христианства! Однако в его дневниках и проповедях мы много раз видели обличение им начальников, богачей, лицемеров! Это — очевидно! Он с восторгом вспоминал об общем житии первохристиан, как об идеальном христианстве. И постоянно учил, что идея Церкви требует от нас отношения друг к другу как — брата к брату.

Если же он не говорил худого о современной ему власти, то не потому, что он боялся этого, а потому, что христианство требовало любви даже ко врагам, и, быть может, даже потому, что не хотел «подливать масла» в надвигавшийся уже пожар 60-хгодов XIX века и 1905года!

Подобное мы могли бы сказать и теперь. Но и то, и другое было бы и греховно, и вредно, и антилояльно. Да и то имеются основания утверждать, что перед смертью он имел «беседу чрезвычайной важности» с посетившими его гостями. Содержание ее осталось неизвестным, но, думается, она касалась высшей политики.

Поэтому его политические проповеди нужно поставить ему — тоже в заслугу.

Примечательно и его личное отношение к скорбям своим. Как мы видим, он неоднократно желает себе скорбей: «Господи! не оставь меня без испытания»; «Жажди искушений», — советует он и другим с своего собственного примера, благополучие нам — «опасно», и т. д. И как часто он вспоминает и о мученических подвигах, и о многолетних лишениях пустынников, и о своих болезнях, которых он не избегал, а после даже хвалил и благодарил Бога за них!

Если же мы не выписываем теперь выдержек об этом, — то времена стали иными: мы тоже должны быть искренно лояльными к власти, и даже любить и чтить ее.

Ведь и наша христианская жизнь коренится в вере. А тем более это нужно сказать про о. Иоанна. Не случайно описание его жизни заканчивается пламенным желанием: видеть Художника всего мира и Спасителя!

ИМЯСЛАВИЕ

Этот вопрос ныне уже многим стал неизвестен; другие — забыли уже о нем. Но иным он помнится еще. Во всяком случае — Богом он не может быть забыт: у Него — всему «вечная память». И по одному этому необходимо помнить о данном вопросе тем, у которых это время (1911–1912) еще в памяти. Кроме того, нужно снять с памяти о. Иоанна это темное пятно, будто он принадлежал к какой-нибудь ереси! Если бы это было на самом деле, то вся его святость становится под вопрос: никакой еретик не может претендовать не только на святость, но и на простую добрую память; всякий еретик подлежит анафеме, отлучению от Святой Церкви.

А как увидим, имя Батюшки о. Иоанна тесно связано с имяславием.

Вспомню о собственном ощущении, когда было осуждено учение так называемых «имябожников». Это было летом (вероятно 1913). Я проживал на родине. Мне пришлось прочитать в «Церковных Ведомостях» об этом осуждении. И не разбираясь еще в данном вопросе с богословской точки зрения, я, однако, ощутил также острый духовный удар, будто от меня потребовали отречения от Православия. И с той поры и доныне (1954) вот уже 40 лет, я не могу успокоиться окончательно. Четыре года тому назад, когда я был близок к смерти, я даже сделал «завещание» по этому поводу, желая снять (с себя, по крайней мере) возможное обвинение, будто и я как-то повинен в этом осуждении, хотя бы одним самим молчаливым согласием с ним.

Допустим, однако, что я не настолько сведущ в Православии, чтобы иметь свое суждение по этому вопросу.

Но тут выступает такой знаток святоотеческого Православия, как архиепископ Феофан (Быстров), бывший ректором Петербургской духовной академии. И он как раз написал магистерскую диссертацию об имени Божием, под заглавием «Тетраграма», иначе: о «Ягве» (такое чтение еврейского слова стало в новое время предпочитаться прежнему «Иегова»). Это имя переводится у семидесяти толковников словом «Господь»; но точнее бы нужно переводить его: «Сущий», по-славянски: «Сый». И казалось бы, что епископа (тогда он еще был им) Феофана следовало запросить по этому вопросу, как специалиста и богослова (он знал 11 языков). Но этого Синод почему-то не соизволил.

И вот он однажды высказался по поводу этого спора об «имябожии» так (привожу, ручаюсь за подлинность). Его спрашивали специально об этой книге «На горах Кавказа»: можно ли ее читать? Он ответил: «Книга интересна и назидательна!» А потому, когда уже запретили эту книгу, то же лицо спросило: как смотреть на нее? Тут-то он и сказал: «Они — не богословы: не сумели формулировать. Бог — везде; и, конечно, находится и в Своем имени». Тут он и осудил всех стоящих против этой книги. В другой раз, читая Дневник о. Иоанна, он дошел до его слов, что «имя Бог есть Бог». Он позвал архимандрита Р. (академиста) и в восхищении сказал: «Вот что сказал Батюшка о. Иоанн». И в этот раз он и добавил: мало того, чтобы только читать его творения, их нужно изучать, как и творения святых отцов».

И уже нечего говорить: никогда не обвинял о. Иоанна в ереси; наоборот, чтил его еще больше.

И народ и богословы читали его Дневник, нимало не смущаясь «имябожническими» (как увидим) выражениями.

Афон — где разгорелась эта борьба — почитая о. Иоанна, считал эту формулу православной.

Когда же «имябожие» было осуждено, пришлось по необходимости считаться с творениями и о. Иоанна, у которого не раз употреблялось выражение: «имя Бог есть Бог».

И тогда г. Троицкому дана была задача написать по этому поводу особую статью. Он был поставлен в затруднение: всеми почитаемого о. Иоанна «оправдать» от обвинения в ереси?! И хорошо помню одно соображение рецензента — такое: лишь Церковь — непогрешима, а всякий человек, хотя бы и святой отец, может погрешать! Но потому Троицкий старается объяснить смысл формулы о. Иоанна в «имяславском» смысле.

Однако у читателя и почитателя творений о. Иоанна при таком толковании оставалось тяжелое впечатление: Батюшка в чем-то неправ! А между тем, такое выражение и вообще такие мысли встречаются, не мимоходом, и тем более не легкомысленно, это — не оговорка, они были плодом и религиозного ощущения, и богословской некоей мысли, — в чем он сам не видел вины.

Вспоминается и мнение об этом миссионера из Латвии, который совершенно открыто не соглашался с подобным «оправданием» о. Иоанна. Наоборот, отстаивал и защищал его формулу «Имя Бог есть Бог», говоря, что у него высказывается более глубокая идея, чем простое преувеличение, или — чем боголюбивое почитание.

Наконец, упомяну об одном печальном факте. Известный митрополит Антоний (Храповицкий), бывший самым ярким противником афонских «имябожников», — оказалось, сам не читал нашумевшей книги, в коей высказывалось это выражение об имени Бог: «На горах Кавказа», — и с коей, собственно, и началось противное течение. Однажды, когда владыка Антоний был уже митрополитом Киевским, с ним на обеде начала разговор Елизавета Феодоровна: почему он так сильно восстал против этой книги (а книга была издана на ее средства и после одобрения сведущими

лицами). Митрополит Антоний, к великому удивлению и тяжкому смущению Елизаветы Феодоровны, ответил ей, что он сам-то не читал этой книги, а ему докладывал миссионер!

Этот факт дошел до меня, как подлинно рассказанный самой Елизаветой Феодоровной! И я не имею никаких оснований сомневаться в нем. Лицо, коему она передавала этот недопустимый факт, живо еще и доселе, и оно ручается за достоверность передачи!

Наконец, нужно передать истории на память и другой факт. Кавказские старцы, указывая причины тяжелого будущего России, говорили, что одной из них является ложное отношение к имени Божьему.

А если еще есть снисхождение выслушивать мои наблюдения, то расскажу следующий случай. Я был в известной Оптиной пустыни. И туда был выслан с Афона инок — «имябожник». С ним вступил в спор заведующий «черной гостиницы» — оптинец, противник имябожничества. Афонец не мог устоять против оптинца. Казалось, победа осталась за оптинцем... Замолчали... Я не вступал в спор. Прошла, может быть, одна минута. Вдруг оптинец громко говорит: «А все-таки имя Бог — есть Бог!» Я был поражен таким оборотом. И подумал про себя: значит, какая-то правда в такой формуле есть, если победитель в споре сам потом пошел против собственного рассуждения. Ум говорил в нем одно; а сердце — совсем иное. Я тогда не спрашивал его: что с ним случилось? С тех пор прошло больше 40 лет, а необычайная картина эта помнится мне наяву доселе.

Вспоминается мне и сообщение об отце архимандрите Пантелеимоновского Афонского монастыря Мисаила (с которым я потом переписывался по другому поводу): он сначала был за «имябожие», а потом уже переменился. Но достойно внимания: почему-то он сначала был на иной позиции: значит, какую-то правду он чувствовал в первом своем отношении. Об этом следует задуматься!

Характерно, что в Оптиной пустыни (я сам это видел там!) монахи размножили по келиям небольшие листки с молитвой Иисусовой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного». В этом можно было усматривать сокровенную оппозицию «гонению» на имя Божие, но никто не посмел осуждать их за молитву Иисусову. Было нечто подобное и в других монастырях: игумения некого женского монастыря (аристократка, богословски начитанная) объявила инокиням решение Св. Синода к исполнению его. «И что же монахини?» — спрашивает ее знакомая мирянка. Та спокойно отвечает: «Попрятали книгу («На горах Кавказа») в сундучки!»

Но вот выдающийся случай. В болгарском монастыре на Афоне, в Зографе, жил в то время (1912) престарелый (ему было 120 лет!) слепой старец Амвросий. Его там даже называли «последний святой нашего времени». Когда был разгром на Афоне, несколько монахов бросились к нему за советом: спросить его — как быть? А он лежал, почти предсмертный и слепой, на постели. Не успели они спросить его, как он (был прозорливый) им говорит: «Что вы ко мне пришли? Чего хотите от меня? Вы видите: я — слепой, мне уже 120 лет! Разве вы не знаете слов апос-

тола Павла: «Хочу лучше пять слов сказать умом моим, ...нежели тьму слов на незнакомом языке» (1 Кор. 14, 19). Он, видимо, разумел молитву Иисусову. А монашествующие, видя, что он уже прозрел их мысли, в страхе говорят ему: «Страшное время!» «Да, страшное время идет!» — отвечает старец. — Был потоп водный, будет потоп духовный! Протестантизм зальет весь мир!» «Как же тогда спасаться?» — спрашивают они. «Как спасаться?» — переспрашивает старец. — Приходит время, когда Господь не будет спрашивать ни о посте, ни о длинных молитвах, ни о подвигах, а только чтобы сохранили Православие!» «А как же это?» «Православие сохранить — нужно сохранить веру в силу Креста и в силу имени Христова!»

Это мне передавало лицо, читающее брошюру о данной беседе.

Наконец, еще расскажу о моем разговоре в вагоне с тем самым сотрудником по борьбе с «имябожниками» Тр-м, о котором я упоминал уже выше. Шел у нас разговор об имяславии и имябожии. Между прочим, он спрашивает меня: «Почему это вы (он разумел не меня одного, конечно) так интересуетесь этим вопросом? Я — не пойму!» «Вот это-то и удивительно, что вы, один из самых активных борцов в этом деле, а не задумались над тем: почему многие горячо заинтересованы в нем?! Всякому известно, что в корне различных споров лежит прежде всего какая-нибудь психология! И ее непременно нужно уяснить прежде всего. А тогда понятнее будет и та философия, которая оттуда взяла корни свои!» Такой разговор произвел на меня безотрадное впечатление! Борется против имени Божия, а сам (нужно думать) молитвы Иисусовой не творил!

Совсем иное дело мы наблюдаем в о. Иоанне: он творил, как мы видели, «непрестанную молитву» к Богу. И потому его формулы были связаны — даже вызваны — с этим молитвенным настроением. Недаром один из афонских старцев назвал его в письме ко мне «нашим любимцем». И конечно, доселе у читателей Дневника и мысли не было и нет о том, чтобы изъять оттуда выражения об имени Божием! Мало кто помнит печальную историю об «имябожническом» споре, но «Мою жизнь во Христе» читают и очень многие миряне, и будут читать!

И их не смущают изречения Батюшки, что «имя Божие есть Бог»! Наоборот, радует, укрепляет в вере, помогает в молитве! Пусть даже оно не достаточно точно выражено богословски, но важнее — положительное содержание, которым выражается религиозное его переживание. Это и нужно понять!

Теперь я перейду к выдержкам из Дневника слов и текстов самого о. Иоанна, как они изречены им и дам в том порядке, в котором они изложены у него. А выводы сделаем после, чтобы читатель сам послушал Батюшку, уловил его дух. Только иногда я буду иные выражения подчеркивать.

«Непостижимо, как Сам Христос **со** знамением крестным и дает ему чудесную силу прогонять страсти, демонов и успокаивать возмущенную душу. Точно так же непостижимо, как дух Господа нашего Иисуса Христа соединяется с хлебом и вином, претворяет их в Плоть и Кровь, и явно очищает нашу душу от грехов, внося в нее небесный мир и спокойствие;

делает ее благою, кроткою, смиренною, полною сердечной веры и упования. Это объясняется **отчасти** тем, что **везде** — всемогущий дух Господа нашего Иисуса Христа, и — везде Он может даже «не сущая» нарицати, «яко сущая» (Рим. 4, 17); тем более — из сущего делать другое сущее».

«А чтобы маловерное сердце не помыслило, что крест или имя Христово чудесно действуют **сами по себе, а не Христом**, — эти же крест и имя Христово не производят чуда, когда я не увижу сердечными очами, или верою, Христа Господа, и не поверю от сердца во все то, что Он совершил нашего ради спасения».

«Бог есть такое духовное Существо, от Которого — все, и без Которого немыслимо ничто, в Котором — начало, продолжение, жизнь и сохранение всего; Который бесконечно выше всякого времени и пространства; Который не начинался никогда и не окончится; пред Которым все — как бы не существующее; Который — везде». «Одним словом: Бог есть «Сый», то есть как бы один Сущий, один — Который есть».

Эту мысль Батюшка часто повторяет в своем Дневнике, и она лежит у него в основе многих чувств и изречений, как увидим, в частности, — в основе молитвы, имяславия, воззрений.

«Словом мир сотворен и стоит: «нося же всяческая глаголом (словом) силы Своея» (Евр. 1, 3)... Словом, происходящим от верующего и любящего сердца, мы можем творить чудеса жизни для души своей и для душ других: например, на молитве, при богослужении, в проповедях, при совершении таинств! Христианин! Дорожи каждым словом; будь внимателен к каждому Слову; будь доверчив к слову Божию и слову святых человеков, как к слову жизни. Помни, что слово — начало жизни».

Если он требует этого внимания от других, то сам тем более должен был быть строг к самому себе; и особенно к выражениям о Боге, об имени Божием. Даже немыслимо, чтобы он был легкомыслен в этом случае!

«Слово потому надо еще уважать крепко, что и **во едином** слове бывает вездесущий и все наполняющий единый и нераздельный Господь. Потому и говорится: «не возмеши имене Господа Бога твоего всуе» (Исх. 20, 7), что **в одном имени** — Сам Сый Господь, простое Существо, Единица приснопокланяемая».

«Слово есть выражение истины, самая истина, бытие, дело. Слово предшествует каждому существу, каждой вещи, как вина их бытия — прошедшего, настоящего или будущего... В нем — Слове — вина всех тварей настоящих, прошедших и грядущих».

Необычайная мысль! И она часто повторяется Батюшкой.

«Веруя твердо в осуществимость всякого слова, особенно произнесенного во время молитвы, памятую, что Виновник слова есть Бог-Слово; что Сам Бог наш, в Троице покланяемый, выражается тремя словами, или именами: Отец, Слово и Святый Дух; что всякому слову соответствует бытие, — или всякое слово может быть бытием и делом».

«О всяком помысле греховном, тем паче — слове — и деле греховном, надо сказать: это — диавол; а о всяком помысле святом и благом, равно как слове и деле, мы должны сказать: **это — Бог**, или: **это от Бога**». «С

крайним благоговением произноси имя Божие, памятуя, что Богом все приведено из небытия в бытие, и все существующее содержится в благобытии единственно по Его благости, всемогущею силою и премудростью Его. С крайним благоговением произноси имя Иисуса Христа, Сына Божия, «Имже вся быша» и все управляется; Который носит доселе все существующее сильным словом Своим... С благоговением произноси и имя Пречистой Матери Господа Иисуса Христа, Приснодевы Марии, породившей нам Его во спасение наше. И вообще — святых апостолов, мучеников, преподобных, бессребреников и всех святых».

Мог ли о. Иоанн после этого — быть неосторожным в слове?! Никак!

Когда «тяжело мне станет, мучительно, я встану да возведу сердечные очи к Троице и говорю: Отче, Сыне, Душе Всесвятый, помилуя мя! А сам смотрю на **имя** Отца и Сына и Святого Духа, как **на самое существо** Пресвятой Троицы, везде существенно присутствующей, даже — в слове едином. Смотришь: тотчас и легко сделается! И убежит враг от вседержавного, приснопокланяемого Имени, как дым исчезает... А чтобы не возгордиться мне, по причине благостного внимания ко мне Пресвятой Троицы и подаваемого Ею мне спасения, ...припомню, что некоторые христиане, «многие силы сотворившие именем» Божиим, услышат некогда от Господа слова: «отыдите от Мене, не вем вас» (см.: Мф. 7, 23) за свою неевангельскую жизнь (Мф. 23, 25). Пресвятая Троице! Сохрани меня от гордости и поучи меня смиренномудрию!»

«Когда ты про себя в сердце говоришь или произносишь (вслух) имя Божие, Господа, или Пресвятой Троицы или Господа Саваофа, или Господа Иисуса Христа, — то в этом имени ты имеешь все существо Господа: в нем (то есть в имени. — *М. В.*) Его благость бесконечная, премудрость беспредельная, свет неприступный, всемогущество, неизменяемость. Со страхом Божиим, с верою и любовию прикасайся мыслями и сердцем к этому всезиждущему, всесодержащему, всеуправляющему Имени! Вот почему строго запрещает заповедь Божия употреблять имя Божие «всуе», потому то есть, что **имя Бог есть Он Сам** — Единый Бог в трех Лицах, простое Существо, в едином слове изображающееся и заключающееся, и в то же время — незаключаемое, то есть не ограничиваемое им (словом) и ничем сущим».

«Каждое слово Священного Писания, каждое слово Божественной Литургии, утрени и вечерни, каждое слово священно-таинственных молитв и молитвословий имеет в себе соответствующую ему и в нем заключающуюся силу, подобно знамению честного и животворящего креста. Такая **благодать** присуща каждому слову ради обитающего в Церкви Ипостасного, вочеловечившегося **Божия Слова**, Которое есть Глава Церкви. Да и всякое истинное доброе слово имеет соответствующую ему силу ради всенаполняющего простого Божия Слова. С каким же вниманием и благоговением надо произносить каждое слово, с какою верою! Ибо Слово есть Сам Зиждитель Бог, и Словом от небытия в бытие все приведено».

«Крест и крестное знамение есть сила Божия, потому (что) им присущ всегда Господь. Точно так же — образа... **По благодати** Божией им **прису-**

щи Господь, Владычица, ангелы или святые: они так к нам всегда близки, и даже — **ближе**, чем эти образа. Истинно. Опыт подтверждает весьма часто».

«О имя сладчайшее, имя святейшее, имя **всемогущее**, имя Господа нашего Иисуса Христа! Победа моя, Господи, слава Тебе! Господи, мы — члены Твои, мы — едино тело; Ты — глава наш. Господи, да оказываем мы уважение и любовь друг другу, как **Тебе Самому**, как **обоженным Тобою**».

«Когда запрещаешь диаволу именем Господа нашего Иисуса Христа, то **это самое имя**, сладчайшее для нас и грозное и горькое для бесов, **само творит** силы, как меч обоюдоострый. Равно, если просишь чего у Отца Небесного, или совершаешь что-либо о имени Господа нашего Иисуса Христа, то Отец Небесный о имени Своего возлюбленного Сына, все подаст тебе в **Духе Святом**, если ты творишь заповеди Его, — а **в таинствах** и вовсе **не взирая** на твое недостоинство. Где употребляется **с верою имя Божие**, там оно созидает силы: ибо **самое имя Божие есть сила**».

Это место — весьма важно в данном вопросе!

«Слово Божие есть Сам Бог» (Т. II, 346): здесь о. Иоанн под «словом» разумеет не Второе Лицо Св. Троицы, а Писание: «Слова, — говорит он в том же изречении, — живые бисеры». Это же выражение буквально есть у св. Иоанна Златоуста; при этом нужно понимать его и в наименовании Сына Божия и в применении к Св. Писанию... Но об этом будет речь дальше.

«Когда молишься о чем-либо Господу, ...тогда слова, выражающие твои прошения, твои нужды, имей за самые вещи. И веруй, что ты имеешь уже верный залог в получении предмета твоих прошений **в самых словах**, коими означается этот предмет. Например: ты просишь здоровья себе или кому-либо: слово — здоровье — имей за самую вещь, за самое дело; веруй, что ты его уже имеешь по милости и всемогуществу Господа, ибо самое слово, название, во мгновение у Господа может быть делом, — и получишь непременно просимое за свою непоколебимую веру. «Просите, и дастся вам» (Мф. 7, 7). «Елика аще молящеся просите, веруйте, яко приемлете: и будет вам» (Мк. 11, 24).

«Твердо положись сердцем **на самые слова молитвы**, с уверенностью, что в них сокрыты сокровища Духа Святого: истина, свет, животворящий огнь, прощение грехов, пространство, покой и радость сердца, живот и блаженство».

«Великие имена: Пресвятая Троица, или: Отец, Сын и Святый Дух, или: Отец, Слово и Святый Дух, — призванные с живою, сердечною **верою** и благоговением, — или воображенные в душе — **суть Сам Бог и низводят в нашу душу Самого Бога в Трех Лицах**».

Здесь также говорится, что «имена» — «суть Сам Бог» (II, 246).

«Слово в устах одних — дух и жизнь, а в устах других — мертвая буква (например, во время молитвы и проповеди). «Глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть» (Ин. 6, 63).

Таковы должны быть по-настоящему и наши слова, ибо мы — образы Бога Слова».

«Те, которые прикасались к одежде Спасителя, исцелялись. Почему употребляющие и ныне святую воду с верою — исцеляются? **Крест**, погружаемый в воду с молитвою веры, есть **как бы Сам Господь животворящий**. Как одежды Спасителя проникнуты были Его жизнью, так вода, в которую погружается животворящий Крест, сама проникается жизнью, оттого она и целительна».

«Нет ничего ближе к нам Бога! Он — Бог сердца, самих сердец; а сердце, в свою очередь, всего к нам ближе, — это существо наше».

«Следует радоваться тому, что мне приходится очень часто носить в уме и сердце, и произносить устами имя Божие, имя Владычицы Богородицы, св. ангелов и св. угодников Божиих... Ибо воспоминаемое искренно, от сердца, имя Божие освящает нас, оживляет, утешает... Хорошо иметь союз с Богом и небожителями!»

«По нашей телесности, Господь привязывает, так сказать, Свое присутствие и **Себя Самого** к вещественности»; например, в таинствах; «привязывает Свое присутствие к храму, к образам, к кресту, крестному знамению, к имени Своему, состоящему из членораздельных звуков... Но придет время, когда Тело и Кровь Его, равно и все другие знаки, для нас не будут нужны, и мы будем «истее Его причащаться», именно «в невечернем дни Царствия Его» (Канон Пасхи, 9 песнь); а теперь — все через телесное и через образы и знамения (ср. Мф. 26, 26–29)».

«**Имя Божие есть Сам Бог**. Потому говорится: «Не возмеши имене Господа Бога твоего всуе» (Исх. 20, 7; ср.: Втор. 5, 11). Или: «Защитит тя имя Бога Иаковля» (Пс. 19, 2); или: «Изведи из темницы душу мою исповедатися имени Твоему» (Пс. 141, 8). Как Господь есть **препростое** Существо, препростый Дух, то Он в одном слове, в одной мысли — весь всецело, и — в то же время — везде, во всей твари. Потому призови только имя Господне: ты призовешь Господа, Спасителя верующих, и спасешься. «Всяк, аще призовет имя Господне, спасается» (Деян. 2, 21). «Призови Мя» — имя Мое — «в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя» (Пс. 49, 15).

Здесь уже совершенно ясно, что не Слово Божие, Сын Божий, а имя Божие называется у о. Иоанна «Бог»!

«Наречение имени на образе много значит для верующего.

Это имя как бы вместо души служит ему. Призови от всей души имя святого, он услышит тебя и в образе явит чудодейственную силу свою. **Имя Спасителя**, с верою призываемое, делает **чудеса**, изгоняет бесов, погашает страсти, исцеляет болезни; **по благодати** Господа, и святые, с верою призываемые по имени, делают также чудеса. И что удивительного? Все они — **в Духе Божием**, а Дух Божий Животворящий — везде и все наполняет, и Духом Святым святые все делают чудеса, потому что един Дух Божий есть Дух чудес».

«Я читаю Евангелие: тут не я говорю, а Сам Господь; **Он, Он Сам в этих словах**: ведь Он — Дух, Премудрость, или бесконечная Ипостасная мысль; Он-то, **Он — в этих чудных мыслях и словах Евангелия**. Только слово — наше, человеческое; или лучше: **и слово — Его же**, а мысль,

сущность его (слова), **истина — Сам Господь**. Так же точно я вижу, например, образ Спасителя или крест Его: опять **тут — Он Сам** — вездесущий мой Господь, в этом лике, или на этом кресте, как в слове Евангелия; образ Его на иконе или на кресте — только внешний вид, а **сущность — Он Сам** — везде и во всем и чрез все являющийся; особенно — через образы и знамения, на которых наречено достопокланяемое имя Его или самый образ Его. Так **Он — и в священническом крестном рукоблагословении** является с силою Своею и **как бы Сам** благословляет. Очень важно священническое рукоблагословение. И обыкновенное крестное знамение наше имеет силу Божию: только делай его с верою. Так везде Господа можно обрести и осязать».

«**Слово** Бога — все равно, что Сам Бог. Потому несумненно веруй всякому слову Господа; слово Бога — дело... Потому и на молитве слова наши должны быть делом и истиною».

«Научись подавлять свои страсти силою имени Господня и своей воли, (особенно) в то время, когда больше всего страдаешь порывом самолюбия, когда готов все и всех разить и ломать».

«Для святых — все Бог, так что святые — истые боги». (Конечно, по благодати. — *М.В.*). «Аз», — Сам Бог, Коего слово — истина, — «рех: бози есте» (Пс. 81, 6).

«Бывает во время молитвы, что сердце наше богопротивно стыдится пред людьми слов молитвы, — или Самого Господа Бога, — вяло, не от сердца, произнося слова молитвы. Надо попрать этот богопротивный, человекоугодливый, диавольский стыд и страх, и — произносить молитвы от души и громогласно, в простоте сердца, представляя пред собою единого Бога и всех считая как бы несуществующими».

«Если ты что-либо из видимого за великое ставишь, кроме Господа Бога и Его единого **Сущего**, и единого Великого пренебрегаешь, то ты — окаяннейший гордец. Вменяй все в ничто в сравнении с Господом, и к Нему единому прилепляйся!»

«Да святится имя Твое!» Вот первое наше желание и первое прошение: чтобы святилось в нас и **через** нас имя Божие... Какая же теперь, в падшем состоянии, должна быть у нас забота, как не забота — уподобиться Отцу Небесному, своему Первообразу?! Сам Господь этого требует: «святи будите, яко Аз свят есмь», Господь Бог ваш (Лев. 11, 44; 19, 2; 1 Пет. 1, 16)».

«Господь, при бесконечности Своей, есть такое **простое** Существо, что Он **весь** бывает в едином имени — Троица, или в имени — Господь, в имени — Иисус Христос».

«Когда покроет тебя тьма окаянного — сомнение, уныние, отчаяние, смущение, тогда призови, только всем сердцем, сладчайшее имя Иисуса Христа: в Нем ты все найдешь — и свет, и утверждение, и упование, и утешение, и покой; найдешь в Нем самую благость, милость, щедроты, все это найдешь в одном имени, заключенном как бы в какой богатой сокровищнице».

Пропустил: еще дописываю.

«Бог во святых почивает и **в самом имени их**, в самом изображении их; только с верою надо употреблять их изображения, и они будут творить чудеса».

«Благоговейно обращайся со словом и дорожи им. Помни, что как Ипостасное Слово Божие — Сын Божий — всегда соединен со Отцем и Духом Святым, так и в слове Священного Писания, или в молитве, или в писаниях богомудрых отцев участвует — по Своему вездесущию — Отец, как верховный Разум, творческое Его Слово и Совершитель Дух Святый. Потому никакое слово — не праздно, но имеет или должно иметь в себе свою силу; и горе празднословящим, ибо они дадут ответ за празднословие. «Яко не изнеможет у Бога всяк глагол» (Лк. 1, 37): это вообще свойство слова — сила и совершимость его».

«Бог есть простое совершеннейшее Существо, то есть чистейшая святыня, чистейшее добро и правда».

«Близкие ко Христу люди не выпускают Христа из своих мыслей и сердца: они живут Им, Он их дыхание, пища, питье, жилище — все; по причине сладости имени и **благодатного** прикосновения к ним Иисуса Христа, они, так сказать, прилепляются к Нему всем своим существом: «Прильпе душа моя по Тебе» (Пс. 62, 9), и в этом прильпении находят для себя неизреченное блаженство, которого не знает мир!»

«Бог есть СЫЙ (Сущий). В нем все святые, разумные существа — одно. «Якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут» (Ин. 17, 21).

Я — «ничто: все Бог во мне, и во всех Бог, и для всех — все Бог!» «Отче наш, Иже еси на небесех!»

«Что человек произошел от Слова Божия, доказательством тому служит самое слово человек; и потому — имя, данное ему при крещении, или при обряде наречения имени. Доколе человек живет, дотоле все называют его этим именем, и он отзывается на него, что он — точно то; он весь заключается в своем имени. Наконец, когда он умрет, и тленные останки его схоронятся в землю, остается в памяти одно имя его, как свидетельство происхождения его от Слова Божия, — это не вещественное, вечное, как душа, достояние его и наше».

Вот, наконец, и все выписки об имяславии по Дневнику сделал я. Теперь остается сделать только выводы. Буду краток.

1. Выписки говорят сами больше, чем я. Поэтому самому читателю представляется судить о том, как смотрел на этот вопрос Батюшка.

2. Что касается меня, то я, хотя несколько раз читал его Дневник, но не смею считать себя знатоком этого дела, «изучившим» во всей глубине и полноте воззрения и опыт о. Иоанна. Однако могу утверждать, что и я достаточно усвоил их основной дух. Во всяком случае, не имею никакого желания, даже считал бы грехом, искажать взгляды Батюшки: буду стараться формулировать их точно.

3. Прежде всего, мы должны обратить внимание на неоднократные наставления его: как благоговейно и с каким вниманием нужно относиться ко всякому слову вообще, — а тем более, следовательно, о Самом

Боге; в основе всякого слова, как мы увидим, он зрит Ипостасное Слово, Сына Божия. Это чрезвычайно глубоко, необычайно высоко богословски, но о. Иоанн часто повторяет эту мысль, — следовательно, она у него не случайная, не мимолетная, а основана — на духовном опыте и богословском умозрении. Я даже не буду углубляться в нее, потому что не смею делать этого, не будучи столь проникновенным. Даже самое слово «человек» он (со многими лингвистами) производит от одного корня: «словек», «человек»: «Человек произошел от Слова Божия, доказательством тому служит самое слово «человек» (из «слов-ек»)», — говорит он. Но в данное время нам важно то, как должно относиться ко множеству его выражений об имени Божием, где он проводит мысль, и даже прямо говорит, что «Имя Бог есть Бог». Уже само неоднократное выражение этих мыслей (видеть это очень легко!) показывает, что оно — никак не случайно, а есть несомненный результат какого-то его опыта. Следовательно, нужно только вскрыть это его прозрение: почему и что именно он хочет этим сказать? Но об этом дальше, а теперь я пока намерен был обратить на это особое внимание наше.

4. В ответ на это можно привести сначала его изречение о «непостижимости» тайн соединения Христа Господа с крестом и о претворении хлеба и вина в Св. Тайнах. А так как и крестное знамение, и пресуществление о. Иоанн нередко ставит в параллель и с действием имени Божия, то и мы начинаем раскрывать его мысли и идеи «непостижимости»: пусть мы чего-нибудь не понимаем, но факт остается фактом. А факт таков: **имя Божие действует**! Этого никто уже отрицать не может! Оно творит чудеса, оно исцеляет болезни духовные и телесные; оно действует в таинствах; им призываем Господа в молитвах — и так далее.

5. Теперь хочется нам и объяснить сколько-нибудь эту тайну факта. Батюшка хочет «объяснить» ее, — да и то «отчасти», — тем, что Бог присутствует «везде», а следовательно, и в кресте, и в имени Своем; и именно от этого оно (и крест) и действует.

6. Дальше необходимо остановиться на значении в этом действовании — нашей **веры**. Этот вопрос тоже не простой, как может сначала показаться: вера — не столько человеческое дело, но еще более — **дар Божий**; в ней тоже действует Бог! И о. Иоанн опытно знает это! А если это так — а это именно так — то наша вера есть лишь посредство опять-таки к Божественному действу в имени.

Батюшка говорит, что если не будет веры, то и имя и крест не произведут должного действия. Мы не напрасно вставили слово «должного»: не получится чуда, но самое употребление имени Божия у неверующего не останется неплодным, ненаказанным. Заповедь Господня — «не возмеши имене Господа Бога твоего всуе» — будет человеку во осуждение: это тоже действие Божие. Возможно, однако, что и при отсутствии веры, — говорит о. Иоанн, — совершится чудо, действием имени, но в день судный Господь скажет таким совершителям: «не вем вас». А при совершении таинств, — говорит Батюшка, и так верует вся Церковь, — действенность их остается даже и при недостоинстве совершителей.

Следовательно, вера наша не является коренным действием, а лишь посредством, условием, содействующим или препятствующим чему-то иному. И только! Дело не в нашей вере, а в Божьей силе.

И если Батюшка говорит о том, что крест или имя «чудесно действуют» «не сами по себе», то это совсем не значит, что они действуют верою. Никак нет! В тексте о. Иоанном сказано, — в противоположность «сами по себе»: — «**а не Христом**»! Вот это-то слово «не Христом» как раз выпущено было противником в возражении... И меня этот выпуск тогда же, и после, поразил! Конечно, чудотворение совершается не «само по себе» крестом и именем, не механически, не как фетиш, — **а Христом**! Это совсем иной смысл! Значит, корень действия — в Боге! И даже совсем не в нашей вере: вера — лишь содействующее условие. И, конечно, Батюшка так думает! Все его выражения свидетельствуют об этом. Иное понимание ест ложь, хула на него и на Божие имя!

7. Итак, действует Бог. Но теперь вопрос передвигается дальше: как Он действует?

В ответ на это мы, прежде всего, сошлемся на множество изречений о. Иоанна, что в имени Божием действует Он «**Сам**». Следовательно, не самый крест, и не вера наша, — а Господь тут действует. Это — очевидно и понятно.

8. Следующий вопрос — уже богословский. Действует ли Он Своим Существом? Или как иначе?

Здесь и лежит — камень преткновения.

Мы видели выше немало изречений, что Бог присутствует и действует в имени «Существом» Своим. Мы даже видели, что Батюшка не раз выражается: «имя Божие есть Бог!» Вот это и соблазняло противников имяславия, а давало опору «имябожникам». Но нужно разобраться в этом, что именно хотел сказать этой формулой Батюшка? Какое переживание, — и мысль отсюда, — были у него, когда он писал эти слова? Мы уже говорили, что здесь не могло быть оговорки, случайности, а тем более — неправды какой. Батюшка твердо и не раз говорит об этом, — и что Существом Бог присутствует в имени, и что даже самое имя Божие есть Бог. Что же именно он хотел этим сказать?

Конечно, он не думал придумывать и выражать богословские формулы. Да и не было тогда, — когда он писал эти слова, — имябожнического движения. А когда оно разгорелось (1910–1912), его уже не было в живых. Что же он хотел выразить? Какой факт своей духовной жизни? Ответ простой: во всем этом действует Господь! Бог, а не человек! Вот — в чем суть!

Весь его Дневник «Моя жизнь во Христе» наполнен, в сущности, этой мыслью, — что очевидно всякому читающему и знающему о жизни Батюшки. Но я приведу, в доказательство, его собственное изречение.

«Что успокаивает меня в мыслях и в сердце моем, то да предастся письмени, — пишет он в Дневнике, — в память для меня и в постоянный покой сердца моего среди попечений и сует жизни. Что же это такое? Это — христианское, полное живого упования и чудной успокоительной

силы, изречение: **все для меня — Господь**! Вот — бесценное сокровище! Вот — драгоценность, с которою можно быть спокойным во всяком состоянии, с которою можно быть и в бедности — богатым, и при обладании богатством — щедрым, и с людьми — любезным, с коим и по согрешении нельзя потерять упования. **Все для меня — Господь**! Он — моя вера, ...моя любовь, ...моя сила, мой мир, моя радость, мое богатство, моя жизнь. Словом — все мое! И ты (пишет о. Иоанн к себе) будь всем для Господа!»

Он во множестве мест говорит, что собственно существует Господь Бог, а все остальное — постольку, поскольку Он ест. Все прочее — как бы ничто, по сравнению с Ним. Он один — «Сый», Сущий, — как и открыл Свое имя Моисею. Все прочее, — от вселенной до последней мошки, — существует и содержится Им. Так и апостол Павел пишет к римлянам: «Все из Него, Им и к Нему» (Рим. 11, 36). Это выражение — «все для меня Господь» повторяется в Дневнике часто. Да и без того совершенно очевидно из «Моей жизни во Христе», что о. Иоанн жил действительно Богом!

Это иногда и нам, обычным людям, даруется познать, воспринять, почти ощутить, что Бог — все! А прочее — почти ничто.

И тогда в душу сходит действительно покой, мир! Люди, вселенная, войны, история — почти ничто!

Если же мы способны это пережить, — при глубокой вере, или правильнее сказать: при откровении этой истины Самим Богом, — то во сколько раз яснее это переживалось о. Иоанном! Бог — все!

И отсюда решительно невозможно даже предположить, чтобы для Батюшки, хоть что-нибудь, а тем более — дивное действие имени Божьего — **было не от Бога, без Бога**!

Решительно невозможно! — повторяю это.

И чем христианин выше, тем эта истина предстоит пред ним несомненнее, очевиднее, ярче: не как умственный вывод, даже не как свидетельство Писания, а — как самоочевидный факт, как зримое, ощущаемое **бытие**!

И все, что делается в человеческой душе, — тоже происходит по соизволению и действию Бога... Это — Бог действует в ней. А отсюда уже очень близко до формулы: все в ней БОГ (кроме греха).

Поэтому такой великий созерцатель, как св. Григорий Синаит, говорит: «Молитва есть Бог действующий» (см. Добротолюбие).

И апостол Павел говорит: «Мы не знаем, о чем молиться, ...но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными», — то есть не передаваемыми на языке, неизглаголанными, а в то же время — ясно ощущаемыми. «Испытующий же сердца (Бог) знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых, по воле Божией» (Рим. 8, 26–27). И Церковь в тайной седьмой светильничной молитве на утрене повторяет это откровение апостола Павла: «Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа, даждь нам **благодать** во отверзение уст наших... и научи ны оправданием Твоим: зане помолитися, якоже подобает, не вемы, аще не ты, Господи, Святым Твоим Духом наставиши ны». И собственно Богом приемлется та

молитва, которая исходит от христианина, но через Духа Святого, то есть **Богом — через Бога же**!

Если все это уразуметь, тогда понятно будет, что о. Иоанн стократно яснее сознавал эту истину: все — Бог и через Бога же! В частности — через Духа Святого!

Отсюда легко уже будет сказать о. Иоанну: «Имя Божие — есть Бог», — но лучше бы добавить слово св. Григория Синаита: «действующий».

Так представляется нам духовное переживание о. Иоанна: в имени Божием действует **Сам Бог**.

А если так, то никакой неправды, или даже метафоры, образно выраженной мысли, здесь нет, а есть истинный факт, или осознанный. И поправлять здесь ничего и не требовалось никем, до «имябожнического» движения. И истинные молитвенники это хорошо знают: и они ничего погрешительного, по существу, такими словами не говорили!

Молитва их была благочестива!

9. Но вот далее поднимается вопрос уже более тонкий: по Существу ли Божескому, или как иначе?

Если мы вслушаемся в слова самого Батюшки, то для него собственно этот вопрос не имел значения: ему важно было лишь отметить, что в молитве присутствует и действует Сам Бог. А так как Господь неделим, не сложен, а целен, то Батюшка, — в объяснение того, как Он действует, — непосредственно вслед за этим говорит не только уже о вездесущии, но и о «**простоте**» Божией. Такое же определение мы много раз читаем и в богослужебных книгах. Например, в каноне св. Андрея Критского, читаемом на повечериях первой недели Великого поста, говорится: «Тя, Троице, славим, единаго Бога: Свят, Свят, Свят еси Отче, Сыне и Душе, простое Существо, Единице присно покланяемая» (понедельник, троичен пятой песни). Еще: «Троица есмь **проста**, нераздельна, раздельна личне, и Единица есмь естеством соединена» (троичен шестой песни). Еще: «Троице **простая**, нераздельная, единосущная, и естество Едино» (троичен седьмой песни). Это — в понедельник. Во вторник: «Троице **простая**, несозданная, Безначальное Естество, в Троице певаемая ипостасей» (троичен третьей песни). В среду и четверг это повторяется. Иногда к этому прибавляется слово «Пресущная» (понедельник, троичен первой песни; вторник, троичен первой песни) или «Пресущественная» (четверг, троичен первой песни), то есть превосходящая все существующее: потому — непостижимая нашему земному, падшему уму, и только верою приемлемая: «спаси ны, **верою** покланяющяся державе Твоей» (вторник, троичен третьей песни).

Что такое «Троице простая»? Батюшка так часто и так уверенно об этом говорит, как если бы он видел Самого Бога в Троице. Нам это недоступно в такой степени! И лишь отчасти можно судить по нашей душе: ум, воля и чувство — три способности, — а одна душа. Но чаще Батюшка «простоту» противополагает и нравственной сложности: он против простоты Божией говорит о нашей греховности, а о простоте — как о святости. Действительно, всякий грех «разлагает» человека, делает душу слож-

ною, и потому нужно опять себя исправлять святой жизнью, возвращать к простоте, цельности, единству, это достигается восстановлением в нас образа Божия и уподоблением Богу.

Но какое же эта простота Божия имеет отношение к действию имени Божия?

Признаюсь, это превышает мои силы. Но Батюшка именно с «простотою» связывает присутствие Бога в имени Его: это, как можно видеть выше, — он часто и ясно свидетельствует в Дневнике. Вероятно, в этом пункте — если бы его больше вскрыть — можно было узреть и большее. Однако из этой «простоты» он выводит такое положение: в имени Своем Он, как «Препростый Дух», проявляется «**весь всецело**», ибо частей в Нем никаких нет и быть не может! Следовательно, отсюда скорее можно бы сказать, что Он присутствует в имени всем существом Своим, как Батюшка и говорит.

10. Но перейдем к следующему пункту.

Присутствует ли в имени Бог **Существом**? Как будто слова «весь» и «всецело» и прямые утверждения, как мы видели, дают на это основание. Но мы сталкиваемся тут с другими формулами. Именно.

Мы видели, что о. Иоанном употребляются выражения такие: «в кресте **как бы** сам Господь»; в иконе — имя «**как бы** вместо души»; в крестном священническом благословении Он «**как бы** Сам благословляет». «Тут», то есть в образе или в кресте, «Он Сам Вездесущий»: ясно, образ не Сам Он, а Он — лишь «тут» в нем. И особенно часто употребляются предлоги — «в», «с», «на», «от», «чрез»: «в лике», «в словах Евангелия», «на кресте», «в таинствах», «в молитвах», «в имени» и т. д.

Эти вещи, по нашей телесности, в этом мире нам необходимы, но действующая сила, «сущность» — Бог.

А иногда о. Иоанн говорит про добрые мысли: «Это — Бог, или это **от** Бога».

Эти предлоги никого бы не испугали, но вот иная формула: «это — Бог», «слово — Бог», «имя — Бог»; добрая мысль — «Бог», и тут же: «или **от** Бога»: для других представляют будто что-то ужасное! В самом деле, для о. Иоанна тут не только не было ничего ужасного, но переживалось, наоборот, как нечто отрадное, углубленное: средства — телесные, а «сущность-то — Бог». Это совершенно истинно!

Однако лучше было бы употреблять иное слово. Какое? Отец Иоанн сам говорит: «в Писании, в молитвах, в кресте «**благодать** присуща каждому слову ради, обитающего в Церкви Ипостасного, вочеловечившегося Божия Слова»; святые, по причине сладости имени Божия «и **благодатного** прикосновения к ним Иисуса Христа» — «прилепляются к Нему всем своим существом». Особенно это «блаженство» ощущают они при употреблении «имен Божиих: в имени — Троица», «в имени — Господь», «в имени — Иисус Христос». Здесь благодать блаженства особенно ясно действует у святых людей.

И нам кажется: **правильнее** было бы употреблять эти выражения — с предлогами; или: присоединить еще слово «по благодати»; Бог **по благо-**

дати, или: благодатию присутствует в имени, в кресте, в Слове Божием, в иконах, а не «Существом».

11. Впрочем, можно употреблять и это слово «Существом». Различия тут для о. Иоанна ведь не существует: сказать ли «действует Бог» или «Бог благодатию» — для него было безразлично. Важно ему сказать лишь, что тут дело — не человеческое, не ум, не слово, даже — не вера наша, а Божественное, или **Сам Бог**!

И конечно, он согласился бы на эту прибавку вполне охотно! Но ему хочется подчеркнуть: Бог!

Богословски же это точнее. Тем более, что Бог и благодать Его различаются и в существе дела: Бог невидим, благодать же может быть видима, как на Фаворе, на пути Павла в Дамаск и т. д.; Бог собственным Существом ничем не вместим, а проявление благодати Св. Духа может быть и ограничено: Бог — в Трех Лицах, а благодать — действие Их, и т. п. Здесь вопрос подходит к Паламитскому учению об «энергиях»... Но мы этого касаться не будем, ибо о. Иоанн об этом не мудрствовал.

12. А нам именно важно — его созерцание, его воззрение! И нужно думать, что таким же духом жили и добрые «имябожники». И их лучше бы называть имяславцами, как и о. Иоанна.

А к «имябожникам» следовало бы относиться с благим настроением, — видеть в них хорошее, святое! Между тем, поступлено было с ними, как со злостными еретиками. Дело дошло даже до использования водонапорной «кишки»... Началось «гонение» на них! Конечно, и они вели себя недостойно: не смиренно, не мирно, не бескорыстно. Они думали, что этим проявляют «ревность» по Боге, но есть и «ревность не по разуму», — говорит апостол Павел про евреев (см.: Рим. 10, 2).

Но все это к о. Иоанну совершенно не относится! И потому тот же митрополит Сергий, который потом осуждал имябожников, принимал близкое участие в погребении Батюшки!

13. Впрочем, в этом столкновении нам чувствуется и некий пункт претыкания (если он имеется). Именно. У Батюшки о. Иоанна, как мы видели, все везде Бог. А так ли действовали судьи имяславцев?

Можно думать: не совсем! На суде господствовало, преимуществовало не Божие, а человеческое. митрополит Антоний (Храповицкий), как главный противник этого учения, известен был не только резкостью и легкомыслием (его доклад в Синоде был — недопустимым, невозможным, бранчливым!), но и — склонностью допускать в своих воззрениях и объяснениях **человеческую** мысль, так называемую «нравственно-психологическую» концепцию. И нередко он переходил религиозные границы, увлекаемый оригинальностью своих домыслов. Таков он был в отношении вообще догматов; в особенности же — в ложном, человеческом истолковании искупления. А Батюшка — везде и во всем зрел Господа. Это два разных восприятия!

Если это так, тот тут столкнулись два разных направления, два духа, два умонастроения. Не будем вдаваться дальше в подробности их; но наша душа — на стороне о. Иоанна, на стороне почитания имени Божия, на стороне боголюбивого имяславия.

А крайняя ветвь этого духа виновата лишь в том, что они были не богословы и не могли точно сформулировать своей веры. Но правда была на стороне имяславия!

14. По поводу имяславия мне пришли еще мысли ко дню Торжества Православия. Я — задал себе вопрос: почему почитание икон (после 120-летней борьбы, и после четырех Соборов названо Торжеством **Православия**? И пришел к такому заключению.

Сущность христианства состоит в том, что Духом Святым Сын Божий воплотился, что «Слово стало плотию», что Бог соединился снова во Христе Господе с человеком, стал Богочеловеком. А это нужно было для того, чтобы Христос Спаситель Своими страданиями, распятием и смертью искупил нас от отлучения (анафемы), или иначе проклятия, клятвы Божией за наше непослушание Богу в раю. Последствием же этого искупления было: обожение человечества Духом Святым в воскресении Христа Господа, потом — в вознесении Его на небо, и в ниспослании Св. Духа верующим в день Пятидесятницы. Восстановлено было общение Бога с человечеством — через благодать Св. Духа в таинствах, вере, святости и страданиях. У Батюшки о. Иоанна эта мысль выражена так: «Вера подается человеку Духом Святым, оттого «никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым» (1 Кор. 12, 3). «Духа Святого открыл нам Иисус Христос; Духом Святым зачавшийся и родившийся; Духом возраставший и укреплявшийся; Духом изгоняющий бесов; Духом Святым воскресший. О Духе Святом проповедовали апостолы, мученики, преподобные, святители, и весьма многие запечатлели кровию учение о Святой Троице». «В том-то и величие Твое Божественное, Господи Спасе, что жизнь всякой твари — в Тебе, как ипостасном Животе, да «вси чтут Тебя, якоже чтут Отца»; в том-то и величие Твое, Душе Святый, животворящий, что Ты всех освящаешь и живешь вместе со Отцем и Сыном; в том-то — и величие Твое, Душе Святый, что и Сын Божий единородный, яко единосущный Тебе, Тобою же творил силы и чудеса, и Тобою освящает, укрепляет и руководит нас к Отцу Своему. «Тем имамы приведение... во едином Дусе ко Отцу» (Еф. 2, 18).

Потом началась борьба ересей против христианства. Арий учил против Божества Христа. Несторий — против воплощения Сына Божия во чреве Богородицы. Евтихий — против человечества во Христе. Поднялся вопрос о двух естествах во Христе: Божеском и человеческом. Затем начались споры о двух волях в Нем: Божеской и человеческой. Таким образом, все время шла борьба — о соединении Божества с человечеством. И Церковь отстояла самостоятельность обоих естеств во Христе: Бог явился во плоти! Во Христе Богочеловеке — соединились Божество и человечество.

Потом вот поднялась длительная борьба за почитание креста, икон и изображений святых. Борьба была длительная и упорная. Та и другая сторона считала себя православною. Но в конце концов победили иконопочитатели. Был установлен праздник Торжества Православия. Церковь, право веруя, что Бог сделался человеком во единой Ипостаси, новым постановлением своим, подтвердила, что иконы должны быть в храмах и домах, и

их нужно почитать: кланяться, целовать, молиться им. Они — не суть боги, но в них почивает благодать Духа Святого, или — кратко говоря — Бог Своею благодатью, или просто: Бог!

Точно так же и в имени действует Бог!

И если Церковь вынесла постановление о почитании икон Господа, Его жизни и распятия, если мы чтим и крест Его, на Коем совершено наше спасение: «совершилось», — сказал распятый Христос; то тем самым должно быть чтимо и славимо имя Божие. Это все то же проявление Божества, или благодати Божией, в этих вещественных предметах. Как Христос Духом Святым воплотился в человечестве и даже именовал Себя обычно «Сыном Человеческим», — так и в иконах, и в кресте, и в имени, и в благословении — пребывает и действует Бог Своею благодатию, Своею Божественною Силою, Сам Господь Духом Святым. Значит, и имя Божие должно славить!

И мы уже видели, что о. Иоанн говорит о действии имени Духом Святым. Я повторю одну хоть выдержку об этом из о. Иоанна. «Если просишь у Отца Небесного, или совершаешь что-либо о имени Господа нашего Иисуса Христа, то — Отец Небесный о имени Своего Сына возлюбленного, все подаст тебе в Духе Святом».

Таким образом почитание имени Божия связывается с догматом воплощения Сына Божия; только там Он Сам воплотился во утробе Божией Матери, а здесь Бог благодатию Св. Духа таинственно вселяется в иконы, крест, имя, благословение, крестное знамение и прочие внешние знаки: в них, можно сказать, «Сам Бог» действует!

И от этого: и «сладость», и помощь, и чудеса, и святая вода, и почитание всех этих вещественных посредств.

Батюшка все это знал по бесчисленным опытам своей жизни. Поэтому он многократно и притом так сильно говорит в своем Дневнике: «имя Бог есть Сам Бог!»

15. Но так как и самое воплощение, и прочие посредства: таинства и все вещественные знамения имеют своей целью спасение души человека, возрастание его во «образ» Божий, то подобное богословствование не является для всех людей обязательным. Лишь наиболее совершенные этим занимаются. Да и то — потому, что они яснее других чувствуют в себе силу сей благодати, или действие Божие, о чем и пишут и говорят, как о чувствуемых фактах: таков был и о. Иоанн.

Но и они, в частности и Батюшка, — больше занимаются в жизни своей зрением и очищением от грехов, спасением от страстей, борьбой с нашим врагом, освящением, молитвой, покаянием и проч.

Поэтому, как мы видели, и Батюшка в своей «Жизни во Христе» этим вопросам посвящает свое внимание.

Так и говорит Церковь и поет на день Православия: мы «делом и словом сие изображаем».

М.Вениамин.

Отец ИОАНН и Лев ТОЛСТОЙ

Было бы странным и несправедливым не коснуться отношения Батюшки к Толстому.

Ведь по одному тому, что обличение о. Иоанном Л. Толстого было, нельзя об этом умолчать в книге о нем!

Затем, в лице Толстого он обличает вообще всех неверующих подобно этому писателю; так что говоря о нем, о. Иоанн обращается и ко всем подобным людям.

Далее, совершенно немыслимо было бы, что такой горячо верующий человек, пламенный христианин, живший Христом Господом всю долгую жизнь свою, написавший свой дневник «Моя жизнь во Христе», всероссийский светильник, — чтобы он остался в стороне, не сказал бы ничего в защиту дорогой для нас истины?! Это просто невероятно! Особенно, когда дана была свобода печатания и распространения в России книг!

Невозможно и представить себе, чтобы о. Иоанн молчал и спрятался, как улитка в раковину!

Между прочим, и потому нельзя вообразить его молчащим в этом случае, когда говорящих, кроме Батюшки, не было слышно.

Да и надвигающаяся смерть побуждала о. Иоанна еще и еще исповедать христианскую веру. И народ наш нуждался в этом просвещении, а кто же мог говорить для него авторитетнее, как не о. Иоанн?!

Этого требовала и польза Отечества, у которого отнимали христианскую основу жизни.

И короче сказать: весь мир нуждался, чтобы кто-нибудь поднял свой голос против такого видного человека, как Толстой, которого читал и чтил весь интеллигентный мир.

И Батюшка сказал... Правда, в некоторых местах он говорит резко, гневно, властно. Но как же ему возможно было говорит иначе? Да и не в этом дело! Важна справедливость, правда, защита, исповедничество! Первые христиане мученики шли за свою веру на страшные страдания, а все же говорили правду о Спасителе. Что же? И их нужно осуждать за это? Ведь были тогда случаи, что, когда мученикам вырезали ремни из тела и оставляли их висеть на неоторванной части, то страдальцы иногда сами отрывали эти ремни и бросали их в лицо гонителям-правителям! Правда, таких случаев немного, большей частью мученики (греческое слово —«свидетели» своей веры во Христа) переносили страдания, «яко в чуждых телесех», терпеливо, но были и другие примеры, когда они со всей силой обличали мучителей. Так и о. Иоанн: один человек на сто пятьдесят миллионов нашелся, чтобы громко закричать о разрушителе веры! И ему можно извинить (если уж кто имеет на это право) ту гневность, а правду нужно — принять!

Дальше мы предлагаем выдержки из этих обличений. И не систематизируем их, а — по обычаю — представляем их так, как они были сказаны.

Вместо предисловия (из письма в редакцию)

«На днях я получил анонимное письмо от одного толстовца, в коем он бранил меня за то, что я написал слабое опровержение толстовских бредней, что я — пигмей, выступаю против колосса — Толстого и, имея только один талант, хочу бороться на бумаге с имеющим десять талантов (Толстым)... Чтобы не оставаться пред Толстым и его поклонниками в долгу и ответить обоим «сильнее», я решился и еще кое-что напечатать, — ведь правда сильна — и защитить ее легко против борющихся с нею, хотя бы и «колоссов» — толстовцы ведь воображают себя колоссами — впрочем, не в обиду будь им сказано, — на глиняных ногах... И то правда, что Толстой колосс, но в своей сфере, в области литературы романической и драматической, а в области религиозной — он настоящий пигмей, ничего не смыслящий. И если я еще скажу в обличение Толстого и его товарищей, прошу их не прогневаться за голую и резкую правду. Я не хотел более отвечать на безумные глаголы Толстого, но если меня резко вызывают на это, то, по долгу пред Истиной и Церковью, отвечаю, отдавая в печать выдержки из моего Дневника, заключающие мои мысли и чувства по поводу душепагубного толстовского еретичества.

Нынешнее время есть время борьбы с грехом, с плотию страстною, миром, во зле лежащим, и диаволом, виновником греха; время обучения всякой добродетели: вниманию себе, трезвению, самоотвержению, бодрствованию, воздержанию, крепости, смирению, незлобию, послушанию, целомудрию, снисхождению к ближним, милосердию; теперь не время покоиться и предаваться удовольствиям, ибо лукавые, злейшие их и хитрые враги наши — не усыпают ни на минуту, и супостат наш — диавол, как рыкающий лев, ищет, кого поглотить (см.: 1 Пет. 5, 8). Эту истину надо внушать всем христианам всякого звания, чина, пола и возраста, особенно учащемуся в разных заведениях юношеству. «Бдите и молитеся, да не внидете в напасть», говорил Господь Своим ученикам, и нам то же Он говорит (Мф. 26, 41). А мы что делаем? Дремлем и спим. «Спящым же человеком прииде враг его, и всея плевелы посреде пшеницы, и отъиде» (Мф. 13, 25). Вот и Толстой усердно сеет на ниве христианских сердец свое плевельное учение.

Завет Божий отвергли о себе толстовцы, а также другие — еретики, раскольники, сектанты, все нечестиво живущие христиане. Какой завет Божий? Завет о спасении человеческого рода воплощением, крестом и смертию Сына Божия; завет о крещении всякого человека для спасения; завет о нужде покаяния, причащения Святых Таин, принадлежности к единой Святой Соборной и Апостольской Церкви; завет о совершителях таинств христианских — пастырях. Все пьяницы, прелюбодеи, сребролюбцы нераскаянные отвергают завет Божий о себе и погибают. Слезы у меня исторгли эти мысли!..

Что же вам будет в конце концов? Вечное проклятие и погибель! Толстой в своих дерзких писаниях мечтает попалить христианство и христиан, свести к ничтожеству своим дерзким отрицанием и насмешками —

содержимое вот уже почти двадцать веков Святою Вселенскою Церковью христианство, которое прославлено от Бога вечною неувядаемою славою, которое проявило величайшую жизненность, силу, благотворность. Но он сам себя бьет смертельно и своих последователей, ибо лишил себя и их света и благодати Божией, примирения с Богом и благоволения Его и подвергает проклятию Божию и себя и их.

О Христе Боже, доколе Лев Толстой будет ругаться над Тобою и Церковью Твоею? Доколе будет соблазнять Россию и Европу? Опять он пишет хулы на Церковь и служителей ее, опять клевещет на нас всему миру! Покажи, наконец, Владыко, всему миру адскую злобу его! Буди! Им увлечено в прелесть и пагубу полсвета. — О предтече антихриста!

Желаете ли, православные, знать, что я думаю о Льве Толстом? А я вот что думаю и говорю: он объявил войну Церкви Православной и всему христианству. И как денница и сатана отторгнул своим хребтом третью часть звезд небесных, то есть ангелов, и сделал их единомышленниками с собою, так наш Лев, сын противления, носящий в себе дух его, своим «рыканием и хвостом» (см.: Откр. 12, 4) отторг тоже едва ли не третью часть русской интеллигенции, особенно из юношества, вслед себя, вслед своего безбожного учения, своего безверия. Его безбожные печатные сочинения свидетельствуют о том.

Он хочет вырвать у всех веру в Спасителя, веру в Троицу, в Церковь и во все спасительные истины, в которые веровать научила нас Св. Церковь и без которых невозможно жить ни одному здравомыслящему человеку.

В выпущенной Львом Толстым (в Лондоне) в начале ноября 1902 г. безбожной статье, озаглавленной «Обращение к духовенству», хочет разрушить веру во все святое, таинственное, в то, чем человек живет, спасается, утешается, укрепляется духом и телом; во все, что носит печать истины непреложной: веру в Бога Троичного, в сотворение мира, в искупление человечества Сыном Божиим, — все это отвергает, как сказку, подвергает осмеянию и хочет все христианские догматы переиначить по-своему, верить только в свой ум, себе одному приписывает открытие истины и себя только признает истинным учителем. Но, увы, все положения у него ложны, а потому ложны и все заключения.

Под живым впечатлением отлучения от Церкви он решился забросать ее, сколько можно, грязью и все Священное Писание Ветхого и Нового Завета, все богослужение, все таинства и особенно духовенство всех Церквей. Толстой, исказив смысл Евангелия, исказил смысл Ветхого Завета и искаженные события передает в насмешливом тоне, подрывая у читающих всякое уважение к Святому Писанию; над всем, что дорого для христианина, на что он привык смотреть с детства с глубоким благоговением и любовию, как на Слово Божие, он дерзко насмехается.

Толстой переносит свои поругания на духовенство, на Церковь, на Священное Писание Ветхого и Нового Завета и на Самого Господа и говорит: «Была ли такая вредная книга в мире, наделавшая столько зла, как книга Ветхого и Нового Заветов?» — Это прямо относится к толстовским сочинениям, не было вреднее их: Ренаны, Бюхнеры, Шопенгауеры, Вольте-

ры, — ничто в сравнении с нашим безбожным россиянином Толстым. Написанное Толстым в «Обращении» — с точки зрения христианской — одно безумие.

Надобно, чтобы всякий, даже не верующий во Христа и Св. Троицу и в таинства христианской веры, обращался с лицами и предметами веры честно, потому что вера есть сердечное, драгоценное сокровище бесчисленного множества людей всякого языка, наций, всякого звания и состояния (а не по-свински, как Лев Толстой). И кто из христиан равнодушно относится к тому, кто хулит Христа, или Св. Троицу, искренно почитаемую избранными людьми всех веков, всяких наций, звания и состояния, — тот недостоин звания человека, а таков именно Толстой и толстовцы, так обращающиеся с неоцененным, дражайшим именем Иисуса Христа, Св. Троицы, Богоматери, и с досточтимыми их изображениями и всех святых. Скажет кто-нибудь, что печатно ругать человека, которому дана свобода слова в печати и который пишет и печатает, что придет ему на ум, неприлично и не следует. А я спрошу и Толстого и его клевретов: поносить высочайшие имена Троицы, Христа, Богородицы и святых, св. чудотворные иконы и мощи и соблазнять народ православный и неправославный, — по-вашему можно? «Твоими устами буду судить тебя, лукавый раб», — говорит Господь в Евангелии (Лк. 19, 22), и я скажу: отрицаниями твоими отрину тебя, Лев Толстой, и хулы твои обращу на тебя.

Почему же верить Толстому? Что он за авторитет! Кто знает слепоту человеческого разума: как заблуждались люди до пришествия Христова на землю, какая была тьма неведения истинного Бога, тьма идольская. Какой свет разума воссиял с пришествием Христа на землю! Какой свет в Евангелии!

Лев Толстой клонит все свои рассуждения богохульные к тому, чтобы убедить, хотя недальновидных и несамостоятельных людей, что в наших познаниях и исследованиях научных всему голова — наш разум и мера его понимания, и чего он не понимает, хотя бы это был высочайший и непостижимый предмет нашей веры, — Господь Бог, — того он и принимать не должен и в то верить не должен, как не подходящее под мерило разума, и что человек может достигать совершенства без помощи Божией (в Бога он не верит), собственным разумом. Но на себе самом Толстой показал, до чего может дойти такой человек: он своим помраченным от гордости и самомнения разумом дошел до нелепых и бессмысленных положений, — до неверия в Бога Личного, Бога в Троице (Мк. 1, 10), в необходимость искупления Богочеловеком.

Это — урок всем, доверяющим свидетельству самой Истины, Самому Иисусу Христу, преподавшему нам истинное учение о Троице, сотворении мира и человека, о падении и искушении, о необходимости покаяния, причащения Св. Таин, о воскресении мертвых, о суде и вечной муке и Царствии Небесном.

Не верит Толстой повреждению, растлению человеческого рода и каждого человека в самом корне (Адама и Евы), во глубине существа, что **человек сам по себе без помощи Божией не может успеть ни в**

какой добродетели, что все усилия его в этом роде без помощи Божией тщетны: «без Мене, — сказано, — не можете творити ничесоже» (Ин. 15, 5), а верит, вопреки истине и всегдашнему общему опыту, что человек сам может достигать совершенства, при помощи современной науки.

«Никтоже знает Сына, токмо Отец: ни Отца кто знает, токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыти» (Мф. 11, 27), — читаем во Св. Евангелии. Без откровения Божия падший ум человеческий не может познать таинство Святой Троицы. И Бог верующим в простоте сердца открывает эту тайну, насколько можно открыть это непостижимое естество. Толстому, по его гордости, лукавству и безверию, не открыта тайна, и он не верит ей и глумится над ней. Он, в своей богохульной брошюре, все дорогое, святое, праведное, утешительное, спасительное, просветительное, — все, чем живет, дышит, крепится душа христианская, все отнимает и сам на место отнятого ничего не дает и оставляет душу в хаосе, пустоте, мраке, в состоянии безутешном и беспросветном.

Толстой в своем «Обращении» дерзко вызывает на состязание с собою пап, кардиналов, епископов, суперинтендантов, священников, пасторов и все христианское духовное сословие и обличает всех их в тенденциозной лжи и обмане; он утверждает, что правда только у него, у Толстого, что у него — и только у него — истинный разум, у него только нужно учиться истине, что вся Библия, все Евангелие — ложь, что вся церковная история, все учение церковное, все Соборы, все вероопределения, все каноны Вселенских и Поместных Соборов и св. отцов — преднамерный обман. Но ведь мы в здравом уме, в здравом смысле, вся наша прожитая жизнь, наше сердце уверяют нас, что мы знаем истину, что мы обрели веру истинную и спасаемся ею, утешаемся ею и чаем жизни будущего века. Чем же этот самозванец Толстой уверит нас, что будто бы на его стороне истина? Нет, Толстой — полный невежда в отношении религии, у него диавольская, неисправная гордость, и он умрет с нею. **Ими же веси судьбами Ты Сам, долготерпеливый Господи, спаси его, помраченного**!

Он унижает всех пап, кардиналов, митрополитов, епископов, суперинтендантов, пасторов и священников и судит их, себя же ставит судьею всех; как обличает всех, ложных проповедников. и учителей, обманщиков, проповедующих то, во что будто бы они сами не верят и только притворяются, будто верят... А сколько есть искренно верующих между иноверными духовными особами, не говоря о лицах православного духовенства. Отлученный от Церкви, Толстой еще больше возненавидел ее и ее служителей.

Лев Толстой глумится над всеми христианскими верованиями, оскорбляет христиан всех веков, глумится над всеми патриархами, пророками, апостолами, святителями, мучениками, преподобными и праведными, и над самою Материю Божиею, честнейшею Херувимов и славнейшею без сравнения Серафимов, над всем христианским миросозерцанием. «Не хотите ли и вы отойти» от Меня? (Ин. 6, 67) — спросил Господь Бог своих учеников, когда многие из них, соблазнившись Его учением, по-видимому несовместным с их понятиями и привычками, ушли от Него. А Петр отвечал: «К кому нам

идти? Ты имеешь глаголы жизни вечной». Так и мы, испытавши всю жизненность, всю душеспасительную сладость нашей веры и Церкви, говорим с полною уверенностью, с полным убеждением сердечным: к кому мы пойдем, кроме Тебя, Господи? — Ты имеешь глаголы жизни вечной. Только у Тебя источник живота, только в Твоем свете мы увидим свет, а кроме Тебя ни у кого не найдем и, конечно, тем менее — у Льва Толстого, блуждающего, погрязшего в непроницаемой тьме заблуждений.

Учение о правой спасительной вере, о грехопадении первых людей, о растлении грехом всего человеческого рода, об искупительном деле Спасителя необходимо в самой доступной форме для всех и особенно для детей. Не стань мы учить детей с нежного возраста учению веры и страху Божию, — и в них, по причине общей греховной порчи человеческого рода, разольются и укрепятся всякие греховные инстинкты — злость, каприз, своенравие, непослушание, непокорность, зависть, гордость, леность к молитве и благочестию, холодность к Богу и Церкви Божией, ложь, обман, хитрость и лукавство, плотские тайные грехи и подобное. Что же выйдет из них? Только вера и страх Божий держат человека на высоте его христианского и гражданского достоинства; отнимите у него веру и страх Божий и вы не увидите нигде честных самоотверженных людей, людей долга, честной службы; тюрьмы наполнятся всякими преступниками, и вы приготовите падение общества и государства.

Толстой, отрицая Личного Триипостасного Бога, всеблагого, безначального, присносущного, премудрого, праведного, святого, блаженного, всесовершенного, всемогущего, допускает только таинственное, безличное начало, давшее жизнь человеку; странно, как безличное существо дало начало личному — это абсурд толстовский; тварь не иначе может существовать и благоденствовать, как соблюдая твердо законы Творца. Посмотри на природу, на небо, солнце, луну и звезды, на землю, на всю тварь, как она точно соблюдает законы Творца. Лев Толстой отверг Творца и вычеркнул из русского языка слово тварь, потому что не признает, что твари сотворены личным разумным Началом.

Верх дерзости Толстого заключается в том, что ввиду близкой смерти своей он не боится Бога и суда Его и считает себя правым, как и своих учеников, и богохульству своему не полагает никакой меры.

Последователи Толстого, все не говеющие и не причащающиеся — так называемые ученики века сего — вольнодумцы, считающие себя за сверхчеловеков. Да и сам Толстой есть гнилой плод западной вольнодумной учености. Мир во зле лежит и лает на Бога своего. Матери и отцы плачут о своих детях, не верующих, бросивших Церковь и не покоряющихся и не почитающих родителей; девушки-курсистки, неверующие и вопиющие за Толстого; сотрудники либеральных газет, ополчающиеся за Толстого и ругающие нас.

Господи, к кому идем? Глаголы живота вечного имаши. «Несть бо иного имени под небесем, данного в человецех, о Немже подобает спастися нам» (Деян. 4, 12). Сей есть всех Господь! Единственный источник жизни — Господь и Церковь Его.

К кому нам идти, спрашивают современные интеллигенты? К Толстому, к Толстому пойдем, и идут к нынешнему идолу — Толстому; и у него, а не у Христа, — из Его богохульств, хитросплетений учатся жизни, хулениям на Св. Церковь и ее спасительные таинства. В этом я убедился сам.

Лев Толстой, пособников много для твоего гибельного учения. Во-первых, сам князь тьмы, иже есть диавол и сатана, обольщающий всю вселенную. Толстой не верит в злых духов, коих он называет чертями, а они-то его и научили и учат с юности и доселе всякому греху, всякой лжи и неправде; они-то его и научили отвергать Откровение: невозможно наследовать Царствие Божие людям, неуготовавшим себя для него верою, покаянием и исправлением, добродетелью. Вспомни притчу о званых на вечерю. «Ни един мужей тех званных вкусит Моея вечери» (Лк. 14, 24), ибо «много званых, а мало избранных» (Мф. 22, 14).

Хула на Духа не простится человекам. Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем. Толстой хулит христианскую веру и Церковь...

Светские писатели только в землю смотрят и выше земли не подымают сердечного ока своего; но человек сотворен преимущественно для небесного, а не для земного только, и его стан и телесные очи обращены к небу.

Кто же этот Толстой, который диктаторски судит всех и сам себя ставит выше общего суда? Помилуйте, вы бьете по лику и пап, и кардиналов, пасторов, священников, и все они, по-вашему, обманщики, негодяи, а вы — человек праведный, искренний, якобы правду говорящий всем духовным особам, правителям, начальству.

Как больно сердцу, когда в ваших глазах поносят святыню, которою живешь и дышишь, утешаешься с самой юности, — поносят то, что составляет святыню для христианского человечества всех веков, за которую страдали с радостью бесчисленные сонмы мучеников, святителей, преподобных и всех святых, вообще лучшие и благороднейшие из людей, что составляет непреложную истину, которою просвещаются, питаются и укрепляются ум и сердце и все существо человека искренно верующего, — и Лев Толстой попирает все это своими ногами, на глазах всех христиан. Языческие писатели Цельс и Порфирий не ругались так над христианскою верою, как ругается Лев Толстой.

Яснополянский граф находится в великой прелести самообольщения, думая серьезно, что он прав. О, как сатана ослепил его за гордость и надменность! И сколько людей чрез него впали в обольщение!

Не верит он, что А есть А, и учит, что все исповедующие христианскую веру — заблудившиеся, обманутые или самообманувшиеся, что они жертвы гипноза, что им надо пробудиться, чтобы познать толстовские бредни, а по его понятию, истину, — чтобы почесть за источник совершенства человеческий мнимофилософский разум, и романтические бредни ученых нехристей.

И «бесы веруют» в Бога «и трепещут» (Иак. 2, 19), а Толстой не верует в Бога, а только в таинственное, безличное начало.

Толстой хулит всячески веру христианскую и служителей ее, не зная и не желая знать ее праведной и нелицеприятной истории; поносит ее, как будто она сочинена недавно каким-нибудь обыкновенным человеком, ради своих корыстных целей. Чтобы знать какое-либо и обыкновенное мирское учреждение, надо знать его действительную историю, происхождение и тогда судить о нем правильно; между тем Толстой не хочет знать истории веры и Церкви Христовой или не доверяет ей и грешит против законов ума и справедливости и хочет видеть в вере Христовой только ложь и обман и даже бессмыслие и полное противоречие человеческому разуму.

Толстой не верует в личного святого, праведного и праведно наказующего грешников Бога и потому ругается Ему, — когда читает или слышит о праведном Его наказании грешников, и ветхозаветные казни нечестивцев считает за выражение Его жестокости и злобы. Да истлеет язык рыкающего на Самого Бога.

Библия учит нас чрез боговдохновенных своих писателей, особенно чрез пророков, что Бог есть Творец, Промыслитель и праведный и долготерпеливый Судья всех народов земли и всех царств человеческих и наказывает один народ чрез другого. Толстой не признает этого, он не признает личного Бога, а — какое-то таинственное, безличное начало, безучастно относящееся ко всем и ко всему, и к самому Толстому.

Толстой не верит в слово Божие, не верит в Церковь, в ее учение и таинства, в ее богослужение всеспасающее, всеумиротворяющее, и вместе со своими последователями погибает в своем богоотступничестве, в своей гордости, в своем неверии, в своей беззаконной, порочной жизни.

Особенно смертельной бранью восстает Л.Толстой в своих последних произведениях на великое таинство Тела и Крови Христовых, — не ведает бо, что творит (Лк. 23, 34)...

Яд змиин, яд греха и смерти, вошедший во все существо человеческое чрез чрево, долженствовал быть изгнанным из него чрез сильное противоядие, которое и есть причащение с верою и покаянием пречистого Тела и Крови Христовой, и это великое таинство есть не только противоядие, но и сообщение человеку правды и святости и жизни Христовой, жизни Божественной, или обожения. «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем».

«Ядый Мою плоть, и пияй Мою кровь, имать живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день», — говорит Господь (Ин. 6, 54). Вот наша христианская, божественная философия и наше христианское, спасительно богословие.

Вместо того, чтобы смириться и покаяться в своем отступничестве, Толстой еще более возгордился, возгордился истинно сатанинской гордостью и хохотом сатанинским, насмеялся над Церковью, которая есть «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15).

Безмерно великой цены стоила для людей истина: сошествия на землю Сына Божия, вочеловечения Его, учения Его и бесчисленных чудес, страданий и смерти Его и воскресения из мертвых: Спаситель Сам говорит: «Аз... приидох... да свидетельствую истину... иже есть от истины, послуша

гласа Моего» (Ин. 18, 37). И вы столь дорого стоившую людям истину отвергаете, осмеиваете, глумитесь над ней: но Бог поругаем не бывает, — Господь поругается вам.

Прошло почти две тысячи лет христианской истории и славы Христа и последователей Его и Святой, славной и спасительной Церкви, Им основанной на земле, и славной победоносной борьбы Его со всякими врагами: Иродами, кесарями, писателями — Цельсами и Порфириями, еретиками, раскольниками, сектантами, иконоборцами, врагами и гонителями всех веков; и Церковь святая осталась истинною, славною, непобедимою, спасительною ныне; слово ее сияет на всех концах мира.

Не веруя в личного Бога, он, Толстой, считает бессмыслием и глупостью молитвы, которую признавали нужною люди всех веков, всякого состояния и всякого культа. Он, безумец, не придает значения словам: Творец и тварь, не признавая разумного Творца; Спаситель, грешник, — так как он считает грех простым словом, несуществующим, а себя — безгрешным, не имеющим никакой нужды в Спасителе, и мечтает притом, что он сам собою достигнет совершенства... Он родился, воспитался, возрос и допущен провидением в обличение людей нынешнего времени, безверных, легкомысленных, преданных суете и всякой страсти, в обличение их неверия, бессмыслия, религиозного безбожия. Писание говорит, что в последнее время, антихристово, Бог пошлет людям «действие заблуждения, так что они будут верить лжи» (2 Сол. 2, 11). И вот Толстому верят...

Будет один Бог все во всех; — один Он соединит всех в одно царство, в один дом, образом которого ныне служит Церковь Христова Православная со своими единственным, непогрешимым, святейшим, вечным и всемогущим Главою. Это будет вечное царство правды и мира и радости во Святом Духе.

Прейдут все царства со своими земными, временными постановлениями и законами, со своими учреждениями, сословиями, чинами, должностями; лишены будут богачи земные всех богатств земных (Откр.) и все земные достоинства получат свой конец; потребуются дела и каждый будет судим по делам своим, как человек, как тварь, по образу Божию созданная и получившая в удел разум, совесть, закон внутренний и внешний, как гражданин, как чадо родителей своих и Отца Небесного».

‡ ‡ ‡

«В газетах появилось известие о том, что епископ Тульский был у гр. Л. Н. Толстого и что между ними была длинная беседа о вере. Корреспондент «Русского Слова» тотчас же выехал в «Ясную Поляну» и сообщает об этом событии в свою же газету, со слов самого гр. Толстого.

Заимствуем несколько сведений из этой газеты, не имея, однако, возможности утверждать, что все это было так, как здесь описано.

Гр. Толстой сказал корреспонденту: «В Туле живет генерал Кун, которому Тульский архиерей Парфений говорил, что ему хотелось бы приехать ко мне и поговорить со мною. Кун сказал об этом Черткову, и Чертков передал мне. При этом архиерей будто бы говорил, что он не

знает только, захочу ли я его принять, и боится, что если приму, то «заговорю»... За эти слова, впрочем, я не ручаюсь, так как слышал их из третьих уст...

— В одну из своих обычных прогулок, — продолжал Лев Николаевич, — я пошел в школу и сказал учительнице, что если приедет архиерей и захочет из школы прийти ко мне, — я буду рад его видеть.

В день посещения им школы я в обычное свое время, в 5 часов перед обедом, лег спать и проспал дольше обыкновенного. Наконец, меня разбудила жена и сказала, что архиерей около часу уже здесь, он приехал, оказалось, вскоре после того, как я заснул. С ним было два священника, — приходской и уездный смотритель школ.

Я вышел и с удовольствием, что первая встреча обошлась без неловкостей: не благословляя, архиерей встал и подал мне руку. Так же он поступил и со всеми домашними. После общих незначительных разговоров, я пригласил его к себе и сказал ему, что получаю много писем и посещений от духовных лиц, и что я всегда бываю тронут добрыми пожеланиями, которые они высказывают, но очень всегда сожалею, что для меня невозможно — «как взлететь на воздух» исполнить их желания.

Потом я сказал ему. Одно мне неприятно, что все эти лица упрекают меня в том, что я разрушаю верования людей. Тут большое недоразумение, так как вся моя деятельность в этом отношении направлена только на избавление людей от неестественного и губительного состояния отсутствия всякой, какой бы то ни было веры.

Между прочим, я в доказательство прочел ему из составленного мною «Круга чтения» 20-е января — тот день, в который случайно состоялось наше свидание. В этом дне были прекрасные места из Чаннинга, Эмерсо, Торо и особенно Канта. Я видел, что это чтение произвело на него хорошее впечатление; что мне было приятно. Но несмотря на то, он все-таки высказал мне упрек в том, что моя деятельность разрушает веру людей.

Тода я рассказал ему давнишний случай, очень ничтожный по внешности и очень важный по внутреннему для меня смыслу.

Я поздно ночью зимой пошел пройтись, и идя по деревне, где все огни были уже потушены, проходя мимо одного дома, в котором светился огонь, заглянул в окно и увидел стоящую на коленях и молящуюся старуху Матрену, знакомую мне с ее молодости, одну из самых порочных, развратных баб деревни. Меня поразил этот внешний вид ее молитвенного состояния. Я посмотрел, пошел дальше, но, вернувшись назад, заглянул в окно и застал Матрену в том же положении: она молилась и клала земные поклоны и поднимала лицо к иконам.

Во это — молитва! Дай Бог нам молиться так же, то есть осознавать так же свою зависимость от Бога. И — нарушить ту веру, которая вызывает такую молитву, я бы счел величайшим преступлением... Да это и невозможно. Никакие мудрецы не могли бы сделать этого.

Но не то с людьми нашего образованного сословия — у них или нет никакой веры, или — что хуже — притворство веры, которая играет роль только известного приличия. И потому я считал и считаю необходимым

указывать всем, у которых вера ложная, внешняя — освобождаться от того, что скрывает для них необходимость истинной веры.

Архиерей ничего не возразил на это, но повторил то, что не хорошо разрушать веру. После этого он любезно дал мне сведения, какие мне нужны были, о монастырской жизни. И разговор наш кончился дружелюбным рукопожатием. Вообще, архиерей произвел на меня приятное впечатление умного и доброго человека» («Странник», т. I).

«28 октября, в 5 часов утра, Л.Н.Толстой, не простясь с родными, не предупредив их, тайно покинул свой дом с домашним врачом Маковицким, оставив письмо, в котором прощался с женой Софьей Андреевной. В письме гр. Толстой говорил, что в обстановке, которая идет вразрез с идеями, проповедуемыми в его произведениях, он не может больше жить, и как истый русский христианин идет на склоне своих дней в мир. Он просил не искать его: так как если даже найдут, он все-таки не вернется... 83-летний старец... бежал...

Скрываясь, вдвоем только с доктором Маковицким, Толстой, оказывается, направился к известной Оптиной пустыни, славящейся святыми старцами. В Оптиной пустыни Толстой пробыл два дня, желая повидаться со старцем Иосифом, заменившим теперь для народа покойного старца Амвросия. Есть сведения, что свидание это ищущей души Толстого с умудренным духовным опытом старцем Иосифом не состоялось.

Из пустыни Толстой проехал в Шамординский монастырь для свидания со своей любимой сестрой, инокиней Марией Николаевной Т., которая всегда была усердной молитвенницей за своего мятущегося гениального брата». Узнав, что его ищут, он покинул монастырь... Простудился... Слез на станции «Астапово». И умер здесь 7-го ноября» («Отдых Христианина», с. 437–440).

«Умер Лев Николаевич... 7 ноября в 6 часов 5 минут утра (1910)...

Последние дни его жизни — загадка. Он переживал какой-то перелом, он собирался с силами решиться на какой-то в высшей степени важный шаг...

Еще года два тому назад епископ Тульский, Преосвященный Парфений, объезжая по ревизии свою епархию, имел случай видеться и вести беседу с графом Львом Николаевичем в его имении «Ясная Поляна». Дело было так. Когда Преосвященный под вечер с опозданием прибыл в Ясенки — местечко по соседству с усадьбой Толстых, — ему доложили, что граф Л.Н. ждал здесь встретить Преосвященного и, утомившись, уехал; просит передать его покорнейшую просьбу посетить его усадьбу и дом.

Преосвященный, хотя лично не знаком с графом, нимало не колеблясь, решил посетить и отправился в усадьбу с сопровождающими его двумя священниками.

Приветливо и подобающе встретила святителя графиня Софья Андреевна, приняв по обыкновению благословение архиерейское. Граф отдыхал. Беседу оживленно повела сама хозяйка на тему о последней работе гра-

фа — против смертной казни. Владыка заметил ей: — вижу, что вы любите вашего супруга чисто юношескою любовью. — Да, я его люблю и уважаю, но вот одно тяготит меня, — вы сами знаете что.

Софья Андреевна оборвала речь и пошла будить графа. Скоро в коридоре показался и сам старец: его походка была какая-то неуверенная: его что-то как бы назад тянуло, так показалось Преосвященному Парфению. Владыка встал и сделал несколько шагов вперед навстречу графу, протянув ему руку. Граф как бы обрадовался, быстро схватил руку владыки и крепко пожал. Поздоровался также рукопожатиями со священниками. Преосвященному Парфению Лев Николаевич показался совсем не таким суровым и мощным, как его рисуют на портретах. Голубые ясные глаза смотрели очень добро и приветливо.

После общей беседы Л. Н. пригласил Преосвященного в свою комнату на беседу, которая продолжалась довольно долго и велась удивительно мирным бодрым тоном. Беседа прервалась приглашением к обеду. За столом Л. Н. вспомнил, как он был у митрополита Филарета и боялся его аскетической сухости и суровости, но вышел обласканный и получил в благословение иконку, которая и теперь хранится в божнице графини.

Последняя вспомнила о другом благословении и сказала, что перед тою иконою она молилась во время тяжкой болезни графа со слезами и верою, и прибавила, что она чудом спасла Л. Н. от верной смерти. Л. Н., ласково улыбаясь, сострил: «Пожалуй, ведь ты эдак не дашь мне совсем умереть...»

После обеда пожелала с владыкой отдельно беседовать сама Софья Андреевна, и беседовала долго по известному мучащему ее вопросу (о церковном отлучении графа).

— Скоро ли ты исповедуешься? — прервал беседу граф.

Та попросила его подождать. Оба хозяева проводили Преосвященного до кареты. Л. Н. много раз собирался навестить владыку в Туле, посылал с извинением сыновей. И не собрался».

О чем беседовал Преосвященный с графом Толстым с глазу на глаз, Преосвященный не сообщает, считая содержание беседы тайной. Но, как оказалось потом, Преосвященный не убежден, что Л. Н. искал тогда воссоединения с Церковью. Впрочем, нужно заметить, что Толстой понимал свое отлучение своеобразно. «Смею думать, что я от церкви никогда не отделялся», — писал он одному священнику. Приглашение Преосвященного Парфения и все обращение с ним Толстого говорит как будто за то, что Л. Н. так и понимал дело: что его отлучили, а не он отделился...

Нет сомнения, — говорит со слов Преосвященного Парфения, — что мера церковного отлучения глубоко тяготила душу Яснополянского отшельника.

Две больших слезы скатились с ресниц Л. Н., пот показался на лбу, когда он заговорил с Преосвященным об отношении к нему церкви и о. Иоанна Кронштадтского» (1910 г. Ноябрь).

Летопись жизни святого праведного Иоанна Кронштадтского

1829 — в ночь на 19 октября в семье псаломщика села Сура, Пинежского уезда, Архангельской губернии Ильи Михайловича Сергиева и его супруги Феодоры Власьевны родился сын Иван. Наречен в честь святого Иоанна Рыльского, празднуемого на следующий день.

1835 — шестилетний Ваня Сергиев наяву видит в избе Ангела хранителя в небесной славе, стоящего возле него в соблюдение, охранение и спасение от всякой опасности.

1839 — начало учению грамоте.

1840 — учение в Архангельском приходском училище.

1840 — поступление в Архангельское духовное училище. Окончил в 1845 г.

1845 — Архангельская семинария. С отличием окончил курс в 1851 г.

1851 — определен в Санкт-Петербургскую духовную академию.

— кончина Ильи Михайловича Сергиева (родился в 1802 г.).

1854 — в тонком сне студент Иоанн Сергиев видит себя служащим в неизвестном ему соборе в Кронштадте, причем вошел в северные, а вышел через южные врата алтаря. Решение принять священнический сан.

1855 — знакомство с Елизаветой Константиновной Несвицкой, дочерью протоиерея из Кронштадта. Предложение к вступлению в брак.

Выдержав богословский экзамен в Академии, Иоанн Ильич Сергиев отправился служить в Кронштадт. После венчания с Елизаветой Несвицкой рукоположен в соборе Петра и Павла в Санкт-Петербурге Преосвященным Христофором, епископом Винницким, во священника (12 декабря 1855 г.). Тогда же поступил священником в Кронштадский Андреевский собор, где до этого служил его тесть, вышедший за штат. Собор оказался тем самым, что видел о. Иоанн в вещем сне. Отказ от супружеского общения, обет целомудрия.

1856 — с первых дней священнослужения кандидат богословия отец Иоанн совершает Божественную Литургию в высоком молитвенном настроении. Помощь бедным «из последнего», отдавал все вплоть до своей обуви. Поношения сослуживцев и укоры домашних. Христианское спасение босяков, «чердачных» и «трущобных» людей, живших в грехе и позоре; миссионерская проповедь. Особое, милующее отношение к детям, наставляет взрослых на путь исправления.

Награждение темно-бронзовым наперсным крестом на Владимирской ленте и светло-бронзовой медалью на Андреевской ленте — выдавали всем священникам, молившимся о замирении Крымской войны 1854–1856 гг.

1857 — по назначению епархиального начальства вел в соборе катехизические беседы. Преподавание уроков Закона Божия в Кронштадтском городском училище. Ежедневное служение Божественной Литургии в Андреевском соборе. Неприязненное отношение к этому настоятеля собора, консисторские дознания.

1859 — вышли в свет «Катехизические беседы» о. Иоанна с изложением основных догматов христианства.

1860 — награжден набедренником.

1861 — награжден фиолетово-бархатною скуфьею.

1862 — начало законоучительства в Кронштадтской классической гимназии. Оставался в должности законоучительства 23 года.

1864 — определен заниматься делами Кронштадтского благочиния.

1870 — награжден Св. Синодом золотым наперсным крестом. Благословение Св. Синода, с занесением в послужной лист.

1871, 8 июля — кончина Феодоры Власьевны Сергиевой. Похоронена на кронштадтском кладбище. В 1880 г. над ее могилой сооружена часовня.

1872, декабрь — в Кронштадте поселилась «худородная и неученая старица», строгая подвижница Параскева Ивановна Ковригина (1816–1886), приехавшая сюда по завещанию прозорливца Илариона, саровского молитвенника: он перед смертью изрек свою волю Параскеве идти в Кронштадт, где есть великое светило Церкви Христовой о. Иоанн, чтобы служить при нем. Духовные беседы в достойных домах с людьми, жаждущими душевного спасения и просвещения.

1874 — основал при Андреевском соборе «Попечительство святого апостола Андрея Первозванного о бедных».

1875 — возведен в сан протоиерея.

1876 — назначен ключарем Андреевского собора.

1878 — награждение орденом св. Анны 3-й степени.

1880 — получение от кронштадтских и петербургских почитателей наперсных крестов с украшениями.

1880, 14 декабря — речь к прихожанам в день 25-летнего юбилея со дня посвящения во иерея, сказанная в церкви при поднесении ему золотого креста с драгоценными украшениями. Наперсный крест приобретен за 80 рублей, собранных старицей Параскевой Ковригиной среди почитателей батюшки Иоанна.

1881 — поездка Параскевы Ковригиной в Санкт-Петербург, где она повсюду прославляет о. Иоанна. Жители столицы не замедлили откликнуться ездить в Кронштадт. Начало всероссийской славы Кронштадтского пастыря.

1882, 12 октября — в Кронштадте открыт Дом трудолюбия имени Александра II, здание в 4 этажа, с прекрасно оборудованными мастерскими и домовой церковью, посвященной святому Александру Невскому.

— в газете «Минута» на батюшку Иоанна возведена клевета, будто бы им основана особая секта почитателей — иоаннитов.

1883 — награжден орденом св. Анны 2-й степени.

— первые исцеления недугов и начало благодеяний, творимых батюшкой Иоанном.

— газета «Новое время» публикует 20 декабря «Благодарственное заявление» 15-ти лиц, исцелившихся от различных болезней по молитвам о. Иоанна.

1884, октябрь — к 30-летию служения о. Иоанна в священническом сане в Кронштадте открыт детский приют «Ясли». Поднесение наперсного креста усердными жертвователями.

1886 — поднесение о. Иоанну Остромирова Евангелия (воспроизведено с оригинала).

— 25 сентября — кончина «худородной и неученой старицы», сподвижницы батюшки Иоанна Параскевы Ивановны Ковригиной.

1887 — выход в свет отдельным изданием книги о. Иоанна «Беседы о Боге — Промыслителе мира» (с портретом автора).

— награжден орденом св. Владимира 4-й степени.

1888 — в Кронштадте отстроен каменный 3-этажный дом для ночлежного приюта. «Дай неимущему прежде всего крышу» — требование о. Иоанна.

— основано петербургское Общество трезвости под председательством о. Иоанна.

1889, март — исповедование о. Иоанном умирающего писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, по его просьбе: скончался 28 апреля 1889 г.

— благословение Св. Синода, с занесением в послужной лист.

1890 — выход в свет первого тома «Полного собрания сочинений» о. Иоанна Кронштадтского в пяти книгах.

— путешествие о. Иоанна на родину, в село Сура; из Архангельска его путь пролегал через Москву. Трогательные проводы в Ярославле на вокзале.

— 12 декабря — празднование 35-летия священства протоиерея о. Иоанна Ильича Сергиева. Молебен в Андреевском соборе служили 31 священник и 6 диаконов. Подношения и чтение приветственных адресов. От Андреевского попечительства была поднесена серебряная хоругвь для строящейся церкви на родине о. Иоанна в селе Суре.

1891, 19 мая — закладка третьего здания Странноприимного дома, построен во дворе Дома Трудолюбия.

— 21 июня — освящение правого придела во имя преподобного Иоанна Рыльского каменного храма в селе Суре.

— 29 июня — освящение в селе Суре главного престола храма в честь св. Николая Чудотворца.

— награждение орденом св. Владимира 3-й степени.

— награждение знаком Общества восстановления православия на Кавказе и знаком св. Нины 3-й степени.

1892, 21 августа — одобрение о. Иоанном «Записок» игумении Таисии, настоятельницы Леушинского женского монастыря. На рукописи резолюция его рукой: «Дивно, прекрасно, божественно! Печатайте в общее назидание».

1893 — выход в свет книги дневниковых записей о. Иоанна «Моя жизнь во Христе или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге». Письменный отклик епископа Феофана Затворника о прочитанном Дневнике: «Что касается о. Иоанна Кронштадтского, то я уверен, что он воистину муж Божий. И вы не погрешите, если уверитесь в том же. Книжки его хороши. И эта, Дневник, — хороша. Тут светлые мысли души, живущей в Боге. Читайте их, перекрестясь».

— награжден знаком Императорского православного Палестинского общества и знаком св. Нины 2-й степени.

1894, 9 февраля — Святейший Синод своим постановлением за № 3460 одобрил «Полное собрание сочинения протоиерея Иоанна Ильича Сергиева в пяти томах, изданное отставным коллежским регистратором Иваном Фиделиным, для приобретения в библиотеки церковно-приходских школ для пользования законноучителей и учителей».

— принял на себя настоятельские обязанности.

— отец Иоанн проездом посетил Ригу. Молебен в Рижской семинарии.

— 11 октября — по вызову великой княгини Александры Иосифовны и греческой королевы Ольги Константиновны о. Иоанн прибыл в Ливадию (Крым) к тяжело больному императору Александру III, где часто посещал умирающего царя-миротворца Александра III, присутствовал при последних минутах его жизни. По высочайшей воле участвовал во всех печальных церемониях по перевозке тела почившего императора из Ливадии в Петербург, перенесении с Николаевского вокзала в Петропавловский собор, отпевании и погребении в этом соборе.

— 14 ноября — по высочайшей воле присутствовал при совершении брака Их Императорских Величеств в большой церкви Зимнего Дворца, за что получил из кабинета Его Императорского Величества золотой с драгоценными украшениями наперсный крест.

1895 — за усердное служение Церкви Божией награжден высшею протоиерейскою наградою — «палицей».

— по воле Их Императорских Величеств назначен членом комитета по устройству в России Домов трудолюбия.

— 14 ноября — присутствовал при совершении в церкви Зимнего Дворца таинства крещения первородной дщери Их Императорских Величеств великой княгини Ольги Николаевны, за что удостоился получить из рук императора его портрет с именной царской подписью.

1896, 14 мая — по воле Его Величества был командирован в Москву для присутствия при Священном коронованиии и помазании на царство Их Императорских Величеств, участвовал в сослужении Божественной Литургии в Успенском соборе Кремля, за что всемилостивейше сопричислен к императорскому ордену св. Анны 1-й степени.

1897 — закладка в Архангельске здания для подворья Сурского женского монастыря. Молебен при закладке служил о. Иоанн.

— выход в свет на английской языке дневниковых записей о. Иоанна «Моя жизнь во Христе» (переводчик Э.Е.Гуляев). Благосклонный отзыв об этой книге королевы Великобритании Виктории.

1898, январь — освящение о. Иоанном иконы св. Георгия Победоносца, поднесенной абиссинскому негусу Менелику от имени русского народа.

— в ночь на 15 августа, в день Успения Богоматери, о. Иоанн впервые имел счастье видеть во сне Царицу Небесную и слышать Ее сладчайший, блаженный, ободрительный голос.

1899 — за усердную свыше чем 40-летнюю службу в духовном сане о. Иоанн сделан митрофорным протоиереем.

1899, 28 октября — по желанию болгарского князя Фердинанда совершал Божественную Литургию в храме Христа Спасителя в Москве, за что удостоился получить из рук князя болгарский орден 2-й степени со звездою и крестом и бриллиантовый крест на золотой цепочке.

— в Оксфорде на английском языке издана книга «Мысли и наставления отца Иоанна», представляющая собою 617 выдержек из духовного дневника кронштадтского пастыря «Моя жизнь во Христе». Избрал и расположил в 8 главах, разделенных на 51 параграф, священник Кирилл Биккерстез.

1902, 17 декабря — освящение Сурского подворья в Санкт-Петербурге, обращенного впоследствии в Иоанновский женский монастырь на Карповке. Воздвигнут усердием о. Иоанна.

1903, 3 июня — молебен при закладке церкви в честь Покрова Пресвятыя Богородицы в сельце Ушаки Новгородского уезда.

1904 — присутствовал при крестинах наследника цесаревича Алексия Николаевича и получил украшенный драгоценными каменьями крест из кабинета Его Величества.

— 21 июля — встреча о. Иоанна со священнослужителями г. Сарапула.

1904, ноябрь — тяжкая болезнь сковала о. Иоанна.

— 12 декабря подано прошение на имя Его Императорского Величества о разрешении в случае смерти «положить бренные останки мои в основанном мною монастыре, на Петроградской стороне, близ реки Карповке, под нижнею церковью».

— 15 декабря на прошении о. Иоанна государь изволил начертать: «Разумеется, желание почтенного отца Иоанна Сергиева будет исполнено».

1905, 12 декабря — торжественное празднование 50-летия пастырской деятельности о. Иоанна. Съезд в Кронштадт многочисленных паломников и духовенства. В богослужении принимал участие Преосвященный Кирилл, епископ Гдовский. Присутствовали вице-адмирал К.П. Никонов, комендант крепости генерал-лейтенант Т.М. Беляев и др.

1906 — попытка почитателей учредить Общество защиты о. Иоанна от клеветы. Проект устава этого Общества, представленный митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию (Вадковскому), утвержден не был.

1907, май — путешествие по Волге, освящение храма в Астрахани. На обратном пути о. Иоанн побывал в Царицыне.

— 19 октября — отец Иоанн избран в пожизненные почетные члены Союза русского народа.

— назначен членом Святейшего Синода.

1908, январь — вышел в свет сборник благочестивых мыслей и благодатных озарений о. Иоанна, извлеченных из дневников за 1906–1907 годы, «Созерцательное подвижничество».

— открытие Дома трудолюбия в Санкт-Петербурге на Обводном канале, № 45.

— ноябрь — передача в печать рукописи книги «Живой колос с духовной нивы».

— ноябрь — посещение построенного в Кронштадте Морского собора. Телеграмма царю с пожеланием всему августейшему семейству «благоденствия и долгоденствия». Ответная телеграмма государя: «Благодарю вас, батюшка Иоанн Ильич, за добрую память. Желаю вам здравия и сил, также дождаться радостного дня освящения Морского собора. Николай».

— 5 декабря — прибытие в Кронштадт к болящему о. Иоанну Первосвятителя Московского Владимира и Преосвященных — епископа Саратовского Гермогена и епископа Орловского Серафима. Прибыли также протоиерей Иоанн Восторгов, генерал Н. И. Иванов и адмирал Никонов.

— 6 декабря о. Иоанн служил раннюю обедню, а позднюю служили оба прибывшие епископы.

— 10 декабря батюшка Иоанн отслужил последнюю литургию.

— 18 декабря к о. Иоанну явился со Святыми Дарами ключарь Андреевского собора о. А. Попов.

— 20 декабря в четыре часа ночи — последнее причастие Святых Тайн Христовых.

— 20 декабря в 7 часов 40 минут о. Иоанн тихо отошел ко Господу на 80-м году жизни.

— 21 декабря телеграмма государя: «Со всеми почитавшими усопшего протоиерея отца Иоанна оплакиваю кончину его».

— 23 декабря — погребение о. Иоанна в Иоанновском монастыре в Петербурге.

Составил А. Н. СТРИЖЕВ

*Библиография об отце Иоанне Кронштадтском**

1888

1. Празднование именин протоиерея И. И. Сергиева. СПб., 1888.

1890

2. *Животов Н. Н.* Отец Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский, протоиерей Андреевского собора. Очерк из газеты «День». СПб., 1890. 88 с. Изд. 2-е — М., 1892. 120 с. Изд. 3-е — М., 1893. Изд. 4-е — М., 1894.

3. *Животов Н.* Смелый плагиат. (Письмо в редакцию газеты «День».) СПб., 1890. 24 с.

4. Жизнь отца Иоанна Кронштадтского. С автобиографией и подробными рассказами о подвигах милосердия в 1829–1890 гг. Составлено по печатным источникам за тридцать лет. СПб., 1890. 32 с.

5. Отец Иоанн Ильич Сергиев, протоиерей Андреевского собора в Кронштадте. СПб., 1890.

6. Очерк жизни отца Иоанна Ильича Сергиева, протоиерея Андреевского собора в Кронштадте. Сост. *Е. М. Л-а и др.* СПб., 1890. 16 с.; ил.

7. Очерк жизни о. Иоанна Ильича Сергиева, протоиерея Андреевского собора в Кронштадте. М., 1890. 16 с. Изд. 3-е — М., 1892. Изд. 4-е — М., 1894.

1891

8. Альбом о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1891. С. 2 + 20 л. ил.

9. *Животов Н. Н.* Больные отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1891. 16 с.

10. *Животов Н. Н.* Исповедники о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1891. 16 с.

11. Жизнь и труды отца Иоанна Кронштадтского. Его автобиография и подробное описание его подвигов милосердия. М., 1891. 36 с. Изд. 2-е — М., 1892.

12. *Зыбин А.* Иоанн Ильич Сергиев, протоиерей, ключарь Кронштадтского Андреевского собора. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1891. 178 с.; ил. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1892. 224 с.

---

* Библиография расположена по годам изданий, а внутри года — в алфавитном порядке.

13. *Логинов И. Т.* Отец Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский, протоиерей Андреевского собора. Одесса, 1891. 32 с. Изд. 2-е — Одесса, 1892. Изд. 3-е — Одесса, 1892.

14. Нищие о. Иоанна Кронштадтского. Очерк благотворительной деятельности протоиерея Андреевского собора в Кронштадте о. Иоанна Ильича Сергиева. СПб., 1891. 16 с.

15. Описание празднования XXXV-летнего юбилея протоиерея Андреевского собора в Кронштадте отца Иоанна Ильича Сергиева. Кронштадт, 1891. 80 с.

16. Отец Иоанн Ильич Сергиев, протоиерей Андреевского собора в Кронштадте. СПб., 1891.

17. Отец Иоанн Кронштадтский, излечивающий пьяниц. Очерк. СПб., 1891. 32 с. Изд. 2-е — СПб., 1896.

18. *Шауман П. П.* Село Сура Архангельской губ. Пинежского уезда — родина отца Иоанна, протоиерея Кронштадтского Андреевского собора. Пребывание его в с. Суре с 3 июня по 4 июля 1891 г. и освящение нового храма. Кронштадт, 1891. 2 с. + 20 л. ил.; портр.

1892

19. Биография отца Иоанна (Сергиева) Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора в Кронштадте. С прибавлением извлечений из дневника и поучений отца Иоанна. СПб., изд. Кузина, 1892. 128 с.

20. *Животов Н. Н.* Биография отца Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора. М., 1892. 18 с.

21. *Животов Н. Н.* День отца Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора. М., 1892. 18 с.

22. *Животов Н. Н.* Детство отца Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора. М., 1892. 36 с.

23. *Животов Н. Н.* Дневник отца Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора. М., 1892. 36 с.

24. *Животов Н. Н.* Пастырство отца Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора. М., 1892. 18 с.

25. *Животов Н. Н.* Подвиги отца Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора. М., изд. И. Д. Сытина, 1892. 36 с.

26. *Животов Н. Н.* Проповедничество отца Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора. М., 1892. 18 с.

27. Кронштадтский Андреевский собор. 1817–1892. Кронштадт, 1892. 124 с.; ил.

28. *Нарцизова А. Ф.* Поездка в Горицкие киновии и встреча с о. Иоанном Кронштадтским. СПб., 1892. 16 с.

1893

29. *Анисимов В.* Верный слуга Христов и строитель тайн Божиих в наше время. Изд. 2-е, испр. и пополн. Одесса, 1893 (обл. 1894). 72 с.; ил.

30. Жизнь и труды отца Иоанна Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора. (По новейшим источникам.) М., 1893. 112 с.

31. Жизнь отца Иоанна Кронштадтского. Собрал *П-он Б-ский*. М., 1893. 64 с.

32. *Михайловский В. Я.* Поучение в день тезоименитства о. Иоанна Ильича Сергиева, протоиерея Кронштадтского Андреевского собора, сказанное в Кронштадте 19 октября 1893 года. СПб., 1893. 16 с.

33. *Михайловский В. Я.* Речь 19 октября 1890 г. в Кронштадтском Андреевском соборе за литургией после заамвонной молитвы в день ангела о. протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. СПб., 1893. 10 с.

34. Отец Иоанн Ильич Сергиев, Кронштадтский протоиерей Андреевского собора. Одесса, 1893.

35. Отец Иоанн Сергиев (Кронштадтский) и пребывание его в Ростове-на-Дону. Ростов-н-Дон., 1893. 32 с.; портр.

36. Протоиерей Иоанн Кронштадтский. Киев, 1893. 46 с.

37. Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) и его пребывание в Киеве. Киев, 1893. 16 с.

38. *С/икорс/кий И. А., проф.* Отец Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский и его пребывание в Киеве. Киев, 1893. 32 с. Изд. 2-е — Киев, 1899. 32 с.

39. *Таисия /Солопова М. В./, игумения.* Отец протоиерей Иоанн Ильич Сергиев как пастырь. СПб., 1893. 38 с.

1894

40. Жизнь и труды протоиерея Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского. М., 1894. 96 с.

41. *Зарницкий Я. И.* Путешествие о. Иоанна Кронштадтского по Шексне и Волге летом 1893 года. СПб., 1894. 46 с.; ил.

42. *Зыков И. Н.* В знак глубокого уважения и христианской духовно-сыновней любви достойнейшему протоиерею и отцу Иоанну Ильичу Сергиеву Кронштадтскому. СПб., 1894. 1 л.

43. *Михайловский В. Я.* Слово в день тезоименитства о. протоиерея Кронштадтского Андреевского собора Иоанна Ильича Сергиева, сказанное в Вознесенской церкви в Санкт-Петербурге. 19 октября 1894 г. СПб., 1894. 10 с.

44. *Нарцизова А. Ф.* Письма о путешествиях с отцом Иоанном Кронштадтским на его родину и в другие места. СПб., 1894. 88 с.

45. *Померанцев М.* Посещение г. Вильны отцом Иоанном Кронштадтским. Вильна, тип. А. Г. Сыркина, 1894. 36 с.

46. *Попов Иоанн,* прот. Поездка в Кронштадт к о. Иоанну. Выписка из дневника сельского священника. Воронеж, 1894. 22 с.

47. Посещение отцом Иоанном Кронштадтским города Казани. Казань, 1894. 16 с.

48. Труженический день отца Иоанна Кронштадтского и описание особенно замечательных случаев помощи, совершившихся в последнее время в силу его пастырской молитвы. Составлено по словам приближенных к отцу Иоанну лиц. М., изд. И. А. Морозова, 1894. 32 с. Изд. 2-е — М., 1899. Изд. 3-е — М., 1912. Изд. 4-е — М., 1913. Изд. 5-е — М., 1915.

49. *Щеглов И. Л.* У отца Иоанна Кронштадтского. Рассказ очевидца. М., 1894. 90 с. Изд. 2-е — СПб., 1905.

1895

50. *Жеребцова М. Ф.* У источника живой воды. День в Кронштадте и исповедь о. Иоанна Ильича Сергиева. СПб., изд. Н.Тронина, 1895. 20 с.; ил. Изд. 2-е — СПб., 1897. Изд. 3-е — СПб., 1900. Изд. 4-е — СПб., 1903.

51. *Животов Н. Н.* Пьяницы у отца Иоанна Кронштадтского. М., 1895. 48 с.

52. *Зарницкий Я. И.* О. Иоанн Кронштадтский на Волге летом 1894 года. СПб., 1895. 108 с.

53. *Киселев И. П.* О. Иоанн (Кронштадтский) в Крыму. Записано причетником Андреевского собора в Кронштадте. СПб., 1895. 32 с.

54. *Нарцизова А.* Поездка в Суру и возвращение оттуда с отцом Иоанном Кронштадтским. Ярославль, 1895. 32 с.

55. Речь и слово, сказанное о. Сергиевым Иоанном Кронштадтским и прот. В. Михайловым при гробе почившей благочестивой старицы Прасковьи Ивановны Ковригиной в Кронштадте. СПб., 1895. 16 с.; портр.

56. *Соколов В. А.* Посещение Московской Духовной академии отцом Иоанном Кронштадтским. М., 1895. 30 с.; портр.

57. Суждения за границей об отце Иоанне Кронштадтском. СПб., 1895. Изд. 2-е — СПб., 1902.

1896

58. В память 40-летнего юбилея священнического служения протоиерея отца Иоанна Кронштадтского (12 декабря 1895 года). Стихотворение. СПб., 1896. 1 л.; портр.

59. *Максимов В.* Настоятель Кронштадтского Андреевского собора о. Иоанн Ильич Сергиев. СПб., 1896. 16 с.; портр.

60. Настоятель Кронштадтского Андреевского собора о. Иоанн Ильич Сергиев. СПб., 1896.

61. С. *Д.* Отец Иоанн Кронштадтский среди народа. Рассказ очевидца. М., 1896. 20 с.

1897

62. *Жеребцова М. Ф.* День в Кронштадте и исповедь о. Иоанна Ильича Сергиева. Изд. 2-е, с портр. о. Иоанна и 5-ю рис. худ. Н. А. Тронина. Кронштадт, 1897. 32 с.

63. Освящение о. Иоанном Кронштадтским храма при второклассной Вытегорской церковно-приходской школе. Петрозаводск, 1897. 18 с.

64. *Цветков С.* Отец Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) и чудодейственная сила его молитвы. С прилож. молитвы и славословия о. Иоанна. М., 1897. 256 с.; ил.

1898

65. *Красногорский Дмитрий, свящ.* Приезд в Чернигов и пребывание в нем досточтимого пастыря отца Иоанна Кронштадтского. Чернигов, тип. губерн. правл., 1898. 26 с.; портр.

1899

66. *Анисимов В.* Отец протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский). Изд. 3-е, испр. и доп. Одесса, изд. Е. И. Фесенко, 1899. 72 с.; портр.

67. *Баженов Н. А.* Кронштадтское реальное училище. Двадцатипятилетие Кронштадтского реального училища (1873–1898). Кронштадт, 1899.

68. *Нарцизова А.* Путешествие отца протоиерея Иоанна Ильича Сергиева, пастыря Кронштадтского, в Суру Архангельской губернии. Ярославль, 1899. 50 с.

1900

69. *Абрамов Н. Р.* Посвящаю неутомимому труженику и молитвеннику человечества отцу Иоанну Ильичу Сергиеву (Кронштадтскому) в день его Ангела, 19 октября 1900 года. СПб., 1900. 2 с.

70. Биография почившей старицы Прасковьи Ивановны Ковригиной в г. Кронштадте. СПб., 1900. 16 с.; портр.

71. *Борис, епископ.* Речь при закладке храма, сооруженного о. протоиереем Иоанном Ильичом Сергиевым при Сурском женском подворье в С.-Петербурге, 16 сентября 1900 года. // Извлечение из журн. «Церковный Вестник» за 1900 г. СПб., 1900. 4 с.

72. *Иванов Д. А.* Благодушнейшему из смертных, отцу Иоанну (Кронштадтскому) в день юбилея. СПб., 1900.

73. Сорокалетие служения протоиерея Кронштадтского Андреевского собора Иоанна Ильича Сергиева. СПб., 1900.

74. Стихотворения, посвященные настоятелю Кронштадтского Андреевского собора протоиерею о. Иоанну Ильичу Сергиеву в день юбилея 45-летнего служения в священническом сане. СПб., 1900.

75. *Таисия, Леушинская игумения.* Сурская женская обитель во имя Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова на родине о. протоиерея Иоанна Сергиева. СПб., 1900. 40 с. Изд. 2-е — СПб., 1901.

76. *Таисия [Солопова М. В.], игумения.* Начало Сурской женской обители. (На родине о. Иоанна Кронштадтского.) СПб., 1900. 8 с.

77. *Ш[ауман] П. П.* Пребывание протоиерея о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского на родине в селе Суре Архангельской губернии. Освящение Сурской Иоанно-Богословской общины 20 июня 1900. Кронштадт, тип. газ. «Котлин», 1900. 32 с.; ил.

1901

78. *Епифанов П. Л.* Речь П. Л. Епифанова отцу Иоанну Кронштадтскому в день исполнившейся 45-летней годовщины его пастырской и проповеднической деятельности, 14 декабря 1900 года. СПб., 1901. 8 с.

79. *Ковырулин Ф. Е.* Привет духовных детей Кронштадтскому пастырю Иоанну Ильичу Сергиеву. (В день приезда в Кронштадт после двухмесячного отпуска 1901 г.) Стихотворение. СПб., 1901. 4 с.

80. *Круглое А. В.* Кронштадтский пастырь. М., 1901. 28 с. // Оттиск из журн. «Душеполезное чтение», 1901, № 11–12. Изд. 2-е — М., 1902. 38 с.; портр.

81. *Летницкий И. Н., свящ.* Пребывание Кронштадтского Андреевского собора протоиерея о. Иоанна Ильича Сергиева в Астрахани. Астрахань, 1901. 30 с.

82. Отец Иоанн Кронштадтский. Исцеление женщины в селе Кончанском Новгородской губернии. СПб., изд. Т.Ф. Кузина, 1901. 14 с.

83. Сборник стихов, в разное время посвященных настоятелю Кронштадтского Андреевского собора митрофорному протоиерею о. Иоанну Ильичу Сергиеву. Собрал *В. Максимов*. СПб., 1901. 64 с. Изд. 2-е — СПб., 1902. 16 с. Изд. 3-е — СПб., 1914. 56 с.

84. Событие в селе Кончанском. с приложением очерка жизни отца Иоанна Ильича Сергиева, протоиерея Андреевского собора в Кронштадте. СПб., 1901. 32 с.

85. Три главы о протоиерее Иоанне Ильиче Сергиеве Кронштадтском. С прилож. портр. Кронштадт, 1901.

86. Чудесное исцеление больной женщины в селе Кончанском по милости отца Иоанна Ильича Сергиева (Кронштадтского). СПб., изд. П. Нечаева, 1901. 1 л.; портр.

1902

87. *А. К.* Событие в церкви Леушинского подворья 14 марта 1902 г. в Санкт-Петербурге, с приложением очерка жизни отца Иоанна Ильича Сергиева, протоиерея Андреевского собора в Кронштадте. СПб., изд. А. А. Холмушина, 1902. 32 с.

88. *М[ещерский] В.* Два дня в Кронштадте. Из дневника студента. Изд. 2-е, иллюстр., испр. и доп. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. 460 с.

89. *Епифанов П. Л.* Речь П. Л. Епифанова о. Иоанну Кронштадтскому в день ангела 19 октября 1901 года. СПб., 1902. 10 с.

90. История пьяницы, исцеленного о. Иоанном Кронштадтским. СПб., 1902. 16 с.

91. *Краснослободский Л.* Еще страничка по поводу приезда о. Иоанна в Самару. Самара, 1902. 4 с. // Оттиск из Самарских епархиальных ведомостей. 1902. № 4.

92. *Кривошлык М. Г.* Мысли протоиерея Иоанна Ильича Сергиева, настоятеля Кронштадтского Андреевского собора, о различных предметах христианской веры и нравственности. Изд. 7-е, доп. СПб., 1902. 48 с. Изд. 9-е, доп. — СПб., 1903.

93. Кронштадтский маяк (19 окт. 1902 г. Ко дню именин о. Иоанна Сергиева Кронштадтского). Н.-Новгород, 1902. Изд. 2-е — СПб., 1903.

94. *Преображенский И. В.* Новые и традиционные духовные ораторы о.о. Григорий Петров и Иоанн Сергиев (Кронштадтский). Критический этюд. СПб., 1902. 22 с. Изд. 3-е — СПб., 1902. Изд. 5-е, доп. — СПб., 1903. 40 с.

95. Новый случай исцеления больной с приложением очерка жизни отца Иоанна Ильича Сергиева, протоиерея Андреевского собора в Кронштадте. СПб., 1902.

96. Нравственное влияние о. Иоанна Кронштадтского на духовных детей. СПб., 1902. 1 л.; портр.

97. Отец Иоанн Ильич Кронштадтский в Костроме. СПб., 1902. 1 л.; портр.

98. Отец Иоанн Кронштадтский, исцеляющий евреев и татар. СПб., 1902. 1 л.; портр. (Листок 4-й.)

99. Отец Иоанн Кронштадтский [как благотворитель]. СПб., 1902. 76 с.; портр.

100. *Охотский С. И.* Наставления о. Иоанна Сергиева (Кронштадтского) при совершении Таинства Покаяния. Изд. 8-е. СПб., 1902.

101. Протоиерей о. Иоанн Ильич Сергиев как пастырь-проповедник. Харьков, 1902. 10 с.

102. Черты из жизни о. Иоанна Кронштадтского. Изд. 2-е. СПб., изд. В. Максимова, 1902.

1903

103. *Анисимов В.* Отец протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский). Одесса, изд. Е. П. Фесенко, 1903. 72 с.; портр.

104. *Голованов С. А.* Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский). Его жизнь и деятельность. СПб., 1903. 58 с.; портр.

105. *Животовский С. В.* На Север с отцом Иоанном Кронштадтским. Очерки и иллюстрации С. В. Животовского. СПб., 1903. 76 с.; ил.

106. Жизнь отца Иоанна Кронштадтского. Изд. 2-е. М., 1903. 32 с.

107. Злые духи (демоны) по учению о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1903.

108. *Кротков А. А.* О кронштадтском протоиерее отце Иоанне. Черты его жизни, молитвенная помощь, его мысли и отношение к нему в ученом мире. М., 1903. 44 с.; портр.

109. *Летницкий И. Н., свящ.* К приезду о. Иоанна Кронштадтского в Астрахань в 1903 году. Астрахань, 1903. 4 с.

110. *Михаил [Семенов Павел Васильевич], иеромонах. О.* Иоанн Кронштадтский. Полная биография с иллюстрациями. СПб., 1903. 400 с. Изд. 2-е — СПб., 1904. Репринт — М., «Паломник», 1999.

111. Новый случай исцеления слепой дочери священника, с приложением очерка жизни отца Иоанна Ильича Сергиева, протоиерея Андреевского собора в Кронштадте. СПб., 1903.

112. Очерк жизни отца Иоанна Ильича Сергиева, протоиерея Андреевского собора в Кронштадте. СПб., изд. А. А. Холмушина, 1903. 128 с.; ил.

113. *Соловьев Александр, прот.* Три раза в Кронштадте у о. Иоанна. Омск, тип. К. И. Демидовой, 1903. 62 с.; портр.

1904

114. *Андрей (Ухтомский), архимандрит.* Беседа отца Иоанна Кронштадтского с пастырями. Казань, 1904. 6 с. // Оттиск из журн. «Деятель», 1904, № 9.

115. *Ливанский И. Я.* О. Иоанн Кронштадтский. (К 75-летию со дня рождения 1829–1904, 19 октября.) Стихотворение. Болезнь о. Иоанна Кронштадтского. О. Иоанн Кронштадтский опять болен. Орел, 1904. Изд. 2-е — Орел, 1908.

116. О. Иоанн Кронштадтский — друг трезвости. СПб., Александро-Невское о-во трезвости, 1904. 32 с.

117. Радостные дни в жизни Молчанской Софрониевой пустыни. День посещения ее о. Иоанном Кронштадтским 21–22 августа 1903 г. СПб., 1904. 24 с.; ил.

1905

118. *Большаков Н. И.* В защиту отца Иоанна Кронштадтского. СПб., изд. Генералова, 1905. 14 с.

119. Война и отец Иоанн Кронштадтский. СПб., тип. П.Ознобишина, 1905. 1 л.

120. Новое исцеление женщины по молитвам отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1905. 1 л.; портр.

121. Пастырь добрый. Митрофорный протоиерей о. Иоанн Кронштадтский. М., 1905. 8 с.

122. *Щеглов И.* У отца Иоанна Кронштадтского. (Рассказ очевидца.) СПб., 1905. 88 с.; ил.

1906

123. *Артамонов-Большаков Н. И.* Правда о секте иоаннитов. Взгляд русского народа на о. Иоанна Кронштадтского. Беседа В. Ф. Пустошкина с Н. И. Большаковым. СПб., 1906. 72 с. Прилож. к журн. «Кронштадтский маяк».

124. *Артамонов-Большаков Н. И.* Добрый путь. СПб., 1906. 30 с. Прилож. к журн. «Обо всем».

125. *Белина Владимир, граф.* Прозорливый пастырь. Гатчина, тип. Неймана, 1906.14 с.

126. *Величко М. С.* Отец Иоанн Кронштадтский и его судьи. СПб., тип. Сойкина, 1906. 30 с.

127. *За/бегало/в А.* Охтинская лжебогородица с ее апостолами и женами-мироносицами. СПб., 1906. 24 с.

128. *Кононов С.* Похвала митрофорному протоиерею о. Иоанну Ильичу Сергиеву на юбилейный день 50-летия его священствования, 12 декабря 1905 г. Стихотворения. СПб., изд. авт., 1906. 8 с.

129. *Моравский Петр.* Сняли маску! СПб., 1906. 6 с.

130. Прошло красное лето, а в саду ничего нет. СПб., 1906. 32 с. Прилож. к журн. «Кронштадтский маяк».

1907

131. *Артамонов-Большаков Н. И.* (сост.) Сборник стихов, в разное время посвященных настоятелю Кронштадтского Андреевского собора, митрофорному протоиерею о. Иоанну Ильичу Сергиеву. СПб., 1907. 32 с.; портр. Изд. 2-е — СПб., 1908.

132. *Духонина Е.* Из моих воспоминаний об о. Иоанне Кронштадтском. СПб., 1907. 10 с.

133. *Катанский Л. Е.* Духовник Св. Руси. Из воспоминаний. СПб., 1907. 16 с.

134. *М/ещерский/ В.* Редкий пастырь. (Из дневника студента.) Сергиев Посад, 1907. 460 с.; ил.

135. *Москвич В.* Чудеса Божий в наши дни. (О. Иоанн Кронштадтский.) СПб., 1907.

136. Сила чудодейственной молитвы о. Иоанна Кронштадтского. Сборник. СПб., ред. журн. «Кронштадтский маяк». СПб., 1907. 64 с.

1908

137. *Артамонов-Большаков Н. И.* Наши стражи благочестия. СПб., 1908. 16 с. Прилож. к журн. «Кронштадтский маяк», 1908, № 4.

138. *Артамонов-Большаков Н. И.* Российская слава. Протоиерей о. Иоанн Ильич Сергиев. СПб., 1908. 88 с.

139. *Левашов П. Н.* Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) как пастырь по завету Христа. СПб., журн. «Доброе Слово», 1908.

140. Наш дорогой Всероссийский батюшка, отец Иоанн (Кронштадтский). Саратов, 1908.

141. Новая сила чудодейственной молитвы о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1908.

142. Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) как пастырь по завету Христа. СПб., 1908.

143. *Пустошкин В.Ф.* Церковь Христова в опасности. Отповедь преосвященному епископу Филарету, главе Вятской епархии. Изд. 10-е. Бесплатное прилож. к журн. «Кронштадтский маяк». СПб., 1908.

1909

144. *Аквилонов Е. П., прот.* Мысли о. Иоанна Кронштадтского о воспитательном значении слова Божия. Речь в «Русском собрании», произнесенная 2 февр. 1909 г. по случаю 40 дней после кончины пастыря. СПб., тип. М. Маркушева, 1909. 40 с.

145. *Алабовский М. П.; прот.* Великий пастырь русского народа. Блаженной памяти о. Иоанна Ильича Сергиева-Кронштадтского. Жизнь. Молитва. Благотворение. Кончина. Духовный облик. Замечательный случай. Киев, 1909. 32 с.; портр.

146. *Алексий (Симанский), архимандрит.* Слово при поминовении отца Иоанна Сергиева-Кронштадтского (28-го янв. 1909 г.) и памяти в Бозе почившего протоиерея отца Иоанна Кронштадтского. Тула, тип. губ. правд., 1909. 16 с.

147. Альбом последователей и почитателей отца Иоанна Кронштадтского. Изд. журн. «Кронштадтский маяк». СПб., 1909. 15 л. ил.

148. *Антонов Михаил, диакон.* Кто такой отец Иоанн? (Краткая характеристика личности о. Иоанна Кронштадтского.) Кронштадт, тип. газ. «Котлин», 1909. 32 с.

149. *Арсений, игумен.* Открытое письмо редактору-издателю журналов «Кронштадтский маяк» и «Свет России» Николаю Ивановичу Большакову и беседа б. синодального миссионера и главного учредителя «Союза Русского Народа» игумена о. Арсения. СПб., тип. «Надежда», 1909. 32 с.; портр.

150. *Архангелов С. А.* (сост.). Плач над гробом молитвенника Русской земли. СПб., «Правда и знание», 1909. 40 с.; ил.

151. Блаженной памяти в Бозе почившего отца Иоанна Кронштадтского. Изд. Братства Св. Креста в Н.-Новгороде. Н.Новгород, 1909.

152. *Большаков Н. И.* Источник живой воды. О. Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский). СПб., 1909. III + 416 с.; ил.

153. *Булгаков С. В.* Памяти в Бозе почившего настоятеля Кронштадтского Андреевского собора о. протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. Киев, 1909. 14 с.

154. *Введенский Д. И.* Батюшка отец Иоанн. Памяти прот. Иоанна Ильича Сергиева (Кронштадтского). СПб., ред. журн. «Народное образование», 1909. 32 с.; портр.

155. *Воронцов Н. А., прот.* Поучение в неделю пред Рождеством Христовым и первую годовщину по кончине приснопамятного отца протоиерея Иоанна Ильича Сергиева-Кронштадтского, 20 декабря 1909 г. (О сборе пожертвований на просветительный дом им. о. Иоанна Кронштадтского.) Казань, 1909. 6 с.

156. Воспоминания об отце Иоанне. СПб., тип. Суворина, 1909. 38 с.

157. *Восторгов И. И., прот.* Увековечение духовного светлого образа дорогого батюшки, отца Иоанна Кронштадтского. Саратов, 1909. 4 с.

158. Голос истинной свободы. Ред.-изд. Н. И. Большаков. СПб., журн. «Свет России», 1909. 64 с.; ил.

159. *Гуляев А. А.* О. Иоанн Кронштадтский. Уфа, 1909.14 с.

160. Духовные цветы на могилку дорогого батюшки о. Иоанна Кронштадтского. Сборник посвященных светлой памяти пастыря-праведника слов и речей: архиепископа Антония, епископа Никона, Серафима и др. СПб., Иоанновский женский монастырь, 1909. 94 с.; ил.

161. *Жеребцова М.Ф.* Митрофорный протоиерей о. Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский). Его жизнь, деятельность и кончина. С 14 рис. худ. Н. А. Тронина. СПб., 1909. 32 с.; ил.

162. Жизнь и чудеса отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1909. 46 с.

163. *Е. К.* Воспоминания об отце Иоанне. СПб., тип. А.С. Суворина, 1909. 38 с.

164. *Касаткин А. К.* В память вечную будет праведник. Посвящается памяти приснопамятного пастыря о. Иоанна Ильича Сергиева (Кронштадтского). СПб., 1909. 80 с.; ил.

165. *Колокольников М. Н.* Отец Иоанн Кронштадтский в Крыму. Очерк его жизни и деятельности. Казань, 1909. 24 с.

166. Кончина и погребение о. Иоанна Кронштадтского. М., изд. А. С. Балашова, 1909. 16 с.

167. Кончина и погребение о. Иоанна Кронштадтского. Рассказ очевидца. Надгробная речь протоиерея Ф. Орнатского. Отзывы печати об отце Иоанне. Стихотворения, посвященные памяти о. Иоанна. СПб., 1909. 40 с.; портр.

168. *Корольков К.* Протоиерей о. Иоанн Сергиев (Кронштадтский). Киев, 1909.

169. *Красногорский Д.* Речь, сказанная в сороковой день со дня кончины о. Иоанна Кронштадтского в Разрытовском Св.-Троицком Покровском монастыре. Чернигов, 1909 // Оттиск из Черниговских епархиальных известий за 1909 г.

170. Крестники всенародно чтимого отца Иоанна Кронштадтского. (Из воспоминаний об отце Иоанне.) СПб., 1909. 14 с.; портр.

171. *Лебедев И. Н.* Поучение в 40-й день поминовения о. Иоанна Кронштадтского. Произнесено в Семинарской церкви 28 января 1909 г. Чернигов, 1909. 10 с.

172. *Левашов П. Н., прот.* Благодатная сила молитвы о. Иоанна и вселенское значение его молитвенного подвига. СПб., 1909. 16 с.

173. Мысли последователей о. Иоанна Кронштадтского (иоаннитов). СПб., 1909.

174. Наказание за насмешку над отцом Иоанном Кронштадтским. Вразумление вольнодумцев. М., тип. П. В. Бельцова, 1909.

175. Незабвенный пастырь-молитвенник и истинно-христианский благотворитель о. протоиерей Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский. Саратов, 1909.

176. *Никанор (Каменский Никифор Тимофеевич), архиепископ.* Отец Иоанн Кронштадтский как утешитель скорбящих и озлобленных. (Из записной книжки Никанора, архиепископа Казанского и Свияжского.) Казань, 1909. 6 с.

177. *Никанор (Каменский).* Слово об отце Иоанне Кронштадтском, произнесенное высокопреосвященнейшим Никанором, архиепископом Казанским и Сви-

яжским, в кафедральном соборе 22 декабря 1908 г. Казань, 1909. 4 с. // Оттиск из Известий по Казанской епархии за 1908 г.

178. Незабвенной памяти дорогого батюшки о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1909.

179. Новые исцеления по молитвам о. Иоанна Кронштадтского. СПб., Иоанновский женский монастырь, 1909. 16 с. Предисл. свящ. Иоанна Орнатского.

180. О чествовании памяти о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1909. 16 с.

181. *Озеров Д. А.* Отец Иоанн Кронштадтский (Личные воспоминания). Зарайск, 1909. 20 с. // Оттиск из журн. «Путь жизни», 1909, № 20. С. 66–84.

182. Определение Святейшего Синода. (Память праведного с похвалами.) СПб., 1909.

183. О. Иоанн Ильич Сергиев-Кронштадтский. (Некролог.) СПб., изд. В. П. Соколова, 1909. 16 с.

184. Отец Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский. СПб., 1909.

185. Отец Иоанн Кронштадтский. Издание Русского народного союза им. Михаила Архангела. СПб., 1909. 156 с. Репринт. М., 1990.

186. Отец Иоанн Кронштадтский в своих письмах к родным. — С прил. откликов на его кончину. СПб., изд. Е. В. Фиделина, 1909. 24 с.

187. Отец Иоанн Кронштадтский как утешитель скорбящих и озлобленных. Казань, 1909. // Оттиск из Известий по Казанской епархии.

188. Памяти великого священника Земли Русской. (Венок на гробницу о. Иоанна Кронштадтского.) М., 1909. 42 с.; ил.

189. Памяти о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1909. 8 с.; портр. То же. Н.-Новгород, Братство Св. Креста, 1909. 6 с.

190. *П[етрушевский] П[авел] П[етрович], проф.* Беседа в годовщину смерти протоиерея о. Иоанна Сергиева Кронштадтского. Киев, 1909. 14 с. // Оттиск из журн. «Руководство для сельских пастырей».

191. Плач над гробом о. Иоанна Кронштадтского. СПб., журн. «Отдых христианина», 1909. 64 с.

192. *Полянский И. В.* Клевета старообрядца Ф. Е. Мельникова на о. Иоанна Кронштадтского. М., 1909. 16 с. // Оттиск из журн. «Братское слово», 1909. Изд. 2-е — М., 1915.

193. *Попов Иоанн, прот.* Незабвенной памяти дорогого батюшки о. Иоанна Кронштадтского. (Голос с Кавказа.) СПб., 1909. 40 с.; портр.

194. *Преображенский А.Ф.* Пастырь-подвижник. Слово, произнесенное в церкви Казанской Духовной академии 28 января 1909 г. на заупокойной литургии в 40-й день по кончине о. протоиерея Кронштадтского Андреевского собора Иоанна Ильича Сергиева. Казань, 1909. 8 с. // Оттиск из Известий по Казанской епархии.

195. *П-ский П., прот.* Беседа в годовщину смерти прот. о. Иоанна Сергиева-Кронштадтского. Киев, 1909 // Оттиск из журн. «Руководство для сельских пастырей».

196. Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев. Казань, 1909.

197. *Пустошкин В. Ф.* Мысли последователей отца Иоанна Кронштадтского (иоаннитов). СПб., 1909. 64 с.; ил. Изд. 2-е — СПб., 1910.

198. *Серафим (Чичагов), епископ.* Слово преосвященного Серафима пред панихидою в сороковой день кончины отца Иоанна Кронштадтского. Кишинев, 1909. 16 с.

199. *Слюсарев Д. Н., свят.* Памяти великого пастыря отца Иоанна Кронштадтского. Киев, тип. Киево-Печерской Лавры, 1909. 24 с.; портр.

200. *Сперанский Аристарх, свящ.* Еще из воспоминаний о протоиерее о. Иоанне Ильиче Сергиеве-Кронштадтском. Казань, 1909. 8 с. // Оттиск из Известий по Казанской епархии.

201. *Таисия, игумения.* Светлой памяти о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1909.

202. *Филевский И. И.* Слово об отце Иоанне Сергиеве (Кронштадтском). Произнесено в церкви Харьковского коммерческого училища императора Александра III в 40-й день по кончине о. Иоанна. Харьков, 1909. 8 с.

203. *Чунихин В. И.* Жизнь и пастырская деятельность о. Иоанна Кронштадтского. СПб., типо-лит. М.П. Фроловой, 1909. 24 с.; ил.

204. *Чунихин В. И.* Путешествие мальчика к о. Иоанну Кронштадтскому. Рассказ. СПб., 1909.

1910

205. *Алексеевский Порфирий, прот.* Царский венец. Самара, 1910.

206. *Атаназевич Иоанн, прот.* У могилы праведника и молитвенника Земли русской. Паломничество членов Гос. Думы к о. Иоанну Кронштадтскому 9 мая 1908 г. Торжество моления их в Иоанновском женском монастыре. СПб., Иоанновский первоклассный монастырь, 1910. 24 с.; ил., портр.

207. *Большаков Н. И.* Источник живой воды. Описание жизни и деятельности отца Иоанна Кронштадтского. СПб., Графический ин-т бр. Лукшевич, 1910. 856 с.; ил. Репринт. СПб., Царское дело, 1995.

208. *Глаголев А. А., свящ.* Памяти блаженно почившего Всероссийского пастыря о. Иоанна Кронштадтского. Чтение, предложенное в день первой годовщины Кронштадтского пастыря — 20 декабря 1909 в зале Киевского религиозно-просветит. об-ва. Киев, 1910. 14 с. // Оттиск из журн. «Руководство для сельских пастырей».

209. XX век. О разрушении царств. Отповедь чиновнику Скворцову. СПб., 1910. 24 с.; ил.

210. *Дударев П. И.* Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский). Новочеркасск, 1910. 32 с. // Оттиск из Донских епархиальных ведомостей.

211. *Евдоким (Мещерский), епископ.* Отец Иоанн Кронштадтский. Отклики печати по поводу его кончины. Сергиев Посад, 1910. 222 с.; ил. // Оттиск из журн. «Христианин» за 1909 и 1910 гг.

212. Кронштадтский светильник. (Краткое жизнеописание о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского. Ум. 20 дек. 1908.) Саратов, 1910. 20 с.; портр.

213. *Левашов П. Н.* Замечательный случай Божьего милосердия по молитвам о. Иоанна Кронштадтского в наши лукавые дни. СПб., 1910. 26 с.; ил.

214. *Львов А. А.* Благоговейная память дорогого незабвенного батюшки отца Иоанна Кронштадтского. (Стихи.) СПб., 1910.

215. *Митрофан, архимандрит.* На чреде молитвы и служения слову. К 1-й годовщине поминовения о. Иоанна Кронштадтского. СПб., тип. П. Ф. Вощинской, 1910. 16 с.

216. Описание исповеди в Кронштадтском Андреевском соборе у знаменитого пастыря отца Иоанна. СПб., тип. А. С. Суворина, 1910. 10 с.

217. Правда и ложь мирно не живут. СПб., 1910.

218. *Пустошкин В. Ф.* Много шума из ничего. СПб., 1910. 20 с.

219. *П[устошкин] В. Ф.* Новые чудесные исцеления у гробницы батюшки отца Иоанна Кронштадтского рыбака с Сенного рынка Павла Ильина. Отповедь о. Левашову. Изд. 2-е, с незначит. изменениями. СПб., 1910. Изд. 3-е — СПб., 1911.

220. *Пустошкин В.* Обличительные проповеди отца Иоанна Кронштадтского. Сказание о водке, табаке и сквернословии. СПб., 1910. 38 с. Изд. 2-е — СПб., 1911.

221. Сборник стихов, в разное время посвященных настоятелю Кронштадтского Андреевского собора митрофорному протоиерею, члену Святейшего Синода о. Иоанну Ильичу Сергиеву. СПб., 1910. 64 с. Изд. 2-е — СПб., 1911. 72 с. Изд. 3-е — СПб., 1914. 56 с.

222. Сила молитвы о. Иоанна Кронштадтского. (Сборник) Кн. 1–5. СПб., Графический ин-т бр. Лукшевич, 1910.

Кн. 1-я 64 с.; кн. 2-я 64 с.; кн. 3-я 64 с.; кн. 4-я 64 с.; кн. 5-я 64 с.

223. Сила чудодейственной молитвы о. Иоанна Кронштадтского. СПб., Графический ин-т бр. Лукшевич, 1910. 320 с.; ил.

224. *Таисия, игумения.* К первой годовщине кончины о. протоиерея Иоанна Кронштадтского. Б.м., 1910.

225. *Чинский Ч. И.* Отец Иоанн Кронштадтский. Оккультистический этюд Чеслава фон Чинского (Punar Bhava). СПб., изд. М. О. Вольф, 1910. 32 с.

226. Чудесные исцеления у гробницы великого праведника и чудотворца о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1910. 64 с.

1911

227. *Борис, иеромонах.* Путь к обновлению духовного училища и семинарии и обновляющий образ пастырского настроения. Зарайск, 1911. 14 с.

228. *Воробьев В.* Наблюдения и впечатления от молитвенного общения с о. Иоанном Кронштадтским. Саратов, 1911.

229. *Духонина Е.* Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский. СПб., тип. М. П. Фроловой, 1911. 329 с.

230. *Земляницкий Транквиллин, свящ.* О. Иоанн Кронштадтский в селе Ильинской пустыни Космодемьянского уезда. Казань, 1911. 4 с.

231. *Ильменский С. П., свящ.* Памяти незабвенного молитвенника Русской Церкви, дорогого батюшки о. Иоанна Кронштадтского. Саратов, 1911. 6 с. // Оттиск из «Саратовского духовного вестника», 1911, № 5.

232. *Ильменский С. П., свящ.* Размышления о посте и воздержании по руководству дневника о. Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе». Саратов, 1911. 4 с.

233. Исцеления у гробницы о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1911.

234. Кончина и погребение о. Иоанна Кронштадтского. Рассказ очевидца. Надгробная речь протоиерея Ф. Орнатского. Отзывы печати об отце Иоанне. Стихотворения, посвященные памяти о. Иоанна. Изд. 2-е. СПб., 1911. 87 с.; ил.

235. Краткая биография протоиерея о. Иоанна Ильича Сергиева (Кронштадтского). СПб., 1911. 88 с.; ил.

236. *Левашов Н. И., прот.* Новые исцеления двух бесноватых, совершившиеся 11 и 13 февраля сего года в Санкт-Петербургском Иоанновском женском монастыре по молитвам великого праведника отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1911.

237. *Левашов П. Н., прот.* Памяти доброго русского пастыря, протоиерея Иоанна Ильича Сергиева (Кронштадтского). СПб., изд. журн. «Доброе Слово», 1911. 62 с.

238. *Макушев В. В.* Всем православным христианам духовное наследство отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1911. 16 с.

239. *Орнатский И. Н. прот.* Несколько воспоминаний об о. Иоанне Кронштадтском. Как подражал батюшка своему небесному покровителю — преподобному Иоанну Рыльскому. СПб., 1911. 16 с. Изд. 2-е, испр. — СПб., 1911. 16 с.

240. О. Иоанн Кронштадтский — друг трезвости. Изд. 2-е. СПб., 1911. 32 с.

241. Пастырский венок дорогому батюшке о. Иоанну Кронштадтскому. СПб., 1911. 185 с., ил. Изд. 2-е — Джорданвилль, 1958. 320 с.; ил.

242. *Шараевский. Н. А.* Мысли о. Иоанна Кронштадтского о вере и жизни христианской. (Параллель между о. Иоанном Кронштадтским и гр. Л. Н. Толстым.) Речь, произнесенная 19 декабря 1910 г. Киев, 1911. 44 с.; портр.

243. Чему учил нас о. Иоанн Кронштадтский. Полтава, 1911. 4 с.

244. Чудесные исцеления у гробницы великого праведника и чудотворца о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1911. 80 с.; ил.

245. *Платонова А.* Пастырь-молитвенник. Очерк жизни о. Иоанна Кронштадтского. Чтение со световыми картинами. СПб., 1912. 34 с.; ил.

246. Последние дни и блаженная кончина о. Иоанна Кронштадтского. Высочайший рескрипт и чудеса у гробницы. СПб., Графический ин-т бр. Лукшевич, 1911. 112 с.; ил. Изд. 2-е — СПб., 1911. 120 с.; ил.

247. *П[устошкин] В.* Подражайте в вере Божией отцу Иоанну Кронштадтскому! СПб., книжн. торг. М. П. Брезгина, 1911. 16 с.; ил.

248. *Пустошкин. В. Ф.* Правда дороже золота. СПб., 1911. 48 с.; ил.

249. Сборник стихов, в разное время посвященных настоятелю Кронштадтского Андреевского собора митрофорному протоиерею, члену Святейшего Синода о. Иоанну Ильичу Сергиеву. СПб., 1911.

250. *Тарасов Иоанн.* Об отце протоиерее Иоанне Ильиче Сергиеве Кронштадтском по личным воспоминаниям. Ко 2-й годовщине со дня смерти. Курск, 1911. 50 с.

1912

251. *Ильменский С. П., прот.* Отец Иоанн Сергиев и граф Лев Толстой. Саратов, 1912.18 с.

252. Предсказание праведника Божия отца Иоанна Кронштадтского исполнилось. СПб., 1912. 100 с.

253. *Трофимов Ф.* Добрый путь. СПб., тип. Училища глухонемых, 1912. 24 с.; ил.

254. Чудесные знамения по молитвам о. Иоанна Кронштадтского. Вып. 2. СПб., изд. Иоанновского женского монастыря, 1912. 32 с.; ил.

1913

255. *Васильев Н. И.* Чудеса Божии в наши дни. СПб., 1913. 16 с.

256. Детство отца Иоанна Кронштадтского. СПб., печатня «Усердие», 1913. 24 с.; ил.

257. *Калишевич Антоний, диакон.* Жизнь и деятельность протоиерея о. Иоанна Сергиева Кронштадтского. Почаев, 1913. 10 с.; ил.

258. Отец Иоанн Кронштадтский в Духовной академии. СПб., 1913. 10 с.; ил.

259. Отец Иоанн Кронштадтский как пастырь-благотворитель. СПб., печатня «Усердие», 1913. 24 с.; ил.

260. *Введенский Владимир, прот.* Испытания в жизни и отношение к ним по сочинению отца Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе». Прочитано в зале Белевского епархиального женского училища 31 марта 1913. Белев, тип. Глаголева, 1913. 22 с.

261. Отец Иоанн Кронштадтский в Духовной семинарии. СПб., 1913. 8 с.

262. *Серафим [Кузнецов], игумен.* Памяти о. Иоанна Ильича Сергиева (Кронштадтского). Томск, 1913. 16 с.

263. Тернии на пути отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1913. 28 с.; рис.

1914

264. *Гавриил (Воеводин), епископ.* Знаменательный сон. Из воспоминаний об о. Иоанне Кронштадтском. Житомир, 1914. 6 с.

265. Завет с священной гробницы приснопамятного о. Иоанна Кронштадтского. Ко дню пятилетия со дня его блаженной кончины (20 декабря 1908 г.). СПб., 1914. 32 с.; ил.

266. *Ильменский С. П., прот.* О. Иоанн Кронштадтский — путеводная звезда русских пастырей. (Новогодние благопожелания пастырям.) Саратов, 1914. 8 с.

267. *Левашов П. Н.* Взгляд о. Иоанна Кронштадтского на удовольствия. СПб., 1914. 16 с.

268. *Мигулин А. А.* Светлой памяти незабвенного Всероссийского пастыря о. Иоанна Кронштадтского. Астрахань, 1914. 14 с. // Оттиск из Астраханских епархиальных ведомостей за 1914 г. № 7–8.

269. Умершие слышат наши молитвы. К шестой годовщине со дня кончины о. Иоанна Кронштадтского. Пг., 1914.

270. Чудотворная сила молитв батюшки о. Иоанна. Вып. 3. СПб., 1914. 42 с.

1915

271. Беседы о. протоиерея Иоанна с настоятельницею Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игуменией Таисией. С присовокуплением описания некоторых особенных событий из жизни игумений Таисии. Изд. 2-е. Пг., 1915. 64 с.

272. *Витович. А.* Наследство о. Иоанна. Записки судебного пристава по охранительной описи имущества о. Иоанна Кронштадтского. Пг., тип. Степанова, 1915. 24 с.

273. Война и праведник. Сборник проповедей о. Иоанна Кронштадтского и статьи о нем. Пг., Невская тип., 1915. 52 с.

274. Отчет Виленского отделения «Общества в память отца Иоанна Кронштадтского» за 1913–1914 гг. Вильна, 1915. 30 с.

275. *Плотица А. Н.* О. Иоанн Кронштадтский. Его мнение об иноверцах и иностранцах. Из дневника врача. М., 1915. 28 с.

276. Правда дороже золота. Что говорят православные иерархи и иностранцы об о. Иоанне Кронштадтском. Изд. В. Ф. Пустошкина. Пг., 1915. 256 с.; ил.

277. *Пустошкин В. Ф.* Столп Православной Церкви, всенародно чтимый пастырь и праведник, священник Иоанн Кронштадтский. Пг., 1915. 844 с.; ил.

278. Суждения иностранцев об о. Иоанне Кронштадтском. Пг., тип. М. И. Фоминой, 1915. 16 с.

279. Чудесные исцеления по молитвам о. Иоанна Кронштадтского за последние годы. Пг., тип. М. И. Фоминой, 1915. 24 с.; ил.

1916

280. *Верховцева В. Т.* Воспоминания об отце Иоанне Кронштадтском его духовной дочери. Сергиев Посад, 1916. 28 с.

281. Житие и труды приснопамятного праведника о. Иоанна Кронштадтского. М., 1916. 64 с.

282. *Левитский П. П.* Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский. Некоторые черты из его жизни, главным образом, за 1902–1905 гг., по воспоминаниям служившего в то время в Кронштадте тюремного священника. Пг., 1916. 78 с.; ил.

283. О чудесах и чудесных исцелениях у гробницы о. Иоанна Кронштадтского. М., 1916, 32 с.

284. *Орнатский И. Н., прот.* Житие и труды приснопамятного протоиерея праведника о. Иоанна Кронштадтского. М., 1916. 64 с.; портр.

285. *Смирнов Ф. В.* Евхаристия или Таинство Св. Причащения, по учению о. Иоанна Кронштадтского. Пг., 1916. 32 с.

1917

286. *Никольский В.* Великий проповедник. Пг., 1917. 6 с.

287. Чудесные явления дивной милости Божией и благодатной помощи по молитвам приснопамятного батюшки о. Иоанна Кронштадтского. Собрание и издание Иоанновского женского монастыря. Вып. 4. Из записей 1910–1916. Пг., 1917. 78 с.; ил.

1918

288. Живой колос с Духовной нивы протоиерея Иоанна Ильича Сергиева-Кронштадтского. Выписки из Дневника за 1907—1908 гг. Посмертное 2-е изд. Пг., Синодальная тип., 1918. XVI + 159 с.; портр. Предисл.: П. Ивановский.

1929

289. О. *В[асилий] Ш[устин]*. Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах. Из личных воспоминаний. Белая Церковь (Югославия), 1929. 62 с.

1930

290. *Дубровский М.* Черный отец и желтые братцы. (Иоанн Кронштадтский, Иван Чуриков, Анисим Смирнов.) М., 1930.128 с.

1932

291. *Веньямин, архиепископ.* Учение о. Иоанна Кронштадтского о Божественной Литургии. Париж, Православное изд-во, 1932.

1938

292. *Методий, иеромонах.* Отец Иоанн Кронштадтский. Сливен, 1938.

293. *Сурский И. К. (Я. В. Ильяшевич).* Отец Иоанн Кронштадтский. Белград. Т. I. 1938. Т. II. 1941.

1939

294. *Четвериков Сергий, прот.* Духовный облик о. Иоанна Кронштадтского и его пастырские заветы. Париж, изд. бюллетеня «За Церковь», 1939.

1948

295. *Николаевский А.* Великий пастырь Земли Русской. Мюнхен, 1949. 94 с.

1949

296. *Арапова Д. А.* Жизнь отца Иоанна Кронштадтского, рассказанная для детей и юношества. Лондон, 1949. 40 с.

1951

297. *Соллогуб А. А., граф.* Отец Иоанн Кронштадтский. Жизнь, деятельность и избранные чудеса. Джорданвилль, изд. Св.-Троицкого монастыря, 1951.

1955

298. *Семенов-Тян-Шанский А., свящ.* Отец Иоанн Кронштадтский. Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1955. 380 с. Изд. 2-е — Париж, ИМКА-пресс, 1990. 380 с.

1958

299. 50-летие преставления св. Иоанна Кронштадтского. Джорданвилль, изд. Фонда св. Иоанна Кронштадтского, 1958. 320 с.

300. *Чижов П. М.* Отец Иоанн Кронштадтский. Джорданвилль, изд. Свято-Троицкого монастыря, 1958. 192 с.

1963

301. *Аверкий (Таушев), архиепископ.* Отец Иоанн Кронштадтский как пророк Божий, посланный России для вразумления. Джорданвилль, тип. преп. Иова Почаевского, 1963. 24 с.; портр.

1964

302. Житие святого праведного Иоанна Кронштадтского Чудотворца. Ко дню прославления 19 октября 1964 года. Джорданвилль, изд. Свято-Троицкого монастыря, 1964. 24 с.

1965

303. *Никон (Рклицкий), архиепископ.* Духовный облик Святого праведного протоиерея Иоанна Кронштадтского Чудотворца. Нью-Йорк, 1965. 64 с.

304. Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский Чудотворец. Мюнхен, 1965. 36 с.; портр.

305. *Месснер Е.* Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Буэнос-Айрес. Изд. газеты «Русское слово», 1965. 16 с.

1966

306. Житие св. праведного отца нашего Иоанна Кронштадтского. Джорданвилль, 1966. 30 с.

1980

307. *Сурский И. К. (псевд. Я. В. Ильяшевича).* Отец Иоанн Кронштадтский. Сан-Франциско, Свято-Ильинское изд. Т. I. 1979. 272 с. Т. II. 1980. 370 с.

1987

308. Св. Праведный о. Иоанн Кронштадтский. В мире молитвы. Комитет Русской Православной молодежи. Нью-Йорк, 1987. 198 + 206 с.

1991

309. *Гордиенко Н. С.* Кто такой Иоанн Кронштадтский. СПб., 1991. 16 с.

310. *Шустин В., прот.* Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах. Из личных воспоминаний. М., 1991. 48 с.

1992

311. Иоанн Кронштадтский. Неизданный дневник. Воспоминания епископа Арсения об отце Иоанне Кронштадтском. М., Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1992. 62 с.

312. Иоанн Кронштадтский. [Сборник воспоминаний]. Сост. сб. *В. А. Десятников*. М., 1992. 381 с.; ил.

1993

313. Акафист святому праведному Иоанну, Кронштадтскому чудотворцу. М., изд. отдел Московского Патриархата, 1993. 20 с.

1994

314. Добрый пастырь. Биография о. Иоанна Кронштадтского, письма к батюшке и воспоминания о нем. СПб., изд. Александро-Невской Лавры, 1994. 56 с.

315. *Ершов Н. М.* Дар чудотворной молитвы святого праведного о. Иоанна Кронштадтского. СПб., «Сатис», 1994. 36 с.

316. Святой Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. Сост. *С. Л. Фирсов*. М., Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994. 206 с.; ил.

1998

317. Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. Сборник. Сост. *А. Н. Стрижев*. М., «Отчий дом», 1998. 352 с.

1998

318. Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. М., Сретенский монастырь, 1998. 496 с.

Библиографию составил
А. Н. Стрижев

Содержание

От составителя 3
ЖИЗНЬ ОТЦА ИОАННА 9
Великий человек 9
Автобиография отца Иоанна 14
ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ 17
Предисловие 17
Краткая биография 17
Родина и родные отца Иоанна 29
Годы учения 36
Служитель Церкви 46
День в Кронштадте 65
Два дня в Кронштадте (из дневника студента) 86
Моя поездка в Кронштадт 86
Отец Иоанн 87
Общая исповедь 91
Служение отца Иоанна людям 95
Заключение 99
Около отца Иоанна Кронштадтского (по личным воспоминаниям В. Ильинского) 99
Записки почти неверующего 108
На пороге к священству 113
Маленькое примечание 125
Сотрудница отца Иоанна игумения Таисия 126
Размышления о письмах 159
Из воспоминаний игумении Таисии 163
МОИ ВОСПОМИНАНИЯ 172
1. Первое посещение 172
2. Общая исповедь 176
3. Другие встречи 177
ДВЕ БЕСЕДЫ ОТЦА ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО С ПАСТЫРЯМИ 179
ЧУДЕСА 185
Запись за дедушкой Колотовым 208
Новое чудо Иоанна Кронштадтского 208
Духовное чудо 220
ПОДВИГ ПРЕПОДОБНИЧЕСТВА 239
ОБРАЗ БОЖИЙ 251
О ДИАВОЛЕ 254
БОГОРОДИЦА ПРИСНОДЕВА 259
ИИСУС ХРИСТОС 262
ГРЕХ И БОРЬБА С НИМ 272
ПОКАЯНИЕ 277
БОРЬБА С СОБОЮ И ГРЕХОМ 282
ЧАСТНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВ ГРЕХА 286
ИСКУССТВО ИЗ ИСКУССТВ 288
ЧАСТОЕ ПРИЧАЩЕНИЕ ГРЕШНИКОВ 292
ЦЕРКОВЬ БОЖИЯ 297
ВНЕЦЕРКОВНОЕ ОБЩЕСТВО 311

ЛЮБОВЬ К ЛЮДЯМ ОТЦА ИОАННА ... 320
НИЩИЕ И БОГАЧИ ... 334
ОБЩАЯ ЖИЗНЬ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ... 350
ДОМ ТРУДОЛЮБИЯ ... 354
КРЕСТОНОШЕНИЕ ОТЦА ИОАННА ... 365
СКОРБИ БАТЮШКИ ... 390
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ... 405
ПОСЛЕДНИЕ ЗАПИСИ ОТЦА ИОАННА ... 416
МАТУШКА ОТЦА ИОАННА ... 417
Слово произнесенное настоятелем Кронштадтского собора протоиереем о. Александром Петровичем Поповым пред началом отпевания Елизаветы Константиновны Сергиевой ... 421
ДНЕВНИК ... 422
ТОМ I. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ ... 445
ТОМ II. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ ... 465
ТОМ III. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ ... 497
1905 год. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ ... 523
ПРОПОВЕДИ ЗА 1907 год ... 534
ДНЕВНИК «МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ» В ВЫДЕРЖКАХ ... 537
Предисловие ... 537
I. Отец Иоанн ... 538
II. О Боге и Троице ... 539
III. Господь Иисус Христос ... 545
IV. Благодать Св. Духа ... 554
V. Образ Божий ... 559
VI. Церковь Божия и Церковь Небесная ... 562
VII. Святые Тайны ... 569
VIII. О Священстве ... 578
IX. Вера, неверие и сомнение ... 601
X. Молитва ... 614
XI. О любви ... 630
XII. О скорби ... 635
XIII. Грехи и диавол ... 640
XIV. О кончине отца Иоанна ... 650
XV. Конец мира ... 658
XVI. Разное: о промысле, мире, смирении и прочем ... 664
XVII. «Живой колос» ... 670
XVIII. Заключительная глава ... 681
Послание Святейшего Патриарха Антиохийского и всего Востока Мелетия о. протоиерею Иоанну Ильичу Сергиеву ... 686
Свидетельство католика ... 686
О прославлении святых ... 688
Послесловие ... 692
ИМЯСЛАВИЕ ... 695
ОТЕЦ ИОАНН И ЛЕВ ТОЛСТОЙ ... 713
Летопись жизни святого праведного Иоанна Кронштадтского (Составил А. Н. Стрижев) ... 725
Библиография (Составил А. Н. Стрижев) ... 731

Митрополит Вениамин (Федченков)

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Редактор
Н. В. Светозарская

Директор издательства
Павел Роговой

Оформление
Елена Калинина

Верстка
Екатерина Белогорцева

Ответственный за выпуск
Александра Сыщикова

ЛР № 066242 от 25 декабря 1998 г.

Подписано в печать 21.01 2000. Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Печ. л. 47. + вклад.
Тираж 6000 экз. Зак. 29186

Издательство «Паломникъ»
Адрес издательства: 103030, Москва, Сущевская, 21.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
«Молодая гвардия»
Адрес типографии: 103030, Москва, Сущевская, 21.